1 КНИГА

Том 1
Том 2

Эдвард Карр

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Большевистская революция 1917-1923

ПРОГРЕСС

Значительная часть 14-томной работы одного из наиболее известных английских советологов Эдварда Карра – "История Советской России" – на русском языке публикуется впервые. Между тем она сама уже стала частью истории. И дело не только в том, какое место она заняла в исторической науке и историографии, посвященной Октябрьской революции и тому вполне самостоятельному периоду послереволюционного развития, который завершился 1929 годом – годом "великого перелома". Дело в том, что этот скрупулезный, профессионально добротный труд отразил взгляды, оценки, мнения того поколения людей – как зарубежных, так и советских государственных, политических, общественных деятелей, ученых и представителей широких народных масс, – что были современниками Октября и послеоктябрьских событий. Многие из них верили, пользуясь выражениями Карра, в "значительность ленинских свершений и их влияния на будущее".

1
КНИГА
Э. Карр
ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

КНИГА 1

Эдвард Карр

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Том 1
Том 2

Большевистская революция 1917-1923

ПРОГРЕСС

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Эдвард Карр

E.Carr

A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

1

The Bolshevik Revolution 1917 -1923

Volume one

London
Macmillan
1950

E.H.Carr 1950

E.Carr

A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

2

The Bolshevik Revolution 1917 -1923

Volume two

London
Macmillan
1952

E.H.Carr 1952

Эдвард Карр КНИГА **1**

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Большевистская революция 1917-1923

Том 1
Том 2

Москва
Издательство "Прогресс"
1990

ББК 63.3(2)711.2

К 26

Переводчики:

Вольская З.П.

Захарова О.В.

Кольцов Н.Н.

Художник *Егоров Ю.Н.*

Редакторы:

Носова М.Ф.

Суровов В.А.

К $\frac{0503020000-468}{006\ (01)-90}$ КБ-39-5-90

ББК 63.3(2)711.2

ISBN 5-01-002968-5

Редакция литературы по современной политологии и международным отношениям

© Издательство "Прогресс"

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Вступительное слово к русскому изданию 9

Том 1

Предисловие 17

Часть I
ЧЕЛОВЕК И ОРУДИЕ

Глава 1. Основы большевизма 23
Глава 2. Большевики и меньшевики 42
Глава 3. 1905 год и последующие годы 57
Глава 4. От Февраля к Октябрю 75

Часть II
КОНСТИТУЦИОННАЯ СТРУКТУРА

Глава 5. Две революции 101
Глава 6. Конституция РСФСР 115
Глава 7. Укрепление диктатуры 135

Глава 8. Власть партии 157
Глава 9. Партия и государство 178
Приложение А. Ленинская теория государства . . . 191

Часть III
РАСПАД И ВОССОЕДИНЕНИЕ

Глава 10. Политика. Теория. Аппарат 209
а) Основы политики 209
б) Теория в развитии 214
в) Аппарат 226
Глава 11. Самоопределение на практике 234
а) Западные окраины 234
б) Восточные окраины 252
в) Средняя Азия 263
г) Республики Закавказья 270
д) Сибирь 278
Глава 12. Итоги самоопределения 288
Глава 13. Через союз к федерации 301
Глава 14. Конституция СССР 316
Приложение Б. Большевистская теория самоопределения наций
а) Предпосылки: XIX век 325
б) Большевистская теория самоопределения наций до 1917 г. 331
ПРИМЕЧАНИЯ 342

Том 2

Предисловие 403

Часть IV
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

Глава 15. Теории и программы 407
Глава 16. Воздействие революции 426

Глава 17. Военный коммунизм 521
Глава 18. От военного коммунизма к НЭПу 611
Глава 19. НЭП: первые шаги 620
Глава 20. Начало планирования 679
ПРИЛОЖЕНИЯ 697
Приложение В. Маркс, Энгельс и крестьянин 699
Приложение Г. Рабочий контроль на железных дорогах 709
ПРИМЕЧАНИЯ 713

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Значительная часть 14-томной работы одного из наиболее известных английских советологов Эдварда Карра – "История Советской России" – на русском языке публикуется впервые. Между тем она сама уже стала частью истории. И дело не только в том, какое место она заняла в исторической науке и историографии, посвященной Октябрьской революции и тому вполне самостоятельному периоду послереволюционного развития, который завершился 1929 годом – годом "великого перелома". Дело в том, что этот скрупулезный, профессионально добротный труд отразил взгляды, оценки, мнения того поколения людей – как зарубежных, так и советских государственных, политических, общественных деятелей, ученых и представителей широких народных масс, – что были современниками Октября и послеоктябрьских событий. Многие из них верили, пользуясь выражениями Карра, в "значительность ленинских свершений и их влияния на будущее", считали Сталина "великим деятелем" и "великим исполнителем марксистского завещания". И в этом их не смогли поколебать даже горькие прозрения конца 50-х и всех последующих годов. Нашли место в этих книгах и противоположные взгляды, аргументированные и обоснованные. Подвергнутые тщательному анализу, они предстают перед нами в рельефной форме, как бы "венчаемые" собственными весьма диалектичными суждениями автора монументального произведения.

Карр прожил долгую жизнь. Он родился в 1892 г. Получил образование в одном из кембриджских колледжей. Двадцать лет, с 1916 по 1936 г., отдал дипломатической службе. Был в аппарате английской делегации на Версальской мирной конференции. В системе британского министерства иностранных дел впервые соприкоснулся с историей и политикой СССР. Некоторое время занимал должность советника по делам Лиги наций. Четыре года провел в Риге, где был вторым секретарем английской миссии. В 1936 г. – после того как вышел в отставку – занялся научно-преподавательской деятельностью, став профессором университета Аберистуит в Уэльсе. Среди его первых научных работ – очерки о Марксе, Бакунине, Достоевском, Герцене, две книги по истории международных отношений в послеверсальский период.

Вторая мировая война оторвала его от привычных занятий. С 1940 по 1946 г. Карр – заместитель редактора крупнейшей и одной из старейших (с 1785 г.) ежедневных лондонских газет "Таймс", тесно связанной с правительственными кругами.

Уйдя из журналистики, пятидесятичетырехлетний дипломат, ученый, публицист целиком посвящает себя "рискованному предприятию" – созданию "Истории Советской России". Он ставит перед собой задачу "написать не хронику революционных событий (это многие уже сделали), а историю политического, социального и экономического устройства, которое возникло в результате этих событий". Гигантский труд, сделавший его особо знаменитым, занял более четверти века – Карр приступил к реализации своего замысла в конце 40-х годов, а завершил в 1978 г.

Примерно с середины работы, столкнувшись с огромным объемом материала, касающегося экономической истории СССР, Карр привлек к сотрудничеству доктора Р. Дэвиса, написавшего в Кембриджском университете диссертацию "Развитие советской бюджетной системы". Вместе они проработали девять лет. Итогом этого стала подготовка 9 и 10 томов. Ныне, как бы завершая экономический аспект исследования своего учителя и друга, Дэвис выпускает четвертый том (первые три уже опубликованы) собственного многотомника "Индустриализация Советской России". С большой признательностью Карр отзывался и еще об одном своем добровольном помощнике. Речь идет о Тамаре Дойчер, о которой Карр говорил, что не представлял себе, как мог бы завершить свой труд без ее помощи.

Смерть маститого девяностолетнего ученого в 1982 г. историки многих научных центров мира почтили специальными статьями. Не было их лишь в советской периодике. Тщетно искать их и в Советской Исторической Энциклопедии и даже в новейшем Советском Энциклопедическом Словаре.

По доперестроечным меркам Карр автоматически попадал в разряд фальсификаторов, о которых писать не полагалось ничего, кроме хулы. По нынешним это – честный, объективный ученый, придерживающийся либеральных принципов и стремящийся на базе изучения огромного исторического материала создать адекватную картину отображаемой эпохи и ее действующих лиц, способствовать трезвому и реалистичному восприятию СССР, лучшему пониманию великих социальных процессов XX века. Карр сумел показать исследуемые события и явления во всей их противоречивости и диалектической взаимосвязи. Следует также отметить, что Карр, как и многие другие, находился под сильным воздействием успехов Советского Союза в социально-экономической области, роста авторитета и могущества СССР, его влияния на международной арене как в рассматриваемый, так и в послевоенный период. К нему в полной мере применимы его собственные слова: "Историк – человек своего времени и привязан к нему условиями своего существования как человек".

В лекциях, прочитанных в Кембриджском университете в 1961 г. (тогда же они были собраны в прекрасную, но пока малоизвестную советскому читателю книгу под названием "Что такое история?"), Карр подчеркнул: "Историк – часть истории ... продукт истории". И далее: "Историк отражает общество, в котором он работает". Касаясь развития собственных воззрений, он заметил: "Я глубоко уверен в том, что, если кто-нибудь возьмет на себя труд проследить, что я писал до, во время войны и после нее, ему будет совсем не сложно убедить меня в противоречиях, по крайней мере так же бросающихся в глаза, как и те, которые я обнаружил у других. Более того, я не уверен, что позавидую любому историку, который мог бы всецело претендовать на то, что он прожил во времена потрясающих событий последних 50 лет без определенных радикальных изменений своих взглядов... Не только события постоянно меняются. Сам историк постоянно меняется. Когда вы берете историческое сочинение, недостаточно посмотреть на имя автора на титульном листе: посмотрите также на дату публикации или написания работы – иногда это имеет большее значение. Если философ прав, что мы никогда не сможем дважды войти в одну и ту же реку, то, видимо, верно и то, что две книги не могут быть написаны абсолютно одним и тем же историком".

В оригинале труд Карра состоит из четырнадцати томов, вбирающих в себя четыре работы: "Большевистская революция. 1917–1923" (тома первый-третий), "Междуцарствие. 1923–1924" (том четвертый), "Социализм в одной стране. 1924–1926" (тома пятый-восьмой), "Основы плановой экономики. 1926–1929" (тома девятый-четырнадцатый). Издательство "Прогресс" – в качестве первого шага по ознакомлению советской общественности с этим объемным трудом – публикует семь отдельных томов произведения Карра, сгруппировав их в четыре книги, первая из которых включает тома 1 и 2 "Истории Советской России", вторая – тома 4 и 5, третья – том 6, а четвертая – тома 9 и 11.

Карр, видимо, не задавался задачей показать, каким образом наша страна, не завершив переходного периода, свернула на боковую, во многом тупиковую ветвь общественного развития. Но объективно это удалось ему сделать.

Правда, сам историк убежден, что, невзирая на серьезные искажения, внесенные сталинизмом в ход революционных преобразований, политика Сталина в главном явилась закономерным продолжением дела Октябрьской революции 1917 года. Одновременно Карр искренне разделял представления тех ученых Запада, которые долгие годы, как справедливо подчеркивает известный американский историк Стивен Коэн, весьма активно противостояли утверждениям, будто преступления Сталина были в природе большевизма и продолжали ленинско-большевистскую традицию[1].

[1] См.: *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография: 1888–1938. М., Прогресс, 1988, с. 17.

Карр не отрицал мрачных сторон советской реальности. Но пытался объяснить их тем, что "поставленная цель и предлагаемые методы ее достижения" находились "в чудовищном противоречии друг с другом", а это "в свою очередь отражало огромные усилия, необходимые для победы социалистической революции в отсталой стране". Примечательно его утверждение, что Сталин, "невзирая на все преграды и все оппозиции", осуществил "индустриализацию своей страны при помощи интенсивного планирования" и тем самым доказал "правильность марксистской теории" ("но при этом так далеко отошел от постулатов марксизма, что был близок к их полному отрицанию") и "сделал Советский Союз равным партнером великих держав западного мира".

В работе затрагивается и проблема возможных альтернатив сталинскому курсу, ставшему трагическим для революции и страны. Карр принадлежал к числу тех, кто сводил ее к выбору между сталинизмом и троцкизмом. Не вдаваясь в подробное рассмотрение данной темы, отметим, что это обстоятельство печально сказалось на освещении в работе позиции Н.И. Бухарина. Главу о бухаринской оппозиции он счел возможным назвать в духе "Краткого курса истории ВКП(б)". Ярлык "правого уклона" используется им без каких-либо оговорок. Недаром Карр был одним из самых решительных критиков книги С. Коэна о Бухарине. Да и с троцкизмом дело обстоит гораздо сложней и серьезней, чем это прописано в карровском многотомнике.

Возникает вопрос: а нужно ли вообще переиздание труда, в своих главных посылках в чем-то противостоящего тем, набирающим силу с конца 80-х годов исследованиям, цель которых – сугубо критический анализ прошлого? Не подкрепит ли, во мнении широкой читающей публики, этот хорошо систематизированный и блестяще организованный материал суждения стойких защитников неких "незыблемых принципов"? Не расширит ли систему доказательств тех, кто выводит сталинизм из доктринальных основ социалистической мысли? Не подорвет ли позиции тех, кто, пока лишь робко, но все более весомо и обоснованно утверждает, что созданное в нашей стране общество не может считаться социалистическим, если в нем не преодолено отчуждение работника от средств производства? Не помешает ли это пониманию того, что внедрение основ плановой экономики нельзя считать только благом, если первый в мире опыт плановой организации хозяйственной жизни оказался отягощенным малоподвижной экономической структурой, всеобщим огосударствлением, отсутствием подлинно демократических институтов?

Но все эти вопросы отступают перед осознанием необходимости – ради разрушения старых схем, догм и стереотипов – беспристрастного и честного анализа историографии советской истории. Во всей полноте. Включая и отечественную и зарубежную литературу, в том числе литературу русского зарубежья, на всех,

без исключения, этапах ее развития. При этом обойти удивительный по размаху и богатству материала многотомный труд Карра, справедливо считающийся классическим, никак нельзя. Не зная его, нелегко суммировать достижения и просчеты исторической науки, определить новые направления, сюжеты и повороты, казалось бы, хорошо известных тем и проблем.

Труд Карра не имеет зарубежных аналогов по многоплановости затронутых вопросов. Каждая часть того или иного тома носит характер монографической разработки группы связанных проблем, будь то различных аспектов трех русских революций, становления и развития российской социал-демократии и ее основных течений в первом томе или характеристики правящей партии – в одиннадцатом. В свою очередь анализ детализируется в главах, дополняется материалами приложений. Сквозной метод рассмотрения вопросов позволяет Карру менять акценты в их раскрытии, а читателю – видеть развитие не только проблемы, но и взглядов автора. Карр не стесняется возвращаться к сюжетам, пропущенным им ранее. Тем самым он дает прекрасную возможность оказаться в лаборатории исследователя. Увидеть и понять, как идет работа историка.

Карр посвящает читателя и в углубление своих первоначальных представлений и замыслов, подчеркивая в девятом томе, как трансформировалась, к примеру, общая цель работы, изложенная в предисловии к первому тому. Дает свое обоснование изменению хронологических рамок труда, которые ранее намеревался ограничить 1928 годом. Объясняет, почему считает 1929 год переломным, положившим начало новому, "мрачному периоду советской истории". Словом, он не только вводит в свою творческую лабораторию, но и дает возможность понять, как в зависимости от историографической ситуации менялась трактовка и оценка анализируемого им материала.

Нельзя не отметить и того, что книга Карра, использовавшего опубликованные источники, до сих пор служит укором многим историкам, сетующим (хотя и справедливо) на отсутствие полной возможности работы в архивах. Он с блеском продемонстрировал, сколь много может дать педантичное изучение прессы – центральной и местной: газет, журналов, различных еженедельников, вестников, в том числе специализированных и ведомственных. Мимо его внимания не прошел ни один стенографический отчет партийных съездов и конференций, союзных и республиканских съездов Советов, сессий их ЦИКов, профессиональных союзов, молодежных, женских и других организаций, конгрессов Коминтерна, крупных союзных, региональных и отраслевых совещаний. Им использованы многочисленные собрания узаконений СССР и республик, сборники декретов, установлений и приказов по народному хозяйству, статистические, энциклопедические и партийные справочники разных лет. Досконально изучены работы Маркса, Энгельса и Ленина, их политических оппонентов, а также деятелей партии и Совет-

ского государства, включая тех, кого долгое время в послеленинской истории СССР игнорировали. Столь же свободно Карр владеет широким диапозоном литературы: исторической, экономической, философской. В равной степени – советской и мировой. Со всей наглядностью английский историк демонстрирует ценность уважительного отношения к письменным источникам предшествующих времен. Многим он поможет и в ликвидации своеобразной исторической неграмотности, дав определенную систему представлений и о канве событий, и об обилии открыто хранящегося, и, к сожалению, плохо используемого материала.

Следует отметить и еще два момента, отличающие работу Карра и объясняющие важность появления ее в русском переводе. Несмотря на внешнюю сухость изложения, некоторые неточности и ошибки в фактологии и оценке событий, она носит четко выраженный авторский характер и написана доступным языком.

Читателя ждет знакомство с трудом значительным по масштабам освещаемых событий, по содержащемуся в нем фактическому материалу, продуманности его изложения, глубине размышлений.

Конечно, не все согласятся с автором в трактовке событий и лиц, документов и решений. Каждый сам оценит то, что прочтет, сравнит с теми новыми фактическими данными и новыми оценками, которыми столь богато наше бурное время.

Выпуск русского перевода работы Э. Карра – прекрасный подарок всем нам к 100-летнему юбилею автора, признанного классика английской историографии.

А.П. Ненароков,
доктор исторических наук

Август 1990 года

Эдвард Карр

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

1

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. 1917–1923

Том 1

Edward Carr

A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

1

THE BOLSHEVIK REVOLUTION 1917–1923

Volume one

© E.H. Carr 1950

London
Macmillan
1950

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всем понятно, как безрассудна попытка написать историю России, начиная с Октябрьской революции 1917 г., и тот, кто снисходительно относится к самой этой попытке, быть может, простит и недостатки, допущенные при ее осуществлении. История Советской России, написанная англичанином, у которого нет ни марксистской подготовки, ни российского происхождения, может показаться особенно рискованным предприятием. Но оно оправдано необходимостью заполнить широкий и явный пробел. Книги о Западной или Центральной Европе, написанные в Великобритании и Соединенных Штатах, часто портит невольная уверенность их авторов в том, что политику и институты, скажем, Франции, или Италии, или Германии можно понять по аналогии с Великобританией или Америкой. Мерить Россию Ленина, Троцкого и Сталина мерками, взятыми у Англии Макдональда, Болдуина и Черчилля или у Америки Вильсона, Гувера и Франклина Рузвельта, не решится ни один здравомыслящий человек. Перед историком, пишущим о Советской России, на каждом этапе его работы с особой настоятельностью будет вставать двойная задача, возникающая перед каждым серьезным историком: сочетать образное представление о взглядах и целях dramatis personal* с трезвой оценкой всеобщего значения того, что произошло.

Я стремился написать не хронику революционных событий (это многие уже сделали), а историю политического, социального и экономического устройства, которое возникло в результате этих событий. Имея в виду эту цель, я представлял себе длинную вступительную главу, где было бы проанализировано устройство советского общества, сложившегося к моменту окончательного ухода Ленина от политической деятельности весной 1923 г., – ухода, почти совпадающего с образованием Союза Советских Социалистических Республик. Но по зрелом размышлении оказалось, что эта схема до смешного не соответствует значительности ленинских свершений и их влияния на будущее. Глава вскоре была преобразована в книгу и в ходе написания выросла в большую работу из трех томов, озаглавленную "Большевистская революция. 1917–1923". Первый том содержит три части. Работа над вторым томом, в который входит часть IV ("Экономический порядок"), и третьим томом, включающим часть V ("Советская Россия и внешний мир"), значительно про-

*Персонажей драмы *(лат.)*. – *Прим. ред.*

2–1315

двинулась, и они будут готовы к публикации в будущем году. Вторая часть всего исследования будет озаглавлена "Борьба за власть. 1923–1928".

Работа "Большевистская революция. 1917–1923" будет сама по себе носить законченный характер, но в ней тем не менее заключена возможность стать начальным этапом более крупного труда. Содержанием работы должна стать не подробная летопись событий данного периода, а анализ тех событий, которые определили основные направления дальнейшего развития. Например, читатель не найдет здесь последовательного описания гражданской войны, хотя у меня было много поводов рассмотреть ее ход и последствия, особенно в части III настоящего тома, и немало еще будет в части V. С другой стороны, я не колеблясь посвятил первые главы тем событиям и спорам, происходившим до 1917 г., которые, даже если их ближайшие последствия были, по-видимому, невелики, сыграли важную роль в дальнейшей истории революции. "Десять дней, которые потрясли мир" Джона Рида (1919) и "Мои воспоминания о русской революции" М. Филипс Прайса (*M. Philips Price.* My Reminiscences of the Russian Revolution. 1921) дают живую картину самой революции, а те, кого интересует подробное описание на английском языке периода гражданской войны, смогут его найти в двухтомнике Чемберлина "История русской революции, 1917–1921 гг." (*W. H. Chamberlin.* History of the Russian Revolution, 1917–1921. 1935).

В работе над произведениями по современной истории есть свои опасности. Но я никогда не был уверен, что историка, пишущего о более отдаленном прошлом, не подстерегают бóльшие опасности: свидетельства со временем исчезают, ветшают, время сокращает их до такого количества, которое историк в состоянии охватить, но это отнюдь не значит, что сохраняются самые ценные. Обычно полагают, что перед историком, пишущим о Советской России, стоят особые трудности из-за малочисленности или ненадежности источников. Если в период после 1928 г. можно этому найти подтверждения, то рассматриваемый нами здесь период не дает оснований так утверждать: материалов о нем множество и в целом в них с исключительной откровенностью сообщаются факты и выражаются мнения.

Нынешние советские власти поступают неправильно, не давая возможности некоммунистам, которые изучают их историю и институты, приезжать в СССР и работать в библиотеках: мне пришлось в основном пользоваться библиотеками других стран. Наиболее ценные для моей темы материалы имеются в библиотеках Соединенных Штатов. Поэтому я выражаю глубокую благодарность Институту фундаментальных научных исследований при Принстонском университете, Колумбийскому университету и Стэнфордскому университету за предоставленную мне возможность посетить Соединенные Штаты в 1948 г. и

свободно ездить по стране. В библиотеках Колумбийского, Гарвардского и Стэнфордского университетов, а также Нью-йоркской публичной библиотеке и Библиотеке конгресса богато представлены советские материалы. Я благодарен библиотекарям и другим сотрудникам всех этих учреждений, которые с готовностью мне помогали и давали советы при подборе материалов.

Основная часть моей работы проделана в Англии, и, хотя многое надо сделать, прежде чем в наших крупных университетах будут созданы достаточно благоприятные условия для изучения советской истории, мне, к счастью, очень помогли друзья, а несходство наших мнений лишь способствовало прояснению моего собственного. Исаак Дойчер полностью прочитал мою рукопись. Задаваясь бесчисленными вопросами по поводу фактов и их интерпретации, я имел возможность воспользоваться его глубокими знаниями и советами. Э. Ротштейн, преподаватель Школы по изучению славянских стран и стран Восточной Европы при Лондонском университете, прочитал несколько глав и сделал ценные замечания, в том числе критические. Д-р Р. Шлезинджер с факультета по изучению социальных и экономических институтов СССР Университета в Глазго таким же образом работал над главой и примечаниями о взглядах большевиков на проблему самоопределения наций, а Ракмилевич – над первыми двумя главами, посвященными начальному этапу истории партии. Джейн Деграс прочла весь том в гранках и внесла много поправок, относящихся и к форме, и к содержанию. Д-р Илья Нойштадт, в прошлом сотрудник библиотеки Лондонской школы экономических прогнозов, а сейчас преподаватель Университетского колледжа в Лестере, был моим неоценимым гидом среди обширных богатств библиотеки, умелым помощником в моих поисках. Дж. Ч. У. Горн из Британского музея, д-р Левенсон, библиотекарь Института славянских исследований, и сотрудники библиотеки Королевского института международных отношений также оказывали помощь, учтиво и безотказно, при моих бесконечных поисках нужных книг.

В своем "Предисловии" я не могу выразить в полной мере, как я им всем благодарен. В данном случае, быть может, менее, чем обычно, требуется предупредить, что те, кто мне помогал или давал советы, не несут ответственности за мои взгляды или ошибки: вряд ли кто-нибудь из них согласится со всем, что я написал. Но моя благодарность от этого не менее искренна и глубока. Я хотел бы также воспользоваться случаем и выразить благодарность моим издателям за то, что они дали мне возможность предпринять это долгосрочное исследование.

Остается упомянуть ряд технических деталей. Даты событий, совершавшихся в России до 25 октября (7 ноября) 1917 г., даются по принятому в то время юлианскому календарю, а тех, что происходили вне России, – по западному календарю. В тех

случаях, когда возможна путаница, я уточняю, каким календарем пользуюсь. Даты событий, совершавшихся в России между 25 октября (7 ноября) 1917 г. и 1 (14) февраля 1918 г. (когда в России был принят западный календарь), даются и по новому и по старому стилям. События, происходившие после 1 (14) февраля 1918 г., даются по западному календарю.

Что касается библиографических сведений к этому тому, то я надеюсь, их достаточно содержится в примечаниях. Нет ни одного полного издания трудов Маркса и Энгельса на тех языках, на которых они были написаны. Из запланированного полного собрания историко-критических сочинений (Historisch – Kritische Gesamtausgabe) под эгидой Института Маркса – Энгельса – Ленина опубликовано всего семь томов части I (ранние произведения) и четыре тома части III (письма Маркса и Энгельса). Я использовал их по мере надобности. В других случаях я пользовался фактически завершенным русским переводом, также опубликованным Институтом Маркса – Энгельса – Ленина. Из трудов Ленина я пользовался 2-м изданием (с которого было перепечатано третье издание), предпочтя его все еще неполному 4-му изданию, в котором опущены почти все подробные и содержательные примечания. Из трудов Сталина имелись первые 12 томов (из 16 запланированных), когда эта моя книга пошла в печать. Собрание сочинений Троцкого в ходе его издания в Москве в период 1925–1927 гг. не было завершено, но я использовал включенные в него документы. Речи Ленина и Сталина на съезде партии, съездах Советов и т. д., как правило, цитируются по собраниям сочинений, а не по официальным протоколам съездов, к которым у рядового исследователя меньше доступа; копии в тех местах, где я проверил, оказались вполне надежными. Цитаты из выступлений других деятелей приведены по официальным протоколам. Из-за неполноты подшивок советских газет в стране (а порой и неразборчивости самого текста), мне иногда приходилось цитировать по вторичным источникам без проверки. Если цитируемый источник не входил в собрания сочинений Маркса – Энгельса, Ленина, Троцкого или Сталина, то я указывал дату его публикации. Место публикации указывалось лишь тогда, когда могла возникнуть неясность: предполагается, что сочинения на английском языке изданы в Лондоне, если не указано другое место издания и если особенности работы (например, официальное издание "Foreign Relations of the United States") не делали указание места публикации излишним. Обычай использования сокращенных названий советских учреждений удобен, и мне не хотелось от него отказываться, но я всегда указывал полное название учреждения при первом упоминании.

Э. Х. Карр

20 апреля 1950 г.

I часть

Человек и орудие

Глава 1

ОСНОВЫ БОЛЬШЕВИЗМА

Начало будущей Российской коммунистической партии (большевиков), позднее – Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), положил маленький съезд, состоявшийся в Минске в марте 1898 г., в котором участвовало всего девять человек. На съезде была основана Российская[1] социал-демократическая рабочая партия.

Девять делегатов представляли местные организации Петербурга, Москвы, Киева и Екатеринослава, а также "Общееврейский рабочий союз в России и Польше", известный под названием Бунд. Съезд продолжался три дня – с 1 по 3 марта 1898 г. На нем был избран Центральный Комитет и принято решение издавать партийную газету. Больше ничего сделать не удалось, поскольку полиция арестовала всех основных участников съезда. Так что, в сущности, от этой первой попытки осталось лишь общее название ряда местных комитетов и организаций, у которых не было ни общего центра, где бы они могли собираться, ни других способов поддерживать связь друг с другом. Никто из девяти делегатов первого съезда не сыграл ведущей роли в дальнейшей истории партии. "Манифест Российской социал-демократической рабочей партии", выпущенный после роспуска съезда, был разработан марксистом Петром Струве. Этот документ явился наиболее существенным наследием из всего, что оставил съезд последующим поколениям.

В "Манифесте" после упоминания о "живительной буре революции 1848 года", которая пронеслась над Европой 50 годами ранее, отмечалось, что российский рабочий класс "совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний". Эти блага являлись необходимым условием в борьбе рабочего класса "за свое конечное освобождение, против частной собственности и капитализма – за социализм". В России условия были иными:

"Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс

должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата – к созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком"[2].

Таким образом, в этом документе ясно выражена мысль о необходимости двух этапов революции – буржуазно-демократического и пролетарско-социалистического, – заложенная в "Коммунистическом манифесте" 50 годами ранее. Большим достоинством "Манифеста" Струве было то, что в нем впервые в истории указывалось на основную дилемму русской революции – неспособность русской буржуазии осуществить свою собственную революцию и вытекающее отсюда расширение роли русского пролетариата до принятия им на себя руководства буржуазно-демократической революцией. Впоследствии этот документ был подвергнут критике, так как в нем совсем не упоминалось о диктатуре пролетариата и не указывались средства, с помощью которых пролетариат мог бы выполнить свою миссию. Следовательно, "Манифест" был скорее теоретической разработкой, чем программой действий.

Съезд в Минске был первой согласованной попыткой создать российскую марксистскую партию на российской почве. В течение предыдущих 30 лет ведущими революционерами в России были народники – общее название ряда сменявших друг друга революционных групп, которые верили в теорию крестьянской революции и в практику индивидуального террора против представителей самодержавия.

В конце 70-х годов XIX века молодой революционер по фамилии Плеханов порвал с народниками из-за расхождений по вопросу об индивидуальном терроре, который он отвергал, считая бесполезным. Он уехал за границу, стал марксистом и в 1883 г. основал русскую марксистскую группу в Швейцарии, названную "Освобождение труда". В течение последующих 15 лет Плеханов и его соратники, среди которых наиболее активными были Аксельрод и Вера Засулич, вели непрерывную борьбу против народников на страницах печати, отстаивая применимость к России марксистского тезиса о том, что революция может произойти лишь при условии развития капитализма и в результате борьбы промышленного пролетариата. Быстрое распространение в России заводов и фабрик в те годы, а также начало промышленных забастовок придали новое значение программе, которая прежде могла бы показаться утопической. В 90-е годы возникли первые марксистские группы в самой России, а в 1895 г. в Петербурге был организован "Союз борьбы за освобождение рабочего класса". Среди членов этого "Союза борьбы" был молодой и полный энтузиазма ученик Плеханова – Владимир Ильич Ульянов.

Владимир Ульянов родился в 1870 г. в Симбирске (который много лет спустя был переименован в Ульяновск) в семье мел-

кого служащего. Молодое поколение семьи с ранних лет восприняло революционные традиции. Когда Владимиру было 17 лет, его старший брат Александр был казнен за участие в заговоре с целью убийства Александра III. Владимир Ульянов учился в Казанском университете, где он увлекался идеями марксизма. В конце концов он был исключен из университета за революционную деятельность. В начале 90-х годов он приехал в Петербург заниматься юриспруденцией и совершенствоваться в марксизме. Ранние работы Ульянова были продолжением полемики Плеханова с народниками. Зимой 1894/95 г. он разъяснял новую работу Плеханова – "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю"[3] – в кружке восторженных молодых марксистов. Летом 1895 г. молодой Ульянов встретился со своим учителем в Швейцарии и, вернувшись в Петербург, вступил в "Союз борьбы за освобождение рабочего класса".

Но "Союз борьбы" интересовала не только теория. Ульянов, как и другие его члены, занимался распространением революционных брошюр среди фабричных рабочих. Это привело к тому, что в конце 1895 г. он был арестован и заключен на несколько месяцев в тюрьму, а затем сослан в Сибирь. Однако благодаря неопределенности полицейских предписаний его литературная деятельность продолжалась. В период ссылки в Сибири он обдумывал планы организации партии, причем основное значение придавал созданию партийной газеты, которая должна была издаваться за границей и тайно доставляться в Россию. Эти планы он обсуждал с Надеждой Крупской, которая приехала к нему в ссылку в Сибирь и стала его женой, с Кржижановским, тоже социал-демократом, с которым он вместе отбывал ссылку, а также с Потресовым и Мартовым, находившимися где-то в Сибири[4].

После освобождения из сибирской ссылки в начале 1900 г. Ульянов, Потресов и Мартов, собрав необходимые средства, отправились в Женеву, с тем чтобы начать сотрудничать с Плехановым. Вскоре было достигнуто соглашение. Общедоступный еженедельник под названием "Искра" и солидный теоретический журнал "Заря" должны были издаваться редакционной коллегией из шести человек. В нее вошли Плеханов, Аксельрод и Засулич, представлявшие группу "Освобождение труда", а также Ульянов, Потресов и Мартов.

Первый номер "Искры" вышел из печати в Штутгарте[5] 1 декабря 1900 г. Первый номер "Зари" появился 1 апреля 1901 г. Престиж и авторитет Плеханова, который считался старейшиной русских марксистов, создали ему – в его собственных глазах и в глазах других – славу гениального руководителя всего начинания. В предварительном объявлении об издании "Искры" были упомянуты только фамилии трех членов группы "Освобождение труда". Они были представлены как будущие сотрудники газеты, которая, очевидно, создавалась по проекту, разработанному Ульяновым в России[6]. И только эти же три фамилии –

Плеханов, Аксельрод и Засулич – были обозначены и на титульном листе "Зари". Фамилии трех более молодых издателей, которым еще надо было добиться признания, все еще оставались совершенно неизвестными. Ульянов, писавший больше всех из них, публиковал свои ранние работы под псевдонимами Ильин и Тулин. После отъезда из России он скрывался под псевдонимами Петров и Фрей. Впервые подпись *Ленин* появилась в декабре 1901 г. в журнале "Заря", где была опубликована статья Ульянова. Это событие приобрело символическое значение.

Именно в этот период впервые стало очевидно, что Ленин на голову выше своих коллег-издателей по энергии и ясности мысли. Он один точно знал, что надо делать – создать всеми признанный орган для пропаганды революционной теории и организованную революционную партию. Для выполнения первой задачи надо было, помимо других публикаций на страницах "Искры", обнародовать программу партии. Для осуществления второй задачи требовался созыв съезда партии, чтобы продолжить работу, начатую и прерванную в 1898 г. "Искра" была призвана, как сказано в предварительном объявлении о ее создании, придать разобщенному российскому социал-демократическому движению "определенную физиономию и организацию".

"Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд и мешающей его радикальному устранению. Понятно поэтому, что мы не намерены сделать наш орган простым складом разнообразных воззрений. Мы будем вести его, наоборот, в духе строго определенного направления"[7].

К середине 1902 г. "Искра" смогла представить своим читателям проект программы, в котором были старательно соединены взгляды более умеренного и осторожного Плеханова и более смелого и бескомпромиссного Ленина. Примерно в это же время Ленин опубликовал свою первую крупную работу, "Что делать?", посвященную революционной теории и революционной организации. В начале 1903 г. был в значительной мере подготовлен созыв съезда партии в Брюсселе в июле того же года.

"Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года"[8], – написал Ленин 20 лет спустя. Характер большевизма был обусловлен той полемикой, которая зародилась в самом начале его формирования. Благодаря гениальной ясности мысли, уверенной настойчивости и полемическому темпераменту Ленин сыграл в ней выдающуюся роль. Прежде чем открылся съезд, были одержаны победы в трех идеологических битвах. В отличие от народников Российская социал-демократическая рабочая партия считала движущей силой грядущей революции пролетариат, а не кресть-

янство. В отличие от "легальных марксистов" она призывала к революционным действиям и борьбе за социализм. В отличие от так называемых "экономистов" она выдвигала от имени пролетариата не только экономические, но и политические требования. Борьба с народниками была главным достижением Плеханова.

Первые русские революционеры 60-х годов XIX века, восприняв и осмыслив идеи, выраженные пионерами мысли 40-х годов, были материалистами в том смысле, в каком этот термин понимали просветители XVIII века, и радикалами в традициях Французской революции. Они не были связаны ни с русским крестьянством, ни с фабричными рабочими, тогда еще численно незначительными. Русские революционеры 70-х годов по-новому оценили русского крестьянина, видя в нем будущую главную силу русской революции, которая, таким образом, впервые обрела не только интеллектуальную, но и социальную значимость. Некоторые из них стали последователями Бакунина и обратились к анархизму и терроризму. Другие находились под влиянием идей Маркса (чьи работы начали проникать в Россию в 70-е годы), но толковали их по-своему, применительно к русской действительности. Они считали, что Россия, будучи преимущественно аграрной страной, минует западную стадию буржуазного капитализма и что специфическая русская крестьянская община позволит осуществить прямой переход от феодализма прошлого к коммунизму будущего.

Расхождения между революционными радикалами 60-х годов и народниками 70-х годов аналогичны знаменитому спору между западниками и славянофилами в других областях русской мысли. Западники утверждали, что России как отсталой стране предстоит учиться у Запада и проходить в своем развитии все этапы и стадии, пройденные Западом на пути к прогрессу. Славянофилы верили, что, несмотря на явную отсталость, Россия полна молодой энергии, возвышающей ее над декаденствующим Западом, что ей уготована особая, неповторимая судьба, которая позволит ей подняться над типичными пороками западной цивилизации.

Ранние работы Ленина, направленные против народников, в основном лишь разъясняли взгляды Плеханова. В самых первых работах он провозгласил с юношеским энтузиазмом свою революционную веру в пролетариат:

"На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, – тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ**

(рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**"[9].

В последнее десятилетие XIX века Витте и иностранные капиталисты стимулировали развитие русской промышленности и русского пролетариата и, таким образом, создавали условия, подтвердившие правоту идей Плеханова и Ленина. На революционном небосводе всходила звезда промышленного рабочего и угасала звезда крестьянина. И только в 1905 г. перед партией вновь остро встала проблема включения крестьянина в революционный процесс.

"Легальные марксисты" представляли собой небольшую группу интеллигентов, которые в середине 90-х годов прошлого столетия начали излагать марксистское учение в книгах и статьях в такой форме, которая позволяла обойти русскую цензуру. Быстрое распространение марксизма среди русских интеллигентов того времени было обусловлено интенсивным развитием русской промышленности и отсутствием буржуазной традиции или буржуазной политической философии, которые в России могли бы играть роль западного либерализма. Маркс считал развитие капитализма в феодальных условиях прогрессивным фактором. Зарождающееся в России среднее сословие принимало марксизм как идеологическую опору в борьбе против феодализма и самодержавия; точно так же, как в будущем марксизму предстояло привлечь на свою сторону растущий класс капиталистов в "отсталых" азиатских странах в качестве опоры в борьбе против иностранного империализма. Однако, приняв марксизм, русские интеллигенты из среднего сословия выхолостили из него непосредственное революционное содержание. Поэтому власти, которые все еще испытывали страх перед народниками как перед главной революционной партией, были не прочь проявлять терпимость к этим заклятым врагам народников, тем более что их программа, по-видимому, не содержала никакой непосредственной угрозы.

Выдающимся деятелем среди "легальных марксистов" был Петр Струве, автор "Манифеста", принятого на I съезде РСДРП. В его "Критических заметках к вопросу об экономическом развитии России", опубликованных в 1894 г., излагалась первоначальная политическая платформа его группы и в заключение приводился известный призыв к социалистам не связываться с утопическими проектами сокрушения вселенной, а "пойти на выучку к капитализму"[10]. Другими известными "легальными марксистами" были Булгаков и Бердяев, впоследствии принявшие ортодоксальное христианство, и Туган-Барановский, автор образцовой работы о российских фабриках.

Взгляды "легальных марксистов" были диаметрально противоположны взглядам народников, и они безоговорочно приняли марксистскую точку зрения, согласно которой развитие буржуазного капитализма является обязательной первой ста-

дией на пути к социализму. Они считали, что в этом отношении Россия должна изучать уроки Запада и следовать по пути западных стран. До этого момента Ленин полностью разделял их точку зрения. Однако их твердая убежденность в необходимости буржуазного капиталистического этапа вскоре привела их к выводу, что это и есть конечная цель всего процесса, и к замене революции реформой, с помощью которой, по их мнению, можно было постепенно прийти к социализму. На основе этой теории впоследствии сформировались взгляды Бернштейна и немецких ревизионистов марксизма. Как много времени спустя писал Ленин:

"Это были буржуазные демократы, для которых разрыв с наодничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму"[11].

Еще более серьезной была полемика с так называемыми "экономистами" – группой русских социал-демократов, которые оказали огромное влияние на все революционное движение на стыке веков. Основной теоретический принцип "экономистов" сводился к строгому разделению экономики и политики: экономические требования – это дело рабочих, а политика – дело мыслящих руководителей партии. С их точки зрения, рабочих интересовали не политические, а лишь экономические результаты; классовая борьба, в их понимании, сводилась к одной из форм профсоюзного движения – борьбе рабочих против хозяев за улучшение условий труда и социальные реформы в рамках существующего строя. Политика – забота интеллигентов. Но поскольку единственной общепринятой политической программой России того времени была программа буржуазной реформы, задачи мыслителей партии, по существу, сводились к задачам буржуазных либералов, и в конце концов стало трудно отличать их друг от друга. Манифестом этой группы стали следующие слова, которые вошли в так называемое "Credo":

"Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву. ...целый ряд исторических условий мешает нам быть марксистами Запада и требует от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях. Отсутствие у каждого русского гражданина политического чувства и чутья не может, очевидно, быть искуплено разговорами о политике или воззваниями к несуществующей силе. Это политическое чутье может быть дано лишь воспитанием, т.е. участием в той жизни (как бы она ни была немарксистична), которую предлагает русская действительность... Для русского марксиста исход один: участие, т.е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности"[12].

Летом 1899 г. Ленин и группа его соратников по сибирской ссылке в своем контрманифесте осудили эту ересь, назвав ее от-

ступлением от партийного манифеста, принятого годом ранее, где указывалось, что "дело завоевания политической свободы" возложено непосредственно на "крепкие плечи" русского рабочего[13]. В следующем году Плеханов с целью окончательного разоблачения "экономизма" выпустил сборник материалов, к которому он написал предисловие и комментарии[14], а Мартов, отличавшийся талантом политического сатирика, написал "Гимн новейшего русского социализма":

Вашей политикой нас не прельстите,
Вы, демагоги трудящихся масс,
О коммунизмах своих не твердите,
Веруем... в мощь вспомогательных касс[15].

Эта полемика продолжалась и в период, когда стала выпускаться "Искра", и она занимала много места на страницах новой газеты. А в работе Ленина "Что делать?" после начальной реплики, направленной против "легальных марксистов", следовало широкое наступление на "экономизм" во всех его проявлениях:

"...Идеалом социал-демократа должен быть не секретарь тред-юниона, а *народный трибун*..." "Тред-юнионистская политика рабочего класса есть именно *буржуазная политика* рабочего класса"[16].

Чтобы пробудить классовую сознательность масс, наряду с экономической агитацией была необходима агитация политическая. В самом деле, эти два фактора были неотделимы друг от друга, так как любая классовая борьба является в первую очередь борьбой политической. В отличие от "легальных марксистов", в сущности представлявших собой буржуазную группу, которая проводила буржуазную политику с помощью марксистской терминологии, "экономисты" выступали за политику экономической агитации и социальных реформ для рабочих и в этом отношении были подлинно рабочей партией. Однако в конечном итоге они пришли к тому же практическому выводу, что и "легальные марксисты", а именно что необходимо отложить революционную борьбу пролетариата за социалистические преобразования на неопределенный срок, а пока сосредоточить свои усилия на том, чтобы в союзе с буржуазией выработать реформистскую демократическую программу. Позднее Ленин отметил, что в этих взглядах заложены основные принципы меньшевизма[17].

Решающий вопрос, вокруг которого шла полемика с "легальными марксистами" и "экономистами", неотступно привлекал к себе внимание на протяжении всей истории русской революции. В "Коммунистическом манифесте" тщательно разработанная программа предусматривала следующие друг за другом этапы революции. Сначала буржуазная революция уничтожит остатки феодального строя и политического абсолютизма и установит буржуазную демократию и буржуазный капитализм с

присущим ему феноменом в лице промышленного пролетариата. Затем пролетариат, организуясь в условиях буржуазной демократии, перейдет к конечному этапу революции, состоящемув ниспровержении буржуазного капитализма и установлении социализма.

Вместе с тем у Маркса, видимо, были некоторые сомнения, касавшиеся практического проведения в жизнь этой программы. Она была выработана на основе блестящего обобщения английской и французской истории, а также обстановки в Германии 40-х годов, которая все еще ожидала свою буржуазную революцию, но в которой уже нарождалась промышленность и наблюдался быстрый рост пролетариата. В 1844 г. Маркс выразил сомнение по поводу возможности удержать грядущую революцию в Германии в рамках буржуазной революции, "оставляющей нетронутыми самые устои здания", и заявил, что освободить Германию может только революционный пролетариат[18]. В самом "Коммунистическом манифесте" он предсказывал, что благодаря "более прогрессивным условиям" и "более развитому пролетариату" современной Германии германская буржуазная революция явится "непосредственным прологом" пролетарской революции. А после того, как поражение революции 1848 г. вскрыло беспомощность немецкой буржуазии, Маркс еще теснее связал буржуазную и пролетарскую революции в Германии.

В своем обращении к Союзу коммунистов в марте 1850 г. Маркс утверждал, что в результате неудачи революции 1848 г. перед рабочим классом Германии встала двойная задача: во-первых, оказать поддержку буржуазии в ее демократической борьбе против феодализма и придать этой борьбе как можно более острую форму и, во-вторых, поддержать независимую партию, способную после завершения буржуазно-демократической революции возглавить борьбу за социализм против буржуазного капитализма. Более того, в то время как эти задачи были теоретически самостоятельными, в интересах рабочего класса было сделать процесс их осуществления непрерывным:

"В то время как демократические мелкие буржуа хотят возможно быстрее закончить революцию... наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев".

И Маркс закончил свой длинный призыв словами: "Их боевой лозунг должен гласить: "Непрерывная революция"[19].

Таким образом, перед русскими марксистами 90-х годов было два пути. Все соглашались с тем, что Россия еще не созрела

для буржуазной революции; поэтому можно было утверждать, как это делали "легальные марксисты" и "экономисты", что на данном этапе пролетариат может занять в отношении социалистической революции только выжидательную позицию и одновременно в качестве союзника буржуазии бороться за осуществление ее программы уничтожения феодализма и самодержавия. Другой альтернативой было применение в условиях России программы, подобной той, которую Маркс выдвигал для Германии, и, по всей вероятности, Ленин был первым, кто раскрыл возможность ее применения, сделав это в статье "Задачи русских социал-демократов", написанной в Сибири в 1897 г.

В этой статье Ленин указывал, что перед русскими социал-демократами стоит задача проведения классовой борьбы пролетариата "в ее обоих проявлениях": демократической борьбы против абсолютизма, в которой союзником пролетариата будет буржуазия, и борьбы за социализм против капитализма, которую пролетариат будет вести самостоятельно. В то время как "социал-демократы все признают, что политическая революция в России должна предшествовать социалистической", не менее верно и то, что демократическая работа "*неразрывно* связывается с социалистической" и, следовательно, "все *социалисты* в России должны стать *социал-демократами*... все истинные и последовательные *демократы* в России должны стать *социал-демократами*"[20]. В теоретическом плане Ленин полностью разделял эти две революции. Помня об отсутствии в России такой сравнительно развитой промышленности, какая была в Германии в 1848 г., он не спешил вслед за Марксом предсказывать "непрерывное" следование пролетарской революции за буржуазной. Он предпочел ничего не говорить о том, сколько времени пройдет между ними. Но вопрос о "неразрывной связи" между двумя задачами русской социал-демократии приблизил его к выработанной для Германии марксистской теории непрерывности революционного процесса. Статья Ленина была с энтузиазмом встречена группой "Освобождение труда" в Женеве и опубликована там с предисловием Аксельрода, в котором она высоко оценивалась как "непосредственный комментарий" к партийному манифесту[21].

Признание двойственной задачи, стоящей перед пролетариатом – осуществления демократической и социалистической революции, – оказало влияние на вопросы организации партии. Одним из основных вопросов, вызывавших споры с "экономистами", был так называемый вопрос "стихийности" в рабочем движении. "Коммунистический манифест", критикуя утопических социалистов, противопоставляет "организацию общества по придуманному ими рецепту" "постепенно продвигающейся вперед организации пролетариата в класс". С другой стороны, преувеличение роли "постепенного" и "стихийного" развития могло бы повлечь за собой отрицание необходимости политической борьбы. Таким образом, термин "стихийность" стал лозун-

гом "экономистов", которые считали, что рост выступлений за экономические реформы среди народных масс (профсоюзное движение, забастовки и т.д.) "стихийно" подготовит их к революции.

Ортодоксальные социал-демократы в лице Плеханова, группы "Освобождение труда", а также Ленина утверждали, что следует не только поощрять рабочих к выдвижению политических требований наряду с экономическими, но ставить перед ними осознанную революционную цель и вести целенаправленную революционную борьбу. "Сознательность" противопоставлялась "стихийности"[22]. С точки зрения Ленина, слабость русского рабочего движения в конце века была обусловлена тем, что "стихийность" преобладала над "сознательностью". Интенсивное промышленное развитие России вызвало волну забастовок, направленных против невыносимых условий труда на предприятиях. Однако протест рабочих не был связан с революционной сознательностью или революционной теорией.

За теоретической дискуссией, посвященной "стихийности" и "сознательности", скрывался жизненно важный практический вопрос о характере и предназначении революционной партии, который в конце концов привел к раздвоению Российской социал-демократической рабочей партии. Идея, впоследствии ставшая большевистской доктриной, формировалась постепенно и не вызывала серьезных столкновений внутри партии до рокового съезда, состоявшегося в 1903 г. Большевистская теория была создана не одним только Лениным. Плеханов все еще пользовался исключительным авторитетом как теоретик партии, и Ленин не спешил оспаривать его авторитет. Однако со времени основания "Искры" Ленин постепенно становился в партии главным выразителем передовых идей, и именно в его произведениях наиболее четко прослеживается эволюция учения о партии.

Последовательно изложенная в "Искре" точка зрения на характер партии основана на двух концепциях, к которым Ленин обращался снова и снова. Первая состояла в том, что "без революционной теории не может быть и революционного движения"[23]. Согласно второй, "социал-демократическое сознание", или "классовое политическое сознание", не могло "вырасти из" стихийности, а могло быть принесено рабочему "только извне"[24]. Эти две концепции определяли особенности отношения партии к пролетариату как к единому целому и имели далеко идущие последствия, которые трудно было оценить немедленно.

Из первой концепции, утверждавшей первостепенное значение теории, вытекала необходимость существования партии, созданной интеллигентами и, хотя бы на первых порах, в основном состоящей из них. По мнению Ленина, это было обусловлено исторической необходимостью:

"История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выра-

ботать лишь сознание тред-юнионистское, т.е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т.п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции"[25].

Ленин придавал большое значение "глубоко справедливым и важным словам" Каутского, все еще уважаемого руководителя германской социал-демократии:

"Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания... Носителем же науки является не пролетариат, а *буржуазная интеллигенция:* в головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм"[26].

В этом высказывании ощущается некоторый оттенок высокомерия, характерный для Плеханова и не полностью отсутствовавший в работах Ленина того времени. В "Манифесте", где было объявлено о создании "Искры" и начата яростная кампания против "экономистов", выражалось пренебрежение к "чисто рабочей" литературе[27], и, оглядываясь назад на этот период, Ленин отметил, что в России, так же как и в других странах, рост массового рабочего движения был сигналом появления "оппортунистических" направлений в лагере марксистов[28]. Ленин и его соратники начальной поры были интеллигентами чистой воды, и в их произведениях проявились высокий уровень образования и проницательность. Зиновьев писал, что рабочие в партийной организации на начальном этапе революции были "единичными фигурами"[29]. Лишь после революции 1905 г. в ряды партии впервые влилось значительное число рабочих.

Согласно второй концепции, рассматривавшей партию как революционную элиту, "извне" формирующую революционную сознательность рабочих масс, между пролетариатом и партией проводилась четкая грань. Класс был экономической общностью, а партия – политической или идеологической общностью[30], и партия, естественно, могла быть лишь частью класса – его авангардом и выразителем его интересов[31]. Первым, кто использовал на страницах "Искры" термин "передовой" для выражения отношений между партией и пролетариатом, был Плеханов. Он протестовал против "смешения понятия "класс" с понятием "партия" и добавлял, что "иное дело весь рабочий класс, а иное дело соц.-демократическая партия,

представляющая собой лишь передовой – и в начале очень малочисленный – отряд рабочего класса"[32].

Ни один серьезный марксист никогда не утверждал, что небольшая элита революционеров способна самостоятельно совершить революцию, настаивать на этом – значило бы впасть в ересь бланкизма[33]. Никто не утверждал настойчивее, чем сам Ленин, что без участия масс невозможна ни одна серьезная политическая акция. Но он никогда не рассматривал партию как массовую организацию. Основа ее силы состояла в том, что деятельность ее в первую очередь связана с исключением, а не включением: целью было качество, а не количество. Функция партии состояла в руководстве рабочим классом. "...Стихийная борьба пролетариата и не сделается настоящей "классовой борьбой" его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров"[34].

Теория "стихийности", которая отрицала роль руководства, получила прозвище "хвостизм", потому что она обрекала партию на то, чтобы плестись в хвосте рабочего движения.

В обстановке дискуссий того времени Ленин и его товарищи по "Искре" утверждали, что партия является носителем революционной теории и революционного сознания, руководящей и направляющей силой рабочего движения. Эта идея была связана с надежными традициями марксизма. Подобная же доктрина вдохновляла создание Союза коммунистов 40-х годов – организации, численность которой никогда не превышала нескольких сотен человек, и это отражено в "Коммунистическом манифесте", по крайней мере в таком его утверждении:

"Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения".

С другой стороны, в "Коммунистическом манифесте" говорится, что пролетарское движение – это "самостоятельное движение огромного большинства". А позднее, в результате провала революции 1848 г. и отчасти под впечатлением обстановки в Англии, Маркс и Энгельс пришли к выводу о необходимости периода политического воспитания масс, предшествующего пролетарской революции. Единственная организация, созданная Марксом и Энгельсом после их приезда из Англии – Международное товарищество рабочих (так называемый Первый Интернационал), – представляла собой массовое объединение, а не революционную партию, и была невообразимо далека от Союза коммунистов их юности.

Такая разница во взглядах Маркса периода Союза коммунистов и Маркса времен Первого Интернационала была обусловлена не эволюцией теоретической мысли, а сменой обстановки, различием между прусским полицейским режимом 40-х годов и

буржуазной демократией средневикторианской Англии. Таким образом, логически вполне закономерно, что Ленин в этом вопросе должен был стать последователем Маркса раннего, а не позднего периода.

С самого начала Ленин был практиком русской революции, чья революционная теория сформировалась на основе анализа российских потребностей и российских потенциальных возможностей. Сделать интеллигенцию передовым отрядом пролетарской революции было в российских условиях даже более целесообразно, чем в условиях Германии. Не только потому, что слабый и отсталый российский пролетариат больше нуждался в таком руководстве, чем германский и тем более западноевропейский, но и потому, что российская интеллигенция, в отличие от западной, не имела социальных корней в среде торговой буржуазии и не отличалась преданностью буржуазным интересам. Российская интеллигенция, не имевшая экономических корней, уже показала, как ее способность к абстрактному революционному мышлению может быть применена в политической действительности социальной революции. "Хождение в народ" – движение 70-х годов, целиком, посвятившее себя крестьянству, самой отсталой части населения, – потерпело неудачу. Но оно осталось в истории как первая благородная и отчаянная попытка преодолеть разрыв между массами и революционной интеллигенцией. Теперь можно было то же предпринять в отношении пролетарских масс. Однако условия российской действительности наиболее явно повлияли на эволюцию ленинской мысли тогда, когда Ленин перешел к разработке деталей организации партии.

Сама природа Российского государства препятствовала формированию любого типа социалистической или даже демократической партии по западному образцу и заставляла любое демократическое или социалистическое движение действовать тайно, конспиративно. Отдельные революционные группы рабочих и студентов, сформированные самодеятельными революционерами с самыми лучшими намерениями, легко становились жертвами царской полиции. Такие подвиги нельзя не сравнить "с походом вооруженных дубинами шаек крестьян против современного войска"[35]. В то время Ленин писал:

"...Против маленьких групп социалистов, ютящихся по широкому русскому "подполью", стоит гигантский механизм могущественнейшего современного государства, напрягающего все силы, чтобы задавить социализм и демократию. Мы убеждены, что мы сломим в конце концов это полицейское государство... но чтобы вести систематическую борьбу против правительства, мы должны довести революционную организацию... до высшей степени совершенства"[36].

Осуществление революции в России было задачей профессиональных революционеров, и не случайно военные термины стали часто появляться при обсуждении вопросов организации

партии не только у Ленина, но и у Плеханова и других авторов, публиковавшихся в "Искре".

Окончательные выводы об организации партии Ленин сделал летом 1902 г. в брошюре "Что делать?" на основе результатов борьбы с "экономистами". В трактовке этого конкретного вопроса Ленин более чем когда-либо вырвался вперед по сравнению со своими товарищами по "Искре". Он сравнил взгляды "экономистов" со взглядами ревизионистов в Германии, поссибилистов во Франции, фабианцев в Англии и обнаружил симптом глубоких разногласий в социал-демократическом движении между демократической партией социальных реформаторов и социалистической партией подлинных революционеров[37]. Одна партия считала себя "организацией рабочих", другая – "организацией революционеров". Между ними существовали расхождения по коренным вопросам:

"Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной; во-вторых, она должна быть возможно более широкой; в-третьих, она должна быть возможно менее конспиративной... Наоборот, организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности... Эта организация необходимо должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной"[38].

Ленина упрекали в том, что подобная организация противоречит "демократическому принципу". Такое обвинение могло исходить лишь от тех, кто жил за рубежом и не знал русской действительности. Общепризнанный демократический принцип предусматривал "полную гласность" и "выборность". Ни одно из этих требований не могло быть выполнено революционной партией "в рамках нашего самодержавия". И Ленин заключал:

"Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества, – обеспечено и нечто большее, чем "демократизм", именно: полное товарищеское доверие между революционерами... И было бы большой ошибкой думать, что невозможность действительно "демократического" контроля делает членов революционной организации бесконтрольными... свою *ответственность* чувствуют они очень живо, зная притом по опыту, что для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни пред какими средствами"[39].

Этот принцип следовало применять в равной мере на всех уровнях:

"С традицией чисто рабочего или профессионального типа социал-демократических организаций мы должны порвать совершенно до "заводских" кружков *включительно*. Заводская группа или заводской (фабричный) комитет (чтобы отделить его от других групп, которых должно быть очень много) должен со-

стоять из очень небольшого числа *революционеров*, получающих *непосредственно от комитета* поручения и полномочия вести всю социал-демократическую работу на заводе. Все члены заводского комитета должны смотреть на себя, как на агентов комитета, обязанных подчиняться всем распоряжениям его, обязанных соблюдать все "законы и обычаи" той "действующей армии", в которую они вступили и из которой они в военное время не имеют права уйти без разрешения начальства"[40].

Таким образом, основное значение придавалось необходимости создания небольшой, объединенной на основе общих взглядов партии, имевшей твердое центральное руководство. Она должна была действовать во имя пролетариата, как передовой отряд революции. Методы революционной борьбы были разнообразны, и время от времени они должны были проверяться на основе опыта. Твердо установленной и неизменной была только центральная программа, основанная на прочном теоретическом фундаменте и осуществляемая при поддержке народных масс высокоорганизованной, дисциплинированной партией профессиональных революционеров, имеющей центральное руководство.

Ленин, которому едва минуло 30 лет, был в расцвете сил. Три года, прошедшие после его освобождения из Сибири, были годами неудержимой и непрерывной интеллектуальной деятельности. Именно в эти годы были заложены основы большевизма "как течения политической мысли и как политической партии". В большевизме, этом инструменте, запечатлена неповторимая самобытность Ленина: в нем нашли отражение ленинская простота, несгибаемое мужество и прежде всего его устремленность к единой цели. В известном отрывке из мемуаров Крупской говорится об исключительной сосредоточенности на одной главной задаче, что было отличительной чертой характера Ленина. В школьные годы ему нравилось кататься на коньках, но он слишком уставал, после этого хотелось спать, "мешало заниматься, бросил". После возвращения из Сибири он перестал играть в шахматы, потому что "...шахматы чересчур захватывают, что мешает работе". Однажды он увлекся изучением латинского языка, но "мешать стало другим занятиям, бросил"[41]. После революции он говорил Горькому:

"Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по голове никого нельзя – руку откусят"[42].

Ленин мог руководить людьми и влиять на них потому, что им самим в исключительной мере всецело руководила и владела единая мысль, единственная цель. Именно всеобъемлющая преданность идее обусловила простоту и скромность поведения, отмеченные всеми. Он был образцом аскетизма и скромности, и это долго служило примером для подражания среди членов

партии. Без сомнения, Сталин был прав, характеризуя эту черту Ленина как "одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс"[43]. В поведении Ленина не было никакого корыстного расчета, бескорыстие глубоко укоренилось в его характере.

Искренность, простота и прямолинейность Ленина-человека наложили отпечаток и на деятельность Ленина-мыслителя. Его исключительная образованность, искусство анализа, его выдающаяся способность выстраивать в определенном порядке факты и доводы проявлялись независимо от тонких нюансов в чередовании света и тени: все у него было выражено ясно, четко, блестяще, решительно. В последний год жизни Ленина Бухарин говорил:

"...Ленин – гениальный стратег. Он знает, что нужно бить главного врага, а не эклектически нанизывать оттеночки на оттеночки"[44].

В спорах Ленин был склонен особо подчеркивать какую-то одну сторону вопроса, объясняя это необходимостью противостоять подобной односторонности взглядов противника.

"..."Экономисты" согнули палку в одну сторону, – заявил он на II съезде партии, отстаивая идеи, высказанные в работе "Что делать?". – Для выпрямления палки необходимо было согнуть палку в другую сторону, и я это сделал"[45].

И все же его идеи могли быть утопическими до наивности, как, например, его размышления об отмирании государства или о замене бюрократии самоуправлением граждан. Сочетанием глубочайшей простоты мысли и характера с фанатизмом в отстаивании своего мнения и безжалостностью в действиях он очень напоминал Робеспьера. Твердой убежденности Ленина придавало особую силу полное отсутствие личных притязаний. Обличение противников, объяснение их интеллектуальной близорукости недостойными моральными качествами стало традицией в России со времен Белинского, а среди революционеров – со времен Маркса, если не раньше. Однако фанатизм не становился менее реальным оттого, что он был традиционным, и даже соратники Ленина по революционной деятельности были потрясены безжалостностью, с которой Ленин отлучал инакомыслящих от партии. "Сектант с серьезной марксистской подготовкой, марксистский сектант" – таков был окончательный приговор враждебно настроенного Потресова, который полагал, что Ленин "по складу своего характера неспособен воспринимать мнения, отличающиеся от его собственного"[46]. Но Ленин был не просто теоретиком революции. Теория у него никогда не отрывалась от действия. Он был революционером-практиком; а, что бы ни говорилось о теории, практика революции не допускала жалости и исключений из правила.

Именно это единство теории и практики сделало Ленина личностью сложной и исключительно великой. Троцкий в своем

хорошо известном отзыве сравнивает Маркса-теоретика и Ленина – человека действия:

"Маркс – весь в "Коммунистическом манифесте", в предисловии к своей "Критике", в "Капитале". Если б он даже не был основателем Первого Интернационала, он навсегда остался бы тем, чем является сейчас. Наоборот, Ленин весь в революционном действии. Его научные работы – только подготовка к действию. Если бы он не опубликовал в прошлом ни одной книги, он навсегда вошел бы в историю таким, каким входит теперь: вождем пролетарской революции, основателем Третьего Интернационала"[47].

Такая оценка, вероятно, нуждается в коррективах, особенно когда речь идет о раннем периоде. Однако именно Ленин писал в апреле 1917 г.: "Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни"[48]. И в ноябре 1917 г. именно Ленин со вздохом облегчения заметил, что "приятнее и полезнее "опыт революции" проделывать, чем о нем писать"[49]. А в последующие месяцы он постоянно находился в состоянии конфликта с доктринерами в рядах партии.

"Недостаточно, – писал он в то время, – быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену"[50].

После трех лет революционного опыта он смог воскликнуть – несомненно, между прочим, в пылу спора, – что "практика в сто раз важнее всякой теории"[51]. Среди гениальных черт Ленина особое место занимает величайшее искусство политического стратега и политического тактика. Его дальновидности, проявлявшейся в умении заранее предвидеть ход событий в самых непредсказуемых ситуациях, соответствовала исключительная интуиция, которая подсказывала ему, где, когда и каким образом нанести удар или отступить.

И все же, хотя Ленин был великим – быть может, величайшим во все времена – революционером, в основе его гения лежало созидательное, а не разрушительное начало. Участие Ленина и большевиков в деле свержения царизма было незначительным. Они не сыграли существенной роли в свержении Временного правительства. С июля 1917 г. падение Временного правительства стало неизбежным; ждали лишь появления его преемника. Большевики вступили на освободившийся престол. Наиболее важными событиями переходного периода между Февральской и Октябрьской революциями были: заявление Ленина, сделанное в июне, на I Всероссийском съезде Советов, о готовности большевиков взять власть и принятое в сентябре Лениным решение о том, что время захвата власти наступило. То главное, чего Ленин достиг, осуществилось после бескровной победы революции в октябре 1917 г. и свидетельствует о вели-

кой созидательной роли этого государственного деятеля. Однако все им созданное – при всех достоинствах и недостатках – строилось на тех основах, которые были заложены задолго до этого, и не может быть полностью осознано без понимания этих основ. Первая из них была заложена в так называемый искровский период, до того как сторонникам Ленина дано было новое название на II съезде партии.

Глава 2

БОЛЬШЕВИКИ И МЕНЬШЕВИКИ

II съезд Российской социал-демократической рабочей партии собрался в июле и августе 1903 г. главным образом в результате подготовительной работы, выполненной группой искровцев, и проходил под председательством Плеханова сначала в Брюсселе (откуда пришлось уехать из-за преследований полиции), а затем в Лондоне. Это был настоящий учредительный съезд партии; но в период его работы произошел также знаменитый раскол между большевиками и меньшевиками, который расширялся и углублялся и в конце концов после 1912 г. привел к окончательному формальному размежеванию.

На съезде присутствовали представители 25 признанных социал-демократических организаций. Каждая из них имела 2 голоса, за исключением Бунда, организации еврейских рабочих, имевшей 3 голоса вследствие особого статуса в качестве автономной организации партии, установленного на I съезде. Так как некоторые организации прислали только одного делегата, на съезде фактически присутствовали 43 делегата с правом голоса, в целом имевшие 51 голос. Кроме того, на съезде было 14 делегатов из различных организаций с совещательным голосом. Среди полномочных делегатов съезда свыше 30 были открытыми сторонниками "Искры", таким образом, искровцы составляли большинство. В то время как искровцы составляли единое целое, им согласованно противостояли лишь делегаты Бунда (которых интересовали почти исключительно права национальных меньшинств и сохранение ими автономного статуса в структуре партии), а также два делегата "экономического" толка, Акимов и Мартынов, представлявшие "Союз русских социал-демократов за границей". Резолюция о признании "Искры" в качестве Центрального Органа партии была принята на раннем этапе съезда при всего лишь двух голосах против[1].

Главной задачей съезда было принятие Программы и Устава партии. Плеханов в 80-е годы и Ленин в 90-е уже пытались составить проект Программы, и по мере объединения искровцев стала возрастать необходимость разработки Программы партии, наряду с необходимостью созыва нового партийного съезда. Дискуссии, которые велись в начале 1902 г., закончились тем,

что Ленин со свойственным ему энтузиазмом молодости и бескомпромиссностью выступил против Плеханова, предпочитавшего традиционные методы и осторожность даже на пути к революции. Первый проект Плеханова Ленин подверг суровой критике, считая, что "это не программа практически борющейся партии, а Prinzipienerklärung, это скорее программа *для учащихся*"[2], и разработал собственный проект. Была создана комиссия, в которую вошли другие сторонники "Искры", и ей было поручено соединить оба проекта. К всеобщему удивлению, ей это удалось. Авторитет Плеханова был все еще огромен, и Ленин, которому было едва за 30, готов был – пожалуй, в последний раз в жизни – пойти на компромисс по теоретическому вопросу. Он принял менее резкую, по сравнению с его собственной, формулировку о том, что развитие капитализма в России неизбежно должно было закончиться социальной революцией. Но он добился включения умеренной программы аграрной реформы, которой не было в проекте Плеханова. Что касается проекта Программы, опубликованного в "Искре" 1 июня 1902 г. и представленного на рассмотрение съезда партии в следующем году, то первая, или теоретическая, его часть в основном была изложена на основе проекта Плеханова и лишь кое-где подкреплена высказываниями Ленина, а вторая, или практическая, часть Программы была разработана Лениным и лишь в отдельных местах смягчена формулировками Плеханова[3].

Теоретическая часть Программы начиналась с ортодоксального марксистского тезиса о том, что производственные отношения в настоящее время достигли такого уровня развития, когда буржуазный капитализм стал тормозом на пути дальнейшего прогресса. С ростом противоречий капитализма "...растет число и сплоченность пролетариев[4] и обостряется их борьба с их эксплуататорами". Таким образом, техническое развитие "все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими", то есть возможность социальной революции, которая "уничтожит деление общества на классы" и "положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою". Диктатура пролетариата, которая определялась как "завоевание пролетариатом... политической власти", была "необходимым условием этой социальной революции". Впервые в истории вопрос о диктатуре пролетариата был формально включен в Программу партии.

В практической и специфически российской части Программы рассматривались ближайшие цели революции, которые, как говорилось в "Коммунистическом манифесте", будут, естественно, определяться конкретными условиями каждой отдельно взятой страны. Эти цели были разделены на три группы: политические требования (включающие равное и всеобщее избирательное право, свободу совести, слова, печати, собраний и объединений, выборность судей, отделение церкви от государства, бесплатное и всеобщее образование), экономические требова-

ния рабочих (включающие 8-часовой рабочий день, запрещение использовать детский труд, ограничение труда женщин, государственные пенсии по старости и инвалидности, запрещение штрафов и платежей натурой) и экономические требования крестьян (особенно возвращение крестьянам участков земли, несправедливо отнятых у них в период освобождения). Очевидно, составители Программы считали, что это максимальные требования, какие могла бы поддержать радикально настроенная буржуазия на первом этапе революции.

В Программе не рассматривался вопрос о связи ближайших целей и конечной цели – создания бесклассового общества. В конце Программы предлагалась поддержка партией "всякого оппозиционного и революционного движения, направленного против существующего в России общественного и политического порядка". И первым шагом на пути осуществления этих задач провозглашалось "*низвержение самодержавия* и созыв *Учредительного собрания*, свободно избранного всем народом". Программа подробно обсуждалась на съезде, и в нее были внесены небольшие поправки. В конце только Акимов выступил против ее формального принятия[5]. Она сохранилась без изменений до 1919 г.

При обсуждении первого пункта Устава партии, связанного с определением членства в партии, сразу же возникли трудности. В комиссии, подготовившей проект Программы, возникли разногласия по принципиальному вопросу и были предложены две альтернативные формулировки, одна – Ленина, другая – Мартова. Ленин представил следующее определение членства в партии:

"Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций".

Мартов предложил следующую альтернативу:

"Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из организаций".

Формальное расхождение между двумя проектами было незначительным, но в более точной формулировке, на которой настаивал Ленин, была выражена, как все признали, продуманно и смело его мысль, уже изложенная в работе "Что делать?", о небольшой партии, состоящей из организованных и дисциплинированных профессиональных революционеров. Страсти накалились, и разногласия, которые в процессе обсуждения возникли между "твердыми" и "мягкими" искровцами[6], положили начало непримиримой вражде между большевиками и меньшевиками. Мартов и Аксельрод подчеркивали разницу между "организацией" и "партией". Признавая необходимость конспиративной

организации, они считали, что ее создание могло иметь смысл лишь в том случае, если бы она стала ядром большой партии сочувствующих. Ленин ответил, что надо установить различие между "болтающими" и "работающими": проект Мартова равно открывал дверь в партию и для тех, и для других. Плеханов встал на сторону Ленина. Другие члены редколлегии "Искры", Потресов и Засулич, не высказывались, но разделяли взгляды Аксельрода и Мартова. Троцкий неожиданно выступил в поддержку Мартова[7]. После долгого и напряженного спора проект Ленина был отклонен 28 голосами против 23, а проект Мартова принят 28 голосами против 22[8].

Остальные пункты Устава были приняты без разногласий. Довольно громоздкая центральная организация партии включала редколлегию Центрального Органа ("Искры") в качестве хранителя чистоты партийного учения, Центральный Комитет для руководства партийной работой через местные организации и Совет партии из пяти человек, в который входили по два кандидата из вышеназванных органов и председатель, назначаемый съездом партии. Совет был высшим руководящим органом, который подчинялся только съезду, проводившемуся раз в два года[9].

Результаты решающего голосования по первому пункту Устава были весьма парадоксальны. Большинство составили "мягкие" искровцы и делегаты Бунда, а также представители других, посторонних организаций, которые никогда не были связаны с "Искрой". Внутри группы "Искры" Ленин все еще пользовался поддержкой большинства. Обсуждение Устава партии включало и вопрос об отношении Бунда к партии. Решение подавляющего большинства участников съезда отклонить претензии Бунда на то, что "представителем еврейского пролетариата в партии является исключительно Бунд", побудило делегатов Бунда возмущенно покинуть съезд после 27-го заседания (всего было 37 заседаний)[10]. На следующем заседании решение признать в Уставе только одну "заграничную" организацию партии – "Заграничную лигу русской революционной социал-демократии", тесно связанную с "Искрой" (Ленин был ее делегатом на съезде), – и лишить избирательных прав "Союз русских социал-демократов за границей" привело к уходу со съезда Мартынова и Акимова[11].

В процессе принятия этих решений искровцы держались сплоченно. Однако с уходом 7 делегатов, поддерживавших так называемых "мягких" искровцев по вопросу об определении членства в партии, соотношение голосов изменилось в пользу "твердых". Стало ясно, что Ленин завоюет большинство на съезде по самому важному вопросу повестки дня – выборам в партийные органы – и что он использует свое влияние для упрочения победы своего курса. Это обстоятельство скорее, чем любое другое внешнее событие на съезде, вызвало неожиданную перемену во всей его атмосфере.

Начиная с 30-го заседания, вся дальнейшая работа съезда проходила в обстановке острой борьбы. Очевидно, что вопрос обсуждался жизненно важный. Следует, однако, добавить, что пункты Устава партии, сформулированные и выдвинутые на рассмотрение съезда всей группой "Искры", предусматривали почти неограниченный контроль центрального руководства над местными партийными органами, и возмущение, которое вызвала концепция Ленина о централизованной и дисциплинированной партии, было скорее следствием, чем истоком вражды. Как выявилось в споре между Мартовым и Лениным на съезде, проект, предложенный Лениным, согласно которому следовало сократить число членов редколлегии "Искры" при новом распределении обязанностей с шести до трех человек и ограничить число членов Центрального Комитета партии тремя, обсуждался среди членов редколлегии до созыва съезда и не вызвал принципиальных возражений. Лишь когда этот проект был представлен на рассмотрение съезда в виде конкретного предложения: назначить членами редколлегии "Искры" Плеханова, Ленина и Мартова (двух "твердых" и одного "мягкого" искровца) и выбрать двух второстепенных членов в Центральный Комитет, так что установился бы полный контроль редколлегии над партией, – оппозиция стала непримиримой. И именно на съезде Мартов впервые выступил с осуждением "осадного положения" внутри партии" и "исключительных законов против отдельных групп", что сыграло такую важную роль в последующем споре[12].

Остальные заседания съезда свелись к голосованию и выражению протестов. Решение о выборе трех членов редколлегии "Искры" было принято большинством в 25 голосов при 2 против и 17 воздержавшихся. Затем это большинство приступило к выборам Плеханова, Мартова и Ленина. Мартов не принял предложенного ему поста в редколлегии, и меньшинство участников отказалось от дальнейшего участия в выборах[13]. Центральный Комитет состоял исключительно из "твердых" искровцев, а Плеханов был назначен председателем Совета партии. На основании этих результатов победители, составившие большинство, были названы "большевиками", их противники – "меньшевиками". Этим названиям было суждено навсегда войти в историю.

Однако события еще не закончились. На протяжении всей сумятицы съезда Плеханов твердо поддерживал Ленина. Когда один из делегатов пытался указывать на разницу между взглядами Ленина и его собственными, Плеханов несколько высокомерно ответил, что, в то время как Наполеон заставлял своих маршалов разводиться с женами, никому не удастся заставить его развестись с Лениным[14]. Однако спор относительно Программы партии уже показал, что вполне возможен конфликт между умеренной позицией более пожилого Плеханова и безжалостным подходом более молодого Ленина. Вскоре Плеханов был потрясен бескомпромиссной последовательностью, с которой Ленин намеревался использовать победу. Среди меньшевиков,

которых Ленин был намерен исключить из партии, было много старых друзей и соратников Плеханова. В принципе Плеханов одобрил в свое время необходимость строгой партийной дисциплины, к какой призывал Ленин, но, когда дело дошло до принудительных мер, он остался верен более умеренным принципам политической организации, невольно воспринятым им в период длительного пребывания на Западе. Плеханов начал отстаивать политику примирения с идейными противниками. Для Ленина это было немыслимо. В конце 1903 г. Ленин вышел из редакционной коллегии "Искры"[15]. Плеханов ввел в нее бывших ее членов, исключенных съездом. Все они были меньшевиками. "Искра" стала органом меньшевиков, и Ленину, отстраненному от партийного аппарата, который волей съезда находился в его ведении, пришлось организовать независимую фракцию большевиков.

В последующие 12 месяцев из-под пера Плеханова и других бывших сподвижников Ленина по "Искре" вышел ряд резких, направленных против Ленина статей. Плеханов быстро преодолел некоторое замешательство, вызванное тем, что на протяжении всего II съезда он поддерживал Ленина, ссылаясь в свое оправдание на то, что он был несогласен с некоторыми аспектами работы "Что делать?", когда прочитал ее впервые, но думал, что Ленин изменил свои взгляды[16]. Ленин теперь обвинялся в пропаганде "*сектантского духа исключительности*"[17]. В статье, озаглавленной "Централизм или бонапартизм?", Ленину предъявлялось обвинение в том, что он "*смешивает диктатуру пролетариата с диктатурой над пролетариатом*", и в пропаганде "*бонапартизма*, если не абсолютной монархии старой, дореволюционной "манеры"[18]. Его мысли об отношении профессиональных революционеров к массам якобы соответствовали взглядам Бакунина, а не Маркса[19].

Мартов, возвращаясь к мысли, которую он высказал на съезде, написал брошюру "Борьба с "осадным положением" в Российской социал-демократической рабочей партии". Вера Засулич писала, что у Ленина такое же представление о партии, как у Людовика XIV о государстве[20]. В партийной печати, руководимой теперь меньшевиками, был опубликован блестяще написаннный обличительный памфлет Троцкого, озаглавленный "Наши политические задачи"[21]. Меньшевистские настроения автора ярко проявились в посвящении: "*Дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду*". Ленинские методы были подвергнуты критике как "плоская карикатура трагической нетерпимости якобинизма", и автор памфлета предсказывал такую ситуацию, при которой "партийная организация "замещает" собой Партию, Ц. К. замещает партийную организацию, и, наконец, "диктатор" замещает собою Ц. К.". Последняя глава была озаглавлена "Диктатура над пролетариатом"[22]. Через некоторое время Плеханов писал в "Дневнике социал-демократа", что,

если бы большевистская концепция восторжествовала, она бы свелась к следующему: "В конце концов, в ней все вертится вокруг одного человека, который ex providentia majorum соединяет в себе все власти"[23].

Отголоски этого раскола стали вскоре раздаваться в германской социал-демократической партии, у которой были свои проблемы, связанные с расколом, внесенным ревизионистами. Очевидное единство почти всех выдающихся деятелей российской партии – ведь сторонники Ленина были рядовыми членами партии, среди них едва ли встречалось известное имя – привело к всеобщей поддержке меньшевиков. Каутский не только отказался опубликовать в немецком социал-демократическом журнале "Нойе цайт" статью Ленина, в которой отстаивались взгляды большевиков, но и представил для публикации в "Искре" копию письма, где осуждалась позиция Ленина[24].

Самые сильные нападки на Ленина содержались в опубликованной в "Нойе цайт" в июле 1904 г. статье Розы Люксембург, которая осуждала его политику "ультрацентрализма" как бюрократическую и недемократическую. Усматривая специфически русский характер в ленинском проекте, она с горечью говорила о "человеческой личности, которую давит и топчет российский абсолютизм" и которая вновь является теперь в "облике русского революционера", "с легкостью провозглашающего себя новым могущественным вершителем истории". В своей критике неограниченных полномочий ленинского руководства партией она выдвинула новый довод, заявив, что это может "опаснейшим образом усилить консерватизм, свойственный каждому такому органу"[25]. Наконец Бебель, ветеран германской партии, предложил передать вопрос на рассмотрение третейского суда, что было поспешно принято меньшевиками и решительно отклонено Лениным[26].

Ленин явно оставался непоколебимым, несмотря на все эти выпады[27]. Его вдохновлял пример и авторитет Маркса, который в ответ на критику его выступлений против других немецких революционеров писал в своем журнале:

"Нашей задачей является беспощадная критика, и притом критика, скорее направленная против мнимых друзей, чем против открытых врагов; придерживаясь этой нашей позиции, мы охотно отказываемся от дешевой популярности среди демократов"[28].

В ответе Мартову на съезде Ленин горячо отстаивал свою бескомпромиссную позицию:

"И меня ни капельки не пугают страшные слова об "осадном положении в партии", об "исключительных законах против отдельных лиц и групп" и т.п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создавать "осадное положение", и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как "осадное положение" для столь многочисленных источников

политической расплывчатости. Против расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные, законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для *таких* законов и *таких мер*"[29].

В пространной брошюре "Шаг вперед, два шага назад", опубликованной в следующем году в Женеве с подзаголовком "Кризис в нашей партии", Ленин показал, что его не запугать обвинениями в "якобинстве".

"Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*"[30].

Анализируя протоколы съезда, Ленин отметил, что "мягкие" искровцы постоянно оказывались в странном союзе с делегатами (например, Бунда), которые были противниками как "Искры", так и любой сильной централизованной партийной организации, и выявил их духовное родство с "барским анархизмом", который предшествовал народничеству во всех его формах, включая нигилизм:

"Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной "фабрикой", подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему "закрепощением"... разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в "колесики и винтики"[31].

Ленин не был обеспокоен, когда меньшевики обвинили его в поддержке бюрократического принципа против демократического. Если бюрократия подразумевала централизм, а демократия – "автономизм", то в таком случае революционные социал-демократы выступали за первый принцип, противопоставляя его второму[32]. Если же взгляды меньшевиков основывались на каком-либо принципе, то это был "принцип *анархизма*"[33].

Идея централизованной и дисциплинированной партии как орудия революции занимала решающее место в ленинской теории. Она вдохновила создание "Искры" как Центрального Органа такой партии. Она также вдохновила его на написание работы "Что делать?", где впервые было изложено учение о партийном руководстве массами. Впоследствии Ленин назвал систему партийной дисциплины, за которую он ратовал, "демократическим централизмом". Это определение легко можно было извратить, саркастически заявляя, что в нем важней "централизм" в форме контроля со стороны руководства, чем "демократия" в смысле контроля со стороны рядовой массы. Однако неверно считать тенденции централизма особенностью лишь российской партии, а внутри партии – особенностью, свойственной Ленину. Повсюду в тот период наблюдался рост крупномасштабной организации, повсюду в интересах эффективности и мощи, казалось, требовалась концентрация власти. В любой крупной стране политические партии не могли не воспринять этих тен-

денций. Пролетарским партиям они были особенно свойственны: именно здесь можно было довольно часто услышать, что члены партии обязаны подчиняться самими ими избранным руководителям и что увлечение критикой несовместимо с верностью партии[34]. Плеханов, ставший теперь заклятым врагом Ленина, в свое время высказывался в том же духе.

"Когда говорят, что социал-демократия должна обеспечить своим членам полную свободу мнений, то забывают, что политическая партия совсем не академия наук... Свобода мнений в партии может и должна быть ограничена именно потому, что партия есть союз, свободно составляющийся из единомышленников: как только единомыслие исчезает, расхождение становится неизбежным"[35].

Ленин утверждал, что не пролетариат, а буржуазия уклонялась от этого необходимого и полезного ограничения. Меньшевики проявляли *"буржуазно-интеллигентский индивидуализм"*, а большевики продемонстрировали *"пролетарскую организацию и дисциплину"*[36].

Реакция Ленина на критику меньшевиков не ограничилась словами. Мужественно и стойко перенося изоляцию, в которой он оказался после разрыва с "Искрой", оставаясь непоколебимым перед лицом оппозиции и отступничества, Ленин созвал совещание 22 наиболее преданных большевиков в Женеве в августе 1904 г., где было создано Бюро Комитетов Большинства, ставшее новой центральной организацией большевиков. В конце года вместо изменившей "Искры" он основал новую газету – "Вперед". Ленин больше всего беспокоился о том, чтобы не допустить поспешного примирения, которое поставило бы под угрозу чистоту и независимость большевистской теории, внеся в нее ересь меньшевизма. В партийной переписке того времени он требовал "повсюду и самым решительным образом раскола, раскола и раскола"[37]. Лучше расколоть партию и исключить из ее рядов идейных противников, чем поставить под удар единство, даже в небольших частностях, – таков был принцип, которого Ленин придерживался и который завещал своим последователям. Это было следствием глубокой идейной убежденности и вполне соответствовало властности его натуры и его уверенности в своих силах. Он возвращался к этому снова и снова, даже в те моменты, когда казалось, что он готов уступить ради примирения. Ведь недаром его тактика в борьбе против меньшевиков после 1903 г. стала для партии образцом поведения в периоды внутренних кризисов, а значение слова "меньшевизм" расширилось: этим словом потом клеймили любых идейных противников в рядах партии.

В апреле 1905 г. наперекор старым центральным органам партии, теперь исключительно меньшевистским, был созван новый съезд партии в Лондоне. В нем принимали участие исключительно большевики, а меньшевики, которые проводили свою

собственную конференцию в Женеве, бойкотировали его работу. Раскол приближался к развязке.

У многих создавалось впечатление, что первоначальный раскол на II съезде касался вопроса об организации партии, а не о сущности ее Программы, поскольку оба партийных крыла голосовали за Программу и разошлись лишь при обсуждении Устава. Если так и было в самом начале, то впоследствии раскол стал быстро расширяться и углубляться.

В учении Маркса, изложенном в его работах, начиная с "Коммунистического манифеста", наряду с эволюционными, научными, объективными элементами содержались элементы революционные, пропагандистские, субъективные. Марксизм представлял собой одновременно изложение законов общественного и экономического развития и руководство по применению как насильственных, так и ненасильственных методов борьбы за проведение этих законов в жизнь. Оба аспекта марксизма объединяла та точка зрения, что человеческая деятельность подчиняется процессу непрерывной эволюции, которая, однако, не обходится без отдельных прерывающих ее революций, составляющих существенную часть всего процесса. Тем не менее это очевидное противоречие вело к смещению акцентов между двумя противоположными взглядами на историческое развитие, что случалось и в работах самого Маркса.

В споре, который привел к расколу российских последователей Маркса, меньшевики обвиняли большевиков в том, что те перешагивают через ступени, предусмотренные марксистской теорией эволюции, пытаясь конспиративными методами организовать пролетарскую революцию, для которой не созрели объективные условия на современном, буржуазном этапе развития России.

Большевики же обвиняли меньшевиков в том, что они рассматривали революцию как "процесс исторического развития", а не как сознательно организованный по заранее разработанному плану акт[38].

Меньшевики, анализируя ход революции и будучи уверены в том, что сознательные действия не могут изменить или ускорить этот ход, выступали прежде всего как теоретики. Согласно большевистской терминологии, они были резонерами, "архивными заседателями", "партийной интеллигенцией"[39].

Большевики же были людьми действия: они были заняты организацией революции с помощью легальных и нелегальных методов. Ленин – представитель и основатель большевизма, – в отличие от меньшевиков, с самого начала интересовался не столько теорией эволюции, сколько революционной практикой. Недаром Ленин всегда настаивал на том, что теория Маркса должна толковаться диалектически, а не догматически. Если теория и практика – это единое целое, то теория имела смысл только тогда, когда она находила выражение в практике в усло-

виях конкретного времени и места. Ленин, цитируя знаменитые "Тезисы о Фейербахе" Маркса, сравнивал меньшевиков с теми философами, которые лишь "*истолковывали* мир различным образом", большевики же как настоящие марксисты стремились изменить его[40].

Спор между большевиками и меньшевиками, обращенный, казалось бы, на неясные моменты марксистского учения, поднял основные для истории русской революции проблемы. Меньшевики, цепляясь за исходный тезис Маркса о последовательности свершения буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революций, так никогда и не согласились с предположением Ленина, высказанным еще в 1898 г., о неразрывной связи между этими революциями. Сначала должна была произойти буржуазная революция, так как капитализм мог достигнуть своего полного развития в России только в результате буржуазной революции. Без этого развития русский пролетариат не мог достаточно окрепнуть, чтобы начать и осуществить социалистическую революцию.

Такое формальное отделение одной революции от другой – как бы оно ни удовлетворяло теоретика – приводило к выводам, которые поставили бы в затруднительное положение революционеров более практического склада, чем меньшевики. Меньшевикам, ограничившим свои задачи буржуазной революцией, было трудно придать своей политической программе социалистическую или пролетарскую ориентацию. Буржуазная революция была необходимым и предопределенным предшественником пролетарской революции, и, таким образом, в конечном счете она соответствовала жизненным интересам пролетариата. Но сразу же после ее проведения власть перешла бы в руки тех, кто был угнетателем пролетариата и, опять-таки в конечном счете, его злейшим врагом. Меньшевики могли закрывать глаза на эту проблему, лишь сосредоточив свои усилия на проведении политики временной поддержки буржуазии в деле уничтожения самодержавия и завершения буржуазной революции, а также оказания давления на новое, революционное буржуазное правительство с целью улучшения материального положения пролетариата и предоставления ему возможностей, какими пользуются трудящиеся в развитых капиталистических странах (признание профсоюзов, 8-часовой рабочий день, социальное страхование и т.д.).

Следовательно, в сущности, как часто указывал Ленин, в споре большевиков с меньшевиками повторились разногласия с "легальными марксистами" и "экономистами", против которых сообща выступала в прошлом вся партия. В этом споре также отразились разногласия с ревизионистами в Социал-демократической партии Германии. Повторяя трафаретный тезис о том, что Россия стоит накануне буржуазной, а не социалистической революции, меньшевики шли за "легальными марксистами", которые также придавали первостепенное значение револю-

ционной теории и призывали отложить революционные действия на отдаленное будущее. Меньшевики вслед за "экономистами" предпочитали экономическую концепцию класса политической концепции партии[41]. Они верили, что единственной конкретной целью трудящихся на данном этапе может быть улучшение их экономического положения. Они вслед за немецкими ревизионистами считали, что лучше парламентским путем оказать давление на буржуазное правительство, чтобы добиться выгодных рабочим реформ, чем свергать его с помощью революции.

Меньшевизм не был изолированным или случайным явлением. Меньшевики выступали в поддержку ряда принципов, которые нашли воплощение в практике западноевропейских социалистов, а именно: легальная оппозиция, достижение прогресса путем реформ, а не революции, компромисс и сотрудничество с другими парламентскими партиями, экономическая агитация через профсоюзы. Меньшевизм имел прочные корни в западной философии и традициях (в конце концов, и Маркс был западным мыслителем). Русские народники, так же как и славянофилы, говорили о самобытности развития России; России, в отличие от Запада, суждено было избежать капиталистического этапа развития. Плеханов, выступая против народников, основывал всю свою теорию на том, что Россия должна пойти по тому же пути развития, что и Запад. В этом смысле он также был убежденным западником, а меньшевики были последователями Плеханова. Им всегда удавалось легче, чем большевикам, вызывать сочувствие и понимание со стороны социал-демократических лидеров Запада. Много лет спустя Радек иронически заметил, что "Западная Европа начинается с меньшевиков"[42].

Симптоматично, что, когда большевиков и меньшевиков как две фракции внутри партии стали четко различать в самой России (что случилось позднее и без той острой борьбы, какая наблюдалась среди эмигрантов), меньшевики находили сторонников среди наиболее высококвалифицированных и организованных рабочих-печатников, железнодорожников и рабочих сталелитейной промышленности – в передовых промышленных центрах юга страны, а большевиков поддерживали в основном рабочие сравнительно низкой квалификации, занятые на крупных предприятиях в отсталой тяжелой промышленности района Петербурга и на текстильных фабриках Петербурга и Москвы. В большинстве профсоюзов преобладали меньшевики. "Экономисты" утверждали, что, в то время как достаточно обученные рабочие Запада способны воспринять политическое учение, массы российского "фабричного пролетариата"[43] могут воспринять лишь агитацию экономического характера, и сам Ленин, по-видимому, считал, что призыв "экономистов" обращен к "низшим, наименее развитым слоям пролетариата"[44].

Однако этот диагноз не соответствовал ни тогдашней российской действительности, ни опыту Запада (где со времен

Первого Интернационала английские тред-юнионы, самая прогрессивная часть рабочего класса, придавали главное значение экономической, а не политической борьбе). Самые высококвалифицированные, образованные, организованные и привилегированные российские рабочие – те, что приближались к организованным рабочим Запада, – с трудом воспринимали революционные идеи; их легче всего было убедить в возможности улучшения их экономического положения в условиях буржуазного политического строя. А масса российских неквалифицированных фабричных рабочих, которые во всех отношениях стояли на более низком уровне, чем низшие слои трудящихся в западной промышленности, и которым было "нечего... терять кроме своих цепей", с готовностью приняла призыв большевиков к политической революции как к единственному способу улучшения их экономического положения.

Поражение меньшевизма, поражение трагическое и бесполезное, было результатом их отрыва от российской действительности. Общественный и политический строй России не создавал почвы, на которой мог расцвести буржуазно-демократический режим.

История редко повторяется – поэтому толкование марксизма, согласно которому последовательные этапы революции везде в мире будут точно следовать образцу, утвердившемуся в Западной Европе, было детерминистическим и, следовательно, неверным. Во второй половине XIX века в Германии оказалось невозможным осуществить буржуазно-демократическую революцию в классической форме; общественно-политическое развитие Германии пошло вкривь и вкось и было сведено на нет в результате неудачи революции 1848 г. В России в случае победы меньшевиков революция 1905 г. была бы так же несостоятельна, как и революция 1848 г. в Германии. Дело не только в том, что немецкая буржуазия в 1848 г. и русская буржуазия в 1905 г. были слишком слабыми и отсталыми, чтобы осуществить свои собственные революционные цели. Их слабость не подлежит сомнению. Но главная причина их колебаний заключалась в том, что они уже сознавали растущую опасность для них со стороны окончательной, пролетарской революции[45].

Одна из причин, почему история так редко повторяется, – та, что драматическим персонажам при повторном представлении заранее известна развязка. Согласно марксистской теории революции, буржуазия должна уничтожить феодальный строй, что предшествует ее свержению пролетариатом. Недостаток этой программы состоял в том, что стоило ей проникнуть в буржуазное сознание, как ее уже оттуда невозможно было извлечь[46]. Раз буржуазная демократия рассматривалась как этап перехода к социализму, она могла быть осуществлена только теми, кто верил в социализм. Это была глубокая истина, которую высказал Ленин, утверждая, что только пролетариат способен возглавить буржуазную революцию.

Проблема состояла не в том, что в России не созрели условия для революционного представления по западному образцу; дело было в том, что представление уже было разыграно на Западе и повторять его где-либо еще было невозможно. Меньшевики, ожидавшие, что в России созреют подходящие условия, были обречены на бесплодные усилия и гибель.

Большевистская концепция, хотя она и в значительно большей степени учитывала специфику российской действительности и поэтому избежала позора поражения, также не была свободна от внутренних противоречий. Согласно этой концепции, буржуазно-демократическая революция, несмотря на то что она осуществлялась пролетариатом при поддержке крестьянства, была в первую очередь буржуазной по своему характеру: это был этап, через который нельзя было перескочить, но который нельзя было путать с последующей пролетарско-социалистической революцией. Разумеется, нельзя было отрицать, что в этих условиях революция могла и должна была принять многое из того, что в сущности не было социалистическим, а было вполне совместимо с буржуазным капитализмом – например, распределение земли между крестьянами, 8-часовой рабочий день или отделение церкви от государства. Эти и многие подобные им требования были включены в программу-минимум, принятую партией. Однако похоже, что Ленин никогда не сталкивался с трудностями, связанными с вопросом о том, могла ли такая революция, бойкотируемая буржуазией или вызывающая ее активное сопротивление, привести к той буржуазной свободе и тому буржуазному прогрессу, которые сам Ленин назвал единственным путем, ведущим к подлинной свободе пролетариата и крестьянства. В речах и произведениях более позднего периода он часто разоблачал "буржуазную свободу" как бессовестный обман. Его нельзя упрекнуть в непоследовательности, так как он рассматривал два различных периода. Пока буржуазия была революционной силой, выступившей против остатков средневековья и феодализма, буржуазная свобода была реальной и прогрессивной; как только буржуазия, собрав всю свою мощь, выступила против растущих сил социализма и пролетариата, "буржуазная свобода" стала реакционной и фальшивой. Однако противоречие словесное помогло выявить реальную проблему. Большевики требовали установить в России буржуазную свободу и буржуазную демократию, которые не имели и не могли иметьв России (поскольку их пришлось бы устанавливать без поддержки буржуазии) социальных корней, и заявляли, что без этого невозможно идти к высшей свободе социализма. План меньшевиков, по которому буржуазную свободу должна была обеспечить русская буржуазия, был едва ли более утопическим, чем план большевиков, предусматривавший ее установление с помощью революционной диктатуры пролетариата и крестьянства.

Трагическая дилемма русской революции, которую не могли полностью разрешить ни меньшевики, ни большевики, была результатом ошибочного прогноза самой исходной марксистской концепции. Маркс верил, что буржуазный капитализм, раз установившись, повсюду достигнет в конце концов полного развития, а когда в силу присущих ему внутренних противоречий начнется его разложение, тогда, и только тогда, он будет свергнут социалистической революцией. В действительности же в тех странах, где капитализм достиг наиболее полного и мощного развития, на его основе была создана обширная система закрепленных законом имущественных прав, охватившая широкий слой рабочего класса, занятого в промышленности. Таким образом, даже когда процесс загнивания стал очевиден, капитализм продолжал в течение длительного времени без труда оказывать сопротивление революционным силам, в то время как именно едва зародившийся и незрелый капитализм легко поддавался первому натиску революции. Экономические последствия этого отклонения от заранее намеченного плана были очевидны: молодое революционное правительство, не имея возможности опереться на высокопроизводительную промышленную организацию и квалифицированные рабочие кадры развитого капитализма, было вынуждено создавать и укреплять новый строй, рассчитывая на недостаточные ресурсы отсталой страны, и новорожденному социализму пришлось переносить трудности и упреки в том, что он является режимом всеобщей скудости, а не изобилия, как всегда предполагали марксисты. Политические последствия были не менее сложными: при новом строе политическая власть была передана в руки пролетариата, лишенного той политической подготовки и опыта, которые приобретаются в условиях буржуазной конституции на основе всеобщего избирательного права и участия в деятельности профсоюзов и рабочих организаций, а также в руки крестьянства, большей частью неграмотного и почти полностью лишенного политической сознательности.

Трудности создавшегося положения и вытекающие отсюда разочарования, по мнению меньшевиков, были вызваны тем, что большевики самовольно отошли от марксистской схемы революции. Но эта схема была обречена на неудачу, когда пролетарская революция произошла в самой отсталой капиталистической стране. Затруднения еще были впереди. Но они были неотделимы от коренного вопроса, вокруг которого шли споры большевиков и меньшевиков. Его сущность особенно ясно раскрылась, когда началась первая русская революция 1905 г.

Глава 3

1905 ГОД И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГОДЫ

Раскол между большевиками и меньшевиками означал, что Российская социал-демократическая рабочая партия встретила первую русскую революцию 1905 г. ослабленной и растерянной. Ни одной из фракций не удалось одержать победу в этой непримиримой борьбе. Ленин писал в начале 1905 г.:

"И когда раскол стал фактом, стало видно, что мы *материально слабее во много раз*... У меньшевиков больше денег, больше литературы, больше транспортов, больше агентов, больше "имен", больше сотрудников. Было бы непростительным ребячеством не видеть этого"[1].

Однако через несколько месяцев агент меньшевиков в конфиденциальном письме с еще большим презрением отзывался о неэффективности меньшевистской литературы и организации в Петербурге[2].

В то время как революционное движение летом 1905 г. нарастало по всей России, большевики организовали в Лондоне исключительно большевистский съезд, который они назвали III съездом партии, и именно так он и вошел в историю. Главным сторонникам Ленина на съезде Богданову и Луначарскому суждено было порвать с ним три года спустя. Луначарский вернулся в партию в 1917 г., а на III съезде впервые появились на сцене три других делегата, которым предстояло сыграть важную роль после Октябрьской революции, – Каменев (один из пяти делегатов с Кавказа), Литвинов и Красин. Однако тот факт, что все прежние выдающиеся деятели партии, кроме Ленина, перешли (либо твердо, как Аксельрод, Мартов и Потресов, либо с колебаниями, как Плеханов и Троцкий) в лагерь меньшевиков, исключительно упрочил авторитет Ленина. Единственным деятелем на III съезде, способным занять независимую от Ленина позицию, был Красин, в то время главный организатор большевистского движения в самой России. Луначарский считал основным достижением съезда "полное слияние большевиков левого ленинского фланга с большевистским флангом Красина"[3]. Тем не менее в воспоминаниях Луначарского о докладе по вопросу о вооруженном восстании, с которым его попросили выступить на съезде, отмечается чисто второстепенная роль, отведенная помощникам Ленина.

"Владимир Ильич дал мне все основные тезисы доклада. Мало того, несмотря на мою манеру никогда не записывать никаких своих речей, а говорить импровизированно, он потребовал на этот раз, чтобы я всю свою речь написал и дал ему предварительно прочесть. Ночью, накануне заседания, где должен был иметь место мой доклад, Владимир Ильич внимательнейшим образом прочитал мою рукопись и вернул ее с двумя-тремя незначительными поправками, что неудивительно потому, насколько я помню, я в моей речи исходил из самых точных и подробных указаний Владимира Ильича"[4].

Различие в отношении большевиков и меньшевиков к зарождающейся революции было выражено в соответствующих резолюциях, принятых на Лондонском съезде и на Женевской конференции. Съезд признал насущную необходимость "организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания" и счел последующее участие в работе временного революционного правительства допустимым "в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса". Этому решению суждено было создать трудности через 12 лет[5]. В то же время на конференции меньшевиков было выражено мнение, что "партия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во Временном Правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции"[6].

Спор внутри партии не оказал влияния на развитие событий в России. Революция, приведенная в действие кровопролитием перед Зимним дворцом 9 января 1905 г., медленно набирала силу в росте выступлений весной и летом и достигла высшей точки в октябре, когда нахлынула волна забастовок; царь пообещал либеральную конституцию, и появились первые Советы рабочих депутатов. Первые организации этого нового типа, вероятно, возникли в результате стихийных действий групп рабочих, участвовавших в забастовках. Говорили, что первый Совет был организован в фабричном городе Иваново-Вознесенске[7]. В течение следующих нескольких недель более или менее организованные Советы возникли почти во всех главных промышленных центрах. Петербургский Совет, который был одним из первых, имел, несомненно, наибольшее значение. История Советов начинается именно с Петербургского Совета.

Петербургский Совет рабочих депутатов был основан 14 октября 1905 г. и существовал 50 дней. Его первым председателем был Хрусталев-Носарь, радикально настроенный юрист, вступивший в меньшевистскую фракцию социал-демократической партии в период образования Совета [8]. Совет вскоре обрел организационную структуру, издавал свою еженедельную газету ("Известия Совета Рабочих Депутатов", предшественницу более знаменитой ежедневной газеты "Известия" 1917 г.) и в момент наивысшего подъема насчитывал 550 делегатов, представляв-

ших 250 тыс. рабочих. Самым выдающимся социал-демократом в его рядах был Троцкий, быстро проявивший себя как энергичный и изобретательный руководитель, и когда Хрусталев-Носарь был арестован в конце ноября 1905 г.[9], Троцкий стал председателем Совета на последние несколько дней его существования. Как впоследствии указывал Троцкий, слабость этого Совета была слабостью чисто городской революции. К началу декабря правительство укрепилось и выступило против Совета. Троцкий и другие руководители были арестованы, и блестящее и вызвающее выступление Троцкого на суде подняло авторитет Совета, а также его собственный авторитет.

В Петербургский Совет входили главным образом (но отнюдь не исключительно) социал-демократы. Что касается вражды в партии, то Совет занимал либо нейтральную, либо меньшевистскую позицию. Повсюду в России в Советах 1905 г. роль большевиков была едва заметной и незначительной. Ленин сам сдержанно называл их "не рабочим парламентом и не органом пролетарского самоуправления", а "боевой организацией для достижения определенных целей"[10]. Как таковые Советы представляли собой не более чем непартийные дополнительные организации, которые помогали партии вести борьбу за свершение революции, и их даже, вполне возможно, рассматривали с легким оттенком подозрительности как соперников партии[11]. Ленин прибыл в Петербург в начале ноября 1905 г. Неясно, однако, бывал ли он в Петербургском Совете; во всяком случае, он не играл руководящей роли в его деятельности[12].

Практические действия и героизм революционеров, как и трагедия их поражения, бросали мрачный свет на отсутствие единства в партии, которая стремилась руководить революцией. Раскол, наблюдавшийся в Лондоне и Женеве, еще не был так глубок среди рядовых членов партии в самой России[13]. В 1905 г. в России социал-демократы повсюду отбросили свои разногласия и работали вместе, не придавая значения расхождениям, которые привели к расколу среди руководителей партии. В течение лета с обеих сторон делались попытки примирения. По мере того как эта тенденция усиливалась в условиях относительной свободы, обещанной октябрьским Манифестом 1905 г., у Ленина создавалось впечатление роста недовольства среди рядовых членов партии тем, что партия оказалась в тупике[14]. "Былые споры эпохи дореволюционной, – писал он вскоре после этого, – сменились солидарностью по практическим вопросам"[15]. Как раз перед тем, как был разогнан Петербургский Совет, большевики и меньшевики пришли к примирению настолько, что выпустили три совместных номера газеты "Северный голос".

В декабре 1905 г. на конференции большевиков, состоявшейся в Таммерфорсе, в Финляндии (это был первый случай, когда на Всероссийской партийной конференции или съезде присутствовал Сталин, и здесь он впервые встретился с Лениным), была одобрена идея объединения Центральных Комите-

тов двух фракций с целью организации совместного съезда партии[16]. В январе и феврале 1906 г. новый Объединенный ЦК РСДРП смог объявить об активной подготовке к съезду, который собрался в Стокгольме в апреле[17]. Официально названный "Объединительным" съездом, он не был в то время обозначен порядковым номером в партийных документах (поскольку меньшевики оспаривали право большевиков на проведение III всебольшевистского съезда в 1905 г.), хотя позднее он стал известен в литературе как IV съезд, а следующий единый съезд (впоследствии известный как V) проводился в Лондоне в апреле–мае 1907 г. Стокгольмский Объединительный съезд в апреле 1906 г. проходил в обстановке кульминации оптимизма, вызванного октябрьским Манифестом и созывом I Думы, и большинство на съезде составляли меньшевики. На Лондонском съезде большинство составляли большевики, хотя такое соотношение поддерживалось благодаря участию малых групп. Троцкий, который впервые с 1903 г. появился на съезде, заявил, что он стоит "вне фракций".

Еще до Лондонского съезда 1907 г. вновь стали раздаваться взаимные обвинения большевиков и меньшевиков. Ленин обвинил Дана и других лидеров меньшевиков в сделке с кадетами при выборах в Думу, заклеймив эту сделку как "продажу кадетам голосов рабочих", и ему пришлось предстать перед партийным судом, выдвинувшим против него обвинение в клевете на коллег по партии[18]. Через две недели после окончания Лондонского съезда роспуском в Петербурге II Думы был положен конец игре в конституционное правительство и начат период "столыпинской реакции" и твердой власти. На партийной конференции, состоявшейся в Париже в конце декабря 1908 г., сохранялось формальное единство[19], и в течение следующего года было опубликовано несколько номеров новой партийной газеты "Социал-демократ", в редакционной коллегии которой Мартов сотрудничал с Лениным, Каменевым и Зиновьевым.

Готовность Ленина идти на временное примирение с меньшевиками, очевидно, была тогда связана с трудностями внутри большевистского крыла партии. Богданов и Луначарский были вдохновителями так называемого "идеалистического" уклона, стремившегося примирить социализм с религией, и Ленин резко разоблачал их в своем крупном философском труде "Материализм и эмпириокритицизм". У этого направления был свой политический "конек", связанный с требованием бойкота социал-демократами III Думы. Это было первое в истории партии возникновение "левой оппозиции", явления, которое впоследствии приобрело известность[20]. Ленин вел непримиримую борьбу со всеми своими оппонентами, и если большевикам в течение всех этих лет удалось сохранить единство и остаться последовательной и организованной группой, то этим они полностью обязаны целеустремленности и настойчивой убежденности одного человека. Между тем Пленум Центрального Комитета партии

состоявшийся в Париже в январе 1910 г., снова продемонстрировал единство партии на основе компромисса между большевиками и меньшевиками – на этот раз не считаясь с тем, что Ленин голосовал против[21].

За внешним единством партии, поддерживать которое становилось все труднее в период с 1906 по 1911 г., скрывались разногласия, не уменьшавшиеся, а углублявшиеся с течением времени и от сознания неудачи. Крушение великих надежд 1905 г. было тяжелым ударом для партии. Однако трезвый анализ случившегося в тот год показал, насколько непримиримыми стали позиции двух фракций. Даже внутри этих фракций начались разногласия, так что уже нельзя было говорить о двух четко определенных и противоположных лагерях, и, возможно, именно это общее замешательство, а не подспудное единство взглядов препятствовало открытому разрыву.

Меньшевики оставались крупной, но слабо спаянной группой, объединенной скорее общей философией, чем общей программой действий. Большевики отличались большей последовательностью, и их политика была определена более четко, однако всеми этими преимуществами они были обязаны исключительно непоколебимой решимости своего вождя. Среди тех, кто не принадлежал к двум основным фракциям, наиболее выдающейся личностью был Троцкий; интеллектуальная мощь позволила ему занять независимую как от большевиков, так и от меньшевиков позицию в области теории, хотя ему недоставало поддержки преданных сторонников. Тогдашние споры в Российской социал-демократической рабочей партии об уроках 1905 г.и о будущей судьбе русской революции были связаны с тремя различными толкованиями или методами применения марксистской доктрины, сформулированными соответственно меньшевиками, большевиками и Троцким.

Опыт 1905 г., не затронув основной проблемы применения марксистского анализа к русской революции, выдвинул новые проблемы и представил старые в новом свете. Каутский назвал эту революцию "...буржуазной революцией – в эпоху, когда буржуазные идеалы пришли к полному банкротству, когда буржуазная демократия утратила всякую веру в самое себя, когда лишь на почве социализма могут расцветать идеалы, развиваться энергия и энтузиазм"[22]. Движущей силой революции были рабочие и иногда крестьяне. Ее временные достижения – конституция, созыв Думы и образование политических партий – были буржуазными. Она потерпела неудачу – и к 1908 г. от ее достижений почти ничего не осталось, – потому что буржуазия оказалась неспособной не только совершить революцию, но и пожать плоды революции, совершенной другими.

Неспособность русской буржуазии была признана всеми группами. Однако по вопросу о том, какие выводы следует сде-

лать из этого признания, мнения резко расходились. Следует ли пересмотреть теоретический вопрос о связи социалистической и буржуазной революций, а значит, в политическом плане – об отношении пролетариата и его партии к буржуазии? Необходимо ли в ходе развития русской революции строго придерживаться марксистской концепции или следует внести в нее некоторые изменения, принимая во внимание либо превалирующую роль крестьянства в экономике России и особенности аграрной проблемы, либо готовность более развитых европейских стран к социалистической революции? Наконец, постоянно возникал, нисколько не утратив своей актуальности, старый вопрос о характере, функциях и организации партии.

Из всех трех групп меньшевики в наименьшей степени восприняли опыт 1905 г. Все, что случилось в России, не поколебало их верности тому, что они считали основным принципом марксизма: социалистическую революцию может осуществить только развитой пролетариат; русский пролетариат может окрепнуть только на основе развития капитализма в России; русский капитализм может достигнуть определенного развития лишь в результате победы буржуазной революции. Этот силлогизм предполагал не только теоретическое разграничение двух революций (что были готовы признать все группы), но и определенный промежуток времени между ними. Меньшевики отвергали политику немедленной подготовки к социалистической революции и обрекали пролетариат на данной стадии на вспомогательную роль союзника буржуазии. Они не верили, что российский пролетариат может ускорить свою, предсказанную Марксом победу, взяв в союзники крестьянские массы. Крестьянство для них оставалось антиреволюционной силой; любая революционная политика, рассчитанная на поддержку с его стороны, была возвратом к ереси народников о крестьянской революции. Этот довод подкреплялся опытом 1848 г., многочисленными отрывками из работ Маркса и Энгельса, а также опытом 1905 г., когда, как сказал сам Троцкий, пролетарская революция разбилась "о штыки крестьянской армии"[23]. Что же касается перспектив европейской революции, то меньшевики так охарактеризовали их на конференции, состоявшейся в мае 1905 г.:

"Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и по возможности дольше удержать ее в своих руках, – именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которой достигли уже известной зрелости условия для осуществления социализма. В этом случае ограниченные исторические пределы русской революции могут значительно раздвинуться, и явится возможность выступить на путь социалистических преобразований"[24].

Однако слова "известная зрелость", которые Ленин критиковал как недопустимо пессимистические[25], свидетельствовали об осторожности меньшевиков. Эта резолюция, принятая в

момент, когда перспективы 1905 г. еще не вызывали опасений, осталась единственным заявлением меньшевиков на данную тему, и европейская революция никогда не занимала важного места в теоретическом анализе меньшевиков – хотя бы потому, что меньшевики никогда не считали ее неизбежной.

Отсюда следовала пессимистическая покорность судьбе, присущая меньшевизму того времени. Как сказал на Стокгольмском съезде Аксельрод:

"Общественные отношения России созрели еще только для буржуазной революции, и историческая стихия толкает самих рабочих и революционеров с гораздо большей силой в сторону буржуазного революционизма, превращающего тех и других в невольных политических слуг буржуазии, чем в сторону революционизма, принципиально социалистического, тактически и организационно подготовляющего пролетариат к политическому господству"[26].

Мартынов, который выступил на том же съезде, так определил функции партии в текущий период: она "пробудит к политической жизни буржуазную демократию, будет толкать ее вперед, будет радикализировать буржуазное общество"[27]. В терминах партийной организации эта точка зрения означала отказ от конспирации или подготовки к вооруженному восстанию и, следовательно, противоречила всей ленинской концепции партии профессиональных революционеров. Ленин презрительно назвал меньшевиков людьми, которые "пятятся назад, топчутся на одном месте... не умея определить условий решительной победы"[28].

Большевистский анализ событий 1905 г. и уроков, которые следовало извлечь из этого опыта, был совершенно иным. Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. вывело на авансцену российской политики "третью силу", которой суждено было когда-нибудь уничтожить и самодержавие, и буржуазию, – пролетариат:

"Пролетариат показал, что есть третья (в сущности, конечно, не третья, а вторая по счету и первая по боевой готовности) *сила*, не только заинтересованная в ломке, но и *готовая приступить к настоящей ломке* самодержавия. Начиная с 9-го января, рабочее движение у нас на глазах *вырастает* в народное восстание"[29].

Ленин признавал так же безоговорочно, как и меньшевики, буржуазный характер зарождавшейся революции и необходимость пройти этап буржуазной демократии на пути к социализму:

"Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам. ...мы, марксисты, должны знать, что нет и быть не может другого пути к настоящей свободе пролетариата и крестьянства, как путь буржуазной свободы и буржуазного прогресса"[30].

Однако Ленин утверждал, что русская буржуазия неспособна и одновременно не желает завершить буржуазно-демократическую революцию не только из-за ее слабости, но и потому, что ее поддержка революции была "непоследовательной, своекорыстной и трусливой". Из страха перед пролетариатом буржуазия была уже на полпути к тому, чтобы стать контрреволюционной. Меньшевистская политика отсрочек не только не улучшала перспектив революции, но привела бы к усилению сопротивления буржуазии. Таким образом, пролетариат был единственным последовательно революционным классом: "пролетариат один способен идти надежно до конца, ибо он идет гораздо дальше демократического переворота". Поэтому он должен взять на себя прежде всего задачу завершения буржуазной революции[31].

Возложенная на пролетариат задача завершения буржуазно-демократической революции как прелюдии к осуществлению своей собственной, социалистической революции могла быть выполнена при двух условиях. Их анализ стал главной темой большой работы Ленина "Две тактики социал-демократии в демократической революции", написанной летом 1905 г. Первое условие предусматривало союз между пролетариатом и крестьянством. Крестьянство, не будучи революционным в том смысле, как это понимали народники, то есть враждебным капитализму как таковому, было "в данный момент заинтересовано не столько в безусловной охране частной собственности, сколько в отнятии помещичьей земли, одного из главных видов этой собственности"[32]. Таким образом, крестьянство могло стать союзником пролетариата на данном этапе, что позволило бы пролетариату свергнуть самодержавие и завершить буржуазно-демократическую революцию, несмотря на нерешительность буржуазии или ее сопротивление. Результатом этой победы было бы установление не социалистической диктатуры пролетариата, а "революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства"[33].

Однако Ленин был готов заглянуть в еще более далекое будущее. После осуществления таким союзом буржуазной революции крестьянство в целом перестало бы быть революционным и не поддерживало бы пролетариат в его продвижении к социалистической революции. На этом этапе пролетариату необходимо было бы, снова возглавив борьбу за революцию, вызвать раскол внутри самого крестьянства и завоевать поддержку полупролетарских элементов, то есть бедных и безземельных крестьян, которые бы выступили против богатых крестьян, получивших самые большие прибыли в результате раздела земли помещиков. Краткое содержание всей программы представлено в выделенном курсивом отрывке из работы "Две тактики социал-демократии...":

"*Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неус-*

тойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии"[34].

Второе условие рассматривалось далеко не так подробно. Вероятно, это объясняется тем, что Ленин обычно излагал свою теорию в форме полемики, а второе условие, в отличие от первого, не вызвало возражения со стороны меньшевиков. И все же в апреле 1905 г. уже предпринималась попытка изложить это условие в статье, а теперь о нем снова говорилось в двух местах работы "Две тактики социал-демократии...". Один из результатов демократической революции означал бы возможность "перенести революционный пожар в Европу", и ничто "не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе" в России. Осуществление "*революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства*" "даст нам возможность поднять Европу, а европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь поможет нам совершить социалистический переворот"[35].

В работе "Две тактики социал-демократии..." Ленин тщательно проводил грань между двумя этапами революции и в теоретическом и в практическом планах. Он даже писал, что "этот демократический переворот... не ослабит, а усилит господство буржуазии"[36]. Это предсказание, казалось, сближало его с меньшевиками в вопросе о продолжительном интервале между двумя этапами революции, во время которого происходит дальнейшее развитие капитализма. Однако он специально выделил два момента в переходе от демократического к социалистическому этапу – поддержку со стороны полупролетарских слоев крестьянства и социалистическую революцию в Европе – и показал, как эти два момента могли бы вытекать из революционно-демократической диктатуры, венчающей первый этап.

Следовательно, он рассматривал эти два этапа как своего рода непрерывный процесс. Три месяца спустя, в сентябре 1905 г., в короткой статье, озаглавленной "Отношение социал-демократии к крестьянскому движению", он обратился к знаменитым словам Маркса, сказанным в 1850 г.:

"...от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути"[37].

Похоже, что он никогда больше не повторял этих слов. Но идея оставалась. В конце 1905 г. в заметках, впервые опубликованных 20 лет спустя, он снова охарактеризовал два этапа революции в их логической последовательности. Пролетариат в союзе с крестьянством осуществит буржуазную революцию. Это приведет к новому этапу, в процессе которого богатые крестьяне

и "изрядная доля среднего крестьянства" примкнут к буржуазии, а пролетариат при поддержке беднейших слоев крестьянства осуществит борьбу "за сохранение демократических завоеваний ради социалистического переворота". Эта борьба оказалась бы безнадежной, "*если бы* на помощь российскому пролетариату не пришел *европейский социалистический пролетариат*". Таков был ключ к окончательной победе. "Европейские рабочие покажут нам, "как это делается", и тогда мы вместе с ними делаем социалистический переворот"[38].

Среди ведущих российских социал-демократов Троцкий был единственным, кто сыграл видную роль в революции 1905 г. Поэтому вполне естественно, что уроки революции должны были оказать на него глубокое влияние. В этом отношении он резко расходился с меньшевиками. Его сотрудничество с меньшевиками после расхождения с Лениным в 1903 г. по вопросу об организации партии было кратковременным. Ему были чужды элементы пассивности в доктрине меньшевиков. Сразу после 9 января он писал:

"*Наша борьба за революцию, наша подготовка к революции будет вместе с тем нашей беспощадной борьбой с либерализмом за влияние на массы, за руководящую роль пролетариата в революции.* В этой борьбе за нас будет великая сила: логика самой революции!"[39]

В феврале 1905 г. Троцкий вернулся в Россию и активно занялся революционной деятельностью. Именно осенью того же года, в разгар работы в Петербургском Совете, Троцкий разработал свою концепцию, уточнив изложенную Лениным в сентябре формулу "непрерывной революции":

"Авангардное положение рабочего класса в революционной борьбе; связь, которая устанавливается непосредственно между ним и революционной деревней; обаяние, которым он подчиняет себе армию, – все это неизбежно толкает его к власти. Полная победа революции означает победу пролетариата. Эта последняя, в свою очередь, означает дальнейшую непрерывность революции". "Пролетариат осуществляет основные задачи демократии, и логика его непосредственной борьбы за упрочение политического господства ставит перед ним в известный момент чисто-социалистические проблемы. Между минимальной и максимальной программой устанавливается революционная непрерывность. Это не один "удар", это не день и не месяц, это целая историческая эпоха"[40].

В начале 1906 г., находясь в тюрьме, Троцкий написал аналитическую работу, озаглавленную "Итоги и перспективы", о которой он впоследствии писал, что это "единственная работа, где я в более или менее систематическом виде изложил свои взгляды на развитие революции"[41].

По мнению Троцкого, специфика социальной структуры России состояла в том, что здесь развитие капиталистической промышленности происходило под давлением иностранного ка-

питала и под покровительством государства. Таким образом, пролетариат сформировался без независимого класса буржуазных предпринимателей. По этой причине в стране, "экономически более отсталой, пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистически передовой", и "русский "работник" может оказаться у власти раньше, чем его "хозяин"[42]. Троцкий не только считал это теоретически возможным. Опыт 1905 г. убедил его, что это действительно должно произойти. Он видел, как владельцы фабрик в России отвечали на требование о 8-часовом рабочем дне: они объявляли локаут. Рабочие могли заставить выполнить свое требование, которое было законным и необходимым требованием буржуазной революции, только захватив фабрики. "...Став у власти, пролетариат неизбежно, всей логикой своего положения, будет толкаться к ведению хозяйства за государственный счет"[43]. Предполагать, что социал-демократы будут руководить проведением буржуазной революции, а затем отойдут в сторону, "уступая место буржуазным партиям", – это "утопизм худшего сорта, это какой-то революционно-филистерский утопизм". "Раз партия пролетариата возьмет власть, она будет бороться за нее до конца"[44]. Завершение буржуазной революции автоматически включало бы переход к социалистической революции.

Позднее в статье, написанной в 1909 г., Троцкий определил основной момент своего расхождения соответственно с меньшевиками и большевиками:

"Если меньшевики, исходя из абстракции "наша революция буржуазна", приходят к идее приспособления всей тактики пролетариата к поведению либеральной буржуазии вплоть до завоевания ею государственной власти, то большевики, исходя из такой же голой абстракции "демократическая, а не социалистическая диктатура", приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть. Правда, разница между ними в этом вопросе весьма значительна: в то время как анти-революционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, анти-революционные черты большевизма грозят огромной опасностью только в случае революционной победы"[45].

Несомненно, благодаря исключительной проницательности Троцкому удалось здесь точно предсказать, какую позицию займет большинство руководителей большевиков в Петрограде перед возвращением Ленина в апреле 1917 г. Труднее подтвердить, что вплоть до Февральской революции Ленин придерживался той же позиции "самоограничения". Ленин действительно не занимал столь ясной и твердой позиции по этому вопросу, как Троцкий, что было главной причиной замешательства в рядах большевиков после февраля 1917 г. После 1906 г. Ленин выступил два или три раза с критикой теории "перманентной революции" Троцкого. Но, вероятно, Троцкий был прав, утверж-

дая, что Ленин никогда не читал статьи "Итоги и перспективы", которую цитировал на основе статьи Мартова[46], и приведенные высказывания едва ли способствовали уяснению точки зрения Ленина. Так же как и Троцкий, Ленин не отрицал перспективы прямого перехода от буржуазной к социалистической революции. Но, в то время как Троцкий верил, что этот переход произойдет автоматически и неизбежно по "логике" самой революции, Ленин крепче стоял на твердой почве буржуазной революции и считал, что переход к социализму будет зависеть от выполнения двух внешних условий, которые он сформулировал в 1905 г.: поддержки со стороны крестьянства и европейской социалистической революции. Основное различие во взглядах Ленина и Троцкого в тот период заключалось в следующем: Ленин считал, что начало перехода к социализму зависит от наличия условий, которые Троцкий считал необходимыми лишь для окончательной победы.

Что касается крестьянства, то марксистская концепция о неспособности крестьянства основать революционную партию была исходным моментом в полемике Плеханова с народниками, и она прочно утвердилась в теории партии. Накануне 1905 г. Троцкий назвал крестьянство "*громадным резервуаром потенциальной революционной энергии*"[47] – дальше этого вряд ли мог бы пойти социал-демократ в то время. Опыт 1905 г., вдохновивший Троцкого на блестящий анализ роли пролетариата в революции, создал у него несколько искаженное представление о роли крестьянства. Крестьянские выступления сопровождали и поддерживали революционное движение на ранних этапах. Но в критический момент именно крестьянин, одетый в солдатскую форму, сохранил верность царю и его офицерам и разгромил революцию городского пролетариата. Троцкий делал выводы на основе именно такого диагноза. Он признавал несомненное значение крестьянина, выступающего в качестве вспомогательной силы при решении главной задачи пролетариата. Но это не означало, что крестьянство было независимой политической силой наравне с пролетариатом. Правильная точка зрения состояла в том, что пролетариат осуществит буржуазную революцию, "*опираясь на крестьянскую стихию и руководя ею*"[48], – формула, принятая впоследствии Лениным как по существу идентичная его собственной[49].

Троцкий был несогласен и с ленинской идеей о правительстве, создаваемом в результате этой революции, – "революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства". В статье "Итоги и перспективы" он отказался от такой формулы, считая, что это "невозможно"[50]. В результате революции, возглавляемой пролетариатом, могло быть создано только "рабочее правительство", то есть правительство, в котором представители рабочих занимали бы "господствующее и руководящее положение"[51]. Еще меньше можно было рассчитывать на союз пролетариата и крестьянства как орудие осуществления социалистичес-

кой революции. Фундаментальное столкновение интересов разрушило бы этот союз в самом начале совместных выступлений: ведь аграрная политика революционного правительства приведет к "организации кооперативного производства под коммунальным контролем или прямо за государственный счет"[52], и придется навязать крестьянству эти социалистические принципы. Таким образом, Троцкий выразил сомнение – хотя расхождения между ним и Лениным впоследствии были значительно преувеличены – в правильности обоих аспектов ленинской концепции союза со всем крестьянством в целях осуществления буржуазной революции и союза с "полупролетарскими" элементами крестьянства для свершения социалистической революции. На обоих этапах революции основная задача была возложена на плечи пролетариата.

По вопросу о необходимости социалистической революции в Европе как второго условия осуществления социалистической революции в России меньшевики, большевики и Троцкий придерживались единой точки зрения. Троцкий ясно сформулировал это условие в конце статьи "Итоги и перспективы":

"Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни одной минуты. Но, с другой стороны, нельзя сомневаться и в том, что социалистическая революция на Западе позволит нам непосредственно и прямо превратить временное господство рабочего класса в социалистическую диктатуру"[53].

В то время Ленин шел еще дальше. Он не был уверен, что русский пролетариат способен даже начать – не говоря уже о том, чтобы завершить, – социалистическую революцию в России без поддержки европейского пролетариата. Но и Ленин и Троцкий безоговорочно верили в необходимость европейской революции для окончательной победы социализма в России. Тогда еще ни один из них не признал бы возможности победы социалистической революции в России без социалистической революции в Европе.

Однако, в то время как по вопросам теории расхождения между Лениным и Троцким были едва заметны, по вопросу об организации партии Троцкий со времени раскола в 1903 г. сохранял верность меньшевистским взглядам. Не признавая ленинской концепции небольшой, высокоорганизованной и высокодисциплинированной партии, он продолжал считать раскол неоправданным и боролся за восстановление единства партии, взяв на себя роль миротворца, стоящего "вне фракций". Эта позиция постоянно сближала Троцкого с меньшевиками (несмотря на все теоретические расхождения), чья идея массовой партии не отличалась нетерпимостью к различным оттенкам мнений, и приводила его к ссорам с Лениным, взгляды которого на единство партии не поколебались с 1903 г.

В течение всего периода с 1909 по 1914 г. Ленин во имя чистоты теории и действенности организации неоднократно выступал против попыток Троцкого объединить обе фракции. Углубление спора вызвало обострение конфликта и привело к взаимным оскорблениям. В 1903–1904 гг. зачинщиком в этом словесном поединке был Троцкий[54]. Теперь, в период острых разногласий 1911–1914 гг., Ленин в свою очередь подверг критике "звонкие, но пустые фразы"[55] Троцкого и его "невероятную хлестаковщину"[56]. Отказ подчиниться партийной дисциплине вел к неустойчивости во взглядах: "С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов"; он всегда действует, "пролезая в щель" тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой"[57]. Троцкий в тот период проявил меньше враждебности, чем Ленин, в своих публичных выступлениях, новосполнил это в личном письме, посланном в 1913 г. грузинскому меньшевику Чхеидзе, где он писал, что "все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения"[58]. Несмотря на примирение в 1917 г., память противников Троцкого в партии неизгладимо запечатлела эти язвительные взаимные обвинения.

В январе 1912 г. в обстановке обострения разногласий и трудностей внутри партии Ленин собрал в Праге небольшую конференцию своих последователей и сочувствующих им в России и Западной Европе. Хотя на конференции присутствовало только 14 делегатов с правом голоса (все, кроме двоих, большевики), она провозгласила себя "общепартийной конференцией" и "верховным органом партии". На ней был отмечен печальный факт "распада и развала большинства организаций партии", вызванных контрреволюционными преследованиями и усилившихся в результате длительного отсутствия "партийного практического центра". На конференции осуждались как ликвидаторы те, кто не признавал большевистской политики действий и организации; настаивалось на "необходимости усиленной работы по восстановлению нелегальной организации РСДРП". Не отрицалась и целесообразность легальной деятельности, при этом были выдвинуты три основных требования партии – все вполне в пределах возможностей буржуазной революции – в связи с предстоящими выборами в IV Думу: "*1) демократическая республика, 2) 8-часовой рабочий день, 3) конфискация всей помещичьей земли*". Наиболее важным вопросом Пражской конференции был вопрос о партийной организации. Центральный Комитет партии, избранный на Лондонском съезде в 1907 г. и представлявший различные группы делегатов съезда, не заседал в течение двух лет и фактически прекратил свою деятельность. На конференции, присвоившей себе функции партийного съезда, был избран новый Центральный Комитет из шести человек, включая Ленина, Зиновьева и Орджоникидзе, и пяти

их заместителей, или кандидатов, включая Бубнова и Калинина. Это был шаг неконституционный. Однако он наглядно свидетельствовал о стремлении большевиков сформировать собственную Российскую социал-демократическую рабочую партию, исключив из нее всех ликвидаторов, меньшевиков и прочих. То, что пытались сделать на III съезде в 1905 г., было сделано теперь. И на этот раз не было пути назад. С тех пор большевики перестали быть фракцией внутри партии, они стали партией[59].

Одно изменение, внесенное в Устав партии во время конференции, позволило Центральному Комитету кооптировать дополнительных членов ЦК. В соответствии с этим положением вскоре после конференции был кооптирован Сталин[60], и он также стал членом только что назначенного Русского бюро, ответственного за работу внутри России.

Момент был критический. 4 апреля 1912 г. войска расстреляли бастующих рабочих на золотых приисках реки Лены. Пострадало свыше 500 человек. Это была самая страшная расправа такого рода со времени 9 января 1905 г., и она привела к новой вспышке беспорядков и волнений на промышленных предприятиях. В это время в Петербурге начала выпускаться новая большевистская газета "Правда", что свидетельствовало о возросшей активности партии. Первый номер газеты вышел 22 апреля 1912 г. О росте активности партии также свидетельствовало решение Ленина переехать из Парижа в Краков, расположенный в принадлежащей Австрии части Польши, чтобы находиться поближе к месту событий.

Растущая напряженность в России в течение последующих двух лет не только способствовала появлению новых возможностей и перспектив революционной деятельности в самой России, но и привела к углублению раскола между большевиками и меньшевиками. Решительные действия Ленина в Праге вызвали негодование среди других партийных групп. Но ничто не могло поколебать его решимости идти независимым путем. В августе 1912 г. Троцкий созвал в Вене совещание российских социал-демократов всех оттенков в надежде снова добиться объединения. Но это вызвало осуждение и насмешки со стороны большевиков, и в результате "августовский блок" стал временной коалицией меньшевиков, троцкистов и других мелких групп против большевиков. Единственным следствием было дальнейшее обострение отношений между Лениным и Троцким. Никогда они не писали друг о друге более резко и ядовито, чемв течение 18 месяцев после августовской конференции.

Войне 1914 г. было суждено стать почвой, на которой взошли семена революции. После ее вспышки сразу резко осложнились задачи революционеров и распалась их едва зародившаяся организация. В Петербурге депутаты большевиков и меньшевиков в Думе немедленно объединились и выработали общую декларацию от имени всей Российской социал-демократической рабочей партии, призывающую к отказу голосовать за предоставле-

ние военных кредитов. Первой акцией со стороны правительства было подавление антиправительственной прессы, включая большевистскую "Правду". Даже в Западной Европе свобода печати сохранялась лишь в некоторых небольших нейтральных странах. Так как Ленин был арестован и ему угрожало интернирование в Австрии, он нашел убежище в Швейцарии, куда приехал и Зиновьев, и они создали в Берне организацию, которая вскоре была признана как авторитетный центр большевизма.

Ленин не сомневался в отношении партии к вопросу о войне. После конгресса в Штутгарте в 1907 г. Второй Интернационал по инициативе Ленина обратился к социал-демократам с призывом в случае войны "использовать экономический и политический кризис, вызванный войной, для того чтобы... ускорить уничтожение классового господства класса капиталистов"[61]. Отступничество социалистов и социал-демократов Западной Европы, которые почти все до единого поддержали правительства своих стран в августе 1914 г., было самой черной изменой. Это нисколько не поколебало убежденности Ленина. Он прибыл в Берн 5 сентября 1914 г. и на следующий день перед небольшой группой большевиков, которых удалось собрать, зачитал ряд тезисов о войне. Он ясно провозгласил в них: "С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск". Он выдвинул лозунги, которые должны были провозгласить социал-демократы:

"...Всесторонняя, распространяющаяся и на войско и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войске всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и "патриотизмом" мещан и буржуа всех без исключения стран"[62].

На более крупной конференции большевиков, состоявшейся в Берне в феврале 1915 г., в которой участвовали Ленин и Зиновьев, а также Бухарин, Крыленко и Пятаков, был принят и затем опубликован ряд резолюций по тем же вопросам[63].

Однако большевики оставались изолированной группой. Плеханов утверждал, что национальная оборона обязательно предшествует реформе. Таким образом, его позиция не отличалась от взглядов представителей социал-демократических или рабочих партий Второго Интернационала, которых Ленин подверг резкой критике и назвал "социал-шовинистами".

Взгляды меньшевиков были самыми разными: от "правых", которые выражал Плеханов, до "левых", с которыми выступил Мартов, провозгласивший себя интернационалистом и присоединившийся к Ленину в обличении "империалистической войны". Но между большевизмом и "левым" меньшевизмом существо-

вало значительное различие. Ленин хотел покончить с войной путем социалистической революции во всей Европе, которая позволила бы России прямо перейти от буржуазной революции к социалистической. Мартов хотел покончить с войной через буржуазно-демократический мир на основе национального самоопределения, без аннексий и контрибуций. И ни один меньшевик, безоговорочно принимавший догму о буржуазном характере грядущей революции в России, не мог пойти дальше этого. В сентябре 1915 г. Мартов и Ленин присутствовали на знаменитой Циммервальдской конференции социалистов из разных стран, выступавших против войны. Различие между ними было различием между Циммервальдским большинством и Циммервальдской левой.

В России после первоначальных шагов по установлению сотрудничества между большевиками и меньшевиками ход событий и различия в мнениях привели к размежеванию двух групп. В пользу большевиков говорил тот факт, что у них была сильная подпольная организация, которая, несмотря на жестокие преследования полиции, никогда полностью не прекращала своей деятельности.

В конце сентября 1914 г. пять большевистских депутатов Думы и другие делегаты от большевиков из различных частей России провели тайную конференцию в Финляндии. Вдохновленные тезисами, которые Ленин огласил 24 августа (6 сентября) 1914 г., они приняли резолюцию, обличающую – правда, в нескольких общих фразах – правительство и войну. Месяц спустя депутаты-большевики вместе с другими видными большевиками, включая Каменева, созвавшие новую конференцию, были арестованы и в начале 1915 г. сосланы в Сибирь[64]. На суде Каменев и два других делегата заявили, что они не согласны с тезисами Ленина в той их части, где партии предписывалось способствовать поражению России в войне[65]. Но если среди большевиков наблюдались некоторые колебания, то среди меньшевиков в России наступил почти полный разброд, и их стало невозможно отличить от других "прогрессивных" деятелей, сочетавших патриотическое отношение к войне с требованием "демократических" реформ.

Ссылка всех выдающихся большевиков из Петрограда в Сибирь, где Свердлов, Сталин и Орджоникидзе еще до начала войны отбывали сроки, фактически подорвала центральную большевистскую организацию России. В течение 18 месяцев так называемое Русское бюро Центрального Комитета перестало существовать. Весной или летом 1916 г. оно было восстановлено партийным работником по фамилии Шляпников, который, проживая в начале войны в Париже, присутствовал на конференции в Берне в 1915 г. и затем был направлен Лениным в Скандинавию для организации ввоза партийной литературы в Россию. Теперь Шляпников вернулся в Петроград и ввел в Бюро двух молодых членов партии, которые не были достаточно известны и

не могли вызвать подозрений. Это были Залуцкий и Молотов, молодой интеллигент из Казани (его подлинная фамилия – Скрябин, и он начал свою партийную деятельность в редакции газеты "Правда" в 1912 г.). Таким образом, было создано новое Русское бюро[66]. Однако его деятельность была ограничена. Местные комитеты в нескольких крупных центрах все еще проводили тайную пропаганду. Но их связь с Центральным Комитетом, находившимся в Швейцарии, была ненадежна и постоянно прерывалась, хотя номера партийной газеты "Социал-демократ", выпускавшейся Лениным с неопределенными перерывами в течение всей войны, все-таки иногда проникали в Россию. В России же партия не имела печатного органа с тех пор, как в начале войны была запрещена "Правда".

Тем временем Ленин, находясь в Швейцарии, писал, наблюдал и ждал. В начале 1916 г. он переехал из Берна в Цюрих, где легче было собрать материал для работы "Империализм, как высшая стадия капитализма" – его основного произведения, написанного в годы войны. Он также много писал об отношении социалистов к войне и о национальном самоопределении, к которому привлекла внимание пропаганда союзников и по вопросу о котором члены партии резко расходились. В апреле 1916 г. Ленин участвовал во второй международной социалистической конференции в Кинтале. На заседаниях, казалось, наметился едва заметный поворот влево среди социалистов, выступавших против войны, но не было никакого подлинного единства мнений и целей. Вера Ленина в правильность его учения никогда не ослабевала. Однако однообразие жизни и невозможность действовать несколько приглушили его оптимизм. Осенью 1911 г., в самый, казалось бы, темный период реакции, он сумел разглядеть растущие признаки того, что "близится к концу эпоха господства так называемого мирного буржуазного парламентаризма, чтобы уступить место эпохе революционных битв организованного и воспитанного в духе идей марксизма пролетариата, который свергнет господство буржуазии и установит коммунистический строй"[67]. Выступая перед швейцарской аудиторией в январе 1917 г., он с сомнением сказал: "Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции"[68]. Ему было в то время 46 лет. Недель через шесть в России началась революция. Затем, после месяца тревожного ожидания и трудных переговоров, германские власти разрешили Ленину вместе с группой из 20 большевиков (в нее входили Зиновьев, Радек, Сокольников и Сафаров) проехать через Германию в Швецию в опломбированном железнодорожном вагоне[69]. 3 апреля 1917 г. они прибыли в Петроград.

Глава 4

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ[1]

Февральская революция 1917 г., свергнувшая династию Романовых, была стихийным взрывом недовольства масс, доведенных до отчаяния лишениями войны и явной несправедливостью в распределении жизненных тягот. Она была восторженно встречена и использована широкими слоями буржуазии и чиновничества, потерявших веру в систему самодержавного управления и особенно в самого царя и его советников. Первое Временное правительство состояло именно из представителей этой части населения. Революционные партии не участвовали непосредственно в осуществлении революции. Они не ожидали ее и вначале были поражены.

Петроградский Совет рабочих депутатов был создан в момент революции стихийно, группой рабочих, без руководства из центра. Это было возрождение Петербургского Совета, сыгравшего в революции 1905 г. короткую, но славную роль. Как и его предшественник, Совет был организацией беспартийной, избранной фабричными рабочими; в нем были представлены и социалисты-революционеры, и меньшевики, и большевики. Вначале он не стремился к власти, что отчасти объяснялось убеждением его лидеров в том, что Россия созрела только для буржуазной, а не для социалистической революции, а отчасти тем, что они не сознавали своей компетентности и готовности к управлению. Совет усматривал свою роль в том, что он, как впоследствии писал Ленин, "*добровольно* передает государственную власть буржуазии и *ее* Временному правительству"[2]. Однако тот факт, что предписания Совета признавались все большим числом рабочих и солдат, наделял его независимо от него самого властью, которую нельзя было игнорировать.

Так создалась почти случайно возникшая практическая основа так называемого двоевластия, установившегося в результате Февральской революции. Общественная власть была некоторым образом сосредоточена в руках двух органов – чье отношение друг к другу было противоречивым, колеблясь от соперничества к сотрудничеству, – Временного правительства, ставшего законным преемником царского правительства и признанного таковым за границей, и Совета рабочих депутатов, стихийно

сформированного и, следовательно, революционного. По примеру Петрограда Советы создавались в Москве и других крупных городах, а несколько позже и в сельских районах . Это в свою очередь привело к созыву первого Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов в конце марта 1917 г.

Из двух фракций Российской социал-демократической рабочей партии вначале от Февральской революции больше выиграли меньшевики. Как и в 1905 г., обещание конституционного правительства, казалось, оправдывало их программу и дало им преимущество по сравнению с большевиками. Картина первого этапа революционного процесса рисовалась меньшевиками именно как буржуазно-революционный строй, который правоверные марксисты критикуют, но поддерживают, пока буржуазный капитализм не исчерпал своих возможностей и не настало время социалистической революции. В самом деле, двоевластие, рассматриваемое как законное сотрудничество между буржуазным правительством и пролетарской "легальной оппозицией", полностью соответствовало меньшевистской концепции. Главную трудность для меньшевиков представляло их отношение к войне, по которому между ними наблюдались разногласия. Казалось, однако, что если оказывать давление на буржуазное правительство, требуя, чтобы оно покончило с войной на основе демократической программы, и не вдаваться в конкретные детали относительно путей и средств прекращения войны, то такая политика в данный момент всех удовлетворит. Меньшевики скоро стали играть ведущую роль в Петроградском Совете: его первым председателем был грузинский меньшевик Чхеидзе.

Основными противниками меньшевиков были социалисты-революционеры. Вскоре Советы рабочих депутатов превратились в Советы рабочих и солдатских депутатов. По мере того как армии разлагались, превращаясь в отбивающиеся от немцев массы крестьян, жаждущих мира и земли и рассчитывавших на социалистов-революционеров, традиционную партию крестьянской революции, все выше восходила звезда социалистов-революционеров (или эсеров, как их обычно называли).

Казалось, меньше всего выиграли большевики. Из-за внезапности революции политику большевиков должны были определять три человека (двое из них были молоды и неопытны), отрезанные не только от партийного центра, который находился в Швейцарии, но и от других опытных партийных руководителей, сосланных в Сибирь. Положение было сложным. С одной стороны, тезисы Ленина и все, что он затем написал, обязывали их проводить вызывающую политику – которой, как известно, были недовольны даже многие большевики – призывов к гражданской войне и поражению своего отечества. С другой стороны, в партийной резолюции 1905 г. предусматривалось создание временного революционного правительства в результате демократической революции и признавалось, что участие большевиков в

таком правительстве могло бы быть желательным "в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса"[3]. Располагая лишь этими руководящими указаниями и не более, Шляпников, Залуцкий и Молотов, представлявшие Русское бюро Центрального Комитета, составили проект партийного Манифеста, который был выпущен в виде листовки 26 февраля 1917 г. и через два дня появился в качестве Прибавления к № 1 "Известий Петроградского Совета"[4].

Учитывая все вместе взятое, эта попытка была похвальной. Так как о создании временного правительства еще не было объявлено, вопрос об определении отношения к нему не возникал. Манифест призывал рабочий класс и революционную армию создать "*Временное Революционное Правительство*", которое установило бы республику, провело бы демократические реформы, как, например, 8-часовой рабочий день, конфискацию помещичьих земель, образование выборных органов на основе всеобщего избирательного права и тайного голосования, конфискацию и распределение запасов продовольствия. Манифест также призвал "войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей... и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана порабощенным народам". Фабричных рабочих и восставших солдат призывали избирать своих представителей во временное революционное правительство. В конце обращения приветствовались "красное знамя революции", "Демократическая Республика", "революционный рабочий класс", "революционный народ и восставшая армия". Ленин, прочитавший отрывки из Манифеста в немецких газетах, когда был еще в Швейцарии и добивался выезда в Россию, отметил, как "особенно важна и особенно злободневна та совершенно правильная мысль нашего ЦК, что для мира необходимы сношения с *пролетариями всех воюющих стран*"[5].

Февральская революция устранила все препятствия – кроме нехватки работников – для воссоздания партийной газеты. Выпуск "Правды" возобновился 5 марта 1917 г. В редакционную коллегию входили: Молотов, который нес главную ответственность как член Бюро Центрального Комитета, Калинин, которого и тогда и впоследствии ценили, пожалуй, не столько за интеллект, сколько за его авторитет полезного члена партии крестьянского происхождения, и Еремеев, о котором известно довольно мало, за исключением его вклада в издание "Правды" в 1912 г.[6] Первый номер газеты распространялся бесплатно, второго было продано 100 тыс. экземпляров[7]. В первых семи номерах новой "Правды" выражались взгляды, о которых уже говорилось в партийном Манифесте. Осуждалось существовавшее Временное правительство как "правительство капиталистов и помещиков", и высказывалась мысль о том, что Советы должны созвать Учредительное собрание для установления "Демократи-

ческой республики". По вопросу о войне 10 марта 1917 г. в газете была опубликована резолюция Бюро, призывавшая к превращению империалистической войны в войну гражданскую в целях освобождения народов от угнетения правящих классов, хотя газета пока воздержалась от прямого призыва к национальному поражению. Но были в ней и серьезные отступления. В том же номере, где была опубликована резолюция, появилась статья Ольминского, в которой в заключение говорилось:

"[Буржуазная] революция не закончена. Мы живем под лозунгом "вместе бить". Для своего партийного дела – каждая партия сама по себе. Для общего дела – все заодно".

Обстановка осложнилась с воссозданием местного Петербургского комитета партии, который, впервые став легальным, привлек много новых членов и отражал возникавшие между ними серьезные разногласия. В целом Петербургский комитет стоял ближе к правым, чем Бюро. Когда 5 марта 1917 г. молодой Молотов появился на одном из его заседаний в качестве делегата Бюро и представил на рассмотрение комитета резолюцию, направленную против Временного правительства как контрреволюционного и предлагавшую заменить его правительством, способным осуществить программу демократической революции, большинство членов комитета не поддержало его. Они приняли программу, предусматривавшую поддержку Временного правительства постольку, "поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа"[8].

Эта запутанная ситуация еще больше осложнилась после возвращения в Петроград из Сибири 13 марта 1917 г., в день выпуска 7-го номера "Правды", Каменева, Сталина и Муранова. Каменев был опытным литератором, и на Пражской конференциив 1912 г. он был назначен редактором Центрального Органа партии – в то время это была "Рабочая газета". Сталин, который был членом Центрального Комитета партии с 1912 г., сменил Шляпникова и стал в Петрограде главным партийным руководителем. Муранов был одним из большевистских депутатов IV Думы. Все они были сотрудниками старой "Правды"[9]. Они сразу же приняли бразды правления от Шляпникова и его молодых коллег, и 15 марта 1917 г. в "Правде" было объявлено, что Муранов взял на себя руководство газетой, а Сталин и Каменев вошли в редакционную коллегию. По всей вероятности, бывшие члены редколлегии продолжали работать, однако их влияние и прерогативы уменьшились.

Эти мероприятия, как бы ни были они неприятны бывшим временным руководителям, которые хорошо справлялись в трудной ситуации, были вполне естественны[10] и не вызывали бы большого интереса, если бы вновь прибывшие не внесли в политику газеты перемен, порождавших споры. Короткая статья Сталина в "Правде" от 14 марта 1917 г. примечательна не столько тем, что в ней было сказано, сколько тем, что в ней было

опущено. Она призывала рабочих, крестьян и солдат поддержать Советы как "органы союза и власти революционных сил России". Однако в ней не упоминалось ни о Временном правительстве, ни о войне, а осторожный призыв "удержать завоеванные права для того, чтобы добить старые силы и... двинуть дальше русскую революцию", был ближе к меньшевистской формуле подталкивания буржуазии, чем к большевистской идее руководства революцией[11]. В номере, выпущенном на следующий день, наряду с объявлением об изменениях в редакционной коллегии на первой странице было опубликовано обращение Петроградского Совета "К народам всего мира", в котором говорилось: "Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу" и "Русская революция не отступит перед штыками завоевателей"[12]. Далее следовала статья Каменева:

"Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ".

Свободный народ мог только "на пулю отвечать пулей и на снаряд – снарядом". Выраженный от всего сердца призыв к национальной обороне ясно подтверждал заявление Каменева в суде более двух лет назад, в котором он высказал свое несогласие с ленинской позицией[13].

По словам Шляпникова, единственного для нас в данном случае авторитетного источника, изменение политической линии "Правды" вызвало тревогу среди фабричных рабочих – большевиков, и состоялось заседание, на котором присутствовали члены Бюро, Петербургского комитета и те, кто вернулся из сибирской ссылки. В ходе дискуссии Сталин и Муранов выразили несогласие с взглядами Каменева, который, "подчинившись общему решению, занял в организации "умеренную позицию"[14]. Дискуссия, по-видимому, привела не к компромиссу, а к тупику, ибо, хотя "Правда" прекратила публиковать статьи, открыто призывавшие к национальной обороне (наподобие статьи Каменева), она в равной мере воздерживалась от какого бы то ни было решительного наступления на Временное правительство или его политику войны[15]. Более опытная и осторожная редакционная коллегия умерила боевой задор, проявленный в прежних номерах "Правды", заняла более удобную выжидательную позицию. Когда проводилась партийная конференция для решения вопроса о том, какой линии придерживаться на первом Всероссийском совещании Советов в конце марта 1917 г., предложение Сталина поддержать Временное правительство в его деятельности лишь в той мере, в какой оно идет по пути удовлетворения требований рабочего класса и революционного крестьянства, вряд ли отличалось по существу от формулировки, одобренной большинством меньшевиков на совещании Советов. Большевики в основном разделяли мнение Сталина о возмож-

ности объединения "на почве решений, принятых в Циммервальде и Кинтале", с теми меньшевиками, которые выступали против национального "оборончества"[16].

Свыше семи лет спустя, в разгар спора с Троцким, Сталин признал, что совершил в то время ошибку. Заявив, что партия не могла ни стремиться к свержению Временного правительства, так как оно было связано с Советами, ни поддерживать его, так как оно было империалистическим правительством, он продолжал:

"Партия (ее большинство)... приняла политику давления Советов на Временное правительство в вопросе о мире и не решилась сразу сделать шаг вперед от старого лозунга о диктатуре пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о власти Советов. Эта половинчатая политика была рассчитана на то, чтобы дать Советам разглядеть на конкретных вопросах о мире подлинную империалистическую природу Временного правительства и тем оторвать их от последнего. Но это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина"[17].

Этот довод не особенно убедителен; приписывается тонкости намерений то, что было лишь следствием путаницы. Однако те, кто стремился выработать последовательную большевистскую политику в Петрограде в мартовские дни 1917 г., вызывают сочувствие. Тогда еще никто не оспаривал, что русская революция не была, да и не могла быть, ничем иным, кроме как буржуазной революцией. Таковы были прочные и признанные рамки теории, которым должна была соответствовать политика. Но в этих рамках трудно было найти убедительную причину для того, чтобы сразу же отвергнуть Временное правительство, несомненно буржуазное, или требовать передачи власти Советам, по существу пролетарским, или – хотя бы – осудить стремление к "демократическому" миру и призывать к гражданской войне и национальному поражению. Невозможно найти квадратуру круга. Ленину предстояло на глазах у изумленных сторонников вдребезги разбить эти рамки.

Прибытие Ленина на Финляндский вокзал в Петрограде вечером 3 апреля 1917 г. описано по крайней мере четырьмя очевидцами[18]. В Белоострове, последней остановке перед Петроградом, Ленина встречала группа во главе со Шляпниковым, представлявшая Русское бюро Центрального Комитета. В поезде Ленин обратился к Шляпникову с вопросами "о положении дел в партии, о причинах переворота к оборончеству "Правды", о позиции отдельных товарищей". В Петрограде его приветствовали члены Центрального Комитета и Петербургского комитета, а

также сотрудники "Правды". Среди них был Каменев, которого Ленин добродушно побранил: "Что у вас пишется в "Правде"? Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали". Александра Коллонтай вручила букет цветов, которые Ленин нес неловко, и все последовали в бывший императорский зал ожидания. Там Ленина официально приветствовал Чхеидзе, председатель Петроградского Совета. В нескольких тщательно подобранных словах он выразил надежду, что произойдет "сплочение рядов всей демократии" в защиту "нашей революции". Ленин, слегка отвернувшись от официальных представителей в сторону собравшейся на улице толпы, обратился к ней со словами: "Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие!" Он приветствовал в их лице "победившую русскую революцию", заявил, что "грабительская империалистская война" является началом гражданской войны во всей Европе, и в заключение сказал:

"Не нынче-завтра, каждый день – может разразиться крах всего европейского империализма. Русская революция, совершенная вами, положила ему начало и открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция"[19].

Как отмечает Суханов, это выступление Ленина не было ответом Чхеидзе. Оно даже не вписывалось в "контекст" русской революции, как он воспринимался всеми – без различия – ее свидетелями и участниками". Ленин начал свою речь, и с первых слов он говорил не о буржуазной, а о социалистической революции.

На площади перед вокзалом состоялась массовая демонстрация большевиков, впереди которой шел броневик со знаменем партии. Затем Ленин, стоя на броневике, обратился к приветствовавшей его толпе с тем же призывом, а позже в тот же вечер он в течение двух часов выступал перед партийной аудиторией в штаб-квартире партии. Постепенно возраставшее удивление, с которым другие партийные руководители встретили слова Ленина, было отмечено одним из очевидцев 10 лет спустя:

"...Ждали, что приедет Владимир Ильич и призовет к порядку русское бюро ЦК, а особенно тов. Молотова, занимавшего особенно непримиримую позицию по отношению к временному правительству. Оказалось, однако, что именно Молотов-то и был ближе всех к Ильичу"[20].

На следующий день шли дискуссии на квартире сестры Ленина и в редакции "Правды"[21]. Днем он выступал на собрании социал-демократов – большевиков, меньшевиков и независимых – в Таврическом дворце, где Совет проводил свои сессии. Именно на этом собрании Ленин впервые огласил свои Апрельские тезисы, в которых были кратко изложены его взгляды. Богданов прервал его, крикнув: "Ведь это бред, это бред сумасшедшего!" – а другой бывший большевик, Гольденберг, заявил, что "Ленин ныне выставил свою кандидатуру на один трон в Европе, пустующий вот уже 30 лет: это трон Бакунина!" Стеклов, редактор "Известий", вскоре вступивший в партию, заявил, что речь

Ленина состоит из "абстрактных построений", от которых он откажется, когда узнает обстановку в России. Речь Ленина подверглась нападкам со всех сторон. Только Коллонтай выступила в его поддержку. Ленин покинул зал и даже не использовал свое право на ответ[22]. В тот же вечер он снова прочитал свои тезисы на собрании руководителей большевиков* и снова оказался в полной изоляции[23].

Тезисы "О задачах пролетариата в данной революции" были опубликованы в "Правде" 7 апреля 1917 г.[24] Ключ к пониманию ленинской позиции заключается во втором тезисе:

"Своеобразие текущего момента в России состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства".

Из этого тезиса следовал вывод об осуждении Временного правительства и его политики поддержки войны, а также об отказе от нелепого требования, "чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским". В то же время необходимо было объяснять массам, что "С.Р.Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства". Пока Совет "поддается влиянию буржуазии", то есть пока в нем большинство составляли небольшевики, работа по политическому воспитанию масс была главной задачей партии. Но цель была ясна:

"Не парламентская республика, – возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху".

Следовательно, Ленин подразумевал, что момент, когда большевики путем воспитания политической сознательности масс завоюют большинство в Советах, станет моментом перехода ко второму, или социалистическому, этапу революции. Эта суть была выражена в экономических тезисах, предусматривавших национализацию всей земли и превращение крупных поместий в образцовые хозяйства, контролируемые Советами, слияние существующих банков в единый национальный банк (более мягкая формулировка требования о национализации банков). К этому был добавлен третий пункт:

"Не "введение" социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов".

Тезисы заканчивались предложением пересмотра Программы партии и изменения ее названия с "социал-демократической" на "коммунистическую", а также требованием создания

---

* Ленин сначала выступил на собрании большевиков, а затем – на собрании большевистских и меньшевистских делегатов (см.: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 131). – *Прим. ред.*

революционного Интернационала. Что касается точного момента перехода к социализму, то осторожные формулировки Ленина оставляли место для некоторой неопределенности, но не вызывало сомнений, что этот переход – главная цель, и именно по этому вопросу немедленно разгорелась борьба.

На следующий день после публикации тезисов "Правда" поместила, как бы от редакции, статью, написанную Каменевым. В ней подчеркивалось, что Ленин выразил только свое "*личное* мнение", и в заключение говорилось:

"Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции *законченной** и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую"[25].

В тот же день тезисы Ленина обсуждались на заседании Петербургского комитета партии и были отклонены большинством в 13 голосов при 2 против и 1 воздержавшемся[26]. Предстояло еще обсуждение на Петроградской общегородской партийной конференции 14 апреля 1917 г. и спустя 10 дней – на Всероссийской конференции РСДРП(б). Тем временем Ленин изложил свои взгляды в очередной статье в "Правде" и в двух брошюрах, вторая из которых была опубликована лишь через несколько месяцев.

Согласно ленинскому анализу, в период двоевластия было два различных правительства. Временное правительство было правительством *буржуазии*. Советы представляли собой диктатуру "пролетариата и крестьянства (одетого в солдатские мундиры)"[27]. Поскольку совершился переход власти к этим двум силам, "постольку" верно, что "буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России *закончена*", пусть даже все необходимые буржуазно-демократические реформы еще не были выполнены: "Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась" ("в известной форме и до известной степени", – осторожно добавил Ленин в примечании)[28]. Специфическая особенность ситуации заключалась в "переплетении" (Ленин употребил это слово несколько раз) буржуазной власти Временного правительства и революционной (потенциальной, если не фактической) диктатуры Советов. В будущем предстояла борьба между буржуазией и пролетариатом за влияние на крестьянские массы[29].

В тот период "факт *классового сотрудничества* буржуазии и крестьянства" был решающим. Советы, согласно взглядам меньшевиков, все еще оставались "придатком буржуазного правительства". Но если бы крестьянство овладело землей и тогда, когда оно овладело бы землей (что с точки зрения классовой означает, что крестьянство отделилось бы от буржуазии и стало союзником революционного пролетариата, а с точки зрения

* Курсив Карра. – *Прим. ред.*

политической – что большевики завоевали бы большинство в Советах), "тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции"[30]. В своих убедительных доводах Ленин снова подводил к переходу к социализму, хотя прямо еще этого не провозглашал. Он еще считал преждевременным требовать свержения Временного правительства. Но он подчеркивал, что двоевластие могло быть лишь промежуточным этапом борьбы, который должен был закончиться победой одной из сторон: "Двух властей в государстве *быть не может*"[31]. Меньшевистская идея сотрудничества окажется несостоятельной. Рано или поздно Советы должны свергнуть Временное правительство или сами погибнуть.

Петроградская партийная конференция была в некотором роде репетицией Всероссийской партийной конференции, так что вопросы обсуждались дважды теми же участниками и с теми же результатами на менее и более представительных собраниях. При этом опять раскрылось огромное влияние Ленина на партию, влияние, основанное не на ораторском искусстве, а на ясности и точности доводов, покорявших исключительным пониманием ситуации. "Все товарищи до приезда Ленина, – заявил один из делегатов Петроградской конференции, – бродили втемноте"[32]. Теперь только Каменев последовательно отстаивал политическую линию, принятую всеми ведущими большевиками в Петрограде до Апрельских тезисов. Все свелось к вопросу о том, следует ли партии, как предлагал Ленин, бороться за передачу власти Советам или, как считал Каменев, ограничиться "самым бдительным контролем" над Временным правительством со стороны Советов. Каменев решительно отвергал любые предложения, которые могли быть истолкованы как призыв к свержению правительства. В ходе решающего голосования предложение Каменева было отвергнуто большинством в 20 голосов против 6 при 9 воздержавшихся[33].

Всероссийская партийная конференция (известная в истории партии как Апрельская конференция) состоялась спустя 10 дней в условиях назревания правительственного кризиса. Нота Милюкова от 18 апреля 1917 г. с обещанием соблюдать обязательства, данные союзникам царским правительством, вызвала бурю протестов, что привело к его вынужденной отставке. На конференции обстановка еще больше изменилась в пользу Ленина. Сталин коротко и Зиновьев более пространно поддержали его против Каменева[34]. Был момент, когда Ленин протянул Каменеву оливковую ветвь примирения, сказав, что хотя Временное правительство должно быть свергнуто, но "не сейчас и не обычным путем"[35].

Основные резолюции были приняты подавляющим большинством 150 делегатов. При только 7 воздержавшихся конференция объявила, что приход к власти Временного правительства "не изменил и не мог изменить" империалистического характера участия России в войне, и приняла решение способство-

вать "переходу всей государственной власти по крайней мере нескольких воюющих стран в руки класса пролетариев и полупролетариев". Затем при только трех голосах против и восьми воздержавшихся была принята резолюция, в которой осуждалось Временное правительство за его "явное содействие" "буржуазной и помещичьей контрреволюции" и содержалось требование проводить активную подготовку среди "пролетариев города и деревни" в целях осуществления "успешного перехода всей государственной власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов или других органов, непосредственно выражающих волю большинства народа (органы местного самоуправления, Учредительное собрание и т.п.)"[36].

Самое сильное противодействие вызвала резолюция, содержащая анализ "текущего момента", ибо, даже поддержав ленинскую политику, партия, давно настроенная на концепцию буржуазной революции как ближайшей цели, все еще не решалась провозгласить переход к социалистическому этапу революции. В резолюции говорилось: "Объективные предпосылки социалистической революции, несомненно бывшие уже налицо перед войной в наиболее развитых передовых странах, назревали дальше и продолжают назревать вследствие войны с громадной быстротой"; "...русская революция является только первым этапом первой из пролетарских революций, неизбежно порождаемых войной"; лишь в результате совместных усилий рабочих разных стран можно гарантировать "наиболее планомерное развитие и возможно более верный успех всемирной социалистической революции". Далее приводился старый довод о том, что, хотя немедленное осуществление "социалистического преобразования" в России невозможно, пролетариат должен отказаться поддерживать буржуазию и взять на себя руководство проведением в жизнь практических реформ, которые должны привестик завершению буржуазной революции. Эта резолюция была принята большинством в 71 голос при 39 против и 8 воздержавшихся[37]. И никто не ответил на вопрос, поднятый, видимо, только Рыковым:

"Откуда взойдет солнце социалистического переворота? Я думаю, что по всем условиям, обывательскому уровню инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого"[38].

Принятие на Апрельской конференции лозунга "Вся власть Советам!" хотя и не предвещало немедленных революционных действий, но впервые придало конкретную форму и конституционную значимость большевистской концепции революции. Несколько недоверчивое отношение Ленина к Советам в 1905 г. изменилось благодаря высокому авторитету, которым они пользовались даже после своего поражения. Весной 1906 г. он говорил о них как о "новых органах *революционной власти*":

"Эти органы создавались исключительно *революционными* слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм

всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа"[39].

Их можно было, таким образом, рассматривать как примерное осуществление ленинской идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и считать "*на деле* зачатками Временного правительства"[40]. Но в последующий период реакции и разочарований память о Советах угасла, и они редко упоминались в партийных дискуссиях. Когда в январе 1917 г. Ленин выступал перед швейцарской аудиторией с длинной лекцией о революции 1905 г., о Советах он сказал три-четыре фразы, хотя он все еще признавал, что в некоторых местах Совет "действительно функционировал в качестве новой государственной власти"[41].

Таким образом, вполне понятно, что возрождение Петроградского Совета в феврале 1917 г., учитывая, что большинством нем составляли меньшевики, не должно было особенно возбудить интерес у большевиков в столице: в первой большевистской прокламации, выпущенной 26 февраля, о нем не упоминалось. В связи с этим можно провести любопытную параллель между Марксом и Лениным. Идея Маркса о "диктатуре пролетариата" первые 20 лет после того, как она была сформулирована, оставалась абстрактной и лишенной конкретного воплощения идеей, пока Маркс в конце концов не обнаружил, что она нашла свое воплощение в институте, созданном людьми, которые большей частью не были его последователями и к которым вначале сам Маркс относился с едва скрытым недоверием, – в Парижской Коммуне. Ленин разработал все основы своей теории революции тогда, когда о Советах еще не было слышно. Он относился к первому Петербургскому Совету – беспартийному и, хуже того, делу рук меньшевиков – с таким же сомнением, как Маркс к Коммуне. Однако Советы в 1905 г. достигли вершин, бросив вызов самодержавию, а весной 1917 г. им суждено было стать носителями революционной власти, о которой мечтал Ленин.

В первом из своих "Писем из далека", написанном в Швейцарии в марте 1917 г. (единственном из них, которое было опубликовано до его приезда в Петроград), Ленин охарактеризовал Петроградский Совет как новое "неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое *рабочее правительство*, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения". Такая точка зрения подразумевала, по мнению Ленина, что уже наступает пора "*перехода* от первого к второму этапу революции"[42]. Таким образом, была подготовлена почва для Апрельских тезисов, где признание этого перехода ясно связывалось с лозунгом "Вся власть Советам!". Именно в это время Ленин назвал Советы "властью *того же типа*, какого была Парижская Коммуна 1871 года", – властью, источник которой – "не закон, предварительно обсужденный и проведенный

парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой "захват", употребляя ходячее выражение"[43]. Таким образом, Ленин победоносно пошел по пути Маркса, а Советы – по пути Коммуны. Советы были не только осуществлением "революционно-демократической диктатуры". Как и Коммуна, они были предвестниками марксистской диктатуры пролетариата[44].

Однако по одному вопросу позиция партии все еще оставалась неясной. В заключительных словах партийной Программы, принятой в 1903 г. и оставленной без изменений в 1917 г., содержалось требование о созыве *"учредительного собрания*, свободно избранного всем народом", а III большевистский съезд партии в 1905 г. снова призвал к "созыву революционным путем учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайною подачею голосов"[45]. Правда, Ленин в то же самое время высмеивал тех, кто верил в *"самопроизвольное зарождение"* Учредительного собрания, и заявил, что "без вооруженного восстания учредительное собрание фантом, фраза, ложь, франкфуртская говорильня"[46]. Однако этот, в сущности буржуазно-демократический, институт тем не менее занимал главное место в ленинской теории революции. В апреле 1917 г. можно было бы утверждать, что эта установка партийной платформы относилась к периоду, когда буржуазная революция еще предстояла, и устарела, когда уже совершилась Февральская революция. Но такой довод никогда не приводился, несомненно, потому, что ни сам Ленин, ни тем более его последователи не были готовы утверждать, что буржуазная революция уже завершена. В резолюции Апрельской конференции в качестве потенциальных преемников власти назывались и Советы и Учредительное собрание и явного выбора между ними не делалось. В течение всего периода от Февральской до Октябрьской революции 1917 г. большевики вместе с другими левыми группами продолжали требовать созыва Учредительного собрания и осуждать Временное правительство, оттягивавшее этот созыв, не придавая значения несовместимости такого требования с сопутствующим ему лозунгом "Вся власть Советам!". Если бы были проанализированы причины этой непоследовательности или невозможности выбора, это могло бы пролить свет на истоки расхождений внутри партии по поводу Апрельских тезисов. Но в тот период подобная непоследовательность свидетельствовала не о различии мнений, а о неуверенности и отсутствии определенности у руководителей партии, включая Ленина, по вопросу о характере текущего революционного процесса. Последующие события должны были внести окончательную ясность.

С момента Апрельской конференции каждый ход на политической шахматной доске, казалось, был в пользу большевиков и оправдывал самые смелые расчеты Ленина. Нота Милюкова от 18 апреля была воспринята как пощечина не столько большевикам, сколько тем умеренным элементам в Совете, которые, отвергая призыв большевиков добиваться мира путем граждан-

ской войны и национального поражения, тем не менее осуждали "империалистические" замыслы и настаивали на немедленном обеспечении "демократического" мира. Отставка Милюкова привела к падению правительства. В первом Временном правительстве Керенский был единственным министром-социалистом. Двусмысленность его позиции проявлялась в том, что он часто пытался снять с себя ответственность за действия других министров. В начале мая было сформировано новое правительство. И хотя Львов по-прежнему занимал в нем пост премьер-министра, в него также вошли шесть министров-социалистов в качестве представителей Совета: два портфеля получили эсеры, два – меньшевики и два – независимые социалисты.

Такое перераспределение мест в правительстве было произведено вроде бы для укрепления власти и престижа Совета путем усиления его контроля над деятельностью правительства. Результаты были совершенно иными. Новое правительство, еще зажатое в тисках административной машины, управляемой буржуазией и давно сформировавшимся классом чиновников, на которое давили союзники и перед которым стояла совершенно неразрешимая проблема установления демократического мира, было почти не в состоянии удовлетворить нужды солдат и рабочих, все настойчивее требовавших доказательств того, что конец войны близок. Совет в то время представлял собой коалицию социалистических партий, созданную в целях защиты интересов рабочих против буржуазии. Теперь он уже не мог завоевывать у них авторитет путем оказания давления на правительство, в котором он сам был в значительной мере представлен[47]. В партиях эсеров и меньшевиков произошел раскол между теми, кто поддерживал министров-социалистов, и теми, кто выступал против них. А главное, большевики были теперь единственной партией, которая не скомпрометировала себя участием в немощной буржуазно-социалистической коалиции и предлагала ясно сформулированную политику – мир любой ценой. Процесс, в результате которого они в конце концов завоевали доверие огромного большинства солдат и рабочих и стали доминирующей силой в Советах, начался.

В начале мая произошло еще одно важное событие. Вместе с большой группой изгнанников, возвратившихся на родину в Петроград из Соединенных Штатов, прибыл Троцкий, задержанный на пять недель британскими властями. На следующий день после своего прибытия он выступил в Петроградском Совете, и его авторитет выдающегося деятеля первого Совета 1905 г. сразу же дал основание видеть в нем возможного лидера[48]. Он присоединился к небольшой социал-демократической группе под названием "объединенные социал-демократы" (более известной как "межрайонцы"), которая существовала в Петрограде с 1913 г. и заявляла о своей независимости и от большевиков и от меньшевиков. Живой ум и неугомонный характер приводили его в прошлом к тому, что он вступал в конфликт с любым партийным

руководством. Но теперь он жаждал активных действий и понимал, что Ленин – единственный человек действия на политической арене; он равно презирал и эсеров, и меньшевиков, и тех мягкотелых большевиков, которые не решались откликнуться на призыв Ленина. Почти сразу по прибытии Троцкого стало ясно, что они договорятся. Сама Апрельская конференция признала важность "сближения и объединения с группами и течениями, на деле стоящими на почве интернационализма"[49]. 10 мая 1917 г. Ленин присутствовал на конференции "межрайонцев" и предложил им участвовать в работе редколлегии "Правды" и организационного комитета предстоящего съезда партии. Он намеревался предложить это и группе "меньшевиков-интернационалистов" во главе с Мартовым. Судя по заметкам Ленина, сделанным в то время, Троцкий отвечал, что согласен "**постольку, поскольку** русский большевизм интернационализировался", однако высокомерно добавил: "Большевики разбольшевичились – и я называться большевиком не могу... Но признания большевизма требовать от нас нельзя"[50]. Встреча результатов не дала. Троцкий, верный своим старым принципам примирения всех вокруг, по сути дела, стремился к слиянию групп на равных условиях и под новым названием. Ленин же не намерен был ослаблять или растворять созданную им организацию: главенство и целостность партии должны сохраниться. Он мог позволить себе подождать.

Летом 1917 г. в Петрограде непрерывно проводились конференции. На Всероссийском съезде крестьянских депутатов в мае большинство составляли эсеры, и съезд твердо проголосовал за поддержку Временного правительства. Однако Петроградская конференция фабрично-заводских комитетов, состоявшаяся в конце того же месяца, была первым представительным органом, где преобладали большевики, – и это предвещало последующие события. В начале июня состоялся I Всероссийский съезд Советов. Среди 822 делегатов с правом решающего голоса насчитывалось 285 эсеров, 248 меньшевиков и 105 большевиков. Почти 150 делегатов принадлежали к различным мелким группировкам, 45 делегатов заявили, что они не принадлежат ни к одной партии – свидетельство того, что политическая платформа многих отдаленных Советов была неопределенной. Лидеры большевиков присутствовали в полном составе. Троцкий и Луначарский входили в число 10 делегатов "объединенных социал-демократов", оказавших твердую поддержку большевикам на протяжении всех трех недель работы съезда.

Самый впечатляющий эпизод произошел на второй день работы съезда во время выступления меньшевика Церетели, министра почтовой и телеграфной связи. Согласно официальным документам, он заявил:

"В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы

займем ваше место. Такой партии в России нет" (Ленин с места: "Есть".)[51].

Это требование, или угроза, не было воспринято вполне серьезно. Большевики составляли на съезде незначительное меньшинство, и главная речь Ленина часто прерывалась. Съезд постановил выразить вотум доверия Временному правительству и отверг резолюцию большевиков, которая требовала "перехода всей государственной власти в руки Всероссийского Совета Р.С. и Кр. Д."[52]. К числу немаловажных решений съезда относится решение о принятии закона, регулирующего работу съезда. Он должен был собираться каждые три месяца, а для текущей работы был учрежден "центральный орган" – "Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет" (ВЦИК)[53], чьи решения были обязательны для всех Советов в периоды между съездами. Сразу избрали ВЦИК на основе пропорционального представительства: из 250 его членов 35 были большевиками[54].

Заявление Ленина о готовности большевиков взять власть в свои руки было объявлением войны Временному правительству и для этой цели предназначалось. Власть коалиции слабела: это был период, который Троцкий назвал "двоевластием"[55]. В качестве следующего шага нужно было проверить настроение рабочих и солдат в Петрограде. Большевики призвали своих сторонников выйти на демонстрацию 9 июня 1917 г., но отменили ее из-за возражений съезда. 18 июня 1917 г. съезд сам организовал крупную демонстрацию в поддержку Советов. Однако лозунгов, выражавших доверие Временному правительству, было мало, и говорили, что 90% лозунгов были большевистскими[56].

Более серьезное массовое выступление состоялось 3 июля 1917 г., когда правительство под давлением союзников приказало начать широкое наступление в Галиции. Демонстрации продолжались в течение четырех дней и приняли угрожающий характер. Многие считали их началом серьезной попытки большевиков захватить власть, хотя лидеры партии настойчиво заявляли, что демонстрации стихийные и они сами их стараются сдерживать. Да и Ленин утверждал, что невозможно действовать, пока большинство народа все еще верит "мелкобуржуазной, зависимой от капиталистов политике меньшевиков и эсеров"[57]. Однако на этот раз правительство приняло вызов. В столицу были введены преданные ему войска, "Правда" была запрещена, и были выданы ордера на арест трех главных лидеров большевиков. Каменев был арестован; Ленин и Зиновьев ушли в подполье, а затем уехали в Финляндию.

В течение нескольких последующих дней наступление в Галиции провалилось, принеся тяжелые потери. Новый правительственный кризис привел к отставке Львова и назначению Керенского на пост премьер-министра. Троцкий и "межрайонцы" (примерно 4 тыс. человек) наконец присоединились к большевикам[58]. Затем последовала новая волна арестов. Троцкий, Луначарский и Коллонтай были арестованы.

В конце июля 1917 г., когда Ленин и другие лидеры все еще скрывались или находились в тюрьме, в Петрограде состоялся VI съезд партии (первый после Лондонского съезда 1907 г.). Председателем был Свердлов. С основными политическими докладами пришлось выступить Сталину и Бухарину[59]. Руководящие указания Ленина были даны в небольшой брошюре под названием "К лозунгам"[60], написанной в подполье, в которой он призывал к отказу от лозунга "Вся власть Советам!", выдвинутого в то время, когда мирный переход власти к Советам, представлявшим пролетариат и крестьянство, еще казался возможным. После июльских беспорядков стало ясно, что буржуазия встала на путь контрреволюции, что она будет бороться; Советы, существовавшие в то время, были всего лишь орудием в руках буржуазии.

Съезд под умелым руководством Сталина провозгласил, несмотря на некоторое противодействие, что лозунг "Вся власть Советам!" был "лозунгом мирного развития революции, безболезненного перехода власти от буржуазии к рабочим и крестьянам" и что теперь ничто не помешает полному уничтожению контрреволюционной буржуазии. Когда Ногин, выражая сомнение, прежде высказанное Рыковым на Апрельской конференции, задал вопрос: "Неужели, товарищи, наша страна за два месяца сделала такой прыжок, что она уже подготовлена к социализму?", Сталин смело ответил: "...Было бы недостойным педантизмом требовать, чтобы Россия "подождала" с социалистическими преобразованиями, пока Европа не "начнет", и "Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму", – то есть был принят тезис Троцкого, сформулированный в 1906 г. В то же время было сделано предупреждение о том, что не следует дать себя вовлечь в "преждевременный бой"[61]. В условиях, когда партийные руководители были в изгнании, а сама партия в любой момент могла быть подвергнута официальным гонениям, съезд мог в основном лишь оценить обстановку.

Главным событием августа 1917 г. стало всепартийное Государственное совещание, организованное Керенским в Москве для обсуждения положения страны. В нем приняли участие более 2 тыс. представителей разных общественных органов и организаций; оно было многословным и потерпело фиаско. Вслед за этим в конце августа была сделана попытка военного переворота справа – корниловский мятеж. Хотя заговор окончился позорным провалом и удар не был нанесен, левые партии и группы всполошились. Даже Ленин призвал к компромиссу с меньшевиками и эсерами: большевики были готовы снова поддерживать Советы, если те в свою очередь порвут наконец с буржуазными партиями. Однако это ни к чему не привело[62]. В ответ на проходившее в Москве Государственное совещание меньшевики и эсеры созвали Демократическое совещание. На Демократическом совещании был создан Временный совет респуб-

лики (так называемый "предпарламент"), который должен был функционировать до созыва Учредительного собрания.

К этому времени быстро всходила звезда большевиков. После корниловского мятежа большевики завоевали большинство в Петроградском и Московском Советах, хотя эсеры и меньшевики все еще преобладали во ВЦИКе. В стране, по мере того как солдаты самовольно демобилизовывались и возвращались в свои дома, проблема нехватки земли становилась все более острой, участились крестьянские беспорядки и захват помещичьих земель, а это вело к дискредитации эсеров, не сделавших ничего для улучшения положения крестьян, и к росту симпатий к большевикам, обещавшим сделать все. Быстро назревали условия, которые Ленин предвидел в Апрельских тезисах которые подтверждали целесообразность перехода ко второму этапу революции.

Первой реакцией Ленина было возвращение к лозунгу "Вся власть Советам!". Это было сделано в статье, написанной в первой половине сентября и опубликованной 14 сентября 1917 г. в газете "Рабочий путь"[63]. Затем – 12, 13 и 14 сентября – Ленина охватило растущее беспокойство по поводу его вынужденного отсутствия, и он тайно направил одно за другим два письма в Центральный Комитет партии, утверждая, что настало время, когда большевики могут силой взять власть[64]. Троцкий, выпущенный из тюрьмы в середине сентября, был избран председателем Петроградского Совета, который стал главным боевым центром большевиков. В течение следующего месяца в новых условиях опять разгорелась борьба вокруг Апрельских тезисов. Первая схватка в Центральном Комитете произошла по поводу участия в Демократическом совещании. Каменев и Рыков его поддерживали, а Троцкий и Сталин требовали бойкота. В конце концов было решено принять в нем участие, что подверглось суровому осуждению Ленина, приветствовавшего позицию Троцкого[65].

Во второй половине сентября Ленин, все более взволнованный, исполненный решимости, переехал из Гельсингфорса в Выборг, чтобы быть поближе к месту событий. В короткой статье "Кризис назрел", напечатанной в газете "Рабочий путь", повторялись прежние доводы и добавился один новый: учитывая растущие беспорядки в воюющих странах и начинающиеся восстания в армии и флоте Германии, ясно было, что Россия стояла "в преддверии всемирной пролетарской революции"[66]. Но самой важной частью статьи был постскриптум, не предназначенный для публикации, а обращенный к членам Центрального Комитета. Ленин обвинял их в игнорировании его настояний и заявлял о своем выходе из Центрального Комитета, чтобы обрести свободу проводить агитацию среди рядовых членов партии, поскольку его "крайнее убеждение, что, если мы будем "ждать" съезда Советов и упустим момент теперь, мы *губим* революцию"[67].

Угроза Ленина, похоже, опять вызвала смятение среди членов Центрального Комитета и повергла их в молчание: нет сведений о том, что был дан ответ. Для преодоления инерции и скептицизма требовался личный контакт. 9 октября* 1917 г. Ленин, изменив внешность, прибыл в Петроград и на следующий день появился на заседании, которому суждено было навсегда войти в историю. Его присутствие и упреки в "равнодушии к вопросу о восстании" оказались достаточными, чтобы перетянуть чашу весов. Большинством в 10 голосов (Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов) против 2 (Каменев и Зиновьев, впервые объединившиеся в бесславном деле), ЦК принял решение начать подготовку к вооруженному выступлению и назначить Политическое бюро для осуществления этого решения. В Политбюро (которое впоследствии стало действовать постоянно) вошли семь человек: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников и Бубнов[68]. Характерно, что при всем чувстве солидарности среди руководителей партии в то время, при всех требованиях партийной дисциплины двое проголосовавших против решения тем не менее, словно это само собой разумелось, были включены в его исполнительный орган. Через шесть дней Петроградский Совет создал Военно-революционный комитет во главе с Троцким, который был председателем Совета. Подвойский был назначен его полномочным заместителем. Именно этот орган скорее, чем Политбюро партии, осуществлял военную подготовку к революции[69].

Однако битва еще не была окончательно выиграна. 11 октября 1917 г. Каменев и Зиновьев распространили письмо, обращенное ко всем основным большевистским организациям, с призывом отказаться от "вооруженного восстания"[70]. 16 октября Ленин снова говорил о немедленном захвате власти, выступая на расширенном заседании Центрального Комитета, на котором присутствовали большевики из Петербургского комитета партии, военной организации Петроградского Совета, а также из профсоюзов и фабрично-заводских комитетов. После корниловщины, утверждал Ленин, массы встали на сторону партии. Но вопрос стоял не о завоевании формального большинства:

"Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Настроением масс руководиться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету: мы должны руководиться объективным анализом и оценкой революции. Массы дали доверие большевикам и требуют от них не слов, а дел".

Ленин говорил о международной обстановке, особенно в Германии, подтверждавшей его вывод о том, что, "выступая теперь, мы будем иметь на своей стороне всю пролетарскую Ев-

* Ленин прибыл в Петроград 7 октября (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 575). – *Прим. ред.*

ропу". Дискуссия показала, что, хотя Центральный Комитет мог полностью подпасть под влияние личности Ленина, сомнения Зиновьева и Каменева все же разделялись более широкими партийными кругами. Зиновьев и Каменев повторяли свои возражения. Сталин и другие члены Центрального Комитета поддерживали Ленина. Сталин сказал:

"Тут две линии: одна линия держит курс на победу революции и опирается на Европу, вторая не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозицией. Петроградский совет уже встал на путь восстания, отказавшись санкционировать вывод войск"[71].

Обсуждения не были конструктивными. Активная подготовка к революции проводилась Петроградским Советом и его Военно-революционным комитетом. Вопрос о военной подготовке не мог обсуждаться на таком заседании, и ни Троцкий, ни Подвойский не выступали, если вообще присутствовали. На заседании было принято решение (большинством в 19 голосов против 2) продолжать подготовку к немедленному вооруженному восстанию. За предложение Зиновьева дождаться II Всероссийского съезда Советов, созываемого на 20 октября (но впоследствии отложенного на 25 октября), проголосовало 6 человек, против – 15[72]. В заключение состоялось закрытое заседание Центрального Комитета, на котором был избран Военно-революционный центр в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского. Центр должен был стать частью Военно-революционного комитета Петроградского Совета[73]. Это любопытный пример объединения партийного и советского учреждения на раннем этапе революции. В документах нет дальнейших упоминаний о Центре. По всей вероятности, он был создан скорее как группа по установлению контакта, чем как отдельный орган. И так же, как и Политбюро, созданное на неделю раньше, он, видимо, никогда и не проявлял себя.

В конце заседания, состоявшегося 16 октября 1917 г., Каменев заявил о своем выходе из Центрального Комитета[74]. Через два дня в "Новой жизни" (непартийной газете левого направления) было опубликовано его письмо, в котором он от своего имени и от имени Зиновьева опять протестовал против принятого решения. Это письмо означало не только нарушение партийной дисциплины (Каменев еще оставался членом партии), но и предательское разглашение всему миру решения партии. Впрочем, в том состоянии дезорганизации и бессилия, в каком находилось тогда Временное правительство, весть о подготовке вооруженного выступления против него могла, пожалуй, как вызвать решительные контрмеры, так и усилить панику.

Партия накануне решительных действий, которые должны были стать для нее критическим испытанием, оказалась перед угрозой серьезного внутреннего кризиса. После заседания 16 октября Ленин снова ушел в подполье. Но 18 октября, в день публикации статьи Каменева в "Новой жизни", Ленин написал

письмо к членам партии, назвав в нем поступок Каменева и Зиновьева "штрейкбрехерством" и преступлением, и заявил, что больше не считает их товарищами и потребует их исключения из партии. На следующий день он направил более подробное письмо на ту же тему в Центральный Комитет[75]. Троцкий, пытаясь спасти положение, создавшееся в результате неосмотрительного поступка Каменева, публично отрицал в Петроградском Совете принятие какого-либо решения о вооруженном восстании[76]. Каменев, уверенный или притворяющийся уверенным в том, что Троцкий разделял его взгляды, заявил о своем полном согласии с каждым словом Троцкого. Зиновьев написал письмо в том же духе в партийную газету "Рабочий путь"; оно было опубликовано утром 20 октября 1917 г. В том же номере была помещена последняя часть статьи Ленина с гневным осуждением взглядов Каменева и Зиновьева, хотя он не называл их фамилий[77]. Сталин пытался умиротворить обе стороны, добавив следующее примечание от редакции:

"Мы в свою очередь выражаем надежду, что сделанным заявлением т. Зиновьева (а также заявлением т. Каменева в Совете) вопрос можно считать исчерпанным. Резкость тона статьи т. Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками"[78].

Таким образом, страсти кипели, когда 20 октября 1917 г. в отсутствие Ленина состоялось заседание Центрального Комитета. Свердлов зачитал письмо Ленина, адресованное ЦК. После обсуждения была принята отставка Каменева (большинством в пять голосов против трех). Каменеву и Зиновьеву особо было предписано прекратить публичные выступления против решений Центрального Комитета или партии. Требование Ленина об их исключении из партии выполнено не было. В то же время Троцкий выразил протест не только против заявлений Каменева и Зиновьева, но и против редакционного примечания в "Рабочем пути", которое выглядело как оправдание их поступка. Сокольников заявил, что хотя он и член редколлегии, но не несет ответственности за это примечание и не одобряет его, а Сталин заявил о своем выходе из редакции. ЦК благоразумно решил не обсуждать этот вопрос и не принимать отставки Сталина и перешел к другим вопросам[79]. Это было первое открытое столкновение между будущими соперниками[80].

Наступал критический момент: было решено нанести решающий удар перед началом II Всероссийского съезда Советов, который должен был открыться вечером 25 октября. Накануне назначенного дня Центральный Комитет провел заседание, где были окончательно решены некоторые организационные вопросы, и Каменев (по-видимому, решение, принятое четырьмя днями ранее, было пересмотрено или забыто) снова занял свое место. Троцкий предложил, чтобы члены Центрального Комитета были приданы Военно-революционному комитету Петроградского Совета для контроля над средствами почтовой, теле-

графной и железнодорожной связи, а также за действиями Временного правительства . Дзержинскому было поручено контролировать железные дороги, Бубнову – почтовую и телеграфную связь, на Свердлова было возложено наблюдение за Временным правительством, в ведении Милютина были запасы продовольствия. Внутри партийного комитета обретал форму зародившийся административный аппарат. Рано утром 25 октября 1917 г. силы большевиков начали действовать. Они заняли ключевые позиции в городе; члены Временного правительства были арестованы или бежали. Днем на заседании Петроградского Совета Ленин объявил о победе "рабочей и крестьянской революции"[81], а вечером открылся II Всероссийский съезд Советов, провозгласивший переход власти по всей России в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов[82]. Вечером 26 октября 1917 г. на втором, и последнем, заседании съезда были приняты Декреты о мире и о земле и утвержден Совет Народных Комиссаров, известный под названием Совнарком – первое рабоче-крестьянское правительство.

Осуществление почти бескровной победы революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. является заслугой Петроградского Совета и его Военно-революционного комитета. Именно Военно-революционный комитет взял власть, когда она выпала из безжизненных рук Временного правительства, и возвестил миру о победе революции[83]. Как впоследствии сказал Сталин, съезд Советов "лишь принял власть из рук Петроградского Совета"[84]. Все очевидцы тех событий отдают должное энергии и организаторским способностям, которые проявил в то время Троцкий, а также его преданности делу революции. Но высшая стратегия революции проводилась Лениным с помощью созданного им инструмента – большевистского крыла Российской социал-демократической рабочей партии. Хотя победа была завоевана под лозунгом "Вся власть Советам!", победили не только Советы, но и Ленин и большевики. Ленин и партия, человек и организация, были теперь неразрывным целым. Триумф партии почти полностью явился, по-видимому, результатом успешного и последовательного руководства Ленина. Он целеустремленно вел за собой сподвижников, которые часто проявляли нерешительность. Высокий авторитет Ленина прочно утвердился. Таким образом были заложены основы единовластия в партии.

Ведутся бесконечные споры о связи ленинской политики с проблемами более широкого плана, поставленными революцией. Написаны целые тома комментариев и полемики, посвященные решению, предсказанному в Апрельских тезисах Ленина и проведенному в жизнь под его руководством шесть месяцев спустя, – решению о захвате власти на основе социалистической программы и незавершенной буржуазной революции. Это решение рассматривалось как дальнейшее движение по пути марксизма, по которому партия постоянно следовала с 1903 г., хотя

от этого пути петроградские большевики в сумятице Февральской революции и в отсутствие своего вождя моментально отклонились – такова официальная точка зрения. Это решение также рассматривалось как окончательный отход Ленина и большевиков от марксистской линии, как прыжок, вопреки учению марксизма, в бездну социалистической революции, без прочного фундамента, созданного предшествующей буржуазной революцией, – такова была точка зрения меньшевиков. И это решение рассматривалось как основанная на подлинных марксистских принципах поправка, внесенная Лениным в последний момент и выправившая застарелый уклон, который образовался из-за чрезмерной приверженности партии формальной стороне марксистского учения о революции – так считал Троцкий.

Поскольку эти взгляды основывались на разных текстах марксистского учения, на разной интерпретации того, что Маркс подразумевал, и на разных мнениях о том, что требуется для применения к российским условиям из того, что имел в виду Маркс, спор оказался неубедительным и бесконечным. И в последующие годы шли жаркие споры между большевиками и меньшевиками о том, мог ли курс Ленина привести и привел ли к социалистической цели, – вопрос, также зависящий от интерпретации того, что подразумевалось под социализмом.

Однако за этими спорами, опиравшимися на традиционную марксистскую терминологию, стояла реальная проблема, с которой пришлось столкнуться организаторам Октябрьской революции. Вполне возможно, что – как, по-видимому, показало быстрое поражение Февральской революции – буржуазная демократия и буржуазный капитализм по западному образцу, к которым стремились и на которые надеялись меньшевики, не могли укорениться на российской почве, так что ленинская политика была единственно приемлемой с точки зрения текущей политики в России. Отрицать ее как преждевременную – значило повторять, как сказал однажды Ленин, "довод крепостников, говоривших о неподготовленности крестьян к свободе"[85]. Но задача, поставленная этой политикой перед теми, кто ее проводил, была не чем иным, как задачей непосредственного перехода от самых отсталых к самым передовым формам политической и экономической организации.

В политическом отношении такая программа означала попытку преодолеть пропасть между самодержавием и социалистической демократией без долгого опыта и воспитания гражданственности, которые буржуазная демократия, при всех ее недостатках, обеспечила Западу.

В экономическом отношении такая программа означала создание социалистической экономики в стране, где никогда еще не было того накопления основных орудий производства и подготовленных рабочих, какое имелось при капиталистическом строе. Победоносной Октябрьской революции еще предстояло преодолеть эти серьезные трудности. Ее история есть история достижений и неудач на этом пути.

II часть

Конституционная структура

Глава 5

ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ

Октябрьская революция победила, а большевики все еще расходились во взглядах на ее характер: является ли она буржуазно-демократической или пролетарской, социалистической. Свергнув Временное правительство, революция объявила Советы высшим органом революционной власти. Но это не означало отказа от высшей власти Учредительного собрания – органа, характерного для буржуазной демократии, за скорейший созыв которого выступали наряду с Временным правительством и большевики. Декретом от 26 октября (8 ноября) 1917 г. был учрежден Совет Народных Комиссаров. При этом указывалось, что он является "временным рабочим и крестьянским правительством", осуществляющим власть "до созыва Учредительного Собрания", а Декрет о земле начинался с заявления* о том, что вопрос о земле "во всем его объеме может быть разрешен только всенародным Учредительным Собранием"[1]. Правда, в коротком декрете, изданном в тот же день, провозглашалось без этих оговорок, что "вся власть отныне принадлежит Советам"[2]. Несколько дней спустя в Декларации прав народов России были сформулированы принципы будущего "добровольного и честного союза народов России" и говорилось о разработке в ближайшее время "конкретных декретов", утверждающих эти принципы. Но о рассмотрении декретов Учредительным собранием при этом не упоминалось[3]. В пылу революции на такие формальные противоречия, вероятно, не обращали внимания. Временное правительство, гораздо более педантичное в отношении конституционных формальностей, само грубейшим образом присвоило себе функцию законодательного собрания, провозгласив Россию республикой в декрете от 1 сентября 1917 г.

Того, кто изучает документы раннего этапа Октябрьской революции, сразу поражает, как редко, не привлекая особого внимания, появляются в них слова "социализм" и "социалистический". Защитить "революцию" или "революцию рабочих и крестьян" – достаточное обозначение цели: само слово "революция" несет положительную нагрузку ("революционный поря-

* Эти слова входят в Крестьянский наказ о земле. – *Прим. ред.*

док", "революционная справедливость"), а "контрреволюция" – это квинтэссенция зла[4]. Производные от нейтрального слова "демократия", равно приемлемые для сторонников буржуазной или социалистической революции, четырежды прозвучали в воззвании II Всероссийского съезда Советов 25 октября (7 ноября) 1917 г. ("демократический мир", "демократизация армии"), а затем еще и еще раз в принятом на следующий день Декрете о мире. "...Как демократическое правительство, – сказал Ленин, представляя Декрет о земле на том же заседании съезда, – мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны"[5]. Важнейшие первые шаги новой власти были сделаны, таким образом, не под знаменем социализма, а под знаменем демократии. Немного позднее эпитет "демократический" использовался для характеристики системы выборов в Советы и в Учредительное собрание, и особенно "права отзыва"[6], а также принципа выборности судей[7].

Упор на демократию сочетался с провозглашением социализма как конечной цели. О взглядах Ленина в момент свершения революции лучше всего свидетельствует его речь на заседании Петроградского Совета днем 25 октября (7 ноября) 1917 г., где он объявил, что "рабочая и крестьянская революция" победила. Сказав, что "третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма", он обратился в заключение к двум условиям перехода к социализму, которые он определил уже давно:

"Мы приобретем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства... У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!"[8]

Мысль о международном характере революции давно жила в сознании Ленина и в момент победы революции в России обрела новую силу. Спустя 10 дней он в качестве Председателя Совнаркома заявил:

"...Мы пойдем твердо и неуклонно к победе социализма, которую закрепят передовые рабочие наиболее цивилизованных стран и которая даст народам прочный мир и избавление от всякого гнета и от всякой эксплуатации"[9].

А Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, проект которой Ленин составил в начале января 1918 г., провозгласила "установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах" частью "основной задачи" советского строя[10]. Ленин в то время еще считал, что достижение социализма связано прежде всего с мировой революцией.

Эти колебания относительно масштаба и характера Октябрьской революции нашли свое отражение в терминах первых конституционных положений. От слова "Россия" отказались, а без него трудно было подобрать подходящее название для новой власти. Она себя называла "временным рабочим и крестьянским правительством" или просто "революционным правительством", опирающимся на "Советскую власть" и на победу лозунга "Вся власть Советам!". Лишь однажды в определенном контексте она называет себя "социалистическим правительством России"[11]. Первый в советской истории основной конституционный принцип содержится в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая начинается словами:

"Россия объявляется Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам".

А в следующем пункте страна впервые названа "Советская Российская Республика". Пожалуй, опасно делать выводы на основании терминологии, столь неустойчивой и неясной. Но что бы ни полагал сам Ленин, слово "социалистический" все еще было пугалом для многих его сторонников и союзников[12]. Значительное меньшинство – если не большинство – партии в это время, кажется, определенно придерживалось той точки зрения – одинаково ревностно отстаиваемой меньшевиками и эсерами, – что революция еще не вполне прошла буржуазную стадию и, следовательно, еще не созрела для перехода к социализму. С этой точки зрения Октябрьская революция была лишь продолжением и углублением Февральской, не отличаясь от нее ни принципами, ни целью. С этой точки зрения правильно было ждать Учредительного собрания как завершающего достижения демократической революции.

Колебания внутри партии не кончились с победой революции. В момент победы было образовано правительство, полностью большевистское. Но в первые несколько дней его власть не распространялась далеко за пределы Петрограда, и под давлением Всероссийского исполнительного комитета союза железнодорожников (сокращенно – Викжель), который контролировал коммуникации и надеялся в течение нескольких недель действовать как независимая сила, диктуя условия правительству, Центральный Комитет партии согласился начать переговоры с эсерами и меньшевиками о создании коалиционного правительства из всех партий, представленных в Советах. Для Ленина это было лишь тактическим маневром[13], для Каменева и Зиновьева – признанием того, что они были правы, утверждая накануне 25 октября, что еще не пришло время для пролетарской революции. Поэтому, когда 1 (14) ноября 1917 г. Ленин предложил отказаться от переговоров, считая их бесполезными, он встретил сильное противодействие со стороны Каменева, Зиновьева и Рыкова. Во время дебатов в Центральном Комитете его безоговорочно поддержал только Троцкий, однако большин-

ство твердо проголосовало за резолюцию, определяющую условия, которые неизбежно привели бы к прекращению переговоров[14]. Каменев и Рыков, действуя в качестве делегатов от большевиков во ВЦИКе, не подчинились этому решению. В заявлении от 3 (16) ноября 1917 г. Ленин в связи с этим поднял вопрос о партийной дисциплине, и три дня спустя Центральный Комитет предъявил своим непокорным членам ультиматум. Пять членов Комитета – Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин и Ногин – сразу же подали в отставку. Последние трое отказались также от постов народных комиссаров. Подали в отставку и несколько членов правительства меньшего ранга. Из непокорных только Зиновьев вскоре переменил свое решение и был восстановлен в Центральном Комитете[15]. Снова среди партийного руководства в критический момент произошел значительный раскол по вопросу о тактике, который был также вопросом теории.

Преодолев этот кризис и постепенно распространив свою власть на северные и центральные территории европейской части России, режим столкнулся теперь с проблемой выборов в Учредительное собрание, которые Временное правительство до своего падения назначило на 12 (25) ноября 1917 г. Какое имелось в тот момент мнение о них у Ленина, точно неизвестно[16]. Но партия была связана обещаниями о проведении выборов, содержавшимися во многих выступлениях в период между Февральской и Октябрьской революциями; официальная машина была запущена, и было бы трудно в последний момент изменить решение. В одном из первых постановлений Совнаркома подтверждалась дата, установленная Временным правительством[17]. Урицкого, одного из лидеров большевиков, назначили комиссаром по контролю за работой избирательной комиссии, созданной Временным правительством. Комиссия со своей стороны отказалась работать с Урицким и пожаловалась, что на нее оказывают давление[18]. Однако выборы продолжались и, видимо, были проведены без какого-либо вмешательства, хотя в некоторых отдаленных районах они вообще не проводились.

Результаты оправдали все опасения, какие к этому времени имелись у большевиков. Было избрано 707 депутатов Учредительного собрания (первоначально предусматривалось 808). Эсерам досталось приличное большинство – 410 мест в общей сложности. Большевики получили меньше четверти – 175 мест. Бóльшая часть из 86 депутатов "национальных групп", из которых самую крупную составляли украинцы, была настроена крайне антибольшевистски. Кадеты, единственная уцелевшая буржуазная партия, получили 17 мест, меньшевики – 16[19]. Если эти результаты рассматривать как отношение к правительству, созданному Октябрьской революцией, то это был сокрушительный вотум недоверия.

Поражение прежде всего должно было убедить Ленина в необходимости компромисса в вопросе о коалиции. В момент выборов в Петрограде заседал Всероссийский съезд Советов

крестьянских депутатов. На I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. группа левых эсеров уже выступала против своего партийного руководства и поддерживала меньшинство партии большевиков, хотя в целом это на партию мало повлияло. Теперь, на Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, Ленин и другие большевики сумели внести раскол в ряды эсеров. Было достигнуто соглашение о коалиции между большевиками и левым крылом эсеров, составлявшим на съезде большинство; среди них наиболее заметной фигурой была Спиридонова. Это было соглашение, которое, как отмечал Ленин, возможно было только на социалистической платформе[20]. 15 (28) ноября 1917 г. на совместном заседании ВЦИКа Советов рабочих и солдатских депутатов, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского чрезвычайного крестьянского съезда торжественно отмечалось создание коалиции[21]. Во ВЦИК уже входило 108 человек, избранных на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. Число его членов было теперь удвоено за счет добавления такого же количества делегатов, избранных на съезде крестьян. В него вошло также 100 делегатов от армии и флота и 50 – от профсоюзов. Теперь он насчитывал свыше 350 человек и назывался Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Для полноты равноправия коалиции левые эсеры были назначены в три народных комиссариата – сельского хозяйства, юстиции, почты и телеграфа, – став членами Совнаркома, а также на несколько правительственных постов меньшего ранга. Примерно в то же время комиссариаты были переведены из партийного центра в Смольном в помещения прежних министерств; власть большевиков быстро приспосабливалась к традиционной структуре государственной власти.

Соглашение с левыми эсерами не только укрепило позицию большевиков, но и дало им сильнейший довод для объяснения результатов выборов в Учредительное собрание – потенциально обманчивый характер голосования эсеров. Эсеры шли на выборы как единая партия с единым списком кандидатов. В их предвыборной платформе полно было возвышенных принципов и целей, но, опубликованная на следующий день после Октябрьской революции, она была составлена до нее, и отношение партии эсеров к Октябрьской революции в ней определить не удалось[22]. Теперь, через три дня после выборов, бóльшая часть партии вступила в коалицию с большевиками и формально порвала с другой частью эсеров, которые продолжали яростно бороться против большевиков. Соотношение между правыми и левыми эсерами в Учредительном собрании – 370 к 40 – было случайным. Оно было совершенно иным, судя по соответствующему соотношению между делегатами съезда крестьян, и не обязательно выражало взгляды избирателей на тот жизненно важный вопрос, который не был представлен на их рассмотре-

ние. "И народ, – сказал Ленин, – фактически голосовал за партию, которая уже не существовала"[23].

Спустя два года, анализируя все обстоятельства, Ленин нашел другой довод, более убедительный, чем казалось на первый взгляд. Он отметил, что в крупных индустриальных городах большевики почти повсюду были впереди других партий. В обеих столицах, вместе взятых, они получили абсолютное большинство, кадеты были на втором месте, а эсеры – на третьем, причем значительно отставали от кадетов. Но в деле революции действовал известный принцип: "Город неизбежно *ведет за собой* деревню. Деревня неизбежно *идет за городом*"[24]. Выборы в Учредительное собрание, если и не ознаменовали победы большевиков, то указали путь к ней тем, кто способен видеть.

Результаты выборов ясно показали, что Учредительное собрание послужит толчком к объединению сил оппозиции с обеих сторон – со стороны уцелевших буржуазных сподвижников Временного правительства и со стороны оппозиционных социалистов. Большевики, хорошо знакомые с историей революций, прекрасно помнили такой прецедент, как французское Учредительное собрание, целью которого в мае 1848 г., через три месяца после февральской революции, стало, если повторить известные слова Маркса из "Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта", "низвести результаты революции до буржуазных масштабов"[25] и расчистить путь для избиения рабочих Кавеньяком. От имени бывших министров Временного правительства была предпринята попытка бросить вызов Советскому правительству и созвать Учредительное собрание 28 ноября (11 декабря) 1917 г. Попытка была пресечена. Антисоветские силы во главе с бывшими царскими генералами начинали сосредоточиваться на юге России, и Совнарком, теперь уже весьма встревоженный, издал декрет, в котором кадеты обвинялись в создании "законного" прикрытия для кадетско-калединского контрреволюционного восстания", кадетская партия объявлялась "партией врагов народа", и сообщалось, что "политические вожди контрреволюционной гражданской войны" будут арестованы[26]. Хотя правые эсеры и многие меньшевики были на стороне кадетов, большевики еще не решились применить репрессивные меры к социалистическим партиям.

С этого времени судьба Учредительного собрания была предметом постоянной озабоченности партийных кругов[27]. В выступлении Ленина на заседании ВЦИКа 1 (14) декабря 1917 г. прозвучало первое, по-видимому, предупреждение о намерениях большевиков:

"Нам предлагают созвать Учредительное собрание так, как оно было задумано. Нет-с, извините! Его задумывали против народа. Мы делали переворот для того, чтобы иметь гарантии, что Учредительное собрание не будет использовано против народа... Когда революционный класс ведет борьбу против имущих клас-

сов, которые оказывают сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих всеми теми средствами, которыми они подавляли пролетариат, – другие средства не изобретены"[28].

За этим заявлением последовали "Тезисы об Учредительном собрании", напечатанные в "Правде" без подписи 13 (26) декабря 1917 г., – важнейшее из когда-либо вышедших из-под пера Ленина краткое описание характера Октябрьской революции.

В "Тезисах об Учредительном собрании" открыто был поставлен вопрос о том, что лишь подразумевалось в работах Ленина, написанных за последние восемь месяцев, со времени знаменитых Апрельских тезисов; было высказано убеждение, что буржуазная революция в России себя исчерпала, что надо решительно отмежеваться от нее и следовать по пути к социализму.

Ленин начал с признания того, что "в буржуазной республике Учредительное собрание является высшей формой демократизма", так что его появление в прежних программах партии, составленных до буржуазной революции, "вполне законно". Тем не менее со времени Февральской революции 1917 г. "революционная социал-демократия" всегда настаивала на том, что "республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием"; она действительно является "единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму". Этому процессу перехода способствовали, во-первых, перегруппировка "классовых сил" благодаря проникновению революционных идей в среду крестьянства и в армию, во-вторых, борьба между Советской властью и буржуазным режимом на Украине (а отчасти также в Финляндии, Белоруссии и на Кавказе) и, в-третьих, контрреволюционное восстание Каледина и кадетов, которое "отняло всякую возможность путем формально-демократическим решить самые острые вопросы". Эти события вызвали неминуемое столкновение между Учредительным собранием и "волей и интересами трудящихся и эксплуатируемых классов, начавших 25 октября социалистическую революцию против буржуазии". Таким образом, всякая "попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формально-юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии" была бы изменой делу пролетариата, ошибкой, в которую "впадают немногие из верхов большевизма, не умеющих оценить октябрьского восстания и задач диктатуры пролетариата". Учредительному собранию оставалось только сделать "безоговорочное заявление... о признании Советской власти, советской революции". Иначе "кризис в связи с Учредительным собранием может быть разрешен только революционным путем"[29].

Протокола обсуждения "Тезисов" Ленина Центральным Комитетом партии нет, но независимо от того, имело место фор-

мальное обсуждение или нет, "Тезисы" стали с этого времени признанной партийной доктриной. Для большевиков ленинские "Тезисы об Учредительном собрании" окончательно сорвали покров с буржуазного конституционализма. Для других социалистических партий потребовались тяжелые события, прежде чем они поняли, что означает пролетарская революция. Принятие "Тезисов" привело к двум практическим результатам. Во-первых, оно сделало непреодолимым разрыв между большевиками и социалистическими партиями, которые (кроме левых эсеров) считали, что революция все еще находится на буржуазном этапе: поскольку был признан пролетарский характер революции, те, кто придерживался демократических взглядов, логично и неизбежно становились контрреволюционерами, если и не на деле, то по названию. Во-вторых, это решило судьбу Учредительного собрания, которое представляло собой вершину демократической революции, но являлось анахронизмом в условиях, когда эта стадия была уже пройдена пролетарской социалистической революцией. Насущный вопрос "двоевластия" – борьба между Советами и представительными органами буржуазной демократии, свирепствовавшая со времени Февральской революции, – наконец разрешился. Теперь Учредительное собрание должно было уступить или быть сметено. Следует отвергнуть как ошибочное любое предположение о том, что меры, предпринятые против него, были результатом внезапного или непреднамеренного решения, подсказанного всем случившимся после созыва Собрания. Действия большевиков вытекали из продуманной политики и ясного взгляда на поступательное развитие революции от буржуазно-демократического к пролетарско-социалистическому этапу.

Публикация ленинских "Тезисов об Учредительном собрании" стала своего рода объявлением войны Собранию и политическим партиям, которые, по-видимому, должны были играть в нем главную роль. Действия, предпринятые в последующие три недели, представляли собой лишь тактические шаги в той кампании, стратегия которой была уже определена. 17 (30) декабря 1917 г. был арестован лидер правых эсеров Авксентьев вместе с несколькими сподвижниками. В передовой статье "Известий" указывалось, что он арестован не "как член Учредительного Собрания", а за "организацию контрреволюционного заговора"[30]. Это был первый случай применения таких мер к представителям социалистической партии. 20 декабря 1917 г. (2 января 1918 г.) декретом Совнаркома созыв Учредительного собрания был назначен на 5 (18) января 1918 г. при достижении кворума в 400 человек[31], а через два дня ВЦИК принял резолюцию о созыве III Всероссийского съезда Советов 8 (21) января 1918 г. и Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов через несколько дней. Зиновьев, теперь снова послушный сторонник Ленина, объяснял это решение, ясно сформулировав ленинскую доктрину:

"Мы видим в тяжбе Учредительного Собрания и Советов исторический спор между двумя революциями, – революцией буржуазной и революцией социалистической. Выборы в Учредительное Собрание дают отзвук первой буржуазной революции, происшедшей в феврале, но отнюдь не народной, социальной".

Термины резолюции выражали открытый вызов. В ней разоблачался лозунг "Вся власть Учредительному Собранию" как исходный момент к объединению "всех без исключения контрреволюционных элементов" и как прикрытие лозунга "Долой Советы". Целью резолюции было "всей организованной силой Советов поддержать левую половину Учредительного Собрания против его правой, буржуазной и соглашательской половины"[32]. Меньшевик Суханов кратко изложил логическую дилемму: если текущие события – часть буржуазной революции, то надо полностью поддержать Учредительное собрание; если это фактически революция социалистическая, то Учредительное собрание вообще не следует созывать[33]. Однако избранная тактика, хотя она, возможно, и явилась результатом компромисса, достигнутого в ходе партийных дискуссий, была исполнена большего драматизма. Это ясно ощущается в протесте уцелевших небольшевиков, которые еще оставались в первом ВЦИКе, назначенном I Всероссийским съездом Советов, и теперь влачили призрачное существование с еще более туманной надеждой на законность. В их протесте говорилось: III Всероссийский съезд Советов созывается "с целью сорвать Учредительное Собрание"[34].

Подготовка к кампании была завершена на заседании ВЦИКа 3 (16) января 1918 г.[35], когда был составлен проект Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа для принятия его Учредительным собранием. Декларацию открывало уже цитировавшееся заявление конституционного характера:

"1. Россия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2. Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик".

Затем в длинное изложение принципов, представлявшее собой вложенное в уста Учредительного собрания одобрение советской политики и законодательства, введены были два параграфа, которые являлись актом отречения со стороны Собрания:

"Будучи выбрано на основании партийных списков, составленных до Октябрьской революции, когда народ не мог еще всей массой восстать против эксплуататоров, не знал всей силы их сопротивления при отстаивании ими своих классовых привилегий, не взялся еще практически за созидание социалистического общества, Учредительное собрание считало бы в корне неправильным, даже с формальной точки зрения, противопоставлять себя Советской власти...

Поддерживая Советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное собрание считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества"[36].

И чтобы мораль этих параграфов не осталась незамеченной, "Известия" 4 (17) января 1918 г., накануне открытия Учредительного собрания, опубликовали текст резолюции, также исходившей от ВЦИКа и составленной на языке кратком и не оставлявшем сомнений.

"На основании всех завоеваний октябрьской революции и согласно принятой на заседании Центрального Исполнительного Комитета 3-го января с.г. декларации трудового и эксплуатируемого народа, вся власть в Российской республике принадлежит Советам и Советским учреждениям. Поэтому, всякая попытка со стороны кого бы то ни было, или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы"[37].

Объявление кадетов вне закона и арест нескольких руководителей правых эсеров в основном ослабили потенциальную агрессивность Учредительного собрания. Но определенная осторожность тактики большевиков в этом вопросе была вызвана опасением, существовавшим у некоторых большевиков, хотя и не подтвердившимся впоследствии, что Учредительное собрание поддерживают массы. Когда 5 (18) января 1918 г. Учредительное собрание было созвано, вместо старейшего члена Собрания, который по традиции намеревался провозгласить его открытие, на трибуну вышел Свердлов и от имени ВЦИКа объявил Собрание открытым. Французская революция, сказал он, приняла Декларацию прав человека и гражданина, которая была "декларацией прав на свободную эксплуатацию людей, лишенных орудий и средств производства". Русская революция должна принять свою собственную декларацию прав. Затем он прочитал проект, подготовленный ВЦИКом двумя днями ранее, и кратко предложил Собранию принять его.

Остальная часть заседания служила лишь иллюстрацией нереальности Собрания и коренных теоретических противоречий между его участниками. Лидер правых эсеров Чернов был избран председателем, получив значительно большее число голосов, чем представительница левых эсеров Спиридонова, которую поддерживали большевики. Выступивший от имени большевиков Бухарин красноречиво говорил о ближайших задачах социалистической революции:

"Тот водораздел, который сейчас делит все это собрание на... два непримиримых лагеря, лагеря принципиальных, – этот водораздел проходит по линии: за социализм или против социализма".

Чернов в своей речи с председательского места провозгласил "волю к социализму".

"...Но о каком социализме говорил гражданин Чернов? О том, который будет лет через двести, который будет делаться нашими внуками, об этом социализме он говорил? Мы говорим о живом, активном, творческом социализме, о котором мы хотим не только говорить, но который хотим осуществлять. И вот, товарищи, это называется быть активным социалистом".

Штейнберг, левый эсер, который был в Совнаркоме народным комиссаром юстиции, уклонился от обсуждения принципиальных вопросов, предлагаемого правыми эсерами, и утверждал, что прошло время политических дискуссий и что Учредительное собрание как "ребенок народа" должно "подчиниться воле трудового народа, изложенной в программе Совета Р. и С.Д.". Речь меньшевика Церетели отличалась высокой теоретической убедительностью и последовательностью. В своем невероятно растянутом выступлении он приводил доводы, как это делали меньшевики на протяжении 14 лет, против "анархических попыток введения социалистического хозяйства в отсталой стране" и утверждал, что "только на почве народовластия, основанного на всеобщем и равном избирательном праве... может успешно развиваться их [рабочих] классовая борьба за конечное освобождение"[38].

Речи не прекращались почти 12 часов. Но не многое из сказанного имело хоть какое-то отношение к окружающему миру. Резкий вызов, содержавшийся в советской декларации, игнорировали; как и вопрос о сосредоточении действенной власти в руках пролетариата и Советского правительства. Никакого альтернативного правительства, способного удержать власть, не предлагали, да и не могли предложить. В этих условиях дискуссии были беспредметными.

В полночь декларация большевиков была отвергнута большинством из 237 голосов против 138. Взамен было принято предложение правых эсеров обсудить текущие политические вопросы. И дискуссия продолжалась. Наконец, уже под утро, большевик Раскольников заявил об уходе большевиков из-за "контрреволюционного большинства". Час спустя ушли и меньшевики. Затем Центральный Комитет партии большевиков, заседавший в том же здании, решил действовать. Командовавший военным караулом матрос Железняков заявил председателю, что получил приказ Учредительное собрание закрыть, "потому что караул устал"[39]. Последовало замешательство, и в этих условиях были зачитаны резолюция по аграрному вопросу и призыв к союзным державам о мире. Было объявлено, что оба документа приняты. Учредительное собрание смогло лишь повторить в основном то, что сделал II Всероссийский съезд Советов на следующий день после революции, десятью неделями ранее, что было характерным проявлением несостоятельности Учредительного собрания. Затем около пяти часов утра был объявлен

перерыв в заседаниях на 12 часов. Но заседания так никогда и не возобновились. Позже в тот же день ВЦИК после двухчасовой речи Ленина[40] принял постановление о роспуске Учредительного собрания. Чтобы оно вновь не собралось, прибегли к простому методу: поставили караул у входа в Таврический дворец.

Маркс, анализируя переворот, совершенный Луи Бонапартом 2 декабря 1851 г., дал знаменитое описание действий его предшественников.

"Кромвель при роспуске Долгого парламента явился один в зал заседаний, вынул часы, дабы не дать парламенту просуществовать ни одной минуты долее назначенного им срока, и выпроваживал каждого члена парламента веселыми юмористическими насмешками. Наполеон, более мелкий, чем его прототип, все же отправился 18 брюмера в Законодательный корпус и прочел ему – правда, прерывающимся голосом – его смертный приговор"[41].

У каждого периода истории есть свой драматический символ. Одним из таких символов стал вооруженный матрос, закрывающий Учредительное собрание, "потому что караул устал". Но за внешней небрежностью скрывалось определенное беспокойство большевиков о возможных последствиях их своеволия. Демонстрация в поддержку Учредительного собрания, состоявшаяся во время его заседания, была разогнана войсками, и несколько человек, которых попеременно называли то "мирными демонстрантами", то "вооруженными заговорщиками", были убиты[42]. Однако роспуск Учредительного собрания почти не вызвал протестов, и мнение члена Совета от правых сил, одинаково не сочувствовавшего ни эсерам, ни большевикам, видимо, точно отражает преобладавшие тогда настроения.

"Впечатление "неправа", совершенного большевиками над Учредительным Собранием, было в значительной степени смягчено недовольством самим Учредительным Собранием; его, как говорили, "недостойным поведением", трусливостью и податливостью председателя Чернова. Учредительное Собрание бранили больше, чем большевиков, разогнавших его"[43].

Это было еще одно подтверждение отсутствия в России прочной базы или какой-либо широкой народной поддержки для институтов и принципов буржуазной демократии. Поэтому, когда 10 (23) января 1918 г. в Таврическом дворце открылся III Всероссийский съезд Советов, он оказался естественным, хотя и своевольным, наследником Учредительного собрания, формальный роспуск которого он немедленно утвердил. После пения "Интернационала" была также исполнена "Марсельеза" как "историческое воспоминание о пройденном пути". Преисполненный энтузиазма составитель официального отчета так объясняет эту символику: "Интернационал победил Марсельезу, как революция пролетарская оставляет позади революцию буржуазную"[44]. Задачей съезда, как сообщил в своем вступитель-

ном слове председательствовавший на нем Свердлов, было "строительство новой, грядущей жизни и создание Всероссийской власти". Предстояло "решить, будет ли эта власть иметь какую-либо связь с буржуазным строем или окончательно и бесповоротно установится диктатура рабочих и крестьян"[45]. Ленин, как обычно, был осторожен в анализе, но тверд в выводах:

"Тот, кто понял, что такое классовая борьба, что значит саботаж, который организовали чиновники, тот знает, что перескочить сразу к социализму мы не можем... Я не делаю иллюзий насчет того, что мы начали лишь период *переходный* к социализму, что мы до социализма еще не дошли. Но вы поступите правильно, если скажете, что наше государство есть социалистическая республика Советов"[46].

Мартов снова повторил довод меньшевиков о том, что

"полное социалистическое преобразование возможно только после длительной работы, созданной необходимостью пересоздать всю политическую организацию общества, укрепить экономическое положение страны и только после приступить к введению в жизнь лозунгов социализма"[47].

Ленин в своем ответном слове напомнил о пути, пройденном за последние 12 лет:

"О буржуазно-демократической революции большевики говорили в 1905 году, но теперь, когда Советы стали у власти, когда рабочие, солдаты и крестьяне в неслыханной по своим лишениям и ужасам обстановке войны, в атмосфере развала, перед призраком голодной смерти, сказали – мы возьмем всю власть и сами примемся за строительство новой жизни, – в это время не может быть и речи о буржуазно-демократической революции. И об этом большевиками на съездах и на собраниях и конференциях резолюциями и постановлениями было сказано еще в апреле месяце прошлого года"[48].

В политическом отношении довод Ленина вряд ли можно было опровергнуть. Октябрьская революция решила вопрос добра и зла. Завершилась буржуазная революция или нет, назрело или не назрело время пролетарской революции – и какими бы ни были последствия негативного ответа на эти вопросы, – пролетарская революция фактически свершилась. После Октября 1917 г. никто не мог вернуть обратно того, что сделано, или загнать революцию назад в буржуазно-демократические рамки. Политическое развитие, казалось, обогнало экономическое развитие. Ленин это и предполагал в канун Октября:

"Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны. Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и *экономически*"[49].

Однако гипотеза о внезапно обретенной политической зрелости была некоторым насилием над фактами, так же как и над марксистским учением. Ленин сам не мог не сознавать этой не-

увязки, поскольку в дальнейшем его оценка ситуации, сложившейся осенью 1918 г., была уже существенно иной, чем та, с которой он выступил на III Всероссийском съезде Советов в январе того же года: "Да, революция наша буржуазная, *пока* мы идем *вместе* с крестьянством, как *целым*... *Сначала* вместе со "всем" крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). *Затем*, вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми, *против капитализма*, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится *социалистическою*"[50].

И Ленин продолжал, обращаясь после долгого перерыва к идее Маркса (хотя и не к самой фразе) о "перманентной", или "непрерывной", революции:

"Пытаться поставить искусственную, китайскую, стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, *кроме* степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом"[51].

Эти сложности анализа отнюдь не были чисто схоластическими. В них отразились трудности социалистической революции, которая, оглядываясь на марксистскую схему, старалась заполнить в ней пустующее место буржуазной демократии и буржуазного капитализма.

Когда закончились дискуссии, III Всероссийский съезд Советов принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа без последних двух абзацев, которые оказались излишними. По предложению народного комиссара по делам национальностей Сталина съезд также утвердил резолюцию "О федеральных учреждениях Российской Республики"; из 900 делегатов лишь 24 голосовали против этой резолюции и трое воздержались. Первый ее абзац добавил к основам советского строя новый краеугольный камень:

"Российская социалистическая советская республика учреждается на основе добровольного союза народов России, как федерация советских республик этих народов"[52]. Слово "временное", до этого официально прибавлявшееся к названию рабоче-крестьянского правительства, исчезло. Съезд поручил ВЦИКу подготовить и представить к следующему съезду проект "основных положений конституции Российской федеративной республики".

Глава 6

КОНСТИТУЦИЯ РСФСР

Решение до этого времени анонимного "Рабоче-Крестьянского Правительства" покончить со своим статусом временного, определиться географически и идеологически и разработать свою официальную Конституцию символизировало переломный момент в его истории. Новая Конституция не столько создавала новые формы правления, сколько фиксировала и регулировала те формы, которые стихийно складывались в ходе революционной социальной перестройки.

Споры в комиссии, занимавшейся составлением проекта, отражали трения, сопровождавшие естественный процесс роста; и та же гибкость позволила Конституции сохраниться, несмотря на все поправки и изменения, в течение 18 революционных лет. Тем не менее нетрудно и преувеличить то значение, какое ей придавали ее составители. Энтузиазм первых месяцев революции не оставлял места для большого уважения к конституционным формам. Период составления проекта Конституции был периодом серьезного и продолжительного кризиса в экономике и во внешней политике, который угрожал самому существованию режима и оставлял мало времени для других, менее важных дел. Наконец, республика, для которой составлялась Конституция, все еще рассматривалась ее руководителями как короткий переходный этап на пути к мировой социалистической революции или федерации республик. Вряд ли предполагалось, что Конституция сохранится как действующий документ. Ее характер и назначение, возможно, лучше всего выражает фраза, сказанная одним современным историком по поводу якобинской революции 1793 г. – "политическая перспектива"[1].

При таких обстоятельствах неудивительно, что главные руководители не участвовали лично в этой работе. Пересмотр партийной Программы, много обсуждавшейся в то время, хотя так и не предпринятый до следующего года, привлекал к себе гораздо больше внимания в партийных кругах. В многочисленных работах и выступлениях Ленина за эти месяцы мы напрасно стали бы искать упоминание о составлении Конституции. Это был период брест-литовского кризиса и поспешного перевода столицы из Петрограда в Москву. В течение более чем двух ме-

сяцев, кроме нескольких черновых проектов, подготовленных в комиссариатах внутренних дел и юстиции и еще где-то[2], никакого прогресса в деле составления Конституции не достигли, и когда в марте собрался IV Всероссийский съезд Советов, ничего не было готово. Тогда, 1 апреля 1918 г., ВЦИК после короткого обсуждения решил создать комиссию по составлению проекта Конституции. Председателем ее стал Свердлов – доверенное лицо партии и председатель ВЦИКа. В состав комиссии вошли: Сталин, считавшийся в партии специалистом по национальному вопросу и единственный в комиссии представитель Совнаркома; Бухарин и Покровский, оба партийные идеологи; Стеклов, в прошлом колебавшийся между большевиками и меньшевиками, после Февральской революции секретарь Исполнительного комитета Петроградского Совета, а теперь – редактор газеты "Известия", и представители комиссариатов внутренних дел, юстиции, по делам национальностей, по военным и морским делам и народного хозяйства[3]. Комиссия работала три месяца и составила согласованный текст. Результат ее трудов был опубликован 3 июля 1918 г.; в тот же день он был представлен на утверждение Центральному Комитету партии, до обсуждения на V Всероссийском съезде Советов.

Конституция начиналась с изложения общих принципов. Первые четыре главы в точности повторяли Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятую на III Всероссийском съезде Советов. В главе пятой излагался ряд "общих положений", включая: федеративный характер республики; отделение церкви от государства и школы от церкви; свободу слова, мнений и собраний для рабочих, гарантируемую предоставлением в их распоряжение технических средств для издания газет, брошюр и книг, а также помещений для собраний; обязанность всех граждан работать в соответствии с принципом "Не трудящийся да не ест"; обязанность всех военнослужащих защищать республику; право гражданства для всех трудящихся, проживающих на территории России и право убежищ для иностранцев, преследуемых по политическим или религиозным мотивам; и уничтожение всякой дискриминации по расовым или национальным признакам. Далее Конституция переходила к вопросам практического характера.

Главы с шестой по восьмую касались организации центральной власти. Высшая власть принадлежала Всероссийскому съезду Советов, который состоял из представителей городских Советов (из расчета один депутат на 25 тыс. избирателей) и губернских Советов (один депутат на 125 тыс. жителей). Всероссийский съезд Советов избирал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) в составе не более 200 членов, который осуществлял всю власть Съезда в промежутках между съездами. ВЦИК назначал Совет Народных Комиссаров (Совнарком), в чьи функции входило "общее управление делами Рос-

сийской Социалистической Федеративной Советской Республики", а также издание "декретов, распоряжений, инструкций".

В главе девятой были определены функции Всероссийского съезда Советов и ВЦИКа, а главы с десятой по двенадцатую были посвящены организации областных, губернских, уездных, волостных Съездов Советов и образованию городских и сельских Советов. Глава тринадцатая устанавливала, что правом избирать и быть избранными пользуются "все добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом", солдаты и нетрудоспособные; исключались лица, прибегающие к наемному труду, живущие на проценты с капитала, частные торговцы, монахи и священнослужители, служащие и агенты бывшей полиции. Остальные статьи касались обычных деталей.

Составление конституции – это обычно поле битвы соперничающих друг с другом целей, и окончательный продукт несет на себе более или менее заметные шрамы от этой борьбы. Споры, которыми сопровождалось составление первой Конституции РСФСР, шли в трех направлениях, подчас едва распознаваемых. Это было противоборство между теми, кто пытался ослабить власть государства, и теми, кто пытался ее усилить; между теми, кто желал рассредоточения власти и развития инициативы местных властей, и теми, кто желал концентрации власти и системы подчинения единому центру; между теми, кто добивался федерализма действенного, и теми, кто под любым прикрытием стремился установить "единую и неделимую" республику. Первая группа частично состояла из левых эсеров, которые по традиции придерживались этих тенденций, но не только из них; наиболее активным представителем этой группы в комиссии по составлению проекта Конституции был Рейснер, работавший в народном комиссариате юстиции. Во взглядах этой группы был, однако, оттенок непрактичности, утопизма, так что в условиях обострения борьбы и серьезной угрозы революционному государству более трезвые реалисты, возможно, одержали бы верх, даже не располагая неопровержимыми доводами. И все же многие противоречия в советской политике были заложены в спорах комиссии по составлению Конституции.

В большевистской теории государства имелось противоречие, наблюдавшееся еще в марксистской доктрине. Маркс и Энгельс полностью разделяли традиционную неприязнь социалистов к государству, орудию подавления, и верили, что в условиях социализма государство полностью отомрет. В то же время они признавали необходимость создания мощной государственной машины, чтобы прийти к победе революции через установление диктатуры пролетариата. Ленин, который накануне революции посвятил одну из лучших своих работ, названную "Государство и революция", анализу учения Маркса о государстве, столкнулся с дилеммой, рассматривая диктатуру пролетариата как времен-

ную меру, необходимую, пока не уничтожены остатки буржуазной власти, но предназначенную, как любая другая форма государства, отмереть, когда будет достигнута конечная цель – коммунизм[4]. Таким образом, большевистские вожди могли, поддерживая глубоко укоренившуюся социалистическую традицию враждебного отношения к государству, отстаивать как временную меру необходимость укрепления государственной власти – необходимость важнейшую, ставшую особенно очевидной в период мрачной зимы 1917/18 г. и еще более мрачного лета 1918 г.

Недоверие к государству и противодействие буржуазному парламентаризму, лежавшие в основе марксистской теории, толкнули даже многих большевиков на позиции синдикализма. Склонность к синдикализму давно проявляли и левые эсеры. Пока живы были традиции буржуазной демократии, обличение ее как-то объединяло большевиков и синдикалистов. И те и другие считали, что "гражданин" при буржуазной демократии – это расщепленный абстрактный образ, и рассматривали человека главным образом как представителя класса производителей. Неудивительно поэтому, что сильнейшие нападки на концепцию мощного Советского государства имели синдикалистский оттенок. Советы действительно по своему рождению были организациями скорее профессиональными, чем территориальными, и они легко поддались этому влиянию[5]. Проект Конституции, поступивший в январе 1918 г. от комиссариата юстиции, был чистейшим образцом синдикализма. В нем предлагалась республика, состоящая из пяти профессиональных федераций – "земледельцев; промышленных рабочих; служащих торговых предприятий; служащих у государства (чиновники); служащих у частных лиц (прислуга)"[6]. И, судя по речи представителя левых эсеров Трутовского на заседании ВЦИКа, где была утверждена комиссия по выработке проекта Конституции, это не было просто чудачеством. Трутовский подробно доказывал, что Конституция – понятие буржуазное, что социалистическое государство только как определенный "центр регулирует отношения производственные и хозяйственные" и что задача комиссии разработать проект, "вернее, не конституции, а взаимоотношений, которые должны существовать между различными органами власти, поскольку мы можем говорить о власти над людьми"[7]. Вопрос об основном принципе не ставился ВЦИКом на голосование, и в течение всего апреля Рейснер продолжал излагать эти идеи в комиссии по выработке Конституции:

"Необходимо лишь иметь в виду, что территориальная организация и территориальный федерализм совершенно не могут служить основанием для решения государственных вопросов в социалистической республике. Ибо наш федерализм есть не союз территориальных государств или штатов, а федерация социально-хозяйственных организаций. Она строится не на территориальных фетишах государственной власти, а на реальных интересах трудящихся классов Российской республики"[8].

При заключительном обсуждении Конституции на V Всероссийском съезде Советов один из выступавших выразил пожелание отменить термины "федерация" и "республика", поскольку они напоминают о старом, негодном понятии государства, и назвать созданную новую реальность – "Всероссийская Трудовая Коммуна"[9].

Эти синдикалистские отклонения заставили вмешаться Сталина. Он представил комиссии ряд тезисов и обеспечил принятие их за основу большинством голосов. В тезисах содержалось напоминание о том, что вырабатываемый "в настоящее время Комиссией план конституции должен быть временный, рассчитанный на период переходный от буржуазного строя к социалистическому", и что следует поэтому учесть "вопросы о диктатуре пролетариата и деревенской бедноты, об организации власти, как выражения такой диктатуры и пр., – вопросы, совершенно не идущие к установившемуся социалистическому строю, где не будет ни классов, ни аппарата власти"[10]. Отмирание государства оставалось конечным идеалом. Но в промежуточный период государственная форма социалистической Советской республики должна была быть подогнана под обычный для мира капитализма образец территориальной самостоятельности. Статья пятая окончательного варианта Конституции искусно сочетала признание переходного характера советской государственной власти с напоминанием, что, пока она сохраняется, ей следует быть сильной:

"Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти".

Тем не менее, поскольку "водворение социализма" могло произойти лишь как событие международного масштаба, Российская федерация была лишь первой частицей будущей всемирной федерации социалистических республик[11]. В этом смысле также она выражала "переходный момент".

Между идеей государства, находящегося на пути к собственному отмиранию, и идеей государства диктатуры пролетариата, достаточно сильного, чтобы сломить сопротивление буржуазии, существовало подспудное противоречие, которое отразилось в борьбе между местным самоуправлением и централизацией. Особенность советской структуры состояла в том, что она строилась вокруг Советов, которые уже обрели форму и определенную степень организованности, прежде чем стали кон-

ституционными органами государственной власти. Вновь и вновь подчеркивалось, что Конституция лишь регистрирует те формы, которые стихийно рождают сами массы. И в отчете о работе комиссии, сделанном на V Всероссийском съезде Советов, было сказано, что Конституция "осуществилась на практике задолго до того, как была написана на бумаге"[12].

Советы первоначально были, и отчасти всегда оставались, свободными и неформальными собраниями без ясно очерченных функций. Представители сельских Советов, созданных без каких-либо зафиксированных или единых правил[13], собирались на волостные съезды Советов, а их представители в свою очередь – на уездные съезды Советов[14]; уездные съезды вместе с городскими Советами, созданными на другой, главным образом профессиональной основе, посылали представителей на губернские съезды Советов, а те в свою очередь – на областные съезды[15]. Всероссийский съезд Советов составляли делегаты губернских или областных съездов, а также представители Советов наиболее крупных городов, которые не относились к низшим ступеням системы съездов. Местный Совет, городской или сельский, считался как бы истоком власти, а съезды Советов на разных уровнях и венчающий их Всероссийский съезд Советов – вытекали из него. По мнению Ленина, сама неформальность этой системы была ее достоинством:

"...Всякие бюрократические формальности и ограничения выборов отпадают, массы сами определяют порядок и сроки выборов, при полной свободе отзыва выбранных"[16].

Советы, подобно Парижской Коммуне, создали "новый тип государства", свободного от отвратительных свойств старого бюрократического государства и предназначенного его заменить. "Вся власть на местах, – провозгласил II Всероссийский съезд Советов во время революции, – переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок"[17].

Это идеализированное представление о власти не выдержало испытания действительностью. Сама стихийность движения, создавшая Советы на заводах и в деревнях по всей стране, означала, что их независимые действия не регулируются, не координируются и разрушительны с точки зрения нормального управления. После Октябрьской революции народный комиссариат внутренних дел издал декрет, пытаясь определить роль местных Советов при новом строе:

"На местах органами управления, органами местной власти являются советы, которые должны подчинить себе все учреждения, как административного, так и хозяйственного, финансового и культурно-просветительного значения... Каждая из этих организаций, вплоть до самой мелкой, вполне автономна в вопросах местного характера, но сообразует свою деятельность с общими декретами и постановлениями центральной власти и с постановлениями тех более крупных советских организаций, в

состав которых она входит. Таким путем создается связный, во всех своих частях однородный организм – Республика Советов"[18].

Однако в первые недели революции легче было издавать такие декреты, чем обеспечивать их соблюдение. В первой половине 1918 г., когда разрабатывалась Конституция РСФСР, признаки общего упадка и рассредоточения власти наблюдались по всей России. Ленин сам, возможно, рисовал в розовом свете то, что происходит, "когда любой местный Совет создает самостоятельную республику", и говорил, что это "болезнь роста" и "вполне естественное явление при переходе от царской России к России объединенных Советских организаций"[19]. Но если страна намеревалась преодолеть трудности, подступавшие со всех сторон, нельзя было всерьез игнорировать необходимость восстановления какой-либо действенной центральной власти.

Таким образом, условия в тот момент благоприятствовали тем, кто в комиссии по составлению проекта Конституции отстаивал централизацию. Первоначально спор возник по вопросу о том, начать ли с определения полномочий местных Советов или полномочий центральных органов. Говорят, что Сталин – не совсем ясно, каким образом, – своим предложением о федеральном принципе[20] изменил ход дискуссии. Существенное противоречие в формулировках статей 10 и 12 окончательного варианта Конституции, пожалуй, отражает остроту спора. Согласно одной из них: "Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах". Согласно другой: "Верховная власть в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике принадлежит Всероссийскому съезду Советов, а в период между съездами – Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов". Но такое же формальное противоречие между источником власти снизу и осуществлением власти сверху существует в любой конституции, утверждающей, что ее основу составляет народовластие, а текст Конституции не оставлял места сомнениям. По указанию III Всероссийского съезда Советов "местные дела" должны были "решаться исключительно местными Советами", а за центральными властями был оставлен контроль за соблюдением "основ федерации", а также проведение "мероприятий, осуществимых лишь в общегосударственном масштабе". Решающее значение имело то, как это указание было воплощено в последнем тексте. Длинный, подробный перечень 17 "вопросов общегосударственного значения", относящихся к компетенции Всероссийского съезда Советов и ВЦИКа был так составлен, что носил скорее иллюстративный, нежели исчерпывающий характер, а за ним следовала статья, предупреждавшая, что "сверх перечисленных вопросов, ведению Всероссийского съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов подлежат

все вопросы, которые они признают подлежащими их разрешению"[21]. К вопросу о распределении остальных полномочий в этой статье подошли ближе, чем где бы то ни было еще в Конституции.

Далее в Конституции определялись в общих выражениях задачи местных Советов и областных, губернских, уездных, волостных съездов Советов с их исполнительными комитетами:

"а) проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти;

б) принятие всех мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях;

в) разрешение всех вопросов, имеющих чисто местное (для данной территории) значение;

г) объединение всей советской деятельности в пределах данной территории".

Последнее положение должно было способствовать тому, чтобы Советы вобрали в себя дореволюционные местные органы управления и трансформировались в обычные местные органы власти. Глава Конституции о бюджете, ставшая предметом спора между двумя народными комиссариатами – внутренних дел и финансов, была направлена на достижение того же результата. Декрет, принятый во время работы комиссии над проектом Конституции, запрещал местным Советам облагать налогами местные учреждения, которые входят в центральные комиссариаты, обслуживающие общие государственные нужды[22]. Конституция признавала право местных Советов устанавливать обложение "налогами и сборами исключительно на нужды местного хозяйства". Но все местные доходы и расходы были поставлены под непосредственный или косвенный контроль центра, причем бюджет низших Советов проверялся губернскими или областными Советами или их исполкомами, а бюджет городских, губернских и областных Советов – Всероссийским съездом Советов или ВЦИКом. Центральное правительство получило, в сущности, финансовую монополию, и предоставление кредитов и субсидий было мощным средством, поставившим местные Советы под контроль народного комиссариата внутренних дел[23].

Таким образом, место Советов в конституционной структуре было прочно закреплено. С одной стороны, они были формально первичными единицами власти и основой для избрания, в несколько промежуточных этапов, делегатов высшего органа – Всероссийского съезда Советов. С другой стороны, Советы были органами местного управления и пользовались значительной самостоятельностью, но в конечном счете подлежали контролю центральных правительственных органов через те же промежуточные уровни власти. Именно эта вторая и новая сторона их положения и причинила вначале некоторые беспокойство. В июне 1918 г., по словам авторитетного обозревателя, лозунг "Вся власть Советам!" в смысле: вся власть "местному самоуправле-

нию" – был "ненужным, нелогичным и может быть применяем только по инерции"[24]. Однако недисциплинированность местных Советов изживалась с трудом. Через шесть месяцев все еще было необходимо призывать их "безоговорочно и очень точно выполнять все решения и приказы центральной власти"[25].

Третье направление, по которому наблюдались разногласия – федерация или унитарное государство, – открыто не обнаруживалось в дискуссиях о Конституции, но подразумевалось, когда речь шла о включении термина "федеративный" в название РСФСР. Слова "федеративный" и "федерация", имеющие точное значение в конституции, с точки зрения их политической окраски нейтральны. Во времена Войны за независимость федералисты стояли за союз и сильную центральную власть. Во времена Французской революции жирондисты выступали за рассредоточение власти и сопротивлялись якобинской политике централизации[26]. Именно традиции Французской революции повлияли на взгляды социалистов XIX века на федерацию. В 1850 г. в своем "Обращении" к Союзу коммунистов Маркс писал, что, в то время как немецкие буржуазные демократы поддерживают федерацию и стремятся ослабить центральную власть путем усиления власти на местах, "рабочие не только должны отстаивать единую и нераздельную германскую республику, но и добиваться в этой республике самой решительной централизации силы в руках государственной власти"[27]. Энгельс в самом конце жизни, критикуя систему существования "мелких государств" под эгидой федеральных конституций Германии и Швейцарии, утверждал, что "пролетариат может употребить лишь форму единой и неделимой республики"[28]. С другой стороны, Прудон и анархисты, обращаясь к другому аспекту французской революционной традиции, свободно использовали слова "федеральный" и "федерация", не соблюдая при этом точности конституционных терминов, но приправив их сильной дозой эмоционального одобрения, чтобы подчеркнуть свободную добровольную ассоциацию территориальных единиц в противоположность сильному централизованному государству. Положение осложнялось тем, что коммунары 1871 г. – в большинстве своем скорее прудонисты, чем марксисты, – которые считали федерацию конечной формой союза свободных коммун и были широко известны как "федераты", получили благословение Маркса:

"Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни... Собрание делегатов, заседающих в главном городе округа, должно было заведовать общими делами всех сельских коммун каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны были посылать депутатов в национальную делегацию, заседающую в Париже... Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством... должны были быть переданы коммунальным, то есть строго ответственным, чиновникам".

Этот проект, послуживший прототипом российских Советов, вполне согласовывался с идеей местного самоуправления и открытой демократии в противоположность бюрократической и деспотической исполнительной власти. Однако из контекста ясно, что Маркс здесь мыслил с точки зрения отмирания государства. Не было и речи о том, чтобы раздробить большую страну на "союз мелких государств, о чем мечтали Монтескьё и жирондисты"; напротив, единство нации должно было "стать действительностью посредством уничтожения... государственной власти"[29].

Марксистское неодобрение федерализма было унаследовано Лениным и большевиками, а затем усилено долгой борьбой с еврейским Бундом, который вслед за австрийской социал-демократией стремился внести федеративный принцип в организацию партии. Даже позднее, когда предубеждение против федерального устройства государства было преодолено, большевики без колебаний отстаивали единую, централизованную Российскую Коммунистическую партию. Но вначале федерализм в государстве вызывал такие же категорические возражения, как и федерализм в партийной организации. В 1903 г. Ленин отчитал армянских социал-демократов за то, что они отстаивали идею создания Российской федеративной республики[30]. В 1913 г. Ленин отмечал, что марксисты, "разумеется, относятся враждебно к федерации и децентрализации" (он, очевидно, не проводил четкого различия между ними) на том основании, что "капитализм требует для своего развития возможно более крупных и возможно более централизованных государств"[31]. В том же году в одном из писем Ленин заявил, что он "в принципе против федерации", что федерация "ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства"[32]. Это был довод не конституционного, а практического характера. Федерация означала децентрализацию; что же касается унитарного государства, то такое государство одобрялось как инструмент централизации.

Как и другие политические принципы, противодействие федерации никогда не было для Ленина абсолютным правилом. Его следовало, к примеру, сравнить с принципом самоопределения нации. В декабре 1914 г. Ленин писал, что

"мы безусловно, *при прочих равных условиях*, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений. Однако даже в таком случае... не наше дело, не дело демократов (не говоря уже о социалистах), помогать Романову-Бобринскому-Пуришкевичу душить Украину и т.д."[33].

И все же традиции партии по-прежнему заставляли оказывать сильное противодействие федерации. В марте 1917 г. Сталин в статье "Против федерализма" писал, что всюду наблюдается стремление к централизации, и делал следующий вывод:

"Не ясно ли, что федерализм в России не решает и не может решить национального вопроса, что он только запутывает и

усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории?"[34]

Лишь победа революции смягчила партийную ортодоксальность. Во-первых, система Советов, сложившаяся по образцу Парижской Коммуны, непосредственно основанная на добровольном участии местных органов власти в формировании центрального органа, была именно тем, что социалисты XIX века подразумевали под федерализмом. Во-вторых, федерация была тем политическим понятием, к которому можно было обратиться, чтобы удовлетворить чаяния зависимых в прошлом народов царской империи и в то же время удержать их в рамках советского строя. Стоило провозгласить право наций на самоопределение, как федерализм становился неизбежным следствием – или противоядием. Этот переломный момент совпал с выходом в свет работы Ленина "Государство и революция", написанной накануне Октябрьской революции. Энгельс в критике Эрфуртской программы, где он так решительно призывал к "единой и неделимой республике", тем не менее допускал, что "в Англии, где на двух островах живет четыре нации", федерация была бы "шагом вперед". Ленин, цитируя этот отрывок, характеризовал федерацию как "исключение и помеху развитию", которое есть "шаг вперед" при известных особых условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос"[35]. Но из последовавшей за этим дискуссии стало ясно, что для Ленина вопрос о федеративном или унитарном государстве все еще был вопросом не конституционной формы, а децентрализации или централизации власти, и знаменательно, что это сдержанное признание целесообразности федерации содержалось в работе, где большое внимание было уделено отмиранию государства.

Такова была подоплека вопроса о федерации при создании Советской Конституции. В Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, проект которой был составлен ВЦИКоми представлен Учредительному собранию в качестве своего рода ультиматума, провозглашалась Российская Советская республика как "федерация Советских национальных республик", а после роспуска Учредительного собрания III Всероссийский съезд Советов поручил ВЦИКу составить проект "основных положений конституции Российской Федеративной Республики". Применение этого термина, несомненно, было вызвано отчасти его популярностью. Он даже окрылял синдикалистскую мечту о "федерации социально-хозяйственных организаций"[36].

Ясность внесло заявление Сталина, опубликованное в "Правде" 3 и 4 апреля 1918 г. во время работы комиссии над проектом Конституции. Советская федерация не представляла собой, как швейцарская или американская, союз территорий, разделенных лишь географическими условиями или исторической случайностью; это был "союз определенных исторически выделившихся территорий, отличающихся как особым бытом, так и национальным составом". Более того, в то время как буржуаз-

ная федерация – это "переходная ступень от независимости к империалистическому унитаризму", советская федерация представляла собой переход, который будет достигнут "с течением времени" от "принудительного царистского унитаризма" к "добровольному и братскому объединению трудовых масс всех наций и племен России". Конечная цель состояла в переходе "к будущему **социалистическому** унитраризму"[37]. По предложению Сталина комиссия приняла резолюцию, составленную в таких же выражениях, в качестве основы для предстоящей работы[38].

Теперь возникло ясное представление, что федерация хотя и не является сама по себе благом (это был бы слишком большой отход от установившейся партийной догмы), но в особых условиях национальной проблемы в России представляет собой удобную переходную ступень к чему-то лучшему. Этот взгляд подтвердила партийная Программа, принятая год спустя, которая характеризовала "федеративное объединение государств, организованных по советскому типу", как "одну из переходных форм на пути к полному единству"[39].

Эти колебания отразились в любопытном факте. В то время как РСФСР часто называли федерацией и в то время как слово "федеративный" появилось в ее названии и в начальных главах Конституции, где рассматривались общие принципы, оно в основной части Конституции не появлялось. Размеры и структура федерации и в значительной мере ее механизм не были определены. Это свободно можно было объяснить тревожной обстановкой, в условиях которой создавался проект Конституции. Весной и в начале лета 1918 г. германские войска оккупировали Прибалтику, большую часть Белоруссии и всю Украину, проникли даже на Северный Кавказ и в Закавказье, где Баку оставался одиноким островком большевистской власти. Большевистский Туркестан был отрезан от Европы. Сибирь, где власть большевиков в какой-то момент, казалось, понемногу укреплялась, была полностью отсечена в 1918 г. в результате чехословацкого мятежа, что привело также к установлению на Волге враждебного большевикам правительства. В этих условиях почти все в Конституции неизбежно представлялось временным. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа предоставила право "рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде, желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях".

В резолюции III Всероссийского съезда Советов о проекте Конституции предусматривалось, что "способ участия советских республик, отдельных областей в федеральном правительстве" должен определяться, когда республики и районы окончательно образованы. Но этого еще не произошло, и приходилось создавать Конституцию для федерации еще не определившихся или

не существовавших единиц. Что было фактически создано в 1918 г., так это Российская республика с неопределенной территорией. В общих положениях Конституции было оставлено место для включения "автономных областей"; в Статье 11 указывалось, что высшие органы автономной области, ее съезд Советов и исполнительный комитет будут иметь те же ранг и статус, что и областной съезд Советов и исполком любой другой области РСФСР, русский или нерусский. Другими словами, в Конституции, как и в ранних произведениях Ленина и Сталина, федерация рассматривалась как эквивалент децентрализации. Это скорее был вопрос административной организации, чем вопрос о сущности Конституции. В партийной резолюции 1913 г. "По национальному вопросу" не удалось определить различие между "широкой областной автономией" и "демократическим местным самоуправлением"[40]; понятия эти все еще представлялись большевикам идентичными. Вопрос об особом федеральном механизме, в отличие от вопроса о разделении функций между центральными и местными органами власти, совершенно не был отражен в Конституции 1918 г. Запланированное устройство, возможно, было вполне целесообразным для обеспечения национальным группам на местах достаточной степени самостоятельности, не подвергая опасности целостность РСФСР, но оно не было федеральным в конституционном смысле.

Вопрос о федерации показывает характер разрыва между двумя теориями: той, что положена в основу Конституции РСФСР, и той, что вдохновляла конституции буржуазных государств и федераций. Понятие конституционного закона для западного мира означало закон, которому подчиняется само государство. Это понятие несовместимо с доктриной, считающей закон творением государства. Большинство конституций Запада основывалось на представлении, что власть государства есть нечто такое, что надо ограничить, чему надо положить пределы, чтобы не допустить злоупотребления. Конституция была уступкой, вырванной у монарха. Федерации возникали из территориальных образований, решившихся допустить по возможности минимальное вмешательство в свои дела федерального правительства. В буржуазных конституциях такие ограничения еще могли иметь какое-то значение, поскольку давали рабочим определенную защиту от буржуазного государства. Но в Советской Конституции подобным компромиссам не было места. По словам Сталина, она "пришла в свет не в результате сделки с буржуазией, а в результате победоносной революции"[41]. Это означало не равновесие или соглашение между противоборствующими силами, а диктатуру пролетариата. Абсолютный характер большевистской теории выражали слова "самодержавие народа", как бы пародировавшие титул царя – "самодержец". Они часто упоминались в партийной Программе 1903 г. и в партийных кругах. Каждое государство и каждое правительство есть орудие

господства правящего класса. Диктатура пролетариата, как любая другая форма государства, была, по выражению Ленина, "особой *дубинкой*, rien de plus"*, цель которой – сломить и подавить эксплуататорские классы. Отсюда следовало, что власть, которой конституция облекает такое государство, по сути своей неограниченна, безраздельна и абсолютна.

Именно исходя из таких взглядов, Советская Конституция не содержала признания "конституционных гарантий" или прав граждан на защиту от государства. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа не была декларацией прав в обычном смысле; это было провозглашение социальной и экономической политики. Что было вполне логично. Марксизм отвергал буржуазное представление о том, что свобода индивидуума может быть гарантирована невмешательством государства в его дела; такая свобода в условиях классового правления была формальной и неэффективной. Чтобы дать рабочим подлинную свободу, нужны позитивные действия. Так, Конституция РСФСР обеспечивала рабочим свободу совести путем отделения церкви от государства и школы от церкви; свободу мнений – предоставляя рабочим "все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати" и для их распространения по всей стране; свободу собраний – предоставляя в распоряжение рабочих "все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкой, освещением и отоплением"; доступ к знаниям – предоставив "полное всестороннее и бесплатное образование". Свободу рабочего следовало защищать не от государства, а с помощью государства. Конституция как раз и давала обещание и гарантию такой защиты. Представление о противоположности интересов личности и государства было естественным для классового государства. Интересы отдельного рабочего совпадали с интересами рабочего класса как целого; было бы нелогично и нелепо противопоставлять его рабочему государству.

Из этого также следовало, что Конституция не признает формального равенства прав. Такой традиции не было в российской конституционной практике. Подданные царя делились на пять установленных законом сословий, у которых был различный законный статус[42]. Декрет от 10 (23) ноября 1917 г. отменил эти различия и установил в законодательном порядке единую категорию граждан[43]. Но пока на деле экономические классы существовали, равенство между отдельными членами неравных классов, о котором говорилось в буржуазно-демократических конституциях, непременно оставалось, как утверждали большевики, нереальным. Равенство индивидуумов могло стать реальным только в бесклассовом обществе. Целью диктатуры пролетариата было не установление формального равенства отдельных представителей буржуазии и рабочего класса, а уничтожение буржуазии как класса. Советы, явившиеся воплощением

* Ничего более (*фр.*). – *Прим. ред.*

этой диктатуры, были классовыми органами рабочих и крестьян. Только рабочих и крестьян призывали в Красную Армию. Таким образом, логично, что права, предоставленные Конституцией, предоставлялись "трудящимся", или "рабочему классу и крестьянской бедноте" – и только им одним. В разделе "общих положений" особое внимание уделялось оправдыванию дискриминации:

"Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции".

Отсюда не являлись законными такие принципы буржуазной демократии, как "один человек – один голос", и избирательное право "перестает быть правом и превращается в социальную функцию избирателей"[44]. По Конституции РСФСР, лишены были права избирать и быть избранными "лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли", "лица, живущие на нетрудовой доход", "частные торговцы", "монахи и духовные служители церквей и религиозных культов", а также преступники и умалишенные. Решение не лишать права голоса специалистов и интеллектуалов долго оспаривалось и, как отмечает исследователь, было вызвано "не соображениями о какой-то социальной справедливости и всего менее движениями прекраснодушия", а соображениями практической пользы[45]. Дискриминационное избирательное право оставалось в силе до 1936 г.

В более сложной форме дискриминация проявилась в различии между правилами проведения выборов на Всероссийский съезд Советов в городе и на селе. В городах избирался один делегат съезда на каждые 25 тыс. *избирателей*, в деревне – один на каждые 125 тыс. *жителей*. Различие имело свое историческое объяснение. Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – суверенный орган РСФСР – возник в результате слияния Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов и Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов, которое произошло в ноябре 1917 г., когда было достигнуто соглашение между большевиками и левыми эсерами. Естественно, что городские и сельские Советы сохранили метод расчетов, который соответствовал их условиям и к которому они привыкли: первые – по числу работников, относящихся к данному Совету, последние – по числу жителей данного района. Единственной трудностью было установление соотношения между ними. Фактически было сохранено соотношение "один делегат на 25 тыс. избирателей", принятое организаторами I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 г.[46], а соотношение "один делегат на 150 тыс. жителей", принятое Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, было увеличено до соотношения

"один делегат на 125 тыс. жителей". Установившееся в результате соотношение один к пяти отстаивал на заседание ВЦИКа Стеклов. ВЦИК выразил одобрение по поводу того, что Конституция не дает преимуществ городам и устанавливает для них лишь равное с деревней представительство[47]. Довод был нелогичным[48], и его не поддержали другие представители Советов. Ленин говорил, что "неравенство рабочих с крестьянами" записано в Конституции, и объяснял природу этого неравенства с точки зрения истории Советов[49]. В партийной Программе, принятой в 1919 г., специально отмечалось, что "наша Советская конституция" отражает ведущую роль городского пролетариата в революции, "сохраняя некоторое преимущество за промышленным пролетариатом сравнительно с более распыленными мелкобуржуазными массами в деревне"[50]. Такие вопросы всегда следовало рассматривать на основании опыта, а не с точки зрения формального или абстрактного равенства. Более высоко развитое классовое сознание городских рабочих и, следовательно, их больший вклад в борьбу против буржуазии давали им право на преимущества в избирательной системе революционного государства.

Абсолютный характер государственной власти означал, что эта власть была не только неограниченной, но и безраздельной. Маркс в одной из ранних работ описывал известную конституционную доктрину "разделения властей" как порождение определенного времени – когда "между королевской властью, аристократией и буржуазией идет спор из-за господства", – превращенное в "вечный закон"[51]. Позднее он писал о перевороте Луи Бонапарта 2 декабря 1851 г. как о "*победе исполнительной власти над законодательной*" в том смысле, что это была победа правящей клики над представительным органом буржуазии в целом[52]. Но эти различия были бы сметены в условиях социалистической революции. Маркс хвалил Парижскую Коммуну за то, что она была "не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы"[53]. Ленин рассматривал отделение исполнительной власти от законодательной как характерную особенность парламентаризма, а их слияние – как особое достоинство советской системы[54]. При диктатуре пролетариата органы государственной власти были лишь различными инструментами, которые используются рабочими или от имени рабочих для достижения однойи той же цели. В период составления проекта Конституции на эту тему говорил Рейснер, представитель народного комиссариата юстиции:

"Разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную... соответствует структуре буржуазного государства, где главная задача состоит в сбалансировании основных политических сил, то есть имущих классов, с одной стороны, и трудящихся масс – с другой. Будучи неизбежно по своей природе компромиссом между эксплуататорами и эксплуатируемыми, бур-

жуазное государство вынуждено балансировать и разделить власть...

Российская социалистическая республика не заинтересована в каком-либо делении или балансировании политических сил по той простой причине, что она основывается на превосходстве одной всеохватывающей политической силы, а именно российского пролетариата и крестьянских масс. Эта политическая сила занята осуществлением одной задачи – установления социалистического строя, и эта героическая борьба требует единства и сосредоточения власти, а не разделения"[55].

Поэтому логично, что Конституция РСФСР не признавала разделения законодательной и исполнительной функций. При излюбленном сравнении ВЦИКа с парламентом, а Совнаркома – с кабинетом министров не учитывают отсутствия каких бы то ни было различий (будь то в формулировках Конституции или в ее применении) между функциями этих двух органов, которые являлись в равной мере законодательными и исполнительными. Собственно говоря, выдвинутое при обсуждении Конституции предложение о слиянии обоих органов было логичным[56]. Так же мало доводов можно было найти в конституционной теории в пользу установления отдельного, независимого судопроизводства, как и отдельной и независимой исполнительной власти. В Конституции РСФСР вообще не было специальных положений об исполнении судебной функции; и непосредственная организация, и контроль над судебной практикой со стороны народного комиссариата юстиции ясно показывали ее подчинение исполнительному органу[57]. Каждая функция правительства составляла единое целое, и ее должна была осуществлять с единственной целью единая, неделимая власть.

Таким образом, определения в Конституции, касавшиеся полномочий соответственно Всероссийского съезда Советов, ВЦИКа и Совнаркома, показывали главным образом различия не функций, а места в иерархии. Функции Всероссийского съезда Советов и ВЦИКа определялись в Статье 49 совместно, без какой-либо попытки провести различие между ними. Всероссийский съезд Советов, согласно Статье 51, имел лишь две функции, которыми не обладал ВЦИК: "установление, дополнение и изменение основных начал Советской Конституции" и "ратификацию мирных договоров". Однако, поскольку Статья 49 уже возложила на ВЦИК "утверждение, изменение и дополнение Конституции", казалось бы, мог возникнуть деликатный вопрос в связи с первым из этих исключений: какие части Основного закона РСФСР являются "основными положениями", а какие не являются. Исключение, касавшееся ратификации договоров, вероятно, возникло в связи с прецедентом, имевшим место в марте 1918 г., когда IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов был созван, чтобы ратифицировать Брест-Литовский договор. Но вообще говоря, в итоге Конституция должна была возложить на ВЦИК исполнение всей власти, за исключением тех периодов,

когда действительно заседал большой и громоздкий, наделенный высшей властью съезд[58].

Мелкие трения между Всероссийским съездом и ВЦИКом, отраженные в этих конституционных тонкостях, значили мало по сравнению с крупными противоречиями между ВЦИКом и Совнаркомом. Один из очевидцев писал, что первая половина 1918 г. была "временем очень заметной ломки центральных государственных учреждений, в частности и в особенности – Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров", и что "взаимоотношение этих двух высших учреждений не без некоторой внутренней борьбы склонялось к фактическому преобладанию Совета Народных Комиссаров в делах внутренней и внешней политики"[59]. Когда Совнарком впервые взял на себя законодательную власть декретом от 30 октября (12 ноября) 1917 г., он признал два ограничения. Его полномочия имели силу только "впредь до созыва Учредительного Собрания", и ВЦИК имел право "приостановить, изменить или отменить" любое постановление Совнаркома[60]. На следующей неделе после принятия этого декрета во ВЦИКе обсуждался протест эсеров по поводу принятия Совнаркомом декретов без санкции ВЦИКа. После обсуждения, в котором участвовали Ленин и Троцкий, незначительным большинством голосов, 29 против 23, была принята резолюция, признававшая право Совнаркома издавать декреты, не терпящие отлагательства, "без предварительного обсуждения Ц. И. К."[61]. Но та же претензия повторялась почти на каждом заседании ВЦИКа в ноябре и декабре 1917 г. В дальнейшем практика постепенно приобрела силу привычки, а с назреванием кризиса и, как следствие, стремлением к централизации власти росло количество постановлений и необходимость быстро решать и действовать; это значительно способствовало выдвижению на первый план небольшого органа. И все же в период составления проекта Конституции главным поводом недовольства левых эсеров и даже некоторых большевиков был захват власти Совнаркомом.

Текст Конституции отразил этот спор, но ничем или почти ничем не способствовал его разрешению. Нисколько не принимая в расчет Всероссийский съезд Советов, Статья 31 сделала ВЦИК "высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики", а Статья 32 обязала его задавать "общее направление деятельности Рабоче-Крестьянского Правительства и всех органов Советской власти в стране". Согласно Статьям 37 и 38, Совнаркому "принадлежит общее управление делами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики", он "издает декреты, распоряжения, инструкции и вообще принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни". По Статьям 40 и 41, все решения, "имеющие крупное общеполитическое значение", должны были представляться во ВЦИК "на рассмотрение и

утверждение", а за ВЦИКом сохранялось право "отменить или приостановить" любое распоряжение Совнаркома. Но эти формальные условия ослаблялись "Примечанием", которое допускало, что "мероприятия, требующие неотложного выполнения, могут быть осуществлены Советом Народных Комиссаров непосредственно". На деле Конституция ничего не изменила и предоставила отношениям между тремя главными органами центральной власти складываться на основе опыта. Опасность зайти в тупик, которую, казалось, вызывали сами формулировки Конституции, устранялась тем, что за Конституцией стояла единая власть – власть правящей партии.

Изучая политическую реальность, Ленин при его острой наблюдательности не мог не заметить, что концентрация власти в центре представляла собой серьезную угрозу принципу власти, исходящей "снизу", и способствовала росту зловредного бюрократизма. В Конституции была сделана попытка изгнать это зло, придав каждому народному комиссариату "коллегию" из пяти человек (очевидно, в качестве дополнительных консультантов), которые имели право обжаловать решения комиссариата в Совнаркоме или ВЦИКе. Но хотя эта мера избежала того всеобщего неодобрения, какое быстро вызвало применение такой системы в управлении производством, все же ее практическое значение было невелико. Ленин на деле не верил в такие гарантии. Во что он действительно верил, так это в то, что централизация несет с собой и собственное противоядие. Слияние законодательной и исполнительной власти означало бы исчезновение профессионального управленца, который действует в отрыве от избираемого представителя законодательной власти. Слияние имело бы то преимущество, что могло бы "соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию *и исполнение законов*" – такое сочетание явилось бы сущностью "непосредственной и прямой демократии"[62]. Переработанная партийная Программа 1919 г. включала в число "отрицательных сторон парламентаризма" не только "разделение законодательной и исполнительной власти", но и "оторванность представительных учреждений от масс". Советы казались Ленину воплощением идеи, согласно которой сами массы рабочих и крестьян устанавливают для себя законы, выполняют собственные решения и управляют собственными делами. И эта сильно идеализированная картина "непосредственной и прямой демократии" помогала скрывать упрямую реальность необъятно разрастающейся бюрократической власти в центре. Но и здесь последнее слово принадлежало партии: чтобы исправить дефекты Конституции, всегда можно было прибегнуть к ее власти.

Практическое применение конституции обычно зависит не только от принципов, которые вдохновляли ее создателей, или от установленных ими правил, но еще больше от политических условий, в которых она применяется. Изменения, происшедшие в Советской России за период подготовки Конституции, были

продолжением процесса, который шел со времени возникновения режима. Однако они были значительными и решающими. Когда основные принципы будущей Конституции были провозглашены III Всероссийским съездом Советов после роспуска Учредительного собрания в январе 1918 г., правительство представляло собой коалицию большевиков и левых эсеров. Когда комиссия по составлению Конституции собралась в апреле, левые эсеры, хотя они и вышли из правительства, оставались еще в Советах и входили в комиссию. Когда V Всероссийский съезд Советов окончательно утвердил Конституцию в июле 1918 г., левые эсеры были изгнаны и объявлены вне закона и уже началась гражданская война. Развитие однопартийного государства и влияние гражданской войны, из-за которой в течение двух лет само существование республики почти ежедневно находилось под угрозой, разрушило оптимистические основания, на которых была построена Конституция, и отодвинуло на задний план большинство споров, происходивших в комиссии. Нужды сражающейся армии и внутренней безопасности создали атмосферу, неблагоприятную для конституционных тонкостей. Опыт очень раннего советского законодательства вскрыл широкий разрыв между идеалистическими принципами и суровой практической реальностью. Если так и произошло с Конституцией РСФСР, то в поисках причин разрыва надо углубиться в обстоятельства ее рождения.

Проект Конституции рассматривался 3 июля 1918 г. Центральным Комитетом партии, и было внесено несколько небольших поправок. По предложению Ленина Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа была включена в Конституцию в качестве преамбулы[63]. После этого проект был представлен на рассмотрение V Всероссийского съезда Советов. Съезд прервал работу на три дня из-за серьезного кризиса, возникшего в связи с убийством германского посла Мирбаха. Затем, 10 июля 1918 г., съезд заслушал сообщение Стеклова о новой Конституции и утвердил ее единогласно[64]. Она вступила в силу после того, как была официально опубликована в газете "Известия" 19 июля 1918 г. в качестве "Конституции (Основного закона) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики".

Глава 7

УКРЕПЛЕНИЕ ДИКТАТУРЫ

Термин "диктатура пролетариата" , использованный большевиками для названия режима, установленного ими в России после Октябрьской революции, не содержал каких-либо особых конституционных характеристик. Он определял господствующий класс, а не форму правления, с помощью которой этот класс осуществлял власть. В этом смысле не было противоречия между диктатурой и представительным правительством: "диктатура буржуазии" – противоположность диктатуре пролетариата – обычно осуществлялась через представительное правительство. Эмоциональная нагрузка слова "диктатура" как связанного с правлением немногих или одного человека не ощущалась марксистами, которые использовали этот термин. Напротив, диктатура пролетариата была бы первым в истории строем, при котором власть принадлежала бы классу, составляющему большинство населения – условие, которое в России следовало выполнить путем вовлечения массы крестьян в союз с промышленным пролетариатом. Более того, раз диктатура пролетариата была бы правлением огромного большинства, то после свержения буржуазии для ее поддержания не потребовалось бы столько мер принуждения, сколько при любом другом общественном строе. Отнюдь не являясь насильственной формой правления, эта общественная система расчистила бы путь к исчезновению социально оправданного насилия, то есть к отмиранию государства.

В первые дни революции ничто не нарушало таких идеалистических и оптимистических настроений. Почти без усилий совершенный переворот 25 октября 1917 г., казалось, подтвердил, что его действительно поддерживало огромное большинство населения . Большевики с законной гордостью заявляли, что сама по себе революция совершилась с минимальными потерями, большинство из которых было связано с попытками врагов революции вырвать уже завоеванную большевиками победу. Одним из актов великодушия, часто сопровождающих первые часы революции, явилось освобождение юнкеров, захваченных в плен в Зимнем дворце, после того как они обещали больше не "поднимать оружие против народа" . Краснов, "белый" генерал, помо-

гавший Керенскому организовывать безрезультатное контрнаступление из Гатчины и захваченный там в плен, был отпущен под честное слово, которое он нарушил уже через несколько недель, приняв участие в гражданской войне на юге. О том, что такая мягкость в отношении врагов не была чьей-то случайной прихотью, говорит заявление Ленина через 10 дней после победы большевиков:

"Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять... Когда мы арестовывали, мы говорили, что мы вас отпустим, если вы дадите подписку в том, что вы не будете саботировать. И такая подписка дается"[4].

Члены Временного правительства, арестованные и помещенные в Петропавловскую крепость в день революции, были вскоре освобождены, а чисто номинальный надзор, который был за ними установлен, не помешал их активной конспиративной деятельности, направленной против нового строя. Более или менее беспорядочная экспроприация у буржуазии денег и материальных ценностей или такие инциденты, как угроза отправить 15 богатых харьковских капиталистов на шахты Донецка, если они не выдадут миллион рублей для уплаты харьковским рабочим[5], были вызваны не столько расчетливой жестокостью, сколько трудностями, с которыми столкнулись неопытные, исполненные решимости люди, пытавшиеся построить действенную административную машину из материала сопротивляющегося или вовсе отсутствующего. В отчаянном хаосе первых недель революции новым руководителям не хватало времени для согласованных действий или хотя бы для последовательного обдумывания и планирования: почти каждый шаг был либо реакцией на какую-то настоятельную необходимость, либо карой за действия или угрозы, направленные против них[6]. Они стремились обуздать бурю, но она сама влекла их за собой.

В городах и по всей стране было много случаев, когда толпа совершала акты насилия. Немало жестокостей и зверств совершалось и революционерами, и их врагами[7]. Но в первые три месяца существования нового строя, по-видимому, не было систематических казней ни по ускоренным приговорам, ни в ходе нормального судебного разбирательства. Первый законодательный акт, принятый на II Всероссийском съезде Советов на следующий день после революции, упразднил смертную казнь на фронте, восстановленную Керенским в сентябре 1917 г. в связи с военной опасностью после ее полной отмены Февральской революцией[8]. Революционная традиция борьбы против смертных приговоров ослабела и угасла лишь тогда, когда вспыхнула гражданская война и началось открытое противодействие Советской власти[9]. Однако было бы ошибкой другого порядка полагать, что репрессивные меры, которые в дальнейшем применялись для защиты победоносной революции, были навязаны

большевистским руководителям вопреки их сокровенным убеждениям. Принцип террора входил в революционные традиции. Робеспьер упразднил обычную законность как неспособную защитить революцию, и Ленин мог бы повторить его слова:

"Когда кризис вызван именно бессилием законов, можно ли определять с уголовным кодексом в руках, какие требуются меры для общественной безопасности?"

И далее:

"Если в мирное время народному правительству присуща добродетель, то в революцию народному правительству присущи одновременно *добродетель и террор:* добродетель, без которой террор губителен, и террор, без которого добродетель бессильна. Террор есть не что иное, как правосудие, быстрое, суровое, непреклонное; он, таким образом, есть порождение добродетели"[10].

Осенью 1848 г. Маркс утверждал, что, учитывая "каннибализм контрреволюции", существует "только одно средство *сократить*, упростить и концентрировать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только *одно средство – революционный терроризм*"[11]. Позднее он отдал должное Венгрии как первой стране, которая со времен 1793 г. осмелилась "противопоставить трусливой контрреволюционной ярости революционную страсть, противопоставить terreur blanche – terreur rouge*"[12]. Но "как ни мало героично" буржуазное общество, в свое время "для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов"[13]. Во второй половине XIX века либеральные гуманные настроения широко распространились среди рабочего класса, особенно в Англии и Германии. Следы этих настроений можно заметить в более поздних произведениях Энгельса[14]. В Программе Коммунистической партии Германии, проект которой составила Роза Люксембург в декабре 1918 г., особо предусматривался отказ от террора:

"В буржуазных революциях кровопролитие, террор и политическое убийство были непременным оружием восходящих классов. Пролетарской революции для достижения ее целей не нужен террор, она ненавидит убийство, питает к нему отвращение"[15].

Но в России, во всяком случае, принцип революционного террора никогда не отвергался революционной партией. Спор, бушевавший между российскими социал-демократами и российскими социалистами-революционерами по этому вопросу, касался не вообще принципа террора, а метода индивидуальных убийств как политического оружия. Меньшевики, отчасти из-за их неверия в осуществимость пролетарской революции в ближайшее время и отчасти из-за их более тесных связей с западными социал-демократами, были, пожалуй, менее склонны к ис-

* Белому террору – красный террор. – *Прим. ред.*

пользованию террора, чем большевики. После 1918 г., когда вперые большевики стали применять это оружие против других социалистических партий, в числе самых энергичных и непримиримых его противников были меньшевики наряду с социал-демократическими партиями Западной Европы.

Ленин под влиянием революционных взглядов якобинцев и марксизма в принципе признавал террор, хотя, как и все марксисты, осуждал бесполезность индивидуальных террористических актов. В 1901 г. он писал:

"Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это – одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях. Но суть дела именно в том, что террор выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения"[16].

За два месяца до Октябрьской революции он предупреждал своих сторонников: "Без смертной казни по отношению к *эксплуататорам* (т.е. помещикам и капиталистам) едва ли обойдется какое ни на есть революционное правительство" – и напоминал, что "великие буржуазные революционеры Франции, 125 лет тому назад, сделали свою революцию великой посредством *террора*"[17]. В соответствии со своими взглядами Ленин, говорят, был возмущен, когда II Всероссийский съезд Советов по предложению Каменева поспешил отменить смертную казнь на фронте[18]. Ленин порой бывал утопистом. Но он более реалистично, чем Каменев, представлял себе, что такое революция. Впрочем, некоторые приписываемые ему полушутливые замечания вряд ли стоит понимать буквально[19].

Самые воинственные заявления первых недель революции принадлежат Троцкому, чья роль в Военно-революционном комитете и в военной организации Октябрьского переворота придает его высказываниям особое значение. Именно Троцкий вслед за подавлением восстания юнкеров на следующий день после революции беспощадно заявил:

"Пленные являются для нас заложниками. Если нашим врагам доведется брать наших пленных, то пусть они знают: каждого рабочего и солдата мы будем обменивать на 5 юнкеров... Они думали, что мы будем пассивны, но мы им показали, что, когда дело идет об удержании завоеваний революции, мы можем быть беспощадны"[20].

"Не в белых перчатках по лаковому полу пройдем мы в царство социализма", – сказал он на Всероссийском съезде крестьянских депутатов[21]. А когда партия кадетов была объявлена вне закона, он снова предупреждал:

"Во время французской революции якобинцы более честных людей за сопротивление народу вели на гильотину. Мы ни-

кого не казнили и не собираемся казнить, но бывают минуты народного гнева, и кадеты сами набиваются на него"[22].

Именно Троцкий, отвечая во ВЦИКе на обвинения по поводу арестов и обысков, проводимых новой властью, заявил, что "требования устранения всех репрессий во время гражданской войны означают требования прекращения гражданской войны"[23]. После разгрома партии кадетов он добавил еще более угрожающе:

"Вы протестуете против слабого террора, который мы применяем против наших классовых врагов. Но вам следует знать, что не позднее чем через месяц террор примет очень сильные формы по примеру великих французских революционеров. Врагов наших будет ждать гильотина, а не только тюрьма"[24].

Менее чем через неделю после этого заявления появилась Всероссийская ЧК. Ее создал Военно-революционный комитет Петроградского Совета, который был организатором Октябрьской революции. Когда победа была завоевана, Комитет был преобразован в Комитет ВЦИКа и руководил операциями по упрочению победы, по борьбе с контрреволюцией и такими злоупотреблениями, как "саботаж, скрывание запасов, злостная задержка грузов и пр."[25]. В его обязанности входил также допрос арестованных по подозрению в контрреволюционной деятельности; для этого был создан специальный отдел во главе с Дзержинским, который, будучи военным комендантом Смольного, ведал вопросами безопасности[26]. Когда Военно-революционный комитет был упразднен, этот отдел остался и декретом Совнаркома от 7 (20) декабря 1917 г. был реорганизован во "Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию" для "борьбы с контрреволюцией и саботажем"[27]. Комиссия состояла из восьми человек под председательством Дзержинского[28]. Одним из первых ее актов стал выпуск циркуляра, адресованного местным Советам, где извещалось о ее создании и предлагалось присылать в ВЧК "все сведения и данные об организациях и отдельных лицах, деятельность которых направлена во вред революции и власти народа", и создавать аналогичные комиссии на местах[29]. Через несколько дней был подписан декрет о создании революционного трибунала для суда над лицами, "которые организуют восстание против власти Рабоче-Крестьянского Правительства, активно противодействуют последнему или не подчиняются ему, или призывают других лиц к противодействию или неподчинению ему", а также над гражданскими служащими, виновными в саботаже, в порче или утаивании общественной собственности. Трибунал должен назначать наказания в соответствии с "обстоятельствами дела и велениями революционной совести"[30].

В критический момент тяжелой борьбы создание этих органов едва ли можно считать необычным. Уже в первые шесть недель после революции на юге России собирались казачьи частии другие "белые" силы; Украина, подстрекаемая обещаниями

Франции и Англии, относилась к новой власти почти с откровенной враждебностью; немцы, несмотря на перемирие, представляли собой постоянную угрозу на западе. В условиях военной опасности и хаоса очень важно было навести в стране порядок. Первым применением принудительного труда стала отправка буржуазии, мужчин и женщин, на рытье окопов для защиты столицы от немцев.

Первые шаги ВЧК, по словам одного из ее сотрудников, были направлены против трех злоупотреблений: саботажа буржуазных чиновников, буйства и разрушений, производимых пьяными толпами (так называемые "пьяные погромы"), и бандитизма "под флагом анархизма"[31]. В это время Ленин подвергал жесточайшей анафеме спекулянтов и вредителей, действующих на фронте экономики. Он, правда, не опубликовал статьи, написанной им в январе 1918 г. и найденной затем среди его бумаг, в которой отстаивал и такие меры, как "посадить в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы", и "расстрелять на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве"[32]. Но вскоре после этого, во время борьбы против утаивания продовольствия, он утверждал, что "...пока мы не применим террора – расстрел на месте – к спекулянтам, ничего не выйдет"[33], и три месяца спустя снова требовал "поимки и *расстрела* взяточников и жуликов и т.д." и утверждал, что в России не будет голода, если запасы взять под контроль и "за нарушение установленного порядка будет следовать самая жестокая кара"[34].

Развитие ВЧК шло постепенно и в значительной мере непредсказуемо. ВЧК росла под влиянием чрезвычайных обстоятельств. Когда немцы в Брест-Литовске нарушили перемирие и снова перешли в наступление, за известным воззванием от 22 февраля 1918 г., объявившим "Социалистическое отечество в опасности!", последовал приказ ВЧК всем местным Советам "немедленно приступить к розыску и... аресту – беспощадно расстреливать... неприятельских агентов-шпионов... контрреволюционных агитаторов... спекулянтов"[35]. В то время общее число сотрудников центрального аппарата ВЧК не превышало 120[36], а на местах ЧК складывались, как и все остальное на том начальном этапе, часто по воле случая. ВЧК впервые обрела черты большого и независимого государственного управления с переездом правительства из Петрограда в Москву. Дзержинский, как глава службы безопасности отвечавший за этот переезд, учредил в Москве свой штаб, не в Кремле, а в помещении крупной страховой компании на Лубянской площади, и создал там "внутреннюю тюрьму" для подозрительных элементов. У оснащенной таким образом ВЧК быстро нашлась работа.

До этого времени режим спасала неразбериха и разобщенность в рядах его противников – контрреволюционной организации еще не было. Но вскоре ситуации предстояло измениться. Левые эсеры голосовали на IV Всероссийском съезде Советов

против ратификации Брест-Литовского договора. Когда этот договор был все же ратифицирован, они отозвали своих членов из Совнаркома[37]. Таким образом было восстановлено однопартийное правительство, и хотя левые эсеры оставались в Советах и во ВЦИКе, доверие к их лояльности теперь поколебалось. В апреле 1918 г. с высадки японцев во Владивостоке началась иностранная интервенция. Это обнадежило всех противников режима и послужило толчком к их объединению в самой России. Весной и летом 1918 г. Москва стала центром, вокруг которого агенты союзников и германские агенты, остатки правых и центристов и уцелевшие партии левых, каждые в отдельности, а иногда и совместно, стали плести заговоры и интриги против Советского правительства[38].

Первым согласованным действием ВЧК стала борьба против анархистов. Название это охватывало как искренних идеалистов, чьи воззрения не переходили в практические действия, так и организованные банды хулиганов, для которых политическое кредо служило лишь прикрытием. В ночь с 11 на 12 апреля 1918 г. известные центры анархизма в Москве были окружены сотрудниками ВЧК и советскими войсками. Анархистам было предложено сдать имевшееся в их распоряжении оружие. Возникшее в нескольких местах сопротивление было сломлено. Около 600 человек было арестовано, из них четверть немедленно освободили. Нарушителей квалифицировали не как анархистов, а как "уголовный элемент"[39]. Ободренные перспективой вторжения войск союзников, правые эсеры на своей партийной конференции в Москве в мае 1918 г. открыто провозгласили политику, направленную на "ликвидацию большевистской партийной диктатуры и переход власти в руки правительства, опирающегося на всеобщее избирательное право, правительства, которое в войне с Германией сможет принять военную помощь союзников"[40].

Меньшевики, не имевшие, в отличие от эсеров, опыта конспиративных и насильственных действий, выжидали. С декабря 1917 г. партию раздирали внутренние разногласия. Старые "оборонцы" во главе с Потресовым отделились, предоставив двум группам "интернационалистов", возглавляемым соответственно Мартовым и Даном, пойти на нелегкий компромисс. В их протоколах отразились запутанные попытки в одно и то же время осудить так называемую "германскую ориентацию" большевиков (наследие меньшевистской оппозиции по поводу Брест-Литовска) и отвергнуть "англо-французскую ориентацию", которая была единственной эффективной основой антибольшевистской политики. Принятая ими резолюция была бескомпромиссна лишь в одном пункте – в своей враждебности к режиму[41]. Непоследовательность их не спасла. Декретом от 14 июня 1918 г. ВЦИК исключил и правых эсеров, и меньшевиков из своих рядов на том основании, что они объединились с "явными контрреволюционерами" с целью "организации вооруженных выступлений

против рабочих и крестьян". ВЦИК также рекомендовал всем Советам исключить их, тем самым фактически отстранив их от участия в работе правительственных учреждений[42].

В результате активно действующими оставались две крупные партии, сами большевики и левые эсеры, в прошлом, но лишь до Брест-Литовска, члены правительственной коалиции. В июне 1918 г. тем не менее отношения между этими двумя партиями были также близки к разрыву. Во-первых, большевики в связи с острой необходимостью получить в деревне дополнительные запасы зерна, приступили к организации комитетов бедноты, направленных против более богатых крестьян – главной опоры эсеров[43]; во-вторых, между обеими партиями возникло резкое разногласие по вопросу о смертной казни. С февраля, когда было объявлено, что "социалистическое отечество" в опасности, ВЧК осуществляла казни – в каком количестве, установить невозможно[44] – без какого-либо регулярного или общественного судопроизводства. Как правые эсеры, так и меньшевики время от времени протестовали против этого. Левые эсеры, сохраняя свое членство во ВЦИКе и в Советах (но не в Совнаркоме), все еще были представлены в ВЧК и несли долю ответственности за ее действия. Но когда революционный трибунал впервые объявил смертный приговор – контрреволюционному адмиралу по фамилии Щасный[45], – левые эсеры пытались добиться, чтобы ВЦИК отменил приговор, а потерпев неудачу, отозвали из трибунала своих представителей. Важно, однако, на чем они основывали протест. Он не был вызван соображениями гуманности. Обвинение в "толстовстве" с негодованием отвергалось, поскольку левые эсеры не только участвовали в работе ВЧК, но и были в прошлом инициаторами убийств как оружия политической борьбы. Их доводы отчасти основывались на формальности, которую большевики отвергали как не относящуюся к делу: смертная казнь была упразднена декретом, принятым на II Всероссийском съезде Советов[46]. Но прежде всего эсеры протестовали против вынесения смертных приговоров в процессе судопроизводства. Левые эсеры признавали, что иногда законно и необходимо убивать противников, будь то в форме индивидуального террористического акта или с помощью такого учреждения, как ВЧК. Но они были категорически против возрождения "старой проклятой буржуазной государственности" в деле вынесения судебных приговоров и присуждения наказания[47]. Довод, казалось, был убедительный, и Крыленко дал искусно сформулированный ответ: адмирала не "приговорили к смерти", а просто приказали расстрелять[48]. Однако это было логическим и последовательным выражением анархистских основ мышления социалистов-революционеров, которое признавало терроризм, но отвергало государство[49].

Ситуация, таким образом, была чрезвычайно напряженной, когда 4 июля 1918 г. в Москве в критический момент истории собрался V Всероссийский съезд Советов. Из 1132 делегатов с из-

бирательными полномочиями большевиков было 745, левых эсеров – 352, остальные представляли различные мелкие фракции[50]. Работа съезда сразу же переросла в поединок между двумя основными партиями. Был поднят и крестьянский вопрос, но он был не так заметен, как возмущение подавлением партий-соперников и применением смертных приговоров. Самый резкий протест был высказан по поводу Брест-Литовского договора и уступок Советского правительства Германии. И самые жаркие схватки на съезде произошли из-за настойчивых утверждений Троцкого, что на Украине было бы безумием допустить какое бы то ни было нападение на немецкие войска.

6 июля 1918 г., видимо, в надежде вызвать разрыв отношений, два левых эсера убили германского посла Мирбаха. План убийства был составлен двумя эсерами – сотрудниками ВЧК, и убийцы проникли к послу, предъявив бумаги, якобы подписанные Дзержинским[51]. За этим ударом последовали попытка захватить власть в Москве и восстания в различных провинциальных центрах, из которых наиболее серьезное произошло в Ярославле. Савинков, известный эсер-террорист, впоследствии заявлял, что он был организатором восстаний и что их финансирование шло за счет фондов, предоставленных через французского военного атташе в Москве[52].

Перед лицом широкомасштабного предательства в тот момент, когда силы союзников высадились в Мурманске и Владивостоке, когда чехословацкий корпус открыто выступил против большевиков и когда угроза войны подступала со всех сторон, Советское правительство не было склонно к полумерам. Восстание в Москве быстро подавили. Большинство левых эсеров – делегатов V Всероссийского съезда Советов было арестовано, в том числе Спиридонова, признавшая, что убийцы Мирбаха действовали по ее указаниям; 13 из них, в прошлом сотрудники ВЧК, были расстреляны[53]. Запретили издание нескольких газет. После трех дней замешательства съезд возобновил заседания и, одобрив действия правительства, принял тщательно сформулированную резолюцию о том, что, "поскольку те или иные части этой партии [левых эсеров] солидаризуются с попыткой вовлечения России в войну путем убийства Мирбаха и восстания против Советской власти, этим организациям не может быть места в Советах Рабочих и Крестьянских Депутатов"[54]. В заключение съезд утвердил 10 июля 1918 г. Конституцию РСФСР, которая, таким образом, вступила в силу в наиболее мрачный и опасный момент истории республики, когда восстание последней относительно независимой партии заставило большевиков сделать новый крупный шаг на пути к созданию однопартийного государства.

Сообщения о карательных мерах ВЧК почти всегда отрывочны и ненадежны. Но существует кое-какая достоверная информация о репрессиях, которыми сопровождалось подавление множества восстаний летом 1918 г. В Ярославле восставшие про-

держались две недели, и, когда город был наконец взят, 350 из них расстреляли[55]. В соседнем городе, Муроме, где восстание было сразу подавлено, расстреляли 10 руководителей, а с буржуазии предписали взыскать миллион рублей[56]. В Нижнем Новгороде арестовали 700 "офицеров и жандармов" и местная ЧК "ликвидировала... белогвардейскую организацию, из которой арестованы почти все члены и часть расстреляна"[57]. В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. бывший царь и его семья были расстреляны в Екатеринбурге по приказу Уральского областного Совета. Когда 10 дней спустя городом овладели чехи, Уральская областная ЧК перехала в Вятку, арестовала там свыше 400 человек и расстреляла 35 "пойманных с поличным в заговорах"[58]. Когда в августе 1918 г. вспыхнуло "кулацкое восстание" в Пензе, сам Ленин по телеграфу передал указание "провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города" и советовал брать заложников, "отвечающих *жизнью*" за быструю и четкую доставку зерна[59]. За этими скупыми сообщениями наверняка скрываются ужасы и жестокости, которые в пылу боя или хладнокровно совершают все партии, хотя в специальных отчетах это редко подвергается осуждению. Все эти факты, а также их преумножение, преувеличение и чистый вымысел, к которым прибегают враги, неизменно сопутствуют войне и революции такого яростного накала, каким отличалась борьба, развязанная в России событиями октября 1917 г.

Те, кто применял эти санкции, честно обозначали их словом "террор" и оправдывали как меры военного времени. "Советская власть должна обеспечить свой тыл, – говорилось в резолюции ВЦИКа от 29 июля 1918 г., принятой после выступлений Ленина и Троцкого, – взяв под надзор буржуазию, проводя на практике массовый террор против нее"[60]. А Дзержинский в газетном интервью того же периода заявлял:

"ЧК – не суд, ЧК – *защита революции*, как Красная армия,и как Красная армия в гражданской войне не может считаться с тем, принесет ли она ущерб частным лицам, а должна заботиться только об одном – о победе революции над буржуазией, так и ЧК должна защищать революцию и побеждать врага, даже если меч ее при этом попадает случайно на головы невинных"[61].

Но кульминация террора была вызвана дальнейшим применением эсерами их метода политических убийств – теперь уже против большевиков. В июне 1918 г. в Петрограде был убит Володарский, большевистский руководитель, известный тогда трибун. 30 августа 1918 г. также в Петрограде был убит Урицкий, а в Москве серьезно ранен Ленин. Все эти преступления совершали эсеры, входившие в ту или иную фракцию. Возмущение и страх, которые они сеяли вокруг, заставили ВЧК активизировать свою деятельность[62]. На следующий день арестовали британского представителя в Москве по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре[63]. Во время нападения на посольство

Великобритании в Петрограде был убит британский морской атташе 2 сентября 1918 г. ВЦИК принял резолюцию в связи с убийством Урицкого и покушением на Ленина, в которой говорилось:

"...За каждое покушение на деятелей Советской власти и носителей идей социалистической революции будут отвечать все контрреволюционеры и все вдохновители их. На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов"[64].

Не только совпадение дат напоминает о терроре в Париже 2 сентября 1793 г., когда после манифеста герцога Брауншвейгского, грозящего иностранной интервенцией и безжалостным подавлением революции, в Париже начались массовые репрессии, в результате которых, как сообщали, погибло 3000 аристократов. Для обеих революций эта дата обозначала поворотный момент, после которого террор, до этого нерегулярный и неорганизованный, был сознательно превращен в инструмент политики.

О числе пострадавших от "красного террора" осенью 1918 г. надежных данных нет. Из отдельно взятых казней, которые были совершены после объявления террора, самой крупной явился расстрел в Петрограде 512 "контрреволюционеров и белогвардейцев" (описываемых еще как "заложники")[65]. Среди расстрелянных в Москве были "многие из царских министров и целый ряд других высоких сановников"[66]. Среди многочисленных сообщений с мест наиболее, пожалуй, откровенное пришло из Казани. Вслед за подтверждением того, что "по всем уездам прошли *карательные* экспедиции", в нем также говорилось:

"В самой Казани Трибуналом пока расстреляно всего 7–8 человек. Объясняется это тем, что вся буржуазия, отчасти даже мелкая, почти все попы и монахи разбежались. Половина квартир в городе покинута. Конфискуется имущество бежавших в пользу пострадавшей городской бедноты"[67].

Сущность террора в том, что он носил классовый характер. Он отбирал своих жертв не на основе определенных преступлений, а на основе принадлежности к определенным классам.

В "Письме к американским рабочим" Ленин восклицал:

"Английские буржуа забыли свой 1649, французы свой 1793 год. Террор был справедлив и законен, когда он применялся буржуазией в ее пользу против феодалов. Террор стал чудовищен и преступен, когда его дерзнули применять рабочие и беднейшие крестьяне против буржуазии!"[68]

ВЧК "не судит, а разит", – объяснял один из ее сотрудников. Тот, кто сравнивал ВЧК с царской охранкой, "проспал февральскую и октябрьскую революции и сейчас дожидается, чтобы другие сделали всю черную работу по созданию нового, коммунистического строя, в который они войдут с незапачканными ру-

ками, в снежно-белом крахмальном воротничке". Более того, поскольку "во всех областях нашей жизни контрреволюция развелась везде и повсюду... нет такой области жизни, на которую бы не распространялась деятельность В. Ч. К."[69].

После событий лета 1918 г. большевики остались правящей партией в государстве без каких-либо соперников или партнеров, и они обрели в ВЧК орган абсолютной власти. И все же неограниченное применение этой власти было по-прежнему нежелательно. Еще не наступил момент окончательного угасания упраздненных партий. Террор в это время был непостоянным инструментом, и нетрудно обнаружить партии, которые были преданы жесточайшей анафеме, против которых предпринимались самые решительные меры и которые тем не менее продолжали существовать и пользовались определенным попустительством. Одним из первых декретов новой власти, утвержденных Совнаркомом, было решение закрыть все газеты, призывающие к "открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому Правительству"[70], и в принципе буржуазная пресса перестала существовать. Но вопреки этому декрету и запрещению кадетской партии в конце 1917 г., кадетская газета "Свобода России" летом 1918 г. все еще издавалась в Москве[71]. Меньшевистская газета "Новый луч" в Петрограде была закрыта в феврале 1918 г. за оппозиционную кампанию против Брест-Литовского договора. Но, позаимствовав метод, который в прошлом использовала большевистская пресса, эта газета вновь появилась в Москве в апреле под новым названием – "Вперед" – и некоторое время продолжала свою деятельность без помех. Газеты анархистов еще долго издавались в Москве после того, как ВЧК предприняла меры против анархистов в апреле 1918 г. Украинский анархист Махно летом 1918 г. приезжал в Москву, имел беседы с Лениным и Свердловым и свободно посещал московских анархистов, среди которых обнаружил обстановку "бумажной революции"[72]. Повсюду практика была менее последовательной, чем теория.

К концу 1918 г. некоторые факторы вели к ослаблению террора. Жажда мести была удовлетворена; опасения внутренней контрреволюции уменьшились. События в Германии хотя бы ненадолго ослабили давление извне. Вместе с тем проникновение ВЧК почти во все сферы управления вызывало ревнивое недовольство со стороны местных Советов и некоторых центральных руководящих учреждений, особенно комиссариатов юстиции и иностранных дел[73]. Недовольство проявляли и те, кто отвечал за экономическую политику. Им все нужней становились специалисты-небольшевики, "спецы", которые не могли сочувствовать террору, направленному против всех без разбора политических противников.

При таких настроениях открылся накануне первой годовщины революции VI Всероссийский съезд Советов, первый почти

полностью большевистский съезд. Он сразу же утвердил, как говорилось в резолюции, "амнистию" всех "задержанных органами борьбы с контрреволюцией", если определенное обвинение в контрреволюционных действиях не было предъявлено в течение двух недель со дня ареста, а также всех заложников, кроме взятых центральной ВЧК как условие безопасности "товарищей, попавших в руки врагов". Та же резолюция разрешила спорный вопрос о полномочиях, предоставив право контроля за ее исполнением ВЦИКу и местным исполнительным комитетам[74].

Подрезав таким образом – на бумаге по крайней мере – крылышки ВЧК, съезд перешел к следующей резолюции – "О революционной законности", которая обязала "всех граждан республики, все органы и всех должностных лиц Советской власти" строго соблюдать законы и предоставила гражданам право обжаловать любое пренебрежение их правами или нарушение их со стороны должностных лиц. Правда, предписание должностным лицам и общественным институтам соблюдать законы ослаблялось тем, что в порядке исключения предусмотрительно разрешались меры, вызываемые "экстренными условиями гражданской войны и борьбой с контрреволюцией"[75]. И все же резолюции VI Всероссийского съезда Советов – первые в ряду искренних, хотя в конечном счете безуспешных, попыток ограничить произвол органов безопасности республики и заставить их действовать в пределах законности.

После съезда был сделан следующий значительный шаг в деле умиротворения. Было решено "протянуть оливковую ветвь" отстраненным от власти социалистам – или принять ее от них. Исключение меньшевиков из ВЦИКа и Советов не помешало Центральному комитету этой партии провести пятидневную конференцию в Москве в конце октября 1918 г. Начало гражданской войны и открытая угроза режиму поставили меньшевиков в затруднительное положение, поскольку, несмотря на всю их враждебность к большевикам, они еще меньше надежд возлагали на реставрацию. Они снова избрали путь компромисса. Конференция приняла "Тезисы и резолюцию", признав, что Октябрьская революция – "историческая необходимость" и "гигантское бродило, приводящее в движение весь мир", и отвергая "всякое политическое сотрудничество с враждебными демократии классами". В то же время, обещая "прямую поддержку военных действий Советского правительства, направленных к освобождению оккупированных территорий России", резолюция требовала "отмены органов полицеских репрессий и чрезвычайных трибуналов" и "прекращения политического и экономического террора"[76].

После воззвания меньшевиков, осудивших контрреволюцию и иностранную интервенцию[77], Ленин выступил с необычайно мягкой речью, сказав, что от меньшевиков и эсеров требуется только "быть нейтральными и быть с нами в добрососед-

ских отношениях" и что важно "те элементы из колеблющихся, которых зверства империалистов толкают к нам, использовать"[78]. 30 ноября 1918 г. ВЦИК принял резолюцию, аннулировавшую решение об исключении меньшевиков, принятое в июне, не применяя этот акт милосердия лишь к "тем группам меньшевиков, которые продолжают находиться в союзе с русской и иностранной буржуазией против Советской власти"[79].

Эсеры поспешили последовать примеру меньшевиков. Будучи партией откровенно революционной и террористической, они еще менее, чем меньшевики, могли уповать на бывших царских генералов и их иностранных покровителей: Колчак только что расправился с теми эсерами, которых захватил в Восточной Сибири. В феврале 1919 г. конференция эсеров в Петрограде "решительно отвергла попытку свержения Советской власти путем вооруженной борьбы" и осудила российские буржуазные партии и "империалистические страны Согласия". Примерно в то же время группа эсеров – бывших членов Учредительного собрания, сформировавших в 1918 г. так называемое "самарское правительство", капитулировала и получила амнистию[80]. Эти проявления доброй воли вызвали резолюцию ВЦИКа от 25 февраля 1919 г., восстановившую эсеров в правах с той же оговоркой, направленной против "всех групп, которые прямо или косвенно поддерживают внешнюю и внутреннюю контрреволюцию"[81].

Этот нелегкий компромисс, основанный на принципе терпимости к "лояльным" меньшевикам и эсерам, кое-как тянулся два года – пока гражданская война вынуждала к сдержанности. Но оговорка, согласно которой амнистия не распространялась на тех, кто "прямо или косвенно" поддерживал контрреволюцию, создавала неустойчивость, которую власти легко использовали. Когда в марте 1919 г. собрался VIII съезд партии, атмосфера на нем была уже менее дружественной по отношению к партиям меньшинства. Один делегат открыто протестовал против "легализации" меньшеков и эсеров[82], и сам Ленин говорил совсем поиному, чем в ноябре:

"От нас потребуется частая перемена линии поведения, что для поверхностного наблюдателя может показаться странным и непонятным. „Как это, – скажет он, – вчера вы давали обещания мелкой буржуазии, а сегодня Дзержинский объявляет, что левые эсеры и меньшевики будут поставлены к стенке. Какое противоречие!.." Да, противоречие. Но противоречиво поведение самой мелкобуржуазной демократии, которая не знает, где ей сесть, пробует усесться между двух стульев, перескакивает с одного на другой и падает то направо, то налево... Мы ей говорим: „Вы – не серьезный враг. Наш враг – буржуазия. Но если вы выступаете вместе с ней, тогда мы принуждены применять и к вам меры пролетарской диктатуры"[83].

Немедленно вслед за этим эсеры подлили масла в огонь, опять расколовшись на несколько фракций, одна из которых

обещала сотрудничать с большевиками, другая была враждебна к ним, а третья, во главе со старым лидером эсеров Черновым, стремилась создать "третью силу, равно чуждую большевизму и реставрации"[84]. С этого времени ВЧК играла с оппозиционными партиями в кошки-мышки, по очереди преследуя их и опекая, попеременно арестовывая и освобождая их лидеров, делая их организованное существование почти, хотя и не совсем, невозможным. Дан, один из меньшевистских лидеров, оставил подробный список своих приключений в период 1919–1921 гг., в течение которого его то арестовывали, то освобождали, высылали из Москвы под предлогом более или менее мифических профессиональных назначений на работу в провинцию (он был врачом), возвращали в Москву незаконно для политических встреч, а однажды вызвали туда официально – присутствовать на Всероссийском съезде Советов[85]. Эта тактика гонений была небезрезультатной. Что касается рядовых меньшевиков, то Сталин вряд ли сильно преувеличивал, когда писал, что они "помаленьку перекочевывают в лагерь Республики Советов"[86].

Именно в таких условиях лидеры меньшевиков присутствовали по приглашению, но не как избранные делегаты, на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г. Речь Дана была короткой и официальной: он одобрительно отозвался о победах Советской республики в гражданской войне, об отражении Юденича под Петроградом и приветствовал "единый революционный фронт... во всем, что касается обороны революции"[87]. В более полемическом тоне предстояло выступить Мартову. Он осудил нарушения Советской конституции; заявил, что "возрождается и укрепляется, воспитанное столетиями царского и крепостного рабства, апатия масс, паралич гражданского сознания, готовность переложить всю ответственность за свои судьбы на плечи правительства", и зачитал декларацию, в которой были выдвинуты следующие требования: "Восстановление действия Советской конституции... Свобода печати, союзов и собраний... Неприкосновенность личности... Отмена бессудных расправ, административных арестов и правительственного террора"[88]. Ленин в убедительной полемической речи показал, что декларация Мартова означает: "назад, к буржуазной демократии и ничего больше", и что, "когда мы слышим такие декларации от людей, заявлявших о сочувствии нам, мы говорим себе: нет, и террор и ЧК – вещь абсолютно необходимая"[89].

На протяжении 1920 г. у меньшевиков имелись партийные учреждения и клуб в Москве (хотя "ЧК время от времени совершала набег на помещения, опечатывала их, конфисковывала бумаги и арестовывала собравшихся"). Через друзей в типографиях меньшевики выпускали листовки и прокламации за подписью Центрального комитета партии. На выборах того года в местные Советы они получили 46 мест в Москве, 250 – в Харькове, 120 – в Ярославле, 78 – в Кременчуге и меньшее количество мест в большинстве других крупных городов[90]. В мае 1920 г.

членам британской лейбористской делегации, посетившей Москву, "было разрешено совершенно свободно встречаться с деятелями оппозиционных партий"[91] и даже присутствовать на заседании меньшевистского Центрального комитета. Часть из них затем присутствовала на собрании, в котором участвовали 3000 рабочих, организованном профсоюзом печатников, где преобладали меньшевики; на нем выступали ораторы и от меньшевиков и от большевиков. В ходе собрания лидер эсеров Чернов, которого уже разыскивала ВЧК, переодетый и загримированный, появился на трибуне и произнес речь, сравнив социализм с ранним христианством, а перерождение большевиков – с перерождением средневековой церкви. По словам Дана, это был "последний такой митинг в большевистской Москве"[92].

В августе 1920 г. в Москве открыто проводилась конференция меньшевиков, и о ней даже сообщалось в советской прессе[93]. Позднее меньшевики все еще сохраняли контроль над важными профсоюзами и выступали как организованная группа на съездах Центрального Совета профсоюзов. Однако VIII Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в декабре 1920 г., был последним, на который были допущены, без права решающего голоса, делегаты меньшевиков и эсеров, а также нескольких более мелких групп[94]. Тон оппозиционных ораторов был теперь более непримиримым, а отношение к ним подавляющего числа большевиков на съезде более враждебным, чем годом ранее. Мартов уже уехал из России и осенью 1920 г. выступил с резкой воинственной речью, направленной против Зиновьева и большевиков на Галльском съезде Независимой социал-демократической партии Германии[95]. Политика сдержанной терпимости, проводимая оппозиционными партиями в Советах, явно подходила к концу.

Первые месяцы 1921 г. принесли с собой серьезнейший за всю советскую историю начиная с лета 1918 г. внутренний кризис. С окончанием гражданской войны выявились в полной мере все принесенные ею потери и разрушения и отпала сдержанная лояльность, соблюдать которую обычно вынуждает война. Недовольство режимом впервые вышло за рамки политических кругов, широко распространилось, громко выражалось, и его уже стали проявлять крестьяне и заводские рабочие. Кронштадтский мятеж в начале марта 1921 г. был его выражением и символом. В том же месяце X съезд партии, утвердивший новую экономическую политику (НЭП), ужесточил партийную дисциплину, чтобы справиться с чрезвычайными обстоятельствами. Тем более ненормальной становилась теперь прежняя терпимость к раскольническим меньшинствам, не входившим в состав партии. Официального декрета, подобного тому, который был принят в июне 1918 г., теперь не принимали. Но, видимо, сам Ленин подал сигнал. В опубликованной в мае 1921 г. работе, обосновывавшей необходимость НЭПа, он писал:

"А "беспартийных", которые на деле не что иное, как переодетые в модный, кронштадтски-беспартийный наряд меньшевики и эсеры, – держать бережливо в тюрьме или отправлять в Берлин к Мартову для свободного использования всех прелестей чистой демократии, для свободного обмена мыслями с Черновым, с Милюковым, с грузинскими меньшевиками"[96].

Судя по меньшевистским источникам, результат не замедлил сказаться:

"По всей России начались репрессии против социал-демократов. Единственным способом избежать преследований было написать заявление в большевистскую газету об отказе от каких-либо связей с социал-демократической партией. Многие соглашались; но многие также были высланы на Соловки, в Суздаль, Сибирь, Туркестан и т.п."[97]

Мучеников, видимо, было немного. Не воздвигалось никаких препятствий для отъезда меньшевистских лидеров в Берлин, где весной 1921 г. был создан крупный меньшевистский центр с еженедельным журналом "Социалистический вестник". Рядовые же меньшевики в большинстве своем подчинились или отошли от политической деятельности. Однако, по иронии судьбы, уничтожение организованной политической оппозиции большевизму извне совпало с развитием наиболее значительной со времени Брест-Литовска организованной оппозиции внутри партии. Острые разногласия продолжали существовать. Но они теперь сосредоточились внутри партии. Партия вобрала в себя всю политическую жизнь страны. И с тех пор ее внутренние дела представляли собой историю страны.

Вместе с тем еще одним важным свидетельством гибкости советской политики и ее практицизма в выборе средств служит тот факт, что тогда же, весной и летом 1921 г., когда окончательно прекратили существование все независимые партии Советской России, наблюдались две наиболее серьезные попытки установить взаимопонимание между Советской властью и уцелевшей частью буржуазной интеллигенции, остававшейся на советской земле. Со стороны Советов НЭП был симптомом желания идти на компромисс, и можно было предположить, что это будет и компромисс политический. В то же время многие русские и в России и в эмиграции, до этого относившиеся к Советской власти враждебно, увидели в НЭПе отказ от незыблемых прежде принципов большевизма и путь к частичному примирению. В апреле 1921 г. было даже выдвинуто предложение о совместной открытой встрече с последующим банкетом представителей Советского правительства и буржуазной интеллигенции, где представители власти объяснили бы значение НЭПа, а представители интеллигенции приветствовали бы перемену политики. План этот не осуществился из-за непреклонности, проявленной представителями интеллигенции, которые не хотели связывать себя каким-либо публичным одобрением действий Советов[98].

В конце июня 1921 г. в Москву стали поступать известия о страшном голоде, угрожавшем восточным губерниям европейской части России, и группа общественных деятелей и интеллектуалов обратилась к советским властям с предложением просить помощь за границей. Масштабы надвигавшегося бедствия и надежда, что жест умиротворения произведет на заграницу благоприятное впечатление, заставили Советское правительство согласиться на это предложение. Декретом от 21 июля 1921 г. был создан Всероссийский комитет помощи голодающим в составе 60 человек. В него вошли: Каменев, президент Комитета, Рыков, Луначарский, Красин, Максим Горький и несколько других большевиков; два бывших министра Временного правительства, Кишкин и Прокопович; несколько видных кадетов и много беспартийных интеллигентов. Комитет должен был создавать фонды из добровольных пожертвований и государственных субсидий, собирать запасы продовольствия в России и за границей и ведать их распределением[99].

Такой Комитет был уникальным в истории советского строя, и связанные с ним трудности вскоре обнаружились. Русская эмигрантская пресса радовалась этому шагу как признаку того, что Советское государство в отчаянном положении и не может больше существовать без помощи буржуазии. Прибывший в Москву британский представитель установил связь с Комитетом через голову Советского правительства. Иностранные правительства явно проявляли желание рассматривать Комитет как альтернативное правительство, которое в случае свержения советского строя могло бы прийти к власти. На деле Комитет лишь собирал информацию и разглашал ее внутри страны и за границей. 20 августа 1921 г. Советское правительство заключило соглашение с руководителем "Американской администрации помощи" ("АРА") Гувером об оказании помощи голодающим. Такой шаг делал, с советской точки зрения, дальнейшее существование Комитета не только излишним, но и опасным, так как "АРА" явно рассчитывала использовать программу помощи для ослабления позиции Советского правительства и старалась бы, насколько возможно, скорее иметь дело с Комитетом, в основном буржуазным, чем с большевистскими властями. На ранней стадии существования Комитета планировалось направлять его представителей в Англию и другие страны для сбора помощи. Теперь это было исключено. Советское правительство уведомило Комитет, что работа в Москве закончена и его члены должны заняться организацией помощи в пострадавших от голода районах. Когда большинство членов Комитета отказались выполнять это решение и стали настаивать на отправке представителей за границу, Комитет был официально распущен декретом от 27 августа 1921 г., а его ведущие деятели из числа представителей буржуазии были арестованы[100]. Так закончилась первая и последняя попытка сотрудничества между советским режимом и уцелевшими элементами старого строя. Она показа-

ла степень их взаимной вражды и то, как любая независимая сила в Советской России становилась – или с определенной вероятностью подозревалась в том, что становится, – центром иностранной интервенции, направленной против режима[101].

Прежде чем вернуться к развитию отношений партии и государства, следует упомянуть о двух последующих событиях, которые стали примечательными вехами на пути укрепления диктатуры. Первым было упразднение и преобразование ВЧК весной 1922 г. Вторым – публичный суд над лидерами эсеров три месяца спустя.

Враждебное отношение к ВЧК исходило из двух источников, довольно широко представленных в партии: первый – это идеалисты, не одобрявшие террор и внесудебные дела как регулярный правительственный инструмент, хотя и признававшие их необходимость в крайних случаях; второй – законные права других сфер управления, возражавших против посягательства этого привилегированного и самовластного института на их нормальное функционирование. В центре рупором этих последних были комиссариаты внутренних дел и юстиции. В провинции местные ЧК в самой острой форме вызвали необходимость решить застарелую конституционную проблему об ответственности местных органов перед местными Советами.

В целом за окончанием гражданской войны последовало ослабление напряженности; в экономике его симптомом был НЭП. Чувствовалось, что демобилизация армии должна увенчаться демобилизацией органа, который провел кампанию, теперь успешно законченную, на внутреннем фронте. На IX Всероссийском съезде Советов Смирнов, старый большевик, связанный с оппозиционным движением в партии со времен "левых коммунистов" 1918 г.[102], в своей кратчайшей речи выдвинул предложение, которое, судя по материалам съезда, не встретило возражений. Вот оно:

"Съезд Советов отмечает героическую работу, выполненную органами Всероссийской Чрезвычайной Комиссии в самые острые моменты гражданской войны, и громадные заслуги, оказанные ею делу укрепления и охраны завоеваний октябрьской революции от внутренних и внешних покушений.

Съезд считает, что ныне укрепление Советской власти вовне и внутри позволяет сузить круг деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее органов, возложив борьбу с нарушением законов Советских Республик на судебные органы.

Исходя из этого, Съезд Советов поручает президиуму Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в кратчайший срок пересмотреть Положение о Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее органах в направлении их реорганизации, сужения их компетенции и усиления начал революционной законности"[103].

После первоначального пыла и энтузиазма революции основные вопросы механики власти редко обсуждаются публично теми, кто ее применял. Таким вопросом было будущее ВЧК. В какой мере принятие резолюции Смирнова руководством партии на съезде в декабре 1921 г. было тактическим маневром, насколько изменились затем взгляды под влиянием страшного голода, еще не достигшего до начала 1922 г. своей кульминации, под влиянием каких сил было принято окончательное решение – определить невозможно. Трудно, однако, поверить, что партийные руководители всерьез намеревались обойтись без такого мощного инструмента безопасности в то время, когда введение НЭПа с его терпимостью к капиталистическим и мелкобуржуазным элементам требовало повышения бдительности.

8 февраля 1922 г. ВЦИК издал декрет, упразднявший ВЧК и ее местные комиссии и передал ее функции народному комиссариату внутренних дел, создав в комиссариате для выполнения этих функций "Государственное Политическое Управление" (ГПУ), а также соответствующие "Политические Отделы"в провинции, в автономных республиках и районах РСФСР. Устанавливалась двойная ответственность этих отделов: перед ГПУ в Москве и перед местными исполкомами на местах, но она по обыкновению была так неясно сформулирована, что почти не вызывало сомнений подчинение этих отделов центральному органу. В распоряжение ГПУ были переданы "особые части войск", и среди их функций упоминалась задача борьбы с преступлениями в армии и на железнодорожном транспорте. В заключение указывалось, что любой человек, арестованный ГПУ, либо должен быть через два месяца освобожден, либо дело его должно быть передано в суд. Задерживать арестованных свыше двух месяцев без передачи дела в суд можно было только по особому разрешению президиума ВЦИКа[104]. Последнее положение было зацепкой, дававшей возможность ГПУ, в случае надобности, обходить установленный порядок. Но даже эта формальность, повидимому, недолго соблюдалась; а после создания Союза Советских Социалистических Республик в следующем году номинальная принадлежность ГПУ к комиссариату внутренних дел также исчезла.

Реорганизация, произведенная в феврале 1922 г. и подразумевавшая передачу квазисудебных функций ВЧК судам, фактически полностью вывела политические преступления за пределы судебной процедуры и для борьбы с ними дала ГПУ полномочия большие, чем те, которые имела и на которые когда-либо претендовала упраздненная ВЧК. ГПУ еще не исполнилось двух месяцев от роду, когда Ленин на XI съезде партии критиковал его за вмешательство в экономические дела, что превышало его полномочия[105].

Второй вехой 1922 г. был судебный процесс над лидерами эсеров. Репрессивные меры, применявшиеся годом ранее к меньшевикам, теперь в той же мере коснулись эсеров. Но эсе-

ры – люди другого склада, с ними не так легко было справиться. Они были революционной партией с традициями подпольной конспирации. Возобновив политику оппозиционной борьбы, по крайней мере некоторые из них вернулись к этой традиции. Вмешалось недавно созданное ГПУ. В феврале 1922 г. было объявлено, что 47 ведущих эсеров арестованы по обвинению в конспиративной деятельности и предстанут перед судом. Объявление вызвало некоторое волнение за границей, особенно среди социалистов. В апреле 1922 г. вопрос обсуждался в Берлине на встрече представителей трех Интернационалов, явившейся единственной попыткой компромисса между ними[106]. Бухарин и Радек, представлявшие российскую партию в делегации Коминтерна, поручились, что эсерам не угрожает смертный приговор, и Ленин публично упрекал их за покорность, с которой они допустили это вмешательство во внутренние дела Страны Советов, однако признал, что договоренность надо выполнять[107].

До начала суда Ленин слег: это было первое кровоизлияние. Судебный процесс начался 8 июня 1922 г., продолжался два месяца и освещался в международной прессе через присутствовавшего на нем бельгийского социалиста Вандервельде, главного адвоката обвиняемых. Это был первый при советском строе крупный политический процесс. В целом список преступлений эсеров был огромным. Увязав их с Керенским, на них взвалили ответственность за все террористические акты, совершенные при Временном правительстве; они играли ведущую роль не в одном "белом" правительстве в период гражданской войны; убийство Мирбаха и покушение на жизнь Ленина было делом рук эсеров; а там, где не было доказательств совершения конкретных актов, имелось множество высказываний ведущих эсеров о пользе террора против Советской власти. Вандервельде и его иностранные коллеги через несколько дней отказались от защиты "по просьбе подсудимых" и сделали заявление о том, что трибунал и обвинение нарушают Берлинское соглашение[108]. Из 34 подсудимых несколько были оправданы и многие приговорены к разным срокам и видам лишения свободы. 14 были приговорены к смерти. Двоим из них наказание было отсрочено декретом ВЦИКа, исполнение остальных приговоров отложено. Примечательно, что в ходе ведения дела сама по себе партия эсеров не рассматривалась как незаконная организация: подсудимым предъявлялись улики в совершении актов, которые считались бы преступными при любой системе правления. Декрет ВЦИКа от 8 августа 1922 г. об утверждении и отсрочке приговоров попрежнему подразумевал признание легальности партии эсеров: **"Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать"**[109].

Однако выдумка о "легальной оппозиции" давно уже перестала существовать. Приписывать отказ от нее одной партии несправедливо. Если правда, что большевистский режим не намерен был через несколько месяцев после своего установления мириться с организованной оппозицией, то в равной мере верно и то, что никакая оппозиционная партия не намерена была ограничиваться рамками законности. Стремление к диктатуре было свойственно обеим спорящим сторонам.

Глава 8

ВЛАСТЬ ПАРТИИ

После Октября 1917 г. эволюция большевистского крыла Российской социал-демократической рабочей партии, вскоре ставшей Российской коммунистической партией (большевиков), была непрерывным процессом и одновременно процессом перемен. На протяжении всей своей истории партия несла на себе тот отпечаток, который наложил на нее Ленин, и постоянно обращалась к традициям и спорам своей юности. Октябрьская революция вызвала в ней некоторые очевидные и некоторые не столь заметные изменения. Но опять же здесь трудно различить, какие изменения органически присущи ей как партии вообще или в частности как революционной партии, а какие связаны с ее индивидуальными особенностями или обстановкой, в которой приходилось действовать. Три главных момента характеризуют период между Октябрьской революцией и смертью Ленина: растущая власть в руках небольшого руководящего партийного центра, превращение партии из революционной организации, устремленной на свержение существующих институтов, в руководящее ядро правительственной и административной машины и, наконец, создание для нее монопольного положения путем устранения других партий.

Тенденция к сосредоточению власти в центре любой крупной организации и необходимость сосредоточения как условия успешной работы стали азбучной истиной для современных политических партий[1]. Партии, подобные анархистским, которые этому противились, обрекали себя на политическую бесплодность; другие партии обычно добивались успеха в меру своей готовности подчиниться дисциплине под руководством сильной центральной власти и управления. Этот факт вызывает тревогу у партий, предпочитающих быть организованными на демократической основе. Все организованные политические партии – и особенно массовые, где рядовых членов в большой мере отделяет от лидеров необходимый для руководства интеллектуальный и профессиональный уровень, – имеют тенденцию, какими бы демократическими ни были их принципы, в ходе своего развития создавать закрытую олигархию руководителей. Социолог, черпавший материал по преимуществу на основе изучения Со-

циал-демократической партии Германии и Итальянской социалистической партии до 1914 г., так характеризовал эти симптомы:

"В каждом социальном отношении природа сама создает господство и зависимость. Таким образом, каждая партийная организация представляет собой мощную олигархию на демократических ногах. Повсюду есть избиратели и избираемые. Но повсюду также есть власть избранных лидеров над избирающими массами. Олигархическая структура здания скрывает демократический фундамент"[2].

Когда после 1917 г. большевики стали массовой партией, этот процесс быстро начался. Его, без сомнения, ускорили традиции секретности и дисциплины, сложившиеся в партии до 1917 г., особое монопольное положение, которое она постепенно заняла в государстве после 1917 г., и, возможно, также политическая отсталость и неопытность русских рабочих по сравнению с рабочими Запада. Но перспектива серьезно исказится, если рассматривать этот процесс как присущий только России или только большевикам. В большей или меньшей степени он наблюдался во всех политических партиях первой половины XX столетия.

Превращение революционной партии в правящую – типичная черта всех победоносных революций, и это приводит к последствиям настолько известным, что их можно считать стереотипными. Партия, перейдя от задач разрушения к задачам управления, начинает ценить закон и порядок и подчинение полномочной власти революционной державы. И она подвергается нападкам слева, со стороны тех, кто стремится продолжать революцию во имя прежних революционных принципов, которые революционное правительство теперь якобы предает. По такой схеме развивалась история русской революции. Но была и другая, более ярко выраженная черта, возникшая в результате нового взаимодействия партии и государства. Соединение партии с государством прямо вело к тому, что в каждый общегосударственный кризис вовлекалась и партия, а каждый призыв к укреплению единства и руководства страны превращался в призыв к партийному единству и верности вождю партии. Сомкнуть ряды было для партии, как и для всего народа, естественной реакцией на опасность, угрожавшую стране. И нельзя было отделить Ленина – руководителя партии от Ленина – руководителя страны. Его сила основывалась на моральном авторитете, а не на внешней власти. Но это способствовало тому, что в партии, как и во всем государстве, сложилась традиция личного руководства, которую было трудно преодолеть.

Третьим важным изменением было приобретение партией, в сущности, политической монополии на всей территории страны. Никакая политическая теория не отрицает права политической партии устанавливать для своих членов жесткие рамки, будь то поведения или убеждений, и исключать тех, кто не под-

чиняется. Однако прежде это правило предполагало, что человек имеет возможность менять свою партийную принадлежность и что какая-нибудь альтернативная партия тоже имеет относительную возможность влиять на общественные дела. До революции несогласные большевики могли стать, и действительно становились, меньшевиками, вступали в другие политические партии или группы. В первые месяцы после революции эта текучесть все еще до некоторой степени сохранялась среди уцелевших партий – большевиков и меньшевиков, левых и правых эсеров. Большевики были правящей, но все еще одной из нескольких партий. Однако после лета 1918 г. другие политические партии существовали как бы из милости, их положение становилось все более и более рискованным, и начиная с 1921 г. они фактически исчезли. Уход или исключение из единственной остававшейся партии теперь, естественно, означал – по меньшей мере – отстранение от всякой легальной политической деятельности. Поэтому внутри партии должны были усилиться разногласия, особенно острые из-за того, что не было другого канала, через который можно было бы выразить несогласие, а также из-за того, что теперь это несогласие легко было приписать бывшим меньшевикам или эсерам, вступившим в партию большевиков по нечестным или корыстным мотивам[3]. Стало легко и привычно расценивать несогласие как нелояльность. В однопартийном государстве принципы партийного единства и партийной дисциплины теперь приобрели непредвиденный смысл.

Изменения эти развивались постепенно. Несмотря на то что Ленин давно настаивал на необходимости следовать теории и соблюдать партийную дисциплину для проведения теории в жизнь, в первом Уставе, принятом на II съезде партии в 1903 г. и утвержденном в слегка откорректированной форме III съездом в 1905 г., обязанность членов партии подчиняться партийным решениям еще не была четко предусмотрена. В доработанном Уставе партии, который принял VI съезд в августе 1917 г., эта обязанность впервые была четко обусловлена. Это, возможно, покажется удивительным, но победа революции вначале, казалось, раздвинула границы партийной дисциплины и привела к вспышке свободных разногласий и споров, небывалых в истории большевистской партии и, быть может, редких в истории других партий. Эти дискуссии внутри партии, какими бы острыми они ни были, велись в соответствии с признанным правилом, по которому члены партии сохраняли свободу действий до тех пор, и только до тех пор, пока партийное решение не принято. Нарушение, за которое Каменеву и Зиновьеву угрожало исключение из партии в канун революции, состояло не в том, что они выражали мнение, отличное от мнения других членов ЦК во время дискуссии в Центральном Комитете до принятия решения, а в том, что они публично выступили против решения, с которым были несогласны, после того, как оно было принято большинством голосов[4]. Ни одной партии нельзя отказать в праве приме-

нить санкции в ответ на подобное пренебрежение. Через несколько дней после победы революции Ленин столкнулся с новым выступлением, которое опять возглавили Каменев и Зиновьев, направленным против политики исключения других партий из состава Советского правительства (вскоре смягченной в отношении левых эсеров). Этот кризис окончился лишь ультиматумом и уходом нескольких человек в отставку[5]. Зима свободных речей и трудной борьбы в Центральном Комитете партии достигла своего пика в ходе известных споров в феврале и марте 1918 г. о переговорах в Брест-Литовске с Германией и подписании Брест-Литовского договора. В спорах дошли до того, что Дзержинский выразил сожаление, что партия недостаточно сильна, чтобы согласиться на отставку Ленина, а Ломов, не боясь даже такого непредвиденного обстоятельства, прямо заявил: "Надо брать власть без В.И. [Ленина]"[6].

Однако в то время как первым результатом революции стало поощрение свободы и гласности дискуссий, какие редко проводила какая-либо партия по жизненно важным вопросам государственной политики, другие силы вскоре начали действовать в противоположном направлении. Восторженный энтузиазм, вызванный триумфом революции, прошел; весной 1918 г. обострились экономические трудности; и из левых сил внутри партии начала образовываться оппозиция, которая обвиняла партийное руководство в оппортунистических тенденциях и отходе от большевистских принципов. Так, споры вокруг Брест-Литовска вызвали к жизни группу "левых коммунистов", которыев течение двух недель выпускали в Петрограде оппозиционную ежедневную газету "Коммунист". На VII съезде партии, созванном для ратификации Брест-Литовского договора в марте 1918 г., Ленин с гневом говорил, что

"тяжелый кризис, который переживает наша партия в связи с образованием в ней "левой" оппозиции, является одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией"[7].

Потерпев поражение в вопросе о Брест-Литовске, оппозиция направила свое внимание на критическое положение в экономике, подвергая нападкам политику Ленина в таких вопросах, как использование специалистов, образование индустриальных трестов и единоначалие в управлении экономикой. И оппозицию, естественно, хотя, быть может, и несправедливо, подозревали в тайных связях с левыми эсерами, которые вышли из Совнаркома из-за Брест-Литовска[8]. Группа пользовалась доминирующим влиянием в московской партийной организации и в апреле 1918 г. выпустила два номера нового журнала под названием "Коммунист", представленного как "Орган Московского Областного Бюро Р.К.П. (большевиков)". Редакторами были Бухарин, Оболенский, Радек и В. Смирнов[9]. В первом номере появились длинные тезисы по поводу экономической ситуации, которые были зачитаны на встрече группы с руководством партии в присутствии Ленина 4 апреля 1918 г.[10] В следу-

ющем месяце Ленин в пух и прах раскритиковал группу в статье "О "левом" ребячестве и о мелкобуржуазности", и летом 1918 г. группа прекратила свое существование. К тому времени опасения, связанные с конспиративной деятельностью эсеров и началом гражданской войны, вынудили партию под руководством Ленина взяться за восстановление единства и дисциплины в ее рядах[11].

VII съезд партии, принявший решение ратифицировать Брест-Литовский договор, принял также предложение Ленина, выдвинутое год назад в его Апрельских тезисах, – переименовать партию из "социал-демократической" в "коммунистическую". Маркс и Энгельс выражали неудовлетворенность первым названием, когда германская рабочая партия приняла его в 1875 г.: уже в то время слово "демократия", даже с определением "социал", начинало терять свой революционный смысл. С 1914 г. социал-демократы Европы, за исключением незначительного меньшинства, отказались от идеи всемирной пролетарской революции и стали буржуазными "реформистами" и "шовинистами". В декабре 1914 г. Ленин спрашивал, не лучше ли отказаться от "запачканного и униженного" названия "социал-демократы" и вернуться к марксистскому названию "коммунисты"[12]. Пришло время обозначить пропасть между ними и стать наследниками марксистских революционных традиций, вернувшись к старому марксистскому названию "коммунист". Эта перемена имела двойное значение. Внутри страны партия, наконец, оставила позади буржуазную революцию и решительно обратилась к коммунистической цели. Вне страны перемена означала раскол в европейском рабочем движении между теми, кто цеплялся за буржуазную политику реформ, и теми, кто стоял за пролетарскую революцию; разделение, которое Ленин произвел в российской партии в 1903 г., теперь было повторено в международном масштабе. Изменение традиционного названия было принято в партии не очень охотно, но в марте 1918 г. последователи Ленина, наконец, перестали называть себя "Российской социал-демократической рабочей партией" – спорное название, которое большевики долго разделяли с меньшевиками, а теперь оставили им, – и стали "Российской коммунистической партией (большевиков)"[13].

Пришло также время укрепить дисциплину в партийной организации. Система организации давно была известна в партийных кругах под названием "демократический централизм"[14]. Этот термин указывал на тот двойной процесс, при котором полномочия возрастали от партийных ячеек в городах, на заводах, в деревнях, через промежуточные местные или областные комитеты до самой вершины – Центрального Комитета, который являлся органом суверенного съезда. С помощью тех же каналов поддерживалась дисциплина сверху донизу, поскольку каждый партийный орган был подчинен вышестояще-

му и в конечном счете Центральному Комитету. С победой революции, превращением партии в легальную организацию и значительным увеличением ее состава эту идею можно было наконец полностью осуществить на основе принципа, во многом сходного с принципом организации Советов.

Высший орган, съезд партии, в принципе – а в первые несколько лет после революции и фактически – собирался ежегодно. Центральный Комитет, главный исполнительный орган, заседал, согласно Уставу 1917 г., "не реже 1 раза в 2 месяца". Революция дала партии возможность охватить ячейками всю Россию, возникла огромная иерархия центральных и местных организаций. Наверху "Всероссийский" съезд и его Центральный Комитет, ниже – конференция и комитет каждой республики или области, за ними – губернские конференции и комитеты, затем – уездные и волостные и, наконец, партийные ячейки, каждая со своим "бюро", на заводах, в селах, в Красной Армии, в советских учреждениях – повсюду, где два-три члена партии могли объединиться.

Ячейки, хотя и низшие в иерархии, были отнюдь не наименьшими по значению элементами партийной системы. Представить себе подлинную картину этих ячеек даже трудней, чем представить себе Советы, низшую ступеньку советской системы. Но во многих отношениях они унаследовали суровые традиции мелких подпольных групп, через которые партия распространяла свое влияние в царской России. И вся структура зависела, по крайней мере на ранних этапах революции, от их верности и эффективности[15].

Структура партии и бурные события, которые охватили партию в первые месяцы после триумфа революции, неизбежно должны были привести к ее эволюции. В борьбе, скрывающейся за терминами "демократический централизм" – борьбе между потоком возрастающих от периферии к центру полномочий и налагаемой сверху вниз дисциплиной, между демократией и действенностью, – действенности предстояло стать фактором первостепенным. До тех пор пока Ленин держал бразды правления, обе силы удавалось примирить и они шли в одной упряжке, и сам Ленин всегда возмущался теми, кто пытался противопоставлять власть "сверху" власти "снизу"[16].

Однако растущее значение личности Ленина, человека незаурядного и уверенного в себе, в критические годы становления нового строя оправдывало традицию сильной власти, способствовало формированию потребности в ней. Действовали и другие факторы. Сильнейшим из всех был гнетущий груз всей традиции российского административного аппарата и российской социальной структуры. Несомненно, Ленин хотел и даже на деле старался приобщить рядовых членов партии, а затем и пролетарскую массу к активному участию в делах партии и народа, и когда он говорил – а в последние годы он часто говорил – об "отсталости" и "бескультурии" русского народа, он понимал и

то, что мечту пока не удается осуществить. Вероятно, потребовалось бы не одно поколение, чтобы сколько-нибудь серьезно преодолеть влияние глубоко укоренившейся традиции административного управления сверху. Да и Российская коммунистическая партия не так уж отличалась в этом отношении, как иногда предполагают, от политических партий других стран, где разногласия разрешаются и партийная линия определяется скорее в узком кругу руководителей, чем в результате успешного обсуждения этих проблем с рядовой массой.

Таким образом, неудивительно, что та же непреодолимая тенденция к концентрации власти, какая наблюдалась в советских органах, в равной мере – хотя несколько позднее – охватила и партийные органы. Партийный съезд, формально высший орган, хотя и собирался ежегодно с 1917 по 1924 г., стал слишком громоздким, а его проведение – слишком редким для того, чтобы эффективно осуществлять власть. И значение его упало, хотя и не сразу, вслед за упадком значения параллельного государственного органа – Всероссийского съезда Советов. VII съезд партии, который в марте 1918 г. ратифицировал Брест-Литовский договор, стал последним съездом, решавшим жизненно важные политические вопросы большинством голосов. На последующих нескольких съездах продолжалось обсуждение важнейших вопросов и порой можно было наблюдать острый обмен мнениями; это особенно касается XII съезда в 1923 г. – первого со времени Октябрьской революции, на котором Ленин не присутствовал. Но даже тогда, когда обсуждения происходили на съезде, настоящие решения принимались не там.

Уже в октябре 1917 г. именно Центральный Комитет принял жизненно важное решение о взятии власти; именно к Центральному Комитету перешла власть съезда. Однако и Центральный Комитет – как и ВЦИК, его двойник в системе Советов, – не сумел в свою очередь удержать власть, и ей предстояло вскоре перейти к меньшим и более эффективным органам. Когда Зиновьев в 1923 г. с энтузиазмом заявлял, что "ЦК нашей партии в силу традиции, в силу истории за 25 лет существования сложился в такую группу, которая всасывает в себя все наиболее авторитетное из партии", он говорил о ситуации, которая вот-вот должна была стать историей[17].

Вопрос о централизации в партии был впервые открыто поставлен на VIII партийном съезде, собравшемся в марте 1919 г., в разгар гражданской войны. Процесс к этому времени зашел далеко. Осинский сетовал на съезде, что вся партийная работа сосредоточилась вокруг Центрального Комитета. "Да и сам ЦК как коллегиальный орган, в сущности говоря, не существовал", поскольку "тт. Ленин и Свердлов решали очередные вопросы путем разговоров друг с другом и с теми отдельными товарищами, которые опять-таки стояли во главе какой-нибудь одной отрасли советской работы"[18]. Тем не менее из-за гражданской войны, как указывалось в резолюции съезда, партия находилась

"в таком положении, когда строжайший централизм и самая суровая дисциплина являются абсолютной необходимостью"[19]. Особым несчастьем было то, что накануне съезда умер Свердлов, до этого умело руководивший партийным аппаратом. Съезд, признав необходимость укрепления центральной власти и стремясь помочь ЦК в выполнении этой задачи, ограничил число его членов 19 (и 8 кандидатами) и предписал проведение заседаний каждые две недели. Но в то же время он предпринял роковой шаг, создав три новых органа, которым, несмотря на то что они номинально происходили из Центрального Комитета, предстояло в следующие три-четыре года разделить его функции между собой и узурпировать все, кроме внешних атрибутов власти.

Первым из этих органов было Политбюро из пяти человек. Название и характер этого органа напоминали о Политическом бюро, созданном в момент кризиса накануне Октябрьской революции. В его функции входило "принимать решения по вопросам, не терпящим отлагательств", и отчитываться на заседаниях ЦК каждые две недели. Но вряд ли стоит говорить, что формальное ограничение его деятельности срочными вопросами, как и аналогичное ограничение власти Совнаркома Конституцией РСФСР, оказалось совершенно нереальным. Политбюро вскоре превратилось в основной источник главных политических решений, которые осуществлялись через государственную машину. Вторым новым органом было Организационное бюро (Оргбюро), тоже из пяти членов ЦК, которое должно было заседать три раза в неделю и "направлять всю организационную работу партии". Третьим органом был Секретариат ЦК, состоявший из "ответственного секретаря" и пяти "технических" секретарей, чьи функции не были дополнительно определены[20].

Опасность столкновений между Политбюро, Оргбюро и Секретариатом была ослаблена соединенным членством. Крестинский, который стал первым "ответственным секретарем", входил также в состав Оргбюро. Один из членов Политбюро также должен был входить в Оргбюро. Для этой двойной роли был выбран Сталин. На следующем съезде в 1920 г. был предпринят еще один роковой шаг. Было решено укрепить Секретариат, включив в него трех "постоянно работающих" в нем членов ЦК и поручив ему "ведение... текущими вопросами организационного и исполнительного характера". За Оргбюро осталось лишь "общее руководство организационной работой"[21]. В укрепленный Секретариат должны были войти Крестинский, Преображенский и Серебряков.

Никто не ожидал, что основными вопросами, с которыми столкнется этот неопытный еще Секретариат, будут вопросы партийной дисциплины. Угасание движения "левых коммунистов" летом 1918 г. в связи с началом гражданской войны еще не означало, что внутри партии больше нет оппозиции. Русская революция достигла этапа, общего для всех революций, когда

перед партией, совершившей революцию, встает задача консолидации сил и укрепления государственной машины; в такой момент оппозиция слева во имя старых революционных принципов была неизбежной и постоянной.

На VIII съезде партии в марте 1919 г., в разгар гражданской войны, "военная оппозиция" безуспешно протестовала против политики Троцкого, допускавшего при создании новой советской регулярной армии частичное использование военных специалистов старой царской армии. На IX съезде в марте 1920 г. группа, использовавшая партийный лозунг "демократического централизма", протестовала против введения единоначалия в промышленности и заручилась поддержкой профсоюзов в лице Томского; и это оказалось исходной точкой нового оппозиционного движения. Его рост летом 1920 г. отмечался в отчете Центрального Комитета партийному съезду весной следующего года. Иногда оно принимало форму столкновений внутри одного и того же партийного органа; в других случаях проявлялось в неповиновении районных организаций губернскому комитету; порой – в недовольстве среди "рабочей части некоторых губкомов", порой – в спорах между рабочими и крестьянскими организациями. Беспорядки эти объясняли рядом причин – "страшной усталостью рабочих масс" от войны, гражданской войной, экономической разрухой, холодом и голодом; приемом в партию "искренних, преданных революции, но мало развитых политически рабочих и крестьян" и проникновением в партию бывших членов других партий[22].

К концу лета для выяснения дела была назначена комиссия, в которую вошли двое из тех, кто участвовал в оппозиции на предыдущем съезде, Игнатов и Сапронов, и резолюция, составленная этой комиссией, была одобрена Всероссийской конференцией РКП(б) в сентябре 1920 г. В резолюции в общих чертах говорилось о необходимости усилить связь между рядовой массой и центральным аппаратом, внести новую живую струю в партийную жизнь. Но наиболее конкретная рекомендация заключалась в том, чтобы создать "Контрольную комиссию наряду с ЦК"; функцией комиссии было "принимать всякие жалобы и разбирать их", обсуждать их, если нужно, совместно с Центральным Комитетом и отвечать на них. Вплоть до следующего съезда партии в первую Контрольную комиссию должны были входить Дзержинский, Муранов, Преображенский и еще четыре человека, назначенные крупнейшими местными партийными организациями. Далее указывалось: "...вообще же члены ЦК выбираться не должны в состав Контрольной комиссии"[23].

Аналогичные комиссии следовало также придать губернским партийным комитетам. Начинали вызывать недовольство в партии "кремлевские привилегии", и была создана особая "Кремлевская Контрольная комиссия", с тем чтобы она их расследовала и "ввела их, поскольку невозможно было бы полное устранение, в те рамки, которые были бы понятны каждому пар-

тийному товарищу"[24]. Центральная Контрольная комиссия начала свою деятельность с циркуляра, в котором всем членам партии предлагалось "сообщать ей случаи всех преступлений против партии со стороны ее членов, *ни на одну минуту не стесняясь постом и ролью обвиняемых лиц*"[25].

Эти меры не помогли уменьшить растущее недовольство. Осенью 1920 г., когда гражданская война наконец закончилась, возникла "рабочая оппозиция" – самая мощная из оппозиционных групп, существовавших внутри партии со времени революции. У нее не было сильных руководителей или программы, но она отличалась большой численностью. Единственными известными руководителями были Шляпников, в прошлом сам рабочий-металлист и народный комиссар труда в первом Советском правительстве, ставший поборников интересов "рабочих", и Коллонтай, чей престиж уже не был столь высоким, как в начале революции.

Программа "рабочей оппозиции" была винегретом из распространенных тогда проявлений недовольства, которое главным образом было направлено против растущей централизации экономического и политического руководства, против растущей силы и беспощадности аппарата. Предлагалось передать контроль над промышленностью и продукцией от государства профсоюзам. Таким образом, отдавалась дань нечетким требованиям установления "рабочего контроля" и увлечению определенных партийных кругов синдикалистскими тенденциями. Выражался протест против преобладания в партии интеллигентов, содержался призыв к решительному очищению партии от нерабочих; выдвигалось требование "выборности по всей линии" в партии и свободной дискуссии внутри партии при возможности распространения оппозиционных взглядов. Эта критика и предложения, широко обсуждавшиеся в прессе и повсюду зимой 1920/21 г., были затем изложены в брошюре Коллонтай "Рабочая оппозиция", которую распространили среди членов партии во время X съезда в марте 1921 г.[26]

По своим взглядам "рабочая оппозиция" стала одной из главных оппозиционных фракций в дискуссии о профсоюзах, взволновавшей партию зимой 1920/21 г. В то время как "рабочая оппозиция" стояла за независимость профсоюзов и их руководящую роль в системе экономики, Троцкий, впервые со времени Брест-Литовска публично выступивший против Ленина, потребовал непосредственного подчинения профсоюзов государству. Весь январь 1921 г. "Правда" день за днем печатала полемические статьи, в которых главные руководители партии высказывали диаметрально противоположные взгляды. Партия выпустила два номера специального "Дискуссионного листка", чтобы способствовать более подробному обмену мнениями. Ленин забеспокоился. В брошюре "Кризис партии" он писал о "лихорадке", которая сотрясает партийный организм, и задавался вопросом, "способен ли этот организм в несколько недель (до

партсъезда и на партсъезде) излечиться полностью и сделать повторение болезни невозможным или болезнь станет затяжной и опасной". Он обвинил Троцкого в "*создании фракции* на ошибочной платформе" и, говоря о "рабочей оппозиции", изложил признанное в партии правило, но с такой оговоркой, которую потом использовали для отмены самого правила:

"Блокироваться разным группам (особенно перед съездом), конечно, дозволительно (и гоняться за голосами тоже). Но надо это делать в пределах коммунизма (а не синдикализма) и делать так, чтобы не вызывать смеха".

Он закончил обычным предупреждением о том, что внешние враги используют внутренние разногласия в партии:

"Болезнью нашей партии, несомненно, постараются воспользоваться и капиталисты Антанты для нового нашествия, и эсеры для устройства заговоров и восстаний. Нам это не страшно, ибо мы сплотимся все, как один, не боясь признать болезни, но сознавая, что она требует от всех большей дисциплины, большей выдержки, большей твердости на всяком посту"[27].

Перед съездом партии, которого долго ожидали и который открылся 8 марта 1921 г., кронштадтский мятеж – серьезнейшая со времени революции внутренняя угроза режиму – подтвердил справедливость опасений Ленина и всех требований сомкнуть партийные ряды.

X съезд, состоявшийся в марте 1921 г., был решающим в истории партии и республики. Он заседал в такой момент, когда исчезли надежды на спокойную передышку, возникшие было после победоносного завершения гражданской войны, когда разразился экономический кризис в виде острой нехватки продовольствия и когда впервые со времени лета 1918 г. поднял голову политический мятеж. Ощущение неопределенности ситуации охватило съезд. Урегулирование сердитой полемики о профсоюзах явилось наименьшим достижением съезда. НЭП был провозглашен на заключительном этапе работы и как следует не обсуждался. Подлинным лейтмотивом съезда, звучавшим почти во всех многочисленных высказываниях Ленина, была мысль о первостепенном значении единства в партии. Ленин ярко выразил эту необходимость в короткой вступительной речи:

"Товарищи, мы пережили год исключительный, мы позволили себе роскошь дискуссий и споров внутри нашей партии. Для партии, которая окружена врагами, могущественнейшими сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несет на себе неслыханное бремя, эта роскошь была поистине удивительна!

Я не знаю, как вы оцениваете теперь это. Вполне ли, по-вашему, соответствовала эта роскошь нашим богатствам и материальным и духовным?"

А позднее он накинулся с необычным гневом на оппозицию:

"Все эти рассуждения о свободе слова и свободе критики, которые... пестрят и сквозят во всех речах "рабочей оппозиции", составляют девять десятых смысла речей, не имеющих особого смысла, – все это слова того же порядка. Ведь надо же, товарищи, не только говорить о словах, но и о содержании их. Нас словами, вроде "свобода критики", не проведешь! Когда сказали, что в партии есть признаки болезни, мы говорили, что это указание заслуживает тройного внимания: несомненно, эта болезнь есть. Давайте помогать эту болезнь лечить. Скажите же, как вы можете ее лечить? У нас прошло довольно много времени в дискуссии, и я должен сказать, что теперь "дискутировать винтовками" гораздо лучше, чем тезисами, преподносимыми оппозицией. Не надо теперь оппозиции, товарищи, не то время! Либо – тут, либо – там, с винтовкой, а не с оппозицией"[28].

Терминология была неясной. Контекст давал основания предполагать, что Ленин требовал лишь исключения из партии тех, кто упорно оставался в оппозиции и по логике вещей мог вполне оказаться по ту сторону баррикад. И все же он дал понять, и намеренно дал понять, что в рядах партии свобода критики – "роскошь", которая легко перерастает в "болезнь", а вне рядов партии единственный действенный инструмент урегулирования разногласий – винтовка. Возможно, это были вполне правильные выводы в условиях кризиса и вооруженного восстания, мрачной тенью нависших над X съездом. Эти выводы основывались на партийной теории, и Ленин способствовал тому, что они стали для партии традиционными.

О партийном единстве и дисциплине съезд принял две резолюции. В одной, которая носила название "О синдикалистском и анархистском уклоне[29] в нашей партии", деятельность по распространению идей "рабочей оппозиции" объявлялась " несовместимой с принадлежностью к Российской коммунистической партии". При этом также указывалось, несколько непоследовательно, что "в специальных изданиях, сборниках и т.п. может и должно быть уделено место для наиболее обстоятельного обмена мнений членов партии по всем указанным вопросам"[30]. Съезд в отдельной короткой резолюции отказался принять отставку членов "рабочей оппозиции", вновь избранных в ЦК; им было предложено "подчиниться партийной дисциплине"[31]. В другой большой резолюции – "О единстве партии" – выражалось настоятельное требование, чтобы все спорные вопросы в партии направлялись бы "не на обсуждение групп, складывающихся на какой-либо "платформе" и т.п., а на обсуждение всех членов партии". Центральному Комитету поручалось обеспечить "полное уничтожение всякой фракционности"[32].

"Съезд предписывает немедленно распустить все, без изъятия, образовавшиеся на той или иной платформе группы и

поручает всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии".

В заключение съезд принял секретное дополнение к резолюции, которое приобрело известность как "пункт 7". Оно было сформулировано следующим образом:

"Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает ЦК полномочия применять в случае (-ях) нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии. Условием применения (к членам ЦК, кандидатам в ЦК и членам Контрольной комиссии) такой крайней меры должен быть созыв пленума ЦК с приглашением всех кандидатов ЦК и всех членов Контрольной комиссии. Если такое общее собрание наиболее ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает необходимым перевод члена ЦК в кандидаты или исключение из партии, то такая мера должна быть осуществляема немедленно"[33].

Иносказания, предосторожности, чтобы действия не были поспешными, и решение сохранить в тайне этот последний пункт резолюции[34] свидетельствовали о том, что съезд неохотно утвердил эту грозную меру воздействия. Колебание было обоснованным. Резолюция, хотя и явилась логическим следствием перехода реальной власти от съезда к ЦК, для будущего партии имела решающее значение.

X съезд партии был поворотной вехой на пути роста могущества партийного аппарата. Новые принципы партийной дисциплины требовали, чтобы член партии, и особенно член ЦК, лояльно подчинялся решениям партии, как только они приняты, или подлежал высшему наказанию в виде исключения из партии. Пока решение не принято, он, в соответствии с Уставом 1919 г.[35], имел полное право распространять свои взгляды. Еще в январе 1921 г. Ленин признавал право членов партии "в пределах коммунизма" создавать группы и заниматься предвыборной агитацией. Два месяца спустя, на X съезде, нависшая угроза политического и экономического кризиса заставила от этого отказаться. С тех пор критика отдельных лиц или даже групп в партии была допустима, но организовывать оппозицию было запрещено: это значило бы совершить грех "фракционности". Даже исключительное право решать вопрос о составе ЦК было в конце концов отобрано у суверенного съезда, поскольку две трети членов ЦК имели теперь возможность исключить непокорных коллег. Общее количество этих мер, одобренных и предложенных самим Лениным в кризисной ситуации X съезда партии в марте 1921 г., должно было невероятно увеличить возможность

дисциплинарного воздействия со стороны правящей группы партийных руководителей.

Эти меры, порожденные чрезвычайными обстоятельствами в партии, оттеснили множество добрых намерений, возникших благодаря окончанию гражданской войны, и сделали несколько нереальной вступительную часть длинной резолюции "По вопросам партийного строительства". В резолюции говорилось о "*милитаризации*", "*крайнем организационном централизме*" и "*системе боевых приказов*", неизбежно преобладавших в партийных делах в период гражданской войны, и признавалось, что установление "крайне централизованного аппарата, формировавшегося на базисе очень отсталого культурного уровня масс", было одним из "противоречий военного периода". Теперь, когда закончилась гражданская война, X съезд не видел дальнейшей необходимости в этих аномалиях и принял резолюцию о "рабочей демократии" в партии. Партийные работники должны были по очереди занимать место на заседании или у плуга; следовало поощрять обсуждение местными партийным организациями партийных вопросов, как частных, так и общих; следовало сделать все, чтобы осуществлять "постоянный контроль со стороны общественного мнения партии над работой руководящих органов и постоянное деловое взаимодействие между последними и всей партией в целом, проведение систематической отчетности соответствующих парткомов не только перед высшими, но и перед низшими организациями"[36].

Однако подобные стремления были слабо отражены в изменениях, внесенных в организацию и состав центральных партийных органов. Съезд утвердил резолюцию сентябрьской конференции об установлении системы контрольных комиссий и предпринял попытку определить их сферу действий и функции[37], хотя стало ясно, что увеличение центральных партийных органов не особенно по душе рядовым членам партии[38]. Имевшиеся центральные органы подверглись небольшим, но существенным изменениям. Заседания Центрального Комитета, которые по решению VIII съезда в 1919 г.[39] должны были проводиться каждые две недели, проводиться перестали. X съезд предписал проводить их лишь каждые два месяца. Это способствовало увеличению числа членов ЦК до 25. Число кандидатов, которые могли присутствовать на заседаниях ЦК без права голоса, не было установлено. В данном случае были избраны 15 человек[40]. Эти перемены не обозначили новых путей развития, будучи только отдельными шагами в ходе постепенного превращения Центрального Комитета из основного рабочего органа партии в великий совет партийных вождей.

Возможно, имело большее значение то, что X съезд увеличил число членов как Политбюро, так и Оргбюро до семи человек и четырех кандидатов. Структура Секретариата осталась неизменной, но полностью устранили трех секретарей, которые, находясь на этих постах последние 12 месяцев, не сумели повес-

ти борьбу с оппозицией и поддержали Троцкого в дискуссии о профсоюзах. Крестинский, Преображенский и Серебряков не только были удалены из Секретариата, но не были даже переизбраны в ЦК – несомненный признак опалы. Тремя новыми секретарями стали Молотов, Ярославский и Михайлов, которые были также впервые избраны членами Центрального Комитета, получив при этом большое число голосов – гораздо больше, чем такие давние партийные руководители, как Зиновьев и Каменев[41].

Какое соперничество, какие расчеты могли стоять за этими назначениями, остается только догадываться. Быть может, стоит отметить, что трем изгнанным членам Секретариата предстояло стать противниками Сталина, а двоим из трех новых членов – его самыми преданными сторонниками. Впервые с некоторой степенью вероятности в назначениях на решающие партийные посты можно заметить руку Сталина. Но о том, как мало внимания обычно уделялось таким вопросам в партии, свидетельствуют несколько курьезных замечаний Рязанова на самом съезде. Рязанов сетовал, что "наш милый Бухарин", который был чистым теоретиком, был назначен делать доклад о партийной организации, и в заключение заметил: "Мы видим, что в ЦК нет специалистов по организационному делу, что место, оставленное т. Свердловым, до сих пор продолжает быть не занятым"[42].

Тем временем растущее значение Секретариата в партийном механизме отразилось в непрерывном росте его аппарата. Он приступил к своим обязанностям в мае 1919 г. в составе 30 человек. В период IX съезда, в марте 1920 г., он уже насчитывал 150 сотрудников. Год спустя, накануне X съезда, эта цифра выросла до 602, помимо военного отряда из 140 человек, выполнявших обязанности часовых и курьеров[43].

Вряд ли меньшее значение, чем реорганизация и укрепление Секретариата, имело введение X съездом первой систематической "чистки"[44] партийных рядов. Идея очищения была заложена в ленинском учении о партии. "Лучше, – сказал он на съезде в 1903 г., – чтобы десять работающих не называли себя членами партии... чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии"[45]. Качество было важнее количества: самое главное – сохранить чистоту партии. В течение долгого времени ее рост был исключительно медленным. Накануне революции 1905 г. большевистское крыло партии насчитывало не более 8400 человек; накануне Февральской революции 1917 г. – 23 600. Годом позже, после двух революций, это число выросло до 115 тыс. Затем оно непрерывно росло и достигло 313 тыс. в начале 1919 г., а в январе 1920 и январе 1924 г. составляло соответственно 431 тыс. и 585 тыс. [46] Однако, по сложившейся в партии традиции, энтузиазм, вызванный этим ростом сил, сдерживало сознание связанных с ним опасностей.

Тревожная нота впервые прозвучала на VIII съезде партии в марте 1919 г. Член ЦК Ногин рассказал о наличии таких "ужасающих фактов о пьянстве, разгуле, взяточничестве, разбое и безрассудных действиях со стороны многих работников, что просто волосы становились дыбом"[47], и в заключительной части резолюции съезда содержалась выразительная, хотя и не столь яркая, формулировка, гласящая, что

"в партию широкой волной приливают элементы, недостаточно коммунистические и даже прямо примазавшиеся. РКП стоит у власти, и это неизбежно притягивает к ней, наряду с лучшими элементами, и элементы карьеристские... необходима серьезная *чистка* и в советских и в партийных организациях"[48].

Ленин вновь обратился к этой теме на партийной конференции в декабре 1919 г. Приветствуя новых членов партии, "те тысячи и сотни тысяч, которые приходили к нам, когда Юденич стоял в нескольких верстах от Петрограда, а Деникин к северу от Орла", он продолжал:

"После того, как мы произвели такое расширение партии, мы должны ворота запереть, должны быть особенно осторожны. Мы должны сказать: теперь, когда партия побеждает, новых членов партии нам не нужно. Мы превосходно знаем, что в разлагающемся капиталистическом обществе к партии будет примазываться масса вредного элемента"[49].

В связи с возобновлением гражданской войны в 1920 г. принятие мер опять было отложено, и чистку наконец санкционировал X съезд. Но и тогда осторожная формулировка резолюции предполагала необходимость успокоить тех рядовых членов партии, у кого это могло вызвать возражения.

"...Создается крайняя необходимость в том, чтобы решительно повернуть рычаг партийной политики в сторону вербовки рабочих и очищения партии от некоммунистических элементов путем точного учета каждого отдельного члена РКП по выполняемой им работе по должности, а также и как члена Российской Коммунистической партии"[50].

Это должно было стать проверкой не только поведения, но и убеждений. Ленин сам позаботился о том, чтобы внести такое мнение: "из меньшевиков, вступивших в партию позже начала 1918 года, надо бы оставить в партии, примерно, не более одной сотой доли, да и то проверив каждого оставляемого трижды и четырежды"[51].

В октябре 1921 г. ЦК партии объявил о начале проверки, которая должна была проводиться под контролем "Центральной проверочной комиссии" в составе пяти членов ЦК, в том числе Залуцкого в качестве председателя и Шляпникова в качестве представителя оппозиции, а также пяти кандидатов, в том числе Молотова и Преображенского[52]. Предполагалось, что эта комиссия будет рассматривать жалобы, поступавшие из местных партийных организаций, обязанных на местах просеивать своих членов партии и подвергать их перекрестному допросу, а также

контролировать в политическом отношении проведение чистки. Однако политическая сторона оставалась в данном случае на заднем плане. В отчете о чистке на XI съезде партии, в марте 1922 г., в качестве основных нарушений, которые привели к исключению, назывались плохое поведение и пренебрежение партийными обязанностями. Анафема, которой предал меньшевиков Ленин, вряд ли не принималась в расчет, но заметная роль прежних меньшевиков в партии в более поздний период позволяет предположить, что полного отлучения не произошло. В цифровом выражении чистка была суровой. Из более чем 650 тыс. членов партии исключили 24%, в результате общая ее численность составила менее 500 тыс. человек[53]. О том, что интеллигенция была подвергнута несколько более суровой чистке, чем рабочие и крестьяне, свидетельствует тот факт, что в результате количество рабочих и крестьян в партии выросло в промышленных районах с 47 до 53% и в сельских районах – с 31 до 48%[54].

Чистка 1921–1922 гг. совпала с новым периодом внутреннего напряжения и раскола в партии, в центре которых были острые споры, вызванные введением НЭПа. Строгие резолюции X съезда в марте 1921 г. о партийной дисциплине и ужесточении партийной организации разгромили "рабочую оппозицию" как открытую группу. Но членов "рабочей оппозиции" не удалось переубедить, и смута в партии не была устранена.

Первая явная неприятность, по-видимому, началась с мятежом одного человека. Некий Мясников, по происхождению рабочий из Перми, который приобрел сторонников в партийных кругах Петрограда и Урала, начал агитацию за "свободу печати от монархистов до анархистов включительно". В мае 1921 г. он составил докладную записку с изложением своих взглядов, адресованную ЦК партии, и затем опубликовал статью. Мясников приобрел такое значение, что Ленин обратился к нему с личным письмом, пытаясь убедить Мясникова в ошибочности его позиции[55]. Мясников, однако, продолжал агитацию и, когда Оргбюро призвало его к порядку, опубликовал у себя на родине, в Перми, свою записку и статью, ответ Ленина и свой ответ Ленину, а также протест местных членов партии против решения Оргбюро. Это уже было слишком. Механизм раскручивался медленно. Но 20 февраля 1922 г. Политбюро исключило Мясникова из партии с правом обратиться с просьбой о восстановлении спустя год. Впервые наказание за "фракционную деятельность", одобренное X съездом, было осторожно применено.

Этот эпизод не имел бы значения, если бы он не сопровождался новой вспышкой недовольства в партии, вызванного осуществлением НЭПа: партийное руководство отходило от коммунизма, шло на уступки крестьянству за счет пролетариата и само становилось контрреволюционным и буржуазным. Самой популярной мишенью было предложение разрешить иностранным

капиталистам организацию концессий, и Шляпников, все еще член ЦК партии, опять стал главным действующим лицом оппозиции. В августе 1921 г. Ленин созвал объединенное заседание ЦК и ЦКК в соответствии с "пунктом 7" мартовской резолюции и предложил исключить Шляпникова из партии. Однако ему не удалось обеспечить необходимое большинство в две трети голосов – еще один показатель крайне отрицательного отношения к принятию суровых мер против видных членов партии, – и Шляпников отделался выговором[56]. За этим последовало создание в Москве партийного "дискуссионного клуба", который вскоре стал центром противодействия НЭПу. Партийная конференция в декабре 1921 г. призвала партработников разъяснять членам РКП(б) "значение и роль партийной спайки и дисциплины", "иллюстрируя необходимость дисциплины на примерах наших побед и поражений на всем протяжении исторического развития партии"[57]. Московский "дискуссионный клуб" был закрыт по инициативе ЦКК РКП(б) в январе 1922 г.[58]

Таким образом, хотя "рабочая оппозиция" 1921 г. скончалась и была похоронена, представлялось вероятным, что XI съезду партии, который должен был состояться в марте 1922 г., придется по крайней мере столкнуться с не менее сильной критикой и не менее серьезной угрозой партийному единству и дисциплине, чем съезду предыдущему. Накануне съезда критики официальной политики начали организовываться и, сознавая слабость своей позиции, возымели отчаянную мысль – попытаться воспользоваться поддержкой зарубежных коммунистов, обратившись в Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ). В обращении, которое затем приобрело известность как "заявление 22-х", подробно перечислялись обиды, причиненные оппозиции, в формулировках, явно напоминавших о прежней "рабочей оппозиции", членам которой принадлежала половина подписей под заявлением:

"В то время, когда силы буржуазной стихии напирают на нас со всех сторон, когда они проникают даже внутрь нашей партии, социальный состав которой (40% рабочих и 60% непролетариев) благоприятствует этому, наши руководящие центры ведут непримиримую, разлагающую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение, и за высказывание его в партийной среде применяют всяческие репрессивные меры.

Стремление приблизить пролетарские массы к государству объявляется "анархо-синдикализмом", а сторонники его подвергаются преследованиям и дискредитированию. ...Объединенные силы партийной и профессиональной бюрократии, пользуясь своим положением и властью, игнорируют решения наших съездов о проведении в жизнь начал рабочей демократии".

В конце "заявления" говорилось:

"Положение дела в нашей партии настолько тяжело, что

побуждает нас обратиться за помощью к вам и этим путем устранить нависшую угрозу раскола нашей партии"[59].

Для ИККИ не составило труда избавиться от этого вопроса с помощью утешительной резолюции, где говорилось, что руководство российской партии вполне признает наличие этих опасностей, а оппозиция мягко осуждалась за то, что она ставит под угрозу партийное единство и "ломится в открытую дверь"[60]. Однако XI съезд партии отнесся к этому более серьезно. Комиссия в составе Дзержинского, Зиновьева и Сталина без труда доказала виновность 22 авторов "заявления" в нарушении, состоявшем в создании фракции, и рекомендовала исключить из партии пять зачинщиков (кроме Мясникова, который уже подвергся этому наказанию): Коллонтай, Шляпникова, Медведева, Митина и Кузнецова[61]. На основании доклада комиссии съезд решил исключить двух последних, сравнительно незаметных, и отсрочил наказание первым трем. Знаменательно, что в то время, несмотря на резолюцию X съезда, высший партийный орган – последний съезд, на котором присутствовал Ленин, – все еще не решался применить наказание в виде исключения из партии к известным и испытанным членам партии. Невзирая на условия кризиса и настойчивые призывы руководителей, традиция терпимости внутри партии исчезала с трудом.

Несмотря на эту снисходительность по отношению к заблуждавшимся, XI съезд не колеблясь опять усилил аппарат централизованного контроля внутри партии. Представитель Центральной контрольной комиссии Сольц изложил вопрос о партийной дисциплине с беспощадно откровенной аналогией:

"Мы очень хорошо умели рассказывать о демократизме той армии, которую нам нужно было разлагать. Но когда нам понадобилась собственная армия, то мы насаждали в ней ту дисциплину, которая обязательна для всякой армии"[62].

Но сенсацию на съезде произвел Ленин, вернувшись с гораздо большей определенностью к прошлогоднему вопросу о том, чтобы "дискутировать винтовками". В своем основном докладе он сказал, что НЭП – отступление, трудная военная операция, требующая самой строгой дисциплины:

"...Тут и дисциплина должна быть сознательней и в сто раз нужнее, потому что, когда вся армия отступает, ей не ясно, она не видит, где остановиться, а видит лишь отступление, – тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали. Тут опасность громадная. Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: "Стреляй!". И правильно. ...в этот момент необходимо карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины".

Объяснив, что это необходимо "не только по отношению к некоторым внутрипартийным нашим делам", Ленин обрушился на меньшевиков, эсеров и их зарубежных сторонников, заявив,

что "за публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать"[63]. Снова текст был неясным. Однако новым и пугающим было то, что против непокорных членов партии были, казалось, пущены в ход те же угрозы, что и против меньшевиков и эсеров. Шляпников посетовал, что Ленин угрожал оппозиции "пулеметным огнем"[64], и Ленин в своей заключительной речи ослабил болезненное впечатление, объяснив, что пулеметы предназначались для "тех людей, которые у нас теперь называются меньшевиками, эсерами", а что касается партии, то "речь идет о партийных мерах воздействия"[65] – таких, как наказание исключением, одобренное предыдущим съездом.

Окончательные выводы из речи Ленина, таким образом, не были сделаны на съезде, и сам Ленин, возможно, предпочел бы их избегать. Тем не менее атмосфера изменилась – даже по сравнению с прошлогодним съездом. Страшная резолюция "Об укреплении и новых задачах партии" осудила "склоки и "группировки", которые местами приводили к полному параличу партработы", и призвала Центральный Комитет "в борьбе против таких явлений не останавливаться перед исключениями из партии"[66]. Съезд принял новое положение о партийных контрольных комиссиях, и было объявлено, что "работа контрольных комиссий должна продолжать деятельность проверочных комиссий"; подразумевалось, что чистка 1921–1922 гг. должна из отдельного мероприятия превратиться в постоянный процесс[67]. Пожалуй, более поразительным было расширение функций ЦКК, о котором было объявлено на следующем съезде год спустя:

"...Мы согласовывали свою работу с органами, близко соприкасающимися по характеру деятельности с Контрольной комиссией: это – судебные органы и органы ГПУ. Зачастую члены партии судятся в судебных органах и попадают в ГПУ. Для этого у нас установлен контакт с Верхтрибом. Он извещает о том товарище, который попал под суд... Также и с ГПУ. Мы поставили дело так: в ГПУ имеется наш следователь, и как только поступает туда дело о коммунисте, он ведет его сам, как следователь Контрольной комиссии"[68].

Тут была взаимная заинтересованность. ГПУ получало прямую поддержку партии; Контрольная комиссия могла призвать на помощь ГПУ при решении своих собственных задач. Было бы неверно сказать, что главная разница между ВЧК и ГПУ в конечном счете состояла в том, что деятельность ВЧК была направлена исключительно против врагов вне партии, а деятельность ГПУ – в равной мере против всех врагов режима, среди которых теперь наиболее значительными обычно являлись инакомыслящие члены партии. Разница была связана не с каким-либо изменением характера этого учреждения, а с изменением всей политической обстановки, когда партия приобрела в Советском государстве политическую монополию. Станови-

лось все трудней отличить нелояльное отношение к партии от государственной измены.

Еще оно событие произошло сразу после окончания XI съезда . Центральный Комитет предпринял дальнейшую перестройку Секретариата. 4 апреля 1922 г., через два дня после того, как закрылся съезд, на первой странице "Правды" появились два скромных абзаца в том месте, где обычно помещали сообщения о текущих партийных делах: "Избранный XI съездом РКП Центральный Комитет утвердил секретариат ЦК РКП в составе: т. Сталина (генеральный секретарь), т. Молотова и т. Куйбышева.

Секретариатом ЦК утвержден следующий порядок приема в ЦК ежедневно с 12–3 час. дня: в понедельник – Молотов и Куйбышев, во вторник – Сталин и Молотов, в среду – Куйбышев и Молотов, в четверг – Куйбышев, в пятницу – Сталин и Молотов, в субботу – Сталин и Куйбышев".

Единственным новшеством здесь было то, что вместо трех равных секретарей появился генеральный секретарь с двумя помощниками. Молотов последний год был секретарем и членом Политбюро. Куйбышев был новичком; только на XI съезде он был избран кандидатом в Политбюро. Назначение Сталина публично не обсуждалось, хотя по поводу него, видимо, велись переговоры в партийных кругах. Нет никаких намеков на то, что оно вызвало какое-либо противодействие, кроме, пожалуй, раздраженной реплики Преображенского на съезде, когда он, упомянув Сталина по фамилии, спросил: "Мыслимо ли, чтобы человек был в состоянии отвечать за работу двух комиссариатов и, кроме того, за работу в Политбюро, в Оргбюро и десятке цекистских комиссий?"[69] Сообщение в "Правде", вероятно, не привлекло особого внимания.

Месяца через два после назначения нового генерального секретаря, 26 мая 1922 г., у Ленина случился приступ, который навсегда лишил его трудоспособности и возможности возобновить работу. В последующие осень и зиму он мог возвращаться к работе лишь на короткое время и далеко не в полной мере. Эти два события обозначили новую эпоху в истории партии. В течение 12 с лишним месяцев раздраженные споры, которые велись последние два года, были приостановлены или продолжались лишь подспудно. Неуверенность в будущем, вызванная болезнью Ленина, твердое, умелое руководство Сталина, заметное улучшение экономического положения после урожая 1922 г. – все это, видимо, способствовало относительному затишью. Когда опять вспыхнули острые разногласия летом и осенью 1923 г., они приняли новую форму откровенной борьбы за власть. Наградой явился бы полный контроль не только над партией, но и над государством. Ленин сам так объединил обе функции, что они теперь были неразделимы. Уничтожив соперников, партия, казалось, поглотила государство, но теперь государство поглотило партию.

Глава 9

ПАРТИЯ И ГОСУДАРСТВО

Концентрации власти в пределах партии соответствовал аналогичный процесс в государственных органах. Одни и те же люди, с теми же традициями и целями управляли делами партии и государства. Тот же непрекращающийся кризис и то же постоянное давление обстоятельств равно отягощали и партию и советские учреждения в период с 1917 по 1921 г. Крупные усовершенствования тех лет в государственном аппарате – сосредоточение центральной власти в руках Совнаркома за счет Всероссийского съезда Советов и ВЦИКа, сосредоточение власти в центре за счет местных Советов и съездов Советов с их органами – все это, в сущности, предшествовало соответствующему развитию партийной организации. В течение некоторого времени линии развития партии и государства шли параллельно. Затем с неизбежностью они начали сходиться и, наконец, слились. Этот процесс фактически завершился до смерти Ленина.

Переход власти внутри центрального советского аппарата от одних центральных органов к другим в большой мере совершился к тому времени, когда в 1918 г. была составлена Конституция. Уже тогда было очевидно, что суверенный Всероссийский съезд Советов – массовое собрание свыше тысячи делегатов – может царствовать, но не править. От первоначального намерения созывать его каждые три месяца пришлось после 1918 г. потихоньку отказаться в пользу ежегодных собраний[1], и один из выступавших на V Всероссийском съезде в июле 1918 г. жаловался, что ни председатель ВЦИКа, ни председатель Совнаркома не удосужились отчитаться перед съездом о деятельности этих органов за период, прошедший со времени предыдущего съезда[2]. Но поскольку Конституция распространила почти все функции съезда одновременно и на ВЦИК, переход власти к ВЦИКу произошел в целом безболезненно и спокойно. Та же участь постигла губернские и уездные съезды Советов. В резолюции VIII съезда партии в 1919 г. выражалось сожаление по поводу тенденции к передаче решения важных дел от Советов исполнительным комитетам[3]. Но несмотря на эту резолюцию, процесс продолжался безостановочно, действительная власть переходила от съездов Советов к избираемым ими исполнительным комитетам.

Однако власть, таким образом перешедшая от Всероссийского съезда Советов к ВЦИКу, не осталась у ВЦИКа. Самоусиление Совнаркома, начавшееся с первых дней советского строя, уже нельзя было сдержать, и ВЦИКу суждено было испытать несколько ранее, чем Центральному Комитету партии, тот же процесс численного увеличения и утраты реальной власти. Состав ВЦИКа, установленный Конституцией 1918 г. "в числе не свыше 200 человек", вырос до 300 человек в соответствии с декретом VIII Всероссийского съезда Советов, принятым в 1920 г.[4] Первоначально предполагалось, что ВЦИК будет заседать более или менее постоянно, но заседания происходили все реже и после 1921 г. свелись к трем заседаниям в год[5]. VII Всероссийский съезд Советов в 1919 г. сделал попытку восстановить власть ВЦИКа, возложив особые полномочия на его Президиум. До тех пор это был неформальный руководящий комитет, куда входили главные должностные лица ВЦИКа, включая его председателя; последний был обязан своим престижем тому факту, что в редких торжественных случаях он был нужен для формального исполнения роли главы государства; этот пост занимал Свердлов, а после его смерти в 1919 г. – Калинин. Принятая VII съездом Советов конституционная поправка возложила на Президиум ВЦИКа особые функции, в том числе предоставила право в периоды между сессиями ВЦИКа "утверждать постановления Совета Народных Комиссаров, а также приостанавливать его постановления"[6], а на VIII Всероссийском съезде Президиуму ВЦИКа было также предоставлено право отменять постановления Совнаркома и "издавать в порядке управления необходимые постановления от имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета"[7]. Но эти новшества в конечном счете ослабили ВЦИК, поскольку Президиум получил почти неограниченное право действовать от его имени; в то же время они ничуть не поколебали неуязвимую теперь позицию Совнаркома: возможностей его контролировать у Президиума было не больше, чем у самого ВЦИКа.

В Конституции 1918 г. положение о том, что "мероприятия, требующие неотложного выполнения, могут быть осуществлены Советом Народных Комиссаров", оказалось оговоркой, и притом, без сомнения, умышленной, позволяющей Совнаркому избегать мешающего ему контроля ВЦИКа. В период гражданской войны и чрезвычайного положения в стране все главные решения, будь то законодательного или исполнительного характера, не могли не быть "мероприятиями, требующими неотложного выполнения". Ленин как председатель Совнаркома активно участвовал в его деятельности, и личный авторитет Ленина распространялся на этот институт. С середины 1918 г. до начала лета 1922 г., когда болезнь оторвала Ленина от активного руководства делами, Совнарком при всем воздействии партийной власти, которому он, возможно, подвергался подспудно, был правительством РСФСР. Ему принадлежала не только полная исполнительная

власть, но и неограниченные законодательные полномочия благодаря праву издавать декреты[8], и он лишь формально был подотчетен ВЦИКу или номинально суверенному органу – Всероссийскому съезду Советов. В декабре 1920 г. Совет Труда и Обороны (СТО), орган, до этого ведавший снабжением армии[9], был преобразован в комиссию Совнаркома и стал своего рода экономическим генеральным штабом под непосредственным руководством Совнаркома; именно под эгидой СТО вскоре должен был возникнуть государственный плановый комитет. В течение 1921 г. объем работы Совнаркома был так велик, что это вызвало к жизни "Малый Совет Народных Комиссаров", в задачи которого входило заседать параллельно с главным Совнаркомом, избавив его от рутинных повседневных дел[10]. Совнарком стал электростанцией, которая приводила в движение и удерживала в движении весь правительственный механизм.

Концентрация центральной советской власти сопровождалась еще одним процессом, который также наблюдался и в партийных делах, – концентрацией власти в центре за счет местных органов. Процесс этот зашел уже далеко к тому времени, когда был составлен проект Конституции РСФСР. Однако дальнейшее развитие этого процесса повлекло за собой обстоятельство, не предусмотренное в Конституции. В ней ясно указывалось, что съезды Советов и их исполнительные комитеты подлежат контролю соответствующих вышестоящих институтов: сельские Советы – контролю волостных и районных съездов Советов, районные съезды – контролю губернских и областных съездов и т.д. Но не было ничего сказано о подчинении местных Советов, или съездов Советов, или их исполнительных комитетов другим центральным органам. По-видимому, эта проблема обострилась прежде всего в сфере экономики. На VIII съезде партии в марте 1919 г. Сапронов сокрушался, что ВСНХ стремится "построить местные совнархозы и оторвать их от губисполкомов", заявляя последним в случае их протеста: "Вы ни черта не понимаете в производстве". Сапронов также обвинил центральные органы в использовании финансовых мер для подавления местных советских органов[11]. В чрезвычайных условиях гражданской войны декретом Совнаркома от 24 октября 1919 г. были созданы "Революционные Комитеты" в районах, затронутых войной, и всем местным органам дано было указание им подчиняться[12]. На VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г. эту меру осуждали как неконституционную. Жалобу отклонили. Но количество декретов, принятых в следующем году, о положении и правах местных Советов[13] показывает, что на местах обиженно реагировали, когда центр посягал на их права, и что выработать пригодный для работы порядок было нелегко. И на IX съезде партии в марте 1920 г. Сапронов опять сравнивал сложившийся "вертикальный централизм" с "демократическим централизмом" как предполагаемой основой партийной и советской организации[14]. В декабре 1920 г. права губернских исполнительных

комитетов в этом отношении были наконец формально определены VIII Всероссийским съездом Советов. Эти комитеты (но не нижестоящие советские органы) могли приостанавливать исполнение предписаний отдельных народных комиссариатов (но не Совнаркома в целом) "в исключительных случаях, при явном несоответствии данного распоряжения постановлениям Совета Народных Комиссаров или Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, по постановлению губернского исполнительного комитета". Комитет могли тем не менее привлечь к коллективной ответственности за любую такую задержку[15].

Эта дилемма была в конце концов решена с помощью системы "двойного подчинения". Местным органам пришлось довольствоваться формальной властью, которая нормально не осуществлялась. Но вопрос продолжал время от времени вызывать разногласия, и уже в 1922 г. Ленин сам был вынужден вмешаться в серьезный спор по вопросу об организации судопроизводства. В мае 1922 г. народный комиссар юстиции Крыленко подготовил декрет, согласно которому прокуроры по всей стране должны были назначаться генеральным прокурором и подчиняться прежде всего ему, а не своим местным исполнительным комитетам. Это предложение подверглось жестокой критике на заседании ВЦИКа 13 мая 1922 г., и было выдвинуто требование установить систему "двойного подчинения" – генеральному прокурору и местному исполнительному комитету. Некоторые большевики разделяли эту точку зрения, но Ленин поддержал Крыленко. Он утверждал, что, поскольку повсюду в РСФСР "законность должна быть одна", доводы в пользу назначения и контроля центральной властью судебных работников неопровержимы. Призванный таким образом к порядку ВЦИК 26 мая 1922 г. в связи с утверждением первого Уголовного кодекса РСФСР принял это предложение, и был сделан еще один шаг в направлении формального сосредоточения власти[16].

К этому времени, однако, вопросы о компетенции, возникавшие в различных советских органах, уже не имели такой реальной основы, поскольку правом принимать окончательное решение обладали не те учреждения, которые спорили между собой, а соответствующий партийный орган. Параллельные линии развития партийных и государственных институтов проходили настолько близко друг к другу, что их невозможно было четко разграничить. Если система "двойного подчинения" действовала, то это происходило оттого, что и центральные советские органы, и местные исполнительные комитеты в конечном счете признавали власть, находящуюся за пределами системы Советов. Как и все остальное в РСФСР, отношения между коммунистической партией и Советским государством и его институтами не планировались заранее, перед революцией. Их пришлось постепенно вырабатывать в период острого кризиса, в условиях трудностей, напряжения. Впервые они были изложены в категорической форме VIII съездом партии в марте 1919 г.:

"Коммунистическая партия является организацией, объединяющей в своих рядах только авангард пролетариата и беднейшего крестьянства – ту часть этих классов, которая сознательно стремится к проведению в жизнь коммунистической программы.

Коммунистическая партия ставит себе задачей завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т.д. Коммунистическая партия особенно добивается проведения своей программы и своего полного господства в современных государственных организациях, какими являются Советы.

...РКП должна завоевать для себя безраздельное политическое господство в Советах и фактический контроль над всей их работой"[17].

Когда резолюция была принята, эти цели уже осуществлялись. Они были осуществлены двумя разными и определенными путями. На вершине Центральный Комитет партии – вытесненный вскоре Политбюро, созданным самим VIII съездом, – являлся высшим судьей во всех вопросах общественной политики и конечной инстанцией для апелляции во всей сложной структуре управления. На более низких уровнях партия стремилась входить, проникать во все административные институты, общественные или полуобщественные.

То обстоятельство, что принятие всех основных политических решений перешло к партийным органам, неправильно было бы рассматривать как результат какого-то заранее составленного плана. В первые недели революции Ленин всячески старался сделать Совнарком главным органом управления и там на деле принимались важные решения. Большевики первыми выдвинули лозунг "Вся власть Советам!" и, когда победа была завоевана, сделали Советы носителями суверенной государственной власти. Но Советы не были полностью – а вначале даже в большинстве своем – большевистскими. В течение какого-то времени из-за присутствия даже в Совнаркоме членов других партий[18] обсуждения в нем были оторваны от партийных совещаний. Поэтому, как говорилось в резолюции 1919 г., важной задачей партии стало "завоевать для себя безраздельное политическое господство в Советах".

Важнейшее решение об активизации сил революции в октябре 1917 г. было принято ЦК партии. По следующему спорному и сравнительно важному вопросу – о заключении мира в Брест-Литовске – борьба шла, как почти само собой разумеющееся, опять же в Центральном Комитете. Таким образом, на ранних этапах истории режима считалось естественным, что принятие политических решений – дело партии.

"Сегодня, – говорил Троцкий на II конгрессе Коминтерна в 1920 г., – мы получили от польского правительства предложение о заключении мира. Кто решает этот вопрос? У нас есть Совнар-

ком, но и он должен подлежать известному контролю. Чьему контролю? Контролю рабочего класса как бесформенной, хаотической массы? Нет. Созывается Центральный Комитет партии, чтобы обсудить предложение и решить, дать ли на него ответ"[19].

Когда в ходе эволюции партийных дел власть постепенно перешла от ЦК к Политбюро, последнее быстро подчинило своему влиянию Совнарком и другие главные правительственные органы[20]. Последующие съезды партии уделяли все больше внимания вопросам государственной политики, крупным и мелким. Важное решение о введении НЭПа впервые было обнародовано Лениным на X съезде партии. Съезды партии давали указания, касавшиеся даже великих организационных вопросов[21], и в отдельных случаях даже принимали официальные резолюции, которые санкционировали политику Советского правительства или определенные декреты Совнаркома[22].

Партийный контроль над правительственной политикой на высшем уровне дополнялся и приобретал действенность путем организованного включения членов партии во все отделы административного аппарата на всех уровнях. Партия осуществляла назначения на ключевые административные должности[23]. Много времени спустя после того, как меньшевики и эсеры были устранены из центральных органов власти, существенная часть состава местных Советов и тем более общественных институтов, игравших менее значительную роль, оставалась беспартийной или небольшевистской. Поэтому от большевистского меньшинства в таких учреждениях тем более требовались высокая организованность и дисциплина. Этот принцип был провозглашен в резолюции VIII съезда партии:

"Во всех советских организациях абсолютно необходимо образование партийных фракций, строжайше подчиняющихся партийной дисциплине. В эти фракции должны входить все члены РКП, работающие в данной советской организации"[24].

А в другой резолюции, принятой на том же съезде, партии предписывалось "включить новые тысячи лучших своих работников в сеть государственного управления (железные дороги, продовольствие, контроль, армия, суд и прочее)". В то же время членам партии рекомендовали стать активными членами своих профсоюзов[25]. На следующем съезде партии, который собрался в то время, когда первый этап гражданской войны был победоносно пройден, указывались новые сферы деятельности для членов партии – на заводах и фабриках, на транспорте, "в работе по проведению различных видов трудовой повинности", в "топливных организациях", в общественных столовых, домовых комитетах, общественных банях, школах и учреждениях по социальному обеспечению[26]. "Теперь мы управляем Россией, – говорил на этом съезде Каменев, – и только через коммунистов можно управлять ею"[27]. Между тем последняя часть Устава партии, принятого в 1919 г., "О фракциях во внепартийных учреждениях и организациях", предусматривала обязанности и функции чле-

нов партии, состоящие в том, чтобы участвовать в "съездах, совещаниях, учреждениях и организациях (Советах, исполнительных комитетах, профессиональных союзах, коммунах и т.п.)". Они должны были "организовывать фракции" и "на общем собрании данной организации обязаны голосовать единогласно". Требования дисциплины были наивысшими, когда члены партии работали вместе с беспартийными в официальных или полуофициальных организациях. Фракция была "целиком подчинена... соответствующей партийной организации" и обязана согласовывать свои действия с партийными решениями и рекомендациями[28].

Стирание границ между партией и государством не входило в первоначальные намерения тех, кто устанавливал такой порядок. В резолюции VIII съезда партии, где впервые определялись формы отношений между ними, указывалось, что смешивание их функций вызвало бы "гибельные результаты"; обязанность партии "*руководить* деятельностью Советов, но не заменять их"[29]. Тем не менее исполнение этой обязанности неизбежно заставляло все чаще возлагать главную ответственность за решения на партийные, а не на государственные органы. На XI съезде партии Ленин не одобрял постоянных обращений Совнаркома в Политбюро и говорил о необходимости "повысить авторитет Совнаркома"[30]. Уже в марте в основной резолюции XI съезда было сказано, что "становится возможным и необходимым разгрузить партию от ряда вопросов чисто советского характера, которые ей пришлось брать на себя в предшествовавший период", что требуется "гораздо более отчетливое разграничение между своей текущей работой и работой советских органов, между своим аппаратом и аппаратом Советов", и выражалось пожелание "поднять и усилить деятельность СНК"[31].

Но эти благочестивые пожелания лишь служили поводом для тех, кто – в особенности в экономике – стремился избавить административные органы государства от контроля партии, и следующий съезд счел необходимым предупредить о том, что этим текстам не следует давать столь широкое толкование: это может создать опасность уменьшения авторитета партии[32].

Вторжение партии в функции Советов было действительно слишком мощным, чтобы его можно было остановить, и Ленин с присущим ему реализмом смело встретил и принял то, что нельзя было изменить. "...Как правящая партия, – написал он уже в 1921 г., – мы не могли не сливать с "верхами" партийными "верхи" советские, – они у нас слиты и будут таковыми"[33]. В одной из своих последних статей в "Правде" в начале 1923 г. он указывал на ведение дел в области международных отношений как на удачный пример единства партийных и советских органов:

"Почему бы, в самом деле, не соединить те и другие, если это требуется интересом дела? Разве кто-либо не замечал когда-либо, что в таком наркомате, как Наркоминдел, подобное со-

единение приносит чрезвычайную пользу и практикуется с самого его начала? Разве в Политбюро не обсуждаются с партийной точки зрения многие мелкие и крупные вопросы о "ходах" с нашей стороны в ответ на "ходы" заграничных держав, в предотвращение их, ну, скажем, хитрости, чтобы не выражаться менее прилично? Разве это гибкое соединение советского с партийным не является источником чрезвычайной силы в нашей политике? Я думаю, что то, что оправдало себя, упрочилось в нашей внешней политике и вошло уже в обычай так, что не вызывает никаких сомнений в этой области, будет, по меньшей мере, столько же уместно (а я думаю, что будет гораздо более уместно) по отношению ко всему нашему государственному аппарату"[34].

После смерти Ленина традиция слияния укрепилась так прочно, что почти уже не имело значения, кто сообщает о важных решениях: партия или правительство, и иногда декреты принимались совместно от имени ЦК партии и ВЦИКа или Совнаркома.

Хотя практическая необходимость заставила Ленина признать непрерывно растущую концентрацию власти, нет оснований думать, что поколебалась его вера в противоядие "прямой демократии". Но он начал понимать, что движение будет более медленным, чем он вначале надеялся, что побороть дьявола бюрократии труднее, чем он предполагал. Теперь восхвалялась воспитательная функция Советской власти:

"Только в Советах начинает масса эксплуатируемых действительно учиться, не из книжек, а из собственного практического опыта, делу социалистического строительства, созданию новой общественной дисциплины, свободного союза свободных работников"[35].

В апреле 1921 г. Совнарком издал декрет, вызванный, как было объявлено, необходимостью "установления связи советских учреждений с широкими массами трудящихся, оживления советского аппарата и постепенного освобождения его от бюрократических элементов". Декрет имел целью, наряду с другими задачами, включить женщин, работниц и крестьянок, в отделы исполнительных комитетов съездов Советов: женщины должны были в течение двух месяцев вести административную работу, а затем возвращаться к своим обычным занятиям, если их не просили остаться на постоянную работу в исполкоме. Но самый интересный момент в этом бесполезном проекте состоял в том, что женщин следовало отбирать "через Отделы Работниц Российской Коммунистической Партии"[36]. Последним общенародным мероприятием Ленина явился смелый план такого слияния функций партии и государства, которое бы нейтрализовало зло бюрократизма. При царях должность государственного ревизора, учрежденная для контролирования финансовых нарушений, предусматривала затем общий контроль над деятельностью администрации. Декрет, учреждавший народный комиссариат государственного контроля, был принят через несколько недель

после революции, а декрет, принятый в марте 1918 г., расширил его полномочия[37]. Но народный комиссар не был назначен, и комиссариат, по-видимому, существовал только на бумаге. Вскоре этим занялась партия. В резолюции VIII съезда партии, состоявшегося в марте 1919 г., в которой впервые попытались определить формы отношений между партией и государством, содержался пункт, где указывалось: "Дело контроля в Советской республике должно быть радикально реорганизовано с тем, чтобы создать подлинный фактический контроль социалистического характера". Кроме того, там было сказано, что ведущая роль в осуществлении этого контроля должна принадлежать "партийным организациям и профессиональным союзам"[38]. Зиновьев, который предложил эту резолюцию, высказал пожелание, чтобы этот новый орган "запускал бы свои щупальцы во все отрасли советского строительства, имел бы специальный отдел, занятый упрощением и усовершенствованием нашей машины"[39]. Другой выступавший охарактеризовал существующий государственный контроль как "допотопное учреждение, существующее со своими старыми чиновниками, со всякими контрреволюционными элементами и пр."[40]. Следствием резолюции был совместный декрет ВЦИКа и Совнаркома от 9 апреля 1919 г., учредивший народный комиссариат государственного контроля[41]. На этот раз решение принесло результаты. Комиссаром нового наркомата, как Зиновьев уже объявил на съезде[42], был Сталин, который, таким образом, одновременно с двойным назначением во вновь созданные Политбюро и Оргбюро партии[43] получил первую руководящую должность в государственном аппарате.

Задача нового комиссариата была, однако, деликатной и противоречивой, и он недолго просуществовал в своей первоначальной форме. Декретом ВЦИКа от 7 февраля 1920 г. он был преобразован в народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин, или РКИ) и ему был придан совершенно новый характер. Народный комиссар остался прежний, но "борьбас бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях" должна была теперь осуществляться рабочими и крестьянами, которых избирали те, кто избирал и депутатов в Советы. Избрание производилось на короткие периоды, "чтобы постепенно все рабочие и работницы данного предприятия или все крестьяне были вовлечены в работы Инспекции"[44]. Такова была идея Ленина об использовании прямой демократии в качестве гарантии против бюрократизма. В декрете содержался любопытный пункт, предоставлявший профсоюзам право возражать против любого кандидата, избранного в Рабкрин, и предлагать замену. В апреле 1920 г. III Всероссийский съезд профсоюзов принял решение об активном участии в работе Рабкрина[45]. Можно предполагать, что участие профсоюзов было средством придания последовательности проекту, который без этого оказался бы неясным и нереальным.

Деятельность Рабкрина протекала бурно. В октябре 1920 г. в Москве состоялось первое "Всероссийское совещание ответственных работников РКИ", и на нем выступил Сталин, заявивший, что Рабкрин вызвал "ненависть со стороны некоторых зарвавшихся чиновников, а также некоторых коммунистов, которые голосу этих чиновников поддаются"[46]. Одна из трудностей состояла в подборе подходящих кадров для этого поздно созданного комиссариата. Даже Ленин, считавший Рабкрин важным средством в борьбе против бюрократии, признавал, что он "существует больше как пожелание", поскольку "лучшие рабочие были взяты на фронт"[47]. Осенью 1921 г. отчет Рабкрина о нехватке топлива вызвал неодобрение со стороны Ленина, и Сталин в качестве руководителя наркомата дал ответ, тактично взяв под защиту своего подчиненного[48]. Во многих партийных кругах к Рабкрину относились с возрастающим подозрением. Ленин защищал Сталина от нападок Преображенского на XI съезде в марте 1922 г.[49], но, когда Ленин через несколько недель предложил осуществлять через Рабкрин новую систему проверки исполнения декретов Совнаркома и Совета Труда и Обороны, Троцкий резко возражал против этого, заявив, что "в Рабкрине работают главным образом работники, потерпевшие аварию в разных областях", и сетуя на "чрезвычайное развитие интриганства в органах Рабкрина, что давно уже вошло в поговорку во всей стране". Ленин спокойно ответил, что Рабкин необходимо именно улучшить, а не закрыть[50].

Было бы гаданием на кофейной гуще рассуждать о том, растущее ли недовольство Рабкрином или же возникшее у Ленина личное недоверие к Сталину было основной причиной, казалось бы, внезапного изменения взглядов Ленина в последние несколько месяцев, когда он еще был у дел. Его последние две статьи, написанные или продиктованные в первые недели 1923 г., являлись неприкрытой атакой на Рабкрин в его тогдашнем виде и предложением предстоящему XII съезду перестроить его путем слияния с Центральной Контрольной Комиссией партии. Вторая статья, последняя из написанных Лениным, была особенно суровой:

"Наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать... Либо не стоит заниматься одной из реорганизаций, которых у нас так много бывало, такого безнадежного дела, как Рабкрин, либо надо действительно поставить себе задачей создать медленным, трудным, необычным путем, не без многочисленных проверок, нечто действительно образцовое, способное внушать всякому и каждому уважение и не только потому, что чины и звания этого требуют"[51].

Горячо поддержав ленинский план реорганизации, Сталин тем самым ловко увернулся от подразумевавшегося упрека.

XII съезд в апреле 1923 г., после того как Ленина свалил второй приступ болезни, утвердил объединение, равносильное полному слиянию государственных и партийных институтов. Во-первых, полностью был изменен характер партийной Контрольной комиссии, до этого ограничивавшейся семью членами, как и Политбюро или Оргбюро. Число ее членов было увеличено до 50, "преимущественно из рабочих и крестьян"; для руководства ею был назначен Президиум из 9 человек. Во-вторых, было установлено, что народный комиссар Рабоче-крестьянской инспекции назначается Центральным Комитетом партии и, по возможности, из состава Президиума ЦКК. В-третьих, членов Контрольной комиссии следовало назначать как в Рабкрин, таки в коллегии различных комиссариатов[52]. Комиссариату предоставлялись широкие полномочия, после того как декретом от 12 ноября 1923 г. он был преобразован в комиссариат СССР[53]. Но в сущности, его власть была слита с властью Центральной Контрольной Комиссии партии. ЦКК, укрепленная благодаря ее недавно организованному взаимодействию с ГПУ[54], получила таким путем возможность осуществлять через Рабкин прямой конституционный контроль над всей деятельностью советской администрации.

Отчет Сталина об организационной деятельности, сделанный на XII съезде партии, привлек внимание к возрастающему значению другого учреждения. Как простовато, но многозначительно заметил Сталин, "правильная политическая линия" составляла только половину дела: необходимо было также подобрать работников, способных осуществлять директивы[55]. С 1920 г. один из трех секретарей партии занимался так называемым "Учетно-Распределительным Отделом" (Учраспред), который вел учет членов партии и руководил их распределением – "мобилизацией, перемещением и назначениями членов партии"[56]. В связи с окончанием гражданской войны и процессом демобилизации масштабы деятельности Учраспреда расширились. Его отчет на X съезде партии в марте 1921 г. показал: менее чем за 12 месяцев он произвел перемещение и назначение 42 тыс. членов партии[57]. В то время он в основном занимался "огульными мобилизациями", а не индивидуальными назначениями, которые предоставлялись областным и губернским комитетам. Но по мере того как административный аппарат роси управление народным хозяйством стало одной из его главных задач, конкретные назначения стали играть более важную роль и, как заметил Сталин, появилась необходимость "каждого работника изучать по косточкам". С этой целью Центральный Комитет за некоторое время до XII съезда решил "расширить" аппарат Учраспреда, "чтобы дать партии возможность укомплектовать коммунистами управляющие органы наших основных предприятий и тем осуществить руководство партии госаппаратом". Таким образом, Учраспред стал незаметным, но могущественным центром контроля партии над государственными орга-

нами, политическими и экономическими. Он также оказался под руководством генерального секретаря полезным средством для увеличения личной власти Сталина как в партийном, так и в государственном аппарате. Замечания Сталина на XII съезде явились одним из редких проблесков, когда на миг приоткрылись для внешнего мира те рычаги, которыми приводился в действие аппарат.

Таким образом, еще до смерти Ленина была признана и провозглашена власть партии над всеми сторонами политики, над всеми сторонами системы управления. На высшем уровне главная роль партии при окончательном определении политики была обеспечена верховной властью Политбюро. В деле административного управления комиссариаты подлежали контролю народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции, а через него – контролю Центральной Контрольной Комиссии партии. На низшем уровне партийные "фракции", подчинявшиеся партийным указаниям и дисциплине, активно участвовали в работе любого официального или полуофициального органа, имевшего какое-либо значение. Более того, в таких организациях, как профсоюзы и кооперативы, и даже на основных промышленных предприятиях, партия осуществляла те же руководящие функции, что и в государстве. Как автономия входивших в РСФСР (а позднее в Советский Союз) республик и территорий была ограничена их общей зависимостью от политических решений центральных органов вездесущей партии, так и независимость профсоюзов и кооперативов от государственных органов была ограничена таким же всеобщим подчинением воле партии.

Время от времени менялась формулировка, с помощью которой была выражена эта сложная связь институтов и функций. Ленин писал:

"...Партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. И, не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнять государственные функции. Осуществлять же их приходится через ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно: через советский аппарат"[58].

В 1919 г. Ленин язвительно возражал тем, кто подвергал нападкам "диктатуру партии":

"Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата"[59].

Он высмеивал тех, для котого "диктатура одной партии" была пугалом, и добавлял: "Диктатура рабочего класса проводится той партией большевиков, которая еще с 1905 г. и раньше слилась со всем революционным пролетариатом"[60]. Позднее он отзывался о попытке разграничить диктатуру класса и диктату-

ру партии как "о самой невероятной и безысходной путанице мысли"[61]. В течение нескольких лет такая формулировка удовлетворяла партию. На XII съезде партии, где Ленин уже не присутствовал, Зиновьев небрежно упомянул "товарищей, которые говорят: "диктатура партии – это делают, но об этом не говорят", и принялся излагать идею диктатуры партии как диктатуры Центрального Комитета:

"Нам нужен *единый*, сильный, мощный ЦК, который руководит всем. ...ЦК на то и ЦК, что он и для Советов, и для профсоюзов, и для кооперативов, и для губисполкомов, и для всего рабочего класса есть ЦК. В этом и заключается его руководящая роль, в этом выражается диктатура партии"[62].

И в резолюции съезда указывалось: "Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т.е. Компартии"[63].

Однако на этот раз деспотизм Зиновьева вызвал противодействие. Что касается Сталина, то он был озабочен тем, чтобы не допустить вмешательства – не партии в деятельность государственных органов (это уже было делом решенным), а ЦК в деятельность рабочих органов партии, в том числе Секретариата, – и идея диктатуры ЦК была ему не по вкусу[64]. На съезде он осторожно назвал представление о том, что "партия дает приказы... а армия, т.е. рабочий класс, осуществляет эти приказы", "в корне неверным" и развернул метафору о семи "приводных ремнях", соединяющих партию и рабочий класс: профсоюзах, кооперативах, союзах молодежи, делегатских собраниях работниц, школах, печати и армии[65]. Год спустя он смело заявил, что диктатура партии – "чепуха", и объяснил, что этот термин появился в резолюции XII съезда "по недосмотру"[66]. Но какой бы ни была формулировка, сущность факта нигде сомнению не подвергалась. Именно Российская коммунистическая партия (большевиков) давала жизнь, направление, движущую энергию любой форме общественной деятельности в СССР, и ее решения были обязательны для любой общественной или полуобщественной организации. С этого времени любая значительная борьба за власть происходила уже в недрах партии.

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

Представление о государстве как неизбежном зле, проистекающем от греховной природы человека, уходило корнями в традиции христианства. В средние века между властью церковной и политической наблюдалось равновесие; каждая в своей сфере главенствовала, но первую почитали больше. Лишь когда Реформация подчинила церковь государству и возникло современное государство, обязанность вести борьбу против политических злоупотреблений перешла к светской власти. Томас Мор в своей "Утопии" выявил связь между институтом частной собственности и тем злом, которое причиняет правительство. Он предвосхитил ту характеристику государства, которая три столетия спустя широко распространилась:

"Итак, рассчитывая на снисхождение, я должен все же сказать одно: все остальные правительства, которые я вижу или знаю, – это заговор богатых. Притворяясь, что управляют народом, они лишь преследуют собственные цели всеми способами, с помощью всех возможных ухищрений. Они делают это прежде всего для того, чтобы можно было в безопасности сохранить все, что они так нечестно нажили, и затем, чтобы можно было заставить бедняков трудиться за самую низкую плату и угнетать их, как угодно".

Но это оставалось единичной вспышкой озарения, и только в XVIII веке начали формироваться современные социалистические взгляды на государство. В соответствии с христианским учением, государство было злом, но злом неизбежным, поскольку природа человека была греховной. В соответствии с рациональной верой в природу, исповедуемой просветителями, государство было противоестественным и потому – злом. Заметно влияние этих взглядов, в частности, на Морелли и Руссо, но именно Уильям Годвин в своем "Рассуждении о политической справедливости" создал то, что с полным основанием считают библией анархизма. По мнению Годвина, собственность, брак и государство противоречат природе и разуму.

"Прежде всего, – пишет он, – мы не должны забывать, что правительство есть зло, узурпация права на личное мнение, на индивидуальное человеческое сознание и что, тем не менее, мы, по-видимому, должны признать его злом неизбежным в настоящее время. Нам, поборникам разума и человеческой приро-

ды, надлежит признавать его как можно меньше и внимательно следить, не пора ли вследствие постепенного просветления человеческого разума уменьшить и это немногое"[1].

Далее в той же работе он становится смелей и напрямик предлагает "упразднить шарлатанство правительства". С этого времени ведущие писатели, радикалы и социалисты – Сен-Симон, Роберт Оуэн, Фурье, Леру, Прудон – озабочены проблемой вытеснения государства и его превращения в общество производителей и потребителей. Моисею Гессу, радикальному сподвижнику молодого Маркса, оставалось лишь снабдить эти идеи гегельянской терминологией, которую обычно употребляли молодые германские интеллектуалы 40-х годов XIX века. Он полагал, что, пока существует государство, какой бы ни была форма правления, всегда будут правители и рабы, и это противоречие сохранится, "пока государство, основа полярного противоречия, не исчезнет, согласно законам диалектики, и не уступит место социальному единообразию, которое явится основой общности"[2].

Маркс быстро воспринял представление о государстве как орудии, с помощью которого правящий класс преследует и отстаивает свои интересы. В одной из ранних работ, направленной против рейнских землевладельцев, он в гиперболическом стиле, присущем его раннему периоду, описывал, как "органы государства" становятся "ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бегает"[3]. Современное государство "существует только ради частной собственности"; оно есть "не что иное, как форма организации, которую неизбежно должны принять буржуа, чтобы – как вовне, так и внутри государства – взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы"[4].

Однако частная собственность на капиталистическом этапе порождает свою противоположность – лишенный собственности пролетариат, которому предстоит ее уничтожить. Как сказал Гесс, государство есть выражение этого противоречия, этого конфликта между классами. Когда это противоречие разрешится уничтожением частной собственности и победой пролетариата (который, достигнув победы, перестанет быть пролетариатом), общество больше не будет разделяться на классы и государство лишится raison d'être*. Таким образом, государство – это "суррогат коллективности"[5]. Первое краткое изложение взглядов Маркса содержалось в "Нищете философии", опубликованной в 1847 г.:

"Рабочий класс поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть

* Смысла существования (*фр.*). – *Прим. ред.*

официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества"[6].

В первой работе, написаннаой Марксом в зрелые годы, – "Манифесте Коммунистической партии" – содержались те же выводы и предсказывалось наступление времени, когда различия между классами будут сметены и "публичная власть потеряет свой политический характер". Но в основном внимание в ней уделялось очередному практическому шагу, который состоял в том, что пролетариат "основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии" и произойдет отождествление государства с "пролетариатом, организованным как господствующий класс". Такова была идея, которую Маркс четыре года спустя выразил в знаменитом лозунге о "*диктатуре пролетариата*". Но одновременно он указывал, что эта диктатура – "лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без класов*"[7].

Двадцать лет спустя, когда Маркс в знаменитой работе "Гражданская война во Франции" выявил в Парижской Коммуне узнаваемый, хотя и несовершенный, прототип диктатуры пролетариата, он все еще характеризовал государство как "паразитический нарост" и писал об "уничтожении той государственной власти", которая "теперь делается излишней"[8]. А Энгельс позднее добавил еще более определенное замечание:

"...Победивший пролетариат, так же как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор, пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности"[9].

Маркс, таким образом, никогда не отказывался, или не мог отказаться, от мысли, что государственная власть есть проявление классового антагонизма – зла, которое исчезнет в будущем бесклассовом обществе. Однако описание этой конечной цели его лично интересовало меньше, чем анализ непосредственных мер, необходимых для установления диктатуры пролетариата.И наиболее законченное описание учения Маркса о государстве пришлось дать Энгельсу:

"...Когда не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проистекают из этой борьбы, – с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени общества, – является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпа-

ет. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не "отменяется", *оно отмирает*"[10].

Именно Энгельс писал также несколько лет спустя:

"С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором"[11].

Таким образом, учение о государстве, созданное в произведениях Маркса и Энгельса, имело две стороны. В конечном счете традиционное социалистическое представление о том, что государство само по себе есть зло, результат противоречия, орудие подавления, которому нет места при будущем коммунистическом строе, полностью сохранялось. Но утверждалось, что, разрушив революционными средствами буржуазную государственную машину, пролетариат будет вынужден создать на время свою собственную государственную машину – диктатуру пролетариата, – до тех пор пока не будут уничтожены остатки буржуазного общества и упрочен бесклассовый социалистический строй. Таким образом, было установлено практическое разграничение между конечным коммунистическим обществом, когда исчезнет всякое неравенство между людьми и не будет государства, и тем, что приобрело известность под названием "социализм", или "первая стадия коммунизма", когда еще не уничтожены остатки буржуазного строя и государство принимает форму диктатуры пролетариата. Этому разграничению предстояло приобрести главное значение в партийной доктрине.

На Ленина оказало особое влияние одно дальнейшее усовершенствование марксистской теории государства. Сущность государства заключалась в разделении общества на два противоборствующих класса – управляющих и управляемых. Энгельс, осуждая тайный революционный "Альянс" Бакунина, упрекал его в том, что он создает пропасть между теми, кто руководит, и теми, кем руководят, и восстанавливает "авторитарное государство"[12], и в работе Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства" государство характеризуется как "сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него"[13]. Отсюда возникала знакомая проблема бюрократии. По мнению Энгельса, Парижская Коммуна сумела ее решить:

"Во-первых, она назначила на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзывать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие".

Эти меры Энгельс характеризовал как "взрыв старой государственной власти и ее замена новой, поистине демократической"[14]. Отсюда излюбленное ленинское положение о необходимости заменить бюрократию как типичное орудие государства рабочим самоуправлением.

В течение 30 лет после смерти Маркса теория государства была пробным камнем, разделившим европейское рабочее движение на две коренным образом противоборствующие друг с другом группы – анархистов и признающих необходимость государства социалистов.

Анархисты начали с традиционного социалистического отрицания государства. Они отвергали его на том же самом основании, что и Маркс, а именно потому, что государство – это орудие в руках правящего и угнетающего класса. Они также рассчитывали на то же самое окончательное решение проблемы – замену государства "организацией производительных сил и экономических служб"[15]. Но свое отрицание государства они распространили на любую предварительную или временную форму государства. По этому поводу Ленин приводил слова Энгельса:

"...Антиавторитаристы требуют, чтобы политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета.

Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна"[16].

Упорно отвергая власть, анархисты стали непримиримыми противниками диктатуры пролетариата – с этим был связан спор между Марксом и Бакуниным. Синдикалисты, усовершенствовав грубый догматизм анархистов, полагали, что будущая организация общества будет основываться не на какой-либо системе территориальных государств, а на связи профсоюзов и производственных ассоциаций. Цель синдикализма, по определению его видного философа, состояла в том, чтобы "вырвать у государства и общины один за другим все их атрибуты власти в целях обогащения пролетарских организаций по мере их создания, особенно синдикатов"[17], или, короче, – "подавить государство"[18]. Что касалось непосредственной тактики, то синдикалистское движение отвергало все формы политической борьбы. Государство рухнет в результате революционной экономической борьбы рабочих, которая примет форму всеобщей стачки; любая конструктивная программа в отношении государства противоречила природе и принципам синдикализма. Эти тенденции преобладали во Франции и других романских странах, где марксизм никогда не имел глубоких корней.

С другой стороны, германские социал-демократы не менее решительно продвигались к объяснению марксизма, которое было диаметрально противоположно взглядам анархистов и

синдикалистов. Исповедуя прусско-гегельянское уважение к власти государства и марксистское неуважение к последователям Бакунина, они, под влиянием хитроумной политики Бисмарка и пламенного красноречия Лассаля, согласились поверить, что государство можно заставить служить интересам рабочих. Они вскоре отошли от строгой марксистской позиции в двух важных вопросах. Они объявили утопией и сдали в архив "мысль" об "отмирании" государства, отказавшись, таким образом, от главной социалистической традиции в отношении к государству. Вместо того чтобы, подобно Марксу, настаивать на том, что пролетариат должен сломать революционными средствами буржуазную государственную машину и установить собственное государственное орудие – диктатуру пролетариата, они поверили в возможность захвата существующей государственной машины, преобразования ее и использования в пролетарских целях. В 90-е годы XIX века Эдуард Бернштейн стал лидером ревизионистской группы в Социал-демократической партии Германии, открыто выступавшей за достижение социализма через реформы в сотрудничестве с буржуазным государством. Силу этого движения показывает тот факт, что Каутский и его последователи, первоначально боровшиеся против него от имени ортодоксального марксизма, в конце концов пришли к взглядам, которые не отличались от ревизионизма. Марксистское отрицание государства было отброшено, о нем отзывались, по словам Ленина, "точно о "наивности", отжившей свое время, – вроде того как христиане, получив положение государственной религии, "забыли" о "наивностях" первоначального христианства с его демократически-революционным духом"[19]. Итак, германские социал-демократы скорее приблизились к позиции английских радикалов, тред-юнионистов и фабианцев, которые никогда не были марксистами и никогда не поддерживали искренне антигосударственной традиции европейского социализма. Соединенное влияние германской и английской групп во Втором Интернационале расчистило путь для такого союза между социализмом и национализмом, который расколол Интернационал на части, когда в 1914 г. вспыхнула война.

Ленин оставался, по крайней мере вплоть до Октябрьской революции, последовательным марксистом в своем отношении к государству, точно прокладывая курс между Сциллой анархизма и Харибдой преклонения перед государством. Он предельно ясно объяснил свою позицию в одном из "Писем из далека", которые написал из Швейцарии в период между Февральской революцией и возвращением в Россию:

"Нам нужна революционная *власть*, нам нужно (на известный переходный период) *государство*. Этим мы отличаемся от анархистов. Разница между революционными марксистами и анархистами состоит не только в том, что первые стоят за централизованное, крупное, коммунистическое производство, а вторые за раздробленное, мелкое. Нет, разница именно по во-

просу о власти, о государстве состоит в том, что мы *за* революционное использование революционных форм государства для борьбы за социализм, а анархисты – *против*.

Нам нужно государство. Но нам нужно *не такое* государство, каким создала его буржуазия повсюду, начиная от конституционных монархий и кончая самыми демократическими республиками. И в этом состоит наше отличие от оппортунистов и каутскианцев старых, начавших загнивать, социалистических партий, исказивших или забывших уроки Парижской Коммуны и анализ этих уроков Марксом и Энгельсом"[20].

В момент возвращения в Россию в начале апреля 1917 г. он заявил еще более решительно:

"Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость* государства и государственной власти в революционный период вообще, в эпоху перехода от капитализма к социализму в частности.

Марксизм отличается от мелкобуржуазного, оппортунистического "социал-демократизма" г. Плеханова, Каутского и К° тем, что признает необходимость для указанных периодов *не* такого государства, как обычная парламентарная буржуазная республика, а такого, как Парижская Коммуна"[21].

Однако когда в конце лета 1917 г. Ленин, все еще скрываясь в Финляндии, сел писать свою главную работу о марксистской теории государства, вторая из этих ересей его больше заботила, чем первая. Анархистские и синдикалистские возражения против политической борьбы или возможной диктатуры пролетариата большой роли не играли[22]. Но именно верность так называемых социал-демократов своему национальному государству, их отказ от основного социалистического принципа враждебного отношения к государству сломали международную солидарность рабочих Европы и заставили их участвовать в братоубийственной борьбе по приказу правящих классов своих стран. Отсюда некоторое усиление одной стороны проблемы в работе "Государство и революция", написанной Лениным в августе – сентябре 1917 г., но не публиковавшейся до следующего года. Довод, направленный против анархистов в защиту диктатуры пролетариата, занял всего несколько торопливых абзацев. Основная же часть работы посвящена атаке на тех псевдомарксистов, которые не желали признать, во-первых, что государство есть продукт классовых антагонизмов и орудие классового угнетения, обреченное на исчезновение вместе с исчезновением самих классов, и, во-вторых, что ближайшая цель состоит не в том, чтобы завладеть буржуазной государственной машиной, а в том, чтобы ее сломать и заменить промежуточной формой – диктатурой пролетариата, которая проложит путь к окончательному исчезновению классов и государства. Диктатура пролетариата была переходом от революционного свержения буржуазного государства к окончательному установлению общества без классов, без государства – "от государства к негосударству"[23]. К

демократии это относилось не в меньшей мере, чем к любой другой форме государства. Напротив, "*всякое* государство *не*свободно и *не*народно", и, чем "полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной"[24].

Все это шло непосредственно от Маркса и Энгельса, и самыми интересными являются те мысли в "Государстве и революции", которые несколько проливают свет на то, как Ленин представлял себе переход. Словами, взятыми у Энгельса, он клеймил анархистов, которые воображали, что государство можно отменить "с сегодня на завтра"[25]; переход потребует "целого *исторического периода*"[26]. И все же представлялось, что каждый такой период будет ограничен определенными сроками: в 1918 г. Ленин утверждал, что он будет охватывать "лет по 10, а то и больше", а в речи на Красной площади 1 мая 1919 г. предсказывал: "Большинство присутствующих, не переступивших 30–35-летнего возраста, увидят расцвет коммунизма, от которого пока мы еще далеки"[27]. Позже он писал: "На 10–20 лет раньше или позже, это с точки зрения всемирно-исторического масштаба безразлично"[28]. Но более значительным, чем любой вопрос о сроках, было настойчивое утверждение Ленина в "Государстве и революции" о том, что "отмирание" государства начнется немедленно:

"...По Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т.е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать. ...Пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно"[29].

Какой бы ни была длительность этого процесса, Ленин в то время определенно полагал, что он будет прогрессивным и непрерывным.

Эти теоретические взгляды повлияли на отношение Ленина после революции к вопросу о конституционной структуре переходного периода диктатуры пролетариата. Государственное устройство, созданное победоносной революцией, должно было отвечать разным, взаимно несовместимым с самого начала целям. Оно должно было быть сильным, безжалостным, чтобы сломать последнее сопротивление буржуазии, чтобы завершить подавление меньшинства в интересах большинства, и в то же время оно должно было готовиться к собственному отмиранию и даже начать этот процесс немедленно.

"В действительности этот период неминуемо является периодом невиданно ожесточенной классовой борьбы, невиданно острых форм ее, а следовательно, и государство этого периода неизбежно должно быть государством *по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии). ...Диктатура *одного* класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата*, свергнувшего буржуазию,

но и для целого *исторического периода*, отделяющего капитализм от "общества без классов", от коммунизма"[30].

Ленин никогда не признавал, что в принципе трудно примирить псевдодобровольную ассоциацию рабочих, которую подразумевает отмирание государства, и концентрацию власти, необходимую для осуществления беспощадной диктатуры над буржуазией. О беспощадности диктатуры он говорил непреклонно. Он признавал, что одной из причин поражения Коммуны явилось то, что она ломала сопротивление буржуазии "недостаточно решительно"[31]. Диктатура пролетариата, как любое другое государство, была бы орудием не свободы, а подавления – подавления не большинства, как другие государства, но непримиримого меньшинства. В своем произведении Ленин дважды цитировал острое высказывание Энгельса:

"...Пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать"[32].

И сам Ленин добавил в виде афоризма:

"Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства"[33].

Но как ни репрессивна была диктатура пролетариата, она была уникальной диктатурой, будучи диктатурой большинства над меньшинством, и это не только придавало ей демократический характер[34], но также исключительно упрощало ее деятельность:

"...Подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой "машине", почти что без "машины", без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс* (вроде Советов рабочих и солдатских депутатов...)"[35].

Эта точка зрения определила подход Ленина к старой проблеме бюрократии. Зло государства, которое, по словам Энгельса, есть сила, "происшедшая из общества, но ставящая себя над ним"[36], Ленин кратко охарактеризовал, сказав "о привилегированном положении чиновников, как органов государственной власти"[37]. По-видимому, он считал бюрократию специфически буржуазной. "Начиная от абсолютистской, полуазиатской России до культурной, свободной и цивилизованной Англии, –

писал он в одной из ранних работ, – мы везде видим это учреждение, составляющее необходимый орган буржуазного общества"[38]. В работе "Государство и революция" говорилось, что для буржуазного периода "централизованной государственной власти" "два учреждения наиболее характерны" – бюрократия и постоянная армия[39]. В условиях капитализма даже партийные и профсоюзные должностные лица "проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т.е. в оторванных от масс, в стоящих над массами, привилегированных лиц"[40]. В Апрельских тезисах, опубликованных сразу после возвращения в Петроград, Ленин требовал "устранения полиции, армии, чиновничества"[41]. В работе "Государство и революция" он приводит в пример древнюю демократию, где управляли сами граждане.

"При социализме многое из "примитивной" демократии неизбежно оживет, ибо впервые в истории цивилизованных обществ *масса* населения поднимется до *самостоятельного* участия не только в голосованиях и выборах, *но и в повседневном управлении*. При социализме *все* будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял"[42].

Исходя именно из таких взглядов, Ленин в сентябре 1917 г. одобрял Советы как воплощение новой государственной формы, в которой могла осуществляться "непосредственная и прямая демократия" рабочих:

"Власть Советам" – это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т.е. истинно демократическим аппаратом Советов, т.е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почина и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований"[43].

В таком именно духе он составил свое обращение "К населению" через несколько дней после Октябрьской революции:

"Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в *свои* руки. *Ваши* Советы – отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы"[44].

Если бюрократия была специфическим продуктом буржуазного общества, то не было ничего странного в предположении, что она исчезнет, когда будет свергнуто это общество.

На тех же принципах строилось управление экономикой, производством и распределением. Ленин впервые изложил свои взгляды по этому вопросу в работе "Удержат ли большевики государственную власть?", написанной в сентябре 1917 г. Помимо репрессивного государственного аппарата, "есть в современном государстве аппарат, связанный особенно тесно с банками и

синдикатами, аппарат, который выполняет массу работы учетно-регистрационной". Он относится к области "управления вещами", и его невозможно и не следует уничтожать, поскольку это значительная часть жизненно необходимого аппарата социалистического строя. "*Без крупных банков социализм был бы неосуществим*". Никакие трудности не должны возникнуть в связи с тем, что придется либо принять служащих, сейчас занимающихся этой работой, либо привлечь гораздо большее количество, которое понадобится в условиях пролетарского государства, "ибо капитализм упростил функции учета и контроля, свел их к сравнительно несложным, доступным всякому грамотному человеку *записям*"[45]. В "Государстве и революции" Ленин снова настойчиво повторял эти мысли и в связи с ними убедительно показал, как мог бы в будущем произойти процесс отмирания государственного аппарата:

"Ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных "хранителей традиций капитализма", – тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие – люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*"[46].

В какой мере идеи, высказанные Лениным накануне революции, претерпели изменение под влиянием опыта самой революции? Непосредственным результатом было то, что революция укрепила уверенность в возможности немедленного перехода к социализму. С высоты 1921 г. стало виднее, и, оглядываясь назад, Ленин признал, что зимой 1917/18 г. большевистские руководители, все без исключения, исходили из "предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых, – из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству"[47].

Однако вскоре картина коренным образом изменилась. В течение зимы в устрашающем темпе происходило разрушение административной и экономической системы. Революции угрожало не организованное сопротивление, а крушение всей власти. Призыв "*разбить* буржуазную государственную машину", который прозвучал в "Государстве и революции", теперь казался особенно несвоевременным; эта часть революционной программы реализовалась сверх всяких ожиданий. Вопрос заключался в том, чем заменить разрушенный механизм. "... Разбить старое государство", объяснял Ленин Бухарину в апреле 1918 г., "это –

задача вчерашнего дня"; теперь требуется "создавать государство коммуны"[48].

Ленин давно определил два условия перехода к социализму – поддержка со стороны крестьянства и поддержка со стороны европейской революции. Надежда на осуществление этих условий давала основание для оптимизма. Надежда не сбылась. Внутри страны крестьяне сначала поддержали революцию – ту силу, которая дала им землю. Но когда она совершилась и когда революционная власть выдвинула как главное требование к крестьянам обеспечение городов продовольствием без очевидных перспектив на равноценную оплату, крестьянство угрюмо противодействовало этому, и вслед за ними к пассивному сопротивлению перешла даже часть городских рабочих. За рубежом европейский пролетариат все еще позволял империалистическим правительствам вести себя на междоусобную бойню, и первые слабые проблески революции совсем заглохли. Новый строй, таким образом, оказался изолированным внутри страны, среди по преимуществу равнодушного, а подчас и недружественного сельского населения – диктатура не "огромного большинства", а ограниченного меньшинства – и к тому же в окружении капиталистического мира, который, хотя он и был временно разъединен, объединяла ненависть к большевизму.

Ленин никогда открыто не говорил о разочарованиях; может быть, думал о них про себя. Но в них лежит причина явного противоречия между теорией, изложенной в работе "Государство и революция", и практикой первого года нового строя. Ленин столкнулся с ситуацией, когда старая государственная машина была сломлена, а условия для построения социалистического порядка не созрели.

Именно в этих обстоятельствах прозвучало первое предупреждение, сделанное Лениным на VII съезде партии в марте 1918 г. Он нашел преждевременным предложение Бухарина о включении в переработанную Программу партии некоего описания "социализма в развернутом виде, где не будет государства":

"Мы сейчас стоим безусловно за государство, а сказать – дать характеристику социализма в развернутом виде, где не будет государства – ничего тут не выдумаешь, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип – от каждого по способностям, каждому по потребностям. Но до этого еще далеко... К этому придем в конце концов, если мы придем к социализму".

И далее:

"Когда еще государство начнет отмирать? Мы до тех пор успеем больше, чем два съезда собрать, чтобы сказать: смотрите, как наше государство отмирает. А до тех пор слишком рано. Заранее провозглашать отмирание государства будет нарушением исторической перспективы"[49].

Немного позднее Ленин снова подчеркивал, что "между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный

период", что "сразу уничтожить классы нельзя" и что "классы *остались* и *останутся* в течение эпохи диктатуры пролетариата[50]. Ленин времен "Государства и революции" стремился способствовать будущему отмиранию государства.

В январе 1919 г. он полагал, что даже тогда организация Советской власти ясно показывала переход к полному упразднению любой власти, любого государства[51*]. Но Ленин периода 1918–1922 гг. больше занят был вопросом о необходимости укрепления государства в переходный период диктатуры пролетариата.

Самым поразительным примером смены акцентов была эволюция его отношения к бюрократии. Отрывок из "Государства и революции" показывает, что Ленин уже сознавал свою ответственность за высказанные им оптимистические надежды:

"Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это – утопия. Но *разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество, это *не* утопия, это – опыт Коммуны, это прямая, очередная задача революционного пролетариата"[52].

Даже перед Октябрьской революцией он писал, что нужно будет взять "капиталистов" и "*заставить работать* в новых организационно-государственных рамках... поставить их *на новую государственную службу*"[53]. В следующие три года – период гражданской войны – шла борьба за эффективность в управлении, обнаружилась неудача с рабочим контролем в промышленности, а также то, что в любой области, начиная от ведения войны и кончая экономической организацией, профессиональная квалификация буржуазных специалистов необходима для того, чтобы действовала система управления. Все это заставило Ленина отказаться от мысли о том, чтобы рабочие в свободное время управляли общественными делами. В начале 1921 г., накануне введения НЭПа, он сделал заявление, показывавшее, что он искренне отрекается от своей прежней позиции.

"Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки. ...Профессиональные союзы есть школа коммунизма и управления. Когда они [т.е. рабочие] пробудут в школе эти годы, они научатся, но это идет медленно... Кто управлял из рабочих? Несколько тысяч на всю Россию, и только"[54].

Именно эта дилемма, как признавался Ленин, вынудила большевиков, вместо того чтобы сломать до основания старую государственную машину, привлечь "сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас"[55].

---

* В указанном источнике об этом не говорится. – *Прим. ред.*

Перед лицом этих трудностей Ленин обратился более настойчиво к первоначальному противоядию – активному участию рядовых людей в управлении как единственному способу осуществления демократии и борьбы с бюрократизмом. Процесс шел медленней, чем он надеялся, но был тем более необходим. В апреле 1918 г. Ленин писал:

"Над развитием организации Советов и Советской власти приходится неослабно работать... привлекая *всех* членов Советов к практическому участию в управлении". "Целью нашей является *бесплатное* выполнение государственных обязанностей *каждым* трудящимся... чтобы действительно *поголовно* население училось управлять и начинало управлять"[56].

В последние два или три года жизни Ленина борьба с бюрократизмом приобрела огромное значение не только для Ленина-руководителя, но и для Ленина – политика и мыслителя. Она стала практическим выражением теории борьбы против государственной власти, изложенной в "Государстве и революции". Она дала практический ответ на вопрос, как может фактически отмереть государство. Это могло произойти лишь тогда, когда каждый гражданин пожелает и сможет внести свою долю участия в работу по управлению, а сама эта работа упростится, поскольку "управление лицами" превратится в "управление вещами". Как было сказано в Программе партии 1919 г.:

"Ведя самую решительную борьбу с бюрократизмом, РКП отстаивает для полного преодоления этого зла следующие меры:

1) Обязательное привлечение каждого члена Совета к выполнению определенной работы по управлению государством.

2) Последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления.

3) Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством.

Полное и всестороннее проведение всех этих мер, представляя собой дальнейший шаг по пути, на который вступила Парижская коммуна, и упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся ведут к уничтожению государственной власти"[57].

Было бы поэтому существенной ошибкой считать, что опыт власти послужил причиной каких-либо радикальных перемен в ленинской философии государства. Согласно теории марксизма, отмирание государства зависело от исчезновения классов и установления социалистического строя с экономическим планированием и экономическим изобилием. А это в свою очередь зависело от выполнения условий, которые следовало определять эмпирически в любой данный момент в любом данном месте. Теория сама по себе не давала оснований для уверенности в правильности образа действий или ближайших перспектив. Ленин вполне мог признать, не дискредитируя этим ни себя, ни теорию, что ошибся в оценке скорости процесса преобразования.

Тем не менее ленинская теория государства действительно отражала дихотомию марксистского учения, в котором сочетались в высшей степени реалистический сравнительный анализ исторического процесса и бескомпромиссно абсолютное видение конечной цели. Ленин стремился установить связь между обеими сторонами, разрабатывая последовательность причин и следствий. Это преобразование реальности в утопию, сравнительного в абсолютное, непрерывной классовой борьбы в бесклассовое общество и беспощадного применения государственной власти в общество без государства было сутью того, во что верили Маркси Ленин. Та непоследовательность, которая здесь присутствовала, отражала коренное противоречие. И нет смысла упрекать Ленина, как это часто делается, за отдельные противоречивые частности в его отношении к государству.

В его теории нет, по-видимому, и упования на коренное изменение человеческой природы, которое иногда предполагается. Либеральное учение о гармонии человеческих интересов рассчитывало не на изменение природы людей, а на то, что их природный эгоизм в определенных условиях будет служить общественным интересам. Эта политическая доктрина теснейшим образом связана с теорией отмирания государства, и Адам Смит не избежал в последние годы обвинений в утопизме, который обычно приписывают Марксу, Энгельсу и Ленину. Обе доктрины предполагают, что государство станет ненужным, когда, при соответствующей экономической организации общества, человеческие индивидуумы обнаружат, что для них легче действовать совместно для общего блага. В такой обстановке прирожденная человеческая сущность лучше себя проявит, чем прирожденная сущность, которую еще предстоит изменить. В этом смысле обе доктрины соответствуют убеждению, что от экономического устройства зависят элементы надстройки – политическая идеология и поведение.

III часть

Распад и воссоединение

Глава 10

ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ. АППАРАТ

а) Основы политики

Когда большевики пришли к власти, в огромной Российской империи происходил процесс распада – результат внутренних беспорядков и поражения в войне. Ближайшим следствием революции было ускорение этого процесса. В течение нескольких недель предписания из Петрограда едва ли распространялись за пределы крупных городов северной и центральной частей России. В первые два месяца Советская власть стала продвигаться к югу через Украину и к востоку через Сибирь. Но это начавшееся восстановление власти в стране было вскоре прервано. В результате Брест-Литовского договора, подписанного в марте 1918 г., от республики отошли не только те западные территории бывшей Российской империи, независимость которых Советское правительство добровольно признало, но и большая часть главным образом российской территории. Летом 1918 г. начались гражданская война и английская, французская, японская и американская интервенция, которые продолжались еще долгое время после крушения Германии, и страна была насильственно разделена между несколькими враждующими правительствами.

К концу 1918 г. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика располагалась примерно в тех же границах, что и средневековая Московия до завоеваний Ивана Грозного, и немногие – пожалуй, даже среди самих большевиков немногие – верили, что режим уцелеет. Тем не менее всего четыре года спустя разные части бывшей царской империи, за небольшим исключением, были снова объединены в Союз Советских Социалистических Республик, и оказалось, что по силе сплоченности новый союз по крайней мере не уступает исчезнувшей царской империи. Это свершение, которого никто не мог предвидеть в мрачные дни 1918 или 1919 г., представляет собой выдающийся результат созидательной государственной деятельности Ленина.

Необъятным территориям в Европе и Азии, которые прежде составляли Российскую империю, предстояло, за исключением

незначительной их части, войти в Советский Союз. Их население было крайне разнообразным в языковом и этническом отношениях. В пределах этих территорий географы и филологи обнаружили около 200 более или менее отличающихся друг от друга народов и языков[1]. Во время переписи 1897 г. великороссы составляли только 43% всего населения. После революции, с отделением нерусских западных губерний, процент великороссов среди оставшегося населения немного увеличился: они составляли 75 млн. человек, или 52% всего населения, численность которого была около 140 млн.[2] В следующие наиболее крупные группы, очень близкие к великороссам в расовом отношении, по языку и складу характера, входили 30 млн. украинцев (или малороссов) и 4,5 млн. белорусов. Эти три славянские группы, между которыми подспудно существует естественная сплоченность, составляли 110 млн. из 140 млн. населения всей территории. У 30 млн. неславян отсутствовала какая-либо сплоченность на основе расового или языкового сходства или политических убеждений. В самую крупную среди них группу узбеков входило только 5 млн. человек, а примерно от 8 до 10 млн. неславян находились еще на первобытнообщинной стадии развития, жили племенами или кочевали.

Таким соединением народов управляла привилегированная военно-бюрократическая каста во главе с "царем всея Руси". В эту касту охотно допускались определенные нерусские элементы, особенно немецкие помещики из Латвии и Эстонии и польские помещики из Польши, Литвы, Белоруссии и с Украины, но чтобы попасть в эту касту, надо было говорить по-русски и усвоить русские традиции и взгляды. На низших административных должностях, которых становилось все больше с ростом бюрократической машины, использовались представители мелкой буржуазии, русские и – при условии той же ассимиляции – нерусские. А на другом уровне местные ханы, беки и муллы служили посредниками, через которых осуществлялось руководство более отсталыми мусульманскими народами в царских владениях. Таким образом, группы, которые могли бы руководить национальным движением покоренных народов, обычно поглощались бюрократическим аппаратом и пользовались более или менее привилегированным положением, что обеспечивалось им путем назначения на соответствующую должность.

Как показал опыт революции 1905 г., эти группы большей частью удерживал от активного национализма страх перед революционным насилием со стороны собственных рабочих и крестьян; царская власть была для них надежной защитой. К тому же российский рынок являлся основой их благосостояния. Поэтому до 1917 г. требования от имени подвластных царю народов редко выходили за рамки небольшой автономии. Лишь когда революция уничтожила и символы единства, и реальную общность интересов, рухнуло все сооружение. То, что произошло

в 1917 г., было вызвано не столько борьбой за отделение периферии, сколько расколом в центре – "не отпадение частей, а распад старой России"[3].

Стоявшая перед большевиками задача воссоединить разбросанные обломки царской империи вполне могла оказаться непреодолимой, если бы не один благоприятный естественный фактор. Языковое и расовое разнообразие, вначале благоприятствовавшее распаду, компенсировалось огромным перевесом великорусского элемента, который действовал на всю массу как магнит. Именно это обстоятельство позволило в конце концов остановить и повернуть вспять распад владений Романовых после 1917 г., тогда как распад империи Габсбургов оказался необратимым.

Ситуация, сложившаяся в России, в определенных отношениях скорее напоминала ту, которая сложилась в Северной Германии. Для украинцев и белорусов великороссы представляли ту же центростремительную силу, какой обладала Пруссия для немецких княжеств. Некоторых украинцев, как и баварцев, быть может, возмущало превосходство их более могучих и энергичных сородичей, но при своем сепаратизме они не имели достаточных сил и не были достаточно объединены, чтобы успешно сопротивляться в течение долгого времени. Поэтому первым этапом в процессе воссоединения народов бывшей Российской империи было сплочение трех славянских народов, составлявших около четырех пятых всего населения. Когда они были объединены, сила их воздействия на некоординируемое скопление неславянских народов, гораздо менее развитых, оказалась непреодолимой. Это объединяющее воздействие усилилось и приобрело социальную и экономическую основу благодаря сосредоточению промышленной и торговой мощи в руках великороссов. Индустриальные центры, от которых зависела экономика всей страны, либо находились в пределах территории Великороссии, либо представляли собой ее аванпосты на "союзной" территории.

Вскоре начал действовать и другой фактор. Растущее признание необходимости воссоединения разделившихся территорий исчезнувшей империи совпало с возрождением русского патриотизма, который явился парадоксальным и неожиданным подкреплением для большевистской политики. Революционная анархия вызвала крайнее стремление к отделению, и вскоре стало ясно, что осуществить такое отделение можно лишь с помощью иностранного оружия и иностранных денег. Таким образом, те, чья гордость восставала против зависимости от Петрограда или Москвы, оказались сателлитами и наемниками или Германии, или союзников, или соответственно и тех и других. Так было на Украине, в Закавказье и даже в Прибалтике.

Поскольку предполагалось, что Великобритании и Японии нужна Россия слабая, трудно стало опровергать, что буржуазный

национализм способствует расчленению России по приказу и в интересах иностранных держав. Даже "белых" генералов, стремившихся восстановить единство России, обвиняли в том, что они служат чужим интересам. Горечь поражения восстановила их также и против иностранных покровителей. Образцом в этом отношении явилось замечание, которое якобы высказал Колчак накануне своего падения, когда обсуждался вопрос о находившемся у него национальном золотом запасе: "Я... скорее оставлю золото большевикам, чем передам союзникам"[4]. В особенности после войны с Польшей в 1920 г. большевиков стали повсюду считать защитниками российского населения и творцами воссоединения России.

Однако эти стремления к централизации не смогли бы сами по себе привести процесс в движение. Славяне, и особенно великороссы, обеспечили необходимое твердое ядро, вокруг которого разрозненные территории могли снова объединиться. Но поразительным было то, что эти стремления так же сильно ощущались на периферии, как и в центре. В 1918 г. казалось, что у ранее подчиненных народов угасла былая преданность. Национализм был в разгаре. Но Ленин давно различил в национализме революционные факторы и предвидел, что единственный верный курс – приветствовать эту стихию и ее использовать. Гражданская война явилась блестящим подтверждением ленинской идеи. Безоговорочное признание права на отделение не только дало Советской власти несравнимую ни с чем прежним возможность обуздать разрушительный национализм, но и подняло ее престиж много выше престижа "белых" генералов. Генералы, воспитанные при царях в панроссийских традициях, отвергали какие-либо уступки угнетенным нациям; и в пограничных областях, где преобладали нерусские или невеликорусские элементы и где шли решающие бои гражданской войны, этот фактор сильно способствовал победе Советской власти.

"Не забывайте, – сказал Сталин с необычайной теплотой, – что если бы мы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича не имели так называемых "инородцев", не имели ранее угнетенных народов, которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям, – товарищи, это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие, его никто не видит и не слышит, но оно решает все, – и если бы не это сочувствие, мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов. В то время, когда мы шли на них, в тылу у них начался развал. Почему? Потому, что эти генералы опирались на колонизаторский элемент из казаков, они рисовали перед угнетенными народами перспективу их дальнейшего угнетения, и угнетенные народы вынуждены были идти к нам в объятия, между тем как мы развертывали знамя освобождения этих угнетенных народов"[5].

Кроме того, конечное отождествление в большевистской программе национализма и социальной реформы, означавшее

для большей части прежней Российской империи перераспределение земли, было во всех отношениях важным достижением. Это заставило крестьян, чей национализм был в основном выражением социального и экономического недовольства, организовываться под руководством большевиков (даже если это означало – под руководством русских) против контрреволюционных попыток вернуть прежний социальный порядок. Какие бы национальные или языковые различия их ни разделяли, крестьяне повсюду в подавляющем большинстве противодействовали контрреволюции, которая вернула бы землю ее прежним хозяевам. И пока не исчез страх перед контрреволюцией, общность интересов русских рабочих и крестьянских масс угнетенных народов, на которой настаивала большевистская пропаганда, имела достаточно прочную основу. Те же силы действовали и в немногих индустриальных центрах, где развитие капитализма привело к возникновению нерусского пролетариата – в Риге, Ревеле, Баку. Признание официального права нации на самоопределение в сочетании с признанием реальной необходимости единства, с тем чтобы добиваться общих социальных и экономических целей, что было сутью большевистской теории самоопределения наций, значительно способствовало победе Советской власти в гражданской войне.

На XII съезде партии, состоявшемся в 1923 г., когда рассматривался весь процесс, уже к этому времени завершившийся, были выделены три последовательные стадии в развитии советской национальной политики. На первой стадии "цепи национального угнетения" были разорваны Октябрьской революцией, которая "завоевала русскому пролетариату доверие его инонациональных братьев не только в России, но и в Европе и Азии". Второй стадией был период интервенции и гражданской войны, когда народы России объединяла необходимость защитить себя и "сотрудничество приняло форму военного союза". Третья, и последняя, стадия, которая наступила после победоносного окончания гражданской войны, отличается сотрудничеством, "принявшим на этот раз характер военно-хозяйственного и политического объединения народов"[6]. Эти стадии носили скорее логический, чем хронологический характер.

Местные условия и перипетии гражданской войны способствовали тому, что вторая стадия уже охватила некоторые западные народы, в то время как на Востоке едва началась первая стадия, а подход к последней стадии, упорядоченный и неторопливый в одних районах, был резким и насильственным в других. Однако классификация имеет свойство четко выявлять и регулярность процесса, и запутанную, противоречивую природу способствующих ему явлений. В более поздних материалах отразилось стремление описывать непрерывный процесс развития, в котором первоначальные мотивы отделения и разъединения выступали в качестве заранее обдуманной искусной прелюдии заключительного акта воссоединения. Это была ошибочная

оценка, преувеличивавшая предусмотрительность большевистских руководителей и скрывавшая двойственный характер процесса.

Отчасти, без сомнения, проводившаяся политика была проявлением верности принципу самоопределения наций. Его осуществление, как и многих других политических решений той поры, обеспечивалось влиянием воли Ленина на его колеблющихся сторонников. Ленин понимал, что необходимо признать и превзойти буржуазный принцип самоопределения, применяя его ко всем без исключения нациям Российской империи. Он понимал, что этот смелый план дает лучшую и, в сущности, единственную возможность в конце концов воссоздать прежнее единство не насилием, "а исключительно добровольным соглашением"[7].

Но необходимо также помнить, что в первые три–четыре месяца после Октября 1917 г. предписания Советского правительства не всегда распространялись за пределами крупных центров и что с лета 1918 г. до начала 1920 г. оно постоянно вело борьбу, находясь в критическом состоянии. В тот период, когда Российская империя распалась и никакая сила не могла ее воссоединить, полное признание права на самоопределение оказалось отличным способом извлечь из необходимости пользу. Когда гражданская война бушевала в отдаленных районах российской территории, в основном населенных нерусскими народами, это давало возможность сделать местное население своим союзником против тех, кто стремился воссоздать Российскую империю. Наконец, когда была завоевана победа в гражданской войне и настало время восстановить порядок, который бы пришел на смену хаосу, советская национальная политика была достаточно гибкой и дала Москве возможность поддержать в среде нерусских народов своих друзей и союзников и вновь объединить разрозненные территории в добровольный союз. Однако объяснять весь процесс ловким расчетом руководителей или умышленной подтасовкой теории в интересах политики – это значит неверно понять природу действия основных сил.

б) Теория в развитии

После взятия власти перед большевиками встала задача смягчить явное противоречие между тенденциями национального самоопределения, ведущими к разделению, и необходимостью более тесного соединения, которая ощущалась как международным капитализмом, так и международным социализмом. Буржуазные государственные деятели, перед которыми в то же самое время стояла та же самая проблема, были способны лишь объяснить с точки зрения практической выгоды, почему следует помогать одним нациям осуществить право на

самоопределение и не следует помогать другим. Но этот чисто эмпирический критерий не годился для марксистов. Действия должны были опираться на теорию. Проблему решал исторический подход, признававший не только стадии развития во времени, но и наличие разных стадий в одно и то же время в разных странах. Таким образом, в разные периоды или в разных странах в один и тот же период могли быть оправданы и необходимы разные политические решения. Так последовательность и гибкость большевиков противопоставлялись необъяснимой непоследовательности буржуазного подхода к требованиям самоопределения.

Большевистская теория самоопределения наций, как и другие взгляды большевиков на политические права, была условной и динамичной. Конкретная сущность права на самоопределение зависела от природы общества, которое его требовало и в котором его осуществляли. В XIX веке буржуазная демократия отстаивала это право, ведя борьбу с пережитками феодальной автократии. При таких обстоятельствах оно было прогрессивным: и буржуазия, и рабочие были заинтересованы в освобождении от чужеземного господства. В России эта борьба еще не завершилась в 1917 г. В XX веке колониальные и полуколониальные народы отстаивали право на национальное самоопределение – пусть, в сущности, буржуазно-демократическое, – противодействуя империализму более развитых буржуазно-демократических держав. Таким образом, естественно возникал союз между русским пролетариатом, стремившимся после отступничества русской буржуазии завершить буржуазную революцию в России, и буржуазными элементами и рабочими колониальных стран, стремившимися осуществить свою собственную буржуазную революцию через процесс национального освобождения. Но все это следовало рассматривать в свете предпринятого в России в октябре 1917 г. перехода от буржуазного этапа революции к социалистическому.

Рабочее движение было по сути своей интернациональным. Хотя для пролетариата достижение национальных целей было шагом необходимым и прогрессивным, но оно имело значение лишь как составная часть всемирной социалистической программы. На социалистическом этапе революции, в то время как буржуазия все еще выступала за полное отделение, рабочие придавали главное значение требованиям международной солидарности революционного пролетариата и так организовали страну, чтобы это способствовало победе социализма во всем мире. Право на самоопределение наций все еще признавалось. Но решат ли рабочие, говорившие теперь от имени страны, воспользоваться этим правом, зависело от их отношения к высшим интересам мирового пролетариата. Такова была теория самоопределения наций, разработанная Лениным и большевиками до Октябрьской революции на основе марксистских принципов[8].

Ее практическое осуществление происходило постепенно. Партийная конференция в апреле 1917 г., когда большевистские руководители собрались в Петрограде после Февральской революции, была примечательна тем, что на ней впервые выступил Сталин в качестве докладчика по национальному вопросу. Партия в целом еще не успела переварить то новое, что Ленин со времени 1914 г. внес в партийную теорию, и все еще пребывала в состоянии растерянности, вызванной Апрельскими тезисами 1917 г., где провозглашался переход от буржуазной революции к социалистической. Сталин пока еще в основном был склонен рассматривать национальное самоопределение как проблему буржуазной революции, направленную против феодализма, а национальное угнетение – как нечто такое, с чем можно постепенно покончить даже в условиях буржуазной демократии[9]. Пятаков, который вернулся в Петроград с Лениным и знал о недавних спорах, осудил Сталина за то, что тот учитывает лишь "национальное угнетение старой формы... национальное угнетение феодального периода".

Но он также воскресил "польскую ересь", поскольку отрицал, что самоопределение наций может занимать какое-либо место в социалистической программе. И Пятаков встретил такую поддержку со стороны участников конференции, что редакционная комиссия большинством в семь голосов против двух одобрила резолюцию, в которой указывалось, что разрешить национальный вопрос может лишь "метод социалистической революции под лозунгом "прочь границы!", отвергалось такое решение, как "раздробление крупных государственных образований на мелкие национальные государства", и утверждалось, что право наций на самоопределение "есть просто фраза, без всякого определенного содержания"[10]. Этот мятеж заставил Ленина резко выступить против Пятакова[11]. Ленин настолько поколебал конференцию, что добился отмены проекта, предложенного Пятаковым, и принятия значительным большинством голосов резолюции, основанной на испытанных принципах оставления "за всеми нациями, входящими в состав России", права на "свободное отделение и на образование самостоятельного государства"[12].

Однако предстояло еще определить значение национального самоопределения при социалистическом строе. Да и у партии не возникла еще необходимость в связи с национальным самоопределением предпринимать какие-либо практические действия, кроме осуждения Временного правительства за его медлительность в отношении выполнения требований Финляндии и Украины[13].

Взятие власти большевиками не сразу покончило с буржуазным истолкованием национального вопроса. В первые несколько недель после Октябрьской революции было мало времени и не было повода для пересмотра большевистской теории самоопределения, будь то применительно к быстро распадав-

шейся царской империи или по отношению к полуколониальным народам, которые вступили в контакт с новым Советским правительством. Национальная политика, так же как и вся политика новой власти, вначале приняла форму не столько административной деятельности, сколько публичных заявлений. Декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов, призвал к миру "без аннексий" и определил, что аннексия – это "всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности", в какое бы время и при каких бы условиях ни происходило такое присоединение. На применение этого принципа к угнетенным народам царской империи указывала ссылка в другом месте декрета, где было сказано относительно "аннексий великороссов"[14]. Впервые эти принципы были специально провозглашены в Декларации прав народов России 2 (15) ноября 1917 г.[15], а через несколько недель за нею последовало специальное воззвание "Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока"[16]. В этих документах без каких-либо оговорок или ограничений признавалось право всех наций на самоопределение.

"Нам говорят, – писал Ленин в то время, – что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций"[17].

Вместе с тем Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г. и воплощенная в Конституции РСФСР, заявляла также о том, что "все нации России" имеют право "принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях"[18], и это дополнялось резолюцией того же съезда "О федеральных и областных учреждениях Российской республики"[19]. Таким образом, в самом начале была установлена "федерация" (слово употреблялось без учета конституционных тонкостей) как приемлемая форма, через которую самоопределяющиеся народы по их собственной свободной воле могли вновь быть собраны воедино. Но все это относилось к сфере буржуазной революции; было достаточно – и ничего не стоило – провозгласить буржуазно-демократические принципы, чтобы дискредитировать буржуазно-демократическую практику.

Однако провозглашение принципа самоопределения наций на бывших территориях Российской империи должно было вскоре повлечь за собой трудные вопросы. Сталин и другие предвидели некоторые из этих вопросов. В апреле 1917 г., под-

черкивая обоснованность буржуазных требований относительно самоопределения наций, Сталин, по-видимому, ясно сознавал, что невозможно возражать против отделения Закавказья, даже если оно приведет к установлению там буржуазного режима.

"Я лично высказался бы, например, против отделения Закавказья, принимая во внимание общее развитие в Закавказье и в России, известные условия борьбы пролетариата и пр. Но если бы народы Закавказья все же потребовали отделения, то они, конечно, отделились бы, и они не встретили бы с нашей стороны противодействия"[20].

Но в 1913 г. он уже касался щепетильного вопроса о праве или обязанности партии вмешаться в такую именно ситуацию:

"Закавказские татары, как нация, могут собраться, скажем, на своем сейме и, подчинившись влиянию своих беков и мулл, восстановить у себя старые порядки, решить отделиться от государства. По смыслу пункта о самоопределении они имеют на это полное право. Но будет ли это в интересах трудящихся слоев татарской нации? Может ли социал-демократия равнодушно смотреть на то, как беки и муллы ведут за собой массы в деле решения национального вопроса? Не должна ли социал-демократия вмешаться в дело и определенным образом повлиять на волю нации? Не должна ли она выступить с конкретным планом решения вопроса, наиболее выгодным для татарских масс?"[21]

Правда, Сталин в 1913 г. имел в виду лишь проблемы пропаганды и партийной линии, в то время как в 1917 г. он уже думал о действиях, предпринимаемых государством. И возможно, в 1913 г. он говорил прежде всего как представитель народа Закавказья, а в 1917 г.– уже от имени великороссов. Следует также признать, что в 1913 г. он не дал откровенного утвердительного ответа на собственный риторический вопрос, а уклонился от него, добавив, что "все это – вопросы, решение которых зависит от конкретных исторических условий, окружающих данную нацию". Тем не менее было очевидно, что это один из неопределенных и неясных моментов партийной теории. Очевидно было также по тому, как Сталин сформулировал вопрос в 1913 г., что в сомнительных случаях "вмешательство" партии могло быть решительным.

Практический вопрос возник в декабре 1917 г., когда украинское буржуазное правительство, чье требование национального самоопределения Советское правительство не оспаривало, заняло по отношению к Петрограду враждебную позицию, вступило в переговоры с французской военной миссией и стало оказывать поддержку Каледину, предводителю казаков, который открыто выступил против Советской власти. Сталин сразу же сделал вывод, исполненный, казалось, здравого смысла:

"Выставлять принцип самоопределения для того, чтобы поддержать бесчинства Каледина и политику разоружения

революционных советских войск, как это делает теперь Генеральный секретариат, это значит издеваться над самоопределением и элементарными принципами демократии"[22].

Этот небрежный ответ не избавлял тем не менее от неувязок теоретического характера. На III Всероссийском съезде Советов руководитель меньшевиков Мартов задал вопрос о том, почему во время Брест-Литовских переговоров говорили о необходимости референдума для "Курляндии, Литвы, Польши и т.д.", но в то же время утверждали, что на "Украине, Кавказе, в Финляндии и т.д." право голоса должны получить лишь трудящиеся (Конституция РСФСР, содержавшая подобное ограничение, еще не была составлена). Преображенский ответил, что первые из перечисленных стран еще не "сбросили с себя цепей монархического порабощения" и не "завоевали себе демократического строя", в то время как "на Украине, на Кавказе и т.д. буржуазный парламентаризм уже изжит". А Сталин добавил, что "было бы полной бессмыслицей требовать в западных областях Советской власти, когда в них и не существует еще Советов, когда там нет еще социалистической революции"[23]. Это был единственный возможный ответ, соответствовавший партийной теории. Но он позволял предположить, что революция уже перешла от буржуазного к социалистическому этапу. Теперь, после роспуска Учредительного собрания, предположение это можно было – в сущности, нужно было – открыто высказать. Большевистскую теорию следовало приспособить к переходу; теперь было недостаточно лишь утверждать право на самоопределение для всех наций, независимо от их классовой структуры или стадии развития.

Доклад Сталина по национальному вопросу на съезде представлял собой первую попытку такого критического переосмысления. Сталин утверждал, что конфликты между Совнаркомом и окраинами "создавались не вокруг вопросов национального характера, а, именно, вокруг вопроса о власти"[24]. Буржуазные правительства просто пытались "за национальным костюмом скрыть борьбу с властью трудовых масс". Вывод был ясен:

"Все это указывает на необходимость толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации. Принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма"[25].

Это служило критерием. На основе такого довода пролетариату Украины, Белоруссии и стран Прибалтики можно было помочь осуществить право на национальное самоопределение в ущерб требованиям его противника – местной буржуазии. Неудивительно, что Сталин примкнул к взглядам, которые были в это время весьма популярны в партийных кругах и особо связывались с именем Бухарина[26]. В декабре 1918 г. Сталин вновь подчеркнул, что "лозунг буржуазного национализма "Вся власть национальной буржуазии" сменяется лозунгом пролетар-

ского социализма "Вся власть трудящимся массам угнетенных национальностей"[27]. Эта точка зрения редко отражалась в официальных документах, но в обращении к народу Карелии в 1920 г. говорилось о "самоопределении трудящихся масс"[28].

Первая попытка – неудачная и преждевременная – применить принцип самоопределения для трудящихся к татарам и башкирам была предпринята весной 1918 г.[29] После крушения Германии, в ноябре 1918 г., этот принцип с благословения Сталина был применен на Украине (для которой он и был первоначально сформулирован), в Белоруссии (где он в значительной мере оказался неосуществимым) и в странах Прибалтики (где всего через год с лишним он был отвергнут под давлением британских военно-морских сил и были признаны буржуазные национальные правительства). Повсюду на территории нерусских окраин проблема самоопределения безнадежно переплеталась с проблемами гражданской войны.

Если верно, что большевистский режим никогда бы не смог установиться на Украине, в Белоруссии, в государствах Прибалтики без прямого вмешательства Москвы, то в равной мере верно было и то, что буржуазный режим в этих странах, который в Западной Европе слишком часто принимали за выражение интересов безгласных народов, тоже никогда бы не смог удержаться без поддержки иностранных правительств, заинтересованных в создании центров противодействия большевикам. То, что изображалось как борьба между национальным пролетариатом и крестьянством, с одной стороны, и национальной буржуазией – с другой, на деле оказывалось борьбой между русскими большевиками, с одной стороны, и, с другой стороны, русскими и нерусскими противниками большевиков за контроль над определенными территориями. Выбор делался не между зависимостью и независимостью, а между зависимостью от Москвы и зависимостью от буржуазных правительств капиталистического мира. Сравнительная численность местных сил, которыми располагала каждая из сторон, никогда не определялась и не могла быть определена. Даже для этих местных сил национализм также играл подчиненную роль по отношению к стоявшей перед ними социальной проблеме; буржуазия и революционеры одинаково жаждали найти вне своей страны союзников в борьбе за сохранение или свержение социального строя.

Повсюду, под какой бы маской ни велась борьба, подлинным ее смыслом была жизнь или смерть революции. В то время Ленин был так же не готов, как и любой другой большевик – или антибольшевик, – рассматривать национальное самоопределение как абстрактный принцип или оценивать его вне контекста гражданской войны.

Лозунгу 1918 г. о "самоопределении трудящихся" не суждено было, однако, стать постоянным. Как бы он ни подходил для нескольких районов, где имелся промышленный рабочий класс, относившийся или способный относиться к большевикам с

сочувствием – будь то русский (как на Украине) или местный (как в Латвии и Эстонии), – но с этим лозунгом не так просто было обратиться к многочисленному нерусскому населению Восточной Европы и Азии, среди которого призыв к национальному самоопределению тоже раздавался.

Сам Ленин никогда не отказывался от более гибкой линии, изложенной в партийной резолюции еще в 1913 г., и именно к ней он вернулся во время следующего серьезного обсуждения национального вопроса на VIII съезде партии в марте 1919 г., когда была составлена и принята новая Программа партии. Сталин, поглощенный тогда военными делами, не выступал по поводу этой или какой-либо другой части Программы. Бухарин, умышленно сославшись на авторитет доклада Сталина, сделанного на III Всероссийском съезде Советов, снова провозгласил "самоопределение трудящихся классов каждой национальности". Он признал, что ему нужна формула, которая бы отстаивала требования "для готтентотов и бушменов, негров, индусов и пр.", а не польской буржуазии[30]. Пятаков опять осуждал самоопределение как буржуазный лозунг, "объединяющий все контрреволюционные силы", и считал, что "раз мы экономически объединяем, строим один аппарат, один Высший совет народного хозяйства, одно управление железными дорогами, один банк и т.д., то все это пресловутое "самоопределение" не стоит выеденного яйца"[31].

Ленин, почти никем не поддерживаемый, отстаивал прежнюю позицию партии. Лозунг "право трудящихся классов на самоопределение" был ошибочен, поскольку он годился только там, где уже произошло расслоение на пролетариат и буржуазию. Право на самоопределение должно быть дано народам, у которых расслоение еще не произошло – например, башкирам и другим отсталым народам бывшей царской империи, – и оно помогло бы ускорить расслоение. Это право должно быть предоставлено таким странам, как Польша, где коммунисты еще не составляют большинства рабочего класса. Лишь в этом случае русский пролетариат мог бы избежать обвинения в том, что он проявляет "великорусский шовинизм, прикрытый названием коммунизма"[32].

Ленин своего добился, и статьи по национальному вопросу в партийной Программе 1919 г. представляли собой наиболее убедительное и законченное краткое изложение позиции партии по этому вопросу. В первых двух пунктах впервые говорилось о единстве принципа и политики, применяемых к национальностям бывшей Российской империи и к национальностям, угнетаемым другими империалистическими державами, – это было связующим звеном между внутренней и внешней политикой:

"1) Во главу угла ставится политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии.

2) В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение"[33].

За этим следовал несколько внезапный переход к пункту, в котором была сделана попытка указать путь к окончательному объединению:

"3) В тех же целях, как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу".

Наконец, в партийную резолюцию по национальному вопросу было впервые включено важное различие между двумя историческими эпохами буржуазной и социалистической революций:

"4) В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, РКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т.п."

Резолюция завершилась абзацем без номера, в котором предостережение против "империалистического" отношения со стороны пролетариата "угнетающих" наций сочеталось с последующим напоминанием о единстве в качестве конечной цели:

"Во всяком случае, со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных. Только при такой политике возможно создание условий для действительно прочного, добровольного единства национально разнородных элементов международного пролетариата, как то показал опыт объединения ряда национальных Советских республик вокруг Советской России"[34].

Именно в чрезвычайно важном четвертом пункте устанавливался порядок перехода от буржуазной к пролетарской демократии. Пока национальная буржуазия боролась за свое освобождение от "средневековья", она была законным выразителем "воли нации к отделению", и пролетариат ее поддерживал. И это могло относиться к поддержке пролетариатом буржуазии других наций, так же как и своей собственной. Но когда борьба против средневековья (то есть буржуазная революция) завершилась и наступало время перехода "от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии", тогда пролетариат становился единственным законным выразителем "воли нации к отделению". И это должно было, очевидно, осуществляться лишь при условии самого внимательного учета главного прин-

ципа – международного единства пролетариата и ломки национальных барьеров при социалистическом строе.

Таким образом, при свершении первой пролетарской революции примирялись два потенциально противоборствующих принципа – национализм и интернационализм, о которых было сказано в "Манифесте Коммунистической партии". Применение этой теории к российской революции не дает никаких оснований усмотреть непоследовательность в той политике, которая, пока не были еще свергнуты последние твердыни феодального строя, начала с безоговорочного признания права на самоопределение и отделение и которая затем, когда была одержана победа в гражданской войне и приступили к строительству социалистического строя, перешла к задаче воссоединения разрозненных наций в рамках Советского Союза[35].

Применить эту теоретическую схему на практике было, без сомнения, не так просто. Теоретически выбор зависел от ответа на вопрос, кто в данной исторической ситуации принимает решение об отделении: буржуазная страна или национальный пролетариат самостоятельно. На практике обе политические линии проводились одновременно. В Эстонии, Латвии и Литве независимые Советские республики были признаны в 1918 г., а независимые буржуазные республики – в 1920 г. В Грузии буржуазная республика была признана в 1920 г., а Советская республика – в 1921 г. В общем, первоначальному признанию права на самоопределение и отделение соответствовало его предоставление после 1917 г. – искреннее, полное и в целом неограниченное.

Однако там, где рабочие отделяющейся нации были слишком малочисленны, слишком слабы или слишком ненадежны для того, чтобы вновь начать процесс воссоединения и объединения (или, иными словами, где не было стихийных признаков начала второго этапа), и где военная или экономическая необходимость требовала ускорить этот процесс, большим соблазном для партии было, конечно, как сказал Сталин в 1913 г., "выступить с конкретным планом", чтобы исправить положение в соответствии с конечными интересами рабочих. И партия могла после 1917 г. – как не могла тогда, когда Сталин об этом говорил, – осуществить любой такой план с помощью власти Советского государства.

Такое выступление в странах Прибалтики зимой 1918/19 г., вероятно, произошло из-за искренней переоценки перспектив, которые большевики имели в том регионе, где рабочее движение было уже сильным. Вступление советских сил на Украину в 1919 г., а затем опять в 1920 г., возможно, явилось законной мерой самозащиты от правительства, которое уже вызвало иностранную интервенцию. Занятие отсталых районов Нижней Волги или Центральной Азии, вероятно, было вызвано лишь необходимостью установить какой-то порядок. Вступление в Грузию в 1921 г. явилось завершением советизации Закавказья,

и, поскольку союзники еще находились в Константинополе, опасность нового вторжения союзников на Кавказ через дружественную и послушную Грузию была вовсе не такой фантастической, какой стала потом казаться. И все же, какими бы ни были причины, возможно, оправдывавшие вооруженное вмешательство в особых случаях, масштаб его явно не соответствовал партийному принципу самоопределения наций.

Однако в то время, как национальная политика большевиков не была свободна от тех практических отклонений, которыми обычно отличается применение теории от самой теории, все же можно было указать на ее значительные преимущества по сравнению с буржуазной практикой и буржуазной теорией.

Признание права угнетенных наций на политическое освобождение, которое составляло единственное содержание буржуазной теории национального самоопределения, сопровождалось верой в принцип непротивления капитализму, что означало сохранение экономического неравенства и эксплуатации угнетенных наций господствующими нациями – при любой политической форме. Буржуазный капитализм, таким образом, являлся непреодолимым препятствием для создания тех условий, при которых только и могла иметь какое-либо практическое значение буржуазная теория самоопределения наций.

В результате этого противоречия "буржуазное общество", как говорилось в резолюции X съезда партии, принятой в марте 1921 г., "оказалось полным банкротом в деле разрешения национального вопроса"[36]. Буржуазная теория и буржуазная практика подразумевали, что политическое освобождение ведет к экономическому благосостоянию. Это предположение не подтвердилось. Согласно теории и практике большевиков, предполагалось, что экономический прогресс ведет к политическому освобождению и что подлинное (а не только формальное) равенство для ранее угнетенных национальностей лежит на пути экономического прогресса[37].

В мае 1921 г., через два месяца после X съезда партии, Сталин в своей статье привел четыре отличительных признака коммунистического отношения к национальному вопросу, которые выявились со времени Октябрьской революции. Первый состоял в тесной связи между "национальным" вопросом и "вопросом о колониях", так что освобождение народов Европы было связано с освобождением африканских и азиатских народов. Это показывало, что растущее значение народов Востока – основной момент советской национальной политики. Второй признак – замена "расплывчатого" лозунга о самоопределении признанием права народов на отделение и образование самостоятельных государств. Это избавляло от австрийского мнимого решения, состоявшего в национальной культурной автономии. Третий признак – связь между национальным угнетением и капитализмом; освобождение от обоих неизбежно происходило бы одновременно. (За четыре года, с апреля 1917 г., Сталин

проделал большой путь; тогда он связывал национальное угнетение прежде всего с феодализмом.) Четвертый признак – принятие принципа "фактического (а не только правового) выравнивания наций (помощь, содействие отсталым нациям подняться до культурного и хозяйственного уровня опередивших их наций)". В заключение статьи Сталин перечислил пять основных мероприятий, необходимых для фактического выравнивания наций:

"1) изучение хозяйственного состояния, быта, культуры отсталых наций и народностей;

2) развитие их культуры;

3) политическое их просвещение;

4) постепенное и безболезненное их приобщение к высшим формам хозяйства;

5) налаживание хозяйственного сотрудничества между трудящимися отсталых и передовых наций"[38].

Таким образом, суть партийного принципа самоопределения при социализме заключалась в том, что главное значение придавалось "фактическому" равенству наций (которое, в частности, подразумевало равенство экономическое).

Ленин установил роль национального самоопределения при буржуазном строе и в период перехода от буржуазного строя к социалистическому. Однако о месте наций при социализме, кроме провозглашенной в Программе партии гипотезы о необходимости "добровольного единства национально разнородных элементов международного пролетариата", говорилось мало. Между тем даже если нациям предстояло исчезнуть с отмиранием государства, то во время долгого промежуточного периода они определенно должны были сохранить свое значение[39]. Согласно разработанному теперь положению, право на самоопределение, которое представало в период буржуазной революции как требование освобождения, в социалистический период стало требованием равенства всех национальных групп в рамках социалистического строя. С точки зрения большевиков, современный национализм был прежде всего результатом неравенства наций, вызванного империалистическим угнетением и эксплуатацией, и в таких условиях самоопределение наций могло принять форму лишь права на отделение. При социализме, когда создавалось фактическое, а не только формальное равенство между людьми, а поэтому и между народами, право на отделение, формально не отмененное, утратило бы смысл и перестало осуществляться.

При социализме поэтому суть права на самоопределение наций зависит главным образом от того, что такое равенство. Эволюция принципа самоопределения отражает дилемму, знакомую тем, кто со времен Французской революции стремился согласовать равенство и свободу. Стремление к свободе подразумевает неравенство, а свобода, как только она перестает быть чисто формальной, достается лишь тем, кто извлекает

пользу из неравенства. Принятие ограничения свободы есть условие равенства. Вопрос о свободе народов опять сводится к бесконечным спорам о природе политической свободы. Свобода народов так же не бывает безусловной, как и свобода отдельных людей: она зависит от свободного признания и принятия неизбежных требований современного общества[40]. Согласно большевистской теории, высшее выражение принципа самоопределения наций – союз равноправных народов, образующих социалистическую федерацию.

в) Аппарат

Первым актом большевистской революции в области национального вопроса явилось назначение Иосифа Виссарионовича Джугашвили-Сталина (еще употреблялись обе фамилии) народным комиссаром по делам национальностей. Назначение было беспрецедентным, хотя Временное правительство в последнем своем заявлении по национальному вопросу предвещало образование "совета по национальным делам с представительством всех национальностей России, в целях подготовки материала по национальному вопросу для Учредительного собрания"[41]. Ясно было, что оно свидетельствовало о провозглашении нового подхода. Двумя месяцами ранее Ленин охарактеризовал "национальный и аграрный вопросы" как "коренные вопросы для мелкобуржуазных масс населения России в настоящее время"[42]. Впоследствии Сталин утверждал, что "мир, аграрный переворот и свобода национальностей – таковы три основных момента, собравших вокруг красного знамени русского пролетариата крестьян более чем двадцати национальностей необъятной России"[43]. Национальный вопрос имел не только большое значение внутри страны. Основным вопросом советской внешней политики также стал вопрос об освобождении и национальном самоопределении угнетенных народов.

Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) был инструментом для осуществления новой политики. Первоначальная его организация была олицетворением простоты. Едва только в делах какой-либо нации или народности, прежде входившей в Российскую империю, возникали какие бы то ни было затруднения, как народный комиссариат учреждал специальный отдел под руководством представителя данной национальности, чтобы заниматься возникшими затруднениями. Эта форма организации, несомненно, была несколько наивной, но она достаточно искренне предназначалась для того, чтобы национальными делами управляла сама нация. Эти специальные отделы сначала назывались "комиссариатами", а затем – отделами. Однако с самого начала они составляли часть Наркомнаца и подчинялись ему.

Первым из таких отделов был Комиссариат по польским национальным делам, организованный в ноябре 1917 г. В его задачи входили "дела по ликвидации, войсковые, беженцев и др.", а в последовавшем затем декрете предписывалось, чтобы правительственные учреждения не издавали декретов и приказов, касающихся польских дел, без предварительной консультации с этим комиссариатом[44]. За ним сразу же последовал Литовский комиссариат, создание которого было, очевидно, вызвано эвакуацией из Литвы ряда беженцев перед германским наступлением. Одна из функций комиссариатов состояла, по-видимому, в наблюдении и контроле за деятельностью существовавших на российской почве национальных учреждений. Так, все польские учреждения были отданы под контроль Польского комиссариата; все латышские "общественные, благотворительные, религиозные и др. подобные учреждения", находившиеся в Москве, должны были регистрироваться в Латышском комиссариате. Армянский институт в Москве был подведомствен комиссару по армянским национальным делам[45]. В январе 1918 г. возникли "временный Комиссариат по еврейским национальным делам" и "Комиссариат по делам мусульман внутренней России"[46] во главе с еврейским и мусульманским комиссарами соответственно. В создании этих комиссариатов ощущалось намерение испробовать нетерриториальный, "культурный" подход к национальному вопросу. Однако такой подход был бы несовместим с основным большевистским принципом, и позднее комиссариаты и отделы организовывались только на территориальной основе[47].

Система достигла полного развития в 1918 г. В марте 1918 г. создание Белорусского и Латышского комиссариатов способствовало созданию центра для переехавших в Россию белорусов и латышей и служило стимулом для национального сопротивления на территориях, все еще оккупированных Германией. Те же причины вызвали в мае 1918 г. создание Украинского и Эстонского комиссариатов. В официальной публикации Наркомнаца указывается, что его основная деятельность состояла на этом раннем этапе в поддержании контакта через подпольные каналы с национальными движениями на территориях, занятых немцами или контрреволюционерами[48]. Позднее система использовалась для того, чтобы стимулировать и развивать верность коммунизму среди тех народов, чье географическое местоположение и стадия развития давали основания скорее для автономии, чем для независимости. Наркомнац вскоре включал в себя комиссариаты или отделы по делам татар и башкир, казахов, чувашей, кавказских горцев, закавказских мусульман (азербайджанцев), мордвы, немцев Поволжья и других еще более мелких национальных групп. Даже Чехословацкий и Югославский комиссариаты были учреждены, чтобы решать вопросы, связанные с пребыванием многочисленных чехов, словаков и южных славян на советской территории[49].

Таким образом, народный комиссариат по делам национальностей внешне выглядел как скопление национальных комиссариатов или отделов, каждый во главе с руководителем той же национальности[50]. Для соблюдения приличий требовалось, чтобы эти руководители считались послами, представляющими в Москве национальные интересы своих народов. Слово "ходатайство" действительно употреблено в декрете ВЦИКа в 1919 г. в связи с требованием "Комиссара по делам Киргизов"[51]. Но приличия обманчивы. Эти посты, заполнить которые было исключительно трудно[52], предназначались для стойких большевиков, чья преданность партии была важнее национальной принадлежности и которые, находясь в штаб-квартире в Москве, больше заботились о проведении политики центра в национальных областях, чем о том, чтобы отстаивать в центре национальные интересы. Пестковский, заместитель народного комиссара Сталина, оставил подробное свидетельство преобладания в иерархии Наркомнаца "интернационального" подхода к национальным вопросам:

"Коллегия Народного комиссариата по национальным делам состояла из этих обрусевших лиц нерусской национальности, которые противопоставляли свой абстрактный интернационализм действительным нуждам развития угнетенных национальностей. На деле эта политика поддерживала старую традицию русификации и была особенно опасна в условиях гражданской войны"[53].

По словам Пестковского, Сталин в то время был в коллегии Наркомнаца единственным сторонником ленинской политики, и при голосовании его коллеги, будучи "левыми" и приверженцами "абстрактного интернационализма", характерного для "польской ереси", часто оставляли его в меньшинстве[54]. Весной 1918 г. Сталин получил от Центрального Комитета партии задание склонить скептически настроенных коллег и непокорных татар и башкир к созданию татаро-башкирской республики[55]. Если некоторым народам казалось, что Наркомнац недостаточно борется за их интересы и права, то многим старым большевикам казалось, что они, вдохновляемые Лениным, руководимые Сталиным, занимаются реакционной политикой создания национальностей и стимулирования национальных чувств, которых вовсе не было.

Когда новый строй укрепился, а национальный вопрос приобрел новое чрезвычайное значение под влиянием гражданской войны, задачи и аппарат Наркомнаца возросли. В ноябре 1918 г. он выпустил первый номер еженедельной газеты "Жизнь национальностей", посвященной политике комиссариата[56]. Месяц спустя Наркомнац ввел систему прикрепления своих отделов к административным органам автономных территорий. Эти местные отделы не имели конституционного статуса и, возможно, были на положении посольства господствующей державы, находящегося в номинально суверенной, но фактиче-

ски зависимой стране. И все же определение их функций в декрете, посвященном учреждению отделов, было первой попыткой системно очертить масштабы Наркомнаца. Задачи этих местных отделов включали:

"а) проведение в жизнь начал Советской Власти в среде соответствующих наций на их родном языке; б) проведение в жизнь всех постановлений Народного Комиссариата по делам Национальностей; в) принятие всех мер к поднятию культурного уровня и классового самосознания среди трудовых масс наций, населяющих данную территорию; г) борьбу с контрреволюцией в ее национальных проявлениях (борьба с "национально"-буржуазными "правительствами" и пр.)"[57].

Наркомнац, говоря словами другого его декрета раннего периода, должен был стать "идейным центром социалистической работы"[58]. Однако идеи главным образом исходили из центра на места, а не наоборот.

Поражение Колчака и Деникина, возвращение утраченных территорий и создание в пределах РСФСР многочисленных автономных республик и областей привели в мае 1920 г. к тому, что официально называлось "реорганизацией Народного Комиссариата по Национальным делам"[59]. Реформа должна была, по крайней мере на бумаге, дать нациям больше возможностей контролировать свою центральную организацию. Каждая нация через свой национальный съезд Советов должна была с тех пор избирать представителей в Совет Национальностей, а этот орган под председательством народного комиссара по делам национальностей был поставлен "во главе" Наркомнаца, став, как указывалось в официальном издании комиссариата, "своего рода парламентом национальностей"[60]. В дополнение к национальным отделам (которые больше не назывались "комиссариатами") в Наркомнаце должны были создать единый "отдел Национальных Меньшинств" для работы с группами, недостаточно многочисленными или недостаточно сплоченными, чтобы иметь собственную территорию, – с финнами, поляками, латышами, китайцами, корейцами и т.д.

Как и большинство конституционных мероприятий этого периода, разделение власти имело характер смутный и неопределенный. С одной стороны, нации могли с полным основанием ощущать, что они получили более непосредственный доступ в центр; с другой стороны, они обнаружили теперь, что этот доступ ограничен единственным каналом[61].

Наконец, когда осенью 1920 г. была принята политика установления связей между РСФСР и отдаленными Советскими республиками на основе договоров, Наркомнац получил право иметь представителей "в дружественных Советских Республиках, не входящих в состав федерации, на основе устанавливаемых Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом соглашений с этими Республиками"[62]. Это конституционное нововведение дало Наркомнацу основу для тех отношений,

которые теоретически являлись внешнеполитическими. Однако к этому времени различие между автономными национальными республиками внутри РСФСР и независимыми республиками, находящимися в союзе с РСФСР, начинало стираться.

В первом официальном Положении о Наркомнаце, одобренном ВЦИКом и Совнаркомом в мае 1921 г.[63], функции Наркомнаца определялись по установленному образцу:

"а) обеспечение мирного сожительства и братского сотрудничества всех национальностей и племен РСФСР, а также и договорных дружественных советских республик;

б) содействие их материальному и духовному развитию применительно к особенностям их быта, культуры и экономического состояния;

в) наблюдение за проведением в жизнь национальной политики советской власти".

Политические задачи Наркомнаца – введение автономных республик и областей в структуру РСФСР и приспосабливание к этой структуре независимых союзных республик – оставались наиболее важными и неотложными из его функций. Но о масштабе и разнообразии его работы свидетельствуют различные декреты и колонки его официального издания. Наркомнац занимался такими деталями, как указание волостным и сельским Советам Чувашской области о проведении собраний для чтения населению на чувашском языке газет, листовок и воззваний и об учреждении "Бюро для приема жалоб на чувашском языке"[64]. Или такими деталями, как принятие вотяков в партийную школу[65]. Образование, пропаганда и поддержка национальной литературы постоянно поощрялись. А в 1920 г. к списку задач Наркомнаца добавилась "подготовка свежих кадров советских работников данной национальной группы"[66]. Наконец, согласно уставу, принятому в мае 1921 г., Наркомнац стал руководить Обществом по изучению Востока недавно созданного Коммунистического университета трудящихся Востока[67] и петроградским Центральным институтом живых восточных языков. Это показывает, какое значение приобрели с 1920 г. восточные народы в советской национальной политике.

Вскоре акценты сместились с политической и культурной на экономическую перестройку. Уже в апреле 1920 г. в официальном органе Наркомнаца один из авторов выражал сожаление, что "когда поднимается вопрос о Востоке, о восточных республиках (вообще о республиках), то прежде всего смотрят на них "экономическими глазами". Туркестан – это хлопок, лимон и т.д.; Киргизия – шерсть, скотина; Башкирия – лес, корье, скотина"[68]. В следующем году введение НЭПа и первые дискуссии о региональном планировании выдвинули на первый план в советской политике экономические вопросы, а зимой 1921/22 г. на территориях некоторых восточных республик и областей свирепствовал голод. Когда летом 1922 г. было принято перера-

ботанное Положение о Наркомнаце[69], в определение его задач был включен новый пункт:

"Обеспечение условий, благоприятствующих развитию производительных сил национально-территориальных объединений, и защита их экономических интересов в новой экономической обстановке".

В последний период своего существования Наркомнац был организован в виде не только национальных отделов, но также и функциональных управлений – сельского хозяйства, труда, образования, армии, прессы, лесничества, социального обеспечения и т.д.[70] Большой ошибкой было бы предполагать, что советская национальная политика действовала главным образом в сфере культуры. Те национальные права, которые подразумевал советский принцип национальной автономии, касались и политических и экономических вопросов. Если в какой-то конкретный момент казалось, что Наркомнац занимается одним аспектом национальной автономии больше, чем другим, то лишь потому, что советская политика в целом была в данный момент направлена именно на этот аспект.

Вместе с тем к тому времени, когда советский административный аппарат стал более организованным, комиссариат, не имевший собственных прямых административных функций, но вторгавшийся в функции многих других комиссариатов, не мог не оказаться опасной аномалией. Его давно критиковали. Через шесть месяцев после майского декрета 1920 г., учреждавшего Совет Национальностей, было признано, что "по обстоятельствам, независящим от Наркомнаца... Совет Национальностей в полной мере к своим функциям не приступил"[71]. В декабре 1920 г., на Первом (и единственном) Всероссийском Совещании представителей автономных республик и областей и губернских отделов национальностей, Каменский, который в тот момент исполнял обязанности комиссара, нарисовал мрачную картину неукомплектованности Наркомнаца, постоянного отсутствия его руководителей, включая Сталина, в связи со специальными заданиями, мобилизации на военную службу его местных сотрудников и поднял вопрос о том, не следует ли вообще закрыть комиссариат[72]. Всегда оставался спорным вопрос о том, будут ли народы считать Наркомнац своим покровителем и защитником или всего лишь орудием центральной власти, стремящейся упорядочить и ограничить их права.

Более того, с изменением главных направлений советской политики – что нашло отражение и в политике Наркомнаца, – которая перешла от вопросов культуры к вопросам политическим, а от политических – к экономическим, неизбежно увеличилась возможность возникновения трений между Наркомнацем и другими советскими учреждениями. На раннем этапе количество постановлений и резолюций, регулировавших отношения между Наркомнацем и народным комиссариатом просвещения[73], говорит о том, как трудно было обеспечить координа-

цию и спокойную работу даже в этой ограниченной сфере. Относительно более позднего периода имеется мало данных, но вряд ли тогда было легче приспосабливать требования Наркомнаца к требованиям главных политических органов.

Отношения между местными органами комиссариатов и местными Советами с их исполкомами были вечным источником трудностей в первые годы существования советской системы, и местные отделы Наркомнаца едва ли составляли исключение из этого правила. Трения между представителями Наркомнаца и Наркоминдела в самостоятельных республиках вызвали принятие Постановления от 8 июня 1922 г., согласно которому прежние "советники" назначались в дипломатические учреждения[74]. Трения другого рода предполагает приказ Совнаркома московскому руководству жилищным отделом "предоставить Наркомнацу в самом срочном порядке помещение для всех представительств"[75]. Переработанное Положение 1922 г. давало Наркомнацу право "учреждать Федеральные Комитеты по делам отдельных Народных Комиссариатов" с похвальной целью "согласования деятельности центральных Народных Комиссариатов с их работой в Автономных Республиках и областях"[76]. Это вмешательство, вполне оправданное с точки зрения национальностей, вряд ли приветствовалось комиссариатами, которых это касалось. В частности, основное значение, которое теперь придавалось экономической политике, и первые достижения в планировании приводили к мысли, что власть может быть децентрализована более успешно через систему экономических, а не национальных областей.

В общем, казалось, что в связи со стабилизацией политической системы национальный вопрос несколько утратил свою первоначальную остроту и значение. Недостатки специального народного комиссаритата по делам национальностей стали перевешивать его преимущества. В первой половине 1923 г., когда был создан Советский Союз, Совет Национальностей был включен в новую Конституцию в качестве второй палаты ВЦИКа, и на следующий день после вступления в силу новой Конституции Наркомнац был упразднен[77].

Теперь, в ретроспективе, Наркомнац предстает как орган, который был правильно задуман и который был призван обеспечить со стороны нерусских наций поддержку политики сотрудничества и в конечном счете воссоединения с Москвой, обеспечить проведение этой политики, по возможности умиротворяя их, а не оскорбляя без нужды. В этом смысле Наркомнац гарантировал уважение прав нерусских групп, остававшихся в пределах советской системы. Он содействовал сохранению их языка и культуры и развитию их системы просвещения. Через него эти группы передавали свое мнение по экономическим вопросам, и он повсюду считался защитником их интересов. Но время шло, и попытки усматривать главную задачу Наркомнаца

в "юридической защите правовых интересов представляемых ими национальностей" уже вызывали сильный протест[78].

Каково бы ни было первоначальное намерение при создании Народного комиссариата по делам национальностей, но то обстоятельство, что он был прежде всего органом центрального правительства, сделало Наркомнац главным образом инструментом централизации. В этом отношении его развитие вполне можно рассматривать в связи не только со всем процессом эволюции советской конституционной системы, но и в связи с личностью и взглядами его первого и единственного комиссара, который, как ни велика была его преданность ленинской национальной политике, показал себя твердым сторонником централизации. Наркомнац в смутные времена стоял за то, чтобы собрать рассеянные обломки бывшей Российской империи, а когда прекратился беспорядок – за возвращение почти всех их в Советский Союз. И, говоря словами декрета, упразднившего Наркомнац, он "закончил свою основную миссию по подготовке дела образования национальных республик и областей и объединения их в Союз Республик". Логика событий привела к прекращению его существования.

Глава 11

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НА ПРАКТИКЕ

а) Западные окраины

После Февральской революции из территорий, что входили в царскую империю, только Польша и Финляндия потребовали полной национальной независимости. В каждой из этих стран был развитый и многочисленный национальный господствующий класс (в Польше – землевладельческий и феодальный, в Финляндии – торговый и буржуазный), который возглавлял национальное движение и был способен управлять делами нации. До 1917 г. обе страны требовали скорее национальную автономию, чем национальную независимость, и это ограничение отчасти объяснялось неверием в реальность более далеко идущей альтернативы, а отчасти, быть может, вызывалось страхом перед социальной революцией, которую могла развязать полная независимость. Несколькими годами ранее Ленин выявил вторую из этих причин:

"В России есть две нации, наиболее культурные и наиболее обособленные в силу целого ряда исторических и бытовых условий, которые легче всего и "естественнее" всего могли бы осуществить свое право на отделение. Это – Финляндия и Польша. Опыт революции 1905 года показал, что даже в этих двух нациях господствующие классы, помещики и буржуазия, отрекаются от революционной борьбы за свободу и ищут сближения с господствующими классами в России и с царской монархией *из боязни* перед революционным пролетариатом Финляндии и Польши"[1].

Однако поскольку революция вспыхнула в самой России, этот сдерживающий момент исчез, и стремительно стали расти требования национальной независимости.

Реакция Временного правительства не была в обоих случаях одинаковой. К этому времени Польша была полностью оккупирована Германией, и державы Центральной Европы уже предлагали независимость марионеточному польскому государству. Меньше российское Временное правительство вряд ли могло сделать, и в его положении оно могло обещать, не будучи обязанным немедленно исполнять. Оно выпустило воззвание,

заявляя о своей готовности признать независимость Польши, однако воззвание было выражено, как потом признавал осторожный Милюков, тогдашний министр иностранных дел, "неточным юридическим языком" и оставляло за будущим Учредительным собранием право "*дать свое согласие на те изменения государственной территории* России, которые необходимы для образования свободной Польши"[2]. В вопросе о Финляндии, которая находилась за пределами зоны военных действий, Временное правительство медлило, и большевики не раз осуждали его за нежелание решить вопрос[3].

После Октябрьской революции Советское правительство безоговорочно признало независимость Польши, и считалось, что для урегулирования этого вопроса не требуется никаких формальностей. Все же спустя 10 месяцев в декрете, отменившем длинный список прежних соглашений с Германией и Австро-Венгрией, в том числе по таким вопросам, как авторское право, выдача преступников, взаимное признание консульских удостоверений и санитарная инспекция, содержалась следующая статья:

"Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, – отменяются настоящим бесповоротно"[4].

Финляндия вызвала более серьезные затруднения. В то время как финское буржуазное правительство, казалось, прочно сидело в седле, финские социал-демократы были сильной организованной партией. В Финляндии еще находились русские войска, которые могли помочь своим финским товарищам. Вполне могло возникнуть впечатление, что настал момент для пролетарской революции. Очевидно, что такой уверенностью обусловлено было появление Сталина 14 (27) ноября 1917 г. на съезде в Гельсингфорсе, где он впервые выступил публично с речью в качестве народного комиссара по делам национальностей[5]. Тем не менее принцип национального самоопределения, включая право на отделение, был ясен, и обещания большевиков неоспоримы. Поэтому, когда финское правительство стало настаивать на своих требованиях, у Советского правительства не оставалось иного выхода, кроме как признать национальную независимость Финляндии. Соответствующая резолюция была принята Совнаркомом 18 (31) декабря 1917 г. и утверждена ВЦИК четыре дня спустя[6]. Решение вызвало некоторые опасения, о чем можно судить по тому факту, что Сталин защищал его при обсуждении во ВЦИК без энтузиазма:

"...Фактически Совет Народных Комиссаров дал свободу помимо своей воли не народу, не представителям пролетариата

Финляндии, а финляндской буржуазии, которая странным стечением обстоятельств захватила власть и получила независимость из рук социалистов России. Финские рабочие и социал-демократы очутились в таком положении, что должны принимать свободу не непосредственно из рук социалистов России, а при помощи финской буржуазии".

Сталин отметил это как "трагедию финского пролетариата" и приписывал ее "нерешительности и непонятной трусости" финских социал-демократов[7].

Финские социал-демократы, которых таким образом упрекали и подталкивали, в январе 1918 г. сделали попытку взять власть путем революционного переворота, а во время последовавшей за этим гражданской войны им оказывали поддержку все еще находившиеся в Финляндии советские войска. Советское правительство оказалось в ненормальной ситуации: оно признавало и буржуазное правительство соседней страны, и находившееся в зачаточном состоянии рабочее правительство, которое намеревалось свергуть первое. 1 марта 1918 г. был даже заключен договор между "Российской Федеративной Советской Республикой" и "Финляндской Социалистической Рабочей Республикой"[8]. Это был не единственный и даже не первый случай подобного рода; аналогичная ситуация возникла несколькими неделями ранее на Украине. Не было придумано и приемлемого разделения функций между Советским правительством и Коминтерном. Но эта дилемма не имела отношения к формальному вопросу независимости Финляндии, поскольку она в равной мере могла возникнуть в зарубежной стране. Гражданская война в Финляндии была очень ожесточенной и закончилась только с прибытием германских войск, призванных финским буржуазным правительством для урегулирования вопроса. Вслед за этим в Финляндии прочно установился буржуазный режим, и отношения между Советской Россией и Финляндией были отношениями отдельных и независимых государств.

В 1917 г. Ленин часто, говоря о Польше и Финляндии, упоминал Украину как нацию, чье требование независимости большевики безоговорочно признали. В июне 1917 г. в своей статье он осудил Временное правительство за то, что оно не выполнило своего "элементарного демократического долга", поскольку не объявило, что оно "*за* автономию и за полную свободу отделения Украины"[9]. Однако проведенная им параллель была далека от совершенства. Особая национальная структура и история населения Украины – крестьян, пролетариата и интеллигенции – способствовали неопределенности национального движения и развитию в нем противоположных течений. Польскому и финскому движениям это было несвойственно.

Украинское крестьянство составляло не только огромное большинство населения, но и единственную его часть, за кото-

рой стояла долгая традиция. Его социальная и экономическая враждебность – постоянная основа крестьянского национализма – была направлена против помещиков (главным образом польских к западу от Днепра, а в остальных местах – русских) и против торговцев и ростовщиков (почти все они были евреями). Православная религия связывала украинских крестьян с русской церковью, поэтому польский католицизм, а также еврейство были для них чужими. Таким образом, украинский национализм имел скорее антисемитский и антипольский оттенки, чем антирусский. Гетман Богдан Хмельницкий, популярный народный герой XVII века, был по происхождению поляком, но возглавил движение украинских крестьян против польских господ и принес присягу Москве. Украинские, или малороссийские, крестьяне себя с великороссами не смешивали, но в более широком смысле признавали себя русскими и говорили на заметно сходном языке. Политическое господство Москвы или Петрограда могло вызывать недовольство: Киев был более древней столицей, чем эти города. Но и Киев был в свое время русской столицей. Тут украинский национализм, который прежде всего и главным образом опирался на чувство враждебности к России, не особенно привлекал к себе крестьянство.

На следующем уровне ситуация осложнялась отсутствием местного пролетариата. Новые индустриальные центры, значение которых все возрастало на переломе веков, были большей частью населены приезжими с севера, как рабочими, так и управляющими. Харьков, крупнейший индустриальный город Украины, был также в основном великорусским. Этот элемент в сочетании с чиновниками и специалистами придал в основном великорусский характер городской культуре Украины. Результат характерным образом сказался на обстановке в 1917 г. Во всей России большевики опирались на городское население и промышленных рабочих. На Украине эти группы были не только малочисленны – выборы в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. принесли большевикам только 750 тыс. голосов на Украине, – но и состояли преимущественно из великороссов[10]. Это создавало двойные трудности для большевистского движения на Украине: оно было чужим движением и вдобавок движением городских жителей. Совпадение национального разделения с расхождением между городом и деревней оказалось в равной мере затруднительным и для националистов и для большевиков.

Украинское национальное движение на этом этапе не вызвало широкого отклика ни у крестьян, ни у промышленных рабочих. Оно оставалось занятием небольшой группы энтузиастов-интеллектуалов, состоявшей главным образом из преподавателей самого различного уровня (от университетских профессоров до сельских учителей), литераторов и священников. Их воодушевляли и поддерживали аналогичные группы украинского населения Восточной Галиции по ту сторону австрийской

границы. В этой форме украинский национализм был направлен против угнетения со стороны уже не польских помещиков или еврейских торговцев, а русской бюрократии. Но даже здесь необходима некоторая классификация.

Первых борцов движения вдохновляла скорее ненависть к царю, чем к самим по себе великороссам. Они были революционерами не менее, чем националистами, и, как сказал в 80-х годах прошлого века один русский генерал-губернатор, носили в одном кармане произведения украинского народного поэта Шевченко, а в другом – труды Карла Маркса[11], несмотря на то что традиция и крестьянское окружение сближали их скорее с народниками или анархистами, чем в марксистами. Растущее экономическое благополучие, а также сила зарубежного примера постепенно увели движение от социальной революции.

В первые годы XX века здесь, как и во всей России, наблюдался рост вдохновленной идеалами либеральной демократии интеллигенции, которая довольно охотно объединялась с украинским национализмом. Но эта группа оставалась слишком небольшой, слишком изолированной от масс, и поэтому ее деятельность была слишком безрезультатной, она не способна была создать ядро национального правящего класса. Не имея возможности увлечь массы идеями социальной революции, она была вынуждена использовать национализм в кампании против политического и культурного господства Москвы. Это было вполне реальным делом: запрет на украинскую литературу и украинские газеты, установленный в 70-е годы XIX века, был ослаблен в 1905 г., но в 1914 г. возобновился с новой силой.

Однако подобные ограничения мало значили для крестьянина и уж совсем ничего не значили для русского пролетария, поэтому движению, которое не имело твердой поддержки внутри страны, пришлось искать иностранных покровителей, обращаясь последовательно к австрийцам[12], французам, немцам и, наконец, к полякам. Эти методы, в конце концов, дискредитировали движение, чьи деятели с такой готовностью продавали себя иностранным державам. А за этими внутренними слабостями и трудностями украинского национализма стоял всего лишь факт экономического зависимости Украины от российского рынка и экономического значения Украины для Российского государства, какой бы ни была его политическая система.

На Украине жила одна пятая населения царской России; ее земли были в России самыми плодотворными; ее промышленные предприятия относились к числу наиболее современных; ее промышленные рабочие, как и руководство промышленностью, в основном состояли из великороссов: ее уголь и железо – пока богатства Урала оставались сравнительно неразработанными – были необходимы всей российской промышленности. Будь украинское требование отделения таким же четким, как польское или финское, было бы гораздо труднее примирить его с экономической реальностью. Однако справедливо-

сти ради следует признать, что и сами требования были несравнимы. Троцкий впоследствии иронизировал по поводу русской буржуазии, которая при Керенском не хотела "согласиться на "автономию" украинского хлеба, донецкого угля и криворожской руды"[13]. И все же экономическая взаимозависимость промышленной России и Украины была фактом, который значил больше, чем формы социальной или политической организации.

Национальное движение было на самой начальной стадии, когда Февральская революции сообщила ему сильный импульс. Нашлось три руководителя: Грушевский, ученый, профессор, чья книга "История Украины" обеспечила историческую и литературную основу движения; Винниченко, революционный интеллигент, игравший некоторую роль в событиях 1905 г.; Петлюра, самоучка, который испробовал много профессий и в последнее время занимался журналистикой. Первые двое были искренними националистами, третий – предприимчивым авантюристом.

В марте 1917 г. под председательством Грушевского сформировалась украинская Центральная рада (или Совет), в которой были представлены социалисты-революционеры, социал-демократы, социалисты-федералисты (радикальная украинская группа) и национальные меньшинства. В апреле Рада получила благословение национального украинского съезда. По-видимому, Украинская рада формально не являлась представительным органом и вначале, в соответствии с характером движения, в основном социального и культурного, Рада не требовала и не осуществляла политических функций. Однако постепенно она преобразовалась в подобие национального собрания, которое состояло из 600 делегатов. 13 июня 1917 г., после напрасных попыток ведения переговоров с Временным правительством в Петрограде, Рада выпустила декрет ("Первый Универсал Центральной рады"), где провозглашалась "автономная Украина", которая должна была существовать, "не отделяясь от всей России, не порывая с державой российской". Учреждался также "Генеральный секретариат" во главе с Винниченко; вскоре он приобрел форму и функции национального правительства. Временное правительство в Петрограде, чья тактика всегда состояла в откладывании всего на потом, частично и неохотно уступило требованию об автономии, вопрос о которой должно было, как всегда, решать Учредительное собрание. Но этот факт был скорее показателем слабости Временного правительства, чем силы Украинской рады и Генерального секретариата[14].

После Октябрьской революции в Петрограде фактическое крушение власти в центре стало дальнейшим стимулом для движения за независимость. 7(20) ноября 1917 г. Рада провозгласила образование Украинской Народной Республики, хотя в "Третьем Универсале" опять особо говорилось о намерении "не отделяться от Российской Республики и, дабы сохранить единство ее", помочь ей "стать федерацией равных, свободных наро-

дов"[15]. Генеральный секретариат стал теперь обычным правительством, в котором Винниченко был премьер-министром, а Петлюра – министром по военным делам. Однако, учитывая провозглашенную Советским правительством политику, все это не обязательно означало разрыв между Киевом и Петроградом, и некоторое время между ними поддерживались нормальные отношения. Да и на деле процесс разделения не зашел еще слишком далеко. Еще 29 ноября (12 декабря) 1917 г. Рада запрашивала деньги у Государственного банка в Петрограде для выплаты своим железнодорожным служащим[16]. Невозможность исполнить это требование вынудила Раду выпустить свои первые денежные банкноты в декабре 1917 г.[17]

И все же революции еще не исполнилось и месяца, как отношения стали весьма напряженными. Советы появились в различных частях Украины летом 1917 г., в частности возникли Совет рабочих депутатов и отдельный Солдатский Совет в Киеве[18]. После Октябрьской революции они объединились, и поддержка, которую им оказывало находившееся в Петрограде Советское правительство[19], вызвала обвинения в намеренных попытках подорвать власть Рады. Переломный момент наступил, когда "белые" генералы Корнилов и Каледин – последний был атаманом донских казаков[20] – организовали на Дону контрреволюционную армию. Особые претензии Советского правительства к Украинской раде в основном теперь касались проблем военных. Рада пыталась разъединить армии, отзывая на Украину все украинские части и таким образом способствуя дальнейшей дезорганизации фронтов и внося путаницу в процесс демобилизации. Она разоружала советские и красногвардейские части, находившиеся на украинской территории. Она не позволяла советским войскам проходить через территорию Украины для создания фронта против "белых", но при этом пропускала казачьи формирования, направлявшиеся на Дон к Каледину[21].

Заключение перемирия с Германией в Брест-Литовске 2 (15) декабря 1917 г. уменьшило перенапряжение скудных военных ресурсов Советского правительства. 4 (17) декабря 1917 г. Украинской раде было отправлено и одновременно обнародовано длинное сообщение. Оно начиналось признанием "народной Украинской республики" во имя принципа самоопределения, но затем Центральная рада обвинялась в том, что она ведет "двусмысленную буржуазную политику, которая давно уже выражается в непризнании Радой Советов и Советской власти на Украине", от нее требовали немедленного отказа от вышеупомянутой деятельности. Было также включено категорическое требование "оказывать содействие революционным войскам в деле их борьбы с контрреволюционным кадетско-калединским восстанием". Указывалось, что, если на эти претензии не будет получен удовлетворительный ответ в течение 48 часов, Совнарком будет считать Центральную раду "в состоянии

открытой войны против Советской власти в России и на Украине[22]. За этими политическими обвинениями маячила растущая угроза голода в Петрограде и Москве и срочная нужда в украинском зерне. "Если вам нужно продовольствие, – писал Радек в "Правде", – кричите: "Смерть Раде!"[23]*

Угроза, исходившая из Петрограда, вызвала именно ту реакцию, какую должна была вызвать. Еще раз подтвердилась тенденция, присущая украинскому национальному движению, – перед лицом превосходящей российской мощи обращаться за иностранной помощью. В Киеве некоторое время находилась французская военная миссия во главе с генералом Табуи. Неизвестно, в какой именно момент определенные усилия привели к тому, что Рада начала стремиться "перестроить силы сопротивления и сохранить верность союзникам". Об этих усилиях упоминается в первом, по-видимому, официальном послании генерала Табуи к Винниченко, датированном 5 (18) декабря 1917 г. – на следующий день после ультиматума из Петрограда, – где запрашивались подробности относительно "финансовой и технической помощи"[24], которую Украинская республика хотела бы получить от Франции. О франко-украинском соглашении стало вскоре известно в Петрограде. 15 (28) декабря 1917 г. Сталин опубликовал в "Правде" телеграмму, якобы направленную французской миссией Центральной раде[25]. В Киеве генерал Табуи объявил о том, что он назначен уполномоченным Французской Республики при правительстве Украинской республики, а 29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.) он информировал Винниченко, что Франция окажет Украинской республике поддержку всеми имеющимися в ее распоряжении моральными и материальными силами. Аналогичное заявление сделал примерно в то же время британский представитель в Киеве[26].

Со стороны большевиков решение о разрыве отношений с Центральной радой, которое подразумевалось в ультиматуме от 4 (17) декабря 1917 г., потребовало быстрого создания альтернативного правительства на Украине. Накануне того дня, когда был предъявлен ультиматум, в Киеве открылся Всеукраинский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Готовясь к съезду, украинская организация большевиков провела заседание и переименовала себя в "РСДРП (б-ков) с.-д. Украины" – смешанное название, в котором стремились, довольно неуклюже, сочетать партийное единство с признанием украинских национальных чувств. Однако это не помогло большевикам. На съезде сторонники Рады их заглушили[27]. За неудовлетворительным ответом Рады на ультиматум[28] открытого разрыва не последовало, отчасти потому, что ни одна из сторон фактически не хотела войны, а отчасти потому, что Советское правительство нашло теперь лучший способ урегулировать ситуацию.

* В указанном источнике этих слов Радека нет. – *Прим. ред.*

Большевики Украины переехали из Киева, где власть Рады была неоспоримой, в Харьков, где 11(24) декабря 1917 г. они созвали новый Всеукраинский съезд Советов. Через два дня "Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины", избранный съездом, телеграфировал правительству в Петрограде, что он "принял на себя всю полноту власти на Украине"[29]. В основном он состоял из большевиков с небольшим добавлением левых эсеров[30].

С этого момента Советское правительство откровенно проводило двойную политику. Оно приветствовало эту новую власть как "подлинное правительство Народной Украинской Республики" и бралось предоставить ей всевозможную поддержку как "в деле борьбы за мир", так и "в деле передачи всех земель, фабрик, заводов и банков трудящемуся народу Украины"[31]. И вместе с тем это не помешало ему продолжать вести переговоры с Центральной радой через различных посредников[32] или нехотя признать полномочия делегации Рады на мирной конференции в Брест-Литовске; отказаться от этого – означало подвергнуть сомнению искренность заверений большевиков в их преданности делу национального самоопределения[33].

Однако к этому времени, как откровенно признавал Винниченко, "огромное большинство украинского населения было против нас"[34]. Территория, на которую распространялась власть Центральной рады, быстро сокращалась по мере того, как солдаты Рады разбредались кто куда или переходили к большевикам. 9 (22) января 1918 г. Рада выпустила "Четвертый Универсал", наконец провозгласивший Украинскую республику "независимым свободным и суверенным государством украинского народа", а через 10 дней ее независимость была признана германским правительством[35]. Но пока шел обмен официальными сообщениями, советские армии окружили Киев и вступили в него 26 января (8 февраля) 1918 г. Центральная рада была свергнута, и через несколько дней там установили новое Украинское Советское правительство[36].

На этом, однако, история не закончилась. Деятельность Украинского Советского правительства продолжалась менее трех недель, в течение которых оно мало что сделало для умиротворения населения или устранения впечатления об оккупации "иностранными силами извне"[37]. В тот момент, когда Раду выдворяли из Киева, ее делегаты подписывали мирный договор с Германией в Брест-Литовске. Верная своей традиции искать защиты от большевиков у иностранцев, Рада 12 февраля 1918 г. обратилась за помощью к Германии[38]. Немецкие армии быстро растеклись по Украине, и 2 марта 1918 г. большевики уступили Киев силам Центральной рады во главе с Петлюрой. И тем не менее ни благодарственные молебны, организованные Петлюрой, ни красноречие Грушевского, который вернулся в Киев президентом Рады, не могли скрыть, как признался Винниченко, "горькой правды", состоявшей в том, что Рада была обязана

своим возвращением "германским тяжелым орудиям"[39]. И она недолго благодушествовала. В конце апреля Рада была с позором изгнана, и ее сменило более сильное или более уступчивое украинское правительство во главе с гетманом Скоропадским, пользовавшееся поддержкой немцев.

Новый режим был удобен немецкому командованию. В той мере, в какой он имел малейшее значение во взаимодействии внутренних сил Украины, режим представлял интересы крупных помещиков и зажиточных крестьян – производителей той добавочной продукции, которая давала немецким оккупационным властям последнюю надежду заполнить пустые немецкие амбары. Это был откровенно реакционный режим, который мало что давал украинским националистам и ничего не давал сторонникам социальных реформ. Тем не менее это не помешало продолжению мирных переговоров между новым украинским и Советским правительствами[40]. С точки зрения Советской власти, выбирать между Радой, которую поддерживают немцы, и гетманом, которого поддерживают немцы, было нечего, и советская делегация вела бесконечные переговоры в Киеве в течение лета 1918 г. Нежелание большевиков возобновлять войну с немцами на Украине было одним из поводов для недовольства левых эсеров, которые завели вокруг этого дебаты на V Всероссийском съезде Советов в Москве. Убийство на Украине германского генерала Эйхгорна, как и убийство Мирбаха, было безуспешной попыткой помешать развитию советско-германских отношений.

Власть Скоропадского на Украине просуществовала до военного крушения Германии в ноябре 1918 г. Затем повторилось то же, что и в предыдущую зиму. В Киеве возродились элементы прежней Центральной рады в виде Украинской директории; председателем ее был Винниченко, а Петлюра всплыл в качестве главнокомандующего с претензиями на то, чтобы стать диктатором. Опять обратились к французам за помощью. Но генерал д'Ансельм, командующий французскими силами в Одессе, ничего не мог предложить, кроме слов, да и слова были менее воодушевляющими, чем обещания генерала Табуи годом ранее[41]. Единственной новой особенностью ситуации теперь, когда власть центральноевропейских держав рухнула, явилось объявление о включении в Украинскую республику так называемой "Западной Украины", бывшей австрийской провинции Восточная Галиция. Таким образом, был создан предмет спора между Украиной и Польшей.

Об отсутствии организованной поддержки большевиков на самой Украине говорило то обстоятельство, что даже в хаосе, который был вызван крушением германской власти и бегством Скоропадского, большевики не смогли сразу же взять власть. Однако тактика большевиков теперь стала более смелой, чем прежде. В течение нескольких дней германского крушения возникло "Временное Рабоче-Крестьянское Правительство

Украины" под руководством Пятакова в Курске, на северной границе. 29 ноября 1918 г. оно выпустило манифест, объявляя о взятии власти, о передаче земли крестьянам, о переходе фабрик и заводов в руки "трудящихся масс Украины"[42]. После трехдневной всеобщей забастовки, состоявшейся в Харькове в начале декабря[43], Советы взяли там власть, и вскоре армии большевиков начали свое наступление на юг. В ответ на протесты Директории Чичерин в ноте от 6 января 1919 г. отрицал ответственность за правительство Пятакова и его армии, которые были "вполне самостоятельны"[44]. Через 10 дней Директория объявила войну Москве, очевидно, против воли Винниченко[45], вскоре вышедшего в отставку. Но это не помогло задержать советские войска, которые укрепились в Харькове, а затем в феврале 1919 г. с боями двинулись на Киев, как и годом ранее. Их с большим энтузиазмом приветствовало население[46]. Члены упраздненной Директории перенесли свою основную деятельность в Париж, на мирную конференцию, где их просьбы не встречали отклика у государственных деятелей, больше заинтересованных в борьбе с Советской Россией Польши или "белых" генералов, которые должны были восстановить единство Российской империи, чем в украинском национализме.

Столицей Советской Украины теперь был Харьков, наиболее важный ее индустриальный центр, а Пятаков, хотя он по рождению и украинец, видимо, не проявил особого сочувствия к требованиям о независимости Украины[47] и был заменен на посту главы Украинского Советского правительства Раковским. 10 марта 1919 г. на III Всеукраинском съезде Советов была официально принята "Конституция Украинской Социалистической Советской Республики". Во всех существенных деталях она следовала своему прототипу– Конституции РСФСР[48]. Слабость независимой Украинской ССР обнаруживал список членов президиума III Всеукраинского съезда Советов, которые подписали Конституцию. Раковский, Пятаков, Бубнов и Квиринг были известными большевиками, но их право представлять украинский народ было не слишком убедительным[49].

Тем временем внешние условия были неблагоприятны во всех отношениях. Бои шли некоторое время на западе, где отступающие войска Петлюры отличались тем, что жестоко расправлялись с многочисленным еврейским населением[50]. В восточной части Украины крестьянский предводитель с выдающимися способностями – анархист Нестор Махно – организовал в 1918 г. группу партизан для ведения партизанской войны против Скоропадского. Эта группа теперь выросла в организованное движение с армией в несколько тысяч человек, которая в разное время контролировала значительные пространства страны и выступала то на стороне большевиков, то против них[51]. На украинской земле тут и там еще попадались районы сосредоточения германских войск. Французские войска высадились на Черноморском побережье и в Крыму. В июле Добровольческая

армия Деникина при поддержке союзников начала наступление на север. Красная Армия отступала, и в сентябре Киев снова был занят силами сначала Петлюры, а затем самого Деникина. Дезорганизация была теперь полная. На Украине свирепствовали голод, тиф и другие болезни[52]. Несколько самостоятельных военных руководителей, из которых Махно был лишь наиболее значительным, бродили по деревням со своими бандами, самыми разными – от организованных армий до разбойничьих шаек. Крестьяне забыли о своем недовольстве Советской властью, преисполнившись ненавистью к деникинским вооруженным силам, подавлявшим их более жестоко.

В результате разгрома Деникина Киев снова был занят Красной Армией в декабре 1919 г. Декретом за подписью Раковского в качестве Председателя украинского Совнаркома был учрежден "Военно-Революционный Комитет" в составе пяти человек (трое из них – большевики)[53], и в третий раз была предпринята попытка укрепить Советскую власть на Украине. К февралю 1920 г. в главных центрах Советская власть была вновь установлена. Но даже это еще не означало, что период бедствий миновал.

В декабре 1919 г. Петлюра, потерпевший поражение, разбитый большевиками, не принимаемый в расчет союзниками в Париже и презираемый Деникиным, обратился к единственно возможному альтернативному источнику моральной и материальной поддержки – Польше. Польша, которая была против включения Украины в объединенную Россию, будь то под властью Советов или Деникина, обнаружила, что Петлюра – единственный, кто может сыграть роль главы украинского сепаратизма. Петлюра цинично отказался от украинских притязаний на Восточную Галицию ради тщеславного стремления управлять Украиной – сателлитом, входящим в "польскую империю". Соглашение Петлюры с польским правительством, заключенное 2 декабря 1919 г. в Варшаве[54], ознаменовало банкротство украинского буржуазного национализма, поскольку национальные чувства украинского крестьянства стимулировались прежде всего враждебностью к польским помещикам. Вместе с тем это соглашение открыло путь для нового вторжения на Украину теперь уже польских армий, которые оккупировали Киев недель на шесть в мае–июне 1920 г. Однако на этот раз поражение и изгнание захватчиков освободило Украину от иностранного вторжения на два десятилетия.

Бóльшая часть следующего года ушла на то, чтобы повсюду на Украине восстановить порядок[55], а происходившие время от времени стычки с партизанами не прекращались до тех пор, пока Махно не ушел через границу в Румынию 28 августа 1921 г. с остатками своих вооруженных сил[56]. Тогда, наконец полностью утвердившись в стране, Советская власть смогла предоставить украинскому населению не только блага мира, но и правитель-

ство, более терпимое, чем любое из тех, какие ей довелось узнать за эти бурные годы.

Так, с большими трудностями, было подготовлено создание Советской Украины. Право на самоопределение наций и отделение было уже официально подтверждено. Однако в то время как в Финляндии буржуазный правящий класс был достаточно сильным и смог добиться, чтобы его признали представителем финского народа, на Украине революцию подтолкнули к следующему шагу, и буржуазия была изгнана во имя "диктатуры трудящихся и эксплуатируемых масс – пролетариата и беднейшего крестьянства" (этот термин встречается в статье 1 украинской Конституции), которой, таким образом, была доверена украинская национальная независимость.

Заинтересованность Петрограда в таком урегулировании была очевидна. Но очевидно также и то, что был рассмотрен и признан несостоятельным украинский буржуазный национализм. За ним не стояло национальное рабочее движение, которое он мог бы привлечь на свою сторону. Ему не удалось завоевать крестьян, поскольку он не сумел поддержать не только дело социальной революции, но и какую-либо значительную социальную реформу – неспособность эту откровенно и неоднократно признавал Винниченко, наиболее честный из его руководителей[57]. Слабость украинского национализма заставляла его постоянно уступать иностранному давлению и, таким образом, исключала настоящую свободу действий. Окончательное банкротство наступило в 1920 г., когда его последний находившийся у власти руководитель, Петлюра, заключил договор с поляками, национальными врагами украинского крестьянина.

Украинская буржуазия оказалась даже менее способной, чем великорусская, к тому, чтобы совершить буржуазную революцию. Ее неудача освободила место для ее преемника. На это место не было серьезных претендентов, кроме большевиков, а то, что все выступавшие против них силы одна за другой распались, показывало, что украинские массы по крайней мере принимали большевиков как наименьшее из возможных зол. Однако урегулирование не стало от этого легким.

Перед Советским правительством в начале 1918 г. и затем вновь в начале 1919 г. стоял единственный действенный выбор: включить Украину непосредственно в Советскую Россию или пытаться удовлетворить украинские национальные устремления путем создания самостоятельной Советской Украины. Вторая альтернатива диктовалась принципами, которые были во всеуслышание провозглашены перед революцией, а также ленинским твердым убеждением, что максимальное разделение во имя самоопределения наций – вернейший путь к окончательному душевному согласию.

Есть много данных, подтверждающих, что Ленин лично боролся за то, чтобы сделать реальной политику создания независимой Советской Украины. Когда Советская власть

должна была там вот-вот установиться в третий раз, после разгрома Деникина в декабре 1919 г., резолюция "О Советской власти на Украине", составленная Лениным и утвержденная Центральным Комитетом партии, была передана на специальное рассмотрение партийной конференции в Москве. Прежде всего она касалась отношения советской администрации к украинскому национальному вопросу и украинскому крестьянину. В ней осуждались "попытки искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план" и выдвигалось требование, чтобы все должностные лица умели говорить по-украински. В ней также предписывалось разделить бывшие крупные имения между крестьянами, создавать советские хозяйства "в строго необходимых размерах" и производить реквизицию зерна "*лишь в строго ограниченном размере*".

Однако такая позиция встретила на конференции решительное противодействие со стороны большевистских руководителей Украины. Раковский утверждал, что основой советского строя должны быть крупные советские хозяйства. Бубнов, один из его коллег по Совнаркому Украины, рассматривал требование о том, чтобы должностные лица говорили по-украински, как преувеличение значения украинского национализма. Кроме того, Бубнов, Мануильский и другие протестовали против любого соглашения с боротьбистами – украинской крестьянской партией эсеровского типа, которая стремилась к союзу с большевиками[58]. На конференции была одобрена ленинская резолюция, и в марте 1920 г. боротьбисты были приняты в коммунистическую партию[59]. Но там, где противодействие на местах было таким сильным и далеко идущим, трудности в проведении в жизнь партийной линии не могли быть легко преодолены. И несправедливо было бы приписывать эти трудности слепоте или упрямству нескольких лиц.

Украинские национальные устремления не могли быть удовлетворены в буржуазных рамках. Тем не менее, когда большевики, создав Украинскую ССР, объявили тем самым о переходе от буржуазной к пролетарской революции, украинская национальная проблема предстала в новой и почти столь же неподатливой форме. Суть большевистской теории заключается в том, что один лишь пролетариат способен вести крестьянство по революционному пути, а в условиях отсутствия национального украинского пролетариата национальное содержание социальной революции на Украине оставалось искусственным и до некоторой степени надуманным. Для украинского буржуазного интеллигента новый режим портило то, что его руководители по-прежнему были преимущественно великороссами по духу и образованию, если не по рождению. От этого впечатления нелегко было избавиться. И привлечение на свою сторону нескольких бывших украинских националистов, особенно ветерана украинского национализма Грушевского, который, вернувшись в Киев в 1923 г., стал президентом новой Украинской

Академии наук, недостаточно скрывало великорусский характер правительства Советской Украины. Для украинского крестьянина недостатком новой власти было то, что это была власть людей городских. Этот недостаток менее остро ощущался в период примирения с крестьянством, которое символизировал НЭП. А позднее, когда давление на крестьянина со стороны пролетариата возобновилось и недовольство украинского крестьянина совпало с недовольством украинского интеллигента, еще раз подтвердилась та истина, что национальная проблема обостряется тогда, когда приобретает социальное и экономическое содержание.

Создание Белорусской ССР в феврале 1919 г., почти одновременно с Украинской ССР, представляло собой дальнейшее применение политики разъединения во имя самоопределения наций. В Белоруссии проблема была проще, чем на Украине, поскольку имелась лишь начальная форма белорусского буржуазно-националистического движения, но именно этот факт и делал урегулирование более искусственным. Все происходило по украинскому образцу. Еще в марте 1917 г. белорусский национальный съезд заявил о своей поддержке "федеративного демократически-республиканского строя" России, а также учредил Белорусский национальный комитет[60]. В августе 1917 г. в Минске была учреждена буржуазная Белорусская рада[61], и уже в начале января 1918 г. ее делегаты действительно появились на III Всероссийском съезде Советов – но оказалось, что их не хотят слушать, а их мандаты отвергнуты[62]. В последние дни 1917 г. в Минске произошли забастовки. Большевистский военно-революционный комитет, возникший после Октябрьской революции, свергнул Раду, учредил "Совет народных комиссаров Западной области и фронта" и провозгласил право "трудового народа Белоруссии... решать вопрос о национальном самоопределении"[63]. В течение нескольких недель в Минске находилось у власти рудиментарное Белорусское Советское правительство[64]. Но в феврале 1918 г. наступающие немецкие войска свергли его и, желая в свою очередь отдать дань модной теории самоопределения наций, учредили собственную Белорусскую раду. Позднее в том же году в Москве были проведены съезды белорусских эмигрантов, провозгласившие неизменное стремление к союзу с Российской Советской республикой[65].

Никакие дальнейшие практические вопросы не возникали, пока германские армии, находившиеся за пределами границ, установленных в Брест-Литовске, не начали распадаться в ноябре 1918 г. Тогда потребовалось принять постановление о власти на освобожденной территории, и, так же как и на Украине, нужно было выбирать между ее включением в Россию и созданием отдельной Белорусской республики. Те же соображения привели к тому же решению. Оно было принято Централь-

ным Комитетом партии, и необходимые указания были переданы Сталиным руководителю местных коммунистов по фамилии Мясников 25 декабря 1918 г.[66] 1 января 1919 г. "временное Рабоче-Крестьянское Правительство Белорусской Советской Независимой Республики" провозгласило в Минске свою власть и объявило "продажную буржуазную Белорусскую Раду" вне закона[67]. Ровно месяц спустя в Минске собрался I Белорусский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а 4 февраля 1919 г. он утвердил Конституцию Белорусской ССР и создал белорусское правительство[68]. Работа проводилась в такой спешке, что, включив в Конституцию, составленную по тому же плану, что и Конституция РСФСР, определение функций Съезда Советов и Центрального Исполнительного Комитета, не включили в нее ни положение о местных Советах, ни положение о Совнаркоме.

Как и Украине, Белоруссии пришлось пережить дальнейшие трудности даже после того, как она стала Социалистической Советской Республикой. В течение весны 1919 г. составлялись планы создания федерации двух одинаково молодых и почти одинаково слабых республик – Белорусской и Литовской[69]. Но в апреле 1919 г. в связи с польским наступлением вопрос о Литовской ССР отпал, а польские армии заняли часть территорий, на которые претендовала Белоруссия, и в августе 1919 г. захватили даже Минск. В ходе польско-советской войны 1920 г. в результате продвижения советских войск на территорию Польши Белорусская республика была освобождена и 1 августа 1920 г. пышно отпраздновала победу[70]. Польско-советское перемирие, заключенное в октябре 1920 г., опять лишило Белоруссию западной части ее территории (что было подтверждено договором, заключенным в Риге 18 марта 1921 г.). Однако на этот раз решение было окончательным, и наступил мирный период. В декабре 1920 г. II съезд Советов Белоруссии восполнил пропуски в Конституции, утвержденной в феврале 1919 г., приняв ряд "дополнений"[71].

"К белорусам, – замечает один современный историк, – национальное сознание пришло как почти непрошенный дар русской революции"[72]. Автор одной из статей в официальной газете Наркомнаца признавал, что белорусские рабочие и крестьяне "всегда считали себя частью трудового народа России, ее гражданами, и лишь незначительная часть мелко-буржуазной белорусской интеллигенции отстаивала независимость Белоруссии"[73]. Однако, согласно большевистской теории, нация есть нормальная и полезная, хотя и не обязательная, стадия исторического развития, и если белорусская нация еще не существовала, то аналогия подсказывала, что скоро она должна была родиться. Таков был довольно сомнительный довод, с помощью которого Сталин защищался на съезде партии от обвинения в том, что "мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно":

"Лет сорок тому назад Рига представляла собой немецкий город, но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальности, то теперь Рига – чисто латышский город. Лет пятьдесят тому назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризированы. То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают небелорусы"[74].

Это был, возможно, наиболее крайний, во всяком случае в Европе, пример обращения к принципу самоопределения наций с целью не столько удовлетворить, сколько вызвать национальное самосознание.

Положение с Эстонией и Латвией представляло собой нечто среднее между ситуацией, сложившейся с Финляндией, с одной стороны, и Украиной и Белоруссией – с другой. Обе страны имели крошечные размеры, и население соответственно – 1250 тыс. и 1750 тыс. человек, но языки, отличающиеся друг от друга, не родственные ни тевтонским, ни славянским языкам, ставили их в особое положение. Небольшого масштаба, но подлинное буржуазно-националистическое движение выросло в обеих странах в результате протеста против преобладания немецких купцов, промышленников и землевладельцев – движение гораздо более слабое и не так прочно установившееся, как соответствующее движение в Финляндии, но более сильное и более исполненное решимости, чем на Украине. В обеих странах Советская власть была провозглашена в тот момент, когда свершилась Октябрьская революция, но ее вскоре смели наступавшие германские армии. Вслед за крушением Германии в ноябре 1918 г. в Риге и Таллинне были созданы буржуазные национальные правительства. Но их существование было недолгим. 29 ноября 1918 г. в Нарве было объявлено о создании Эстонского Советского правительства, а через 3 недели последовало провозглашение Латвийского Советского правительства. С востока начали прибывать советские войска, местные и русские. Это был период, когда лозунг "самоопределение для трудящихся" официально был в ходу и заявление Сталина о проводимой политике было ясным и недвусмысленным:

"Советская Россия никогда не смотрела на западные области, как на свои владения. Она всегда считала, что области эти составляют неотъемлемое владение трудовых масс населяющих их национальностей, что эти трудовые массы имеют полное право свободного определения своей политической судьбы. Разумеется, это не исключает, а предполагает всемерную помощь нашим эстляндским товарищам со стороны Советской России в их борьбе за освобождение трудовой Эстляндии от ига буржуазии"[75].

Эстонская Советская республика была признана в Петрограде 8 декабря 1918 г.; Латвийская Советская республика

признана 22 декабря 1918 г.[76] Уже в начале января 1919 г. в Риге была установлена Советская власть.

До того времени в качестве образца служила Украина, и так как в Риге существовал крупный местный промышленный пролетариат, основы Советской власти казались более прочными на берегах Балтийского моря, чем на Украине. Однако в сложившейся ситуации решающим фактором оказалось повсеместное наступление британских военно-морских сил. После окончания военных действий против Германии британские военно-морские подразделения появились в Балтийском море. Эстонская Советская республика прекратила свое существование в январе 1919 г. Латвийская Советская республика продержалась в Риге в течение пяти месяцев, а затем пала под угрозой британской военно-морской артиллерии. В обеих странах буржуазные правительства, восстановленные под защитой британских военно-морских сил, располагали достаточным временем для укрепления своей власти.

В дальнейшем, после того как Советское правительство покончило с авантюрой Юденича[77], оно пересмотрело свою политику. Эти два буржуазных правительства оказались значительно сильнее и сплоченнее, чем предполагалось, а их враждебность к Юденичу свидетельствовала о том, что к Советской республике они в целом относятся без неприязни. Прежде всего именно теперь, когда в сферу советской политики начинала входить внешняя торговля (блокада союзников была снята в январе 1920 г.), представлялось в какой-то мере целесообразным считать порты Риги и Таллинна ничьей землей, расположенной между капиталистическим и советским мирами. Было решено следовать в первую очередь финскому, а не украинскому образцу, отказаться от планов создания Эстонской и Латвийской Советских республик и признать буржуазные правительства в качестве высших органов власти, осуществляющих право на национальное самоопределение. Договоры о мире были заключены с Эстонией 2 февраля 1920 г.[78] и с Латвией 11 августа 1920 г.[79] Власть, установившаяся в результате этих событий, существовала в течение ровно 20 лет.

Литва, третья Прибалтийская республика, с небольшими отклонениями следовала по пути Латвии и Эстонии. Зимой 1917/18 г. был создан буржуазный Национальный совет – Литовская тариба. Наподобие Белорусской рады, сформированной в феврале 1918 г., Литовская тариба, по существу, была создана немцами, и по соглашению с немецкими оккупационными властями 16 февраля 1918 г. была провозглашена независимость Литвы[80]. После крушения Германии в Литве было объявлено о создании рабочего и крестьянского правительства[81], которое (несколько преждевременно) было признано Петроградом одновременно с соответствующим более самостоятельным правительством Латвии 22 декабря 1918 г.[82] В следующем месяце буржуазная Литовская тариба была фактически изгнана из

Вильно, где была установлена Советская власть. В апреле 1919 г. захват Вильно польской армией разрушил планы создания федерации Литовской и Белорусской Советских республик и положил конец существованию Советской Литвы. Через год и три месяца, когда в ходе советско-польской войны советские войска освободили Вильно, в Литве получили распространение Советы иного типа. 12 июля 1920 г. (параллельно с договорами, подписанными с Эстонией и Латвией в том же году) был подписан мирный договор с буржуазным правительством Литвы[83], и хотя в дальнейшем это не спасло Литву от потери Вильно, захваченного польским грабителем Желиговским, советское признание Литовского правительства, которое переехало в город Ковно, оставалось в силе. Несмотря на то что Литва незначительно превосходила Латвию или Эстонию по территории и численности населения, она была почти исключительно аграрной страной; в ней отсутствовал пролетариат, было мало интеллигенции. Ее требование независимости, будь то при буржуазной или советской помощи, опиралось на непрочную основу, поскольку главная ее моральная и материальная поддержка поступала от многочисленного литовского населения Соединенных Штатов Америки. К вопросу о независимости Литвы Советская Россия подходила от противного. Если бы Литва не обрела независимости, она бы попала в сферу польского влияния, между тем как независимость Литвы могла бы стать бельмом на глазу Польши. Поэтому советская сторона была в данном случае заинтересована в том, чтобы по возможности максимально осуществить принцип национального самоопределения.

б) Восточные окраины

Западные окраины РСФСР населяли народы – будь то славянские или неславянские, – которые находились в сфере влияния европейской цивилизации. Они были близки русскому народу по своему образу жизни и достигли уровня культуры и материального благосостояния, не уступавшего – а порой значительно превосходившего – уровню великороссов. Вопрос об их отношениях с преимущественно великорусским центром страны аналогичен был возникшему в Западной Европе вопросу, например, с положением чехов в империи Габсбургов до 1918 г. или словаков и судетских немцев в Чехословакии после 1918 г. Были открыты возможности для принятия альтернативных решений: отделение, федерация, автономия или полное объединение, – и можно было бы привести доводы в пользу каждого из этих решений. Однако какими бы ни были принятые решения, возникшие проблемы были аналогичны по характеру уже известным в Западной Европе проблемам "национальных меньшинств".

Что же касается восточных окраин, в которые входили территории бассейна Волги, северных склонов Кавказа и Средней Азии (к востоку от Каспийского моря), то тут возникали проблемы иного порядка. Население этих районов по своему происхождению, языку и особенностям, сложившимся на основе средневековой цивилизации монголов, относилось скорее к Азии, чем к Европе. Около 10 млн. населения восточных окраин все еще вели кочевой образ жизни и сохраняли черты первобытной племенной организации. По своему уровню жизни и культурному уровню эти народы далеко отстояли от русского народа и народов западных окраин. В этих районах немногочисленные разрозненные русские были поселенцами и колонизаторами. В 50-е годы прошлого столетия Энгельс писал об этих народах:

"...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар"[84].

Вопросы, связанные с их положением по отношению к центру страны или с планами их освобождения, трактовались на Западе как проблемы "колоний", а не "национальных меньшинств". В советской литературе "национальный" и "колониальный" вопросы обычно были взаимосвязаны.

Осуществление принципа самоопределения наций на западных окраинах привело к образованию до конца 1920 г. независимых несоветских республик в Польше, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве, а также к созданию Украинской и Белорусской Советских республик, установивших тесные, но пока неопределенные отношения с Российской Советской республикой. На Востоке решение этого вопроса было менее четким, что отчасти объяснялось сложностью местной обстановки, а отчасти – изменениями, происходившими в ходе гражданской войны. Тем не менее повсюду осуществлялся единый общий принцип.

На первом этапе революции был провозглашен принцип национального самоопределения, который на практике в первую очередь выразился в требовании не столько полной независимости, сколько автономии. Большевики, отстаивая этот принцип более энергично и последовательно, чем Временное правительство, вначале завоевали решительную поддержку национальных движений восточных народов. Но когда те же большевики после Октябрьской революции заняли место русского правительства (хотя и изменив его название) и приступили к управлению страной из Петрограда, а также когда, при переходе ко второму этапу революции, они прямо или косвенно бросили вызов существующему порядку, самозваные национальные лидеры стали проявлять лояльность к силам контрреволюции.

Однако подобные шаги привели к тем же последствиям, что и на Украине. Ни один из "белых" генералов, возглавлявших борьбу против Советского правительства, не сочувствовал национальным чаяниям отсталых народов бывшей Российской империи, за восстановление которой они боролись, так что национальные вожди этих народов оказались между двух огней: либо возвратиться под царское ярмо, либо погрузиться в бурные воды социальной революции. Таким образом, гражданская война окончательно выявила несостоятельность процесса, который по аналогии можно назвать "буржуазным" национальным движением восточных народов, и ускорила продвижение советского руководства по пути перехода от национальной революции к социальной.

Вообще говоря, гражданская война обозначила перелом между двумя стадиями советской политики в отношении восточных окраин. Волнения среди мусульманских народов стали заметны еще до Февральской революции[85]. Национальные движения среди татар Поволжья (единственно, где начал формироваться средний класс коммерческой буржуазии), среди их непосредственных соседей – башкир, которые в прошлом вели кочевой образ жизни, но теперь занимались главным образом сельским хозяйством и лесоводством, а также среди казахов, которые в основной массе оставались кочевниками (авторы XIX века ошибочно называли их киргизами)[86] и населяли обширные степи, простиравшиеся к востоку от Казани далеко в глубь Средней Азии, в их начальной стадии существовали еще со времени революции 1905 г. Эти движения поддерживались небольшими группами интеллигентов и разрастались в результате колонизаторской политики царского правительства, которое, стремясь расширить и улучшить обработку земель, расселяло на них местное население и привлекало переселенцев из других районов. Захват исконных пастбищ казахов и заселение их русскими вызывали постоянное недовольство казахов, поэтому попытки мобилизовать население на работы в период войны привели к серьезному бунту казахов в 1916 г. Такие же волнения происходили и южнее, среди более оседлого населения Хивы, Бухары и Туркестана, которые в прошлом входили в средневековую империю Чингисхана. В период зимы 1916/17 г. полунезависимый хан Бухары был вынужден призвать русские войска для подавления восстания своих подданных.

Эти события были предвестниками всеобщего движения, возникшего в 1917 г. В мае того же года в Петрограде состоялся I Всероссийский мусульманский съезд, на котором было выдвинуто требование не национальной независимости, а национальной автономии, причем главным камнем преткновения стало противоречие между большинством, требовавшим, чтобы была создана "демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах", и меньшинством, согласным на культурную автономию в пределах единого Российского

государства[87]. В обстановке неразберихи, сложившейся по всей России, различные мусульманские народы приступили к осуществлению своих стремлений.

В июле 1917 г. в Казани состоялся II Всероссийский мусульманский съезд. Им руководили главным образом татары, которые, будучи самым высокоразвитым народом среди мусульман, стремились возглавить мусульманское национальное движение и даже потакали устремлениям пантюркизма. В Оренбурге одновременно проходил Всебашкирский съезд, и на нем было выдвинуто требование автономии для башкир. Примерно в это же время был созван съезд казахов, также в Оренбурге. На этом съезде был создан Национальный совет, по традиции названный "Алаш-Орда" (орда Алаша, предполагаемого мифического прародителя казахов), и была также выдвинута программа, в которой провозглашалось, что "Россия должна стать демократической федеративной республикой", а Казахстан должен в нее войти в качестве автономной единицы[88]. Летом 1917 г. в различные сроки были проведены съезды малых мусульманских народностей Поволжья – мари, вотяков и чувашей, – и на них были выдвинуты сходные требования[89]. Состоялось также два съезда мусульманских племен Северного Кавказа во Владикавказе, в мае и сентябре[90]. Ни один из них не был революционным в социальном смысле, и почти все они (движение казахов составляло, пожалуй, исключение) были проникнуты более или менее явно выраженным религиозным духом. Судя по протоколам Всебашкирского съезда, в его работе приняли участие муллы, старейшины и кулаки: была назначена входная плата на съезд в размере 50 рублей с человека[91]. А главой мусульман Северного Кавказа был избран мулла по фамилии Гоцинский, и он стал муфтием[92].

При таких обстоятельствах неудивительно, что национальная проблема вначале предстала перед советскими руководителями почти исключительно под маской мусульманства. Первым шагом, который сделало Советское правительство в этой области вслед за провозглашением общей Декларации прав народов России, был выпуск специального обращения "Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока". В нем заявлялось о горячем желании русского народа "добиться честного мира и помочь угнетенным народам мира завоевать себе свободу" и содержался такой призыв:

"Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными.

Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!"

Далее в обращении речь шла о мусульманах Востока, проживающих за пределами старой России; их призывали к свержению угнетателей и им обещали поддержку[93]. В соответствии с декретом, принятым 19 января 1918 г., был создан Центральный мусульманский комиссариат внутренних дел. Комиссаром стал татарин, его главными помощниками – татарин и башкир[94]. В этот период произошло важное событие – вручение "Краевому Мусульманскому Съезду Петроградского Национального Округа" так называемого "Священного Корана Османа", который в прошлом был вывезен из Самарканда и передан императорской библиотеке[95]. Другим важным делом явилось выпущенное в связи с прекращением переговоров в Брест-Литовске и новым наступлением германских войск обращение Центрального мусульманского комиссариата "К мусульманскому революционному народу" с призывом: "спешите под красные знамена Мусульманской Социалистической армии"[96]. На съезде мусульманских коммунистических организаций, состоявшемся в Москве в ноябре 1918 г., было создано "Центральное бюро мусульманских коммунистических организаций", которое выпускало пропагандистский материал на многих языках (включая ежедневную газету на турецком языке), а также рассылало агитаторов и организовывало местные типографии[97]. На II съезде, состоявшемся в ноябре 1919 г., выступили даже и Ленин и Сталин[98].

Второй этап советской политики, определившийся в начале 1918 г., был связан на Востоке – так же как и на Украине – с активным вмешательством в борьбу против "буржуазных" национальных правительств, которые возникли в промежуточный период между Февральской и Октябрьской революциями. В послеоктябрьский период эти правительства были склонны – так же как и Украинская рада – выступать против Советского правительства, находившегося в Петрограде. Возможно, это было вызвано предполагаемой угрозой с его стороны существующему строю, а может быть, опасением того, что, будучи Российским правительством, оно по своей природе относится враждебно к народам, в прошлом подвластным России. Башкирское правительство во главе с неким Валидовым, которое после Октябрьской революции провозгласило автономное башкирское государство, перешло на сторону оренбургских казаков, открыто воевавших против Советского правительства[99]. Это было характерно для большинства так называемых "националистов".

Раскол привел к тому, что Советское правительство стало искать поддержку среди "полупролетарских" (строго говоря, в этом случае термин "пролетарский" так же неуместен, как и термин "буржуазный") элементов соответствующих районов и поощрять зародившиеся среди них недовольство и стремление к переменам. В сущности, эта политика представляла собой восточный аналог западной политики "самоопределения для трудящихся". Этот период – в отличие от предшествующего – был отмечен решительным наступлением на мусульманскую религию, ее традиции и обычаи. Происходило это отчасти, несомненно, на идеологической основе, но отчасти и в целях уничтожения влияния мулл, которые часто возглавляли "буржуазные" национальные движения. Ликвидация автономных правительств татар и башкир в марте 1918 г. была осуществлена путем провозглашения единой "Татаро-Башкирской Советской Республики Российской Советской Федерации"[100], в которую должны были также войти чуваши и марийцы. Вслед за этим, 13 апреля 1918 г., был выпущен указ о роспуске бывшего татарского Национального совета и об аресте руководителей татар[101].

Согласно одному из отчетов, эта политика была принята ВЦИКом, и Сталин навязал ее Наркомнацу вопреки решительному протесту со стороны его коллег по комиссариату[102]. Подписанное Сталиным, который занимал пост народного комиссара по делам национальностей, имеющее важное значение "Обращение" к "Советам Казани, Уфы, Оренбурга, Екатеринбурга, Совнаркому Туркестанского края и другим" явилось подтверждением того, что это должно было послужить прецедентом. В "Обращении" говорилось: "Революция, начатая в центре, распространялась на окраинах, особенно на восточных, с некоторым опозданием". В нем также отмечались "специальные способы вовлечения трудящихся и эксплуатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития".

Поскольку "буржуазно-националистические группы требуют автономию для того, чтобы превратить ее в орудие закабаления своих собственных "масс", спасение можно обрести только на основе организации местных Съездов Советов и провозглашения "Советской... автономии"[103].

Политика насильственной советизации восточных окраин, основанная на предполагаемой поддержке местных революционно настроенных масс, одинаково враждебных по отношению к буржуазному национализму и исламу, потерпела неудачу. Легко преувеличить влияние мулл и буржуазных интеллигентов, возглавлявших зачаточные национальные движения – особенно их влияние среди кочевых народов, – однако цели и методы большевиков вызывали еще меньше понимания и симпатии, а планы, которые вынашивались в Москве людьми, хорошо знакомыми с западными условиями, были мало привлекательны для общностей, занятых примитивным сельским хозяйством, или

для кочевников, озабоченных в первую очередь недостаточным количеством скота и лишением их пастбищ[104]. Добиться серьезной поддержки татарами или башкирами предложения о создании Татаро-башкирской Советской республики было невозможно. Чуваши, которые, по свидетельству местного историка, не стремились ни к независимости, ни к автономии, выразили протест против их включения в эту республику[105]. И несмотря на то что в Москве в мае 1918 г. была проведена подготовительная работа[106], республика так и не была создана.

Гражданская война разразилась в обстановке разгула анархии, смешанных и противоречивых устремлений, и в июне антибольшевистское Самарское правительство начало распространять свою власть на бóльшую часть территории Среднего и Нижнего Поволжья. Единственное значительное достижение во всем этом районе в 1918 г. связано с немусульманской общиной, проживавшей в западной части Поволжья. В октябре 1918 г. 400 тыс. немцев Поволжья получили разрешение на создание автономной "трудовой коммуны" со своим съездом Советов и исполнительным комитетом[107].

Аналогичная политика проводилась и по отношению к другим мусульманским общностям, но она нигде не дала положительных результатов. В Крыму Директория, учрежденная Татарским Национальным собранием, образованным в период между Февральской и Октябрьской революциями, была свергнута большевиками в январе 1918 г., и взятие Севастополя сопровождалось надолго запомнившимися жестокостями. Вместо прежнего правительства была провозглашена Татарская Советская республика Крыма. Но она существовала недолго. Немцы, заняв Украину, продвинулись в Крым и создали там марионеточное правительство, которое возглавил русский генерал Сулькевич, чье правление – так же как и правление Скоропадского на Украине – закончилось после падения власти немцев в ноябре 1918 г. Затем группа "белых", бежавших от большевиков, в большинстве своем кадетов, создала Крымское правительство, панроссийское по своему составу и настроениям, которое и не претендовало на то, чтобы представлять интересы крымских татар. Это правительство разделяло власть с военной администрацией Дéникина, испытывая при этом определенные трудности. Пользуясь в какой-то мере признанием и поддержкой союзников, оно сохраняло свои позиции до поражения Деникина[108].

На Северном Кавказе и в Дагестане в течение всего 1918 г. периодически вспыхивала борьба между большевиками и националистами, которых поощряли и поддерживали турки, пока по всей этой территории не пронеслись войска Деникина, усугубив лишения и невзгоды, причиненные на ранних этапах борьбы[109].

Политика советского руководства после событий 1918 г. была продиктована нуждами гражданской войны и связанными

с нею возможностями. К марту 1919 г. центры борьбы удалились от Волги. Башкиры, подвергшиеся преследованиям со стороны как Колчака, так и Дутова (атамана оренбургских казаков)[110], были готовы прислушаться к предложениям Москвы, и был заключен договор между РСФСР и правительством "Автономной Башкирской Советской Республики", возглавляемой Валидовым, который на время вновь обрел большое влияние[111].

Такие же процессы происходили и в более отдаленных восточных районах. Казахская "Алаш-Орда" раскололась на две части, одна из которых перешла на сторону большевиков. В июне 1919 г. был принят декрет о создании "революционного комитета" по управлению казахской территорией. В нем предусматривалась раздельная юрисдикция для русского и казахского населения. Этот декрет представлял собой впервые сделанную попытку удовлетворить требования казахов по аграрному вопросу. Не отбирая у русских поселенцев земли, уже находившиеся в их владении, декрет запрещал какое-либо дальнейшее поселение за счет казахов, даже на землях, уже предназначенных для поселения. Это остановило произвольное присвоение казахских земель, хотя такое решение не было радикальным и уж тем более революционным[112]. Такое мероприятие явно имело целью приобрести поддержку со стороны казахов, колебавшихся в период гражданской войны. В дальнейшем было объявлено о роспуске "Алаш-Орды"[113].

Спустя месяц было выпущено воззвание к калмыкам. (Это обособленная народность численностью около 200 тыс. человек. Они вели главным образом кочевой образ жизни, говорили на языке монгольской группы и исповедовали буддизм. Калмыки населяли территорию вдоль верхней части побережья Каспийского моря близ Астрахани.) В воззвании было объявлено о намеченном созыве съезда трудящихся калмыков, и их призывали добровольно вступать в Красную Армию для борьбы с Деникиным[114]. Вслед за этим был выпущен декрет (сформулированный почти так же, как декрет, обращенный несколькими днями ранее к казахам), который гарантировал "трудовому калмыцкому народу" полное право использования принадлежащих ему земель и запрещал в дальнейшем предоставление русским поселенцам земель калмыков[115]. Однако эти декреты 1919 г. больше служили целям пропаганды и убеждения, чем целям создания общественно-политических организаций трудящихся. Поэтому на всех восточных окраинах очень немногое из того, что было тогда создано, оказалось долговечным.

Сопротивление, с которым продолжали сталкиваться большевики почти на всей территории восточных окраин до конца 1919 г., вызывалось главным образом переменным успехом в войне. Пока судьба советского строя висела на волоске и пока его влияние на восточные окраины оставалось непостоянным и непрочным, местное население не стремилось оказывать ему поддержку. Однако это сопротивление усилива-

лось в результате непримиримого отношения советских эмиссаров к мусульманской религии. Советские руководители не располагали достаточными знаниями о восточных районах обширной территории, которой они так неожиданно овладели. Согласно их смутному представлению, угнетенные народы в равной мере жаждали освобождения от суеверных мулл и от царских правителей, и они с удивлением обнаружили, что в то время как влияние ислама на кочевников и часть населения Средней Азии было незначительным и почти условным, тем не менее ислам повсюду оставался живучим и незыблемым институтом, оказывающим более сильное сопротивление новым верованиям и новым обычаям, чем православная церковь[116]. В районах, где влияние ислама было глубоким (особенно на Северном Кавказе)[117], мусульманская религия наряду с религиозными институтом представляла собой институт социальный, правовой и политический, который регулировал почти все аспекты повседневной жизни верующих. Имамы и муллы были судьями, законодателями, учителями и мыслителями, а также политическими и иногда военными руководителями. Тот факт, что этому влиянию обычно поддавалось население, отличавшееся низким экономическим и культурным уровнем развития, использовался большевиками как довод против ислама, однако трудность решения проблемы при этом возрастала. К концу 1919 г. советские руководители, по-видимому, пришли к заключению, что единственным целесообразным шагом было бы внести раскол в ряды духовенства, добившись поддержки наиболее молодой его части[118]. Это предполагало компромисс с исламом. Другими словами, это означало отказ от твердой идеологической позиции периода гражданской войны и возврат к политике терпимости, проводимой в первую зиму революции.

1920 год был отмечен важными переменами в отношениях между Москвой и восточными окраинами. До сих пор советская политика была обращена главным образом на Запад, который вначале олицетворял надежды мировой революции, а впоследствии стал источником опасности для существования советского строя. Однако теперь главная опасность уже миновала, хотя она вновь ненадолго возникла в момент вторжения поляков в мае 1920 г. После поражения Колчака и Деникина впервые представилась возможность навести порядок на территории восточных окраин и приступить к осуществлению ленинского плана сплочения революционных масс угнетенных народов Востока и революционно настроенных рабочих и крестьян России. Влияние советской политики упорно распространялось с Запада на Восток. Съезд народов Востока, состоявшийся в Баку в сентябре 1920 г., ознаменовал начало крестового похода восточных народов во главе с советскими руководителями против империализма Запада.

В то же время произошли соответствующие изменения и в позиции самих народов Востока. Во всех этих районах в конеч-

ном итоге последствия гражданской войны, проводимой "белыми" при поддержке иностранных сил, привели к укреплению престижа и авторитета российского Советского правительства. Едва скрываемое стремление "белых" генералов восстановить как на территории собственно России, так и на территории нерусских окраин старую систему землевладения и систему собственности на средства промышленного производства способствовало тому, что дело борьбы за Советскую власть робко стало поддерживать большинство крестьян и рабочих. На нерусских территориях решимость "белых" восстановить единство Российской империи с ее традицией полного политического и культурного подчинения нерусских элементов являла собой мрачный контраст с советскими обещаниями неограниченного национального самоопределения, пусть даже обусловленного определенными политическими и социальными предпосылками. В 1918–1919 гг. мусульманские народы в основном оказывали упорное сопротивление Советской власти. Испытав на себе жестокость "белых" армий, они с 1920 г. стали более лояльными по отношению к советскому влиянию и руководству.

В соответствии с этой политикой в течение мая 1920 г. ВЦИК издал декрет о создании Башкирской и Татарской Автономных ССР и Чувашской Автономной Области[119]. Позднее в том же году были образованы Казахская Автономная Советская Социалистическая Республика* и Автономная Область Калмыцкого народа[120]. Это не означало, что трудности уже позади. Новая организация еще повсюду только зарождалась, и в связи с этим часто шли споры относительно границ. В некоторых местах для подавления сопротивления "буржуазных националистических" элементов все еще приходилось прибегать к силе. В мае 1920 г. на территории Башкирии была создана Башкирская Автономная ССР, что повлекло за собой отстранение от власти способного, но беспокойного Валидова. Вслед за этим событием возникли серьезные беспорядки, продолжавшиеся в течение всего лета и осени 1920 г., и среди них важную роль играло движение за восстановление правительства Валидова. На всей территории господствовала обстановка анархии и гражданской войны. Согласно авторитетному источнику, "всеобщее башкирское восстание" было едва предотвращено[121].

В Казахстане особенно острым оставался вопрос о земле. В сложившейся ситуации русские поселенцы и даже оседлые казахи были склонны поддерживать режим, установленный по инициативе Москвы, в то время как казахи-кочевники – те из них, кто отличался хоть каким-то уровнем политического сознания, – считали русских большевиков естественными преемниками русского царя. Это создавало серьезные препятствия на пути широкой аграрной реформы. Более того, существовали веские

*До 1925 г. она называлась Автономная Киргизская Социалистическая Республика. – *Прим. ред.*

причины для отказа от передела обработанных участков земли с целью возвращения их казахским кочевникам, будь то для их использования или в качестве пастбищ, или для заселения, поскольку такая мера, какой бы она ни была справедливой и политически целесообразной, неизбежно повлекла бы за собой немедленный упадок сельскохозяйственного производства. Нет возможности получить точную информацию о том, в какой мере был в действительности осуществлен передел земли, отнятой у казахов. Но известно, что в 1921 г. в Казахстане, как и по всему Поволжью, особенно свирепствовал голод[122].

На Северном Кавказе общее урегулирование обстановки было также достигнуто еще до конца 1920 г. До осени того же года там по-прежнему царила неразбериха. Мулла Гоцинский продолжал выступать против Советской власти в Дагестане[123], а западнее, в тылу советских войск, ведущих бои с Врангелем в бассейне Дона, поднялись казаки Терской области и опять перерезали жизненно важные коммуникации между Москвой и Баку[124]. Однако к октябрю 1920 г. было заключено перемирие с Польшей; войска Врангеля отступали в направлении Крыма; и в газете "Правда" Сталин объявил о переходе к новой политике "Советской автономии"[125].

В том же месяце Сталин отправился в длительную поездку по Северному Кавказу. 13 ноября 1920 г. он выступал на Съезде народов Дагестана, состоявшемся в городе Темир-Хан-Шура, его временной столице. Точка зрения руководителя была ясной и недвусмысленной. Теперь, когда Врангель разгромлен и заключен мир с Польшей, "Советское правительство имеет возможность заняться вопросом об автономии дагестанского народа". Следовательно, Дагестан "должен управляться согласно своим особенностям, своему быту, обычаям". Соблюдению религиозных обрядов и обычаев препятствовать не будут: "Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию". Вместе с тем "автономия Дагестана не означает и не может означать отделения его от Советской России"[126].

Четыре дня спустя во Владикавказе состоялся такой же Съезд народов Терской области, имеющих общее название – горцы. На него прибыл Сталин, чтобы "объявить волю Советского правительства об устроении жизни терских народов и об их отношениях к казакам". Он сказал о недостатках и достижениях. Опыт показал, что "совместное жительство казаков и горцев в пределах единой административной единицы привело к бесконечным смутам". Недавнее предательство некоторых казаков заставило советских руководителей выселить общины, нарушающие порядок, и поселить на их землях горцев. К тому времени было решено завершить процесс разделения казаков и горцев: река Терек должна была стать границей между Украиной и новой Горской Автономной Социалистической Советской Республикой[127].

В результате съездов в Темир-Хан-Шуре и Владикавказе через два месяца декретом ВЦИКа были созданы две автономные социалистические советские республики – Дагестан и Горская республика со столицей во Владикавказе; последняя была в дальнейшем разделена с образованием нескольких автономных областей[128].

Решение проблемы восточных окраин зимой 1920/21 г. было результатом окончательной победы советских войск в гражданской войне. Вопрос о власти был решен. Москва стала главным центром власти, и настало время определить новые формы правления, приемлемые для Москвы, а также назначить новых руководителей (русских или местных), которые действовали бы в согласии с Москвой. На всех этих территориях автономия была разумным решением административной проблемы, поскольку ни на одной из них невозможно были ни в коей мере усмотреть элементы независимости. На практике же степень автономии ограничивалась не столько барьерами, которые ставила высшая власть, сколько ограниченной способностью местной власти.

Большое значение имела конституционная форма урегулирования. Между центральной и местной властью не было никакого соглашения, никакой договоренности по поводу этих территорий. В каждом случае автономия была предоставлена исключительно на основе решения центральной власти. Таким образом, вопрос о статусе был определен в рамках Конституции РСФСР. Вопрос о конечной форме более широкого союза социалистических Советских республик в связи с восточноевропейскими окраинами не возникал.

Из всех окраин, расположенных в этом районе, в последнюю очередь решился вопрос о Крыме. Ситуация, сложившаяся на его территории в годы революции, была особенно неустойчивой. Крым был последним прибежищем Врангеля, последнего из "белых" генералов, а после его окончательного изгнания в конце 1920 г. непокорное татарское население почти в течение года продолжало оказывать сопротивление Советской власти. Наконец, 18 октября 1921 г. был издан декрет о создании Крымской Автономной ССР, вошедшей в состав РСФСР[129].

в) Средняя Азия

Район, который до 1914 г. обычно назывался русским Туркестаном, представлял собой обширную территорию, простиравшуюся к востоку от Каспийского моря вдоль северных границ Персии, Афганистана и Индии и на востоке граничащую с Синьцзяном (так называемым Китайским Туркестаном). Он входил в состав средневековой империи Чингисхана, и в его главных городах: Ташкенте, Самарканде, Коканде, Бухаре, Хиве и Мерве – сохранились многие обычаи и памятники древней цивили-

зации. По своей истории и оседлому образу жизни народ Туркестана значительно отличался от кочевников-казахов, населявших более северные степные территории, хотя они были близки по расовой принадлежности и языку. За исключением небольшой группы таджиков иранского происхождения, которые проживали на юго-востоке, народы Туркестана связывала общность тюркского происхождения, и все они говорили на тюркских диалектах. Впоследствии население Средней Азии было разделено на туркменов, проживавших в западных районах, узбеков – в центре, и киргизов, сосредоточенных на востоке, что было отчасти обусловлено выгодами административного характера. Это разделение было вызвано скорее местной враждой, чем глубокими расовыми, языковыми или историческими различиями. Туркестан был включен в состав царской империи только в 70-е годы прошлого века. Эмир Бухары и хан Хивы сохраняли номинальную независимость еще во время гражданской войны. Отдаленностью этих провинций и сравнительно недавним их присоединением к России объясняется тот факт, что контроль над ними со стороны русских был необычайно слабым. Однако Туркестан стал важным центром торговли, особенно в связи с введением хлопководства, и его население общей численностью около 12 млн. человек уже включало 500 тыс. русских переселенцев.

Административным центром Туркестана и местом возникновения крупнейшей русской колонии был Ташкент. Именно через Ташкент прежде всего распространялось влияние Европы. Волнения, вызванные войной 1914 г., усилились в результате восстания казахов на северной границе, которое произошло в 1916 г., а также вследствие присутствия в Туркестане большого числа немецких и особенно австрийских военнопленных, за которыми не было установлено даже до революции достаточно строгого надзора. После Февральской революции в Ташкенте были созданы "Туркестанский комитет", состоявший из крупных чиновников и сторонников Временного правительства, и Совет рабочих и солдатских депутатов, отличавшийся более радикальным характером. Председателю Совета рабочих и солдатских депутатов, в то время еще меньшевику, по фамилии Бройдо суждено было сыграть определенную роль в развитии советской политики на Востоке в последующие несколько лет[130]. По составу оба этих органа были исключительно или в основном русскими. Единственная организованная мусульманская партия в Туркестане – "Шура-и-Улема" – состояла из мулл и землевладельцев. Дело социальной революции было для них еще более чуждо, чем для участников мусульманского движения Поволжья.

Как и повсюду в Российской империи, общий упадок власти способствовал возникновению требований автономии. Уже в сентябре 1917 г. в результате местного переворота, осуществленного Центральным исполнительным комитетом Ташкентского

Совета, была свергнута власть местных представителей Временного правительства. Таким образом, Ташкент стал местопребыванием первого Советского (хотя еще и не большевистского) правительства, созданного в бывших царских владениях[131]. Через несколько недель после этих событий в результате восстания оренбургских казаков под предводительством атамана Дутова было прервано сообщение между Европой и Средней Азией, и такое положение сохранялось в течение большей части последующих двух лет. В этот период европейская часть России была лишена нефти и хлопка, доставляемых из Туркестана, а Туркестан – значительных поставок зерна; в результате голод охватил большие территории Средней Азии. В этих трудных условиях революционному движению в Туркестане пришлось развиваться почти или полностью без участия центра[132].

В самом начале революционное движение в Ташкенте было ограничено русской колонией. Согласно резолюции, принятой на Ташкентском съезде Советов 19 ноября (2 декабря) 1917 г., мусульмане в обязательном порядке отстранялись от правительственных должностей[133], и одним из первых мероприятий нового правительства было подавление восстания, охватившего мусульманские кварталы города. Однако тем временем в Коканде, главном городе Ферганской области, состоялся съезд мусульман, провозгласивший автономию Туркестана "в единении с федеративной демократической Российской республикой"[134]. Правительство Ташкента перешло в наступление и в результате ожесточенной борьбы одержало победу над противником и овладело Кокандом[135].

В течение последующих пяти лет в Фергане царила анархия из-за террора басмачей – так обобщенно назывались местные банды разбойников и авантюристов, которые укрывались в горах и существовали главным образом за счет грабежей[136]. Вместе с тем советское наступление на Бухару, которое напрасно рассчитывало на поддержку со стороны партии младобухарцев – буржуазно-националистической группы, стоящей на позициях джадидизма, – потерпело неудачу. И 25 марта 1918 г. Ташкентское правительство заключило договор с эмиром, признав его в качестве независимой власти[137]. К западу от Бухары хану Хивы также временно оставили возможность пользоваться своей независимостью[138]. А на территории Туркмении, расположенной к востоку от Каспийского моря, в июне 1918 г. при поддержке небольшого количества британских вооруженных сил, которые прошли через Персию и заняли Мерв, было создано недолго продержавшееся антибольшевистское русское правительство, состоявшее главным образом из эсеров[139].

Между тем правительство Ташкента оказалось во враждебном или потенциально враждебном окружении. Новое серьезное восстание против него произошло в Ташкенте в январе 1919 г., и оно вызвало жестокие репрессии. Правительство почти чудом удержалось у власти – вероятно, в результате

деятельности нескольких способных и беспощадных руководителей и в ситуации, при которой не было возможности быстро установить другую власть.

Коммунистическая партия в Туркестане была организацией молодой. До Октябрьской революции в Туркестане было лишь незначительное число социал-демократов и не проводилось различия между большевиками и меньшевиками. Первый скромный съезд большевиков Туркестана состоялся лишь в июне 1918 г., и в нем приняли участие около 40 делегатов. Однако малочисленность была отнюдь не самым существенным недостатком новой партии. Созданная после победы революции, она не овладела опытом революционной борьбы. С самого начала она представляла собой, так сказать, "официальную" партию, что оказало отрицательное влияние на уровень подготовки ее рядовых членов.

Русская колония в Туркестане распадалась на две основные группы. Первая группа состояла из чиновников, купцов и представителей интеллигенции; во вторую группу входили русские рабочие, главным образом железнодорожники. Члены обеих групп вступили в партию по различным причинам. Как свидетельствовал один из делегатов X съезда РКП(б), в партию входили даже такие чуждые партии элементы, как "коммунист-батюшка, русский полицейский и семиречинский кулак, который еще до сих пор держит десятки батраков, имеет сотни голов скота и охотится на киргизов, как на дичь"[140]. Большевики Туркестана, вдохновленные примером русских большевиков, быстро обрели влияние. Но предоставленные самим себе и лишенные прямого руководства из Москвы, они впали в ересь по двум главным вопросам. Во-первых, они, подобно меньшевикам, считали крестьянство по существу контрреволюционной силой и отвергали ленинское учение о союзе пролетариата и беднейшего крестьянства в целях свершения революции против землевладельцев и буржуазии. Во-вторых, они в значительной мере сохранили умонастроение господствующей расы, проявляя высокомерие по отношению к мусульманским народным массам и максимально отстраняя их от участия в делах управления[141]. В результате у мусульман, составлявших в партии меньшинство, стали в свою очередь возникать сильные националистические настроения. Таким образом, в партии имели место проявления как "великорусского шовинизма", так и мусульманского национализма, одинаково несовместимые с основными принципами партийного учения.

"Великорусский воинственный шовинизм, – писал Бройдо в 1920 г., – и обороняющийся национализм порабощенных масс колонии, проникнутый недоверием к русским вообще, – основная характерная черта туркестанской действительности"[142].

Тем временем в марте 1919 г. в Москве проводился VIII съезд Российской коммунистической партии, и в процессе принятия новой партийной Программы состоялась продолжи-

тельная дискуссия по вопросу о национальной политике. Хотя о Туркестане не было упомянуто, несколько делегатов, по-видимому, знали о том, что в Ташкенте нарушались принципы, провозглашенные на съезде, и именно в это время руководители в Москве впервые обратили внимание на события в отдаленной Средней Азии. В статье, опубликованной в официальной газете Наркомнаца 1 июня 1919 г., особое внимание уделялось важной роли Туркестана как исходного рубежа в деле освобождения Востока, а через две недели в другой статье было объявлено, что "Туркестан – этот форпост коммунизма в Азии – ждет помощи из центра"[143]. 12 июля 1919 г. в радиограмме, направленной Центральным Комитетом партии Туркестанскому правительству, обращалось внимание на то, что необходимо осуществлять "широкое пропорциональное привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности" и "прекратить реквизицию мусульманского имущества без согласия краевых мусульманских организаций[144]. По свидетельству британского офицера, в то время находившегося в Ташкенте, первое требование вызвало крайнее недовольство местных руководителей; они считали, что заполнение 95% административных должностей представителями коренных национальностей Туркестана привело бы к "краху большевистского правительства"[145].

Взаимопонимание между Москвой и Ташкентом налаживалось медленно. В октябре 1919 г. после восстановления прерванной почти на два года связи между Москвой и Средней Азией[146], в соответствии с принятым совместно ВЦИКом и Совнаркомом постановлением, была назначена комиссия, которая должна была отправиться в Туркестан и попытаться разобраться в сложившейся обстановке[147]. Резолюция напоминала, что "самоопределение народов Туркестана и уничтожение всяческого национального неравенства и привилегий одной национальной группы за счет другой составляют основу всей политики Советского правительства России и служат руководящим началом во всей работе ее органов и что только такой работой можно окончательно преодолеть созданное многолетним господством русского царизма недоверие туземных трудящихся масс Туркестана к рабочим и крестьянам России"[148].

Мандат комиссии был подкреплен письмом Ленина к "Товарищам коммунистам Туркестана", в котором Ленин призвал их "установить товарищеские отношения к народам Туркестана" и "искоренить все следы империализма великорусского"[149]. В конце января 1920 г. первый поезд "Красный Восток" отправился из Москвы в Туркестан. Он был полностью укомплектован пропагандистами и вез литературу на языках народов Туркестана[150].

Прибытие комиссии – и, несомненно, укрепление престижа и власти центрального правительства в результате поражения Колчака и Деникина – привело к быстрому улучшению обста-

новки в течение 1920 г. Для укрепления местных войск были впервые привлечены подразделения Красной Армии, и независимые до того времени княжества Хивы и Бухары можно было привести теперь в соответствие с остальными. Хан Хивы был свергнут, и в апреле 1920 г. была создана Хорезмская Советская (хотя еще и не социалистическая) республика (при этом было возрождено древнее название Хивы)[151]. Примерно в это же время эмир Бухары примкнул к движению младобухарцев. А между тем большевистские силы под командованием Фрунзе продвигались к Бухаре[152], и 5 октября 1920 г. в старинном дворце бухарского эмира состоялся первый "Съезд трудящихся Бухары"[153].

Именно в тот момент, как утверждал один из очевидцев, влияние движения младобухарцев – движения, в котором участвовало "молодое поколение просвещенного купечества, вдохновляемое младотурками, мечтавшими о национальном возрождении", – начало уступать место влиянию лишь возникавшей в то время Коммунистической партии Бухары, руководителем которой был Файзулла Ходжаев[154]. В декабре 1920 г. делегат Бухары прибыл в Москву и передал приветствия от "Советской Бухары" VIII Всероссийскому съезду Советов[155]. Вскоре после установления советского строя в Хорезме и Бухаре были заключены договоры с РСФСР[156].

Комиссия из Москвы, и в первую очередь Фрунзе, ее военный представитель, совершенно очевидно, сыграла важную роль в осуществлении этих достижений. Однако нелегко оказалось добиться подлинного, а не чисто внешнего единства и правильности в работе местных партийных организаций, а также проводить в Туркестане "восточную" политику союза с мусульманскими народами, которая начала осуществляться на других восточных окраинах с 1920 г. Летом того же года Центральный комитет партии направил циркулярное письмо партийным организациям Туркестана. В нем говорилось: "Прежде всего долг русских коммунистов – завоевать доверие трудящихся угнетенных наций"[157]. Были сделаны попытки уничтожить национальную дискриминацию[158]. Однако в Туркестане не хватало опытных коммунистов, а руководящие установки, передаваемые из Москвы, казались неприемлемыми в условиях, где осуществление принципа национального равенства и отсутствие дискриминации привели бы к подчинению небольшого и относительно прогрессивного русского меньшинства отсталым крестьянским массам, интересы которых представляла небольшая группа интеллигентов-мусульман, настроенных националистически. Создавшаяся обстановка способствовала злоупотреблениям, которые невозможно было быстро ликвидировать. Сафаров, один из немногих "старых большевиков", посетивших Туркестан, писал в 1920 г.:

"С первых же дней революции Советская власть утвердилась в Туркестане как власть тонкого слоя русских рабочих по линии железной дороги. Еще и до сих пор здесь широко распро-

странен тот взгляд, что единственным носителем пролетарской диктатуры в Туркестане может быть только русский... Национальное неравноправие в Туркестане, неравенство между европейцами и мусульманами сказывается во всем и на каждом шагу... здесь были такие "коммунисты", и они еще не все ушли из Туркестана"[159].

Через несколько недель мусульманский делегат из Туркестана произнес откровенную речь на ту же тему на Съезде народов Востока в Баку. Выразив недовольство по поводу того, что Зиновьев, Радек и другие революционные вожди никогда не были в Туркестане, и отметив "недочеты" в советской политике за последние три года, он потребовал изгнания "ваших колонизаторов, работающих теперь под маской коммунизма" (согласно стенографическому отчету, в этот момент раздались аплодисменты и возгласы "браво"). Он также сказал:

"Есть, товарищи, среди вас такие лица, которые под маской коммунизма губят всю Советскую власть, портят всю советскую политику на Востоке[160].

Это обвинение было снова предъявлено на X съезде партии, который проходил в марте 1921 г. в Москве. Сафаров, так же как и один из делегатов Туркестана, снова подверг критике состав местной партийной организации и призвал активизировать борьбу как против великорусского шовинизма, так и против мусульманского национализма[161]. И тем не менее до января 1922 г. Центральный Комитет партии все еще публично призывал коммунистов Туркестана избавиться от "колонизаторского уклона" и предупреждал их, что для Туркестана было бы непозволительно стать "русским Ульстером, т.е. колонизаторской фрондой национального меньшинства, рассчитывающего на поддержку центра"[162].

Таким образом, национальная проблема все еще не была решена, когда 11 апреля 1921 г., в соответствии с декретом ВЦИКа, была создана Туркестанская Социалистическая Советская Республика, ставшая автономной единицей РСФСР[163], хотя отправка в Ташкент "Временной Комиссии по делам Туркестана", ответственной перед ВЦИКом и Совнаркомом за "целесообразное проведение политики Советской власти по национальному вопросу"[164], свидетельствовала о колебаниях, связанных с этим решением.

Новая республика заняла часть Средней Азии, простиравшуюся от Каспийского моря на западе до Синьцзяна на востоке. Она граничила с Персией и Афганистаном на юге и с Казахстаном – на севере. Высшим законодательным органом власти в республике стал "Съезд Советов Рабочих, Дехканских, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов", и включение в него "дехкан", или мусульманских крестьян, было важным свидетельством перехода к новой политике национального равенства.

Новому режиму не удалось немедленно установить мир. Осенью 1921 г. на сцене неожиданно появился Энвер-паша, возглавивший крупное восстание в Восточной Бухаре. Взывая к последователям джадидизма, он обратился за поддержкой к участникам движения младобухарцев и к членам многих мусульманских общин Туркестана, объединился с басмачами и организовал выступление населения восточной части республики против правительства в Ташкенте[165]. Восстание было в конце концов подавлено после многих месяцев борьбы, в ходе которой 4 августа 1922 г. сам Энвер-паша был убит – заурядный конец его мелодраматической карьеры. После этого Советская власть была постепенно восстановлена. И лишь после образования Советского Союза и смерти Ленина было принято решение упростить проблему управления в Туркестане и предоставить его народам более широкие возможности для реализации их национальных устремлений путем разделения Туркестана на четыре отдельные национальные республики. В связи с этим событием было выполнено обещание, данное в 1920 г. новой Казахской автономной республике, о передаче казахам земель, до тех пор входивших в состав Туркестана, "по волеизъявлению населения"[166].

г) Республики Закавказья

Ситуация в Закавказье была сложной вследствие двойственной природы национальной проблемы. В этом районе проживали и такие высокоразвитые народы, как на западных окраинах, и их требование независимости нельзя было просто отбросить; в то же время здесь жили и примитивные народы, такие, как на восточных окраинах, которые по своему уровню развития были подготовлены лишь к простейшей форме местной автономии. Помимо значительного числа русских и турецких переселенцев, Закавказье населяло около восьми местных национальных групп, причем численность каждой из трех наиболее крупных из них – грузинской, армянской и азербайджанской – составляла менее 2 млн. человек, а смешение различных народов было причиной частых конфликтов. Экономическая и социальная структура была также неоднородна. Уровень жизни крестьян был низок даже по сравнению с европейской частью России; наиболее низким он был в Азербайджане. Феодальная система землевладения сохранилась в мусульманском Азербайджане, где земля принадлежала бекам, и в христианской Грузии, где господствовали князья. В Армении и в значительно меньшей степени в Грузии существовали торговое сословие и радикально настроенная интеллигенция, но пролетариат здесь, по сути дела, не сформировался, за исключением небольшой группы рабочих-железнодорожников. В Баку развитие нефтяной промышленности привлекло большое число как русских, так и армян-

ских поселенцев, создавших крупные колонии, а также пролетариат как местных национальностей, так и русский.

Этнические границы между тремя основными нациями во многих местах не были четко определены. Особенно от этого страдала Армения, потому что армянское население часто подвергалось преследованиям и разъединению со стороны Турции. Армян было больше в Грузии и Азербайджане, чем в сформированной наконец Армянской республике. В Тифлисе, столице Грузии, армянского населения было больше, чем в любом другом городе, и число армян превышало число грузин. При таких обстоятельствах национальная вражда была так же часто направлена против соперничающих групп, как и против сравнительно незаметных русских властей. И "если, например, в Грузии нет сколько-нибудь серьезного **антирусского** национализма, то это, прежде всего, потому, что там нет русских помещиков или русской крупной буржуазии, которые могли бы дать пищу для такого национализма в массах. В Грузии есть **антиармянский** национализм, но это потому, что там есть еще армянская крупная буржуазия, которая, побивая мелкую, еще не окрепшую грузинскую буржуазию, толкает последнюю к антиармянскому национализму"[167].

Февральская революция, которая дала стимул национальному движению и одновременно парализовала контроль со стороны России, положила начало длительному периоду хаоса и тревог. Нигде, однако, в бывшей царской империи решение вопроса на основе национального принципа не казалось на первый взгляд менее перспективным и менее реальным. Съезд кавказских организаций большевиков, состоявшийся в сентябре 1917 г. в Тифлисе, пришел к заключению, что, учитывая разнообразие, малочисленность и географическую смешанность народов Кавказа, он "не рекомендует ни отделения, ни образования федеративных государств кавказским национальностям"[168].

Первым результатом Октябрьской революции было создание в Тифлисе 15 (28) ноября 1917 г. "Закавказского Комиссариата", возникшего на основе совещания, в котором приняли участие представители, избранные от Закавказья в Учредительное собрание Петрограда, наряду с дополнительными представителями, которых различные партии избрали в такой же пропорции. Комиссариат представлял собой беспокойный союз между азербайджанскими правителями и грузинскими помещиками, которые надеялись установить свою власть взамен ушедшей российской власти. Входила туда и грузинская радикальная интеллигенция, исполненная национальных устремлений, которая также надеялась стать правящим классом будущей страны[169]. Состав и движущая сила комиссариата были в основном грузинскими. Председателем его был грузинский радикальный политик Гегечкори. Комиссариат действовал бок о бок с "областным центром" местных Советов рабочих, крестьянских и

солдатских депутатов, где председателем был грузинский меньшевистский лидер Жордания.

Вначале у комиссариата не было намерений создать правительство или требовать независимости Закавказья. В своей первой декларации, выпущенной 18 ноября (1 декабря) 1917 г. от имени "Закавказской революционной демократии", он отстаивал "полное самоопределение национальностей, провозглашенное Российской революцией", и претендовал только на осуществление власти вплоть до созыва в Петрограде Учредительного собрания[170]. Однако его направленность была в основном антибольшевистской, а его отказ после роспуска Учредительного собрания признать Российское Советское правительство дал ему, каковы бы ни были его заверения, де-факто независимый статус.

Тем временем 5 (18) декабря 1917 г. было подписано перемирие с Турцией, и с турецкого фронта ушли последние русские армии. В Брест-Литовском договоре от 3 марта 1918 г., в переговорах по поводу которого Закавказье не участвовало, содержалось положение о передаче Турции грузинских провинций Карс и Батум, а также района Ардагана, в основном армянского. Это громогласно осудил руководящий грузинский представитель[171], а Закавказский комиссариат выразил официальный протест против передачи закавказских провинций на основании документа, принятого без его ведома или согласия[172]. Турция поспешила забрать свои новые приобретения, оккупировав 15 апреля 1918 г. Батум, и обнаружила намерение расширить оккупацию. Оказавшись перед необходимостью противодействия угрозе со стороны Турции и лишенный надежды на поддержку со стороны России, Закавказский сейм 22 апреля провозгласил независимую Федеративную Закавказскую Республику[173]. В нее должны были входить все закавказские территории бывшей царской империи, кроме районов, отошедших к Турции по Брест-Литовскому договору, и города Баку.

В Баку, главным образом благодаря большему количеству рабочих – русских и нерусских, – занятых в нефтяной промышленности, большевики обрели прочную опору в первую революционную зиму. В апреле 1918 г. здесь было создано настоящее Советское правительство во главе с Шаумяном, старым большевиком, другом Ленина, и оно пользовалось поддержкой большой части довольно многочисленной армянской общины, которая боялась протурецки настроенного азербайджанского населения глубинных районов. В таких условиях оно продержалось месяца четыре. В то же время заявление Сталина в мае 1918 г. о том, что Баку как "цитадель Советской власти в Закавказье" утвердился, "сплотив вокруг себя все восточное Закавказье, от Ленкорани и Кубы до Елизаветполя"[174], по-видимому, лишь выдавало желаемое за действительное.

Объединение Закавказья было недолговечным. Когда в Батуме в мае 1918 г. открылась конференция по поводу заклю-

чения мира с Турцией, подспудная вражда между тремя составными частями Закавказской республики сразу стала явной. Грузины в вопросе о турецких притязаниях на Батум рассчитывали на безоговорочную поддержку своих партнеров. Однако недовольство Армении Грузией так же явно ощущалось, как и ее недовольство Турцией. Азербайджан же отдавал предпочтение своим турецким соотечественникам и единоверцам, а не своим христианским партнерам. Ревность по поводу ведущей роли, которую Грузия играла в Закавказской республике, была присуща и Армении и Азербайджану. В каждой из трех составных частей республики эти национальные трения раздувались и использовались правящей партией: меньшевиками – в Грузии, дашнаками – в Армении и партией "Мусават" ("Равенство") – в Азербайджане. Сотрудничество вскоре прекратилось. 26 мая 1918 г. был созван Закавказский сейм, который объявил Федеративную Закавказскую Республику более не существующей. В тот же день грузинское Национальное собрание провозгласило независимую Грузинскую Демократическую Республику[175]. Через два дня были провозглашены независимые Армянская и Азербайджанская республики.

Независимость этих новых образований оказалась еще более недолговечной, чем независимость Федеративной Закавказской Республики. В следующие несколько недель турецкие войска заняли бóльшую часть Армении и Азербайджана. Независимая Армения перестала существовать даже номинально, а правительство Азербайджана стало марионеткой в руках турецкого военного командования.

Грузия спаслась от такой участи, обратившись за помощью и защитой к союзнику Турции – Германии. 28 мая 1918 г. был подписан Германо-грузинский договор, по которому Грузия признавала границы, установленные в Брест-Литовске, и при этом подразумевалось, что Германия обеспечит Грузии гарантии против турецкого вторжения. Германия предприняла шаги по назначению в Грузию своих дипломатических и консульских чиновников, хотя и воздержалась от официального признания независимости Грузии, очевидно, учитывая чувствительность русских в этом вопросе[176]. Таким образом, Германия обеспечила себе контроль над имевшей важное значение закавказской железной дорогой, по которой бакинская нефть отправлялась к Черному морю, и Грузия согласилась предоставить на время войны все свое сырье, из которого главную роль играл марганец, в распоряжение Германии. Укрепившись благодаря этому союзничеству, Грузия 4 июня 1918 г. заключила мирный договор с Турцией[177]. В Тифлисе был размещен германский гарнизон. 27 августа 1918 г. в Берлине было подписано дополнение к советско-германскому Брест-Литовскому договору, содержавшее статью о согласии Советского правительства на признание Германией независимой Грузии.

Причина, позволившая Грузии отстоять номинальную, а до некоторой степени и реальную независимость в то время, когда Армения и Азербайджан, в сущности, перестали существовать в качестве независимых общностей, была отчасти случайной. Германия была заинтересована в марганце, который имелся в Грузии; в ее интересах было также сохранить на Кавказе свои позиции, чтобы контролировать ненадежного союзника и следить за Россией. Вследствие этого она готова была оказать покровительство Грузинской республике.

Однако у Грузии были и определенные неотъемлемые преимущества по сравнению с двумя другими закавказскими национальными группами. В Грузии имелись остатки национальной грузинской аристократии и элементы национальной грузинской буржуазии и интеллигенции, что придавало ей определенную национальную целостность. В Грузии даже социал-демократическая партия была сильным национальным образованием, и она, помимо самого Сталина, дала ряд видных деятелей, хотя, как и в большинстве российских социал-демократических групп за пределами крупных промышленных районов, ее состав и руководство были преимущественно меньшевистскими. Назначение Жордании, партийного руководителя и председателя Совета, главой правительства в июне 1918 г. положило конец двойственности правительства и Совета и утвердило власть меньшевиков. Вопрос о том, могла ли Грузия, при отсутствии в эти годы интервенции откуда бы то ни было извне, добиться действительной независимости в качестве маленькой буржуазной республики, остается академическим. Но ее притязания были несколько менее нереальными, чем притязания двух других основных народов Закавказья.

Таким образом, летом 1918 г. Закавказье было поделено между Германией и Турцией, причем Россия была полностью исключена, если не считать непрочную Советскую власть в самом городе Баку. Распад блока держав Центральной Европы осенью того же года привел к тому, что германская и турецкая власть сменилась здесь британской властью. Британские силы под командованием генерала Данстервилла уже однажды продвинулись из Персии в Азербайджан и даже вступили в Баку в конце августа 1918 г., но лишь затем, чтобы 15 сентября отойти под натиском наступавших турецких сил[178]. Когда шесть недель спустя германское и турецкое сопротивление прекратилось, британские силы в ходе нового наступления заняли Баку и главные города Закавказья – как раз вовремя для того, чтобы в декабре 1918 г. подавить в зародыше начинавшийся пограничный военный конфликт между Грузией и Арменией[179].

31 декабря 1918 г. британское правительство уведомило грузинскую делегацию о том, что оно с пониманием относится к провозглашению независимости Грузинской республики и готово отстаивать ее признание на мирной конференции. Национальные правительства Армении и Азербайджана, которые

возродились с падением Турции и пользовались не столь заметным британским покровительством, также послали свои делегации на мирную конференцию в Париж. На конференции, однако, вопрос осложнился в связи с поддержкой, оказываемой Колчаку и Деникину, которые не соглашались признать независимость Закавказья. Лишь после разгрома основных "белых" армий "Совет четырех" в январе 1920 г. по требованию Керзона принял решение о признании де-факто Грузии, Азербайджана и Армении. Однако прекрасные слова, сказанные в Париже, мало значили в Закавказье. Еще до конца 1919 г. британские войска были выведены со всей территории (кроме батумского порта, где они оставались до июля 1920 г.). При отсутствии иностранной поддержки и даже элементарного соглашения между собой независимые буржуазные Закавказские республики не могли выжить.

Важной чертой закавказской политики со времени Октябрьской революции было отсутствие российской власти. Вакуум формально заполнили независимые местные правительства, а на деле – военная власть: сначала Германии и Турции, а затем – Великобритании. Когда Великобритания вывела наконец войска, российская власть готова была занять ее место. Три Закавказские республики бойкотировались Советским правительством как марионетки иностранной державы. Теперь они уступали ему в той последовательности, которую определяла мера их слабости. В конце апреля 1920 г. азербайджанское правительство, оставшееся у власти после ухода британских войск и получившее признание союзников в январе 1920 г., было свергнуто без особых трудностей в результате коммунистического восстания в Баку. "Военно-революционный комитет", который действовал от имени революционного пролетариата Баку и трудящегося крестьянства Азербайджана, обвинил бывшее правительство в предательстве и обратился к Москве с призывом заключить "братский союз для совместной борьбы с мировыми империалистами". Помощь быстро подоспела. Была провозглашена Азербайджанская Социалистическая Советская Республика. Киров, Орджоникидзе и Микоян – русский, грузин и армянин – прибыли в Баку, чтобы заложить основы Советской власти в Закавказье[180].

Тем не менее в тот момент в условиях, когда начиналась война с Польшей, советские руководители предпочли проявить осторожность и не стали добиваться дальнейших достижений. 7 мая 1920 г. они довольно неожиданно подписали договор с буржуазным Грузинским правительством, которое таким образом обеспечило себе советское признание за счет того, что само оно признало Азербайджанскую Советскую Республику[181]. С советской точки зрения, такое отступление не было новым шагом: та же политика проводилась при заключении соглашений с буржуазными правительствами Прибалтийских госу-

дарств. Но было тем не менее трудно поверить, что Советская власть, заполучив плацдарм в Закавказье, могла ограничиться Азербайджаном или что Грузия могла неопределенно долгое время оставаться ничьей, яблоком раздора между Советской Россией и возрожденной Турцией.

Второй этап совершился в Армении. Из-за страха и ненависти, с которыми армяне относились к туркам, Армения была традиционно пророссийской независимо от того, какая в ней в данный момент господствовала власть: правительство дашнаков Армении было единственным из закавказских правительств, которое умудрилось установить дружественные отношения с Деникиным. Восстановление российской власти в форме Советской власти в Азербайджане оказало на Армению огромное воздействие и вызвало там совместное восстание крестьян и большевиков, которое, впрочем, было легко подавлено[182].

Беда, однако, вскоре пришла со стороны Турции. Моральная поддержка союзников и давняя, но так в конце концов и не осуществившаяся надежда на то, что Америка или союзники приобретут "мандат" на Армению, – это было главное, на что рассчитывало армянское правительство. Летом 1920 г., с уходом последних войск союзников из Закавказья, эти мечты угасли. Запоздалое подписание Севрского договора 10 августа 1920 г. принесло Армении официальное признание со стороны марионеточного турецкого правительства в Константинополе, но нанесло незабываемое оскорбление Кемалю и турецким националистам. В октябре 1920 г. вспыхнули бои в связи с пограничными спорами, и турецкие войска захватили Карс и Александрополь.В Армении широко было распространено убеждение, что существует сговор между турецкими националистами и Советской Россией относительно того, чтобы свергнуть правительство дашнаков[183]. Если бы такой сговор существовал, можно было бы ожидать более благоприятных для Советской России результатов. А пока что продолжалось наступление турецких войск. Лишь в конце ноября, когда Турция стояла на пороге полной победы и армянское правительство было распущено, советские войска пошли в наступление с северо-востока, и с ними прибыл революционный комитет, который провозгласил себя правительством новой Армянской Социалистической Республики со столицей в Ереване[184]. Новое правительство сразу получило признание Москвы и, укрепившись таким образом, смогло заключить мирный договор с Турцией 2 декабря 1920 г.[185]

Однако установился новый строй не без дальнейшего сопротивления. В середине февраля 1921 г. население восстало против своих новых правителей, захватило Ереван и другие главные города. Революционный комитет, по словам армянского историка-большевика, "понимая свое бессилие, призвал на помощь Советскую Россию и, спасаясь бегством под прикрытием немногочисленного отряда, передал в руки Красной Армии

дело спасения Армении". Имеются сведения, что восстание было вызвано жестокими реквизициями зерна; лишь в начале апреля, после введения НЭПа, полностью восстановился порядок[186]. Какую роль сыграло в этом восстании недовольство экономическим положением и какую – недовольство, вызванное национальными причинами, можно лишь догадываться.

Грузинская меньшевистская республика все еще существовала, и в последние несколько месяцев своего существования она несколько раз, неожиданно и привлекая к себе всеобщее внимание, выходила на международную арену. В сентябре 1920 г. она приняла делегацию, состоявшую из ряда самых видных социал-демократов и рабочих лидеров Западной Европы, включая Каутского, Вандервельде и Рамсея Макдональда. В тот период коммунисты во всей Европе, подстрекаемые Коминтерном, стремились расколоть социалистические партии. Страсти разгорелись. Поездка этой делегации в Грузию была предпринята с целью собрать материал для антибольшевистской пропаганды, и грузины усердно его поставляли[187]. Теперь Грузия, войдя в русло международной политики, энергично, хотя и безуспешно, претендовала на вступление в Лигу Наций на I Ассамблее Лиги, собравшейся в декабре 1920 г., и в следующем месяце добилась от "Совета четырех" признания де-юре.

Это активное стремление добиться благосклонности со стороны главных врагов Советской России вряд ли отличалось благоразумием. В Баку на Съезде народов Востока, который проходил в сентябре 1920 г., в то самое время, когда Грузия принимала западных социал-демократов, один из большевистских ораторов подверг энергичным нападкам отношение меньшевистской республики к своим меньшинствам и соседям. Грузии были предъявлены обвинения в том, что она "разоряет и грабит" Осетию, что "сжигают целые деревни" в Абхазии, а также обвинения в шовинистических притязаниях на азербайджанские и армянские территории. Припомнили и то, как Грузия в конце 1918 г. "начинает войну с Арменией, прекращенную лишь вмешательством Англии"[188].

Сталин во время своей поездки на Кавказ в октябре 1920 г. отмечал, что после заключения мира между Советской Россией и Польшей можно ожидать, что Антанта перенесет свои военные действия на юг, "причем вполне возможно, что Грузия, по обязанностям содержанки Антанты, не откажется оказать услугу последней"[189]. В ноябре 1920 г. официальный журнал Наркомнаца выразил сожаление по поводу того, что, хотя после заключения договора между Советской Россией и Грузией в мае 1920 г. коммунистическая партия в Грузии легализовалась, так много коммунистов было арестовано, что в штаб-квартире партии в Тифлисе никого не осталось, кроме одной служащей[190].

Зловещие упреки продолжали появляться в советской прессе на протяжении всей зимы. Советские армии были сосредоточены на прилегающих к Грузии территориях. Пограничный

конфликт с Советской Арменией вызвал вспышку вражды местного масштаба. 21 февраля 1921 г. вооруженные силы советских и грузинских большевиков пересекли границу. Два дня спустя Турция предъявила ультиматум, требуя передачи ей двух районов, Ардагана и Артвина, что было исполнено. 25 февраля 1921 г. пал Тифлис, и победителями была провозглашена Грузинская Социалистическая Советская Республика[191]. Не считая кампании по очистке от неприятеля беспокойных районов Туркестана, это была последняя военная операция Красной Армии на территориях, которые должны были вскоре сформировать Союз Советских Социалистических Республик, и это был последний случай насильственной советизации до тех пор, пока почти через 20 лет вновь угрожающе не нависла на горизонте война с внешними силами. Необычайная тревога Ленина по этому поводу была выражена в его письме Орджоникидзе от 2 марта 1921 г., где Ленин не только утверждал, что необходима "политика уступок по отношению к грузинской интеллигенции и мелким торговцам", но даже говорил о значении "блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками"[192]. Коалиция не была осуществлена, хотя меньшевикам была объявлена амнистия. К середине марта сопротивление прекратилось по всей стране, и грузинские буржуазные и меньшевистские политики бежали в Париж, где первый и последний министр грузинской меньшевистской республики вручил свои верительные грамоты в тот самый день, когда Тифлис был сдан большевикам. На протяжении 1921 г. в трех районах, населенных национальными меньшинствами – Аджарии (включая батумский порт), Абхазии и Южной Осетии – были созданы соответственно автономные республики и автономная область, которые вошли в состав Грузинской ССР.

д) Сибирь

В европейских, среднеазиатских и закавказских районах бывшей Российской империи, где после 1917 г. были созданы независимые правительства, существовали, хотя и в зачаточном состоянии, национальные движения. Таким образом, процесс распада, начавшийся или продолжавшийся в условиях гражданской войны и иностранной интервенции, имел по крайней мере какую-то видимость национальной основы. В Сибири же, где жители развитых районов, расположенных вдоль железной дороги, были в основном русскими поселенцами, а первобытные местные племена были разбросаны на огромных малонаселенных территориях, не возникало никаких действенных националистических или сепаратистских движений. Бурят-Монголия стала автономной областью в 1922 г., а в следующем году – автономной республикой[193]. Огромная территория якутов на северо-востоке Сибири была признана автономной республикой

в 1922 г., хотя бóльшая ее часть была охвачена открытым восстанием, продолжавшимся до конца 1923 г.[194] Однако, помимо этих мелких исключений, те независимые правительства, которые время от времени здесь появлялись, были продуктом либо временной политической конъюнктуры, либо олицетворением открытых претензий на управление восстановленной Российской империей.

Шесть месяцев после Октябрьской революции были ознаменованы своего рода междуцарствием в Сибири. Советская власть утверждалась нерегулярно, судорожно. На большей части территорий контроль, рамки которого не были установлены, осуществляли местные Советы, имевшие более или менее регулярную связь с Москвой, а также с другими местными руководящими органами, гражданскими или военными. Эту неопределенную ситуацию прервала иностранная военная интервенция. 5 апреля 1918 г. японские вооруженные силы высадились во Владивостоке якобы с целью защиты жизни и собственности японцев[195], а затем двинулись вдоль Транссибирской магистрали к озеру Байкал. В мае 1918 г. Чехословацкий корпус, состоявший из бывших военнопленных чехов, об эвакуации которых через Владивосток шли переговоры с Советским правительством, вступил в бой с большевиками в Западной Сибири и предпринял организованные военные действия для охраны своих позиций. Не без поощрения союзников он двинулся на запад, к Волге, отрезав таким образом всю Сибирь от центральной Советской власти и временно присоединив к Сибири определенные районы восточной части европейской России. 8 июня 1918 г. чехи заняли ключевой пункт – Самару.

В этих условиях различные антибольшевистские "правительства" начали образовываться во всей европейской и азиатской России. Группа бывших делегатов Учредительного собрания (все социалисты, почти все правые эсеры и несколько меньшевиков) создала временное правительство в Самаре под защитой Чехословацкого корпуса. В Омске в июле 1918 г. было создано Сибирское правительство буржуазного направления, и в течение последующих четырех месяцев оно принимало меры по управлению Западной Сибирью[196]. Дальше на восток Семенов, атаман сибирских казаков, в течение зимы 1917 г. собрал армию в Харбине и в марте 1918 г. двинулся в Сибирь. Начал он, видимо, при поддержке Франции. Но по прибытии японских оккупационных сил летом 1918 г. он быстро с ними договорился и при их молчаливом согласии расположился в Чите, держа под контролем значительную часть Забайкалья.

Первая попытка слияния этих отдельных разрозненных вкраплений путем создания единой антибольшевистской власти была предпринята в сентябре 1918 г. на Уфимском совещании. Семенов, без сомнения, по требованию своих японских покровителей бойкотировал совещание. Но на нем присутствовали представители сибирского Омского правительства, Самар-

ского правительства, так называемых национальных казахского, тюркско-татарского и башкирского правительств, нескольких казачьих военных правительств и других менее значительных властей, юрисдикция которых была не совсем ясна. 23 сентября 1918 г. все они подписали на совещании акт, учреждавший "Всероссийское временное правительство". Вплоть до созыва Учредительного собрания правительственная власть должна была сосредоточиться в руках Директории из пяти человек под председательством Авксентьева, лидера правых эсеров[197]. Местом пребывания Директории стал Омск. Конференция, однако, сопровождалась зловещими предзнаменованиями. В то время когда она заседала, советские армии вновь отобрали у чехословаков Казань и Симбирск. Самара сдалась в начале октября сама[198]. Власть нового "Всероссийского" правительства вскоре оказалась ограниченной пределами Западной Сибири. Здесь она продержалась менее двух месяцев. 18 ноября 1918 г. адмирал Колчак, незадолго до этого прибывший из Владивостока, свергнул Директорию и, опираясь на поддержку Англии, присвоил себе титул "верховного правителя". Одним из последствий этого шага явилось то, что большинство уцелевших членов Самарского правительства заключили мир с большевиками.

История с Колчаком тянулась с ноября 1918 г. до первых дней 1920 г. Семенов отказался подчиниться ему, как отказывался подчиниться Сибирскому правительству. И когда в декабре 1918 г. Колчак издал приказ, с тем чтобы лишить Семенова командного поста и заставить подчиниться, японские военные власти уведомили, что восточнее озера Байкал они не потерпят вмешательства Колчака (которого они считали орудием англичан)[199]. Западнее Колчак действовал с переменным успехом, но восстановил против себя все российские партии, кроме правых, своей беспощадностью к политическим противникам и варварскими карательными экспедициями, которые предпринимались для подавления крестьянских волнений. Вершины своей карьеры он достиг летом 1919 г., когда добился того, что союзники безоговорочно признали его де-факто правителем России, а другие "белые" генералы, включая Семенова, официально признали его верховную власть.

Однако осенью 1919 г. положение за линией фронта стало критическим. "По всей Сибири разлились, как сплошное море, крестьянские восстания"[200]. В октябре советские войска перешли в наступление, и разношерстные колчаковские силы вскоре начали распадаться. 10 ноября 1919 г. Омск был эвакуирован и через несколько дней занят большевиками[201]. В этот момент Чехословацкий корпус в ноте, направленной союзникам, отказался от всякой дальнейшей ответственности за поддержание порядка в районе, прилегавшем к железнодорожной магистрали, и попросил немедленно его эвакуировать. Требование оправдывалось искренним осуждением режима, установленного Колчаком:

"Под защитой чехо-словацких штыков, местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда представителей демократии, по простому подозрению в политической неблагонадежности составляют обычное явление"[202].

В Иркутске, где Колчак на короткое время расположился, ситуация вскоре стала отчаянной. 24 декабря 1919 г. произошло восстание, которое закончилось 5 января 1920 г. официальным расформированием правительства Колчака и переходом власти к местному "Политическому Центру", состоявшему главным образом из эсеров[203]. Колчак, бежавший в Верхнеудинск, подписал приказ о передаче своей верховной власти Деникину, а военной и гражданской власти в Сибири – своему старому врагу Семенову[204]. Вскоре оказалось, что Политическому центру недостает серьезной поддержки, и 22 января 1920 г. был подписан акт о передаче власти большевистскому "Военно-Революционному Комитету", который взял на себя созыв Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов[205]. Самого Колчака задержали чехословаки при попытке убежать на восток и передали "Военно-Революционному Комитету". Его судили и расстреляли 7 февраля 1920 г.[206]

Падение Колчака, завершение эвакуации Чехословацкого корпуса и отозвание британской и французской миссий привели к тому, что единственными реальными силами в Сибири остались оказавшиеся лицом к лицу большевики и японцы. Последующие события показали, что это неожиданное противостояние было в равной мере нежелательно для обеих сторон, и обе уклонялись от непосредственных столкновений, которые им при таких обстоятельствах угрожали.

Что касается русских, то победа над Колчаком и Деникиным прибавила им уверенности в себе и высвободила крупные военные силы. Однако в течение первой половины 1920 г. в условиях все более значительных перемещений административного аппарата и хозяйственного механизма и при возраставшей угрозе нападения со стороны Польши у Советского правительства были основания не стремиться принять на себя ответственность за новые обширные территории в Сибири, не говоря уже об определенной враждебности и вероятном противодействии Японии такому курсу. Вместе с тем признание автономии или независимости окраин теперь глубоко укоренились в большевистской теории, и практика и действия, основанные на таких принципах, не могли не вызывать живого отклика.

Что касается японцев, то обособленная и бросающаяся в глаза интервенция в Сибири после ухода других союзников не особенно соответствовала той осторожной политике, которую предпочитало в этот период японское правительство. Положение, сложившееся в начале 1920 г., способствовало открытому

разрыву, который постепенно обнаруживал себя в японской политике, между военной группировкой, стремившейся продлить на неопределенное время оккупацию Сибири, и группировкой гражданской, возможно поддерживаемой военно-морскими силами, которая стремилась покончить с затруднительным обязательством. Первая группа настаивала на том, что желательно сохранить разделение России, что надо держать большевиков на расстоянии. Вторая страшилась постоянного антагонизма со стороны Великобритании и Соединенных Штатов, который могла повлечь за собой длительная оккупация. В течение первой половины 1920 г. вторая группа постепенно приобрела доминирующее влияние.

Такова была обстановка, в которой стал реальным явно долговременный проект создания "буферного государства" в Восточной Сибири. Этот проект возник во время короткого пребывания "Политического Центра" в Иркутске и представлял собой характерную попытку достигнуть компромисса между большевизмом и буржуазным миром. Политический центр решил направить делегацию с этим предложением к советскому военному командованию, которое в тот момент стремительно продвигалось на восток, и предусмотрительно пригласил руководителя иркутских большевиков Краснощекова сопровождать делегацию. Краснощеков, по происхождению российский еврей, провел много лет в Чикаго и вернулся в Сибирь после Февральской революции. Переговоры состоялись в Томске 19 января 1920 г. и прошли с блестящим успехом. Руководитель иркутской делегации, эсер, на основании своих переговоров с американскими представителями заверил советских делегатов в том, что "Америка готова допустить существование государства-буфера, с включением в орган власти в нем представителя коммунистических сил". Было достигнуто соглашение о создании буферного государства. Это соглашение включало также обязательство освободить железную дорогу от иностранных военных подразделений "в порядке дипломатических переговоров" и передать Колчака с его штабом и весь золотой запас Советской власти. 21 января 1920 г. из Москвы пришло подтверждение этого соглашения за подписью Ленина и Троцкого. Краснощеков был назначен полномочным представителем Советского правительства в "Политическом Центре"[207].

Этот хитроумный план не осуществился. И помешал его осуществлению успех большевистского комитета в Иркутске, который сумел во время отсутствия Краснощекова свергнуть "Политический Центр". В течение нескольких недель Красная Армия достигла Иркутска, и повсюду до этого рубежа была твердо установлена власть Советского правительства. Однако Краснощеков, ничуть не смущаясь, отправился в Верхнеудинск, и там 6 апреля 1920 г. "Учредительное собрание" представителей "всего народа территории Забайкалья" провозгласило создание независимой демократической Дальневосточной респуб-

лики[208]. Краснощеков, сложив с себя обязанности, которые налагал на него его дипломатический пост, стал премьер-министром и министром иностранных дел Дальневосточного правительства. Одним из его помощников был "Билл" Шатов, известный американский революционный руководитель, тоже еврей, родившийся в России. Новая республика была официально признана Советским правительством 14 мая 1920 г.[209]

Реакция японцев отличалась колебаниями. Решение очистить Сибирь, очевидно, стало известно в начале марта 1920 г.[210], и примерно в это же время начался отход японцев с передовых позиций. Ситуация в этом отношении осложнилась в связи с так называемым "николаевским инцидентом", случившимся в марте 1920 г., когда порт Николаевск, расположенный в устье Амура напротив острова Сахалин, попал в руки большевистского партизанского руководителя по фамилии Тряпицын; при этом японский гарнизон был уничтожен или взят в плен[211]. Якобы с карательными целями в связи с этими событиями 4–6 апреля 1920 г. значительные японские силы высадились во Владивостоке и оккупировали другие центры Приморского края, ставшие ареной зверских насилий и разрушений. А 29 апреля местному "белому" российскому правительству было навязано унизительное соглашение, по которому предусматривалась длительная оккупация Приморского края японскими силами и отвод всех русских вооруженных сил на расстояние 30 верст от японской зоны[212].

Эти шаги ознаменовали частичную победу японской военной группировки и решимость, которая сохранялась в последующие два года, крепко удерживать Владивосток и Тихоокеанское побережье. Но они не изменили общей линии на отход с наиболее выступающих позиций. В течение лета японские войска постепенно оставили всю восточносибирскую территорию за пределами Приморского края.

Такая политика нашла свое естественное завершение в признании "буферного государства". В мае 1920 г., примерно в то же время, когда Советское правительство признало Дальневосточную республику, японский командующий в Сибири опубликовал заявление, в котором, выразив общее желание вывести японские армии с "русского Дальнего Востока", отстаивал установление в Забайкалье "между японскими войсками и большевиками, продвигающимися в восточном направлении, нейтральной полосы, свободной от вторжения войск обеих сторон"[213]. Это заявление после ряда новых отсрочек привело к открытию прямых переговоров между японским военным командованием и делегацией Дальневосточной республики. 17 июля 1920 г. между ними было наконец заключено "Гангутское соглашение" (по названию расположенной в 40 верстах от Читы станции Гангота Транссибирской магистрали, где состоялись переговоры). В соглашении подтверждалось, что "наилучшим способом к... установлению спокойствия и порядка являет-

ся образование буферного государства с единым правительством без вмешательства в дела этого государства вооруженной силы со стороны других государств". Вместе с тем:

"Это буферное государство в международном и экономическом отношениях не может жить изолированно от цивилизованных и крупно индустриальных государств. Между русской территорией Дальнего Востока и Японией существует теснейшая связь в интересах, почему буферное государство не может не иметь намерений самого тесного с Японией содружества и сотрудничества".

Далее говорилось, что новая республика не будет коммунистической, что ей будет присущ "народный, широко-демократический характер". Русские согласились не допускать на ее территорию советские русские армии, а японцы – вывести свои войска из Забайкалья. Обе стороны должны были стараться не допускать конфликтов на дальневосточной территории и "только в крайнем случае" прибегать к "самым решительным мерам"[214].

Прямым результатом этого соглашения было предоставление Дальневосточной республике полной свободы действий против Семенова, который после устранения Колчака и его британских покровителей больше японцев не интересовал. В октябре 1920 г. после отвода японских войск Семенов был разгромлен и выбит из Читы, которая стала теперь центром Дальневосточной республики. Здесь поспешно был созван съезд дальневосточных делегатов, и в начале ноября 1920 г. он принял декларацию, которая фактически повторяла верхнеудинскую декларацию от 6 апреля, о создании на бывшей российской территории к востоку от озера Байкал независимой Дальневосточной республики[215]. В декабре было заключено официальное соглашение с Советским правительством, по которому устанавливались границы между этой республикой и РСФСР[216].

Выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся в январе 1921 г., дали 180 мест "крестьянской фракции большинства", которая образовала блок с коммунистами, и 92 места самим коммунистам; эти группы, вместе взятые, получили свыше двух третей общего числа голосов. Партии эсеров и меньшевиков получили менее двух десятков голосов каждая. 13 мест добились бурят-монголы, которые в Собрании потребовали "самоопределения и полной автономии"[217]. С самого начала работа Учредительного собрания проходила бурно. Эсеры и меньшевики обвиняли правительство – составленное из представителей крестьян и представителей коммунистической партии в равном соотношении – в том, что оно установило царство террора и является лишь орудием в руках Дальневосточного бюро Российской коммунистической партии. А эсеров и меньшевиков в свою очередь обвиняли в том, что они получают японские субсидии. Принятая 17 апреля 1921 г. Конституция[218] сохраняла буржуазно-демократические формы государственности. Было учрежде-

но правительство, состоявшее в большинстве своем из крестьян и коммунистов, а также подотчетный ему Совет министров[219], и видимость полной независимости от Москвы была соблюдена. Тем не менее первым главнокомандующим вооруженными силами Дальневосточной республики стал Блюхер, один из ведущих полководцев Красной Армии, боровшийся против Колчака[220], а в дальнейшем этот пост занимал Уборевич[221], впоследствии известный полководец Советского Союза. Как бы дело ни обстояло в действительности с политическими руководителями и гражданской администрацией, нет причин сомневаться в том, что армия с самого начала была под непосредственным контролем Москвы.

У японского правительства не было причин поздравлять себя с такими достижениями. Оно было искусно обойдено дипломатией более высокого порядка, и хваленое "буферное государство", создаваемое с целью противостоять Москве и большевизму, больше не являлось буфером. Между Читой и Владивостоком давно велись переговоры об официальном включении Приморского края в новую республику, и Приморский край уже участвовал в выборах в Учредительное собрание Дальневосточной республики. В апреле 1921 г. обнаружилось, вероятно впервые, что граница республики была установлена таким образом, что полуостров Камчатка остался у РСФСР. Цель заключалась в том, чтобы предоставить РСФСР возможность вести переговоры о создании концессии по разработке полезных ископаемых Камчатки с помощью американского капитала. Это, должно быть, показалось японцам не только признанием незначительности буферной республики, но и прямой угрозой японским интересам. В ответ японские власти укрепили оборону Приморского края. Слабое местное правительство во Владивостоке, так не вовремя проявившее склонность к объединению с Дальневосточной республикой, было свергнуто в апреле 1921 г. и заменено более сговорчивым правительством, в основном правого толка, во главе с ничтожеством по фамилии Меркулов. И Семенов и "каппелевцы" опять оказались во Владивостоке на виду, а затем выяснилось, что Дальневосточная республика обладает документом сомнительной подлинности, который якобы представлял собой соглашение японских властей с русскими "белыми" вооруженными силами о том, чтобы предпринять наступление на республику не позднее 1 июля 1921 г.[222]

Опасность была предупреждена возраставшим давлением на Японию со стороны англоязычного мира. Летом 1921 г. было объявлено, что великие державы предполагают созвать осенью в Вашингтоне конференцию по проблемам Тихого океана[223]. Советскому правительству вначале было очень трудно определить, явится ли конференция актом дружбы или вражды. Первые отклики советской прессы и Коминтерна были полностью враждебными[224]. Была предпринята попытка под предлогом официального приглашения в Дальневосточную республику

обеспечить представление советских интересов. Отзыв в Москву в это время Краснощекова и Шатова – которые больше не имели отношения к делам республики[225], – возможно, связан с запоздалым пониманием того, что вряд ли Вашингтон отнесется с большим расположением к правительству, в которое входит бывший американский революционный агитатор. Однако попытка не удалась, и враждебное нежелание американцев вообще иметь дело с РСФСР оказалось непреодолимым. Вместе с тем известно было, что американское правительство оказывает давление на японское правительство с целью положить конец оккупации российской территории, и можно было ожидать, что в результате конференции это давление усилится[226]. Именно грядущая конференция вынудила японцев вступить с Дальневосточной республикой в переговоры; круг вопросов при этом не был точно определен. Переговоры начались в Дайрене 26 августа 1921 г. и продолжались в течение всей зимы и всего периода Вашингтонской конференции.

Дайренская конференция была совершенно бесплодной. Окончательные японские требования были сформулированы в 17 положениях и трех дополнительных секретных положениях. Наиболее важными были требования того, чтобы Дальневосточная республика нигде в районе Тихого океана не имела никаких вооружений или укреплений и никаких военно-морских частей нигде в пределах Тихого океана. В проекте соглашения говорилось также, что Дальневосточная республика "обязуется перед японским правительством на все времена не вводить на своей территории коммунистического режима и сохранять принцип частной собственности не только в отношении японских подданных, но и своих граждан". В ответ японское правительство лишь дало бы обещание вывести свои войска из Приморского края "в срок, который оно найдет нужным и удобным для себя". Эвакуация северной части острова Сахалин должна была зависеть не только от урегулирования николаевского инцидента, но и от согласия отдать этот остров Японии в аренду на 80 лет[227].

Если Япония надеялась, что Дайренская конференция будет способствовать тому, чтобы этот вопрос решался без Вашингтона, то ее надежда не оправдалась. Дальневосточная республика обратилась к Вашингтону и вообще ко всему миру с потоком протестов, которые нашли восприимчивых слушателей, и неофициальная делегация республики с одобрения американцев появилась в коридорах конференции. Наряду с этим расчеты русских, что в Дайрене уступки больше не нужны, оправдались. В Вашингтоне американское правительство вырвало у японских делегатов конфиденциальные обязательства запланировать и провести эвакуацию войск из Приморского края и северной части Сахалина в ближайшем будущем[228].

Таким образом, именно под давлением конференции в Вашингтоне, а не беспомощного мероприятия в Дайрене япон-

ское правительство решило – в этом вопросе, как и в других, – избегать дальнейших трений с англоязычными державами и проводить политику умиротворения.

Дайренские переговоры закончились в апреле 1922 г. безрезультатно. Однако менее чем через три месяца японское правительство объявило, что его войска будут выведены из российского Приморья к 1 ноября 1922 г., и выразило готовность провести переговоры не только с Дальневосточной республикой, но и с самой РСФСР[229]. Советское правительство показало, что оно оценило значение этого события, назначив своим полномочным представителем наиболее хитрого и опытного дипломата – Иоффе. На конференции, которая открылась 4 сентября 1922 г. в Чанчуне, в Маньчжурии, Иоффе проявил все свое мастерство и упорство. Но надежды советских властей на материальные уступки и дипломатическое признание не оправдались. Ни одна из сторон не уступила, и конференция потерпела неудачу, как только стали обсуждаться вопросы о Северном Сахалине, о праве Японии на рыболовство в российских водах и о размещении японского военного имущества во Владивостоке. Непреклонность Иоффе была отчасти продиктована совершенно правильным расчетом на то, что Япония уже не сможет отказаться от обещания, которое она дала державам – участницам конференции в Вашингтоне. За окончанием Чанчуньской конференции 14 сентября 1922 г. последовало примирительное заявление японского министерства иностранных дел:

"Несмотря на разрыв чань-чуньской конференции, японские войска во Владивостоке будут эвакуированы полностью до конца октября, согласно прежним заявлениям японского правительства. Ввиду заявлений Иоффе, будто Япония намерена аннексировать Сахалин, министерство иностранных дел заявляет, что согласно обязательству, принятому Японией на вашингтонской конференции, Япония не намерена нарушать территориальные права России и оккупирует Сахалин лишь в качестве гарантии при разрешении николаевского вопроса.

Ввиду этого японское правительство желало бы предостеречь державы, участвовавшие в вашингтонской конференции, от ошибочного толкования истинных намерений Японии"[230].

Эвакуация японских войск из Приморского края произошла в конце октября. "Белое" правительство, созданное в мае 1921 г., немедленно пало, и во всей Восточной Сибири от Байкала до Тихого океана установилась власть Дальневосточной республики. Вопрос о Северном Сахалине и о праве на рыболовство продолжал будоражить советско-японские отношения. Однако с уходом японцев "буферное государство" утратило в дальнейшем какой бы то ни было смысл, даже символический, и 10 ноября 1922 г. Учредительное собрание проголосовало за его упразднение и объявило о его включении в РСФСР[231]. Это был дальнейший шаг на пути к воссоединению разрозненных элементов прежней Российской империи.

Глава 12

ИТОГИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

1920 год был поворотным пунктом в истории советской национальной политики. Он ознаменовал окончание гражданской войны и начало периода укрепления и восстановления. Он также отмечен перемещением центра внимания с Запада на Восток. Оба эти изменения способствовали эволюции того понятия национальных прав, которое подразумевалось в период перехода от буржуазной революции к пролетарской.

"Право на отделение" – фраза, однажды сказанная Лениным, – постепенно заменялось "правом на объединение". Было в принципе немыслимо, чтобы какая-либо социалистическая нация пожелала отделиться от социалистического содружества наций; было практически немыслимо к концу 1920 г., чтобы кто-либо, не будучи непримиримым врагом советского строя, захотел порвать с таким единством, которое было уже достигнуто. Единство было необходимо как в целях полного экономического развития, так и в целях военной безопасности. Совершенно очевидно, что в интересах рабочих и крестьян было добиваться единства на максимально широкой, по возможности, основе (причем окончательная цель – это "пролетарии всех стран, соединяйтесь!"). А для того, чтобы рабочие и крестьяне осознали эти свои интересы, надо было уничтожить все остатки прежнего национального неравенства и дискриминации, которые, с большевистской точки зрения, служили источником и основой национализма; надо было обеспечить, чтобы он никогда не возродился в будущем. Таким образом, с момента триумфальной победы революции в большевистской теории национального самоопределения главной мыслью стала, почти незаметно, не идея свободы, а идея равенства; казалось, она единственная способна коренным образом решить проблему.

Большевизм долго разделял интернациональные взгляды первых социалистических мыслителей. Идея равенства наций глубоко укоренилась в теории и практике первых большевистских руководителей, которые были бы несказанно потрясены при мысли, что какое-либо влиятельное положение в правительстве или в партии доступней для великоросса, чем, скажем, для белоруса, грузина или армянина. В партийной теории и

практике в равной мере беспощадно осуждалась дискриминация, и большинство партийных руководителей виновны были не в неискренности, а в захватывающем, некритическом оптимизме. Настроение первых месяцев после революции довольно справедливо отражено в статье члена коллегии народного комиссариата по делам национальностей, помещенной в официальной газете комиссариата:

"Опасность насильственной русификации исчезла. Никто не заинтересован в усилении какой-либо отдельной нации за счет другой... Никто ни на кого не собирается напасть и лишить его национальных прав"[1].

Абсолютное отрицание любой дискриминации между людьми на основе национальности, расы, цвета кожи оставалось неизменным и непреклонно отстаиваемым принципом большевистской политики и практики, и оно оказало огромное положительное воздействие на все отношения с угнетенными прежде народами. Но одного этого было недостаточно. Положительной стороной политики равенства являлось оказание помощи более отсталым народам, направленной на то, чтобы дать им возможность догнать народы более развитые. Это включало материальную помощь, просвещение во всех его формах, предоставление технических специалистов и консультантов и обучение национальных кадров, чтобы отсталые народы имели в будущем своих собственных специалистов. Поскольку руководители советской экономики были превыше всего озабочены увеличением производства продукции во всей советской стране, эту политику, вероятно, сдерживала только нехватка ресурсов. Впрочем, там, где существовала большая разница в уровне цивилизациии культуры, "уничтожение фактического национального неравенства", как говорилось в резолюции X партийного съезда в 1921 г., возможно лишь как "длительный процесс"[2].

Для марксиста при установлении реального равенства (в противоположность формальному) между всеми народами, входящими в Советское государство или группу государств, главным было равномерное распределение производительных процессов на всей территории. До этого времени в ходе развития российской индустрии наиболее передовые формы производства главным образом сосредоточились в нескольких центрах европейской части России, а отдаленные окраины использовались в качестве источников, снабжающих страну сырьем и продовольствием. Такой была преобладающая модель и повсюду в мире капитализма, где развитие промышленности в колониальных и полуколониальных странах намеренно сдерживалось, а то и полностью подавлялось в угоду чужим интересам и из страха конкуренции. Таким образом, капитализм заботился о том, чтобы сохранить неравенство между нациями. У советского строя, ревностно стремившегося развивать высшие формы промышленного производства на всех территориях, находившихся под его контролем, не было таких сдерживающих факто-

ров. И при этом желание повысить эффективность промышленного производства отнюдь не было единственной побудительной причиной.

В течение первых лет после революции советские руководители были твердо убеждены в том, что оплот Советской власти – это промышленный рабочий, в том смысле, что можно полагаться на его поддержку в условиях, когда крестьянство колеблется и склонно к потенциально контрреволюционным настроениям. Вот почему охват промышленным строительством как можно большего количества отдаленных территорий стал делом высокой политической целесообразности. Если вместо того, чтобы прясть туркестанский хлопок исключительно на фабриках Петербурга и Москвы, снабжать им также текстильные фабрики Туркестана, то, с точки зрения большевиков, такое нововведение служило бы сразу нескольким целям. Оно привело бы к увеличению общего выпуска текстиля путем создания нового производственного района; открыло бы перед Туркестаном перспективу избавления от "колониального", более низкого статуса поставщика природных ресурсов и приобретения более желанного, свидетельствующего о более высоком развитии статуса промышленного производителя; и наконец, оно обеспечивало бы рост в Туркестане своего собственного пролетариата, который стал бы в дальнейшем надежной опорой советского строя и советской идеологии.

Содействие экономическому равенству наций, заключавшееся в равном распределении между ними расширенного промышленного производства, имело, таким образом, глубокие корни в большевистском мировоззрении. А неизбежным следствием этого мировоззрения в условиях, которые большевики получили в наследство от царизма, явилась политика благоприятствования отдаленным и все еще в основном сельскохозяйственным окраинам за счет старых индустриальных центров, чья роль в новом промышленном развитии непропорционально уменьшалась. Именно такое развитие дало большевикам основание утверждать, что советская национальная политика качественно отличается от любой политики, проводимой капиталистическими странами, и что она одна имеет целью не просто формальное признание равенства, но и создание экономических условий, которые делают равенство возможным и реальным. Проповедь равенства наций сама по себе – пустой обман, если откровенно не будут широко приняты необходимые для такого равенства условия. Равенство наций означало уничтожение демаркационной линии между промышленными и сельскохозяйственными нациями.

Это была, однако, долговременная политика, и процессу выравнивания предстояло встретить на своем пути много препятствий. Намерения были искренними и достижения реальными, но процесс мог носить лишь постепенный характер. Существующему неравенству всегда присуща естественная

тенденция к самосохранению и сопротивлению любым усилиям, направленным на его преодоление. Итак, этот ранний период представлял собой непрерывный процесс противоречий и борьбы между политическими целями и тем механизмом, через который эта политика должна была осуществляться. Растущее сосредоточение власти и административного контроля в центре неизбежно способствовало – каким бы странным это ни казалось – подчинению других наций великорусскому ядру, вокруг которого они были собраны.

Дело не только в том, что представители менее крупных национальностей должны были занимать в государственном аппарате такое количество влиятельных и ответственных должностей, какое в пропорциональном отношении соответствовало их численности, иногда даже, пожалуй, большее. Многие лица нерусской национальности, занимавшие эти посты, непреднамеренно и без всяких усилий ассимилировались, перенимая взгляды численно преобладающей великорусской группы; у тех, кто сопротивлялся ассимиляции, было меньше шансов сделать хорошую карьеру. Москва была административной столицей – центром, где принимались основные решения. Бюрократическое мышление, распространению которого яростно противился Ленин, проявляло тенденцию почти непроизвольно превращаться в великорусское мышление.

"Дело в том, – отмечал в 1923 г. Раковский, – что центральные органы начинают смотреть на управление всей страной с точки зрения их канцелярских удобств. Конечно, неудобно управлять двадцатью республиками, а вот если бы это все было одно, если бы, нажав на одну кнопку, можно было управлять всей страной, – это было бы удобно"[3].

Централизация означала стандартизацию; а принятые стандарты были, естественно, великорусскими стандартами. И не удивительно, что сильнее всех противодействовала этой тенденции Украина. Она не только была единственной республикой, которая в экономическом и культурном отношениях могла соперничать с положением и достижениями РСФСР; Украина также была тем самым нерусским регионом, который меньше всего выигрывал от проведения политики промышленного развития окраин, поскольку ее собственное промышленное развитие уже отошло в область истории. Поэтому украинский националист мог во всех отношениях ощущать себя в наихудшем положении. Украина вообще почти не пользовалась материальными преимуществами, которые советская национальная политика принесла "отсталым" районам. Вместе с тем "великорусский шовинизм" бюрократического аппарата в Москве не обнаруживал особого желания признавать Украину равным партнером в центральном управлении делами.

В административном аппарате прилагались большие и отчасти успешные усилия с целью противодействовать этим тенденциям. В других институтах для того, чтобы успокоить

национальные чувства, предосторожностей предпринималось меньше. Первым из таких институтов была Красная Армия. По-видимому, ни одна из республик, с тех пор как была установлена советская форма правления, не стремилась к сохранению своей собственной независимой армии[4]. С самого начала подразделения Красной Армии формировались как из представителей республик, входящих в РСФСР, так и из представителей независимых союзных республик. Таким образом, и в азиатских республиках, местное население которых было при царях освобождено от воинской повинности, производилась мобилизация наряду со всеми остальными[5]. Именно эта объединенная Красная Армия во время гражданской войны защищала и освобождала территории независимых республик, на которые пришелся главный удар и где были наибольшие разрушения.

Сам Раковский, выступая на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. от имени Белорусской, Азербайджанской, Грузинской и Армянской республик, так же как и от имени Украины, обратил внимание на моральный дух армии и призвал укреплять Красную Армию во избежание повторения катастрофы[6]. Таким образом, Красная Армия стала средством не просто объединения, но объединения с помощью явно великорусского символа. Скрыпник, украинец, на XII съезде партии выражал сожаление, что Красная Армия "до сих пор остается орудием русификации украинского населения и всего инородного населения", и съезд включил в свою резолюцию по национальному вопросу пункт, где рекомендовались "практические мероприятия по организации национальных войсковых частей,с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик"[7]. Однако последняя оговорка имела важное значение. Нет никаких подтверждений того, что для исполнения рекомендаций предпринимались какие-либо "меры"; всегда можно было поднять вопрос об эффективности общенациональной обороны как первостепенной необходимости.

Прецедент, возникший в армии, энергично использовали профсоюзы. Преобладание среди рабочих великорусского элемента с самого начала сделало профсоюзы мощным объединяющим фактором на великорусской основе. Это констатировал Рязанов на I Всероссийском съезде профессиональных союзов.

"Тот, кто хочет построить социализм в России, может построить его только в том случае, если, давая возможность свободного, автономного развития каждой из этих частей, он в то же время скрепит ту хозяйственную социально-экономическую связь, которая нас всех держит и без которой питерские рабочие отрываются от московских, московские и питерские от донецких, донецкие отрываются от сибирских"[8].

На III съезде, который состоялся в апреле 1920 г., Томский сделал доклад о деятельности профсоюзов на незадолго до этого освобожденных территориях Украины, Урала и Сибири:

"Наши инструктора и организаторы шли следом за Красной Армией. Первый, кто появлялся вслед за красноармейскими частями в освобожденных от белых городах, – это были инструктора В.Ц.С.П.С., это были инструктора Ц.К. текстильщиков, кожевников, металлистов, железнодорожников".

На Украине раздавались требования о создании отдельной организации украинских профсоюзов или особом статусе для них во всероссийской организации. Однако, несмотря на "бурную оппозицию правых элементов", Центральный Совет твердо стоял за "единство и централизм"[9]. Ясно, что если лозунг "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" имел какое-нибудь значение, то он должен был по крайней мере означать единство рабочих бывшей царской империи. Единство профсоюзов было необратимым. Но единство, естественно, означало организацию под преимущественно великорусским контролем.

Однако самое главное заключалось в том, что Российская коммунистическая партия играла ту же объединяющую роль, что армия и профсоюзы. Начиная с 1903 г., когда на II съезде партии были отвергнуты требования еврейского Бунда об автономном статусе, Ленин настаивал на том, что единство организации – это краеугольный камень партийной теории[10]. После Октябрьской революции в резолюции VIII съезда партии, состоявшегося в 1919 г., было сказано, что признание самостоятельности Украинской, Латвийской и Белорусской республик не является основанием для организации самостоятельных коммунистических партий, даже "на основе федерации", и что "Центральные Комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП"[11]. Даже предложение – сделанное в связи с образованием СССР – изменить название партии и назвать ее "Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)" встретило противодействие, по поводу чего Скрыпник выражал недовольство на XII партийном съезде в 1923 г.[12] Предложение было в конце концов принято XIV съездом партии, который состоялся в конце 1925 г. Но возражений было, естественно, предостаточно. Партия в целом гордилась своим русским названием и традицией.

Централизующее влияние таких институтов, как армия, профсоюзы и партия, относилось, пожалуй, к числу важнейших среди многих причин – осознаваемых и неосознаваемых, – стоявших за таким явлением, как "великорусский шовинизм". В 1919 г. Ленин сказал при обсуждении партийной Программы на VIII съезде партии: "... поскрести иного коммуниста – и найдешь великорусского шовиниста"[13]. И начиная с того времени эта ходячая фраза использовалась для осуждения позиции тех коммунистов, которые, бессознательно унаследовав дореволюционные русские традиции или же сознательно отрицая роль нации, преуменьшали значение требований украинцев, белорусов и неславянских народов бывшей царской империи. "Велико-

русский шовинизм" вновь подвергся осуждению на партийных съездах в 1921 и 1923 гг. И тем не менее Сталин сам охарактеризовал его на последнем из этих съездов как "основную силу, тормозящую дело объединения республик в единый союз", и заявил, что "растет не по дням, а по часам" великодержавный шовинизм, "старающийся стереть все нерусское, собрать все нити управления вокруг русского начала и придавить нерусское"[14].

Оживление патриотических русских чувствв, проявившееся в поддержке большевиков на последних этапах гражданской войны – тот молчаливый союз между русским национализмом и коммунистическим интернационализмом, который впервые обнаружил себя в советско-польской войне 1920 г., – расчистило путь для процесса, которому в экономике соответствовал НЭП. Растущий приток в советские учреждения представителей бывших привилегированных классов в качестве "специалистов" или государственных служащих побудил Ленина выступить на XI съезде партии в 1922 г. с предостережением. Он сравнил большевиков с нацией победителей, которым побежденные навязывают свою более высокую культуру. "Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас". И вовсе не ответственные коммунисты "ведут" огромную бюрократическую машину; они того не знают, что на самом-то деле это "их ведут"[15]. Поглощение бюрократией буржуазных и даже аристократических элементов имело двоякое значение. Оно было признаком не только примирения этих "бывших людей" с советским строем, но и менее отрицательного отношения со стороны властей к прежним "русским" традициям. Отнюдь не опровергая обвинений, выдвинутых Раковским и Скрыпником на XII партийном съезде, Сталин сам говорил об опасности с подчеркнутой откровенностью:

"Вовсе не случайность, товарищи, что сменовеховцы[16] приобрели массу сторонников среди советских чиновников. Это вовсе не случайность. Не случайность и то, что господа сменовеховцы подхваливают коммунистов-большевиков, как бы говоря: вы о большевизме сколько угодно говорите, о ваших интернационалистских тенденциях сколько угодно болтайте, а мы-то знаем, что то, что не удалось устроить Деникину, вы это устроите, что идею великой России вы, большевики, восстановили или вы ее, во всяком случае, восстановите. Все это не случайность. Не случайность и то, что даже в некоторые наши партийные учреждения проникла эта идея"[17].

Лейтмотив русского единства, впервые соединивший эти противоречивые элементы во время гражданской войны, после победоносного завершения войны продолжал играть роль в политике.

Как это ни нелепо, но "великорусский шовинизм" получил также косвенную поддержку со стороны марксистской теории – или тогдашних ее искажений – в двух формах. Первая представ-

ляла собой возрождение старой "польской ереси", которая отрицала национализм и самоопределение наций как идеи, несовместимые с классовой борьбой и всемирной солидарностью пролетариата. Ленин вновь и вновь указывал, что эти взгляды освящают привилегии господствующей нации, поскольку исключают любой протест против существующего положения вещей, вызванный национальными стремлениями других народов. "Ересь" была отвергнута Апрельской партийной конференцией в 1917 г. и VIII съездом партии в 1919 г. Но никакое осуждение не могло ее устранить окончательно. О популярности ее среди сотрудников Наркомнаца уже было сказано[18]. Но даже в 1923 г. Раковский на XII партийном съезде рисовал воображаемую картину критического выступления коммуниста подобного типа:

"Ведь мы – страна, которая уже перешла через национальности, мы – страна, где, как выразился один товарищ, материальная и экономическая культура противопоставляется национальной культуре. Национальная культура – это для отсталых стран, которые находятся по ту сторону баррикады, для стран капиталистических, а мы – страна коммунистическая"[19].

Картина убедительная, хотя краски, быть может, сгущены. И такие идеи, подразумевавшие отрицание национализма во имя Маркса, легко вливались в поток великорусского шовинизма.

Другая форма поддержки идей "великорусского шовинизма" со стороны марксистского учения была обусловлена составом населения бывшей царской империи. После отделения Польши, Финляндии и государств Прибалтики на всех территориях – и особенно на Украине, единственном районе за пределами Московии, в котором была развита тяжелая промышленность, – большинство промышленного пролетариата составляли великороссы, в то время как другие национальности главным образом или полностью состояли из крестьян. Отношения между промышленным пролетариатом и крестьянством всегда были, в той или иной форме, наиболее деликатным вопросом в советской внутренней политике. А поскольку, в соответствии с марксистским учением, в революционном плане признавалось превосходство пролетариата, крестьянин же считался второстепенным и подчас ненадежным союзником, предпочтение, которое "великорусский шовинизм" оказывал великороссу, было вполне и даже слишком созвучно тому предпочтению, которое ортодоксальный марксизм отдавал пролетарию, и оно вполне, и даже слишком легко, могло маскироваться под марксизм.

Именно в таком смысле резолюция XII съезда партии заявляла, что в некоторых национальных республиках "смычка между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством встречает сильнейшее препятствие в пережитках великорусского шовинизма как в партийных, так и в советских органах"[20].

Однако, в конце концов, как указывал на съезде сам Сталин, "политической основой пролетарской диктатуры являются прежде всего и главным образом центральные районы, промышленные, а не окраины, которые представляют собой крестьянские страны". И хотя Сталин при этом спорил с теми, кто, как Бухарин и Раковский, стремился "перегнуть палку в сторону крестьянских окраин, в ущерб пролетарским районам", но, должно быть, существовало по крайней мере такое же сильное стремление перегнуть палку в противоположном направлении[21]. Подход к требованиям крестьянской окраины как к несколько менее важным, чем требования индустриальных центров, легко можно было представить не просто как проявление здравого смысла, но и как отражение марксистской теории ведущей роли пролетариата и собственной позиции Маркса и Энгельса в 1848 г. в вопросе об отношении к аграрным нациям.

Великорусские предрассудки, какое бы ни существовало для них оправдание, были главной причиной бестактного поведения некоторых советских должностных лиц, часто вызывавшего жалобы. В 1919 г. в официальном органе Наркомнаца было отмечено: "Некоторые товарищи считают учреждение республик ошибкой с нашей стороны". А далее там было сказано с откровенной прямотой:

"Получались часто обратные результаты, благодаря неумелой тактике людей, работавших в отделившихся территориях. Слишком сквозила искусственность этого отделения. Часто там грубо сквозил дух Великороссии. Сквозь тонкий слой самостоятельности там ясно видна была гегемония Москвы"[22].

Другие коммунисты "думали, что такие национальные республики создаются на очень короткий срок с тем, чтобы в спешном порядке изжить националистические тенденции туземного населения"[23]. В 1923 г. в резолюции XII съезда партии отмечалось:

"Союз Республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равноправных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик"[24].

Но еще серьезней были, пожалуй, те проявления бюрократического или национального превосходства, которые никакое официальное неодобрение полностью устранить не смогло. Скрыпник на том же съезде рассказал о случае с одним товарищем, занимавшим ответственный пост на Украине. Этот товарищ, уходя со съезда, где он голосовал за резолюцию, в которой утверждались равные права для украинского языка, на вопрос, заданный ему по-украински, коротко ответил: "Говорите со мной на понятном языке"[25].

Подобные промахи, которых можно было бы избежать, занимают много места в материалах первых послереволюционных лет. Однако основывающаяся на них критика обычно игно-

рирует масштабы процесса, направленного на достижение равенства, за который взялся советский режим, а также те реальные и неизбежные препятствия, которые не могли не возникнуть при осуществлении на практике провозглашенной большевиками политики. В тот момент, когда виден уже был конец гражданской войны и появилась возможность вырабатывать вновь политическую линию на более прочной основе, Сталин тщательно проанализировал то, что долгое время было серьезнейшей трудностью на пути к политическому равенству национальностей, объединенных советской системой.

"Одной из серьезных преград, – писал Сталин в октябре 1920 г., – по пути к осуществлению советской автономии является большой недостаток интеллигентных сил местного происхождения на окраинах, недостаток инструкторов по всем без исключения отраслям советской и партийной работы. Недостаток этот не может не тормозить как просветительную, так и революционно-строительную работу на окраинах. Но именно поэтому было бы неразумно, вредно для дела отталкивать от себя эти и так малочисленные группы местных интеллигентов, которые, быть может, и хотели бы послужить народным массам, но не могут этого сделать, может быть, потому, что они, как не коммунисты, считают себя окруженными атмосферой недоверия, боятся всевозможных репрессий. К этим группам с успехом может быть применена политика их вовлечения в советскую работу, политика привлечения на промышленные, аграрные, продовольственные и иные посты в целях постепенной их советизации...

Но использование национальных интеллигентских групп далеко еще не достаточно для удовлетворения потребности в инструкторах. Одновременно необходимо развить богатую сеть курсов и школ на окраинах по всем отраслям управления для создания инструкторских кадров из местных людей. Ибо ясно, что без наличия таких кадров организация родной школы, суда, администрации и прочих институтов на родном языке будет затруднена до крайности"[26].

Эти трудности были неизбежным наследием прошлого. Немногие представители каких бы то ни было подчиненных народов царской империи, оставшихся теперь в советской системе, участвовали в прошлом в управлении; немногие из этих народов обладали значительной интеллигенцией или классом, который мог бы стать правящим. Зачастую это были примитивные народы; у них полностью отсутствовал политический опыт. В таких случаях автономия часто оказывалась нереальной, и ее вначале приходилось насаждать извне. Однако это скорее происходило из-за слабости ресурсов и опыта у тех национальных групп, которым давалась автономия, а не от желания центрального правительства ограничить ее размах и действенность. Подобные эксперименты могли быть оправданы не той степенью подлинной автономии, которой можно немедленно воспользоваться, а той возможностью, которую они предостав-

ляли для постепенной подготовки "отсталых" народов к обязанностям, связанным с управлением.

Такие условия объясняют известные аномалии, которыми критики советской политики в достаточной мере воспользовались. Когда предъявляются списки членов "национальных" правительств, где большинство составляют русские фамилии, то на деле их носители вовсе не обязательно были русскими: русские фамилии, а также фамилии, образованные по правилам образования фамилий в русском языке, были обычны для многих нерусских национальностей[27]. Тем не менее действительно есть случаи, когда в состав "национального" правительства включались представители иной национальности. Примером может служить назначение Диманштейна, члена коллегии Наркомнаца, еврея, членом первого Казахского Военно-революционного комитета[28] и назначение Вайнштейна, одного из руководителей еврейского Бунда, первым президентом ЦИКа Башкирской Автономной ССР[29]. Причем в первые годы Советской власти, когда частые переводы партийных работников из одной сферы деятельности в другую были обычной практикой, это были, конечно, нередкие случаи[30]. Однако такие случаи ничего страшного не подтверждали – всего только острую нехватку компетентных работников во всех областях управления.

Предложение Сталина об использовании беспартийной "национальной интеллигенции" тоже невозможно было в то время в большой мере осуществить. Внутри советской системы в тех немногих странах, где имелась национальная интеллигенция в достаточном количестве, чтобы обеспечить кадры администраторов для автономного или независимого национального государства – в Грузии, Армении и, что более сомнительно, на Украине, – в большинстве своем эта интеллигенция была тогда антибольшевистской и составляла в свое время основу буржуазных правительств, свергнутых большевиками. В Белоруссии даже в 1923 г., как сообщалось, были "учителя в значительной мере с народническим уклоном, и из-за недоверия к этим учителям школьное дело пропадает"[31].

Когда бразды правления были взяты рабочими и крестьянами – или во имя рабочих и крестьян, – неизбежной стала нехватка подготовленных местных руководителей, верных новому строю и способных взять на свои плечи бремя управления. Этот вакуум был заполнен руководителями, присланными из РСФСР. Однако это всегда считалось не чем иным, как временным и вынужденным средством. Если и следует критиковать политику Советского правительства в этом отношении, то, быть может, за то, что оно слишком далеко зашло в своем стремлении оживить примитивные или наполовину исчезнувшие языки и культуры в качестве основы для национальной автономии, которая неизбежно должна была оказаться в большой мере фиктивной, во всяком случае в предстоящие годы, а не за то, что оно не сумело сделать максимум того, что в этих усло-

виях можно было сделать, чтобы равенство стало реальным. В некоторых автономных республиках и областях РСФСР национальная группа составляла только незначительное большинство или даже меньшинство населения, и именно русский элемент имел основания жаловаться на свой более низкий статус.

Очевидное несовершенство в работе системы проистекало, таким образом, скорее всего из нехватки ресурсов и опыта у национальных групп, которым была предоставлена автономия,а не из желания центрального правительства ограничить их возможности. Эти недостатки явились платой за попытку в одном поколении осуществить процесс выравнивания, который в иных обстоятельствах мог бы протекать в течение столетий. В центре постоянно высказывались упреки по поводу низкой эффективности автономных институтов в национальных областях или республиках. Даже в июне 1922 г. Сталин от имени Центрального Комитета обвинил партийные органы Казахской ССР в "пассивности и пессимистических настроениях", а советские органы той же республики – в "застое, углубленном наличием мелких и ничтожных группировок"[32]*. Такие недостатки были весьма распространенными в "отсталых" областях и республиках. Они были наследием прошлого, и несправедливо было бы вину за них возлагать на какую-либо предварительно обдуманную политику. Советская система предоставляла, во всяком случае в первые годы после революции, всю ту меру местной автономии, какую соответствующие нации могли эффективно использовать, и отстаивала принцип равенства и отсутствия дискриминации в отношениях между национальностями со всей твердостью, какая только была возможна в условиях огромного преобладания великорусского элемента. Тем временем экономическая политика Советской России путем более равномерного распространения промышленных предприятий создавала условия для более реального равенства в будущем, хотя это неизбежно был долгосрочный план, конкретные результаты которого едва ли можно было заметить на той ранней стадии.

Большевистская политика национального самоопределения завершила свой путь эволюции – от признания права на отделение в буржуазном обществе к признанию равенства между нациями, к уничтожению эксплуатации одной нации другою в социалистическом содружестве наций. Связующим звеном между данными этапами эволюции явилось ленинское требование "добровольного единства" для достижения этой цели, которое делало союз выражением, а не отрицанием стремления нации к самоопределению. Этот постулат основывался на твердом личном убеждении Ленина в том, что при социализ-

*В указанном источнике этих слов Сталина нет. – *Прим. ред.*

ме элемент принуждения исчезнет из управления и будет заменен добровольным принятием правил администрирования. Какова бы ни была конечная философская обоснованность этой концепции, следует сказать, что она не была претворена в жизнь в рассматриваемый исторический период. Принципы принуждения и добровольного согласия продолжали тогда существовать бок о бок – как и в другие периоды в различных соотношениях – во всех процессах управления.

Достоинство большевистской национальной политики заключается, видимо, не в том, что ее можно было осуществлять без применения силы – это явно было невозможно, хотя она, пожалуй, способствовала установлению порядка в России при меньшем применении непосредственного насилия, чем того требовал любой другой вариант; при этом соответственно требовался больший элемент добровольности, чем при проведении любой другой политики. В пользу большевистской национальной политики говорило то обстоятельство, что буржуазная теория самоопределения наций к 1919 г. зашла в тупик, из которого не было выхода; что при капиталистическом строе, в той его форме, какую он принял с разделением труда между передовыми индустриальными народами и отсталыми или колониальными народами, подлинное равенство между нациями стало недостижимым и что идея воссоединения при социалистическом строе действительно, а не только формально равных наций была смелой творческой попыткой вырваться из тупика.

Значение этой политики состояло в принятых ею мерах, направленных на установление равенства, уничтожение разделения на индустриальные и аграрные нации. Без сомнения, легче всего было принять и внедрять принцип равенства и отказ от дискриминации, основываясь на мотивах национальных, именно потому, что существовали другие мотивы, на основе которых было провозглашено неравенство и практиковалась дискриминация. Сталин сам говорил однажды о прекращении борьбы наций для того, чтобы открыть путь для борьбы классов[33]. Когда подчеркивалось значение социальных разногласий, соответственно уменьшалось значение разногласий национальных. Но трудно преувеличить значение советской национальной политики с точки зрения исторической или с точки зрения ее последующего влияния. С самого начала она была решающим фактором в поразительном ленинском свершении – воссоединении почти всех бывших царских владений после их разъединения и распада в результате мировой войны, революции и гражданской войны. И надолго она осталась действенным элементом советской внешней политики во многих частях света.

Глава 13

ЧЕРЕЗ СОЮЗ К ФЕДЕРАЦИИ

Когда наконец к концу 1920 г. утихла гражданская война, принцип независимости или автономии уже распространился на всю бывшую Российскую империю, составные части которой подразделялись теперь на три категории. Ряд бывших российских территорий: Польша, Финляндия, три государства Прибалтики, признанные независимыми, Бессарабия, захваченная Румынией, и полоска территории, которую в Брест-Литовске уступили Турции, – в данное время отошли к той категории, на которую власть Москвы не распространялась. Из остальных территорий Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика составляла единое ядро, включавшее в себя почти 20 автономных единиц, населенных нерусскими, главным образом мусульманскими, народами. Сама РСФСР занимала 92% территории и включала в себя 70% населения, которому в конечном счете предстояло войти в СССР. Остальные территории подразделялись по крайней мере на восемь отдельных государств, номинальная независимость которых была действительна в разной степени. Сюда входили: Украинская и Белорусская Социалистические Советские Республики; Азербайджанская, Армянская и Грузинская Социалистические Советские Республики[1]; Дальневосточная республика со столицей в городе Чите и две советские республики в Средней Азии – Хорезмская и Бухарская. Однако эти внешние формы разделения маскировали движение в направлении воссоединения, которое уже в большой мере осуществлялось. Конец гражданской войны ознаменовал переход от второго из трех периодов – охарактеризованного ретроспективно в партийной резолюции 1923 г. как "сотрудничество в форме военного союза" – к третьему периоду, к "военно-экономическому и политическому союзу народов", которому предстояло найти свое окончательное воплощение в форме Союза Советских Социалистических Республик.

Второй из этих периодов, относившийся к сугубо военному этапу воссоединения, возник непосредственно в условиях гражданской войны и начался на западных окраинах, где особенно требовались неотложные меры. В январе 1919 г., еще даже

до возвращения Киева, Временное Советское правительство Украины провозгласило свою "солидарность с Советской Российской Федеративной Республикой, колыбелью Всемирной Революции", и предсказывало объединение Украинской Советской республики с Советской Россией на основе принципов социалистической федерации. Об аналогичных стремлениях в феврале 1919 г. заявил I Белорусский съезд Советов[2]. И на основе этих симптомов Сталин сделал обнадеживающий вывод о том, что "через независимые советские республики народы России приходят к новому добровольному братскому единству"[3].

Военные события заставили сначала решить вопрос об Украине. 18 мая 1919 г. Центральный исполнительный комитет Советской Украины "вместе с Киевским Советом Рабочих депутатов, Киевским уездным съездом крестьянских депутатов и представителями киевских профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов" (перечисление органов власти должно было свидетельствовать о значительности события) принял Постановление, в котором провозглашались два основных принципа:

"1) Вся вооруженная борьба с врагами Советских республик должна быть объединена во всех существующих Советских республиках.

2) Все материальные средства, необходимые для ведения этой борьбы, должны быть сосредоточены вокруг общего для всех республик центра.

Исходя из этого, ЦИК поручает своему президиуму обратиться в ЦИК всех Советских республик с предложением выработать конкретные формы организации единого фронта революционной борьбы"[4].

1 июня 1919 г. декрет ВЦИКа, изданный в Москве, "стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма" и вместе с тем исходя из украинской резолюции от 18 мая и всех вместе "предложений Советских правительств Латвии, Литвы и Белоруссии", на этом основании провозглашал необходимость "военного союза"[5] между социалистическими Советскими республиками этих стран и РСФСР. Союз должен был включать объединение: "1) военной организации и военного командования, 2) Советов Народного Хозяйства, 3) железнодорожного управления и хозяйства, 4) финансов и 5) Комиссариатов Труда". Декрет завершался назначением комиссии для ведения переговоров по осуществлению этого проекта[6].

В течение тех нескольких недель, когда принимался этот декрет, гражданская война обрушилась на большинство территорий, которых он касался. Как и многие постановления той поры, декрет от 1 июня 1919 г. остался на бумаге; нет сведений о том, что комиссия, которая должна была выработать условия предложенного союза, когда-либо собралась. Тем не менее урок

не прошел даром. Декрет от 1 июня 1919 г., хотя и не дал конкретных результатов, был все же неосознанным, почти случайным предвестником процесса, с помощью которого предстояло создать новую общность – СССР. В декрет входило понятие "союз" между составными частями бывшей Российской империи; он устанавливал принцип "тесного союза" между определенными важными народными комиссариатами; и он предусматривал своего рода формальное предварительное соглашение, на основе которого Москва будет иметь право принимать конституционные решения, обязательные для всех[7].

Военная необходимость облекла декрет в такую форму, которая соответствовала большевистской теории и подтверждала ее. Самоопределение наций было обусловлено единством рабочих всех национальностей в революционной борьбе и поэтому от него зависело. Если бы не удалось добиться единства рабочих разных национальностей и районов бывшей Российской империи и это привело бы к победе контрреволюции, тогда вообще не было бы никакого самоопределения. При таком доводе вопрос о том, какого рода национальное самоопределение было бы достигнуто при победе революции, естественно, считался решенным, не требующим доказательств. Однако в условиях непосредственной военной необходимости он был правильным и неопровержимым. Он не перестал быть правильным и тогда, когда миновала непосредственная военная необходимость, поскольку социалистические нации жили в условиях постоянной угрозы нападения капиталистов[8]. Необходимость единства была постоянной и нашла свое выражение в единстве Красной Армии. Как только единство было принято в качестве очевидной военной необходимости и как только благодаря победе в гражданской войне укрепился престиж Красной Армии, борьба за единство – и притом единство на основе русского начала – была наполовину выиграна.

Таким образом, был расчищен путь для превращения военного союза ad hoc* в постоянный "военно-экономический и политический союз народов". Третья и последняя стадия процесса началась непроизвольно и почти случайно, по мере того как территории освобождались от буржуазных правительств или оккупационных армий и возникла необходимость в более постоянной основе их отношений с РСФСР. В Постановлении ВЦИКа, опубликованном 15 февраля 1920 г., определялось "установление нормальных отношений между Р.С.Ф.С.Р. и входящими в ее состав автономными Советскими Республиками и, вообще, нерусскими национальностями" как "одна из важнейших задач ВЦИК", а также сообщалось о создании комиссии "для разработки вопросов федеративного устройства Р.С.Ф.С.Р."[9]. Летом 1920 г. были образованы Башкирская,

* Применительно к данному случаю *(лат.)*. – *Прим. ред.*

Татарская, Казахская и Калмыцкая автономные республики. На всей территории от Москвы до окраин был достигнут успех, хотя его достижение и было отсрочено из-за войны с Польшей и военной кампании против Врангеля. 30 сентября 1920 г. был заключен договор о "военном и финансово-экономическом союзе", а также пять дополнительных договоров между РСФСР и Азербайджанской ССР, которая возникла всего шестью месяцами ранее. А через 10 дней Сталин в качестве народного комиссара по делам национальностей сделал важное заявление о национальной политике, которое появилось в виде статьи, опубликованной в "Правде"[10].

Сталин начал с довода, касавшегося военной необходимости:

"Три года революции и гражданской войны в России показали, что без взаимной поддержки центральной России и ее окраин невозможна победа революции, невозможно освобождение России от когтей империализма".

Для окраин возможны были лишь два выхода: либо вместе с Россией, либо вместе с Антантой. Автор продолжал с несколько тяжеловесной иронией:

"Так называемая независимость так называемых независимых Грузии, Армении, Польши, Финляндии и т.д. есть лишь обманчивая видимость, прикрывающая полную зависимость этих, с позволения сказать, государств от той или иной группы империалистов".

Если бы какая-либо из этих наций решила в своем большинстве отделиться, то России, как это было в случае с Финляндией, пришлось бы санкционировать отделение. Но речь уже шла не о правах наций, которые были неоспоримы, а об интересах народных масс. А "интересы народных масс говорят, что требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно".

Отбрасывая идею "культурно-национальной автономии", Сталин затем выступил в защиту "**областной** автономии окраин" – автономии, которая не может не быть действенной как в культурном, так и в экономическом отношениях. Однако главный интерес в тот момент вызывало отношение "советской автономии" к незаконченному еще "административному переделу России". Сталин хвалил эластичность "советской автономии", которая переходила "от узкой, административной автономии (немцы Поволжья, чуваши, карелы)... к более широкой, политической автономии (башкиры, татары Поволжья, киргизы), от широкой, политической автономии – к еще более расширенной ее форме (Украина, Туркестан), наконец, от украинского типа автономии – к высшей форме автономии, к договорным отношениям (Азербайджан)".

Здесь примечательно, во-первых, то, что Сталин различал только разные степени автономии, но не находил никакого существенного различия между автономными областями и

автономными республиками РСФСР или между автономными республиками РСФСР и формально независимыми республиками вроде Украины и Азербайджана, и, во-вторых, то, что Сталин отметил заключенный незадолго до этого договор о "военном и финансово-экономическом союзе" с Азербайджаном как "высшую форму автономии". В этом перечислении была откровенно предсказана политическая линия, которой в последующие два года предстояло привести к созданию СССР. В будущем больше внимания будет обращаться на конституционное различие между автономными единицами РСФСР и союзными республиками, заключившими договоры с РСФСР. Однако основной курс был ясно предначертан в октябре 1920 г. в статье Сталина. В первую категорию входили меньшие народы, которые будут по-прежнему организованы в виде автономных единиц, включенных в РСФСР. (Когда Сталин писал статью, он собирался совершить поездку, основным назначением которой был "административный передел" разнообразных народов Северного Кавказа[11].) Ко второй категории относились Азербайджан и другие семь независимых республик, которые будут организованы на основе договорных отношений с РСФСР; прототипом этих отношений стали договоры, заключенные с Азербайджаном 30 сентября 1920 г.

Азербайджанская модель была громоздкой, но ясной. Основной договор устанавливал принцип "тесного военного и финансово-экономического союза" между двумя государствами и обязывал их осуществить в кратчайший срок объединение: 1) военной организации и военного командования; 2) органов, ведающих национальной экономикой и внешней торговлей; 3) органов снабжения; 4) железнодорожного и водного транспорта и управления почтово-телеграфной связью и 5) финансов. Военный вопрос, вероятно, рассматривался в неопубликованном соглашении. Другие пункты были охвачены в пяти дополнительных договорах, подписанных одновременно с основным договором. В соответствии с тремя из этих дополнительных договоров (посвященными финансам, внешней торговле и национальной экономике), полномочный орган РСФСР назначал своего представителя в азербайджанский Совнарком (или – по вопросам народного хозяйства – в Совнархоз) "с правом решающего голоса". В двух других договорах объединение было достигнуто с помощью незначительно отличавшихся положений[12]. Однако во всех договорах с очевидностью ощущалось подчеркнутое объединение экономической и финансовой политики.

Это был первый образец, и Азербайджан был страной слабой и отсталой. Эти шесть договоров, как и те, что последовали за ними – договоры, заключенные между РСФСР и другими независимыми Советскими республиками, – были заключены так, как заключаются договоры между независимыми государствами, и подписаны соответствующими комиссарами по иностранным делам по форме, признанной международным

правом. Тем не менее результат этого союза вряд ли мог быть чем-либо иным, кроме как зависимостью Азербайджана от РСФСР. Эту реальность не сочли даже нужным особенно скрывать при формулировке текста.

Следующий в ряду договоров был заключен три месяца спустя с Украинской ССР, чьи долгие испытания, связанные с иностранными оккупациями, сменявшими одна другую, закончились разгромом польских захватчиков в июле 1920 г. Насколько Азербайджан (за исключением русского и космополитического города Баку, мало озабоченного национальными стремлениями своей страны) был, возможно, самым бедным и слабым из восьми республик, настолько Украина была, конечно, самой сильной и наиболее настойчивой в своем требовании официальной независимости и равенства. Заключению договора с Украиной в определенной мере была придана торжественность и значительность тем, что он был подписан в Москве 28 декабря 1920 г. в период работы VIII Всероссийского съезда Советов и был официально ратифицирован съездом. Это был единственный из подобных договоров, подписанный самим Лениным от имени РСФСР. Раковский, в то время председатель украинского Совнаркома и главный украинский делегат на съезде, подчеркнул, что совершается переход от военного к экономическому союзу:

"Но нет никакого сомнения, что дальнейшая наша политика будет идти по пути объединения, и в особенности теперь, в период советского хозяйственного строительства, эта сплоченность и объединение также и, может быть, даже более необходимы, чем раньше, в период военной обороны"[13].

Формулировки были более тщательными, чем формулировки в азербайджанском договоре. В преамбуле содержалось подтверждение "провозглашенного великой пролетарской революцией права народов на самоопределение" и признавались "независимость и суверенность каждой из договаривающихся сторон", как и "необходимость сплотить свои силы в целях обороны, а также в интересах их хозяйственного строительства". На этот раз все было включено в единый документ.

По поводу механизма, который при этом предусматривался, в договоре осторожно избегали непосредственных указаний на зависимость. Военные и военно-морские дела, народное хозяйство, внешняя торговля, финансы, труд, транспорт, почта и телеграф были в ведении "объединенных комиссариатов" обеих республик. Эти объединенные комиссариаты "входят в состав Совнаркома Р.С.Ф.С.Р. и имеют в Совете Народных Комиссаров У.С.С.Р. своих уполномоченных, утверждаемых и контролируемых украинскими Ц.И.К. и Съездом Советов". Наряду с этим Украинская ССР имела своих представителей во ВЦИКе и на Всероссийском съезде Советов, которые являлись высшими органами власти для объединенных комиссариатов. Согласно уточнению, внесенному на VIII Всероссийском съезде

Советов представители одной из сторон на съезде Советов другой стороны не имели права голоса, когда обсуждались вопросы, касающиеся необъединенных комиссариатов[14].

В 1921 г. в ту же систему были включены еще три республики – Белорусская, Грузинская и Армянская ССР. Договор с Белоруссией, подписанный 16 января 1921 г., был сформулирован идентично договору с Украиной[15]. Однако, по крайней мере в вопросе о финансах, сравнительно свободный украинский образец, видимо, оказался недостаточно строгим для более отсталой Белорусской республики, в которой вряд ли было много специалистов в области финансов, и шесть месяцев спустя с ней был заключен договор по азербайджанскому образцу. В соответствии с этим договором, в белорусском Совнаркоме имелся представитель российского комиссариата финансов с правом решающего голоса. Договор содержал также новое дополнительное положение о том, что бюджеты объединенных комиссариатов должны представляться в Наркомфин и Совнарком РСФСР для утверждения и окончательного включения в бюджет РСФСР[16].

Между тем договор от 21 мая 1921 г. с Грузинской ССР был составлен по украинскому образцу лишь с несколькими изменениями[17]. Договор с Армянской ССР, подписанный 30 сентября 1921 г., был посвящен исключительно финансовым вопросам и стоял на полпути от совместного контроля, предусмотренного в украинском варианте, к подчиненному положению Азербайджана и Белоруссии[18]. Эти различные формы, конечно, означали различия по существу. Однако разнообразие заключалось, вероятно, не столько в степени достигнутого объединения, сколько в размерах того вклада, который союзные республики могли эффективно вносить в деятельность объединенной системы.

Остальные три республики – Хорезмская, Бухарская и Дальневосточная – были в ненормальном положении, не будучи "Социалистическими Советскими Республиками". Первые две были Народными Советскими Республиками, третья – Демократической Республикой. Хорезм (бывшая Хива) и Бухара никогда не были официально включены в царскую империю. И отчасти, возможно, из-за того, что там повсюду продолжались беспорядки, а отчасти из-за их отсталости в социальном развитии Москва была весьма склонна в данный момент проявить уважение к их статусу "зарубежных" стран. Договоры о союзе и экономические соглашения были заключены между РСФСР и Хорезмом 13 сентября 1920 г.[19], а с Бухарой – 4 марта 1921 г.[20] Что касается военной сферы, то здесь предусматривалось "военно-политическое" соглашение для установления "общего плана, общего руководства и подготовки сил, обеспечивающих осуществление задач охраны независимости и свободы обеих республик"[21]. Образец был в общем-то знакомым, хотя вряд ли военные статьи могли найти в значи-

тельной мере непосредственное применение, поскольку в Бухаре Красная Армия до конца лета 1922 г. энергично воевала с басмачами.

Вместе с тем положения, посвященные экономическим вопросам, которые составляли бóльшую часть договоров, полностью отличались от положений, включенных в договоры с социалистическими республиками. Здесь не могло быть и речи об объединении институтов. Всю внешнюю торговлю должны были осуществлять не частные лица, а государственные институты, и республики не должны были на своей территории предоставлять индустриальные или коммерческие права какому- либо государству, кроме РСФСР или другой советской республики. В остальном особо подчеркивался отказ РСФСР от всех прав собственности или концессий бывшей Российской империи на территории этих двух республик, включая земли русских колонистов, поселившихся в Бухаре до революции; колонисты, однако, могли, очевидно, сохранить свои земли, приняв бухарское гражданство. Обеим республикам были обещаны существенные единовременные выплаты в виде субсидий: Хорезму – 500 млн. рублей, а Бухаре – сумма, которую предстояло установить в последующем соглашении. Эти договоры, по-видимому, на деле создавали такую же зависимость от РСФСР для Хорезма или Бухары, как и для независимых социалистических советских республик или автономных республик, а возможно, они означали даже бóльшую зависимость. Но формальные узы носили другой характер и скорее относились к концепции "внешних отношений", чем к концепции "федеративной связи". Прошло несколько лет, прежде чем обе республики были признаны созревшими для включения в объединенную систему.

Конституционные последствия всех этих преобразований определить нелегко: то, что возникло в результате договоров с Украинской и Белорусской республиками, а также с тремя республиками Закавказья, имело некоторые черты союза, некоторые черты федерации и некоторые черты унитарного государства[22]. Однако такая неясность была характерна для всех советских конституционных документов того периода. В договорах азиатских республик не было такого положения, как в договорах Украинской и Белорусской республик, согласно которому украинские и белорусские представители допускаются на Всесоюзный съезд Советов и во ВЦИК. Тем не менее делегаты от Азербайджана, Грузии и Армении, так же как и от Украины и Белоруссии, беспрепятственно присутствовали на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г.[23], и съезд решил, что "ввиду... желания отдельных советских республик иметь своих представителей в высшем законодательном органе республики" число членов ВЦИКа должно быть соответствующим образом увеличено[24]. Это дало официальное основание ВЦИКу выпускать декреты, которые, по-видимому, без дальнейших

формальностей, воспринимались как обязательные на всех территориях союзных республик.

Другим важным новшеством было то значение, которое во всех договорах придавалось экономическому единству. Как сказал Сталин, анализируя впоследствии этот процесс, именно "скудость наших хозяйственных ресурсов, оставшихся в распоряжении республик", вынуждала их "объединить эти скудные средства для более рационального их использования и развития главных отраслей хозяйства"[25]. Экономические последствия гражданской войны завершили процесс, начало которому положила острая необходимость, вызванная самой войной. Уже в марте 1920 г. лозунг "Все для фронта!" уступил место лозунгу "Все для народного хозяйства!"[26]. Еще раньше VII Всероссийский съезд Советов назначил "административно-территориальную комиссию" для установления новых местных границ, более соответствующих экономическим единицам[27]. В дальнейшем этот момент всегда оставался в поле зрения. Предложенный Государственным плановым комитетом план разделения европейской части России на 12 экономических регионов, а азиатской части России – на 9 таких регионов XII партийный съезд, состоявшийся в апреле 1923 г., осторожно благословил, назвав его "предварительной рабочей гипотезой, нуждающейся в дополнении, проверке и разработке на основании опыта"[28]. Создание этих регионов, пересекающих все политическое и национальное разделение, было новым подтверждением противоречий, существовавших между долговременными и кратковременными целями советской национальной политики. Необходимость экономического единства, которое было главным условием экономического прогресса "отсталых" народов и, следовательно, реального равенства в будущем, вступило в противоречие с разобщающим влиянием сиюминутных национальных устремлений.

Дипломатический этап объединения отставал от военного и экономического этапов, поскольку здесь не было особых причин или импульсов к объединению. Ни по одному из договоров, заключенных между РСФСР и другими советскими республиками, иностранные дела не включались в список дел объединенных комиссариатов. А поскольку объединенный контроль над иностранными делами традиционно был отличительным признаком любой федерации, его отсутствие в данном случае характеризовало установившиеся отношения скорее как союз, нежели как федерацию. На деле Украина была единственной республикой, широко пользовавшейся разрешением проводить собственную внешнюю политику – заключать договоры с теми государствами, которые признавали Украину[29], и на короткий период иметь собственных представителей в Праге, Берлине и Варшаве.

Однако, помимо того что существовали практические препятствия на пути организации независимых народных ко-

миссариатов по иностранным делам и дипломатических служб в отсталых и бедных республиках, не признанных какими-либо играющими значительную роль зарубежными странами, сами по себе отношения между этими республиками и РСФСР мешали каким-либо серьезным попыткам проведения самостоятельной внешней политики. Заключенные договоры создали официальный союз, настолько тесный, что общее отношение к внешнему миру в связи с любым важным вопросом могла бы определить лишь общая власть и оно могло быть представлено лишь через единый канал. Тем не менее ничего похожего на единство образа действий еще не было. Советская делегация, подписавшая мирный договор с Польшей в Риге 18 марта 1921 г., была совместной делегацией РСФСР и Украинской ССР; кроме того, российская делегация получила также все полномочия от Белорусской ССР[30].

За два дня до этого РСФСР подписала в Москве договор с Турцией, по которому определялась линия границы между Турцией и тремя Закавказскими республиками и который даже повлек за собой ряд территориальных изменений; причем сами эти республики официально не участвовали ни в переговорах, ни в заключении договора. Момент этот, однако, был учтен. В предпоследней статье договора было сказано:

"Россия обязуется предпринять в отношении Закавказских Республик шаги, необходимые для признания этими Республиками в договорах, которые будут заключены ими с Турцией, статей настоящего договора, непосредственно их касающихся"[31].

Позднее в том же году, когда республики Армения, Азербайджан и Грузия выполнили это сделанное за них обещание, заключив договор с Турцией в Карсе, в преамбуле специально отмечалось, что они провели переговоры "при участии РСФСР"[32], делегат которой тоже подписал договор.

Однако эта процедурная путаница не могла далее продолжаться. В начале 1922 г. вопрос обострился в связи с тем, что западные союзные державы пригласили РСФСР принять участие в предстоящей европейской конференции в Генуе – приглашение, которое не учитывало конституционного статуса других Советских правительств. 22 февраля 1922 г. восемь республик заключили соглашение, поручив РСФСР "представлять и защищать" их интересы на предстоящей международной конференции в Генуе и подписать не только любое достигнутое там соглашение, но и "всякого рода связанные прямо или косвенно с этой Конференцией отдельные международные Договоры и Соглашения с Государствами, как представленными на указанной Конференции, так и со всякими другими, и предпринимать все вытекающие из сего шаги"[33]. Эти широкие полномочия в достаточной мере устранили пробел, образовавшийся оттого, что иностранные дела не вошли в список дел "объединенных комиссариатов". Если существовало какое-либо сопротивление

слиянию дипломатических функций, то оно исходило от Украины – единственной республики, достаточно сильной, чтобы позволить себе поступки, которые должны были демонстрировать дипломатическую независимость. И успокаивающее заявление Яковлева, исполняющего обязанности украинского комиссара по иностранным делам, сделанное летом 1922 г., явно было направлено на то, чтобы смягчить это противодействие:

"Украинская внешняя политика не имеет и не может иметь интересов, отличных от России – такого же пролетарского государства. Героическая борьба России в полном союзе с Украиной на всех фронтах против отечественных и иностранных империалистов теперь сменяется таким же единым союзным фронтом дипломатии. Украина независима в своей внешней политике там, где дело касается специфических интересов Украины. В вопросах же, имеющих общее политическое и хозяйственное значение для всех Совет. Республик, и Российский и Украинский Наркоминделы выступают как единые представители единой федеративной власти"[34].

В последний раз принцип самостоятельного представительства был формально соблюден в Берлине в ноябре 1922 г., когда Украина, Белоруссия, Грузия, Азербайджан, Армения и Дальневосточная республика подписали с Германией договор, согласно которому на них распространялись положения договора, заключенного в Рапалло[35]. В декабре 1922 г., когда в Москве собралась конференция восточноевропейских держав, посвященная вопросу о сокращении вооружений, Литвинов сообщил, что, "поскольку вооруженные силы всех Советских республик составляют единое целое, русская делегация имеет все полномочия для ведения переговоров об их сокращении"[36].

Таким образом, до конца 1922 г. процесс воссоединения был, в сущности, закончен, и его уже начинали воспринимать как само собой разумеющееся. Оставалось лишь облечь его в соответствующую конституционную форму. Разница между независимыми республиками, связанными с РСФСР договорными отношениями, и автономными республиками, входящими в РСФСР, на деле была невелика. Без сомнения, логично было бы уподобить одно другому, либо сделав союзные республики автономными единицами расширенной РСФСР, либо выведя автономные республики из РСФСР и сделав их единицами более крупного союза наряду с РСФСР и союзными республиками[37]. Но то, что логично, редко бывает политически целесообразно. Первое решение вызвало бы недовольство союзных республик, и особенно Украины, как умаление их статуса формально независимых, как подчинение "России". Второе решение ослабило бы РСФСР как главный стержень всей структуры и вызвало бы враждебное отношение у всех, в чьих интересах было сохранить преобладание РСФСР.

Следовательно, было необходимо выработать компромисс, который бы минимально отклонялся от сложившегося положе-

ния вещей. РСФСР оставалась "федерацией", охватывавшей в то время 8 автономных республик и 13 автономных областей[38], и в качестве единицы, формально приравненной к независимым социалистическим советским республикам, входила в более широкую федерацию.

Чтобы подготовить такое урегулирование, потребовалось объединить в одну местную федеративную единицу три маленькие Закавказские республики, и этот, казалось бы, незначительный шаг стал поводом для серьезных трений между Арменией и Грузией, между соперничающими группами грузинских большевиков, между соперничающими группами в Центральном Комитете самой партии и, наконец, между Сталиным и теперь уже почти нетрудоспособным Лениным. Спор этот был отчасти следствием событий февраля 1921 г., когда Грузией завладели большевики и Ленин так неожиданно и тщетно выступил вместе с меньшевиками[39]. Но этот спор отражал также силу грузинского национализма и недавно присоединившихся меньшевиков, которые превратили Грузию – не меньше, чем Украину, – в центр сепаратистского "национального" сопротивления Советской власти. Замешательство и разногласия в партийном руководстве были вызваны именно трудностями, с которыми, с точки зрения советских властей, было сопряжено решение грузинской проблемы без грубого и откровенного применения силы к политически сознательным грузинским группировкам, громко высказывавшим требования национального самоуправления.

С того момента, как все три Закавказские республики были включены в советскую систему, Армения, сознавая свою военную и экономическую слабость и изолированность, поспешила призвать к созданию в какой-либо форме федерации или союза между ними[40], а Грузия, гордясь традицией независимости, протестовала против такого шага, который привел бы к выравниванию экономических условий между нею и ее более бедными соседями и увеличил бы влияние входящего в нее многочисленного и презираемого армянского меньшинства. Различие взглядов отразилось в соответствующих конституциях обеих республик: в то время как в Конституции Армянской ССР говорилось об укреплении отношений с ее соседями, в Конституции Грузинской ССР было сказано лишь о солидарности со всеми существовавшими Советскими республиками и о готовности войти в состав "единой Международной социалистической советской республики"[41].

Однако здесь, как и повсюду в других местах, требования экономического порядка выступали в качестве веского доводав пользу объединения. За те несколько недель, когда происходило взятие Грузии в феврале 1921 г., грузинские железные дороги, которые представляли собой жизненно важное звено в системе средств сообщения Закавказья, были наряду с железными дорогами двух остальных республик включены в совет-

скую систему железных дорог, очевидно, невзирая на протесты грузинских большевиков, и для работы на них было взято большое число русских железнодорожников[42]. Еще в апреле 1921 г. Ленин, столкнувшись с угрозой экономического краха, настойчиво рекомендовал срочно создать "областной хозяйственный орган для всего Закавказья"[43]. Несколько дней спустя, явно поглощенный мыслями об успехе НЭПа, он опубликовал в "Правде Грузии" статью, в которой, казалось, предостерегал народы Кавказа и Закавказья от крайностей "военного коммунизма". Он объяснял, что нет необходимости в деталях копировать "нашу тактику", что надо следовать духу, а не букве и учиться на опыте прошедших лет – с 1917 по 1921 г. "Больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству... Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму" – вот что требовалось. Самое насущное требование состояло в улучшении положения крестьян и начале работ по электрификации и ирригации[44].

В 1921 г. общественность была настроена решительно в пользу НЭПа и связанного с ним смягчения централизованной дисциплины и контроля. До конца года в Грузии было сделано немного. В губерниях Поволжья европейской части России свирепствовал голод, и он служил предостережением против любых резких перемен в системе возделывания земли. Впоследствии выражалось сожаление по поводу того, что в Грузии не была даже начата работа по осуществлению аграрной реформы[45].

В декабре 1921 г. под непосредственным влиянием визита Орджоникидзе, который был в партии специалистом по грузинским делам, была начата новая кампания. Богатый событиями год начался арестами меньшевиков, которые развили активную деятельность в Грузии после амнистии, объявленной в марте 1921 г.[46] 12 марта 1922 г. в результате длительного давления из центра три Закавказские республики заключили договор, образовав Федерацию Социалистических Советских Республик Закавказья (ФССРЗ) с "Полномочной Конференцией" в качестве высшего органа власти. Одной из функций, согласно договору подлежавших контролю федерации, было "руководство экономической политикой". И была, наконец, выполнена настойчивая рекомендация Ленина, высказанная годом ранее, о создании "областного экономического органа" – был создан "Высший Экономический Совет"[47].

Едва это было осуществлено, как последовало распоряжение из Москвы от партийных властей о том, что требуется не федерация республик, а единая федеративная республика. Это повергло местных коммунистов, которые неохотно согласились на федерацию, в состояние замешательства и возмущения. Летом 1922 г. в Грузию Центральным Комитетом партии была направлена специальная комиссия, в которую входили Дзер-

жинский, Мицкявичус-Капсукас и Мануильский (поляк, литовец и украинец), чтобы вынести решение и восстановить дисциплину. Осенью руководители грузинских коммунистов Мдивани и Махарадзе были освобождены от занимаемых должностей и отозваны в Москву, и был образован новый партийный комитет Грузии. Когда препятствия были таким образом устранены, в Тифлисе состоялся I Закавказский съезд Советов, который 13 декабря 1922 г. принял Конституцию Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (ЗСФСР), во многом походившую на Конституцию РСФСР[48]. Непокорность грузинской нации была усмирена, и была создана административная единица, подходящая для образования более широкого союза[49].

С помощью этих мероприятий восемь независимых единиц в советском созвездии были сокращены до шести. Дальнейшее удобное сокращение было достигнуто путем возвращения Дальневосточной республики в состав РСФСР. Из оставшихся пяти республик Хорезмская и Бухарская республики еще не были социалистическими, и их нельзя было включить в союз, поэтому они сохранили свой статус. Из оставшихся трех Украинская ССР и Закавказская СФСР одновременно 13 декабря 1922 г. (в день образования Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики) приняли резолюцию, где приветствовалось создание союза социалистических Советских республик, а через три дня их примеру последовала Белорусская ССР[50]. 26 декабря 1922 г. X Всероссийский съезд Советов по предложению Сталина принял резолюцию с аналогичной формулировкой[51]. 30 декабря 1922 г. делегаты РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и Закавказской СФСР досрочно созвали I съезд Советов СССР. Этот день, как сказал Сталин, который сделал основной доклад на съезде, явился днем "торжества новой России над старой, над Россией – жандармом Европы, над Россией – палачом Азии"[52]. Затем Сталин перешел к чтению торжественной декларации и проекта "Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик"[53].

В декларации перечислялись три причины создания Союза ССР – экономическая, военная и идеологическая:

"Разоренные поля, остановившиеся заводы, разрушенные производительные силы и истощенные хозяйственные ресурсы, оставшиеся в наследство от войны, делают недостаточными отдельные усилия отдельных республик по хозяйственному строительству. Восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик.

С другой стороны, неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения.

Наконец, само строение Советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью.

Все эти обстоятельства повелительно требуют объединения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутренее хозяйственное преуспеяние, и свободу национального развития народов".

Остальная часть процедуры была короткой и формальной. Фрунзе, выступая от имени трех союзных республик, одобрил проект договора, но призвал к созданию "дополнительных гарантий того, чтобы принимаемый нами акт был действительно актом, устанавливающим безошибочно основы новых прочных взаимоотношений, позволяющих каждому государству,входящему в союз, выявить в интересах общего дела максимумэнергии и самодеятельности"[54]. Делегаты Бухарской и Хорезмской Советских республик выступили с приветствиями, в которых была выражена скромная надежда когда-нибудь в качестве социалистических республик получить возможность вступить вСоюз[55]; а Киров, которого председательствующий на съезде представил как "рабочего из Баку", выступил с приветствиями вадрес съезда от имени пролетариата Закавказской СФСР[56]. Затем съезд единогласно утвердил Договор, избрал Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет – первый ВЦИК СССР – и поручил ему составить проект Конституции Союза. Основные ее принципы уже содержались в только что утвержденном Договоре.

Глава 14

КОНСТИТУЦИЯ СССР

10 января 1923 г. Президиум нового ВЦИКа, избранного I Всероссийским съездом Советов, назначил комиссию из 13 человек для составления проекта Конституции. Вскоре комиссия была увеличена до 25 человек: 14 человек – от РСФСР, 5 – от Украинской ССР и по 3 человека – от Закавказья и Белоруссии[1]. Поскольку 5 из 14 делегатов от РСФСР были из автономных республик, это означало, что лишь 9 членов комиссии были великороссами – этот момент Енукидзе подчеркивал в своем докладе во ВЦИКе. В действительности, как показали последующие события, главные решения, касавшиеся Конституции, не зависели ни от комиссии, ни от какого бы то ни было государственного органа, а зависели скорее от Политбюро или от некоей неформальной группы руководителей внутри партии.

Проект Конституции, согласно которому РСФСР лишалась своего исключительного положения, попадала в подчинение, наряду с другими ее равноправными партнерами, общей центральной власти СССР, был весьма лестным для самолюбия этих партнеров, особенно для Украинской ССР, самой крупной из них и наиболее чувствительной к неравенству. Однако Фрунзе уже выразил опасения республик, и постепенное осознание того, что у нового СССР могут оказаться более значительные, чем у прежней РСФСР, полномочия, более высокий престиж и более широкая власть, вызвало резкую реакцию. Контрпроекты, представленные в проектную комиссию ВЦИКа Украинским и Белорусским центральными исполнительными комитетами и затем обнародованные, были, в сущности, направлены вообще против принципа централизованной власти, и их едва ли можно было согласовывать с принципами союза, принятыми в декабре предыдущего года[2]. Совет Национальностей, прикрепленный к Наркомнацу, послужил в качестве псевдопредставительного органа, через который могли быть выражены взгляды разных национальностей РСФСР. В феврале 1923 г. в проектной комиссии было выдвинуто предложение преобразовать Совет Национальностей в орган СССР, превратив его, в соответствии с другими федеральными конституциями, во вторую палату ВЦИКа. Некоторые российские делегаты резко возражали против этого предложения[3], и казалось, что комиссия зашла в тупик.

Как и в большинстве затруднительных случаев, решение предоставили принимать партии. XII партийный съезд, состоявшийся в апреле 1923 г., когда полемика была в полном разгаре, с исключительным вниманием отнесся к критике со стороны республик. Сталин, которого Ленин незадолго до этого резко критиковал за его чрезмерную непримиримость при решении грузинского вопроса, особенно старался сгладить впечатление и готов был в большой мере пойти навстречу требованиям наций. Съезд резко выступил против возможных проявлений "великорусского шовинизма". Не обращая пока внимания на тот пункт партийной Программы, где указывалось на "федеративное объединение государств, организованных по советскому типу", как на "одну из переходных форм на пути к полному единству", съезд решительно осудил тех, кто придерживался этих взглядов теперь, в ходе создания СССР:

"Союз Республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого "единого-неделимого".

За такое поведение в дальнейшем грозило наказание, и оно клеймилось как "антипролетарское и реакционное"[4]. Съезд особо рекомендовал проект, который предусматривал наличие "специального органа представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства"[5]. Оставался, однако, открытым вопрос: равенство с кем?

В соответствии с официальным планом, Совет Национальностей должен был состоять из представителей всех республик, будь то федеративных или автономных, и автономных областей. В другом плане предусматривалось, что он должен состоять исключительно из представителей четырех федеративных республик[6]. Раковский, делегат от Украины, сетовал, что, согласно официальному плану, РСФСР имела в три раза больше представителей, чем три остальные федеративные республики вместе взятые, и предлагал новое усовершенствование, заимствованное из Веймарской конституции германского государства, в соответствии с которой никакая отдельная "государственная единица" не могла иметь свыше двух пятых от общего представительства. Сталин отклонил все эти проекты на том основании, что новый орган должен быть советом не государств, а национальностей[7].

В результате окончательной реорганизации Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) подразделялся на две палаты. Одна – Совет Союза – состояла из 371 депутата, которые избирались Всероссийским съездом из представителей участвующих в нем республик пропорционально численности их населения[8]. В другую палату – Совет Национальностей – входил

131 депутат, по пять от каждой союзной или автономной республики и по одному от каждой автономной области, которые избирались исполнительным комитетом республики или области. Совет Национальностей олицетворял, таким образом, формальное признание равенства не только государств, но и народов, составлявших Союз, независимо от количества населения. Две палаты делили на равной основе права и функции ВЦИКа, который существенно не отличался – ни теоретически, ни практически – от своего предшественника, ВЦИКа РСФСР. Каждый законодательный акт ВЦИКа должен был утверждаться обеими палатами, голосующими раздельно. Расхождения в мнениях между ними, если их нельзя было согласовать на совместном заседании[9], должны были передаваться на рассмотрение очередного или чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов.

Резолюция съезда партии являлась директивой для проектной комиссии, которая должна была действовать соответственно разработанным указаниям. Направляемая таким образом комиссия осуществила свою задачу, передав на утверждение ВЦИКа согласованный проект в начале июля. Кроме новшества, касавшегося Совета Национальностей в качестве второй палаты, "Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик"[10] сравнительно мало чем отличался от Конституции РСФСР. Это была прямая попытка применить испытанные принципы Конституции РСФСР в устройстве союза более крупного масштаба.

Высшая власть передавалась новому Всесоюзному съезду Советов, а Всероссийский съезд Советов оставался высшим органом РСФСР, которая выступала теперь уже в новом качестве подчиненного члена Союза. К Всесоюзному Центральному Исполнительному Комитету переходили функции и известное сокращенное название Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), а последний переходил на положение подчиненного органа. Бывший Совнарком РСФСР становился Совнаркомом СССР[11], а в РСФСР, как и в других составлявших Союз республиках, имелся свой собственный подчиненный Совнарком. Таким образом, центральные учреждения РСФСР были превращены в центральные учреждения СССР, с некоторым увеличением числа сотрудников, но в сущности без изменений. Подлинная преемственность наблюдалась между РСФСР в ее прежнем качестве и СССР, а не между РСФСР в его прежнем качестве и новой подчиненной РСФСР.

За те четыре года, которые прошли со времени выработки Конституции РСФСР, произошли серьезные изменения в конституционной структуре, особенно создание в пределах РСФСР ряда автономных республик и автономных областей. Конституция вступила в силу в июле 1918 г., как раз перед тем как гражданская война обрушилась на бóльшую часть территорий с преимущественно нерусским населением, где могли бы возник-

нуть автономные федеративные единицы; и вскоре все внимание было отдано фронту. Однако после 18 месяцев сражений, после поражения Деникина и Колчака, прежний вопрос снова возник. В результате назначения ВЦИКом в феврале 1920 г. комиссии "для разработки вопросов федеративного устройства РСФСР"[12] стандартная форма Конституции была разработана и применена в следующие два года, с учетом местных особенностей, в автономных республиках Поволжья (Башкирская и Татарская республики), на Кавказе (Дагенстан и Горская республика, Абхазия и Аджария), в Средней Азии (Казахстан и Туркестан) и в Крыму. Каждая из автономных республик не только имела свой собственный съезд Советов и свой исполнительный комитет, но и собственные народные комиссариаты, составлявшие республиканский Совнарком[13].

Наибольший интерес в области конституционных отношений представлял собой именно опыт разделения полномочий между этими комиссариатами и центральными властями. Во всех случаях была установлена классификация, состоявшая из трех частей. Внешние отношения и внешняя торговля полностью осуществлялись центральной властью. То же относилось к военным делам и к "ведению борьбы с контрреволюцией" Всероссийской Чрезвычайной Комиссией (а впоследствии ГПУ); при этом иногда практиковались консультации с местными властями. Далее следовали функции второй категории, за осуществление которых народные комиссариаты республик непосредственно несли ответственность перед соответствующими органами РСФСР; в число этих органов, как правило, входили основные комиссариаты, ведавшие экономикой страны. Остальные комиссариаты автономных республик были самостоятельными, подлежали общему контролю ВЦИКа, который иногда был ограниченным, а иногда лишь подразумевался.

Эти конституционные преобразования внутри РСФСР уже послужили образцом, на основе которого формулировались отношения между РСФСР и другими социалистическими Советскими республиками[14]. А теперь они служили основой структуры СССР. Согласно Конституции 1924 г., народные комиссариаты СССР и союзных республик подразделялись на уже известные три категории. Первая категория включала пять общесоюзных комиссариатов, не имевших дублеров в республиках, так что дела, которыми они ведали – международные отношения, оборона, внешняя торговля, пути сообщения, почта и телеграф, – оказались исключительно в ведении СССР. Здесь центральная власть полностью контролировала как принятие, так и выполнение решений.

Ко второй категории "объединенных комиссариатов" – новым было только название – относились Высший совет народного хозяйства и комиссариаты труда, продовольствия, финансов и рабоче-крестьянской инспекции[15]. Такие комиссариаты имелись и в СССР и в республике, причем республиканский

комиссариат представлял собой местное отделение соответствующего комиссариата Союза ССР и осуществлял на территории республики его задания. Республиканский комиссариат нес ответственность за выполнение на территории союзной республики решений, принимаемых центральной властью[16].

В ту же категорию попало и Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), учрежденное, как указывалось в короткой главе Конституции, специально ему посвященной, в целях "объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом". Заменившее ГПУ РСФСР ОГПУ учреждалось "при Совете Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик", но действовало через "своих уполномоченных при советах народных комиссаров союзных республик". Оно, таким образом, являлось по форме объединенным комиссариатом.

Наконец, шесть комиссариатов: внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и по делам национальностей – составляли третью категорию. Это были республиканские органы, не имевшие двойников союзного значения, хотя в Конституции предусматривалось, что ведению союзных органов подлежит установление "основ судоустройства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства Союза", "основных законов о труде", "общих начал в области народного просвещения" и "общих мер в области охраны народного здравия".

Каждая входившая в Союз ССР республика имела собственный Совнарком, который состоял из комиссаров несоюзных комиссариатов и "объединенных" комиссариатов; а всесоюзные комиссариаты имели право назначать уполномоченных во все республиканские Совнаркомы. Таким образом, республиканские Совнаркомы, в той мере, в какой они эффективно действовали в качестве составной части определенного корпоративного института, проявляли тенденцию к превращению в местные исполнительные органы центральной власти. Центральные исполнительные комитеты республик также не имели достаточно власти, чтобы противостоять Совнаркому СССР. Согласно Конституции, они имели право обжаловать его декреты и постановления, обратившись во ВЦИК, но "не приостанавливая их исполнения".

Еще одно новшество по сравнению с Конституцией РСФСР 1918 г. было зафиксировано в главе, посвященной организации судопроизводства. В Конституции СССР 1924 г. предусматривалось учреждение Верховного суда "при Центральном Исполнительном Комитете Союза Советских Социалистических Республик" в целях "утверждения революционной законности на территории Союза Советских Социалистических Республик". Однако, хотя судопроизводство приобретало таким образом определенную формальную независимость, его роль в качестве

подчиненного органа по отношению к исполнительной власти обеспечивалась постановлением о том, что прокурор Верховного суда, назначаемый Президиумом ВЦИКа, имел право опротестовать в Президиуме решения суда. Это полностью соответствовало марксистской теории, согласно которой закон есть орудие государственнной власти. Именно в связи с этим в Конституции РСФСР 1918 г. не содержалось какого-либо юридического истолкования Конституции.

Согласно Конституции СССР 1924 г., Верховному суду разрешалась "дача заключений по требованию Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик о законности тех или иных постановлений союзных республик с точки зрения Конституции". Однако не предлагалось никакого способа проверки законности постановлений общесоюзных органов; а отношения между общесоюзными и республиканскими органами определялись статьей, где говорилось, что "Союз Советских Социалистических Республик охраняет суверенные права союзных республик". Высшими полномочиями был облечен Всесоюзный съезд Советов, или, более конкретно, ВЦИК. Никакое постановление этих органов, как и никакие постановления британского парламента, не могло быть ultra vires*.

Именно вследствие этих усовершенствований право вносить поправки в Конституцию было предоставлено не входящим в Союз ССР республикам, а исключительно центральной власти[17]. Единственное специальное положение Конституции 1924 г., касающееся внесения в нее поправок, относилось к вопросу о распределении власти между Всесоюзным съездом Советов и ВЦИКом. Согласно статье 2, Всесоюзный съезд Советов имел исключительное право на "утверждение и изменение основных начал" Конституции. Это неясное определение функции подразумевало признание права ВЦИКа или его Президиума вносить в Конституцию изменения, не затрагивающие "основные начала"; и со временем это право стало свободно осуществляться. Например, декрет от 9 мая 1924 г., упразднивший "объединенные" комиссариаты внутренней торговли, был принят Президиумом ВЦИКа; декрет от 18 ноября 1925 г. о слиянии комиссариатов внутренней и внешней торговли в единый комиссариат торговли – декрет, повлекший за собой ряд конституционных поправок, – был принят совместно ВЦИКом и Совнаркомом. С другой стороны, IV Всесоюзный съезд Советов сам внес поправку в статью 11 Конституции, установив, что заседания Съезда проводятся не раз в год, а раз в два года.

Общий вывод таков, что процесс внесения в Конституцию поправок происходил под влиянием тех же соображений удобства и при той же неопределенности компетенции, как и обычный процесс выработки законодательства. С точки зрения конституту-

* Здесь – "невыполнимо" *лат). – Прим. ред.*

ционного закона противоречие снималось благодаря тому, что ВЦИК был обязан представлять все декреты и в том числе поправки к Конституции на ратификацию очередному Съезду Советов. Однако эта обязанность ВЦИКа не задерживала вступление декретов в силу и на деле была лишь формальностью.

Суммировать изменения, которые произошли в советской системе в результате принятия Конституции 1924 г., – задача трудная. Изучая их, сталкиваешься с самого начала с одним любопытным парадоксом. В названии РСФСР было слово "федеративная", и к этой республике всегда относились как к федеративной. Между тем с точки зрения строго конституционных терминов она была унитарным государством, включавшим в себя ряд подчиненных, хотя и отчасти автономных, единиц. В Конституции СССР и в относящихся к ней официальных документах слов "федеративный" и "федерация" избегали. Тем не менее Советский Союз был по существу федерацией. Он был создан на основе соглашений между формально равноправными суверенными государствами, и Конституция официально признавала дальнейший суверенитет федеративных единиц, который был "ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей Конституции". Конституция предусматривала на строго федеративных принципах распределение полномочий между органами власти СССР и органами власти союзных республик, а в определенных случаях совместную юрисдикцию ("объединенные комиссариаты"). В ней даже признавалось право, которое обычно не предоставляется членам федерации – право на отделение, – и четко предусматривалось, что это право не может быть отменено без согласия всех республик. Двухпалатный законодательный орган был обычным средством обеспечения прав государств – членов федерации. Все это в большой мере отвечало требованиям Советских республик, которые составляли СССР.

И все же не менее вероятно и то, что выпадение термина "федеративный" из названия СССР значило больше, чем утверждение этих федеральных форм. В документах того периода часто подчеркивалось, что СССР представляет собой "одно союзное государство". Конституция СССР, принятая в 1924 г., рассматривалась по сравнению с Конституцией РСФСР, принятой в 1918 г., как шаг вперед в направлении централизации как благодаря увеличению числа вопросов, входящих в компетенцию центрального правительства, так и благодаря его более сильной верховной власти. Это был дальнейший шаг по пути концентрации власти, которая неуклонно происходила с начала существования нового строя. Никакие конституционные гарантии прав республик не были в силах противостоять этой тенденции к централизации. Степень единообразия, на практике установленного Конституцией, можно, конечно, легко преувеличить. Составные части, из которых был образован СССР, особенно если к ним причислить автономные республики и

области, обнаруживали гораздо большее разнообразие в своем экономическом, политическом и культурном развитии, чем это когда-либо наблюдалось в истории любой другой федерации. И один этот факт говорит о том, что мерить по единой мерке здесь трудно и неуместно. Пусть даже Совет Национальностей, берущий свое начало от института, возникшего под эгидой Наркомнаца, совершенно очевидно, не смог удовлетворить стремлений украинских националистов, но тем не менее в свете пробуждавшейся политической сознательности степных казахов или горцев Кавказа он был огромным достижением. В конституционном плане постановление о двухпалатном представительном съезде оказалось не более чем попыткой пересадить на неподходящую для этого почву Советского Союза конституционные обычаи и средства буржуазного мира. Никаких придирчивых споров по жизненно важным вопросам никогда ни в одной палате не происходило, и никогда не отразилась в протоколах разница в мнениях между ними. ВЦИК продолжал принимать декреты и издавал их от своего имени, но ни одна из двух палат ВЦИКа, ни его объединенный Президиум не принимали основных решений; их конституционная власть была не более действенной, чем у проектного комитета. Короче говоря, на Конституцию 1924 г. распространялось то, что неизбежно должно было восприниматься как нереальность всех конституционных форм при советской системе правления, если критиковать систему с точки зрения западных конституционных законов. Эти формы играли свою роль в управлении, центральном и местном, в формировании и выражении мнений. Однако принятие главных политических решений и споры, которые предшествовали их принятию, происходили за пределами конституционной системы.

Растущее сосредоточение власти, выраженное в следовавших одна за другой Конституциях РСФСР и СССР, тенденция к замене федеральных форм реальностью унитарного государства и неэффективность конституционного контроля были в определенном смысле уступкой затянувшемуся чрезвычайному положению в стране. Борьба за существование, исход которой всегда под вопросом, никогда не создает атмосферы, благоприятной для децентрализации власти или для смягчения ее суровости. Более того, в этот период еще жила в сознании многих большевиков идея государственной власти как временного орудия, которым безжалостно владеют, пока длится борьба, но которому суждено отмереть, когда будет одержана победа в борьбе за социализм. А эта идея оправдывала любые меры, которые, казалось, нуждались в оправдании. К тому же сильная тенденция к централизации наблюдалась не только в Советском Союзе. Действительно, советский опыт подтверждает вывод, сделанный в типичном современном трактате по поводу федеральной формы правления:

"Война и экономический кризис, если они часто повторяются, почти наверняка превратят федеральные правительства в

правительства унитарные. ...Рост социальных служб может, хотя и не обязательно, вести к тому же результату"[18].

Концентрация власти в центре была характерна скорее для периода, чем для институтов любой отдельной страны. В Советском Союзе корни ее были в первую очередь экономическими. Знаменательный абзац в статье 1 Конституции возлагал на верховные органы Союза ССР "установление основ и общего плана всего народного хозяйства". Кроме того, четыре из шести "объединенных" комиссариатов ведали экономическими делами.

Конституция СССР, в том виде, в каком она была составлена проектной комиссией на основе указаний XII съезда партии, была принята на заседании ВЦИКа 6 июля 1923 г. и немедленно вступила в силу. Требовалось еще, чтобы ее официально утвердил II Всесоюзный съезд Советов, и это было сделано 31 января 1924 г., через 10 дней после смерти Ленина[19].

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ТЕОРИЯ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАЦИЙ

а) Предпосылки: XIX век

Великая французская революция отбросила понятие государства как личного владения монарха, заменив его идеей национального или народного суверенитета. Идея личного права, которым облечен монарх, была связана с феодальной системой землевладения и была несовместима с новыми социальными и экономическими условиями, создавшимися в результате роста промышленности и торговли и возникновения новой нефеодальной интеллигенции. Таким образом, средние классы стали наследниками монархии, исповедующими новую веру – национализм.

"В аристократических государствах, – говорил Робеспьер, – слово "patrie"* имеет значение только для патрицианских семейств, которые захватили власть. Лишь при демократии государство – это действительно patrie для всех составляющих его людей"[1].

Определение нации или народа как носителя власти, которое было приведено в систему и приобрело популярность благодаря Французской революции, оставалось, однако, чисто буржуазным. Бабеф сетовал, что многие "видят в обществе только врага и теряют даже возможность иметь отечество". Вейтлинг связывал понятие отечества с понятием собственности:

"Лишь у того есть отечество, кто владеет собственностью или, хотя бы, имеет свободу и возможность ее приобрести. Тот, кто этого не имеет, лишен отечества".

"Нация" или "народ", образующие государство, – это победоносная буржуазия. Трудящиеся имели так же мало значения, как и во времена монархии; они по-прежнему, говоря современным языком, "не заинтересованы в отечестве".

Такова была картина, на фоне которой сложилось отношение Маркса к национальному вопросу и возникло изречение, включенное в "Манифест Коммунистической партии": "Рабочие не имеют отечества". Эти знаменитые слова не были, как иногда думают, бахвальством или программой. Это был протест против лишения пролетариата привилегии быть полноправным членом страны. Поэтому прежде всего в "Коммунистическом манифесте" говорилось о том, что пролетариат каждой страны

* Родина *(фр.)*. – *Прим. ред.*

должен "сперва покончить со своей собственной буржуазией". Таким образом: "Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной". И далее:

"Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса*, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия".

Все это могло происходить в рамках буржуазной демократии, заслуга которой состояла в том, что она должна была обеспечить пролетариат инструментом для уничтожения господства буржуазии.

Вместе с тем действовали другие, надолго рассчитанные силы. Маркса, в отличие от Лассаля, не смутил национальный социализм. Он отмечал, что техническое развитие производства глубоко влияет на государство-нацию независимо от того, буржуазия или пролетариат является господствующим классом.

"Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни.

Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение. Соединение усилий, по крайней мере цивилизованных стран, есть одно из первых условий освобождения пролетариата.

В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой.

Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой".

Пролетариат этот процесс ускорит. Это тот класс, как в самом начале своей научной деятельности мимоходом отметил Маркс, "у которого уже уничтожена национальная обособленность", который "является уже выражением разложения всех классов, национальностей и т.д. в теперешнем обществе"[2]. Конечно, этот процесс завершится лишь после свержения буржуазии и перехода к социализму. И тем не менее не было никакой непоследовательности в том, чтобы призывать пролетариат всех стран прогнать свою буржуазию и стать национальным классом, но в то же время верить, что конечная цель революции заключается в единстве трудящихся в обществе без классов и наций. Большинство мыслителей XIX века, начиная с Мадзини, рассматривали национализм не как противоположность интернационализма, а как естественную ступеньку на пути к нему[3].

---

* В английском издании 1888 г. вместо слов "подняться до положения национального класса" напечатано: "подняться до положения ведущего класса нации". – *Прим. ред.*

Таким же образом можно было предположить, что национализм буржуазного этапа революции перерастет в интернационализм пролетарского этапа.

Идея народной власти, по сути, подразумевала также принцип национального самоопределения, казавшийся логическим и неизбежным следствием демократии. Однако принцип самоопределения, провозглашенный Французской революцией, прежде всего подразумевал право народов создавать национальные государства вопреки династическому принципу, и это был в такой же мере внутренний, как и международный вопрос. Он, конечно, не предполагал повсеместного процесса отделения и распада. Во Франции революция оказалась объединяющей силой, уничтожившей последние традиционные остатки бретонского, нормандского и провансальского сепаратизма. Повсюду в остальных местах народы, в защиту которых этот прицип выступал наиболее часто в последующие 50 лет – поляки, итальянцы и немцы, – были разрознены и стремились к воссоединению и объединению в единое целое со своими соотечественниками.

У Маркса, по-видимому, не было повода рассматривать вопрос о национальном самоопределении до 1848 г., но он бы наверняка не увидел в нем ничего противоречащего постепенному процессу объединения, которого, с его точки зрения, требовали современные условия производства.

1848 год был поворотным пунктом в вопросе о национализме и самоопределении наций. Династический принцип, уничтоженный во Франции в 1789 г., был расшатан во всей Центральной Европе, и теперь, когда повсюду призывали к народной власти как основе государства, новые нации стали подавать голос. Поощрялись не только устремления немцев, поляков и итальянцев к национальному единству, но стали обсуждаться национальные требования шлезвигских датчан, многочисленных народов империи Габсбургов и даже ирландцев. Эти требования повлекли за собой некоторые совершенно новые проблемы. Все требования немцев, поляков, итальянцев (и в связи с этим венгров) угрожали целостности империи Габсбургов. Эта империя, основа гнусного Священного союза, была с 1815 г. объектом нападок всех прогрессивных мыслителей. Таким образом, создание германского, польского, итальянского и венгерского государств, скорее всего, могло представляться событием прогрессивным и конструктивным. Однако теперь уже германскому единству угрожали датчане и чехи, польскому – русины, венгерскому – словаки и хорваты, итальянскому – словенцы, а британскому единству – ирландцы. Национализм и национальное самоопределение впервые использовались как силы разрушительные, разобщающие и реакционные[4].

Маркс и Энгельс не пытались ни в то время, ни в какое-либо иное сформулировать полностью теорию национализма.

Когда их просили высказать свои мысли о событиях 1848 г., их отношение к национальному вопросу было обусловлено обстановкой, на фоне которой разразилась буржуазная революция, и оно не слишком ощутимо отличалось от того отношения, которое в большинстве случаев проявляли либералы и демократы. Для каждого было очевидно, что где-то должна быть подведена черта. Требования национальной независимости не могли множиться до бесконечности. На этом сходились мыслители всех школ. Дело было в критериях, которые при этом применялись.

Во-первых, Маркс и Энгельс были склонны признать требования, которые привели бы к созданию крупных, мощных государств, и отвергнуть такие требования, которые привели бы к расколу крупных государств ради образования мелких. Это совпадало и с либеральными взглядами того времени[5], и с выраженной в "Коммунистическом манифесте" мыслью о том, что современное экономическое развитие требовало создания более крупных государственных единиц. В статье, датированной 1866 г., Энгельс указал на ясное различие между отношением к тем "большим и четко определенным историческим нациям Европы" (он особо назвал Италию, Польшу, Германию и Венгрию[6]), чьи национальные устремления поддерживали все европейские демократы, и отношением к национальному самоопределению "многочисленных мелких остатков тех народов, которые фигурировали более или менее продолжительное время на арене истории, но затем были превращены в составную часть той или иной более мощной нации". Эти более мелкие "национальности" – "сербы, хорваты, русины, словаки, чехи и другие остатки былых славянских народов в Турции, Венгрии и Германии" – были выдумкой или орудием российских панславистов, и их требования ни в коем случае не стоило поощрять[7]. Наступившая позднее либеральная идеализация малых национальностей еще не началась и не могла воздействовать на отношение к ним Маркса и Энгельса.

Во-вторых, Маркс и Энгельс были склонны поддерживать те требования, реализация которых, как можно было предполагать, способствовала бы осуществлению мировой революции, о которой говорилось в "Коммунистическом манифесте", то есть поддерживать требования стран с достаточно высоким уровнем буржуазного развития и, значит, перспективных с точки зрения возможностей для борьбы пролетариата. Требования Польши – единственной страны, упоминавшейся в "Коммунистическом манифесте", в которой буржуазная революция должна была носить скорее аграрный, чем индустриальный характер, – были включены в эту категорию в виде исключения[8] и последовательно поддерживались Марксом в его статьях 1848 г. о Франкфуртском национальном собрании. В остальных случаях крестьянский национализм рассматривался как реакционный по своей природе.

На том же именно основании Энгельс отвергал претензии датчан на Шлезвиг – датчане были лишь "полуцивилизованной нацией". А право немцев на княжества представляло собой "право цивилизации по отношению к варварству, прогресса по отношению к застою"[9]. Обычно принято относить это за счет немецкой предубежденности Энгельса. Однако Маркс, которого нельзя обвинить в пристрастном отношении к Англии, также не поддерживал в то время требований ирландцев[10]. Требования славянских народов империи Габсбургов, кроме польских требований, были отвергнуты с таким же возмущением в двух часто цитировавшихся статьях, направленных против Бакунина, которые Энгельс написал в 1849 г.[11] Все эти народы (кроме чехов, чью революционную борьбу в 1848 г. Маркс и Энгельс не раз хвалили[12]) были отсталыми, крестьянскими. Их победа означала бы подчинение цивилизованного Запада варварскому Востоку, города – деревне, торговли, производства, интеллекта – примитивному земледелию славянских рабов.

В-третьих, для всех прогрессивных мыслителей XIX века было аксиомой, что Россия – это самый мощный поборник европейской реакции, и поэтому враждебное отношение к России служило показателем искренней революционности. То, что Маркс и Энгельс отвергли требования малых национальностей империи Габсбургов, Ленин в первую очередь объяснил именно этими причинами. Он писал, что

"в 1848 г. были исторические и политические основания различать "реакционные" и революционно-демократические нации. Маркс был прав, осуждая первые и стоя за вторые. Право на самоопределение есть одно из требований демократии, которое, естественно, должно быть подчинено общим интересам демократии. В 1848 и следующих гг. эти общие интересы состояли в первую голову в борьбе с царизмом"[13].

По этому признаку требования Польши, которые можно было использовать против России, одобрялись, а требования малых славянских народов, склонных обращаться за поддержкой к Российской державе, – осуждались.

Наконец, в оценках Маркса и Энгельса был элемент явного эмпиризма, и глупо было бы все относить за счет последовательно разработанной теории. Например, большинство крестьян славянского происхождения, проживавших в Австрии, считали Габсбургов более отдаленными и поэтому менее неприятными хозяевами, чем своих польских и венгерских помещиков. В 1848 г. они помогали Габсбургам противостоять тем самым национальным требованиям, которые стремились поддержать Маркс и Энгельс совместно с большинством либералов. Именно это так называемое "предательство" национального дела в такой же степени, как и любая теория о реакционном характере крестьянских наций или их предполагаемое пристрастие к России, вызывало резкое осуждение со стороны Энгельса. На отношение Маркса и Энгельса к Польше повлияли также прак-

тические трудности в деле согласования германских и польских требований. То ли по причине национального предубеждения, то ли потому, что Германия с точки зрения революционности представлялась более передовой и поэтому более заслуживающей поддержки, чем Польша, но Маркс и Энгельс всегда были склонны удовлетворить германские, а не польские территориальные требования и в то же время были готовы предоставить Польше компенсацию за счет России или малых национальностей, которые населяли пограничные между Россией и Польшей территории. Было бы опасно извлекать теоретические выводы из этих эмпирических заявлений.

До 1850 г., таким образом, Маркс и Энгельс не разрабатывали особой теории национального самоопределения и удовлетворялись тем, что либо следовали общим демократическим принципам, либо принимали эмпирические решения в особых случаях. В более поздние годы непосредственная связь с рабочим движением заставила Маркса уделять несколько больше внимания национальному вопросу. Польское восстание 1863 г. послужило поводом для первоначальной встречи британских и французских рабочих, которая положила начало Первому Интернационалу, и сочувствие к Польше еще сохранилось в радикальных кругах к тому времени, когда в следующем году Интернационал был фактически создан. Благодаря этим обстоятельствам вопрос о национальном самоопределении был включен в связи с польскими событиями в Программу Интернационала, принятую Генеральным советом 27 сентября 1865 г. "Признается настоятельно необходимым, – говорилось в одном из ее пунктов, – уничтожить захватническое влияние России в Европе, применив к Польше "право каждого народа на самоопределение" и восстановив эту страну на социальной и демократической основе".

Однако несмотря на то, что национальное самоопределение явно было призвано специально для того, чтобы нанести удар по России, трудно было ограничить его применение одной Польшей. Энгельс в свое время был вынужден пересмотреть свое отношение к требованиям, которые датчане предъявляли Шлезвигу[14], а Маркс признал, что его точка зрения по поводу Ирландии изменилась:

"Прежде я считал отделение Ирландии от Англии невозможным, хотя бы после отделения дело и пришло к *федерации*".

Он окончательно пришел к выводу, что "*прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его теперешней связи с Ирландией*"[15], и настаивал на этом в Генеральном совете Интернационала.

Вопрос о принципе, очевидно, возник лишь однажды. Французы – члены Интернационала почти все до единого были прудонистами и вслед за своим руководителем отвергали националистические требования. "Прудоновская клика", сообщал

Маркс Энгельсу, когда в июне 1866 г. разразилась австро-прусская война, начала проповедовать мир, объявляя "войну устаревшей, национальности – бессмыслицей"[16]. Когда несколько недель спустя Лафарг, придерживавшийся этой точки зрения, говорил в Генеральном совете, что нации – это "устарелые предрассудки", Маркс напал на него, доказывая, что Лафарг "под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией"[17]. Этот довод Ленину предстояло однажды использовать против польских и австрийских социалистов и "великорусских шовинистов", которые, отрицая принцип самоопределения наций, косвенным образом утверждали собственное национальное превосходство.

Второй Интернационал со времени своего основания в 1889 г. вплоть до 1914 г. еще меньше, чем его предшественник, занимался принципом самоопределения наций. После 1870 г. интерес к этому вопросу упал. Ни в Польше, ни в других местах на Европейском континенте не было таких волнений, которые бы обострили этот интерес, а голоса угнетенных народов других континентов еще только-только становились слышны всему миру. Наиболее полное заявление по этому вопросу содержалось в резолюции Лондонского конгресса Второго Интернационала, который состоялся в 1896 г.:

"Конгресс выступает за полную автономию всех национальностей и заявляет о своем сочувствии рабочим любой страны, в настоящее время страдающей под ярмом военного, национального или какого-либо иного деспотизма; Конгресс призывает рабочих всех этих стран стать в строй бок о бок с классово-сознательными рабочими всего мира, чтобы добиться свержения всемирного капитализма и установления всемирной социал-демократии"[18].

Таким образом, в первой половине резолюции говорилось о заинтересованности пролетариата в осуществлении буржуазного принципа национальной автономии или самоопределения, а во второй половине выражалась его вера в конечную международную солидарность пролетариата. Однако интерес оказался поверхностным. Не делалось никаких попыток вернуться к этому вопросу на последующих конгрессах Интернационала до 1914 г.[19]

б) Большевистская теория самоопределения наций: до 1917 г.

Право на национальное самоопределение было провозглашено в "Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии", принятом на учредительном съезде партии в 1898 г. Партийная Программа, принятая на II партийном съезде в 1903 г., содержала признание "права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства". Стиль фразы

и включение этого пункта в число других, относящихся к внутренней российской политике, показывали, что речь шла о национальностях Российского государства[20]. Вопрос о международном значении этой формулировки не поднимался ни тогда, ни когда-либо в дальнейшем до 1914 г. Однако по поводу вытекавших из нее выводов в области партийных и национальных проблем все это время шли споры. Они еще больше обострились после революции 1905 г.; да и сам Ленин, по-видимому, стал придавать большее значение национальному вопросу, после того как он переехал в австрийскую часть Польши летом 1912 г. В следующем году Ленин отмечал, что "национальный вопрос выдвинулся в настоящее время на видное место среди вопросов общественной жизни России"[21]. К этому периоду и относятся главные заявления большевиков по национальному вопросу, сделанные до революции.

Первая из двух главных ересей, которые в то время бросали вызов партийной ортодоксальности, была австрийского происхождения. Незадолго до начала нового столетия ведущие австрийские марксисты, стремясь противодействовать разрушительным тенденциям национализма, который угрожал ветхому зданию двуединой монархии, выдвинули проект замены самоопределения наций, признанного социал-демократией, внетерриториальной культурной автономией, которой могли пользоваться национальные группы всей империи, не разрушая ее политического и территориального единства[22]. Первым и наиболее наглядным естественным результатом этого проекта явилось его применение к самой партии. На своем съезде в 1897 г. австрийская социал-демократическая партия приняла решение провести внутрипартийную реорганизацию и образовать федерацию из шести автономных национальных партий – немецкой, чешской, польской, русинской, итальянской и югославской. Следующий съезд партии, состоявшийся в Брюнне (ныне Брно. – *Ред.*) в 1899 г., принял неясно сформулированную резолюцию, в которой приветствовалось преобразование Австрии в "федерацию народов". За этим последовала кампания борьбы под руководством Карла Реннера (подписывавшего свои работы псевдонимом Рудольф Шпрингер) и Отто Бауэра за оригинальную систему национальной культурной автономии на личностной основе. Лица различной национальности, независимо от места жительства, должны были организовываться под руководством национальных советов для осуществления задач в области образования и других культурных целей. При этом политическое и экономическое единство монархии и ее управления оставалось неизменным.

В России эти идеи в применении к партийной и государственной организации охотно подхватил Общееврейский рабочий союз в России и Польше, обычно называемый Бундом. Бунд, старейшая социал-демократическая организация России, был принят в Российскую социал-демократическую рабочую партию

на ее учредительном съезде в 1898 г. Бунд был принят как "автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата"[23]. На II съезде партии в 1903 г. делегаты Бунда отстаивали исключительное право этой организации "быть единственным представителем еврейского пролетариата, в какой бы части российского государства он (еврейский пролетариат) ни жил и на каком бы языке ни говорил"[24]. Потерпев сокрушительное поражение при голосовании, бундовцы ушли со съезда, а также вышли из партии. Они вновь были приняты в партию на IV съезде в 1906 г. с уклончивой формулировкой, которая не разрешила вопроса[25]. К этому времени латышская и кавказская социал-демократические партии выдвигали те же требования, что и Бунд. По мере того как обострялся национальный вопрос в России, дискуссии в партии становились все более частыми и острыми. Причем против политики автономии национальных секций выступали только Ленин и немногие стойкие большевики.

В ходе дискуссий, по-видимому, со всех сторон было высказано предположение, что национальная автономия в партии и культурная автономия для национальностей в государстве являются или становятся принципами одного порядка[26]. Будучи убежденным в том, что партия станет слабее, если будет разделена по национальному признаку, Ленин был в равной мере убежден в том, что это относится и к государству; и он боролся против устройства по этому принципу как партии, так и государства. В начале 1903 г., накануне II съезда партии, он осуждал армянскую социал-демократическую группу за ее требование "*федеративной* республики" для России в целом и "автономии относительно культурной жизни" – для кавказских народов. Пролетариат, утверждал Ленин, не нуждается в "национальной автономии". Он заинтересован только в двух вещах: с одной стороны, в "политической и гражданской свободе и полной равноправности", с другой – в "праве на самоопределение для каждой национальности" (что означало право отделения)[27].

Таким образом, Ленин вскоре занял бескомпромиссную позицию – "все или ничего" – в вопросе национального самоопределения, что было совсем не так странно, как это может показаться на первый взгляд. Нация имела право на отделение; если она предпочитала не использовать это право, тогда у нее как у нации никакого другого права не оставалось, хотя при этом каждый представитель этой нации естественно пользовался наравне с другими гражданами одинаковыми правами в отношении языка, образования и культуры, какими пользуются даже в такой буржуазно-демократической стране, как Швейцария[28].

Таким образом, отношение Ленина к этому вопросу определилось уже в начале 1903 г. А 10 лет спустя, когда национальный вопрос обострился, он поручил Сталину, молодому грузин-

скому большевику, который навестил его в то время в Галиции, разбить австрийскую концепцию. Работа Сталина под названием "Национальный вопрос и социал-демократия" была опубликована в партийном органе весной 1913 г.[29] Внутренние и внешние признаки говорят о том, что она была написана под влиянием Ленина, и в партийной литературе по этому вопросу она оставалась образцом.

Во вступительной части работы выражалось сожаление по поводу того, что "надвигалась волна национализма", и социал-демократов призывали "оградить массы от общего "поветрия"... противопоставив национализму испытанное оружие интернационализма, единство и нераздельность классовой борьбы". Затем Сталин переходил к определению нации, указывая, что это **"исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры"**. Австрийские определения нации как "культурной общности группы современных людей, не связанной с "землей" (Шпрингер), или "совокупности людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы" (Бауэр), осуждались, поскольку в них игнорировались объективные свойства нации, а также меняющиеся исторические и экономические условия, которые способствуют их возникновению. Фактически "нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма". В процессе создания нации "буржуазия – главное действующее лицо", а "рынок – первая школа, где буржуазия учится национализму". Отсюда следует, что: "Национальная борьба в условиях **подымающегося** капитализма является борьбой буржуазных классов между собой". **"В существе своем** она всегда остается буржуазной, выгодной и угодной главным образом буржуазии"[30].

Модели были разными для Западной и Восточной Европы, где, благодаря более длительному сохранению феодальной власти, возникали скорее многонациональные, чем национальные государства. Тем не менее эти широкие обобщения о возникновении наций применимы были всюду. Нация, созданная таким образом, должна была рассматриваться как объективная и независимая реальность. "Нация суверенна, и все нации равноправны".

Выразители этих взглядов, подразумевавших право наций на полное самоопределение и отделение, атаковали австрийский тезис по двум направлениям. С одной стороны, в соответствии с австрийским тезисом, права наций ограничивались тем, что делался упор на сохранение многонациональных государств вопреки праву на самоопределение, и тем, что право на политическую независимость пытались заменить равенством прав в области культуры. С другой стороны, австрийский тезис способствовал национализму не только потому, что он увековечивал

национальные предрассудки[31], но и потому, что в нем нация рассматривалась как неизменная, постоянная категория; так что на основе этой гипотезы даже будущий социалистический строй будет "расчленять человечество на национально-отграниченные общества".

Именно против этой двойной "ереси" Сталин выдвинул двустороннюю характеристику нации, которая заняла свое место среди принципов большевизма. С одной стороны, нация являлась исторически сложившейся формой государственной организации в период буржуазной революции и как таковая пользовалась неотъемлемым правом на самоопределение в виде отделения от существующего многонационального государства. С другой стороны, конечная цель социализма состояла в том, чтобы вместо деления мира на "национально-отграниченные общества" установить **"принцип интернационального сплочения рабочих"**. Различие между национализмом буржуазной революции и интернационализмом социалистической революции, здесь лишь слегка очерченное, имело важные последствия, которые выявятся в дальнейшем.

Вторая ересь, вызвавшая возражения большевиков, была в то время главным образом связана с польской социал-демократией[32]. В начале 90-х годов прошлого века между двумя группами польских социал-демократов произошел раскол на почве национального вопроса. На базе одной из этих групп возникла "патриотическая" Польская социалистическая партия Пилсудского. Другая группа, выражавшая взгляды Розы Люксембург, заявляла, что "требование восстановления польского государства – это утопия", и в конце концов эта группа стала секцией российской партии[33]. Эти разногласия были отражены в острой статье Розы Люксембург, опубликованной в социал-демократическом журнале "Нойе цайт"[34], в которой утверждалось, что национальная независимость заботит буржуазию, а пролетариат по сути своей интернационален, и его это не интересует. Довод Розы Люксембург был затем опровергнут на страницах этого же журнала Каутским. В своей статье под названием "Finis Poloniae?"* он поддерживал те идеи, которых в дальнейшем придерживались большевики[35].

Это любопытный признак, показывающий зависимость от России всех слоев населения той части Польши, которая входила в состав Российской империи до 1914 г. В то время как класс землевладельцев и купечество, боясь революционных волнений среди польского крестьянсва или польского пролетариата, искали поддержку у русских представителей своего класса, польские революционеры также отвергали идею о создании самостоятельной польской революционной партии, которая была бы слишком слабой, чтобы своими силами добиться успеха в борьбе против польского господствующего класса. Длинная

* "Польше конец?" *(лат.). – Прим. ред.*

статья Розы Люксембург, опубликованная в польском журнале в 1907–1908 гг., дала Ленину материал для его наиболее детально разработанного опровержения польского тезиса[36].

Ответ большевиков на польский тезис касался трех основных моментов. Во-первых, "образование самостоятельных национальных государств есть тенденция всех буржуазно-демократических переворотов"[37]. Так что признание на этом этапе права на отделение есть следствие принципа поддержки пролетариатом буржуазной революции. На этом этапе пролетариат не мог отвергать или ограничивать право на самоопределение, даже если оно соответствовало буржуазным принципам и практике: Ленин часто упоминал отделение Норвегии от Швеции в 1905 г. как яркий пример буржуазного самоопределения[38].

Во-вторых, отрицание господствующей нацией права других наций на самоопределение было насмешкой над принципом равенства наций; пролетариат господствующей нации не мог, строго говоря, в этом участвовать. Как в свое время Маркс добивался того, чтобы английские рабочие поддержали борьбу ирландцев за свою независимость, и осуждал Лафарга за его идею отречения от нации как замаскированную попытку утвердить господство французской нации, так теперь Ленин доказывал, что отказ российских социал-демократов от принципа национального самоопределения означает "приспособление к интересам крепостников и к худшим националистическим предрассудкам господствующей нации"[39]. Что касается польских демократов, то они имели право отвергать для Польши политику отделения, но это нисколько не делало менее необходимым для партии в целом, и особенно для русских членов партии, провозглашение права Польши на отделение.

Этот довод подводил к третьему моменту, на котором Ленин всегда настаивал: речь идет о различии между правом на самоопределение наций (включая отделение) и решением отделиться. Защищать право на развод, замечал Ленин, означает поддерживать развод в особых случаях[40]. Те, чье право на отделение признано, должны еще принять решение, отделяться или нет. Это различие в дальнейшем приобрело большое значение.

Первое обстоятельное заявление партии по вопросу о национализме содержалось в резолюции, принятой на совещании Центрального Комитета партии, состоявшемся в Поронино, в Галиции – где тогда жил Ленин, – осенью 1913 г. Резолюция подразделялась на пять пунктов, из которых первые три были посвящены австрийской и последние два – польской "ереси". Вот главные пункты этой резолюции:

1) В капиталистических условиях национальный мир был бы возможен при полном равноправии всех наций и языков, отсутствии обязательного государственного языка, при обеспечении населения школами с преподаванием на всех местных

языках и при широкой областной автономии и местном самоуправлении.

2) Принцип культурно-национальной автономии и разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства отвергается как безусловно вредный с точки зрения демократии вообще и интересов классовой борьбы пролетариата в особенности.

3) Интересы рабочего класса требовали слияния всех рабочих данного государства, независимо от их национальностей, в единых пролетарских организациях.

4) Партия поддерживает право угнетенных царской монархией наций на самоопределение, то есть на отделение и образование самостоятельного государства.

5) Вопрос о целесообразности осуществления этого права в каждом отдельном случае партия будет решать совершенно самостоятельно "с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм"[41].

Резолюция 1913 г. не покончила с разногласиями. В связи с войной повсюду шли споры о национальном самоопределении, тем более в социал-демократических кругах. В сентябре 1915 г. Циммервальдская конференция партий, выступавших против войны, опубликовала манифест, в котором содержалось обычное признание "права наций на самоопределение". В ответ на манифест в шведской газете была опубликована резкая статья польского социал-демократа Радека, который объявлял "иллюзорной" "борьбу за несуществующее право на самоопределение"[42]. Весной следующего года дискуссия была перенесена на страницы журнала "Форботе", издаваемого Циммервальдской левой. Здесь в апреле 1916 г. появились две группы тезисов – за самоопределение, написанные Лениным, и против, написанные Радеком.

Радек утверждал, что социал-демократия *"никоим образом не выступает за установление новых пограничных столбов в Европе, за восстановление снесенных империализмом"*; что поддерживать самоопределение наций – верный путь к "социал-патриотизму" и что единственный приемлемый для социал-демократов лозунг – "Долой границы!"[43]. Через несколько недель в другом издании Радек осудил восстание, которое произошло в Дублине в пасхальные дни 1916 г., как "путч"[44].

Результаты дискуссии изложил Ленин в другой длинной статье под названием "Итоги дискуссии о самоопределении". Даже Радек выступал против "аннексий", а отвергать самоопределение – значило поддерживать присоединение. Если бы Германия присоединила Бельгию, разве Бельгия не была бы права, требуя независимости во имя самоопределения? Разве не было "аннексией" само по себе разрушение независимой Польши? Единственной альтернативой примирению с национальным угнетением было признание права наций на самоопределение[45].

В резолюции 1913 г. особо отмечались "капиталистические" условия буржуазного периода; именно это обстоятельство являлось подоплекой всего спора. Поэтому мало значения придавалось моменту, который тем не менее был необходим для ясного понимания доктрины большевиков. Ленин никогда не уклонялся от марксистского понимания того, что "национальная обособленность и противоположности народов" "все более и более исчезают" при приближении к социализму. Он поэтому никогда не считал их существование долгосрочным или абсолютным. Еще в 1903 г. он противопоставлял условное признание национального самоопределения социал-демократией безоговорочному его признанию буржуазной демократией.

"Буржуазный демократ (а также идущий по его стопам современный социалистический оппортунист) воображает, что демократия устраняет классовую борьбу, и потому ставит все свои политические требования абстрактно, огульно, "безусловно", с точки зрения интересов "всего народа" или даже с точки зрения вечного нравственного принципа-абсолюта. Социал-демократ беспощадно разоблачает эту буржуазную иллюзию везде и всегда, выражается ли она в отвлеченной идеалистической философии или в постановке безусловного требования национальной независимости"[46].

А 10 лет спустя, в тот год, когда была принята резолюция в Поронино, Ленин с максимальной ясностью размежевал две стадии в марксистском подходе к национальному вопросу и соответственно два этапа революции:

"Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т.д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм. С обеими тенденциями считается национальная программа марксистов, отстаивая, во-первых, равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было *привилегий* в этом отношении (а также право наций на самоопределение...), а во-вторых, принцип интернационализма"[47].

Здесь было показано различие между тем периодом, когда буржуазия еще борется за свои права против феодального строя, и периодом, наступающим после того, как буржуазная революция уже завершена. Во время первого периода национальная борьба была по преимуществу буржуазной, и ее целью было создание национального государства. Это не означало, что рабочие в ней не заинтересованы и не должны ее поддерживать:

"Ограничение свободного передвижения, лишение избирательных прав, стеснение языка, сокращение школ и прочие репрессии задевают рабочих не в меньшей степени, если не в большей, чем буржуазию"[48]. Они тем не менее не станут считать абсолютными требования национального самоопределения. Требование самоопределения никогда не могло выдвигаться вопреки требованиям всемирного социализма. По мнению Ленина,

"рабочий, ставящий политическое единение с буржуазией "своей" нации выше полного единства с пролетариями всех наций, поступает вопреки своим интересам, вопреки интересам социализма и интересам демократии"[49].

И далее:

"Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый "справедливый", "чистенький", тонкий и цивилизованный. Марксизм выдвигает на место всякого национализма – интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве"[50].

Цель социализма, писал Сталин в своей знаменитой работе, – сломать национальные барьеры и объединить людей, "чтобы открыть дорогу для межевания другого рода, межевания по классам"[51]. Пока на пути стоит национальный вопрос, он отвлекает внимание "широких слоев" от классовой борьбы к вопросам сиюминутным, "общим" для них и для буржуазии[52]. Поэтому принцип национального самоопределения всегда следует принимать, вполне сознавая его относительный, условный и временный характер, твердо имея при этом в виду конечную интернациональную цель.

Вместе с тем, в то время как учение о двух этапах революции всегда составляло самую суть большевистской теории самоопределения, национальный вопрос вплоть до той поры рассматривался практически как проблема исключительно первого, то есть буржуазного, этапа, поскольку второй этап все еще казался делом отдаленного будущего. Война 1914 г. постепенно привела Ленина к мысли, что капиталистическая система вследствие своих противоречий находится накануне крушения и начало второго, социалистического этапа революции не за горами, а с этим надо было соответственно согласовать и теорию самоопределения. Однако изучение влияния мировой войны на международную обстановку привело к возникновению новой трудности.

Этапы революции были последовательными во времени. Но вследствие неравномерности развития капитализма различные этапы могли в разных частях мира достигаться одновременно, и наблюдалось бы их взаимное влияние. В апреле 1916 г. оба этих момента вошли в тезисы Ленина, озаглавленные "Социалистическая революция и право наций на самоопределение". В первом тезисе смело утверждалось, что "все объективные предпосылки осуществимости социализма" уже созданы. А поскольку "победоносный социализм" принесет в качестве решения первой задачи полную демократию, ему придется также осуще-

ствить "право на самоопределение угнетенных наций, т.е. право на свободное политическое отделение".

Однако главная новизна заключалась в том тезисе, где утверждалось, что мир подразделяется на "три главных типа стран". Во-первых, "передовые капиталистические страны Западной Европы и Соединенные Штаты". "Буржуазно-прогрессивные национальные движения здесь давно закончены". Во-вторых, Восточная Европа "и особенно Россия". Здесь именно "XX век особенно развил буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу". В-третьих, "полуколониальные страны, каковы Китай, Персия, Турция, и все колонии". Здесь "буржуазно-демократические движения частью едва начинаются, частью далеко не закончены"[53].

Таким образом, в тот момент, когда Ленин искал пути перехода от буржуазного к социалистическому этапу борьбы за национальное самоопределение, он внес также новое уточнение в анализ буржуазного этапа борьбы. Это было прямым следствием тех взглядов, которые он выразил тогда в известной работе "Империализм, как высшая стадия капитализма"[54]. Он проследил в ней пути превращения конкурентоспособного буржуазного капитализма XIX века в эксплуататорский буржуазный империализм XX века. Борьба за национальное освобождение была по существу буржуазно-демократической борьбой. В своей характерной для XIX века форме она была борьбой против остатков феодализма и автократии, и в этой форме она еще не завершилась в странах второго типа, то есть в Восточной Европе "и особенно России". В своей характерной для XX века форме она представляла собой борьбу колониальных и полуколониальных стран третьего типа – уже не против феодализма и самодержавия старого образца, а против буржуазного империализма. Таким образом, была заложена основа действенного союза между национальными движениями стран второго и третьего типов, между жертвами старой автократии XIX века и нового империализма XX века, между Восточной Европой и Азией.

"Ибо думать, – писал Ленин позднее, в 1916 г., – что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками,* без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т.п. гнета, – думать так, значит *отрекаться от социальной революции*"[55].

Применять эти уточнения следовало, однако, в свете ленинских мыслей, изложенных в его тезисах в апреле 1916 г., о надвигающемся переходе от буржуазного к социалистическому применению принципа национального самоопределения[56]. Здесь также Россия играла главную и решающую роль. В период перехода от буржуазной к социалистической революции грани-

ца между буржуазным и социалистическим этапами развития национальной борьбы тоже утратила определенность: Россия в частности находилась по обе стороны от нее. Но Ленин был к этому готов; у него имелся действенный критерий в деле применения принципа национального самоопределения соответственно к буржуазному и социалистическому этапам.

"Люди, не вдумавшиеся в вопрос, находят "противоречивым", чтобы социал-демократы угнетающих наций настаивали на "свободе *отделения*", а социал-демократы угнетенных наций на "свободе *соединения*". Но небольшое размышление показывает, что иного пути к интернационализму и слиянию наций, иного пути к этой цели *от данного* положения нет и быть не может"[57].

На этой основе, еще не совсем ясной, Октябрьской революции предстояло строить свои теорию и практику, чтобы решать неотложную задачу национального самоопределения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. Основы большевизма

1. Не "Русская", а "Российская", что означает название не нации, а всей территории Российской империи.

2. "КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК". М., 1983, т. 1, с. 15–17.

3. Несколько громоздкое название было выбрано для того, чтобы содержание работы не вызывало подозрений. Она была легально опубликована в России с разрешения цензуры. В английском переводе (1947) приведено более точное название статьи – "В защиту материализма". Автор скрыл свою фамилию под псевдонимом Бельтов.

4. *Н.К. Крупская.* Воспоминания о Ленине. М.–Л., 1930, вып. I, с. 33.

5. Следующие номера печатались в Мюнхене до декабря 1903 г., после чего газета выпускалась в Женеве.

6. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 354–360 (здесь и далее ссылки на работы В.И. Ленина даются по 5-му изданию, а на работы К. Маркса и Ф. Энгельса – по 2-му изданию. – *Ред.*); "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 17–21. Мартов утверждает, что первоначальный проект действительно существовал (*В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. IV, с. 554), однако нет данных о том, в какой мере он вошел в окончательный вариант.

7. "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 3; *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 358.

8. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.

9. Там же, т. 1, с. 311–312.

10. В течение некоторого времени позиция Струве была двусмысленной; он принимал участие в издании первых номеров "Искры", после 1902 г. он прервал все связи с партий, а в последующие годы стал яростным врагом революции.

11. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 96.

12. Там же, т. 4, с. 168. По словам автора документа Кусковой, он не был предназначен для публикации. Заголовок "Credo" не был названием статьи (там же, т. 4, с. 457–458). Этот документ стал известен лишь благодаря тому, что послужил поводом для наступления на "экономизм", предпринятого Лениным и его товарищами по сибирской ссылке.

13. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 175.

14. *Г.В. Плеханов.* Соч. М., 1925, т. XII, с. 3–42.

15. Цит. по: *Е.М. Ярославский.* История ВКП(б). М., 1926, т. I, с. 252.

16. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 80–84.

17. Там же, т. 16, с. 107.

18. В этих словах выражена суть знаменитого завершающего отрывка из произведения "К критике гегелевской философии права. Введение", который заканчивается предсказанием, что *"день немецкого воскресения из мертвых* будет возвещен *криком галльского петуха"* (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, с. 425–429).

19. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, с. 261, 267. Происхождение этой знаменитой фразы точно не известно. Маркс впервые использовал ее в статье, опубликованной в 1844 г., где он отметил, что Наполеон *"поставил* на место *перманентной революции перманентную войну"* (там же, т. 2, с. 137). В 1850 г. он писал, что Бланки был инициатором *"объявления непрерывной революции"* (там же, т. 7, с. 91).

20. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 433–470. Тезис о "неразрывной связи" давно укоренился в русской мысли. Герцен, которого по праву считали предшественником народников, находился под некоторым влиянием идей

Маркса. Он писал в 1868 г.: "Республика, которая не вела бы к социализму, кажется нам нелепой; переходное состояние, которое рассматривало бы себя, как цель, – социализм, который хотел бы обойтись без политической свободы, без равноправия, быстро выродился бы в самодержавный коммунизм" (*А.И. Герцен.* Полное собрание сочинений и писем. М., 1923, т. XX, с. 136).

Другая точка зрения была высказана в 80-х годах Толстым, министром внутренних дел при Александре III: "Любая попытка ввести в России западноевропейские парламентарные формы правления обречена на провал. Если царский режим... будет свергнут, его место займет коммунизм, настоящий, незамаскированный коммунизм г-на Карла Маркса, который недавно умер в Лондоне и теории которого я изучил со вниманием и интересом" (*Bernhard von Bülow.* Denkwürdigkeiten, 1931, IV, S. 573).

21. Это предисловие напечатано в: *В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. II, с. 603–605.

22. Этот спор также анализируется в ранней статье Сталина, написанной в 1901 г. Он писал, что "социал-демократия взялась за это несознательное, стихийное и неорганизованное движение" рабочих (*И.В. Сталин.* Соч., т. 1, с. 14).

23. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 462; т. 6, с. 30, 79.

24. Там же, т. 6, с. 30, 79.

25. Там же, с. 30–31. Значение, которое Ленин придавал мыслящей интеллигенции, отразилось в формулировке фразы ("совершенно независимо"), вряд ли вполне марксистской. В других работах он уделял основное внимание социальным корням, неизбежно существующим у каждой политической доктрины. То же можно было бы сказать об известном отрывке из одной ранней работы самого Маркса, где он назвал пролетариат "*материальным* оружием" философии, призванным осуществить революцию (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, с. 428–429).

26. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 38–39.

27. "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 20.

28. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 97. Маркс отмечал, что рабочие, "когда бросают работу и становятся *профессиональными литераторами*... всегда творят немало бед в "теории" (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, с. 235). Михельс, анализируя этот вопрос на основе немецкого и итальянского опыта, приходил к выводу, что, "как только маршальский жезл попадал в мозолистые руки рабочего, всегда оказывалось, что у армии пролетариев руководство менее надежное, менее способное осуществить ее цели, чем когда ею руководят представители других классов общества". Он также недвусмысленно заявил: "В конечном счете в реформистских тенденциях германской социал-демократии повинны были не столько ревизионисты-интеллигенты, сколько руководители профсоюзного движения, так сказать, пролетарии по происхождению" (*R. Michels.* Zur Soziologie des Parteiwesens, 2nd ed., 1925, S. 391, 408).

29. *Г.Е. Зиновьев.* История Российской Коммунистической партии. М., 1923, с. 126.

30. Как указывал французский социалист Лагардель, класс объединен по принципу необходимости, партия – по принципу добровольности (*H. Lagardelle.* Le Socialisme Ouvrier, 1911, p. 166–167).

31. При этом даже ссылались на этимологию слова: "Слово "партия" происходит от латинского pars, т.е. часть. В настоящее время мы, марксисты, говорим, что партия есть часть определенного класса" (*Г.Е. Зиновьев.* История Российской Коммунистической партии. М., 1923, с. 28).

32. *Г.В. Плеханов.* Соч., т. XII, с. 80–81.

33. В терминологии революционеров XIX века слово "бланкизм" означало чрезмерное увлечение революционной конспирацией или путчами и отказ от четкой и последовательной организации. "Военный заговор есть бланкизм, – писал Ленин в 1917 г., – *если* его устраивает не партия определенного класса, *если* его устроители не учли политического момента вообще и международного в особенности" – и *если* объективные условия еще не созрели (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 415). Более краткое, хотя, может быть, и не столь точное определение Ленин дал мимоходом в 1917 г.: "Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 147).

34. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 135.

35. Там же, с. 101.

36. "Ленинский сборник". М., 1925, т. III, с. 26.

37. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 6–7.
38. Там же, с. 111–112.
39. Там же, с. 137–141.
40. Там же, т. 7, с. 16.
41. *Н.К. Крупская.* Цит. соч., с. 33.
42. "Сборник о Ленине. О комсомоле". М., 1933, с. 239.
43. *И.В. Сталин.* Соч., т. 6, с. 55.
44. "Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет". М., 1968, с. 614.
45. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 272. В работе "Государство и революция", написанной 15 лет спустя, раскрыт тот же принцип (см. ниже, Приложение А).
46. *А.Н. Потресов.* Посмертный сборник произведений. Париж, 1937, с. 294, 299.
47. *Л. Троцкий.* О Ленине. М., 1924, с. 148.
48. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 134.
49. Там же, т. 33, с. 120.
50. Там же, т. 36, с. 205.
51. Там же, т. 42, с. 213–214.

Глава 2. Большевики и меньшевики

1. "Второй съезд РСДРП. Июль–август 1903 года. Протоколы". М., 1959, с. 153–154.
2. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 212.
3. Часть программы, написанная Лениным, приведена в 6-м томе его сочинений (с. 203–211), а краткое изложение всего спора, представляющее интерес, см.: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 505–506, примечание 95.
4. Мартынов предложил на съезде изменить эту формулировку таким образом: "число, сплоченность и *сознательность* пролетариев" ("Второй съезд РСДРП...", с. 116). Это явилось отголоском спора о стихийности и сознательности и сопровождалось резкой критикой работы Ленина "Что делать?" на том основании, что в ней отрицалась возможность стихийного возникновения социалистических устремлений у пролетариата. На защиту Ленина встали Плеханов, Мартов и Троцкий, и поправка была отклонена.
5. "Второй съезд РСДРП...", с. 254. Текст принятой Программы см. там же, с. 418–425; "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 37–43.
6. Ленин позднее назвал их "последовательными" и "непоследовательными" искровцами (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 326).
7. Троцкий приехал к Ленину в Лондон в октябре 1902 г. и вскоре привлек внимание своим литературным талантом. Весной 1903 г. Ленин дважды предлагал кооптировать его в редколлегию "Искры", но Плеханов решительно возражал против этого (*Н.К. Крупская.* Цит. соч., с. 82). По словам Крупской, Ленин на съезде "менее всего думал, что Троцкий колебнется" (там же, с. 87).
8. "Второй съезд РСДРП...", с. 279.
9. Текст Устава см. в: "Второй съезд РСДРП...", с. 425–427; "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 45–47.
10. "Второй съезд РСДРП...", с. 321.
11. Там же, с. 329.
12. Там же, с. 371.
13. Там же, с. 375. После этого делегаты съезда разделились на две фракции, которые начали проводить заседания раздельно (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 15).
14. "Второй съезд РСДРП...", с. 136–137.
15. По словам Плеханова, Ленин пытался найти прецедент в современной английской политике. "Чемберлен, – прибавил он, – вышел из министерства именно затем, чтобы более упрочить свою позицию, так и я" (*Г.В. Плеханов.* Соч., т. XXIII, с. 44).
16. Там же, с. 135–138.
17. Там же, с. 7.
18. Там же, с. 90–91.
19. Там же, с. 185.

20. "Искра", № 70, 25 июля 1904 г.

21. *Н. Троцкий.* Наши политические задачи. Женева, 1904. Сначала Троцкий ставил перед своим псевдонимом букву "Н", впоследствии он заменил ее начальной буквой своего собственного имени – "Л". Ленин также иногда вместо своих инициалов употреблял букву "Н".

22. Следует напомнить об окончательном приговоре, вынесенном Троцким по поводу этого спора почти 30 лет спустя: "Недаром в словаре Ленина столь часты слова: непримиримый и беспощадный. Только высшая революционная целеустремленность, свободная от всего низменно-личного, может оправдать такого рода личную беспощадность... Его поведение казалось мне недопустимым, ужасным, возмутительным. А между тем, оно было политически правильным и, следовательно, организационно необходимым" (*Л. Троцкий.* Моя жизнь. Берлин, 1930. т. I, с. 187–188).

23. *Г.В. Плеханов.* Соч., т. XXIII, с. 317.

24. "Искра", № 66, 15 мая 1904 г.

25. "Neue Zeit", XXII (Vienne, 1903–1904), II, S. 484–492; 529–535.

26. Подробности этого эпизода можно найти в: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 11–12, с. 325, прим. 14; "Ленинский сборник", т. V, с. 169–176, 182–183.

27. В своих воспоминаниях (с. 94–95) Крупская пишет, что Ленин глубоко переживал разрыв с Мартовым, но это нисколько не поколебало его политических воззрений.

28. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, с. 315.

29. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 307–308.

30. Там же, т. 8, с. 370.

31. Там же, с. 379.

32. Там же, с. 384.

33. Там же, с. 394.

34. Михельс в работе "К вопросу о социологии в партии" (*R. Michels.* Zur Soziologie des Parteiwesens. 2nd ed., 1925, S. 278–280) приводит поразительные примеры таких взглядов из немецких, французских и бельгийских источников. Он тоже употребляет термин "демократический централизм" (S. 227), и можно предположить, что этот термин часто употреблялся в германской социал-демократической партии в начале столетия.

35. *Г.В. Плеханов.* Соч., т. XXII, с. 455.

36. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 254.

37. "Ленинский сборник", т. V, с. 149.

38. Этой полемике посвящена статья Ленина "Должны ли мы организовать революцию?", опубликованная в феврале 1905 г. (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 264–273).

39. Последний термин действительно приводится в резолюции V партийной конференции, проходившей в декабре 1908 г. ("КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 195). В отношении остального см.: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 26–29.

40. Там же, с. 30–31.

41. На этом основании бывший лидер меньшевиков Дан утверждал,что большевики выражают "общедемократические и политические тенденции движения", а меньшевики – "его классовые и социалистические тенденции" (*Ф.Дан.* Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1946, с. 291).

42. Современная официальная история утверждает, что меньшевики "хотели иметь в России такую же партию, как, скажем, немецкая или французская социал-демократическая партия", и они "потому и боролись с большевиками, что чуяли в них что-то новое, необычное, отличное от социал-демократии Запада" ("История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)". М., 1938, с. 135). Следует также вспомнить, что в 1903 г. в России не было политических партий западного типа; такие партии возникли только после 1905 г.

43. Этот довод использовался в "Credo" Кусковой (см. главу 1).

44. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4., с. 267.

45. Троцкий блестяще охарактеризовал немецкую буржуазию 1848 г.: "Она была скаредно мудра опытом французской буржуазии" (*Л. Троцкий.* Перспективы русской революции. Берлин, 1917, с. 27).

46. В тот период Ленин с горечью писал: "Европейские буржуа сначала дрались на баррикадах за республику, потом жили в изгнании, наконец, изменяли свободе, предавали революцию и шли на службу к конституционным монар-

хам. Русские буржуа хотят "учиться у истории" и "сократить стадии развития": они хотят сразу предать ревлюцию, сразу оказаться изменниками свободе. В интимных беседах они повторяют один другому слова Христа к Иуде: что делаешь, делай скорее!" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 300). Но зачем буржуазии было драться на баррикадах, зная, что, победив, она сама будет свергнута пролетариатом?

Глава 3. 1905 год и последующие годы

1. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 246.
2. *В.И. Ленин.* Соч., 3-е изд., т. 8, с. 500, прим. 120.
3. "Пролетарская революция", 1925, № 11 (46), с. 53.
4. Там же, с. 54.
5. "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 126–127; см. главу 4.
6. "Искра", № 100, 15 мая 1905 г., Приложение.
7. "Пролетарская революция", 1925, № 4 (39), с. 125–137.
8. *Л. Троцкий.* Соч. М.–Л., 1925, т. II, ч. 1, с. 303.
9. Там же.
10. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 129–132. Троцкий сам сказал о первом заседании Петербургского Совета, что "собрание больше походило на военный совет, чем на парламент" (*Л. Троцкий.* 1905 год. М., 1922, 2-е изд., с. 106).
11. Как писал один из историков, "некоторые большевики, особенно в Питере... боялись с их [то есть Советов] стороны конкуренции партии" (*Н. Попов.* Очерк истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М.–Л., 1931, вып. I, с. 95).
12. Во втором издании сочинений Ленина утверждается со ссылкой на воспоминания неизвестного автора, опубликованные в 1922 г., что Ленин был автором резолюции Исполнительного комитета о борьбе с локаутом от 14 ноября 1905 г. (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 106–107). Включение этой резолюции в сочинения Троцкого (*Л. Троцкий.* Соч., т. II, ч. 1, с. 298–299) в равной мере свидетельствует об авторстве Троцкого, что, по сути дела, представляется более вероятным. Может быть, эта путаница вызвана тем, что на следующий день в "Новой жизни" появилась статья Ленина на ту же тему, и она была одобрена Троцким на страницах газеты "Начало" (*Л. Троцкий.* Соч., т. II, ч. 1, с. 313). Во втором издании сочинений Ленина (*В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. VIII, с. 513, прим. 175) на основании неопубликованных воспоминаний сказано также, что Ленин говорил об этой резолюции в Исполнительном комитете, что еще менее вероятно. Крупская не помнит, чтобы Владимир Ильич выступал в Совете рабочих депутатов (*Н.К. Крупская.* Цит. соч., вып. I, с. 133–134), и, конечно, Ленин не был членом Исполнительного комитета.
13. Из свидетельства Красина ясно, что в Петербурге до февраля 1905 г. большевики еще сотрудничали с меньшевиками ("Пролетарская революция", 1925, № 1 (36), с. 83–84).
14. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 91–92.
15. Там же, с. 326.
16. "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 165–166. Не сохранилось никаких документов об этой конференции, но воспоминания о ней приведены в сборнике "Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов" (М., 1930, т. I, с. 210–247). Один из делегатов охарактеризовал отношение Ленина к объединению следующим образом: "Казалось, что революция стирает грань между фракциями, и многие в это верили. Но Ленин не верил. Если он принял объединение, как совершенно неизбежное, ввиду голоса масс и формальной необходимости, он, тем не менее, на это объединение шел не с легким сердцем и всерьез его не принял" (там же, с. 234–235). Однако это воспринимается как осуждение постфактум.
17. Два обращения Комитета см. в: "Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель–май) 1906 года. Протоколы". М., 1959, с. 556–561.
18. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 291–308.
19. "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 311–322.
20. В 1920 г. Ленин расценил эпизод 1908 г., так же как и полемику по поводу Брест-Литовска, как два главных выступления "левого" крыла в партии (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 17).

21. "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 356–358. Ленина больше всего возмутило то, что компромисс привел к закрытию отдельного большевистского центра и газеты "Пролетарий", выходившей как приложение к "Социал-демократу".

22. "Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП...", с. 580.

23. *Л. Троцкий.* 1905 год, с. 267.

24. "Искра", № 100, 15 мая 1905 г., Приложение.

25. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 71.

26. "Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП...", с. 248.

27. Там же, с. 196.

28. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 96.

29. Там же, т. 9, с. 256.

30. Там же, т. 11, с. 16, 102.

31. Там же, с. 87.

32. Там же, с. 88.

33. Эта фраза была приведена Лениным в статье, опубликованной в апреле 1905 г. (там же, т. 10, с. 20–31). Она повторялась несколько раз в работе "Две тактики социал-демократии в демократической революции".

34. Там же, т. 11, с. 90.

35. Там же, т. 10, с. 14; т. 11, с. 44–45, 71.

36. Там же, т. 11, с. 11.

37. Там же, с. 222. Маркс писал "permanente Revolution"; русские авторы иногда употребляли термин "перманентная", а иногда – обычное русское слово "непрерывная". В последующем споре была сделана попытка указать на разницу между "перманентной" революцией, за которую выступал Троцкий, и "непрерывной" революцией, которую признавал Ленин. Но это различие в терминах значения не имеет.

38. Там же, т. 12, с. 154–157. Эта мысль о взаимодействии Востока и Запада в осуществлении социалистической революции также имела свою родословную. Герцен писал Прудону в 1855 г.: "Россия скромнее Савойи и не farà da se: ей нужны сочувствие и помощь европейских народов. Но, с другой стороны, я убежден, что свободная свобода не воцарится на Западе, пока Россия будет оставаться как бы солдатом на жалованье" (*А.И. Герцен.* Цит. соч., т. VIII, с. 198).

39. *Л. Троцкий.* Соч., т. II, ч. I, с. 57.

40. Цит. по статье Троцкого, опубликованной в газете "Начало" в октябре 1905 г. (*Л. Троцкий.* Перманентная революция. Берлин, 1930, с. 58, 90–91).

41. *Л. Троцкий.* Перманентная революция, с. 39. Статья Троцкого "Итоги и перспективы" – название, заимствованное из статьи Парвуса, ссылка на которую имеется ниже, прим. 51, – была впервые опубликована в Петербурге в 1906 г. в сборнике очерков Троцкого под общим названием "Наша революция". Ни оригинала, ни копии этой статьи, опубликованной после Октябрьской революции, достать не удалось. В конце 1917 г. она была снова опубликована в Берлине на русском языке под названием "Перспективы русской революции". Последняя глава и два последних предложения предпоследней главы, где говорится о том, что европейская социалистическая революция произойдет в результате войны и что это имеет жизненно важное значение для победы русской революции, были опущены по цензурным соображениям. В 1918 г. был опубликован сокращенный английский перевод сборника работ Троцкого, выпущенного в 1906 г., под названием "Наша революция" ("Our Revolution". New York, 1918). В него вошла большая часть статьи; в этом варианте приведены предложения из предпоследней главы и большая часть последней главы, не включенные в берлинское издание.

42. *Л. Троцкий.* Перспективы русской революции, с. 36, 40.

43. Там же, с. 41.

44. Там же, с. 51, 55.

45. *Л. Троцкий.* 1905 год, с. 285. Во втором издании Троцкий добавил к последней фразе примечание о том, что этого не произошло, "так как, под руководством т. Ленина, большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весною 1917 г.".

46. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 381–385; *Л. Троцкий.* Перманентная революция, с. 39–40.

47. *Л. Троцкий.* Соч., т. II, ч. 1, с. 20. В собрании сочинений, опубликованном в 1926 г., фраза выделена курсивом; этого нет в первоначальном варианте (*Н. Троцкий.* До 9-го января. Женева, 1905, с. 18).

48. *Л. Троцкий.* Соч., т. II, ч. 1, с. 448.

49. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 378–379.

50. *Л. Троцкий.* Перспективы русской революции, с. 48.

51. Там же, с. 44. Парвус, немецкий социал-демократ, выходец из России, в своем предисловии к написанной ранее брошюре Троцкого "До 9-го января" указывал в январе 1905 г.: "Если социал-демократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство [то есть "революционное временное правительство"] будет социал-демократическим". Он также утверждал, что "социал-демократическое временное правительство не может совершить в России социалистического переворота, но уже самый процесс ликвидации самодержавия и установления демократической республики даст ему благодатную почву политической работы". В этом отрывке содержалось ядро теории "перманентной революции" Троцкого. В том же предисловии Парвус писал о крестьянах, что "они только в состоянии увеличить политическую анархию в стране и таким образом ослабить правительство, они не могут составить сомкнутой революционной армии". Статья Парвуса аналогичного содержания, озаглавленная "Итоги и перспективы", была опубликована в "Искре" 27 января 1905 г. (№ 85). Много времени спустя Троцкий писал, что "в отношении Парвуса... мои взгляды на русскую революцию в 1905 г. тесно соприкасались, не доходя, однако, до тождества" (*Л. Троцкий.* Перманентная революция, с. 64–65).

52. *Л. Троцкий.* Перспективы русской революции, с. 54.

53. Работа Троцкого "Перспективы русской революции" заканчивается (с. 84) первым предложением этого высказывания (см. выше, прим. 41 к этой же главе); остальные два предложения взяты из статьи "Итоги и перспективы", опубликованной в сборнике "Наша революция" (*Н. Троцкий.* Наша революция. СПб., 1906, с. 278).

54. См. главу 2.

55. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 359.

56. Там же, т. 21, с. 358. В письме Ленина к Горькому, написанном в этот период, Ленин называет Троцкого "позером" (там же, т. 47, с. 137).

57. Там же, т. 21, с. 31; т. 25, с. 313.

58. "Ленин о Троцком и о троцкизме". М., 1925, 2-е изд., с. 217–219. Это письмо, задержанное цензурой, было обнаружено в архивах после революции, и его публикация носила сенсационный характер в период кампании против Троцкого, проводившейся после смерти Ленина.

59. Резолюции конференции были изданы в виде брошюры под названием "Всероссийская Конференция Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии 1912 года" (Париж, 1912) и перепечатаны в: "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 382–404. По причинам конспирации в них не были включены списки членов и кандидатов в члены Центрального Комитета. Но списки приводятся (с небольшими изменениями, касающимися обеих категорий) во всех книгах по истории партии до начала 30-х годов (см., например: *Н. Попов.* Цит. соч., с. 274; *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 534–538, прим. 65).

60. В источниках, приведенных в конце предыдущего примечания, а также в книге Крупской "Воспоминания о Ленине" (с. 69) указано, что Сталин был кооптирован "вскоре после конференции". В официальной "Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)" издания 1938 г. (с. 137) вопреки всем прежним данным в число избранных в Центральный Комитет на конференции включены Сталин и Свердлов. Это повторялось затем во всех последующих сообщениях.

61. Вопрос об отношении партии к войне будет рассматриваться в части V.

62. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 1–7. Эти тезисы, расширенные и откорректированные, появились в форме статьи в партийной газете "Социал-демократ" 1 ноября 1914 г. (там же, с. 13–23).

63. Там же, с. 161–167. *Н.К. Крупская.* Цит. соч., вып. II, с. 147.

64. *Е.М. Ярославский.* История ВКП(б), с. 220–223.

65. Об осуждении Лениным этого поступка см.: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26 с. 168.

66. *Е.М. Ярославский.* История ВКП(б), с. 234–235.

67. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 388.

68. Там же, т. 30, с. 328.

69. Полный отчет о переговорах и поездке приводит Фриц Платтен (*F. Platten.* Die Reise Lenins durch Deutschland, n.d. [? 1925]). Это событие не было столь драматичным и мрачным, каким его потом представляли. Вскоре такую же поездку в тех же условиях совершила более многочисленная группа российских эмигрантов, в том числе меньшевики во главе с Мартовым.

Глава 4. От Февраля к Октябрю

1. История этого важного периода представляет огромный интерес. Помимо официальных документов, бесценный источник сведений представляет собой сборник "Революция 1917 года: хроника событий" (М.–Л., 1923–1930); имеется и множество других свидетельств непосредственных участников событий. Среди них, выражающие точку зрения авторов, блестящий очерк Милюкова (*П.Н. Милюков.* История Второй Русской революции. София, 1921) и "История Русской Революции" Троцкого (Берлин, 1931).

2. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 155; книга Чернова (*V. Chernov.* The Great Russian Revolution. Engl. transl., New York, 1936, p. 99–109), где дается аналогичный анализ.

3. См. главу 3.

4. Текст Манифеста см.: *В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. XX, с. 600–601. См. также: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 510, прим. 17.

5. Там же, т. 31, с. 34–35.

6. *А.Г. Шляпников.* Семнадцатый год. М.–Л., кн. 2, 1924, с. 178.

7. Там же, с. 114.

8. "Первый легальный ПК большевиков". М., 1927, с. 18–19. Партийный комитет сохранил название "Петербургский", отказываясь признать перемену названия, осуществленную в 1914 г. царским правительством "в целях шовинистических" (там же, с. 5).

9. Как утверждает Попов (*Н. Попов.* Цит. соч., ч.I, с. 277), все трое были членами редакционной коллегии в 1912 г. Сталин участвовал в выпуске первого номера (*И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 130) и был арестован в день его выпуска 22 апреля 1912 г. Каменев в начале 1914 г. был направлен в Петербург, где он возглавлял редколлегию "Правды" (*Н.К. Крупская.* Цит. соч., вып. II, с. 109).

10. Шляпников не скрывает своего разочарования, рассказывая об этом в своих в остальных отношениях весьма ценных мемуарах. Молотов хранил молчание – эта привычка сослужила ему хорошую службу на протяжении всей его карьеры.

11. *И.В. Сталин.* Соч., т. 3, с. 1–2.

12. "Правда", 15 марта 1917 г.

13. См. главу 3. "Правда", 15 марта 1917 г.

14. *А.Г. Шляпников.* Семнадцатый год, кн. 2, с. 185.

15. Различие между Каменевым и другими членами редколлегии состояло в том, что эти последние заняли нейтральную позицию, не поддерживая Временного правительства и не выступая против него. Каменев считал, что такую позицию принимать "нельзя", и призывал к открытой поддержке Временного правительства (см. его речь в.: "Первый легальный...", с. 50).

16. Материалы Всероссийского совещания Советов приведены в: *А.Г. Шляпников.* Семнадцатый год, кн. 3, с. 211–249; его резолюции см. там же, с. 360–374. Материалы партийной конференции не были официально опубликованы. Однако нет причин сомневаться в достоверности неполных отчетов о ней, опубликованных Троцким (*Л. Троцкий.* Сталинская школа фальсификации. Берлин, 1932, с. 225–290), получившим их от Зиновьева и Каменева в 1926 г. Замечания Сталина, сделавшего основной доклад на конференции, см.: *Л. Троцкий.* Сталинская школа..., с. 235, 265–266).

17. *И.В. Сталин.* Соч., т. 6, с. 333–334.

18. "Известия", 5 апреля 1917 г.; *А.Г. Шляпников.* Семнадцатый год, кн. 3, с. 257–259; *Ф. Раскольников.* – В: "Пролетарская революция", 1923, № 13, с. 220–226; *Н. Суханов.* Записки о революции. Берлин–Петербург–Москва, 1922, кн. 3, с. 14–15. В своем отчете Шляпников придает особое значение собственной роли как организатора встречи Ленина и сводит до минимума роль Каменева; Раскольников был деловитым рядовым большевиком; Суханов был одаренным, но

слишком многословным литератором меньшевистского толка, который наиболее наглядно и подробно описал внешние проявления революции. В книге Крупской (вып. II, с. 183–184) приводится рассказ о встрече Ленина в Белоострове. Раскольников и Залежский ("Пролетарская революция", 1923, № 13, с. 155) отмечают присутствие Коллонтай. Ни в одном из первых отчетов не упоминается о присутствии на встрече других большевистских руководителей, кроме Шляпникова, Каменева и Коллонтай.

19. Выступление Чхеидзе было опубликовано в "Известиях" 5 апреля 1917 г. О выступлении Ленина перед толпой народа не сообщалось, и, судя по отчету, Ленин выступил до Чхеидзе, а не после.

20. "Пролетарская революция", 1927, № 4 (63), с. 157.

21. *А.Г. Шляпников.* Семнадцатый год, кн. 3, с. 264.

22. *Н. Суханов.* Записки о революции, кн. 3, с. 28–42.

23. Там же, с. 49–51. Сохранились замечания Ленина об этом случае (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 131).

24. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 13–118.

25. "Правда", 8 апреля 1917 г.

26. "Первый легальный...", с. 83–88.

27. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 145.

28. Там же, с. 133.

29. "Более 20-ти лет, – писал Ленин несколько месяцев спустя, – ...красной нитью через всю политическую историю России тянется вопрос: рабочему ли классу вести крестьян вперед, к социализму, или либеральному буржуа оттаскивать их назад к примирению с капитализмом" (там же, т. 34, с. 111).

30. Там же, т. 31, с. 136–137.

31. Там же, с. 155.

32. "Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков)". М., 1958, с. 15.

33. Там же, с. 37.

34. Там же, с. 101, 103–105; *И.В. Сталин.* Соч., т. 3, с. 48–49.

35. "Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков)...", с. 112; *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 362.

36. "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 493–496.

37. Там же, с. 507–509.

38. "Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков)...", с. 107. На конференции также был избран новый Центральный Комитет из девяти человек. В него вошли Ленин (104 голоса), Зиновьев (101), Сталин (97), Каменев (95 голосов), Малютин, Ногин, Свердлов, Смилга, Федоров (там же, с. 228).

39. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 317.

40. Там же, т. 13, с. 324.

41. Там же, т. 30, с. 322.

42. Там же, т. 31, с. 18–21.

43. Там же, с. 146. О той же параллели более подробно см. там же, с. 142. О ней также говорилось в статье неизвестного автора, опубликованной в "Пролетарии" (№ 8, 17 июля 1905 г.), в которой последний абзац написан Лениным (*В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. VIII, с. 467–470). Луначарский много времени спустя вспоминал, "как взволнованно и с каким восхищением" Ленин в последние дни 1905 г. увидел в Петербургском Совете "воскрешение лучших традиций Парижской Коммуны" и говорил, что "фактически покрыть всю Россию советами рабочих, а потом рабочих и крестьянских депутатов, это значит осуществить лучшую часть политических планов Коммуны, заслуживших одобрение Маркса" ("Пролетарская революция", 1925, № 11 (46), с. 57). Но этот отрывок, написанный после смерти Ленина, едва ли можно подтвердить свидетельствами современников.

44. Вызывает удивление, что Ленин однажды несколько высокомерно отозвался о Парижской Коммуне как о правительстве, которое "не умело и не могло тогда различить элементов демократического и социалистического переворота, которое смешивало задачи борьбы за республику с задачами борьбы за социализм" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 70).

45. "КПСС в резолюциях...", т. I, с. 127–128.

46. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 232, 329.

47. Милюков, переживая по поводу своего ухода из правительства, язвительно замечает: "Выпущенный "буржуазией" из рук принцип буржуазной революции приняли под свою защиту умеренные социалисты" (*П.Н. Милюков.* История Второй Русской революции. София, 1921, вып. 1, т. I, с. 57).

48. "Революция 1917 года...", т. II, с. 108, 111–112.

49. "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 504.

50. "Ленинский сборник", т. IV, с. 301–303.

51. "Первый Всероссийский съезд Советов". М., 1930, т. I, с. 65.

52. Там же, с. 285–289.

53. Там же, т. II, с. 62, 70.

54. Полный список членов ВЦИКа см.: там же, с. 423–426.

55. *Л. Троцкий.* Соч., т. III, ч. 1, с. 61.

56. *Н.К. Крупская.* Цит. соч., вып. II, с. 196.

57. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 366–367.

58. Особый характер этого присоединения впоследствии нашел отражение в постановлении, по которому "межрайонцам" разрешалось считать членство в своей организации эквивалентным пребыванию в партии при назначениях, для которых требовался определенный срок пребывания в партии (см., например: "Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)", № 33, октябрь 1921 г., с. 41).

59. До ареста Троцкого планировалось, что он сделает доклад о политической обстановке, с которым затем выступил Бухарин ("Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы". М., 1958, с. 7).

60. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 10–17.

61. "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 582; *И.В. Сталин.* Соч., т. 3, с. 174, 186. Впоследствии Сталин, ссылаясь на этот случай, утверждал, что партия была права, не послушавшись Ленина, который слишком поторопился и недооценил роль Советов (*И.В. Сталин.* Соч., т. 6, с. 340–341).

62. Этот пробный шаг Ленина был сделан в форме статьи, написанной в Финляндии 1 сентября 1917 г. Когда статья появилась в партийной газете "Рабочий путь" 6 сентября 1917 г., в ней был постскриптум со следующими словами: "...Пожалуй, предложение компромисса уже запоздало. Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, *тоже* прошли. Да, по всему видно, что они уже прошли" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 133–139).

63. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 200–207.

64. Эти письма были впервые опубликованы в 1921 г. под заголовками "Большевики должны взять власть" и "Марксизм и восстание" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 239–247). Обсуждение в Центральном Комитете, получившем письма 15 сентября 1917 г., кратко отражено в: "Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 – февраль 1918". М., 1929, с. 65–66. Каменев высказался за то, чтобы отвергнуть предложения Ленина; ЦК был в явном замешательстве и, отвергнув предложение Каменева, отложил рассмотрение сути вопроса.

65. "Протоколы Центрального Комитета РСДРП...", с. 70–71; *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 262. На первом же заседании Троцкий огласил декларацию, и большевики вышли из предпарламента (*Л. Троцкий.* Соч., т. III, ч. 1, с. 321–323).

66. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 275.

67. Там же, с. 282–283.

68. "Протоколы Центрального Комитета РСДРП...", с. 99–101.

69. Решение Петроградского Совета создать Военно-революционый комитет предшествовало решению Центрального Комитета от 10 октября. Нисколько не связанный с подготовкой вооруженного восстания Комитет был, в сущности, создан меньшевиками. После 10 октября большевики взяли его в свои руки и направили на достижение своих целей. Этот Комитет формально был назначен 16 октября 1917 г. и начал работать четыре дня спустя. К тому времени он был полностью большевистским; исключение составлял один-единственный левый эсер (*Л. Троцкий.* Соч., т. III, ч. 2, с. 91-92; "История Русской революции", т. II, ч. 2, с. 121–122). Согласно последней работе ("История Русской революции", т. II, ч. 2, с. 171), Политбюро, назначенное Центральным Комитетом, ни разу не заседало.

70. "Протоколы Центрального Комитета РСДРП...", с. 102–108.

71. Имеется в виду попытка Временного правительства направить определенные полки Петроградского гарнизона на фронт. Петроградский гарнизон еще в начале революции объявил о своей верности Петроградскому Совету и отказался выполнять приказы, не утвержденные Советом.

72. "Протоколы Центрального Комитета РСДРП...", с. 111–125. Протокол этого заседания более полный, чем обычно, но, как и другие, составлен из заметок секретаря и не отличается полнотой или текстуальной точностью.

73. Там же, с. 124.

74. Там же, с. 125.

75. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 419–427. Эти письма были впервые опубликованы в 1927 г.

76. *Л. Троцкий.* Соч., т. III, ч. 2, с. 31–33. Троцкий объяснил Центральному Комитету мотивы, по которым он сделал это заявление ("Протоколы Центрального Комитета РСДРП...", с. 123). Ленин впоследствии одобрил его действия (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 423–424).

77. Письмо Зиновьева см. в: "Протоколы Центрального Комитета РСДРП...", с. 137; статью Ленина см. в: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 398–418.

78. "Протоколы Центрального Комитета РСДРП...", с. 137. Примечание не вошло в собрание сочинений Сталина, но его авторство неоспоримо.

79. Там же, с. 127–129.

80. Сталин включился в яростный спор, происходивший между Лениным и Троцким осенью 1912 г., назвав Троцкого на страницах "Правды" "чемпионом с фальшивыми мускулами" и "комедиантом" (*И.В. Сталин.* Соч., т. 2, с. 260). Первую фразу он повторил несколько недель спустя (там же, с. 279). Личная их встреча, по-видимому, впервые состоялась в Вене в начале 1913 г. (хотя оба присутствовали на съезде партии в Лондоне в 1907 г.). Троцкий много времени спустя вспоминал "вспышку злобы" в "желтых глазах" Сталина (*Л. Троцкий.* Сталин. Нью-Йорк, 1946, с. 244).

81. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 2–3.

82. Там же, с. 11–12.

83. Там же, с. 1.

84. *И.В. Сталин.* Соч., т. 6, с. 347.

85. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 163.

Глава 5. Две революции

1. "Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг.", 1918 (2-е изд.), № 1, ст. 1, 3.

2. Там же, ст. 5.

3. Там же, № 2, ст. 18.

4. С той же почти религиозной страстностью произносились слова "революция" и "революционный" во время Французской революции.

5. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 27.

6. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 3, ст. 49.

7. Там же, № 4, ст. 50.

8. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 2–5. К сожалению, единственная запись этой речи была сделана для короткого газетного отчета.

9. "История Советской Конституции в декретах и постановлениях Советского правительства, 1917-1936". М., 1936, с. 34.

10. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 15, ст. 215.

11. Поводом послужил ультиматум от 4 (17) декабря 1917 г. Украинской раде (см. главу 11, раздел "Западные окраины"); целью было четко указать на свое отличие от буржуазного правительства Украины. Сталин в речи на съезде Финляндской социал-демократической рабочей партии 14 (17) ноября 1917 г. упомянул "новое, социалистическое правительство" (*И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 2). Ленин в "Тезисах об Учредительном собрании" говорил о борьбе между Советским правительством и "буржуазным национализмом Украинской рады, Финляндского сейма и т.п." как одном из факторов, ускоряющих "новую группировку классовых сил" и последующий переход от буржуазной революции к социалистической (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 164).

12. Штейнберг, в то время левый эсер, народный комиссар юстиции, в своем отрывочном и не слишком достоверном произведении "Воспоминания народного комиссара" (*Steinberg.* Souvenirs d'un Commissaire du Peuple, 1917-18. Paris, 1930, p. 65–66) утверждает, что в первоначальном ленинском проекте Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа в первом предложении содержалось слово "социалистическая" перед словом "республика" и что оно было вычеркнуто по настоянию левых эсеров, которые полагали, что такой важный документ не должен "содержать преувеличений".

13. Ленин назвал это "дипломатическим прикрытием военных действий" ("Протоколы Центрального Комитета РСДРП...", с. 152).

14. "Протоколы Центрального Комитета РСДРП...", с. 148–156; *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 44–46. Как утверждает Троцкий, в тот же день Ленин, говоря на заседании Петроградского Совета о невозможности коалиции, заметил: "Троцкий это понял, и с того времени лучшего большевика не было". Материал, который представлен как стенографический протокол заседания, содержащий эти слова, опубликован в: *Л. Троцкий.* Сталинская школа фальсификации. Берлин, 1932, с. 116–124. По словам Троцкого (там же, с. 112–116), он был напечатан для включения в сборник "Первый легальный ПК большевиков", но в последний момент исключен по указанию Центрального Комитета. Троцкий воспроизводит в виде факсимиле отрывок из напечатанной корректуры с примечаниями на полях.

15. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 47–49, 70–71, 551; "Протоколы Центрального Комитета РСДРП...", с. 170–177.

16. По словам Троцкого (*Л. Троцкий.* О Ленине, с. 91–92), Ленин хотел отложить их, но Свердлов и другие настояли на их проведении. В 1920 г. Ленин сам оправдывал участие большевиков в этих выборах на том основании, что удалось "*доказать* отсталым массам, почему такие парламенты заслуживают разгона" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 44).

17. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", 2-е изд., № 1, ст. 8.

18. "Всероссийское Учредительное собрание". М.–Л., 1930, с. 165–169.

19. Цифры взяты из книги "Всероссийское Учредительное собрание" (с. 115). Протоколы никогда не были окончательно оформлены, и в других работах (например: *М.В. Вишняк.* Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932) приводятся другие цифры, однако разница несущественная.

20. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 100–101.

21. "Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполн. Комитета Советов Р.С.Кр. и Каз. Депутатов II созыва". М., 1918, с. 65.

22. Текст платформы, перепечатанный из газеты "Дело народа" от 26 октября (8 ноября) 1917 г., см. в: "Всероссийское Учредительное собрание", с. 165–168.

23. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 110–111. Эта мысль получила дальнейшее развитие в речи Ленина на съезде железнодорожников в январе 1918 г. сразу после роспуска Учредительного собрания (там же, с. 292–297). Здесь Ленин несколько тенденциозно объяснял результат "прежде всего" тем, что выборы проводились "по спискам, составленным еще до Октябрьской революции".

24. Там же, т. 40, с. 5.

25. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, с. 126.

26. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 4, ст. 64.

27. 29 ноября (12 декабря) 1917 г. состоялось обсуждение в Центральном Комитете, не давшее определенных результатов. В это время представлялось вероятным, что Учредительное собрание может разделиться на две группы; одна из них признаёт Советское правительство, другая будет враждебна к нему. Бухарин поднял вопрос о том, следует ли вообще созывать Собрание, и ответил на него утвердительно, поскольку "в широких массах еще живы конституционные иллюзии". Затем он предложил изгнать кадетов (о правых эсерах не упоминалось) и объявить левую часть Учредительного собрания "революционным конвентом", иначе говоря, осуществить переход от буржуазной революции к социалистической при помощи Учредительного собрания. Ленин, по-видимому, в этом не участвовал ("Протоколы Центрального Комитета РСДРП...", с. 180–184).

28. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 135–136.

29. Там же, с. 162–166.

30. "Известия", 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.).

31. "Всероссийское Учредительное собрание", с. 144–145.

32. "Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполн. Комитета Советов Р.С.Кр. и Каз.Депутатов II созыва", с. 176–177.

33. Там же, с. 179.

34. Существованию первого ВЦИКа был официально положен предел резолюцией второго ВЦИКа, принятой на его первом заседании 27 октября (9 ноября) 1917 г. ("Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполн. Комитета Советов Р.С.Кр. и Каз. Депутатов II созыва", с. 4). Тем не менее он продолжал заседать, и протоколы его заседаний с 6 (19) ноября 1917 г. по 11 (24) января 1918 г. опубликованы в "Красном архиве" (М., 1925, № 3 (10), с. 123–125). Большинство членов этого ВЦИКа составляли меньшевики и правые эсеры.

35. Протокол этого заседания отсутствует среди протоколов ВЦИКа 2-го созыва.

36. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 221–223.

37. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 14, ст. 202.

38. "Всероссийское Учредительное собрание", с. 4, 29, 35, 50–51.

39. Там же, с. 110. По-видимому, указание было получено непосредственно от Ленина (там же, с. 217).

40. *В.И. Ленин.* Полн собр. соч., т. 35, с. 238–242.

41. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 200–201.

42. "Правда", 6 (19) января 1918 г. Член Учредительного собрания эсер Соколов утверждал, что демонстрация была организована эсерами и что демонстранты были безоружными. Он также утверждал, что народ в Петрограде проявлял пассивность [Соколов пишет, что народ в Петрограде был настроен против большевиков, но "мы не сумели возглавить это противобольшевистское движение". Таким образом, слова Соколова, приводимые далее Карром, не точны. – *Ред.*]. "Мы не сумели повести их против большевистского движения" ("Архив русской революции". Берлин, 1924, т. XIII, с. 65–66).

43. *В.Б. Станкевич.* Воспоминания, 1914–1919. Берлин, 1920, с. 302. Это поразительно совпадает с оценкой Соколова в приведенном выше отчете.

44. "Третий Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов". Петербург, 1918, с. 3.

45. Там же, с. 5.

46. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 267,271.

47. "Третий Всероссийский Съезд Советов...", с. 35.

48. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 282–283.

49. Там же, т. 34, с. 198.

50. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 311–312. В марте 1919 г. Ленин определил срок перехода более точно: "...наша революция до организации комитетов бедноты, т.е. до лета и даже осени 1918 года, была в значительной мере революцией *буржуазной*" (там же, т. 38, с. 143–144).

51. Там же, т. 37, с. 311–312.

52. "История Советской Конституции в декретах...", с. 57–58.

Глава 6. Конституция РСФСР

1. *R.R. Palmer.* Twelve who Ruled. Princeton, 1941, p. 42.

2. Некоторые из этих проектов приведены в приложении к книге Гурвича (*Г.С. Гурвич.* История Советской конституции. М., 1923). Гурвич был членом комиссии по составлению проекта Конституции, и его книга – основной источник сведений по этому вопросу.

3. "Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва". М., 1920, с. 4, 72–73. Собственно говоря, комиссариата народного хозяйства не существовало. Бухарин представлял Высший совет народного хозяйства.

4. См. Приложение А "Ленинская теория государства".

5. Ленин однажды высказал мысль о том, что представителей должны выдвигать промышленные отрасли, где берет свое начало советская система (*A. Ransome.* Six Weeks in Russia in 1919. 1919, p. 80–81). Принцип "рабочего контроля" в промышленности, провозглашенный в первые месяцы Советской власти, также потенциально имел синдикалистскую основу.

6. *Г.С. Гурвич.* Цит. соч., с. 102–107.

7. "Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва", с. 70–72.

8. *Г.С. Гурвич.* Цит. соч., с. 142.

9. "Пятый Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов". М., 1918, с. 193.

10. *Г.С. Гурвич.* Цит. соч., с. 33, 146–147. Эти тезисы не включены в собрание сочинений Сталина.

11. Таким образом, логично было, что Конституция предоставила политические права российских граждан "иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству" (Ст. 20). Это положение взято из декрета ВЦИКа и первоначально относилось к германским и австро-венгерским военнопленным ("Протоколы заседаний ВЦИКа 4-го созыва", с. 62–66).

12. "Пятый Всероссийский съезд Советов...", с. 190.

13. Самые мелкие Советы являли собой образец "прямой демократии", то есть это были органы, состоящие из всех граждан (или, в случае фабричных Советов, из всех рабочих фабрики). Самые крупные состояли из представителей граждан или рабочих, которые их избирали, и первое время такие Советы иногда называли "Совдепами" (Советами депутатов), несколько отличая их таким образом от просто Советов. "Белые" называли в то время территорию Советской республики "Совдепией".

14. Поправка, принятая VII Всероссийским съездом Советов в декабре 1919 г., устанавливала, что уездные съезды Советов должны состоять из делегатов и городских и сельских Советов данного уезда ("Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях". М., 1939, с. 149).

15. Область была необязательной, не повсеместной ступенью в организации ("Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 99, ст. 1019).

16. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т 36, с. 203.

17. Там же, т. 35, с. 11.

18. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 12, ст. 179.

19. *В.И. Ленин.* Соч., 3-е изд., т. XXIII, с. 19.

20. *Г.С. Гурвич.* Цит. соч., с. 22–25.

21. Как указывает Гурвич (с. 76), "примерный и второстепенный характер этого перечня вполне сознавался его авторами". Перечисление было так сформулировано, что не требовало точного соответствия закону: центральным властям предоставлялось устанавливать общие принципы аграрной политики и образования, основы законодательной системы и основные положения трудового и гражданского законодательств. У западных комментаторов возникают трудности при попытке согласовать эти положения с системой полностью чуждых им идей. Это хорошо видно на примере английского исследования, посвященного местному управлению в Москве: "Общий принцип, который относится ко всем органам управления Советского Союза, заключается в том, что никаких особых ограничений их власти не существует. Нет ничего, что соответствовало бы английскому приципу ultra vires [за пределами сил, возможностей *(лат.)*. – *Ред.*], и чтобы предпринять какие-то действия, не требуется ссылки на законодательный акт или санкцию высшего органа. С другой стороны, каждый Совет или иной орган подлежит бесцеремонному контролю вышестоящих властей, ни в одной сфере нет полной автономии... Городской Совет имеет гораздо большую власть, чем любой английский муниципалитет, но в то же время у него по сравнению с любым из них нет полной автономии или возможности беспрепятственно действовать по собственному усмотрению" (*E.D. Simon, ets.* Moscow in the Making. London, 1937, p. 36).

22. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 31, ст. 408.

23. Об этом официально говорится в работе "Пять лет власти Советов" (М., 1922, с. 262). О текущей работе местных Советов и съездов Советов в первые годы революции информации мало. Лучший источник – это работа Владимирского (*М. Владимирский.* Советы, исполкомы и съезды Советов. М., 1920–1921, т. I, II), основанная на материалах народного комиссариата внутренних дел. Из нее видно, что губернские и уездные съезды Советов и их исполнительные комитеты заседали регулярно и функционировали в соответствии с Конституцией, хотя имелись некоторые нарушения, касавшиеся их состава и образа действий, но

областные и волостные съезды Советов (занимавшие соответственно высшую и низшую ступени) уже переставали практиковаться. Другими словами, практический опыт быстро облегчил громоздкую конституционную структуру, устранив лишние подпорки. О деятельности местных "сельских" Советов известно мало. По имеющимся сведениям, дополнительную информацию можно найти в более поздней работе – "Советы в эпоху военного коммунизма" (М., 1928), – которую достать не удалось.

24. "Советское право". М., 1924, № 3 (9), с. 29.

25. Резолюция Совета рабочей и крестьянской обороны цит. в: *R. Labry.* Une Législation Communiste, 1920, p. 22.

26. *H. Hintze.* Staatseinheit und Föderalismus un alten Frankreich und in der Revolution, 1928. В работе исследуется постоянное противоречие между понятиями "федерализм" и "единая и неделимая нация" на последовательных этапах Французской революции. Победа централизации произошла не потому, что ей отдавали предпочтение с идеологической точки зрения, а в связи с военной и экономической необходимостью. Напрашиваются интересные параллели с революцией в России.

27. *К. Маркс и Ф Энгельс.* Соч., т. 7, с. 265–266.

28. Там же, т. 22, с. 238.

29. Там же, т. 17, с. 343–344.

30. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 103–104.

31. Там же, т. 24, с. 143.

32. Там же, т. 48, с. 235.

33. Там же, т. 26, с. 108–109.

34. *И.В. Сталин.* Соч., т. 3, с. 27. Позднее Сталин изменил точку зрения на этот вопрос (там же, с. 28–31).

35. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 71–74.

36. См. выше в этой же главе.

37. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 66–73.

38. Там же, с. 79–80. Первоначальный проект Сталина см. в: *Г.С. Гурвич.* Цит. соч., с. 147–148.

39. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 79.

40. Там же, т. 1, с. 446.

41. *И.В. Сталин.* Соч., т. 7, с. 70.

42. Вот эти "сословия" (русское слово "сословие" неадекватно словам "каста", "класс" или "гильдия", хотя отчасти содержит в себе значения всех трех): 1) "аристократия" или "дворянство"; 2) духовенство; 3) купечество; 4) мещанство (лавочники, чиновники, ремесленники); 5) крестьянство, включая неквалифицированных работников в городах и на фабриках. Существование городского пролетариата как такового законом не предусматривалось.

43. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 3, ст. 31.

44. *Г.С. Гурвич.* Цит. соч., с. 46.

45. Там же, с. 47. Один из первых проектов предусматривал систему голосования куриями, при которой голоса рабочих и крестьян учитывались бы против голосов ремесленников, правительственных служащих, ученых, художников и специалистов, но это усовершенствование было отвергнуто при составлении окончательного варианта (там же, с. 161–162).

46. "Первый Всероссийский съезд Советов...", с. 23–24.

47. "Пятый Всероссийский съезд Советов...", с. 193.

48. Поскольку 51% населения составляли взрослые старше 20 лет, правильное соотношение "избирателей" и "жителей" должно было на первый взгляд составлять примерно один к двум. Такое соотношение устанавливалось для выборов в Учредительное собрание при определениии числа мест для гражданских избирательных округов на основе количества населения и для армии и флота на основе количества избирателей ("Проект положения о выборах в Учредительное собрание". Петроград, 1917, ч. 2, с. 33–36). Даже если учесть, что, как утверждал Стеклов, процент взрослых в городах был выше, чем в деревне, арифметически верное соотношение не могло быть ниже, чем два к пяти; в 1920 г. делегации британской лейбористской партии сказали, что оно составляет один к трем ("British Labour Delegation to Russia, 1920: Report". 1920, p. 128).

49. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 171–173.

50. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 78.

51. *К Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, с. 46.

52. Там же, т. 8, с. 205.

53. Там же, т. 17, с. 342.

54. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 304–305; т. 36, с. 72. Та же мысль высказывается в партийной Программе 1919 г., где отделение законодательной власти от исполнительной рассматривается как одна из "отрицательных сторон парламентаризма" ("КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 77).

55. Цит в: *Bunyan and Fisher.* The Bolshevik Revolution, 1917–1918. Stanford, 1934, p. 578.

56. Сначала это предложение было внесено Лацисом в апреле 1918 г. (*Г.С. Гурвич.* Цит. соч., с. 73), а затем повторено Осинским на VIII съезде партии в 1919 г. ("Восьмой съезд РКП(б)". М., 1959, с. 194).

57. Рейснер в уже упоминавшемся докладе заметил, что независимость судей в буржуазных государствах лишь делала их "более узкими и более нетерпимыми защитниками господствующего класса" (*Bunyan and Fisher.* Op., cit., p. 578).

58. На V Всероссийском съезде Советов Свердлов, говоря об отмене смертной казни декретом II Всероссийского съезда Советов, утверждал даже, что ВЦИК, будучи "между Съездами верховным органом или верховной властью", может не только отменять, но и не принимать во внимание декреты съезда ("Пятый Всероссийский съезд Советов...", с. 49).

59. *Г.С. Гурвич.* Цит. соч., с. 67.

60. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 1 (2-е изд.), ст. 12.

61. "Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполн. Комитета Р. С. Кр. и Каз. Депутатов II созыва...", с. 28–32; *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 56–59; *Л. Троцкий.* Соч., т. III, ч. 2, с. 106–108.

62. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 305.

63. *Г.С. Гурвич.* Цит. соч., с. 90–91; в книге Троцкого "О Ленине" (с. 113–114) также говорится об этом включении.

64. "Пятый Всероссийский съезд Советов...", с. 183–195.

Глава 7. Укрепление диктатуры

1. Происхождение термина неизвестно. В 1849 г. Маркс охарактеризовал *"революционный социализм"* Бланки как *"классовую диктатуру* пролетариата" (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, с. 91). В 1852 г. он сам использовал этот термин (см. Приложение А).

2. В Москве довольно серьезное сопротивление в течение недели в основном оказывали военные учебные заведения, готовившие молодых офицеров. В других местах почти повсюду переход власти к большевикам произошел мирно, хотя и задержался на несколько недель в отдаленных центрах.

3. *Джон Рид.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958, с. 99.

4. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 63–64.

5. *В.А. Антонов-Овсеенко.* Воспоминания гражданской войны. М., 1924, кн. 1, с. 178–179.

6. Это особенно касалось установления экономического контроля, которое будет рассматриваться в части IV. В другой сфере даже о проведении такой не вызывавшей сомнений меры, как отделение церкви от государства, не объявлялось, пока архиепископ Тихон не предал новый строй анафеме ("Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 18, ст. 263; *А.И. Введенский.* Церковь и государство. М., 1923, с. 114–116). Даже тогда, по словам Садуля, многие комиссары против этого возражали, боясь, что "к гражданской и мировой войнам может добавиться религиозная война" (*J. Sadoul.* Notes sur la Révolution Bolchevique, 1919, p. 222).

7. Из них наиболее известно убийство лежавших в больнице двух бывших министров-кадетов 7 (20) января 1918 г., которое подверглось резкому осуждению в официальной прессе (*Bunyan and Fisher.* Op. cit., p. 386–387). Печальную известность приобрели матросы из-за совершенных ими во время революции жестокостей. Именно матросы Черноморского флота, захватив в феврале 1918 г. Севастополь, устроили трехдневную резню среди местной буржуазии. Но есть также множество сведений о вышедших из повиновения военных частях. Не лучшей

репутацией пользовались всевозможные "белые" силы; особенно наводили страх своей жестокостью казаки, в том числе многие казачьи предводители.

8. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 1 (2-е изд.), ст. 4.

9. Любопытный очерк можно было бы написать об отношении русской революции к смертной казни. В России глубоко укоренилось предубеждение против вынесения судом смертных приговоров. Оно имело религиозное происхождение и подкреплялось учением западноевропейских писателей XVIII века, которое через Екатерину II и ее наследников оказало влияние на русскую политическую мысль. Правда, на политические институты России это редко влияло. К середине XIX века существовавшее предубеждение обычно обходили тем, что приговаривали к битью кнутом или, особенно в случае неповиновения солдат, прогоняли сквозь строй, что если не формально, так на деле означало смертную казнь. Когда в России в 60-е годы XIX века была создана система присяжных заседателей, то они особенно неохотно принимали решения, влекущие за собой смертный приговор. Русские террористические группы, вплоть до (и включая) эсеров, не видели непоследовательности в том, что, отстаивая убийство как политическое оружие, они в то же время осуждали смертную казнь как судебное установление.

Большевики вначале решительно отвергали эту традицию. Они были противниками политических убийств. Но на II съезде РСДРП в 1903 г. предложение включить в партийную Программу отмену смертной казни было отклонено значительным большинством голосов под возгласы: "А для Николая II?" ("Второй съезд РСДРП", с. 193–194). Однако с течением времени на многих русских социал-демократов оказал влияние тот же западный гуманизм XIX века, который воздействовал и на социал-демократические и рабочие партии Западной Европы. Второй Интернационал на своем конгрессе в Копенгагене в 1910 г. единогласно осудил смертную казнь. Февральская революция в России была проникнута западными либеральными и социал-демократическими идеями, и протест против смертной казни стал главным пунктом ее программы. С восстановлением смертной казни на фронте в сентябре 1917 г. связан знаменитый ответ Керенского своим критикам на Демократическом совещании. Он сказал, что осуждать его надо будет тогда, когда смертный приговор на деле приведут в исполнение. Советский уголовный кодекс 1922 г. устанавливал смертную казнь за контрреволюционные преступления, не называя ее так, а лишь упоминая о ней как о "высшей мере наказания".

10. *C. Vellay (ed).* Discours et Rapports de Robespierre, 1908, p. 197, 332. В 1920 г. Ленин говорил французскому коммунисту Фроссару, что французу нечего отвергать в Русской революции, которая своими методами и образом действий возвращает Французскую революцию ("Humanité", 10 Septembre 1920). Сравните это с высказыванием Джефферсона о терроре: "В борьбе, которая была необходима, погибли без соблюдения судебных формальностей многие виновные, а вместе с ними и некоторые невинные. Этих я, так же сильно, как и все, жалею; некоторых буду оплакивать до своего смертного часа. Но я скорблю о них так, как если бы они погибли в бою. Необходимо было использовать винтовки, машину не столь слепую, как пули и бомбы, но в определенной степени слепую" (*P.L. Ford (ed).* The writings of Thomas Jefferson. New York, v. VI, 1895, p. 153–154).

11. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 5, с. 494.

12. Там же, т. 6, с. 175.

13. Там же, т. 8, с. 120.

14. Взгляды Каутского – лучший пример этого направления мыслей во втором поколении германской социал-демократии. В работе Каутского "Терроризм и коммунизм" ("Terrorismus und Kommunismus: ein Beitrag zur Naturgeschichte der Revolution", 1919) содержалась резкая критика большевистского террора. Он цитировал отрывки из более поздних произведений Энгельса, но опустил более раннее высказывание, где Энгельс с удовлетворением отмечал: "В тот короткий период французской революции, когда, при господстве партии Горы, пролетариат стоял у государственного кормила, он проводил централизацию всеми средствами, с помощью картечи и гильотины" (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, с. 355).

15. "Bericht über den Gründungsparteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)", n. d. [1919], S. 52.

16. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 7.

17. Там же, т. 34, с. 174, 190–191.

18. *Л. Троцкий.* О Ленине, с. 101.

19. Рассказывают, что с 1918 г. возник следующий способ: "Будем спрашивать: ты за кого? За революцию или против? Если *против* – к стенке, если *за* – иди к нам и работай" (*В.В. Адоратский.* Воспоминания о Ленине. М., 1933, с. 66–67). После революции Ленин спрашивал на манер Генриха II: "Неужели у нас не найдется своего Фукье-Тенвиля, который привел бы в порядок расходившуюся контрреволюцию?" (*В. Бонч-Бруевич.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930, с. 197).

20. "Известия", 30 октября (12 ноября) 1917 г., цит. в: *Bunyan and Fisher.* Op. cit., p. 153.

21. *Л. Троцкий.* Соч., т. III, ч. 2, с. 202.

22. "Известия", 6 (19) декабря 1917 г.

23. "Протоколы заседаний ВЦИК II созыва", с. 24. Троцкий развил этот довод позднее в своей полемике с Каутским (*Л. Троцкий.* Терроризм и коммунизм. Петербург, 1920, с. 60–61).

24. Цит. в: *Bunyan and Fisher.* Op. cit., p. 362. Цитата взята из эсеровской газеты, речь не содержится в протоколах ВЦИКа, где она была произнесена, хотя упоминание о ней там имеется.

25. Борьба с этими злоупотреблениями была дополнительно вменена в обязаности Комитета приказом Совнаркома от 12 (25) ноября 1917 г. (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 89).

26. Эту деятельность описывает в своей статье Иоффе ("Коммунистический Интернационал", № 6, октябрь 1919 г., столбцы 777–782). Он и Урицкий входили в Комитет от ЦК партии. Отчет, приведенный в книге "История гражданской войны в СССР" ("History of the civil war in the USSR", Engl. transl., 1947, ii, p. 599–601), основывается на неопубликованных официальных источниках.

27. По-видимому, декрет был секретным и впервые был опубликован в "Правде" 18 декабря 1927 г. Цит. по: *Bunyan and Fisher.* Op. cit., p. 297–298.

28. *М.И. Лацис.* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921, с. 8.

29. "Известия", 15 (28) декабря 1917 г. Циркуляр цит. в: "Революция 1917 года", т. VI, с. 350. Строго говоря, местная комиссия носила название ЧК, а центральный орган – ВЧК (Всероссийская Чрезвычайная Комиссия), но сокращение ЧК обычно употреблялось для обозначения и центрального и местного органа.

30. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 12, ст. 170.

31. "Пролетарская революция", 1924, № 10 (33), с. 7–8.

32. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 203–205.

33. Там же, с. 311.

34. Там же, с. 36, с. 182, 270.

35. "Правда", 23 февраля 1918 г. Цит. в: *Bunyan and Fisher.* Op. cit., p. 576.

36. "Пролетарская революция", 1924, № 10 (33), с. 11. В 1920 г. заместитель председателя ВЧК сообщил британской лейбористской делегации, что в то время в составе ВЧК "по всей стране было 4500 сотрудников, которым помогали все члены партии, считавшие своим долгом информировать Комиссию о любых действиях, враждебных правительству" ("British Labour Delegation to Russia, 1920: Report". London, 1920, p. 55).

37. "Четвертый Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов". М., 1920, с. 56–57.

38. На менее актуальные заботы ВЧК летом 1918 г. проливает свет украинский анархист Махно, сам в прошлом политический заключенный: "Комиссия ЧК по расследованию дел бывших политических заключенных московской тюрьмы обратилась ко всем бывшим заключенным с просьбой дать любые сведения о жестоких надзирателях, которых затем арестовали по распоряжению ЧК и в тот момент они находились под следствием" (*Н. Махно.* Под ударами контрреволюции. Париж, 1936, с. 113–115).

39. Отчеты о действиях, предпринятых против анархистов см. в: *Bunyan and Fisher.* Op. cit., p. 582–586; *R.H. Bruce Lockhart.* Memoirs of a British Agent, 1932, p. 258–259, где переворот описывается как "первый шаг к установлению дисциплины"; и *J. Sadoul.* Op. cit., p. 275–276, где говорится, чо "анархистские массы" "вербовались из отбросов населения" и поощрялись "реакционерами". Судя по заявлению Дзержинского, опубликованному в "Известиях" 16 апреля 1918 г., не

более одного процента арестованных составляли "идейные анархисты". Официальный отчет об этом деле сделал во ВЦИКе представитель ВЧК, который сам был не большевиком, а левым эсером ("Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва", с. 153–156).

40. *С.А. Пионтковский.* Гражданская война в России, 1918–1921. М., 1925, с. 154–156.

41. Резолюцию см. в: "Новая жизнь", 10 июня 1918 г., с. 79–81. Майский, которого исключили из меньшевистского Центрального комитета за участие в так называемом "самарском правительстве", критически анализирует колебания меньшевиков в то время (*И. Майский.* Демократическая контрреволюция. М., 1923, с. 8–11).

42. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 44, ст. 536. Изданию декрета предшествовало долгое обсуждение во ВЦИКе ("Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва", с. 419–439).

43. Этот вопрос будет рассматриваться в части IV.

44. Свердлов в июле 1918 г. утверждал: "Смертные приговоры мы выносили десятками по всем городам: и в Петрограде, и в Москве, и в провинции" ("Пятый Всероссийский съезд Советов...", с. 49). Спор с левыми эсерами заставил его подчеркнуть, что это частое явление: вопреки обыкновению, не стоило его преуменьшать. Число 22 за первые шесть месяцев, о котором пишет Лацис (*М.И. Лацис.* Цит. соч., с. 9), по-видимому, относится только к центральной ЧК в Москве, иначе оно, конечно, слишком мало.

45. Дело Щасного см. в: *D.F. White.* The Growth of the Red Army. Princeton, 1944, p. 71–72. Пытался ли Щасный лишь "спасти" Балтийский флот от большевиков или отдать его немцам – вопрос не очень существенный. Достоверность сообщения о выдвинутых против него обвинениях, приведенного в книге Сиссона (*E. Sisson.* One Hundred Red Days. Yale, 1931, p. 437), сомнительна.

46. Свердлов отвергал формальный довод на основании того, что, во-первых, ВЦИК, исходя из своих полномочий, может отменить любую резолюцию съезда, и, во-вторых, съезд отменил смертную казнь на фронте, но не в других местах ("Пятый Всероссийский съезд Советов...", с. 49). Второй аргумент вызывал сомнение: II Всероссийский съезд Советов, безусловно, считал, что отменяет единственную еще существующую форму смертной казни.

47. Это долго доказывала Спиридонова на V Всероссийском съезде Советов ("Пятый Всероссийский съезд Советов...", с. 59–61).

48. "Известия", 23 июня 1918 г.

49. Меньшевики, хотя и не скомпрометированные поддержкой индивидуального террора, были тоже более глубоко возмущены единственным смертным приговором, вынесенным законно сформированным трибуналом, чем десятками казней, тайно совершаемых ЧК. Именно приговор Щасному был причиной появления злобного памфлета Мартова под названием "Долой смертную казнь": "Зверь лизнул горячей человеческой крови. Машина человекоубийства пущена в ход... Зачумленные, отверженные... палачи-людоеды". Когда меньшевистские власти в Тифлисе стреляли по толпе рабочих, Ленин гневно заметил: "Когда мы применяем расстрелы, они обращаются в толстовцев и льют крокодиловы слезы, крича о нашей жестокости. Они забыли, как вместе с Керенским гнали рабочих на бойню, спрятав в кармане тайные договоры" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 214).

50. "Пятый Всероссийский съезд Советов...", с. 163.

51. "Пролетарская революция", 1924, № 10 (33), с. 16. Протоколы заседания Центрального комитета левых эсеров от 24 июня 1918 г., на котором было принято решение "организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма", см. в: "Красная книга ВЧК". М., 1920, т. I, с. 129.

52. "Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР". М., 1924, с. 55–59. Вместе с тем Савинков отрицал, что заранее знал об убийстве Мирбаха, которое было совершено левыми эсерами.

53. "Красная книга ВЧК". М., 1920, т. I, с. 200–201; *I. Steinberg.* Spiridonova: Revolutionary terrorist, 1935, p. 216. Сама Спиридонова была освобождена несколько месяцев спустя, опять вела пропаганду против режима ("Правда", 19 декабря 1918 г.) и в конце концов была выслана в Ташкент.

54. "Пятый Всероссийский съезд Советов...", с. 209.

55. "Правда", 23 и 26 июля 1918 г.; цит. в *J. Bunyan.* Intervention, Civil War, and Communism in Russia. Baltimore, 1936, p. 194, 228.

56. "Еженедельник Чрезвычайных Комиссий". М., 1918, № 2, с. 30. Вышло всего шесть номеров этого уникального журнала.

57. Там же, № 1, с. 21–22.

58. Там же, с. 18–19.

59 *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 143–144.

60. "Пятый созыв ВЦИК Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов". М., 1919, с. 9.

61. Цит. по *К. Радек.* Портреты и памфлеты. М., 1933, кн. 1, с. 50.

62. Среди телеграмм протеста, адресованных ВЦИКу, была одна с Царицынского фронта за подписью Сталина и Ворошилова: "Военный совет Северо-Кавказского военного округа, узнав о злодейском покушении наймитов буржуазии на жизнь величайшего революционера в мире, испытанного вождя и учителя пролетариата товарища Ленина, отвечает на это низкое покушение из-за угла организацией открытого, массового систематического террора против буржуазии и ее агентов" (*И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 128).

63 *R.H. Bruce Lockhart.* Op. cit., p. 314–316. В книге содержится, в сущности, признание в соучастии. Если достоверна книга "Крупный британский шпион" (*R.H. Bruce Lockhart.* Britain's Master Spy: Sidney Reilly's Narrative written by Himself, 1933), то соучастие зашло очень далеко.

64. "Пятый созыв ВЦИК", с. 11.

65. "Известия", 3 и 7 сентября 1918 г. "Еженедельник Чрезвычайных Комиссий" (№ 6, с. 19) дает цифру 800 как общее число казненных в Петрограде во время террора

66. "Пролетарская революция", 1924, № 10 (33), с. 32.

67. "Еженедельник Чрезвычайных Комисий", № 4, с. 25.

68 *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 59–60.

69 *М.И. Лацис.* Цит. соч., с. 8–24.

70. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 1 (2-е изд.), ст. 7.

71. Именно эта газета распространила предполагаемый декрет "клуба анархистов" в Саратове, который объявлял всех женщин "государственной собственностью" (цит. по: *Bunyan.* Intervention..., p. 556). Это сообщение в различном, более или менее искаженном виде обошло всю иностранную прессу.

72 *Н. Махно.* Цит. соч., с. 92–107, 119, 135. О Махно см. главу 11. Со времени создания "Государства и революции" Ленин всегда проявлял определенную мягкость к анархистам. В августе 1919 г. он писал: "Очень многие рабочие анархисты становятся теперь искреннейшими сторонниками Советской власти", и объяснял их прежнюю враждебность тем, что Второй Интернационал изменил марксистским принципам (*В.И. Ленин.* Полн. сор. соч., т. 39, с. 160–162).

73. Сведения об этих бюрократических распрях см. в: *Bunyan and Fisher.* Op. cit., p. 580–581; *Bunyan.* Intervention..., p. 259–260. Конституционно ЧК была подотчетна только Совнаркому и ВЦИКу.

74. "Съезды Советов РСФСР в постановлениях...", с. 116–117.

75. Там же, с. 119. Чтобы это носило более официальный характер, резолюция в качестве декрета вошла в "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг." (№ 90, ст. 908).

76. Появившиеся в прессе "Тезисы и резолюция" кратко изложены в: *В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. XXIII, с. 567–569; см. также: *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 134–145. На протест против террора ответил Сталин в длинной статье в "Правде" (там же): "Как можно признавать "историческую необходимость" Октябрьского переворота, не признавая вытекающих из него неизбежных результатов и последствий?!"

77. *В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. XXIII, с. 571. Дата воззвания указана там как 26 сентября 1918 г., на самом же деле – 14 ноября 1918 г., как правильно указано в: там же, т. XXIV, с. 760.

78. Там же, с. 219, 224.

79. Там же, т. XXIV, с. 760.

80. Там же.

81. Там же. Заседание ВЦИКа, на котором была принята эта резолюция, описано в: *A. Ransome.* Six weeks in Russia in 1919. 1919, p. 108–112.

82. "Восьмой съезд РКП(б). Протоколы". М., 1959, с. 3.

83. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 136–137.

84. Манифест пробольшевистской группы появился в "Известиях" 3 мая 1919 г. (отрывки из него см. в: *В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. XXIV, с. 780). Эта группа вышла из состава партии, когда Совет партии в июне 1919 г. перешел к политике противодействия режиму (там же, с. 788–789).

85. *Ф. Дан.* Два года скитаний. Берлин, 1922.

86. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 243–244.

87. "7-й Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов", 1920, с. 20.

88. Там же, с. 60–63.

89. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 415–417.

90. *Y. Martov.* Geschichte der Russischen Sozial-Demokratie, 1926, S. 318. Декларацию группы меньшевиков в Московском Совете 6 марта 1920 г., среди прочего содержавшую обвинения в несправедливости выборов, см. в: *Г.К. Гинс.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921, т. II, с. 564–565.

91. *B. Russell.* The Practice and Theory of Bolshevism, 1920, p. 26.

92. *Ф. Дан.* Цит. соч., с. 11–13. Речь Чернова см. в: *V. Chernov.* Mes tribulations en Russie. Paris, 1921, p. 55–60. По мнению Дана, она была "не очень удачна", "чересчур литературная и отвлеченная". Краткий отчет о собрании с текстом речи члена Центрального комитета меньшевиков Кефали см. в: "British Labour Delegation to Russia, 1920: Report". London, 1920, p. 63–65. Согласно сведениям, которые потом были сообщены делегации, члены Совета профсоюза печатников были в следующем месяце арестованы (ibid., p. 71).

93. *Ф. Дан.* Цит. соч., с. 57–59.

94. Один делегат описывал, как он выступал в защиту "коммунистических раскольников" ("Восьмой Всероссийский съезд Советов". М., 1921, с. 226–228), – любопытный продукт политической неразберихи первых лет революции и той поддержки, которая в течение недолгого времени оказывалась религиозному инакомыслию как оружию в борьбе с ортодоксальной церковью.

95. Этот эпизод будет рассмотрен в части V.

96. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 224–245.

97. *Y. Martov.* Op. cit., p. 319. Автор (в этой части книги – Ф.Дан) цитирует слова Ленина немного неточно и ошибочно относит их к выступлению Ленина на съезде партии.

98. Основным источником, где приведен этот маленький эпизод, подтвержденный документально, служит статья Е. Кусковой, которая в числе представителей интеллигенции участвовала в переговорах ("Воля России". Прага, 1928, № 3, с. 56).

99. "Известия", 23 июля 1921 г.

100. Сообщение о его роспуске и краткое объяснение причин опубликовала газета "Известия" 30 августа 1921 г.

101. Наиболее длинный связный рассказ об этом эпизоде содержится в статье члена Комитета Е. Кусковой ("Воля России". Прага, 1928, №№ 3, 4, 5). Доводы большевиков, направленные против Комитета, приведены в "Известиях Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)" (№ 34, 15 ноября 1921 г., с. 2).

102. См. главу 8.

103. "Собрание узаконений... за 1922 г.", № 4, ст. 42; IX Всероссийский съезд Советов". М., 1922, с. 254.

104. "Собрание узаконений... за 1922 г.", № 16, ст. 160.

105. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 101–102.

106. Отчет об этой встрече будет приведен в части V.

107. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 140–144.

108. *E. Vandervelde et A. Wanters.* Le procés des Socialistes-Revolutionnaires à Moscou. Brussels, 1922, p. 133–134.

109. "Процесс П. С.-Р.: речи государственных обвинителей". М., 1922, с. 243–244.

Глава 8. Власть партии

1. См. главу 2.

2. *R. Michels.* Zur Soziologie des Parteiwesens. 1925, 2nd ed., S. 504. И далее: "С расширением официального аппарата, то есть по мере роста числа членов организации, наполнения ее сундуков и разрастания прессы, демократия в нем все чаще отвергается и заменяется всемогущими комитетами" (ibid., p. 98). Обвинение в "византизме" – излюбленный язвительный упрек критиков большевиков – предъявлялось Социал-демократической партии Германии еще в 1908 г. (ibid., p. 148).

3. В резолюции X съезда партии указывалось, что причиной роста фракционности является "вступление в ряды партии элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое миросозерцание" ("КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 337). В ленинском первоначальном проекте этой резолюции особо упоминались "бывшие меньшевики" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 93–94).

4. Точно так же в дискуссии о профсоюзах 1920–1921 гг. ошибка Троцкого заключалась не в том, что он выдвинул непригодные предложения, а в том, что, когда эти предложения были отвергнуты большинством Центрального Комитета, он отказался участвовать в комиссии по выработке решения (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 235–236).

5. См. главу 5. В ультиматуме, предъявленном Центральным Комитетом 6 (19) ноября 1917 г. Каменеву, Зиновьеву, Рязанову и Ларину, от них потребовали "либо немедленно в письменной форме дать обязательство подчиняться решениям ЦК и во всех Ваших выступлениях проводить его политику, либо отстраниться от всякой публичной партийной деятельности и покинуть все ответственные посты в рабочем движении, впредь до партийного съезда" ("Протоколы Центрального Комитета РСДРП", с. 170). Зиновьев подчинился и сообщил об этом в письме, остальные трое упорствовали и были исключены из состава Центрального Комитета (там же, с. 175–177). Рыков, Милютин и Ногин также ушли из Центрального Комитета и со своих постов в Совнаркоме.

6. "Протоколы Центрального Комитета...", с. 249–250.

7. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 14.

8. Во время острой партийной дискуссии в декабре 1923 г. Зиновьев утверждал, что левые эсеры предлагали в то время арестовать Ленина и других членов Совнаркома, что этот план серьезно рассматривался "левыми коммунистами" и что Пятаков должен был стать преемником Ленина ("Правда", 16 декабря 1923 г.). Сталин тоже упоминал об этом заявлении (там же, 15 декабря 1923 г.). Группа бывших "левых коммунистов", включавшая Пятакова и Радека, ответила, что единственным основанием для этих сообщений были несколько шутливых реплик (там же, 3 января 1924 г.). В 1937 г. Бухарин в связи с этим случаем был обвинен в организации заговора против Ленина.

9. Среди других участников выпуска журнала, указанных на первой странице, были Бубнов, Косиор, Куйбышев, Покровский, Преображенский, Пятаков, Сафаров, Урицкий, Уншлихт и Ярославский.

10. Как сообщал "Коммунист" (№ 1, 20 апреля 1918 г., с. 13), Ленин по этому случаю прочитал ряд контртезисов и обещал их опубликовать, но не опубликовал. Тезисы группы см. в: *В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. XXII, с. 561–571; "Коммунист", № 1, 20 апреля 1918 г., с. 4–9. Содержание их будет рассмотрено в части IV.

11. Характерно для того периода, что в разгар этого явно острого спора Бухарин появился в качестве главного представителя Центрального Комитета партии на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, а Радек сделал на съезде доклад об "экономических последствиях Брестского договора" ("Труды 1-го Всероссийского съезда Советов Народного Хозяйства". М., 1918, с. 7, 14–23). Подобная гибкость объяснялась отчасти чрезвычайной нехваткой в партии квалифицированных кадров, а отчасти – устойчивой традицией, согласно которой, как бы ни спорили члены партии между собой, в непартийных организациях они выражали только общее мнение партии. По этому случаю Рязанов язвительно заметил о Радеке, что "ему пришлось полемизировать с самим собой" и "проделывать то, что... называется "парламентским Эйер-Танцем" (там же, с. 34).

12. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 95.

13. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 27–28.

14. Термин (о нем см. главу 2) был введен в Устав партии V съездом в 1907 г. ("КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 263). Точное определение было впервые включено в Устав партии в 1934 г. (там же, т. 6, с. 137) в следующей формулировке:

"а) выборность всех руководящих органов партии сверху донизу;

б) периодическая отчетность партийных органов перед своими партийными организациями;

в) строгая партийная дисциплина и подчинение меньшинства большинству;

г) безусловная обязательность решений высших органов для низших и для всех членов партии".

15. В важной резолюции, принятой X съездом, перечислялись функции ячеек ("КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 330–332).

16. В 1920 г., рассказав о том, как партия руководит через советский аппарат, Ленин продолжал: "Таков общий механизм пролетарской государственной власти, рассмотренный "сверху", с точки зрения практики осуществления диктатуры. Читатель поймет, можно надеяться, почему русскому большевику, знакомому с этим механизмом и наблюдавшему, как вырастал этот механизм из маленьких, нелегальных, подпольных кружков в течение 25 лет, все разговоры о том, "сверху" *или* "снизу", диктатура вождей *или* диктатура массы и т.п., не могут не казаться смешным ребяческим вздором, чем-то вроде спора о том, полезнее ли человеку левая нога или правая рука" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 32). Несколько месяцев спустя Центральный Комитет издал циркулярное письмо о "жгучем вопросе" "верхов" и "низов" партии. Острота вопроса объяснялась в нем отчасти тем, что недавно в партию влилось много молодых и неопытных кадров, а отчасти "действительно неправильными и часто совершенно нетерпимыми приемами работы, которые практикуют некоторые ответственные работники" ("Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)", № 21, 4 сентября 1920 г., с. 1–3).

17. "Двенадцатый съезд РКП (большевиков). Стенографический отчет". М., 1968, с. 227.

18. "Восьмой съезд РКП(б). Протоколы". М., 1959, с. 164.

19. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 105.

20. Там же, т. 2, с. 104. До этого времени Секретариат был вполне сложившимся органом, которым заведовал Свердлов (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 146–147).

21. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 267.

22. "Известия Центрального Комитета...", № 29, 7 марта 1921 г., с. 4–6. Перепечатано в: "Рабочая оппозиция: материалы и документы". М., 1926, с. 21–22.

23. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 302–303.

24. "Известия Центрального Комитета...", № 26, 20 декабря 1920 г., с. 2.

25. Там же, № 25, 11 ноября 1920 г., с. 1.

26. Эту брошюру теперь уже нелегко достать, но она широко цитируется в: "Рабочая оппозиция: материалы и документы". М., 1926; "Платформа Шляпникова и Медведева". М., 1927. См. также: *В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. XXVI, с. 632—634; т. XXVII, с. 494–496. Есть она и в английском переводе: "The Workers' Opposition in Russia" (n.d.). Обобщение партийных разногласий, которое Р. Михельс дал еще до 1910 г., вполне подходит и к "рабочей оппозиции": "Лозунг большинства – "централизация", лозунг меньшинства – "автономия". Чтобы достигнуть своей цели, меньшинство вынуждено вести борьбу, которая иногда принимает форму борьбы за свободу, и даже используется терминология героев свободы, идущих на бой с тиранией тиранов" (*R. Michels.* Zur Soziologie des Parteiwesens. 2nd ed., 1925, S. 228).

27. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 234–244.

28. Там же, т. 43, с. 4–5, 43.

29. В партийной терминологии, вероятно, впервые появилось это знаменитое слово. Ленин следующим образом объяснил его на съезде: "Уклон не есть еще готовое течение. Уклон это есть то, что можно поправить. Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно. Это, на мой взгляд, и выражается русским словом "уклон"" (там же, с. 101).

30. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 337–340.

31. Там же, с. 340.

32. Слово "фракционность" стало часто употребляться в партийной терминологии в следующие несколько лет. В резолюции оно определялось как "возникновение групп с особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину". Таким образом, "группы" сами по себе не были незаконными, "фракции" – были.

33. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 334–337. Резолюцию, в той формулировке, в какой она была представлена съезду Лениным, см. в: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 89–92. Съезд внес лишь небольшие изменения в проект резолюции. "Пункт 7" остался в той формулировке, в какой он был первоначально составлен, по-видимому, самим Лениным.

34. В январе 1924 г., за несколько дней до смерти Ленина, партийная конференция решила по предложению Сталина поручить ЦК опубликовать секретный "пункт 7" резолюции ("КПСС в резолюциях...", т. 3, с. 159).

35. В соответствующем параграфе Устава говорилось: "Постановления партийных центров должны исполняться быстро и точно. Вместе с тем внутри партии обсуждение всех спорных вопросов партийной жизни вполне свободно до тех пор, пока решение не принято". В Уставе перечислялись в восходящем порядке наказания за неподчинение решениям высших партийных органов: "партийное порицание, публичное порицание, временное отстранение от всякой партийной и советской работы, исключение из партии и исключение из партии с сообщением о проступке административным и судебным властям". В то время не стоял вопрос о том, чтобы призвать инакомыслящего отречься от своих взглядов или признать себя неправым; требовалось лишь согласие в делах.

36. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 324–325, 329.

37. Там же, с. 340-341. Нарушения, против которых была направлена деятельность контрольных комиссий, были названы в резолюции: "бюрократизм, карьеризм, злоупотребления членов партии своим партийным и советским положением, нарушение товарищеских отношений внутри партии, распространение неосновательных и непроверенных, позорящих партию или отдельных членов ее слухов и инсинуаций и других подобных сведений, нарушающих единство и авторитет партии".

38. Это выявляют замечания представителей партийного руководства на съезде ("Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет". М., 1963, с. 28, 46).

39. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 104.

40. Там же, с. 332; "Десятый съезд РКП(б)...", с. 618. Центральный Комитет, избранный VI съездом партии в августе 1917 г., состоял из 21 члена и 8 кандидатов (12 из которых – 11 членов ЦК и один кандидат – присутствовали на знаменитом заседании 10 октября, принявшем решение о вооруженном восстании). VII съезд в марте 1918 г. сократил число членов ЦК до 15 при 8 кандидатах. Затем это число постоянно возрастало, и в резолюции XII съезда в 1923 г. установилось число членов ЦК в количестве 40 человек, а число кандидатов – 15–20 ("КПСС в резолюциях...", т. 3, с. 94). Позднее эта цифра опять возросла.

41. Вот список избранных с числом поданных за них голосов: Ленин – 479, Радек – 475, Томский – 472, Калинин – 470, Рудзутак – 467, Сталин – 458, Рыков – 458, Комаров – 457, Молотов – 453, Троцкий – 452, Михайлов – 449, Бухарин – 447, Ярославский – 444, Дзержинский – 438, Орджоникидзе – 438, Петровский – 436, Раковский – 430, Зиновьев – 423, Фрунзе – 407, Каменев – 406, Ворошилов – 383, Кутузов – 380, Шляпников – 354, Тунтул – 351, Артем – 283. Высокое место в списке, которое заняли Томский и Рудзутак, объяснялось значением вопроса о профсоюзах на съезде ("Десятый съезд РКП(б)...", с. 402).

42. "Десятый съезд РКП(б)...", с. 293.

43. "Известия Центрального Комитета...", № 29, 7 марта 1921 г., с. 7. О размещении 602 сотрудников Секретариата см.: там же, № 28, 5 марта 1921 г., с. 23.

44. Традиционный перевод этого слова звучит немного сильней, чем истинно русское слово "чистка", означающее дезинфекцию или очищение.

45. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 290.

46. Эти цифры взяты из официальных данных статистического отдела Центрального Комитета (*А.С. Бубнов.* ВКП(б). М.–Л., 1931, с. 612). Цифры, которые объявлялись на партийных съездах, были почти всегда значительно более высокими (например, общее количество – 730 тыс. человек, как было объявлено на X съезде в марте 1921 г.), но они, вероятно, не смогли бы сохраниться при

внимательной проверке их партийными статистиками. Ни одна из этих ранних цифр не может считаться достаточно точной.

47. "Восьмой съезд РКП(б). Протоколы", с. 169.
48. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 108.
49. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 361.
50. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 327–328.
51. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 123.
52. "Одиннадцатый съезд РКП(б). Март–апрель 1922 года. Стенографический отчет". М., 1961, с. 739–742; *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 522.
53. Отчет о чистке см.: "Одиннадцатый съезд...", с. 371–379. Результаты по Туркестану и двум губерниям РСФСР не прибыли вовремя и не были включены, поэтому цифры, приведенный в отчете, меньше, чем данные партийной статистики того времени.
54. *А.С. Бубнов.* ВКП(б), с. 557.
55. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 78–83. Историю дела Мясникова см. там же, с. 539–540, прим. 45.
56. Там же, т. 45, с. 526–527, прим. 78. Из 27 человек, присутствовавших на заседании ЦК, 17 голосовали за исключение – до необходимых двух третей не хватило одного голоса.
57. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 475.
58. *В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т.XXVII , с. 536–537.
59. "Рабочая оппозиция...", с. 59–60.
60. "Коммунистический Интернационал в документах". М., 1933, с. 275–276.
61. "Одиннадцатый съезд РКП(б)...", с. 177.
62. Там же, с. 168.
63. *В.И. Ленин.* Пол. собр. соч., т. 45, с. 88–89.
64. "Одиннадцатый съезд РКП(б)...", с. 102.
65. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 120.
66. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 507.
67. Там же, с. 517.
68. "Двенадцатый съезд РКП (большевиков). 17–25 апреля 1925 года. Стенографический отчет". М., 1968, с. 243–244.
69. "Одиннадцатый съезд РКП(б)...", с. 85.

Глава 9. Партия и государство

1. Только в 1921 г. IX Всероссийский съезд Советов формально утвердил ежегодный созыв Всероссийского съезда, а также губернских, уездных и районных съездов.
2. "Пятый Всероссийский съезд Советов", с. 81–82.
3. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 107.
4. "Съезды Советов РСФСР...", с. 176.
5. Там же, с. 219.
6. Там же, с. 148.
7. Там же, с. 176.
8. По свидетельству Г. Вернадского (*G. Vernadsky.* A History of Russia. New and Revised Ed., New York, 1944, p. 319), за период с 1917 по 1921 г. Совнарком издал 1615 декретов, а ВЦИК – лишь 375.
9. Он был создан декретом от 30 ноября 1918 г. как Совет Рабочей и Крестьянской Обороны ("Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 91–92, ст. 924) и был переименован в Совет Труда и Обороны в апреле 1920 г., когда занялся также мобилизацией рабочей силы на гражданские работы (*В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т.XXVI, с. 619–620, прим. 23).
10. Первое официальное упоминание об этом органе появилось, по-видимому, в декрете от 6 октября 1921 г. ("Собрание узаконений... за 1921 г.", № 68, ст. 532).
11. "Восьмой съезд РКП(б)...", с. 203, 314–317; для сравнения см. главу 6.
12. "Собрание узаконений... за 1919 г.", № 53, ст. 508.
13. "Собрание узаконений... за 1920 г.", № 1–2, ст. 5; № 11, ст. 68; № 20, ст. 108; № 26, ст. 131.
14. "Девятый съезд РКП(б)". М., 1960, с. 51.

15. "Съезды Советов РСФСР...", с. 177. По имеющимся сведениям, в следующем году было несколько случаев "рассмотрения Верховным трибуналом дел о привлечении к ответственности местных продовольственных отделов, экономических советов, отделов здравоохранения и т.д. за самовольное невыполнение, тем или иным образом, решений центральной власти (*A. Rothstein.* The Soviet Constitution, 1923, p. 86–87). Это говорит о том, что приостановка исполнения, по-видимому, не поощрялась.

16. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 197–201, 550–551.

17. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 107–108. Зиновьев в дискуссии перед принятием резолюции охарактеризовал положение еще более резко: "Основные вопросы политики, международные и внутренние, должны решаться ЦК нашей партии, т.е. партией коммунистов, которая потом проводит через советские органы эти свои решения. Проводит, конечно, умело, тактично, не так, чтобы наступать на ноги Совнаркому и другим учреждениям" ("Восьмой съезд...", с. 289). Зиновьев не занимал правительственных должностей, кроме поста председателя Петроградского Совета.

18. Первоначально Совнарком был полностью большевистским. В ноябре 1917 г. в него вошли три левых эсера, но они вышли в отставку после ратификации Брест-Литовского договора IVВсероссийским съездом Советов в марте 1918 г.

19. "2-ой конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет". Петроград, 1921, с. 87.

20. Специалист, выполнявший работы для Советского правительства в этот период, оставил следующее свидетельство: "Известные мне два высших правительственных органа – Совет Народных Комиссаров и Совет Труда и Обороны – обсуждали практические способы осуществления тех мер, которые были уже определены тайным святилищем партии – Политбюро" (*S. Liberman.* Building Lenin's Russia. Chicago, 1945, p. 13).

21. В качестве примера можно привести следующий пункт резолюции VIIIсъезда партии: "Функции Президиума ВЦИК не разработаны в Советской конституции. На ближайшем съезде Советов необходимо, на основе всего практического опыта, точно формулировать права и обязанности Президиума ВЦИК и разграничить круг его функций с кругом функций *Совнаркомд*" ("КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 107). Теоретически такие резолюции являлись директивами для партийной фракции на съезде, практически они были обязательными для самого съезда.

22. Пример можно найти в резолюции Хсъезда партии, состоявшегося в 1921 г. ("КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 371).

23. На XIIсъезде партии в 1923 г. Зиновьев объяснял, что председатели исполнительных комитетов губернских Советов назначаются Центральным Комитетом партии и что если изменить этот порядок, то "в этот момент у нас все вверх дном пойдет" ("Двенадцатый съезд РКП (большевиков)...", с. 228).

24. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 108.

25. Там же, с. 103.

26. Там же, с. 261.

27. "Девятый съезд РКП(б). Март–апрель 1920 года. Протоколы". М., 1960, с. 308.

28. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 208–209. Повсюду левые партии особенно настаивали на том, чтобы их делегаты на представительных съездах голосовали в соответствии не с личными убеждениями, а с партийными решениями. В социал-демократической партии в германском рейхстаге сурово насаждалась фракционность. Известное решение 4 августа 1914 г. о поддержке военных кредитов было принято единогласно, хотя на предшествовавшем этому обсуждении внутри фракции 78 человек голосовали за поддержку, а 14 – против. Гаазе, зачитавший в рейхстаге заявление партии, был одним из тех, кто на заседании фракции голосовал против поддержки военных кредитов.

29. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 108.

30. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 114.

31. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 481.

32. Там же, т. 3, с. 55.

33. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 15.

34. Там же, т. 45, с. 398–399. Три месяца спустя, при обсуждении вопроса о Грузии на XII съезде партии, Енукидзе сделал несколько многозначительных замечаний: "Мне, товарищи, хорошо известны взаимоотношения между центральными советскими органами и центральным партийным органом РСФСР, и прямо скажу, что ни одно советское учреждение на территории РСФСР не пользуется такой свободой действий, как грузинский Совнарком или грузинский ЦИК в Грузии. Там целый ряд важнейших вопросов республиканского значения проводится без всякого ведома и ЦК Грузии, и Закрайкома, чего в центре у нас не делается и не должно делаться, пока у нас партия руководит всей политикой" ("Двенадцатый съезд РКП (большевиков)...", с. 587).

35. В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, с. 187–188.

36. "Собрание узаконений... за 1921 г.", № 35, ст. 186. Это, возможно, первый случай возложения обязанности на партию в официальном декрете.

37. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 6, ст. 91–92; № 30, ст. 393.

38. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 107.

39. "Восьмой съезд РКП(б)...", с. 291.

40. Там же, с. 208.

41. "Собрание узаконений... за 1919 г.", № 12, ст. 122.

42. "Восьмой съезд РКП(б)...", с. 224.

43. См. главу 8.

44. "Собрание узаконений... за 1920 г.", № 16, ст. 95. В основу декрета легло предложение, первоначально выдвинутое московским делегатом на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г. ("Седьмой Всероссийский съезд Советов". М., 1920, с. 211).

45. "Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов". М., 1921, т. I, с. 118.

46. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 368.

47. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 34.

48. Там же, т. 44, с. 127–132, 548. Письмо Сталина не включено в собрание его сочинений, по-видимому, потому, что 25 лет спустя ему больше не подобало расходиться с Лениным даже по второстепенному вопросу.

49. См. главу 8; *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 122.

50. Первоначальное предложение Ленина см.: *В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. XXVII, с. 287, 289; письмо Троцкого см.: *В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. XXVII, с. 542–543. Замечание Ленина по поводу критики Троцкого – это один из тех немногих документов в собрании сочинений, из которых опубликованы, без какого-либо объяснения, только отрывки и не в хронологическом порядке (*В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. XXVII, с. 157). Ленин упоминает число служащих тогдашнего Рабкрина – 12 тыс. человек.

51. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 393–394.

52. "КПСС в резолюциях...", т. 3, с. 95. Этим решениям предшествовала длинная резолюция "О задачах РКИ и ЦКК" (там же, с. 89–94).

53. "Собрание узаконений... за 1923 г.", № 109–110, ст. 1042.

54. См. главу 8.

55. *И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 210–213.

56. Первый отчет Учраспреда см. в: "Известия Центрального Комитета...", № 22, 18 сентября 1920 г., с. 12–15. Краткий перечень его функций см.: Там же, № 23, 23 сентября 1920 г., с. 1.

57. Там же, № 28, 5 марта 1921 г., с. 13.

58. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 203–204. Неуклюжесть стиля, редко встречающаяся в сочинениях Ленина, выдает запутанность самой ситуации: глагол "осуществлять" трижды встречается в четырех строчках.

59. Там же, т. 39, с. 134.

60. Там же, с. 157–158.

61. Там же, т. 41, с. 24–25.

62. "Двенадцатый съезд РКП(б)...", с. 47, 227–228.

63. "КПСС в резолюциях...", т. 3, с. 53.

64. Троцкий писал (*Л. Троцкий.* Сталин, с. 367), что сразу после XII съезда Зиновьев начал придумывать, как уменьшить значение Секретариата в партийном аппарате.

65. *И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 198–205. Почти три года спустя Сталин развил эту идею в несколько иной форме: теперь было пять "приводов", или "рычагов",

через которые действует диктатура пролетариата – профсоюзы, Советы, кооперативы, союз молодежи и партия (там же, т. 8, с. 32–35).

66. Там же, т. 6, с. 258.

Приложение А. Ленинская теория государства

1. *W. Godwin.* Enquiry Concerning Political Justice, 1793, p. 380.
2. "Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz". Zürich, 1843, p. 88.
3. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, с. 142.
4. Там же, т. 3, с. 62–63.
5. Там же, с. 75.
6. Там же, т. 4, с. 184.
7. Там же, т. 28, с. 247. Эти слова встречаются в личном письме Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. Маркс не повторял их до тех пор, пока свыше 20 лет спустя он не написал в "Критике Готской программы" в 1875 г., что в период перехода от капитализма к коммунизму государство будет "ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*" (там же, т. 19, с. 27). "Критика Готской программы" была известна в партийных кругах, но при жизни Маркса не публиковалась.
8. Там же, т. 17, с. 344.
9. Там же, т. 22, с. 201.
10. Там же, т. 20, с. 292. Различие между "управлением лицами" и "управлением вещами" давно было присуще социалистическому учению. Оно приобрело известность благодаря Сен-Симону, который писал, что человеческому обществу "суждено перейти от государственного или военного режима к *административному* или *промышленному* режиму, после того как оно достигнет достаточных успехов в позитивных науках и промышленности" ("Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin", 1875, XXXVII, p. 87). В этих словах уже подразумевался анархизм. В другом месте Сен-Симон писал: "Человек может оказывать полезное воздействие только на вещи. Воздействие человека на человека всегда вредно для человеческого рода" (ibid., 1869, XX, p. 192).
11. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 173. Один современный автор сравнивает мнение Маркса о государстве с мнением Св. Августина: "Государство становится выражением безнравственного принципа, эгоистических классовых интересов... Государство – это civitas diaboli [дьявольское государство *(лат.)*. – *Ред.*] – поэтому следует побороть, оно должно "отмереть" и уступить место "обществу" без классов и без государства – civitas dei [божье государство *(лат.)*. – *Ред.*]". Между взглядами Св. Августина и взглядами Маркса действительно разница лишь в том, что первый осторожно отодвигает свой идеал в мир иной, а второй сталкивает его в этот мир в соответствии с законом развития, выражающим причинную обусловленность (*H. Kelsen.* Sozialismus und Staat, 2nd ed., 1923, S. 32–33). В этой "разнице" – суть марксистской философии, то есть создание идеала из реальности, sollen из sein [того, что должно быть, из того, что существует. – *Ред.*], с помощью причинных связей.
12. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, с. 341.
13. Там же, т. 21, с. 170.
14. Там же, т. 22, с. 200.
15. *Bakunin.* Oeuvres, 1907, v. 2, p. 39.
16. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, с. 305; *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 62.
17. *G. Sorel.* Matériaux d'une Théorie du Prolétariat, 1919, p. 132.
18. *G. Sorel.* Reflections on Violence, Engl. transl., 1916, p. 190.
19. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 43. Русские коммунисты более позднего времени не вполне обладали иммунитетом против соблазна, которому поддались христиане и германские социал-демократы.
20. Там же, т. 31, с. 39.
21. Там же, с. 163.
22. Ленин объяснял то, что анархизм пользовался "ничтожным влиянием" в тогдашней России, отчасти борьбой большевиков против него, а отчасти тем, что анархизм в России имел достаточную возможность в 70-е годы XIX века продемонстрировать свою неверность и непригодность (там же, т. 41, с. 15).

23. Там же, т. 33, с. 56.
24. Там же, с. 20, 102.
25. Там же, с. 59.
26. Там же, с. 35.
27. Там же, т. 36, с. 205; т. 38, с. 325.
28. Там же, т. 41, с. 40.
29. Там же, т. 33, с. 24, 29.
30. Там же, с. 35.
31. Там же, с. 42–43.
32. Там же, с. 65, 89.
33. Там же, с. 95. В знаменитой фразе, которую Ленин повторял не раз, государство названо "машиной или дубиной", "особой *дубинкой*, rien de plus", которую правящий класс использует для подавления других классов (там же, т. 39, с. 84, 262).
34. Таким образом, диктатура пролетариата отличалась от всех форм диктатуры, основанных на идее высшей и привилегированной элиты; даже "диктатура партии" – хотя это словосочетание и было однажды употреблено Лениным – впоследствии осуждалась как еретическая (см. главу 9).
35. Там же, т. 33, с. 90–91.
36. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 170.
37. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 12.
38. Там же, т. 2, с. 455.
39. Там же, т. 33, с. 29.
40. Там же, с. 115.
41. Там же, т. 31, с. 115.
42. Там же, т. 33, с. 116. Едва ли нужно напоминать, что Руссо в "Общественном договоре" рассматривал прямую демократию как единственно подлинную демократию ("В тот момент, когда народ отдает себя в руки своих представителей, он перестает быть свободным"). Эта мысль была знакома многим социалистам XIX века, например Виктору Консидерану: "Если народ передает свою верховную власть своим уполномоченным, то он ее лишается. Сам народ больше собой не управляет – им управляют" (*V. Considérant.* La Solution, ou le Gouvernement Direct du People, p. 13). Принцип отзыва депутатов избирателями в любой момент как способ смягчения зла от представительного правительства восходит по крайней мере к Бабёфу и нашел отражение в Статье 78 Конституции РСФСР.
43. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 202.
44. Там же, т. 35, с. 66.
45. Там же, т. 34, с. 307–308.
46. Там же, т. 33, с. 102. Представление о простоте управления экономикой имеет долгую историю, восходя к натурализму XVIII столетия. Морелли (*Morelly.* La Code de la Nature. Ed. E. Dolleans, 1910, p. 39) говорит о ней как о "простой операции подсчета и сочетания и, следовательно, прекрасно подчиняющейся порядку"; Буонаротти (*Buonarotti.* Conspiration pour l'Egalité, dite de Babeuf. 1828, I, p. 214) – как о "деле подсчета, подчиняющемся самому точному порядку и самому закономерному развитию". Значение роли банков было излюбленной идеей Сен-Симона. Вопрос о влиянии экономики на советскую политику будет рассматриваться в части IV.
47. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 197.
48. Там же, т. 36, с. 264.
49. Там же, с. 65–66.
50. Там же, т. 39, с. 271, 279.
51. *В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. XXIV, с. 507, 513.
52. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 48–49.
53. Там же, т. 34, с. 11.
54. Там же, т. 42, с. 253.
55. Там же, т. 45, с. 290.
56. Там же, т. 36, с. 203–204.
57. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 79.

Глава 10. Политика. Теория. Аппарат

1. Полный список вместе с численностью каждой группы, согласно переписи 1926 г., см. в: *F. Lorimer.* The population of the Soviet Union. Leaque of Nations. Geneva, 1946, Table 23, p. 55–61.

2. Эти цифры приводил Сталин в 1921 г. (*И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 114). Они вполне подтвердились данными переписи 1926 г., когда общее количество населения достигло 147 млн.

3. *В.Б. Станкевич.* Судьбы народов России. Берлин, 1921, с. 16. "Анархистские" тенденции славянских народов и необходимость сильной власти, чтобы принудить эти народы к государственности, были излюбленной темой русских историков. На память приходит известный отрывок из воспоминаний Горького о Толстом: "То, что называют "анархизмом Толстого", в существе и корне своем выражает нашу славянскую антигосударственность, черту опять-таки истинно национальную, издревле данное нам в плоть стремление "разбрестись розно". Мы и по сей день отдаемся стремлению этому страстно, как вы знаете и все знают. Знают – но расползаются, и всегда по линиям наименьшего сопротивления, видят, что это пагубно, и ползут еще дальше друг от друга; эти печальные тараканьи путешествия и называются: "История России", государства, построенного едва ли не случайно, чисто механически, к удивлению большинства его честно мыслящих граждан, силами варягов, татар, остзейских немцев и околоточных надзирателей" (*М. Горький.* Собрание сочинений в 16-ти томах. М., 1979, т. 16, с. 112–113).

4. *Г.К. Гинс.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921, т. 2, с. 332.

5. *И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 246.

6. "КПСС в резолюциях...", т. 3, с. 81–82.

7. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 379.

8. См.: Приложение Б. "Большевистский принцип самоопределения".

9. *И.В. Сталин.* Соч., т. 3, с. 49–55. В статье, опубликованной в "Правде" 25 марта 1917 г., Сталин определенно отнес проблему национального освобождения к проблемам буржуазной революции: "Снять с политической сцены феодальную аристократию, вырвать у нее власть – это именно и значит ликвидировать национальный гнет, создать **фактические** условия, необходимые для национальной свободы" (там же,с. 17).

10. "Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков)". М., 1958, с. 212, 282–283. Относительно "польской ереси" см.: Приложение В. Роза Люксембург твердо придерживалась таких взглядов до конца своей жизни. Осенью 1918 г. она охарактеризовала украинский национализм как "нелепую шутку нескольких университетских профессоров и студентов", которую "Ленин и К° своей доктринерской агитацией за "самоопределение до..." и т.п. искусственно превратили в политический фактор" ("Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung". Leipzig, V. 13, 1928, S. 285–286).

11. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 432–437.

12. "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 503.

13. В июне 1917 г. I Всероссийский съезд Советов, на котором большинство составляли эсеры, потребовал, чтобы Временное правительство объявило о признании "права самоопределения вплоть до отделения", но с оговоркой: "осуществляемого путем соглашения во всенародном Учредительном Собрании" ("Первый Всероссийский съезд Советов". М., 1930, т. II, с. 168). Аналогичная оговорка была внесена в резолюцию съезда по вопросу о независимости Финляндии ("Первый Всероссийский съезд Советов", т. II, с. 184–185). Коллонтай от имени большевиков критиковала обе резолюции.

14. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", 2-е изд., № 1, ст. 2.

15. Там же, № 2, ст. 18.

16. Там же, № 6, Приложение 2-е.

17. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 115.

18. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 15, ст. 215.

19. "Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях". М., 1939, с. 44.

20. *И.В. Сталин.* Соч., т. 3, с. 52–53.

21. Там же, т. 2, с. 312–313. "Закавказские татары" – это азербайджанские тюрки, в России их обыкновенно называли "татарами", что не имело расовых или исторических оснований.

22. "Революция 1917 года: хроника событий". М., 1930, т. 6, с. 306.

23. "Третий Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов". Петербург, 1918, с. 77, 80; *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 36. Точка зрения Мартова была уже изложена Трояновским на заседании Учредительного собрания ("Всероссийское Учредительное собрание". М., 1930, с. 98).

24. Неясно, что именно Сталин подразумевал под этим различием. Если довести его мысль до логического завершения, то она подводит к австрийскому тезису о разделении национальных стремлений и политической власти. Через несколько месяцев сам Сталин обличал: "Тупость социал-демократов Австрии типа Бауэра и Реннера в том, собственно, и состоит, что они не поняли неразрывной связи национального вопроса с вопросом о власти" (*И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 165).

25. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 31–32. Протоколы этого съезда неполные, и сохранилось лишь краткое изложение, а не полный текст протоколов.

26. Эти взгляды были изложены в двух известных в то время книгах: *Н. Бухарин.* Программа Коммунистов (большевиков). М., 1918, гл. XIX; *Н. Бухарин и Е. Преображенский.* Азбука коммунизма. М., 1920, гл. VII, § 59. Разница между тезисом Бухарина "о самоопределении трудящихся" и польским тезисом "никакого самоопределения наций" была незначительной, дело шло к ее исчезновению.

27. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 177.

28. "Политика Советской власти по национальному вопросу за три года". М., 1920, с. 50, № 72. Анархисты тоже стояли за самоопределение, "не в смысле "самоопределения наций", а в смысле "самоопределения трудящихся" (*П. Аршинов.* История махновского движения. Берлин, 1923, с. 204). В ранних произведениях Ленина (например, *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 105: "...мы сами со свой стороны заботимся о самоопределении не народов и наций, а *пролетариата* в каждой национальности"; ср.: там же, с. 233) можно найти подобные высказывания, но после 1905 г. он, кажется, никогда к этой формулировке не возвращался.

29. См. главу 11, раздел "Восточные окраины".

30. "Восьмой съезд РКП(б). Протоколы". М., 1959, с. 47.

31. Там же, с. 78–81.

32. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 157–162.

33. Как указывал Сталин два года спустя, из Программы был исключен "лозунг совершенно расплывчатый" о самоопределении и заменен конкретной формулировкой о "государственном отделении" (*И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 42–43). Термин "самоопределение" между тем продолжали официально употреблять. Он встречался, например, в договоре между РСФСР и Бухарой от 4 марта 1921 г. ("Собрание узаконений... за 1921 г.", № 73, ст. 595), в договоре о мире, заключенном между РСФСР, Украиной и Польшей 18 марта 1921 г. ("РСФСР. Сборник действующих договоров". М., 1921, т. 2, № 51, с. 43), и в договоре от 12 марта 1922 г. между тремя закавказскими республиками, образовавшими федерацию ("История Советской Конституции в декретах". М., 1936, с. 208).

34. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 79. В заключительном абзаце отражен довод, который Маркс использовал 50 годами ранее, утверждая, что долг английских рабочих выступить за освобождение Ирландии. Ленин использовал тот же довод в связи с Украиной: "Мы за теснейший союз рабочих всех стран против капиталистов и "своих" и всех вообще стран. Но именно для того, чтобы этот союз был добровольным, русский рабочий, не доверяя ни в чем и ни на минуту ни буржуазии русской, ни буржуазии украинской, стоит сейчас за право отделения украинцев, *не навязывая* им своей дружбы, а *завоевывая ее* отношением как к равному, как к союзнику и брату в борьбе за социализм" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 342).

35. Один буржуазный автор выявляет, по-видимому, ту же разницу в отношении к различным национальным устремлениям: "В то время как на Востоке мы все еще, с точки зрения морали и интересов экономики, можем считать его [т. е. национализм] силой положительной и прогрессивной, в Европе он уже, с точки зрения морали и интересов экономики, относится к пройденному этапу развития. Прогресс в Европе возможен лишь в результате преодоления политиче-

ского национализма. Национализм и государственный патриотизм здесь выполнили свою историческую задачу и утратили свой этический смысл" (*Hans Kohn.* Nationalism and Imperialism in the Hither East. Engl. transl., 1932, p. 51). Описываемую здесь разницу между двумя континентами, находящимися на разных ступенях исторического развития, большевики более четко выражают, говоря о различии между двумя стадиями, которые естественно следуют одна за другой в одной и той же стране.

36. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 363.

37. Один британский колониальный чиновник, по-видимому, не знакомый с большевистской теорией и практикой, высказал несколько замечаний, достойных того, чтобы их в этом контексте привести: "Либералы видели в свободе ключ к экономическому прогрессу и считали экономический прогресс *причиной* благосостояния туземцев, которое *автоматически* ведет к политической независимости. Современная колониальная теория считает экономический прогресс *условием* благосостояния местного населения, а туземное благосостояние – *условием* политического развития, но признает необходимость государственного воздействия на дальнейший экономический прогресс. Либералы думали повышать благосостояние через свободу. Современная тенденция состоит в том, чтобы повышать благосостояние даже за счет свободы" (*J.S. Furnivall.* Colonial Policy and Praktice, 1948, p. 288).

38. *И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 52–59.

39. "...Национальные и государственные различия между народами и странами... будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 77).

40. По этому вопросу можно еще раз сослаться на того британского автора, чье авторитетное высказывание уже приводилось выше (см. прим. 37 к этой же главе): "Изменилась обстановка, а не люди; если предоставить их самим себе, они бы пытались опять воспроизвести свою прежнюю обстановку. Но они брошены в современный мир и не могут из него выбраться. И вся королевская конница, и вся королевская рать не могут повернуть время вспять. Люди могут осуществить свои желания, если желают лишь то, что они *должны* желать в условиях современного мира. Основная проблема автономии – изменить людей так, чтобы они стали желать или хотя бы добровольно согласились принять те условия, которые нужны для процветания современного мира" (*J.S. Furnivall.* Colonial Policy and Practice, 1948, p. 442).

41. "Революция и национальный вопрос. Документы и материалы". М., 1930, т. 3, с. 56.

42. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 299.

43. *И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 113.

44. Оба декрета см. в: "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 86, № 114, 116; второй декрет см. также в: "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 4, ст. 67.

45. "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 87, № 118 (а также: "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 19, ст. 291); с. 52, № 75; с. 16, № 15 (а также: "Собрание узаконений... за 1919 г.", № 10–11, ст. 109).

46. В самом названии – "Комиссариат по делам мусульман внутренней России" – заметно желание снять с себя ответственность за мусульманский мир в целом. Оба декрета см. в: "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 17, ст. 243, 252.

47. Мусульманский комиссариат был упразднен в 1920 г. после создания отдельных комиссариатов для большинства мусульманских народов. Еврейский комиссариат, переименованный в 1920 г. в Еврейский отдел, продолжал существовать и обычно выпускал заявления о еврейских делах, иногда совместно с еврейским отделом Российской коммунистической партии. Некоторые из них включены в книгу "Политика Советской власти по национальному вопросу..." (с. 31–35).

48. "Национальный вопрос в Советской России". М., 1921, с. 28–29. Летом 1920 г. Наркомнац организовывал публикацию газетных статей, листовок и воззваний на языках местного населения, которые были направлены против польских захватчиков и в которых объяснялось, "почему в первую очередь малым народностям белогвардейцы несут цепи духовного и материального рабства"

("Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 146–147, № 180; с. 148, № 184).

49. Упоминания о декретах, учреждающих другие комиссариаты и подразделения, можно найти в соответствующих разделах книги "Политика Советской власти по национальному вопросу...". Соответствующая организация "Национальных Отделов" была создана в Российской коммунистической партии, каждый со своим "Центральным Бюро", прикрепленным к Секретариату. В 1920 г. существовали отделы: чехословацкий, немецкий, югославский, венгерский, польский, латвийский, литовский, эстонский, еврейский и марийский, а также отдел народов, говорящих на тюркских языках ("Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)", № 28, 5 марта 1921 г., с. 17–23).

50. В газете "Жизнь национальностей", № 1, от 9 ноября 1918 г. перечислены 18 комиссариатов или отделов с именами их руководителей. Несколько меньших комиссариатов или отделов, представляющих более отсталые народности, по-видимому, возглавлялись русскими руководителями, возможно, из-за отсутствия подходящей национальной кандидатуры.

51. "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 42, № 63.

52. "Помню, как пришлось организовывать мусульманский комиссариат, – писал один из руководящих сотрудников Наркомнаца два года спустя. – Как трудно было найти подходящих большевиков, чтобы поставить их во главе его. Только в связи с учредительным собранием, когда туда попали делегаты-большевики, только благодаря им удалось тогда организовать общий комиссариат для всех мусульман. Такие же трудности были с организацией белорусского комиссариата, также и еврейского, так как существовавшие там старые социалистические партии все были против нас ("Жизнь национальностей", № 42 (50), 2 ноября 1919 г.).

53. Цит. по: *Л. Троцкий.* Сталин. Нью-Йорк, 1946, с. 257.

54. Ibid., p. 257. Примечательно, что уже в июне 1919 г. в официальном издании Наркомнаца появилась передовая статья, подписанная Пестковским, в которой восхвалялись взгляды Розы Люксембург на национальный вопрос и не содержалось ни единого намека на то, что время от времени в последние 10 лет Ленин вновь и вновь резко критиковал эти взгляды ("Жизнь национальностей", № 22 (30), 15 июня 1929 г.).

55. См. прим. 102 к главе 11.

56. Комиссариат продолжал выпускать газету "Жизнь национальностей" все менее регулярно до февраля 1922 г., когда она изменила формат и стала самостоятельным периодическим изданием. С перебоями газета продолжала выходить до января 1924 г.

57. "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 145, № 175.

58. Там же, с. 82, № 108.

59. "Собрание узаконений... за 1920 г.", № 45, ст. 202. Постановление вместе с двумя "инструкциями" Наркомнаца по поводу его осуществления можно также найти в: "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 147–148, № 181–183.

60. "Жизнь национальностей", № 15 (72), 23 мая 1920 г. В Положении о Наркомнаце, составленном в 1921 г., Совет Национальностей был охарактеризован – пожалуй, более точно – как "совещательный представительный орган при Наркомнаце" ("Конституционные акты РСФСР, 1918–1937". М., 1940, с. 106–108).

61. Об этом было ясно сказано в следующем декрете от 4 ноября 1920 г., где было также обусловлено, что "персональный состав представительств утверждается Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом" ("Собрание узаконений... за 1920 г.", № 87, ст. 438). До этого времени у некоторых национальностей были специальные представители, прикрепленные к ВЦИКу; теперь их отзывали или переводили в Наркомнац.

62. "Собрание узаконений... за 1920 г.", № 99, ст. 529.

63. "Конституции и конституционные акты РСФСР...", с. 106–108.

64. "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 130, № 162–163.

65. Там же, с. 26, № 32.

66. Там же, с. 149, № 186.

67. После упразднения Наркомнаца руководство Коммунистическим университетом трудящихся Востока было возложено на Коминтерн.

68. "Жизнь национальностей", № 11 (68), 18 апреля 1920 г.

69. "Конституции и конституционные акты РСФСР...", с. 134–138.

70. Список заимствован из авторитетного учебника "Советское государственное право" (М., 1938, с. 364).

71. "Жизнь национальностей", № 35 (92), 7 ноября 1920 г.

72. Там же, № 42 (98), 31 декабря 1920 г.; № 1 (99), 13 января 1921 г.

73. "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 153–161, № 194–204.

74. "Собрание узаконений... за 1922 г.", № 40, ст. 474.

75. "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 150, № 189.

76. "Конституции и конституционные акты РСФСР...", с. 136.

77. "Собрание узаконений... за 1923 г.", № 66, № 639. Декрет был издан Центральным Исполнительным Комитетом РСФСР, а не новым ВЦИКом СССР.

78. "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 148, № 185.

Глава 11. Самоопределение на практике

1. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 315–316. На Пражской конференции в 1912 г. была принята резолюция, провозгласившая "полную солидарность с братской финляндской социал-демократической партией" в общей борьбе за "свержение царизма и свободу русского и финляндского народов". Вопрос о самоопределении или независимости не поднимался ("КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 403–404).

2. *П. Милюков.* История Второй Русской революции. София, 1921, т. I, с. 64. Воззвание см. в: "Революция и национальный вопрос. Документы и материалы". М., 1930, т. 3, с. 57–58; в переводе см. в: *S. Filasiewicz.* La Question Polonaise pendant la Guerre Mondiale, 1920, No. 75; *P. Roth.* Die Entstehung des polnischen Staats, 1926, S. 127–128.

3. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 4–7, 285–286.

4. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 64, ст. 698. Декрет датирован 29 августа 1918 г. Он, по-видимому, появился в связи с подписанием в Берлине 27 августа 1918 г. трех советско-германских договоров дополнительно к Брест-Литовскому.

5. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 1–5.

6. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 11, ст. 163.

7. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 22–24.

8. *Ю.В. Ключников и Андрей Сабанин.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926, ч. II, с. 120–121.

9. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 350–352.

10. Такое положение сохранялось и отмечалось даже в 1923 г. "на Украине, например, где состав партии русско-еврейский" ("Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет". М., 1968, с. 612).

11. Цит. в кн.: *Kolarz.* Myths and Realities in Eastern Europe, 1946, p. 68.

12. Первый "союз за освобождение Украины" был создан в Вене после начала войны 1914 г.

13. *Л. Троцкий.* История Русской революции. Берлин, 1933, т. II, ч. II, с. 48.

14. Перевод этих документов см. в: *F.A. Golder.* Documents of Russian History, 1927, p. 435–444. Наиболее полное описание украинских партий см. в: *B. Krupnyckyj.* Geschechte der Ukraine. Leipzig, 1939, S. 238–284. "Первый Универсал" см. в: "Революция и национальный вопрос...", т. 3, с. 161–164.

15. *Ю.В. Ключников и Андрей Сабанин.* Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 432–435. В книге "Революция и национальный вопрос. Документы и материалы" ("Революция и национальный вопрос...", т. 3, с. 196–197) в качестве "Третьего Универсала" ошибочно приведено объявление о национальной обороне. Один член Бунда утверждает, что именно по настоянию бундовцев и меньшевиков – членов Рады в объявление была включена оговорка о сохранении единства России (*М.Г. Рафес.* Два года революции на Украине. М., 1920, с. 57).

16. "Революция 1917 года: хроника событий". М., 1930, т. 6, с. 236–237.

17. *Vinnichenko.* Vidrodzheniya Natsii. Vienna, 1920, ii, p. 230.

18. *Е. Бош.* Год борьбы. М.–Л., 1925, с. 54–57.

19. В интервью, опубликованном в "Правде" 24 ноября (7 декабря) 1917 г., Сталин настаивал на необходимости "немедленно создать Краевой съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на Украине". Интервью не включено в собрание сочинений Сталина.

20. Казаки были потомками жителей пограничных районов, которые в XV–XVIII веках приобретали земли на опасных тогда рубежах Московии, захватывая их или получая в дар от царя. Взамен им вменялось в обязанность постоянно нести военную службу. В XIX столетии они стали главным оплотом режима. Казаки были организованы в 12 военных общин, известных как войска, и населяли территории от Дона через Среднюю Азию до Восточной Сибири. Во главе каждой общины стоял выборный атаман, который был почти диктатором, хотя номинально нес ответственность перед избранным советом.

На следующий день после Октябрьской революции Каледин, атаман донских казаков, провозгласил создание на Дону самостоятельного казачьего правительства; аналогичные шаги были предприняты атаманами кубанских и терских казаков. Дутов, атаман оренбургских казаков, и Семенов, атаман уссурийских казаков, также организовали контрреволюционные силы в первую зиму после начала революции. Казаки Юга России составили ядро будущей "белой" Добровольческой армии под командованием Корнилова, а позднее – Деникина.

Неравенство земельных владений породило, однако, расхождение между интересами зажиточных и бедных казаков. После Февральской революции среди рядовых казаков под влиянием усталости, вызванной войной, стало проявляться недовольство. В книге Филипс Прайса (*M. Philips Price.* War and Revolution in Asiatic Russia, 1918, p. 294–295) рассказывается о восстании казаков против своих руководителей на Северном Кавказе в марте 1917 г. Большевики сумели использовать это недовольство.

Декрет о земле, принятый 26 октября (8 ноября) 1917 г., освобождал от экспроприации "земли рядовых казаков". Вскоре после этого Ленин и Троцкий оказали поддержку делегации казаков, призвав их делить земли крупных казачьих землевладельцев и создавать казачьи Советы (*Джон Рид.* Десять дней, которые потрясли мир, с. 231). В ноябре 1917 г. пять представителей от казачества были введены во ВЦИК, и Съезд Советов, начиная с третьего, стал "Всероссийским съездом Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих депутатов" ("Третий Всероссийский Съезд Советов". Петербург, 1918, с. 81). В декабре 1917 г. декрет, обращенный "Ко всему трудовому казачеству", отменил воинскую повинность и ограничение свободы передвижения, предложил выдачу формы и снаряжения тем, кто готов служить добровольно, и обещал урегулирование земельного вопроса ("Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 4, ст. 68). В феврале 1918 г. молодые донские казаки "поддались большевистской пропаганде и восстали против своих отцов и правительства Каледина" ("Foreign Relations of the United States, 1918: Russia", 1932, ii, p. 621). В сентябре 1918 г. был создан Казачий отдел ВЦИКа, выпускавший журнал под названием "Клич трудовых казаков". Помещенный там отчет о работе отдела в первый год его существования представляет собой ценный источник сведений ("Казачий отдел. Краткий исторический очерк и отчет Казачьего отдела ВЦИКа по октябрь 1919 г.". М., 1919). Во время гражданской войны в многочисленных обращениях казаков призывали поддержать революцию. Кульминацией был призыв VII Всероссийского съезда Советов в ноябре 1919 г. ("Седьмой Всероссийский съезд Советов". М., 1920, с. 55–56).

О результатах этих попыток судить трудно. Основная масса казачьих сил, конечно, была на стороне "белых". После войны казаки-коммунисты постепенно ассимилировались с остальным населением. Но казаки сохранили свое название в качестве одной из четырех составляющих групп Советской власти до основания СССР, когда названия отдельных групп перестали употребляться. Роль, которую казаки сыграли в революции, могла бы стать темой поучительной монографии. Дальнейшие материалы см. в: *Bunyan and Fisher.* The Bolshevik Revolution, 1917–1918. Stanford, 1934, p. 401–406, а также в содержательной статье, опубликованной в газете "Жизнь национальностей" (№ 6 (63), 15 февраля 1920 г.).

21. В очередном докладе во ВЦИКе Сталин настаивал, что именно эти три пункта явились причиной расхождения, а не вопрос о самоопределении, в кото-

ром "Совет Народных Комиссаров идет дальше Рады, вплоть до права на отделение" (*И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 15–17).

22. Текст опубликован в: "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 6, ст. 90; см. также в: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 143–145. Согласно примечаниям, содержащимся в этом томе сочинений Ленина, текст заявления был составлен Лениным, а заключительный ультиматум – Троцким (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 468, прим. 65). О причинах расхождения подробно писал Сталин в статье, опубликованной в "Правде" (*И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 6–14). Как утверждает М. Филипс Прайс, Пятаков, сам по рождению украинец, был главным сторонником военных действий против Рады; он был против принципа национального самоопределения (см. главу 10).

23. "Правда", 2 (15) января 1918 г.

24. *Vinnichenko.* Vidrodzheniya Natsii, ii, p. 232–233.

25. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 19–21. О впечатлении, которое эти события произвели в Петрограде в то время, увлекательно рассказывается в книге Филипс Прайса (*M. Philips Price.* My Reminiscences of the Russian Revolution, p. 194–195).

26. Эта корреспонденция опубликована в: *Vinnichenko.* Vidrodzheniya Natsii, ii, p. 235–243. Винниченко отмечает, что фактически это предвосхитило провозглашение независимости Украины в "Четвертом Универсале" 9 (22) января 1918 г. 7 января 1918 г. французское правительство информировало Вашингтон, что оно приняло решение признать Центральную раду "как независимое правительство" ("Foreign Relations of the United States, 1918: Russia", 1932, ii, p. 655).

27. "Революция 1917 года...", т. 6, с. 269–271.

28. Текст ответа и последующего обмена посланиями см.: там же, с. 289–292.

29. "Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Р. С. Кр. и Каз. Депутатов Icозыва". М., 1918, с. 158–159; *Е. Бош.* Год борьбы, с. 81. Здесь телеграмма датирована правильно.

30. Список см.: *Е. Бош.* Год борьбы, с. 91.

31. "Известия", 17 (30) декабря 1917 г.

32. "Революция 1917 года...", т. 6, с. 375–376, 414.

33. Ненормальность положения подтверждается тем, что 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.), много дней спустя после признания Петроградом Советской власти на Украине, Троцкий заявил в Брест-Литовске в ответе Кюльману, что, признав право на самоопределение, русская делегация не возражает против участия украинской делегации в мирной конференции ("Мирные переговоры в Брест-Литовске". М., 1920, т. I, с. 52). На более позднем этапе русская делегация пыталась пригласить для участия в конференции делегатов от Харьковского правительства; этому воспротивились и делегация Центральной рады, и немецкая делегация.

34. *Vinnichenko.* Vidrodzheniya Natsii, ii, p. 216: Грушевский (*Hrushevsky.* History of the Ukraine. Yale (Eng. tr.), 1941, p. 534–535) пишет об успешной большевистской пропаганде среди украинских вооруженных сил.

35. *Vinnichenko.* Vidrodzheniya Natsii, ii, p. 244–252.

36. Самый авторитетный источник информации об этих событиях представляют собой газеты и журналы того времени. Некоторые сведения см. в: *В.И. Ленин.* Полн собр. соч., т. 35, с. 467–468. Интересные подробности можно найти в: *Vinnichenko.* Vidrodzheniya Natsii, ii, p. 252–256; *M. Philips Price.* My Reminiscences of the Russian Revolution, p. 198–203, 233–235. Отчет консула Соединенных Штатов в Киеве о взятии города большевиками см. в: "Foreign Relations of the United States, 1918: Russia", 1932, ii, p. 675–676.

37. *М.Г. Рафес.* Два года революции на Украине. М., 1920, с. 77. По словам Филипс Прайса (*M. Philips Price.* My Reminiscences of the Revolution, p. 202–203), немногие дисциплинированные советские части были отправлены воевать на Дон, а советские армии на Украине представляли собой сборище всевозможных авантюристов, которые, "не интересуясь Украиной, не зная ее... делали вид, что действуют в качестве "освободителей украинского народа".

38. *Vinnichenko.* Vidrodzheniya Natsii, ii, p. 301. Текст см. в: "Известия", 19 февраля 1918 г. Как утверждает М.Г. Рафес (*М.Г. Рафес.* Два года революции на Украине, с. 70), значительная часть Рады уже в период соглашения с генералом Табуи в декабре 1917 г. полагала, что не допустить большевиков можно только с помощью немцев.

39. *Vinnichenko.* Vidrodzheniya Natsii, ii, p. 296, 299–302.

40. Сталин, который первоначально руководил этими переговорами, защищал их в своем заявлении газете "Известия" (*И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 82–84).

41. Исключительно осторожное заявление генерала д'Ансельма с обещанием французской помощи всем "благоприятно настроенным элементам" для восстановления России цит. в: *Vinnichenko.* Vidrodzheniya Natsii, ii, p. 267–268. Вместе с тем большевики в ноте, направленной Парижской мирной конференции в феврале 1919 г., обстоятельно сообщали о мнимом соглашении между Петлюрой и французским военным командованием ("L'Ukraine Soviétiste". Berlin, 1922, p. 15–16).

42. "Политика Советской власти по национальному вопросу за три года". М., 1920, с. 109–111, № 147. Статья Сталина от 1 декабря 1918 г. под названием "Украина освобождается" включена в собрание его сочинений (*И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 174–176).

43. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 180.

44. *Vinnichenko.* Vidrodzheniya Natsii, iii, p. 205–208. Ответ Винниченко от 9 января 1919 г., где московское правительство обвиняется в проведении старой царской империалистической политики, см.: ibid., p. 213–218.

45. Ibid., p. 230.

46. Ibid., p. 328.

47. В этом, вероятно, и состоит суть высказывания компетентного автора о том, что "взгляды правительства Пятакова были более левыми, чем тех, кто его поддерживал" (*Arthur Ransome.* Six weeks in Russia in 1919. 1919, p. 22).

48. "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 113–116, № 151; "История Советской Конституции в декретах и постановлениях Советского правительства". М., 1936, с. 115–121.

49. Среди других известных большевиков, которые входили в правительство Раковского, были Артем, Ворошилов, Межлаук и Подвойский (полный список см. в: "L'Ukraine Soviétiste", p. 9–10). Некоторые из них, так же, как Троцкий и Зиновьев, родились на Украине, но вряд ли считали себя украинцами. Раковский был по происхождению румыном и активным деятелем Румынской социал-демократической партии во время войны 1914–1918 гг. Он появился на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г. с приветствиями от "румынской социал-демократии" ("Третий Всероссийский съезд Советов...", с. 10–11). В этом не было ничего исключительного: партийных работников легко перебрасывали из одной сферы в другую в то время, когда мало было надежных работников, а национальные различия казались несущественными. На I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. Зиновьев выступал от имени украинских большевиков.

50. По утверждению еврейского автора, один член Рады говорил, что в то время антисемитизм был "нашим главным козырем" и что *"против антисемитизма никакой большевизм не устоит"* (*М.Г. Рафес.* Два года революции на Украине, с. 132).

51. Нестор Махно был одним из руководителей группы "анархистов-коммунистов", разместившейся в украинской деревне Гуляй-Поле в Екатеринославской губернии в 1905 г. Через два года – после крестьянских волнений, вызванных столыпинскими реформами, – Махно сослали в Сибирь. Вернувшись в 1918 г., он реорганизовал группу по принципу крестьянской коммуны и осенью 1918 г. создал партизанскую организацию для борьбы против режима Скоропадского и его немецких и австрийских покровителей. Численность его сил быстро росла, и с 1918 до 1921 г. они успешно боролись, иногда одновременно, против украинской Директории, Деникина, Врангеля и большевиков.

Его воспоминания на русском языке были изданы в Париже в трех томах (последние два посмертно) под отдельными названиями: "Русская революция на Украине" (1929), "Под ударами контрреволюции" (1936), "Украинская революция" (1937). Воспоминания заканчиваются декабрем 1918 г. Обещанный четвертый том, содержавший заметки Махно и его статьи более позднего периода, по-видимому, публиковаться не будет. Издатель второго и третьего томов пишет в своем предисловии ко второму тому, что Махно "имел только начальное образование и не владел литературным языком", так что воспоминания, вероятно, представляют собой весьма законченное и связное описание, сделанное кем-то неизвестным.

Автор изображает себя убежденным анархистом, который отвергал всякую государственную власть как деспотическую и контрреволюционную, но это не помешало ему установить среди участников движения строгую военную дисциплину. Он идеализировал крестьянина, но был аполитичен, выступая в равной мере против помещиков, казаков, буржуазии, украинских националистов (есть сведения, что сам он по-украински не говорил) и Учредительного собрания, которое называл "карточной игрой всех политических партий" ("Русская революция на Украине", с. 18). На короткие периоды он объединялся с большевиками, но противился всем их попыткам установить на Украине свою власть. Его деятельность в основном ограничивалась украинской территорией к востоку от Днепра: несмотря на свой анархизм, Махно, по-видимому, что-то унаследовал от казачьей традиции независимых военных общин, которая в том районе была особенно сильна. Один из последователей движения дал содержательное описание деятельности махновцев, которое он испортил чрезмерными похвалами (*П. Аршинов.* История махновского движения. Берлин, 1923). В качестве противоядия может служить следующее советское издание: *М. Кабанда.* Махновщина. М., 1925.

52. Упоминания о жестокой эпидемии тифа зимой 1920 г. встречаются в книге Аршинова "История махновского движения" (*П. Аршинов.* История махновского движения, с. 156, 158).

53. "Жизнь национальностей", № 48 (50), 21 декабря 1919 г.; "Октябрьская революция: первое пятилетие". Харьков, 1922, с. 117.

54. *Vinnichenko.* Vidrodzheniya Natsii, iii, p. 474–476.

55. Ультиматум, направленный Махно советским командиром Фрунзе в ноябре 1920 г., после разгрома Врангеля, с требованием включить вооруженные силы Махно в Красную Армию, см. в: *М.П. Фрунзе.* Собрание сочинений. М., 1920, т. I, с. 176–180. Ультиматум был отвергнут.

56. *П. Аршинов.* История махновского движения, с. 200.

57. Вот характерные высказывания из книги Винниченко (*Vinnichenko.* Vidrodzheniya Natsii. Vienna, 1920): "Пока мы боролись с русскими большевиками,с московитами, мы всюду побеждали, но как только мы столкнулись с нашими собственными большевиками, мы потеряли всю нашу силу" (*Vinnichenko.* Op. cit., ii, p. 155); Рада не проявляла намерения "освободить трудящиеся массы от социального угнетения, которое вызывало недовольство у народа и трудящихся масс" (*Vinnichenko.* Op. cit., ii, p. 158); Рада совершала ошибку, "развивая в сознании масс противоречие между национальной и социальной идеями" (*Vinnichenko.* Op. cit., ii, p. 219); Винниченко признает "исключительно острую неприязнь народных масс к Центральной раде" во время изгнания Рады большевиками в феврале 1918 г. и с пафосом добавляет: "Ужасно и странно во всем этом было то, что они тогда получили все украинское – украинский язык, музыку, школы, газеты и книги" (*Vinnichenko.* Op. cit., ii, p. 259–260). Неумение придать украинскому национализму социальное содержание привело к дискредитации остальных его устремлений. Рафес (*М.Г. Рафес.* Два года революции на Украине, с. 78) также говорит о враждебности, которую вызывала политика "украинизации", проводимая Радой.

58. Резолюция имеется в следующих изданиях: "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 199–201; *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 334–337. Протоколы конференции не были опубликованы, и основная речь Ленина по украинскому вопросу утеряна; короткое резюме см. в: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 370–371. Остальную информацию о материалах из неопубликованных архивов см.: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 469.

59. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 304.

60. "Революция и национальный вопрос...", т. 3, с. 267, 271–272.

61. Там же, с. 275–276.

62. "Третий Всероссийский съезд Советов...", с. 64, 87.

63. "Революция 1917 года...", т. 6, с. 457–458. В Брест-Литовске Гоффман парировал призывы Троцкого к осуществлению принципа самоопределения наций, утверждая, что "в ночь с 30-го на 31-е декабря, первый Белорусский Конгресс в Минске, который хотел настоять на праве самоопределения Белорусского народа, был разогнан большевиками посредством штыков и пулеметов" ("Мирные переговоры в Брест-Литовске", т. I, с. 95).

64. "Пролетарская революция", 1928, № 3 (74), с. 61–130.

65. Упоминания об этих съездах в прессе того времени см. в: "Вопросы истории", 1947, № 1, с. 11.

66. Наиболее полный из имеющихся отчетов о создании Белорусской ССР содержится в статье, посвященной празднованию 60-летия со дня рождения Сталина ("Историк-марксист", 1940, № 1, с. 63–78). Вот краткое изложение основных приведенных в ней фактов:

25 декабря 1918 г. после отступления германских армий с белорусской территории Сталин говорил по телефону с Мясниковым, председателем областного комитета партии Северо-Западной области.

"Товарищ Сталин сообщил Мясникову решение ЦК РКП(б) о создании БССР и вызвал в Москву представителя областного комитета...

Он дал указание, чтобы Ковенская и Виленская губернии отошли к литовскому советскому правительству. Товарищ Сталин выдвинул также основные принципы образования БССР и работы коммунистической партии (большевиков) Белоруссии.

Указания товарища Сталина были обсуждены на партийном совещании [Северо-Западной области] с участием А.Ф. Мясникова. На основе их проводилось строительство БССР и КП(б)Б, ими руководствовались большевики Белоруссии в борьбе против буржуазных белорусских националистов.

Правительство БССР должно было состоять из 15 человек (впоследствии состав правительства был расширен до 17 человек). Товарищ Сталин занимался и персональным подбором людей.

Создавалось Центральное бюро коммунистической партии (большевиков) Белорусской республики. Председатель Центрального бюро являлся представителем ЦК партии и советского правительства. Товарищ Сталин редактировал манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии и внес в него ряд важных поправок.

Когда члены Временного советского белорусского правительства выехали в Смоленск, товарищ Сталин писал Мясникову: "Сегодня выезжают в Смоленск белорусы. Везут с собой манифест. Просьба ЦК партии и Ленина принять их как младших братьев, может быть еще неопытных, но готовых отдать свою жизнь партийной советской работе".

После этих приготовлений внеочередная партийная конференция Северо-Западного района, собранная 30 декабря, сразу же объявила себя I съездом Коммунистической партии Белоруссии и приняла решение провозгласить создание независимой Белорусской Социалистической республики. Несколько несогласных с этим коммунистов ("Жилунович и его группа"), которые открыто возражали против такой попытки национального самоопределения, ушли из партии.

Обстоятельства, при которых этот отчет был опубликован, быть может, объясняют некоторое преувеличение личной роли Сталина, однако нет причин сомневаться в достоверности этого отчета по существу.

А.Ф. Мясников был партийным работником, который лично не имел отношения к Белоруссии, будучи по рождению армянином. Позднее он стал председателем Совнаркома Армянской ССР и в этом качестве зачитал на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. заявление от имени трех республик Закавказья ("Девятый Всероссийский Съезд Советов". М., 1922, с. 186). Не следует его смешивать с Г.И. Мясниковым, который был исключен из партии за нарушение партийной дисциплины в феврале 1922 г. (см. главу 8).

67. "История Советской Конституции в декретах...", с. 99–102. Рада удалилась в Гродно, где некоторое время продолжала пользоваться поддержкой польского правительства.

68. Конституцию см. в: "История Советской Конституции в декретах...", с. 111–114. Список членов правительства см. в: "Жизнь национальностей", № 5 (13), 16 февраля 1919 г.

69. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 228–229; "Жизнь национальностей", № 6 (14), 23 февраля 1919 г.

70. "История Советской Конституции в декретах...", с. 140–142.

71. Там же, с. 155–166.

72. *Д.С. Мирский.* Россия, социальная история. М., 1932, с. 278.

73. "Жизнь национальностей", № 10 (67), 6 апреля 1920 г.

74. *И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 49. Впоследствии, много времени спустя, Сталин вновь говорил, что "элементы нации" уже существовали в докапиталис-

тический период, хотя представляли собой лишь "потенцию" (*И.В. Сталин.* Соч., т. 11, с. 336). Ленин в 1913 г. утверждал, что, в частности, "и в Польше, и в Литве, и на Украине, и в Великороссии и т.д." "...отрывать города от экономически тяготеющих к ним сел и округов из-за "национального" момента нелепо и невозможно" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 149). Однако единственный практический вывод, который он в то время сделал, заключался в том, что "целиком и исключительно становиться на почву "национально-территориалистического" принципа марксисты не должны".

75. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 178. Статья, содержащая это заявление, была опубликована и в "Правде" и в газете "Жизнь национальностей".

76. Официальные объявления приведены в книге "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 52–54, № 76; с. 133–134, № 168. Декреты о признании имеются в книге Ключникова и Сабанина (*Ю.В. Ключников и Андрей Сабанин.* Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 206–208). Эти декреты были приняты Совнаркомом. Для усиления их значительности они были подкреплены резолюцией ВЦИКа (там же, с. 208–209).

77. В октябре 1919 г. "белый" генерал Юденич при поддержке Англии предпринял с эстонских баз наступление на Петроград, которое чуть-чуть не достигло цели. Так как Юденич ставил своей задачей восстановление Российской империи в пределах ее прежних границ, его действия не встретили одобрения со стороны правительств Эстонии и Латвии.

78. "Собрание узаконений... за 1920 г.", № 7, ст. 44. Первое обращение Советского правительства к правительству Эстонии в сентябре 1919 г. было отклонено эстонской стороной из-за ее нежелания действовать независимо от соседних стран (*Ю.В. Ключников и Андрей Сабанин.* Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 344–346, 387–388). Одновременно были, очевидно, отклонены аналогичные обращения к Финляндии, Латвии и Литве (там же, с. 383–384).

79. "Собрание узаконений... за 1920 г.", № 95, ст. 514.

80. Официальные литовские документы этого периода собраны в книге Климаса "Развитие Литовского государства" (*P. Klimas.* Le Développement de l'Etat Lithuanien. Paris, 1919).

81. "Историк-марксист", 1935, № 2–3, с. 50–52.

82. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 98, ст. 1006.

83. "Собрание узаконений... за 1920 г.", № 96, ст. 515.

84. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, с. 241.

85. С.М. Диманштейн, сотрудник Наркомнаца, рассказал о влиянии революции 1905 г. на эти народы в сборнике "Революция и национальности" ("Революция и национальности". М., 1930, № 8 и 9; 1931, № 1). По его словам, они называли себя мусульманами потому, что их племенные или национальные названия "не нравятся русскому начальству" ("Революция и национальности", 1931, № 1, с. 73). Однако это верно лишь отчасти: у многих из них религиозность была такой же сильной, как и национальное самосознание.

86. "Казахами" первоначально называли жителей обширных и редко населенных степей Средней Азии, простиравшихся к востоку и северо-востоку от Каспийского моря. Казахи вели преимущественно кочевой образ жизни и говорили на языке тюркской группы. Однако в XVIII и XIX веках стало употребляться название "казаки", когда речь шла о колониях военных поселенцев – главным образом русских, – расположенных в отдаленных или недавно завоеванных областях империи, и русские и западные писатели стали называть подлинных казахов киргизами. Это название относится к еще менее оседлому народу, который также говорит на языке тюркской группы и проживает в горной местности, граничащей с горной системой Хинган. Советское правительство и советские авторы восстановили для жителей Средней Азии принадлежавшее им по праву название "казахи" и назвали их территорию Казахстаном, хотя до конца 20-х годов официально их все еще продолжали называть киргизами.

87. "Революция и национальный вопрос...", т. 3, с. 294–305.

88. Там же, с. 315–217, 328, 363–365.

89. Там же, с. 414–428.

90. Там же, с. 372–377.

91. *С. Атнагулов.* Башкирия. М., 1925, с. 57.

92. "Революция и национальный вопрос...", т. 3, с. 377.

93. *Ю.В. Ключников и Андрей Сабанин.* Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 94–96. Перевод на французский язык приведен в: "Revue du Monde Musulman", 1922, с. 7–9. Факт упоминания в последней части обращения несправедливостей в отношении "индийцев" и "армян" и причиняемых им обид свидетельствует о том, что термин "мусульманский" обычно употреблялся большевиками применительно ко всем народам Востока.

94. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 17, ст. 243.

95. Там же, № 6, ст. 103. Это событие в конечном счете привело к исчезновению знаменитого Корана. В настоящее время его местонахождение неизвестно.

96. "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 80, № 99.

97. "Восьмой съезд РКП(б). Протоколы". М., 1959, с. 498–499. В марте 1919 г. Бюро изменило свое название и стало называться "Центральное Бюро коммунистических организаций и народов Востока" ("Жизнь национальностей", № 8 (16), 9 марта 1919 г.). К этому времени оно находилось в подчинении Наркомнаца.

98. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 318–331; *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 279–280.

99. *С. Атнагулов.* Башкирия, с. 56–59. В статье, помещенной в журнале "Вопросы истории", говорится, что соглашение между Валидовым и Дутовым, атаманом оренбургских казаков, было достигнуто 11 (24) ноября 1917 г. ("Вопросы истории", 1948, № 4, с. 26).

100. Провозглашение создания этой республики было сделано в форме декрета Совнаркома ("Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 30, ст. 394). "Комиссариат по делам мусульман Средней России" должен был назначить комиссию для организации и созыва "Учредительного Съезда Советов", который должен был создать новую республику. Строго говоря, "Российской Советской Федерации" в тот период еще не существовало; в это время проект Конституции РСФСР еще только разрабатывался.

101. "Revue du Monde Musulman", 1922, li, p. 131.

102. Об этом свидетельствует Пестковский. Его слова приведены в книге Л. Троцкого "Сталин" (*Л. Троцкий.* Сталин. Нью-Йорк, 1946, с. 262–263). Это же, по-видимому, подтверждается статьей, помещенной в журнале "Вопросы истории", в которой говорится о, "с одной стороны, сопротивлении башкирских буржуазных националистов, с другой – бухаринцев, отрицавших национальное самоопределение" ("Вопросы истории", 1948, № 4, с. 34).

103. "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 8–9, № 4.

104. Ситуация, сложившаяся в этот период в Казахстане, описывается одним из авторов в официальной газете Наркомнаца следующим образом: "То, что вторая революция показалась киргизам [имеются в виду казахи. – *Ред.*] понятной, объясняется просто: у киргизов [казахов. – Ред.] нет ни капитализма, ни классовой дифференции; даже собственность у них не так резко разграничена, как у других народов: многие предметы потребления считаются у них общественным достоянием". В то же время внешние проявления, связанные с Октябрьской революцией, приводили казахов в ужас. Формы, которые движение большевиков приняло в центральных частях России, были им незнакомы, в то время как на окраинах "оно сопровождалось повсюду насилиями, грабежом, злоупотреблениями и своеобразной диктаторской властью. Говоря короче, движение на окраинах часто представляло собою не революцию (как обычно она понимается), а полнейшую анархию". Тот же автор дает характеристику советским организациям, взявшим власть в Семипалатинске и других городах Казахстана, "куда под видом большевиков проникли разные авантюристы из киргизов, которые именем советской власти творили безобразие" ("Жизнь национальностей", № 29 (37), 3 августа 1919 г.).

105. *Д.П. Петров.* Чувашия. М., 1926, с. 70.

106. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 85–92.

107. "Собрание узаконений... за 1917–1918 гг.", № 79, ст. 831. Вскоре Трудовая коммуна была преобразована в Автономную область РСФСР, а впоследствии, в конце 1923 г., она стала Автономной Советской Социалистической Республикой ("Собрание узаконений... за 1924 г.", № 7, ст. 33).

108. Отчет о недолгом периоде пребывания у власти Крымского правительства был впоследствии опубликован его министром иностранных дел (*М. Винавер.* Наше правительство. Париж, 1928).

109. Наиболее исчерпывающий источник, раскрывающий сложную историю Дагестана в период с 1917 по апрель 1920 г., представляет собой книга Е. Самурского (*Е. Самурский.* Дагестан. М., 1925, с. 61–76). См. также: "Revue du Monde Musulman", 1922, li, p. 79–84; *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 97–99, 106–114. Колоритный, но запутанный отчет о событиях на Северном Кавказе был дан делегатом Съезда народов Востока, состоявшегося в Баку ("I Съезд народов Востока", 1921, с. 93–95).

110. В примечаниях к английскому изданию работы Сталина "Марксизм и национальный вопрос" (*I. Stalin.* Marxism and the National and Colonial Question. Engl. transl., 2nd ed., 1936, p. 297) говорится о том, что "сильное правительство Колчака, случайно издавшее указ об отмене автономии Башкирии, вынудило правительство Валидова в 1919 г. под давлением масс объявить о своей верности Советскому правительству". Это в сущности подтверждает В. Чернов (*V. Chernov.* Mes tribulations en Russie. Paris, 1921, p. 10).

111. "Собрание узаконений... за 1919 г.", № 46, ст. 451. Летом 1919 г. на Башкирию снова напали "банды Колчака", и Советская власть была окончательно установлена здесь лишь в августе 1919 г. ("Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 19–20, № 18–19). Валидов выступил на VII Всероссийском съезде Советов в Москве в декабре 1919 г. от имени "башкирского пролетариата, башкирской и киргизской [то есть казахской. – *Ред.*] бедноты" и прославлял подвиги башкирских красноармейцев, принимавших участие в защите "пролетарской столицы – Петрограда – от Юденича" ("Седьмой Всероссийский съезд Советов...", с. 17). В это время он выступал как коммунист и стремился создать независимую башкирскую коммунистическую партию (*С. Атнагулов.* Башкирия, с. 71–72). О Валидове см. прим. 121 к главе 11.

112. "Собрание узаконений... за 1919 г.", № 36, ст. 354.

113. Характерно, что Кастанье – свидетель этих событий, враждебно настроенный по отношению к Советской власти, – говорит о роспуске "Алаш-Орды", но не упоминает об июньском декрете. Он также пишет, что "борьба, которая повсюду в России была классовой борьбой, среди казахов приняла форму борьбы между кланами и племенами" ("Revue du Monde Musulman", li, p. 175–177).

114. "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 38–39, № 56.

115. "Собрание узаконений... за 1919 г.", № 37, ст. 368. Рассказ о развитии Советской Калмыкии, где отдельные детали, пожалуй, представлены в слишком радужном свете, но ясно показана общая картина, приведен в книге Борисова (*Т.К. Борисов.* Калмыкия. 1926).

116. Известный в этот период мусульманин-большевик утверждает, что мусульманская мечеть (или приход) в среднем охватывала от 700 до 1000 жителей и на это количество приходились один мулла и два помощника, в то время как христианский священник имел в среднем от 10 тыс. до 12 тыс. прихожан (*М. Султан-Галиев.* Методы антирелигиозной пропаганды среди мусульман. М., 1922, с. 4).

117. В своей книге "Дагестан" Самурский живо рисует картину господства мусульман в Дагестане, где они успешно противостояли активному утверждению советского строя в период с 1917 по 1921 г. (*Е. Самурский.* Дагестан. М., 1925, с. 126–137).

118. Примеры этой политики приводятся в книге Самурского (*Е. Самурский.* Дагестан, с. 133–136).

119. "Собрание узаконений... за 1920 г.", № 45, ст. 203; № 51, ст. 222; № 59, ст. 267.

120. "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 44, № 65; с. 41, № 60.

121. *С. Атнагулов.* Башкирия, с. 72–74. Дальнейшие подробности приведены в примечаниях к английскому изданию работы Сталина "Марксизм и национальный вопрос" (*I. Stalin.* Marxism and the National and Colonial Question, p. 297–298), а также у Кастанье ("Revue du Monde Musulman", li, p. 162–163). Осенью 1921 г. Центральному Комитету партии пришлось рассматривать трения между двумя группами партийных деятелей Башкирии, которые "приняли национальную окраску и привели к ожесточенной взаимной борьбе". В Башкирию был послан член Центрального Комитета Голощекин, но "трения эти" ему не "удалось устранить полностью" ("Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)", № 34, ноябрь 1921 г., с. 5). Башкирия стала

своего рода пробным камнем, и споры по поводу нее продолжали бушевать. См., например: "Пролетарская революция", 1926, № 11 (50) и № 12 (59); 1928, № 3 (74) и № 5 (76). В книге "Гражданская война в Башкирии" собраны воспоминания участников гражданской войны ("Гражданская война в Башкирии". Уфа, 1932). Подробное изучение этих источников могло бы по-новому осветить политику Советской власти на восточных окраинах в тот период.

Валидов был типичным представителем немногочисленной буржуазной интеллигенции в этих областях. Будучи буржуазным националистом, настроенный против любой социальной революции с далеко идущими целями, он примкнул к большевикам во время гражданской войны из-за презрительного отношения "белых" к требованиям малых народностей. После окончания гражданской войны он снова занял антибольшевистскую позицию. Впоследствии он присоединился к басмачам Средней Азии (см. главу 11, раздел "Средняя Азия"), а позднее стал известным пропагандистом джадидизма и обосновался в университете в Германии, затем вернулся в Турцию, где в 1944 г. был осужден за изменническую деятельность, связанную с пропагандой джадидизма, и наконец, наладив отношения с турецкими властями, в 1948 г. опубликовал книгу об истории Туркестана, проникнутую крайне антирусскими настроениями, под названием "Туркестан Тарихи". Планируется ее перевод на английский язык.

122. Некоторые довольно отрывочные замечания Кастанье о событиях в Казахстане в 1920 и 1921 гг. см. в: "Revue du Monde Musulman", li, p. 182–191. В это время он уже не был в Средней Азии.

123. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 397.

124. Там же, с. 400.

125. См. главу 13.

126. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 394–397.

127. Там же, с. 399–403. Этот интересный случай перемещения народов, вероятно, отчасти должен был служить наказанием, а отчасти – предостережением против беспорядков в будущем. Официальные документы, выявляющие масштабы, которые принял процесс перемещения, отсутствуют. Неясно также, перемещались ли горцы с северного на южный берег Терека, а казаки – с южного на северный.

128. Постановления, принятые 20 января 1921 г., в соответствии с которыми были учреждены Дагестанская Автономная ССР и Горская Автономная ССР, см. в: "Собрание узаконений... за 1921 г.", № 5, ст. 39, и № 6, ст. 41. О последующем разделе Горской Автономной ССР см. в: "Revue du Monde Musulman", li, p. 95–100.

129. "Собрание узаконений... за 1921 г.", № 69, ст. 556.

130. Бройдо был одним из пяти членов коллегии Наркомнаца и впоследствии стал директором Коммунистического университета трудящихся Востока в Москве.

131. "Пролетарская революция", 1924, № 10 (33), с. 138–161.

132. Наиболее авторитетным источником информации об этом периоде является книга Сафарова (*Г. Сафаров.* Колониальная революция (Опыт Туркестана). М., 1921). Краткий рассказ об этих событиях встречаем также у Кастанье, который находился в Туркестане до лета 1920 г. ("Revue du Monde Musulman", li, p. 28–73). Ценным источником мог бы послужить сборник документов, изданный в Ташкенте в 1947 г., но его оказалось невозможно достать. Рецензент этого сборника (рецензию на него см. в журнале "Партийная жизнь, 1948, № 4) с неудовлетворением отмечает, что у читателя создается впечатление, "будто борьба трудящихся Туркестана была оторвана от общероссийской революционной борьбы, что в первый период существования советской власти Туркестан, окруженный со всех сторон врагами, был брошен на произвол судьбы", но он не приводит серьезных доказательств того, что это впечатление не соответствует действительности. Сафаров назвал Туркестан в период с 1917 по 1919 г. "идеальным "изолированным торговым государством" Иоганна Готлиба Фихте" (*Г. Сафаров.* Колониальная революция..., с. 75). Сам Бройдо писал в выпущенном в то время сборнике статей: "В течение почти 2-х лет не только нет помощи от московского центра Красной армии, но даже почти нет никаких сношений" ("Новый Восток", 1922, кн. 2, с. 79).

133. *Г. Сафаров.* Колониальная революция..., с. 70.

134. Там же, с. 71.

135. Подробный отчет о правительстве Коканда и его судьбе представлен П.Алексеенковым в сборнике "Революция в Средней Азии". (Ташкент, 1928, т. I, с. 21–40; 1929, т. II, с. 43–81). В этом сборнике также приводится акт о капитуляции, подписанный 22 февраля 1918 г. В программу правительства Коканда были включены пункты о сохранении частной собственности, о шариате и о дискриминации женщин. Она получила поддержку некоторых представителей русской буржуазии, враждебно относившихся к большевикам. Однако в этой борьбе между революционно настроенными русскими и консервативными мусульманами решающую роль, по-видимому, играли национальные чувства.

136. Короткие отчеты о басмачах, полученные из первых рук, см. в: "Revue du Monde Musulman", li, p. 236–243; а также в сборнике: "Новый Восток", 1923, кн. 3, с. 274–278.

137. "Revue du Monde Musulman", li, p. 217–218.

138. События в Хиве в период с 1917 по 1920 г. см. в: "Новый Восток", 1923, кн. 3, с. 241–257.

139. Об этом "правительстве", которое продержалось у власти с августа 1918 г. до марта или апреля 1919 г., рассказывает Кастанье ("Revue du Monde Musulman", li, p. 192–201). Из британских источников см.: "Journal of the Central Asian Society", 1922, IX, ii, p. 96–110.

140. "Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет". М., 1963, с. 192. Семиречьем называлась область на северо-востоке Казахстана. Кулаками называли крестьян, поселившихся на земле, отнятой у казахов.

141. На V Съезде Советов, состоявшемся в мае 1918 г., было формально отменено запрещение допускать мусульман на правительственные должности, но "только *случайные* представители киргизов и узбеков или, вернее, главным образом, татары могли прийти к власти" (*Г. Сафаров.* Колониальная революция... с. 85). В профсоюзы принимались только русские рабочие (там же, с. 115). Статья Конституции РСФСР, согласно которой нанимателя рабочей силы лишались права принимать участие в голосовании при выборах в советские органы, в Туркестанене соблюдалась.

142. "Жизнь национальностей", № 23 (80), 18 июля 1920 г. Отчет о росте численности Коммунистической партии Туркестана и ее первых двух съездах, состоявшихся в июне и декабре 1918 г., дается П. Антроповым в сборнике "Революция в Средней Азии" ("Революция в Средней Азии", Ташкент, ч. I, 1928, с. 7–20; ч. II, 1929, с. 10–42). Самый лучший отчет о разногласиях среди членов партии и о недостатках в области соблюдения и применения ими основных положений партийной доктрины представлен в заметках Фрунзе, написанных во время его пребывания в Туркестане с 1919 по 1920 г., которые вошли в собрание его сочинений (*М.П. Фрунзе.* Собрание сочинений. М., 1929, т. I, с. 119–121).

143. "Жизнь национальностей", № 20 (28), 1 июня 1919 г.; № 22 (30), 15 июня 1919 г.

144. *В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. XXIV, с. 811, прим. 165.

145. *F.M. Bailey.* Mission to Tashkent, 1946, p. 190–191.

146. Взятие Ашхабада большевиками в октябре 1919 г. открыло путь через Каспийское море. Железная дорога, проходившая через Оренбург, не была очищена до следующей весны.

147. В состав комиссии вошли Элиава (бывший меньшевик, незадолго до этого вступивший в партию большевиков), Куйбышев, Рудзутак, Бокий и Голощекин (*Г. Сафаров.* Колониальная революция..., с. 105).

148. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 511, прим. 114.

149. Там же, с. 304.

150. "Жизнь национальностей", № 4 (61), 1 февраля 1920 г.

151. Кастанье ("Revue du Monde Musulman", li, p. 207) описывает эти события как происходившие в первой половине 1919 г., но добавляет, что немедленно вслед за ними состоялись переговоры по вопросу о подписании договора с Москвой (который был заключен в сентябре 1920 г.); вероятно, он неверно датировал события, ошибся на один год.

152. *М.П. Фрунзе.* Собрание сочинений, т. I, с. 141–143; "Revie du Monde Musulman", li, p. 219.

153. "Новый Восток", 1922, кн. 2, с. 272.

154. *A. Barmin.* One Who Survived. 1945, p. 103.

155. "Восьмой Всероссийский съезд Советов". М., 1921, с. 225–226.

156. См. главу 13.

157. *Г. Сафаров.* Колониальная революция..., с. 133.

158. Два примера более примиренческой национальной политики, приведенные Кастанье (Revue du Monde Musulman", I, p. 68–69), свидетельствуют о сложностях жизни в Туркестане: зимой 1920/21 г. выходным днем сделали пятницу вместо воскресенья; почтовые работники впервые стали принимать телеграммы на местных языках.

159. "Правда", 20 июня 1920 г. Выступая на X партийном съезде в Москве в марте 1921 г., Сафаров рассказал, что летом 1920 г. он прочитал следующее объявление в одном из небольших городков Туркестана: "По случаю того, что сегодня богослужение исполняется коммунистическим батюшкой, все члены коммунистической партии приглашаются на это богослужение" ("Десятый съезд РКП(б)...", с. 192). Бройдо отмечал, что существуют "коммунист-мусульманин, в "установленное" время занимающийся молитвой", и русский "архимандрит – председатель уездкома или редактор партийного и советского органа" ("Жизнь национальностей", № 23 (80), 18 июля 1920 г.).

160. "1-ый Съезд народов Востока", 1921, с. 85–91.

161. "Десятый съезд РКП(б)...", с. 211–214. На съезде Сталин не дал прямого ответа Сафарову, хотя большая часть его поправок к резолюции по национальному вопросу была принята. Ранее Сталин преуменьшал серьезность обвинений в "великодержавном шовинизме" и критически отзывался о "националистических пережитках" среди коммунистов, говорящих на тюркских языках (*И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 1–3).

162. "Жизнь национальностей", № 3 (132), 26 января 1922 г.

163. "Собрание узаконений... за 1921 г.", № 32, ст. 172.

164. Там же, № 32, ст. 172. Членами комиссии были Томский и Рудзутак, которые незадолго до этого сыграли главную роль в дискуссии о профсоюзах, развернувшейся на X партийном съезде в марте 1921 г. В своей книге "Тот, кто выжил" Бармин (*A. Barmin.* One Who Survived, 1945, p. 99) рассказывает о своем визите к ним в Ташкенте.

165. Наиболее полный отчет о восстании басмачей с некоторыми колоритными подробностями, связанными с претензиями Энвера на то, чтобы выражать интересы всех мусульманских народов, приведен в сборнике "Новый Восток" ("Новый Восток", 1922, кн. 2, с. 274–284). Согласно сообщению Кастанье ("Revue du Monde Musulman", li, p. 228–229), большевики предложили Энверу служить посредником между ними и восставшими, но он вместо этого перешел на сторону восставших. Однако к тому времени Кастанье уже покинул Среднюю Азию, и поэтому его сведения не всегда достоверны.

166. "Политика Советской власти по национальному вопросу...", с. 44, № 65.

167. *И.В. Сталин.* Соч., т. 2, с. 307.

168. "Революция и национальный вопрос...", т. 3, с. 411–412.

169. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 53.

170. Наиболее полный источник сведений об этих событиях представляет собой сборник "Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии", изданный грузинским правительством в Тифлисе в 1919 г. Воззвание от 18 ноября (1 декабря) 1917 г. см. в: "Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии", с. 8–10.

171. Там же, с. 164, 168, 171.

172. *Z. Avalishvili.* The Independence of Georgia in International Politics (n. d. [?1940]), p. 27. Это английский перевод книги грузинского буржуазного дипломата, опубликованной в Париже на русском языке в 1924 г.

173. Протоколы заседаний Закавказского сейма включены в сборник "Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии" (с. 200–222). Председателем Закавказского сейма был известный грузинский меньшевик Чхеидзе, а премьер-министром нового правительства тоже грузин по фамилии Чхенкели.

174. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 96.

175. Речи грузинского представителя Церетели на последнем заседании Закавказского сейма см. в: "Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии", с. 317–330. "Акт о независимости Грузии" см. там же, с. 336–338, а также в: *Ю.В. Ключников и Андрей Сабанин.* Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 435–436. В речи Церетели содержится упрек по

адресу Российского Советского правительства, которое позволило, чтобы "пределы Закавказья оказались открытыми для вторжения неприятеля", и цитируется советский декрет, в котором признается свобода каждого народа, составляющего часть России, выбирать подходящий политический строй, включая полное отделение от России. Несколько апологетический тон обоих документов выдает большую неуверенность относительно окончательных перспектив объявленной независимости.

176. В короткий период существования Закавказской республики руководитель местного германского командования генерал фон Лоссов предложил свое посредничество в отношениях между Россией и Закавказьем. Это предложение было принято Чичериным ("Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии", с. 302–303), но ничего не дало, вероятно, в связи с роспуском Федеративной Закавказской Республики.

177. Германо-грузинские договоры опубликованы в сборнике "Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии" (с. 339–342).

178. Эти операции живо описаны в книге Дансгервилла (*L.C. Dunsterville.* The adventures of Dunster force, 1920). Приведенные в ней политические комментарии наивны, однако порой проливают свет на события. Русский перевод этой книги под названием "Британский империализм в Баку и Персии, 1917–1918" был опубликован в Тифлисе в 1920 г. 26 советских комиссаров, которые составляли правительство Баку с апреля до июля 1918 г., бежали перед прибытием в Баку британских сил. Но в сентябре они попали в руки враждебных большевикам властей в Закаспии и были убиты – при участии, как утверждали, или при молчаливом одобрении местного британского военного командования. Этот акт приобрел известность, и вопрос об ответственности за него обсуждался в переписке между британским и Советским правительствами еще четыре года спустя ("Cmd. 1846", 1923).

179. Любопытно отметить, что грузинское правительство в тот же день, когда оно послало официальный протест против вступления британских войск в Грузию (22 декабря 1918 г.), обратилось также в британскую военную миссию за помощью, чтобы пресечь вторжение армян на "грузинскую территорию" ("Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии", с. 425–426, 478–479).

180. Наиболее полный отчет об этом событии приводится в книге Багирова (*М.Д. Багиров.* Из истории большевистской организации в Баку и Азербайджане. М., 1946, с. 193–198). Обращения азербайджанского Военно-революционного комитета и Центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана см. в: *Ю.В.Ключников и Андрей Сабанин.* Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. 1, с. 21–22.

181. "Собрание узаконений... за 1920 г.", № 64, ст. 282. 30 апреля 1920 г. Жордания, выступая в грузинском Учредительном собрании по поводу переворота в Азербайджане, заметил, что "если сам народ одобряет вторжение иностранной армии в его страну, то действия против этой армии были бы с нашей стороны нарушением прав данного народа" (*Z. Avalishvili.* The Independence of Georgia in International Politics (n.d. [? 1940],) p. 260). Это умиротворяющее заявление, несомненно, открыло путь для советско-грузинского соглашения.

182. Отчет об этом событии см. в: *Б.А. Борьян.* Армения, международная дипломатия и СССР. М.–Л., 1929, ч. II, с. 88–114. Автор книги, армянский большевик, многословен и больше интересуется теорией, чем фактами, но он использует источники, достать которые затруднительно, в том числе армянские документы. Кроме того, он не совсем лишен критического восприятия. В журнале "Коммунистический Интернационал" говорилось, что большевистский "революционный комитет" захватил власть в Александрополе 3 мая 1920 г. и через неделю провозгласил образование Советской Армении, но не смог развить свой первоначальный успех ("Коммунистический Интернационал", № 13, сентябрь 1920 г., столбец 2549). Согласно тому же источнику, число членов армянской секции Российской коммунистической партии составляло в то время три тысячи человек, большинство из которых проживало за пределами Армении ("Коммунистический Интернационал", № 13, сентябрь 1920 г., столбец 2547). (Самостоятельной армянской коммунистической партии не существовало.)

183. В книге Борьяна дважды засвидетельствована распространенность этого убеждения (*Б.А. Борьян.* Армения, международная дипломатия и СССР,

ч. II, с. 121, 136). Автор относит это за счет пропаганды дашнаков, сам он его не разделяет. Антибольшевистская литература этого периода содержит несколько подробных историй о тайном договоре между Россией и Турцией с целью уничтожения Закавказских республик, но ни одна из них не основывается на достоверных данных.

184. "Ревком Армении образовался на границе Азербайджана и Армении и не имел никакой реальной силы, проявив себя только выпуском декларации о провозглашении Социалистической советской республики Армении" (*Б.А. Борьян.* Армения, международная дипломатия и СССР, ч. II, с. 122–123).

185. *Ю.В. Ключников и Андрей Сабанин.* Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. 1, с. 75.

186. *Б.А. Борьян.* Армения, международная дипломатия и СССР, ч. II, с. 133–140, 158–159.

187. В результате визита делегации появилась пространная антибольшевистская литература, в том числе книги Каутского и Вандервельде.

188. "1-ый Съезд народов Востока", с. 149.

189. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4,с. 379–380.

190. "Жизнь национальностей", № 34 (91), 3 ноября 1920 г.

191. *Ю.В. Ключников и Андрей Сабанин.* Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. 1, с. 86–87, 91.

192. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 367. Можно предположить, что Ленин накануне введения НЭПа и подписания торгового соглашения с Великобританией не уделял большого внимания Грузии и что эта удивительная готовность не торопиться с решением вопроса о меньшевиках была вызвана желанием уменьшить опасность международных осложнений. Ленин продолжал до конца жизни считать Грузию уязвимым местом советской политики.

193. См. прим. 217 к главе 11.

194. В отчете об этом восстании, которое продолжалось с февраля 1921 до ноября 1923 г., опубликованном в журнале "Пролетарская революция", больше сообщается об инцидентах, чем стоящих за ними причинах ("Пролетарская революция", 1928, № 5 (76), с. 66–102). Однако заявление о том, что восстание начали "белые" офицеры, по всей вероятности, верно: в газете "Жизнь национальностей" сообщалось, что восстание "носило ярко националистический характер, хотя в числе заговорщиков были не только русские, но даже несколько мадьярских офицеров" ("Жизнь национальностей", № 18 (116), 16 сентября 1921 г.).

195. "Foreign Relations of the United States, 1918: Russia", 1932, ii, p. 100.

196. Наиболее полный отчет о деятельности этого правительства, написанный одним из его членов, см. в: *Г.К. Гинс.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921, т. I, с. 102–131.

197. Наиболее полные отчеты об Уфимском совещании см. в: *Г.К. Гинс.* Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 207–255; а также *В.Г. Болдырев.* Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925, с. 35–53. Текст акта приводится в книге Болдырева (*В.Г. Болдырев.* Цит. соч., с. 493–497). Перевод текста см. в: "Foreign Relations of the United States, 1918: Russia", 1932, ii, p. 406–409. Болдырев командовал военными силами Директории. После колчаковского "переворота" он уехал в Японию и вновь появился во Владивостоке в 1920 г. в качестве представителя русских белогвардейцев, который являлся persona grata для японского генерального штаба. В 1922 г. он сдался большевикам и был амнистирован. Его воспоминания, которые цитировались выше, были опубликованы в советской редакции.

198. "Foreign Relations of the United States, 1918: Russia", ii, p. 381, 409–410.

199. *Г.К. Гинс.* Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 38.

200. Там же, с. 397.

201. Там же, с. 413 (вместо "ноябрь" там ошибочно напечатано "октябрь"); "Foreign Relations of the United States, 1919: Russia", 1937, p. 225.

202. Текст этой ноты см. в: *Г.К. Гинс.* Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 441–442. Согласно этому же источнику, когда члены правительства Колчака бросили упрек делегату от Чехословацкого корпуса в том, что чехословацкие войска тоже принимали участие в этих эксцессах, то он ответил: "Это верно, но именно потому, что наше войско деморализуется при соприкосновении с вашим, мы и стремимся поскорее его увезти" (там же, т. II, ч. III, с. 529).

203. Там же, т. II, с. 501.

204. Там же, с. 565–566. Факсимильное воспроизведение акта о передаче власти Семенову приводится в книге Борисова "Дальний Восток" (*Б. Борисов.* Дальний Восток. Вена, 1921, с. 15–16). Небольшая часть колчаковских войск под командованием генерала Каппеля избежала разгрома, и в результате поразительного перехода через Якутию и через скованный льдом Байкал (впоследствии этот переход называли "ледяным походом") ей удалось присоединиться к Семенову (*Г.К. Гинс.* Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 550–554). "Каппелевцы" держались вместе и в политической жизни Восточной Сибири в течение еще двух лет оставались беспокойным элементом. Они отличались особенно беспощадным обращением с любыми большевиками, с которыми им приходилось сталкиваться. Согласно одному из отчетов ("Революция на Дальнем Востоке". М., 1923, с. 100), среди них было много татар и башкир, мобилизованных первоначально из Уфы.

205. *П.С. Парфенов-Алтайский.* Борьба за Дальний Восток, 1920–1922 гг. М., 1928, с. 60–61.

206. Текст приговора см. в: *П.С. Парфенов-Алтайский.* Борьба за Дальний Восток..., с. 64–65.

207. Лучший отчет об этом событии, включая документ, опубликованный иркутской прессой, см. в: *П.С. Парфенов-Алтайский.* Борьба за Дальний Восток..., с. 55–57. См. также: *Г.К. Гинс.* Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 545–546. Нортон в своей книге приводит дополнительные подробности, очевидно, на основе собственных встреч с участниками событий, но ему не хватает политического осмысления, он постоянно преувеличивает роль Краснощекова (*H.K. Norton.* The Far Eastern Republic of Siberia, 1923).

208. Английский вариант декларации, в котором провозглашалась Дальневосточная республика, см. в: "A Short Outline History of the Far Eastern Republic". Washington, 1922, p. 40–42. По словам Нортона, декларация была вначале составлена Краснощековым на английском языке, поскольку английским он владел лучше, чем своим родным языком (*H.K. Norton.* The Far Eastern Republic of Siberia, p. 136).

209. *Ю.В. Ключников и Андрей Сабанин.* Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. 1, с. 24.

210. "Революция на Дальнем Востоке", с. 102.

211. Трудно установить, что именно произошло в Николаевске в марте 1920 г. В конце февраля 1920 г. армия Тряпицына заняла город и добилась неких условий, обеспечивающих возможность мирного сосуществования с японским гарнизоном. Согласно большинству советских источников, осложнение в марте началось в связи с предательским нападением японцев, нарушивших это соглашение. Тряпицын тогда окружил гарнизон, и в ходе этих действий было убито несколько японцев – гражданских лиц. Остальная часть этой истории бесспорна. Тряпицын удерживал Николаевск до мая, когда японцы отправили морем экспедиционные силы, чтобы выбить его оттуда. Узнав о приближении превосходящих сил, Тряпицын перебил все японское население, включая японских военнопленных, разграбил город и перед уходом сжег его дотла. В начале июля он был захвачен Красной Армией и расстрелян вместе со своими главными помощниками.

Ненадежность сведений отчасти связана с тем, что перепутаны события мартовские с майскими, а отчасти с тем фактом, что у советских апологетов нет единого мнения: они стремятся осудить карательные действия японцев, имевшие место в апреле, но расходятся в вопросе о том, оправдывать ли действия Тряпицына в марте как вызванные японской провокацией или осудить его как "анархиста" и "авантюриста", за чьи действия большевики не могли, естественно, нести ответственность. Таким образом, две противоположные версии разных авторов были включены (очевидно, по недосмотру, поскольку отсутствует примечание от редакции) в книгу "Революция на Дальнем Востоке" ("Революция на Дальнем Востоке", с. 26–62, 119). Первая версия – согласно которой Тряпицын признается большевистским руководителем, преуменьшается число гражданских лиц, убитых в марте, и делается упор на японскую провокацию – более правдоподобна и в общем подтверждается Парфеновым (*П.С. Парфенов-Алтайский.* Борьба за Дальний Восток..., с. 95–97, 164–167). По-видимому, большевикам не приходило в голову отрекаться от Тряпицына до его майских зверств. В книге Парфенова (цит. соч., с. 197–200) перепечатан из местной прессы того времени

июльский приговор военного суда по делу Тряпицына и его помощников. Оказывается, ему было 23 года и главной его соучастницей была женщина 21 года. Согласно статье, опубликованной в журнале "Пролетарская революция", Тряпицын официально учредил "коммуну" в период своего пребывания у власти в Николаевске ("Пролетарская революция", 1924, № 5 (28). Материалы, относящиеся к николаевскому делу, в переводе на английский язык см. в: *H.H. Fisher.* The Testimony of Kolchak and other Siberian Material. Stanford, 1935, p. 331–364).

212. Текст соглашения см. в: *В.Г. Болдырев.* Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925, с. 498–500. Соглашение было подписано Болдыревым в качестве командующего местными русскими силами и главнокомандующим японскими вооруженными силами.

213. *П.С. Парфенов-Алтайский.* Борьба за Дальний Восток..., с. 200.

214. *В.Г. Болдырев.* Директория, Колчак, интервенты, с. 363–364.

215. Там же, с. 379–381. Английский вариант см. в: "A Short Outline History of the Far Eastern Republic". Washington, 1922, p. 45–46.

216. "Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами". Петербург, 1921, вып. II. "A Short Outline History of the Far Eastern Republic", p. 47–48.

217. *П.С. Парфенов-Алтайский.* Борьба за Дальний Восток..., с. 289; *H.K. Norton.* The Far Eastern Republic of Siberia, p. 157. В январе 1922 г. для бурят-монголов на территории РСФСР была образована "автономная область" ("Собрание узаконений... за 1922 г.", № 6, ст. 59). Можно предположить, что аналогичный шаг был предпринят и в Дальневосточной республике, поскольку, когда она была снова включена в РСФСР, бурят-монголы автономных областей обеих республик были летом 1923 г. объединены и образовали единую Бурят-Монгольскую Автономную Социалистическую Советскую Республику ("Собрание узаконений... за 1924 г.", № 1, ст. 10–11).

218. Английский перевод этой конституции см. в: *H.K. Norton.* The Far Eastern Republic of Siberia, p. 282–307.

219. *П.С. Парфенов-Алтайский.* Борьба за Дальний Восток..., с. 305–308.

220. *В.Г. Болдырев.* Директория, Колчак, интервенты, с. 446.

221. *М. Павлович.* РСФСР в империалистическом окружении. Японский империализм на Дальнем Востоке. М., 1922, с. 107.

222. Документ, датированный 9 июля 1921 г., был представлен на конференции в Вашингтоне делегатами Дальневосточной республики и перепечатан в книге: *М. Павлович.* РСФСР в империалистическом окружении..., с. 67–69. Главным доводом в пользу недостоверности документа служит то, что соглашение никогда не выполнялось.

223. Первоначально американцы предлагали конференцию по сокращению вооружений. Тихоокеанский вопрос добавился по предложению Великобритании в июле 1921 г.

224. См. статьи в газетах "Известия" от 2 августа 1921 г. и "Экономическая жизнь" от 10 августа 1921 г. (обобщенные в книге Пасвольского: *L. Pasvolsky.* Russia in the Far East. N. Y., 1922, p. 124–127) и тезисы Исполкома Коминтерна, опубликованные в "Правде" 1 сентября 1921 г. (обобщены в книге Пасвольского: ibid., p. 127–129).

225. *П.С. Парфенов-Алтайский.* Борьба за Дальний Восток..., с. 327. Судя по доступным сведениям, для такого шага не было никаких оснований.

226. Меморандум государственного департамента японскому посольству в Вашингтоне от 31 мая 1921 г. и уклончивый ответ японцев от 8 июля 1921 г. см. в: "Foreign Relations of the United States, 1921", 2, 1936, p. 702–705, 707–710.

227. Текст этого документа имеется в книге Парфенова (*П.С. Парфенов-Алтайский.* Борьба за Дальний Восток..., с. 331–333).

228. Публичные заявления обеих делегаций в официальных протоколах ("Conference on the Limitation of Armaments". Washington, 1922, p. 853–859) выглядели несколько менее ясными, несомненно, по причинам престижности.

229. Нота японского консула в Чите министру иностранных дел Дальневосточной республики Янсону, датированная 19 июля 1922 г., и ответ на нее от 23 июля 1922 г., подписанный совместно Караханом от имени РСФСР и Янсоном от имени Дальневосточной республики, опубликованы в сборнике "Новый Восток" ("Новый Восток", ч. II, 1922, с. 40–41).

230. *П.С. Парфенов-Алтайский.* Борьба за Дальний Восток..., с. 350–351. Собственный рассказ Иоффе о конференции см. в: "Новый Восток", 1923, № 4, с. 1–11. Отчет, опубликованный в книге Тойнби (*A.I. Toynbee.* Survey of International Affairs, 1920–1923. 1925, p. 442–444), содержит некоторые дополнительные подробности, взятые из периодики того времени.

231. Официальное заявление, датированное 14 ноября 1922 г., было опубликовано в "Известиях" 21 ноября 1922 г. Ленин с удовлетворением его приветствовал в своем последнем публичном выступлении (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 302–303). Декрет ВЦИКа о включении Дальневосточной республики в РСФСР см. в: *Ю.В. Ключников и Андрей Сабанин.* Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I, с. 206.

Глава 12. Итоги самоопределения

1. "Жизнь национальностей", № 8, 29 декабря 1918 г.
2. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 366.
3. "Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет". М., 1968, с. 580.
4. Боротьбисты (см. главу 11, раздел "Западные окраины") выступали за отдельную украинскую армию (*Н. Попов.* Очерк истории Коммунистической партии (большевиков) Украины. М., 1933, 5-е изд., с. 214–215).
5. В статье, опубликованной в газете "Жизнь национальностей", рассматриваются трудности, связанные с призывом в Красную Армию мусульман Туркестана. Однако там говорится также, что "многие десятки тысяч" этих людей в то время проходили подготовку в лагере под Ташкентом ("Жизнь национальностей", № 32 (89), 17 октября 1929 г.).
6. "Девятый Всероссийский съезд Советов". М., 1922, с. 208–209.
7. "Двенадцатый съезд РКП(б)...", с. 571; "КПСС в резолюциях...", т. 3, с. 87.
8. "Первый Всероссийский съезд Профессиональных Союзов". М., 1918, с. 27.
9. "Третий Всероссийский съезд Профессиональных Союзов". М., 1921, ч. 1, с. 29–30.
10. См. Приложение Б.
11. "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 105. В то же время, когда Латвия и Литва были признаны в 1920 г. в качестве независимых буржуазных республик, коммунистические партии этих стран также стали самостоятельными.
12. "Двенадцатый съезд РКП(б)...", с. 571.
13. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 183.
14. *И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 244–245.
15. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 95–96.
16. "Смена вех" – название сборника статей русских эмигрантов, опубликованного в Праге в 1921 г., авторы которых выступали за определенное примирение с советским строем. Осенью 1921 г. под тем же названием в Париже начал выходить еженедельный журнал, объявивший себя "открытым для всех представителей русской интеллигенции, которые принимают Октябрьскую революцию, независимо от идеологических оснований этого признания". К этому шагу их в основном побудили патриотические чувства, вызванные советско-польской войной и провозглашением Лениным НЭПа, который считали признаком отказа от догматического коммунизма. Устрялов, наиболее видный представитель сменовеховцев, выразил дух великорусского шовинизма в его самой чистой форме: "Лишь "физически" мощное государство может обладать великой культурой. Души "малых держав" не лишены возможности быть изящными, благородными, даже "героическими" – но они органически неспособны быть великими. Для этого нужен большой стиль, большой размах, большой масштаб мысли и действия, – "рисунок Микель Анжело". Возможен германский, русский, английский "мессианизм". Но, скажем, мессианизм сербский, румынский или португальский – это уже режет ухо, как фальшиво взятая нота" ("Смена вех. Сборник статей". Прага, 1922, 2-е изд., с. 57–58).
17. *И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 244.
18. См. главу 10.
19. "Двенадцатый съезд РКП(б)...", с. 578.
20. "КПСС в резолюциях...", т. 3, с. 83.

21. *И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 265.
22. "Жизнь национальностей", № 33 (41), 31 августа 1919 г.
23. *С. Атнадулов.* Башкирия. М.–Л., 1925, с. 71.
24. "КПСС в резолюциях...", т. 3, с. 85.
25. "Двенадцатый съезд РКП(б)...", с. 573.
26. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 360–361.
27. Так, например, Кастанье стремится с помощью списка фамилий показать, что из 13 членов первого совнаркома Горской республики по крайней мере 9 были русскими ("Revue du Monde Musulman", 1922, li, p. 93). В книге Бэтселла (*W.R. Batsell.* Soviet Rule in Russia. N. Y., 1929, p. 129) приводится аналогичное свидетельство в отношении Татарской Автономной ССР.
28. "Новый Восток", 1924, кн. 5, с. 225.
29. *Ф. Дан.* Два года скитаний. Берлин, 1922, с. 69. При этом назначении могло сыграть свою роль желание убрать подальше от Москвы руководителя бывшей меньшевистской организации, чье лояльное отношение к большевизму не могло не вызвать подозрений.
30. См. главу 11, прим. 49.
31. "Двенадцатый съезд РКП(б)...", с. 616.
32. "Жизнь национальностей", № 12 (147), 15 июня 1922 г. Это заявление Сталина не включено в собрание его сочинений.
33. *И.В. Сталин.* Соч., т. 2, с. 362.

Глава 13. Через союз к федерации

1. Датой образования Армянской ССР считается декабрь 1920 г., а Грузинской ССР – февраль 1921 г.
2. "История Советской Конституции в декретах и постановлениях Советского правительства, 1917–1936", М., 1936, с. 103–104, 100–110.
3. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 229.
4. "История Советской Конституции в декретах...", с. 122.
5. Это, очевидно, первое применение в таком контексте слова "союз", которое в русском языке может означать и "объединение" и "связь". Неясность терминологии, связанная с отсутствием точности в российском конституционном мышлении, в данном случае помогла переходу от одного состояния к другому.
6. "Собрание узаконений... за 1919 г.", № 21, ст. 264. В перечислении территорий, на которые распространялся этот декрет, Крым в трех местах упоминался, а в двух не упоминался. Это позволяет предположить, что его включили позднее. Включение его было необычным, поскольку он никогда, в отличие от других перечисленных стран, не имел статуса независимой Советской республики. Позднее он стал автономной республикой, входящей в РСФСР.
7. В резолюции, составленной Лениным и одобренной партийной конференцией в декабре 1919 г., смело говорилось, что украинская резолюция от 18 мая 1919 г. и декрет ВЦИКа от 1 июня того же года создали отношения, которые определяются "федеративной связью" между РСФСР и Украиной (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 334; "КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 199).
8. В резолюции X съезда партии, состоявшегося в 1921 г., указывалось, что необходимость единства вытекает из угрозы нападения капиталистов ("КПСС в резолюциях...", т. 2, с. 364).
9. "Жизнь национальностей", № 6 (61, законодательный – 63), 15 февраля 1920 г.
10. *И.В. Сталин.* Соч., т. 4, с. 351–363. Статья также появилась в текущем номере газеты "Жизнь национальностей". Значение этой статьи в истории создания СССР отмечалось в посвященной ей лекции по случаю 20-летия опубликования статьи, состоявшейся 10 октября 1940 г. в Институте советского права Академии наук СССР. Лекция была опубликована в журнале "Советское государство и право" ("Советское государство и право", 1940, № 11, с. 1–10).
11. См. главу 11, раздел "Восточные окраины".
12. Эти шесть договоров см. в: "Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами". Петербург, 1921, вып. I, № 1–6, с. 8.

13. "Восьмой Всероссийский съезд Советов". М., 1921, с. 232.

14. "Сборник действующих договоров...", вып. I, № 8, с. 15–16; "Восьмой Всероссийский съезд Советов", с. 234.

15. "Сборник действующих договоров...", вып. I, № 7, с. 13. У Бэтселла (*W.R. Batsell.* Soviet Rule in Russia, p. 204) неверно указана дата заключения договора – 16 января 1920 г. Автор книги был введен в заблуждение опечаткой в заглавии договора, включенного в "Сборник действующих договоров...", хотя в самом тексте договора дата указана правильно.

16. "Сборник действующих договоров...", вып. II, № 41, с. 7–8.

17. *Ю.В. Ключников и Андрей Сабанин.* Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. 1, с. 22–23.

18. "Сборник действующих договоров...", вып. II, № 40, с. 5–6.

19. Там же, вып. I, № 3–10, с. 17–26.

20. Там же, вып. II, № 42–43, с. 7–14.

21. Эта фраза взята из договора с Хорезмом. В договоре с Бухарой лишь содержится ссылка на неопубликованное военное соглашение, заключенное в ноябре 1920 г. Предложенные новые соглашения, если они были заключены, опубликованы не были.

22. В этой неясности любознательный наблюдатель мог бы разглядеть тот случай, когда история повторяется. Поколения историков спорили о том, утверждал ли договор, заключенный в 1654 г. в Переяславле, союз между Московией и Украиной или включение Украины в империю Московии.

23. Раковский по этому случаю от имени всех пяти республик сделал заявление о Красной Армии, цитируемое выше (см. главу 12).

24. "Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях". М., 1939, с. 219.

25. *И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 146.

26. Там же, т. 4, с. 295.

27. "Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях", с. 152.

28. "КПСС в резолюциях...", т. 3, с. 88. Газета "Жизнь национальностей" опубликовала протест председателя чувашского областного исполнительного комитета, который заявил: "Если автономные области и республики должны будут пользоваться только политическими правами, то незачем считать их автономными национальными областями и республиками" ("Жизнь национальностей", № 12 (147), 15 июня 1922 г.).

29. См., например, договор с Эстонией от 25 ноября 1921 г. ("League of Nations. Treaty Series", 1922, XI, № 294). Осенью 1921 г. Фрунзе в качестве украинского делегата выехал в Анкару со специальной миссией – заключить договор с Турцией (*М.П. Фрунзе.* Собрание сочинений. М., 1929, т. I, с. 274).

30. "Сборник действующих договоров...", вып. II, № 51, с. 53.

31. Там же, № 52, с. 72–77.

32. *Ю.В. Ключников и Андрей Сабанин.* Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I, с. 139.

33. "Сборник действующих договоров...", т. III, № 1, с. 1–3. Знаменательно, что те же силы совместной экономической заинтересованности целых регионов действовали и за пределами системы советских республик. 29–30 марта 1922 г. делегаты РСФСР, Польши, Эстонии и Латвии встретились в Риге, чтобы "согласовать действия своих представителей" на Генуэзской конференции ("Conférence de Moscou sur la Limitation des Armaments". Moscou, 1923, p. 139–141).

34. "Известия", 13 августа 1922 г.

35. *Ю.В. Ключников и Андрей Сабанин.* Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I, с. 206.

36. "Conférence de Moscou sur la Limitation des Armaments", p. 64.

37. Второе предложение действительно было сделано на заседании секции национальностей в ходе работы XII съезда партии в апреле 1923 г., очевидно, в качестве дополнения к предложению грузинских "уклонистов" о том, чтобы республики Закавказской федерации входили в СССР как отдельные единицы (*И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 269–270).

38. Автономные республики: Башкирская, Татарская, Казахская, Туркестанская, Горская, Дагестанская, Крымская и Якутская; автономные области: Чувашская, Марийская, Калмыцкая, Вотская, Коми, Кабардино-Балкарская,

Бурят-Монгольская, Карачаево-Черкесская, Ойротская, Адыгейская, Чеченская, Карельская и немцев Поволжья (последняя все еще официально называлась "Трудовой коммуной"). Список см. в: "Пять лет власти Советов". М., 1922, с. 227 (к нему добавлена Чеченская область, образованная в ноябре 1922 г.). Позднее значительно увеличилось число автономных республик и областей. Две автономные республики (Абхазская и Аджарская) и одна автономная область (Юго-Осетинская), первоначально составлявшие часть Грузии, были включены в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику.

39. См. главу 11, раздел "Республики Закавказья".

40. Борьян в своей книге приводит заявления такого содержания, взятые из протоколов I и II съездов Советов Армении, состоявшихся соответственно в 1921 и в 1922 гг. (*Б.А. Борьян.* Армения, международная дипломатия и СССР. М., 1929, т. II, с. 319).

41. Цит. по: *Б.А. Борьян.* Армения, международная дипломатия и СССР, т. II, с. 333.

42. Эти подробности упоминались в одном предвзятом заявлении, сделанном на XII съезде партии; однако всерьез они не оспаривались ("Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет", с. 583–584).

43. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 136.

44. Там же, т. 43, с. 198–199.

45. "Двенадцатый съезд РКП(б)...", с. 178.

46. Было бы невозможно на основе доступных в настоящее время материалов подробно раскрыть запутанную историю о том, что произошло в Грузии и что произошло в партии в связи с Грузией за 12 месяцев – с декабря 1921 до декабря 1922 г. Но в общих чертах это становится ясно из длительных споров, которые происходили на XIIсъезде партии в апреле 1923 г., когда все стороны высказывались с большой откровенностью, – это был последний случай, когда на партийном съезде было так много откровенных высказываний.

47. Сам договор см. в: "История Советской Конституции в декретах...", с. 208–210. Перевод положения о "Высшем Экономическом Совете" сделан на основе другого источника: *W.R. Batsell.* Soviet Rule in Russia. N. Y., 1929, p. 403–408. Здесь, однако, "совет" превратился в "конференцию".

48. "История Советской Конституции в декретах...", с. 223–232.

49. На XIIсъезде партии в апреле 1923 г. против этих мероприятий выступили Мдивани, Махарадзе и Бухарин; их отстаивали Сталин, Орджоникидзе и Енукидзе. Деликатный момент этой ситуации заключался в том, что Ленин, до того как у него случился второй приступ, обещал, как предполагали, поддержать Мдивани: его письмо с критикой политики Сталина и Дзержинского было распространено среди делегатов съезда, хотя и не опубликовано. Троцкий, не выступавший по этому вопросу на съезде, впоследствии утверждал, что Ленин поверял ему свои взгляды и что он, Троцкий, разделял эти взгляды. Этот эпизод будет рассмотрен в продолжении настоящей работы: "Междуцарствие, 1923–1924".

50. Соответствующие документы см. в: "История Советской Конституции в декретах..", с. 233–240. Сталин в своем заявлении, опубликованном в "Правде" 18 ноября 1922 г., утверждал, что инициатива была проявлена самими республиками за три месяца до этого (*И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 138).

51. "Собрание узаконений... за 1923 г.", № 28, ст. 325; "История Советской Конституции в декретах...", с. 241–242; *И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 145–155. В этой резолюции впервые установлено название "Союз Советских Социалистических Республик". Составившие СССР союзные республики, так же как и автономные республики, назывались "социалистическими Советскими республиками". Изменение порядка слов никогда, кажется, объяснено не было.

52. *И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 158.

53. "История Советской Конституции в декретах...", с. 244–250; *И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 393–401.

54. "Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик". М., 1923, с. 11.

55. Там же, с. 13. Эта надежда осуществилась путем создания Узбекской и Туркменской Советских Социалистических Республик в 1925 г.

56. Там же, с. 15.

Глава 14. Конституция СССР

1. "Вторая сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик". М., 1923, с. 11–12.

2. Отвергнутые проекты см. в: *В.И. Игнатьев.* Советский строй. М., 1928, с. 123–137.

3. Сталин впоследствии, вспомниная об этом случае, отметил, что "раздавались речи, не соответствующие коммунизму, – речи, не имеющие ничего общего с интернационализмом" (*И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 244–245).

4. "КПСС в резолюциях...", т. 3, с. 85.

5. Там же, с. 86.

6. "Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет", с. 652–653.

7. *И.В. Сталин.* Соч., т. 5, с. 277–278.

8. II Всесоюзный съезд Советов увеличил эту цифру до 414.

9. Даже на "объединенных" заседаниях палаты ВЦИКа голосовали раздельно, и для каждого согласованного решения требовалось большинство голосов каждой из палат. Было также принято постановление о "пленарных" заседаниях для проведения выборов на посты, связанные с выполнением различных обязанностей, и для решения процедурных вопросов; при этом обе палаты голосовали вместе, и требовалось только большинство голосов этого общего органа. Это, однако, было отменено на основании поправки, принятой II Всесоюзным съездом Советов.

10. Текст Конституции, окончательно утвержденный ВЦИКом 6 июля 1923 г., см. в: "История Советской Конституции в декретах...", с. 244-250, 255–267; английский перевод см. в: "British and Foreign State Papers", 1924, CXX, p. 889–902.

11. Различные органы, ранее прикрепленные к Совнаркому РСФСР, из которых наиболее важными были Совет Труда и Обороны и Государственная плановая комиссия, теперь были прикреплены к Совнаркому СССР. В Конституции о них не упоминалось, и, по-видимому, никакого официального постановления об их переводе, который сам собой разумелся, не было принято. Это было одной из нескольких аномалий, наблюдавшихся при переходе.

12. См. главу 13.

13. "Автономные области" таких органов не имели, и они не представляют интереса в конституционном отношении. У них были те же статус и структура, что и у других областей, согласно Конституции.

14. См. главу 13.

15. Конституция СССР возложила на высшие союзные органы ответственность за "установление основ и общего плана всего народного хозяйства". Растущее сосредоточение экономической политики являлось одной из действующих централизующих сил в Конституции СССР.

16. Осторожно сформулированный отрывок из резолюции XII съезда партии, принятой в апреле 1923 г., заставляет предположить, что это распределение власти вызывало в республиках опасения: "Слияние комиссариатов есть экзамен советскому аппарату: если бы этот опыт получил на практике великодержавническое направление, то партия была бы вынуждена принять против такого извращения самые решительные меры, вплоть до постановки вопроса о пересмотре слияния некоторых комиссариатов" ("КПСС в резолюциях...", т. 3, с. 85).

17. Конституция допускала одно исключение из этого общего правила: право на отделение, предоставленное входящим в Союз ССР республикам, не могло быть отменено; границы республик также не могли быть изменены без согласия этих республик (статья 6).

18. *K.C. Wheare.* Federal Government, 1946, p. 255.

19. "Второй съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик". М., 1924, с. 129–136. При этом были приняты две небольшие поправки, о которых упоминалось выше (глава 14, прим. 8 и 9).

Приложение Б. Большевистская теория самоопределения наций

1. "Discours et Rapports de Robespierre", ed. C. Vellay, 1908, p. 328.

2. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, с. 61, 70.

3. К началу XX века это высказанное в XIX веке предположение было забыто. Жорес и Бернштейн, верно истолковав слова Маркса "рабочие не имеют отечества" как выражение сожаления, заявляли, что они сказаны в поддержку национального социализма против интернационального. Плеханов отвергал верную интерпретацию фразы Маркса именно потому, что она, казалось, вела к этому неприятному выводу (*Г.В. Плеханов*. Соч., т. XIII, с. 263–264).

4. В 1848 г. наблюдался также впервые переход от концепции индивидуального самоопределения как естественного следствия демократии (утверждение, что "население Рура имеет право выбирать, к какому государству ему принадлежать") к концепции национальности как объективного права наций на независимую государственность (утверждение, что "народ Рура имеет право создать независимое государство"). Права человека, предусмотренные Французской революцией, были перенесены на нации. Славянский конгресс в июне 1848 г. обратился с манифестом "во имя свободы, равенства и братства европейских народов". Так преломилась теория "общественного договора" Руссо.

5. Прогрессивные мыслители XIXвека из практических соображений, как правило, не сочувствовали требованиям малых национальностей. Джон Стюарт Милль в своей работе "Размышления о представительном правлении" (*J.S. Mill.* Considerations on Representative Government) писал: "Когда бретонец или баск из Французской Наварры находится в гуще мыслей и чувств цивилизованного и развитого народа – французской нации, когда он пользуется всеми преимуществами французского гражданства, находится под защитой Франции и ему выгодны престиж и достоинства французского государства, – кто станет утверждать, что все это менее для него благотворно, чем угрюмо глядеть на свои скалы, полуварварский остаток ушедших времен, и крутиться в своем умственно тесном мирке без участия или заинтересованности в общем движении мира. То же относится и к валлийцу или к горцу Северной Шотландии, входящим в британскую нацию". Через несколько страниц Милль выражал надежду, что более просвещенное правительство Ирландии вскоре научит ирландцев понимать "пользу, которую малочисленные и менее богатые народы непременно должны извлекать из того факта, что они не иностранцы, а соотечественники тех, кто принадлежит не только к наиболее близко соседствующей с ними, но и наиболее богатой, прекраснейшей, наиболее цивилизованной и могущественной нации в мире". Ленин придерживался точно такого же мнения: "Чем ближе демократический строй государства к полной свободе отделения, тем реже и слабее будут на практике стремления к отделению, ибо выгоды крупных государств и с точки зрения экономического прогресса и с точки зрения интересов массы несомненны" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 255).

6. Здесь Энгельс пользуется общепризнанным списком. Последний запоздалый отзвук того первостепенного значение, которое либеральные мыслители XIXвека придавали национальным устремлениям этих четырех народов, можно найти в "Четырнадцати пунктах" Вудро Вильсона. Немцы и венгры были теперь врагами, а итальянцы и поляки были единственными народами, чьи национальные требования получили особое признание в "Четырнадцати пунктах". Для более малочисленных народов, которые не были названы, достаточно было бы автономии.

7. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, с. 159–162.

8. Краковское восстание 1846 г., которое послужило прелюдией к революции 1848 г., придало польскому движению "демократический" характер, на чем Маркс неизменно настаивал в этот период. Тем не менее Маркс и Энгельс были не слишком довольны тем местом, которое занимала Польша в революционной схеме. Их не всегда последовательные высказывания по этому вопросу, собранные Рязановым, см. в: "Archiv für die Geschechte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung". Leipzig, 1916, VI, S. 175–221.

9. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 5, с. 422.

10. Заявление от 13 февраля 1848 г. подписали трое, и одним из этих троих был Маркс. В заявлении выражалось удовлетворение по поводу "тесного союза между народами Ирландии и Великобритании", а также по поводу возможности "побороть тот предрассудок, в силу которого ирландский народ испытывает общую ненависть как к угнетенным классам Англии, так и к угнетателям обеих стран, не делая различия между ними" (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, с. 531).

11. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, с. 289–306.

12. Особенно в статье от 17 июня 1848 г., где тем не менее сказано также, что угнетение со стороны немцев толкнуло чехов "на сторону русских, на сторону деспотизма против революции" (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 5, с. 85).

13. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 260.

14. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, с. 315–316.

15. Там же, т. 31, с. 318; т. 32, с. 337. Ленин впоследствии писал: "Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе дала величайший, доныне сохранивший громадное *практическое* значение, образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 307).

16. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, с. 187.

17. Там же, с. 193.

18. "International Socialist Workers and Trade Union Congress, London, 1896" (n. d.), p. 31.

19. Примечательно, что претензии Финляндии к России, о которых мир узнал после 1905 г., обсуждались не на основе абстрактного права на самоопределение, а на основе конституционного закона Российской империи.

20. Плеханов в своих замечаниях, говоря об этом пункте ленинского проекта Программы, предложил заменить слово "государство" словом "империя", чтобы он относился только к царскому режиму, а также с целью избегать утверждений такой политики будущей буржуазной или социалистической республики, которая могла бы означать расчленение России. Ленин не согласился с этим ограничением ("Ленинский сборник". М., 1924, т. II, с. 144).

21. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 115.

22. Благодаря широкому распространению немцев в Европе, германские концепции по национальному вопросу имели скорее личную, чем территориальную основу. Депутаты Франкфуртского национального собрания в 1848 г. представляли не какие-либо территории, а немецкие общины, которые иногда являлись меньшинствами на тех территориях, где они проживали. Было даже высказано предложение, хотя и не принятое, пригласить делегатов от немецкой общины в Париже.

23. "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 13.

24. "Второй съезд РСДРП (Протоколы)". М., 1959, с. 320; см. главу 2.

25. "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 204–205.

26. В дальнейшем Сталин подробно остановился на этом вопросе: "Тип организации... накладывает неизгладимую печать на всю духовную жизнь рабочего... Организуясь на основе национальности, рабочие замыкаются в национальные скорлупы, отгораживаясь друг от друга организационными перегородками. Подчеркивается не **общее** между рабочими, а то, чем они друг от друга отличаются. ...национальный федерализм в организации воспитывает в рабочих дух **национальной** обособленности" (*И.В. Сталин.* Соч., т. 2, с. 365).

27. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 104. Сталин на том же основании критиковал армянских социал-демократов (*И.В. Сталин.* Соч., т. 1, с. 37).

28. Принцип, провозглашенный Лениным, был принят на Версальской конференции по мирному урегулированию в 1919 г. Национальное самоопределение подразумевало право национальной группы на отделение от существующего государства и прикрепление ее к другому или образование ею собственного государства. Однако там, где по тем или иным причинам национальная группа не могла осуществить свое право на отделение, она в дальнейшем не могла быть признана группой, хотя каждому ее члену в отдельности, согласно "договорам с меньшинствами", гарантировались политические и гражданские свободы и равенство прав.

29. В собрании сочинений Сталина (*И.В. Сталин.* Соч., т. 2, с. 290–367) эта работа помещена под заглавием "Марксизм и национальный вопрос".

30. Ленин в то время полностью одобрял эти взгляды. Он нашел, что "экономическая основа" национальных движений состоит в том, что "для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией", и полагал, что национальное государство является поэтому "для всего цивилизованного мира – *типичным*, нормальным для капиталистического периода" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 258–259).

31. В качестве примера реакционного подтекста культурной автономии Ленин говорил о том, что "в Америке в южных, бывших рабовладельческих,

штатах до сих пор выделяют детей негров в особые школы, тогда как на севере белые и негры учатся вместе" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 175).

32. Следует добавить, что тех же взглядов придерживались первые русские радикалы и революционеры от Пестеля до Чернышевского. Почти все они резко отрицательно или равнодушно воспринимали националистические требования.

33. Те, кто не имеет доступа к польским документам, могут найти лучший отчет об этом споре, сделанный польским автором в статье, опубликованной в журнале "Пролетарская революция" ("Пролетарская революция", 1927, № 2–3 (61–62), с. 148–208).

34. "Neue Zeit", Vienna, XIV (1895–1896), ii, 176–181, 206–216.

35. Ibid., XIV, ii, 484–491, 513–525.

36. Статья Ленина, явившаяся ответом Розе Люксембург – "О праве наций на самоопределение" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 255–320), – не была опубликована до весны 1914 г. Некоторые использованные в этой статье доводы появлялись в предыдущих статьях, опубликованных в конце 1913 г.: "О национальной программе РСДРП" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 223–229) и "Критические заметки по национальному вопросу" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 113–150). В этот период Ленин усиленно занимался национальным вопросом.

37. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 316.

38. Там же, с. 69–70, 289–294.

39. Аналогичное высказывание встречается дважды в статьях Ленина, написанных в этот период (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 248–249; т. 25, с. 282–283). Троцкий впоследствии говорил: "Стремление господствующей нации удержать status quo нередко окрашивается в цвета сверхнационализма, как стремление победоносной страны удержать награбленное добро принимает форму пацифизма" (*Л. Троцкий.* История Русской революции. Берлин, 1933, т. II, ч. 2, с. 50).

40. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 227–228.

41. "КПСС в резолюциях...", т. 1, с. 446–447.

42. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 61.

43. Там же, с. 252–266; т. 30, с. 30.

44. Там же, т. 30, с. 53.

45. Там же, с. 17–58.

46. Там же, т. 7, с. 235.

47. Там же, т. 24, с. 124.

48. *И.В. Сталин.* Соч., т. 2, с. 308.

49. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 316.

50. Там же, т. 24, с. 131.

51. *И.В. Сталин.* Соч., т. 2, с. 362.

52. Там же, с. 309.

53. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 252–266.

54. Там же, с. 299–426.

55. Там же, т. 30, с. 54.

56. Сталин писал много времени спустя, что Ленин в октябре 1916 г. в статье "Итоги дискуссии о самоопределении" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 17–58) "говорил, что основной пункт национального вопроса о праве на самоопределение перестал составлять часть обще-демократического движения, что он уже превратился в составную часть обще-пролетарской, социалистической революции" (*И.В. Сталин.* Вопросы ленинизма. М., 1933, 9-е изд., с. 183). Статья Сталина (*И.В. Сталин.* Еще раз к национальному вопросу), в которую входил этот отрывок, впервые была опубликована в журнале "Большевик" ("Большевик", № 11–12, 30 июня 1925 г.), но была исключена из более поздних изданий "Вопросов ленинизма" и из собрания сочинений. Отрывок цитируется не текстуально. Он неплохо передает смысл статьи Ленина в ретроспективе, но на деле в словах Ленина не было такой определенности.

57. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 45.

Том 2

Эдвард Карр

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

2

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917–1923

Том 2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из всех критических замечаний, высказанных рецензентами по поводу первого тома данного труда, неоспоримо обвинение в том, что мною нарушена естественная последовательность изложения при описании политических и конституционных мероприятий в первые годы советского режима ранее экономических условий, которыми они в значительной степени диктовались и объяснялись. Выход в свет второго тома год спустя после первого позволит теперь рассматривать оба эти взаимосвязанных аспекта параллельно. Однако перед выпавшим на мою долю трудным выбором я не вполне уверен, что изображение сложных экономических отношений вне политического фона, на котором они происходили, облегчило бы их восприятие читателем. Даже сейчас картина не является полной, так как анализ международных отношений Советской России тех лет оставлен на третий том, который будет готов к публикации к будущему году.

Трудности в компоновке материала обнаружились и при работе над настоящим томом. Несмотря на взаимозависимость различных отраслей, экономику Советов следовало подразделить на основные секторы. Их дальнейшее дробление на периоды внутри основного отрезка времени, который охватывает данный том, было менее необходимым. На первый взгляд предпочтительным могло показаться обсуждение происходивших в тот период явлений, скажем в области сельского хозяйства. Однако из-за того, что он включал в себя три подпериода с глубоко различными характерными чертами: революции как таковой, военного коммунизма и первого этапа НЭПа, – я в конце концов решил разделить материал на части по хронологическому принципу, чтобы каждый из секторов экономики рассматривался последовательно в каждой из глав, посвященных соответствующим периодам. Подзаголовки глав помогают читателю, если он этого захочет, сделать выборку материала, скажем, по сельскому хозяйству из всего тома, не отвлекаясь на перемежающиеся разделы по промышленности, финансам и т.д.

Следовало бы дать объяснения и по вопросу о том, чем завершить описание событий в данном томе. Основным замыслом трехтомного исторического труда было доведение его приблизительно до времени ухода Ленина со сцены и начала борь-

бы за власть. Создание СССР, принятие Конституции и упразднение народного комиссариата по делам национальностей в июле 1923 г. представили собой естественный рубеж для окончания первого тома. Для второго – соответствующий момент наступил несколько раньше. Первая фаза НЭПа достигла кульминации зимой 1922/23 г., а XII съезд партии состоялся в апреле 1923 г., месяц спустя после полного отхода Ленина от дел, в условиях угрозы неминуемого экономического кризиса, который вынуждал соперничающих за власть деятелей занять исходные позиции. Поэтому второй том я завершил событиями как раз накануне XII съезда, за исключением главы "Начало планирования". Дискуссии на съезде скорее отражали старые противоречия, чем начало новых дебатов, почему речь о них и ведется в данной главе.

Почти все, кого я искренне благодарил за помощь в предисловии к первому тому, помогали мне и в подготовке последующего. В дополнение к ним назову Мориса Добба, великодушно одалживавшего книги из своей библиотеки, которых я нигде иначе не мог заполучить, и г-жу Дюэр из Королевского института международных отношений за то, что она милостиво позволила мне воспользоваться собранными ею материалами для исследования трудовых отношений в СССР. В особом долгу нахожусь перед Исааком Дойчером за предоставленные им записки из неопубликованных архивов Троцкого, хранящихся в библиотеке Виденера Гарвардского университета. Я вновь приношу мою глубокую благодарность всем, кто оказывал мне помощь или давал советы в поисках материала или написании данного тома.

Э.Х. Карр

5 июня 1951 года

IV часть

Экономический порядок

Глава 15

ТЕОРИИ И ПРОГРАММЫ

Учение Маркса возникло из утопизма ранних социалистов, которые силой богатого и изощренного воображения создавали идеальные социалистические общества, не считая необходимым утруждать себя вопросом о том, как эти идеальные общества будущего станут развиваться из уже существующих. Методология Маркса базировалась на истории: всякие изменения в судьбах и общественных формациях человеческого общества являются частью непрерывного исторического процесса. Единственным предварительным условием, которое он и не пытался афишировать, было положение о том, что человеческое общество *в конце концов* будет всегда стремиться организовать себя таким образом, чтобы наиболее эффективно использовать производственные ресурсы. Поэтому он начал с анализа существующего общества, с тем чтобы показать, что капитализм, когда-то способствовавший высвобождению и поощрению небывалого роста производительных сил человечества, в ходе исторического развития достиг такой стадии, когда стал помехой для максимального использования этих ресурсов и препятствием на пути дальнейшего прогресса. Пока в силе изначальное Марксово положение, капитализм неизбежно должен уступить место новому социальному строю, названному Марксом "социализмом" или "коммунизмом", который в свою очередь позволит и будет способствовать максимальному использованию производительных сил. Маркс верил – и в этом его теория являлась политически заряженной и революционной, – что переход от капитализма к социализму повлечет за собой смену буржуазии как правящего класса пролетариатом и что такая смена физически невозможна без революционного насилия, по крайней мере в большинстве стран. Но она была научной и эволюционной. Так же как экономическия структура капиталистического общества выросла из структуры феодализма, так соответственно из капитализма вырастет экономическая структура социализма. Бóльшая часть работ Маркса была направлена не на убеждение в желательности перехода от капитализма к социализму – это положение заложено в самом постулате, – а на то, что этот переход неизбежен.

На протяжении всей жизни Маркс занимался изучением процессов и раскрытием внутри капитализма саморазрушающихся сил, а не будущим социалистического общества, которое поднимется из его руин. Эта последняя задача в определенном смысле все еще была неактуальной до наступления момента падения капитализма. В предисловии к книге "К критике политической экономии" Маркс писал: "...сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления". И по темпераменту и по убеждениям Маркс был заклятым врагом утопизма в любой форме. В его идеях всегда ощущались следы давних споров с утопическими социалистами, которые находили утешение в миражах будущего социалистического общества. Ближе к концу своей деятельности, в работе "Гражданская война во Франции", Маркс с подчеркнутым презрением разъяснял, что у рабочих не было "готовых и определенных утопий" и "идеалов, к которым они могли бы стремиться": они знали, что "придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей". Эта вера в преобразование общества в ходе постепенного имманентного исторического процесса вызвала то, что в некотором смысле казалось эмпирическим подходом: сначала приблизиться к препятствию, а потом уже преодолевать его. Маркс не создал программы или манифеста будущего социалистического общества. Только однажды, в "Критике Готской программы", он позволил себе бросить быстрый взгляд на "высшую фазу коммунистического общества": когда "производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком..." тогда "общество сможет написать на своем знамени: "Каждому по способностям, каждому по потребностям!" Однако, оставляя в стороне необычно цветистую терминологию, это означало немногим более чем подтверждение основного положения Маркса – что для высвобождения и развития производительных сил, скованных вырождающимся капитализмом, необходим социализм. И даже здесь Маркс осторожно подстраховался, написав в сопроводительном к "Критике..." письме В. Бракке: "Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ"[1]. Данный афоризм скрывал свои подводные камни. На них указывали ревизионист Бернштейн, который упоминал высказывание Маркса (не исключено, что достоверное), что "тот, кто составит программу на будущее – реакционер"[2], и синдикалист Жорж Сорель, который в блестящем теоретическом стиле продемонстрировал несовместимость утопизма и марксизма. "Выдвижение теоретического анализа будущего экономического порядка явилось бы попыткой возвести идеологическую надстройку до того, как создадутся сами условия производства, на которых она будет возводиться, следовательно, любая такая попытка будет немарксистской"[3]. И Бернштейн, и Сорель, каждый по-своему, вывели из теоретического

спора, что "движение – все, конечная цель – ничто". Маркс должен был бы оспаривать подобный вывод, однако, судя по всему, в чем-то поддерживал его.

Поэтому Маркс завещал потомству не экономические планы социализма, а экономический анализ капитализма, и пользовался он экономическими методами, присущими капитализму. Понятие "политическая экономия" с ее известными категориями стоимости, цены и прибыли являлось чем-то присущим исключительно капитализму и могло быть вытеснено только вместе с ним[4]. При социализме даже рабочая теория стоимости потеряет свое значение[5]. Сама концепция о действии экономических законов независимо от воли человека принадлежала, по сути, капиталистическому обществу. Маркс неоднократно писал об анархии производства при капитализме и утверждал, что периодические кризисы – неизбежный результат слепого следования законам рынка. Как о само собой разумеющемся в "Коммунистическом Манифесте" говорится, что "пролетариат использует свое политическое господство, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовав все орудия производства в руках государства, то есть пролетариата, организованного как господствующий класс, и, возможно, быстрее увеличив сумму производительных сил". Более чем два десятилетия спустя, в "Гражданской войне во Франции", он восхвалял Парижскую коммуну за регулирование национального производства на основе "единого плана", а Энгельс ожидал наступления такого времени, когда пролетариат, экспроприировав буржуазию, обратит "...общественные средства производства в общественную собственность" и, таким образом, сделает возможным "общественное производство... по заранее обдуманному плану"[6]. Производство при социализме, писал Маркс в "Капитале", будет организовано при сознательном и плановом управлении обществом[7]. Но Маркс и не пытался рассуждать об условиях или способах осуществления общественно планируемого производства. Все, что можно было выяснить из его работ по этому вопросу, следовало выводить из сделанного им анализа природы и следствий капиталистического производства.

Еще меньше можно сказать о распределении и обращении[8]: способы общественного производства, определявшие отношения в обществе, в равной степени определяли способы распределения и обращения[9]. "Производство, распределение, обмен и потребление... все они образуют собой части целого, различия внутри единства. Производство господствует... над этими другими моментами. С него каждый раз процесс начинается снова"[10]. Только "вульгарный социализм", который вращается в основном вокруг вопросов распределения[11], верил в то, что выравнивание распределения, а не обобществление производства является целью социализма. "Коммунистический Манифест" уже провозгласил, что уничтожение коммунистами "буржуазных условий производства" будет означать также "коммунисти-

ческое уничтожение купли и продажи"[12]. Конец капитализма будет означать конец товарного производства, а с ним и обмена в его капиталистическом понятии. "В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, – писал Маркс в "Критике Готской программы", – производители не обменивают своих продуктов". В будущем коммунистическом обществе распределение перестанет быть связанным с побуждением поработать, так как материальное поощрение будет заменено поощрением морального характера. Однако в переходном обществе, которое "только что **выходит** как раз из капиталистического общества", продолжает сохранять на себе "родимые пятна" старого, он увидел систему, при которой рабочий "получает от общества квитанцию о том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественых фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда"[13]. Но эти разбросанные мимоходом заметки служат тому, чтобы показать почти полное отсутствие желания провести анализ проблем распределения и обмена в социалистическом обществе. Рассуждения о функциях стоимости, цены и прибыли в плановой экономике предстояли в далеком будущем.

Еще одно сознательно или бессознательно удерживало Маркса от определения подхода к экономическим проблемам социализма – его неспособность точно установить, кем будет определяться планирование в социалистическом обществе. Предельно ясно представляя функции планирования, он приписывал их "обществу" в следующем виде: "Общество должно наперед рассчитать, сколько труда, средств производства и жизненных средств оно может без всякого ущерба тратить на такие отрасли производства, которые, как, например, постройка железных дорог, сравнительно длительное время, год или более, не доставляют средств производства, ни жизненных средств и вообще в течение этого времени не дают какого-либо полезного эффекта, но, конечно, отнимают от всего годового производства и труд, и средства производства, и жизненные средства"[14]. Планирование в экономике было задумано не как функция государства, а скорее как функция, которая сделает государство лишним. "Когда в ходе развития исчезнут классовые различия, – провозглашалось в "Коммунистическом Манифесте", – и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер". Но где в этой "ассоциации индивидов" будет проводиться работа по планированию производства? Маркс никогда не пытался ответить на этот вопрос. Согласно одному из отрывков из "Капитала", (само) общество будет "организовано как сознательная и систематическая организация", в которой сами производители "будут регулировать распределение продуктов и поставят его под свой общий контроль вместо того, чтобы ему править над со-

бой, будучи слепой силой"[15]. Признавая, что планирование и управление экономической жизнью являются очевидной неотъемлемой частью социализма, Маркс соглашался с положением, выдвигавшимся всеми социалистами, начиная от Сен-Симона, что эти функции будут осуществляться не государством или каким-либо политическим органом, а самими производителями[16]. Не сделали сколько-нибудь значительных шагов вперед в развитии идеи вплоть до 1917 г. и последователи Маркса. В Программе Российской социал-демократической рабочей партии, принятой II съездом в 1903 г., в строгом духе марксистской терминологии говорилось о "замене частной собственности на средства производства и обращения общественною и вводе планомерности организации общественно-производительного процесса"[17]. Но это в общей форме. До революции в большевистской литературе для разработки концепции планирования не было сделано ничего. Накануне революции Ленин заполнил этот явный пробел аргументацией, которой мог бы воспользоваться и сам Маркс. "У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении изменяется"[18]. Маркс не стал разрабатывать концепции общественного планирования экономики, а его экономическому анализу капиталистического строя путем противопоставления было суждено создать техническую основу социалистического планирования[19]. Однако экономическую политику переходного периода, через который должна пройти революция в борьбе за установление социалистического строя, пришлось вырабатывать эмпирически самим рабочим, осуществившим революцию.

В дополнение к обобщенным наметкам долгосрочного характера относительно развития будущего социалистического общества Маркс время от времени выступал по актуальным вопросам экономической политики, что оказывало большое практическое воздействие на те партии, которые заявляли в своих программах о приверженности учению Маркса. В "Коммунистическом Манифесте" Маркс зафиксировал некоторые неотложные меры, которые мог применять пролетариат в качестве реальных реформ в существующих условиях, по крайней мере "в наиболее развитых странах". Этих реформ можно добиться в официальных рамках буржуазной демократии, хотя Маркс считал, что "они перерастут самих себя" и "сделают необходимыми дальнейшие атаки на старый общественный строй". Важнейшими из десяти перечисленных Марксом в "Коммунистическом Манифесте" мерами, которые, как он считал, будут различны в различных странах, явились: уничтожение частной собственности на землю, введение прогрессивного подоходного налога, отмена права наследования, централизация посредством национального банка кредита и средств связи в руках государства,

распространение государственной собственности на предприятия и средства производства, одинаковая обязательность труда для всех, бесплатное образование и устранение фабричного труда детей "в его современной форме". Иногда выдвигалось возражение теоретического характера о том, что удовлетворение этих ограниченных требований и ослабление тягот эксплуатации могут притупить революционный настрой пролетариата и что подобного рода требования не должны выдвигаться истинными революционерами. Однако на практике ни одна партия не может обращаться к широким массам рабочих, не имея программы, призванной облегчить их повседневные тяготы. Вслед за "Коммунистическим Манифестом" коммунистические партии стали традиционно различать программу-максимум и программу-минимум, где первая отражает революционные устремления, а вторая – немедленные практические требования, на выполнение которых они могут надеяться даже при существующем капиталистическом строе. Одним из непредвиденных результатов подобного подразделения являлось привлечение в социал-демократические партии большой группы членов, которые по убеждению или характеру проявляли большую заинтересованность в программе-минимум. В странах, где одни из требований программы-минимум претворялись в жизнь, а другие могли произойти в ближайшем будущем в процессе демократических перемен в буржуазном обществе, партии во все большей степени старались перевести требования программы-максимум в категорию отдаленных теоретических целей, сконцентрировав свою деятельность на осуществление программы-минимум. Другими словами, социал-демократия, теоретически оставаясь революционной, на практике стала преобладающе реформистской. Социал-демократическая партия Германии представляла собой классический пример такого поэтапного перерождения.

С учетом отсталых экономических и в равной мере отсталых политических условий в русском обществе распространение марксистского учения в России имело специфические особенности. Покорение Кавказа и открытие в сердце Сибири Алтайского края, исключительно богатых полезными ископаемыми, создали материальные условия для промышленного развития страны и превратили Россию в потенциально промышленную державу. Отмена в 1861 г. крепостного права – первый прямой удар по крепости российских феодальных устоев – впервые ознаменовалась внедрением современного промышленного капитализма в стране, где полностью отсутствовали условия для развития сильной, независимой капиталистической буржуазии. Историческим назначением этих реформ (как и огораживания общинных земель в английской истории) было перемещение из деревни в город необходимой для индустриализации национальной экономики рабочей силы. Однако прежде всего они отразились на положении крестьян и на системе землевладения,

будущее которых казалось неопределенным. Этот вопрос не терял остроты в течение трех десятилетий. Естественно, что первая марксистская группа в России появилась как результат борьбы противоречий с народниками относительно судьбы русского крестьянина и сельского хозяйства страны. Несмотря на то, что аграрные вопросы занимали второстепенное место в учении Маркса, они стали жизненно важными для его последователей в стране, где почти 90% населения было главным образом занято в сельском хозяйстве. Вызывало удивление, что в заметках последних лет Маркс, похоже, принял сторону народников в их полемике с русскими марксистами[20]. Народники считали, что русские крестьянские общины (система общинного землевладения с периодическим перераспределением индивидуальных наделов, которая господствовала во времена крепостного права и пережила его отмену) обеспечивали основу для принципа общественной собственности при будущем социалистическом строе, и России, таким образом, представилась возможность повести за собой мир по пути социализма. Однако отец русского марксизма, основатель первой русской марксистской группы за рубежом, Плеханов не сомневался в том, что значил марксизм в свете аграрных проблем России. Крестьянина, как в России, так и на Западе, Плеханов считал явлением по своей сущности консервативным. Часто цитируют отрывок из написанной им в 1882 г. работы: "Помимо буржуазии и пролетариата, у нас в стране мы не ощущаем социальных сил, у которых могли найти поддержку оппозиционные или революционные группы"[21]. Поэтому он был уверен, что революция в России должна пойти по тому же пути, что и на Западе, то есть по пути, указанному в "Коммунистическом Манифесте". Первым ее этапом будет революция капиталистической буржуазии, которая вызовет в России развитие промышленности и разрушит столь устаревшую феодальную систему землевладения, каковой являлась крестьянская община. Затем, после того как в городе установится с триумфом капитализм, созреет момент для его свержения в ходе пролетарской социалистической революции. Идея народников о переходе к социализму через крестьянскую общину, минуя промежуточную стадию капитализма и создание сильного пролетариата, была либо полной утопией, либо скрытой реакцией. Ленин появился на политической арене 80–90-х годов как пылкий последователь Плеханова. В своих ранних работах он продолжил полемические нападки на народников и страстно защищал тезис о необходимости капиталистического развития в России.

В середине 90-х годов, когда Ленин начал свою деятельность, развитие событий уже решало вопрос в пользу марксистов. В 40-х годах XVIII в. проницательный прусский исследователь Хакстгаузен ясно различал жизненно важную роль крепостного права в экономике России. "Если для прогресса цивилизации и национального процветания необходима собствен-

ность в больших масштабах, мое мнение определенно: еще нельзя отменять крепостничества"[22]. Отмена крепостного права нарушила, ничем не изменив, равновесие русской деревни, в котором она пребывала на нижайшем уровне рабской экономики. Она принесла выгоду тем способным и энергичным землевладельцам, кто сумел организовать свое хозяйство на эффективной капиталистической основе путем использования наемного труда своих бывших крепостных и развития крупномасштабного производства продукции на экспорт. Менее предприимчивые, не имевшие столь выгодного положения землевладельцы оказались не в состоянии приспособиться к новым условиям и еще глубже погрузились в трясину долгов и разрухи. В результате реформы выдвинулась также небольшая группа наиболее активных крестьян, которые смогли собрать воедино и расширить свои земельные наделы и выделиться из толпы подобных себе, используя труд своих менее удачливых собратьев. Но для основной массы крестьянства отмена крепостничества означала все больший груз долгов, более тяжелые условия труда и новые формы эксплуатации, еще ненавистнее старых. Крестьянство разделилось на меньшинство (хотя в отдельных районах страны оно составляло одну пятую) обладающих землей крестьян, некоторые из которых использовали наемный труд, и большинство безземельных или не имевших достаточно для поддержания своего существования земли, которые нанимались на работу к крупным землевладельцам или зажиточным крестьянам. Вторжение капитализма привнесло неизбежное классовое расслоение российской деревни[23].

В то же время за отменой крепостного права последовали первые проявления индустриализации России. Ее быстрый рост после 1890 г. с притоком иностранного капитала создал фундамент, на котором была построена Российская социал-демократическая рабочая партия. Настоящей точкой отсчета пролетарского движения стали забастовки 1896 г. Но запоздалый рост капиталистической промышленности в России приобрел несколько специфических черт, которые, по определению Ленина, состояли в том, что в России "новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических"[24]. В Западной Европе директор или управляющий формировался в промышленности в ходе постепенного и вполне определенного процесса из известного классическому экономисту предпринимателя-одиночки; мелкие предприятия все еще играли важную роль в экономике, а современная крупномасштабная промышленность сохранила отдельные материальные основы и внешний вид от прошлого. При полной поддержке западных и русских финансистов[25] современная индустрия России резко набрала силу: ее развитие объяснялось факторами как политического, так и экономического характера[26], своим подъемом она была обязана больше государству и банкам, чем отдельным предприимчивым промышленникам,

сеть же крупных предприятий в России была значительно шире, чем где бы то ни было в Европе[27]. Разница в положении российского заводского рабочего и рабочего на Западе была еще более выраженной. На Западе заводской рабочий по-прежнему обладал мастерством и другими характерными для мелкого ремесленника чертами. Русский рабочий являлся крестьянином, который пришел из деревни и мог вернуться туда в период застоя или экономической депрессии. Он оставался крестьянином юридически в отличие от небольшого слоя ремесленников, относившихся к категории "петти-буржуазии". У него отсутствовал тот уровень мастерства и образования, который породил на Западе растущий класс "рабочей аристократии", заинтересованной в капиталистической прибыли, и, будучи подверженным безграничной эксплуатации, он представлял плодородную почву для революционной пропаганды. Многие различия в структуре промышленности и в положении рабочих отражались в отличающихся друг от друга политических системах Западной и Восточной Европы. И наконец, сходство положения русского заводского рабочего и русского крестьянина означало, что их интересы и тяготы серьезно воздействовали на обоих и с практической точки зрения не существовали порознь, как это имело место в странах Запада.

Первая программа Российской социал-демократической рабочей партии подразделялась на разделы, содержавшие требования максимума и минимума. Но российской партии не грозила скрытая опасность, подобная той, что подстерегала социал-демократию в Германии: возвышение по вполне очевидным причинам требований минимума за счет требований максимума. Начиная с 1848 г. понимание программы-минимум в основном сводилось к тому, что можно было достигнуть при буржуазной революции, не доводя до разрушения систему буржуазно-капиталистических порядков; программа-максимум являлась конечной целью пролетарской социалистической революции. В Западной Европе, где буржуазная революция была свершившимся фактом, программа-минимум далее не являлась революционной и этим принципиально отличалась от революционной программы-максимум. В 1903 г., когда Российская социал-демократическая рабочая партия приняла свою программу, буржуазная революция в России еще должна была свершиться, и поэтому обе программы – и максимум и минимум – являлись революционными. Политические требования принятой партийным съездом в 1903 г. программы-минимум начинались с низвержения царского самодержавия и замены его демократической республикой[28]. Следовавшие за ними экономические требования, взятые в целом, носили столь же революционный характер в России того времени, хотя и были составлены с расчетливой сдержанностью и упоминали мало из того, чего уже не было достигнуто или было на грани осуществления в развитых буржуазных демократических обществах. Они включали положения об

установлении восьмичасового рабочего дня и еженедельного выходного, о воспрещении ночного труда, за исключением тех отраслей, где он был необходим по техническим соображениям, запрещении труда детей до 16 лет (с ограничениями рабочего времени подростков до 18 лет) и использовании женского труда во вредных отраслях, о государственном страховании по болезни и старости, об эффективном надзоре на производстве и ряд других мер, известных по гражданскому законодательству или радикальным программам западных стран. Аграрные разделы программы были особенно сдержанными и сводились на деле к мерам, направленным на "устранение остатков крепостного порядка" и способствование "свободному развитию классовой борьбы в деревне". Содержавшиеся в ней предложения, по существу, затрагивали отмену выкупных и оброчных платежей, которые крестьяне должны были выплатить за свое освобождение, и возвращение уже выплаченных сумм, конфискацию земель и имений царской фамилии, "учреждение крестьянских комитетов для возвращения сельским обществам... тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права"[29]. Интерес к экономическому разделу программы на съезде явно отсутствовал. Экономические вопросы не играли важной роли ни тогда, ни в спорах, последовавших за расколом между большевиками и меньшевиками.

Русско-японская война до предела обострила зревшее в городе и деревне недовольство. Революция 1905 г. явилась первым драматическим симптомом стихийной, плохо организованной и подсознательной цепной реакции новой революционной волны молодого заводского пролетариата против промышленного капитализма одновременно с многовековой борьбой русского крестьянства против невыносимых условий в сельском хозяйстве. Именно городские рабочие в Кровавое воскресенье (9 января 1905 г.) внезапно начали революцию, наиболее впечатляющим достижением которой явились массовые промышленные забастовки, прошедшие осенью 1905 г. Но уже в феврале 1905 г. восстали крестьяне в черноземных районах, в прибалтийских провинциях и на Кавказе. Крестьянская жакерия, распространившаяся по всей России в тот год, продолжала неожиданно вспыхивать весной 1906 г., много времени спустя после подавления революции в городах и на предприятиях. То, что произошло в 1905 г., подтвердило одно из положений программы большевиков – необходимость пролетарского руководства восстанием. Но события показали также, что без активной поддержки крестьян революция в России не может быть успешной. Они доказали, что русский крестьянин может откликнуться и на более радикальные революционные лозунги, чем те, что содержались в осторожно составленном разделе партийной программы.

Как следствие событий 1905 г. большевики должны были отвести крестьянам абсолютно новую роль и новое положение в

революции. Уже в апреле 1905 г. треть участников съезда партии большевиков в Лондоне приветствовала "разрастающееся крестьянское движение" и, признавая, что оно все еще являлось "стихийным и политически бессознательным", признала за ним право на поддержку со стороны социал-демократов. Идя дальше сдержанных рекомендаций Программы, резолюция съезда открыто призывала "крестьянство и сельский пролетариат" к "коллективному отказу от платежа податей и налогов, от исполнения воинской повинности и постановлений и приказаний правительства и его агентов"[30]. В том месяце в качестве конечной цели революции Ленин провозгласил установление "революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства". В брошюре "Две тактики социал-демократии в демократической революции", посвященной разработке этой темы, Ленин сделал тщательное разграничение между первым, или буржуазным, этапом революции, в котором пролетариат будет выступать в союзе со всем крестьянством, и вторым, или социалистическим, этапом, в котором в борьбе против реакции пролетариат будет полагаться на беднейшее крестьянство. "Мы поддерживаем крестьянское движение, поскольку оно является революционно-демократическим. Мы готовимся (сейчас же, немедленно готовимся) к борьбе с ним, поскольку оно выступит как реакционное, противопролетарское. Вся суть марксизма в этой двоякой задаче"[31]. Однако содержание аграрной программы, которую будет осуществлять партия на обоих этапах, не обсуждалось. На конференции большевиков 1905 г. в Таммерфорсе был поднят вопрос о пересмотре аграрного раздела программы партии. Она предложила исключить из программы старые пункты об "отрезках" как слишком мягкие и об отмене выкупа как уже выполненные, обещать поддержку всем революционным мерам, применяемым крестьянством, включая конфискацию всех земель, находящихся в частной собственности, искать пути убеждения крестьянства в "непримиримой противоположности его интересов и интересов сельской буржуазии"[32].

Одним из результатов *rapprochement* между большевиками и меньшевиками зимой 1905/06 г. было создание совместной комиссии по сбору и анализу предложений, направленных на смягчение аграрной программы[33] для ее рассмотрения на так называемом "объединительном" съезде (позднее называвшемся IV съездом большевиков), который состоялся 6 апреля 1906 г. в Стокгольме. На Стокгольмском съезде была проведена самая продолжительная, полная и наиболее сложная дискуссия по аграрной политике партии, которая когда-либо проводилась в социал-демократических кругах. Помимо основного раскола между большевиками и меньшевиками, получившими тогда небольшое большинство, и те и другие раскололись внутри своих группировок. За несколькими незначительными исключениями, все согласились, что прежняя программа устарела и что для удовлетворения чаяний крестьян, проявившихся в последних

выступлениях, следует предпринять какие-то шаги в отношении земли как таковой. Первый шаг был относительно прост. Большевики хотели "конфискации" всех церковных, царских, государственных и частновладельческих земель, меньшевики выступали за "отчуждение" – термин, предполагавший или по крайней мере не исключавший компенсацию. Однако по этому вопросу с большевиками соглашалось достаточное количество меньшевиков, что обеспечило им большинство, и слово "конфискация" появилось в резолюции съезда. От конфискации освобождались небольшие наделы, размеры которых точно не определялись.

Намного более деликатным и противоречивым был вопрос о том, что же должно последовать за конфискацией. Здесь можно выделить три точки зрения. Не доверяя централизованной власти государства, меньшевики хотели передать землевладение "органам самоуправления", которые предоставят право пользования на неограниченный срок тем, кто их возделывает: решение, известное под названием "муниципализация". Вторая точка зрения была представлена в проекте Ленина и поддержана большинством подготовительной комиссии. По ней конфискованные земли предлагалось передать в ведение крестьянских комитетов с последующим созывом Учредительного собрания, после чего в случае (и только в случае) создания истинно демократической республики партия потребует уничтожения частной собственности на землю и передачи всей земли "всему народу" (или по варианту – государству). Ленин утверждал, что выдвинутая в его проекте оговорка об установлении истинно демократической республики снимала опасность, как ее видели меньшевики, передачи земли централизованному государственному ведомству. Третья группа, включавшая основную часть большевиков, соглашалась с положением ленинского проекта о создании на начальном этапе крестьянских комитетов, но предложила потребовать от Учредительного собрания, чтобы после передачи лесов и шахт государству, а поместий – местным органам самоуправления, "на которых возделывание будет осуществляться общими силами", оставшаяся земля была поделена между крестьянами и передана в их полную собственность.

Ленин, ранее выступавший за то, что единоличная крестьянская собственность, будучи по сути капиталистической, представляла собой шаг вперед по сравнению с феодальной системой крупных землевладений, принадлежащих помещикам и обрабатываемых крестьянами[34], теперь заявлял, что, хотя политика земельного раздела была "ошибочной" (из-за того, что она ничего не делала для указания пути к социализму как конечной цели), она не была "вредной", в то время как политика "муниципализации" (которая не была капиталистической, но и не вела к социализму) была и "вредной и ошибочной". Поэтому он снял собственную резолюцию, не имевшую шанса быть принятой, и поддержал идею раздела, а не муниципализации. Все

противоречия рассматривались, исходя из понимания буржуазно-демократического характера грядущей революции. Ни в своих выступлениях на съезде, ни в брошюре, где он впоследствии обосновал свою точку зрения[35], Ленин не выдвинул основного возражения защитникам единоличной крестьянской собственности – возможной необходимости повернуть вспять процесс раздела после победы социализма и создания вновь крупных коллективных производящих единиц. Так далеко вперед еще не заглядывал никто[36]. Но большевики остались в меньшинстве. Как мнение съезда была принята резолюция меньшевиков о муниципализации. Совместная резолюция о тактике тем не менее открывала перспективу на будущее, призывая партию "предостерегать его (крестьянина) от обольщения самой системой мелкого хозяйства, которая никогда при существовании товарного производства не в состоянии уничтожить нищету массы, и, наконец, указывать на необходимость полного социалистического переворота как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацию". В следующей резолюции говорилось о важности согласовывать действия крестьянства "с наступательным движением пролетариата против царизма"[37].

Несоответствия резолюций Стокгольмского съезда стали очевидными, когда они столкнулись с аграрной программой социалистов-революционеров (эсеров), последователей народников – на этот раз крестьянской партии в чистом виде. В соответствии с принятой на съезде партии в январе 1906 г. программой эсеры выступили за обобществление земли путем ее "изъятия из сферы коммерческого обращения и передачи из частной собственности отдельных лиц в общее национальное достояние". Предполагалось распределять землю частным лицам по двум принципам, названным "принципом труда" и "равенства", что означало равное распределение земли между теми, кто на ней работал. Единственная трудность заключалась в том, чтобы определить критерии, по которым должно определяться равенство, – по количеству работников или по количеству потребителей в хозяйстве. Подобная политика ставила эсеров в один ряд с теми социалистами-немарксистами, кто считал, что суть социализма направлена не на способ производства, а на равное распределение. На первый взгляд программа эсеров заметно не отличалась от проекта резолюции большевиков, которая была забаллотирована на Стокгольмском съезде; она также требовала равного распределения земли между крестьянами. Но в объемной брошюре по аграрному вопросу, написанной в конце 1907 г., Ленин разъяснил и непосредственную точку соприкосновения двух позиций, и их явное и фундаментальное противоречие. "Идея равенства – самая революционная идея в борьбе со старым порядком абсолютизма вообще – и со старым крепостническим, крупно-поместным землевладением в особенности. Идея равенства законна и прогрессивна у мелкого буржуа-крестьяни-

на, поскольку она выражает борьбу с неравенством феодальным, крепостническим. Идея "уравнительности" землевладения законна и прогрессивна, поскольку она выражает стремление 10-ти миллионов сидящих на семидесятинном наделе и разоренных помещиками крестьян к разделу[38] крепостнических латифундий по 2300 десятин. А в данный исторический момент эта идея действительно выражает такое стремление, она толкает к последовательной буржуазной революции, ошибочно облекая это туманной, квази-социалистической фразеологией... Реальное содержание того переворота, который кажется народнику "социализацией", будет состоять из самого последовательного расчищения пути для капитализма, из самого решительного искоренения крепостничества... Народник воображает, что эта "уравнительность" устраняет буржуазность, тогда как на деле она *выражает* стремления наиболее радикальной буржуазии"[39]. Таким образом, на данной, предварительной стадии оказалось возможным использование большевиками эсеровского лозунга об "уравнительности" и даже совместное в союзе с эсерами выступление по аграрному вопросу. Но то, что представлялось эсерам конечной целью социализма, было для большевиков просто побочным вопросом буржуазной революции. Как только буржуазная революция сметет остатки феодализма и крепостничества во имя всеобщей равной собственности на землю, произойдет разрыв, потому что понимание социалистической аграрной революции большевиками в корне отличалось от эсеровского. Но пока детальное рассмотрение аграрной политики социализма оставалось неактуальным, линия раздела между большевиками и эсерами легко стиралась.

Царское правительство сделало одинаковый с революционерами вывод из событий 1905–1906 гг.: ключевым вопросом ситуации в России стала позиция крестьянства. За конституционным Манифестом 17 октября 1905 г., предназначенным умиротворить либеральные и радикальные элементы в городах, 3 ноября последовал новый, в котором крестьянам было обещано освобождение от уплаты имеющихся у них долгов. Всего через год (Стокгольмский съезд проходил как раз в перерыве между ними) вышел известный столыпинский закон от 9 ноября 1906 г., который положил начало новой аграрной политике. Действие реформы было двояким. Крестьянские общины, в которых перестали пользоваться обычаем периодически перераспределять землю, были распущены, и землю разделили между главами входивших в общину подворий. В крестьянских общинах, где все еще практиковалось периодическое перераспределение земель, глав хозяйств поощряли обращаться с просьбами о выходе из общин со своей долей общинной земли. Проводились мероприятия по перепланировке земельных наделов, способствовавшие выходу из общин.

Таким образом, реформа предназначалась для того, чтобы разрушить старую систему коллективной крестьянской соб-

ственности и на ее место поставить индивидуальную собственность крестьянина в качестве основы сельскохозяйственной экономики в России. Помимо юридических указов, предлагались и косвенные стимулы, включая предоставление настоящим и будущим землевладельцам займов на выгодных условиях со стороны Крестьянского земельного банка. За 10 лет с момента обнародования закона из общин вышло более двух милионов хозяйств, причем самый активный период выпал на 1908–1909 гг. Наибольшим образом реформа затронула Украину к западу от Днепра, где в руки индивидуальных владельцев перешло около половины общинных земель. Этот район являлся центром торговли зерном на экспорт: именно здесь сельское хозяйство России было наиболее прибыльным и высокоорганизованным на капиталистической основе. Здесь же ужасающе тяжелым было положение безземельных крестьян, нанимающихся на работу в качестве сельскохозяйственных рабочих. Именно поэтому Троцкий называл черноземную зону Украины "Русской Индией"[40]. В первые годы XX в. волны переселенцев одна за другой выкатывались в Сибирь и за Атлантику.

Хотя в свете репрессивной административной политики правительства Столыпина стало привычным говорить о "столыпинской реакции", в полном смысле слова этот термин не относится к аграрной столыпинской реформе, которая являлась логическим продолжением курса, начатого отменой крепостничества. Главной целью отмены крепостного права было создание резерва "свободных" рабочих рук для промышленного развития. Даже деревня была вовлечена в сферу монетарных отношений: капитализм сломал хребет старым феодальным порядкам. Последнее пристанище этих порядков – крестьянская община встала теперь на путь внедрения в российское сельское хозяйство капиталистической конкуренции и эффективности капиталистического производства. Возможно, столыпинская реформа была навеяна желанием возвести заслон на пути революции с помощью создания класса процветающих и умиротворенных крестьян. Но исходя из того, что капитализм является шагом вперед по сравнению с феодализмом, аграрное законодательство Столыпина было, по словам Ленина, "прогрессивно в научно-экономическом смысле"[41]. С другой стороны, аграрный капитализм мог принять две различные формы: капитализм землевладельца с использованием наемного труда и капитализм крестьянина-единоличника. Первую Ленин называл "прусским", а вторую, несколько заблуждаясь, "американским" типом[42]. Он осуждал столыпинскую реформу, также заблуждаясь, как нацеленную на прусский тип на том основании, что она была направлена против крестьянства в целом. Он полностью осуждал ее как "поощрение грабежа общин кулаками, ломку старых поземельных отношений в пользу горстки зажиточных хозяев ценою быстрого разорения массы". Столыпина причислили к "черносотенным помещикам", а его политику изображали как "поли-

тику разорения крестьян дотла, насильственного слома общины для расчистки пути капитализму в земледелии *во что бы то ни стало*"[43].

За этими демагогическими высказываниями скрывалась какая-то доля правды. В литературе по данному вопросу стало обычным различать три категории крестьян: "бедняков", составляющих более 80% общего числа, которые были либо безземельными, либо владели настолько маленькими наделами, что не могли прожить, не нанимаясь на работу сами или вместе с семьей, "середняков", которые обеспечивали себя трудом семьи на своих наделах, и "крестьянскую буржуазию", или "кулаков", бывших настолько зажиточными, чтобы пользоваться наемным трудом (хотя для причисления к данной категории было достаточно нанять всего одного работника). Цель реформы заключалась в том, чтобы поддержать или поощрять кулака или потенциального кулака за счет менее энергичных и бережливых крестьян или менее предприимчивой массы бедняков и таким образом создать верхнюю прослойку преуспевающих верных режиму крестьян. Правительство, объяснял сам Столыпин, сделало ставку не на нищих и пропойц, а на стойких и сильных хозяев[44]. Расчеты не оправдались. Приемлемого решения аграрной проблемы в России не могло быть без повышения ужасающе низкой производительности труда; эта дилемма будет мучить большевиков много лет спустя, а ее нельзя разрешить без введения современных машин и технологии, что в свою очередь невозможно на основе индивидуальных крестьянских наделов.

Если бы Ленин был прав, сопоставляя столыпинский план с прусской системой, то в нем по крайней мере содержался бы важный элемент эффективности, которого фактически не было. На самом деле, разбивая в перспективе крупные сельскохозяйственные единицы на мелкие, техническая реформа была консервативной. В его истинном виде план мог дать Столыпину только надежду на улучшение положения "сильных и стойких" кулаков за счет – и в этом Ленин был абсолютно прав – еще более жестокой и безжалостной эксплуатации беспомощной массы крестьян-бедняков. В результате мера, предназначенная предотвратить наступление революции, внесла жизненно важный вклад в ее успех. Усиливая эксплуатацию большинства как абсолютно, так и по сравнению с небольшой группой более удачливых из них, реформа восстановила крестьян друг против друга и позволила революционерам призывать эксплуатируемых бедняков на борьбу против эксплуататоров-богачей даже в самой крестьянской среде. Поэтому Ленин как пропагандист все эти годы проводил мысль о том, что для массы крестьян столыпинская реформа означала крушение. Но как марксист и русский экономист он полностью отдавал себе отчет, в чем состояло решение проблемы. "Помещики и капиталисты превосходно знают того врага, с которым им приходится бороться, превосходно чувствуют, что *революция связала* победу помещичьих интере-

сов с победой частной собственности на землю вообще, победу крестьянских интересов с уничтожением частной собственности вообще, и помещичьей и крестьянской. На деле борьба идет из-за того, помещики ли будут строить новую Россию (это невозможно иначе, как на основе частной собственности на все роды земель), или крестьянские массы (это невозможно в полукрепостнической стране без разрушения частной собственности и на помещичьи и на надельные земли)"[45]. Данное утверждение является, пожалуй, явным признанием Лениным в работах того времени факта, что распределение земель в крестьянское владение на основе равенства, хотя и было необходимым шагом на промежуточной стадии буржуазной революции, не могло привести к окончательному решению проблемы и что так же как буржуазная революция сметет поместья землевладельцев, так и революция социалистическая в один прекрасный день сведет одиночные крестьянские наделы в крупные экономические единицы.

Превалирующее внимание к аграрному вопросу, уделявшееся в то время русским правительством и революционерами, легко объясняется не только опытом 1905 г., но и сложившимися в стране экономическими условиями, при которых крестьянство составляло свыше 80% населения и производило 50% национального дохода. Для будущего более важным тем не менее был быстрый и постоянный рост промышленного компонента в национальной экономике. Между 1900 и 1913 гг. промышленное производство в России выросло на 62% по сравнению с 35% прироста в сельскохозяйственном производстве[46]. В этот же период происходило быстрое развитие промышленных и торговых монополий и усиление зависимости промышленности от иностранных и российских государственных капиталовложений. Таким образом, по мере приближения кризиса войны и революции резко обострились противоречия развитой капиталистической промышленности, которая действовала в примитивном крестьянском окружении. После экономической депрессии 1908–1913 гг. стали годами процветания и роста российской промышленности, что, естественно, не давало революционной пропаганде широкого поля деятельности. В течение этих лет русские социал-демократы всех направлений не смогли по-новому осмыслить промышленную политику партии. Воодушевленный опытом Петроградского совета, Троцкий продолжал настаивать, что пролетариат, который стремился к осуществлению таких "демократических" требований, как установление восьмичасового рабочего дня, будет подведен неизбежно к "социалистической" политике захвата предприятий[47]. Ленин также осторожно заметил, что "восьмичасовой рабочий день и тому подобные реформы при всяких политических условиях неизбежно станут орудием движения вперед"[48]. Примечательно, что это высказывание было мимолетной ремаркой в дискуссии об аграрной политике.

В 1912 г., однако, волна промышленных выступлений, спавшая после поражения массовых забастовок 1905 г., поднялась с новой силой. Острая вспышка возмущения на Ленских приисках, во время которой войсками было убито 500 рабочих в самой страшной со времен Кровавого воскресенья бойне, положила начало новому периоду промышленных выступлений. А два года до начала войны 1914 г. были отмечены возобновлением крестьянских волнений. Под поверхностью вновь забурлили и закипели скрытые силы, свергнувшие в свое время революцию 1905 г. После пяти лет резкого спада партийной активности и междоусобной войны Ленин вновь начал пристально следить за перспективой беспокойного будущего.

Война 1914 г. обнаружила несовершенство и бессилие национальной экономики России в условиях современных боевых операций. Требования военного времени дали толчок тяжелой промышленности: специфическими особенностями военных лет явились расширение государственного контроля в промышленности и ее концентрация путем ликвидации мелких и слабых предприятий. Практически полное прекращение иностранных поставок продукции машиностроения и специализированных материалов быстро привело к прекращению роста военной промышленности, да и другие отрасли подошли почти к полной остановке производства. К концу 1916 г. стало ясно, что основные силы промышленности иссякли. В то же время сельское хозяйство еще больше, чем промышленность, пострадало от ухода в армию самой производительной рабочей силы. Уже не было надежды и на обновление сельскохозяйственных машин и орудий. Производство катастрофически упало, в больших городах зимой 1916/17 гг. наступил голод. Вызванные голодом, ухудшающимся положением на заводах и очевидной безнадежностью войны промышленные забастовки стали прелюдией Февральской революции. Находясь в Швейцарии, откуда он наблюдал симптомы общеевропейской агонии капитализма, Ленин заметил, что история сделала еще один крупный шаг вперед, однако, как обычно, воздержался от предсказаний или проектов будущего социалистического строя. В 1916 г. Ленин закончил главную работу военного времени – книгу "Империализм, как высшая стадия капитализма". Ленин был настоящим последователем Маркса: сделанный им накануне революции глубокий анализ экономики последней фазы капиталистического общества явился вкладом в науку об экономике социализма.

За возвращением Ленина в Петроград 3 апреля 1917 г. немедленно последовали Апрельские тезисы, которые заложили основу Октябрьской революции, провозгласив переход от "первого этапа революции, давшего власть буржуазии", ко "второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства". Экономическая программа была сформулирована в 6-м, 7-м и 8-м тезисах. В 6-м тезисе содержался призыв перенести "центр тяжести в аграрной програм-

ме на Советы батрацких депутатов", которые, по взглядам Ленина того времени, должны заседать отдельно от Советов крестьянских депутктов, и к "конфискации помещичьих земель": вся земля дожна быть передана в распоряжение Советов бедняцких и крестьянских депутатов, а крупные поместья (от 100 до 300 десятин – в местных условиях нижний предел для данной категории) превращены в образцовые хозяйства, "работающие под контролем бедняков для общественной пользы"[49]. 7-й тезис призывал к "созданию общенационального банка под контролем Совета рабочих депутатов", а 8-й – к установлению контроля Советов рабочих депутатов "над общественным производством и распределением продуктов", хотя это не имело в виду "введение социализма как нашей непосредственной задачи"[50]. Более тщательная разработка аграрных тезисов по сравнению с теми, которые касались банков, промышленности или торговли, ясно показывала, на что делался упор в ленинских идеях. Ленин был реалистом и впервые о русской революции мыслил конкретно, о революции в преимущественно крестьянской стране. Перед тем как уехать из Швейцарии, он писал, что Временное правительство не могло дать народу хлеба (в лучшем случае оно могло дать народу, как в Германии, лишь "гениально организованный голод"), потому что хлеб можно было получить "только с помощью мер, несовместимых со святостью капитала и земельной собственности"[51]. Здесь, как и в развитом далее упоминании об образцовых хозяйствах в 6-м тезисе, Ленин коснулся нервного центра русской революции. Никакая буржуазно-демократическая революция даже с помощью наиболее радикального способа распределения земельной собственности не смогла бы накормить Россию: только социализму под силу провести необходимое наступление на земельную собственность как таковую. Было бы справедливым заметить, что, пока Троцкий вычислял необходимость непрерывного процесса перехода от буржуазной к социалистической революции по своим наблюдениям за петроградским пролетариатом в революции 1905 г., Ленин пришел к аналогичному заключению через изучение фундаментальной проблемы, ярко проявившейся в ходе разрушительного процесса войны, – как накормить народ России. Оба пути никогда полностью не совпадали, равно как не были аналогичны и посылки. Но в 1917 г. оба на практике привели к одной и той же политике.

Глава 16

ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕВОЛЮЦИИ

а) Сельское хозяйство

Та первенствующая роль, которую Ленин отвел в экономической части своих Апрельских тезисов аграрному вопросу, была оправдана всеми последующими событиями, хотя в то время Ленин – единственный среди большевиков – сознавал его исключительную важность. Крестьянство в то время представляло еще неизвестную величину, и в апреле 1917 г. Ленин дал своим последователям чрезвычайно осторожную оценку перспектив на будущее.

"Мы хотим, чтобы крестьянство пошло дальше буржуазии, чтобы оно взяло землю у помещиков, но сейчас еще о его будущем поведении ничего сказать определенно нельзя.

...Не позволительно пролетарской партии возлагать теперь надежды на общность интересов с крестьянством. Мы боремся за то, чтобы крестьянство перешло на нашу сторону, но оно стоит, до известной степени, сознательно на стороне капиталистов"[1].

В политическом отношении Ленин был прав, полагая, что партия социал-революционеров с буржуазией не порвет; и крестьянство все еще льнуло к эсерам как к своим традиционным защитникам. Отвоевать его, заставив изменить этой верности, было условием успеха в достижении большевиками руководства в революции. Следовательно, помимо борьбы Советов против Временного правительства – которую искренне и последовательно вели большевики и с колебаниями без всякого энтузиазма поддерживали действовавшие на два фронта эсеры, – большевики участвовали и еще в одной борьбе, против эсеров за поддержку крестьянства. Эта проблема играла свою роль во всех политических расчетах и маневрах периода между Февральской и Октябрьской революциями.

Ход аграрной революции в России послужил иллюстрацией ленинского принципа, что путь к социализму "покажет лишь *опыт миллионов,* когда они возьмутся за дело". Надежды и возбуждение, порожденные Февральской революцией, породили

новые вспышки крестьянских волнений во многих частях России. Трудно отыскать точные сведения, которые давали бы возможность судить о природе и масштабах происходившего. В конце апреля 1917 г. Ленин отметил, что "крестьяне уже захватывают землю безвозмездно или платят четверть аренды" и что в Пензенской губернии "крестьяне берут помещичий инвентарь". Тот факт, что подобные случаи действительно получили широкое распространение[2], подтверждают непрерывные призывы к крестьянам со стороны Временного правительства и его сторонников подождать решений Учредительного собрания. Ответом Временного правительства на эти беспорядки был указ о создании иерархии комитетов по разработке путей осуществления аграрной реформы, которая могла быть проведена в законодательном порядке только на заседании Учредительного собрания; в числе созданных были всенародно избиравшиеся волостные земельные комитеты, уездные, губернские и, наконец, в центре этой иерархии – Главный земельный комитет. Таким образом, вся эта структура была аналогична структуре Советов, однако крестьянские Советы находились еще в зачаточном состоянии и существовали совершенно вне сферы деятельности правительственных органов. Автором этого указа был министр сельского хозяйства Временного правительства, который принадлежал к партии кадетов и в принципе поддерживал национализацию земли при выплате компенсации ее владельцам. Позднее земельные комитеты были захвачены эсерами и превратились в важный инструмент их политики.

Тем временем собравшаяся в конце месяца Апрельская конференция большевистской партии приняла по аграрному вопросу резолюцию, которая воплотила политику, намеченную в Апрельских тезисах. В ней выдвигалось требование конфискации всех помещичьих, церковных и государственных земель, немедленной передачи всех земель "в руки крестьянства, организованного в Советы крестьянских депутатов или в другие, действительно вполне демократически выбранные... органы местного самоуправления", а также национализации всей земли как собственности государства, которое должно будет передать право ее распределения в руки местных демократических органов. В докладе на конференции Ленин настаивал, чтобы пункт, предусматривавший передачу земли организованному крестьянству, предшествовал пункту, где говорилось о ее национализации, мотивируя это тем, что "для нас важен революционный почин, а закон должен быть его результатом"[3]. Это было ключом к появлению в этой резолюции единственного нового пункта. В противоположность сторонникам Временного правительства, призывавшим крестьян вступать в "добровольное соглашение с помещиками" и пугавшим их карами за "самоуправство", большевистская резолюция советовала крестьянам "брать землю организованно, отнюдь не допуская ни малейшей порчи имущества и заботясь об увеличении производства".

Большевики, таким образом, оказались единственной партией, благословившей крестьянскую революцию на осуществление насильственной экспроприации помещиков. Это был первый шаг в длительной и терпеливой кампании с целью добиться поддержки крестьянства. Положение, что крупномасштабное сельское хозяйство представляет собой существенную составную часть социализма, было признано в Апрельских тезисах в форме предложения превратить большие помещичьи имения в "крупные образцовые хозяйства, которые бы велись на общественный счет". Выступая вскоре после этого в "Правде", Ленин снова представил обоснованную формулировку большевистской позиции по этому вопросу.

"Мы не можем скрывать ни от крестьянства, ни тем более от пролетариев и полупролетариев деревни, что мелкое хозяйство, при сохранении товарного хозяйства и капитализма, *не в состоянии* избавить человечество от нищеты масс, – что надо *думать* о переходе к крупному хозяйству на общественный счет и *браться за него тотчас*, уча массы и *учась у масс* практически целесообразным мерам такого перехода"[4].

Однако до тех пор, пока крестьянская революция все еще оставалась делом будущего, это представлялось чем-то вроде отдаленного идеала, а в бурной атмосфере, когда важнее всего было определение революционной тактики, подобное предложение, не имевшее непосредственного отношения к делу и к тому же не обладавшее никакой притягательностью для крестьянина, легко отходило на второй план. В заключительном положении резолюции "пролетариям и полупролетариям деревни" рекомендовалось добиваться "образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое велось бы на общественный счет Советами депутатов от сельскохозяйственных рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств"[5].

Апрельский кризис Временного правительства совпал по времени с большевистской партийной конференцией. Он завершился отставкой Милюкова и образованием коалиционного правительства, в котором приняли участие все, за исключением большевиков, социалистические партии, а лидер эсеров Чернов стал министром сельского хозяйства. В результате этой перемены на эсеров свалилась вся ответственность за аграрную политику правительства, включая и решение ничего не предпринимать до созыва Учредительного собрания, и это дало шанс большевикам. Широкое распространение беспорядков по всем сельским местностям отчетливо показывало то, что стало теперь совершенно явным и легко распознаваемым различием между аграрной политикой большевиков и коалиционных партий. Когда в мае 1917 г. в Петрограде собрался Всероссийский съезд крестьянских депутатов, Ленин опубликовал в "Правде" открытое письмо к его делегатам, где свел все противоречия по аграрному вопросу к одной-единственной проблеме: "Следует ли поме-

шать крестьянам на местах немедленно брать всю землю, не платя помещикам никакой арендной платы и не дожидаясь Учредительного собрания, или не следует?"[6] И когда, десять дней спустя, Ленин сам обратился к съезду как главный большевистский делегат, вопрос о немедленном захвате земли крестьянами прочно занял центральное место в большевистском проекте резолюции и добрую половину выступления Ленина. Он защищал партию против обвинения в том, будто она сеет анархию:

"Анархистами называются те, которые отрицают необходимость государственной власти, а мы говорим, что она безусловно необходима и не только для России сейчас, но и для всякого государства, которое даже прямо бы переходило к социализму. Безусловно необходима самая твердая власть! Мы только хотим, чтобы эта власть была всецело и исключительно в руках большинства рабочих, солдатских и крестьянских депутатов".

Далее Ленин объявил себя защитником "сельско-хозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян", чьи нужды нельзя удовлетворить за счет простой передачи земли "народу". Прежде всего, было необходимо, чтобы беднейшие крестьяне объединились, образовав "отдельную фракцию или отдельную группу" во всех крестьянских организациях. Во-вторых, каждое крупное помещичье имение – Ленин подсчитал, что их число составляет 30 тыс., – должно быть превращено в образцовое хозяйство "для общей обработки их совместно с сельско-хозяйственными рабочими и учеными агрономами". Ленин вновь подтвердил "социалистическое учение", что "без общей обработки земли сельско-хозяйственными рабочими с применением наилучших машин и под руководством научно-образованных агрономов нет выхода из-под ига капитализма". И вопрос этот отнюдь не доктринерский.

"...Крайняя нужда для всего русского народа стучится в дверь. Эта крайняя нужда заключается в том, что по-старому хозяйничать нельзя. Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель.

...Хозяйство на отдельных участках, хотя бы "вольный труд на вольной земле" – это не выход из ужасного кризиса... Необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах"[7].

На этом съезде, где полностью доминировали эсеры, большевики составляли незначительное меньшинство. Однако этот случай знаменовал одну из стадий в процессе вбивания клина между массами крестьянства и их эсеровскими заступниками. Эсеры не сдавали позиций и на своем III партийном съезде, прошедшем тотчас же вслед за крестьянским съездом, вновь подтвердили свое осуждение попыток захватить землю или предвосхитить решения Учредительного собрания.

Серия съездов, проходивших один вслед за другим в Петрограде летом 1917 г., вынудила связанных своим участием во Вре-

менном правительстве эсеров все более и более явно обнаруживать свои истинные позиции. На собравшемся в середине июня I Всероссийском съезде Советов эсеры составляли большинство, и принятая им резолюция по аграрному вопросу отражала в общих чертах программу этой партии. Земля должна быть "изъята из товарного обращения", что означало, что ее нельзя будет больше ни покупать, ни продавать. Право распоряжаться ею должно принадлежать "всему народу" и осуществляться через "демократические органы своего самоуправления". Право пользователей земли, "как индивидуальных, так и коллективных", должно быть гарантировано "специальными юридическими нормами на началах общегражданского равенства"[8]. К тому времени, конкурируя с крестьянскими Советами[9], была успешно построена целая пирамида земельных комитетов; она-то и стала главной опорой структуры, которую планировали осуществить эсеры. Для обеспечения "скорейшей и окончательной ликвидации всех пережитков крепостного строя, сохранившихся в деревне, полного уничтожения всех кабальных отношений", а также для осуществления общего надзора за проведением аграрной политики предполагалось создать выборные волостные комитеты, подчиняющиеся через промежуточные органы находящемуся в Петрограде Главному земельному комитету[10]. Предложение о национализации и уравнительном распределении земли – напоминавшее о проповедовавшемся старыми народниками призыве к "черному переделу" – было хорошо рассчитанным шагом, направленным на умиротворение крестьянской общественности. Однако общий результат оказался негативным из-за настойчивого осуждения эсерами как членами Временного правительства захвата земли крестьянами до созыва Учредительного собрания. Ленин быстро осознал как общую популярность эсеровской программы, так и содержавшуюся в ней одну роковую ошибку.

Следующий этап был достигнут в августе 1917 г. К этому времени быстро созревала революция. Начиная с июльских дней Ленин и другие ведущие большевики либо скрывались, либо были арестованы. В городах и деревнях быстро нарастали беспорядки[11], весь правительственный аппарат трещал под напором нового кризиса. В середине августа журнал находившегося под контролем эсеров Всероссийского крестьянского съезда опубликовал то, что получило название "Примерный наказ" (составленный на основании 242 наказов, доставленных депутатами I съезда). Суть этих предложений была хорошо знакома. Они включали экспроприацию помещичьих имений, запрет на применение наемного труда, запрещение купли и продажи земли, "уравнительное распределение земли... смотря по местным условиям, по трудовой или потребительской норме"[12], и периодическое перераспределение, которое должно осуществляться органами местного самоуправления. Ленин, который теперь был уверен, что момент захвата власти близок и что, как только это

произойдет, сразу же начнется переход революции к своей социалистической стадии, принял решение взять новую тактическую линию. Он заявил, что "Примерный наказ" сам по себе приемлем в качестве программы: "самообман социалистов-революционеров и обман ими крестьянства" состоят в том теоретическом положении, будто эту программу можно осуществить без свержения капиталистического режима. До сих пор Ленин рассматривал национализацию земли как часть программы буржуазной революции. Теперь он утверждал, что поскольку значительная часть земель заложена в банках, то о конфискации можно всерьез думать лишь тогда, когда "революционный класс революционными мерами сломил сопротивление капиталистов". 242 наказа могут быть воплощены в жизнь только тогда, когда под руководством пролетариата и в союзе с крестьянством будет объявлена беспощадная война против капитализма.

"Тогда, – утверждал в заключение Ленин, – наступит конец государству капитала и наемному рабству. Тогда начнется царство социализма, царство мира, царство трудящихся"[13].

Таким образом, Ленин позаимствовал целиком аграрную программу, объявленную эсерами, сделав одну существенную оговорку, что все это может быть осуществлено только как часть революции против буржуазного капитализма, пролетарской революции, которая вот-вот должна была начаться.

Ленинская статья о "Примерном наказе" – написанная им в своем убежище в Финляндии и опубликованная в полулегальном партийном журнале "Рабочий", заменившем временно прекратившую издаваться "Правду", – не привлекла широкого внимания и была забыта в вихре революции. То, что Ленин сделал сразу же после того, как произошла революция, оказалось сюрпризом не только для его противников, но и для многих его сторонников. Двумя самыми жгучими проблемами, которые должны были определить отношение к революции значительной массы населения, а именно крестьян, были вопросы о войне и о земле. Решающее значение имели два декрета, представленные на рассмотрение и единодушно одобренные происходившим 26 октября – 8 ноября 1917 г. II Всероссийским съездом Советов, – так называемые Декрет о мире и Декрет о земле. Декрет о земле был краток. Он провозглашал уничтожение всякой частной собственности на землю; все помещичьи, монастырские, церковные и удельные земли передавались "в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, вплоть до Учредительного собрания". В том, что касается конкретного осуществления этих мероприятий, был целиком и без изменений принят выдвинутый эсерами в августе "Примерный наказ". Ленин охарактеризовал его в своей речи как "выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России". Мелкие землевладения трудящихся крестьян и казаков конфискации не подлежали[14].

Это был один из самых хитроумных политических шагов Ленина – рассматривать ли его как средство завоевания популярности среди крестьянства или как прелюдию к более координированным действиям, направленным на то, чтобы расколоть и ослабить эсеров как основную политическую силу в российской деревне.

Теоретически Ленин оправдывал этот шаг, основываясь на двух различных причинах. Вначале он отстаивал его как теоретическую необходимость, подчинение воле большинства, даже при отсутствии согласия с его правотой, в надежде, что опыт научит мудрости. Это соответствовало той точке зрения, что революция находилась еще на своей демократической стадии и пока не созрела для перехода к полной социалистической программе. Когда этот декрет был представлен на рассмотрение съезда и раздавались протестующие голоса, что он создан эсерами[15], Ленин ответил:

"Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь – лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос"[16].

А три недели спустя, когда произошел раскол эсеров и была создана коалиция с левой группой, Ленин заявил, что при голосовании "таких вопросов, которые касаются чисто-эсеровских пунктов земельной программы, утвержденной II Всероссийским съездом Советов, большевикам следовало бы воздержаться"; и в качестве примера такого рода особых "эсеровских пунктов" Ленин привел пункт об "уравнительном землепользовании и переделах земли между мелкими хозяйствами"[17]. Одновременно с этим Ленин вновь возродил к жизни довод – впервые выдвинутый им в августе того же года, когда он приветствовал "Примерный наказ", – что эта эсеровская программа сама по себе верна, но только в рамках социалистической революции. Таким образом, теперь Ленин предлагал Всероссийскому съезду крестьянских депутатов признать, что "осуществление полностью всех мероприятий, составляющих закон о земле, возможно только при успехе начавшейся 7 ноября (25 октября) рабочей социалистической революции", и провозгласить, что он "всецело поддерживает революцию 7 ноября (25 октября) и поддерживает ее именно как революцию социалистическую"[18]. В течение всего этого времени вопрос о необходимости развития крупномасштабных земледельческих хозяйств, на которой столь решительно настаивал Ленин шесть месяцев назад, был незаметно отведен на второй план.

Практические результаты всех этих теоретических дискуссий, возможно, были не так уж велики. Уже в сентябре 1917 г. Ленин отметил, что "всюду разливается широкой рекой кресть-

янское восстание"[19]. Октябрьская революция сломала последние запруды, которые еще сдерживали этот поток. Теперь уже с призывом свергнуть ярмо выступила не просто одна из революционных партий, а самозванное правительство. "Совет народных комиссаров, – гласило одно из самых первых заявлений, – призывает крестьян самих брать всю власть на местах в свои руки"[20]. Однако победа революции быстро породила противоречие между продолжением революционного процесса до тех пор, пока не будет окончательно завершено разрушение старого порядка, и тем организационным процессом, который был необходим для установления и укрепления нового порядка. В течение шести месяцев, последовавших сразу же за свершением Октябрьской революции, борьба, вытекавшая из этого противоречия, прошла две следовавшие одна за другой, хоть и связанные между собой, фазы. На первой – вопрос сводился к тому, будет ли процесс захвата крестьянами помещичьих имений и дальше развиваться в соответствии с моделью начавшегося еще до революции крестьянского бунта или он будет проводиться упорядоченно и организованно, как то предписывали новые революционные власти[21]. Для второй фазы было характерно возрождение основного конфликта между индивидуалистическими течениями эсеровской политики и коллективистскими тенденциями большевиков. Этот конфликт, который принимал различные формы, был на время приостановлен принятием большевиками эсеровской программы в Декрете о земле и последующей коалицией с левыми эсерами, однако он быстро возродился, как только возникла необходимость решать конкретные вопросы аграрной политики, и достиг критической точки, когда левоэсеровские члены правительства подали в отставку после Брест-Литовска.

Форма противоречия между насильственным или упорядоченным захватом земли крестьянами определялась отчасти случайностью, связанной со спецификой местных условий, а отчасти же – той быстротой, с которой в общем и целом устанавливалась в данном районе Советская власть. Там, где ход событий различался не только от губернии к губернии, но и от деревни к деревне, сведения весьма фрагментарны и порой носят противоречивый характер. Похоже, что наиболее высокий уровень порядка и организованности при захвате земли превалировал там, где сельское хозяйство было более развитым в техническом отношении; это было характерно для районов, где культивировали сахарную свеклу – как, например, для некоторых областей Западной Украины и Подолья – или было налажено широкомасштабное производство зерна на экспорт. Здесь сельское хозяйство уже велось на капиталистической основе и было большое количество безземельных сельскохозяйственных рабочих, которые быстро смогли обеспечить организованное руководство[22]. В общем и целом процесс захвата земли проходил наиболее упорядоченно в тех расположенных вблизи центра губерниях, где

быстрее всего была установлена Советская власть и где наиболее широко ощущалось влияние центральных властей. В отдаленных районах вся зима 1917/18 г. прошла в условиях анархии и беспорядков, и процесс захвата имений крестьянами сопровождался, как правило, насилием и разрушениями[23]. Это различие приобрело особенно большое значение во время гражданской войны, когда советские вооруженные силы действовали главным образом в тех районах, где аграрная революция была завершена довольно быстро и определенные мероприятия, направленные на упорядочение управления, обрели уже более или менее солидные традиции, в то время как области, где преобладали наиболее анархические настроения и аграрная борьба велась в наиболее яростных и ожесточенных формах, лежали за пределами "белой" линии. Однако протекал ли этот процесс захвата упорядоченно или сопровождался насилием – почти целиком зависело от людей на местах; влияние центральных властей здесь если и сказывалось, то весьма незначительно. "Дело ликвидации помещичьего строя осуществляли крестьянские массы, органы на местах, – вспоминал впоследствии первый народный комиссар земледелия, – и они являлись там настоящим аппаратом Народного Комиссариата Земледелия"[24].

Вторая фаза, которая частично совпадала по времени с первой, была связана с разделом земли после того, как уже прошел процес национализации или захвата, и сопровождалась резким обострением противоречий между большевиками и их эсеровскими союзниками. Большевики и эсеры находились в искреннем согласии между собой в том, что касалось экспроприации без выплаты компенсации бывшим землевладельцам. До тех пор пока именно этот вопрос оставался главным, интересы всех крестьян совпадали. Но как только это оказалось достигнутым, у различных категорий крестьянства появились свои цели и амбиции. И здесь-то в общем и целом эсеры взяли сторону относительно зажиточных и благополучных крестьян, которые индивидуально или объединившись в коммуны возделывали свои собственные земли, а большевики выступили защитниками интересов бедных крестьян, либо вообще безземельных, либо имевших такие мизерные наделы, которые не могли их прокормить, если они не нанимались на работу к другим. Это различие уже до некоторой степени проявилось в столкновении между эсерами и большевиками по вопросу об организованной или "стихийной" передаче земли крестьянам. Бедные и безземельные крестьяне чаще принимали участие в сопровождавшихся насилием революционных захватах помещичьих имений, чем более процветающие крестьяне, опасавшиеся, что в случае распространения стихийных взрывов крестьянских волнений могут пострадать и их собственные небольшие владения. В этом смысле эсеры – и особенно правые эсеры – были менее революционной партией, чем большевики, и были аналогичны меньшевикам, представлявшим квалифицированные группы городских рабочих.

История аграрной политики в период между октябрем 1917 г. и июнем 1918 г. выразилась, во-первых, в расколе между правыми и левыми эсерами, последние из которых отстаивали интересы более угнетенных слоев крестьянства, чем первые, а затем и в расколе между левыми эсерами и большевиками – единственными, кто был готов довести до завершения радикальную политику поддержки бедняков против кулаков.

Заимствование большевиками основных частей эсеровской аграрной программы было облегчено тем фактом, что программа эта содержала несколько пунктов, которые были предметом различных интерпретаций даже среди самих эсеров. Когда включенный в большевистский Декрет о земле от 26 октября/8 ноября 1917 г. эсеровский "Примерный наказ" определил смысл принципа уравнительного использования земли, сведя его к уравнительному распределению земли среди тех, кто на ней работает, "по трудовой или потребительной норме", он обошел наиболее явное из этих разногласий. Однако при этом оставался открытым вопрос, будет ли такое равенство рассчитываться на основании количества тех, кто действительно работает, – и если так, то будут ли сюда включаться как полноправные работники женщины и подростки – или на основе числа едоков, включая сюда детей, стариков и немощных?

В основе первой из альтернатив лежала концепция, что каждый имеет право на такое количество земли, которое он в состоянии действительно обрабатывать, вторая же основывалась на предпосылке, что каждый вправе иметь столько земли, сколько необходимо, чтобы прокормить себя и свою семью. Каждая из этих концепций была сама по себе вполне обоснованна, и каждая была прочно укоренена в революционной традиции, однако меду собою они отнюдь не совпадали; более того, не было никакой гарантии, что повсюду окажется достаточно земли, чтобы удовлетворить хотя бы одно из этих идеальных требований. Этот вопрос так никогда и не превращался в официальный предмет разногласий между эсерами и большевиками, поскольку не существовало однозначного и признаваемого обеими сторонами ответа на вопрос, какой категории крестьян должно было бы оказываться предпочтение при различных вариантах решения этой проблемы. Однако поскольку этот вопрос должен был решаться местными властями, все зависело от их характера и склонностей.

Второе расхождение в интерпретации касалось толкования положения "Примерного наказа", что земельные участки с *"высококультурными* хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т.под.", – а также конские заводы и племенные скотоводства должны быть переданы в "исключительное пользование *государства или общин,* в зависимости от размера и значения их". И здесь большевики – которые в принципе выступали за широкомасштабное земледелие и централизованный контроль – должны были скорее всего в долгосрочной

перспективе занять позицию, отличную от эсеровской, как по вопросу о том, что именно должно включаться в категорию "высоко-культурных хозяйств" – должны ли они, в частности, включать все земли, отведенные под такие "промышленные" культуры, как сахарная свекла, лен и хлопок, – так и относительно того, какого рода власти должны на практике заниматься их управлением.

Третье, и наиболее существенное, расхождение касалось того, какие именно земли должны были подлежать распределению. Вообще-то в "Примерном наказе" вроде бы ясно давалось понять, что крестьянские наделы наряду с помещичьими имениями должны были объединяться в общий фонд, подлежащий последующему "уравнительному" распределению – исключение составлял лишь, как там заявлялось, "инвентарь малоземельных крестьян". Однако, когда этот вопрос начал обретать конкретное содержание, правые эсеры, представлявшие интересы зажиточных крестьян, начали отступать с этих позиций, заявляя, что земля, которая уже находится в индивидуальном или коллективном крестьянском владении, должна оставаться в неприкосновенности и что принцип уравнительности применим лишь постольку, поскольку это касается распределения между бедными или безземельными крестьянами конфискованных помещичьих имений[25]. Здесь интересы различных категорий крестьянства оказались абсолютно несовместимыми; и именно в результате удара об эту самую скалу и произошел основной раскол сначала между правыми и левыми эсерами, а потом и между левыми эсерами и большевиками. Тем временем – поскольку столь многие жизненно важные пункты оставались в этом декрете открытыми и подлежали конкретному толкованию на местах – преобладающее значение приобрел контроль волостных земельных комитетов, на которые было возложено исполнение декрета, а этот контроль в то время в подавляющем числе случаев оставался в руках эсеров. Взаимоотношения между земельными комитетами и Советами крестьянских депутатов, которые Ленин, обращаясь к делегации крестьян, подчеркнуто назвал "полномочными органами государственной власти на местах"[26], были окутаны конституционной дымкой, характерной для большинства законодательных актов и заявлений этого периода.

Ситуация была слишком щекотливой, чтобы большевики – чья независимая власть в деревне была еще незначительной – могли позволить себе порвать с эсерами; так что, когда Главный земельный комитет, который контролировался правыми эсерами, обнародовал 31 октября/13 ноября 1917 г. заявление, где содержался отказ признать юридическую силу Декрета о земле, никаких акций против него предпринято не было[27]. Когда несколько дней спустя подал в отставку народный комиссар земледелия Милютин, то Ленин, уже нащупывавший пути к тому, чтобы добиться раскола между двумя крылами эсеров, предло-

жил этот пост Колегаеву, который был главным оратором по аграрным делам от левых эсеров[28]. Это предложение натолкнулось на резкий отказ. Однако не прошло и двух недель, как политика Ленина, направленная на раскол среди эсеров, достигла цели, была сформирована коалиция между большевиками и левыми эсерами, а Колегаев стал народным комиссаром земледелия. Левые эсеры в отличие от правых эсеров признали законным Декрет о земле, принятый 26 октября/8 ноября 1917 г. Так что успехи были весьма значительны. Однако у Милютина в течение недолгого пребывания на этом посту не хватило времени для организации народного комиссариата земледелия (Наркомзема)[29], который, оказавшись под началом Колегаева, оставался как по составу служащих, так и общему стилю работы прямым преемником эсеровского министерства земледелия, каким оно было при Временном правительстве. Последовавшие далее Положение и Инструкция от 13/26 декабря 1917 г. в общем и целом подтверждали эсеровскую политику. Там вновь заявлялось, что земельные комитеты облечены полномочиями для "проведения в жизнь земельных законов, как уже изданных, так и имевших быть изданными впредь". Специально оговаривалось, что "земли специальной культуры и промышленного значения... а также опытные и показательные поля и участки, поля сельскохозяйственных и других учебных заведений" не подлежат раздроблению и передаются в ведение земельных комитетов; все же остальные земли должны быть распределены по "уравнительно-трудовому" принципу, конкретное содержание которого не уточнялось[30]. Неделю спустя декретом Совнаркома был распущен совет Главного земельного комитета, который по-прежнему так и отказывался признать Декрет о земле[31]. Этот акт, отрезавший комитеты от их независимого представительства в центре, ознаменовал собой первый шаг, направленный на то, чтобы ограничить их престиж и полномочия и подчинить их местным Советам.

Следующий важный поворотный момент произошел в январе 1918 г. с роспуском Учредительного собрания и созывом III Всероссийского съезда Советов. Теперь уже Советская власть была установлена на всей северной и центральной части территории России и на Волге и быстро проникала в Сибирь. Повсюду экспроприация помещичьих имений либо была завершена, либо близилась к завершению. Однако поскольку до сих пор все признавали необходимость дождаться вердикта Учредительного собрания, то процесс перераспределения земель еще не начинался, и все зависело от воли уездных или волостных земельных комитетов или же земельных отделов местных Советов. И здесь ситуация была для большевиков далеко не утешительной. Коалицию между левыми эсерами и большевиками даже в центре никоим образом нельзя было считать вполне искренней. Когда III Всероссийский съезд Советов собрался, чтобы утвердить роспуск Учредительного собрания, то бывший Всероссий-

ский съезд крестьянских депутатов – хотя он теперь официально и слился с более широким сообществом – попытался тем не менее сохранить некое теневое независимое существование под видом "крестьянской секции" Всероссийского съезда Советов. Еще более бездеятельной оказалась эта коалиция в деревне; в земельных комитетах по-прежнему доминировали эсеры, которые проявляли более или менее открытую враждебность по отношению к большевикам. Одновременно с III Всероссийским съездом Советов в Петрограде собрался съезд делегатов земельных комитетов. Хотя три четверти делегатов по свидетельствам считались левыми эсерами, они заняли враждебную позицию по отношению к Всероссийскому съезду Советов, соглашаясь поначалу иметь дело только с его "крестьянской секцией". В результате лихорадочной деятельности Колегаева в качестве посредника к делегатам обратился с речью Ленин[32]. В конце концов удалось обеспечить одобрение съездом проекта закона "О социализации земли", который был призван урегулировать спорный вопрос о распределении земли и второпях представлен на состоявшееся 18/31 января 1918 г. последнее заседание Всероссийского съезда Советов. То обстоятельство, что проект был представлен на съезд в последний момент, предотвратило возникновение дискуссий. Он был одобрен в принципе и передан во ВЦИК для более детальной проработки[33]. Этот же съезд уже заложил ранее в Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа два основных принципа большевистской аграрной политики: "частная собственность на землю отменяется" и "образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием".

Окончательный текст закона "О социализации земли" был – с помощью преднамеренно рассчитанного совпадения – обнародован 19 февраля 1918 г. – в 57-ю годовщину принятого Александром II постановления об освобождении крепостных крестьян[34], что до некоторой степени знаменовало совпадение между собой позиций большевиков и эсеров. Статья 9 гласила, что распределением сельскохозяйственных земель ведают "сельские, волостные, уездные, губернские, областные главные и федеральные земельные отделы Советов", которые должны были либо заменить собой старые земельные комитеты, либо превратить их в отделы Советов. Поскольку правые эсеры продолжали играть доминирующую роль в земельных комитетах, то эта мера была приемлема как для левых эсеров, так и для большевиков, однако вследствие того, что последние осуществляли контроль над советским административным аппаратом в целом, то в конечном счете пожинали плоды от нее именно они. Возможно, в долгосрочной перспективе это положение нового закона оказалось для большевиков наиболее выгодным. Однако Ленин мог с городостью указать и на статью 11, которая определяла цели социалистической аграрной программы в следующих выражениях:

"а) Создание условий, благоприятствующих росту производительных сил страны, в смысле увеличения плодородия земли, поднятия сельско-хозяйственной техники и, наконец, поднятия уровня сельско-хозяйственных знаний в трудовых массах земледельческого населения.

б) Создание запасного фонда земель сельско-хозяйственного значения.

в) Развитие сельско-хозяйственных промыслов, как-то: садоводства, пчеловодства, огородничества, скотоводства, молочного хозяйства и проч.

г) Ускорение перехода от малопроизводительных к более производительным системам полеводства в различных поясах, путем равномерного расселения трудящихся земледельцев.

д) Развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству"[35].

Таким образом, бок о бок с эсеровским принципом "черного передела" в новом законе был ясно установлен и получил признание большевистский принцип коллективного ведения сельского хозяйства, который был сразу же зафиксирован в Декрете о земле, принятом 26 октября/8 ноября 1917 г.

Эти большевистские заявления были, однако, по своей природе скорее придатками к закону, чьей "душой", как назвал ее впоследствии в кавычках Ленин, был "лозунг уравнительного землепользования"[36]. В действительности, сделав попытку применить этот лозунг на практике, закон, в сущности, продемонстрировал его химерический характер. Основные эсеровские принципы полностью признавались. "Право пользоваться землей принадлежит лишь тем, кто обрабатывает ее собственным трудом", – гласила статья 3. А статья 53 нарочито описывала применение наемного труда как "законом недозволенное". "Распределение земли между трудящимися, – говорилось в статье 12, – должно производиться на уравнительно-трудовых началах так, чтобы потребительно-трудовая норма... не превышала трудоспособности наличных сил каждого отдельного хозяйства и, в то же время, давала бы возможность безбедного существования семье земледельца". Применение этой сентенции на практике означало, согласно статье 25, что "количество земли, отводимой отдельным хозяйствам... не должно превышать потребительно-трудовой нормы", и при этом прилагалась детальная инструкция, уточняющая, каким путем надлежит исчислять эту норму. Правильные размеры земельного надела для данного хозяйства определялись в результате сложного подсчета, который принимал во внимание как число живущих там "рабочих сил" – причем мужчина принимался за единицу, женщина – за 0,8, юноши в возрасте 16–18 лет – за 0,75, девушки – за 0,6, а дети в возрасте 12–16 лет – за 0,5 единицы, – так и "количество едоков". Там, где размеры наличных земель не позволяли реа-

лизовать эти нормы на практике, судя по всему, допускалось покрытие этого дефицита за счет "земель запасного фонда", создаваемых в результате конфискации помещичьих имений, а там, где это оказывалось невозможно, предусматривалась миграция семей в другие районы. Однако там не была решена – и даже не рассматривалась – ни одна из практических трудностей, возникающих в ходе осуществления этих мероприятий. Вопрос о выравнивании размеров крестьянских наделов, превышавших указанную норму, был обойден молчанием, хотя в другом разделе этого закона и содержалось положение, что "излишек дохода, получаемый от естественного плодородия лучших участков земли, а также от более выгодного их расположения в отношении рынков сбыта, поступает на общественные нужды в распоряжение органов Советской власти". Закон содержал несколько примечаний, оговаривающих приспособление его положений к конкретным местным условиям.

Закон "О социализации земли" был подвергнут впоследствии критике со стороны Ленина на том теоретическом основании, что, хотя лозунг уравнительного распределения и имел "прогрессивное и революционное значение в буржуазно-демократическом перевороте", он был неуместен применительно к революции социалистической и принимался большевиками только как необходимый шаг в революционном развитии и как некая мера, которой в тот момент желало большинство крестьянства.

"Мы, большевики, будем *помогать* крестьянству, – писал Ленин, – изжить мелкобуржуазные лозунги, *перейти* от них как можно скорее и как можно легче к социалистическим"[37].

Критики, которая могла бы иметь более непосредственное практическое значение, заслуживала чрезвычайная расплывчатость содержавшихся в этом законе формулировок, оставлявшая почти каждый спорный пункт открытым для местных толкований и исключавшая какие бы то ни было перспективы достижения единообразия в применении заложенных им принципов. Хотя, с другой стороны, широкое разнообразие как экономических, так и социальных условий в различных районах бывшей царской империи превращало какое бы то ни было единообразие в аграрном законодательстве в предприятие весьма рискованное. Совершенно ясно, что в то время – и к тому же по столь животрепещущему вопросу, каким был вопрос об использовании земли, – никакая центральная власть, не располагавшая сильными средствами давления – а большевики ими не обладали, – не имела возможности навязать свои решения даже в тех сельских районах России, которые приняли Советскую власть. Как в действительности распределялась земля – зависело от коллективной воли заинтересованных групп крестьянства или от решения тех местных властей, которые они признавали. Те распоряжения, которые передавались из Москвы, воспринимались в той мере, в какой они представлялись разумными и соот-

ветствовали представлениям самих крестьян о том, что должна была бы принести им революция. Эти представления, как знал Ленин, были гораздо ближе к эсеровскому "уравнительному распределению", чем к тому коллективизму, который большевики считали не просто конечной целью, но и самой настоятельной потребностью развития российского сельского хозяйства.

В течение весны и начала лета 1918 г. перераспределение земель проходило в центральных, северо-западных и северо-восточных губерниях европейской части России и в районе Волжского бассейна – в общей сложности это касалось 28 губерний, в которых прочно установилась Советская власть[38]. Однако реально протекавшие процессы имели весьма мало отношения к только что обнародованному закону и были столь же противоречивы, столь же разнообразны и столь же трудноуловимы, для того чтобы их проследить, как и проходивший минувшей зимой захват земель у помещиков.

"Социализация не была проведена в общегосударственном масштабе, – писал один из сотрудников Наркомзема. – ...Практически земля осваивалась местным населением; случаи переселения из малоземельных губерний в многоземельные были единичны. Уравнение внутри селений проводилось неукоснительно; межволостное уравнение норм проводилось уже реже, межуездное – еще реже, о межгубернском не приходится и говорить"[39].

Распределение по числу едоков было более распространено в малоземельных центральных и волжских губерниях, распределение в соответствии с трудовыми возможностями – в менее густонаселенных северных губерниях России и в сибирских степях. Система коммунальных наделов, подлежащих периодическому перераспределению, реформой не затрагивалась, и это понятно: ведь если предполагалось форсировать запреты на использование наемного труда и на аренду земли, то проведение периодического перераспределения земли, исходя из меняющегося семейного положения, было все равно явно необходимо. Нежелательное измельчение земельных наделов скорее усиливалось, чем преодолевалось; приводились экстремальные ситуации, когда крестьяне получали небольшие участки земли в 70–80 верстах от дома[40]. Некоторые свидетельства говорили о том, что процесс распределения земли протекал спокойно и без осложнений благодаря опыту, приобретенному самими крестьянами в ходе периодического перераспределения наделов в крестьянских коммунах, другие же сведения утверждали, что между кулаками и бедными крестьянами происходили открытые столкновения[41]. Все эти столь различные картины соответствовали действительности; трудности как раз возникали тогда, когда предпринимались попытки установить какие бы то ни было пропорции происходящего или нарисовать его общий вид. Из суммарного количества конфискованной земли 86% было, как утверждалось, распределено среди крестьян, 11 – перешло к го-

сударству, в основном в форме советских земледельческих хозяйств и ферм, а 3% – сельскохозяйственным коллективам. Среднее прибавление к крестьянским наделам варьировалось от волости к волости в пределах от одной четверти до трех четвертей десятины[42]. Однако практическое осуществление принципа равенства отнюдь не удерживалось узкими рамками: оно тоже было неравномерным. Иногда вся земля в пределах села или волости объединялась в один общий фонд, подлежащий затем дальнейшему перераспределению, иногда распределялась только конфискованная помещичья земля. Иногда распределение проводилось, исходя из количества "едоков", иногда – на основе числа работников или их предполагаемой способности выполнять работу; приводились случаи, когда земля распределялась только среди тех крестьян, у которых были семена. Большевики в общем и целом поддерживали распределение всей земли, исчисляемой по числу едоков; в обоих случаях предпочтение оказывалось в пользу бедных и безземельных. Эсеры же стремились ограничить распределение только помещичьими землями и распределять ее в соответствии с трудовыми возможностями – оба эти подхода благоприятствовали зажиточным крестьянам[43]. Если исходить из общих соображений, а также из того факта, что в большинстве органов, занимавшихся перераспределением земли, влияние эсеров было преобладающим, то представляется вполне вероятным предположить, что в целом бедные крестьяне выиграли от всего этого меньше, чем их более процветающие соседи.

Ратификация Брест-Литовского договора привела к выходу в марте 1918 г. из состава Совнаркома его эсеровских членов, и Колегаева сменил на посту народного комиссара земледелия большевик Середа. Этот шаг не повлек сразу же за собой ослабления доминирующего влияния левых эсеров в местных земельных комитетах, так что, возможно, на процессе перераспределения земли это и не отразилось. Левые эсеры сохранили за собой также и места в составе ВЦИК[44]; и, хотя предпринятая после отставки Колегаева решительная попытка сохранить за собой контроль за Наркомземом потерпела поражение[45], тем не менее изменения в составе работников в общем стиле деятельности Наркомзема – до сих пор укомплектованного почти исключительно за счет служащих-эсеров – происходили весьма постепенно. Так, еще в мае 1918 г. у Свердлова были основания сетовать, что "в волостных Советах руководящая роль принадлежит кулацко-буржуазному элементу"[46]. Более того, предписания центрального правительства все еще оказывали весьма слабое воздействие на реальную ситуацию в сельских районах. Это был период, когда местные Советы все еще интерпретировали лозунг "Вся власть Советам!" в смысле своего собственного абсолютного суверенитета – или, уж во всяком случае, полной свободы действий в решении вопроса о том, принимать к сведению или игно-

рировать инструкции центральных властей. Никаких попыток установить такого рода централизованную власть – пока политика центра контролировалась эсерами, будь то правыми или левыми, – судя по всему, не предпринималось; это была цена, которую приходилось платить за коалицию с левыми эсерами.

Обстоятельством, сделавшим теперь активное вмешательство из центра настоятельной необходимостью и возвестившим окончательное падение этой коалиции, стала та чрезвычайно острая ситуация, которую не могли со все возраставшей тревогой не осознавать большевики: это была нехватка продовольствия в столице. Удлинявшиеся хлебные очереди в Петрограде в первые недели 1917 г. оказались важнейшим фактором свершения Февральской революции; на урожае 1917 г. сказалось отсутствие мужчин, которые воевали на фронте, и он был много ниже среднего уровня. А после Октябрьской революции из-под контроля центральных властей вышла богатейшая житница России – Украина. Официально нехватка продовольствия приписывалась действиям спекулянтов и богатых крестьян, изымавших с рынка свои запасы зерна. Это хотя и было отчасти правдой, но составляло всего лишь ее часть; однако это представляло собой ту единственную часть правды, которая позволяла еще поддерживать надежды на то, что удастся найти средство решения этой проблемы до следующего урожая, ждать которого оставалось еще целых шесть месяцев. В январе 1918 г. продовольственная ситуация вновь вызывала тревогу как в Петрограде, так и в Москве. На совещании, в котором принимали участие члены президиума Петроградского Совета и представители органов по снабжению продовольствием, Ленин призывал к "массовым обыскам" в Петрограде и на товарных станциях и к расстрелу на месте тех спекулянтов, которые будут обнаружены с хлебом[47]. Народный комиссар продовольствия предложил одновременно послать в деревни отряды с целью насильственного изъятия зерна, принять меры, направленные на то, чтобы стимулировать обмен продуктами между городом и деревней[48]. Обе эти меры были в течение последующих нескольких месяцев испробованы, и обе они потерпели провал. В разгар брест-литовского кризиса было нелегко организовать для посылки в деревню вооруженные отряды, а некоторые из тех, что удалось послать, встретили ожесточенное сопротивление. Столь же неэффективными оказались и мероприятия, которые должны были способствовать оживлению торговли и обмену товарами, что объяснялось отчасти отсутствием такого рода товаров, которые крестьяне действительно пожелали бы купить, а отчасти, как объяснял Ленин, еще и тем, что зажиточный мелкий буржуа обладал небольшим запасом денег, так что у него не было острой необходимости спешить с продажей[49]. Деревня поднимала пассивное восстание против города. Уже появилась кардинальная проблема пролетарской революции в преимущественно крестьянской по своему экономическому укладу стране. Было бы труд-

но преувеличить ту картину административной беспомощности, которую представил на прошедшем летом 1918 г. V Всероссийском съезде Советов народный комиссар продовольствия.

"Мы не получили сведений о погрузке и отправках, об исполнении наших нарядов, – словом, во всем деле царил полный, ужасный хаос... При проходе грузов через станции являлись совершенно посторонние нам лица, которые считали себя вправе отцеплять вагоны, перегружать грузы и т.д. ...Наряду со всем этим мы сталкивались с жесточайшим сопротивлением населения, которое ни в коем случае не хотело отдавать хлеба. И из многих фактов, доходящих до нас, мы убедились, что та мера, на которую мы возлагали так много надежд, а именно – товарообмен, не могла оказаться особенно полезной. В нашей практике было много случаев, когда крестьяне, видя, что товара нет, заявляли: "без товара мы не отдадим", но когда привозили товар, хлеб мы все равно не получали, а товар они распределяли между собой"[50].

Однако ситуация стала безнадежной еще до этого. Попытка внушить крестьянам благоговейный ужас или убедить их, апеллируя к ним как к одной единой группе, существенных результатов не принесла; и, по всей видимости, в качестве последнего броска в этом направлении правительство вновь обратилось к тому средству, которое, кстати говоря, составляло важный элемент большевистской программы еще с тех пор, как Ленин написал в 1905 г. в работе "Две тактики социал-демократии в демократической революции" о двух стадиях революции в деревне[51]. Теперь, весной 1918 г., намеченный там ход событий можно было бы осуществить на практике. Пролетариат, шагая в союзе с крестьянством как единым целым против феодальных помещиков, осуществил первую стадию революции. Теперь назрело время для осуществления второй стадии революции, когда пролетариату предстояло расколоть крестьянство на две части и шагать дальше с "полупролетарскими" бедными крестьянами против мелкобуржуазных кулаков. "И мы убеждены, – сказал Ленин на проходившем в Москве 14 февраля 1918 г. собрании крестьян, – что трудовое крестьянство объявит беспощадную войну своим угнетателям-кулакам и поможет нам в нашей борьбе за лучшее будущее народа и за социализм"[52]. Три недели спустя, на съезде партии, который принял решение о ратификации Брест-Литовского договора, он добавил более конкретно:

"Земельный вопрос придется преобразовать в том смысле, что мы здесь видим первые шаги того, как мелкое крестьянство, желающее стать на сторону пролетариата, желающее помочь ему в социалистической революции, как оно при всех своих предрассудках, при всех своих старых воззрениях поставило себе практическую задачу перехода к социализму... Крестьянство не словами, а делами показало, что оно желает помочь и помогает пролетариату, завоевавшему власть, осуществить социализм"[53].

В мае 1918 г. он вновь подчеркивал, что мелкобуржуазный элемент в деревне удастся удержать под контролем только в том случае, "если сорганизуем бедноту, т.е. большинство населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда"[54]. То, что в течение первых шести месяцев революции большевикам так и не удалось ни на один серьезный шаг приблизиться к осуществлению этой политики, является симптомом их слабости в сельских районах, – слабости, которая вынудила их вступить в политическую коалицию с левыми эсерами. Только нависшая угроза голода в городах могла заставить их всерьез обратить внимание и принять действенные меры, необходимые для установления их власти в деревне.

Новая большевистская политика в отношении деревни началась по-настоящему в мае 1918 г. 9 мая ВЦИК дал свое одобрение декрету "О предоставлении Народному Комиссариату Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими". Эта тема, объявленная в пространном заголовке декрета, была развита в риторической преамбуле:

"В то время, как потребляющие губернии голодают, в производящих губерниях в настоящий момент имеются по-прежнему большие запасы даже не обмолоченного еще хлеба урожаев 1916 и 1917 годов. Хлеб этот находится в руках деревенских кулаков и богатеев, в руках деревенской буржуазии. Сытая и обеспеченная, скопившая огромные суммы денег, вырученных за годы войны, деревенская буржуазия остается упорно глухой и безучастной к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты, не вывозит хлеб к ссыпным пунктам в расчете принудить государство к новому и новому повышению хлебных цен..."

Конкретные положения этого декрета слишком впечатляющими не были. Он призывал "всех трудящихся и неимущих крестьян" к "беспощадной борьбе" против кулаков, угрожал суровыми наказаниями тем, кто укрывал запасы зерна или использовал их для самогоноварения, и представлял народному комиссариату продовольствия – Наркомпроду – полномочия отменять любые решения местных продовольственных властей или распускать и реорганизовывать подобные органы и "применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов". В декрете не сквозило особой надежды, что желаемых целей удастся добиться какими бы то ни было иными средствами, кроме силы. "На насилие владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над буржуазией"[55].

Будучи однажды принята, новая линия проводилась далее с неукоснительной твердостью. Несколько дней спустя Ленина в Москве посетил председатель Путиловского завода, обрисовавший ему положение, в котором оказались рабочие Петрограда. Ответом Ленина было обращение, где он призывает рабочих "спасти революцию" и принять участие в действиях "продоволь-

ственных отрядов, организуемых Комиссариатом Продовольствия"[56], а также письмо к петроградским рабочим "О голоде", где содержится наиболее полное выражение новой тактики. Он противопоставлял открытую оппозицию Советской власти со стороны правых партий, включая сюда и правых эсеров, "бесхарактерной" позиции левоэсеровской партии, которая "протестует" против продовольственной диктатуры, она "дает себя запугать буржуазии, она боится борьбы с кулаком и истерически мечется, советуя повысить твердые цены, разрешить частную торговлю и тому подобное". Письмо заканчивалось возвратом к первоочередным принципам.

"Одно из величайших, неискоренимых дел октябрьского – Советского – переворота состоит в том, что передовой рабочий *как руководитель* бедноты, *как вождь* деревенской трудящейся массы, *как строитель государства труда,* пошел в "народ".

..Нужен массовый "крестовый поход" передовых рабочих во все концы громадной страны. Нужно вдесятеро больше железных *отрядов* сознательно и бесконечно преданного коммунизму пролетариата. Тогда мы победим голод и безработицу. Тогда мы поднимем революцию до настоящего преддверия социализма"[57].

Народники, "пошедшие в народ" 50 лет назад, представляли собой движение радикально настроенной интеллигенции, стремившейся повести за собой крестьянство на восстание против феодальных помещиков. Пошедшие в народ большевики представляли движение социалистического пролетариата, намеренного повести за собой бедных крестьян на борьбу против буржуазного кулака, расчищая таким образом путь для победы социалистической революции. Двойная функция этих "железных отрядов", состоявших из рабочих, очевидно, явствовала из последующего декрета от 27 мая 1918 г., предоставлявшего Наркомпроду монополию над распределением всех "предметов первой необходимости". Особые отряды, "формируемые по преимуществу в потребляющих районах", должны были базироваться при местных органах Наркомпрода, с тем чтобы содействовать изъятию продовольственных запасов. Однако наряду с этим их предписывалось использовать также и "в целях организационных, инструкторских и агитационных", и в качестве их главнейшей задачи провозглашалась "организация трудового крестьянства против кулаков"[58].

Когда были выпущены все эти декреты, со всех сторон уже сгущались тучи гражданской войны. Первые открытые вспышки произошли почти в тот же самый момент, когда Ленин написал свое письмо к петроградским рабочим. Гражданская война ускорила принятие во всей сфере экономической политики серии мероприятий, которые обрели впоследствии известность под названием "военный коммунизм". Однако эти перемены были в известной мере подготовлены и тем, что произошло еще раньше; и нигде это не было более явно заметно, чем в аграрной

политике, где под угрозой голода уже начинали обретать очертания те формы организации, создание которых суждено было завершить чрезвычайной ситуацией, вызванной гражданской войной. Установление "военного коммунизма" в сельском хозяйстве было ознаменовано выпуском декрета от 11 июня 1918 г. об образовании знаменитых комитетов крестьянской бедноты, или комбедов, – они представляли собой "волостные и сельские Комитеты деревенской бедноты, организуемые местными Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов при непременном участии продовольственных органов и общим руководством Народного Комиссариата Продовольствия". Право выбирать или быть избранным в эти комитеты имело все сельское население, за исключением "заведомых кулаков и богатеев, хозяев, имеющих излишки хлеба или других продовольственных продуктов, имеющих торгово-промышленные заведения, пользующихся батрацким или наемным трудом и т.п."[59]. Они были призваны служить инструментом для изъятия у "кулаков и богатеев" излишков зерна, для распределения зерна и предметов первой необходимости и, в более широком смысле, для проведения на местах сельскохозяйственной политики Советского правительства. Бедные крестьяне могли получать за свои услуги вознаграждение в виде зерна из изъятых количеств, которое отпускалось им бесплатно до 15 июля, со скидкой 50% твердой цены – до 15 августа и со скидкой 20% в течение всего времени после указанного срока, а также в виде сходных скидок при приобретении других предметов первой необходимости[60].

Все свидетельства подтверждают ту особую важность, которую приписывал Ленин этой мере. Это была мера, вызванная политической необходимостью. Столыпин, стараясь найти пути повышения производительности российского сельского хозяйства, тоже – а возможно, и прежде всего – стремился облечь свои реформы в такую форму, в которой они помогали бы ему добиться лояльного отношения к режиму со стороны определенной привилегированной части крестьянства. Сходный мотив лежал и за большевистским призывом к бедному крестьянину. Однако в то же самое время это была и мера, продиктованная социалистическим принципом. Буржуазная линия была достаточно ясна.

"Говорят: не нужно никаких особых цен, таксированных цен, хлебных монополий. Торгуй, как влезет. Богачи наживут еще больше, а что бедняки перемрут, так они ведь и всегда умирали с голоду. Но социалист так рассуждать не может..."[61]

Богатый крестьянин, который производил излишки зерна, был заинтересован в высокой и ничем не ограниченной цене на хлеб. Бедный же крестьянин, который не производил достаточно даже для своего собственного потребления и был вынужден наниматься на работу, был заинтересован в ценах низких и фиксированных. Эта мера представляла собой провозглашенный выбор между буржуазной и социалистической политикой. Наконец, Ленин чувствовал, что этот шаг был знаменательным преж-

де всего потому, что он означал окончательную и решающую стадию в переходе от буржуазной революции к социалистической. Этот переход был уже давно осуществлен рабочими в городах. Однако в деревне до тех пор, пока крестьянство оставалось единым, осуществляя экспроприацию помещичьих имений, эта революция не переросла еще своей буржуазно-демократической фазы. Лишь тогда, когда крестьянство раскололось и бедные крестьяне – в союзе с промышленными рабочими и под их руководством – перешли в наступление против мелкобуржуазных кулаков, можно было сказать, что социалистическая революция в деревне действительно началась. "...Наша деревня, – писал в то время Ленин, – только летом и осенью 1918 года переживает сама "Октябрьскую" (т.е. пролетарскую) революцию"[62]. А несколько позже он описывал создание комитетов крестьянской бедноты как "поворотный пункт гигантского значения во всем ходе развития и строительства нашей революции" и как шаг, которым "мы перешли границу, отделяющую буржуазную революцию от социалистической"[63].

Таким образом, воздействие голода и гражданской войны толкнуло советский строй на путь чрезвычайных мер, который одновременно оказался также и путем социализма. Двойственный характер мероприятий, которые были осуществлены под натиском неотвратимой необходимости и в то же время оказались выражением коммунистических принципов, стал существенной чертой и той политики, которая стала впоследствии известна как "военный коммунизм". Это совпадение было отнюдь не случайным, а было воспринято большевиками как выражение марксистского тезиса, что принципы, которые провозглашаются коммунистами, представляют собой следствия, научно выводимые из объективной ситуации.

б) Промышленность

Большевистские мыслители не представляли себе, что промышленная политика поставит перед ними такие же трудности, как и аграрная политика. Вполне естественно, что руководимая пролетариатом социалистическая революция могла столкнуться с определенными трудностями при решении задачи выработать и осуществить на практике такую аграрную политику, которая, не противореча ее собственным принципам, не была бы в то же самое время антагонистичной по отношению к крестьянству. Однако в том, что касается промышленной политики, дело представлялось вполне однозначным: контроль над промышленностью должен был бы самым естественным образом перейти в руки рабочих, которые действовали бы от своего собственного имени и в своих же собственных интересах. Прошедшая в апреле 1917 г. партийная конференция мало что добавила по

этому вопросу к однозначной программе, намеченной в Апрельских тезисах, где среди прочих "немедленных мер" выдвигалось и "установление государственного контроля за... крупнейшими синдикатами капиталистов"[64]; и, отстаивая эту резолюцию, Ленин заявил, что, как только они будут захвачены и переданы под контроль Советов, "Россия одной ногой станет в социализм"[65]. На практике дело оказалось не таким уж простым. В известном смысле большевиков ожидал на заводах тот же обескураживающий опыт, что и с землей. Развитие революции принесло с собой не только стихийный захват земель крестьянами, но и стихийный захват промышленных предприятий рабочими. В промышленности, как и в сельском хозяйстве, революционная партия, а позднее и революционное правительство оказались захвачены ходом событий, которые во многих отношениях смущали и обременяли их, но, поскольку они представляли главную движущую силу революции, они не могли уклониться от того, чтобы оказать им поддержку.

Как и во всякой воюющей стране, в России война – после некоторого начального периода замешательства – дала временный стимул для развития промышленного производства. Но в России, с ее весьма скудным индустриальным оборудованием, изоляцией от основных источников снабжения, низкой производительностью труда и слабой промышленной и политической организацией, этот эффект оказался выраженным менее четко, а пик максимума наступил более быстро. Уже к 1916 г. под влиянием вызванной войной усталости, нехватки в снабжении основными продуктами питания и износа заводов и оборудования производство начало падать. Февральская революция еще более усилила воздействие всех этих неблагоприятных факторов. Хроническими стали нехватки во всем, и даже были случаи, когда из-за недостатка сырьевых материалов приходилось закрывать предприятия. Все эти обстоятельства послужили еще одним новым импульсом для обычного в военное время движения за национализацию и государственный контроль. Одним из первых актов Временного правительства было решение об организации представительного "совещания по развитию производительных сил России". В июне 1917 г. ему на смену были созданы Экономический совет и Главный экономический комитет для, как было определено в его функциях, "выработки общего плана организации народного хозяйства и труда, а также для разработки законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни"[66]. Экономический совет представлял собой широкое совещательное собрание, а Главный экономический комитет являлся ядром небольшого планового департамента. Однако в период правления Временного правительства ни один из этих органов не обладал – да и не мог обладать – ни той властью, ни той инициативой, которые позволили бы положить конец кумулятивному процессу экономического упадка и разрухи.

Более важное, чем эти явно вялые подходы к организации планирования, диктуемой военным временем, значение имели те стимулы, которые дала Февральская революция развитию рабочего движения. На заводах начали быстро появляться рабочие комитеты, и декретом Временного правительства от 22 апреля 1917 г. они получили законодательное признание как органы, уполномоченные представлять рабочих во всех делах и переговорах с предпринимателями и правительством[67]. Первыми требованиями были восьмичасовой рабочий день и повышение заработной платы. Однако вскоре эти требования переросли в более или менее организованные попытки со стороны рабочих – сперва единичные, но постепенно становившиеся все более и более частыми – участвовать в управлении и самим вступить во владение предприятиями. Это, как дальновидно предвидел Троцкий в 1905 г., явилось неизбежной реакцией рабочих в революционной ситуации на отказ выполнить их требования и олицетворяло противодействие любым попыткам ограничить революцию буржуазно-демократическими рамками. В некоторых случаях предприниматели подчинялись и приходили к соглашению с заводскими комитетами, однако чаще применяли меры воздействия, объявляя локауты и закрывая свои предприятия[68]. Большевики делали все возможное, чтобы еще больше разжигать эти противоречия. Растущий прилив анархии на заводах служил их революционным целям. Не в их силах было сдержать этот поток, даже если бы они этого и хотели, однако они имели возможность частично контролировать и направлять эти процессы, пока готовились использовать их в своих целях. Именно эта ситуация и вовлекла их в то, чтобы признать и воспринять как свою собственную такую практику, которая по своей природе была скорее анархистской и синдикалистской, чем большевистской.

Чего не мог предвидеть никто, так это того, что захват заводов рабочими окажется в долгосрочной перспективе еще менее совместим с установлением социалистического строя, чем захват земли крестьянами. Эта трудность оказалась в течение некоторого времени замаскированной туманным и неоднозначным выражением "рабочий контроль". Когда в апреле 1917 г. Ленин утверждал, что синдикат сахарозаводчиков должен перейти "в руки государства, под контроль рабочих и крестьян"[69], он давал таким образом конкретный пример воплощения того принципа "советского" или "государственного" контроля, который был заложен в Апрельских тезисах и в резолюции Апрельской конференции. Вторая часть этого выражения была не более чем комментарием к первой; в ней говорилось, что "рабочие и крестьяне" являются теми, через кого и во имя кого будет действовать государство. Когда несколько недель спустя Ленин – под воздействием принятого Временным правительством решения создать комитет для установления "общественного контроля" над промышленными предприятиями – пришел к

утверждению, что "в рабочих кругах растет сознание необходимости *пролетарского* контроля за фабриками и синдикатами" и что только пролетарский контроль и может оказаться эффективным[70], он не признавал – а возможно, и не вполне четко осознавал, – что говорил нечто новое или что эти требования, исходящие от "рабочих кругов", касаются чего-то отличного от того, что он уже отстаивал ранее. Несколькими днями позже, в середине мая 1917 г., идеи Ленина о "контроле" получили дальнейшую разработку. Советы или съезды банковских служащих должны выработать планы создания единого общегосударственного банка и установления "точнейшего контроля". Сходные меры контроля за существующими учреждениями должны выработать и Советы служащих синдикатов и трестов. Причем осуществление контроля должно быть передано не только всем Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, но также и Советам рабочих каждого крупного предприятия и "представителям каждой крупной политической партии"[71]. Однако из этих явно весьма решительных рекомендаций вытекало два следствия. Прежде всего, упорная настойчивость в этом контексте на предание публичной гласности отчетной документации свидетельствует о том, что Ленин имел в виду контроль, осуществляемый с помощью бухгалтерского надзора за принятием финансовых и коммерческих решений, а отнюдь не контроль за осуществлением технологических процессов, будь то в сфере производства или в сфере организации деятельности предприятия: эти проблемы на той стадии ему просто не приходили в голову[72]. Во-вторых, создается впечатление, что Ленин мыслил категориями "политической" деятельности Советов в качестве доверенных лиц и представителей как в центре, так и на местах государственной власти, а вовсе не той "прямой", непосредственной деятельности, которую Советы могли бы проводить как выразители профессиональных интересов рабочих на конкретном предприятии, в конкретной отрасли промышленности и сфере управления.

Различие между "политическими" и "прямыми" действиями имело значение как в теории, так и на практике. В теории оно служило водоразделом между коммунистами, верившими в возможность организации экономической власти через посредство централизованных политических органов, деятельность которых обеспечивается рабочими как единым целым, с одной стороны, и анархистами и синдикалистами, которые считали, что конечной формой всякого эффективного революционного действия и альтернативой централизованной политической власти, чреватой перерастанием в деспотизм, является прямая и стихийная экономическая инициатива рабочих, – с другой. На практике это различие определяло расхождение между большевистскими лидерами, которые планировали основное стратегическое направление революции, исходя из гипотезы дисциплинированной и упорядоченной организации рабочих, и самими

рабочими на предприятиях, которые, будучи измучены угнетающей нуждой своей повседневной жизни и горя революционным энтузиазмом в надежде сорвать ярмо своих собственных капиталистических предпринимателей, предпочли несогласованные действия и, рассматривая происходившее как благоприятную возможность для исполнения своих чаяний, особенно не прислушивались к тем политическим призывам или аргументам, которые выдвигали местные партийные руководители. Поскольку все Советы представляли собой Советы рабочих или депутатов от рабочих, то граница между "политическими" действиями и "прямыми" действиями, которые предпринимали они сами или которые предпринимались от их имени, легко стиралась – ведь, как уже отмечалось, для Советов были характерны явно выраженные синдикалистские наклонности[73].

Ленин, с энтузиазмом выступая за Советы и за принцип административного контроля, осуществляемого самими рабочими, своими изречениями, произнесенными им в апреле и мае 1917 г., способствовал еще большему размыванию этой границы. Однако потенциальная противоположность и несовместимость между "государственным контролем" и "рабочим контролем" в промышленной политике, которые соответствовали такой же противоположности между государственными сельскохозяйственными фермами и крестьянской собственностью на землю, были вполне реальными. Если "рабочий контроль" означал, что управление будет осуществляться центральным съездом Советов и его исполнительным комитетом, то тогда он был не более чем синонимом национализации и государственного контроля при "рабоче-крестьянском правительстве". Если же, с другой стороны, рабочий контроль означал контроль, осуществляемый рабочими комитетами или заводскими Советами, то тогда это было уже нечто совершенно иное, и это нечто могло весьма легко вступить в конфликт не только с государственным контролем, но и с любой политикой "планирования", осуществляемой с целью положить конец капиталистической анархии производства. В высказывании, сделанном позднее одним из руководителей большевистской экономической политики*, была большая доля справедливости.

"Но если спросить себя, как же представлялась до 25 октября нашей партии *система* рабочего контроля в целом, и на почве какого хозяйственного порядка ее думали построить, то мы нигде не найдем ясного ответа" .

Первое испытание пришло на прошедшем в Петрограде 30 мая 1917 г. совещании, в котором приняли участие более 400 представителей "фабрично-заводских комитетов" Петроградской области. Ленин подготовил к совещанию проект резолюции, которая получила одобрение Центрального Комитета пар-

---

* Речь идет о Н. Осинском. – *Прим. ред.*

тии, а также состоявшего преимущественно из большевиков организационного бюро этого совещания. Резолюция, в которой были сформулированы наиболее важные большевистские заявления по организации промышленности, сделанные до революции, была основана на тезисе о "рабочем контроле" – этот ставший впоследствии популярным лозунг использовался здесь, в партийных документах, явно впервые. Упомянув о "полном расстройстве всей экономической жизни в России" и о приближении к "катастрофе неслыханных размеров", резолюция далее гласила:

"Путь к спасению от катастрофы лежит только в установлении действительно рабочего контроля за производством и распределением продуктов. Для такого контроля необходимо, во-1-х, чтобы во всех решающих учреждениях было обеспечено большинство за рабочими не менее трех четвертей всех голосов при обязательном привлечении к участию как не отошедших от дела предпринимателей, так и технически научно образованного персонала; во-2-х, чтобы фабричные и заводские комитеты, центральные и местные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а равно профессиональные союзы, получили право участвовать в контроле с открытием для них всех торговых и банковых книг и обязательством сообщать им все данные; в-3-х, чтобы представители всех крупных демократических и социалистических партий получили такое же право.

Рабочий контроль, признанный уже капиталистами в ряде случаев конфликта, должен быть немедленно развит, путем ряда тщательно обдуманных и постепенных, но без всякой оттяжки осуществляемых мер в полное регулирование производства и распределения продуктов рабочими".

Далее в резолюции говорилось о необходимости "общегосударственной организации" с целью "организации в широком, областном, а затем и общегосударственном масштабе обмена сельскохозяйственных орудий, одежды, обуви и т.п. продуктов на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты", а также о необходимости организовать "всеобщую трудовую повинность" и ввести "рабочую милицию". На совещании эта резолюция была представлена Зиновьевым. Она получила после первого прочтения 290 голосов, а затем – после того, как комиссия по выработке проекта резолюции внесла в нее несколько незначительных поправок, – была принята, как заявлялось, большинством в 297 голосов при 21 против и 44 воздержавшихся. Это совещание явилось первым репрезентативным органом, в котором было достигнуто впечатляющее большевистское большинство, и именно в этом и состояло его основное значение[75].

Структура и тактика этой резолюции являлись блестящим примером политической гениальности Ленина. Он с распростертыми объятиями приветствовал стихийное революционное движение за рабочий контроль; он, казалось, стимулировал его дальнейшее развитие, распространяя его на возможно более ши-

рокий круг рабочих организаций – фабричных комитетов, местных и центральных Советов, профессиональных союзов и "демократических и социалистических партий", все они были упомянуты в резолюции; таким образом, он косвенно высветил и показал анархические последствия рабочего контроля в том его виде, в каком его обычно понимали и практиковали, и указал путь к "тщательно обдуманным и постепенным" мерам, которые окажутся необходимы для "полного регулирования производства и распределения продуктов рабочими". Для Ленина эта резолюция представляла собой не только тактический маневр, но и воспитательный процесс. На совещании он не без удовлетворения произнес одну из дополнительных своих речей, где заметил, что для того, "чтобы контроль над промышленностью действительно осуществлялся, он должен быть *рабочим контролем*", однако при этом пояснил, что подразумевает под этим, "чтобы во все ответственные учреждения входило большинство рабочих и чтобы администрация отдавала отчет в своих действиях перед всеми наиболее авторитетными рабочими организациями"[76]. Чтобы эта мораль была еще лучше усвоена, он подчеркнул в своей статье в "Правде" в более явном и более четком виде, чем ему удалось это сделать на совещании: необходимо, "чтобы организация (контроля и руководства), будучи организацией "в общегосударственном масштабе", направлялась Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов"[77]. Отнюдь не все из тех, кто проголосовал за эту резолюцию, согласились бы с подобной интерпретацией.

Месяц спустя появился новый фактор в форме Всероссийского съезда профессиональных союзов. Российские профессиональные союзы впервые выступили как активная сила во время революции 1905 г. и после десятилетия фактического угасания были вновь возрождены к жизни Февральской революцией[78]. На съезде, прошедшем в июне 1917 г., подавляющее большинство составляли эсеры и меньшевики, что представляло собой еще одну иллюстрацию того факта, что организованная рабочая элита имела тенденцию быть менее радикальной и революционной, чем обычные рядовые члены, и отнюдь не выказывала никакой склонности связываться с "экономической анархией" заводских комитетов. Отдавая на словах дань принципам таких комитетов, съезд выразил желание превратить их в органы проведения определяемой в централизованном порядке профсоюзной политики, что эти комитеты должны избираться под надзором профсоюзов и по спискам, которые составляются профсоюзами.

Наиболее важным достижением съезда стало создание основ центральной профсоюзной организации. Он впервые избрал Всероссийский Центральный Совет профессиональных союзов, в состав которого пропорционально вошли члены всех представленных на съезде партий; от большевиков в него вошли Шляпников и Рязанов. Что еще более важно, он назначил своего се-

кретаря в лице Лозовского – одного из "межрайонцев", который несколько недель спустя вступил в большевистскую партию[79]. Лозовский представлял собой способного и амбициозного интеллигента, который в течение последующих нескольких лет играл весьма влиятельную роль в судьбах профсоюзного движения. Однако в тот момент профсоюзы имели наименьший вес среди всех групп и организаций, в том или ином качестве претендовавших на то, чтобы представлять рабочих. Основная часть их находилась под доминирующим влиянием меньшевиков и меньшевистских воззрений. Они не принимали никакого участия в подготовке Октябрьской революции, а некоторые из них в действительности просто ее осуждали. У избранного на июньском съезде Центрального Совета не было ни необходимых средств, ни организации, которые позволили бы им взять на себя роль лидера. Согласно мрачной картине, нарисованной впоследствии Лозовским, в его распоряжении находился всего один оргработник, которого можно было послать в губернии, и до Октябрьской революции Совету удалось выпустить всего два номера своего ежемесячного журнала[80].

Фабричные комитеты же со своей стороны час от часу набирали силу. Петроградское совещание фабрично-заводских комитетов, прошедшее в мае 1917 г., было лишь первым из четырех такого рода совещаний, проведенных в период между маем и октябрем. Причем за последним из них последовало более широкое и представительное собрание, которое заседало в течение целой недели накануне Октябрьской революции, провозгласило себя "Первым всероссийским совещанием фабрично-заводских комитетов" и постановило приступить к созданию централизованной организации, которая объединяла бы такие комитеты[81]. Подобные амбиции угрожали немедленным конфликтом с Центральным советом профсоюзов, и спор между двумя конкурирующими организациями получил довольно широкую огласку. Большевики, которые представляли на совещании явное большинство, сами по этому вопросу единого мнения не имели, занимая промежуточные позиции между эсерами и анархистами, выступавшими за независимые фабрично-заводские комитеты, и меньшевиками, отстаивавшими необходимость упорядоченной профсоюзной организации. Эта неопределенность оставила свои следы и на принятой этим совещанием резолюции. Благословение, данное "рабочему контролю в общегосударственном масштабе", носило неоднозначный характер; столь же сомнительный характер имело и различие между "контролем за условиями труда", который должен был осуществляться "под руководством профессиональных союзов", и "контролем за производством", который, судя по всему, оставлялся за комитетами. Центральный орган, чьи функции весьма претенциозно описывались как "регулирование народного хозяйства", должен был избираться Всероссийской организацией фабрично-заводских комитетов, однако работать он должен был как одна из

секций Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов[82].

В вихре последних месяцев перед революцией все эти разногласия и конкуренции имели не так уж много значения. Атаки, которые вели рабочие на предприятиях против предпринимателей, способствовали повышению общего революционного напряжения и одновременно усиливали экономические беспорядки. Ленин приветствовал эти действия, считая их приметами времени, и по-прежнему рассуждал на тему о "рабочем контроле". В брошюре под названием "Грозящая катастрофа и как с нею бороться", которая была написана в начале сентября 1917 г., но опубликована лишь несколько недель спустя, он выдвинул свой первый, весьма туманный план промышленной политики. Для того чтобы победить угрозу голода, писал он, необходимы "контроль, надзор, учет, регулирование со стороны государства, установление правильного распределения рабочих сил в производстве и распределении продуктов, сбережение народных сил, устранение всякой лишней траты сил, экономия их", а нынешнее коалиционное правительство, состоящее из кадетов, эсеров и меньшевиков, добавил он, никогда не решится на такие меры "из боязни посягнуть на всевластие помещиков и капиталистов, на их безмерные, неслыханные, скандальные прибыли..."[83]. Ленин требовал принятия пяти конкретных мер: национализации банков, которой можно достигнуть одним росчерком пера; национализации крупных "торговых и промышленных синдикатов (сахарного, угольного, железного, нефтяного и пр.)" и установления государственной монополии, что также может быть с легкостью достигнуто, поскольку монополии эти, в сущности, уже созданы капитализмом; отмены коммерческой тайны; принудительного объединения в союзы мелких предприятий, поскольку это будет способствовать повышению эффективности как производства, так и контроля, и, наконец, "регулирования потребления" за счет введения справедливых и рациональных норм. Свое место в этой схеме отведено было и рабочему контролю. Ленин считал, что было бы хорошей идеей созвать вместе рабочих и предпринимателей "на совещания и съезды" и "в *их* руки передать такую-то долю прибыли при условии создания всестороннего контроля и увеличения производства". Это было бы равносильно "контролю *над* помещиками и капиталистами *со стороны* рабочих и крестьян"[84]. Однако здесь Ленин говорил – главным образом в пропагандистских целях – о мерах, которые теоретически могло предпринять Временное правительство даже в рамках буржуазной революции. Вопроса о рабочем контроле в рамках будущего социалистического строя он пока еще не ставил.

Несколько недель спустя Ленин написал намного более важную брошюру "Удержат ли большевики государственную власть?", где он впервые подробно рассмотрел экономическую политику после революции. Он вновь повторил свои известные

пункты о национализации банков и крупных синдикатов и "принудительном синдицировании" мелких предприятий. Он ввел слово "план" – поначалу, правда, слегка колеблясь – и высказался за "централизм и за план *пролетарского* государства"[85]. Первый набросок ленинской философии – вряд ли это можно было еще назвать политикой – планирования сочетался с решительным утверждением прав рабочего контроля.

"Главная трудность пролетарской революции есть осуществление во всенародном масштабе точнейшего и добросовестнейшего учета и контроля, *рабочего контроля* за производством и распределением продуктов".

Однако, опровергая обвинения в синдикализме, Ленин вновь в ясных и безошибочных выражениях подтвердил ту интерпретацию, которую он дал этому выражению после майского совещания.

"Когда мы говорим: "рабочий контроль", ставя этот лозунг всегда *рядом* с диктатурой пролетариата, всегда *вслед* за ней, то мы разъясняем этим, о каком государстве идет речь. Государство есть орган господства *класса*. Какого? Если буржуазии, то это и есть кадетски-корниловски-керенская государственность, от которой рабочему народу в России "корнилится и керится" вот уже более полугода. Если пролетариата, если речь идет о пролетарском государстве, *т.е.* о диктатуре пролетариата, то рабочий контроль *может* стать всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим *учетом* производства и распределения продуктов"[86].

И он добавил, что существующий государственный аппарат учета и контроля не подлежит, подобно другим частям государственного "угнетательного" аппарата, уничтожению революцией: он будет просто взят из рук капиталистов и подчинен "пролетарским Советам"[87]. Этот "рабочий контроль" приравнивался к контролю, осуществляемому "пролетарскими Советами", и этого тонкого различия между Советами рабочих, действующих в политическом качестве, и рабочих, действующих в профессиональном качестве, проведено не было. Наконец в "Государстве и революции" Ленин одним блестящим росчерком пера разрешил всю эту антитезу.

"*Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются *вооруженные* рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного "синдиката". Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдали меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответствующих расписок"[88].

Раз государство и рабочие станут одним и тем же, то ни никакой антитезы, никакого противопоставления между госу-

дарственным контролем и рабочим контролем быть не может. Не много найдется примеров, которые лучше продемонстрировали бы необычайное мастерство Ленина совмещать упорное продвижение к конечной цели, которую он рассматривал как необходимую, с удовлетворением популярных требований, находившихся в очевидном противоречии с этой целью.

История промышленной политики в первые месяцы революции непосредственно следовала за эволюцией ленинской мысли в прямо предшествовавшие этому месяцы, пройдя путь через "рабочий контроль" до "планирования". Комментатор, который поставил "рабочий контроль" в один ряд с лозунгами "земли" и "мира", считая его "одним из наиболее популярных и распространенных лозунгов Октябрьской революции"[89], преувеличивал только в том, что число заводских рабочих, заинтересованных в осуществлении рабочего контроля, было намного меньше числа тех, кто был заинтересован в мире или приобретении земель. "Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством", – заявил Ленин в своей первой речи в Петроградском Совете на другой день после 25 октября/7 ноября 1917 г.; и рабочий контроль оказался назван среди непосредственных задач этого нового строя как в резолюции, принятой по этому случаю, так и в заявлении состоявшегося на следующий день Всероссийского съезда Советов[90]. Планировалось, что съезд должен был принять декрет по этому вопросу одновременно с декретами о земле и о мире, и Милютину было даже несколькими днями раньше специально поручено Центральным Комитетом партии подготовить проект такого декрета[91]. Однако, возможно, именно в процессе подготовки этого проекта и выявилась вся сложность вопроса. На съезде так ничего подобного принято и не было, а неделю спустя в "Правде" был опубликован вышедший из-под пера Ленина проект декрета. В нем предусматривалось, что рабочий контроль должен быть организован на каждом предприятии наподобие Советов либо "непосредственно, если предприятие так мало, что это возможно", либо в других случаях "через своих выборных представителей". Решения органов рабочего контроля были обязательны для предпринимателей и могли быть отменены только "профессиональными союзами и съездами" – неясно, шла ли здесь речь о съездах профсоюзов или о съездах Советов. Предприниматели и представители рабочего контроля совместно несли ответственность на предприятиях государственного значения за "строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества"[92]. Эта концепция была уже ранее разработана Лениным в работе "Удержат ли большевики государственную власть?". Принималось как само собой разумеющееся, что предприниматели и технический персонал будут продолжать управлять предприятиями под неусыпным оком "рабочего контроля".

Именно в этом пункте решающее значение имело вмешательство профсоюзов. Октябрьское совещание фабрично-заводских комитетов показало заинтересованность Центрального Совета профессиональных союзов в том, чтобы обуздать анархические тенденции рабочего контроля; теперь такую же заинтересованность в еще большей мере проявляло и революционное правительство, борющееся за то, чтобы сохранить и организовать основные производственные процессы. Так что в проходивших за кулисами после публикации ленинского проекта декрета о разногласиях профсоюзы превратились в неожиданных защитников порядка, дисциплины и централизованного управления производством; и отредактированный проект декрета, вынесенный в конце концов 14/27 ноября 1917 г. на обсуждение ВЦИК, был результатом борьбы между профсоюзами и фабрично-заводскими комитетами, повторившей борьбу между ними на октябрьском совещании[93]. Проект декрета начинался с изобретательно сформулированного положения, что рабочий контроль учреждается "в интересах планомерного регулирования народного хозяйства". Он повторял положения первоначального ленинского проекта об обязательном характере решений рабочих представителей и ответственности владельцев и рабочих представителей перед государством. Однако он был усовершенствован за счет заимствования из модели Советов и учреждения целого нового и сложного аппарата рабочего контроля, в точности имитирующего политическую систему Советов. Фабрично-заводские комитеты или Советы были подотчетны перед Советами рабочего контроля более высокого уровня на всей данной территории – города, губернии или промышленного района, – а эти местные Советы в свою очередь несли ответственность перед Всероссийским Советом рабочего контроля, который сам в конечном счете подчинялся решениям съезда Советов рабочего контроля. Декрет завершался обещанием – в качестве подачки, нацеленной, чтобы умиротворить возможную критику, – что "Положение о взаимоотношениях между Всероссийским Советом рабочего контроля и другими учреждениями, организующими и регулирующими народное хозяйство, будет издано особо". В ходе дебатов во ВЦИК самым яростным критиком был докладчик от профсоюзов Лозовский.

"Основной недостаток этого законопроекта тот, что он стоит вне связи с планомерным регулированием народного хозяйства и распыляет контроль над производством вместо того, чтобы его централизовать.

...Нужно оговорить с абсолютной ясностью и категоричностью, чтобы у рабочих каждого предприятия не получалось такого впечатления, что предприятия принадлежат им".

Он тем не менее был бы готов проголосовать за этот декрет при условии, если "в созданные этим декретом учреждения профессиональные союзы войдут, чтобы поставить дело контроля так, как это соответствует интересам рабочего класса". Милю-

тин, главный докладчик по декрету, который сам впоследствии стал ярым приверженцем "национализации", несколько извиняющимся тоном пояснил, что "жизнь обогнала нас" и возникла та настоятельная необходимость "объединить тот рабочий контроль, который проводится на местах, в один стройный общегосударственный аппарат", так чтобы законодательство о рабочем контроле, которое должно логически укладываться в рамки "хозяйственного плана", могло бы в известной мере предвосхищать законодательство, касающееся самого этого плана[94]. На самом же деле рабочий контроль в том виде, в каком он был первоначально задуман и в каком широко практиковался в то время, вряд ли нашел во ВЦИК какую бы то ни было поддержку. Один из выступавших упомянул о расхождениях, которые существуют между теми, кто хотел бы расширить рамки рабочего контроля, и теми, кто желал бы их сузить. Онако те, кто на словах больше всего ратовал за рабочий контроль и выступал за его "расширение", на самом деле пытались весьма искусно обезвредить и упорядочить его, превратив в широкомасштабное централизованное общественное учреждение. Декрет был одобрен ВЦИК 24 голосами против 10 и обнародован на следующий же день[95].

Тем временем жизнь продолжала "обгонять" тех, кто занимался законодательством, и тщательно продуманный декрет от 14/27 ноября 1917 г. не имел никаких практических последствий[96]. Стихийная склонность рабочих организовывать фабрично-заводские комитеты и вмешиваться в управление предприятиями неизбежно подстегивалась самой революцией, которая способствовала внушению рабочим той мысли, что отныне производственный аппарат страны принадлежит им и что теперь они могут управлять им по своему усмотрению и в своих собственных интересах. То, что начало происходить до Октябрьской революции, теперь случалось еще более часто и открыто, и ничто уже не могло преградить этот нараставший поток мятежа. Тем не менее на самом деле события разворачивались по-разному от предприятия к предприятию, так что никакой полной или единообразной картины нарисовать не представляется возможным. Чаще всего предприниматели были готовы закрыть свои заводы и подвергнуть локауту непокорных рабочих. Именно этой возможности Советское правительство опасалось больше всего: ленинский законопроект о рабочем контроле содержал специальное положение, запрещавшее какую бы то ни было "остановку предприятия или производства" без согласия рабочих представителей[97]. Порой для продолжения работы приходилось вести нелегкие переговоры между предпринимателями и рабочими, порой это сотрудничество принимало весьма обескураживающие формы, как случилось в одной из конкретных отраслей промышленности, где предприниматели и рабочие единым фронтом выступали против правительственного указа закрыть или провести концентрацию заводов, занимающихся производством военного снаряжения, или, что было еще более неожи-

данным, пришли к соглашению не проводить в жизнь декрет, воспрещавший работу в ночную смену для женщин[98]. Чаще всего фабрично-заводские комитеты попросту брали от имени рабочих власть на предприятиях в свои руки. Предоставленные самим себе, рабочие по самой природе вещей весьма редко обладали техническими знаниями, промышленной дисциплиной или знаниями в области бухгалтерского учета, которые были необходимы для обеспечения нормальной работы предприятия. Были случаи, когда рабочие просто-напросто присваивали себе после захвата власти на предприятии его средства, продавали запасы и оборудование и использовали все это в своих собственных интересах[99]. Так, московскую пуговичную фабрику, где власть захватили рабочие, а бывший предприниматель был осужден на трехмесячное тюремное заключение за саботаж, пришлось закрыть после двухнедельной борьбы, происходившей из-за неспособности комитета справиться с ее управлением. Приводились даже такие примеры, когда рабочие или фабрично-заводские комитеты, отстранившие предпринимателей от управления, потом приходили к ним и просили вернуться[100]. Весной 1918 г., когда рабочий контроль был уже дискредитирован, один из выступавших на Всероссийском съезде Советов народного хозяйства с пониманием оценил некоторые из условий, которые привели к такому положению.

"Тот, кто работает в этих предприятиях, может сказать, что дело не только в рабочих, не в том, что рабочие "замитинговали", а дело в том, что персонал предприятий, командный состав, опустил руки, потому что у него выпала старая палка, которой он погонял рабочих, и теперь у него нет других средств заставить рабочих работать, которые имеются у западно-европейской буржуазии. ...Все эти условия выдвинули перед рабочим классом настойчивую задачу управления, и он должен был взяться за нее. Разумеется, рабочий класс взялся неумело. Это понятно. Одни гоняли старых директоров и мастеров, может быть, потому, что раньше эти люди скверно обращались с ними, но нам известны случаи и бережного обращения с достойным персоналом управления предприятиями"[101].

Концепция рабочего контроля распространилась даже на гражданские службы. Среди курьезов, встречавшихся в груде декретов, выпущенных в первые месяцы революции, был декрет об упразднении Советов служащих, захвативших контроль над народным комиссариатом почт и телеграфов и Адмиралтейством[102]. Существенно иная ситуация сложилась на железной дороге. Там рабочие и технический персонал, объединившись, захватили и взяли в свои руки управление железными дорогами и в течение длительного времени упорно оказывали демонстративное неповиновение по отношению к каким бы то ни было внешним властям[103].

Трудно с уверенностью судить о том, насколько подобные условия были общими для всей промышленности на территории

России. Смертельный враг фабрично-заводских комитетов, Рязанов, говорил в январе 1918 г., что за пределами Петрограда они никогда не играли сколько-нибудь заметной роли, да и там только в металлургической промышленности[104]. Однако не подлежит сомнению, что даже на тот период это было недооценкой; к тому же рабочие металлургических предприятий Петрограда представляли революционную элиту пролетариата, так что все, что делалось там в первые недели революции, позднее скорее всего имитировалось в других местах. Даже еще до Октябрьской революции обстановка в Петрограде – этом уже скрипевшем и расшатанном центре российской военной индустрии – была достаточно напряженной; теперь беспорядки стали распространяться от центра к периферии. Этот процесс нельзя относить исключительно – или главным образом – за счет воздействия рабочего контроля. Он уже был пущен в ход еще задолго до революции благодаря таким факторам, как нехватка сырья, запущенность предприятий и оборудования и общая усталость и деморализация, порожденные войной. Революция усилила все эти негативные факторы и ускорила этот процесс. Однако нет никакой точной информации о том, как этот вихрь промышленного хаоса распространялся от столиц по всей советской территории. В некоторые районы и на некоторые предприятия революция проникала довольно медленно, и работа там в течение некоторого времени продолжалась в основном так же, как и прежде. Так, бумагопрядильная и красильная фабрика в Петрограде работала на полную мощность вплоть до конца февраля 1918 г., когда она была остановлена из-за слишком большого накопления готовой продукции вследствие неполадок в работе транспорта и связи, приведших к расстройству всей системы товарообмена[105]. Когда разрушается весь экономический организм, здоровые клетки не могут оказывать длительного сопротивления общему заражению.

Процесс распада продолжался отчасти в результате действий большевиков, а отчасти вопреки их попыткам его преодолеть. Эта двойственная позиция легко объяснима. До известной точки эта экономическая разруха представляла собой неотъемлемую часть большевистской политики. Разрушение экономического, так же как и политического, аппарата буржуазного правления являлось неотъемлемым условием победы революции, и то оружие разрушения, которое представлял собой рабочий контроль, оказало революционному делу бесспорные услуги. Разрушение играло важную роль как мера, предваряющая созидание[106]. Однако по достижении определенной точки – а это была "идеальная" точка, которая не могла быть в то время с точностью определена, – дальнейшее разрушение угрожало уже существованию самого этого строя. Утверждение, что проблемы производства и взаимоотношения между классами в обществе могут быть решены за счет прямых и стихийных действий рабочих на отдельных предприятиях, было не социализ-

мом, а синдикализмом. Социализм отнюдь не стремился подчинить безответственного капиталистического предпринимателя столь же безответственному фабрично-заводскому комитету, требовавшему того же права на независимость от существующей политической власти, ведь такое положение могло лишь увековечить ту "анархию производства", которую Маркс считал позорным пятном капитализма. Роковой и неизбежной тенденцией фабрично-заводских комитетов было стремление принимать решения, исходя из интересов данного завода или данного района. Сутью же социализма является создание экономики, планируемой и тщательно координируемой центральными органами, исходя их общих интересов всех в целом.

Как форма организации, рабочий контроль ненамного пережил первые недели революции. Когда в декрете от 14/27 ноября была предпринята попытка придать им законодательную форму в надежде преодолеть за счет этого центробежные явления и попытка эта завершилась провалом, превратив упомянутый декрет в мертвую букву, возникла необходимость найти какие-то другие средства, которые позволили бы запустить в действие конструктивные силы. Инструментом, выбранным для этой цели, оказался Высший Совет народного хозяйства, который был создан в декабре 1917 г. без каких бы то ни было ясных концепций относительно того, в чем же конкретно должны будут состоять его функции, и превратился в течение последующих двух лет в фокус централизации и управления промышленностью. Со стороны труда соответствующие функции выполняли профсоюзы, чье соперничество с рабочим контролем привело к тесному альянсу с государственными хозяйственными органами. Эот процесс был в полном разгаре, когда в январе 1918 г. собрался I Всероссийский съезд профессиональных союзов[107].

Создание органа, попеременно характеризовавшегося то как Высшее хозяйственное совещание, то как Совет народного хозяйства, обсуждалось еще в самые первые дни революции. 17/30 ноября 1917 г., то есть через три дня после декрета о рабочем контроле, Совнарком выпустил декрет, официально объявлявший о роспуске Главного экономического комитета и Экономического совета, существовавших при Временном правительстве, и сообщавший, что функции и средства "временно, впредь до образования Совета народного хозяйства, передаются в ведение Уполномоченных Совета Народных Комиссаров по организации Высшего Экономического Совещания". Этими представителями были, судя по всему, Осинский (он же Оболенский), Смирнов и Савельев; теперь к ним добавились Бухарин, Ларин и Милютин[108]. Десять дней спустя Ленин сетовал, что "Экономическое совещание до сих пор не встречало достаточного к себе внимания", и тщетно протестовал против предложения отвлечь Бухарина от этой важнейшей задачи, назначив его в состав редакции "Правды"[109]. 1/14 декабря 1917 г. Ленин выступил на за-

седании ВЦИК в пользу предложенного Бухариным законопроекта о создании Высшего Совета народного хозяйства[110], и 5/18 декабря 1917 г. соответствующий декрет был принят[111].

Декрет о рабочем контроле определял цель рабочего контроля как "планомерное регулирование народного хозяйства". Декрет от 5/18 декабря 1917 г. описывал цель Высшего Совета народного хозяйства (сокращенно ВСНХ) как "организацию народного хозяйства и государственных финансов". Новый орган призван был "согласовывать и объединять" деятельность всех существовавших экономических органов, как центральных, так и местных, включая также и Всесоюзный Совет рабочего контроля; в его состав должны были входить члены Всероссийского Совета рабочего контроля, представители всех народных комиссариатов, а также эксперты, которые должны были назначаться с правом совещательного голоса. Таким образом, он заменил собой, поглотил и вытеснил аппарат рабочего контроля; как отметил несколько дней спустя Ленин, "от рабочего контроля мы шли к созданию Высшего совета народного хозяйства"[112]. В отдельных случаях наблюдалась явная преемственность между двумя этими организациями: так, Петроградский областной Совет рабочего контроля – возможно, один из немногих действительно прочно установленных органов рабочего контроля – был сам непосредственно превращен в Петроградский областной Совет народного хозяйства[113].

Однако три недели, прошедшие с момента принятия декрета о рабочем контроле, многому научили. Новый декрет возлагал на ВСНХ полномочия конфисковать, приобретать, секвестровать или в принудительном порядке синдицировать все отрасли производства и коммерческой деятельности; он был призван осуществлять централизацию и руководство работой всех органов экономического управления; и все хозяйственные законопроекты и декреты должны были передаваться на рассмотрение Совнаркома через него. Текущая работа ВСНХ должна была координироваться бюро, состоящим из 15 членов. Осинский был назначен председателем ВСНХ, получив быстро вышедший из употребления ранг и титул народного комиссара по организации и регулированию производства. В первый состав бюро ВСНХ вошли Бухарин, Ларин, Милютин, Ломов, Савельев, Сокольников и Шмидт[114]. Было, как водится, захвачено помещение бывшего Главного экономического комитета. Однако работавший там персонал ушел; так что ВСНХ не унаследовал от своего предшественника ничего, кроме обстановки кабинетов и нескольких досье и книг[115]. Поскольку все проекты молодого строя были в то время туманны и хаотичны, ВСНХ совершенно очевидно мыслился как центральный орган, который будет планировать и руководить хозяйственной жизнью страны. Ленин назвал его накануне рождения "боевым органом для борьбы с капиталистами и помещиками в экономике, каким Совет народных комиссаров является в политике"[116]. Сколь неопределен-

ными и многообещающими были его потенциальные функции, можно судить по тому, что в первоначальном списке отделов, на которые он был подразделен, непосредственно соседствовали друг с другом "демобилизация" и "финансы", "топливо" и "металлы". Первым поручением, которое получил его председатель Осинский, был контроль за захватом Государственного банка[117]. Его первые зарегистрированные декреты – поскольку он присвоил себе и официально на него не возложенные законодательные функции – касались регулирования снабжения электроэнергией в запрещенные для этого часы правительственного здания в Смольном[118] и установления свода правил и принципов, направляющих политику в области внешней торговли[119].

То обстоятельство, что ВСНХ вскоре превратился в главный инструмент советской промышленной политики ценой исключения на практике из сферы его компетенции прочих функций, не было, таким образом, частью первоначального замысла. Однако этот курс был более или менее случайно взят на первом заседании бюро ВСНХ, состоявшемся 14/27 декабря 1917 г. Этот день был полон событий. Утром отряды Красной гвардии заняли частные банки, и ВЦИК позднее в тот же день выпустил декрет об их национализации[120]. Ленин присутствовал на заседании бюро ВСНХ и представил законопроект о национализации не только банков, но и всех промышленных предприятий[121]. Официальной стенограммы этого мероприятия нет. Согласно утверждению Осинского, предложение Ленина открыто оспорили только Лозовский и Рязанов. Однако большинство присутствовавших сочли его неосуществимым[122], и законопроект этот так и остался официально непринятым и неопубликованным. 20 декабря 1917 г./2 января 1918 г. вышел декрат, которым ВСНХ возлагал на себя контроль над всем правительственным финансированием промышленности и над выплатой жалованья во всех государственных учреждениях – координацией всей этой деятельности должен был заниматься "отдел государственного планирования" ВСНХ[123]. Этот декрет – как и многие-многие другие, выпущенные в тот период, – так и остался мертвой буквой и представляет интерес лишь как свидетельство того, что кто-то из членов ВСНХ – возможно, Ларин – мыслил намного впереди своего времени. Не только до всеобъемлющего экономического плана, но даже и до общей и эффективной национализации промышленности осталось еще дистанция огромного размера.

Несколько дней спустя состоялось первое заседание ВСНХ, яркое описание которого оставил один иностранный очевидец[124]. В нетопленой, полупустой, скудно обставленной комнате вокруг стола собралось человек двадцать: там были представители профсоюзов, рабочих от фабрично-заводских комитетов, несколько народных комиссаров и инженеров с железных дорог и металлургических предприятий в качестве "специалистов" – словом, "весьма разношерстная компания". Осинский произнес

речь, где говорилось о недостатках декрета о рабочем контроле и необходимости координации деятельности фабрично-заводских комитетов и профсоюзов с деятельностью центральных политических органов Советов. Затрагивались и обсуждались различные практические трудности. Заседание одобрило план создания специальных комиссий – будущих главков и "центров" по различным отраслям промышленности, а также декрет, который был обнародован 23 декабря 1917 г./5 января 1918 г., учреждавший сеть подчиненных местных органов. Декрет предусматривал основание в каждой области Совета народного хозяйства – Совнархоза, – который должен был работать под контролем ВСНХ. Совнархозы предполагалось подразделять на 14 секций или отделов, каждый из которых должен был отвечать за различную отрасль производства; они должны были включать в свой состав представителей местных учреждений и организаций: точное число таких представителей надлежало определять Советам – по всей видимости, соответствующим местным Советам – рабочих, солдатских и крестьянских депутатов[125]. На усмотрение областных совнархозов оставался вопрос о целесообразности создания губернских и местных совнархозов, подотчетных им и выполняющих те же самые функции в пределах более мелких территориальных единиц: они включали в свой состав соответствующие органы рабочего контроля там, где таковые уже на деле существовали[126]. Вся эта система, которая получила дальнейшее официальное оформление на прошедшем в мае 1918 г. I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства[127], была задумана как экономический макет, представляющий собой точную копию политической структуры Советов рабочих и крестьянских депутатов с аналогичной пирамидой съездов. Однако этот параллелизм, который зиждился на нереалистической концепции разделения сферы полномочий между политическими и экономическими властями[128], оказался весьма неэффективным. На самом высоком уровне ВСНХ никогда не мог даже помышлять о том, чтобы быть экономическим Совнаркомом, а губернские и местные совнархозы не могли соперничать с политическими Советами. Идея экономических Советов была мертворожденной. То, что было создано, оказалось на деле центральным экономическим ведомством, имеющим отделения на местах.

Предусмотренная этим декретом сложная система организации все еще носила на себе печать первоначальных намерений осуществлять общий надзор за всеми аспектами экономической деятельности. Однако это намерение вскоре увяло. Планирование народного хозяйства как единого целого превратилось в отдаленный идеал. Политика в области сельского хозяйства находилась в зависимости от деликатного соотношения сил между левыми эсерами и большевиками; финансовая политика в общем и целом уже обрела черты еще до того, как начал свое существование ВСНХ, и оставалась заповедной зоной народного

комиссариата финансов; торговля все еще рассматривалась как сфера, имеющая вспомогательные функции по отношению к сфере производства. Где после того, как выявились существенные недостатки рабочего контроля, действительно образовалась брешь, так это в области промышленной политики. Здесь планирование и организация были остро необходимы, и функции ВСНХ стали постепенно сужаться, заполняя собой эту брешь. Организация, которая была предусмотрена в декрете ВСНХ от 23 декабря 1917 г./5 января 1918 г., включала "особые комиссии для каждой отрасли промышленности". С другой стороны, большинство основных отраслей российской промышленности в период войны создали себе сами – при содействии и поддержке официальных властей – специальные централизованные органы, претендовавшие на то, чтобы с большей или меньшей эффективностью выступать от имени всей отрасли в целом, координируя выпуск продукции и регулируя объем продаж. В течение первых недель революции постоянно возникал вопрос о взаимоотношениях подобных органов с Советской властью; в отдельных, немногих отраслях промышлености обладали достаточной силой, чтобы играть самостоятельную роль, также и профсоюзы, однако нигде – за исключением железных дорог, которые все равно уже принадлежали государству, – их роль не была решающей. Конечно, время от времени ВСНХ делал попытки пинать промышленников ногами. Один делегат I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства нарисовал картину некоего подобия "богемы", где "сперва портной будет поставлен во главе громадного металлургического завода, затем художник будет поставлен во главе текстильного производства"[129]. Такие случаи бывали, и оправдывались они порой теми теориями, которые проповедовал в своей работе "Государство и революция" Ленин, а теперь навязчиво и энергично пропагандировал Бухарин. Однако скорее всего они имели место в тех случаях, когда предприниматели и управляющие оказывали открытое сопротивление, практиковали саботаж или же просто-напросто покидали свои предприятия. Наиболее широко распространенным типом взаимоотношений между выжившими капиталистическими органами и инструментами новой власти было нелегкое, недоверчивое и полувраждебное сотрудничество. Возможно, самые первые назначения в состав ВСНХ были основаны на соображениях партийной лояльности. Однако существуют официальные сведения, что в составе экономического комитета московских областных Советов и первого харьковского областного Совнархоза были представители от предпринимателей[130].

Происходившая в течение первой зимы после революции постепенная концентрация в руках ВСНХ контроля над промышленностью может быть проиллюстрирована тем, что происходило в двух наиболее крупных отраслях российской промышленности – металлургической и текстильной. В обоих случаях

контроль был осуществлен на тех основах, которые были заложены еще до революции. Металлургическая промышленность представляла собой наиболее высокоорганизованный участок российской экономики; первая коммерческая централизованная организация, занимающаяся продажей продукции всей отрасли промышленности в целом, была создана еще в 1902 г. Она называлась Продамет. Потребности войны привели к созданию в 1915 г. официального комитета по распределению металлов под названием Расмеко. Одними из первых актов ВСНХ были превращение Расмеко в исполнительный орган металлургической секции и передача в его руки задачи установления цен на металлы[131]. К марту 1918 г. горнодобывающая и металлургическая секция ВСНХ, воздвигнутая на дореволюционных основах, представляла собой весьма активную организацию с центральным управленческим персоналом в 750 человек[132].

Текстильная промышленность была старейшей широкомасштабной отраслью промышленности России. Это была единственная отрасль, в которой фактически все фабрики располагались в центральных областях, так что вся отрасль концентрировалась в пределах территории, находившейся под контролем Советов; правда, вскоре ей суждено было оказаться отрезанной от ее главных традиционных поставщиков сырья в Туркестане. Тот факт, что лишь немногие текстильные фабрики оказались в числе национализированных в течение первого периода[133], позволяет предположить, что предприниматели здесь занимали менее непримиримые позиции, чем в других отраслях. Временное правительство основало по соглашению с текстильной промышленностью специальную организацию под названием Центроткань с главной конторой в Москве, чья декларируемая цель якобы состояла в содействии лучшему распределению поставщиков. 16/29 декабря 1917 г. был принят декрет, уполномочивший экономическую секцию Московского Совета провести реорганизацию Центроткани "для учета всех изделий текстильного производства, для отчуждения их в государственную собственность и для распределения их через руководимую Народным Комиссариатом Продовольствия общегосударственную продовольственную организацию"[134]. Судя по всему, этим декретом ничего достигнуто не было, кроме того, что он закладывал предварительные основы для некой организации, в которой Советская власть сможет найти общий язык с промышленниками. В конце января 1918 г. прошел съезд профсоюзов работников текстильной промышленности, разумеется, не без одобрения со стороны официальных властей; он принял резолюцию в пользу создания централизованной организации, которую он назвал Центротекстиль, с целью осуществления контроля над этой отраслью промышленности[135]. Наконец, в марте 1918 г. ВСНХ создал центральный орган текстильной промышленности, который – хотя он и носил название, предложенное рабочими, – явно представлял собой некую комбинацию Центротекстиля и

Центроткани. В Положении о новом Центротекстиле он объявлялся "Государственным органом, объединяющим и руководящим всей деятельностью в области промышленности". Он должен был состоять из 30 рабочих, 15 инженеров и управляющих – о них упоминалось в привычных для царских времен выражениях как об "имущих" или "подлежащих налогообложению" слоях населения – и 30 представителей различных официальных и полуофициальных организаций: исполнительным органом должно было стать бюро, состоящее из 11 человек[136]. Угрожающая нехватка сырья – которая стала особенно острой осенью 1918 г., – возможно, сыграла здесь определенную роль, способствуя достижению в этой отрасли относительно высокого уровня сотрудничества между предпринимателями, рабочими и Советской властью.

Примеры с металлургической и текстильной отраслями дают возможность наглядно проиллюстрировать процесс создания системы объединенного управления для каждой из конкретных отраслей промышленности, который ВСНХ начал осуществлять в первые месяцы 1918 г. В течение 1915 и 1916 гг. царское правительство учредило централизованные органы – иногда называвшиеся "комитетами", а иногда "центрами" – для многих отраслей промышленности, производящих те виды продукции, которые были прямо или косвенно необходимы для ведения войны[137], и к 1917 г. такие центральные органы – которые обычно состояли из представителей данной отрасли и осуществляли регулирующие функции довольно-таки неопределенного характера – распространились почти по всей сфере промышленного производства. В течение первой половины 1918 г. ВСНХ постепенно захватил власть над всеми такими органами – или, во всяком случае, над тем, что от них осталось, – и трансформировал их в некие административные органы под названием "главки" или "центры", находящиеся в подчинении и под контролем ВСНХ. Главный комитет кожевенной промышленности – Главкож – был учрежден в 1918 г.[138] За этим вскоре последовали главные бумажный и сахарный комитеты, а также мыловаренный и чайный "центры" – все это вместе с Центротекстилем уже существовало к марту 1918 г.[139] Весьма маловероятно, чтобы эти органы были созданы, если бы не основы, которые были уже заложены еще до революции, и не сотрудничество со стороны управляющих и инженерно-технического персонала этих отраслей. Журналы, которые выпускало весной и летом 1918 г. большинство этих органов, во многом сохраняли – если оставить в стороне официозные аспекты – стиль и характер старых коммерческих журналов. В тот момент могло создаваться впечатление, что российская экономика – следуя модели, установленной во время войны в Германии, – находилась на пути к компромиссу между промышленностью и новой государственной властью на базе концентрации и самоуправления при осуществляемом ВСНХ широком государственном контроле. Насколько эффективен был

этот контроль, никакого ясного и однозначного ответа дать нельзя. Однако в той мере, в какой он оказывался эффективным, он был продуктом скорее сотрудничества, чем принуждения. В те времена, когда подорванная войной и революцией российская экономика все глубже и глубже погружалась в море анархии и разрухи, можно разглядеть некоторое молчаливое совпадение интересов между правительством и наиболее разумными и умеренными промышленниками, стремившимися совместными усилиями обеспечить возврат к своего рода упорядоченному производству[140].

Широкая национализация промышленности не была, таким образом, частью первоначальной большевистской программы, и, хотя на ВСНХ были официально возложены полномочия "конфисковать, реквизировать и секвестровать", первые шаги на пути к национализации были неуверенными и спотыкающимися. В самом начале национализация рассматривалась не как некая цель, которая желательна сама по себе, а как реакция на особые обстоятельства, как правило, связанные с какими-либо враждебными акциями со стороны предпринимателей; причем осуществлялась она исключительно по отношению к отдельным предприятиям, а не к отрасли в целом, так что в первоначальных мероприятиях в этой области полностью отсутствовал какой бы то ни было элемент планирования. В советской литературе при описании политики в области национализации, характерной для этого раннего периода, использовались два эпитета. Эта политика называлась "карательной"[141], что означало, что мотивом ее было либо преодоление сопротивления или саботажа со стороны капиталистов, либо принятие карательных мер, связанных с такими их действиями; и она называлась "стихийной"[142], что означало, что она являлась главным образом результатом действий рабочих на местах, а не центральных властей. Можно найти сколько угодно доказательств, что оба эти описания были оправданны.

"Карательный" характер первых мероприятий по национализации иллюстрируется тем фактом, что первые декреты о национализации – будь то декреты, выпущенные Совнаркомом или ВСНХ, – всегда указывали причины, вызвавшие или оправдывавшие национализацию. Наиболее часто в качестве причины назывался отказ подчиниться рабочему контролю[143]. Однако электро-осветительная компания – "общество электрического освещения" – оказалась национализирована потому, что ее руководство, несмотря на правительственные субсидии, "привело предприятие к полному финансовому краху и конфликту со служащими"[144]. Петроградский Путиловский завод был захвачен из-за "задолженности в казну", а другой крупный металлургический концерн был подвергнут национализации "ввиду заявления правления... о ликвидации дел общества"[145]. Несколько металлургических и сталелитейных заводов, выпускающих гвозди, было национализировано "из-за неспособности продол-

жать выполнять план и ввиду его важности для правительства"[146]. Принятая в январе 1918 г. III Всероссийским съездом Советов Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа провозглашала государственной собственностью все предприятия, рудники и транспортные средства. Это, хотя и являлось скорее заявлением принципиального характера, чем законодательным актом, ознаменовало более решительный поворот в умонастроениях, и начиная с этого времени декреты о национализации, как правило, прекратили давать обоснования для проведения этой меры[147]. "Стихийный" элемент ранней национализации еще более заметен, чем ее "карательный" характер. Выпущенные ВСНХ или Совнаркомом декреты о национализации касались главным образом предприятий, расположенных в Петрограде, или нескольких широко известных губернских концернов со штаб-квартирой в столице. Однако куда более значительное количество расположенных по всей стране крупных и мелких предприятий было национализировано областными или местными Советами, совнархозами и другими местными органами, а также самими рабочими без одобрения местных Советов[148]. Порой акты о национализации, осуществлявшиеся местными Советами, шли рука об руку с требованиями политической автономии. Когда сразу же после революции в Туркестан была направлена комиссия для организации поставок хлопка для текстильных предприятий Москвы и Петрограда, то она обнаружила, что туркестанские Советы и местный Совнарком уже провели национализацию местной хлопковой промышленности[149]. С точностью оценить, что именно происходило на всех обширных просторах советской территории, возможным не представляется[150]. Однако все свидетельствует в пользу того, что главным источником национализации зимой 1917/18 г. служили неорганизованные действия рабочего контроля и что областные и местные Советы и совнархозы гораздо чаще выпускали декреты, покрывавшие действия, предпринятые самими рабочими, чем декреты, являвшиеся результатом их собственной инициативы. Национализация, как сказал впоследствии Рыков, "производилась независимо от вопросов снабжения, от хозяйственных соображений, а исходя исключительно из необходимости непосредственной борьбы с буржуазией"[151]. Характерной чертой этого неупорядоченного процесса "карательной" и "стихийной" национализации было то, что она применялась только относительно отдельных предприятий. За исключением торгового флота, который к тому времени уже был организован как целостная единица и национализирован декретом, принятым в январе 1918 г.[152], первым случаем национализации целой отрасли промышленности стала национализация в мае 1918 г. сахарной промышленности, за которой в следующем месяце последовала и нефтяная промышленность[153]. И все же совершенно ясно, что до тех пор, пока единицей национализации оставалось скорее предприятие, чем отрасль промышленности, синдика-

листские тенденции, присущие рабочему контролю, так и не были полностью преодолены. В сообществе, которое поставило себе целью организовать свою жизнь на основании скорее социалистических, чем синдикалистских принципов, судьба конкретной фабрики или отдельного предприятия не могла определяться исключительно их собственными, так сказать, достоинствами и заслугами. Как единая целостность здесь должны были рассматриваться вся отрасль промышленности или сфера производства, а в конечном счете и народное хозяйство в целом.

Брест-Литовский договор произвел на все советское общество воздействие сильнейшего шока. Словно резкий луч прожектора, осветил он картину почти полной беспомощности и разрухи и привел вдруг к резкой остановке той экономической политики дрейфа и компромисса, которая была характерна для последних трех месяцев. В момент подписания договора основной акцент все еще делался на необходимости создать новую армию для "защиты социалистического отечества" и на надежную перспективу грядущей международной революции: именно эти вопросы все еще оставались лейтмотивами резолюции VII съезда партии, одобрившего ратификацию договора от 8 марта 1918 г. Ровно неделю спустя они повторились в резолюции официально ратифицировавшего договор IV Всероссийского съезда Советов, причем им был добавлен новый момент – необходимость решительного поворота в экономической политике.

"Съезд самым настойчивым образом выдвигает перед всеми рабочими, солдатами и крестьянами, перед всеми трудящимися и угнетенными массами самую главную очередную и необходимую задачу текущего момента: повышение деятельности и самодисциплины трудящихся, создание везде и повсюду крепких и стройных организаций, охватывающих по возможности все производство и все распределение продуктов, беспощадную борьбу с тем хаосом, дезорганизацией, разрухой, которые исторически неизбежны, как наследие мучительной войны, но которые в то же время являются первейшей помехой делу окончательной победы социализма и упрочения основ социалистического общества"[154].

Пришло время подсчитать огромные экономические потери, в сущности, не вызванные, а только зарегистрированные Брест-Литовскими соглашениями. Они составляли 40% в промышленности и промышленном населении бывшей царской империи, 70 – в железорудном и сталелитейном производстве и 90% в сахарном производстве[155]. Чтобы вырвать страну из когтей разрухи, требовались радикальные меры. С другой стороны, уже сам факт, что хоть как-то удалось выжить после германского нашествия, вселял определенный оптимизм. Беспорядки последних месяцев можно было на вполне законных основаниях от-

части приписать ужасам войны, а они на данный момент уже были позади. Впервые Советская республика была свободна от каждодневных забот, связанных с опасностью иностранного вторжения. Промышленная реконструкция была первой и самой главной и неотложной задачей "передышки".

Новый поворот в политике сопровождался важными переменами в ВСНХ. Почти сразу же, судя по всему, был понижен в должности его первый председатель Осинский[156]. Вместе с Бухариным и Ломовым он участвовал в дискуссиях Центрального Комитета партии в числе активных противников Брест-Литовского договора, и, потерпев поражение, все они были выведены из состава бюро ВСНХ и отстранены от всякой ответственности за его политику[157]. Это открыло путь Ларину и Милютину, ставшим наиболее влиятельными фигурами в штаб-квартире ВСНХ; одно время предполагалось, что Ларин займет пост председателя[158]. Бывший меньшевик, Ларин изучал и восхищался инспирированной государством промышленной концентрацией и плановой экономикой военной Германии. Милютин – хотя всегда и оставался большевиком – отнюдь не принадлежал к числу бескомпромиссных экстремистов, как об этом свидетельствовала его отставка в связи со спорным вопросом о коалиции в ноябре 1917 г.[159] Как Ларин, так и Милютин выдвинулись теперь как практические деловые люди, занимавшиеся прежде всего тем, как найти средства остановить катастрофическое падение производительности. Оба были убежденными сторонниками планирования и централизации. Политика, которую они представляли, явилась реакцией на излишества рабочего контроля и "стихийной" национализации, и на некоторое время этой политике была обеспечена поддержка Ленина.

Первым безошибочным шагом на новом пути явился декрет, обнародованный ВСНХ 3 марта 1918 г. – дата подписания в Брест-Литовске, – за подписью Ларина. Декрет содержал явное официальное признание функций технического управления в промышленности и в то же самое время знаменовал попытку заложить основы целостной системы централизованного надзораи контроля. Каждый главк или центр должен был назначать на каждое предприятие, принадлежащее данной отрасли промышленности, своего комиссара или уполномоченного, который призван играть роль представителя правительства и осуществлять надзор, а также двух директоров, одного – технического, а другого – административного. Административный директор подчинялся решениям "хозяйственно-административного совета", в состав которого входили представители рабочих, предпринимателей и инженерно-технического персонала предприятия, а также профсоюзов и местных советских органов. Решения технического управляющего могли быть отменены только уполномоченным правительства или "центральной дирекцией" отрасли. В декрете был заложен принцип, что "рабочий контроль над национализированными предприятиями осуществля-

ется путем передачи всех заявлений и постановлений фабрично-заводского комитета или контрольной комиссии на усмотрение и разрешение хозяйственно-административного совета предприятия"; кроме того, в декрете было положение, что рабочие или предприниматели должны составлять не более половины всех членов административного совета[160]. На открывшейся 19 марта 1918 г. сессии ВСНХ Милютин начал свой основной доклад, заявив, что "диктатура пролетариата сделала неизбежным изменение всей экономической политики сверху донизу". Он подверг осторожной критике "недочеты" рабочего контроля и национализацию в том виде, в каком она осуществлялась до сих пор.

"Национализация шла либо снизу, проводилась областными, часто местными советам РС и КД, или же шла сверху, отсюда, от СНК и ВСНХ. Но недостаток был тот в этой системе национализации, что не было общего плана. Самый процесс диктовался объективно экономическим положением и фактами классовой борьбы. В настоящее время нашу промышленность приходится финансировать государству, и в сущности национализированные предприятия и частные предприятия сейчас в большинстве содержатся государственной казной. И поэтому в этом отношении нам трудно, в сущности говоря, получить такую картину отличия национализированных от ненационализированных предприятий в смысле задолженности с их стороны государству; поэтому в дальнейшем перед нами стоит необходимость управления теми фабриками и заводами и т.д., которые еще не национализированы, и *доведения до конца национализации промышленности*".

Главным следствием всего этого был отказ от "карательной" системы национализации в пользу "системы планомерной национализации", соответствующим образом подготовленной и охватывающей целиком каждую данную отрасль промышленности. Такой дальнейший курс национализации должен быть связан с "увеличением производительности". Ларин провозгласил тогда точку зрения – столь непривычную в то время, сколь она может казаться очевидной сейчас, – что функции ВСНХ заключаются в том, чтобы "увеличить количество полезных предметов, производимых в стране"; он оказался намного впереди своего времени и когда выдвинул три амбиционных проекта, которые предполагалось осуществлять за счет общественных работ, – интенсивное оснащение оборудованием месторождений, расположенных в Центральной Сибири, электрификация промышленности в Петрограде и проведение ирригационных работ в Туркестане[161]. Планы разработки месторождений и развития промышленности в Сибири, которые должны были заменить утраченные промышленные районы на Украине и юго-востоке России, широко обсуждались в начале 1918 г., но были быстро прерваны гражданской войной; те же самые причины сделали неосуществимым и проект относительно Туркестана.

Электрификация промышленности оказалась зародышем той идеи, которая пустила ростки позднее, заняв почетное место в истории советского планирования. Однако в тот момент Ларин занимался строительством "воздушных замков".

Проблемой, по которой в течение короткого периода спокойствия, последовавшего после Брест-Литовска, разгорелись жаркие споры, стал вопрос о взаимоотношениях революционного правительства с бывшими лидерами капиталистической промышленности. Ленинская концепция "государственного капитализма" как строя, который оставит за собственниками владение и управление своими промышленными предприятиями, подчинив их общегосударственному надзору и руководству, отнюдь не была забыта. Деловые контакты между ВСНХ и промышленниками всячески поощрялись, так что не удивительно, что между видным железорудным и стальным магнатом, чьей промышленной группе принадлежали основные локомотивные и вагоностроительные заводы страны, Мещерским и ВСНХ вот-вот были готовы начаться переговоры, касающиеся будущей организации этой отрасли промышленности. В марте 1918 г. Мещерский выдвинул весьма изобретательное предложение, в соответствии с которым его группа должна была владеть половиной акций нового металлургического треста, другая же половина должна была принадлежать государству, причем группа должна была от имени этого смешанного предприятия осуществлять управление трестом. Небольшим большинством голосов ВСНХ принял решение вести переговоры, основываясь на этом предложении[162]. Приблизительно в то же самое время еще один промышленник, Стахеев, сделал предложение образовать трест железорудной и сталелитейной промышленности на Урале, причем акции на сумму 200 млн. рублей должны были быть субсидированы его группой, еще 200 млн. – государством, а 100 млн. – неназванными американскими капиталистами. Альтернативное предложение предполагало, что государство возьмет на себя субсидирование всего капитала, а группа Стахеева будет осуществлять руководство и управление трестом от имени государства[163].

Все эти проекты – из которых наиболее серьезным было предложение Мещерского – вскоре натолкнулись на жесткую политическую оппозицию. Потерпевшая поражение в связи с ратификацией Брест-Литовского соглашения левая группа теперь под руководством Бухарина и Радека выступила широким фронтом в экономической области. 4 апреля 1918 г. эта группа представила на одном партийном собрании серию тезисов, две недели спустя они были опубликованы в первом номере недолго просуществовавшего журнала "Коммунист"[164]. Присутствовавший на этом собрании Ленин зачитал серию контртезисов: они в то время опубликованы не были, однако явно представляли собой часть первого варианта обширной статьи под заголовком "Очередные задачи Советской власти", которая, получив пред-

варительно одобрение Центрального Комитета партии – необычно торжественная формальность, – была напечатана в "Известиях" от 28 апреля 1918 г.[165] На другой день Лениным были открыты широкие публичные дебаты по этому вопросу на заседании ВЦИК, где от имени левой группы выступил Бухарин, а 3 мая ВЦИК одобрил шесть тезисов по "Очередным задачам Советской власти", что ознаменовало собой полное принятие ленинской позиции[166]. Не удовольствовавшись этой формальной победой, Ленин разгромил своих поверженных противников в весьма живо написанной брошюре "О "левом" ребячестве и о мелкобуржуазности", которая положила конец разногласиям и содержала в наиболее законченном виде ленинские экономические взгляды того времени.

Обе стороны были единодушны в признании того, что наступил поворотный момент. Революция одержала триумфальную победу над своими врагами внутри страны, власть буржуазии была сломлена, а буржуазная административная машина, как политическая, так и экономическая, полностью разгромлена – разрушительная фаза революции была завершена. Однако относительно того, как осуществить созидательную фазу, мнения радикальным образом разделились. Члены левой группировки стояли на диаметрально противоположных позициях относительно тех, кто до и после революции скептически относился к возможности немедленного перехода к социалистической революции; они, напротив, утверждали, что социалистическая революция уже свершилась, и им не терпелось собрать урожай ее живительных плодов. От выдвижения какой бы то ни было конструктивной или конкретной программы они уклонялись, оставаясь по преимуществу группировкой оппозиционной. Однако о чем шла речь, в принципе было совершенно ясно. Программа пролетарской революции переводилась на другие рельсы в интересах консолидации новой государственной власти. Так же как в Брест-Литовске, дело международной революции было отдано в жертву ради "охраны и укрепления уцелевшей части Советского государства", так же и в экономической сфере "все силы будут обращены на укрепление и развитие производительных сил, на "органическое строительство", при отказе от дальнейшей ломки капиталистических производственных отношений и даже при частичном восстановлении их". Эта аргументация продолжалась:

"Вместо перехода от частичных национализаций к общей социализации крупной промышленности, соглашения с "капитанами промышленности" должны были привести к образованию больших руководимых ими и охватывающих основные отрасли промышленности трестов, которые с внешней стороны могут иметь вид государственных предприятий. Такая система организации производства дает социальную базу для эволюции в сторону государственного капитализма и является переходной ступенью к нему".

Отголоски такой же критики слышались и со стороны левых эсеров и меньшевиков, которые, выступая в своей печати, сетовали, что "под флагом национализации промышленности проводится политика насаждения промышленных трестов"[167]. Недавно проявившаяся настойчивость Ленина на централизованной организации и предлагаемые им меры по ее осуществлению отвергались как отступление от социализма в сторону государственного капитализма.

В середине апреля 1918 г., когда эти разногласия были в самом разгаре, было принято решение отклонить план, предложенный Мещерским[168]. Не вполне ясно, насколько это решение было форсировано той ролью, которую сыграли в этом члены оппозиции; согласно одной из версий, оно было продиктовано обнаружением того факта, что основная часть акций группы Мещерского попадала бы в немецкие руки[169]. Однако дискуссии по принципиальным вопросам продолжались без ссылок на это решение. Опровержение Лениным критических выступлений со стороны левой оппозиции было весьма характерным и знаменательным. С апреля 1917 г. он проповедовал – вопреки мнению тех, кто стремился удержать революцию в узких буржуазных рамках, – доктрину непосредственного перехода от буржуазной революции к социалистической. Однако он проявлял осторожность, удерживаясь от утверждений относительно времени и условий, при которых социалистическая революция может быть достигнута. "Не "введение" социализма, как наша *непосредственная* задача, – отмечал он в "Апрельских тезисах", – а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов". В работе "Государство и революция", написанной накануне Октябрьской революции, он говорил, имея в виду Германию военного времени, об "эпохе перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм", хотя и отвергал при этом еретическую мысль, что этот государственно-монополистический капитализм может называться "государственным социализмом"; это не было социализмом, но это был шаг на пути к социализму[170]. Эта концепция высококонцентрированной и монополизированной экономики, управление которой осуществляется капиталистами при номинальном сохранении частной собственности, но при неусыпном надзоре со стороны государства, именно и означала то, что Ленин называл "государственным капитализмом". Попытка осуществить это сразу же после революции в виде системы рабочего контроля потерпела поражение отчасти из-за отказа капиталистических предпринимателей играть отведенную им роль[171]. Однако куда более значительные успехи – несмотря на провал переговоров с Мещерским – ожидали политику, направленную на организацию серии крупных промышленных монополий под контролем и руководством ВСНХ[172]. Это не было социализмом, но означало шаг по пути к его осуществлению. Ленин никогда открыто не оспари-

вал столь дорогое сердцам меньшевиков сомнительное утверждение, что, прежде чем стать социалистической, Россия должна перестать быть отсталой. Эта проблема обрела особую остроту в связи с провалом – вопреки расчетам Ленина – надежд на то, что германский и западноевропейский пролетариат придет на помощь российской революции. Отсталая Россия теперь должна завершить свою буржуазную революцию, должна собственными силами провести модернизацию в ожидании, пока придет помощь из Европы.

Впоследствии случилось так, что Ленин смог использовать упрек в "государственном капитализме" не как обвинение, а как комплимент. Во время дискуссий на заседании ВЦИК он с иронией обратил против своих оппонентов их же собственное оружие.

"Эволюция в сторону государственного капитализма – вот зло, вот враг, с которым нас приглашают бороться.

И вот, когда я читаю эти ссылки на подобных врагов в газете левых коммунистов, я спрашиваю: что сделалось с этими людьми, как они могут из-за обрывков книжки забыть действительность? Действительность говорит, что государственный капитализм был бы для нас шагом вперед. Если бы мы могли в России через малое число времени получить государственный капитализм, это было бы победой. Как они могли не видеть, что мелкий собственник, мелкий капитал – наш враг? Как они могли в государственном капитализме видеть главного врага?"[173]

В работе "О "левом" ребячестве и о мелкобуржуазности" он развил эту идею с теми же акцентами, но более подробно. Россия представляет собой арену, на которой борются между собой различные формы производства. Но важно распознать, какие из них являются врагами, а какие – союзниками.

"Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частно-хозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма, и против социализма"[174].

Государственный капитализм – это, таким образом, не только камень, ступая на который можно перейти к социализму, но и союзник социализма в качестве врага его врагов.

Зарубежной страной, на которой по-прежнему был сфокусирован взгляд не только Ленина-революционера, но и Ленина – государственного деятеля, оставалась Германия. Интерес Ленина к германской военной экономике начал давать плоды. Еще не был ратифицирован Брест-Литовский договор, а он уже с нетерпеливым энтузиазмом обращался к этой теме.

"Да, учись у немца! История идет зигзагами и кружными путями. Вышло так, что именно немец воплощает теперь, наряду с зверским империализмом, начало дисциплины, организации, стройного сотрудничества на основе новейшей машинной индустрии, строжайшего учета и контроля.

А это как раз то, чего нам недостает. Это как раз то, чему нам надо выучиться"[175].

Он посвятил Германии как "конкретнейшему примеру государственного капитализма" и как "последнему слову современной крупно-капиталистической техники и планомерной организации" целую главу работы "О "левом" ребячестве и о мелкобуржуазности". Единственным недостатком германского государственного капитализма было то, что его государство было государством *"юнкерски-буржуазного империализма"*. Поставьте на его место "*советское*, т.е. пролетарское государство", и "вы получите *всю* ту сумму условий, которая дает социализм". История играет странные шутки. Она породила в начале 1918 г. "две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка под одной скорлупой" – один в Германии, а другой в России. Политическая революция произошла в России, а экономическая организация имелась в Германии. Обе они были необходимы для достижения социализма. Задача российских социалистов заключалась в том, чтобы – в ожидании, пока разразится германская революция, – "учиться государственному капитализму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть *диктаторских* приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства"[176]. Похоже, это было единственным восхищенным упоминанием о Петре Великом – а возможно, и вообще о каком бы то ни было другом русском царе – в работах Ленина. Таким образом, Ленин проводил достаточно резкое различие между первым и вторым периодом революции. Дело "подавления сопротивления эксплуататоров" было уже в главных чертах сделано "в период с 7 ноября (25 октября) 1917 г. до (приблизительно) февраля 1918 г.". С другой стороны, "наша работа по организации, под руководством пролетариата, всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов *сильно отстала* от нашей работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов". Впереди в течение следующего периода лежит "коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада", а это означает "повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высокую организацию". В течение первого периода лозунг "Грабь награбленное" был совершенно правильным, во втором – девизом должно стать: "Награбленное сосчитай и врозь его тянуть не давай, а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай"[177]. В первый период важно было подчеркивать социалистическую враждебность к государству, необходимость уничтожить буржуазную государственную машину; это было подчеркнуто в работе "Государство и революция". Однако когда Бухарин упоминал "Государство и революцию" в "Коммунисте" в апреле 1918 г., он процитировал только "то, что уже... устарело, что является вче-

рашним", промолчав о задаче завтрашнего дня в том, что касается учета, контроля, дисциплины"[178]. В первый период превалирующим лозунгом был "рабочий контроль", теперь, в новом акценте на организацию как путь к социализму, это было предано забвению.

"Мы организовали при царе тысячи и при Керенском сотни тысяч. Это ничего, это в политике не считается. Это была подготовительная работа, это был подготовительный класс. И пока передовые рабочие не научатся организовывать десятки миллионов, до тех пор они – не социалисты и не творцы социалистического общества, и необходимых знаний организации они не приобретут. Путь организации – путь длинный, и задачи социалистического строительства требуют упорной продолжительной работы и соответственных знаний, которых у нас недостаточно. Едва ли и ближайшее будущее поколение, более развитое, сделает полный переход к социализму"[179].

В то время Ленин стремился внедрить в сознание масс важность организации, используя – возможно, намеренно – гиперболические выражения. Если бы торговец сказал ему, что улучшилось положение на некоторых железных дорогах, "так мне такая похвала в миллион раз ценнее, чем 20 резолюций коммунистов". Железные дороги как раз и являлись главным "гвоздем", представляя собой "одно из проявлений самой яркой связи между городом и деревней, между промышленностью и земледелием, на которой основывается целиком социализм"[180]. Здесь можно было уже увидеть предвкушение того пути, на котором два года спустя ленинское воображение покорила панацея электрификации.

В мае 1918 г. полемика по вопросу об организации промышленной политики прекратилась; причем завершилась она без решающей победы какой бы то ни было из сторон. Предложение о том, чтобы вести дела совместно с капиталистами, было отвергнуто и уже более не возобновлялось; таким образом, исчезла возможность компромисса с промышленниками под флагом "государственного капитализма". Но, с другой стороны, доводам левой оппозиции в пользу местной автономии и "рабочего контроля" суждена была недолгая жизнь: девизами дня стали организация и централизация. Вслед за отказом от плана Мещерского ВСНХ созвал в середине мая в Москве совещание работников металлургической промышленности с целью обсуждения вопроса о национализации. В совещании, которое прошло под председательством Ленина, принимали участие главным образом представители рабочих и инженерно-технического персонала соответствующих предприятий. Было зачитано письмо к совещанию от Ленина, который от лица Совнаркома выступал в пользу национализации, мотивируя это тем, что такие меры повлекут за собой объединение в рамках единой администрации различных предприятий, включая сюда инженеров и специалис-

тов, а также выступая за принятие мер, обеспечивающих соблюдение "строгой трудовой дисциплины". Представители инженерно-технического персонала от голосования воздержались, однако никаких других обструкций относительно данного мероприятия с их стороны не последовало. Логика сложившейся ситуации носила императивный характер: раз проект Мещерского, предполагавший национализацию наполовину, был отвергнут, то единственной вероятной альтернативой была национализация полная. В результате этого совещания была принята резолюция, выступавшая за "немедленную национализацию" предприятий и проведение объединения; под эгидой ВСНХ был образован временый комитет с целью организации "объединенных государственных металлургических заводов (Гомза)" – первого и самого крупного из трестов, созданных ВСНХ в порядке воплощения ленинского принципа "принудительного синдицирования"[181]. Двумя неделями раньше декретом Совнаркома была национализирована сахарная промышленность[182] – первая, кроме транспорта, отрасль, с которой теперь стало возможным иметь дело как с единым целым.

I Всероссийский съезд Советов народного хозяйства собрался в Москве 26 мая 1918 г. Он планировался как нечто вроде хозяйственного парламента. Свыше 100 делегатов с правом голоса представляли ВСНХ и его главки и центры, областные и местные совнархозы и другие хозяйственные органы, а также профсоюзы; кроме того, на съезде присутствовало около 150 делегатов без права голоса[183]. Председательствовал на съезде недавно назначенный на пост председателя ВСНХ Рыков[184]. Вновь подняли голос представители левой оппозиции. Бухарин, чьи функции здесь были чисто формальными, сводясь к оглашению приветствий к съезду от Центрального Комитета партии, с известной едкостью заметил, что существуют люди, которые вместо того, чтобы поднять знамя "вперед к коммунизму", поднимают знамя "назад к капитализму". Осинский выразил опасения, что при новых порядках "ключи от производства остаются в руках капиталистов". Ломов, напомнив съезду, что фраза о том, что социализм должен учиться у капитализма, имела хождение в 80–90-е годы XIX века и выдвинута она была "квази-марксистом" (а ныне буржуазным деятелем) Струве, вел арьергардный бой в защиту рабочего контроля и сделал замечание, которое стало характерным для всех оппозиционных групп на несколько лет вперед:

"Мы всеми мерами – национализацией, централизацией подавляем силы в своей стране. Массы совершенно отрезаются от творческой живой силы во всех областях народного хозяйства"[185].

Однако доминировало на съезде осознание того сурового факта, что практическая необходимость требует обеспечить увеличение и организацию производства, с какими бы это ни было сопряжено теоретическими жертвами. Милютин, сделав-

ший на съезде основной доклад, был подвергнут критике не столько за выдвинутые им предложения, сколько за прозвучавшие в его докладе оптимистические оценки на будущее. А Рыков как председатель ВСНХ выступил за радикальную и бескомпромиссную политику национализации. Применявшиеся до настоящего времени случайные и бессистемные методы не представляли собой ни эффективного противоядия хозяйственной анархии, ни эффективного вклада в строительство социализма. Национализация отдельных предприятий не означает социализма: это в лучшем случае синдикализм. Даже национализация отдельных отраслей промышленности не является достаточной мерой.

"Я до сих пор думал, – сказал Рыков, – что можно организовать социалистическое *общество,* и то при условии международного социалистического переворота, но организовать социалистическую *отрасль промышленности,* социализировать отдельную фабрику или завод, извините меня, до сих пор ни один социалист таких предложений не делал и не может делать"[186].

Однако – хотя на чисто доктринерском уровне таким образом без всяких компромиссов провозглашался тезис о несовместимости такой экономики, которая была бы наполовину социалистической, а наполовину капиталистической, – необходимо было также признать и то обстоятельство, что "мы в состоянии национализировать и в состоянии управлять национализированными предприятиями только в части промышленности" и что, следовательно, придется начать с наиболее важных[187]. В ключевой резолюции съезда содержалось следующее сравнительно скромное высказывание:

"В области организации производства необходимо завершение национализации, и от проведения национализации отдельных предприятий (которых национализировано и секвестировано 304) необходимо перейти к последовательной национализации отраслей промышленности и в одну из первых очередей – металлообрабатывающей и машиностроительной, химической, нефтяной и текстильной. Проведение национализации должно быть лишено случайного характера и может проводиться исключительно или В.С.Н.Х. или С.Н.К. по заключению В.С.Н.Х."[188].

Съезд принял также резолюцию о торговле, финансах и трудовой дисциплине. Работала даже аграрная секция, которая тоже приняла резолюции, включая резолюцию о желательности общественных ферм, однако у всего съезда в целом не хватило времени, чтобы их рассматривать[189]. Общим результатом этого мероприятия явилось одновременно как сужение, так и усиление полномочий ВСНХ. В качестве его основной функции была подтверждена концентрация усилий на организации промышленности, и в пределах этой сферы он стал высшим авторитетом[190]. Проведение согласованной советской промышленной политики стало впервые возможным в мае 1918 г., хотя нехватка ресурсов и прежде всего квалифицированных кадров по-прежне-

му препятствовала эффективному осуществлению этой политики.

Вскоре, однако, события форсировали развитие процессов в этом направлении. Даже во время заседаний I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства на Урале с оружием в руках поднялись чешские легионы; июнь стал свидетелем стремительного развития гражданской войны и начала вторжения союзных войск. Все это способствовало тому, чтобы спровоцировать усиление нервного напряжения в Москве и ускорить необходимость более жесткой организации и контроля за промышленностью. Однако непосредственный импульс к активным действиям исходил с совершенно другой стороны. Германская оккупация Украины после Брест-Литовска быстро увеличила заинтересованность Германии в российских ресурсах, и акции в российской тяжелой промышленности в широких масштабах скупались германскими компаниями. Если бы этот процесс продолжался и дальше, то в германскую собственность могла перейти значительная часть российской промышленности, поэтому следовало опасаться германского дипломатического вмешательства против национализации. Согласно некоторым официальным сообщениям, посол Германии в Москве Мирбах уже получил к тому времени инструкции выразить по этому поводу протест[191].

Эти опасения привели к драматическим событиям 28 июня 1918 г., после продолжавшегося всю ночь совещания Совнаркома, был выпущен декрет о национализации всех важных отраслей промышленности. Цели этого декрета, как было заявлено в его краткой преамбуле, сводились к осуществлению "решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой" и "упрочению диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты" – это было попыткой провести довольно-таки иллюзорную параллель между этим декретом и учреждением комитетов крестьянской бедноты как инструмента проведения аграрной политики. Среди отраслей промышленности, все имущество которых ныне объявлялось "собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики", были названы горная, металлургическая и металлообрабатывающая, текстильная, электротехническая, лесопильная и деревообделочная, табачная, стекольная и керамическая, кожевенная, цементная, а также все паровые мельницы, предприятия по местному благоустройству и в области железнодорожного транспорта и несколько менее важных отраслей. Однако после этого лихого введения составители декрета обнаружили проницательное осознание различия – на котором в свою очередь настаивали как Ленин, так и Рыков, – существующего между национализацией предприятия и управлением им после того, как оно национализировано. Задача "организации управления национализируемыми предприятиями" доверялась "в срочном порядке" ВСНХ и его секциям. Однако до тех времен, пока ВСНХ не вы-

пустит специальные инструкции, касающиеся упомянутых в декрете конкретных предприятий. Эти предприятия должны были рассматриваться как переданные в безвозмездное арендное пользование прежних владельцев, которые должны были попрежнему осуществлять финансирование и извлекать из них доход; при этом директорам и персоналу было под страхом наказания запрещено покидать свои посты[192]. Декрет от 28 июня 1918 г. сохранил, таким образом, различие между юридической передачей прав собственности государству – что само по себе еще не влекло за собой никаких практических последствий – и практическим принятием на себя государством ответственности за управление. Первый шаг был теперь – в том, что касалось основных отраслей промышленности, – под угрозой германского вмешательства поспешно завершен. Второй шаг – осуществленный, возможно, с большей скоростью, чем полагали составители декрета, – был сделан под давлением гражданской войны.

в) Труд и профессиональные союзы

Марксистская программа провозглашала то, что лежало в основе "трудовой" политики. Она извлекала логические выводы из теории, согласно которой труд является единственным источником стоимости; и это обстоятельство превращало пролетариат в главный инструмент и в главное действующее лицо, которое должно было извлечь выгоду из грядущей революции. Если она порой и казалась безразличной к тем требованиям, которые обычно фигурировали в "рабочих" платформах, то это потому что подобные требования предполагали признание капиталистической системы и имели смысл лишь до тех пор, пока такая система продолжала существовать. Следовательно, эти требования могли быть только вторичными; главной целью рабочих должно было всегда быть свержение капитализма, а не улучшение своего положения в рамках этого строя. Пункты, которые фигурировали среди минимальных требований рабочих, содержавшихся в "Коммунистическом Манифесте", а также в инспирированных им более поздних партийных документах, были важны не столько сами по себе, сколько как средство достижения революционной цели, что случилось с партиями, которые исключительно или чрезмерно концентрировали свою деятельность на этих минимальных требованиях, показывали свою деятельность на этих минимальных требованиях, показывали примеры "ревизионистов" в Германии и "экономистов" в России. Держа в голове эти примеры, большевики вряд ли были склонны забывать, что они являются партией революционной, а не "реформистской", и их трудовая политика должна рассматриваться именно в свете этого критерия. С другой стороны, они не могли не проявлять определенного интереса к тем практическим требованиям рабочих, которые могли быть в известной мере удов-

летворены даже при буржуазном правлении. В принятой в 1903 г. на II съезде Программе партии содержались требования 8-часового рабочего дня, еженедельного выходного дня и прочие знаковые пункты рабочей программы.

Тот же самый элемент неопределенности и компромисса присутствовал и в большевистском отношении к профсоюзам. I Интернационал умудрился искусно лавировать между теми из его членов – главным образом английской группировкой, – которые придавали тред-юнионизму большое значение, и теми, главным образом французами и немцами, кто был склонен вообще исключить его как не соответствующий революционной борьбе. Резолюция, принятая в 1866 г. конгрессом, проходившим в Женеве, признавала, что профсоюзы сохраняют свою необходимость и жизненность, "пока существует современный способ производства", однако предостерегала их против следования "узким" целям и призывала к борьбе "за освобождение угнетенных миллионов"[193]. Эта резолюция цитировалась в 1899 г. Лениным, протестовавшим против так называемого "кредо" экономистов, стремившихся свести деятельность рабочего класса к "экономической борьбе" тред-юнионизма[194]. В работах Ленина и других большевиков эта традиция выражалась в сохранившейся привычке использовать выражение "тред-юнионизм" – в английском варианте – в уничижительном смысле. В работе "Что делать?" Ленин писал, что экономисты "постоянно сбиваются с социал-демократизма на трэд-юнионизм", утверждал, что "политическая борьба социал-демократии гораздо шире и сложнее, чем экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством", и полагал, что социал-демократы, хотя они и должны работать в профсоюзах, не должны делать попыток построить социал-демократические профсоюзы[195]. На проходившем в 1906 г. в Стокгольме IV съезде партии принцип "беспартийности" профсоюзов поддерживали равным образом как большевики, так и меньшевики, и он был включен в принятую съездом резолюцию[196]. Прошедший в 1907 г. в Лондоне следующий съезд, хотя и подтвердил эту резолюцию, привлек внимание к необходимости "признания профессиональными союзами идейного руководства с.-д. партии"[197], а позднее в том же году Ленин объявил о своем переходе на точку зрения, что нейтральность профсоюзов "*принципиально* отстаивать нельзя"[198]. В следующем году к этому тезису присоединился Центральный Комитет партии, и отныне он занял свое место как признанный пункт партийного учения[199]. Тенденция рассматривать профсоюзное движение как нечто имевшее для партии вспомогательное значение и как инструмент партийной политики была внутренне присуща большевистской доктрине и усиливалась с каждым шагом, направленным на то, чтобы стимулировать более активное участие партии в деятельности профсоюзов[200].

Большевистская позиция в отношении рабочей политики и профсоюзов отражала российские условия. До 1905 г. не суще-

ствовало никакой программы по улучшению условий труда, которая имела бы хоть какие-нибудь шансы на успех, а профсоюзное движение находилось еще в эмбриональном состоянии. Время от времени случались серьезные забастовки, однако они представляли собой только беспорядочные и стихийные взрывы негодования против невыносимо тяжелых условий. В 1905 г. непокорные рабочие организовывались не в профсоюзы, а в Советы – органы, которые с самого начала имели политический и революционный характер. Первые в России профсоюзные конференции были проведены в 1905 и 1906 гг., однако в последовавший за этим период репрессий профсоюзы пострадали едва ли меньше, чем левые политические партии. Февральская революция 1917 г. принесла профсоюзам возрождение и большой приток новых членов. Роль профсоюзов в период между Февральской и Октябрьской революциями уже была описана[201]. Прошедший в августе 1917 г. VI съезд партии упоминал в своей резолюции "Об экономическом положении" в числе "рабочих организаций" профсоюзы, фабрично-заводские комитеты и Советы рабочих депутатов, не делая попыток провести различие между их характером и функциями[202]. Однако в сознании наиболее радикально настроенных и активных рабочих профсоюзы затмевались силой Советов[203]; а в том, что касается отношений между профсоюзами и фабрично-заводскими комитетами, большевики вплоть до Октябрьской революции имели все основания поддерживать эти комитеты, которые имели революционный облик и содержали большевистское большинство, против профсоюзов, которые стояли за упорядоченную организацию труда и находились под преимущественным влиянием меньшевиков.

Поворотный пункт в большевистской позиции наступил вскоре после победы Советской власти. Российские профсоюзы, появившиеся на свет слишком поздно и уже в сложившихся условиях крупномасштабной промышленной организации, имели тенденцию расти не на базе отдельных профессий или ремесел, а на базе отраслей промышленности в целом. Большинство российских профсоюзов было по этой самой причине не только более всеобъемлющим и не только имело более широкий и обобщенный состав членов, чем их западные аналоги, но и было более склонно к тому, чтобы рассматривать себя скорее как представителей всех рабочих в целом, чем той или иной конкретной профессиональной группы[204]. Эта традиция, развитию которой способствовала та квазиреволюционная обстановка, в которой российским профсоюзам приходилось действовать, как нельзя лучше подходила для того, чтобы удовлетворить новые конструктивные потребности Советской власти. Прежде всего революционное правительство поспешило провести в законодательном порядке те меры трудового законодательства, которые уже давно были привычны в западных демократических странах, не уделяя особенно большого внимания тому, насколько

они могут быть практически осуществимы в сложившихся в то время в России условиях. Через четыре дня после революции был выпущен декрет, провозгласивший принцип 8-часового рабочего дня и 48-часовой рабочей недели, ставивший ограничения на работу женщин и подростков и запрещавший использование труда детей в возрасте младше 14 лет[205]. В декретах от 11/24 декабря 1917 г. и 22 декабря 1917 г./4 января 1918 г. содержались положения о страховании на случай безработицы и болезни[206]. Проводить в жизнь эту политику "протекционистского" рабочего законодательства было невозможно без сотрудничества какого-то центрального органа, который представлял бы рабочих. Эту брешь заполнили профсоюзы, и их позиции соответствующим образом упрочились. За отсутствием другого аппарата на них было возложено управление социальным страхованием, которое было предусмотрено декретом от декабря 1917 г.[207] Во-вторых, Советское правительство теперь испытывало острую нужду в том, чтобы обеспечить противовес возраставшей анархии фабрично-заводских комитетов и рабочего контроля, и нашло этот противовес в лице организации, которая претендовала на то, чтобы представлять общие – в отличие от групповых – интересы рабочего класса. И здесь тоже профсоюзы с триумфом получили то, что им причиталось. Подчинение фабрично-заводских комитетов упорядоченной профсоюзной организации превратилось в цель советской, так же как и профсоюзной, политики.

Новый альянс между правительством и профсоюзами был публично скреплен на проходившем в Петрограде в январе 1918 г. – в момент роспуска Учредительного собрания – Всероссийском съезде профессиональных союзов. Успех Октябрьской революции оказал воздействие на политический облик союзов: из общего количества в 416 делегатов с правом голоса 273 были большевиками и 66 – меньшевиками[208]. Будущие взаимоотношения между правительством и профсоюзами сразу же превратились в кардинальную проблему съезда и предмет наиболее упорных дискуссий. Они затруднялись позицией, занятой Лозовским, который, хотя и возглавлял альянс между правительством и профсоюзами, заключенный с целью преодолеть анархию рабочего контроля, со своей обычной энергией высказывался и писал о необходимости сохранить полную автономию профсоюзов по отношению к органам политической власти и вышел – или был исключен – из большевистской партии. Рязанов, другой ведущий большевик, состоявший в Центральном Совете профсоюзов, остался в партии, но, как было известно, придерживался убеждений, которые были не так уж далеки от позиций Лозовского. Зиновьев, присутствовавший на съезде как главный делегат от большевистской партии, подверг критике "независимость" профсоюзов: этот лозунг, который раньше означал независимость от буржуазии, теперь, при рабочем правительстве, не может означать ничего иного, кроме права "поддержки са-

ботажников". Профсоюзы уже стали частью Советской власти, послав своих делегатов во ВЦИК. С другой стороны, Зиновьев выступал против каких бы то ни было намерений запретить стачки: ведь пролема национализированных отраслей промышленности тогда еще едва-едва зарождалась – правительство даже готово было вносить вклад в забастовочные фонды. Главные ораторы от меньшевиков Майский и Мартов утверждали, что поскольку революция была революцией буржуазно-демократической и никакой иной быть не могла, то профсоюзы должны выполнять свои обычные функции, сохраняя полную независимость от государства. Лозовский, отстаивавший свои позиции с момента Октябрьской революции, благоразумно занял промежуточную линию. Он резко отмежевался от взглядов Зиновьева, категорически осуждая идею, будто профсоюзы должны сразу же превратиться в "органы государственной власти", чьи решения "проводятся принудительным путем". Однако он согласился с выводом – подспудно присутствовавшим и в доводах меньшевиков, – что как только социализм будет достигнут, то исчезнут и возражения против интеграции профсоюзов в рамки государственной машины. Главная резолюция съезда, хотя и приветствовала революцию как "социалистическую революцию", отражала известную степень компромисса с более осторожной позицией Лозовского в отношении временно́го расписания.

"В развитом виде профессиональные союзы в процессе происходящей социалистической революции должны стать органами социалистической власти.

...В результате наметившегося процесса, профессиональные союзы неизбежно превратятся в органы социалистического государства, участие в которых для всех лиц, занятых в данном производстве, будет государственной обязанностью"[209].

В действительности I Всероссийский съезд профессиональных союзов заложил принцип подчинения профсоюзов государству, который с тех пор в течение трех лет никем не подвергался сомнению (за исключением меньшевиков). Однако основной вопрос рабочей политики в социалистической экономике был лишь едва затронут. В резолюции заявлялось, что профсоюзы "должны взять на себя главную работу по организации производства и воссозданию подорванных производительных сил страны"; и именно в этом духе там в числе наиболее неотложных "задач дня" назывались такие задачи профсоюзов, как "самое энергичное участие во всех центрах, регулирующих производство, организация рабочего контроля, регистрация и распределение рабочей силы, организация обмена между городом и деревней, деятельнейшее участие в демобилизации промышленности, борьба с саботажем, проведение всеобщей трудовой повинности и т.п."[210]. Снова яблоком раздора оказались фабрично-заводские комитеты. Один анархистский делегат описал их как "ячейки будущего общественно-социалистиче-

ского строя", другой для контраста называл профсоюзы "живыми трупами". Однако съезд без особых осложнений принял резолюцию, в которой провозглашалось, что "фабрично-заводские комитеты должны стать органами соответствующих профессиональных союзов на местах"[211]. Включение фабрично-заводских комитетов в централизованную профсоюзную систему означало, что конкретные интересы небольших групп рабочих должны уступить место общим интересам всего пролетариата в целом; а вряд ли можно отрицать, что эти общие интересы состояли зимой 1917/18 г. – так же как и многие годы после – прежде всего в "организации производства" и "воссоздании подорванных производительных сил страны". Многое из этого аргумента было опущено. Однако в своих пределах он еще сохранял силу. Одним из следствий признания профсоюзами этой роли явился поразительно тесный альянс между Центральным Советом профсоюзов и ВСНХ. Оба натерпелись от фабрично-заводских комитетов, оба одинаково верили в централизацию, и оба отстаивали дело промышленного производства против претензий других секторов экономики. Если в капиталистических странах предприниматели и профсоюзы обнаруживают порой общие интересы в борьбе против потребителя или против того, кто представляет сельское хозяйство, в Советской России эти общие интересы отразились во взаимоотношениях между этими двумя важными органами. К марту 1918 г. слияние между советскими и профсоюзными органами в функциях продвинулось достаточно далеко. Основная часть служащих народного комиссариата труда – сокращенно Наркомтруда, – а также областных и местных его представителей, так называемых "трудовых комиссаров", назначалась теперь профсоюзами, и, согласно сведениям, содержавшимся в напечатанной в официальном журнале Наркомтруда статье Шмидта, "весь вопрос, как целесообразнее провести слияние, которое должно произойти главным образом между Всероссийским Советом Профессиональных союзов и Народным Комиссариатом Труда"[212].

Съезд, на котором было большевистское большинство, избрал новый состав Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов с Зиновьевым в качестве председателя и Шмидтом в качестве секретаря вместо сбившегося с пути, но не раскаявшегося Лозовского. Зиновьев, однако, был слишком загружен другими функциями, и в марте 1918 г., когда штаб-квартира Совета вместе с правительством переместилась в Москву, его на этом посту сменил Томский, рабочий-большевик, который в течение десяти лет оставался доминирующей фигурой в советском профсоюзном движении и много сделал для повышения его престижа. Начиная с января и в течение последующего времени профсоюзы получили официальное признание как представители и исполнители трудовой политики, в определении которой они могли участвовать с правом совещательного голоса. Было с готовностью принято к сведению, что главной не-

посредственной целью этой политики – а следовательно, и политики профсоюзов – должны стать организация и расширение производства. Гораздо медленнее осознавался тот факт, что условием увеличения производства – или сохранения того положения, при котором оно продолжало стремительно падать, – была организация труда и усиление трудовой дисциплины и что как раз именно это, следовательно, и окажется главной задачей профсоюзов на последующие годы.

Процесс усвоения этого не свойственного им принципа шел весьма кружным путем. Еще в мае 1917 г. Ленин говорил на Всероссийском крестьянском съезде о возможной необходимости введения "трудовой повинности" с целью обеспечения рабочей силы для широкомасштабных сельскохозяйственных единиц[213]. В сентябре 1917 г. он, используя более общие выражения, написал, что "жизнь", выйдя уже за рамки капитализма, поставила "всеобщую трудовую повинность" на повестку дня[214]. Накануне революции он с удовлетворением отметил в одном из впечатляющих отрывков работы "Удержат ли большевики государственную власть?", что "хлебная монополия и хлебные карточки созданы не нами, а воюющими капиталистическими государствами": именно капиталистическое государство создало также и "всеобщую трудовую повинность в рамках капитализма, – это военная каторжная тюрьма для рабочих". Это были уже готовые меры, которые рабочим оставалось лишь перенять и распространить на капиталистов – *"и на богатых вообще"*, – добавил Ленин. Французская революция гильотинировала своих врагов, пролетарская революция заставит их работать на себя. "Кто не работает, тот не ест", – процитировал Ленин, добавив, что это представляет собой "основное, первейшее и главнейшее правило, которое могут ввести в жизнь и введут Советы рабочих депутатов, когда они станут властью"[215]. Подразумевавшаяся там надежда, что если по отношению к капиталистам будет применяться принуждение, то относительно рабочих этой меры не потребуется, ненадолго пережила победу революции. Однако отказаться от нее публично было отнюдь не легко. Когда декретом, принятым в январе 1918 г., были учреждены биржи труда, для предпринимателей стало обязательным нанимать рабочую силу исключительно через эти биржи, что же касается рабочих, то на них возлагалась единственная обязанность регистрироваться на бирже в случае, если они окажутся безработными[216]. Шмидт говорил на состоявшемся в январе 1918 г. съезде профсоюзов о тех, кто виновен в "саботаже" и "противодействии той политике, которую ведет рабочий класс в лице своих представителей власти", и высказал мысль, что "мы не обойдемся без того, чтобы силой принудить их выполнять ту работу, которую они должны выполнять"[217]. В одной из статей, написанных в том же месяце, Ленин снова привел выражение "кто не работает, тот не ест" как "*практическую* заповедь социализма" и незаметно включил "рабочих, отлынивающих от работы", в

категорию правонарушителей, которых "посадят в тюрьму"[218]. Однако эта статья была отложена в сторону и не напечатана, и проблема осталась еще на два месяца в подвешенном состоянии.

Брест-литовский кризис и желание найти пути остановить стремительный спад в промышленном производстве сделали вопрос о трудовой дисциплине и трудовых стимулах неотвратимым. VII съезд партии, который принял в начале марта 1918 г. решение о подписании договора, потребовал "самых энергичных, беспощадных, решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины рабочих и крестьян"[219], а официально ратифицировавший его неделю спустя IV Всероссийский съезд Советов также выступил за "повышение деятельности и самодисциплины трудящихся"[220]. Эта проблема была поднята в докладе, сделанном на заседании ВСНХ Милютиным, говорившим о "трудовой повинности, трудовой повинности в расширенном смысле слова, не такой трудовой повинности, которая проводилась на Западе[221], не той повинности, представление о которой имеется у масс, которая говорит, что надо поставить всех на работу, а трудовой повинности как системы дисциплины труда и как системы организации труда в целях производства". Такая схема, добавил он, может быть "основана только на независимости и железной самодисциплине масс рабочего класса"[222]. Однако в конце концов взял на себя ответственность за проведение этой меры именно Центральный Совет профсоюзов, который выпустил 3 апреля 1918 г. Положение, регулировавшее весь этот вопрос в целом: это было первым подробным заявлением нового строя по вопросу о трудовой дисциплине и трудовых стимулах, а также о тех функциях, которые возлагались в этой связи на профессиональные союзы. В условиях "хозяйственного развала", который угрожает "умиранием" пролетариату, профсоюзы видят свою обязанность в том, чтобы "напрячь все усилия к поднятию производительности труда и последовательному проявлению на фабриках и заводах необходимых основ трудовой дисциплины". Каждый профсоюз должен организовать комиссию* "для определения норм производительности каждого цеха и каждой категории рабочих". С явной неохотой признавалось там использование сдельной оплаты, направленной "к поднятию производительности труда"; кроме того, указывалось, что "премирование повышенной производительности сверх определенной нормы выработки до определенного предела может явиться полезной мерой к поднятию производительности, не истощающей работника". Наконец, в случае, если "отдельные группы рабочих" откажутся подчиниться профсоюзной дисциплине, они могут в качестве крайней меры быть исключены из профсоюза "со всеми вытекающими из того последствиями"[223].

---

* Так называемые 'Бюро нормирования". – *Прим. ред.*

Эти правила вскоре вызвали критические нарекания. Левая оппозиция в своих тезисах – которые были зачитаны на собрании, состоявшемся 4 апреля 1918 г., и опубликованы две недели спустя в "Коммунисте"[224] – с негодованием упоминала о "рабочей политике, направленной на водворение среди рабочих дисциплины под флагом "самодисциплины", введение трудовой повинности для рабочих, ...сдельной платы, удлинения рабочего дня и т.п.", утверждая, что "введение трудовой дисциплины, в связи с восстановлением руководительства капиталистов в производстве... грозит закрепощением рабочего класса, возбудит недовольство, как отсталых слоев, так и авангарда пролетариата"[225]. Меньшевистский журнал заявил в адрес большевиков, что "под флагом восстановления производительных сил страны делаются попытки уничтожения восьмичасового рабочего дня, введения сдельной заработной платы и системы Тейлора"[226] – тейлоризм был некогда широко известной американской системой повышения эффективности труда, которую Ленин когда-то описывал как "порабощение человека машиной"[227]. Ленин на заседании ВЦИК принял этот вызов. Только "деклассированная мелкобуржуазная интеллигенция не понимает того, что для социализма главная трудность состоит в обеспечении дисциплины труда", а "наша диктатура пролетариата есть обеспечение порядка, дисциплины, производительности труда..."[228]. В первом варианте брошюры "Очередные задачи Советской власти", которая была задумана как аргументированный ответ левой оппозиции, он писал о "задаче обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся" и добавил:

"Мы были бы смешными утопистами, если бы воображали себе, что подобная задача осуществима на другой день после падения власти буржуазии, т.е. в первой стадии перехода от капитализма к социализму, или – без принуждения"[229].

В опубликованном тексте брошюры осторожность вынудила его высказаться на этот счет несколько менее откровенно:

"...Условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, уменья работать, спорости*, интенсивности труда, лучшей его организации...

Наиболее сознательный авангард российского пролетариата уже поставил себе задачу повышения трудовой дисциплины... Эту работу надо поддержать и двинуть ее вперед изо всех сил. На очередь надо поставить, практически применить и испытать сдельную плату, применение многого что есть научного и прогрессивного в системе Тейлора, соразмерение заработка с общими итогами выработки продукта или эксплуатационных результатов железнодорожного и водного транспорта и т.д., и т.п."[230].

---

* У Карра ошибочно переведено как "скорости" ("speed"). – *Прим. ред.*

Следует отметить, что наиболее сильные чувства вызывали в то время не проекты введения принудительной трудовой повинности, а внедрение сдельной оплаты труда и других дискриминационных вознаграждений в качестве стимулов к достижению более высокой производительности труда. Дело здесь касалось не столько вопроса о трудовой дисциплине, сколько проблемы равенства. Именно разделение труда при капитализме превратило, по словам "Коммунистического Манифеста", рабочего в "придаток машины". Признанной целью социалистов было покончить с различиями между промышленным и сельскохозяйственным трудом, между умственным и физическим трудом; это рассматривалось как прелюдия к установлению общества равноправия[231]. Следовательно, социалистическая политика должна обеспечивать равную оплату всем. Энгельс хвалил Парижскую коммуну за то, что она "платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, какую получали другие рабочие"; и он утверждал, что поскольку при социализме образование и профессиональное обучение будут оплачиваться за счет общества, то более квалифицированный рабочий не может выдвигать перед государством требований о более высоком вознаграждении, чем менее квалифицированный рабочий[232]. Похоже, однако, что эти аргументы несколько размыли границу между непосредственными возможностями и конечной целью. Когда Маркс в "Критике Готской программы" проводил различие между низшей и высшей фазами "коммунистического общества", он ясно дал понять, что на низшей стадии распределение все еще будет осуществляться не в соответствии с потребностями, а согласно выполненной работе. До тех пор пока производство не расцветет достаточно обильно, чтобы позволить полную реализацию коммунизма с его принципом "каждому по потребностям", единственной возможной формой равенства – хотя, в сущности, это и являлось принципом неравенства, поскольку индивидуальные способности всегда неравны, – было равное вознаграждение за равный труд[233]. Тем не менее Ленин в написанной накануне революции работе "Государство и революция" рассматривал как "ближайшую цель" так организовать народное хозяйство, чтобы "техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и *все* должностные лица, получали жалованье не выше заработной платы рабочего"[234]; а в своей менее теоретической и более практической брошюре того же периода "Удержат ли большевики государственную власть?" – он явно предусматривал временное исключение из политики равной оплаты только в пользу "специалистов"[235].

В результате этого учения среди большевистских лидеров, а еще больше среди рядовых большевиков сформировались чрезвычайно сильные настроения против дискриминации между различными формами труда или различными категориями рабочих; и, хотя они не предполагали официальных требований обеспечить на нынешней стадии революции какое бы то ни было

уравнивание оплаты, эти настроения, вне всякого сомнения, подразумевали в качестве идеала именно равенство. Один из первых декретов ограничивал жалованье народного комиссара 500 рублями в месяц с дополнительными 100 рублями на каждого неработающего иждивенца – это были цифры, сравнимые с зарплатой квалифицированного заводского рабочего[236]; в течение многих лет существовало партийное правило, в соответствии с которым члены партии, получавшие жалованье сверх некоего время от времени фиксировавшегося минимума, должны были передавать излишек в партийную казну[237]. С партийной точки зрения, меньшевики, чьими последователями были представители наиболее высококвалифицированных рабочих, являлись естественными защитниками дифференциации в оплате, большевики же стояли за уравнивание. Первый народный комиссар труда Шляпников заявлял, что "общим положением", признанным Наркомтрудом и Центральным Советом профсоюзов, является то, что "между работниками наемного труда не может быть привилегированных" и что, проводя политику фиксированной оплаты и условий найма, мы "изгоняем всякую разницу между пролетариатом воротничков и блузников"[238]. Однако никаких специальных обязательств, которые гарантировали бы уравнивание в оплате, принято не было; не предпринималось также и никаких серьезных попыток обеспечить это равенство на практике. Декрет от 19 января/1 февраля 1918 г., который устанавливал шкалу заработной платы для петроградской металлургической промышленности, предписывал в качестве критериев для установления размеров зарплаты на удивление прагматическую систему: в эти критерии включался некий минимум, необходимый для поддержания существования, уровень профессионального мастерства, требуемый для выполнения данного вида работы, наличие особо опасных или тяжелых условий труда, а также относительная важность данной отрасли промышленности в народном хозяйстве. Фиксированные на этой основе уровни заработной платы варьировались от максимального к минимальному в отношении 3 : 2, к тому же в исключительных случаях декретом допускалось и использование сдельной оплаты. Кроме того, предусматривались вычеты из зарплаты в случае невыполнения нормы производительности и перевод на более низкую ступень оплаты в тех случаях, когда обнаруживалась неспособность справиться с данным видом работы[239]. Несколько дней спустя был опубликован декрет об оплате работников почт и телеграфа, устанавливавший шкалу для квалифицированных рабочих в пределах от 215 до 600 рблей в месяц, а "директору" – жалованье в размере 800 рублей в месяц[240]. В этих размерах оплаты не было ничего необычного, кроме того, что они фиксировались официальным декретом. Какие бы аргументы ни выдвигали отдельные партийные теоретики, новый строй никогда практику дифференцированной оплаты всерьез сомнениям не подвергал. Что в дей-

ствительности вызывало теперь критику, так это предложение сознательно и намеренно использовать такую дифференциацию в качестве стимула для увеличения производительности.

В этом – как и в других аспектах хозяйственной политики – прошедший в мае 1918 г. I Всероссийский съезд Советов представил спектр наиболее неотложных проблем и противоречий первого периода революции. Томский, принимавший участие в работе съезда в качестве делегата от Центрального Совета профессиональных союзов, заявил, что "все задачи профессиональных союзов в настоящее время тесно переплетены с задачами восстановления разрушенного войной производства", и пришел к заключению, что "Высший совет народного хозяйства и профессиональные союзы – это настолько родственные организации, они так тесно переплелись между собой, что независимая тактика этих двух организаций является невозможной"[241]. Осинский, первый председатель ВСНХ, а ныне член левой оппозиции, повел атаки на "систему сдельной оплаты" и "тейлоризм"[242]. Лозовский осудил тейлоризм как "теорию построения всего на отборных рабочих, укрепления рабочей аристократии". Еще один делегат, будучи далек от мысли, что это может рассматриваться как недостаток, утверждал, что, "если мы возьмем самого лучшего большевика и дадим ему сдельную работу, он даст нам громадную выработку, превышающую норму"[243]. Выводы съезда были весьма уклончивы. Он принял резолюцию "Положение об управлении национализированными предприятиями", где говорилось, что треть членов администрации должна назначаться профсоюзами, одобрялась резолюция Центрального Совета профессиональных союзов "О поднятии производительности труда", признавался принцип, что "за определенную гарантированную заработную платы должна быть гарантирована определенная твердая норма производительности", и выражалось весьма осторожное согласие с принципом сдельной оплаты и "премированием повышенной сверх нормы производительности". Профсоюзы взяли также на себя ответственность за выработку "правил внутреннего распорядка" и возлагали на фабрично-заводские комитеты задачу "строжайшим образом следить за неукоснительным проведением таковых в жизнь"[244]. Шел процесс формирования не столько некой установленной политики, сколько определенного спектра настроений и мнений. Однако летом 1918 г. этот постепенный процесс был внезапно прерван, и гражданская война, а потом и установленный в результате этой войны военный коммунизм быстро придали этим медленно развивавшимся тенденциям конкретную форму и содержание.

г) Торговля и распределение

В цивилизованном обществе кардинальной проблемой распределения всегда являются взаимоотношения между городом и деревней. В России военного времени эта проблема уже проявила себя в сильной форме продовольственного кризиса. Хлебные карточки были введены в Петрограде и в Москве еще летом 1916 г., а очереди за продовольствием явились важнейшим вкладом в Февральскую революцию. Временное правительство сразу же организовало комитет продовольствия, декретировало государственную хлебную монополию, в соответствии с которой хлеб должен был поставляться государству по твердым ценам, а в мае 1917 г., когда было сформировано коалиционное правительство с участием эсеров и меньшевиков, образовало вместо комитета продовольствия полноправное министерство продовольствия[245]. Все эти меры, судя по всему, способствовали развитию "черного рынка" и побудили крестьян изъять хлеб с рынка в ожидании более высоких цен. Функции министерства продовольствия включали не только руководство осуществлением хлебной монополии и установление твердых цен на хлеб, но также и обеспечение поставок крестьянам по сходным ценам таких товаров, которых они требовали в обмен на свою продукцию. Так, в сентябре 1917 г. был выпущен приказ о передаче в его распоряжение с целью обеспечить процесс обмена с крестьянами 60% продукции текстильной промышленности, оставшейся после удовлетворения потребностей армии[246]. Однако и эти меры оказались неэффективными; проведенное два раза повышение официальных цен на хлеб в ответ на давление со стороны аграрного населения способствовало дискредитации Временного правительства в глазах голодающего городского населения в течение последнего периода его существования.

В период между февралем и октябрем большевики, естественно, эксплуатировали каждую неудачную попытку Временного правительства установить справедливую систему распределения. Ленинские Апрельские тезисы, написанные в 1917 г., призывали осуществить контроль Советов над распределением, а также и над производством; в число "крупнейших синдикатов капиталистов", над которыми требовала установить "государственный контроль" резолюция Апрельской конференции, включались как синдикаты обрабатывающей промышленности, так и коммерческие[247]. Начиная с этого времени распределение обычно называли наряду с производством в числе тех областей деятельности, которые требовали общественного – или рабочего – контроля и были включены в тот "государственный аппарат", который, по словам Ленина, "является не вполне государственным при капитализме, но который будет вполне государственным у нас, при социализме"[248]. На другой день после Октябрьской революции Петроградский Совет потребовал "рабо-

чего контроля над производством и распределением продуктов"[249]. Декрет от 14/27 ноября 1917 г. о рабочем контроле номинально относился как к предприятиям, связанным с производством, так и к предприятиям, занятым распределением. Однако весь этот декрет в целом – так же как и все партийные изречения предреволюционного периода – был явно направлен по замыслу его авторов к заводским рабочим; служащие магазинов и других предприятий сферы распределения не были рабочими в узком смысле этого слова и не имели как таковые соответствующих форм организации; к тому же среди них у большевиков было не так много сторонников. Персонал бывшего министерства продовольствия, судя по имеющимся сведениям, продолжал подчиняться приказаниям учрежденного Временным правительством Совета продовольствия и в течение нескольких недель отказывался признать только что назначенный народный комиссариат продовольствия[250]. Новый строй столкнулся с почти полным развалом существующей системы распределения, как коммерческой, так и государственной, причем в ситуации, когда у него еще не было средств создать свою собственную.

Прямолинейная простота этой проблемы отнюдь не облегчала ее решения. Выпущенный три дня спустя после Октябрьской революции декрет, возложивший на городские органы самоуправления ответственность за распределение продовольствия, а также "предметов первой необходимости" и за контроль над продовольственными магазинами, ресторанами, гостиницами и мукомольными мельницами во всех городах с населением свыше 10 тыс. жителей[251], был не более чем жестом; ведь, судя по всем данным, нехватка была связана в основном не с недостатками в распределении внутри городов, а с тем, что продовольствие не поступало в города из деревни. Обращение к армии показывало ту тревогу, которую вызывало в Совнаркоме неблагополучное положение комиссариата на фронте.

"Продовольствие в стране есть. У помещиков, кулаков, торговцев имеются огромные скрытые запасы съестных припасов. Высшие государственные чиновники, высшие железнодорожники и банковские служащие помогают буржуазии против солдат, рабочих и крестьян... Банковские директора отказывают Советской власти в деньгах на экстренные продовольственные расходы"[252].

В этом обращении содержалось обещание принять "самые решительные меры" против "спекулянтов, мародеров, казнокрадов и контрреволюционеров-чиновников" – декрет угрожал, что все такие лица "арестуются и будут заключены в крепость Кронштадтской тюрьмы" Военно-революционным комитетом[253]. Однако тон этих заявлений свидетельствовал о том, что куда легче найти козлов отпущения, чем эффективные средства решения проблемы. Спекуляция неизбежно присуща всякому периоду политического и экономического распада; ведь первый экономический декрет Французской революции был направлен про-

тив спекулянтов, создававших тайные запасы продовольствия. Перед концом 1917 г. газеты начали обращать внимание на новое явление – мешочничество – и описывать деятельность мешочников, которые рыскали по деревням, скупая у крестьян продовольствие, а затем в мешках привозили его в города и распродавали по непомерно высоким ценам[254]. Декретом ВЦИК от 24 декабря 1917 г./6 января 1918 г. со ссылкой на резолюцию II Всероссийского съезда Советов выносилось постановление о создании при Совнаркоме Всероссийского комитета продовольствия и местных продовольственных комитетов, которые учреждались при местных Советах и находились в их подчинении[255]. Однако это представляло собой еще один пример попыток преодолеть кризис за счет создания бумажного аппарата, который так никогда и не показал своей эффективности на практике.

Неполадки с распределением были сопряжены с такими же неудобствами, что и спад производства, но еще менее поддавались проверке и контролю. После трех с половиной лет войны крестьянин испытывал острую нужду в тканях, хозяйственном инвентаре и почти всех видах потребительских товаров. И отнюдь не нехватка товаров представляла в то время главную трудность. Многие предприятия все еще сообщали о запасах нереализованных товаров[256]. То, что произошло, было достаточно ясно. Революция сопровождалась общим нарушением регулярных коммерческих отношений, а спешные попытки нового строя импровизировать официальный аппарат распределения оказались полностью неэффективными. В период между декабрем 1917 г. и мартом 1918 г. целая серия декретов предоставила официальным органам монополию на закупку и продажу текстиля, запасов продовольствия в широком смысле слова, спичек, свечей, риса, кофе и перца[257]. Следующий за ними декрет объявлял государственной собственностью все склады зерна[258]. Пытаясь овладеть денежной инфляцией, правительство вступило на тот же путь действий, который его лидеры столь резко осуждали в период правления Временного правительства: в течение первых шести месяцев пришлось провести два последующих повышения твердых цен на зерно[259]. 16 февраля 1918 г. было объявлено о "самой решительной борьбе против мешочничества", а местным Советам и всем железнодорожным организациям были даны указания арестовывать мешочников, а в случае вооруженного сопротивления расстреливать их на месте[260]. Две недели спустя Ленин разгневанно требовал, что "железные дороги должны быть освобождены от мешочников и хулиганов", и указал, что "спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии – вот наш главный "внутренний" враг"[261].

Однако от этого официального негодования было мало пользы. Правительство не располагало запасами тех продуктов и товаров, которые оно брало на себя контролировать и распределять; норма выдачи продовольствия в городах упала до голодного уровня, выжить можно было только за счет "черного рын-

ка", где еще в небольших количествах и по непомерным ценам можно было купить продукты. Однако официальные органы не оставляли попыток найти выход. 25 марта 1918 г. Совнарком ассигновал более миллиарда рублей для финансирования закупок товаров, которые предполагалось продавать крестьянам в обмен на зерно[262]. Наконец, декрет от 2 апреля 1918 г. – первый, где была предпринята попытка нового строя подойти к проблеме распределения систематически и решить ее в целом, – уполномочивал Наркомпрод закупить потребительские товары всех видов, от предметов одежды до гвоздей и подков, для обмена с крестьянами на зерно и другие продукты. Процесс распределения передавался в руки местных органов Наркомпрода или назначаемых ими организаций, однако в работу по обеспечению этого распределения предписывалось вовлекать бедных крестьян, дабы гарантировать, что "нуждающееся население" тоже получит свою долю; этот законопроект имел, таким образом, свою классовую основу, которая легко могла вступить в противоречие с его экономическими целями[263]. Сомнительно, чтобы этот декрет оказался эффективнее своих предшественников. За пределами крупных городов предписания советских властей имели еще весьма слабое воздействие. Комитетов продовольствия или каких-нибудь других государственных органов, которые были бы способны управлять торговлей хоть в сколь-нибудь значительных масштабах, практически еще не существовало.

Тем временем к решению этого вопроса начал применяться и другой подход, который в конечном счете оказался более перспективным. В России было широко развито кооперативное движение, которое осуществлялось в трех формах: производственные кооперативы, включая как сельское хозяйство, так и городские ремесла, кредитные кооперативы и потребительские кооперативы. Все они внешне политического характера не имели, однако кооперативы производителей и кредитные, которые были почти исключительно сельскими, были связаны с эсерами, а потребительские кооперативы, преимущественно городские – с меньшевиками. В одной из своих ранних работ Ленин высказал презрительное отношение к крестьянским банкам и "дешевому кредиту", которые были пунктами платформы народников, считая, что они рассчитаны на то, чтобы "только усилить и развить буржуазию"[264]. Социалисты же в прошлом традиционно с подозрением смотрели на производственные кооперативы, считая, что они имеют тенденцию вырождаться в кое-как завуалированные капиталистические предприятия. В 1910 г. Ленин составил проект резолюции Копенгагенского конгресса II Интернационала, где высказывался о производительных кооперативах как о товариществах, которые "в том только случае имеют значение для борьбы рабочего класса, когда являются составной частью товариществ потребительных", однако сдержанно одобрил кооперативы потребительские[265]. Именно к россий-

ским потребительским кооперативам и обратились теперь большевики. Они подразделялись на два типа – рабочие кооперативы, концентрировавшиеся вокруг предприятий, и общие кооперативы, находившиеся главным образом под патронажем мелкой буржуазии. Революция оказала на рабочие кооперативы стимулирующее воздействие. Утверждалось, что один заводской рабочий кооператив в Москве насчитывал 200 тыс. членов, а рабочий кооператив Путиловского завода в Петрограде – 35 тыс. членов. Прошедший в Петрограде в августе 1917 г. съезд принял решение создать специальный центральный орган рабочих кооперативов[266]. Это решение, однако, судя по всему, осталось лишь на бумаге. Во время Октябрьской революции существовало от 20 до 25 тыс. потребительских кооперативных обществ различных типов, в которых состояло 7–8 млн. человек[267]; эти кооперативы группировались вокруг сильного центрального органа, известного как Центросоюз.

Первый шаг сделал Ленин, составивший во время своего рождественского уединения в Финляндии в последние дни 1917 г. проект некоего несколько наивного плана объединения всего населения в местные потребительские общества. Каждое общество должно было иметь прикомандированный к нему закупочный комитет, а сами эти общества со своими закупочными комитетами имели бы монополию на торговлю потребительскими товарами. Однако этот проект вылился в намерение создать подобный аппарат за счет простого процесса овладения всеми действующими кооперативами. "Существующие потребительские общества национализируются, обязуясь включить в свой состав все население данной местности поголовно"[268]. В январе 1918 г. этот план был опубликован Наркомпродом в форме законопроекта – такой пробный, предварительный характер его представления показывал, что против него ожидались оппозиционные выступления и что Советское правительство не чувствовало себя достаточно сильным, чтобы ввести эту политику одним росчерком пера. Переговоры с кооперативами продолжались почти три месяца. С точки зрения большевиков, положение кооперативов и правильное отношение к ним "радикально изменилось после захвата государственной власти пролетариатом". Однако то, что Ленин описывал как "соглашение с кооперативами буржуазными, как и с кооперативами пролетарскими", было достигнуто лишь после того, как оказался преодолен брест-литовский кризис[269]. 11 апреля 1918 г. это соглашение было обсуждено и одобрено ВЦИК; и здесь тоже о нем говорили как о "компромиссном решении, страдающем существенными недостатками"[270]. Эти апологетические заявления были данью силе организации, которая была способна вести самостоятельные арьергардные бои против правительства, еще не уверенного в своей власти. В соответствии с теперь уже официально выпущенным декретом потребительские кооперативы должны были быть открыты для всех, чтобы "влить все население";

с другой стороны, членство не должно было быть автоматическим и бесплатным, хотя неимущие люди должны были приниматься при номинальном взносе размером в 50 коп. Не обладали кооперативы, как то предусматривал ленинский проект, и монополией торговли потребительскими товарами. Признавались также и частные торговые объединения, хотя в качестве "побудительного стимула для вступления других в члены кооперации"[271] при любых торговых сделках взимался 5%-ный налог или сбор, который кооперативы возвращали своим членам в конце года[272]. В каждой местности могли действовать два – и не более – кооператива – "общегражданский кооператив" и "кооператив рабочего класса"; это различие соответствовало уже существовавшей практике. Наконец, кооперативы, так же как и частные торговые фирмы, подчинялись регулированию, инспекции и контолю со стороны ВСНХ[273]. Чтобы справиться с этим делом, ВСНХ основал специальную секцию, состоявшую из трех членов его же собственного президиума, представителя Наркомпрода и трех представителей кооперативов[274]. Этот декрет эффективно втягивал кооперативы в орбиту Советской власти. Хотя на первый взгляд казалось, что он способствовал их усилению за счет расширения численности их членов и привилегий, которые предоставлялись им в ущерб частным торговцам, на самом деле декрет делал их подотчетными органу Советского правительства и зависимыми от него; а ВСНХ в процессе проведения этого декрета в жизнь превратил, судя по всему, эту зависимость в реальную.

В хаотической ситуации весны 1918 г. декрет о кооперативах внес весьма небольшой вклад в решение проблемы торговли и распределения между российскими заводами и российскими крестьянскими хозяйствами. Однако он внес новый элемент путаницы в соперничество между ВСНХ и Наркомпродом. Ведь декрет подчинял кооперативы не комиссариату, а ВСНХ, хотя такая тенденция развивалась в то время в сторону такого разделения функций, при котором контроль над производством возлагался на ВСНХ, а контроль над распределением – на Наркомпрод. Так называемый декрет "О хлебной диктатуре", выпущенный 9 мая 1918 г., признавал Наркомпрод как "единое учреждение", в котором должны быть централизованы "все распоряжения продовольственного характера", и передавал в его подчинение все местные продовольственные организации[275]. В этом декрете не делалось никаких упоминаний ни о ВСНХ, ни о кооперативах. Следующий декрет, от 27 мая 1918 г., "О реорганизации Народного Комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов", чьей декларируемой целью было "объединить в одном органе снабжение населения всеми предметами первой необходимости и продовольствия, организовать в государственном масштабе распределение этих товаров и подготовить переход к национализации торговли предметами первой необходимости", попытался восполнить этот пробел. В нем

содержался пункт, предусматривавший, что цены на предметы первой необходимости должны будут устанавливаться ВСНХ "совместно с" Наркомпродом, а "распределение между населением осуществляется местными правительственными организациями при участии кооперации". В созданный при Наркомпроде Совет продовольствия должны были входить представители как от ВСНХ, так и от Центросоюза. Тем не менее основная часть декрета была посвящена дефинициям, касавшимся учреждения и прерогатив местных продовольственных комитетов Наркомпрода, не упоминая при этом никаких прочих организаций, действующих в этой же области; это намерение сконцентрировать власть над всеми формами распределения в руках Наркомпрода было даже почти не замаскировано[276].

Первые серьезные дискуссии по кардинальной проблеме торговли и обмена между городом и деревней прошли на состоявшемся в конце мая 1918 г. I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства[277]. В ходе их было поднято множество головоломных вопросов. Весьма знаменательно, что торговля почти полностью перестала осуществляться по официальным каналам и по официальным ценам, и распределение перешло в руки мешочников и прочих контрабандных или незаконных торговцев, которые осуществляли свои сделки либо путем прямого товарообмена, либо по ценам, не имевшим никакого отношения к официально установленным тарифам. Те, кто пытался установить диагноз этой болезни, давали два различных объяснения. Согласно некоторым, эти помехи обязаны были просто-напросто нарушениям аппарата распределения, исчезновению фирм или отдельных лиц, благодаря которым действовал этот аппарат при капиталистической системе. Другие считали, что трудности проистекали прежде всего из проблемы денежного обращения. Официально зафиксированные правительством твердые цены на зерно и другие предметы первой необходимости не имели практического смысла из-за денежной инфляции, связанной со все возраставшим выпуском бумажных денег. Те, однако, кто был согласен со вторым объяснением, расходились по вопросу о средствах решения этой проблемы. Некоторые утверждали, что для учета обесценивавшейся стоимости денег следует поднять цены, другие предпочитали провести дефляционную политику, сохраняя низкие цены, сократив выпуск бумажных денег, дабы восстановить их падающую стоимость[278]. Второе объяснение, приписывавшее нарушения причинам денежного характера, имело под собой весьма убедительные основания. Однако поскольку те, кто это проповедовал, были разделены между собой, а также и в связи с тем, что ни прогрессивное повышение цен, ни сокращение выпуска бумажных денег не были в первые месяцы 1918 г. практически осуществимы, то получила официальное признание и оказала воздействие на политику того времени именно первая гипотеза, утверждавшая, что неполадки можно устранить за счет усовершенствования организации. Резолюция

съезда выявила ревнивые чувства в связи с экспансией Наркомпрода в сфере распределения, однако мало что смогла предложить конструктивного. Наиболее новым из содержавшихся в ней предложений было то, что, поскольку "частно-торговые аппараты разрушены или парализованы, или же заняты широкоразвитой спекуляцией", а также ввиду "почти полной остановки процесса обмена, что грозит гибелью стране", следует предпринять попытки использовать частные торговые фирмы "под руководством и контролем государственных органов, преимущественно на началах комиссионных"[279].

Съезд позаботился в то же время и о том, чтобы обеспечить власть ВСНХ над кооперативами. Он принял резолюцию, где подтверждалось, что "деятельность кооперативных организаций... должна быть согласована и поставлена в тесную связь с деятельностью советских организаций", причем этот процесс должен распространяться на сельскохозяйственные и кредитные кооперативы, а также и на потребительские кооперативы; там говорилось, что важным условием обеспечения, общественного распределения продуктов и предметов массового потребления является превращение кооперативов в общие организации, охватывающие все население; наконец, в резолюции утверждалось, что общий надзор над кооперативным движением должны осуществлять областные и местные совнархозы под руководством ВСНХ[280]. Общее намерение превратить кооперативы в инструмент советской политики были очевидны. Однако власти, необходимой, чтобы ввести какую бы то ни было согласованную систему распределения, все еще было недостаточно. Взаимоотношения между местными совнархозами и местными продовольственными комитетами по-прежнему носили столь же неопределенный характер, что и взаимоотношения каждого из них с местными Советами[281]. Конечно, в Москве настроения межведомственного соперничества носили достаточно острый характер, да и на местах часто возникали трения между продовольственными комитетами и кооперативами, которые пользовались покровительством ВСНХ. Вряд ли можно было бы избежать серьезного столкновения из-за раздела сферы компетенции, если бы либо ВСНХ, либо Наркомпрод были в действительности способны осуществить эффективный контроль за распределением или если бы местные совнархозы и продовольственные комитеты имели бы достаточно времени, чтобы пустить хоть какие-то корни в экономической жизни деревни. Однако все эти новые учреждения находились еще в эмбриональном состоянии, многие из них существовали только на бумаге, а многие и вовсе не существовали. Лишь только в стране разразилась гражданская война, как учрежденный недавними декретами аппарат обмена и распределения оказался сразу же вытеснен, и в течение некоторого времени наиболее эффективными инструментами извлечения зерна у крестьян были "железные отряды", сформированные из рабочих в городах и на предприятиях, кото-

рые усиливались за счет местных Комитетов крестьянской бедноты. Единственными производственными органами, чьи давно установленные основы позволили им до некоторой степени противостоять всемирному потопу и в конечном счете выжить, оказались кооперативы. В течение следующего периода именно кооперативы, которые с помощью жестких и принудительных мер втягивались в систему Советской власти, стали основными инструментами распределительной политики страны.

В то время как советский контроль над внутренней торговлей осуществлялся с такими перебоями и прошел через многие компромиссы и отступления, внешняя торговля была той областью хозяйственной деятельности, где окончательная форма регулирования – полная государственная монополия – была достигнута в течение шести месяцев после Октябрьской революции и практически без каких бы то ни было промежуточных стадий. Столь стремительное развитие этого процесса было обязано не существованию предварительных теоретических концепций – было бы трудно обнаружить хоть какое-нибудь большевистское заявление, сделанное до революции, по вопросу о внешней торговле – по наличию определенных специфических условий. До 1914 г. для российской внешней торговли было характерно существенное превышение экспорта над импортом, поскольку Россия была вынуждена оплачивать услуги, которые оказывали ей западные капиталисты. Во время войны полностью прекратилась торговля с самым крупным торговым партнером России – Германией; торговля с остальным миром оказалась ограничена как теми общими нехватками, которые ограничивали торговлю повсюду, так и особыми трудностями, связанными с доступом в Россию. В результате сильно сократившееся производство России – касалось ли это продовольствия, сырьевых материалов или готовой промышленной продукции – оказалось полностью поглощено деятельностью, связанной с удовлетворением военных потребностей, не оставляя ничего, что можно было бы пустить на экспорт. В этих условиях российская внешняя торговля сократилась до ограниченных размеров и состояла главным образом из поставок, направляемых в Россию ее союзниками, так что баланс того, что еще оставалось от внешней торговли, стал резко пассивным. Когда после Октябрьской революции союзники прекратили поток поставок в Россию – систематическая блокада была установлена после Брест-Литовского договора, – то торговля с внешним миром почти полностью прекратилась. Для большевиков резкое прекращение внешней торговли было симптомом и символом их изоляции во враждебном мире. Тому, что здесь Советскому правительству оказалось проводить радикальную политику легче, чем в других областях, способствовали и некоторые другие факторы. До 1914 г. основная часть российской внешней торговли осуществлялась иностранными компаниями, которые имели свои отделения в Пе-

трограде и Москве; очень многие из них были германскими компаниями или осуществляли операции с помощью германских посредников – все они исчезли, как только разразилась война. Во время войны все большая и большая часть сокращавшейся российской внешней торговли осуществлялась при прямом или косвенном государственном контроле. Когда произошла Октябрьская революция, частные интересы в этой области уже практически были вытеснены или ослаблены войной, и оказались, таким образом, достаточно уязвимыми.

Советская внешнеторговая политика, так же как и промышленная политика, развивалась во многом под воздействием тех же самых импульсов, которые характерны для политики всякой воюющей страны. До 1914 г. правительства, активно стремясь обеспечить благоприятные условия для прибыльной деятельности своих собственных производителей и торговцев, занимались прежде всего тем, что стимулировали экспорт и ограничивали импорт тех товаров, которые могли конкурировать с продукцией национальной промышленности. Война выявила повсюду противоречия между национальными интересами в широком смысле слова и теми личными интересами, которые и были ранее регуляторами в международной торговле. Теперь политика правительств сводилась к тому, чтобы импортировать максимальные количества товаров, необходимых в той или иной мере для ведения войны, и сократить экспорт до того минимального уровня, который был необходим, чтобы финансировать этот импорт, без которого нельзя было обойтись. Как импорт, так и экспорт стали теперь объектами процесса отбора, который диктовался не перспективными прибылями отдельных лиц, а общими соображениями, связанными с национальными интересами. Эти цели достигались за счет системы государственного контроля, которая была следствием и спутником превалировавшей системы "государственного капитализма" в промышленности. Если Советская Россия довела эту новую политику контроля над внешней торговлей до ее логического завершения – в то время как капиталистические государства легко отказались от нее, лишь только миновал непосредственный кризис, – то произошло это отчасти потому, что эта политика нашла подтверждение в социалистической теории, но главным же образом вследствие того, что более слабое состояние советской экономики делало такую поддержку совершенно необходимой.

Советская внешнеторговая политика была вначале сформулирована как акция оборонительного характера. Несколько дней спустя после Октябрьской революции американский военный атташе в Петрограде проинформировал российский Генеральный штаб, что "если большевики останутся у власти и осуществят свою програму заключения мирного договора с Германией, то действующее ныне эмбарго на экспорт в Россию останется в силе"[282]; на что "Известия" гневно отреагировали, заявив, что "Северо-американская плутократия согласна, будто

бы, отпускать нам паровозы только в обмен на головы русских солдат"[283]. В том режиме острой недостаточности, который это эмбарго накладывало на Россию, необходимо было срочно искать способы обеспечить защиту против тех внутренних врагов строя, которые могли быть заинтересованы в том, чтобы, с одной стороны, истощать скудные ресурсы России в интересах своих иностранных клиентов, а с другой – импортировать в страну те товары, которые еще можно было найти за рубежом по прибыльным для них ценам, а не те, в которых общество испытывало острую потребность. Выпущенный 5/18 декабря 1917 г. первый декрет ВСНХ ознаменовал собой попытку заложить принципы контроля за экспортом и импортом. Продовольствие, "в том числе даже уже находящийся в Архангельске чай и прочие продукты", экспортировать запрещалось; "меха, персидские ковры и иные предметы роскоши" могли экспортироваться в "Швецию и другие страны", которые готовы были разрешить экспорт из них в Россию "машин, частей машин и иных предметов, необходимых для русских заводов"; сырье можно было экспортировать только в том случае, если имелись сведения о достаточном обеспечении этими видами сырья российской промышленности; импортировать разрешалось только предметы, "безусловно необходимые для русского хозяйства". Ответственность за выдачу лицензий на импорт и экспорт возлагалась на один из отделов ВСНХ[284]. В конце декабря Совнарком опубликовал декрет, который официально запрещал любой импорт или экспорт товаров при отсутствии такой лицензии[285]. Наблюдавшиеся зимой 1917/18 г. трудности с судоходством представляли собой, возможно, более эффективную преграду для внешней торговли, чем те ограничения, которые наложило правительство. 26 января/8 февраля 1918 г. была введена новая форма контроля через национализацию торгового флота[286].

Подписание 3 марта 1918 г. Брест-Литовского договора обрубило все шансы на то, чтобы вновь открыть торговлю со странами Западной Европы, однако одновременно с этим подняло вопрос о советско-германской торговле. Конечно, здесь и речи не могло быть о торговле на равноправных началах. В своей первоначальной декларации советская делегация предлагала, среди прочих вещей, осудить в процессе переговоров "попытки сильных народов подавить более слабые народы такими косвенными методами, как экономические бойкоты, экономическая зависимость путем навязывания торговых договоров и отдельных тарифных соглашений"[287]. Однако эти надежды были резко отметены. Помимо непосредственных германских замыслов добраться до житниц Украины, у Германии были все основания рассчитывать на получение от поверженной России всех тех поставок, которые могли бы помочь ей избежать удушающей блокады союзников: заключенное одновременно с Брест-Литовским договором дополнительное экономическое соглашение обязывало Советскую Россию не проводить повышения своих тарифов

относительно центральных держав сверх тарифного уровня, который имела Россия в 1903 г., и не вводить запрета или налога на экспорт лесоматериалов или руды[288]. Трудно оценить, какова была относительная роль различных сил, которые толкали новый строй на ужесточение контроля за торговлей страны, как внутренней, так и внешней. Однако те, кто руководил советской политикой, должно быть, быстро поняли, что если Советское правительство будет выступать в коммерческих сделках с Германией не просто как орган, наделенный регулирующими функциями, а как главный торговый партнер, то оно в процессе обычных торговых переговоров может накладывать на экспорт основных видов сырья любые ограничения и условия, которые ему только заблагорассудится, не нарушая при этом формально положений Брест-Литовского договора. Государственная монополия на внешнюю торговлю позволяла правительству не только одержать верх над частными интересами, которые могли вступить в противоречие с государственной политикой, но и аннулировать обычные ограничения, которые накладывались действующими международными коммерческими соглашениями – вплоть до договора, заключенного в Брест-Литовске.

Все эти соображения позволяют объяснить ту поспешность, с которой была проведена национализация внешней торговли, осуществленная задолго до национализации основных отраслей промышленности и внутренней торговли. Декретом от 22 апреля 1918 г. вся внешняя торговля объявлялась национализированной, и все коммерческие сделки с иностранными государствами или зарубежными торговыми фирмами должны были осуществляться "от лица Российской Республики специально на то уполномоченными органами". Проведение этого декрета в жизнь поручалось народному комиссариату торговли и промышленности, который должен был создать с этой целью Совет по внешней торговле – в состав этого Совета должны были входить представители ВСНХ и его главков и центров, а также представители кооперативов и профсоюзов и даже частных торговых организаций[289]. Внешняя торговля подлежала национализации целиком, полностью и безоговорочно, однако, до тех пор пока столь значительная часть производства и распределения все еще оставалась вне государственного контроля, монополия внешней торговли вынуждена была опираться на кооперативы и частные предприятия, сотрудничая с ними на комиссионной основе[290] и рассматривая их, наряду с главками и центрами, как своих внутренних поставщиков. Эта аномалия была внутренне присуща создавшейся ситуации. Что было намного серьезнее, так это нехватка товаров и отсутствие кадров. Милютин позднее признавал, что на практике почти все приходилось создавать заново.

"Главное затруднение в проведении декрета в жизнь составит, конечно, создание широкого, разветвленного аппарата для

производства, закупки и концентрации товаров в руках государства.

Этот аппарат придется создать, так как до сих пор его не было... Только с течением времени и после большой предварительной работы дело национализированной внешней торговли удается поставить на твердую почву"[291].

Справедливости ради следует добавить, что все эти недостатки были в организации внешней торговли не более заметны, чем в любой другой отрасли советской экономики, так что в общем и целом эти препятствия оказались не так уж серьезны; к тому же в лице Красина, который осенью 1918 г. был назначен председателем Совета внешней торговли, большевики имели одного из немногих опытных коммерческих руководителей. Таким образом, тот факт, что монополия внешней торговли была столь рано и столь твердо установлена как одна из жизненно важных частей советской системы, был обязан отчасти сравнительно небольшой роли, которую внешняя торговля играла в российской экономике, отчасти – необходимости принять срочные меры для защиты против экономической эксплуатации со стороны капиталистического мира и отчасти – еще целому ряду случайных обстоятельств.

Весной 1918 г. легче было создать организацию внешней торговли – во всяком случае, на бумаге, – чем сформулировать политику. Однако были предприняты попытки решать и эту задачу. Радек зачитал на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства официальное политическое заявление, разработанное с целью ориентировать членов советской делегации на советско-германских экономических переговорах. Поскольку пассивный баланс советской внешней торговли был на несколько ближайших лет практически неизбежен, то Советская Россия могла получить "необходимые для русского производства заграничные продукты" только за счет займов и кредитов. Этого в свою очередь можно было достигнуть только путем предоставления концессий "для создания новых предприятий, необходимых для систематического развития неиспользованных еще производительных сил России по общему плану". Таким концессиям нельзя было позволять, чтобы они представляли "сферы влияния в России иностранных государств"; из областей, где могли действовать эти концессии, следовало исключить Урал, Донецкий и Кузнецкий бассейны и район Баку; те, кому будут предоставлены концессии, должны будут подчиняться советскому законодательству; Советское правительство должно будет получать часть продукции по рыночным ценам и часть прибыли, если она превышает 5%. В числе прочих условий было требование, чтобы Германия освободила Донскую область и не предпринимала никаких мер, направленных на вмешательство в какие бы то ни было торговые соглашения, заключенные Советской Россией с Украиной, Польшей, балтийскими или кавказскими странами. Заявление было целиком составлено с яв-

ным или подразумеваемым расчетом на одну только Германию, однако в нем содержалось и следующее положение, носившее более общий характер:

"Для России, как нейтральной страны, необходимо, в целях восстановления ее народного хозяйства, как восстановление хозяйственно-торговых сношений с центральными державами, так и поддержание и расширение сношений со странами согласия"[292].

Ларин упоминал, что в течение зимы 1917/18 г. он выдвинул план торгового соглашения с Соединенными Штатами, предлагавшего концессию на освоение Камчатки в обмен на товары или предоставление займов, однако только один Радек воспринял эту идею всерьез[293]. Тем не менее, когда американский полковник Робинс вернулся в мае 1918 г. из Москвы в Соединенные Штаты, он привез с собой общее положение о концессиях в духе заявления Радека[294]; а Бронский описывал на I Всероссийском съезде Советов Америку как "единственную страну, которая могла бы нам что-либо прислать, чтобы восстановить наше народное хозяйство"[295]. В то время подобные планы были утопичными. Онако столь же преждевременным и нереальным оказался и на первый взгляд более практически осуществимый проект деловых отношений с Германией. Следующие три года занял длительный и болезненный процесс возведения камень за камнем всей структуры советской внешнеторговой политики. Интересно отметить, однако, что наметки будущей концессионной политики Советского государства были уже в некоторых деталях выработаны еще в то время.

д) Финансы

До Октябрьской революции финансовая политика большевиков сводилась к двум многократно и многозначительно подчеркивавшимся требованиям: национализации банков и аннулированию финансовых обязательств прежних российских правительств. Вдобавок к этому прошедший в августе 1917 г. VI съезд партии – и первый из съездов, на котором так или иначе затрагивались финансовые вопросы, – призвал к "немедленному прекращению дальнейшего выпуска бумажных денег" и к осуществлению различных финансовых реформ, в том числе введению налога на имущество, "высоких косвенных налогов на предметы роскоши" и реформе подоходного налога[296]. Эти последние пожелания рассматривались скорее как попытки подчеркнуть бездеятельность Временного правительства, чем как пункты некоей позитивной программы, так что никаких мыслей насчет того, какими путями и за счет каких средств можно было бы провести их в жизнь, там не содержалось. После Октябрьской революции первый шаг был направлен на то, чтобы осуществить

главные требования о национализации банков и об аннулировании долгов. Это заняло весь период до Брест-Литовска. И только после того, как был преодолен брест-литовский кризис, были впервые всерьез рассмотрены более широкие проблемы финансовой и денежной политики.

Национализация банков была самым простым и наиболее конкретным пунктом большевистской финансовой программы. Концепция банков как контролирующего рычага плановой и организованной экономики относится еще ко временам Сен-Симона[297]; она занимала почетное место в социалистической традиции XIX в. Занятая в конце этого века во всей Европе, и в особенности в Германии, банками командная роль в развитии промышленности, казалось, давала этой гипотезе блестящее практическое подтверждение. Опубликованный в 1909 г. "Финансовый капитал" Гильфердинга рассматривался повсюду марксистами как выдающийся вклад в развитие марксистской теории и послужил Ленину одним из главных источников вдохновения при написании им работы "Империализм, как высшая стадия капитализма"; в своей работе Гильфердинг утверждал, что "овладение шестью крупными берлинскими банками означало бы сегодня овладение важной областью крупной промышленности"[298]. Ленин еще давно высказал предположение, что одной из главных причин поражения Парижской коммуны было то, что она не взяла в свои руки банки[299]. В работах, написанных им в 1917 г., он вновь и вновь возвращался к жизненной важности национализации банков[300]. "На войне, – писал он вскоре после возвращения в Россию, – наживается кучка банкиров, которая держит в руках весь мир". А несколько позднее он охарактеризовал банки как "главные нервные узлы капиталистической системы народного хозяйства"[301]. Прошедшая в апреле 1917 г. партийная конференция потребовала "установления государственного контроля за всеми банками, с объединением их в единый центральный банк"; а прошедший в июле – августе 1917 г. VI съезд партии призвал к "национализации и централизации банкового дела"[302]. Наконец, накануне Октябрьской революции Ленин безоговорочно присоединился к традиционной точке зрения на роль банков при социализме.

"*Без крупных банков социализм был бы неосуществим.*

Крупные банки *есть* тот "государственный аппарат", который нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем готовым* у капитализма... Единый крупнейший из крупнейших государственный банк, с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике – это уже девять десятых *социалистического* аппарата"[303].

Когда момент наступил, то основы политики нового строя в этом – так же как и в других вопросах – оказались продиктованы в такой же мере текущими потребностями, как и положениями программы этого режима. Российская банковская система распадалась на три слоя. Во главе ее стоял Государственный банк,

который во всем, кроме названия, представлял собой одно из правительственных ведомств: в соответствии со своим уставом он "подчинялся непосредственно министру финансов". Он контролировал денежное обращение и кредит, имея с 1897 г. монополию на выпуск бумажных денег, действовал в качестве банкира в отношении правительства и других банковских учреждений страны и выполнял в более широком смысле признанные функции центрального банка, хоть и занимаясь при этом получением вкладов от частных лиц или фирм и предоставлением кредитов. Второе место занимали около 50 акционерных банков, занимающихся осуществлением общих банковских операций и составлявших ядро всей системы; среди них были "семь банков-акул", на долю которых приходилось более половины всех основных капиталов и вкладов[304]. Третий слой составляла сеть специализированных банковских и кредитных учреждений, обслуживавших конкретные отрасли производства или торговли или отдельные группы населения; они различались по размерам – от крупного московского Народного банка, который являлся банком, финансирующим кооперативы, до незначительных по масштабам местных или городских кредитных учреждений.

С самого начала Советская власть занималась первыми двумя из указанных проблем[305]. Ответом банков на захват власти большевиками была попытка парализовать новую власть с помощью финансового бойкота. Они открывались всего на несколько часов в день или не открывались вовсе; было ограничено изъятие вкладов; предприятиям, где контроль захватили рабочие, не предполагалось предоставлять кредит и выдавать наличные деньги ни для удовлетворения срочных потребностей управления, ни для выплаты заработной платы[306]. Декрет от 30 октября/12 ноября 1917 г. приказывал банкам возобновить денежные операции и принимать к оплате выписанные на них чеки, угрожая непокорным управляющим тюремным заключением. Однако при этом пояснялось, что декрет был выпущен исключительно в интересах вкладчиков, и опровергались слухи о намерении конфисковать банковский капитал[307]. Вряд ли удивительно, что приказ, облеченный в столь апологетические выражения, был расценен как признак слабости и проигнорирован. Однако революции не исполнилось еще и двух недель, как нехватка наличных денег вынудила правительство к действиям, пусть даже робким и нерешительным. Первым на очереди оказался Государственный банк, ставший теперь номинально и юридически органом Советского правительства. 7/20 ноября 1917 г. заместитель народного комиссара финансов Менжинский официально потребовал у директора банка от имени Военно-революционного комитета выдать ему 10 млн. рублей для покрытия текущих нужд Совнаркома. После того как это требование было отклонено, Менжинский в тот же день вернулся в сопровождении вооруженного отряда и зачитал собранному персона-

лу банка официальный приказ о выдаче Рабоче-крестьянскому правительству 10 млн. рублей[308]. Войска заняли банк. Однако ни их присутствие, ни обращенный на следующий день ВЦИК призыв к "лояльным" сотрудникам[309] не заставили нарушить бойкот; так что шесть дней спустя банк также проигнорировал еще одно распоряжение, предписывавшее ему выдать Совнаркому краткосрочный аванс размером в 25 млн. рублей. В тот же день правительство назначило Осинского "государственным комиссаром" банка, а 17/30 ноября 1917 г. выпустило еще один декрет, в котором содержалось в качестве временной меры указание Оболенскому выдать требовавшиеся 2 млн. руб. на нужды Совнаркома в течение трех дней, дабы покрыть суммы, выданные по ордерам "казенным и общественным учреждениям", а также "торгово-промышленным предприятиям, коим средства нужны для выдачи заработной платы рабочим"[310].

Эта последняя мера была явной попыткой сломить сопротивление акционерных банков, которые в течение всех этих трех критических недель продолжали пользоваться определенным снисхождением со стороны новых властей, старавшихся во взаимоотношениях с ними не нарушать существующих законов. Когда полное прекращение деятельности Государственного банка, лишив денежных поступлений, парализовало их деятельность, Оболенский пригласил директоров банков на совещание, продолжавшееся в течение трех дней. В результате было достигнуто соглашение, в соответствии с которым комиссару Государственного банка гарантировалась выдача денег, а частные банки должны были функционировать под надзором Государственного банка и представлять ему отчет в своих действиях[311]. Этот компромисс оказался неэффективным и просуществовал весьма недолго. Утром 14/27 ноября 1917 г. вооруженные отряды заняли основные частные банки в столице[312]. Позднее в тот же день, на заседании ВЦИК, Ленин утверждал, что только упорная обструкция со стороны банков вынуждает правительство применить насилие.

"Для проведения контроля мы их, банковских дельцов, призывали и с ними вместе выработали меры, на которые они согласились, чтобы при полном контакте и отчетности получать ссуды...

Мы хотели идти по пути соглашений с банками, мы давали им ссуды на финансирование предприятий, но они затеяли саботаж небывалого размера, и практика привела нас к тому, чтобы провести контроль иными мерами"[313].

Сокольников, один из партийных финансовых специалистов и будущий народный комиссар финансов, пояснил ВЦИК, что банки финансировали оппозицию и саботаж и уходили из-под контроля, представляя фальшивые счета[314]. В конце этого заседания ВЦИК одобрил два декрета, которые тотчас же были выпущены. В соответствии с первым объявлялась государственная монополия банковского дела и частные банки вливались в

единый Государственный банк[315]; второй предписывал вскрытие всех частных сейфов, конфискацию золота и драгоценных металлов и кредитование векселей по счетам, открытым в Государственном банке на имя их владельцев[316]. Вскоре после этого название "Государственный банк" было изменено на Национальный, или Народный, банк. На той стадии революции слово "государственный" все еще имело для большевиков неприятный и чуждый оттенок.

Однако даже тогда трудность заключалась не в том, чтобы выпустить декреты, а в том, чтобы обеспечить их эффективное осуществление.

"Не было ни одного человека из нашей среды, – сказал Ленин на III Всероссийском съезде Советов, – который представлял бы себе, что такой искусный, тонкий аппарат банковского дела, веками развивавшийся из капиталистической системы хозяйства, может быть сломан или переделан в несколько дней. Этого мы никогда не утверждали... Мы нисколько не преуменьшаем трудность нашего пути, но основное нами уже сделано"[317].

В течение нескольких недель после обнародования декрета о национализации банковские служащие по-прежнему сопротивлялись, продолжая забастовку, и только в середине января 1918 г. банки наконец-то начали работать под новым руководством[318]. В феврале капитал национализированных частных банков был переведен на счета Народного банка; все банковские акции были официально аннулированы, а осуществляемые посредством их финансовые сделки объявлены противозаконными[319]. В апреле неожиданно вновь открылись переговоры с представителями банков, и был в действительности выработан проект договора, в соответствии с которым частные банки должны были вновь быть воссозданы под видом национализированных предприятий, но под автономным руководством бывших директоров[320], – это был финансовый аналог тех переговоров, которые Менжинский вел с промышленниками[321]. Однако эти планы – хотя они и согласовывались с проповедовавшейся в то время Лениным доктриной "государственного капитализма" – натолкнулись на сильное сопротивление слева; в результате план возрождения частных банков оказался таким же бесплодным, как и остальные. Оставшаяся категория специализированных или географически локализованных банков и кредитных учреждений – за исключением двух сельскохозяйственных ссудных банков, которые, будучи собственностью государства, были объявлены ликвидированными и слитыми с Национальным банком[322], – сохранили независимое существование еще несколько месяцев. С большинством из них было покончено в течение 1918 г. Среди последних выживших был московский Народный банк, который являлся центральным банком кооперативов. Декрет от 2 декабря 1918 г. положил конец его независимому статусу и превратил его отделения в кооперативные отделе-

ния Национального банка[323]. В тот же день было покончено еще с одной бросавшейся в глаза аномалией: официальным декретом объявлялось о ликвидации "всех действующих в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики иностранных банков"[324].

Вторым и другим главным пунктом большевистской финансовой программы было аннулирование государственных займов и обязательств. Это, как отметил Ленин на III Всероссийском съезде Советов, оказалось легче, чем национализация банков[325]. Принцип непризнания революционным строем долгов царского правительства впервые был провозглашен в "финансовом манифесте", выпущенном Петроградским Советом в декабре 1905 г. с целью дискредитировать попытки правительства добиться новых займов за границей. Этот манифест касался не одних только иностранных обязательств, там были упомянуты и менее значительные займы российского правительства, сделанные на внутреннем рынке. Первым шагом Советского правительства был декрет от 29 декабря 1917 г./11 февраля 1918 г., прекративший любые выплаты процентов или дивидендов по ценным бумагам и акциям и запрещавший осуществление их с помощью финансовых сделок[326]. Затем 28 января/10 февраля 1918 г. был выпущен подробный декрет, касавшийся как иностранных, так и внутренних займов, "заключенных правительствами российских помещиков и российской буржуазии". Иностранные займы безоговорочно аннулировались. Мелкие держатели бумаг внутренних займов ценностью до 10 тыс. рублей сохраняли свои вклады, которые переводились в новый заем РСФСР: выплаты процентов по краткосрочным простым векселям и долгосрочным казначейским обязательствам прекращались, однако они могли по-прежнему циркулировать в качестве бумажных денег[327]. Декрет не вызвал особого интереса в России, где неспособность, так же как и нежелание Советского правительства брать на себя финансовые обязательства своих предшественников были восприняты как нечто само собой разумеющееся[328]. Однако это вызывало энергичные официальные и неофициальные протесты в союзных странах; в ноте, подписанной основными иностранными представителями в Петрограде, говорилось, что "их сограждане правомочности этого декрета не признают"[329], и он в течение многих лет продолжал служить темой ожесточенных дебатов.

Помимо этих двух требований – национализации банков и аннулирования долгов, – финансовые концепции большевистских лидеров были неясны и расплывчаты, текущие же проблемы решались в самом начале с точки зрения жесткого ортодоксального финансового подхода. Никто в течение первых недель революции не подвергал сомнению таких установленных принципов буржуазных общественных финансов, как то, что бюджет должен быть сбалансирован, что неограниченный выпуск бу-

мажных банкнот для покрытия общественных расходов является злом, с которым необходимо как можно скорее покончить, и что вполне подходящим способом увеличить доходы является прямой подоходный налог, а также косвенное налогообложение предметов роскоши. В Советской России зимы 1917/18 г. невозможно было воздать должное ни одному из этих принципов. Однако это упущение все еще рассматривалось как чисто временное и сравнивалось со сходными недостатками, которые наблюдались во всех воюющих великих европейских странах, а также и во многих нейтральных государствах. В то время как в России к власти пришло Советское правительство, почти все европейские страны получили ту или иную долю своих общественных доходов, эксплуатируя инфляционные возможности печатных станков. Россия здесь составляла исключение лишь в том, что удовлетворяла из этого источника слишком уж большую часть своих финансовых потребностей, однако это не имело никакого отношения к большевизму. Уже в 1914 г. дефицит российского государственного бюджета достиг 39% общего объема расходов, и в три последующих года он поднялся соответственно до 74, 76 и 81%[330].

Эти дефицитные явления отражались во все большей инфляции бумажных денег. После проведенной в 1897 г. Витте денежной реформы российский рубль вплоть до 1914 г. сохранял стабильную стоимость – зафиксированный на это время выпуск бумажных денег в сумме 1,6 млрд. рублей почти полностью покрывался золотыми запасами Государственного банка. В период между началом войны и февралем 1917 г., при существенном уменьшении объема золотого запаса, выпуск бумажных дене увеличился до 10 млрд. рублей. В период между Февральской и Октябрьской революциями к выпуску бумажных денег было добавлено еще 9 млрд. рублей. Пять раз Временное правительство поднимало допустимый законом уровень выпуска бумажных денег, и в каждом из этих случаев это проводилось задним числом; последний раз это произошло 6 октября 1917 г., когда допустимый уровень было поднят до 16,5 млрд. рублей – цифра эта в тот момент на деле была уже превышена[331]. Однако вначале денежный вопрос не рассматривался большевиками как проблема первостепенной важности, и правительство продолжало печатать деньги для удовлетворения своих потребностей, никак себя не ограничивая. Современный мир не имел опыта обесценивания денег в таких катастрофических масштабах, в каких это проводилось в то время как в России, так и в Германии, и вряд ли всерьез отдавал себе отчет в реальной возможности такого положения. Попытка Временного правительства увеличить так называемый "свободный заем" на внутреннем рынке закончилась провалом. Советский декрет, аннулировавший обязательства предшествующих российских правительств, на некоторое время преградил путь к тому, чтобы прибегнуть к внутренним или иностранным займам, так что в создавшейся обстанов-

ке, характеризовавшейся обесцениванием денег и хаосом в управлении, налогообложение становилось все менее эффективным средством. Таким образом, единственным существенным источником доходов, который был доступен для Советского правительства, оставался печатный станок. В течение первых нескольких месяцев этот процесс продолжался автоматически и почти без комментариев, хотя Ленин выразил общее мнение, заявив в мае 1918 г., что "хозяйничанье с помощью типографского станка, как это практиковалось до настоящего времени, может быть оправдано, как временная мера"[332]. Никаких официальных акций с целью поднять давно уже превышенный допустимый законом уровень, установленный Временным правительством в октябре 1917 г., предпринято не было. Однако выпуск бумажных денег рос в течение всего этого периода приблизительно такими же темпами, что и при Временном правительстве. Этот рост был дополнен серией декретов, превращавших в законные платежные средства сначала облигации "свободного займа" Временного правительства, стоимость которых не превышала 100 рублей, затем – неоплаченные купоны всех правительственных займов, истекших до принятия декрета об аннулировании, и, наконец, всех долгосрочных казначейских обязательств и краткосрочных казначейских облигаций[333]. Все эти меры, призванные отчасти облегчить трудное положение мелких вкладчиков, а отчасти – освободить казну от обязательств, которые она не имела возможности выполнять непосредственным образом, имели своим следствием дальнейшее увеличение объема денежного обращения, которое не было формально сопряжено с обращением к уже и без того перегруженному типографскому станку.

В течение начального периода существования строя налогообложение носило в лучшем случае случайный и нерегулярный характер. Тогда еще не стоял вопрос об отходе от ортодоксальных принципов налогообложения. В первой Программе партии от 1903 г. содержалось требование *"отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства"* как "основного условия демократизации нашего государственного хозяйства", то есть как часть программы-минимум буржуазно-демократической революции[334]. Ленин в уже цитированной речи, произнесенной в мае 1918 г., повторил, что "все социалисты против косвенных налогов, ибо единственный правильный, с социалистической точки зрения, налог – это прогрессивно-подоходный и имущественный"[335]. Вскоре, однако, стало ясно, что все это в сложившихся условиях было не более чем тщетными надеждами, которые служили заменой какой бы то ни было серьезной налоговой политике. До тех пор пока вся экономика в целом оставалась в состоянии разрухи, а экономическая политика ориентировалась на то, чтобы исключить крупные частные доходы, нельзя было всерьез думать ни об увеличении средств за счет подоходного налога, ни о реорганизации на-

логовой системы. И новый строй не мог в тот момент позволить себе никаких иных амбиций, кроме как жить сегодняшним днем, перебиваясь теми источниками, которые оставили ему его предшественники. Его первой фискальной законодательной акцией был декрет от 24 ноября/7 декабря 1917 г., где отодвигался крайний срок уплаты подоходного налога на уровне, установленном Временным правительством, и увеличивались денежные инъекции за неуплату; принятый в тот же день другой декрет вносил незначительные поправки во взимание налога на табачные изделия[336]. Возможно, это были два первых советских декрета, которые касались применения и усиления законодательных актов предыдущего российского правительства. В январе 1918 г. еще один декрет отмечал, что унаследованный от Временного правительства налог с публичных зрелищ и увеселений в общем и целом не уплачивается, и требовал, чтобы он строго взимался в будущем[337].

Первая революционная инициатива в области налогообложения принадлежала местным Советам, которые, будучи лишены прочих источников доходов, начали взимать "контрибуции" с состоятельных граждан, основываясь на чисто субъективных оценках. Однако по мере того, как начала постепенно самоутверждаться центральная власть, эта процедура – при всей ее революционной видимости – натолкнулась на сильную оппозицию со стороны Наркомфина – возможно, отчасти как правонарушение в глазах финансовых пуристов, а отчасти – как посягательство на налоговые прерогативы центрального правительства[338]. В конце марта 1918 г. комиссариат обратился к местным властям с циркулярным письмом, где запрещал подобную практику[339]. Местные Советы – при поддержке народного комиссариата внутренних дел – выразили протест против этого вмешательства в их автономные права. ВЦИК, руководствуясь их интересами, оказал в неявном виде поддержку системе "контрибуций"[340], и право местных Советов покрывать свои потребности за счет взиманий налогов было признано в Конституции РСФСР. Это стало отправным пунктом конфликта между центральными и местными властями[341]. На съезде представителей финансовых отделов местных Советов, проведенном в Москве в мае 1918 г. под эгидой народного комиссариата внутренних дел, основной докладчик выступил в защиту полного отделения местных финансов от центрального контроля. Это вызвало нарекание со стороны Ленина, который утверждал, что условием проведения финансовых реформ, которых требует новый строй, является "демократическая централизация"[342]. Однако в течение всего 1918 г. взаимоотношения между центральными и местными финансовыми органами оставались весьма хаотическими.

Это, однако, составляло лишь незначительный элемент той обширной проблемы общественных финансов, которая стояла перед Советским правительством. Эти вопросы впервые ста-

ли предметом серьезных дискуссий в ходе той общей политической переориентации, которая последовала за Брест-Литовским договором. Глава о бюджетном праве в Конституции РСФСР, проект которой как раз разрабатывался в то время, открывалась заявлением, что финансовая политика республики должна способствовать осуществлению "основной цели экспроприации буржуазии и подготовления условий для всеобщего равенства граждан республики в области производства и распределения богатств" и что она не намерена останавливаться перед "вторжением в право частной собственности". Однако последующие положения, которые, по всей видимости, исходили от Наркомфина, носили весьма банальный и полностью ортодоксальный характер. 15 апреля 1918 г. народный комиссар финансов Гуковский представил во ВЦИК то, что, очевидно, должно было играть роль выступления по вопросу о бюджете; в середине мая в Москве прошел уже упомянутый съезд представителей финансовых отделов местных Советов; а в конце мая, во время работы I Всероссийского съезда Советов, прошла первая критическая дискуссия о принципах советской финансовой политики. Из этих дискуссий – только последняя из трех упомянутых существует в виде полного стенографического отчета – можно составить достаточно ясную картину тех противоречивых тенденций, которые начинали выявляться в свете накопленного тяжелого опыта.

Выдвинутая Гуковским официальная позиция представляла собой, если рассматривать ее в широком смысле, позицию правого толка и тесно примыкала к ортодоксальным принципам. Гуковский утверждал, что "до тех пор, пока у нас будет существовать денежное обращение" – эта оговорка была ритуальной данью повиновения доктрине, в соответствии с которой они должны были в один прекрасный день отмереть, – сохраняет свое значение золотое обеспечение выпуска бумажных денег. Он считал, что функции Наркомфина сводятся к тому, чтобы насколько возможно урезать предварительные оценочные расходы, представляемые ему различными ведомствами, а затем сводить расходы с доходами. Гуковский имел традиционное для всех министров финансов предпочтение к косвенному налогообложению, оправдывая его тем аргументом, что, хотя социалисты совершенно правомерно выступали при капиталистическом строе в пользу прямого налогообложения, результаты и возможности такого обложения все больше и больше падают по мере разрушения этого строя. Он резко критиковал взимание "контрибуций" местными Советами, считая, что это не только само по себе необоснованно, но и представляет собой присвоение налоговых полномочий центральной власти[343]. Ленин, чьим наиболее детальным заявлением по этому вопросу была речь на прошедшем в мае съезде, расходился с Гуковским только в том, что придерживался старого партийного предпочтения прямому налогообложению; он предлагал, чтобы подоходный налог стал

всеобщим и взимался в качестве ежемесячных взносов – предложение, которое, конечно, было совершенно неосуществимым. Он был менее враждебен в принципе к взиманию "контрибуций", чем Гуковский, хотя и признавал, что они относятся к периоду "переходной власти" и что настанет время для осуществления централизованного сбора налогов[344]. Слабость официальной позиции состояла в невозможности построить на этих – а в сущности, в тот момент и вообще на каких бы то ни было – принципах какой-нибудь хоть мало-мальски согласованный бюджет. На заседании ВЦИК в апреле 1918 г. Гуковский оценил расходы строя на первую половину года в 40–50 млрд. руб. и не представил никаких оценок относительно его доходов. На I Всероссийском съезде Советов, который прошел шесть недель спустя, он оценил расходы на первую половину года в 20–25 млрд., а доходы – в пять млрд. руб.[345] Однако все эти цифры трудно рассматривать как что-нибудь отличное от догадок.

Левая оппозиция, выразителем взглядов которой на съезде был Смирнов, не усматривала ничего удивительного в том, что не представлялось возможным составить бюджет, – ведь в конце концов буржуазные бюджеты были результатом многолетнего опыта – и не видела ничего тревожного в бюджетном дефиците, при условии, что расходы будут способствовать достижению желаемых целей. Не видели также никаких причин для уныния и в чрезмерном использовании типографского станка, приводящем к обесценению рубля, ведь все равно, "когда произойдет полное торжество социализма, рубль ничего не будет стоить и у нас будет безденежное обращение". В нынешних условиях не следует ожидать особых результатов ни от прямых, ни от косвенных налогов, а вот систему контрибуций следовало бы поощрять[346]. Никаких попыток ответить Смирнову на съезде предпринято не было: столь радикальная доктрина либо не была понята, либо расценивалась как слишком фантастическая, чтобы заслуживать серьезных обсуждений. Сокольников, сделавший основной доклад по вопросу финансовой политики, занимал в некоторых отношениях промежуточную позицию. Он настаивал на важности золота в осуществлении сделок с иностранными государствами, однако считал, что ограничивать выпуск бумажных денег внутри страны требованиями золотого обеспечения не обязательно и не реально. Опасность чрезмерного денежного обращения можно уменьшить за счет введения твердых цен. "Нам не нужно стремиться к понижению товарных цен, но нам нужно стремиться к тому, чтобы цены эти стали твердыми повсюду". Сокольников, однако, не отвергал налогообложения: напротив, он считал, что "не может существовать Россия" без прямого налогообложения крестьян и что "без этого Советская власть не может вести хозяйство". В отношении отсутствия бюджета он утешительно заметил, что Франция еще не имеет бюджета на 1918 г.[347] Сам съезд воздержался от каких бы

то ни было заявлений по этим явно неразрешимым проблемам. Единственный вклад в них, который случайно оказался в тексте резолюции по торговле и обмену, показывает, как мало тогда еще финансовый реализм проник в органы руководителей советской экономической политики: в ней содержалось требование "усиленного обложения, прямого и косвенного, усиления чекового обращения и самого решительного сокращения политики эмиссий"[348]. Когда разразилась гражданская война, финансовая и налоговая политика Советского правительства все еще в основном оставалась неопределенной и несформулированной.

Глава 17

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ

а) Сельское хозяйство

Введение военного коммунизма в сельском хозяйстве совпало с окончательным политическим расколом с левыми эсерами, которые после отставки членов правительства левых эсеров в марте 1918 г. все еще оставались во ВЦИК и Советах. Последний раз большевики и левые эсеры на правах официальных партнеров участвовали бок о бок во втором заседании V Всероссийского съезда Советов 5 июля 1918 г. (накануне убийства Мирбаха); причем заседание проходило в основном в яростных дебатах по аграрной политике, во время которых Спиридонова объявила себя "яростной противницей партии большевиков"[1]. Политика Советского правительства подвергалась критике со стороны эсеров по трем моментам. Большевистские рабочие отряды, как заявил эсеровский оратор, "ведут чуть ли не войну, объявленную городом деревне"[2]; а эсеры всегда выступали традиционными защитниками деревни против города. Создание комитетов бедноты представляло собой попытку подорвать авторитет земельных комитетов, в большинстве из которых эсеры все еще занимали доминирующее положение, причем различие между этими комитетами отражало тот акт, что большинство зажиточных крестьян сохраняли верность эсерам – будь то правые или левые, – в то время как бедные и политически менее сознательные крестьяне если еще и не попали под влияние большевиков, то по крайней мере были склонны поддаться на уговоры большевиков. И наконец, поощрение правительством (сколь бы неэффективным это ни было в настоящий момент) создания крупных хозяйств в конфискованных имениях вступило в прямое противоречие с политикой эсеров, направленной на распределение земли среди крестьян, и с запретом эсеров на использование наемного платного труда на земле; на съезде раздавались жалобы на то, что помещичьи владения остаются нераспределенными в районах, где крестьяне остро нуждаются в земельных наделах, и на то, что вопреки истинным социалистическим принципам наемные рабочие продолжают трудиться на их обра-

ботке[3]. Такой же резкой критике подвергся недавний декрет о лесах, по которому заведование лесами осуществляется Центральным управлением лесов (это была первая попытка поставить природные ресурсы страны под прямое управление государства)[4].

Объявление левых эсеров вне закона в результате убийства Мирбаха привело к тому, что в центре была устранена всякая оппозиция чисто большевистской политике в области сельского хозяйства. Вследствие быстро распространявшегося критического положения, вызванного гражданской войной, сбор зерна у крестьян для нужд города и армии стал вопросом жизни и смерти; с другой стороны, еще более затруднилось снабжение крестьян тканями и другими товарами первой необходимости, поскольку армия теперь претендовала на все имевшиеся запасы. Таким образом, не оставалось ничего другого, как с удвоенной силой применять метод реквизиции при помощи такого механизма, как рабочие отряды и комитеты бедноты. Работе этих отрядов было посвящено не меньше трех декретов, изданных в первую неделю апреля 1918 г. Первый из них уполномочивал профсоюзы, фабричные комитеты и городские и уездные Советы организовывать продовольственные отряды из "рабочих и беднейших крестьян" и отправлять их в зернопроизводящие губернии, чтобы "добыть хлеб по твердым ценам или за счет изъятия у кулаков". Половина зерна, добытого таким образом, предназначалась организациям, которые посылали отряды; другая половина подлежала передаче Наркомпроду для общего распределения. Второй декрет обязывал губернские и уездные Советы, комитеты беднейших крестьян и профсоюзы организовать, где необходимо, аналогичные отряды для сбора урожая. В третьем подробно разбирались организация и структура этих отрядов, которые должны были включать "не менее 25 человек из числа безусловно честных и преданных революции рабочих и беднейших крестьян"[5]. И наконец, чтобы поставить все точки над "i", на той же неделе появился еще один декрет – "Об обязательном товарообмене". В нем предусматривалось, чтобы в хлебных сельскохозяйственных местностях каждым уездом было поставлено продовольственных продуктов на сумму не менее 85% стоимости взятых на учет и отпущенных кооперативам товаров[6].

Трудно понять подоплеку этих декретов. Народный комиссар продовольствия Цюрупа, выступая на V Всероссийском съезде Советов, заявил, что были использованы все обычные средства для получения хлеба и "только тогда, когда ничего не получается, только тогда пускаются отряды". Что касается слухов о том, что, "как только отряды попадают в деревни, они начинают разлагаться, пьянствовать; мы не отрицаем, что это существует, но мы принимаем меры к тому, чтобы этого не было... Подбор делается крайне тщательный".

"Мы на эти отряды смотрим не только как на военную силу, а мы видим в этих отрядах людей, которые идут в деревню хотя

и вооруженными, но и в то же время это те агитаторы, которые будут пропагандировать в деревне, которые понесут в деревню наши идеи"[7].

Крестьяне, когда у них хватало смелости, сопротивлялись изъятию у них хлеба. Порой сопротивление оказывалось серьезное и дело доходило до вооруженных столкновений; и такие случаи, хотя и составлявшие исключение, не были редкостью[8]. Также нелегко подсчитать число отрядов и размах их деятельности. Согласно одному выступавшему на II Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 г., Петроградский Совет к тому времени направил 189 отрядов численностью до 72 тыс. человек и Московский Совет – примерно такое же число[9]. К этому моменту сбору подлежали не только зерно и фураж, сахар и картофель, но и мясо, рыба и все виды животных и растительных масел, включая конопляное, подсолнечное и льняное масло[10]. Ленин в тот момент, когда от этих мер окончательно отказались, выдвинул единственно возможное оправдание в их пользу:

"Своеобразный "военный коммунизм" состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкокрестьянской стране мы не могли"[11].

Это были вызванные отчаянием средства для достижения цели. С точки зрения теории социализма критерий необходимости, возможно, казался естественным и правильным: от крестьянина требовалось предоставить все, что превышало его собственные потребности и потребности его семьи. С точки зрения практики это было губительно. Неприкрытая реквизиция у так называемого кулака произвольно установленных излишков вызывала обычно реакцию двух видов: краткосрочную, заключавшуюся в сокрытии запасов, и долгосрочную – в отказе засевать больше земли, чем было необходимо для пропитания своей семьи.

Советские руководители ясно понимали эти опасности. 30 октября 1918 г. впервые был внедрен новый эксперимент с натуральным налогом. Очевидно, это было не заменой разверстки, а дополнением к ней. Правда, все, кто сдал свои излишки до того, как был введен налог, объявлялись свободными от налога. Последний должен был определяться посредством сложных подсчетов, при которых принимались во внимание размер надела и поголовье скота у налогоплательщика, равно как и число людей, находящихся у него на иждивении[12]. То, что предлагалось, не являлось более простым изъятием излишков, а представляло собой взятие установленного количества продуктов, исходя из предполагаемой способности платить. Однако это был один из многих декретов того периода, которые так никогда и не вступили в силу[13]. В январе 1919 г. был введен в действие еще один новый принцип. Декретом Совнаркома, сопро-

вождаемым подробной инструкцией Наркомпрода, все количество хлеба и зернового фуража, необходимого для удовлетворения государственных потребностей, "разверстывалось" для отчуждения у населения между производящими губерниями: губернии должны были провести разверстку среди уездов, уезды – среди волостей, а волости делили свои квоты между деревнями и отдельными крестьянами[14]. Преимущество этой системы заключалось в том, что центральные власти освобождались от обременительной задачи сбора налога; кроме того, она восстановила принцип коллективной ответственности, на котором основывалось сельское налогообложение царского правительства. Однако эти постоянно меняющиеся средства для достижения цели лишь иллюстрируют непреодолимый характер трудностей, с которыми сталкивалось Советское правительство. Потребности Красной Армии и городского населения в разоренной, изуродованной и дезорганизованной стране можно было удовлетворить только за счет полного изъятия излишков сельскохозяйственной продукции. Кроме того, промышленность была не в состоянии производить достаточное количество промышленных товаров, чтобы наладить обычный процесс товарообмена; в случае же, если попытки взять силой излишки не прекращались, начиналось сокрытие запасов и сокращение посевных площадей до размеров, необходимых для удовлетворения собственных потребностей крестьян. И все же кризис был преодолен, армия обеспечена и города спасены от голодной смерти, но не от голода. По мере того как улучшался механизм сбора и районы, охваченные гражданской войной, переходили под контроль Москвы, увеличивалось количество собранного хлеба[15]. Правда, справедливости ради надо сказать, что в период военного коммунизма крестьянский хлеб либо находил свой тайный путь на свободный рынок, либо силой изымался агентами правительства. Даже те крестьяне, которые сражались на стороне Советского правительства против худшего из зол – "белой" реставрации, – продолжали вести борьбу за хлеб.

Поворот к беднейшему крестьянству летом 1918 г. был связан в советской политике с другой фундаментальной целью – развитием крупного земледелия. Он повлек за собой окончательный разрыв с левыми эсерами, непримиримыми противниками этой цели; а бедняки представляли собой единственную группу крестьян, которых можно было считать безразличными к крестьянской собственности и потенциально выступающими в пользу коллективного хозяйствования[16]. Эти коллективные хозяйства были нескольких видов. Первоначальные советские хозяйства (совхозы) – образцовые хозяйства, упоминавшиеся в Апрельских тезисах Ленина и его некоторых более поздних высказываниях, – в основной своей массе формировались на основе бывших имений, выращивавших специальные культуры, для которых требовались техническая подготовка и специальная ор-

ганизация (такие, как сахарная свекла или лен)[17]. Были также сельскохозяйственные коммуны, в которых крестьяне объединялись для обработки нераспределенной земли, совместно трудясь и деля поровну доходы; они, похоже, представляли черту примитивного коммунизма, присущую русскому крестьянству[18]. И наконец, были сельскохозяйственные артели, в которых элемент коллективизма сводился к процессам производства и торговли. По-видимому, Ленин принял во внимание все эти формы коллективного земледелия, когда осенью 1918 г. признал, что существует лишь "...несколько сот поддерживаемых государством сельскохозяйственных коммун и советских хозяйств"[19]. К тому времени было фактически завершено проведенное на скорую руку распределение сельскохозяйственных угодий в районах, находившихся под контролем Советской власти. Лучшие земли, за исключением ограниченных площадей, отведенных под свеклу, лен и другие специальные виды культур, оказались в крестьянском землепользовании; а те, что остались для коллективистских экспериментов, были, вероято, худшими и менее пригодными для обработки землями. Как впоследствии писал один из большевистских толкователей:

"Помещичья земля подверглась в своем громадном большинстве разделу, и можно было опасаться, что крупное производство в сельском хозяйстве погибнет. Кроме того, существовала опасность и сильного укрепления мелкособственнических стремлений"[20].

Требовались героические меры. 4 июля 1918 г. Совнарком проголосовал за выделение 10 млн. руб. для стимулирования сельскохозяйственных коммун[21]. 2 ноября 1918 г. был образован фонд в размере миллиарда рублей для авансирования сельскохозяйственных коммун и рабочих ассоциаций, деревенских товариществ или групп при условии их "перехода от единоличных форм землепользования к товарищеским"[22]. В следующем месяце Ленин выступил с пространной и очень важной речью перед участниками встречи, которая была названа "первым Всероссийским съездом земельных отделов, комитетов бедноты и коммун". Темой его выступления был приход социализма в деревню, причем это было его первым крупным высказыванием о социалистическом строительстве в сельском хозяйстве. Он нарисовал одну из своих широких перспектив. Объединенными усилиями всего крестьянства в целом было достигнуто "сметение и уничтожение помещичьей власти". Но если бы революция в русской деревне остановилась на этом, она затормозилась бы там, где остановились революции на Западе 1789 и 1848 гг.

"Она еще не трогала более сильного, более современного врага всех трудящихся – капитала. Она грозила поэтому кончиться так же половинчато, как кончалось большинство революций в Западной Европе, где временным союзом городских рабочих и всего крестьянства удавалось смести монархию, смести остатки средневековья, смести более или менее дочиста поме-

щичье землевладение или помещичью власть, но никогда не удавалось подорвать самих основ власти капитала".

Комитеты бедноты выполнили функцию раскола крестьянства: "деревня перестала быть единой". Это достижение перевело "нашу революцию полностью на те социалистические рельсы, на которые рабочий класс городов твердо и решительно хотел ее поставить в Октябре". И теперь был необходим (Ленин повторял это снова и снова) "...переход от мелких единоличных крестьянских хозяйств к общественной обработке земли". Ленин и не пытался скрыть масштабы этой задачи.

"Мы прекрасно знаем, что такие величайшие перевороты в жизни десятков миллионов людей, касающиеся наиболее глубоких основ жизни и быта, как переход от мелкого единоличного крестьянского хозяйства к общей обработке земли, могут быть созданы только длительным трудом, что они вообще осуществимы лишь тогда, когда необходимость заставляет людей переделать свою жизнь".

Война создала эту необходимость за счет разорения, оставленного ею в наследство. Вместе с тем она показала, какие "чудеса техники" существуют, и пробудило в людях сознание, что эти "чудеса техники" могли бы преобразовать земледельческое производство. Съезд принял резолюцию, в которой говорилось, что главнейшей задачей земельной политики должно стать "последовательное и неуклонное проведение широкой организации земледельческих коммун, советских коммунистических хозяйств и общественной обработки земли"[23].

В течение нескольких недель кампания шла полным ходом. Она обсуждалась на II Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 г., на котором один из официальных представителей высказал мнение, что "вопрос с пропитанием городов можно решить только за счет создания крупных производственных объединений в деревне"[24].

Ее кульминацией стал пространный декрет, изданный ВЦИК 14 февраля 1919 г. Это был первый крупный законодательный акт об аграрной политике после декрета о "социализации", принятого за год до этого совместно с левыми эсерами. В новом декрете смело провозглашался "переход от единоличных форм землепользования к товарищеским", говорилось, что "на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на преходящие и отживающие" и что "в основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее Советскую Республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда". Одна из его статей содержала тщательно разработанные положения о структуре, прерогативах и обязательствах совхозов и сельскохозяйственных коммун. Совхозы, во главе которых мог быть отдельный заведующий или рабочий комитет, непосредственно подчинялись губернским или местным Советам и через них – соответствующему отделу Нар-

комзема: эта организация была очень близка организации национализированных фабрик, находившихся под контролем ВСНХ. Сельскохозяйственные коммуны, суть "добровольные союзы трудящихся", обладали большей автономией, хотя и находились в конечном счете в подчинении местных (уездных) земельных отделов и Наркомзема[25].

Другой эксперимент в этой области возник из попытки городских рабочих организовать взаимопомощь. Продовольственное положение в городах в конце 1918 г. породило опасность полного разложения пролетариата за счет возвращения рабочих в деревни, откуда большинство из них в свое время и пришли. Декретом в декабре 1918 г. было признано право профсоюзов и рабочих организаций заготавливать и перевозить для нужд своих членов все продовольственные продукты, за исключением зерна и муки (исключение, которое вскоре начали игнорировать)[26]. От коллективных заготовок до коллективной обработки земли был всего лишь шаг; и зимой 1918/19 г. этот шаг был сделан, по-видимому, с помощью изобретательности и предприимчивости ВСНХ. 15 февраля 1919 г. сразу же после декрета о советских хозяйствах был издан декрет, предоставивший право объединениям государственных предприятий, а также отдельным крупным государственным предприятиям, городским Советам, профессиональным союзам и кооперативам получать земельные участки для организации на них советских хозяйств для удовлетворения своих потребностей[27]. По некоторым данным, более 30 главков и центров получили в общей сложности около 800 тыс. десятин земли от имени фабрик, находившихся под их контролем[28]. Очевидно, предполагалось, что время от времени группы рабочих с самих фабрик будут пополнять ряды местных рабочих в этих промышленных совхозах: возвращение фабричного рабочего в свою деревню для сбора урожая было обычным явлением в российской промышленности. Этот проект являлся отклонением от принципов рационального и организованного распределения (хотя в декрете предусматривалось, что часть продуктов, превышавшая размеры пайка, не подлежала распределению, а должна была передаваться Наркомпроду). Однако он отвечал насущной потребности и являл собой еще одно подтверждение того кардинального факта, что обеспечение нормального питания для населения городов в конечном счете несовместимо с системой мелкокрестьянского земледелия.

Похоже, место, занимаемое коллективными хозяйствами в официальной пропаганде того времени, не отвечало скромным результатам, достигнутым ими. Согласно самым подробным имеющимся статистическим данным, в европейской части России, исключая Украину, насчитывалось 3100 совхозов в 1918 г., 3500 – в 1919 г. и 4400 – в 1920 г. Правда, это скромное увеличение объяснялось быстрым ростом числа хозяйств, "приданных" фабрикам, на долю которых в 1920 г. приходилась почти половина всех совхозов, так что число хозяйств, находившихся под непо-

средственным управлением государственных властей, на самом деле, может быть, даже сократилось. Большинство советских хозяйств того периода были совсем маломощными и не шли ни в какое сравнение с гигантскими совхозами конца 20-х годов: в 1920 г. было подсчитано, что более 80% из них занимали площадь меньше 200 десятин. Общее качество почвы было невысоким, и меньше половины земли отводилось под пашню. Сообщалось, что в феврале 1919 г. под прямым управлением Наркомзема находилось всего 35 совхозов общей площадью 120 тыс. десятин (эти хозяйства можно было бы отнести к числу наиболее крупных); остальные находились под местными Советами и "влачили жалкое существование". В середине 1919 г. насчитывалось 2100 сельскохозяйственных коммун; впоследствии их число постепенно снижалось, по мере того как улетучивался энтузиазм, на волне которого родилась эта форма общественного хозяйствования. Число сельскохозяйственных артелей, напротив, увеличилось с 1900 в 1919 г. до 3800 в 1920 г., а со временем возрастало еще большими темпами; однако эта форма сельскохозяйственной кооперации не предусматривала коллективной обработки земли[29].

Эти цифры ясно показывают, сколь незначительна была спонтанная поддержка крестьян этих крупных производственных единиц в сельском хозяйстве, и свидетельствуют о полном крахе большевистской политики. Это стремление к крупному земледелию исходило исключительно из городов и от официальных кругов. Доводы в его пользу (как с точки зрения социализма, так и исходя из их практической эффективности) были неопровержимыми. В декретах предусмотрительно оговаривалось, что земля для создания этих хозяйств должна предоставляться исключительно за счет нераспределенных крупных имений и других пустующих и незанятых земель (в тексте ошибочно дается "занятых". – *Ред.*). Но такие вторжения вряд ли способствовали ликвидации недоверия у крестьян, страдавших от хронической нехватки земли. В равной степени трудно вообразить, какие чувства охватывали тех из них, кого призывали отказаться от их мечты стать мелким сельским собственником, а вместо этого работать в качестве "сельских пролетариев" в советских или других коллективных хозяйствах, особенно в такое время, когда материальные условия сулили слабое или никакого смягчения трудностей прошлого. Крестьянин думает: "Если крупное хозяйство, значит я опять батрак"[30]. В марте 1919 г., выступая на съезде, который был созван для создания профессионального союза сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии, Ленин говорил о преимуществах коллективного ведения хозяйства. И когда ему был задан вопрос о статье в декрете от 14 февраля, которая запрещала рабочим и служащим советских хозяйств заводить собственный скот, птиц и огороды, Ленин с некоторой неохотой признал, что иногда необходимо делать исключения и что, вероятно, можно будет после обсуждения

сделать для Петроградской губернии изъятие из этого положения "на известный короткий срок"[31]. Как всегда, крестьянин хранил молчание. Однако гражданская война отодвинула на задний план все другие вопросы, и крестьянская оппозиция и обструкция эффективно заблокировали любой рост советских и других коллективных хозяйств. Советское правительство не могло проводить никакой политики, которая – сколь бы желанной она ни была в долгосрочной перспективе – угрожала бы в дальнейшем непосредственным сокращением будущего урожая.

Однако к тому времени в советской аграрной политике произошло еще одно радикальное изменение. Создание комитетов бедноты в июне 1918 г. представляло собой в основном политическую меру, направленную на раскол крестьянства. Они выполнили одну политическую функцию – предоставили информаторов. До их возникновения государственные служащие или рабочие, не знакомые с положением на местах, не располагали средствами обнаружения спрятанных запасов хлеба и определения того, какими запасами может располагать тот или иной кулак, а отсюда происходило так много "ошибок" в оценках запасов[32]. На местных беднейших крестьян можно было положиться в том, что они донесут о кулацких нарушениях и уклонениях от сдачи, в результате чего злоба и враждебность только раздували пламя классовой борьбы в деревне. Тем не менее этот механизм не сработал. Теперь, когда земля оказалась распределенной, "крестьяне-бедняки" – то есть те крестьяне, которым нечего терять, – оказались менее многочисленными, чем предполагали большевики. Комбеды, там, где они были эффективны, похоже, возглавлялись ярыми большевиками, которые не всегда обладали опытом работы на селе и очень быстро вступали в столкновение с местными Советами, остававшимися к тому времени по своему составу преимущественно беспартийными. В результате началась борьба за власть, в ходе которой стало ясно, что в местных органах управления сельскими делами нет места как для комитетов, так и для Советов[33]. Съезд комитетов бедноты Петроградской губернии, состоявшийся в Петрограде в начале ноября 1918 г., был готов сделать логичный вывод: большинство делегатов прибыли туда, чтобы потребовать передачи всей политической власти из рук Советов комбедам. Однако для правительства этого оказалось слишком много. Вмешался ВЦИК, и съезд вынужден был принять единодушно резолюцию совершенно другого содержания. Резолюция взвешенно сочетала похвалу со скрытым порицанием. Комбеды вели борьбу с кулаками, но при выполнении этой задачи "неизбежно должны были выйти за пределы декрета 11 июня". В деревне, таким образом, "создалось двоевластие, приводившее к бесплодной растрате сил и путанице в отношениях". "Диктатура пролетариата и беднейших крестьян" могла быть проведена последовательно только "от высших органов Советской власти донизу"; и комбеды должны были "принять самое активное

участие в преобразовании волостных и сельскохозяйственных Советов в истинные органы Советской власти и коммунистического строительства". Неделю спустя эта резолюция была передана Зиновьевым, который председательствовал на этом съезде, на рассмотрение VI Всероссийского съезда Советов в бессвязной и довольно неуклюжей речи и получила единодушное одобрение без всякого обсуждения[34]. В результате комбеды потеряли свой независимый статус и им была отведена роль группы членов местных Советов, выступающей за более решительную, активную политику. В результате решения съезда ВЦИК обнародовал 2 декабря 1918 г. декрет, в котором провозглашалось, что ввиду сложившейся в деревне обстановки "двоевластия" насущно необходимо провести перевыборы в сельские Советы, что комбеды призваны сыграть активную роль в организации этих выборов и что, однако, после перевыборов Советы затем должны остаться "единственными органами власти", а комбеды должны быть распущены[35]. Ленин впоследствии, на очередном съезде партии, по этому вопросу высказал мнение, что комбеды "...настолько упрочились, что мы нашли возможным заменить их правильно выбранными Советами, т.е. реорганизовать сельские Советы так, чтобы они стали органами классового господства, органами пролетарской власти в деревне"[36]. Это была идеализированная картина. Ликвидация комбедов явилась своевременным признанием поражения – отход с непригодных для обороны позиций. Правда, решение это не было принципиальным и не мешало повторению этого же эксперимента где-либо в другом месте. В начале 1919 г., когда после поражения Германии на Украине была восстановлена Советская власть, там начали создаваться комитеты деревенской бедноты как раз в тот момент, когда перестали существовать комбеды на территории РСФСР[37].

Решение о роспуске комбедов был тесно связано со стремлением обеспечить Советской власти поддержку середняка. В России некоторое время перед революцией стало обычным подразделять крестьян не на две, а на три категории: зажиточные крестьяне, которые производили продукцию для рынка, равно как и для собственных нужд, используя наемный труд и продавая излишки своей продукции (кулаки); беднейшие крестьяне, безземельные или имевшие слишком мало земли, чтобы прокормить себя и свою семью, и вынужденные наниматься на работу к другим для того, чтобы жить (бедняки или батраки); и промежуточная категория крестьян, которые могли прокормить себя и свои семьи, однако, как правило, не использовали наемный труд и не имели излишков на продажу (середняки). Вполне понятно, что такая классификация не имела четких границ, а статистика, относящаяся к ней, носит ненадежный характер. Тем не менее было общепринято, что кулаки составляли менее 10% крестьянства, на долю бедняков приходилось около 40%, а

остальные 50% были середняками[38]. Понятие "середняк" соответствовало тому, что в Западной Европе было известно как "мелкий крестьянин". Русский бедняк являлся, если исходить из западной терминологии, сельскохозяйственным рабочим, хотя некоторые из них владели мелкими участками земли, пусть и недостаточными для содержания своих семей, но технически исключавшими их из категории "безземельных" крестьян.

Ленин признал эту тройственную классификацию российского крестьянства во время Октябрьской революции, когда заявил, что политика Советской власти должна быть следующей: "...трудовому крестьянину надо помочь, среднего не обидеть, богатого принудить..."[39] Однако эта политика в тот момент находилась в состоянии неопределенности. Революция в деревне все еще переживала буржуазный этап; сохранял свою силу союз между большевиками и левыми эсерами; и главной задачей кампании зимы 1917/18 г. было провести экспроприацию крупных землевладельцев в интересах всего крестьянства в целом. Затем, летом 1918 г., последовал раскол с левыми эсерами и были созданы комитеты бедноты, чтобы начать социалистическую революцию против кулаков. Под восторженным впечатлением от нового шага середняки почти не принимались в расчет. В тот момент, когда вводилась эта мера, Ленин говорил, в частности, о необходимости "соглашения" и "союза" со средним крестьянством и "уступок ему"[40]; и в августе 1918 г. циркуляр за подписью Ленина и Цюрупы был разослан всем местным властям, в котором указывалось, что Советское правительство ни в коем случае не выступает против "крестьянства среднего достатка, не эксплуатирующего трудящихся", и что льготы декрета от 11 июня 1918 г. должны распространяться как на бедняков, так и на середняков"[41]. Однако, до той поры покуда комбеды продолжали активно действовать и располагали силой, оставалась непреодолимой тенденция сконцентрировать все усилия на удовлетворении интересов беднейших крестьян и приравнять середняков к кулакам.

Было бы ошибочно рассматривать изменение в советской аграрной политике, которое последовало после роспуска комитетов бедноты зимой 1918/19 г., либо как шаг вправо, либо как шаг в предвкушении новой экономической политики 1921 г. Однако это означало определенное смягчение наиболее острых проявлений военного коммунизма и возврат к политике компромиссов с теми, кого до сих пор считали мелкобуржуазными элементами деревни. Это произошло в самый решающий момент гражданской войны, когда советское руководство почувствовало необходимость привлечь на свою сторону всех возможных союзников в этой отчаянной борьбе. Уступка среднему крестьянину совпала по времени с неудавшейся попыткой подрезать крылья Чека и с проявлением более терпимого, правда, ограниченного отношения к меньшевикам и эсерам, которое началось в ноябре 1918 г. и продолжалось всю зиму[42], равно как и с

более широким призывом к буржуазной интеллигенции и "специалистам" всех профилей поступать на службу к новому режиму. Ленин с особым акцентом писал о соглашении "с средним крестьянином, с вчерашним меньшевиком из рабочих, с вчерашним саботажником из служащих или из интеллигенции" как о части единой политики[43]. Все они рассматривались как колеблющиеся элементы с мелкобуржуазной окраской, выступающие то за буржуазию, то за пролетарское дело и склонные принимать то ту, то другую сторону[44]. Победа в гражданской войне не была бы достигнута, если бы в этот момент не произошла определенная консолидация данных элементов на стороне Советской власти. Однако это изменение означало также признание со стороны большевистских лидеров того факта, что они недооценили рост численности и влияния среднего крестьянства в результате аграрной реформы. Большевистские теоретики всегда утверждали, что распределение земли на мелкие крестьянские наделы должно вести к усилению элементов мелкобуржуазного капитализма в деревне. Теперь теория подверглась проверке практикой. Ленин писал впоследствии, что "крестьянская "беднота"... превратилась в середняков"[45]. Попытка внедрить социализм при помощи ударной тактики, проводимой через комитеты бедноты, провалилась, и на повестку дня встал вопрос о компромиссе. В определенной степени изменение фронта было предтечей более широкомасштабной операции, проведенной в марте 1921 г.

Умиротворение среднего крестьянина было существенной и важной частью советской политики в течение всего 1919 г. К моменту проведения VIII съезда партии в марте 1919 г. оно было в полном разгаре. Ленин возвращался к этому вопросу на съезде не менее трех раз – в своей речи при открытии съезда, в отчете Центрального Комитета и в отдельном докладе "О работе в деревне". Теперь было недостаточно "нейтрализовать" среднее крестьянство; на достигнутой стадии социалистического строительства было необходимо поставить отношения *"на почву прочного союза"*. Ленин дважды цитировал примиренческие рекомендации, данные Энгельсом в его последней статье "Крестьянский вопрос во Франции и Германии", против применения средств принуждения в отношении к мелкому крестьянину[46]. Конечно, не могло быть и речи об умиротворении кулаков. "Мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками". Однако было серьезной ошибкой, когда "по неопытности советских работников..." удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство[47]. Аграрный отдел новой партийной Программы, одобренной съездом, после подтверждения принципа поддержки советских и других коллективных хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов перешел к единоличному крестьянину. "Считаясь с тем, что мелкое крестьянское хозяйство еще долго будет существовать", партия стремится к проведению ряда мер, "направленных к поднятию

производительности крестьянского хозяйства". Таким образом, должна быть оказана практическая помощь крестьянину в мелиорации его земель и в снабжении улучшенными семенами; подчеркивается необходимость широкого и планомерного привлечения промышленных рабочих к "коммунистическому строительству" в земледелии; должно быть решительно подавлено сопротивление "кулачества, деревенской буржуазии"; а последний абзац был посвящен отношению к среднему крестьянству:

"Партия ставит своей задачей отделять его (т.е. среднее крестьянство) от кулаков, привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований".

С целью усиления этого вывода съезд принял специальную резолюцию "Об отношении к среднему крестьянству". В силу того что оно имеет "сравнительно крепкие экономические корни", а также учитывая отсталость сельскохозяйственной техники России, среднее крестьянство "будет держаться довольно долгое время после начала пролетарской революции"; советские работники в деревне должны осознать, что "оно не принадлежит к эксплуататорам, ибо не извлекает прибыли из чужого труда". Поэтому, поощряя товарищества всякого рода, а равно и сельскохозяйственные коммуны средних крестьян, власти "не должны допускать ни малейшего принуждения" при создании таковых. Всякие "произвольные реквизиции" должны беспощадно преследоваться; тяжесть налога должна ложиться "целиком на кулаков"; среднее же крестьянство должно облагаться "чрезвычайно умеренно, лишь в размере вполне посильном и необременительном для него"[48].

Не было упущено ни одного повода для внедрения этих довольно-таки трудных директив. Накануне съезда умер Свердлов, занимавший почетный и представительный пост председателя ВЦИК. Его преемником стал Калинин, петроградский рабочий, бывший крестьянин-середняк из Тверской губернии, который, по словам Ленина, имеет "тесную связь с крестьянским хозяйством... и каждый год ее (деревню) посещает". Символизм этого назначения был открыто провозглашен: "Мы знаем, что нашей главной задачей в стране мелкоземледельческой является обеспечить нерушимый союз рабочих и среднего крестьянства"[49]. Однако у курса, столь уверенно проводимого на протяжении всего 1919 г., также были свои недостатки. В среднем крестьянине проявились многие черты, традиционно приписываемые кулаку, и если поддержка беднейшему крестьянину не смогла стимулировать производство, то поддержка среднему крестьянину все в большей степени способствовала произ-

водству того, что появлялось на "черном рынке". Первые нотки тревоги прозвучали у Ленина в речи на совещании по работе в деревне в ноябре 1919 г.

"Средний крестьянин производит продовольствия больше, чем ему нужно, и таким образом, имея хлебные излишки, он становится эксплуататором голодного рабочего. В этом – основная задача и основное противоречие. Крестьянин, как труженик, как человек, который живет своим трудом, как человек, вынесший гнет капитализма, – такой крестьянин стоит на стороне рабочего. Но крестьянин, как собственник, у которого остаются излишки хлеба, привык смотреть на них, как на свою собственность, которую он может свободно продавать".

И вновь:

"Но крестьяне далеко не все понимают, что свободная торговля хлебом есть государственное преступление. "Я хлеб произвел, это мой продукт, и я имею право им торговать", – так рассуждает крестьянин, по привычке, по старинке. А мы говорим, что это государственное преступление"[50].

Среднее крестьянство заняло традиционную крестьянскую позицию в отношении правительственного регулирования, рассматривая его как наступление города на святые прерогативы деревни. Смещение акцента в поддержке с беднейшего на среднее крестьянство вновь открыло путь для сил мелкобуржуазного крестьянского капитализма. Однако в создавшихся условиях делать было нечего. VII Всероссийский съезд Советов в декабре 1919 г. принял жесткую резолюцию, рекомендуя перейти к политике реквизиции и требуя, чтобы продразверстка была распространена с хлеба и мяса на "картофель и по мере необходимости также и на другие продукты сельского хозяйства"[51].

В равной степени смещение акцента с беднейшего на среднего крестьянина ничем не помогло советским хозяйствам и другим формам крупного земледелия. Ленин на IX съезде партии в марте 1919 г., когда была провозглашена политика умиротворения среднего крестьянина, затронул один из наиболее болезненных вопросов коллективного сельского хозяйства. Среднее крестьянство будет завоевано на сторону коммунистического общества "только тогда... когда мы облегчим и улучшим экономические условия его жизни". Но в этом как раз и был камень преткновения.

"Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это – фантазия), то средний крестьянин сказал бы: "Я за коммунию" (т.е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы"[52].

Ленин не продолжил этот силлогизм. Построение социализма в России было невозможно без обобществленного сельского хозяйства; обобществление сельского хозяйства было невозможно без тракторов; получение тракторов было невозможно без

всемирной пролетарской революции. Тем временем лозунг крестьян был: "За Советскую власть, за большевиков, долой коммунию!"[53]. Начали раздаваться протесты против того, что совхозы есть не что иное как более или менее "восстановление помещиков под советским флагом"[54]. На Всероссийском совещании в ноябре 1919 г. по работе в деревне Ленин признал "недоверие и возмущение" среди крестьянства против совхозов, особенно если там в качестве заведующих и специалистов сидят "старые эксплуататоры", однако решительно встал на защиту такой практики.

"...Нет, если не умеете сами устроить хозяйство по-новому, надо брать на службу старых специалистов, без этого из нищеты не выйти"[55].

Тем не менее VII Всероссийский съезд Советов в декабре 1919 г. стал местом бескомпромиссного наступления на совхозы. Их обвиняли в том, что они чуждаются местных Советов, привлекают специалистов, предлагая высокие ставки, а также в том, что они вмешиваются в процесс распределения земель. Директора совхозов живут в роскоши, занимая дома бывших землевладельцев; в некоторых случаях изгнанные помещики фактически возвращались к своим владениям под личиной директоров совхозов: "Советские хозяйства превратились в орудия контр-революционной агитации против Советской власти"[56]. В своем ответе Ленин признал, что такого рода злоупотребления могли иметь место, и мог только возразить, что выход для совхозов заключался в том, чтобы установить тесную связь "и с окрестным крестьянством и с коммунистическими группами"[57]. Середняк оставался закоренелым индивидуалистом. Когда летом 1920 г. на II Конгрессе Коминтерна немецкий делегат укорял Советское правительство за поддержку мелкому крестьянству в ущерб крупному земледелию, сопровождавшуюся "рецидивом изжившего себя мелкобуржуазного образа мышления" и "принесением интересов пролетариата в жертву крестьянства", Ленин ответил в резкой форме, что "иначе мелкий крестьянин и не заметит разницы между тем, что было прежде, и советской диктатурой" и что, "если пролетарская государственная власть не будет проводить этой политики, она не сможет удержаться"[58]. И все же эта точка зрения, до тех пор покуда она превалировала, служила серьезным препятствием для осуществления того, что Ленин и все марксисты считали – и в условиях России совершенно справедливо – единственным путем к более эффективному земледелию.

Поэтому, когда гражданская война осенью 1920 г. в конце концов завершилась и бывшие территории Российской империи, объединенные теперь под властью Советов, были предоставлены самим себе в деле выполнения тяжелой задачи восстановления, стало совершенно ясно, что революция в преобразовании лица русской деревни не решила ни одной из стоявших перед ней фундаментальных проблем. Важные производящие продо-

вольствие районы были возвращены в советскую экономику к моменту сбора урожая 1920 г.[59]. По некоторым данным, в Сибири, ставшей доступной после разгрома Колчака, насчитывалось огромное количество хлеба, собранного в прошлые годы, и различными декретами предусматривались все возможные принудительные меры для изъятия этих запасов у их владельцев[60]. Но такие неожиданные удачи, хотя и приносили, возможно, некоторое смягчение теперь уже хронической нехватки продовольствия в городах, не могли повлиять на прогрессировавшее снижение его производства, которое угрожало остановкой всей экономики. Вполне естественно, что на статистические данные о сельском хозяйстве в период военного коммунизма нельзя полагаться. Сколь бы велико ни было желание, получить хотя бы приблизительные данные из деревни было невозможно; у крестьянина были все основания для сокрытия информации о своем производстве и запасах[61]; а анализ и сопоставление получаемых сообщений оставляли желать лучшего. Различными властями предоставлялись различные цифры, и не всегда было ясно, к каким районам они должны были относиться. Однако со всеми этими оговорками можно в общих чертах нарисовать статистическую картину сельского хозяйства России накануне НЭПа.

Перераспределение земли, начатое Октябрьской революцией, было фактически завершено к концу 1918 г. в районах, находившихся под властью Советов, и распространилось к лету 1920 г. на всю территорию советских республик. Это привело к разительному уравниванию размеров производственных единиц. Таблица, распространенная в это время, классифицировала земельные участки разного размера соответственно в 1917, 1919 и 1920 гг.

	1917	1919	1920
	%	%	%
Беспосевных земель	11,3	6,6	5,8
С посевными до 4 десятин	58,0	72,1	86,0
С посевными от 4 до 8 десятин	21,7	17,5	6,5
С посевными свыше 8 десятин	9,0	3,8	1,7[62]

Мелкие земельные наделы, обрабатываемые крестьянином и членами его семьи, которые имели в своем хозяйстве одну лошадь (явление, типичное даже для 1917 г.), в 1920 г. стали преобладающими в земледелии России. Полностью исчезли крупные помещичьи владения. Попытки восстановить крупные хозяйства в виде совхозов и земледельческих коммун повсеместно встречали упорное сопротивление и пользовались незначительным успехом. Среди многочисленных причин снижения объема производства в течение первых трех послереволюционных лет (опустошение деревни, потери рабочих рук, уничтоже-

ние поголовья скота, нехватка орудий производства и удобрений) было бы несправедливо отводить более чем незначительное место меньшей эффективности мелких хозяйств по сравнению с крупными. Однако последнее являлось постоянным препятствием, которому суждено было пережить неблагоприятные факторы, возникшие непосредственно из-за мировой и гражданской войн, и которое представляло собой основную дилемму советской экономики.

Рост мелкокрестьянского земледелия за счет крупного имел определенные специфические последствия. Прежде всего он способствовал переходу с производства более ценных технических культур на производство простых средств к существованию. На III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в январе 1920 г. отмечалось, что "наблюдается опасный переход от технических и специальных сельскохозяйственных культур к культурам хлебным (уменьшение посевов льна, пеньки, масличных растений, хлопка и т.д.), равно как и уменьшение животноводства"[63]. Согласно докладчику по аграрному вопросу на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г., обрабатываемые площади в советских республиках уменьшились в период между 1917 и 1919 гг. на 16%; однако снижение было наименьшим на площадях под рожью (6,7%) и наибольшим – под специальными культрами (27% – под коноплей, 32 – под льном, 40% – под фуражными культурами)[64]. Во-вторых, мелкие крестьянские хозяйства не только производили меньше, но и потребляли бóльшую часть того, что производили. Так что остаток, попадавший в города, сокращался вдвое; а там, где существовали излишки, процесс сбора оказывался несравненно более трудным и опасным, поскольку было невозможно как материально, так и морально применять к массе мелких и средних крестьян меры принуждения, которые могли быть использованы против немногочисленных зажиточных крупных земледельцев или в отношении коллективных хозяйств, поддерживаемых государством или городским пролетариатом. Как Ленин всегда предсказывал, распределение земли среди крестьян, приведя к уменьшению среднего размера производительной единицы, оказалось непреодолимым препятствием на пути увеличения притока продовольствия и сырья в города, что было необходимо для увенчания победы пролетарской революции. Еще раз была ясно продемонстрирована трудность построения социалистического порядка в стране, экономика которой зависела от отсталого крестьянского земледелия.

Однако, не говоря обо всех препятствиях, возникающих в аграрной системе, основная трудность в обеспечении городов продовольствием заключалась в том, что крестьянину нельзя было предложить соответствующее возмещение за производимое им продовольствие и что реквизиция в той или иной форме была фактически единственным законным способом получения хлеба. Советские руководители, не имея никакой иной реаль-

ной альтернативы, упорно не хотели признать этот суровый факт[65]. Однако к осени 1920 г. недовольство крестьян достигло слишком широких масштабов, чтобы его скрыть. Начиная с сентября демобилизация армий привела к бандитизму (традиционная форма крестьянских волнений) повсеместно в центральных и юго-восточных областях; центром этих беспорядков, похоже, была Тамбовская губерния[66]. Враждебность крестьян открыто проявилась на совещании председателей волостных и сельских исполкомов Московской губернии, на котором выступил Ленин. В своем заключительном слове он признал, что "большинство крестьян слишком больно чувствует... и голод, и холод, и непосильное обложение" и что именно за это "...и прямо, и косвенно большинство говоривших ругали центральную власть"[67].

Последнее серьезное исследование сельскохозяйственной проблемы в период военного коммунизма состоялось на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. С разгромом Врангеля завершилась наконец гражданская война, и съезд занимался почти исключительно проблемами восстановления хозяйства. В своей вступительной речи (это был доклад ВЦИКа и Совнаркома о внешней и внутренней политике. – *Ред.*) Ленин все еще придерживался той точки зрения, что "в стране мелкого крестьянства наша главная и основная задача – суметь перейти к государственному принуждению, чтобы крестьянское хозяйство поднять"[68]. Меньшевик Дан суммировал обвинительный акт действиям Советов: "Продовольственная политика, основанная на насилии, обанкротилась, ибо, хотя она выкачала 300 миллионов пудов, но это куплено повсеместным сокращением посевной площади, достигшим почти четверти прежних засевов, сокращением скотоводства, прекращением посевов технических растений, глубоким упадком сельского хозяйства"[69]. В резолюции, предложенной делегатом от левых эсеров, предлагалось, что "в целях стимулирования развития сельского хозяйства" разверстка должна распространяться только на ту часть продуктов, в которой нуждается потребляющая сторона, а остальную часть продукта "оставлять в руках производителя либо для его собственного удовлетворения, либо для обмена ее через потребительскую кооперацию на необходимые для трудового крестьянского хозяйства предметы"[70]. Резолюция меньшевиков пошла еще дальше, признав, что "русское крестьянство есть класс товаропроизводителей, развивающий или сокращающий свою хозяйственную деятельность по принципам товарного хозяйства", то есть класс мелких капиталистов, и предложив, чтобы "все излишки, остающиеся за выполнением государственных повинностей, строго определенных, крестьянство имело возможность сбывать на основе добровольного товарообмена или устанавливаемых по соглашению с ним цен"[71]. Предложение меньшевиков было встречено враждебно, причем один из большевистских делегатов сравнил его с тем, что "мы слышали не раз от всех кулаков и бандитов, особенно на Украине"[72]. Однако

дебаты были выдержаны в мрачных и бесперспективных тонах. Докладчик Теодорович вскрыл три основные черты сложившейся ситуации: "общее обеднение деревни", сокращение сельскохозяйственного производства, сопровождающееся переходом от специальных к "натуральным" культурам, и "процесс нивелировки хозяйства". Эти условия порождают два "основных дефекта": упадок посевной площади и падение урожайности ("примерно в 3–4 раза меньше, чем в некоторых странах Западной Европы"). Теодорович еще раз изложил вечную дилемму – "заколдованный круг" – города и деревни и их соответствующих требований друг к другу:

"Чтобы возродить деревню, надо снабдить ее в нормальном количестве продуктами городского производства; но для этого, в свою очередь, город должен быть снабжен определенным количеством сырья и продовольствия"[73].

Однако концепции о том, как вырваться из этого "заколдованного круга" и получить "определенное количество" продовольствия, в котором нуждался город, все еще отдавали наивностью и диктовались преимущественно городскими интересами. В 1919 г. исполнительный комитет Тульского губернского Совета выдвинул идею создания "посевного комитета", чтобы вести кампанию среди крестьян за расширение производства"[74]. Эта идея была подхвачена повсюду и казалась подходящей для общего использования[75]. Было решено установить губернские, уездные и волостные сельские "посевные комитеты". На Наркомзем была возложена выработка "общегосударственного плана обязательного посева". "Установление планов засева по уездам, волостям и селениям..." было возложено на губернские комитеты по расширению посевов и улучшению обработки земли, а проведение в жизнь этих планов – на нижестоящие комитеты. Было решено "объявить государственной повинностью обсеменение площади земли, устанавливаемой государственным планом посева"[76].

Дебаты на VIII Всероссийском съезде Советов привели к определенном прогрессу. На протяжении первых трех лет большевистского режима нехватка продовольствия рассматривалась как проблема сбора и распределения, а не производства. Это предложение, естественное в стране, до недавнего времени являвшейся экспортером зерна, было теперь наконец-то признано трагическим заблуждением. Гражданская война, аграрная реформа и забастовка производителей из-за реквизиции – все это, вместе взятое, привело к последовательному сокращению возделываемых площадей и собираемого урожая. Когда гражданская война закончилась, стало очевидно, что основной задачей советской аграрной политики является теперь не изъятие у крестьянина несуществующего излишка, а стимулирование сельскохозяйственного производства. Это-то и было признано съездом. И все же вопреки всей практике вновь было выдвинуто предположение, что крестьянина можно заставить силой или

обещаниями согласиться с этими требованиями. На этот раз заблуждение оказалось кратковременным. Когда три месяца спустя Ленин объявил о Новой экономической политике, ее направления не очень сильно расходились с теми, которые были бегло набросаны левыми эсерами и меньшевиками на VIII Всероссийском съезде Советов.

б) Промышленность

Влияние гражданской войны на промышленность было более непосредственным и на первый взгляд более разрушительным, чем на сельское хозяйство. В сельском хозяйстве она интенсифицировала спрос на все и усугубила все трудности производства и снабжения, обострив тем самым вопросы, которые в противном случае создали бы в более медленном и поддающемся управлению темпе. В промышленности она сделала то же самое и даже больше. Еще раз она исказила образ производства в тот момент, когда на повестке дня стоял вопрос о возвращении к условиям мирного времени; она преобразовала все ведущие отрасли промышленности в организацию снабжения Красной Армии и превратила промышленную политику в часть военной стратегии; при этом каждое решение диктовалось чрезвычайными обстоятельствами и принималось без учета долгосрочных перспектив и принципов. А поскольку в советской промышленной политике сохранялась преемственность до и после гражданской войны, тем самым подтверждался принцип, что войны и потрясения служат в качестве катализатора революционных преобразований, обусловленных предшествовавшими и более глубокими причинами. Государственный контроль над промышленной машиной, уже получивший стимул в результате первой мировой войны до прихода большевиков к власти, теперь приобрел новый и всеобъемлющий импульс от гражданской войны, чье место в большевистской доктрине было вновь подтверждено суровым практическим опытом. Главным уроком, который гражданская война преподала в области промышленности, была необходимость централизованного контроля, управления и планирования. Он включал также два вывода, не столь явно совместимых с социалистическими принципами, но прямо продиктованных соображениями эффективности, – потребность в технических специалистах и необходимость единоличной ответственности в управлении.

Юридические отношения между государством и промышленностью были определены последовательной национализацией всех промышленных предприятий. Период военного коммунизма в индустрии начался с декрета от 28 июня 1918 г. о национализации всех крупнейших промышленных предприятий[77]. В течение второй половины 1918 г. целый ряд декретов о

национализации заполнил пробелы, оставшиеся после законодательства от 28 июня; октябрьским декретом 1918 г. было вновь подтверждено правило о том, что, кроме Совнаркома, правом отчуждения промышленных предприятий в пользу государства пользуется только ВСНХ "в качестве центрального органа, регулирующего и организующего все производство республики"[78]. Отсюда можно предположить, что местные Советы и совнархозы все еще занимались национализацией по своему собственному усмотрению. Однако, за исключением довольно небольших промышленных предприятий, формальная национализация была завершена к концу 1918 г. независимо от того, состоялась она на деле или нет. В начале 1918 г. внимание было переключено на мелкую кустарную промышленность в деревне, разбросанную и неорганизованную, зависевшую в значительной мере от надомной работы или труда беднейших крестьян и членов их семей, занятых неполный рабочий день. Такие предприятия играли огромную роль в российском хозяйстве; именно они – почти в такой же мере, как и крупные механизированные фабрики, – удовлетворяли простые потребности крестьянина – в орудиях труда и утвари, в одежде, примитивной мебели и обустройстве его дома[79]. В Программе партии (март 1919 г.), заинтересованной любыми путями в увеличении производства, подчеркивалась необходимость оказания поддержки мелкой и кустарной промышленности путем дачи государственных заказов и предоставления финансовых кредитов кустарям "при условии объединения отдельных кустарей, кустарных артелей, производственных кооперативов и мелких предприятий в более крупные производственные и промышленные единицы"[80]. В декабре 1918 г. было решено создать в ВСНХ и местных совнархозах специальные отделы для организации кустарной промышленности[81], а в январе 1920 г. III Всероссийский съезд Советов предложил объединить ее предприятия под руководством кооперативов[82]. Остается проблематичным вопрос о том, как много было сделано в этой области. Все сомнения юридического порядка были в конце концов развеяны декретом, принятым в конце ноября 1920 г., по которому подлежали национализации все предприятия с механической тягой, на которых работало более пяти человек, и немеханизированные предприятия с числом рабочих более десяти человек. Однако, подобно декрету от 28 июня 1918 г., этот декрет сменил только юридическую вывеску: прежние владельцы продолжали хозяйничать вплоть до того момента, покуда ВСНХ или местные совнархозы не предпринимали соответствующих мер[83].

Окончательный баланс национализированных отраслей промышленности никогда не подводился при военном коммунизме. Перепись промышленных предприятий, проведенная в 1920 г. на всей территории, которая тогда находилась под Советской властью (включая фактически все районы, составившие впоследствии СССР, за исключением Восточной Сибири), пока-

зала, что общее число "промышленных учреждений" достигало 404 тыс., из которых действующих было 350 тыс. Из этих 350 тыс. примерно три четверти составляли единоличные или семейные предприятия, только 26% использовали хоть какой-то наемный труд. Общее число наемных рабочих в промышленности равнялось 2200 тыс., или 89% всех рабочих, занятых в промышленном производстве, а из них 1410 тыс. работало в так называемых крупных предприятиях, имевших более 30 рабочих. Общее число промышленных предприятий, национализированных на основании ноябрьского декрета 1920 г., составляло 37 тыс., на которых работало 1615 тыс. человек; кроме того, 230 тыс. рабочих трудились на кооперативных промышленных предприятиях[84]. Однако цифры, собранные ВСНХ до начала этого процесса массовой национализации, больше отражают реальное положение дел. Согласно им, общее число промышленных предприятий, подотчетных ВСНХ, достигало 6908, из которых, по мнению ВСНХ, 4547 предприятий были действительно национализированы, то есть взяты под контроль государства. В то же время Центральное статистическое управление низвело число национализированных предприятий до всего лишь 3833[85]. Все авторитетные источники сходятся на том, что полнее всего национализация была проведена на транспорте, в машиностроении, электротехнической, химической, текстильной и бумажной отраслях промышленности.

В период военного коммунизма речь шла не о национализации промышленности (само по себе это не являлось, как неоднократно подчеркивал Ленин, социалистической мерой и предусматривалось в этот момент в некоторых законодательных актах в странах, где оставалась нетронутой структура буржуазного капитализма[86]), а о попытке государства управлять промышленностью на социалистических началах. Наиболее многочисленные и значимые декреты, принятые в период с июля 1918 г. до конца 1919 г., предусматривали "переход в ведение республики (это была обычная формулировка) промышленных предприятий; иногда в декретах назывался отдел ВСНХ, на который возлагалась ответственность за управление, иногда это оставлялось на усмотрение ВСНХ или его Президиума. Декреты относились к определенным предприятиям. Никогда одним декретом не национализировались сразу все фирмы или фабрики отдельной отрасли промышленности: потребовалось больше дюжины актов, чтобы национализировать обширную и разнообразную текстильную промышленность. Однако политика была направлена на то, чтобы завершить принудительное "трестирование" промышленности, которое Ленин с осени 1917 г. провозгласил последней стадией в капиталистической организации, а следовательно, и необходимым условием организации социализма[87]. Каждая отрасль промышленности должна быть объединена в отдельный "трест" под своим главком или центром, подотчетными ВСНХ, выступавшего в качестве высшего поли-

тического арбитра. К концу 1919 г. было организовано около 90 таких "государственных трестов"[88].

Не всегда просто определить какую-либо точную и последовательную политическую линию в многочисленных законодательных актах того периода в области промышленной политики. ВСНХ, как говорил в это время его председатель Рыков, не давали возможности заниматься "правильной организацией хозяйства", и "мы принуждены были прибегнуть к крайним мерам, чтобы предохранить от нападения с тыла"[89]. Вне всяких сомнений, гражданская война, доминируя над всеми другими факторами, в первую очередь стимулировала национализацию промышленных предприятий, непосредственно или косвенно удовлетворявших ее потребности. Установление государственного контроля над металлургической промышленностью было фактически завершено до того, как 28 июля 1918 г. был объявлен декрет о национализации. Военные нужды диктовали те высокие темпы, которыми осенью 1918 г. национализировались такие базовые отрасли промышленности, как кожевенная, текстильная, химическая и энерготехническая; и не требуется никакого объяснения, почему в декабре 1918 г. был создан главный топливный комитет (Главтоп) с диктаторскими полномочиями по производству и снабжению страны всеми видами топлива. Соображениями более общего плана, возможно, объяснялась столь быстрая национализация фабрик, производящих бумагу, табак и сигареты, огнеупорные и керамические изделия, или винокуренных и спиртоочистительных заводов, которые были по непонятным причинам не охвачены июньским декретом. Все они были национализированы в ноябре 1918 г. и взяты под управление государства в следующем месяце. Однако трудно понять, почему были предприняты в декабре 1918 г. шаги по национализации и переходу в ведение республики нотопечатания, типографии и литографии или предприятий кондитерской промышленности в Москве и Петрограде[90]. Машина "национализации", приведенная в движение из хороших и разумных побуждений, набрала собственную инерцию или направлялась вперед за счет смеси беспорядочных и частично случайных мотивов и импульсов различного плана, свойственных любому крупномасштабному административному процессу.

Следствием всех этих мер было низведение ВСНХ с первоначально отведенной ему роли верховного директора и арбитра всего советского хозяйства на роль ведомства, ответственного за управление советскими национализированными промышленными предприятиями. Его эффективная роль из двух функций, предписанных декретом в августе 1918 г. (ВСНХ "регулирует и организует все производство и распределение" и "управляет всеми предприятиями Республики"), сводилась поэтому ко второй. Тем же декретом был назван состав ВСНХ. Из 69 его членов 10 назначались от ВЦИК, 20 – от областных Советов народного хозяйства, 30 – от Центрального Совета профсоюзов; пле-

нум ВСНХ должен был собираться не реже одного раза в месяц. Руководство работой ВСНХ возлагалось на Президиум в количестве 9 лиц, из коих 8 избирались пленумом ВСНХ и утверждались Совнаркомом, а председатель избирался ВЦИК (в тексте ошибочно говорится о том, что председатель и его заместитель назначались Совнаркомом, а остальные члены Президиума назначались ВЦИК. – *Ред.*). Очень скоро Президиум превратился в руководящий и определяющий политический курс орган. После осени 1918 г. ВСНХ перестал собираться вообще как совет: он превратился в ведомство государственного ранга, подобно британской Торговой палате (название отмершего органа)[91].

Механизм, при помощи которого ВСНХ пытался управлять своим новым промышленным королевством, развился из системы центральных органов – главков и центров (первые были созданы до начала национализации). Некоторые из менее значимых отраслей промышленности вышли из этой системы за счет непосредственного подчинения управлениям ВСНХ. Однако это различие не имело существенного значения, поскольку центры и главки постепенно потеряли всякую видимость независимого статуса и слились с отделами ВСНХ. Это прямое подчинение центров и главков стало неизбежным, когда все кредиты национализированным промышленным предприятиям начали поступать исключительно через ВСНХ – положение, официально одобренное резолюцией II Всероссийского съезда Советов в декабре 1918 г.[92] Более неопределенными и неустойчивыми вначале были взаимоотношения центров и главков с отраслями промышленности, находившимися под их контролем. В обязанности Главного нефтяного комитета (Главнефть) – одного из первых главков, созданных до национализации промышленности, входило "организовать и вести нефтяное дело за счет государства" и "закрывать, открывать и сливать" различные предприятия в пределах отрасли, а также "контролировать и регулировать частные нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия"[93]. Главному табачному комитету (Главтабак), также одному из первых образований такого рода, было предписано организовать "плановую доставку сырьевых материалов" и "плановое распределение продукции"[94]. Прямое управление предприятиями со стороны ВСНХ или главков не предусматривалось ни до, ни после национализации. В текстильной промышленности, по мере того как все большее число предприятия переходило под контроль государства, в декабре 1918 г. был создан новый орган под названием Национальткань для управления всеми государственными текстильными предприятиями, находящимися в ведении Центротекстиля[95]. С другой стороны, Главному комитету кожевенной промышленности (Главкож) было указано, что он "организует управление" национализированными предприятиями; в задачу Главного комитета лакокрасочной промышленности (Центролак) (в тексте ошибочно называется Главлак. – *Ред.*) входило "общее управление"

соответствующими предприятиями; а Главный бумажный комитет (Главбум) был "преобразован в Главное управление государственными предприятиями бумажной промышленности"[96]. Без сомнения, эти изменения в терминологии соответствовали изменениям в практике. Лихорадочная атмосфера гражданской войны была особенно неподходяща для роста какой-либо упорядоченной и единообразной системы.

Может быть, наиболее серьезным недостатком центров и главков, которых в 1920 г. насчитывалось 42 единицы[97], являлось то, что они не могли выполнять функцию, которую они не были призваны первоначально выполнять и к которой не были приспособлены: они скорее мешали, чем управляли. Среди писателей более позднего периода они стали синонимом любого проявления неэффективности и считались олицетворением сверхцентрализации, которая являлась одной из ошибок военного коммунизма. Однако в сложившихся условиях того времени аргумент в пользу централизации был неоспоримым. Реакция против административного хаоса первой зимы после революции была не только здоровой, но и неизбежной.

"Разруху, – говорил Ленин в январе 1919 г., – можно уничтожить только централизацией, при отказе от чисто местнических интересов, которые, как видно, и вызывали оппозицию против централизма, являющегося, однако, единственным исходом из нашего положения.

...Наше положение плохо... потому, что у нас нет строгой централизации"[98].

Централизации способствовало воздействие гражданской войны, которая, как и всякая другая война, требовала концентрации усилий на решении важнейших вопросов – а иногда и концентрации производства – в какой-то единой точке. Не далее как в октябре 1918 г. нехватка сырья продиктовала решение о закрытии менее эффективных фабрик во многих отраслях промышленности и концентрации производства в более эффективных[99]; такого рода решения могли приниматься только сильной центральной властью. Когда летом 1919 г. территория РСФСР сократилась до размеров древней Московии, централизованный контроль над промышленностью был гораздо более практичным делом, чем он мог показаться раньше или позже. Все обстоятельства говорили в пользу принятия декрета о централизации, которую в конечном счете невозможно было поддерживать и за которую пришлось заплатить дорогой ценой в виде бюрократической неэффективности.

Политика централизации вскоре столкнулась с рьяным сопротивлением со стороны губернских совнархозов. Ко времени созыва II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства в декабре 1918 г. было покончено с обременительной фикцией системы параллельного существования экономических Советов с политическими. Новым декретом были упразднены региональные Советы, а губернские совнархозы названы "исполнительны-

ми органами" ВСНХ, местные же совнархозы были превращены – трудно сказать, как много таких органов вообще было создано, – в "экономические отделы" при исполнительных комитетах соответствующих местных Советов. Правда, несмотря на то, что декрет был нацелен на предоставление действительно широких полномочий губернским совнархозам, он еще больше подрезал им крылья, разрешив главкам и центрам иметь свои собственные подчиняемые только им органы в губернских штабах; и хотя эти органы были в какой-то степени привязаны к губернским совнархозам, эта мера ясно показывала, что был сделан очередной шаг к установлению централизованного контроля над каждой отраслью промышленности по всей стране со стороны соответствующего главка или центра в Москве под высшим руководством ВСНХ. Под руководством же губернских совнархозов оставалась лишь быстро сокращающаяся категория промышленных предприятий "местного значения"[100]. Эти преобразования на административном уровне шли рука об руку с усилением влияния централизованной профсоюзной организации над местными фабричными комитетами и другими профсоюзными органами[101] и даже явились причиной роста влияния профсоюзов в главках[102]. Специальное совещание с участием представителей главков и совнархозов в апреле 1919 г. не привело к достижению компромисса или к прекращению роста центральных органов[103]. Однако не было другой такой сферы, где сверхцентрализация была бы столь очевидно неприемлемой и где ощущалась бы столь острая необходимость в децентрализации, как в повседневной работе промышленности.

То, что началось как откровенная борьба между централизацией и местной автономией в хозяйственном управлении, вскоре превратилось в борьбу между сторонниками передачи власти по функциональному и географическому признакам. Главки представляли "вертикальную" систему организации, при которой каждая отрасль промышленности должна функционировать как отдельная общность, ответственная перед единым руководством для этой отрасли. Губернские совнархозы оспаривали эту систему во имя "горизонтального" управления, при котором промышленные предприятия данной губернии должны координироваться и контролироваться высшей губернской властью. Этот вопрос стал составной частью общих дебатов на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г. об ответственности местных органов народных комиссариатов перед местными Советами и их исполнительными комитетами. Сапронов, который на VIII съезде партии нападал на совнархозы за их поползновение на захват власти в местных Советах[104], теперь направил острие своих атак на непопулярные главки, утверждая, что они воплощают в себе попытку заменить "строительство по Советам" "ведомственным строительством" – демократическую систему бюрократической. Другой выступающий заявил, что, если народ спросить: "Что надо уничтожить на вто-

рой день после уничтожения Колчака и Деникина?" – 90% ответят: "Главки и центры". Калинин пришел на помощь, сказав в ответ, что "один из главков, который больше всего централизован и более всего давит местное население, – это главк, возглавляемый т. Троцким", то есть Красная Армия[105]. Дебаты не привели ни к какому результату и были возобновлены на III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в январе 1920 г., на котором Президиум ВСНХ в альянсе с профсоюзами в поддержку главков подверглись резкой критике со стороны губернских совнархозов. Большинством в две трети голосов была поддержана резолюция об управлении промышленностью, по которой предприятия подразделялись на три категории: "трестированные" предприятия, или предприятия государственного значения, находящиеся под непосредственным управлением центральных органов ВСНХ, предприятия, управляемые губернскими совнархозами "при непосредственном руководстве центральных органов ВСНХ", и предприятия местного значения, состоящие в ведении и управляемые исключительно губернскими совнархозами[106]. IX съезд партии в марте 1920 г. приложил к этому руку и принял резолюцию, в которой провозглашалось, что "организационная задача состоит в том, чтобы, сохраняя и развивая вертикальный централизм по линии главков, сочетать его с горизонтальным соподчинением предприятий по линии хозяйственных районов"[107]. Однако красивые слова ничего не решали. Круги, выступавшие за централизацию, черпали силы в гражданской войне, и их вряд ли можно было одолеть, покуда длилась война. Соответствующая реакция последовала только после введения НЭПа и в качестве составной части общей политики.

В связи с нападками на централизованную организацию ВСНХ имела место еще одна острая полемика (иногда в открытую, а чаще всего исподволь) – по вопросу об использовании специалистов. Здесь также часто ощущался конфликт между требованиями деловой эффективности и потребностями социалистического или даже демократического самоуправления. Однако вопрос о специалистах затрагивал более глубинные слои партийной доктрины и партийных предубеждений. Он вскрыл очевидное противоречие между верой в разрушение старого административного аппарата и отмирание государства, которую Ленин вновь столь красноречиво подтвердил осенью 1917 г. в своей работе "Государство и революция", и практической потребностью, о которой он с не меньшей энергией писал почти в то же время в статье "Удержат ли большевики государственную власть?", в захвате и использовании технического аппарата хозяйственного и финансового контроля, созданного и оставленного после себя капитализмом[108]. На начальном этапе революции на смену анархии рабочего контроля пришли попытки применить доктрину, которая черпала силу из определенных

пассажей ленинской книги "Государство и революция" о том, что управление промышленностью является простым делом, которое вполне по силам любому гражданину со средним интеллектом. В марте 1918 г. одно из должностных лиц ВСНХ могло все еще писать о том, что использование любого буржуазного инженера на фабрике является "предательством рабочих"[109]. Однако задолго до этого начались радикальные изменения. В статье "Удержат ли большевики государственную власть?" Ленин осторожно предсказывал, что новому режиму будут нужны "в большем и большем, против прежнего, числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода...", которым "на время перехода" оставят более высокую плату, чем другим работникам[110]. После Брест-Литовска, когда Троцкий уже начал привлекать старый офицерский состав для строительства Красной Армии, Ленин прямо заявил, что "без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта переход к социализму невозможен", и выразил сожаление по поводу того, что "мы... обстановки, дающей в наше распоряжение буржуазных специалистов, *еще* не создали"[111]. Когда левая оппозиция говорила об этом как о "возрождении руководства капиталистов", он ответил, что это "руководство" капиталистам дается Советской властью "не как капиталистам, а как специалистам – техникам или организаторам"[112]. На I Всероссийском съезде Советов в мае 1918 г. он откровенно говорил о задаче "использования буржуазных специалистов" и о необходимости, если социализм должен быть осуществлен, выработки "громадного кадра научно-образованных специалистов", полагаясь в этом даже на "враждебные элементы". И повторил: "Мы знаем, что без этого социализм невозможен"[113]. Число служащих ВСНХ увеличилось с примерно 300 в марте 1918 г. до 2500 человек в течение следующих шести месяцев, а включая штат главков и центров – до 6000 человек[114]. Эта цифра кажется скромной, если учесть огромную задачу, возложенную на ВСНХ по реорганизации русской промышленности перед лицом гражданской войны. Однако она вызывала традиционные стенания со стороны напыщенных бюрократов, усугубляемые знанием источников, откуда, следуя предписаниям Ленина, брались многие из новых служащих.

Вопрос о специалистах был постоянным яблоком раздора в течение двух следующих лет. На II Всероссийском съезде Советов в декабре 1918 г. Молотов провел анализ служащих 20 наиболее важных главков и центров. Всего их насчитывалось 400 человек, из которых свыше 10% были представителями бывших предпринимательских органов и организаций, 9 – различных технических сил, 38 – правительственных ведомств, включая ВСНХ, а остальные 43% – рабочих или их организаций, включая профсоюзы. Таким образом, большинство представляло собой лица, "с пролетарским элементом ничего общего не имеющие, т.е. большинство, не имеющее никакого отношения к пролетар-

ским элементам в промышленности", а главк "являлся далеко не отвечающим пролетарской диктатуре органом"; те, кто вел там политику, "были представители предпринимателей, технических сил и специалисты"[115]. Меньшевистский делегат Далин, смело заявивший, что в "громадных европейских трестах" имеется "очень малый бюрократизм", и повторивший старый меньшевистский аргумент о преждевременности попытки внедрить социализм там, "где социализм является не на подготовленной почве, при неподготовленном механизме", начал общее наступление:

"Пролетариата нет, осталась только диктатура, и то не пролетариата, а огромного бюрократического механизма, который держит в своих руках мертвые фабрики и заводы... Так и мы создаем новую буржуазию, которая не будет иметь предрассудков культуры, воспитания, которая заменит старую буржуазию только в деле притеснения рабочего класса. Вы создаете буржуазию, которая не знает преград перед угнетением и эксплуатацией".

Этот рост, по словам оратора, "американской буржуазии" явился причиной снижения производства мелкой буржуазии, типичным примером чего было новое отношение к среднему крестьянину[116].

Такие наскоки мало что дали для прекращения последовательного внедрения буржуазных специалистов в советский аппарат; гражданская война, сделавшая их помощь еще более необходимой, в то же время упростила достижение национального примирения на основе защиты отечества от иностранного агрессора. "Что же, мы разве выкинем их?" – воскликнул Ленин, имея в виду бывшую буржуазию, занятую на советской военной и хозяйственной работе. "Сотни тысяч не выкинешь! А если бы мы выкинули, то себя подрезали бы"[117]. В новой Программе партии, принятой в марте 1919 г., в дружелюбных тонах было сказано о буржуазных специалистах, работающих "рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами"[118]. В эти суровые месяцы нельзя был позволить, чтобы какой-либо иной критерий взял верх над соображениями административной эффективности. "Белый" профессор, добравшийся осенью 1919 г. из Москвы до Омска, сообщил, что во главе многих центров и главков сидят бывшие предприниматели, ответственные государственные служащие и управлящие делами, и неподготовленный посетитель этих центров и главков, лично знакомый с бывшим коммерческим и промышленным миром, будет удивлен, увидев бывших владельцев крупных кожевенных фабрик, которые сидят в Главкоже, крупных мануфактурщиков – в центральной текстильной организации и т.п.[119]. На партийной конференции в декабре 1919 г., когда гражданская война казалась почти выигранной и стало возможным вновь заглянуть в будущее, Ленин щедро воздал должное буржуазным специалистам:

"Мы... признаем необходимость поставить эти группы в положение лучшее, потому что невозможен переход от капитализма к коммунизму без использования буржуазных специалистов. и все наши победы, все победы нашей Красной армии, руководимой пролетариатом, привлекшим на свою сторону полутрудовое, полусобственническое крестьянство, мы одерживали отчасти благодаря умению использовать буржуазных специалистов. Эта наша политика, выраженная в военном деле, должна стать политикой нашего внутреннего строительства"[120].

Однако на последовавшем затем VII Всероссийском съезде Советов он вновь занял оборонительную позицию. "Мы не можем перестроить государственный аппарат... без помощи старых специалистов", которые "не могут быть взяты ниоткуда иначе, как из общества капиталистического". Тем не менее "даже в тех случаях, когда они не являются прямыми изменниками (а это явление не случайное, а постоянное)... они не в состоянии понять новых условий, новых задач, новых требований". В главках и центрах, а также в совнархозах осталось "больше контрреволюционных элементов, больше бюрократизма, чем в области военной". Причина кроется в том, что на первые области обращалось меньше внимания, в них было направлено меньше рабочих и крестьян, а следовательно, там было меньше контроля над специалистами. Единственным средством является постоянное внимание[121]. На протяжении всего этого периода все свидетельствовало о тяжелой, но решительной борьбе Ленина и ряда других руководителей за сохранение привилегированного положения буржуазных специалистов вопреки подозрительности и негодованию со стороны рядовых членов партии[122]. Однако эта политика проводилась с прежней энергией, да и не могло быть иначе; а в марте 1920 г. IX съезд партии принял четкую резолюцию, которая вменяла партийным работникам в обязанность "стремиться к установлению атмосферы товарищеского сотрудничества рабочих и техников-специалистов, унаследованных пролетарским режимом от буржуазного строя"[123]. Любопытно отметить, что наиболее далеко идущие политические меры военного коммунизма в промышленности были в огромной степени осуществлены через посредничество и благодаря активному сотрудничеству бывших буржуазных технических специалистов и промышленников.

Тем не менее было бы ошибочным полагать, что Ленин когда-либо рассматривал использование буржуазных специалистов больше чем необходимое (и по своей природе временное) зло или отказался от своего конечного идеала, предусматривавшего управление государством самими рабочими. Только потому, что рабочие оказались не приспособленными к управленческой деятельности или не созрели для нее в достаточном количестве, эта зависимость от буржуазных специалистов была неизбежной.

"Один из главных недостатков этой работы тот, – говорил Ленин в 1920 г. на совещании по работе в деревне, – что мы не

умеем ставить дело государственное, что у нас в кругах товарищей, даже здесь руководящих работой, слишком сильна привычка старого подполья, когда мы сидели в маленьких кружках здесь или за границей и даже не умели мыслить, думать о том, что как поставить работу государственно... У нас громадный государственный аппарат, который работает еще плохо, потому что мы не умеем, не можем им хорошо овладеть"[124].

Постоянной темой стала критика бюрократизма. На VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. Зиновьев ринулся в наступление на "армию" советских служащих, которые "давят на наши учреждения"[125]. Введение НЭПа повлекло за собой мощную тенденцию к сокращению излишнего штата. И Ленин в последний год жизни был сильно озабочен злом бюрократизма. Бесспорно, что советский бюрократ того начального периода был, как правило, представителем бывшей буржуазной интеллигенции или класса служащих, а значит, привнес с собой многие традиции старой русской бюрократии. В то же время эти группы обеспечивали толику знаний и технического искусства, без которых режим не смог бы выжить. Торжественные заявления Ленина в 1918 и 1919 гг. о том, что социализм не возможен без привлечения помощи этих "классовых врагов", являли собой выражение фундаментальной дилеммы революции.

Споры, которые велись вокруг централизации и использования специалистов, возобновились по вопросу о "единоначалии" и велись так же энергично и бескомпромиссно. Принцип так называемой "коллегиальности" не фигурировал ни в одной из партийных программ и не являлся официально признанным пунктом партийной доктрины. Тем не менее у него была почтенная родословная в практике Французской революции; кроме того, казалось, в соответствии с духом демократического социализма, что решения должны приниматься не единолично, а коллективно. Каждый народный комиссар работал в окружении коллегии в составе пяти своих коллег, с которыми он обязан был консультироваться по важнейшим вопросам и каждый из которых имел право обращаться в Совнарком, чтобы опротестовать его решения. Первый драматический отход от этого принципа случился в марте 1918 г., когда Совнарком в который раз столкнулся с хронической проблемой проволочек и дезорганизации на железнодорожном транспорте. Ленин категорически потребовал "назначения отдельных ответственных лиц – исполнителей в каждом местном центре по выбору железнодорожных организаций" и "беспрекословного исполнения их приказаний"[126]. Опубликованный в результате декрет Совнаркома[127] подвергся резкой критике со стороны левых эсеров и большевистской левой оппозиции, которые увязывали его с таким злом, как централизация. С централизацией управления, едко замечал Осинский в органе левой оппозиции "Коммунист", увязывается здесь его автократический характер: причем слово "ав-

тократический" было выбрано намеренно, чтобы подчеркнуть один из титулов прежнего царя[128]. Ленин ни в чем не раскаивался и был полностью готов обобщить этот принцип.

"Всякая крупная машинная индустрия, – писал он в работе "Текущие задачи Советской власти", – т.е. именно – материальный, производственный источник и фундамент социализма – требует безусловного и строжайшего *единства* воли, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей... *Беспрекословное подчинение* единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо"[129].

Это была тема, которая со всей очевидностью возбудила наиболее упорное предубеждение. И только в декабре 1918 г., когда в полном разгаре была гражданская война, Ленин осторожно вернулся к ней на II Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, причем относя ее исключительно к управлению национализированной промышленностью.

"Военное положение возлагает на нас особую ответственность и тяжелые задачи. Коллегиальное управление необходимо при участии профессиональных союзов. Коллегии необходимы, но коллегиальные управления не должны обращаться в помеху практическому делу...

От Совнархозов, главков и центров мы будем безусловно требовать, чтобы коллегиальная система управления не выражалась в болтовне, в писании резолюций, в составлении планов и бюрократизме"[130].

Однако этот намек не повлиял на ход дискуссий и оставил лишь слабый след в резолюции, в которой подчеркивалась "личная ответственность членов руководящих коллегий за поручаемые им дела и за работу тех предприятий и органов, во главе которых они стоят"[131]. И почти год спустя, на VII Всероссийском съезде Советов, Ленин вновь обратился к его участникам с тем же призывом:

"...Нам необходима единоличная ответственность: как коллегиальность необходима для обсуждения основных вопросов, так необходима и единоличная ответственность и единоличное распорядительство, чтобы не было волокиты, чтобы нельзя было уклоняться от ответственности. Нам нужны такие люди, которые во всяком случае учили бы самостоятельному управлению"[132].

На III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства Ленин сделал этот вопрос центральной темой своего выступления, объединив его с вопросом о "трудовых армиях". Аргументация была вновь выдержана в примирительном и практическом духе:

"Коллегиальность, как основной тип организации советского управления, представляет из себя нечто зачаточное, необходимое на первой стадии, когда приходится строить вновь. Но при установившихся более или менее устойчивых формах

переход к практической работе связан с единоначалием, как с той системой, которая больше всего обеспечивает наилучшее использование человеческих способностей и реальную, а не словесную проверку работы"[133].

Тем не менее резолюция съезда еще раз подтвердила, что "базой для управления национализированной промышленностью должно являться коллегиальное начало", и сделала уступку только в том, что "единоличное управление вместо коллегиального может вводиться только с согласия соответствующего профсоюза в каждом отдельном случае"[134].

К тому времени стало ясно, что сопротивление принципу единоначалия кристаллизуется вокруг профсоюзов. Ленин дважды, в январе и марте 1920 г., выступал в поддержку своего проекта в большевистской фракции Всероссийского Совета профсоюзов и в обоих случаях встретил отпор; во втором случае фракция приняла тезисы, представленные Томским. "О задачах профсоюзов", которая откровенно высказалась в поддержку правила коллегиальности:

"Основным принципом в строении органов регулирования и управления промышленностью, единственно могущим обеспечить участие широких непартийных рабочих масс через профсоюзы, является существующий ныне принцип коллегиального управления промышленностью, начиная от президиума ВСНХ до заводо-управления включительно"[135].

Ленин тогда принял решение передать этот вопрос в высшие инстанции, и одной из них, где его собственный престиж имел наибольший вес, являлся IX съезд партии, состоявшийся в конце марта 1920 г. Именно этот вопрос вызвал наиболее острые дебаты на съезде. Против проекта резолюции Троцкого, который в осторожной форме высказался в поддержку принципа единоначалия, выступили Осинский и Сапронов, которые от имени возглавляемой ими так называемой группы "демократического централизма"[136] выдвинули свои собственные предложения, а также Томский, выступавший от имени профсоюзов. В то время как промежуточная группа готова была пойти на компромисс, признавая единоначалие на мелких предприятиях и на "отдельных милитаризованных предприятиях" по согласованию с профсоюзами, в тезисах Томского содержалось бескомпромиссное требование сохранения "существующего ныне принципа коллегиального управления промышленностью"[137]. Рыков, которого вскоре после этого освободили от должности председателя ВСНХ, решительно защищал принцип коллегиальности; Смирнов дерзко спросил, почему единоначальное управление не применяется в Совнаркоме; а Томский, пытаясь приписать авторство ненавистной инновации менее влиятельному лицу, заявил, что "первым идеологом единоначалия, был не Троцкий, а Красин" и что "т. Ленин... целые полтора-два месяца колебался", прежде чем поддержать вопрос о единоначалии (в тексте ошибочно сказано, что Ленин в течение двух лет колебался... –

Ред.)[138]. Как обычно, выступление Ленина поколебало съезд[139]. В резолюции съезда, которая завершила дебаты, содержалось недвусмысленное одобрение принципа единоначалия. Признав, что "нынешняя форма организации промышленности является формой переходной", она предложила применение четырех разных вариантов, которые могут быть использованы "на пути к полному единоначалию":

– директор-администратор из рабочих-профессионалов и при нем, в качестве помощника по технической части, инженер;

– инженер-специалист, в качестве фактического руководителя, и при нем комиссар из рабочих-профессионалов;

– рабочие-профессионалы один или два, в качестве помощников директора-специалиста;

– тесно спевшиеся коллегии, где таковые имеются и члены которых уже на опыте доказали свою работоспособность, сохранить таковые, увеличив права председателя и повысив ответственность за работу коллегии в целом.

В то же время было решительно подчеркнуто, что "ни одна из союзных организаций не вмешивается непосредственно в ход предприятий"[140]. Партийная дисциплина была достаточно сильна, чтобы прекратить споры, как только высший партийный орган высказал свое мнение. Лутовинов от имени группы, которая только начала формироватся как группа "рабочей оппозиции", заявил, что он сам и его коллеги будут преданно работать во имя осуществления решения, которое они не приемлют[141]. На состоявшемся несколько дней спустя III Всероссийском съезде профсоюзов было принято молчаливое решение не поднимать этого вопроса; в своих выступлениях Ленин и Троцкий переместили акцент на новые спорные вопросы: о трудовой повинности и трудовой дисциплине[142]. В ноябре 1920 г. было отмечено, что коллегиальное управление сохранилось только в 12% национализированных предприятий[143]. Это, вероятно, относилось к крупным предприятиям, контролировавшимся центральными органами ВСНХ; из общего числа таковых (2051 предприятие), по которым имелись подробные отчеты, 1783 предприятия находились к концу 1920 г. под единоначальным управлением[144].

Статистические данные о промышленном производстве при военном коммунизме были не более обильными, чем о сельскохозяйственном производстве, и столь же приблизительными. Производство в промышленности упало даже более резко, чем в сельском хозяйстве; снижение производительности труда отдельного рабочего было, по-видимому, еще более заметным (поскольку недоедание прибавлялось к другим причинам)[145] и сопровождалось резким сокращением численности рабочих, задействованных в промышленности, – явление, не имевшее своего аналога в земледелии. Это сокращение было систематическим и кумулятивным, так как прекращение производства в одной отрасли промышленности зачастую ставило в зави-

симость другие отрасли – вплоть до их полной остановки. И только в 1919 г. стало в полную силу ощущаться влияние промышленного кризиса. Имевшиеся запасы материалов в момент революции теперь уже были полностью израсходованы, а гражданская война или блокада союзников повсеместно препятствовали их возобновлению. Туркестан, единственный источник снабжения хлопком-сырцом, был полностью отрезан вплоть до осени 1919 г.; прибалтийские страны, один из основных источников льна, отошли от России, и торговля с ними не возобновлялась вплоть до 1920 г. Снабжение нефтью с бакинских и кавказских промыслов было полностью прекращено с лета 1918 г. до конца 1919 г. Только в 1920 г. вновь стали доступны крупнейшие угольные и железорудные бассейны Украины. Основным фактором промышленного упадка был топливный кризис. Согласно подсчетам, произведенным в мае 1919 г., промышленность получала лишь 10% нормального уровня поставок топлива[146]. Холод зимой 1918/19 и 1919/20 гг. был, вероятно, более серьезной причиной людского несчастья и неэффективности, чем голод. Другим важным фактором, который был одновременно и частью и дополнительной причиной упадка, являлся кризис на железнодорожном транспорте. Из 70 тыс. верст железных дорог в европейской части России только 15 тыс. оставались неразрушенными в результате мировой и гражданской войн. Подвижной состав пострадал в той же пропорции; в конце 1919 г., когда кризис достиг своей наиболее критической точки, более 60% из общего числа 16 тыс. локомотивов были выведены из строя[147]. Все эти факторы способствовали созданию ситуации, при которой, как отмечалось на III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в январе 1920 г., "не могли быть полностью использованы производительные средства страны и значительная часть фабрично-заводских предприятий была приостановлена[148].

Тем не менее наиболее разительным симптомом упадка в промышленности было, вероятно, распыление промышленного пролетариата. В России, где масса индустриальных рабочих представляла собой недавних крестьян, которые редко полностью порывали свои связи с деревней и в ряде случаев возвращались туда на период сбора урожая, кризис в городах или на фабриках – голод, прекращение производства, безработица – породил не проблему пролетарской безработицы в западном смысле этого слова, а массовое бегство промышленных рабочих из города и их обратное превращение в статус крестьянина и возврат к крестьянскому труду. Расстройство промышленности в первую зиму после революции уже дало начало такому процессу; Бухарин на VII съезде партии в марте 1918 г. говорил о распылении пролетариата[149]. Этот процесс многократно усилился, когда гражданская война вовлекала сотни тысяч истощенных и изнуренных людей в вооруженные силы обоих лагерей. Индустрия больше всего страдала как от мобилизации, так и от сбоев в сложном механизме снабжения и производства. В конце 1918 г.

Красин говорил о том, что "еще больший удар был нанесен эвакуацией Петрограда... под влиянием панического страха" во времена Брест-Литовска, что фактически свелось "к полному разрушению петроградской промышленности"[150]. Даже те приблизительные данные, которые удалось собрать, подтверждают, что падение численности промышленных рабочих началось прежде всего и наиболее быстрыми темпами в Петроградской области, где к концу 1918 г. число рабочих насчитывало не больше половины всех задействованных в промышленности два года назад. Признаки тревоги прозвучали в речи Рудзутака на II Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 г.:

"Мы наблюдаем в целом ряде промышленных центров, что рабочие, благодаря сокращению производства на фабриках, рассасываются в крестьянской стихии и из рабочего населения получается полукрестьянское, а нередко и чисто крестьянское"[151].

Подсчеты, основывающиеся на профсоюзной статистике для всей территории, находившейся в 1919 г. под властью Советов, показывают, что число рабочих на промышленных предприятиях в целом сократилось до 76% к уровню 1917 г., а в строительстве и на железных дорогах – до 66 и 63% соответственно[152]. Всеобъемлющая таблица, опубликованная несколько лет спустя, продемонстрировала, что число наемных рабочих в промышленности возросло с 2600 тыс. в 1913 г. до 3000 тыс. человек в 1917 г., а затем систематически снижалось – до 2500 тыс. человек в 1918 г., 1480 тыс. – в 1920–1921 гг. и 1240 тыс. – в 1921–1922 гг., причем к этому времени оно достигало меньше половины общего уровня 1913 г.[153] Согласно сообщению (май 1920 г.), на важном Брянском чугуносталеплавильном заводе в январе 1919 г. насчитывалось 78% штатных рабочих, в июле 1919 г. – 63, в январе 1920 г. – 59 и в апреле 1920 г. – 58%. Весной 1920 г. ВСНХ обратился с призывом о создании "ударных групп" на 60 важнейших металлообрабатывающих предприятиях; по некоторым данным, на коломенских фабриках число недостающих рабочих сократилось с 41% в январе 1920 г. до 27% в мае 1920 г. Общий вывод сообщения, содержавшего эти цифры, заключался в том, что "металлургическая и металлообрабатывающая промышленность России зашла в тупик"[154]. Томский, анализируя в январе того же года удручающий комплекс проблем, возникших из-за "общего сокращения всего производства, чрезвычайно низкой продуктивности труда и ничтожного использования функционирующих предприятий", усматривал основную причину этого в "отливе здоровых, трудоспособных элементов: а) в деревню; б) в армию; в) в трудовые коммуны и советские хозяйства; г) в кустарную промышленность и производственные кооперативы; д) на государственную работу (продотряды, инспектирование, армия и т.п.)", а также в ничтожном приливе свежих рабочих сил из деревни в промышленность[155]. Английская лейбористская делегация, побывавшая в России весной того же года, отме-

чала "нищенское и полуголодное существование" фабричных рабочих, а "крестьяне, использовавшие наемный труд, платили своим работникам более высокую заработную плату, чем на фабриках", "плюс обеспечение продовольствием, чего городской рабочий не получает"[156]. Сколь тяжелыми ни были условия при военном коммунизме в деревне, они тем не менее были в любом случае лучше, чем в городах и на фабриках. Осенью 1920 г. население 40 губернских центров сократилось по сравнению с 1917 г. на 33%, составив 4300 тыс. против 6400 тыс. человек, а численность населения других 50 крупных городов снизилась на 16%, или с 1517 тыс. до 1271 тыс. человек. Чем больше был город, тем больше потери; Петроград за три года потерял 57,5% своего населения, а Москва – 44,5%[157].

Цифры кажутся достаточно катастрофическими. Однако, поскольку производительность труда падала даже более быстрыми темпами, чем численность рабочих, сокращение фактического производства было гораздо больше, чем можно было бы предположить, исходя из уменьшения числа рабочих. Опубликованные статистические данные показывают, что вплоть до 1920 г. производство во всех отраслях промышленности постоянно падало. Наиболее серьезным было сокращение производства железной руды и чугуна, которое в 1920 г. упало соответственно до 1,6 и 2,4% уровня 1913 г. Наилучшие результаты отмечались в производстве нефти, которое в 1920 г. составляло 41% уровня 1913 г. Следом шла текстильная промышленность, а затем производство угля, достигавшее 27%, однако общая картина производства к уровню 1913 г. варьировалась от 10 до 20%[158]. Подсчеты стоимости произведенной продукции в довоенных рублях показывают, что стоимость готовых товаров достигала в 1920 г. всего лишь 12,9% уровня 1913 г., а полуфабрикатов – 13,6%[159]. Парадокс заключался в том, что установление "диктатуры пролетариата" сопровождалось заметным сокращением как численности, так и определенного веса в экономике того класса, от имени которого осуществлялась эта диктатура[160]. Побочным результатом этого было снижение авторитета ВСНХ, который после 1919 г. занимал место не больше чем равного среди нескольких комиссариатов, имевших дело с различными отраслями экономики, при этом уступая престижное место Наркомпроду, который, занимаясь реквизицией хлеба, превратился в ключевое ведомство при военном коммунизме, а в качестве высшего хозяйственного органа ВСНХ был отодвинут на второе место Советом Труда и Обороны (СТО)[161].

Окончание гражданской войны, которое за счет освобождения имеющихся ресурсов должно было бы стимулировать промышленное возрождение, похоже, на первых порах привело к обратным результатам. Причины этого были частично психологического плана. Ликвидация побудительных моментов, вызванных войной, привела к спаду напряжения, а вместе с тем и к расслаблению, у уставшего населения не было больше воли к

восстановлению хозяйства. Продолжавшийся упадок имел и свои практические причины: процесс развала промышленности, полнейшее истощение запасов и оборудования зашли так далеко, что обратить эти процессы вспять было нелегко. IX съезд партии в марте 1920 г. впервые смог сместить акцент с гражданской войны на то, что Ленин назвал "бескровным фронтом" восстановления хозяйства[162]. Однако в целом в 1920 г. преобладало настроение благодушия, стимулированное серией блестящих побед над белополяками и Врангелем. В декабре, на VIII Всероссийском съезде Советов Рыков оправдывал снижение производительности труда советского промышленного производства и рабочих аналогичным снижением, которое якобы имело место в Германии, Великобритании и Соединенных Штатах, и предсказывал "начало общего экономического подъема"[163]. Книгой года в области экономической мысли стала работа Бухарина "Экономика переходного периода". Предрекая близкий крах капитализма и, таким образом, отдавая дань оптимистическим настроениям, которые доминировали на II Конгрессе Коминтерна в июле 1920 г., Бухарин продолжал утверждать, что пролетарская революция должна сломать не только политический, но и экономический аппарат капиталистического общества. Это, естественно, означало переходный период сокращенного производства.

"Производственная "анархия" или, как ее обозначает проф. Гриневский, "революционное разложение промышленности" есть исторически неизбежный этап, от которого нельзя отделаться никакими ламентациями... Коммунистическая революция пролетариата, как и всякая революция, сопровождается *понижением* производительных сил"[164].

Позднее другой автор сравнил разрушительный эффект революции в области экономики с деяниями военного командования, которое взрывает железнодорожный мост или "сбривает" леса, чтобы создать ровное поле для обстрела артиллерии: "экономически непосредственно нецелесообразные меры могут быть революционно целесообразны"[165]. Проявления экономического хаоса и развал промышленной машины могли приветствоваться как вехи на пути к социализму. Эти теории, подобно другим порождениям периода военного коммунизма, являлись оправданием задним числом того, чего не ожидали, но что невозможно было предотвратить; и атрибуты промышленного контроля, установленного в это время, усилили общее недоверие, которое вызывали методы военного коммунизма. Тем не менее справедливости ради нужно заметить, во-первых, что причины промышленного упадка крылись в условиях, гораздо более глубоких, чем какой-то дефект в организации, поэтому более поздняя тенденция объяснить его бюрократическими недостатками главков или ВСНХ не выдерживает серьезной критики; и, во-вторых, что окончательное банкротство военного коммунизма было вызвано не столько упадком в промышленности, сколько

неумением выработать сельскохозяйственную политику, способную содействовать получению у крестьян продовольственных излишков, достаточных для того, чтобы прокормить города и фабрики. Переход от военного коммунизма к НЭПу сказался на промышленности в той же степени, как и на каждой области советского хозяйства, но его прямые побудительные мотивы лежали вне сферы промышленной политики.

в) Труд и профсоюзы

Под влиянием гражданской войны были отброшены всякие сомнения и неясности, которые осложняли трудовую политику в первые месяцы нового режима. Существование всеобъемлющей национальной цели не только упростило, но и сделало настоятельно необходимым ускорение осуществления политики по руководству трудовыми ресурсами и по трудовой дисциплине. Был ошибочно упрощен вопрос взаимоотношений между профсоюзами и государством, поскольку теперь существование как самого государства, так и союзов зависело от мобилизации каждого человека и каждой машины в интересах военной победы над белыми армиями. При военном коммунизме трудовая политика стала делом мобилизации рабочих на военные усилия и направления их туда, где в них больше всего была нужда; профсоюзы являлись тем инструментом, при помощи которого эту политику можно было проводить наиболее эффективно. До тех пор пока продолжалась гражданская война, каждый принципиальный вопрос казался ясным, безапелляционным и бесспорным.

Первый незаметный шаг в направлении создания нового аппарата контроля был предпринят в декрете от 2 июля 1918 г., которым устанавливался порядок утверждения коллективных договоров между профсоюзами, действующими от имени трудящихся, и предпринимателями или фабричной администрацией. Наиболее важным пунктом декрета была статья, которая уполномочивала Наркомтруд в случае получения от предпринимателя отрицательного ответа заставить последнего принять договор в приказном порядке[166] (в тексте декрета говорится, что от Наркомтруда "зависит утвердить, изменить или отклонить договор". – *Ред.*). Эта статья, хотя и подразумевавшая лишь применение мер принуждения против неблагоразумных предпринимателей, на деле наделила Наркомтруд совместно с профсоюзами неограниченным правом при определении условий найма; и это было единственным долговременным эффектом декрета. Юридическая база для организации труда при военном коммунизме содержалась в первом кодексе Закона о труде, принятом ВЦИК 10 октября 1918 г. и обнародованном шесть недель спустя[167]. Статьи кодекса подтвердили существовавшие юридические положения об охране труда и предусматривали, что шкала заработной платы должна разрабатываться профессиональными союзами при консультации с директорами и предпринима-

телями и утверждаться Наркомтрудом, хотя, учитывая, что персонал Наркомтруда фактически назначался профсоюзами, это утверждение являлось не больше чем простой формальностью; коллективный договор был в общем и целом положен в долгий ящик. Таково было логическое следствие доктрин и практики военного коммунизма. Теоретически после принятия декрета от 28 июня 1918 г., национализировавшего все ведущие отрасли промышленности, государство стало основным нанимателем. Труд был одной из форм служения государству: капиталистическая концепция соглашения о продаже и купле труда устарела. При определении размера заработной платы необходимо было принимать во внимание трудоемкость и опасность работы, а также степень ответственности и требуемую квалификацию. Сдельная оплата, санкционированная профсоюзным распоряжением в апреле 1918 г.[168], рассматривалась теперь не просто как допустимая мера, а как норма и никогда больше не являлась предметом обсуждения в качестве неотъемлемой части советской политики в области заработной платы.

В кодексе Законов о труде 1918 г. предусматривалась всеобщая трудовая обязанность, сбалансированная правом рабочего на получение работы, отвечавшей его квалификации, за соответствующую заработную плату; правда, это право было модифицировано в последней статье, предусматривавшей обязательное согласие на временную работу другого профиля, если не было подходящей работы. Однако в этом кодексе был обойден общий вопрос о мерах давления и принуждения. Кроме того, в более раннем декрете, принятом в сентября 1918 г., безработному воспрещалось отказываться от предлагаемой ему работы под страхом лишения пособия по безработице (в декрете идет речь "о воспрещении безработному отказываться от предлагаемой ему по специальности работы, если условия этой работы не отклоняются от норм, установленных тарифом соответствующего профсоюза". – *Ред.*)[169]. Правда, другого наказания не предусматривалось, а там, где естественной реакцией безработного была миграция в деревню, эта санкция была малоэффективна. По декрету от 29 октября 1918 г. биржи труда были преобразованы в местные органы Наркомтруда и стали единственным и обязательным каналом распределения рабочей силы как для рабочего, так и для нанимателя, однако без каких-либо дополнительных санкций за отказ рабочего от работы[170]. В том же месяце вышел декрет, официально санкционировавший мобилизацию представителей буржуазии обоего пола и всех возрастов (от 16 до 50 лет) на общественно полезную работу. Все представители буржуазии в возрасте от 14 до 55 лет получили "трудовые книжки"; последние должны были предъявляться для получения продовольственных карточек или разрешения на проезд и были действительны для этих целей при условии, если в них содержалась отметка о том, что их владелец выполняет общественно полезную работу[171].

Контуры трудовой организации достаточно четко проявились на II Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 г. Гражданская война была в полном разгаре; за месяц до этого, на II Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, был сделан крупный шаг в направлении централизованного контроля над промышленностью; а Ленин как раз говорил о "централизации" и об "отказе от чисто местнических интересов" как о единственном средстве ликвидации разрухи[172]. Именно в этих условиях профсоюзный съезд, из 600 с лишним делегатов которого 450 были большевиками, вновь столкнулся с вопросом об отношении профсоюзов к государству. И опять этот вопрос вызвал жаркие дебаты. Крошечная группа анархистов выступала за передачу всей власти в руки независимых профсоюзов; 30 меньшевистских делегатов проголосовали за резолюцию, которая подтверждала принцип независимости профсоюзов и в которой говорилось, что профсоюзы не могут и саму Советскую власть рассматривать как представительницу интересов рабочего класса; 37 социал-демократов-интернационалистов, возглавляемых Лозовским, осторожно потребовали разграничения функций профсоюзов от функций государственных органов и утверждали, что "на данном этапе революции" ни слияние с органами власти, ни подчинение им "недопустимо"[173]. Подавляющее большинство делегатов съезда проголосовало за большевистскую резолюцию, в поддержку которой с пространной речью выступил Ленин и которая признавала принцип "огосударствления"[174]. Правда, это должно было произойти не в результате акта слияния профсоюзов с органами государства, а "как совершенно неизбежный результат их совместной теснейшей и согласованной работы и подготовки профессиональными союзами широких рабочих масс к делу управления государственным аппаратом и всеми хозяйственными регулирующими органами"[175]. Резолюция оставляла место для некоторой неопределенности относительно того, поглотит ли государство со временем союзы или союзы поглотят государство.

Однако народный комиссар труда Шмидт, бывший в свое время секретарем Всероссийского Центрального Совета профсоюзов и обязанный этой организации своим назначением на пост наркома, тактично поддержал принцип профсоюзной инициативы:

"Главная и основная подготовительная работа возлагается на профсоюзы, и за Наркомтрудом остается сила принуждения государственной властью, чтобы осуществить эти положения. Более того, Комиссариат не только не должен вмешиваться в права профсоюзов, но даже сами органы НКТ должны быть построены из союзных аппаратов. Здесь, в центре, мы строго придерживаемся этого принципа".

Всероссийский Центральный Совет без колебаний заявил, что работа Наркомтруда и профсоюзов – это в основном "одна и та же работа":

"Ему (комиссариату) – приходится работать над тем, что выявляют профсоюзы своей повседневной работой и что они постановляют в определенных принимаемых на съездах положениях и резолюциях. Эти положения принимаются Комиссариатом труда, который, в качестве органа государственной власти, проводит их в жизнь".

Шмидт объяснил также, что сам народный комиссар труда является кандидатурой ВЦСПС и что саму организующую коллегию Наркомтруда составили из представителей ВЦСПС. Единственно, чего недоставало, – это установления такой же тесной координации между местными представителями Наркомтруда и профсоюзов[176]. Намек, выражавший мнение другой стороны этой молчаливой сделки, был высказан тем не менее Томским в его случайном замечании:

"В то время, когда профсоюзы регулируют заработную плату и условия работы, когда назначение Комиссара труда также зависит от нашего съезда, в Советской России не могут иметь место забастовки. Давайте поставим все точки над 'i'"[177].

Эта четкая формулировка политики по важнейшему практическому пункту имела большее значение, чем теоретическая неопределенность, все еще окутывавшая взаимоотношения профсоюзов с государством.

II Всероссийский съезд профсоюзов также попытался впервые разработать всеобъемлющую политику в области заработной платы. Меньшевистский делегат высказал пожелание о возврате к практике коллективных договоров[178]. Однако этот призыв был либо преждевременным, либо запоздалым. Кодекс законов о труде утвердил то, что фактически являлось односторонним установлением размеров заработной платы профсоюзами, принимаемым после консультаций с нанимателями и подлежащим формальному утверждению Наркомтрудом; основные декреты, определявшие уровень заработной платы в период военного коммунизма, издавались ВЦИК и Совнаркомом. В резолюции съезда говорилось об ответственности рабочих перед союзами и союзов – перед всем пролетариатом за увеличение производительности в деле осуществления хозяйственного восстановления страны. Политика в области заработной платы должна была основываться на соревновании и материальном стимулировании, то есть на принципе сдельной работы и премиальной оплаты, или же там, где сдельная оплата труда была неприемлема, – на четко установленных нормах производства. Тарифы заработной платы классифицировались по группам, причем две высшие категории резервировались для "высшего технического, коммерческого и административного персонала" и для "среднего технического и административного персонала". Все группы как административных работников, так и рабочих подразделялись на 12 категорий для каждого из трех разрядов в зависимости от степени мастерства; причем в каждом из этих разрядов ставки между всеми категориями распределялись равно-

мерно, а отношение высшей ставки к низшей должно было составлять 1 : 1,75[179].

Хотя это было далеко от гипотетического идеала равной заработной платы для всех, все же данная мера представляла сокращение разрыва между ставками за квалифицированный и неквалифицированный труд, существовавшего до 1914 г.[180] Шмидт, выступая на съезде с докладом по данному вопросу, заявил, что "основным ядром предприятия всегда являлся средний квалифицированный рабочий" и что главное внимание должно быть направлено на то, чтобы это среднее основное ядро было возможно более справедливо оплачено; однако один из выступавших возразил, что "такое нивелирование (заработной платы) тяжело давит на квалифицированный слой пролетариата"[181]. Декретом ВЦИК от 21 февраля 1919 г. новые тарифы заработной платы были санкционированы для Москвы и ее окрестностей, причем декрет имел обратную силу начиная с 1 февраля. По этому декрету минимальная ставка для взрослого рабочего устанавливалась в размере 600 руб. в месяц, максимальная ставка для высшего административного персонала – в 3000 руб. в месяц; более высокие ставки могли устанавливаться только по специальному решению Совнаркома в каждом конкретном случае. Через три недели очередным декретом московская шкала заработной платы была распространена на всю страну, причем ставки для других районов устанавливались в процентном отношении к ставкам по Москве, принятым за 100%[182]. В апреле 1919 г. декретом об оплате труда "ответственных политических работников" устанавливались оклады народным комиссарам, членам ВЦИК и некоторым другим служащим высшей категории в размере 2000 руб. в месяц, или две трети ставки для высшего технического и административного персонала[183]. В августе 1919 г. повышение цен привело к пересмотру заработной платы в сторону ее увеличения; низшая ставка была увеличена с 600 до 1200 руб., а высшая – с 3000 до 4800 руб.[184], причем тщательно соблюдалась тенденция к установлению большего равенства. Справедливости ради следует сказать, что на начальном этапе военного коммунизма, хотя и не принимались попытки осуществить идеал равной для всех заработной платы, принцип уравнивания служил эффективным тормозом на пути тенденций, продиктованных другими мотивами, в направлении большей дифференциации заработной платы. Этим тенденциям суждено было вскоре проявиться.

Важной составной частью работы II съезда профсоюзов явился прогресс, достигнутый в отношении сплочения профсоюзной организации. I съезд профсоюзов утвердил общий принцип о том, что профсоюзы должны создаваться "по производствам", а не на цеховых началах и что "узко-профессиональные" группировки должны быть поглощены, с тем чтобы все рабочие одного предприятия принадлежали к одному профессиональному союзу[185]. Предпринимались попытки следовать этому пра-

вилу; в одном источнике описывалось, как мелкие независимые союзы осенью 1918 г. были вынуждены покинуть петроградский резиновый завод "Треугольник", а рабочие – члены этих союзов – встать на учет в профсоюз рабочих химической промышленности[186]. Однако прогресс был медленным. II съезд, отметив, что осуществлению этого принципа мешали "политические и экономические предубеждения, которые отделяли рабочих от служащих и технического персонала", подчеркнул, что "за год диктатуры пролетариата" настало время претворить это правило в жизнь. Профсоюзы должны были взять на себя ответственность "за правильную работу предприятия или учреждения, за трудовую дисциплину среди рабочих и за соблюдение правил, установленных союзом по определению заработной платы и норм производительности"; они должны были попытаться сделать членство обязательным "за счет общих собраний рабочих". Решения Всероссийского съезда профсоюзов были обязательны для всех союзов и их членов, а Всероссийский Центральный Совет профсоюзов – уполномочен действовать от имени съезда и принимать обязывающие решения от его имени в промежутках между съездами[187]. В результате организационного упорядочения численность членов профсоюзов начала быстро расти; согласно имеющимся данным, число членов увеличилось с 1500 тыс. на июльской профсоюзной конференции 1917 г. до 2600 тыс. к моменту созыва I съезда в январе 1918 г., составив 3500 тыс. человек на II съезде в январе 1919 г.[188]

Когда в январе 1919 г. состоялся II профсоюзный съезд, гражданская война еще не достигла своего апогея и экономика в целом еще не была полностью поставлена на удовлетворение ее нужд. В течение следующих двух месяцев был предпринят в этом отношении примечательный шаг. VIII съезд партии собрался в марте 1919 г. в атмосфере приближающегося шторма. Основная официальная цель на съезде заключалась в принятии новой партийной Программы вместо давно устаревшей Программы 1903 г. До той поры у партии не было возможности после революции определить свое отношение к профсоюзам. Теперь она провозгласила, что "организационный аппарат обобществленной промышленности" должен опираться в первую голову на профессиональные союзы, и добавила, что они "должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым" (лозунг, которому позднее суждено было доставить массу хлопот). Однако ключ к основной функции профсоюзов в чрезвычайных условиях гражданской войны можно найти в другом параграфе экономического раздела Программы:

"Максимальное использование всей имеющейся в государстве рабочей силы, ее правильное распределение и перераспределение как между различными территориальными областями, так и между различными отраслями народного хозяйства дол-

жно составить ближайшую задачу хозяйственной политики Советской власти, которая может быть осуществлена ею только в тесном единении с профессиональными союзами. Поголовная мобилизация всего трудоспособного населения Советской властью, при участии профессиональных союзов, для выполнения известных общественных работ, должна быть применяема несравненно шире и систематичнее, чем это делалось до сих пор".

И Программа, добавив, что "социалистический способ производства может быть упрочен лишь на основе товарищеской дисциплины трудящихся", подчеркнула, что "в этой работе создания новой, социалистической дисциплины главнейшая роль выпадает на долю профессиональных союзов"[189]. После партийного съезда в марте 1919 г. был выпущен декрет Совнаркома от 10 апреля "О всеобщей мобилизации"[190], а на следующий день Ленин представил Центральному Совету профсоюзов от имени Центрального Комитета партии "Тезисы в связи с положением Восточного фронта", в которых содержался призыв ко всем партийным и профсоюзным организациям страны об оказании всемерной помощи в деле мобилизации. В качестве примера для подражания приводился город Покровск, где профессиональные союзы сами постановили мобилизовать немедленно 50% всех своих членов, и профсоюзы призывались произвести проверочную регистрацию своих членов "для отправки всех, но безусловно необходимых на родине, для борьбы за Волгу и Уральский край"[191].

"Когда на фронтах было трудно, – воскликнул Троцкий риторически год спустя, – мы обращались в Ц.К. партии коммунистов, с одной стороны, и к президиуму В.Ц.С.П.С., с другой стороны. И из этих обоих источников на фронт отправлялись передовые пролетарии и строили там Красную Армию по образу и подобию своему"[192].

Декрет и призывы Ленина официально касались прежде всего призыва на военную службу, и в это время не было принято ни одного декрета, устанавливавшего трудовую повинность. Однако вскоре различие между военной и трудовой повинностью стало чисто умозрительным. Одновременно с мобилизационным декретом был издан декрет СТО о воспрещении служащим и рабочим каменноугольных предприятий самовольно оставлять работу и об объявлении тех из них, сверстники которых призваны на военную службу, военнослужащими[193].

Принятие новой партийной Программы на VIII съезде, декрета Совнаркома о мобилизации и обращения Центрального Комитета партии к профсоюзам ознаменовали начало решающего года, в течение которого принципы военного коммунизма в полную силу и последовательно применялись для организации труда. Суть рабочей политики военного коммунизма заключалась в отказе от рынка рабочей силы и от общепризнанных капиталистических методов найма и управления рабочими, причем, похоже, подобно другим политическим мерам этого перио-

да, это рассматривалось не только как простая уступка требованиям гражданской войны, но и как действенный шаг к достижению социалистического порядка. Было трудно противостоять аргументу в пользу того, что государство трудящихся, чье право мобилизовывать граждан на службу на фронте никем не оспаривалось, в равной степени имело право призвать всех, кто требовался, для работы на фабриках; и эта концепция труда как повинности, которую необходимо выполнять, а не как товара, подлежащего продаже, являлась теоретически лакмусовой бумажкой всего, что отличало возвышенные идеалы социализма от основной механики капиталистической системы заработной платы. В эту концепцию также хорошо укладывался принцип постепенной замены денежной платы натуральной, хотя и вызванный главным образом девальвацией денег и нарушением нормального процесса обмена. *"При системе пролетарской диктатуры "рабочий" получает общественно-трудовой паек, а не заработную плату"*[194]. Государство вместо того, чтобы покупать рабочую силу рабочего, содержит его так же, как оно содержит военнослужащих на период их пребывания в армии. Распределение продовольственных пайков среди фабрик через профсоюзы только подчеркивало это отношение, а в сентябре 1919 г. Центральный Совет профсоюзов издал приказ об обеспечении всех рабочих физического труда на фабриках и в мастерских спецовками, которые остаются собственностью предприятия, – гражданская разновидность военного обмундирования[195].

В таких условиях разработка новых стимулов взамен "экономического кнута" капиталистической системы являлась предметом постоянной заботы властей, поскольку возможность прекращения падения производства зависела от преодоления хронической болезни в виде неявки рабочих на работу и неэффективности их труда. Стимулом, наиболее совместимым с духом социализма, был естественный революционный энтузиазм, который, как считали, должен был охватывать рабочих на фабриках с не меньшей силой, чем их товарищей на фронте. В мае 1919 г., месяц усспустя после декрета о мобилизации, состоялся первый коммунистический субботник, во время которого несколько сот рабочих – москвичей с Московско-Казанской железной дороги добровольно отработали дополнительно после окончания рабочего дня в субботу еще шесть часов, с тем чтобы ускорить отправку войск и боеприпасов на фронт. Эта практика получила широкое распространение и приветствовалась Лениным в специальной брошюре (в статье "Великий почин". – *Ред.*) как выдающийся пример того, как проявляется "...новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина"[196]. Однако это было партийным мероприятием ограниченного масштаба[197]; причем никогда всерьез не предполагалось, что моральных стимулов, даже подкрепленных материальными вознаграждениями, будет достаточно без какой-либо специальной организации для правильного распределения рабочей силы и поддержания

трудовой дисциплины. Создание такой организации становилось теперь насущной задачей.

Очень скоро пришлось отказаться от первоначальной гипотезы о том, что принудительный труд будет применяться только по отношению к представителям классов бывшей буржуазии и помещиков и что добровольной самодисциплины будет достаточно для сохранения усердия рабочих. Кодекс Законов о труде, принятый в октябре 1918 г., лишь повторил записанный в Конституции РСФСР общий принцип о всеобщей трудовой обязанности, и не было предпринято никаких шагов для его закрепления или для того, чтобы предусмотреть наказания за невыполнение этого принципа. Однако декретом о мобилизации от 10 апреля 1919 г. было фактически покончено с тем, что оставалось от системы добровольного труда. Осторожное введение рабочих книжек в Москве и Петрограде в июне 1919 г. явилось еще одной попыткой ужесточить систему контроля[198]. Правда, слишком большие надежды возлагались – несомненно, из-за того, что не было другой альтернативы, – на аппарат профсоюзов. Даже в деле мобилизации квалифицированных рабочих профсоюзы оказались неэффективными. Зимой 1919/20 гг. Ленин остро сетовал Томскому на то, что до сих пор не выполняется его указание о направлении 10 тыс. квалифицированных рабочих-металлистов на ремонт железнодорожного транспорта[199]. С конца 1919 г. мобилизация неквалифицированной рабочей силы была полностью изъята из ведения профсоюзов и передана в руки Наркомтруда и его местных органов. В ноябре в связи с топливным кризисов был издан декрет, предусматривавший трудовую повинность "для снабжения, погрузки и разгрузки всех видов топлива", равно как и так называемую "гужевую повинность", выполняемую крестьянами по требованию местных властей, то есть обязательное предоставление лошадей, телег или саней для перевозки дров, продовольствия или военных припасов к станциям или пристаням. Декрет был обязателен для всех крестьян, не призванных на военную службу, в возрасте до 50 лет для мужчин и до 40 лет – для женщин[200].

В январе 1920 г. декретом Совнаркома были утверждены общие правила о всеобщей трудовой повинности. В его преамбуле торжественно провозглашался принцип, утвержденный в Конституции РСФСР и кодексе Законов о труде, об обязанности граждан выполнять "общественно полезную работу в интересах социалистического общества" и о необходимости "обеспечивать промышленность, земледелие, транспорт и другие отрасли народного хозяйства рабочей силой на основе единого хозяйственного плана". Любой член "трудового населения" мог быть призван на разовой или периодической основе на различные виды трудовой повинности: топливная, сельскохозяйственная ("в государственных хозяйствах или в определенных случаях в крестьянских хозяйствах"), строительная, дорожная, снабжение продовольствием, снегоочистительная, гужевая, а также устране-

ние последствий стихийных бедствий – все эти виды повинности были перечислены в качестве примеров. При СТО был создан Главный комитет по проведению трудовой повинности (Главкомтруд) с подчиненными ему губернскими, сельскими и городскими комитетами труда, в задачи которых входила организация трудовой повинности[201]. Эти комитеты вместе с местными органами Наркомтруда, пришедшими на смену биржам труда, стали теперь отвечать за всеобщую трудовую мобилизацию[202]. Были даже основания сожалеть об уничтожении революцией "старого полицейского аппарата, который умел регистрировать граждан не только в городах, но и в деревнях". Тем не менее была наспех построена соответствующая машина, и большое количество рабочей силы было мобилизовано для работы на лесозаготовках, на транспорте, в строительстве и в других областях, требовавших применения масс неквалифицированных рабочих[203]. "Мы обеспечивали работой, – заявил впоследствии представитель Наркомтруда, – согласно плану и в конечном счете не принимая во внимание индивидуальные особенности или квалификацию или желание рабочего заниматься той или иной работой"[204]. Согласно одному авторитетному источнику, примерно 6 млн. человек были мобилизованы на трудовую повинность на лесозаготовках в первой половине 1920 г.[205]

В это время появился новый источник рабочей силы, который, вероятно, имел вначале скорее символическое, чем количественное значение. В апреле 1919 г. были образованы исправительно-трудовые лагеря для нарушителей, приговоренных к этой форме наказания Чека, революционными трибуналами или обычными народными судами. Инициатива создания таких лагерей исходила от губернских Чека; управление лагерями находилось в руках специального отдела народного комиссариата внутренних дел (НКВД), а заключенные в таких лагерях направлялись на работу "по запросам советских учреждений". Отдельные лагеря были организованы для детей и подростков. Заключенные работали 8 часов в день, правда, разрешалась сверхурочная и ночная работа на условиях, предусмотренных в общем Кодексе Законов о труде. Им выдавалась заработная плата по ставкам, установленным профсоюзами, однако не больше трех четвертей заработка могло вычитаться на покрытие расходов по содержанию заключенных и поддержанию лагеря в порядке[206]. На начальном этапе эта система не имела того зловещего характера, который она приобрела впоследствии как вносившая основной хозяйственный вклад. В тот же период была внедрена более жесткая форма наказания в виде "концентрационных лагерей", цель которых заключалась в содержании лиц, виновных в контрреволюционной деятельности в гражданской войне[207]. Вскоре эти лагеря, похоже, стали использоваться для противников режима вообще. В обзоре, написанном по поводу приезда делегации английских лейбористов весной 1920 г., говорилось, что "Народный комиссариат внутренних дел представляет рабочие

отряды, составленные из лиц, заключенных в концентрационные лагеря (преимущественно члены прежних господствующих классов) для исполнения разного рода трудных и неприятных работ"[208].

Мобилизация рабочей силы достигла своей максимальной интенсивности в первые месяцы 1920 г. – в момент, когда благодаря разгрому Деникина и Колчака чрезвычайные обстоятельства, которые диктовали ее необходимость, становились достоянием прошлого. На III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в январе 1920 г. Троцкий посвятил бóльшую часть своего выступления защите трудовой повинности и трудовой дисциплины[209], и по предложению Томского, мрачный обзор которого об истощенной рабочей силе в промышленности уже цитировался[210], была принята далеко идущая резолюция, требовавшая, между прочим, выплаты премиальных, на индивидуальной или коллективной основе, в натуральном исчислении, образования рабочих дисциплинарных судов[211], введения трудовых книжек для всех рабочих с целью помешать уклонению от трудовой повинности и применения армейской мобилизационной машины для рекрутирования и распределения рабочей силы[212]. В то же время прекращение фактических боевых действий на фронте предполагало перевод частей под воинской дисциплиной на выполнение других насущных задач. 15 января 1920 г. вышел декрет, по которому 3-я армия на Урале преобразовывалась в "первую революционную трудовую армию", располагавшую военной властью над местными гражданскими органами власти[213]. Прецедент был создан. Была подготовлена почва для прихода того, что стало известно как "мобилизация рабочей силы".

Это представляло собой новую проблему, которая встала перед IX съездом партии, когда он собрался в конце марта 1920 г. Трудовые армии возникали повсюду в виде отрядов Красной Армии, используемых теперь, когда бои закончились, на тяжелой работе любого вида, включая лесозаготовки и горнодобывающую промышленность. Равно как не возникало никаких сомнений в том, чтó это означало. Троцкий, который верил в то, что проблемы, стоящие перед промышленностью, могут быть решены только методами и энтузиазмом, говорил о необходимости милитаризации огромных масс крестьян, которые были мобилизованы на работу на началах трудовой повинности, и продолжал:

"Эта милитаризация немыслима без милитаризации профессиональных союзов как таковых, без установления такого режима, при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить, если он не выполнит – он будет дезертиром, которого карают. Кто следит за этим? Профсоюз. Он создает новый режим. Это есть милитаризация рабочего класса"[214].

А Радек закончил свое выступление, посвященное в основном делам Коминтерна, призывом к организованному труду расстаться с буржуазным предрассудком "свободы труда", столь дорогим сердцу меньшевиков и соглашателям всех мастей[215]. Хотя никто больше не говорил таким языком, за Троцким стоял авторитет Центрального Комитета и Политбюро, а делегаты съезда все еще находились под достаточно сильным впечатлением от военных опасностей, которые с трудом удалось преодолеть, и от почти непреодолимых экономических трудностей предстоящего периода, чтобы без каких-либо явных разногласий одобрить эту политику[216]. В пространной резолюции, которая носила отпечаток мастерского стиля Троцкого, съезд осторожно одобрил использование подразделений Красной Армии на трудовой повинности, которое "может быть оправдано лишь постольку, поскольку необходимо сохранить армию в целом для военных задач". Что касается мобилизации рабочей силы, то там не было ни тени сомнения. "Организации партии должны всеми мерами помочь профсоюзам и отделам труда взять на учет всех квалифицированных рабочих с целью их привлечения к производственной работе с такой же последовательностью и строгостью, с какой это проводилось и проводится в отношении лиц командного состава для нужд армии"[217]. Относительно массовых мобилизаций по трудовой повинности было просто необходимо устанавливать точное соответствие между числом мобилизованных, размером трудовой задачи и количеством необходимых орудий, а также иметь технически компетентный инструкторский состав, то есть идти по тому же пути, "по которому мы шли в создании Красной Армии". Рабочий, покинувший свою работу, обвинялся в "трудовом дезертирстве", за что назначался целый ряд суровых наказаний, вплоть до "заключения в концентрационный лагерь"[218].

Дебаты о трудовой мобилизации возобновились три недели спустя на III Всероссийском съезде профсоюзов, где все еще сохранялось небольшое, не выступавшее во весь голос меньшевистское меньшинство[219] и где такая оппозиция этой политике, как имевшая место в большевистских рядах, была, похоже, наиболее ощутимой. Ленин, за неделю до этого провозгласивший на Учредительном съезде союза горняков, что "надо создать посредством профессионального союза такую товарищескую дисциплину, которая была у нас в Красной Армии"[220], теперь выступил более аргументированно в поддержку этой политики. Он вновь упомянул о "передышке" после Брест-Литовска, когда в апреле 1918 г. в противовес "левой оппозиции" в своих тезисах во ВЦИК был поставлен "ряд вопросов дисциплины труда". Он признал, что "...два года тому назад о трудовых армиях не было и речи". Однако "формы борьбы против капитала меняются". Теперь, когда возникла еще одна передышка, возродились те же самые проблемы: "Надо организовать труд по-новому, создать новые формы привлечения к труду, подчинения трудовой

дисциплине". Правда, он признал, что "...создать новые формы общественной дисциплины, это – дело десятилетий"[221]. Ленин не конкретизировал этот вопрос, и в короткой резолюции, принятой съездом по окончании его выступления, было решено в общих выражениях "ввести немедленно во всех профессиональных организациях снизу доверху" суровую трудовую дисциплину[222]. "Мы не может жить в данное время без принуждения, – заявил без обиняков Рыков на заключительном заседании съезда. – Необходимо заставить лодыря и тунеядца под страхом кары работать на рабочих и крестьян, чтобы спасти их от голода и нищеты"[223]. Однако именно Троцкому выпало на долю теоретически обосновать позицию большевиков в противовес призыву меньшевиков к "свободе труда".

"Что значит свободный, не принудительный труд у меньшевиков? Пусть ораторы этой партии объяснят нам, что означает свободный, не принудительный труд. Мы знаем труд рабский, мы знаем труд крепостной, мы знаем принудительный, регламентированный труд цехов в средние века, мы знаем труд вольнонаемный, который буржуазия называла свободным. Мы идемк труду общественно-нормированному на основе хозяйственного плана, обязательного для всей страны, т.е. принудительного для каждого работника. Это основа социализма... А раз мы это признали, мы тем самым признаем в основе, не по форме, а в основе, право рабочего государства отправлять каждого работника или работницу на то место, где они нужны для исполнения хозяйственных задач. Тем самым мы признаем право государства, рабочего государства, карать рабочего или работницу, которые отказываются исполнять наряды государства, которые не подчиняют свою волю воле рабочего класса и его хозяйственным задачам...

Милитаризация труда в том основном смысле, какой я указал, является неизбежным основным методом организации рабочих сил... Мы же знаем, что каждый труд является общественно вынужденным трудом. Человек вынужден работать, чтобы не умереть. Работать он не хочет, но общественная организация заставляет, вынуждает, подстегивает его в этом смысле"[224].

Аргумент в пользу постоянной и неограниченной мобилизации труда со стороны государства, подобно временному аргументу в пользу уничтожения денег, представляет собой попытку подвести теоретическое обоснование под жестокую необходимость, которой нельзя было избежать. Однако это откровенное высказывание, хотя и отражало признанную политику партии и было принято без возражений (за исключением критики со стороны меньшевиков) делегатами съезда, вряд ли было рассчитано на завоевание Троцким особого расположения со стороны рядовых членов профсоюзов. В конце года Бухарин в своей книге "Экономика переходного периода" утверждал, что "всеобщая трудовая повинность в системе государственного капитализма есть закабаление рабочих масс; наоборот, в системе про-

летарской диктатуры она есть не что иное, как трудовая самоорганизация масс"[225].

На протяжении всего периода войны с белополяками и наступления Врангеля все труднее было поддерживать существование трудовой дисциплины при помощи энергичных усилий, направленных на объединение моральных призывов и показательного примера, материального стимулирования со страхом наказания в качестве побудительных импульсов к работе. Резолюция IX съезда партии, которая столь решительно одобрила меры по трудовой дисциплине, в равной степени выступила в поддержку "рабочего соревнования" как на коллективной, так и индивидуальной основе, рекомендовала систему натуральных премий и дала свое особое благословение практике коммунистических субботников, спонтанно начавшихся летом предыдущего года[226]. В апреле 1920 г. партийные типографские рабочие подали пример, выпустив специальную однодневную газету "Коммунистический субботник", чтобы придать этому движению новый импульс, а утром 1 мая, которое пришлось в этом году на субботу, Ленин самолично принял участие в коммунистическом субботнике в Кремле. Впоследствии партийный Устав превратил участие в неоплачиваемых субботниках в обязанность всех членов партии[227]. В том же году определенные группы особо активных рабочих, занятых в осуществлении плана Троцкого по восстановлению транспорта, были посвящены (используя метафору армейского лексикона) в ударники или в ударные войска; и термин "ударничество", или "ударная работа", возник, чтобы охарактеризовать службу, достойную особых похвал, на трудовом фронте, причем бригады ударников направлялись на особо трудные или особо срочные задания. Поначалу эта система служила ценным стимулом, однако впоследствии ею стали злоупотреблять, используя слишком широко и на постоянной основе, что привело к ее девальвации[228].

Первые ударники работали исключительно для славы, поскольку побудительные мотивы дополнительных усилий были чисто моральными и психологическими. Это не означает полного игнорирования более материальных стимулов там, где они имелись. Нельзя определить, насколько широко были внедрены в практику тарифы заработной платы, одобренные II Всероссийским съездом профсоюзов в январе 1919 г.[229] Однако III съезд, состоявшийся в апреле 1920 г., не концентрировал свое основное внимание на важнейшем вопросе мобилизации рабочей силы. Он также широко обсуждал политику в области заработной платы и одобрил новую тарифную сетку. Народный комиссар труда Шмидт, выдвинувший новый проект, откровенно заявил, что "изменение построения тарифной шкалы имеет целью привлечение в промышленность квалифицированной рабочей силы"; и, учитывая эту конечную цель, разрыв в заработной плате резко увеличился, составив соотношение между заработком низшей и высшей категорий "рабочих" 1 : 8[230] (в тексте ошибочно дано со-

отношение 1 : 2. – *Ред.*). Таким образом, в разгар военного коммунизма и под влиянием побудительных мотивов, продиктованных необходимостью обеспечения более мощных стимулов для привлечения квалифицированных рабочих, начался отход от политики уравниловки, которая была провозглашена и в какой-то степени внедрялась в жизнь на начальном этапе революции. Однако новая политика сводилась на нет неминуемой полной заменой денежных выплат натуральным обеспечением, на котором делался акцент. Несмотря на то, что имелось много вариантов определения категории пайков, отвечающих статусу и роду занятий потребителей[231], вплоть до начала 1920 г. не предпринималось никаких попыток установить соответствие между пайками и отдачей работника. В январе 1920 г., когда денежная заработная плата почти потеряла свой смысл и пайки приобретали характер платы натурой, на III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства было выдвинуто и принято предложение ввести натуральное премирование[232]; и эта рекомендация была повторена IX партийным съездом в марте 1920 г. и III Всероссийским съездом профсоюзов в следующем месяце[233]. В июне 1920 г. был издан декрет, устанавливавший введение системы премий, как денежных, так и натуральных, "чтобы поднять производительность труда". По общему признанию, жизненность системы зависела "от установления общего фонда для натурального премирования"[234]; и в октябре 1920 г. для этих целей был создан фонд в 500 тыс. пудов хлеба и соответствующего количества других продуктов питания[235]. Однако система, которая должна была управляться профсоюзами, развалилась из-за нехватки продуктов снабжения, поскольку через органы Наркомпрода "натур-премия иногда выдавалась не как премия, а как добавочный паек к обыкновенному нормативному пайку"[236]. Теперь, когда деньги почти потеряли свою ценность, существенной частью заработной платы рабочих являлась та постоянно увеличивавшаяся часть, которая выплачивалась натурой. Однако, в то время как скудость запасов служила постоянным тормозом к увеличению распределения сверх самого минимального пайка, материальные стимулы производства, которые могли бы быть предложены за счет премий и дифференцированной заработной платы, были сведены на нет. Конечным результатом военного коммунизма в сфере трудовой политики был отказ от использования на практике других побудительных моментов, кроме революционного энтузиазма и неприкрытого принуждения.

Как раз к окончанию 1920 г., когда Врангель был разгромлен и гражданская война подошла наконец к своему завершению, начали проявляться признаки невыносимых стрессов на трудовом фронте, равно как и в других областях народного хозяйства. "Милитаризация труда" лишилась своего обоснования, которое она, вероятно, имела, покуда продолжалась борьба за существование. Профсоюзы вновь стали местом и носителем

острых разногласий – внутри Центрального Совета между Центральным Советом и профсоюзами, а также между союзами и советскими органами. Предметом разногласий были вопросы, которые зачастую казались скорее вопросами качества, чем принципа: что входит в основные функции союзов (стимулирование производства или защита насущных и местных интересов своих членов); должны ли они мобилизовывать и организовывать рабочую силу методами принуждения или исключительно на добровольных началах, а также следует ли им принимать указания государства по вопросам политики или же сохранить некоторую степень независимости. Не существовало никакого связующего звена между вопросом "мобилизации труда" и вопросом взаимоотношений между профсоюзами и государством. Однако вполне естественно, что те, кто считал трудовую мобилизацию составной частью социалистического хозяйства, пытались также объединить профсоюзы с государственной машиной, в то время как те, кто выступал за независимый статус профсоюзов, предполагали, что сила союзов заключается в добровольном характере дисциплины, которую они осуществляли. Яркая личность Троцкого, который настаивал безоговорочно на принудительной мобилизации труда и на полнейшем подчинении профсоюзов государству, внесла свою лепту в этот спор, заострив все возможные углы; Томский проявил себя как защитник традиционной "тред-юнионистской" точки зрения.

I Всероссийский съезд профсоюзов провозгласил в 1918 г., что профсоюзы должны стать "органами государственной власти"; VIII съезд партии в следующем году провозгласил в соответствующем разделе партийной Программы, что профсоюзы должны "прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым". В разгар гражданской войны две точки зрения могли объединиться друг с другом; но как только она закончилась, неизбежно должен был возникнуть вопрос о том, должны ли жизненно важные политические решения приниматься профсоюзами или государственными органами. Основанием для более срочного обсуждения этого вопроса послужило более или менее случайное обстоятельство. Зимой 1919/20 гг. положение на железнодорожном транспорте стало катастрофическим, угрожая развалом всей экономики из-за полнейшего хаоса на транспорте, и Ленин телеграфировал Троцкому, который в тот момент находился на Урале, прося его взять на себя решение этой проблемы[237]. В первую очередь подумали о методах принуждения. Декретом СТО от 30 января 1920 г. все железнодорожные рабочие объявлялись мобилизованными для выполнения трудовой повинности, а неделю спустя другим декретом железнодорожная администрация наделялась широкими дисциплинарными полномочиями, причем ни в одном из этих декретов не упоминалось о профсоюзах[238]. В начале марта 1920 г. Троцкий для осуществления своей политики добился создания

нового органа при народном комиссариате путей сообщения (Наркомпуть), названного Главным политическим управлением путей сообщения (Главполитпуть), в функции которого входило взывать к политическому самосознанию железнодорожников[239].

Одной из целей, по крайней мере одним из результатов этой меры было подорвать влияние профсоюза железнодорожников, который, начиная с волнений первых недель революции, более упорно сохранял свои традиции, чем большинство союзов, проводивших независимый курс. Специальная резолюция IX съезда партии в марте 1920 г., обратив внимание на кардинальное значение транспорта, объяснила "основные трудности в вопросе улучшения транспорта слабостью профсоюза железнодорожников" и дала свое особое благословение Главполитпути. Его двойная функция заключалась в "срочном улучшении железнодорожного транспорта" за счет организованного влияния опытных коммунистов и одновременно в усилении железнодорожной профсоюзной организации за счет внедрения в нее лучших рабочих, которых Главполитпуть направлял на железную дорогу, в оказании помощи самому профсоюзу по установлению железной дисциплины в своей организации и, таким образом, превращению железнодорожного профсоюза в незаменимый инструмент для дальнейшего улучшения железнодорожного транспорта[240]. Вскоре стали проявляться зависть и подозрительность, а затем между Главполитпутем и железнодорожным профсоюзом разразилась настоящая война. Она достигла своего апогея в августе, когда Центральный Комитет партии принял решение упразднить комитет союза железнодорожников и заменить его новым комитетом, ставшим известным в последующих дебатах как Цектран[241]. Похоже, неоконченная война с белополяками и новое наступление Врангеля на юге все еще служили оправданием для любых диктаторских чрезвычайных мер, которые могли поддерживать жизнедеятельность транспорта. Однако в конце сентября профсоюзы восстановили часть своего престижа в Центральном Комитете партии, который принял резолюцию, предостерегавшую против "какой бы то ни было мелочной опеки и мелочного вмешательства" в текущую работу профсоюзов, отметившую, что положение на транспорте "значительно улучшилось", и объявившую, что настало время преобразовать Главполитпуть (и соответствующий орган для речного транспорта – Главполитвод) в профсоюзные органы[242].

Поэтому, когда в первые дни ноября 1920 г. в Москве состоялась Всероссийская профсоюзная конференция, атмосфера на ней была напряженной. С Польшей было подписано перемирие, и гражданская война, равно как и худшие времена транспортного кризиса остались фактически позади. Большевистские делегаты, как обычно, собрались заблаговременно, чтобы определить свою линию поведения на конференции. Троцкий, воспользовавшись дискуссией о производстве, бросился в общее

наступление на профсоюзы, которые, по его мнению, нуждались в "перетряхивании"; Томский резко спорил[243]. Перепалка не выносилась на пленарные заседания конференции, которая довольствовалась тезисами Рудзутака о "производственных задачах профсоюзов", носившими несколько уклончивый характер[244]. Однако положение в партии теперь настолько обострилось, что Центральному Комитету пришлось сказать свое веское слово. На совещании 6 ноября 1920 г. (это было на Пленуме ЦК, который состоялся 9 ноября. – *Ред.*) Ленин и Троцкий представляют альтернативные проекты, и на следующий день Центральный Комитет после довольно трудных дебатов 10 голосами против четырех (Троцкий, Крестинский, Андреев и Рыков) принимает текст резолюции, предложенной Лениным. В этой резолюции защищаются "здоровые формы милитаризации труда", осуждается "вырождение централизма и милитаризованных форм работы в бюрократизм", в "мелочную опеку над профсоюзами". Существенным моментом в ней было то, что Цектрану было указано принять участие в общей работе Центрального Совета профсоюзов на одинаковых с другими союзными объединениями правах. В ней также содержалось решение о назначении профессионалистской комиссии для выработки новых общих указаний профсоюзам[245]. Вслед за этим произошел раскол внутри Цектрана[246], и 7 декабря 1920 г. Центральный Комитет возвращается к обсуждению в атмосфере усилившихся разногласий. На этот раз Ленин оставил Зиновьева, чтобы выступить против Троцкого. Однако ЦК настроен против обоих главных действующих лиц, и Бухарин создает так называемую "буферную группу", в которую входят Преображенский, Серебряков, Сокольников и Ларин, и проводит 8 голосами против семи компромиссную резолюцию, которая направлена на то, чтобы оставить открытыми все вопросы до партийного съезда весной следующего года. Главполитпуть и его смежная организация Главполитвод официально распускаются, а их штаты и имущество передаются профсоюзам. Цектран сохраняется, но при условии, что на предстоящем в феврале 1921 г. съезде транспортных рабочих состоятся новые выборы его руководства[247].

Начиная с этого момента становится невозможным придерживаться первоначального решения (ноябрь 1920 г.) не выносить на широкое обсуждение разногласия, существующие в партии[248]. В течение трех месяцев, отделявших декабрьский Пленум Центрального Комитета от открытия X съезда партии 8 марта 1921 г., полные сарказма дебаты о роли профсоюзов бушевали на партийных собраниях и в партийной печати[249]. Согласно Троцкому и Цектрану, профсоюз железнодорожников стремился вести себя как капиталистический профсоюз, отводя вопросу организации производства второстепенное место; некоторые хотели, чтобы Томский "был Гомперсом рабочего государства". По мнению противников Троцкого, "аппарат НКПС поглощает союзный аппарат, оставляя от союза рожки да ножки"[250]. Имели

хождение около полудюжины программ, или "платформ". Когда состоялся съезд, ситуация успела до некоторой степени проясниться. "Буферная группа" Бухарина, не сумев восстановить всеобщее согласие, пошла на соглашение с Троцким, и от имени восьми членов Центрального Комитета (Троцкого, Бухарина, Андреева, Дзержинского, Крестинского, Преображенского, Раковского и Серебрякова) съезду был представлен совместный проект[251]. На другом крыле зимой 1920/21 гг. образовалась левая группа, получившая название "рабочей оппозиции". Ее неясная, но далеко идущая программа включала установление контроля профсоюзов над промышленным производством, и ее предлжения, представленные X съезду партии, были выдержаны в том же духе. Лидерами этой группы были Шляпников и Коллонтай[252]. Появление этого нового элемента в значительной степени способствовало выступлению группы Ленина – Зиновьева в качестве центральной, выступающей в роли арбитра силы; ее точка зрения была представлена съезду в виде проекта резолюции, известной как "резолюция десяти" (Ленин, Зиновьев, Томский, Рудзутак, Калинин, Каменев, Лозовский, Петровский, Артем и Сталин)[253]. Более мелкие группировки распались до съезда или сразу же после его начала, оставив поле сражения трем основным соперничающим группам.

Открытая дискуссия на X съезде партии носила формальный характер. Она была ограничена одним заседанием, причем значительная часть его времени была занята мелкими и взаимными обвинениями, а поскольку собравшиеся на съезд делегаты были обработаны заблаговременно, результат обсуждения был известен наперед. Личного влияния Ленина и авторитета партийного аппарата было достаточно, чтобы перевесить чашу весов. Однако сочувствующих альтернативным программам было больше, чем показало голосование на съезде. В трех основных платформах были ясно показаны принципиальные вопросы, поставленные на карту. "Рабочая оппозиция", подобно прежним защитникам "рабочего контроля", придерживалась в основном синдикалистского взгляда на "рабочее государство", взывая к синдикалистскому уклону в партийной теории: Шляпников процитировал предсказание Энгельса об обществе, "которое вновь организует промышленность на основании свободной равноправной ассоциации всех производителей"[254]. Поскольку профсоюзы являлись организацией, представлявшей непосредственно и исключительно рабочих, было немыслимо, чтобы они подчинялись какой-либо политической власти. В центре руководство народным хозяйством должно быть передано в руки Всероссийского съезда производителей, на более низком уровне – профсоюзов. Политические функции косвенно оставались в руках Советов, которые как органы отправления политической власти были обречены на отмирание. В качестве насущных практических вопросов "рабочая оппозиция" выступала за выравнивание тарифов, свободное распределение продовольствия и дру-

гих товаров первой необходимости среди всех рабочих и за постепенную замену денежной заработной платы натурализованной. Она представляла рабочих в ограниченном смысле слова и выступала, по крайней мере в теории, против каких-либо уступок крестьянству. "Рабочая оппозиция", хотя и отвергала все, что отдавало милитаризацией труда, поддерживала самые крайние проявления политики военного коммунизма, занимая таким образом позицию на левом крыле партии. Она не могла предложить никакого решения кризиса, перед которым оказался X съезд, и получила лишь 18 голосов.

Программа Троцкого – Бухарина, которая представляла первоначальную точку зрения Троцкого со слегка округленными острыми углами, характеризовалась ими как "производственная" в противовес "профсоюзной" платформе. Она призывала к превращению профсоюзов в производственные союзы не только номинально, но и по сути и методам работы. Партийная Программа 1919 г. предусматривала сосредоточение в руках профсоюзов "всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым". Однако это подразумевало "планомерное преобразование союзов в аппараты рабочего государства". Как естественное следствие этого процесса должна быть достигнута более тесная интеграция между ВСНХ и Центральным Советом профсоюзов, а народный комиссариат труда подлежал полнейшему упразднению. На практике процесс "огосударствления" профсоюзов зашел чрезвычайно далеко, и поэтому, казалось, не было причин, препятствовавших доведению его до логического завершения. Программа Троцкого–Бухарина отличалась высокой степенью логичности и последовательности. Однако подчеркнутое предположение о том, что у промышленного рабочего не может быть интересов, отличных от интересов всего Советского государства, а следовательно, и требующих защиты независимых профсоюзов, хотя и казалось оправданным расхожим применением термина "диктатура пролетариата", в действительности имело под собой мало оснований – хотя бы потому, что существовавшее государство покоилось на прочном компромиссе между промышленным рабочим и крестьянином. Отсюда программа Троцкого–Бухарина была подвержена тем же обвинениям, что и программа "рабочей оппозиции", правда, под другим углом: за игнорирование крестьянского компонента в Советской власти. Более осязаемым препятствием к ее популярности была ее известная связь с политикой принудительной мобилизации труда, логически вытекавшая из ее вступительной части. Несмотря на ее блестящих и влиятельных "крестных отцов", программа Троцкого–Бухарина получила на съезде только 50 голосов.

Таким образом, почва была расчищена для "резолюции десяти", которая была принята 336 голосами, в то время как за резолюции двух ее соперников было подано соответственно 50 и 18 голосов. Основная критика в ее адрес заключалась в том, что

она осталась незавершенной и оставила многие вещи в их прежнем состоянии. Она решительно отвергла предложение "рабочей оппозиции" о высшем Всероссийском съезде производителей, на котором, как откровенно признал Зиновьев, "в нынешний тяжелый момент большинство будет беспартийных, добрая часть меньшевиков и черносотенцев" (в тексте ошибочно сказано "эсеров" вместо "черносотенцев". – *Ред.*)[255]. В ней также провозглашается, в противовес Троцкому, что, хотя профсоюзы уже осуществляют некоторые государственные функции, "быстрое огосударствление профсоюзов было бы крупной политической ошибкой". Задача состояла в том, чтобы "все больше и больше завоевывать на деле для Советского государства эти массовые беспартийные организации". Отличительной чертой профсоюзов "является не метод принуждения, а метод убеждения, что нисколько не исключает... пролетарского принуждения"; инкорпорирование их в государственные органы означало бы лишение их этого ценного качества[256]. "Платформа десяти" покоилась скорее на практической целесообразности, чем на теоретических посылках. Однако в этом-то и заключался источник ее силы. Что касается частных вопросов, то "десятка", хотя и признавала, что уравнивание заработной платы является конечной целью, выступила против его провозглашения в качестве немедленной политической цели, на чем настаивала "рабочая оппозиция"; профсоюзы "используют денежную и натуральную оплату труда как средство дисциплинирования и повышения производительности труда (премиальная система и т.п.)". Профсоюзы должны также через институт "товарищеских дисциплинарных судов" бороться со всеми видами труд-дезертирства и нарушений трудовой дисциплины. Предложения "десятки", принятые X партийным съездом как средство преодоления разногласий по вопросу о профсоюзах, носили скорее отпечаток разумности, чем новизны или сенсационности. Однако они ничего не дали для решения основного вопроса: какие реальные функции возложить на профсоюзы, не превращая их в органы государства.

Троцкий предсказывал на съезде, что эта победоносная резолюция не доживет до XI съезда[257]. Это предсказание действительно сбылось. Очередной кризис разразился буквально через два месяца; и линия партии в отношении профсоюзов еще раз существенно была изменена, на этот раз резолюцией Центрального Комитета в январе 1922 г.[258] И если дальнейшие изменения произошли без повторения острых моментов, которые отличали дискуссию зимы 1920/21 гг., то причиной тому два следующих фактора. Во-первых, ужесточение партийной дисциплины на X съезде сделало невозможным возобновление споров столь открытого и острого характера, которые предшествовали съезду. Во-вторых, все дебаты по вопросу о профсоюзах зимой 1920/21 гг. велись в период военного коммунизма и исходили из предпосылок этой системы. Отказ от военного коммунизма и введение НЭПа отразились на трудовой политике таким образом, что ока-

зались устаревшими как троцкистская платформа, так и платформа "рабочей оппозиции", в то время как эти изменения очень хорошо укладывались в русло более гибкой Программы, принятой съездом, и могли быть весьма правдоподобно представлены как ее продолжение. Троцкистская политика мобилизации труда государством отражала исключительно напряженное положение в период военного коммунизма и подлежала смягчению, когда чрезвычайные обстоятельства были преодолены. Тем не менее она оказалась более живучей, чем другие атрибуты военного коммунизма; трудовая политика, принятая впоследствии в период пятилетних планов, унаследовала гораздо больше из концепций, выдвигаемых Троцким в это время, чем из резолюции, одобренной X съездом партии.

г) Торговля и распределение

Нарушение процесса торговли между городом и деревней уже весной 1918 г. заставило Советское правительство приступить к новому эксперименту: организации прямого обмена товарами и компромиссу с кооперативами. Начиная с лета 1918 г.и в последующий период гражданская война черзвычайно обострила эту проблему, а в некотором смысле и упростила ее, вынудив правительство сконцентрировать свои усилия на наиболее насущных и элементарных нуждах. Период военного коммунизма характеризуется несколькими четко выраженными отличительными чертами в области торговли и распределения: неограниченное использование методов изъятия вместо обмена с целью получения продовольствия, в котором остро нуждалось государство; дальнейшее развитие натурального обмена; широкое использование твердых цен и распределение продуктов в виде пайков; приспособление кооперативов к советской системе в качестве основного инструмента сбора и распределения продуктов питания и рост "черного рынка", существовавшего бок о бок с официальными каналами торговли в конечном счете превзошедшего их как по своим масштабам, так и по значимости.

Изъятие товаров первой необходимости – это в то время означало продовольствие, обмундирование и вооружения для Красной Армии и продукты питания для городского населения – диктовалось насущными нуждами гражданской войны и могло быть оправдано военной необходимостью. Оно также могло рассматриваться в качестве предтечи будущего коммунистического общества, призванного упразднить методы обмена, при которых содержимое кошелька являлось определяющим фактором, и на смену ему внедрить принцип: "От каждого по способностям, каждому по потребностям". В теории принцип распределения по потребностям, вероятно, вступает в противоречие с принципом распределения посредством обмена получа-

емыми товарами; оба принципа были признаны существующими бок о бок в первом декрете о торговой монополии, принятом 2 апреля 1918 г.[259] Однако этот конфликт едва ли касался крестьянина, поскольку ни один из этих принципов не мог быть внедрен в практику из-за отсутствия продовольствия. В отчаянных попытках правительства получить от крестьян максимально возможное количество сельскохозяйственных продуктов, мало что давая ему взамен, метод изъятия продовольствия при помощи продотрядов, внедренный летом 1918 г. и получивший свое дальнейшее развитие в декретах августа 1918 г.[260], продолжал доминировать в течение 1919 и 1920 гг. Так что в этот период главным инструментом получения продовольствия у крестьянства были не торговля и обмен, а насильственное их изъятие в процессе проведения продразверстки. Этот метод очень скоро был охарактеризован общественным мнением как отличительная черта политики военного коммунизма и стал основной причиной недовольства среди крестьян, вызванного этой политикой.

Отношения государства с промышленностью при военном коммунизме также были далеки от процессов торговли. Начиная с середины 1918 г. ВСНХ быстрыми темпами устанавливал свой контроль над всякой важной отраслью российской индустрии, направляя все возможные производственные мощности на удовлетворение нужд гражданской войны. Как часто бывает во время войны, производство для ее нужд быстро вытеснило то, что оставалось от производства для рынка. При штабе ВСНХ был создан "Отдел военных заготовок", которому подчинялись соответствующие отделы в местных совнархозах[261], а венчала эту структуру межведомственная "Чрезвычайная комиссия по производству предметов военного снабжения", во главе которой по возвращении в Россию в сентябре 1918 г. стал Красин и которая два месяца спустя изменила свое название на "Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной Армии"[262]. Эта организация, усиленная летом 1919 г. Рыковым в качестве "чрезвычайного представителя" Совета рабочей и крестьянской обороны с целью придать ей наивысший политический авторитет[263], взяла на себя снабжение Красной Армии всем необходимым, за исключением сельскохозяйственных продуктов, и превратилась тем самым в основного потребителя и контролера промышленного производства. Снабжение Красной Армии стало, выражаясь словами Красина, "во главу угла нашей хозяйственной политики"[264]. На протяжении 1919 и 1920 гг. огромная масса из числа действующих промышленных предприятий России была занята выполнением заказов для Красной Армии.

Та же часть индустрии, которая предназначалась для производства товаров потребления для гражданского населения, в не меньшей степени была связана с обеспечением военных нужд. Основная масса ее ограниченного производства предназначалась для того, чтобы за счет организованного обмена побу-

дить крестьянина обеспечить поставки продовольствия, без которого Красная Армия не могла продолжать боевые действия, а городское население умерло бы с голода. Поэтому ВСНХ не в меньшей степени был заинтересован в установлении своего контроля над отраслями промышленности по производству потребительских товаров, чем над предприятиями, занятыми непосредственно обеспечением Красной Армии. О конечном назначении этих товаров можно судить по тому факту, что их распределение находилось в руках Наркомпрода. Волну национализации промышленности осенью 1918 г. увенчал декрет Совнаркома от 21 ноября 1918 г. "Об организации снабжения", который был прежде всего предназначен для замены "частноторгового аппарата". Этим декретом была фактически установлена государственная монополия на торговлю. Он точно определил взаимоотношения между ВСНХ и Наркомпродом. Все товары, предназначенные "для личного потребления или домашнего хозяйства" и производимые на национализированных или контролируемых ВСНХ предприятиях, должны были посредством соответствующих главков, центров или отделов переведены в распоряжение Наркомпрода для использования согласно троякому плану.

По этому плану в первую очередь определялось количество продуктов, предназначенных на экспорт, затем – часть для резерва и, наконец, масса продуктов для промышленного потребления и для распределения среди населения. Во-вторых, этим планом устанавливались фабричные, оптовые и розничные цены. В-третьих, определялся метод распределения продуктов, предразначенных для народного потребления. Первая и третья из названных функций были возложены на Комиссию использования, в которой были представлены ВСНХ, Наркомпрод и народный комиссариат торговли и промышленности[265], а вторая – на Комитет цен ВСНХ. Для отправления функций распределения и для сбора товаров, не подпадающих под юрисдикцию ВСНХ (главным образом к ним относились предметы сельского кустарного производства), Наркомпрод создал специальный орган под названием Главпродукт, в котором ВСНХ имел своего представителя. Страну должна была покрыть достаточно густая для удобства населения "сеть розничных лавок", причем в процессе распределения предполагалось участие кооперативов. Розничная торговля подлежала "муниципализации", то есть должна была стать под контроль местных Советов[266]. На бумаге декрет представлял собой хорошо задуманный план, который полностью отвечал цели большевистской политики, определенной в Программе партии 1919 г. следующим образом: "Продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов"[267]. Однако в основе этой системы должен был лежать принцип пайков, который предполагает наличие двух моментов: мощной административной машины и количества продуктов, достаточного для распределения. Ни того, ни другого в России 1919 и 1920 гг.

не было, причем и надеяться на их появление нельзя было. В то же время, подобно другим элементам политики военного коммунизма, эта система была продиктована не столько теорией, сколько практическими нуждами, и трудно было найти какую-либо другую систему, которую можно было использовать в разгар гражданской войны.

Твердые цены на хлеб, равно как и монополия на хлеб, были унаследованы от Временного правительства, причем повышались они неоднократно. Логичным и неизбежным следствием установления государственной монополии на другие товары первой необходимости, которое началось весной и летом 1918 г., было установление твердых цен на эти товары. До конца 1918 г. такие цены были установлены на шкуры, кожу и кожаные изделия, шерсть и шерстяные изделия, на хлопчатобумажную ткань и изделия из нее, резиновые изделия, мыло, табак, чай и на многие другие продукты. В 1919 г. и первой половине 1920 г., по мере расширения и усиления контроля, рос список твердых цен, до тех пор покуда не охватил практически все предметы потребления[268]. Твердые цены регулярно поднимались, причем делалось это таким образом, чтобы они опережали периодический рост цен на хлеб. Другими словами, условия торговли все больше и больше складывались не в пользу крестьянина, а в пользу промышленного рабочего[269]. Однако этот процесс не имел большого практического значения, поскольку цены не могли быть увеличены достаточно радикально, чтобы компенсировать быстро падающую покупательную способность денег. Таким образом, со временем твердые цены все больше и больше расходились со "свободными" ценами, по которым те же самые товары реализовывались или обменивались на незаконном, но терпимом "черном рынке". К 1920 г. твердые цены стали в значительной степени номинальными, а распределение по твердым ценам – практически равнозначным бесплатному распределению, что в конечном счете и произошло. Однако к тому времени запасы продовольствия, находящиеся в руках государства и предназначенные для распределения, также сократились до мизерного уровня.

Пайки были естественным сопутствующим обстоятельством твердых цен. Распределение основных продуктов питания по карточкам действовало в Петрограде и Москве еще при Временном правительстве, а на сахар и хлеб карточки были введены до Февральской революции. В эту систему не вносилось каких-либо изменений в течение первых девяти месяцев советского режима, продовольствие становилось все более недоступным, разрыв между твердыми ценами и ценами на те же продукты на свободном рынке – все более широким. Однако острая нехватка продовольствия летом 1918 г., сказавшаяся прежде всего и главным образом на рабочих в крупных городах, и введение политики изъятия зерна у крестьян – все это заставило правительство взять на себя ответственность за распределение продуктов пи-

тания. В августе 1918 г. система дифференцированных пайков была впервые введена в Москве и Петрограде. При этом население подразделялось на три категории. К первой из них относились рабочие тяжелого физического труда, ко второй – рабочие других категорий труда и семьи всех трудящихся, а к третьей – представители бывшей буржуазии. Принадлежавшие к первой категории получали пайки в четыре, а ко второй категории – в три раза больше, чем люди, составлявшие третью категорию[270]. Эта дифференцированная система быстро распространилась, причем в многочисленных вариациях. Рабочие физического труда всегда принадлежали к высшей категории, имея абсолютный приоритет над всеми другими категориями. При этом иногда даже утверждалось, что они получают паек – "броню". Обычно в высшую категорию включались и семьи красногвардейцев. Однако немного времени спустя внутри групп рабочих физического труда и групп служащих было проведено различие, основывавшееся якобы на ценности их услуг обществу: пайки высшей категории предоставлялись ударникам труда, занятым особо ценной или срочной работой. Процесс усовершенствования этой системы зашел так далеко, что осенью 1919 г. в некоторых местах насчитывалось до 20 категорий пайков.

Такое положение вело не только к невыносимым административным осложнениям, но и к широкому распространению аномалий, завистничеству и недовольству, которые широко обсуждались на Всероссийском совещании представительных продорганов в ноябре 1919 г. С докладом по этому вопросу на совещании выступил будущий генеральный прокурор и министр иностранных дел СССР Вышинский, бывший в то время служащим Наркомпрода. Он подверг критике "мещанский принцип уравнения", которым руководствовались при распределении продуктов в Германии времен Вильгельма и в габсбургской Австрии, равно как и при Временном правительстве в России. Однако если дискриминация в отношении буржуазии была справедливой и уместной, трудно было оправдать систему пайков, которая порождала массу "привилегированных групп, причем каждая из них конкурирует со своими соседями", и которая совершенно по-разному применялась в различных городах и регионах. Вышинский предложил вернуться к разделению на три категории: на рабочих физического труда, других трудящихся и нетрудовые элементы, причем пайки должны распределяться между ними в пропорции 3 : 2 : 1. Участники совещания единодушно приняли резолюцию, выдержанную в этом духе[271]. Месяц спустя, в декабре 1919 г., VII Всероссийский съезд Советов потребовл введения "единого рабочего пайка"[272]. В апреле 1920 г. наблюдался возврат к некоему подобию прежней системы трех категорий при условии, что специальные пайки могут быть предоставлены рабочим тяжелого физического труда, равно как и "для лиц особо квалифицированного умственного труда"[273]. Однако эти изменения потеряли свое значение, поскольку в те-

чение 1920 г. система пайков была постепенно заменена оплатой труда в натуральном исчислении. В этом было двойное преимущество: во-первых, отпала необходимость попытаться подсчитывать зарплату и цены в условиях снижения покупательной способности денег, а во-вторых, это дало возможность вознаграждать за труд в соответствии с вкладом каждого, причем делать это с гораздо большей точностью, чем можно было мечтать во времена действия грубой системы пайков по категориям. К условиям текущего кризиса более приспособленной оказалась система оплаты для промышленных рабочих, теоретически основывавшаяся на распределении по способностям, чем система пайков, в основе которой лежала теория распределения по потребностям[274].

В принципе сельское население должно было снабжаться потребительскими товарами на основе декрета от 21 ноября 1918 г., который не предусматривал никакого иного критерия распределения, кроме как по потребностям. Но в практике основным мотивом распределения товаров среди крестьян было получение сельскохозяйственных продуктов. Распределение производилось на основе декрета от 5 августа 1918 г., предусматривавшего "обязательный товарообмен", то есть по принципу, чтобы 85% стоимости всех поставляемых товаров было оплачено продовольственными продуктами[275], а, поскольку политика была направлена на сохранение цен на промышленные товары на пропорционально более высоком уровне, чем цены на сельскохозяйственную продукцию, это само по себе означало дополнительный налог на крестьянина[276]. Эта процедура стала еще более жесткой, когда после сбора урожая был принят еще один декрет – от 5 августа 1919 г. По этому декрету Наркомпроду поручалось "устанавливать для каждой губернии или района в отдельности количество продуктов сельского хозяйства и промыслов, подлежащих обязательной сдаче, и количество товаров, отпускаемых для снабжения сельского населения", причем последние не должны были отпускаться прежде, чем будут осуществлены поставки первых. По сравнению с декретом предыдущего года новый декрет имел преимущество по двум аспектам. Во-первых, похоже, денежный элемент исчез полностью: подсчет эквивалентов производился Наркомпродом вероятнее всего на основе данных о необходимом количестве хлеба и других продуктов и о массе имеющихся в наличии промышленных товаров. Во-вторых, был ясно провозглашен принцип коллективной ответственности, который был только обозначен в декрете от 5 августа 1918 г.; количество распределяемых промышленных товаров зависело от количества поставляемых продуктов; "потребительским обществам", которые занимались распределением, не разрешалось ставить в худшие условия "пролетарские или полупролетарские элементы... живущие заработной платой или пособиями, получаемыми от государства". Так что, если говорить о каждом человеке в отдельности, получаемые продукты

не обязательно находились в прямой зависимости от поставляемых продуктов[277]. Официальная система обмена между городом и деревней, получившая свое развитие на последнем этапе военного коммунизма, больше походила, таким образом, на систему насильного изъятия сельскохозяйственных продуктов, компенсируемого свободным распределением промышленных товаров на карточной основе, чем на торговлю или обмен в обычном смысле этого слова. Элемент личной заинтересованности в производстве все еще отсутствовал и не мог быть восстановлен, покуда предпринимались попытки, пусть и не очень эффективные, внедрить принцип: "От каждого по способностям – каждому по потребностям".

Результаты, достигнутые Советским правительством в его системе распределения в период военного коммунизма, объясняются почти полностью его успехом в превращении кооперативного движения в основной инструмент этой политики. Под влиянием гражданской войны ускорился процесс привязки кооперативов к советской административной машине и использования их для ликвидации недостатков этой системы. Она заставила Советское правительство гораздо более непосредственно и энергичнее, чем до нее, вмешаться в процесс налаживания торговли между городом и деревней, причем эта функция целиком ложилась на Наркомпрод, а сфера деятельности ВСНХ была ограничена в конечном итоге промышленным производством. С другой стороны, дискредитация левых эсеров и их изгнание из Советов лишили кооперативы их политической поддержки. Эсерам ничего не оставалось другого, как согласиться на условия большевиков, которые в свою очередь не имели более никаких политических мотивов для снисхождения или компромисса. Таким образом, привязка потребительских кооперативов к советской административной машине в виде эксперимента, начатая после декрета от 11 апреля 1918 г., могла теперь продолжаться ускоренным темпом.

Первым явным симптомом этого процесса был декрет "Об обязательном обмене" от 5 августа 1918 г. Первоначальный декрет от 2 апреля 1918 г. об обмене с крестьянами был принят до соглашения с кооперативами и не содержал никакого упоминания о них. По новому декрету кооперативы должны были работать бок о бок с официальными советскими органами (в одной из его статей они даже были названы, помимо какого-либо официального органа, в качестве инструмента, при помощи которого будет осуществляться обмен). В нем также предусматривались наказания в случае нарушения установленных правил: члены правления провинившегося кооператива подлежали преданию суду, а сам кооператив мог быть оштрафован, причем новое правление назначалось непосредственно Советской властью или с ее одобрения[278]. Декрет от 21 ноября, по которому все торговые учреждения были национализированы, оставлял

кооперативам определенные привилегии. Принадлежавшие им оптовые склады и розничные лавки продолжали оставаться "в их управлении, но под контролем Наркомпрода". В тех местах, где из-за излишнего усердия со стороны местных советских органов были национализированы или муниципализированы кооперативы, предписывалось восстановить прежнее положение. В качестве дублирующего органа Наркомпрод получил право назначать по одному представителю в правление Центросоюза и в правления областных и губернских кооперативных объединений[279]. Это представляло собой определенную уступку кооперативам в сочетании с оливковой ветвью, протянутой одновременно меньшевикам и левым эсерам, и совпало с их кратковременным возвращением в Советы[280]. В результате в партийных кругах возникло недовольство[281], причем в защиту этого шага выступил Ленин, мотивируя это тем, что мелкобуржуазные элементы, которые, по общему признанию, занимали в кооперативах доминирующее положение, "организовать лавочки... умеют" и поэтому должны обладать теми же привилегиями, что и руководители трестов[282]. Эта уступка, однако, была больше кажущейся, чем реальной. В конечном счете благодаря декрету кооперативы более основательно и открыто, чем прежде, превращались в аккредитованных проводников советской политики. Последовавшая через несколько дней национализация московского Народного банка покончила с остатками их финансовой автономии[283].

Результатом последующих двух лет, когда военный коммунизм достиг своего апогея, стало простое завершение того, что было приведено в движение этими акциями. Большевики вначале надеялись захватить эту организацию, отколов от нее рабочие кооперативы и направив их против "общегражданской" кооперации. Съезд рабочих кооператоров, состоявшийся в Москве в декабре 1918 г., проголосовал незначительным большинством за требование внести изменение в структуру Центросоюза, с тем чтобы обеспечить постоянное большинство в его президиуме делегатам рабочих кооперативов[284]. На съезде всех кооперативов в Москве в январе 1919 г., где большевики все еще были в меньшинстве, большинство попыталось пойти на компромисс, предложив рабочей кооперации пять мест из тринадцати в правлении Центросоюза. Это предложение не было принято, и большевистские делегаты покинули съезд[285]. Тогда были применены более прямые методы воздействия. В Программе партии, принятой на VIII съезде в марте 1919 г., провозглашалось, что политика партии состоит в том, чтобы неуклонно "продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов". Целью является организация всего населения "в единую сеть потребительских коммун". Хотя при этом добавлялось, что "в основу потребительских коммун... должна быть положена существующая общегражданская и рабочая кооперация, являющаяся

самой крупной организацией потребителей и наиболее подготовленным историей капитализма аппаратом массового распределения"[286]. Политика партии тотчас же стала государственной акцией. Декрет от 16 марта 1919 г., принятый еще до окончания работы съезда, явился ответом на требование о "едином аппарате распределения". В нем объявлялось о преобразовании всей рабочей и общегражданской кооперации, равно как и всех государственных органов, занятых распределением, в единый распределительный орган – Потребительскую коммуну, в которую "включается все население", причем традиционное различие между двумя видами кооперации упразднялось. Потребительские коммуны объединялись в губернские союзы, а их правления избирались собраниями уполномоченных. Каждый губернский союз избирал одного делегата в Центросоюз, который оставался руководящим органом всей системы. Таким образом, за основу, в слегка измененном виде, был принят пирамидальный характер Советов. Официальный характер системы подчеркивался в пункте, который приравнивал все должностные лица и служащих кооперативов к служащим государственных продовольственных органов. И наконец, советским местным продовольственным органам давалось право вводить по одному своему представителю во все местные кооперативы, а "Совет народных комиссаров может пополнять состав Правления Центросоюза необходимым количеством своих представителей". Введение декрета в действие от имени Советского правительства поручалось Наркомпроду, в результате чего ВСНХ потерял последнюю из своих функций в этой области, закрыв свой кооперативный отдел. Применение по всему тексту термина "потребительские коммуны" свидетельствовало о желании предать прошлому даже само понятие "кооперация"[287].

Этот декрет имел далеко идущие последствия. В состав существовавшего в то время правления Центросоюза входило четыре представителя от рабочей кооперации, которые были большевиками или из числа им сочувствовавших, и восемь представителей от общегражданской кооперации, которые не были большевиками. Совнарком пошел на любопытный компромисс: он использовал предоставленное ему декретом право, назначив в правление Центросоюза трех своих представителей и оставив большевиков в меньшинстве. Однако одному из этого меньшинства, Фрумкину, было предоставлено право вето. Вскоре этот план, который давал большевикам возможность опротестовать любое решение, но не принимать решения, оказался несостоятельным. В июле 1919 г. состоялось постановление Совнаркомао вводе в правление Центросоюза дополнительно трех членов[288]. В разгар гражданской войны диктовать свою волю кооперативам было исключительно деликатным делом, и даже при наличии отчетливого большинства в Центросоюзе процесс ассимиляции протекал медленно. Правда, в ноябре 1919 г. один из представителей Наркомпрода заметил, что "теперь принципиальное раз-

личие между органами советскими и кооперативными отпадает", так что "мы можем кооперацию считать чисто государственным аппаратом"[289]. В январе 1920 г., незадолго до того, как был преодолен кризис гражданской войны, фронт наступления был расширен, охватив менее значимые и влиятельные кредитные и производственные кооперативы. В результате фактического прекращения вкладов и займов, вызванного обесценением денег, кредитные кооперативы потеряли большую часть своих первоначальных функций и, похоже, выступали в некоторых случаях в качестве посредника, финансировавшего сделки по закупке и продаже товаров. Производственные кооперативы все еще выполняли полезную функцию, организуя выпуск сельскохозяйственной продукции и предметов сельского кустарного производства[290]. Однако в декрете, выпущенном в январе 1920 г., они были охарактеризованы как "лишенные всероссийского центра" и "весьма часто по своему составу и строению отражающие интересы не трудящихся, а их классовых врагов". Этим декретом их активы и имущество переводились в потребительские кооперативы, а сами они оказались под жестким контролем Центросоюза"[291]. Таким образом, кооперативы всех видов были сведены в единую сеть под начало общего центрального органа, который уже превратился в составную часть советской административной машины.

При достижении столь большого прогресса настало время для доведения этого процесса до логического завершения и формального превращения кооперативов в государственные органы. Этот курс нашел широкую поддержку на IX съезде партии в марте 1920 г. В секции съезда, рассматривавшей этот вопрос, основным защитником так называемого огосударствления кооперативов выступал Милютин, который обеспечил большинство голосов в поддержку резолюции, требовавшей, чтобы они стали "техническим аппаратом Наркомпрода". Но Милютин своим успехом был частично обязан тому факту, что противники "огосударствления" не были едины и выдвинули не менее трех альтернативных предложений о будущем статусе кооперативов. Когда же этот вопрос был вынесен на пленарное заседание, Ленин решительно выступил против Милютина и убедил съезд принять резолюцию, выдвинутую Крестинским[292]. Основным аргументом было все то же: необходимость умиротворения крестьянства, которое не было готово к такому шагу. "Мы имеем дело с классом, менее доступным нам и ни в коем случае не поддающимся национализации". В резолюции Крестинского, вновь подтвердившей два основных декрета – от 20 марта 1919 г. и 27 января 1920 г., – откровенно говорилось о потребительских кооперативах как находившихся под управлением Наркомпрода, а о производственных, сельскохозяйственных и промышленных кооперативах – под управлением Наркомзема и ВСНХ соответственно; причем подчинение производственных кооперативов Центросоюзу должно было носить "чисто администра-

тивно-политический характер". Таким образом, "огосударствление" кооперативов фактически имело место во всем, за исключением названия, и при режиме военного коммунизма не могло быть иначе. Но тот факт, что сохранилась их формальная независимость, в последующий период оказался имеющим определенное значение[293]. На IX съезде партии председатель Центрсоюза, старый меньшевик Хинчук, был принят в партию. В следующем месяце были арестованы и приговорены к различным срокам тюремного заключения несколько руководителей кооперативов, выступавших против новой организации[294].

Наиболее значимая часть истории внутренней торговли в период военного коммунизма не может быть, однако, написана языком официальных декретов и официальной политики. История этого периода располагает массой иллюстраций упорства и изобретательности людей в поисках путей и средств для обмена товарами, когда речь идет о выживании. Первоначальной и наиболее простой формой этих незаконных средств для достижения цели было мешочничество, которое являлось предметом всеобщих разговоров и больным вопросом для нового режима с самых первых дней революции[295]. Однако незаконная транспортировка продовольствия в города продолжалась, несмотря на все преследования, включая декрет, предписывавший заградительным отрядам на железнодорожном и водном транспорте конфисковывать все продовольствие, перевозимое пассажирами сверх минимальной нормы[296]. В сентябре 1918 г. мешочничество получило молчаливое признание в приказах, разрешавших рабочим Москвы и Петрограда привозить продукты питания в городв количествах, не превышавших полтора пуда. Мешочники поспешно были переименованы в "полуторапудовиков", и, хотя срок этой уступки истекал номинально 1-го или, согласно последующей поправке, 10 октября[297], похоже, после этого разрешение на провоз такого количества продовольствия считалось само собой разумеющимся. В январе 1919 г. ВЦИК издал приказ, осуждавший железнодорожные заградительные отряды за грубое обращение с пассажирами и несправедливое изъятие продовольствия, предназначавшегося для личных нужд[298]. Начиная с зимы 1918/19 гг. этот контроль был несколько ослаблен за счет легализации методов коллективной взаимопомощи для фабрик, профсоюзов и других организаций[299]. Однако, если слова "мешочник" и "мешочничество" в основном исчезли из обращения, это объяснялось главным образом тем, что данное явление стало слишком обычным, чтобы о нем говорить, и власти относились к нему более или менее терпимо. Статистики того периода попытались подсчитать, в какой пропорции находились друг к другу продукты питания, потребляемые горожанами в 1919–1920 гг. за счет поставляемых по карточкам на основании твердых цен, с одной стороны, и добываемые по дополнительным каналам – с другой. Согласно одним подсче-

там, лишь 20–25% приходилось на карточки[300], по другим подсчетам, которые делают различие между городами в "потребляющих" и "производящих" губерниях, по карточкам поступало от 25 до 40% необходимых продуктов в первых и от 35 до 55% – во вторых[301]. На IV съезде профсоюзов в апреле 1920 г. было заявлено, что необходимые расходы рабочего в два с половиной – три раза превышают его зарплату, получаемую либо в деньгах, либо в натуре[302]. Какую бы гипотезу мы ни взяли, становится ясным, что в течение всего периода военного коммунизма городское население либо голодало, либо более половины своих потребностей в продуктах питания удовлетворяло за счет номинально незаконной торговли. К моменту введения НЭПа рабочие, получавшие пайки высшей категории, потребляли, согласно имевшимся данным, всего лишь 1200–1900 вместо 3000 калорий, которые считаются необходимым минимумом для рабочих физического труда[303]. Несколько недель спустя Пятаков утверждал, что "шахтер Донбасса... потребляет всего 50 процентов калорий, которые необходимы ему для полного восстановления сил"; а Рыков признавал, что "мало кто из рабочих не покупает продукты на свободном рынке" и что "в этом виде наша буржуазия произрастает в течение нескольких лет"[304].

В какой же форме производилась оплата за эти незаконные поставки? Вначале мешочники брали плату деньгами, хотя и по чрезвычайно высоким ценам. Позднее, по мере того как падала покупательная способность денег, значительная часть торговли производилась на бартерной основе. Только зажиточная часть населения обладала собственностью, которую можно было продать, да и та была вскоре исчерпана. Таким образом, незаконная торговля продовольственными товарами привела к возникновению незаконной торговли другими товарами. Вскоре после революции фабрики начали выдавать часть заработной платы натурой – в виде доли того, что на них производилось; и то, что поначалу, несомненно, предназначалось для личного пользования рабочих и их семей, очень быстро превратилось в предмет меновой торговли и продавалось по инфляционным ценам свободного рынка. Один из выступавших на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в мае 1918 г. обратил внимание на эту практику, которая к тому времени получила название "кусочничество".

"Страшное зло – мешочничество, страшное зло – кусочничество, но еще большее зло, когда рабочим начинают выдавать плату натурой, продуктами... и когда они сами превращаются в кусочников"[305]. Однако эта практика продолжала существовать, и на II Всероссийском съезде Советов народного хозяйствав декабре 1918 г. была даже принята резолюция в пользу оплаты части заработка фабричным рабочим натурой[306]. Два года спустя эта порочная практика достигла скандальных масштабов, и IV съезд профсоюзов принял резолюцию, осуждающую торговлю приводными ремнями, инструментами и другим оборудованием

фабрик, на которых работали эти рабочие-торговцы[307]. Государственные учреждения и национализированные промышленные предприятия часто удовлетворяли свои потребности, прибегая к услугам свободного рынка, хотя эта практика и была формально запрещена.

Таким образом, в Советской России времен военного коммунизма бок о бок существовали две различные системы распределения – распределение государственными органами по твердым ценам (или впоследствии бесплатно) и распределение через частную торговлю. Согласно декретам от 2 апреля и 21 ноября 1918 г.[308], торговля продуктами питания, а фактически и всеми товарами широкого потребления стала государственной монополией. Имевшаяся в наличии масса таких товаров распределялась вначале правительственными органами (включая кооперативы) по твердым ценам. При этом предполагалось, что в основе такого распределения лежит пайковый принцип, хотя нормальные пайки так никогда и не были установлены, за исключением пайков на хлеб и некоторые фуражные изделия. Эти формы распределения были единственными, признанными законом[309]. Легальная внутренняя торговля, говорилось в авторитетном заявлении в апреле 1920 г., "почти не существует и заменена аппаратом государственного распределения"[310]. Но наряду с этой официальной системой распределения процветала, хотя и запрещенная законом, частная торговля всеми предметами первой необходимости по ценам, в 40–50 раз превышавшим установленные правительством цены. В Москве центром этой торговли был рынок на Сухаревской площади, на которой толпились подпольные торговцы и их клиенты. Время от времени милиция проводила рейды, но в общем и целом, похоже, смотрела сквозь пальцы на этот огромный "черный рынок". "Сухаревка" же стала жаргонным названием для этого "свободного" сектора советского хозяйства. Ленин не переставал осуждать его, заявляя, что "капитализм до сих пор тормозит начинания Советской власти, путем мешочничества, Сухаревки и т.п."[311]. Но не было сомнения в том, на чьей стороне победа. В начале 1920 г. официальный орган указывал на контраст между "зияющей пустотой советских магазинов и кипучей деятельностью ярмарочной торговли на Сухаревке, Смоленском рынке, Охотном ряду и других очагах спекулятивного рынка"[312]. На протяжении всего этого периода растущая часть внутреннего распределения товаров в Советской России проходила по неофициальным и в общей своей массе незаконным каналам; и власти, долгое время безрезультатно боровшиеся, чтобы закрыть эти каналы, в конечном счете вынуждены были смириться с этим, сначала как с неизбежным злом, а затем как с позитивным вкладом в народное хозяйство. В некотором отношении НЭП сделал немногим более того, что санкционировал методы торговли, которые зародились спонтанно вопреки правительственным декретам и несмотря на правительственные репрессии в период военного коммунизма.

Во времена военного коммунизма внешняя торговля фактически не играла никакой роли в советской экономике. Кольцо блокады, установленной союзниками в начале 1918 г., окончательно сомкнулось, когда в результате капитуляции Германии в ноябре того же года прекратились всякие отношения с континентальной Европой, а гражданская война разрушила последнее звено, связывавшее Россию с азиатскими рынками и источниками снабжения. Импорт и экспорт, сократившиеся до незначительных размеров в 1918 г., достигли нулевой точки в 1919 г., и полнейшая экономическая изоляция Советской России в это время стала мощным побудительным фактором для экономических экспериментов, которые вряд ли были возможны и не проводились бы так настойчиво, если бы не закрытая экономическая система. Снятие блокады в январе 1920 г. и заключение мира с Эстонией две недели спустя открыли формальную возможность для международной торговли. Но отказ стран-союзниц принимать русское золото – так называемая золотая блокада – лишил Советскую власть одного средства платежа, которое она могла бы использовать для получения столь необходимого импорта. Первая советская торговая делегация под руководством Красина выехала в Копенгаген в марте 1920 г., и заключенное в результате соглашение с группой шведских фирм обеспечило Советской России хотя и ограниченное, но ценное количество железнодорожного оборудования и сельскохозяйственных машин. И хотя Красин проследовал в Лондон, война с Польшей вновь свела на нет перспективы далеко идущих переговоров, и в результате мало что было достигнуто в 1920 г.[313] Декретом от 11 июля 1920 г. практически не функционировавший народный комиссариат торговли и промышленности был преобразован в народный комиссариат внешней торговли во главе с Красиным[314]. Эта мера явилась скорее декларацией политики и подготовкой к будущему, чем ответом на потребности дня. Торговые статистические данные за 1920 г. показывают некоторый подъем по сравнению с нулевой отметкой 1919 г., но даже не достигают незначительной цифры, отмеченной в 1918 г. Оптимистические расчеты на увеличение экспорта древесины, зерна и льна не оправдались. Более реалистические оценки даются в статье "Наша внешняя торговля", опубликованной в официальной газете за сентябрь 1920 г.

"Придется вывозить то, в чем мы нуждаемся сами, просто для того, чтобы купить взамен то, в чем мы нуждаемся еще больше. За каждый локомотив, за каждый плуг мы будем вынуждены буквально вырывать куски из тела нашего народного хозяйства"[315].

Именно понимание этой жестокой необходимости заставило Совнарком осенью 1920 г. вновь обратиться к проекту, который обсуждался еще весной 1918 г., – к плану по привлечению иностранного капитала за счет концессий[316]. Но эта вдохновляющая идея, не принесшая быстрого или моментального успеха,

принадлежала не к теперь уже почти обанкротившейся концепции военного коммунизма, а к наступавшему периоду НЭПа.

д) Финансы

Когда летом 1918 г. была провозглашена политика военного коммунизма, первоначальный импульс финансовой программы большевиков уже потерял свою побудительную силу. Ее основной пункт – национализация банков – своевременно приобрел форму закона и в огромной мере претворен в жизнь; точно так же был осуществлен ее второй пункт – об аннулировании долгов предыдущего русского правительства. Однако национализация банков не оправдала смутных надежд социалистических теоретиков на то, что тем самым автоматически будет создан инструмент для контроля и финансирования промышленности. Равно как и аннулирование долгов не решило проблему финансирования государственных расходов; напротив, был закрыт один из каналов подучения средств – за счет займов. Печатание банкнот оставалось единственным имеющимся в наличии серьезным источником получения денежных средств для покрытия текущих государственных расходов и для предоставления авансов промышленности. Непрестанное использование этого источника усиливало безудержное обесценение денег и в конечном счете отбило у торговцев всякое желание принимать теперь уже почти обесцененные банкноты в качестве платы за товары, а значит, привело к тому, что деньги потеряли свою функцию стимулирования нормального процесса торговли и обмена. Характерной чертой военного коммунизма с финансовой точки зрения явилось изъятие денег из экономики. Однако это ни в коей мере не является результатом доктрины или преднамеренного расчета. В августе 1918 г. на смену Гуковскому, который своим жестким, невообразимым финансовым пуризмом завоевал на посту народного комиссара финансов репутацию одного из представителей крайне правого крыла партии, пришел более гибкий и более интеллигентный Крестинский, занимавший с января того же года пост наркома Государственного банка, который по вопросу Брест-Литовска находился в рядах левой оппозиции, но отошел от нее во время последующих дебатов по экономическому вопросу. Но навряд ли целью этого изменения было возвестить начало новой финансовой политики. Не чем иным, как трудностями гражданской войны можно объяснить поведение народного комиссариата финансов, вынужденного пойти новым, совершенно неожиданным курсом.

Осенью 1918 г. иссякли обычные источники получения финансовых средств. 30 октября того же года ВЦИК издал два декрета, которые представляли собой скорее отчаянную, сиюминутную попытку использовать все возможные средства для вы-

хода из безнадежного положения, чем компромисс между двумя различными концепциями фискальной, или финансовой, политики. Первым декретом вводился "чрезвычайный революционный налог", рассчитанный на то, чтобы за счет прямого обложения получить общую сумму в 10 млрд. руб. Вторым – устанавливался "натуральный налог", в принципе представлявший собой обложение всех земледельцев, по которому они должны были сдавать государству все излишки свой продукции сверх установленных норм на личные и хозяйственные нужды[317]. Первый декрет являлся последней серьезной попыткой, предпринятой в ранний период советского режима, чтобы покрыть государственные расходы за счет прямого денежного налогообложения, а второй – первым экспериментом по обложению натуральным налогом, ставшим естественным следствием отказа от денег при военном коммунизме. Именно в этом смысле они были сопоставлены друг с другом Крестинским: "Налог чрезвычайный связывает нас с прошлым, налог натуральный – с будущим"[318].

Чрезвычайным революционным налогом облагались в соответствующих пропорциях, установленных в самом декрете, все губернии, которые к настоящему моменту находились в руках Советов: это означало исключение Украины и юго-восточных районов России, азиатских губерний и территорий и Архангельска на севере, то есть всех регионов, находившихся под иностранной или "белой" оккупацией. При этом на Москву и Петроград с их губерниями приходилась половина из 10 млрд. руб., а на остальные – в зависимости от количества населения и от их богатства – меньшие суммы. Например, беднейшая из них – Олонецкая губерния облагалась лишь 15 млн. руб. Распределение этих общих сумм на уезды и в конечном счете на индивидуальных налогоплательщиков возлагалось на губернские исполнительные комитеты. От налога освобождались лица, не имевшие собственности и зарабатывавшие не больше 1500 руб. в месяц, а также национализированные и муниципализированные предприятия. В отдельной статье декрета говорилось, что неимущие городские жители и крестьяне-бедняки налогом не облагаются, "средние слои" были обложены "небольшими ставками", а основная тяжесть налога должна падать на богатую часть городского населения и богатых крестьян.

Официально установленной датой уплаты налога было 15 декабря 1918 г. Однако на протяжении всей зимы в Наркомфин шел поток запросов и жалоб, ответы на которые в циркулярах и циркулярных телеграммах направлялись в адрес губернских властей. Большинство жалоб касалось несоблюдения положений декрета об освобождении от налога. Когда так много оставлялось на усмотрение местных властей, неизбежно возникала почва для различных интерпретаций. Пространный циркуляр от 15 января 1919 г. был посвящен тому, что закон преследовал не только финансовые, но и классовые цели.

"Если бы налог в фискальном отношении прошел блестяще, но в результате его неправильного проведения получилось сплочение беднейших и кулацких слоев деревенского и городского населения на почве общего недовольства налогом, то мы должны были бы констатировать неудачу"[319].

Объединить эти две цели и даже просто собрать этот налог оказалось исключительно трудным делом. Апрельским декретом 1919 г., начинавшимся проявлением заботы о среднем крестьянстве (это был момент, когда направление политики сильно изменилось в их пользу[320]), прекращались все невыплаченные суммы по низшим ставкам и облегчались – по средним. В то же время в нем содержалась прежняя оговорка, что "более высокие оклады общему уменьшению не подлежат"[321]. Как методы, так и результаты сбора налога чрезвычайно варьировались от губернии к губернии. В Москве и Петрограде, а также в их губерниях, на которые приходилась половина всего налога, сбор был незначительным. Некоторые губернии собрали всего 50%, а другие - 25% сумм, которыми они были обложены, а общий сбор в мае 1919 г. составил менее 10% обложения, то есть не достиг и миллиарда рублей[322], и, похоже, вряд ли было собрано что-либо еще после этой даты. Вероятно, результат был не хуже, чем от другого прямого налогообложения того времени, однако вывод, сделанный Милютиным, казалось, был неизбежен:

"Лично я на прямые налоги не возлагаю надежды. Те опыты, которые мы проделывали, дали незначительные результаты. Налоги эти, конечно, будут проводиться и в дальнейшем, но не приходится возлагать на них серьезные упования. При небольших результатах они дают массу недовольства и требуют сложного аппарата для взимания"[323].

Эта явная неудача с прямым денежным налогообложением больше, чем любая склонность к теории, заставила Советское правительство полагаться на альтернативные средства для достижения цели.

С другой стороны, первый эксперимент с натуральным налогом оказался еще менее результативным, чем последняя широкомасштабная попытка с прямым денежным налогом. Октябрьский декрет 1918 г., установивший натуральный налог, как и его двойник по чрезвычайному революционному налогу, подробно распространялся о классовом, равно как и о финансовом аспекте этой меры. Введение налога оправдывалось "крайней нуждой в продуктах сельского хозяйства", испытываемой воюющим государством перед лицом разрушенного хозяйства. Однако дополнительная цель заключалась в "полном освобождении бедноты от несения податного бремени путем переложения всей налоговой тяготы на имущественно обеспеченные классы, с тем, чтобы в деревне средние крестьяне облагались лишь умеренным налогом, а на кулаков-богатеев была возложена главная часть государственных сборов"[324]. Хотя централизованное распределение налога находилось в руках Наркомфина (един-

ственное ясное свидетельство его финансового характера), сбор налога был поручен местным исполнительным комитетам, а в сельских районах и деревнях – специально назначенным комитетам, состоявшим главным образом из крестьян-бедняков[325]. Но, несмотря на все предусмотренные меры и тщательно разработанные таблицы, определяющие размер налога в зависимости от количества обрабатываемой земли, числа членов семьи владельца землей и губернии, в которой он проживает, этот налог обернулся полнейшей неудачей, и Ленин впоследствии вспоминал о нем: "Он был принят – этот закон... но в жизнь он не вошел"[326]. Суть натурального налога, как она понималась в это время, заключалась в том, что им облагали, исходя из предполагаемых нужд, а не из производства. Единственное, что бралось в расчет, – это нужды "налогоплательщика" и его семьи; все остальное, что превышало эту норму, изымалось. Таким образом, это ничем не отличалось от реквизиции. Эта отчаянная мера была основным, если не единственным, средством, при помощи которого Советское правительство на протяжении 1919 и 1920 гг. получало необходимые продукты для Красной Армии и для городского населения РСФСР. При создавшихся условиях государственный бюджет периода военного коммунизма мог быть не чем иным, как пустой формальностью. Например, на вторую половину 1918 г. разрабатывался такой же бюджет, как и на его первую половину[327], и формально утверждался к концу периода[328]. Бюджет на первую половину 1919 г. был утвержден Совнаркомом 30 апреля 1919 г.[329] После этого, похоже, никакие наметки бюджета не представлялись Наркомфином вплоть до введения НЭПа в 1921 г., когда они были формально утверждены за прошедшие годы. Растущая девальвация бумажных денег и отказ от них на протяжении 1919 и 1920 гг. делали бессмысленным любой бюджет[330].

С началом гражданской войны так и осталась незавершенной борьба между Наркомфином и местными Советами о финансовых правах Советов. Конституция, хотя и признала окончательный финансовый контроль за центральной властью, оставила в руках местных Советов, которые проявили огромное упорство в сохранении своих прерогатив, полномочия по налогообложению. В течение всего 1918 г. местное налогообложение, главным образом в виде специальных сборов и контрибуций, было, по-видимому, более ощутимым и более эффективным для большей части страны, чем налоги, собираемые центральным правительством. Когда в октябре 1918 г. было принято решение по введению чрезвычайного революционного налога, Совнарком издал дополнительный декрет, уполномочивавший окружные, городские и губернские Советы прибегать к такому же налогообложению по своему усмотрению, а 3 декабря того же года – всеобщий и детально разработанный декрет, который упорядочил финансовые полномочия Советов на различных уровнях[331]. Но в течение 1919 г. баланс сдвинулся решительно не в

пользу местной инициативы. Декрет от 3 декабря 1918 г., определив источники доходов местных Советов, тем самым поставил перед ними ограничения; кроме того, он утвердил принцип, по которому местные потребности должны были удовлетворяться частично за счет местного налогообложения, а частично – за счет субсидий от государства. Со снижением покупательной способности денег, которое сводило на нет все налоговые сборы, и в результате постепенной национализации промышленности, которая перекрывала самый важный источник доходов (национализированные предприятия как в центре, так и на местах освобождались от налогов), доходы местных Советов быстро снизились, а значит, возросла зависимость от субсидий из центра[332]. Съезд заведующих финотделами в мае 1919 г. предпринял фронтальное наступление на принцип местной финансовой автономии. Он принял резолюцию, призывавшую к отмене декрета от 3 декабря 1918 г. и провозгласившую намерение Наркомфина выступить на очередном Всероссийском съезде Советов с предложением о поправке бюджетной главы Конституции. В то же время в другой резолюции были изложены общие принципы "единого государственного бюджета":

"Все доходы как общегосударственного, так и местного характера поступают в единую государственную кассу, равным образом и все расходы на удовлетворение нужд как общегосударственного, так и местного значения производятся из той же единой государственной кассы.

Все финансовые сметы, как доходные, так и расходные, составляются на основании общих бюджетных правил..."[333]

Это произошло более чем за полгода до того, как в декабре 1919 г. состоялся следующий Всероссийский съезд Советов, и поправка к Конституции так никогда и не ставилась на обсуждение, хотя бы формально. Однако декретом в сентябре 1919 г. было образовано Междуведомственное совещание, куда должны были поступать все запросы от местных Советов о финансовой помощи и где Наркомфин, похоже, обеспечил за собой право решающего голоса[334]. По-видимому, это был тот самый момент, когда была наконец обеспечена централизация фискальной и финансовой власти. И только резолюция ВЦИК от 18 июля 1920 г. отрегулировала это положение.

"Разделение бюджета на государственный и местный бюджеты упраздняется: в будущем местные расходы и доходы будут включаться в общий бюджет государства...

Наркомфину поручается разработать систему денежных налогов, определяемых указанными целями и собираемых для специфических местных нужд, но включаемых и расходуемых сообразно общему бюджету"[335].

Однако к этому времени денежное налогообложение почти прекратилось, и не было предпринято ничего для осуществления этого указания. Формальная победа полнейшей централизации сопровождалась распадом всей бюджетной системы.

Лишь с введением НЭПа и созданием стабильной валюты была изменена эта политика, а система местного финансирования, как предусматривалось в Конституции РСФСР, вновь получила право на существование.

Не менее острой, чем проблема обеспечения государственных расходов в госбюджете, была проблема финансирования промышленности. Партийная Программа 1919 г. отражала господствовавшее в партии убеждение, когда заявляла, что, поскольку источники прямого налогообложения сокращаются в силу экспроприации собственности, "покрытие государственных расходов должно покоиться на непосредственном обращении части доходов от различных государственных монополий в доход государства", другими словами – на прибылях от национализированных промышленных предприятий[336]. Однако в первый год после революции это было идеалом отдаленного будущего, и национализированные промышленные предприятия, истощенные войной, испытывали острую нехватку капиталовложений, равно как и кредитов для текущего производства. Когда зимой 1917/18 гг. были национализированы банки и ВСНХ начал осуществлять контроль над ведущими отраслями промышленности, как национализированными, так и ненационализированными, встал вопрос о том, из каких источников должны поступать эти кредиты. Декретом, принятым в феврале 1918 г., был создан Центральный учетно-ссудный комитет Государственного банка, в котором были представлены ВЦИК, ВСНХ, Всероссийский совет профсоюзов и различные народные комиссариаты, с тем чтобы собирать и рассматривать представления о ссудах и авансах для промышленных предприятий[337]. Аналогичные комитеты были созданы при местных отделениях Государственного банка. Но в тот момент не было установлено единой практики, и авансы, похоже, выдавались без тщательного рассмотрения и без учета политики ВСНХ[338]. В литературе приводятся примеры того, как владельцы собственности, подлежащей национализации ВСНХ, с успехом закладывали ее в одном из отделений Государственного банка накануне акта о национализации[339]. Совершенно очевидной была необходимость внести в этот хаотичный процесс порядок и систему. Первая конкретная программа, которая была разработана весной 1918 г. и получила поддержку со стороны Гуковского и в правых кругах, выступила за создание специальных банков для финансирования основных отраслей промышленности – зерновой банк, металлический банк, текстильный банк и т.п., – в которых половина акций должна принадлежать государству, а вторая половина – частным лицам, имеющим интересы в соответствующих отраслях промышленности. Эта программа, являвшаяся финансовым двойником проектов смешанных компаний, которые обсуждались с Мещерским и другими, и естественным придатком плана восстановления автономии частных банков[340], была, подобно этим

проектам, подвергнута резкой критике со стороны левой оппозиции, которая охарактеризовала ее в своем меморандуме от 4 апреля 1918 г. как "денационализацию банков в замаскированной форме"[341]. Крушение проекта Мещерского привело также к отказу от этой программы. Однако с окончательной потерей банков и истощением всех источников кредита, кроме казны, открывалось широкое поле деятельности, и ВСНХ взял на себя финансирование российской промышленности. Согласно декрету, изданному накануне I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства в мае 1918 г., все ссуды национализированным промышленным предприятиям должны были предоставляться из казны по решению ВСНХ: ответственность за контроль и подтверждение представлений ложилась на главки и подобные им органы или на областные совнархозы[342]. На съезде Сокольников, решительно осуждавший проект Гуковского за "диффузию банков", выступил с предложением о том, чтобы в распоряжение ВСНХ был выделен фонд в 2,5–3 млрд. руб. для финансирования промышленности в 1918 г.[343] Это предложение не нашло поддержки, и ВСНХ в своих взаимоотношениях с казной продолжал влачить полуголодное существование. Но на практике его свобода действий, кажется, оставалась неограниченной, и в течение второй половины 1918 г. он стал, насколько позволяли декреты, абсолютным контролером российской промышленности. II Всероссийский съезд Советов народного хозяйства в декабре 1918 г. потребовал, чтобы Государственный банк был преобразован в "орган технического выполнения расчетов и учета по решениям ВСНХ и его органов"[344]. ВСНХ представлялись сводные ведомости и приходно-расходные отчеты промышленных предприятий, и он принимал по ним политические решения, и только балансы направлялись в государственный бюджет.

В то же время исключительный контроль над финансированием промышленности, установленный ВСНХ во второй половине 1918 г., был предметом настойчивой критики. Социалистические авторы вплоть до Ленина выступали за некий центральный банк в качестве бухгалтерии социалистического хозяйства. Государственный банк, однако, передал эту функцию ВСНХ, который пытался совместить две роли: административного и бухгалтерского органов. Эта комбинация имела фатальные недостатки. Единственной целью ВСНХ было стимулировать производство любыми методами и любой ценой. Это было оправданно в кризисные годы гражданской войны. Но некомпетентность, неотделимая от времен чрезвычайного положения, и неопытность новой бюрократии превратили ВСНХ в легкую цель для ревностных и сравнительно опытных финансистов Наркомфина и Государственного банка. Получалось, что в отчетах ВСНХ доходы не отличались от кредитов, используемых в производстве, – рабочего капитала[345]. Прибыли реинвестировались в промышленность, и, вообще говоря, только потери направлялись в бюджет. В начале 1919 г. состоялась дискуссия между ВСНХ и

Наркомфином, и достигнутый между ними компромисс нашел свое отражение в декрете Совнаркома от 4 марта 1919 г. Майский декрет 1918 г., признававший безраздельную власть ВСНХ в финансировании промышленности, был упразднен. В будущем все решения ВСНХ и его органов по предоставлению кредитов государственным предприятиям должны были приниматься "с участием представителей Комиссариата финансов и Государственного контроля": возникшие разногласия переносятся на разрешение Совнаркома. Все кредиты должны были предоставляться через Государственный банк, в который должны были поступать все сметы и отчеты по расходам[346]. Другое изменение еще больше ограничило власть ВСНХ и усилило влияние Наркомфина. По бюджету на первую половину 1919 г. было принято решение, что все приходы национализированных предприятий,а также приходы главков и контролирующих их центров, включая Наркомпрод, должны поступать на счет Наркомфина и фигурировать в доходной части государственного бюджета[347].

Эти меры лишили ВСНХ его исключительных полномочий по финансированию промышленности и оставили последнее слово за Наркомфином. Вряд ли можно сомневаться в том, что это отделение финансов от технического управления было в принципе шагом вперед, к более эффективной организации промышленности. Однако за этими изменениями крылся еще один аспект, который не был оправдан практикой. Передача Наркомфину прямой ответственности за финансирование индустрии и уподобление отдельных пунктов в промышленных сводных ведомостях (балансах) пунктам в государственном бюджете означали, что финансирование промышленности осуществлялось на бюджетных принципах, а не на принципах коммерческого кредита. В такой системе не было места банковскому делу как отдельному элементу, что явилось логическим следствием всего имевшего место до того, как в январе 1920 г. был упразднен Государственный банк. В декрете Совнаркома дается детальное объяснение причин этого шага:

"Национализация промышленности... подчинила общему сметному порядку всю государственную промышленность и торговлю, что исключает всякую необходимость дальнейшего пользования народным (государственным) банком как учреждением государственного кредита в прежнем значении этого слова.

Хотя система банковского кредита и сохранила еще силу для мелкой частной промышленной деятельности и потребностей отдельных граждан, помещающих свои сбережения в государственных кассах, но и эта операция в силу постепенной утраты ими значения в народно-хозяйственной жизни не требует уже существования обособленных банковских учреждений. Эти, теперь второстепенные, задачи с успехом могут быть выполнены новыми центральными и местными учреждениями Народного комиссариата финансов"[348].

Таким образом, Наркомфин, воспользовавшись тенденциями к централизации, имевшими место при военном коммунизме, преуспел в достижении для себя не только неограниченных финансовых полномочий, но и фактической монополии за счет как местной администрации, так и банковской системы. В обеих этих сферах процесс концентрации подлежал пересмотру при НЭПе.

Успехи, достигнутые Наркомфином в начале 1919 г. в установлении своей власти как над местными государственными доходами, так и над финансированием промышленности, кажется, представляли собой важный шаг на пути к внедрению порядка и здравого смысла в управление народным хозяйством. Тем не менее они оказались пирровой победой частично из-за того, что ни политическая, ни экономическая структура не были еще достаточно прочными, чтобы выдержать тяжесть такого сильно сконцентрированного контроля, но главным образом из-за того, что финансовое оружие, которым завладел Наркомфин, оказалось непригодным из-за безудержного падения покупательной способности денег. Девальвация рубля начиная с 1919 г. и позже оказывала свое влияние на каждый аспект советской финансовой и экономической политики и придала политике военного коммунизма окончательный, характерный для нее вид. Не ранее как 26 октября 1918 г. Совнарком, отдавая некую дань законности, вдруг издал декрет, санкционировавший увеличение необеспеченной денежной массы не меньше чем на 33,5 млрд. руб.[349], тем самым подняв ее предел с 16,5 млрд., установленных последним декретом Временного правительства, до санкционированной общей суммы в 50 млрд. руб. Здесь также видно точное следование прецеденту, установленному Временным правительством. Этот декрет ретроспективно санкционировал то, что уже имело место: к моменту его обнародования новый установленный законом лимит уже был достигнут и находился на грани превышения.

С этого момента растущие нужды гражданской войны начали давать о себе знать во все увеличивавшемся выпуске денежной массы и во все большем росте цен, который отражал уменьшение покупательной способности рубля. Поворотный пункт (это проявилось скорее в психологическом осознании фактов, чем в сколь-либо заметном изменении в самих фактах) наступил в первые месяцы 1919 г. Некоторый проблеск надежды на спасение за счет денежной реформы, похоже, засветился в умах оптимистически настроенных большевистских руководителей[350]. До того времени Советское правительство довольствовалось тем, что печатало без каких-либо изменений банкноты старого образца, которыми пользовались царское и Временное правительства. В феврале 1919 г. впервые появились денежные знаки РСФСР, но только малого достоинства – в один, два и три

рубля – так называемого "упрощенного типа"[351]. Затем 15 мая 1919 г. вышел декрет, установивший новые банкноты советского образца любого достоинства и банкноты "сверх установленной декретом от 26 октября 1918 г. нормы в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках"[352]. В течение долгого времени эти знаки имели хождение как на "черном рынке" в России, так и на иностранных биржах по более низкому курсу, чем банкноты Временного правительства, которые в свою очередь имели меньшую ценность, чем царские деньги. По данным одного советского авторитетного лица, 1000-рублевая царская банкнота стоила в одно время от 50 тыс. до 600 тыс. советских рублей[353].

Когда декретом от 15 мая 1919 г. было устранено последнее препятствие на пути к неограниченному выпуску денежной массы, общая сумма находившихся в обращении денег превысила 80 млрд. руб. Увеличившись более чем вдвое в объеме в 1918 г., она возросла в три раза в 1919 г. и в пять раз в 1920 г. Катастрофический и необратимый характер падения уже нельзя было больше скрывать, и он впервые начал проявляться в полную силу. Девальвация рубля по отношению к золоту и иностранной валюте не имела большого значения. Внешняя торговля в 1919 г. практически прекратилась, и когда она в следующем году начала медленно возрождаться, существование монополии на внешнюю торговлю служило гарантией того, что операции осуществлялись в твердой иностранной валюте[354]. Однако падение покупательной способности рубля на внутреннем рынке было значительным и катастрофическим. На первом этапе инфляционного процесса цены растут менее быстро, чем денежная масса, так что покупательная способность общей массы денег в обращении увеличивается и выпуск банкнот является эффективным, хотя и временным, средством финансирования государственных расходов. На втором этапе, когда основная масса населения осознает факт инфляции и когда падает вера в деньги, цены начинают расти гораздо быстрее, чем денежная масса, так что их рост не может быть компенсирован новым выпуском денег, а покупательная способность общей массы денег в обращении падает. Эта вторая стадия была достигнута в России ко времени Февральской революции. За восемь месяцев, отделявших Февральскую революцию от Октябрьской, несмотря на то, что масса денежных знаков почти удвоилась, цены возросли втрое. Когда Советское правительство пришло к власти, инфляция уже давно находилась на этом этапе, а цены росли гораздо быстрее, чем денежная масса. Темпы падения в первые годы революции проиллюстрированы опубликованными оценками покупательной способности общей денежной массы, находящейся в обращении на указанные даты. Эти оценки рассчитаны, исходя из официального индекса стоимости жизни, основывающегося на ценах 1914 г.

1 ноября 1917 г.	2200 млн. руб.
1 июля 1918 г.	448 " "
1 июля 1919 г.	152 " "
1 июля 1920 г.	62 " "
1 июля 1921 г.	29[355] " "

Вот еще один подсчет, отражающий тот же процесс, но в другой форме. Государственный доход от выпуска денег, достигавший в 1918–1919 гг. 523 млн. золотых руб., упал до 390 млн. в 1919–1920 гг. и до 186 млн. – в 1920–1921 гг.[356] К середине 1919 г. в результате быстрого увеличения денежной массы золотое содержание рубля уже находилось на грани нулевой отметки. Однако сила привычки и насущная необходимость какого-то общепринятого средства обмена сохраняли жизнеспособность рубля еще в течение трех лет. Печатные станки работали на полную мощность. В конце 1919 г. "потребность в обмене была так велика, что выпускаемые на клочках простой бумаги заводские марки с визой какого-нибудь ответственного лица, или местного учреждения, или председателя какого-нибудь комитета, почитались за деньги"[357]. В 1920 г. печатанием банкнот занимались четыре различных учреждения (в Москве, Пензе, Перми и Ростове), которые давали работу более чем 10 тыс. человек[358].

Практические последствия падения курса рубля имели постепенный и кумулятивный характер. Поскольку официально устанавливаемые цены не поднимались столь часто и достаточно высоко, чтобы поспевать за падением покупательной способности денег, разрыв между твердыми ценами и ценами свободного рынка достигал фантастических размеров; и в тех частях экономики, где официально установленные цены все еще имели силу, быстро возникли различные формы меновой торговли или натурального обмена, которые дополняли или заменяли бессмысленные денежные сделки. Таким образом, поставщики сырьевых материалов национализированным фабрикам, которые были в состоянии хотя бы установить официальную цену на свои материалы, получали плату натурой в виде продукции этих фабрик[359]. Рабочим частично платили продукцией фабрики, на которой они работали (или какой-либо другой фабрики, с которой она имела соглашение об обмене), так что вместо почти обесцененной валюты они получали товары для своего собственного пользования или для обмена[360]. Обесценение валюты породило другие примеры возврата к натуральному хозяйству, которое, кажется, было особенно созвучно духу социализма. В результате все возраставшего разрыва между твердыми и рыночными ценами распределение пайковых товаров по твердым ценам все больше соответствовало бесплатному распределению, а отсюда оставался всего лишь небольшой шаг до ликвидации всех платежей за основные товары и услуги, и этот шаг был в значительной степени сделан в 1920 г. С мая 1919 г. продуктовые пайки для детей до 14 лет включительно предоставлялись бесплатно[361]. В январе 1920 г. было решено создать "бесплатные об-

щественные столовые", в первую очередь для обслуживания рабочих и служащих Москвы и Петрограда[362]. Декретом Совнаркома от 11 октября 1920 г. комиссариату финансов предписывалось разработать инструкции для освобождения советских учреждений или их рабочих и служащих от платы за такие коммунальные услуги, как почта, телеграф и телефон, а также за водопровод, канализацию, электричество, жилые помещения[363]. 4 декабря 1920 г. была полностью упразднена плата за продовольственные пайки, 23 декабря – за топливо, поставляемое государственным учреждениям и предприятиям и всем рабочим и служащим, занятым на них, а 27 января 1921 г. – квартирная плата "в национализированных или муниципализированных помещениях"[364]. Сбор налогов в денежном исчислении потерял всякий смысл. Почтовый и таможенный тарифы были отменены в октябре 1920 г.[365] 3 февраля 1921 г. на рассмотрении ВЦИК находился проект декрета, предусматривавшего отмену всех денежных налогов; и только своевременное введение НЭПа помешало проведению этой вполне логичной меры[366].

Происходившее помимо воли и желания большевиков падение покупательной способности валюты поначалу расценивалось каждым ответственным советским руководителем как первостепенное зло, с которым нужно бороться всеми возможными средствами. Но коль скоро практика не давала какого-либо средства и поскольку на последних этапах военного коммунизма деньги были почти упразднены в качестве эффективного элемента советского хозяйства, пришлось сделать хорошую мину при плохой игре, и стало широко распространяться мнение о том, что уничтожение денег было преднамеренным актом политики. Это мнение опиралось на два различных аргумента. Первый нашел свое обобщенное выражение в знаменитом афоризме Преображенского, назвавшего печатный станок пулеметом "Наркомфина, который обстреливал буржуазный строй по тылам его денежной системы, обратив законы денежного обращения буржуазного режима в средство уничтожения этого режима"[367]. Действительно, неограниченный выпуск бумажных денег стал своеобразным методом экспроприации капитала у буржуазии в интересах государства. Однако метод этот был грубым, и результаты его применения не продуманы заранее. Ситуация не была аналогичной положению в Германии после 1919 г., где инфляция служила интересам небольшой, но влиятельной группы промышленников и предоставила прекрасный предлог для невыполнения зарубежных обязательств. Тезис о том, что обесценение рубля было задумано самим Советским правительством или проводилось с его молчаливого согласия, чтобы нанести поражение буржуазии за счет уничтожения буржуазной денежной системы, представлял собой попытку задним числом оправдать курс, которым следовали только потому, что нельзя было найти средства, чтобы избежать его.

Вторым, и более популярным, аргументом, выдвинутым впоследствии, чтобы объяснить и оправдать инфляцию, был довод, почерпнутый из знакомой доктрины о конечном исчезновении денег в будущем коммунистическом обществе. Здесь также, по мнению ярых большевиков, определенное пятно, ложащееся на репутацию денег, могло снизить традиционное уважение, питаемое к ним, и сделать их более уязвимыми при нападках на них. Но ни один серьезный коммунист не относился вначале к исчезновению денег как к непосредственной цели. Не далее как в марте 1919 г. новая партийная Программа, принятая на VIII съезде партии, откровенно провозгласила, что "в первое время перехода от капитализма к коммунизму... уничтожение денег представляется невозможным"[368], а два месяца спустя Крестинский, отчаявшись изыскать какую-либо радикальную реформу для спасения валюты, все еще надеялся на "паллиативы", которые "отдалят момент окончательного краха нашей денежной системы и помогут нам продержаться до социалистического переворота на Западе"[369]. Чрезвычайная необходимость сохранения жизнеспособности рубля прослеживается в призыве Ленина того времени к крестьянину поставлять зерно в обмен на бумажные деньги, "за которые он сейчас получить товару не может", но которые будут служить "свидетельством того, что ты оказал ссуду государству"[370].

В своей знаменитой брошюре "Азбука коммунизма", опубликованной осенью 1919 г., Преображенский настаивал на сохранении денег "при социалистическом строе, который должен быть переходным строем от капитализма к коммунизму"[371]. Деньги будут уничтожены, когда общество перейдет от социализма (или "низшей ступени коммунизма") к собственно коммунизму; и ни один большевик в 1919 г. не верил, что окончательный переход может быть осуществлен без поддержки пролетарской революции в Европе. Определенные реверансы делались, конечно, в сторону все еще отдаленного будущего с экономикой без денег. Хотя в партийной Программе сама идея уничтожения денег отбрасывалась как неосуществимая, тем не менее в ней предлагались меры, "подготавливающие уничтожение денег"; а в "Азбуке коммунизма" эта тема нашла свое дальнейшее развитие. По мере того как военный коммунизм приближался к своей последней стадии, все чаще делались попытки оправдать безудержное падение рубля тем, что это, мол, составная часть пути, ведущего к будущему коммунистическому обществу без денег. В конце 1919 г. один из советских финансовых экспертов заметил с удовлетворением, что "роль денег в области материального оборота народного хозяйства в значительной части кончена" и что в результате будет сэкономлено огромное количество "ненужной работы"[372]. Зиновьев использовал этот аргумент, чтобы парировать презрительное замечание немецкого социал-демократа о том, что русская валюта не имеет ценности.

"Если у нас в России падает цена рубля, то это очень тяжело для нас – нечего скрывать. Но у нас есть выход, у нас есть просвет. Мы говорим: мы идем навстречу тому, что *уничтожим всякие деньги.* Мы натурализуем заработную плату, мы вводим бесплатный трамвай, у нас бесплатная школа, бесплатный (хотя пока еще худой) обед, у нас бесплатное жилье, освещение и т.д."[373].

Но ни одно из этих выражений веры в военный коммунизм как в предтечу высшей и конечной ступени коммунизма не может послужить законным обоснованием политики безудержной инфляции.

Кампания за упразднение денег, постепенно набиравшая силу в течение 1919 и 1920 гг., получила ложную поддержку в виде еще более законного требования, которое повсеместно дебатировалось в это время, о "безденежных расчетах" между советскими учреждениями и национализированными промышленными предприятиями. Этот аргумент, однако, был сведен на нет скрытой двусмысленностью, содержащейся в использовании слова "денежные". Тезисы левой оппозиции в апреле 1918 г. включали требование об "организации централизованного социального бухгалтерского учета и уничтожении капиталистических форм финансирования"[374], и, когда в мае 1918 г. все государственные учреждения, включая национализированные предприятия, получили указание вести свои счета и класть свои наличные сбережения в Государственный банк, а все сделки заключать с помощью чеков или за счет внесения в книги[375], эти меры, совершенно не противоречащие обычной капиталистической практике[376], приветствовались многими как шаг к упразднению денег из советского хозяйства. На II Всероссийском съезде Советов народного хозяйства Ларин доказывал, что дело ВСНХ – размещать заказы среди национализированных промышленных предприятий на требуемые товары и смотреть за тем, чтобы соответствующее предприятие получало сырье, топливо и другие предметы, необходимые для выполнения заказа. Было бессмысленно говорить о том, что предприятие должно платить за эти материалы и получать плату за свою продукцию, или о том, что государственные железные дороге должны взимать плату за их транспортировку. Деньги должны были авансировать предприятиям для выдачи заработной платы рабочим, однако им не отводилось никакой другой роли в таких сделках. Тем не менее во всей этой аргументации скрывалась одна фундаментальная двусмысленность. Ларин, похоже, деликатно обошел вопрос о том, означали ли его предложения, что просто не нужны денежные расчеты или же что эти сделки вообще не должны были фиксироваться в денежном выражении. В силу этого когда представитель Наркомфина настаивал на сохранении за Государственным банком функции по осуществлению бухгалтерского контроля за передвижением товаров с одного завода на другой, "хотя бы они выражались в прежних денежных

единицах", то он исходил или делал вид, что исходит из того, что в действительности спор между ним и Лариным идет об уточнении взаимоотношений Государственного банка с расчетным отделом ВСНХ. Представитель металлистов утверждал, что "не нужно этих бухгалтерских счетов и той подотчетности в расчетах, которая до сих пор наблюдается..." и что если осуществится формула, которая предлагается Государственным банком, "мы будем рабами излишней подотчетности"; другой делегат полагал, что в ближайшее время профсоюзы произведут натурализацию заработной платы и окончательно отделаются от денег, а значит, "в конце концов мы придем к тому, чтобы обходиться без рублевой оценки, определяя затраченную энергию количеством дней и часов". Однако никто из облеченных властью людей еще не был готов взяться за решение этой фундаментальной проблемы[377].

В результате этой полемики съезд принял пространную и двусмысленную резолюцию о финансировании промышленности, которая, как было ясно заявлено, представляла собой соглашение с Наркомфином[378]. Она начиналась пышной декларацией принципа:

"Развитие социалистического переустройства экономической жизни необходимо требует отрешения от прежних частнокапиталистических взаимоотношений в производстве и устранения, в конечном итоге, всякого влияния денег на соотношения хозяйственных элементов.

Искоренение частных финансовых учреждений, концентрация основных отраслей производства в руках государства и сосредоточение распределения в ведении государственных органов являются достаточным основанием для последовательного устранения в хозяйственной жизни денежного обращения в тех размерах, в каких оно было до сих пор".

В резолюции, следовавшей за этой прелюдией, утверждалось, помимо всего прочего, что грузы, принадлежащие государственным предприятиям, должны перевозиться бесплатно по государственным железным дорогам и на принадлежащих государству судах; что неоплаченные долги между государственными предприятиями должны быть отменены, а документы для их ликвидации – переданы Наркомфину; что государственные предприятия не должны платить или получать плату за товары, полученные или изготовленные ими по заказам ВСНХ, и что государственные предприятия должны прибегать к денежным расчетам только в таких целях, как выплата жалованья, которая может быть произведена натурой[379].

Эта резолюция была принята съездом единогласно. Некоторые из наиболее восторженных делегатов, возможно, даже полагали, что в будущем, при поставках продукции или оказании услуг одним государственным предприятием другому, сделки не будут регистрироваться в денежном выражении или, поскольку не было предложено альтернативного стандарта, в любом

другом выражении, отражающем стоимость. Повсюду поощрялось мнение о том, что наступает конец денежной системы. Принятая в марте 1919 г. новая Программа партии, которая считала невозможным упразднение денег в ближайшем будущем, тем не менее рекомендовала "ряд мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке; введение бюджетных книжек; замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т.п."[380]; и, хотя вопрос о денежных расчетах все еще не ставился со всей определенностью, их сторонники были вынуждены все больше переходить к обороне. Это было заметно на съезде заведующих финотделами, который состоялся в мае 1919 г. Открыв съезд на сдержанной ноте, Крестинский признал, что при коммунизме не может быть "особого ведомства финансов и особой финансовой политики" и что "это – понятие, чуждое развитому коммунистическому обществу". Даже теперь не может быть "чисто финансовой политики"; финансы – это слуга экономики[381]. Но здравомыслящий Милютин, приветствовав "переход к безденежным расчетам, чем ставится наша денежная система на здоровую почву", в весьма категорических выражениях обрисовал отношение финансов к национализированной промышленности.

"Безденежная система не есть безвозмездная система. Наоборот. Доходы предприятия, как и его расходы, должны вестись и учитываться в денежных знаках, но деньги при этом не должны переходить из рук в руки, а должны быть только записаны в определенном количестве миллионов рублей, должно быть учтено, что данное предприятие расходует столько-то миллионов, выпустило на столько-то миллионов продуктов... Благодаря этому бухгалтерскому расчету мы будем иметь возможность судить о том, развивается ли предприятие или отстает, по каким причинам, где болезнь, что нужно лечить. Но, повторяю, при таких расчетах между отдельными предприятиями по закупкам и по выпуску продуктов обращение денежных знаков совершенно необязательно"[382].

На заключительном заседании съезда сам Крестинский осторожно признал, что "счетной единицей рубль может остаться и тогда, когда денег в их материальном виде совсем не будет"[383]. Однако никто не объяснял, как валюта, находящаяся в процессе безудержной девальвации, сможет удовлетворительно выполнять функцию обеспечения "денежных символов" для системы бухгалтерского учета, которая сделает возможным определение стоимости. Неспособность рубля выполнять свою функцию не только средства обмена, но и стабильной единицы учета дала мощный толчок теоретической мысли в поисках замены денег как одного из условий развития социалистического хозяйства.

Поэтому рано или поздно независимо от неспособности нестабильного рубля служить в качестве эффективного средства

обмена его непригодность в качестве единицы учета должна была побудить людей к поиску альтернативы; и марксисты мало сомневались в том, где вести поиск:

"Учет нуждается в другой постоянной единице; вероятно, это будет единица труда во времени, т.е. трудчас, которая может быть приведена в дальнейшем к универсальной единице учета живой энергии – к калории"[384].

В январе 1920 г. III Всероссийский съезд Советов народного хозяйства принял наконец тезис, который провозглашал, что "ввиду исключительной нестабильности денежной единицы и единицы учета (рубля)" целесообразно установить новую единицу бухгалтерского учета, "приняв в качестве основной системы мер трудовую единицу"[385]. Это предложение было передано на рассмотрение комиссии и на протяжении многих месяцев занимало лучшие экономические силы страны, а термин "трудовая единица" получил довольно широкую известность в качестве сокращения "тред", составленного из первых двух букв соответствующих слов. Роберт Оуэн выпустил в свое время "трудовые деньги" для своих образцовых колоний, и принятие труда в качестве источника стоимости казалось вкладом в ортодоксальный марксизм. Казалось также, что оно основывается на простом здравом смысле. Не далее как в декабре 1918 г. указанный принцип выдвигался Лариным:

"Теперь, когда все народное хозяйство должно являться одним целым, понятие о сравнительной доходности или бездоходности делается бессмысленным. Теперь речь может идти только о том, на сколько предметов сколько дней нам нужно будет затратить в известном производстве"[386].

В резолюции ВЦИК, принятой в июне 1920 г., говорилось о важности распространения безналичных расчетов "с целью полной отмены денежной системы, – решение, которое находится в полной гармонии с фундаментальными проблемами хозяйственного и промышленного развития РСФСР"[387]. Однако это ничего не давало для решения практической проблемы поиска альтернативной единицы учета, и бухгалтеры продолжали работать в условиях падения рубля, сколь бы неудобными и вводящими в заблуждение ни казались их расчеты. И вновь декретом Совнаркома от 15 июля 1920 г. предусматривалось, что все расчеты между государственными учреждениями или предприятиями и кооперативами должны производиться через Государственный банк посредством занесения в книги, причем не должно быть места передаче валюты, тратт или чеков от одного учреждения другому[388]. Однако это было простым повторением того, что было предписано в предыдущих декретах и принимало как должное сохранение рубля в качестве единицы расчета. Ни один из нескольких планов замены денег тредом или какой-либо другой единицей не завоевал признания вплоть до того момента, когда введение НЭПа заставило предать забвению весь этот проект, в очередной раз отнеся его к области академических рассуждений[389].

Глава 18

ОТ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА К НЭПу

Первые восемь месяцев революции не привели к переходу от буржуазного к социалистическому экономическому порядку. До сих пор ее основным достижением было свержение экономической власти феодальных землевладельцев и буржуазии, а не закладка основ экономики будущего. Ни одна из мер того периода не носила подлинного отпечатка социализма – или еще в меньшей степени коммунизма – в марксистском смысле этого понятия. Национализация земли произведена была формально – мера, за осуществление которой выступали многие передовые буржуазные радикалы; в действительности же она была разделена в целях обработки на множество мелких крестьянских участков земли – программа социал-революционеров, которых марксисты всегда считали, по существу, мелкобуржуазными. В промышленности медленно и с некоторым сопротивлением начали предприниматься шаги по осуществлению политики национализации; однако это проводилось как часть программы государственного капитализма и все еще проповедывалась необходимость "учиться у капиталистов". В торговле и системе распределения не было сделано ничего, за исключением расширения и более организованного проведения монополии на хлеб, установленной Временным правительством. В области финансов были национализированы банки – еще одна из мер, идеально совместимая с буржуазным радикализмом; однако во всех других аспектах ее трудно было обвинить в отходе от ортодоксальной капиталистической практики. Ленин неоднократно всячески подчеркивал умеренность намерений Советов в это время. И там, где применялись более решительные меры, виноват был кто-то другой. "Тактика, принятая классом капиталистов, состояла в том, чтобы толкнуть нас на борьбу, отчаянную и беспощадную, вынуждавшую нас к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы предполагали"[1]. Главнейшая заповедь Апрельских тезисов 1917 г. в своей основе соблюдалась: "Не "введение" социализма в качестве *немедленной* задачи, а немедленное осуществление *контроля* Советов рабочих депутатов над общественным производством и распределением продуктов".

Ленин суммировал это положение в мае 1918 г., говоря о будущем названии РСФСР: "...выражение социалистическая советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими"[2].

Таким образом, окунуться в экономическую политику социализма предстояло в последующий период, причем сделать это под воздействием отчаянной гражданской войны. То, что называлось "военным коммунизмом", было, как об этом писал его главный историк Л.Критсман, "опытом первых шагов перехода к социализму"[3]. Период 1918–1920 гг. был во всех отношениях проверкой на прочность нового режима; и, хотя он с поразительной легкостью разгромил врагов, единственной программой которых было восстановление старого порядка, крайности гражданской войны еще более выпукло высветили стоявшую перед ним дилемму. Экономическая отсталость России облегчила путь для политического триумфа революционеров, поскольку им противостояли лишь остатки пережитков феодализма и неразвитый и еще неэффективный капитализм. Но это же обстоятельство сделало последующую работу социалистического строительства во много раз более трудной, так как они были призваны строить новое социалистическое общество без прочного демократического и капиталистического фундамента, наличие которого марксистская теория считала непременным условием. Эти специфические условия диктовали, как Ленин признавал в полной мере, определенную постепенность и осторожность в достижении позитивных задач социализма. Говоря теоретически, необходимо было завершить буржуазную революцию прежде, чем продвигаться к социалистической революции; и неуверенность в умах партийных руководителей, включая Ленина, относительно точного момента этого перехода отражала это внутреннее замешательство. Гражданская война покончила со всеми сомнениями, вынудив новый режим волей-неволей мчаться сломя голову по дороге к социализму. Но военный коммунизм в России во многом напоминал искусственный и нестабильный характер того, что иногда называли "военным социализмом" в Германии[4]. Это был продукт чрезвычайных обстоятельств, не имевший достаточно солидной социальной и экономической базы, чтобы обеспечить свое полное выживание (даже если что-то из его наследия и могло остаться) после того, как эти чрезвычайные обстоятельства перестали иметь место.

Победоносное окончание гражданской войны после разгрома Врангеля в ноябре 1920 г. и последующее ослабление напряженности решили судьбу военного коммунизма. Покуда длилась война, была неизбежной политика сиюминутных мер, рассчитанных на выживание; окончание войны диктовало пересмотр этой политики в свете более долгосрочных соображений. В первую очередь это касалось продразверстки – политики, смысл которой заключался в постоянной и неумолимой необходи-

мости противостоять сегодняшним чрезвычайным обстоятельствам даже за счет завтрашних перспектив. Решающим фактором было отношение крестьян, чья лояльность по отношению к большевистскому режиму и неохотное подчинение продразверстке были вызваны главным образом страхом "белой" реставрации и потери своих земельных участков. Как только эта угроза была ликвидирована, появилась почва для возрождения естественного недовольства угнетающе чрезмерным налогом, единственное оправдание которого исчезло. Вспышки крестьянских мятежей, начавшихся с демобилизацией в сентябре 1920 г.[5], усилились в зимние месяцы как по интенсивности, так и по широте охвата территорий, так что Ленин в марте 1921 г. признал, что "...демобилизация крестьянской армии выкидывает сотни и тысячи... людей", порождающих бандитизм[6]. Эти широко распространенные беспорядки послужили основой и стали прелюдией кронштадтского мятежа – первого согласованного внутреннего восстания против советского режима с лета 1918 г. Требования крестьян занимали важное место в первой резолюции собрания представителей мятежной эскадры: "Дать полное право действия крестьянам над всей землей... а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т.е. не пользуясь наемным трудом", и "разрешить свободное кустарное производство собственным трудом"[7].

Экономические последствия военного коммунизма, чье банкротство было продемонстрировано этими событиями, создали порочный круг, в котором нельзя было найти исходной точки для проведения анализа. Вслед за катастрофическим падением промышленного производства (частично из-за разрушения заводов, частично из-за дезорганизации труда и частично из-за громоздкой системы централизованного управления, представленной главками) последовал фактический распад государственной или контролируемой государством системы распределения товаров по твердым ценам, приведшей к быстрому росту незаконной частной торговли по неудержимо растущим ценам и к бешеной валютной инфляции. Все это в свою очередь повлекло за собой отказ крестьянства (перед лицом продовольственного голода и падения валюты) поставлять необходимое количество хлеба в города, в результате чего население постепенно покидало индустриальные центры, а промышленное производство все сильнее приближалось к мертвой точке. Противоядие, широко известное в истории как НЭП[8], также представляло собой серию мер, не ощутимых сначала, но выраставших одна из другой. НЭП начался с удара по точке наибольшей опасности, как сельскохозяйственная политика, нацеленная на получение большего количества продуктов питания за счет предоставления новых стимулов крестьянину; затем он развился в коммерческую политику поощрения торговли и обмена, включая финансовую политику, направленную на стабилизацию валюты, и, наконец, добравшись до самого злейшего из всех зол, он стал промышлен-

ной политикой, чтобы достичь такого увеличения производительности в промышленности, какое необходимо для строительства социалистического порядка. Существенной чертой НЭПа было отрицание или отмена политики военного коммунизма. После того как прошел первый шок удивления, НЭП был воспринят всеми как необходимость. Однако одними он был принят охотно, другими – с неспокойной совестью; и подтверждение целесообразности НЭПа явилось темой продолжительной дискуссии, уходившей своими истоками к началу режима и указывавшей на экономические противоречия в будущем.

Военный коммунизм состоял из двух основных элементов: с одной стороны, концентрация экономической власти и мощи, включая централизованный контроль и управление, замена мелких производственных единиц большими и принятие некоторых мер по единому планированию; с другой стороны – бегство от коммерческих и денежных форм распределения, включая пайки и предоставление основных товаров и услуг бесплатно или по номинальным ценам, оплата труда натурой и производство для непосредственного потребления, а не для гипотетического рынка. Однако между двумя этими элементами можно провести достаточно четкое различие. Процессы концентрации и централизации, сколь бы быстрыми темпами они ни развивались в механизме военного коммунизма, являлись продолжением процессов, уже начатых в первый период революции. Ленин еще задолго до того настаивал на том, что социализм является следующим логическим шагом вперед от государственного капитализма[9] и что формы организации, присущие одному, столь же обязательны для другого. Здесь военный коммунизм строил на фундаменте того, что было до него, и многие его достижения выдержали испытание; и только впоследствии были подвергнуты критике и пересмотрены некоторые из аспектов этой политики, и то в их конкретном применении и после рассмотрения под сильным увеличительным стеклом. Под вторым элементом военного коммунизма (замена рыночной экономики натуральным хозяйством) не было такого фундамента. Он не только не был логическим развитием политики начального этапа революции, но и, более того, стал результатом прямого отказа от этой политики – неподготовленным прыжком в неведомое. Эти элементы военного коммунизма были решительно отвергнуты НЭПом, и именно они больше всего дискредитировали военный коммунизм в глазах его критиков.

Между этими двумя аспектами военного коммунизма было еще одно различие. Политика концентрации и централизации применялась почти исключительно в промышленности (попытки приложить ее к сельскому хозяйству оказались безуспешными), и именно здесь находилась основная социальная база сторонников революции, а российская экономика проявляла некоторые черты развитого капитализма. Политика отказа от денег и применения "натурального" хозяйства возникла из неуме-

ния решить проблемы отсталого крестьянского сельского хозяйства, в котором было занято около 80% всего населения. Эта политика была выражением фундаментальной трудности, заключавшейся в попытке удержать в одной упряжке антифеодальную революцию крестьянства с его мелкобуржуазными устремлениями и антибуржуазную, антикапиталистическую революцию фабричного пролетариата, а также в конфликте между городом и деревней, заложенном в самой этой попытке. Именно эти несовместимости в конце концов подняли многих против военного коммунизма и привели к его уничтожению.

Эти различия внутри конгломерата политических аспектов, известных в своей совокупности как военный коммунизм, дают возможность также объяснить расхождения в его интерпретации, которые имеют место в партии. Согласно одной школе, он явился логическим развитием политики предыдущего периода, серией шагов, правильно задуманных, хотя и слишком поспешно выполненных в результате гражданской войны; ошибка же, свойственная военному коммунизму, относится скорее к степени и времени его осуществления, а не к его сущности. Эта точка зрения принадлежит тем, кто прославлял даже наиболее крайние проявления военного коммунизма в качестве побед социалистических принципов.

Согласно другой школе, военный коммунизм представлял собой опрометчивый и драматический пересмотр политики первого периода режима, бросок в непроверенные и утопические эксперименты, ни в коей мере не оправданные объективными условиями. По этому мнению, военный коммунизм состоял не в продвижении вперед по дороге к социализму, а явился вынужденным ответом на чрезвычайные обстоятельства гражданской войны. Различие между двумя школами не было ни жестким, ни постоянным. Первая точка зрения имела тенденцию к отождествлению с мнением бывшей левой оппозиции и незадолго до этого возникшей рабочей оппозиции, которые осуждали возраставшее давление на пролетариат и подчеркивали преимущественное значение промышленности в революционном хозяйстве; она получила некоторую поддержку со стороны Бухарина, который в своей работе "Экономика переходного периода" рассматривал военный коммунизм как соответствующий специфическим русским условиям процесс перехода от капитализма к социализму. Второй точки зрения придерживались другие ведущие руководители партии, включая Ленина и Троцкого, которые были убеждены в необходимости придания большего веса желаниям и интересам крестьянства. Однако Ленин не был до конца последователен в своем диагнозе движущих сил военного коммунизма. В одной из двух своих речей, в которых он знакомил участников X съезда партии с НЭПом, Ленин приписал военный коммунизм "фантазерам", которые мечтали, что в три года можно переделать "экономическую базу" Советской страны; в другой речи он охарактеризовал военный комму-

низм как систему, которая "диктовалась потребностями, соображениями и условиями военными, а не экономическими"[10]. Когда в критической атмосфере марта 1921 г. за смену наиболее крайних аспектов военного коммунизма НЭПом единогласно проголосовали как за желанную и необходимую перемену, эти подспудные расхождения были положены на полку, но не улажены полностью. Коль скоро военный коммунизм рассматривался как отклонение от правильного пути, продиктованное военной, а не хозяйственной необходимостью, потребностями гражданской войны, а не социализма, НЭП явился цепочкой шагов, компенсирующих прискорбное, хотя и вынужденное отклонение от цели, возвратом на надежную дорогу, по которой шли до июня 1918 г. Если же к военному коммунизму относиться как к сверхстремительному, с чрезмерным энтузиазмом совершаемому броску вперед, в заоблачные выси социализма, несомненно, преждевременному, но тем не менее похвальному, то в этом случае НЭП был временным отступлением от позиций, которые военный коммунизм был не в состоянии удержать в тот момент, но которые должны быть возвращены – и возвращены скорее рано, чем поздно. Невысказанной посылкой первой точки зрения являлась практическая необходимость принимать в расчет отсталое крестьянское хозяйство и крестьянский склад ума; невысказанной посылкой второй была необходимость создать индустрию и не ущемлять более положение промышленных рабочих, составлявших главный оплот революции.

Обе точки зрения оставили свои следы в выступлениях в статьях Ленина, равно как и на политике НЭПа. Первая получила мощную поддержку в брошюре "О продовольственном налоге", которую Ленин опубликовал в начале апреля 1921 г. Здесь, отбросив несколько защитительный тон, который иногда слышался в его изложении НЭПа на X съезде, он смело охарактеризовал НЭП как возобновление правильной линии, указанной им весной 1918 г. и нарушенной лишь чрезвычайными обстоятельствами гражданской войны. Он начал с пространной цитаты из работы "О "левом" ребячестве и о мелкобуржуазности" – своего мощного залпа по "левым коммунистам" в мае 1918 г. Он вновь подчеркнул, что в отсталой экономике России государственный капитализм (а в НЭПе, сформулированном в марте 1921 г., содержалось признание мелкого капитализма в деревне под государственным контролем) является продвижением по прямой дороге к социализму.

"Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного "военного коммунизма", вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму"[11].

Восстановление свободы торговли было возвратом к капитализму. Но то, что Ленин сказал в 1918 г., он повторил теперь

курсивом: *"...многому можно и должно поучиться у капиталистов"*[12]. Это предполагало сравнительно длительный промежуток времени до того, как может быть надежно и успешно завершен переход к социализму. На партийной конференции, созванной в мае 1921 г. для разъяснения рабочим-партийцам нового курса партии, Ленин настаивал на том, что НЭП принят "всерьез и надолго", а в резолюции конференции новая политика признавалась "установленной на долгий, рядом лет измеряемый, период времени"[13]. С другой стороны, на той же конференции Ленин охарактеризовал НЭП как "отступление", а несколько месяцев спустя – "поражение и отступление – для нового наступления"[14]. Такие характеристики, похоже, поощрили мнение о НЭПе как о временном зле, которое нужно преодолеть как можно скорее, как о пятне на партийном знамени. В конце 1921 г. Ленин все еще говорил о необходимости дальнейшего отступления[15]. В марте 1922 г. он неожиданно объявил, что *"это отступление в смысле того, какие уступки мы капиталистам делаем, закончено"*; это же заявление было повторено в более официальной форме месяц спустя, на XI съезде партии, когда было сказано, что оно получило одобрение Центрального Комитета[16]. Однако эта декларация не оказала немедленного воздействия на политику и в лучшем случае, вероятно, могла быть понята либо как попытка поднять пошатнувшийся моральный дух партии, либо как намек мировому сообществу, что Россия не будет вести себя униженно на предстоящей международной конференции в Генуе.

Эти проявления неуверенности и непоследовательности в отношении партии и самого Ленина к НЭПу отражают постоянную двойственность лежавших перед этой политикой целей: необходимость любой ценой создать работоспособную экономику за счет соглашения с крестьянством и страстное желание начать давно откладываемый переход к социалистическому порядку, которое могло быть осуществлено только в результате радикальной трансформации крестьянской экономики. Сюда же подключалась фундаментальная проблема, которая преследовала большевистскую революцию с самого начала, – проблема построения социалистического общества в стране, которая миновала стадию буржуазной демократии и буржуазного капитализма. Когда Ленин представлял НЭП X съезду, он вернулся к двум условиям, необходимым для перехода к социализму, которые он впервые выдвинул еще в 1905 г.[17] Только "в странах развитого капитализма" было возможно совершить "непосредственный переход к... социализму". В России же промышленные рабочие все еще составляли меньшинство, а мелкие земледельцы – громадное большинство. Ленин продолжал:

"Социалистическая революция в такой стране может иметь окончательный успех только при двух условиях. Во-первых, при поддержке ее социалистической революцией в одной или нескольких передовых странах. Как вы знаете, для этого условия

мы очень много сделали по сравнению с прежним, но далеко не достаточно, чтобы это стало действительностью.

Другое условие, – это – соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения"[18].

Ни здесь, ни позднее Ленин не обсуждал взаимоотношения между этими условиями и даже ни разу не намекнул на то, можно ли обойтись без того или другого из них. Но провозглашение НЭПа в такой момент, когда разлетелись в прах радужные надежды лета 1920 г. и когда вера в близкую международную социалистическую революцию была как никогда слабой в период с 1917 г., кажется, предвещало определенный сдвиг акцента с первого условия на второе. Это объяснялось тем, что международная революция все еще запаздывала, что пролетариат Западной Европы не пришел на помощь, что русская революция все еще зависела от крестьянина и что НЭП стал необходимостью. "Только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах" – заявил Ленин на X съезде; и Рязанов искусно напомнил съезду о более раннем содержании того же самого аргумента, когда назвал НЭП "крестьянским Брестом"[19]. Основой НЭПа было поддерживать существование "смычки" между крестьянством и пролетариатом, с помощью которой была одержана победа в гражданской войне.

"Пролетариат руководит крестьянством, – заявил Ленин на партийной конференции в мае 1921 г., – но этот класс нельзя так изгнать, как изгнали и уничтожили помещиков и капиталистов. Надо долго и с большим трудом и большими лишениями его переделывать"[20].

Два месяца спустя он изложил эту же точку зрения на одном из заседаний III конгресса Коминтерна. Помимо класса эксплуататоров, почти во всех капиталистических странах имелись свои мелкие производители и мелкие земледельцы; в России они составляли большинство. "Главный вопрос революции заключается теперь в борьбе против этих двух последних классов"[21]. С ними нельзя было разделаться простыми мерами экспроприации и вытеснения, которые применялись к эксплуататорам; необходимы были другие методы. Они нашли воплощение в НЭПе, чьим принципом было "поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удержать руководящую роль и государственную власть". Двусмысленное положение крестьянства, которое в одно и то же время было главным союзником и объектом борьбы, направленной на то, чтобы одержать над ним победу, лежало в основе многих будущих проблем. "В любом случае, – добавил Ленин, подумав, – проводимый нами эксперимент будет полезен для будущих пролетарских революций"[22]. На XI съезде партии в марте 1922 г. Ленин вновь подтвердил ту же аксиому: "...прежде всего важна нам новая эконо-

мическая политика как проверка того, что мы действительно достигаем смычки с крестьянской экономикой"[23]. Но у НЭПа в этом отношении был определенный скрытый и еще непонятный, но очень важный подтекст. Ему присуща была тенденция отодвинуть на задний план первое из двух условий перехода к социализму – условие международной социалистической революции, которое Советская власть оказалась неспособной выполнить, – и сконцентрировать усилия на втором условии – завоевании на свою сторону крестьянства, – выполнение которого, казалось, зависело исключительно от искусства и силы советской политики. Три года спустя, когда неосуществимость первого условия стала еще более ясной, настойчивое утверждение Ленина о том, что НЭП – это правильная дорога к социализму, проявилось в качестве не признаваемого открытого предвестника учения о "социализме в одной стране".

Глава 19

НЭП: ПЕРВЫЕ ШАГИ

а) Сельское хозяйство

Первостепенная и кардинальная мера Новой экономической политики – замена продразверстки продовольственным налогом – не являлась отражением новой концепции. Продналог впервые был введен осенью 1918 г., однако продолжались реквизиции, и о налоге забыли[1]. В феврале 1920 г., перед открытием съезда партии, Троцкий выступил в Политбюро с предложением о замене продовольственной разверстки натуральным налогом, рассчитанным на определенный процент продукции, ио том, чтобы поставить обмен товарами с крестьянством скорее на индивидуальную, чем на коллективную основу. Но против него выступил Ленин, и Троцкий получил всего 4 из 15 голосов[2]. Аналогичные проекты вновь стали носиться в воздухе после окончательного разгрома Врангеля и выдвигались эсеровскими и меньшевистскими делегатами на X Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г.[3] И вплоть до последнего момента их отбрасывали как неприемлемый и нереалистичный отход от большевистских принципов, означавший возврат к "фритрэдерству" и мелкобуржуазному капитализму. Однако через год после первой инициативы Троцкого, 8 февраля 1921 г., дискуссия об аграрной политике в Политбюро натолкнула самого Ленина на мысль выдвинуть до узнаваемости похожий проект. Предварительный, черновой набросок, сделанный Лениным и переданный им в созданную решением Политбюро комиссию, характеризовал его в следующих выражениях:

1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом.

2. Уменьшить размеры этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой.

3. Одобрить принцип сообразования размера налога со старательностью земледельца в смысле понижения процента налога при повышении старательности земледельца.

4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте при условии быстрого и полного внесения налога.

17 и 26 февраля в "Правде" появились инспирированные статьи, защищающие и объясняющие предлагаемую перемену. 24 февраля детальный проект, разработанный комиссией на основе ленинских заметок, был представлен на рассмотрение Центрального Комитета партии. После дальнейших обсуждений и назначения еще одной комиссии по составлению документа Центральный Комитет 7 марта 1921 г. одобрил переработанный проект. На следующий день он был представлен Лениным – хотя и в очень осторожной форме и не в качестве основной темы – в его Политическом докладе на X съезде партии. 15 марта Ленин в другом своем выступлении официально выдвинул это предложение на рассмотрение съезда, который единогласно его одобрил и назначил еще одну комиссию для подготовки текста законопроекта; и этот текст был вновь направлен в Политбюро, которое внесло дальнейшие изменения. 20 марта этот вопрос был впервые передан из партийных в правительственные круги. На следующий день ВЦИК официально принял декрет в той форме, в которой он был окончательно утвержден Политбюро[4].

Сдержанная фразеология декрета не скрывала революционного характера этой перемены. Натуральный налог, взимаемый в виде процентного отчисления от собранного урожая, имел прогрессивный характер в том смысле, что крестьяне – середняки и беняки, а также хозяйства "городских рабочих" получали большие льготы. До сих пор сохранялся принцип обложения, приспособленный к принципу "по способностям и по потребностям". Однако первоначальный план Ленина был дополнен предоставлением налоговых скидок крестьянам, расширявшим посевные площади или увеличивавшим урожайность на своих полях в целом; и в других отношениях изменения, внесенные Политбюро после партийного съезда и нашедшие отражение в окончательном тексте декрета, были направлены на то, чтобы акцентировать внимание на коммерческом характере новой политики. Коллективная порука, которая все еще признавалась в проекте, одобренном съездом, была ясно и недвусмысленно отменена, и вводилась ответственность каждого крестьянина за выполнение налога, падающего на него; государственный фонд служил теперь, чтобы обеспечивать потребительскими товарами и сельскохозяйственным оборудованием не "беднейшую часть населения", а исключительно в обмен на излишки продуктов, добровольно поставляемые помимо выполненного налога; свобода продавать излишки "в пределах местного хозяйственного оборота" стала более конкретной за счет добавления слов "как через кооперативные организации, так и на базарах и рынках". Через несколько дней декрет Совнаркома отменил все возможные ограничения, подразумеваемые под термином "местный оборот", разрешив "свободный обмен, продажу и покупку" и

сняв ограничения на подвоз продовольствия гужевым, железнодорожным и водным транспортом[5]. В мае 1921 г. на партийной конференции было торжественно заявлено, что "новая экономическая политика" устанавливается "на долгий, рядом лет измеряемый период" и что ее "основным рычагом" является товарообмен[6].

Введение НЭПа требовало не столько создания новых учреждений, сколько трансформации существовавших учреждений из инструментов принуждения в инструменты новой политики, поощрявших личную инициативу крестьянства. Первая попытка была предпринята с "посевными комитетами", созданными по решению VIII Всероссийского съезда Советов в декабре 1920 г.[7] В совместном декрете ВЦИК и Совнаркома от 26 мая 1921 г. провозглашалось, что рамки, установленные для этих комитетов, "слишком узки" и что "в целях дальнейшего развития самостоятельности крестьянства" сфера их деятельности должна быть расширена; помимо увеличения посевных площадей, они должны заниматься улучшением методов обработки земли, содействовать развитию кустарных промыслов и поощрять местный товарооборот и развитие кооперативов[8]. Месяц спустя еще один пространный декрет, составленный по проекту самого Ленина, поставил систему деревенских комитетов посредством промежуточных ступеней уездных и губернских "экономических совещаний" (возврат к старым весьма аморфным "экономическим Советам") под контроль Совета труда и обороны[9]. Но эта тщательно разработанная структура так никогда и не была создана, не оказав никакого воздействия на последующие события. Централизованный контроль слишком сильно отдавал военным коммунизмом, чтобы быть совместимым с духом НЭПа, который ставил своей целью свести роль государства в отношениях с крестьянством к роли сборщика налогов.

Первоначальная концепция НЭПа – что сельскохозяйственное производство может быть увеличено путем предоставления крестьянину свободы распоряжаться по своему усмотрению излишками своих продуктов, а также свободы и безопасности владения своей землей – была правильной. Но требовалось время для того, чтобы применить и развить ее: решение же, поспешно принятое в марте 1921 г. в ответ на угрожающие чрезвычайные обстоятельства, пришло слишком поздно, чтобы предотвратить или смягчить огромное стихийное бедствие. Первые наметки были сделаны весьма осторожно, на основе достижений предыдущего года. Декретом Совнаркома от 28 марта 1921 г. был установлен хлебный налог в размере 240 млн. пудов ("при среднем урожае") вместо 423 млн. пудов задания по разверстке 1920 г., из которых фактически было собрано около 300 млн. пудов[10]. За счет торговли и обмена предполагалось дополнительно получить еще 160 млн., доведя тем самым планируемый минимум, необходимый для потребления, до 400 млн. пудов[11]. Сообщение об изменении политики пришло в самый последний

момент, чтобы сказаться на посевной программе. Может быть, частично благодаря побудительным мотивам, содержавшимся в НЭПе, посевные площади в северных и центральных губерниях увеличивались в 1921 г. на 10–15%. Правда, это были "потребляющие" губернии, которые даже не полностью удовлетворяли свои собственные потребности; а в гораздо более значимых губерниях юга и юго-востока посевные площади фактически сократились примерно на тот же процент[12]. Но все расчеты были развеяны в прах катастрофической засухой, второй год подряд наиболее сильно поразившей "производящие" губернии Поволжья. Первая тревожная нота прозвучала в конце апреля 1921 г. в постановлении Совета труда и обороны "О борьбе с засухой"[13]. В июле 1921 г. о масштабах катастрофы свидетельствовало сенсационное назначение беспартийного Всероссийского комитета помощи голодающим и последовавшее месяц спустя едва ли менее сенсационное соглашение с гуверовской Американской администрацией помощи (АРА) для получения из-за границы помощи голодающим[14]. В июле были изданы декреты об эвакуации в Сибирь 100 тыс. жителей наиболее пораженных засухой районов[15]. Через несколько дней было принято решение правительства освободить от натурального налога крестьян голодающих губерний[16]. В конце года было официально объявлено, что из 38 млн. десятин земли, засеянных в европейских губерниях РСФСР, урожай полностью был уничтожен на более чем 14 млн. десятин[17]. Вместо запланированных 240 млн. пудов продовольственного налога на 1921–1922 гг. было собрано только 150 млн., или половина от общего сбора 1920–1921 гг.[18]

Ужасы голода 1921 г., который опустошил все Поволжье, ярко описаны многими очевидцами, особенно членами иностранных миссий помощи, которые оказывали содействие пострадавшим. Число людей, погибших от голода, трудно подсчитать, в первую очередь потому, что чаще всего голод являлся не прямой, а побочной причиной смерти; так же трудно было, хотя бы приблизительно, подсчитать потери домашнего скота. В декрете, по которому был создан Всероссийский общественный комитет помощи голодающим, число нуждающихся в помощи оценивалось в 10 млн. человек. Пять месяцев спустя, на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г., официально названная цифра составляла 22 млн., а Калинин дал повод полагать, что эта цифра занижена по крайней мере на 5 млн. В это время, как полагают, 1250 тыс. человек покинули пострадавшие районы и двинулись в направлении Украины или Сибири, причем некоторые из них находились в пути недели, а то и месяцы. Голод по своим масштабам, остроте и серьезности последствий для измученного и ослабленного населения превзошел великий голод 1891–1892 гг. На декабрь 1921 г., по подсчетам Калинина, было собрано в качестве помощи 180 тыс. пудов зерна и 600 тыс. пудов другого продовольствия внутри страны, и 2380 тыс. пудов, включая примерно 1600 тыс. пудов зерна, было предоставлено

из-за границы[19]. Огромная доля благодарности за сбор и распределение этого продовольствия должна быть адресована АРА – единственной официально субсидируемой иностранной организации в этой области. Согласно написанной в то время статье Каменева, благодаря помощи американского правительства АРА смогла проводить систематическую работу по оказанию помощи в широких масштабах и превзойти все, что было сделано другими организациями[20].

Неурожай и голод сконцентрировали все внимание на будущем урожае, и в декабре 1921 г. партийная конференция и IX Всероссийский съезд Советов объявили об открытии "сельскохозяйственной кампании 1922 года", в которой "вся партийная организация сверху донизу" призывалась принять энергичное участие[21]. Впервые, помимо обычных мер убеждения и организации, включая предоставление посевного материала и другой материальной помощи, повсеместно приветствовался принцип личной и коллективной заинтересованности. Всероссийский агрономический съезд в начале декабря – именно съезд служащих-аграриев, а не крестьян, как было в первые дни революции, – настаивал на том, чтобы "каждое достижение в повышении уровня хозяйства награждалось, в частности, орденом Трудового Красного Знамени и денежными премиями"[22]. А в конце того же месяца IX Всероссийский съезд Советов принял решение "в целях подведения итогов успехам и недочетам сельскохозяйственной кампании 1922 года и всенародного поощрения губерний, уездов, волостей" устроить осенью 1922 г. Всероссийскую выставку по сельскому хозяйству "с назначением хозяйственно-полезных наград наиболее достойным (например, оборудование электрической станции или отряда тракторов – награда губернского масштаба)"[23]. К тому времени начали действовать стимулы НЭПа, хотя трудно понять, чем объяснялась (НЭПом или последствиями голода) новая тяга к земле, "настоящая борьба за землю", говоря словами одного служащего Наркомзема в конце 1921 г.[24]. К марту 1922 г. власти были настолько уверены в будущем, что объявили о сокращении продналога до уровня 10% общего производства и запретили конфискацию домашнего скота у крестьян за неуплату налога[25]. Весна 1922 г., когда несчастье, вызванное голодом, почти прошло и была в разгаре новая посевная, стала переломным моментом для НЭПа в деревне: нужен был только хороший урожай, чтобы увенчать победу.

Распределение земельных владений бывших помещиков среди крестьян фактически было завершено в 1918 г., и после этого в период военного коммунизма не произошло никаких существенных изменений в системе землепользования. Официальная поддержка новых форм коллективного сельского хозяйства имела больше чисто теоретическое, чем практическое значение. Даже в разгар военного коммунизма не предпринималось попыток навязать крестьянину меры по коллективизации. Мир,

с его периодическим перераспределением земли среди своих членов, и единоличные крестьянские хозяйства продолжали существовать бок о бок без какой-либо официальной дискриминации между ними. Но позиция властей была двусмысленной[26]. Запрещение законом сдачи и взятия земли в аренду (не говоря уже о купле-продаже земли, совершенно исключенной теорией общественного землепользования), а также запрет на наемный труд мешали единоличному крестьянину приспосабливаться к меняющимся семейным условиям – функция, автоматически осуществляемая путем перераспределения в системе общинного землепользования, – а значит, были направлены против единоличного хозяйствования. Надо сказать, что и во времена продразверстки предприимчивый крестьянин был мало заинтересован в ведении своего собственного хозяйства. Попросту говоря, военный коммунизм оказал двойственное влияние на такой жгучий вопрос, как землепользование. С одной стороны, он имел тенденцию увековечить существовавшие формы владения, не создавая никаких импульсов или возможностей для их изменения. С другой стороны, помимо деморализующих последствий неоднократных разверсток, он порождает чувство полнейшей неуверенности, поскольку будущее землепользования, вполне очевидно, зависело от исхода гражданской войны, и даже победа большевиков не давала никакой гарантии от дальнейших революционных изменений.

В силу этого одна из важнейших функций НЭПа заключалась в том, что крестьянин получил две вещи, которые ценил больше всего: свободу выбирать форму обработки земли и гарантию землепользования. Но здесь сразу же возникал спорный момент: запрещение аренды земли и использования наемного труда в случае его вступления в силу превращало свободу выбора в огромной степени в иллюзию. Если этот запрет не нарушался поголовно во времена военного коммунизма, то только потому, что для этого не было достаточного стимула. Теперь же, когда при НЭПе вновь заработали коммерческие стимулы, нарушения стали неизбежными. В октябре 1921 г. Наркомзем сообщал, что "аренда подпольно существует"[27]; то же самое относилось и к наемному труду. Вопрос землепользования занимал центральное место в работе Всероссийского агрономического съезда в декабре 1921 г., который, "чтобы покончить с неясностью в существующем законодательстве", перечислил различные действующие системы пользования землей и подтвердил право выбора между ними[28]. Две недели спустя на IX Всероссийском съезде Советов состоялись продолжительные и противоречивые дебаты по этому вопросу. Осинский жаловался, что по этому вопросу "в законе" сказано "очень неопределенно и глухо" и что "наше крестьянство не имеет никаких правовых гарантий в своем пользовании землей". Он признал ненормальным разрешать крестьянину сдавать в аренду землю, данную ему не в частную собственность, а для пользования, и предложил в качестве ком-

промисса ограничить срок сдачи в аренду шестью годами – эквивалент двух севооборотов при трехпольной системе[29]. Съезд, отдавая отчет в существующих трудностях, но не имея единства или уверенности относительно способов и методов их преодоления, поручил ВЦИКу воплотить эти принципы в декрете и, кроме того, уполномочил Наркомзем пересмотреть существующее земельное законодательство "в целях полного согласования его с основами новой экономической политики" и "превращая его в стройный, ясный, доступный пониманию каждого земледельца свод законов о земле"[30].

В мае 1922 г. появилось постановление ВЦИК в виде "Основного закона о трудовом землепользовании", состоявшего из 37 статей[31]. Одинаково законным признавались артель, община, мир, изолированные владения в виде отрубов или хуторов, а также комбинации этих форм землепользования: свобода выбора оставалась за конкретным крестьянином, ограниченная лишь не вполне ясно определенным правом местных властей устанавливать правила в спорных случаях. Сохранение мира с его периодическим перераспределением земли не запрещалось, но и не поощрялось. В то же время крестьянин, по крайней мере теоретически, был свободен покинуть его и взять с собой свою землю, причем декрет способствовал реализации такой возможности, разрешая как сдачу земли в наем, так и использование наемного труда, хотя открыто оговаривая, что такое возможно в качестве исключения для удовлетворения специфических потребностей. Семьи, "временно ослабленные" стихийными бедствиями или потерей рабочих рук, могли сдать в аренду часть своей земли максимум на два севооборота. Работников можно было нанимать при условии, если члены семьи также работают "наравне с наемными рабочими". Таким образом, целью НЭПа было покончить с остатками уравнительных тенденций революционного периода. Он признавал – покуда это отвечало теории государственной собственности на землю – право крестьянина относиться к своему земельному наделу как к своей собственности, расширять его, обрабатывать с помощью наемного труда или сдавать в аренду другим. Что касается обязанностей перед государством, то он выполнял их в качестве налогоплательщика. В свою очередь государство предлагало ему – впервые после революции – гарантию пользования с целью обработки своего участка земли и сбора урожая для своего собственного и всеобщего благосостояния.

Введение НЭПа теоретически не повлияло на официальную поддержку, оказываемую для развития современных добровольных форм коллективной обработки земли, таких, как совхозы (включая хозяйства, "приданные" заводам, советским учреждениям или профсоюзам), сельскохозяйственные коммуны или артели. В одной из первых своих речей в поддержку НЭПа Ленин повторил, что будущее развитие сельского хозяйства зависит от перспективы того, "чтобы наименее выгодное и наиболее от-

сталое, мелкое, обособленное крестьянское хозяйство, постепенно объединяясь, сорганизовало общественное, крупное земледельческое хозяйство. Так, – добавил он многозначительно, – представляли себе все это социалисты всегда"[32]. Единственным принципиальным изменением было то, что коммерческие принципы, применяемые при НЭПе к государственной промышленности[33], были распространены на совхозы, которые теперь были призваны давать прибыль от своих операций. Все советские хозяйства переходили под контроль народного комиссариата земледелия, а "приданные" хозяйства на основании юридически оформленного контракта сдавались в аренду использующим их учреждениям, которые платили Наркомзему натуральную ренту[34]. Позднее были изданы директивы, разрешающие сдачу совхозов в аренду определенной категории частных лиц, пользующихся особыми привилегиями[35]. По аналогии с тем, что происходило в промышленности, совхозы каждой губернии объединялись в губернский "трест", а на верху этого сооружения возвышался "государственный сельскохозяйственный синдикат" (Госсельсиндикат), находившийся в подчинении Наркомзема. Активная поддержка все еще оказывалась производственным кооперативам, существовавшим в форме либо сельскохозяйственных коммун, либо артелей[36]. Но по мере того, как НЭП постепенно приоткрывал нормальные каналы обмена между деревней и городом, импульс, благодаря которому была создана система "приданных" хозяйств, потерял свою первоначальную силу, а другие совхозы влачили бесславное и ненадежное существование. Новый акцент на индивидуальное предпринимательство был откровенно чужд организованным государством формам коллективной обработки земли[37].

Чувство молчаливого согласия и облегчения, с которым НЭП был встречен партией в марте 1921 г., не могло длиться долго. Вместо него должно было зародиться чувство опасения и возмущения, вызванное переменой, столь радикальной и столь противоречившей надеждам и ожиданиям вступления в социализм, которые полностью разделялись всей партией, переменой, которая на первый взгляд была похожа на капитуляцию не только перед капитализмом, но и перед пессимистическими взглядами эсеров и меньшевиков, переменой, которая перемещала акцент политики с промышленного пролетариата – опоры и передового отряда революции – на отсталое и в основе своей мелкобуржуазное крестьянство[38]. Коль скоро новое отношение к крестьянину лежало в основе НЭПа, главный удар первых наступлений пришелся как раз по новой политике в сельском хозяйстве. Партийные круги оказались проникнутыми новым, критическим духом, который проявился в двух направлениях.

Первая волна критики в адрес НЭПа в сельском хозяйстве была связана с его воздействием на социальную структуру крестьянства. В течение трех лет советская аграрная политика со-

стояла в том, чтобы оказывать уравнительное действие; она с определенным успехом стремилась к тому, чтобы повышать или понижать с целью уравнивания[39]. Ее ненависть к кулаку была обратной стороной медали, отражающей стремление расширить земельные участки и улучшить положение бедного крестьянина. Сейчас же казалось, что целью НЭПа было реабилитировать и поощрить кулака за счет беднейших крестьян. Ленин, представляя НЭП, признал этот факт, но не мог ничего ответить критикам, кроме как обратиться с призывом о его необходимости:

"Не надо закрывать глаза на то, что замена разверстки налогом означает, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло"[40].

Свободная игра рынка должна была увеличить дифференциацию между преуспевающими и зажиточными, с одной стороны, и неудачниками и бедняками – с другой, а также открыть возможность для эксплуатации последних первыми. Такова должна была быть плата (будь то при столыпинской реформе или при НЭПе) за развитие капитализма в деревне. В условиях ужасного голода 1921 г. появление кулака замедлилось: в охваченных голодом районах единственно значимым различием было различие между выживанием и голодной смертью. Но в других районах симптомы были более очевидными. На партийной конференции в декабре 1921 г. Преображенский обратил внимание на опасность развития хозяйств кулацко-фермерского типа[41]. В марте 1922 г., в порядке подготовки к XI съезду партии, он представил в Центральный Комитет тщательно разработанные тезисы, которые представляли собой первую серьезную попытку проанализировать этот вопрос. Слой крестьянства, который сохранил свою хозяйственную стабильность в годы гражданской войны и окреп в период наибольшей зависимости города от деревни, начал устанавливать свое господство при НЭПе в форме мелкого сельского хозяйства с регулярным или временным наемным трудом либо в форме растущего крупного земледелия общего характера в Сибири и других приграничных землях с регулярным наемным трудом. На другом полюсе вследствие сокращения численности скота в засуху, призыва рабочих на империалистическую и гражданскую войны и повторяющихся плохих урожаев увеличился слой безлошадных крестьян, обрабатывающих землю без плуга. Таким образом, начала вырисовываться общая картина движения вспять наметившихся ранее тенденций.

"Прекратился процесс сглаживания классовых противоречий в деревне. С новой силой возобновился процесс дифференциации, причем сильнее всего он проявляется там, где восстановление сельского хозяйства идет наиболее успешно и где увеличивается площадь, обрабатываемая плугом... В условиях чрезвычайного упадка крестьянского хозяйства в целом и общего обнищания деревни продолжается рост сельской буржуазии".

Свой пространный анализ существующих зол Преображенский завершил возвратом к старым идеалам большевистской теории: "развивать совхозы, поддерживать и расширять пролетарское земледелие на участках, приданных фабрикам, поощрять развитие сельскохозяйственных коллективов и вовлекать их в орбиту планового хозяйства в качестве основной формы преобразования крестьянского хозяйства в социалистическое". Отдав дань популярному в то время, но не приобретшему конкретной формы лозунгу, он предложил привлечь иностранный капитал и иностранных рабочих для создания "крупных сельскохозяйственных фабрик" и внедрения современной технологии крупного земледелия[42].

Ленин читал тезисы Преображенского с неприкрытым раздражением как одно из тех теоретических упражнений в долгосрочном планировании, которые, казалось, не имели ничего общего с практическими возможностями момента. Он передал их в Политбюро, сопроводив запиской исключительно критического содержания и назвав их "неподходящими". Он предлжил, чтобы предстоящий съезд ограничился по этому вопросу созданием комиссии, которой было бы поручено "отнюдь не впадать в повторение общих мест, а исключительно изучать детально местный... *практический* опыт"[43]. Центральный Комитет партии согласился с точкой зрения Ленина[44]. Работа съезда была организована по этим направлениям, а предложение Рождественского о проведении общего обсуждения экономической политики было отклонено, причем короткая резолюция, принятая съездом по рекомендации комиссии, означала топтание на месте: в ней не содержалось никакого упоминания зла, от которого нельзя было найти лекарства, покуда оставались в силе предпосылки НЭПа[45]. Время для начала кампании против кулака было неподходящим, поскольку судьба урожая висела на волоске.

Вторая волна критики основывалась на более широкой базе и содержала непосредственную угрозу. Когда НЭП вводился как необходимая уступка *крестьянину,* никто не торопился поставить вопрос о том, *от кого* требуется эта уступка; можно было утверждать (и это было бы правдоподобно и даже правдиво), что любая мера, рассчитанная на увеличение сельскохозяйственного производства и на обеспечение городов продуктами питания, по крайней мере в равной степени отвечала насущным интересам промышленного рабочего, как и любого другого человека. Но в течение 1921 г. уступки крестьянину множились, а положение промышленного рабочего, оказавшегося перед угрозой потери гарантированного пайка и самой работы вообще, постоянно ухудшалось. Партийная конференция и IX Всероссийский съезд Советов в декабре 1921 г. по-прежнему фокусировали внимание на крестьянине, не обращая внимания на растущее недовольство в промышленности. Первоначальная "рабочая оппозиция", осужденная на X съезде партии, выступала в дни, предшествовавшие НЭПу, и, когда она жаловалась на преобладание в пар-

тии "непролетарских" элементов, это относилось не к крестьянству. Теперь, когда стали слышны жалобы о том, что НЭП означает принесение промышленного рабочего в жертву крестьянину, вполне естественно, они брались на вооружение теми кругами, где активную роль играли бывшие члены "рабочей оппозиции". К ним относился Шляпников, который выпалил на XI съезде партии в марте 1922 г., что цель НЭПа заключалась в том, "что мы должны быть для мужика наиболее дешевым правительством" и что это делается за счет рабочих[46]. Ленин предпочел не отвечать прямо на критику Шляпникова, как он это сделал в отношении критики Преображенского. Он повторил аргумент о необходимости "смычки" с крестьянством и многозначительно добавил, что "этому соображению надо подчинить все". Он кратко и в беспорядочной форме остановился на промышленности и извинился за то, что "по ряду причин, в значительной степени по болезни", не смог более тщательно подготовить этот раздел своего доклада. Он объявил об окончании отступления[47], но в его речи не было и намека на существенное изменение политики. Фундаментальные вопросы, лежавшие в подводной части НЭПа, еще не созрели.

Выжидательная политика, которой Ленин довольствовался на XI съезде партии, с избытком себя оправдала последующим ходом событий. Благодаря отчасти импульсам, которые НЭП придал крестьянскому производству, а отчасти – благоприятным погодным условиям урожай 1922 г. был намного богаче, чем за все годы после революции[48], что полностью оправдало новое отношение Советской власти к крестьянину. Впервые за годы после революции у крестьянина не только появились излишки для продажи и законное право и даже стимулы к их продаже, но и сами условия торговли были исключительно благоприятными для него. Города после нескольких лет полуголодного существования жаждали продовольствия, и, кроме того, промышленность в силу разных причин[49] обязали одновременно ликвидировать значительную часть своих запасов готовой продукции. В результате летом и осенью 1922 г. цены в беспрецедентной степени склонялись в пользу сельского хозяйства, в ущерб промышленности. Как открыто признаваемые цели, так и скрытый подтекст НЭПа проявили себя с такой силой, какой трудно было ожидать: частично преднамеренно, частично случайно крестьянин превратился в избалованное дитя пролетарской диктатуры. Вполне оправданной была гордость успехами НЭПа, высказанная Лениным на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г.:

"Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 года, так сказать, представляли общее явление в России, почти совершенно исчезли. Крестьянство довольно своим настоящим положением. ...Крестьянство может быть недовольно той или другой стороной работы нашей власти, и оно может жаловаться на это. Это, конечно, возможно и неизбежно, так как наш аппарат и наше государственное хозяйство еще слишком плохи, чтобы это

предотвратить, но какое бы то ни было серьезное недовольство нами со стороны всего крестьянства, во всяком случае, совершенно исключено. Это достигнуто в течение одного года"[50].

Несомненно, то, что произошло летом 1922 г., усилило как критику Преображенского, так и критику Шляпникова. Поток товаров из городов и с фабрик в сельскую местность – каким бы ограниченным он ни был, – возобновившийся после полного прекращения в течение шести или семи лет, в первую очередь направлялся наиболее предприимчивым и наиболее процветающим крестьянам, которые владели крупнейшими и самыми плодородными землями и в наибольшей степени способствовали успеху урожая. Возрождение благосостояния, которое нес деревне НЭП, сопровождалось несравненным прогрессом в тяжелой индустрии и достигалось в некоторой степени за счет промышленного рабочего. Однако, хотя с точки зрения теории эти аргументы были правильными, толчок, данный НЭПом всему хозяйству, был в настоящий момент достаточно мощным, чтобы перевесить эти аргументы. Если основная выгода от возрождения сельского хозяйства оседала в сундуках кулаков и подкулачников, то беднейшие крестьяне по крайней мере сняли с себя часть невыносимого бремени последних нескольких лет. Если деревня наживалась за счет города, то последний также получал ощутимые выгоды – сколь бы неадекватным ни было распределение и сколь бы высокой ни была конечная плата – от растущего изобилия продуктов. Реанимирующее влияние НЭПа распространилось на все области хозяйства, и, хотя в перспективе это неминуемо должно было породить новые стрессы и неудовольствие, эти опасения затмевались общим чувством удовлетворения ростом благосостояния.

Осенью 1922 г., когда НЭП, кажется, достиг пика в своих достижениях и до того, как на горизонте начали собираться новые тучи, Советское правительство решило стабилизировать положение в форме серии законодательных актов. В Земельном кодексе, который был официально одобрен ВЦИК 30 октября, а вступил в силу 1 декабря 1922 г.[51], не содержалось никаких нововведений. Действительно, его цель заключалась в том, чтобы придать крестьянину чувство уверенности в создавшейся ситуации. Был торжественно подтвержден принцип национализации земли: частная собственность на землю, недра земли, водные и лесные богатства на территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики отменена навсегда. Вся земля, которая обрабатывалась или могла обрабатываться в сельскохозяйственных целях, представляла собой "единый государственный фонд". Право "использования рабочими" могло быть воплощено в любой из известных форм – в рамках сельской общины мира, с чересполосицей и периодическим перераспределением земли и без них, в виде единоличного крестьянского хозяйства, добровольного объединения в виде сельскохозяйственной коммуны, артели или совхоза. Было признано право

инакомыслящих индивидуумов или группы крестьян покидать общину с соответствующим отчуждением земли, правда, при одном условии (которое было более тщательно продумано по сравнению с законом в мае 1922 г.), чтобы это не вело к излишнему измельчанию земельных владений[52]. За исключением этого ограничения, остальные серьезные оговорки, ограничивавшие права сельских землевладельцев, были почти полностью устранены. Основополагающие права на сдачу и взятие земли в аренду и на наемный труд признавались на началах, фактически аналогичных тем, что были в законе мая 1922 г. Право на эксплуатацию земли в сельскохозяйственных целях предоставлялось в равной степени "всем гражданам (независимо от пола, вероисповедания или национальности), желающим обрабатывать ее своим собственным трудом". Кодекс не признавал права на пожизненное владение, однако подразумевал, что данные им права имеют неограниченный срок. В борьбе за сохранение принципа мелкого крестьянского хозяйства и традиционного характера обработки земли сельской общиной, против угрожающего вторжения широкомасштабного современного, коллективного ведения хозяйства крестьянин, кажется, одержал столь же убедительную и полнейшую победу, как и в борьбе за право использовать излишки своих продуктов на свободном рынке. Осенью 1922 г. НЭП все еще безраздельно господствовал в деревне и казалось маловероятным, что, по крайней мере в этом отношении, его можно было серьезно изменить. Но Земельный кодекс декабря 1922 г. определял характер сельской России в течение менее десяти лет, причем это были годы почти непрекращающегося противоборства по фундаментальному вопросу о взаимоотношениях между крестьянским сельским хозяйством и крупномасштабной промышленностью в советской экономике. "Кризис ножниц" 1923 г. ознаменовал начало этого противоборства.

б) Промышленность

Новая экономическая политика по своему внутреннему содержанию была рассчитана на сельское хозяйство, по своему замыслу – на внутреннюю торговлю, а не на промышленность. Проблемы промышленного развития не обсуждались на партийном съезде, который принимал НЭП, а в резолюции "О замене разверстки натуральным налогом" ссылка на промышленность касалась только того, что "восстановление транспорта и промышленности позволит Советской власти получать продукты сельского хозяйства нормальным путем, т.е. в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты"[53]. Два месяца спустя Ленин в статье, в которой подробнейшим образом излагался НЭП, впервые повернулся лицом к этому практическому вопросу:

"Нужда и разорение таковы, что восстановить *сразу* крупное, фабричное, государственное, социалистическое производ-

ство мы не можем... Значит, необходимо в известной мере помогать восстановлению *мелкой* промышленности[54], которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, – которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы"[55].

Но то, что крупной промышленности отводилась второстепенная роль, имело свои трудности. В проекте, написанном несколько недель спустя, в середине мая 1921 г., и впоследствии появившемся в виде резолюции ВЦИК, этот вопрос по более здравом рассуждении был оставлен открытым:

"Пусть опыт покажет, насколько удастся двинуть этот обмен посредством увеличения производства и доставки государственных продуктов крупных социалистических предприятий, – насколько удастся поощрить и развить мелкую местную промышленность"[56].

Однако как только этот проект был представлен IV Всероссийскому съезду Советов народного хозяйства и IV Всероссийскому съезду профсоюзов (организациям, отражающим интересы крупномасштабной национализированной промышленности), сомнения тотчас же всплыли на поверхность. Один оратор высказал мысль о том, что крестьянин будет удовлетворять свои потребности за счет кустарной промышленности, в результате чего будет нарушена "смычка между городом и деревней", а Милютин сообщил в конце дискуссии, что в десятках записок, присланных в президиум, выражалось беспокойство о том, как бы этот новый поворот в направлении к свободной конкуренции, поощрению мелкой промышленности не разрушил первооснову нашей крупной промышленности[57]. На IV Всероссийском съезде профсоюзов Лозовский настаивал на том, что профсоюзы должны принимать участие в "регулировании" мелкой промышленности, а Шмидт усматривал в новых условиях опасность того, что "рабочий класс... будет склонен отходить от основного своего дела в сторону мелкой промышленности"[58].

Партийная конференция в конце мая 1921 г. дала Ленину возможность с присущим ему искусством повернуть острие критики в другую сторону. Если о господствующем положении крупной промышленности в любом социалистическом обществе не говорилось с должным акцентом, то только потому, что это повсеместно принятый постулат. Он вновь обратился к плану электрификации, ставшему его любимым "deus ex machina":

"Мы имеем совершенно точно рассчитанный план, рассчитанный при помощи работы лучших русских специалистов и ученых, дающий нам определенное представление о том, с какими ресурсами, принимая во внимание природные особенности России, мы эту базу крупной промышленности можем подвести под нашу экономику, подвести должны и подведем. Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи".

Однако крупная промышленность не могла быть восстановлена без более обильного обеспечения продовольствием и сырьем, чего нельзя было получить иначе, как в процессе обмена, а значит, только стимулируя развитие мелкой промышленности, можно было начать этот процесс. "А для того чтобы нам сколько-нибудь серьезно и систематически перейти к восстановлению этой крупной промышленности, нам нужно восстановление мелкой промышленности"[59]. Резолюция конференции поставила дезидераты промышленной политики в порядок, сообразный с этой точкой зрения. Вначале шла "поддержка мелких и средних (частных и кооперативных) предприятий"; затем – "допущение сдачи в аренду частным лицам, кооперативам, артелям и товариществам государственных предприятий"; потом – "пересмотр (в известной части) производственных программ крупной промышленности в направлении усиления производства предметов широкого потребления и крестьянского обихода" и, наконец, "расширение самостоятельности и инициативы каждого крупного предприятия в деле распоряжения финансовыми средствами и материальными ресурсами"[60]. Таков был порядок, которому, согласно советским законам, необходимо было следовать.

Первоначальными шагами НЭПа в промышленности стали два декрета, изданные Совнаркомом 17 мая 1921 г. В первом провозглашалось намерение правительства "принять необходимые меры к развитию кустарной и мелкой промышленности как в форме частных предприятий, так и в кооперативной форме" и "избегать излишней регламентации и излишнего формализма, стесняющих хозяйственный почин отдельных лиц и групп населения"[61]; второй отменил несколько предыдущих декретов, ограничивавших свободу действий и полномочия производственных кооперативов, и прекратил действие закона от 29 ноября 1920 г., по которому подлежали национализации все промышленные предприятия; в то же время в нем оговаривалось, что акты национализации, осуществленные до 17 мая 1921 г., не аннулируются[62]. В течение лета 1921 г. была издана целая серия декретов, отмеченных почти нарочитым стимулированием развития промышленных кооперативов. Последние получили права юридических лиц, могли использовать наемный труд, не превышающий 20% числа работающих на них людей, и не подлежали контролю со стороны народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции, избегая, таким образом, неэффективности государственных учреждений. С другой стороны, они получали право долго- и краткосрочных кредитов в кооперативном отделе Наркомфина[63]. Сельские промыслы и мелкие промышленные предприятия, относящиеся к разряду таких, где работало не больше 10–20 наемных рабочих, включая работающих на дому, получили значительные, хотя и менее выдающиеся знаки внимания, а именно обещание свободы от национализации или муниципализации и сотрудничество органов ВСНХ[64]. Общим результатом этих мер было предоставление мелким ремесленни-

кам и кустарной промышленности в деревне тех же юридических гарантий и такой же возможности торговать, какие НЭП предлагал крестьянству.

Вторым шагом, предусматриваемым резолюцией партийной конференции в мае 1921 г., был возврат под частное управление и контроль (путем сдачи в аренду) тех промышленных предприятий, которые уже были национализированы и отобраны у их владельцев, но которые государство в новых условиях не могло поддерживать в рентабельном состоянии. Слухи о предстоявшем возврате таких предприятий их прежним владельцам были столь упорными, что в Москве имел место оживленный бизнес в виде продажи титулов этих владельцев или их наследников[65]. Резолюция партийной конференции признавала право "местных хозяйственных органов" сдавать в аренду находящиеся в их ведении предприятия "без разрешения высших". Местные власти поспешили воспользоваться этой рекомендацией, не дожидаясь официального обнародования советского декрета. Губернские Советы народного хозяйства начали освобождаться от ненужной ответственности за управление национализированными предприятиями третьей категории[66] (которые находились под их неограниченным контролем), сдавая их в аренду любому претенденту на всевозможных условиях[67]. В защиту этого можно было лишь сказать, что, сколь бы сделанной кое-как, наспех ни была эта процедура, она тем не менее была средством вдохнуть жизнь во многие предприятия, которые находились в состоянии застоя.

Но, оказавшись перед таким вызовом, Совнарком 6 июля 1921 г. издал декрет, устанавливающий условия, на которых было желательно проводить сдачу в аренду национализированных предприятий. Предпочтение отдавалось кооперативам, хотя и не исключалась сдача в аренду и частным лицам. Арендаторы несли ответственность по Гражданскому и Уголовному кодексам за содержание в исправности арендуемых предприятий, а также полностью отвечали за снабжение предприятий и работающих на них[68]. Срок аренды обычно составлял от двух до пяти лет, а арендная плата взималась натурой в виде определенного процента выпускаемой продукции. Тот факт, что декрет явился результатом инициативы с мест, наводит на мысль, что он относился главным образом к местным мелким предприятиям. Это подтверждается статистическими данными на 1 сентября 1922 г., когда эта система уже просуществовала целый год. Отраслями промышленности, в которых было наибольшее число сданных в аренду предприятий, были пищевая и кожевенная. Из 7100 предприятий, предназначенных к этому времени для сдачи в аренду, было сдано 3800 предприятий, на которых работало в общей сложности 680 тыс. рабочих, в среднем менее 20 человек на каждом. Цифры, относящиеся лишь к половине сданных в аренду предприятий, показывают, что гораздо меньше 50% из них были арендованы частными лицами, большинство из ко-

торых были прежними владельцами; остальные были сданы кооперативам, рабочим артелям и государственным учреждениям. Ясно, что это были в основной своей массе мелкие предприятия, работавшие с небольшим капиталом для ограниченного и главным образом местного рынка сбыта[69].

Эта процедура по-прежнему вызывала возмущение в ортодоксальных партийных кругах, где возвращение ряда промышленных предприятий в частную собственность и сдача в аренду других рассматривались как предательство основ социализма. О том, насколько сильны были эти настроения даже в среде партийных функционеров, можно судить по инструкции, направленной в ноябре 1921 г. в губернские партийные комитеты за подписью Молотова, бывшего в то время секретарем Центрального Комитета партии. Члены партии предупреждались, что для коммуниста недопустимо становиться владельцем или арендатором какой-либо хозяйственной организации, использующей наемный труд, или участвовать в какой-либо экономической организации, работающей ради получения прибыли. Коммунисты могли участвовать в работе артели или другой коллективной хозяйственной организации, но только в том случае, если она работала для государства или кооперативов, а не преследовала особые цели обогащения[70].

Дело принципа было важнее, чем сама суть вопроса. Каменев объявил на X Всероссийском съезде Советов в декабре 1922 г., что в государственной индустрии, включая транспорт, было задействовано 3000 тыс. рабочих против 70 тыс., работавших на частных и арендованных промышленных предприятиях[71]. Перепись 1650 тыс. так называемых промышленных предприятий, проведенная в марте 1923 г., показала, что 88,5% из них находилось в частной собственности или сдано в аренду частным лицам, на долю государственных предприятий приходилось лишь 8,5%, а на кооперативные предприятия – 3%. В то же время 84,5% всех промышленных рабочих работали на государственных предприятиях, на каждом из которых в среднем было задействовано по 155 рабочих, каждое кооперативное предприятие в среднем имело 15 наемных рабочих, а каждое находящееся в частном управлении – только по 2 рабочих. Более того, поскольку самая высокая производительность труда была на государственных предприятиях, на них приходилось 92,4% продукции в стоимостном выражении, оставляя на долю частных предприятий только 4,9% и на долю кооперативов – 2,7%[72]. Много месяцев спустя Ленин, защищая НЭП на IV конгрессе Коминтерна, с гордостью говорил, что "все командные высоты" сохранились в руках государства[73]. Аргумент в защиту был убедительным и хорошо обоснованным. Основное значение Новой экономической политики заключалось не в признании частной собственности или частного управления над массой мелких предприятий, которыев основе своей не были и не могли быть эффективно национализированы в то время, а в изменении отношения к управле-

нию крупной национализированной промышленностью. Это изменение отвечало третьей и четвертой промышленным директивам партийной конференции в мае 1921 г.: усиление производства предметов широкого потребления и расширение "самостоятельности и инициативы" промышленных предприятий.

Так называемый "наказ" Совнаркома от 9 августа 1921 г. "О проведении в жизнь начал Новой экономической политики" явился первым крупным декретом периода НЭПа, посвященным главным образом крупной промышленности. Он рассматривал "кустарную и мелкую промышленность как подсобную к крупной государственной промышленности" и попытался провести систематическую классификацию предприятий.

"Государство в лице ВСНХ и его местных органов сосредоточивает в своем непосредственном управлении отдельные отрасли производства и определенное число крупных или почему-либо с государственной точки зрения важных, а также подсобных к ним предприятий, взаимно дополняющих друг друга".

Предприятия, которые не подпадали ни под одну из этих категорий, подлежали сдаче в аренду кооперативам и другим товариществам, а также частным лицам; те же предприятия, для которых нельзя было найти арендатора, подлежали закрытию. Но предприятия, поставленные под прямое управление государственных органов, "ведутся на началах точного хозяйственного расчета (хозрасчета)"[74]. Одновременно признавались два принципа: централизации и децентрализации. Предприятия, принадлежащие к одной отрасли производства, должны были "концентрироваться" в объединения, известные в то время под названием "союзов", а позднее "трестов"; с другой стороны, как эти "союзы", так и промышленные предприятия – достаточно крупные или важные, чтобы избежать объединения, – должны были действовать раздельно, то есть быть независимыми и освобождаться от прямого административного контроля ВСНХи его органов. Таковы были две взаимосвязанные между собой темы постановления СТО от 12 августа 1921 г.:

"Наиболее крупные, технически оборудованные, целесообразно организованные и соответственно расположенные предприятия в данной отрасли промышленности могут быть соединены... в особое объединение, организуемое на началах хозяйственного расчета. На тех же началах могут быть выделены и отдельные предприятия"[75].

"Выделение" крупной промышленности из-под прямого государственного управления и ее независимые операции на коммерческих началах хорошо дополняли тактику стимулирования в отношении всех форм мелкой промышленности (ненационализированной или сданной в аренду) и служили краеугольным камнем промышленной политики нового экономического порядка. "Выделение" имело важное значение для трудовой политики, когда промышленные предприятия несли пря-

мую ответственность за содержание рабочих, занятых на них, и когда все формы содержания (в натуральном или денежном исчислении) стали считаться с этого времени заработной платой[76]. Столь же важное значение имело оно в области торговли и распределения, когда ведущая часть промышленности, вместо того чтобы полагаться на государственные органы как на своих поставщиков и потребителей, превратилась в покупателяи продавца на свободном рынке[77], а также в области финансовой политики, когда промышленность начала получать кредиты не как прежде – от казначейства на основе бюджетных расчетов, –а в Государственном банке, позднее – в других банковских учреждениях на основе прибыльности[78]. Введение хозрасчета, который Ленин характеризовал как "переход на коммерческие начала", было неизбежным следствием НЭПа: невозможно стало сочетать частное капиталистическое сельское хозяйство с государственной промышленностью в пределах одной экономики без принятия государственным сектором условий рынка[79]. Основная функция хозрасчета заключалась в том, чтобы покончить с таким состоянием, когда государственные предприятия бременем ложатся на плечи государства, и, во-вторых, помочь властям определить, какие предприятия заслуживают привилегии оставаться государственной собственностью и под государственным управлением. Однако осенью 1921 г. имевшиеся в распоряжении инструменты едва ли были достаточно точными, чтобы осуществить эту операцию. В своем докладе на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. ВСНХ напомнил его участникам, что еще предстоит принять самые элементарные решения по определению, что такое прибыль.

"К сожалению, доныне нет никаких руководящих инструкций, разъясняющих вопросы о том, какая прибыль имеется в виду и поступает ли она полностью, или из нее должны быть произведены какие-либо отчисления для образования капиталов предприятий; как быть с прибылью, выраженной в нереализованных и остающихся у предприятий изделиях, и проч."[80].

Вряд ли эти вопросы были простыми и носили чисто формальный характер. Примерно два года спустя компетентный автор в одной из публикаций СТО подчеркивал, что различные тресты подсчитывают свои затраты на производство, а следовательно, и свои прибыли самыми различными путями[81].

Создание трестов явилось средством осуществления перехода промышленности на хозрасчет, а также было направлено на то, чтобы дать промышленности возможность пережить стрессы, которые несло с собой это изменение. Промышленность, и особенно тяжелая индустрия, чьи потребности имели первостепенное значение, когда шла гражданская война, сегодня должна была нести основную тяжесть уступок крестьянину и возврата к рыночной экономике. Перестав быть любимым ребенком пролетарского государства, промышленность тем не менее должна была организовываться, чтобы встретить новые и более не-

привычные стрессы открытой конкуренции. В другом и более прямом смысле тресты явились ответом на проблему рационализации. Давно было очевидно, что огромных потерь материальных и людских ресурсов можно было избежать за счет закрытия нерентабельных предприятий и сосредоточения производства в более рентабельных. Мало что было достигнуто при системе главков, управляющих каждым предприятием в отдельности и подверженных мощному влиянию профсоюзов, которые ничего не делали в этом отношении, чтобы как-то уменьшить управленческий консерватизм. Малоуспешными оказались попытки сгруппировать вместе мелкие предприятия в одной сфере производства в виде, как их иногда называли, трестов и кустов. В мае 1921 г., во время первого этапа НЭПа, Центральный Комитет партии рекомендовал IV Всероссийскому съезду профсоюзов "достигнуть необычайно быстрого сокращения числа предприятий и рабочих путем сосредоточения последних в минимуме лучших и крупнейших предприятий" и повторил эту рекомендацию в тех же выражениях IV Всероссийскому съезду Советов народного хозяйства[82]. Но прогресс был медленным. Только в одном жизненно важном секторе топливный кризис диктовал принятие экстренных мер. Летом 1920 г. техническая комиссия проинспектировала угольные шахты Донецкого бассейна, только недавно освободившегося от разрушительного действия непрестанных военных кампаний, и обнаружила, что 959 действующих шахт, включая 338 так называемых "крестьянских", работало без применения машинной техники. На шахтах Донбасса широко применялись трудовые армии последнего периода военного коммунизма, и это, несомненно, сделало концентрацию сравнительно более простой. К 1 июля 1921 г. число работающих шахт сократилось до 687[83].

Новая промышленная политика, повсюду приветствуя создание трестов, способствовала более широкому внедрению этого принципа. В результате декретов СТО в августе 1921 г. появились на свет первые два треста (в то время все еще называемые "союзами"): один – объединявший текстильные фабрики, другой – деревообрабатывающие предприятия беломорского региона. По своему статусу они были обязаны вести расчеты доходови расходов, в то же время им разрешалось (хотя явно в качестве исключения) покупать предметы снабжения и продавать свою продукцию на открытом рынке[84]. Они считались примером для подражания; и с октября 1921 г. процесс формирования трестов пошел быстрее. На IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. новый председатель ВСНХ Богданов объявил, что на настоящий момент было создано 15 крупнейших трестов (теперь это слово использовалось свободно)[85]. В сентябре 1921 г. еще одна комиссия была направлена по распоряжению СТО на Дон. В результате ее работы только 288 шахт остались под управлением государства (267 из них – действующие) и были объединены в новый трест – Донуголь; остальные 400 были сданы в аренду или

закрыты[86]. Летом 1922 г. другие угольные бассейны и нефтяные промыслы были объединены в тресты по аналогичному образцу. Эти отрасли промышленности подвергались наиболее тщательному процессу концентрации и объединения в тресты. Однако те же процессы рационализации применялись в отношении легкой промышленности. Из 1000 предприятий в кожевенной промышленности, ранее находившихся под управлением Главкожа, 124 предприятия были изъяты и объединены в группу кожевенных "трестов", а остальные сданы в аренду или закрыты; однако эти 124 единицы в своих соответствующих областях давали от 70 до 88% всей продукции[87]. К концу августа 1922 г., когда процесс создания трестов был практически завершен, их число достигло 421, включая по 50 трестов в текстильной, металлургической и пищевой отраслях промышленности, свыше 40 – в кожевенной, 35 – в химической и 20 – в электротехнической отрасли промышленности. В среднем каждый трест объединял около 10 предприятий. В 380 трестах, по которым имеются подробные статистические данные, работало 840 тыс. рабочих, из них 525 тыс. – в текстильных и металлургических трестах. Эти цифры не охватывают крупные угольные и нефтяные тресты[88]. Крупнейшими были Иваново-Вознесенский текстильный трест, на котором работало 540 тыс. рабочих[89], а также ГОМЗ (Государственное объединение машиностроительных заводов. – *Ред.*) и металлургический трест Югосталь, на которых было задействовано 48 тыс. и 41 тыс. рабочих соответственно. Общее число трестов, на каждом из которых работало свыше 10 тыс. человек, составляло 21[90]. Государственные тресты стали основной формой организации фабричной промышленности в советских республиках.

Поначалу переход на хозрасчет отставал от процесса формирования треста. Декретом от 27 октября 1921 г. было проведено различие между двумя категориями государственных предприятий – теми, которые перестали в какой-либо форме получать от государства субсидии или припасы, и теми, которые все еще зависели от государственной помощи, наиболее распространенной и важнейшей формой которой было прямое обеспечение рабочих продовольственными пайками из Наркомпрода. Первой категории, к которой вскоре стало принадлежать большинство государственных предприятий, было дано право свободно, без каких-либо ограничений реализовывать свою продукцию на рынке; вторая категория, которой принадлежали главным образом ведущие секторы тяжелой индустрии, могла на основании специальных соглашений получить разрешение реализовывать до 50% своей продукции на рынке, хотя в любом случае она должна была отдавать предпочтение государственным учреждениям, а затем кооперативам по сравнению с частными потребителями[91]. Разрешение реализовывать часть продукции на рынке предоставлялось с готовностью, и эта практика получила особое благословение партийной конференции в декабре 1921 г.[92] 21 марта 1921 г. был предпринят далеко идущий шаг: на коммер-

ческую основу была поставлена топливная промышленность. Это означало, что промышленные предприятия больше не получали топливо от государства, а должны были покупать его у Главного топливного управления; с другой стороны, рабочие топливной промышленности больше не получали продовольствие от государственных органов[93]. Вполне очевидно, что этот решительный приказ был подвержен определенным исключениям. В самом декрете оговаривалось продолжение бесплатных поставок топлива железнодорожной администрации, а позднее была сделана оговорка о продолжении поставок продовольствия шахтерам Донецкого бассейна[94]. Но для большей части промышленной сферы переход на "коммерческие начала" был в основном завершен до окончания 1922 г.

Осенью 1922 г. при подготовке нового Гражданского кодекса были предприняты первые серьезные попытки определить юридический статус новых трестов. Они отличались от государственных промышленных предприятий или групп таких предприятий времен военного коммунизма тем, что не зависели от прямого управления со стороны правительственного органа (ВСНХ или его главков и центров) и отвечали за свои отдельные прибыльно-расходные счета. С другой стороны, у них не было в то время фиксированного капитала, и они не являлись юридическими лицами. В 19-й статье Гражданского кодекса специально предусматривалось, что "государственные предприятия и их объединения, переведенные на хозяйственный расчет и не финансируемые в сметном порядке, выступают в обороте как самостоятельные и не связанные с казной юридические лица", а следовательно, такие объединения подлежали обычному действию закона; за их долги отвечает лишь имущество, состоящее в их свободном распоряжении, включая рабочий капитал, но не постоянный капитал, который остается национальным достоянием. Наконец, декретом от 10 апреля 1923 г. был определен и урегулирован на этих началах статус трестов.

"Государственные тресты, – говорилось в 1-й статье декрета, – являются государственными промышленными предприятиями, которым государство предоставляет самостоятельность в производстве своих операций согласно утвержденному для каждого треста уставу и которые действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли".

Государство не брало на себя ответственности за долги этих трестов, за исключением случаев, когда трест находился под непосредственным контролем государства, и оно не было обязано покрывать какие-либо возможные потери. Прибыль начислялась государству после определенных уставных вычетов. Каждому тресту назначалась теперь сумма в качестве его постоянного капитала, и из прибыли ежегодно вычитался определенный процент за его амортизацию; четвертая часть получаемой прибыли шла тресту, 22% – в культурно-бытовой фонд для улучшения условий жизни рабочих, 3% – для распределения в виде премий

среди администрации, служащих и рабочих. Тресты располагали полной свободой покупать и продавать на открытом рынке, однако им вменялось в обязанность отдавать предпочтение государственным органам в качестве потребителей или поставщиков, правда, при условии, если предлагаемые или запрашиваемые цены были одинаково приемлемыми[95]. Повсеместно акцент делался на элемент прибыльности, подразумеваемый хозрасчетом: то, что поначалу рассматривалось как инструмент рационализации и критерий ценности, развилось в новый материальный стимул промышленного производства.

В сельском хозяйстве НЭП очень скоро создал необходимые стимулы производства, которые подтолкнули Советскую Россию на путь экономического возрождения. В промышленности достижения были не такими быстрыми, менее выраженными и опасно односторонними. Его первоначальной целью было предложить крестьянину быструю и достаточную отдачу за его продукты, и процесс его реализации протекал в русле партийной резолюции, принятой в мае 1921 г. Сообразно этой точке зрения, он прежде всего стимулировал ту мелкую сельскую и местную промышленность, которая производила непосредственно для крестьянина и требовала небольших или вообще не требовала капиталовложений для обеспечения или восстановления предприятия и чью продукцию можно было быстро обменять на сельскохозяйственные продукты. В области фабричной индустрии он поощрял потребительские отрасли промышленности, продукцию которых можно было быстро мобилизовать для обмена по сравнению с отраслями производства средств производства, чьи выгоды для хозяйства реализовывались в более отдаленном будущем.

Все эти цели удовлетворялись за счет возврата к частному предпринимательству и свободному рынку, который в примитивных условиях российской экономики мог удовлетворять лишь непосредственный и элементарный потребительский спрос, за исключением некоторых долгосрочных капитальных потребностей. Почти повсеместно промышленное производство в 1920 г. достигло самого низкого уровня, составив всего 16% уровня 1912 г.[96] Однако подъем с этого уровня был очень неравномерным. Выпуск продукции мелкой промышленности (сельской и кустарной), достигавший в 1920 г. немногим более четверти объема 1921 г., поднялся в 1921 г. до 35, а в 1922 г. – до 54%. С другой стороны, производство крупной промышленности, которое в 1920 г. упало до 15% уровня 1912 г., поднялось в 1921 г. всего до 17, а в 1922 г. – до 20%. Внутри крупной промышленности наилучшие результаты были показаны отраслями легкой промышленности, производящими товары широкого потребления, рассчитанные непосредственно на крестьянина. Кожевенная была единственной отраслью промышленности, которая за эти годы достигла в производстве показателей 1912 г.[97] Хороших резуль-

татов, однако, достигла и текстильная промышленность: производство шерстяных изделий поднялось с 36% в 1920 г. к уровню 1912 г. до 55% в 1922 г., хлопчатобумажных (основной источник сырья для которых – Туркестан – был недосягаем в течение более двух лет) – с 6,5% в 1920 г. до 15,5% в 1922 г. и льняных тканей – с 35% в 1920 г. до 72% в 1922 г. Среди отраслей тяжелой индустрии горнодобывающая промышленность, достигавшая в 1920 г. менее 33% выпуска 1912 г., снизила объем производства в 1921 г. до менее чем 30% и повысила его до всего лишь 36% в 1922 г. Только нефтяная промышленность пережила поразительный подъем – с 16% в 1920 г. до 39% в 1922 г., причем здесь низкие цифры 1920 г. были результатом прежде всего военных событий двух предшествовавших лет. Но наиболее показательными были результаты в металлургической промышленности – крупнейшей отрасли промышленности дореволюционной России, служившей фундаментом для всей крупной индустрии. Здесь выпуск в 1920 г. не превышал 6% объема 1912 г., поднявшись в 1921 г. до 9% и вновь упав до 7% в 1922 г. Согласно сообщению, сделанному на XII съезде партии в апреле 1923 г., промышленность в целом, несмотря на меры по рационализации, все еще работала на 30% своих производственных мощностей[98].

Советская промышленность в начальный период НЭПа была подвержена влиянию двух противоречивых факторов. Во-первых, НЭП с самого начала означал политический курс не только уступок крестьянству, но и уступок за счет пролетариата или по крайней мере уступок, не оставлявших места для соответствующего внимания промышленности; в силу этого его первое воздействие[99] на индустрию в целом должно было оказаться обескураживающим. Во-вторых, стимулируя спрос на потребительские товары, он нарушил баланс внутри самой промышленности.

Первый из этих факторов почти тотчас же проявился в кризисе цен на промышленные товары. В течение всего периода военного коммунизма официально устанавливаемые цены постоянно регулировались таким образом, чтобы благоприятствовать производителю промышленных товаров. С другой стороны, огромный спрос на продовольственные товары на "черном рынке" сдвигал чашу весов в противоположном направлении таким образом, что, скажем, пуд ржи обменивался на гораздо большее количество кожи или хлопчатобумажных тканей, чем до войны. Поэтому, когда контроль был снят, вполне естественной была тенденция цен в пользу сельскохозяйственного производителя. И то, что эта тенденция не только имела место, но и проявилась в более интенсивной и радикальной форме, чем можно было предвидеть, объяснялось специфическими условиями, сложившимися как в деревне, так и в городе. В деревне чрезмерные налоги военного коммунизма лишили крестьянина всех резервов, и катастрофически низкий урожай 1921 г. помешал многим районам страны воспользоваться преимуществами НЭПа, а отсюда спрос на промышленные товары оказался не-

ожиданно низким, причем спрос в городах на и без того истощенные запасы продовольствия был еще более высоким, чем прежде. Впервые за многие годы крестьянин был поставлен в положение, когда благодаря НЭПу он мог после удовлетворения потребностей своей семьи и сборщика налогов продавать излишки продуктов по своей собственной цене. Те крестьяне, у кого зимой 1921/22 г. появились излишки на продажу, почувствовали свою силу и были полны желания вознаградить себя за все страдания, причиненные им городом во время военного коммунизма.

Положение промышленности было более сложным. Свобода торговли и ослабление государственного контроля при НЭПе, который стимулировал и поощрял крестьянина, означали нечто совершенно различное для крупной промышленности, вдруг оказавшейся вынужденной полагаться на свои собственные ресурсы и на капризные милости хозрасчета: начиная с осени 1921 г. все большее число предприятий лишались государственных кредитов и государственных поставок сырья и продовольствия и были вынуждены обходиться без посторонней помощи. Даже для самых мощных из них перспективы были мрачными. После семи лет заброшенности состояние оборудования достигло самого низкого уровня, и вряд ли можно было дальше откладывать процесс восстановления. Финансовые ресурсы были на нуле, а кредиты почти недоступны[100]. Необходимо было изыскивать ресурсы для покрытия текущих расходов и для выдачи зарплаты рабочим (наличными или натурой), большинство из которых оказались теперь лишенными прямых государственных поставок. Активы оказались в тесной зависимости от запасов сырья, которые можно было пополнить только по рыночным ценам и из запасов готовой продукции; для большинства предприятий последняя была фактически единственным ликвидным средством[101]. Следовательно, острая потребность в рабочем капитале, возникшая в результате прекращения государственной поддержки, могла быть удовлетворена лишь за счет продажи запасов готовой продукции в экстенсивных масштабах. Процесс ликвидации стал к концу 1921 г. настолько заметным явлением, что приобрел название в виде жаргонного словечка "разбазаривание"[102].

Эта вынужденная попытка ликвидировать запасы на жестком и негибком рынке привела к естественному результату: резкому падению цен на промышленные товары. Как следствие НЭПа, государственная промышленность больше не функционировала под единым управлением; она распалась "на отдельные, почти ничем друг с другом не связанные единицы", причем "безудержная конкуренция" между этими единицами, которые, подчиняясь новому коммерческому духу, вели себя по отношению друг к другу как на аукционе (лишь бы реализовать свои товары), усугубляла это падение[103]. Его масштабы частично и на короткое мгновение скрадывались продолжавшейся инфляци-

ей, однако становились очевидными при сравнении цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, когда нехватка последних автоматически вела к повышению цен на них. Например, на 1 января 1921 г. аршин хлопчатобумажной ткани стоил 4 фунта ржаной муки, коробка спичек – О,23 фунта, а фунт сахара – 11,55 фунта; в течение первых четырех месяцев 1921 г. стоимость этих товаров в пересчете на муку упала больше чем на 50%, составив на 1 мая соответственно 1,68, 0,09 и 5,07 фунта[104]. Индекс цен на 12 сельскохозяйственных и 12 промышленных товаров показывал, что стоимость первых поднялась со 104 единиц на 1 января 1922 г. (принимая уровень 1913 г. за 100) до 113 единиц на 1 мая 1922 г., в то время как ценность промышленных товаров за тот же период упала с 92 до 65 единиц[105]. Таким образом, разрыв между стоимостью сельскохозяйственных и промышленных товаров, достигший своей крайней точки в мае 1922 г., был вызван главным образом не столько увеличением стоимости сельскохозяйственных продуктов, сколько падением стоимости промышленных товаров. О положении в промышленности заявил во весь голос Шляпников, выступая на XI съезде партии в марте 1922 г.:

"Конъюнктура рынка такова, что она бьет нас мы не можем выдержать. Нам сейчас необходимы деньги, и в погоне за ними мы создаем такую анархию даже на голодном металлическом рынке, что продажная цена не окупает себестоимости голодной заработной платы – так низко падают цены на изделия"[106].

По некоторым расчетам того времени, в мае 1922 г. хлопчатобумажная ткань продавалась по цене в два с лишним раза меньше стоимости ее производства[107], а текстильная промышленность в финансовом отношении занимала более прочные позиции, чем многие другие отрасли промышленности. Это был период, как писал впоследствии один из советских экономистов, "диктатуры ржи и расточения нашего государственного промышленного капитала"[108].

Эти результаты, возможно, отвечали насущным задачам НЭПа, который был призван предложить крестьянину приемлемое возмещение за его труд. Но они были катастрофическими для советской промышленности, руководители и директора которой были вынуждены остро реагировать на них. Реакция была удивительно схожей с той, которая возникала в аналогичных ситуациях при более нормальных формах капитализма. В марте 1922 г., когда падение зашло далеко и Ленин объявил о том, что "отступление" близится к концу, началось формирование синдикатов, в задачу которых входило объединить и монополизировать весь торговый аппарат отдельно взятой отрасли промышленности. В течение трех месяцев тресты во всех ведущих отраслях индустрии объединились, чтобы по такому образцу создать синдикаты, на долю которых приходилось от 70 до 100% производства соответствующих отраслей[109]. Возросшая торговая мощь, приобретенная благодаря этим организациям, явилась

главным фактором, который остановил упорное падение цен на промышленную продукцию и после мая 1922 г. повернул этот процесс вспять. Председатель ВСНХ откровенно охарактеризовал синдикаты "как органы, которые строились нами для защиты коммерческих интересов, в первую очередь интересов наших трестов", и заявил, что они "сыграли свою роль в отдельных случаях и уничтожили конкуренцию, позволив поднять цены на целый ряд продуктов"[110]. К августу 1922 г. положение было восстановлено так, что соотношение между промышленными и сельскохозяйственными ценами было примерно таким же, как в 1913 г. С того времени под совместным воздействием лучшей организации промышленности и богатого урожая цены вновь начали двигаться в разных направлениях, только на этот раз в противоположном смысле, то есть в пользу промышленных и против сельскохозяйственных товаров. Стрессы, вызванные этим новым расхождением, получили в советской истории известность как "кризис ножниц" 1923 г.

Вторым фактором НЭПа, оказавшим неблагоприятное влияние на промышленную сферу, был импульс, приданный рынком легкой потребительской промышленности за счет тяжелой индустрии, и это явление, чей негативный эффект не был столь непосредственным, повлекло за собой серьезные долгосрочные последствия. Результатом НЭПа явилось не только расширение тех форм мелкой или кустарной промышленности, которые оставались в частных руках и ближе всего подходили к мелкобуржуазному хозяйству крестьянина и дальше всех отстояли от крупномасштабной фабричной индустрии, но и стимулирование в сфере крупномасштабной индустрии тех отраслей легкой промышленности, чья продукция находила немедленный спрос в ущерб отраслям тяжелой промышленности, которые традиционно являлись оплотом промышленного пролетариата и основным ключом к индустриализации страны и к социалистической реконструкции. К концу 1922 г. тревожные нотки о будущем тяжелой индустрии раздавались со всех сторон. V Всероссийский съезд профсоюзов в сентябре 1922 г., отметив оживление в ряде отраслей производства, которые полагались на свободный торговый рынок, зафиксировал, что базовые отрасли промышленности, которые сами по себе определяют курс развития народного хозяйства в целом (были названы транспорт, горнодобывающая и металлургическая, машиностроительная и электротехническая отрасли промышленности), продолжают переживать самый тяжелый кризис, и провозгласил восстановление крупной промышленности и транспорта безотлагательной задачей республики[111]. Два месяца спустя Ленин, посвятив свою речь на IV конгрессе Коминтерна защите НЭПа, обратил внимание на тот же контраст между "общим подъемом" легкой промышленности и тем, что "положение все еще остается тяжелым" в тяжелой промышленности, и сделал вывод:

"Спасением России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве – этого еще мало – и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянину предметы потребления, – этого тоже еще мало, – нам необходима также *тяжелая* индустрия...

Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство, – я уже не говорю, как социалистическое, – погибли"[112].

Ленин в своем последнем публичном выступлении по экономическим вопросам изложил в самой простой и наиболее ясной форме фундаментальную проблему, созданную двумя годами НЭПа.

Последствия этих опасений были настолько тревожными и слишком далеко идущими, чтобы с ними легко было согласиться. Осенью 1922 г. плохое состояние тяжелой индустрии проявилось в серии жалоб на скудную кредитную политику Государственного банка. Председатель ВСНХ Богданов в пылу атаки на Наркомфин во ВЦИК утверждал, что шахты Донецкого бассейна настолько сильно нуждаются в кредитах, что были вынуждены увольнять шахтеров за неимением наличных для выдачи им заработной платы[113]. Более того, нехватка кредитов была главной темой его доклада о промышленности на X Всероссийском съезде Советов в декабре того же года[114]. Официальный же оратор все еще придерживался довольно оптимистической точки зрения. Каменев твердо заявил, что "время принципиальных политических споров прошло. К счастью для нас, вопрос о новой экономической политике перестал быть вопросом принципиальным, перестал быть спорным, перестал нуждаться в объяснении"; и, хотя немного погодя он признал, что "нэп борется против... государственной промышленности", он выразил уверенность, что Советская власть достаточно сильна, чтобы "держать нэп под своим контролем"[115].

Сокольников, народный комиссар финансов, вновь выразил непоколебимую веру в хозрасчет. Промышленность не может больше функционировать за счет бюджета; государство не может больше отвечать за выплату содержания промышленным рабочим или за обеспечение их пайками; отношение государства к промышленности может быть только отношением потребителя, выплачивающего полную цену за то, что он покупает. Таким образом, был доведен до логического завершения разрыв между государством и промышленностью, которая, "продает ли она на рынок, или государству, должна продавать на таких условиях, которые позволяли бы ей восстанавливать элементы своего производства". Сокольников даже изложил аргумент в пользу того, что, поскольку индустрия зависит от покупательной способности крестьянина, лучшим способом поддержки индустрии является поддержка крестьянину[116]. Ларин возразил Сокольникову от имени промышленности, а еще один делегат назвал индустрию "пасынком Наркомфина"[117]. Но никакое изменение к

лучшему не было возможным при существовавшем толковании НЭПа. Восстановив рыночную экономику, НЭП восстановил взаимозависимость различных элементов хозяйства на известных началах капиталистического порядка. Прямое вмешательство государства с целью оказания помощи тяжелой индустрии противоречило новым принципам. Полемика, которая должна была определить судьбу промышленности и направление промышленного производства, должна была вестись в области коммерческой и финансовой политики.

в) Труд и профсоюзы

Воздействие НЭПа на политику в области трудовых отношений, как и на промышленность в целом, проявилось не сразу, а постепенно становилось очевидным в течение лета и осени 1921 г. и приобрело свои окончательные очертания весной 1922 г. Труд, равно как и другие факторы производства, при военном коммунизме рассматривался как обязательная государственная служба, исполнение которой и вознаграждение за которую не были подвержены коммерческим соображениям. Это отношение пришлось радикальнейшим образом пересмотреть при системе, когда некоторые промышленные предприятия, использующие наемный труд, вновь оказались под частной собственностью и управлением, а тем, которые остались в государственной собственности и под государственным контролем, было предписано вести дело на коммерческих началах. Если продукция, произведенная либо частной, либо государственной промышленностью, считалась рыночным товаром, то логично было бы заключить, что рабочая сила вновь стала рыночным товаром. Возврат при НЭПе к свободному рынку означал также возврат к свободному трудовому рынку, и, хотя этот вывод был сделан не сразу, похоже, именно он лежал в основе измененного отношения к труду.

Оплотом военного коммунизма, который пал весьма быстро, служила принудительная мобилизация трудовых ресурсов. Реакция против нее стала устойчивой в конце гражданской войны, когда началась демобилизация армий, и уже нашла свое отражение в резолюции X партийного съезда о профсоюзах (март 1921 г.)[118]. Эта реакция возникла независимо от основных соображений, приведших к введению НЭПа, хотя и была важной составной частью общего недуга, который продиктовал необходимость изменения фронта. Первый декрет, принятый после съезда, упразднил Главкомтруд и его местные органы, передав его функции Наркомтруду. Однако эта мера, хотя и демонтировала машину принуждения, сохранила существование силы принуждения и была подготовлена еще до съезда[119]. Через несколько дней появился тщательно отработанный декрет, регулирующий функции "товарищеских дисциплинарных судов"[120]. 6 апреля 1921 г. очередным декретом были устранены основные ограни-

чения для перехода рабочих с одной работы на другую, таким образом проложив путь для возврата к рынку рабочей силы[121]. Однако эта негативная мера медленно внедрялась в жизнь, и поначалу казалось, что она не оказывает широкого воздействия на условия применения труда на государственных предприятиях. Даже трудовые армии, теперь переведенные под начало Наркомтруда[122], в течение некоторого времени не распускались. В июне 1921 г. была предусмотрена трудовая повинность для сбора урожая свеклы, в случае если не будет хватать добровольной рабочей силы[123]. В июле 1921 г. детально разработанный декрет регулировал призыв крестьян на лесоводческие работы[124]. Поворотным пунктом стал декрет от 3 ноября 1921 г., строго ограничивающий категорию людей, к которым могла применяться трудовая повинность (к таковым теперь относились лица, не работающие ни в каком государственном органе, учреждении или на предприятии), и цели, для осуществления которых могла быть использована такая повинность (к таковым относились главным образом большие стихийные бедствия)[125]. И тем не менее потребовался еще один декрет (от 9 февраля 1922 г.), прежде чем выветрился окончательно дух трудовой повинности, практиковавшейся во времена военного коммунизма, и на смену ей пришла процедура найма и увольнения в качестве нормальных методов получения рабочей силы и переход рабочих с места на место[126].

Более трудным был вопрос вознаграждения за труд. При военном коммунизме, когда труд был государственной повинностью, заработная плата могла начисляться в двух видах: либо это были необходимые издержки из общественных фондов для поддержания рабочего в трудоспособном состоянии (подобно пайкам для солдат), или это было социальным правом рабочего, уравновешивающим его социальную обязанность работать для общества ("кто не работает, тот не ест"), но не связанным непосредственно с той конкретной работой, которой он занят. Обе эти концепции хорошо уживались с растущей практикой оплаты труда натурой, – практикой, продиктованной скорее падением валюты, чем теоретическими соображениями, от которой не так легко было отказаться. Когда в мае 1921 г. состоялся IV Всероссийский съезд профсоюзов, Шмидт все еще допускал, что "нельзя рабочих заставить отказаться от мысли о том обеспечении снабжения, с которым рабочий класс свыкся". Съезд подавляющим большинством голосов принял резолюцию, доказывающую, что с введением НЭПа политика помощи тяжелой индустрии становится еще более настоятельной необходимостью и что это требует дальнейшей "замены денежной формы снабжения рабочего класса материально-вещественным государственным снабжением"[127]. Более того, эта форма оплаты труда, оформившаяся в последние дни военного коммунизма в систему бесплатных пайков, также соответствовала широко распространенной концепции равенства в распределении – идеалу, к которому нужно стремиться. Резолюция X партийного съезда о профсоюзах все

еще воздавала должное (что было довольно удивительно) сохраняющим свою силу чувствам эгалитарности, заметив, что, хотя "в силу ряда причин должна быть временно сохранена и разность оплаты труда в зависимости от квалификации, тарифная политика тем не менее должна строиться на возможно большей уравнительности между ставками"[128]. Съезд профсоюзов в мае 1921 г., хотя и высказался формально в поддержку своей рекомендации относительно премий натурой, был вынужден вновь отметить непрактичность любой такой системы в условиях хронической нехватки продуктов[129].

Это было незадолго до того, как внедрение НЭПа в промышленность дало свои логические результаты. Применение хозрасчета требовало возврата к денежной экономике и было несовместимо с любой концепцией оплаты труда как системы бесплатных пайков или социальных услуг, предоставляемых государством своим гражданам. Трудовая философия военного коммунизма себя изжила. Партийная конференция в мае 1921 г. (в декабре. – *Ред.*) выдвинула принцип апеллирования к "заинтересованности рабочего в производстве" и настаивала на том, чтобы "учет натуральной части заработной платы действительно соответствовал существующим денежным ценам на продукты"[130]. Однако осуществление этого сложного преобразования задержалось на несколько месяцев. Новым шагом в этом направлении стал декрет от 10 сентября 1921 г., в котором система заработной платы называлась "основным фактором в развитии промышленности". Заработная плата теперь являлась прежде всего предметом взаимоотношений между рабочим и предприятием, на котором он работал. В декрете содержалось требование "отделения от предприятия всего, что не связано с производством и что носит характер социального обеспечения": отныне это становилось делом государства, выступающего от имени народной власти. При этом подчеркивалось, что данное изменение позволит вознаграждать за любые формы труда соответственно его ценности: "Всякая мысль об уравнительности должна быть отброшена". Заработная плата была связана с производительностью труда; инженеры и квалифицированные рабочие не должны были впредь использоваться в качестве чернорабочих, поскольку система заработной платы не признавала дифференциации[131]. После ноября 1921 г. распределение пайков бесплатно или по номинальным ценам было заменено распределением продовольствия среди рабочих как части заработной платы, исходя из их рыночной стоимости[132]. Это продолжалось больше года[133]. Таким образом, начиная с осени 1921 г., когда постепенно восстанавливалась система заработной платы и под дисциплинирующим воздействием принципа хозрасчета отменялся прибавочный труд, типичной формой трудоустройства была признана система найма на основе добровольного трудового соглашения между рабочим или профсоюзом, с одной стороны, и предпринимателем – с другой. Причем единственным атрибутом ста-

рой системы было установление государством обязательного минимума заработной платы. С ростом промышленных трестов осенью 1921 г.[134] стал наблюдаться возврат к колективным трудовым соглашениям; заключаемым профсоюзами от имени своих членов. Первый значительный коллективный трудовой договор периода НЭПа был подписан между первым крупным государственным трестом Северолес и профсоюзом работников лесного хозяйства в ноябре 1921 г.[135]

Переход от натурального вознаграждения к денежной системе оплаты за труд был слишком непопулярен, чтобы внедряться иначе, как медленно и поэтапно. Рабочий, равнодушный к теории, ясно понимал последствия получения вместо гарантированного пайка заработной платы деньгами, имеющими неопределенную и постоянно падающую покупательную способность. Освобождение от тяжестей принудительной трудовой мобилизации, которое могло показаться компенсацией за эту материальную потерю[136], оказалось в значительной степени иллюзорным, поскольку эта грубая форма трудовой дисциплины была быстро заменена старым "экономическим кнутом" капитализма. Окончание гражданской войны и введение НЭПа открыли период серьезной и широко распространенной безработицы, порожденной огромными сокращениями рабочих как государственными службами, так и промышленными предприятиями, которые перестраивались в ответ на требования хозрасчета. Это было знамение времени, когда осенью 1921 г. был выпущен декрет, поднимавший до уровня современных требований законодательство 1918 г. о пособии по безработице, а дальнейшим декретом предусматривалась выплата полумесячного содержания (в качестве компенсации) рабочим, уволенным "не по своей вине" государственными предприятиями и учреждениями[137]. Процесс увольнения излишнего персонала продолжался набирающими силу темпами. Численность железнодорожных рабочих сократилась с 1240 тыс. летом 1921 г. до 720 тыс. летом 1922 г.[138]; число рабочих и служащих на ведущей текстильной фабрике в расчете на 1000 веретен уменьшилось с 30 человек в 1920–1921 гг. до 14-ти год спустя (по сравнению с 10,5 накануне 1914 г.)[139]. В первой половине 1918 г. безработные промышленные рабочие хлынули назад, в деревню, которая их легко поглотила, а, следовательно, безработица приняла просто форму сокращения численности пролетариата. В 1921 г. голод поразил сельскую местность, и избыточное число промышленных рабочих скапливалось в городах, впервые породив проблему безработицы в форме, подобной безработице в западных индустриальных странах. Создание таким образом "резервной армии труда" классической политэкономии создало давление, достаточно сильное, чтобы направить рабочие руки туда, где они требовались, и сделало дальнейшее правовое регулирование излишним. Труд как узаконенная обязанность (что было одной из центральных концепций Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа и

Конституции РСФСР) был заменен трудом как экономической необходимостью, на смену страху юридического наказания в качестве санкции пришел страх голодной смерти. Когда декретом от 9 февраля 1922 г. трудовая повинность была наконец заменена системой "найма и увольнений"[140], это означало отказ от уже устаревшего оружия. XI съезд партии в марте 1922 г. даже услышал от Шляпникова давно знакомую в капиталистических странах жалобу на то, что рабочие лишаются работы дома из-за импорта из-за границы[141]. Меньше чем через год НЭП вновь возродил основные характерные черты капиталистической экономики[142].

На статусе профсоюзов вполне закономерно сказался отказ от военного коммунизма и трудовой повинности, что проявилось двояким образом. В условиях патентованных частных предприятий и хозрасчета на государственных предприятиях вполне естественной казалась обязанность профсоюзов охранять интересы рабочего против нанимателя, и сторонники движения за слияние профсоюзов с государством потеряли свой самый убедительный аргумент. Когда в мае 1921 г. состоялся IV Всероссийский съезд профсоюзов, первый из этих двух вопросов еще не созрел для обсуждения. Организация промышленности при НЭПе едва началась, и резолюция съезда была лишена смысла из-за предположения (не подтвержденного последующими событиями) о том, что существует острое различие в отношении профсоюзов к государственным предприятиям и к предприятиям, возвращенным под частное управление[143]. Второй вопрос (отношение профсоюзов к государству) был закрыт для членов партии в результате решения X партийного съезда за два месяца до того. Однако это решение автоматически придало новое значение старому, но имевшему до сих пор второстепенное значение вопросу – об отношении партии к профсоюзам. Логическим следствием НЭПа была независимость профсоюзов от государства. Однако в результате стало еще более необходимым не оставить и тени сомнения в партийном контроле над профсоюзами. Об этом было твердо, хотя и в осторожной форме, заявлено в резолюции съезда партии:

"Российская коммунистическая партия в лице ее центральных и местных организаций безусловно направляет по-прежнему всю идейную сторону работы профсоюзов... Подбор руководящего персонала профессионального движения, разумеется, должен протекать при направляющем контроле партии. Но партийные организации должны особенно тщательно проводить нормальные методы пролетарской демократии именно в профсоюзах, где более всего отбор руководителей должен делаться самими организованными массами"[144].

IV Всероссийский съезд профсоюзов открылся 17 мая 1921 г., причем, как обычно, Центральным Комитетом партии были подготовлены тезисы "О роли и задачах союзов", которые

делегаты съезда должны были обсудить и принять. В этих тезисах, однако, не повторялся акцент на применение "нормальных методов пролетарской демократии именно в профсоюзах", который был сделан в резолюции партийного съезда; и, когда они были за несколько часов до начала съезда вручены большевистской фракции, Рязанов, помятуя о формулировке в резолюции, предложил внести поправку. Томский, захваченный врасплох этой поправкой или не придавший ей значения, не выступил против нее достаточно решительно, и в результате она была принята подавляющим большинством членов фракции. Вечером того же дня в назначенное время Томский открыл съезд, выступив с официальной речью. Однако как только Центральный Комитет узнал, что произошло, Томскому было вынесено серьезное партийное взыскание за его неумение провести эти тезисы во фракции, и сам он был отстранен от дальнейшего участия в работе съезда. Официальный доклад о работе Всероссийского Центрального Совета профсоюзов за период после предыдущего съезда был сделан Шмидтом, а тезисы "О роли и задачах союзов" в их прежнем виде, восстановленном после дополнительного заседания фракции с участием самого Ленина, были представлены Лозовским[145]. Ни Томский, ни Рудзутак, который был вынужден разделить ответственность за ошибку своего коллеги, не были избраны в президиум съезда при открытии второго заседания, а во время выборов в Центральный Совет, состоявшихся в конце съезда, если Рудзутак был вновь избран членом Совета, то Томский получил всего лишь статус кандидата[146]. Через несколько недель Томский и Рудзутак узнали о своем назначении в состав специальной комиссии, направляющейся в Ташкент для наблюдения за делами вновь созданной Туркестанской АССР[147].

Одним из удивительных следствий этих изменений было восстановление Андреева, который поддерживал платформу Троцкого на X съезде партии и не был переизбран в Центральный Комитет. Андрееву было поручено выступить с официальным докладом "К вопросу об организации", который оказался наиболее дискуссионным вопросом на IV съезде профсоюзов. Теперь, когда независимость профсоюзов стала признанной частью НЭПа, было необходимо, чтобы не только партия контролировала полностью центральную профсоюзную организацию, но и чтобы центральная организация была в состоянии контролировать отдельные союзы. Эта цель была искусно достигнута резолюцией, выдвинутой Андреевым. Под прикрытием принятия необходимых мер по децентрализации в профсоюзной организации был достигнут совершенно противоположный результат. Под предлогом передачи полномочий местные межсоюзные органы, которые непосредственно подчинялись Всероссийскому Центральному Совету профсоюзов, должны были руководить местными органами соответствующих союзов: резолюция, использовав идею, выдвинутую еще на III съезде, предвкушала тот день, ко-

гда союзы и их органы объединятся в "единый союз с промышленными секциями".

Вокруг этих предложений развернулась острая дискуссия. Один из делегатов заявил, что решается вопрос о том, "существовать ли дальше промышленным профсоюзам", а другой указал, что результатом этой резолюции будет "образование профсоюзного комиссариата с местными отделениями". На конгрессе, среди участников которого была только небольшая горстка небольшевистских делегатов, поправка по существу резолюции Андреева получила тем не менее 453 голоса против 593[148]. Большинство, хотя и сравнительно небольшое, оказалось решающим. Контроль партии над Всероссийским Центральным Советом профсоюзов как над органами Советского государства был абсолютным. Как только был установлен твердый контроль Центрального Совета над союзами (процесс, в котором резолюция IV съезда профсоюзов стала выдающейся вехой), процесс слияния партии, государства и союзов в единый комплекс власти начал проходить успешнее. Вопрос "огосударствления" профсоюзов себя изжил. Однако каждый новый шаг в экономической политике способствовал постепенной потере профсоюзами их былой значимости и независимости. При военном коммунизме они по крайней мере были необходимыми и частично автономными органами государственной власти. При НЭПе они не могли больше занимать такое положение, и, поскольку было необходимо обуздать любую потенциальную тенденцию, направленную в новых условиях против власти государства, были приняты меры предосторожности, чтобы усилить и без того строгий контроль партии над профсоюзным аппаратом. После IV съезда профсоюзов Андреев сменил Томского на посту председателя Центрального Совета.

К концу 1921 г., когда постепенно проявились промышленные аспекты НЭПа, в профсоюзах вновь появились симптомы своеволия. К тому времени Томский и Рудзутак были отозваны из Туркестана, и между ними и Андреевым было достигнуто соглашение (очевидно, не без вмешательства высших партийных властей). 28 декабря 1921 г. Центральный Комитет партии заслушал доклад о роли профсоюзов, представленный Рудзутаком, Андреевым и другими[149]. 12 января 1922 г. Политбюро приняло подробную резолюцию, подготовленную Лениным на основании тезисов, представленных Рудзутаком и Андреевым, которая через пять дней была опубликована в "Правде". В резолюции содержался вывод о ряде "противоречий между различными задачами профсоюзов". Эти противоречия "не случайны и не устранимы в течение ряда десятилетий" – до тех пор "пока есть остатки капитализма и мелкого производства". Таким образом, существует противоречие между обычными способами действия профсоюзов – убеждением и воспитанием, с одной стороны, и отдельными актами принуждения, к которым они вынуждены прибегать как "участники госвласти", – с другой; противоречие

между защитой "интересов трудящихся" и давлением, которое они должны оказывать как "участники госвласти и строители всего нархозяйства в целом"; между строгими мерами войны классов и мерами примирения, свойственными профсоюзам. Эти противоречия отражали противоречия переходного периода к социализму. Но еще большее значение имели параграфы, касавшиеся практической деятельности. Поскольку перевод государственных предприятий на хозрасчет неминуемо порождал "известную противоположность интересов между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятиями или ведомствами, коим они принадлежат", советские профсоюзы при НЭПе выполняют функцию и пользуются их статусом прототипов при капитализме. На них возложена обязанность – "безусловно" защищать интересы рабочих. С другой стороны, членство в профсоюзах должно быть добровольным – хотя государство "должно поощрять профобъединение рабочих в отношении как правовом, так и материальном"; и профсоюзы не должны вмешиваться в управление предприятиями. Оба этих момента явились уступками тому, что может быть названо исключительно капиталистической точкой зрения о профсоюзах. Даже забастовки на государственных предприятиях – не говоря уже о частных предприятиях – не защищались, хотя профсоюзы должны были доводить до сознания рабочих, что "применение стачечной борьбы в государстве с пролетарской госвластью может быть объяснено и оправдано исключительно бюрократическими извращениями старины в его учреждениях" и остатками капитализма. Нормальным способом решения конфликтов были переговоры между профсоюзами и хозяйственной администрацией соответствующего предприятия, причем для этих целей было рекомендовано создавать конфликтные комиссии[150].

Естественно, резолюция Политбюро была обязательной для членов Всероссийского Центрального Совета профсоюзов, бывших в подавляющей своей массе большевиками, и в феврале 1922 г. состоялось заседание Совета для ее проведения в жизнь. Томский впоследствии, на V съезде профсоюзов, охарактеризовал этот случай как "наша профсоюзная революция" и начало "нового курса в профсоюзном движении"[151]. В действительности это было первым последовательным применением принципов НЭПа в трудовой политике. Была подтверждена зависимость заработной платы от производительности труда, а коллективный договор признан нормальной основой для трудоустройства; восемь месяцев спустя было зарегистрировано, что "огромное большинство рабочих на государственных и частных предприятиях подпадают под режим коллективных договоров". Задача профсоюзов заключалась в том, чтобы обеспечить рабочим заработную плату на возможно более высоком уровне, чем государственный минимум, и таким образом добиться того, чтобы плодами объединения в профсоюзы воспользовались тысячи неорганизованных рабочих на мелких, преимущественно сельских

промышленных предприятиях. Вновь, в осторожной форме, была подтверждена допустимость забастовок и приняты меры для создания так называемых конфликтных комиссий. Членство в профсоюзах становилось добровольным и индивидуальным; это было следствием отмены субсидий периода военного коммунизма, в результате чего профсоюзы вновь стали зависеть от членских взносов[152]. Месяц спустя XI съезд партии официально одобрил резолюцию Политбюро и с тем, чтобы сделать партийный контроль более надежным, постановил в следующей резолюции, что только члены партии, имеющие партийный стаж в несколько лет, могут быть избраны на руководящие посты в профсоюзных организациях, причем величина требуемого стажа зависела от важности поста[153]. Судьба профсоюзов явилась прекрасной иллюстрацией того, как НЭП, признав меру экономической свободы, спровоцировал усиление прямого политического контроля партии над индивидуальными лицами и органами, у которых мог появиться соблазн злоупотребить этой общественной свободой. Через месяц после партийного съезда процесс изъятия государственных функций из компетенции профсоюзов (подразумеваемый в НЭПе и партийной резолюции) получил дальнейшее распространение в декрете, передавшем функцию социального обеспечения по болезни и безработице из ведения профсоюзов Наркомтруду[154].

Примечательно, что на V Всероссийском съезде профсоюзов, состоявшемся в сентябре 1922 г., произошла полная общественная реабилитация Томского. Андреев сделал доклад о работе Центрального Совета за период после предыдущего съезда, а Томский произнес основную речь, озаглавленную "Результаты новой профсоюзной политики и текущие задачи профсоюзного движения", причем Томский и Рудзутак возглавили список избранных съездом в Центральный Совет[155]. Развитие НЭПа приближалось к своему пику, и не требовалось ничего большего, как повторить и подчеркнуть то, что было сказано Политбюро в январе, Центральным Советом союзов в феврале и партийным съездом в марте. Только на двух вопросах считалось целесообразным заострить внимание. При всей своей настойчивости в обеспечении лучших условий для рабочих профсоюзы не могли, говоря словами резолюции, предложенной Томским, "отказаться от установления гарантированного уровня производства" и должны были постоянно заботиться о повышении производительности труда. Другим трудным вопросом был вопрос о забастовках. По словам Андреева, за прошедший год было 102 забастовки, в которых участвовало 430 тыс. рабочих: число было мизерным по сравнению с количеством забастовок, прошедших в капиталистических странах, но и оно должно было быть снижено. Резолюция съезда заявляла, что каждая потенциальная забастовка должна "рассматриваться как строго индивидуальный случай в отношении значения соответствующего сектора хозяйства и зависимости от него всей экономической жизни"; Том-

ский, в частности, сказал, что забастовка железнодорожников, например, будет нетерпимой "с точки зрения общих задач рабочего класса". В резолюции далее подчеркивалось, что обязанностью профсоюза является предпринять меры для скорейшей ликвидации любой забастовки, которая начнется "стихийно или против желания органов союза"[156].

Еще во время работы съезда началась подготовка проекта нового Кодекса законов о труде, который должен был прийти на смену устаревшему Трудовому кодексу 1918 г.[157] и придать силу закона принципам, установленным НЭПом. Общая характеристика этого кодекса была дана Шмидтом, который в качестве народного комиссара труда проводил его через ВЦИК в конце октября 1922 г. Кодекс 1918 г. "строился главным образом на основе всеобщей трудовой повинности"; кодекс 1922 г. (в соответствии с духом НЭПа) основывался на добровольных соглашениях. В 1918 г. государство стремилось к тому, чтобы установить и лимитировать размер заработной платы и условия трудоустройства; теперь в функцию государства входило лишь установление минимума заработной платы, который мог превышаться и обычно превышался, и требование соблюдать определенный минимум условий (восьмичасовой рабочий день, оплаченные отпуска, ограничения на применение детского труда и т.п.). Коллективный договор, заключенный профсоюзом, становился обычной, хотя и не обязательной, формой трудоустройства. В принципе трудоустройство должно было осуществляться через биржи труда, хотя довольно большое число исключений из этого правила касалось ответственных постов, требовавших специальной или "политической" квалификации. За профсоюзами сохранялась монополия на охрану труда и защиту интересов рабочих; выборы фабричных комитетов должны были проводиться в соответствии с уставом соответствующего профсоюза, и результаты выборов должны были утверждаться им. Томский приветствовал кодекс от имени профсоюзов. "Государственное регулирование заработной платы, – заявил он, – как видно, не срабатывает и абсолютно не отвечает условиям новой экономической политики"; при этом профсоюзами воздавалось должное как "общественным организациям, защищающим интересы рабочих".

Однако в духе НЭПа было и то, что не должны были игнорироваться права нанимателей, государственных или частных. В функции союзов входило и стимулирование производства: обязательства, возложенные на фабричные комитеты, включали "сотрудничество в нормальном процессе производства на государственных предприятиях и участие через посредничество соответствующих профсоюзов в регулировании и организации народного хозяйства". Невыполнение рабочим требуемой нормы производства могло быть наказано в виде удержаний из заработной платы, которая не должна была, однако, падать ниже двух третей стандартного уровня. Длинный перечень оснований, позволяющих уволить рабочего без компенсации в случае невы-

полнения им своего договора, был одним из пунктов кодекса, который вызвал серьезную критику во ВЦИК: один из ораторов охарактеризовал его (и не без основания) как "лишний козырь в руках частных предпринимателей"[158]. Ленин в своей речи на сессии ВЦИК, на которой был принят кодекс (одно из последних его выступлений и последнее появление во ВЦИК), был далек от того, чтобы разделять официальный оптимизм Шмидта и Томского.

"Надо считаться с тем, что в сравнении со всеми государствами, в которых теперь идет бешеная капиталистическая конкуренция, в которых – миллионы и десятки миллионов безработных, в которых капиталисты организуют своими силами могущественные капиталистические союзы, организуют поход на рабочий класс, – в сравнении с ними мы наименее культурны, производительные силы у нас развиты менее всех, работать мы умеем хуже всех. Это очень неприятно, может быть, что нам приходится в этом сознаться. Но я думаю, что именно потому, что мы таких вещей не прикрываем благовидными фразами и казенными восклицаниями, а сознаемся в них прямиком, именно потому, что мы все это сознаем и не боимся сказать с трибуны, что на исправление этого направлено больше сил, чем у любого из государств, мы и добьемся того, чтобы нагнать другие государства с такой быстротой, о которой они и не мечтали"[159].

Трудовая и профсоюзная политика была неотъемлемой частью всей проблемы эффективности народного хозяйства. Какие бы формы, казалось, ни диктовала логика НЭПа, основной потребностью советской экономики все еще оставалось развитие промышленного производства – потребностью тем более важной, что промышленность была поставлена в невыгодное положение из-за тех привилегий, которые НЭП предоставил сельскохозяйственному сектору; а трудовая политика должна была так или иначе и любой ценой помочь удовлетворить эту потребность.

г) Торговля и распределение

Естественным следствием замены продразверстки продналогом как метода получения от производителя избытков сельскохозяйственных продуктов был возврат к частной торговле. Сокращение количества зерна, собираемого теперь государством, сделало невозможным сохранение системы государственных пайков[160]; и данное крестьянину право продавать остатки своего урожая по любой цене, которую он мог получить на свободном рынке, вместо того чтобы быть вынужденным продавать их государству по твердым ценам, стало для него новым побудительным мотивом. Этого вывода, сколь бы потрясающим на первый взгляд он ни казался стойким членам партии, нельзя было избежать[161]. Ленин, внося Новую экономическую политику на рассмотрение партийного съезда, признал, что "лозунг

свободной торговли будет неизбежным", поскольку он "отвечает экономическим условиям существования мелкого производителя"[162]. Однако декрет, в котором нашла отражение новая политика, был, скорее, выдержан в духе бартерного обмена, чем в чисто так называемом торговом духе.

"Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства.

Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах"[163].

Более того, стимулирование таким образом крестьянина подразумевало предоставление аналогичных возможностей промышленному рабочему, который должен быть его партнером по обмену; процессом бартерного обмена необходимо было охватить все, что крестьянин хотел купить, равно как и то, что он должен был продавать. Две недели спустя очередным декретом рабочему было дано право откладывать часть продукции для "обменного фонда", резервируя таким образом товары, подлежащие обмену на сельскохозяйственные продукты крестьянина; для организации этого обмена должны были создаваться рабочие кооперативы. Промышленным рабочим было разрешено также откладывать часть своей продукции для своего собственного потребления, тратя на эти цели часть своего рабочего времени, а на иных предприятиях определенная часть рабочих отдавала этому весь свой рабочий день[164]. В действительности это, скорее, была попытка легализовать и поставить под контроль незаконную торговлю, которая при военном коммунизме приобрела внушающие тревогу масштабы[165]. На IV Всероссийском съезде профсоюзов она была охарактеризована как "эксперимент"[166], а Ленин назвал ее "поблажкой", вызванной психологическими причинами: "...крестьянам подачку дали, нужно на этой же почве такими же приемами дать и рабочим. Нам пришлось известную дань этому отдать"[167].

Этот обмен товарами был не только "основным методом получения продуктов питания", но и "проверкой правильных взаимоотношений между промышленностью и сельским хозяйством"[168]. X партийная конференция в мае 1921 г. назвала его "основным рычагом новой экономической политики"[169].

То, о чем часто говорили как о возврате к частной торговле, было на самом деле не столько нововведением, сколько официальным признанием и поощрением того, что никогда не прекращало существовать: легализацией распространенной, хотя и незаконной, практики. Главная функция правительства на начальном этапе НЭПа заключалась не только в стимулировании

требуемого объема внутреннего обмена, но и в регулировании, а в случае необходимости – в направлении его потока таким образом, чтобы не дать ему захлестнуть все социалистическое сооружение и избежать восстановления доминирующего влияния частного капитала над всей экономикой. Ленин откровенно признавал, что "свобода торговли означает в определенной мере развитие капитализма", добавляя при этом, что "этот капитализм будет под контролем, под надзором государства"[170]. Однако первые попытки регулирования оказались безуспешными. Было не ясно, что же на самом деле подразумевалось под разрешением торговать "в пределах местного хозяйственного оборота", данным в первоначальном декрете о НЭПе от 21 марта 1921 г. Но каковы бы ни были намерения этого декрета, он был вскоре аннулирован. В декрете Совнаркома от 28 марта 1921 г. о торговле зерном, фуражом и картофелем была предпринята попытка сохранить принцип регулирования самими губерниями. Но поскольку декрет отменил все ограничения на транспорт, в результате он действовал как средство устранения всех местных барьеров[171]. Как только был принят принцип частного обмена, любая попытка ограничить его местными рынками или натуральным обменом была обречена на неудачу. Декретом от 24 мая 1921 г. отдельным гражданам и кооперативам было предоставлено право "обменивать, закупать и продавать" сельскохозяйственные продукты, остающиеся после выплаты натурального налога"[172].

Осенью 1921 г. Ленин откровенно признал поражение в этом вопросе:

"Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации. Что же оказалось? Оказалось – сейчас вы это все прекрасно знаете из практики, но это видно и из всей нашей прессы, – что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю – продажу. И мы теперь вынуждены это осознать, если не хотим прятать голову под крыло, если не хотим корчить из себя людей, не видящих своего поражения, если не боимся посмотреть прямо в лицо опасности. Мы должны осознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли – продажи и денежного обращения. С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля – продажа, торговля.

Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли – продажи, денежного обращения захлестнет вас!"[173]

Конференция коммунистов Московской губернии (имеется в виду VII Московская губпартконференция. – *Ред.*), к которой

Ленин обращался с этим предупреждением, приняла резолюцию, провозгласившую настоятельно необходимым, "исходя из наличия рынка и считаясь с его законами, овладеть им и путем систематических, строго обдуманных и построенных на точном учете процесса рынка экономических мероприятий взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения"[174].

Два месяца спустя, на IX Всероссийском съезде Советов, Ленин вновь объяснил, что "торговля является оселком нашей экономической жизни" и что сутью Новой экономической политики является возможность учиться, – учиться у купца, частного предпринимателя, который достаточно умен, чтобы за сотню процентов прибыли сделать дело так, как сплошь и рядом не сумеют этого сделать никакие коммунисты и профсоюзники[175]. Каменев еще раз сослался на непреодолимое препятствие:

"Создав, благодаря продналогу, рынок, дав возможность торговать хлебом, мы создали обстановку, которая все время будет меняться. Рынок не есть явление логическое, которое можно схватить в сегодняшнем его состоянии. Это явление – развивающееся и порождающее все новые и новые явления"[176].

И в резолюции, указавшей, что "образование внутреннего рынка" и "развитие денежного обмена" являются характерными чертами экономического ландшафта, содержался первый из тех парадоксальных панегириков свободной конкуренции, которые стали присущи периоду НЭПа:

"Теперь борьба коммунистического и частного хозяйства переносится на экономическую почву, на рынок, где национализированная промышленность, сосредоточенная в руках рабочего государства, должна, применяясь к условиям рынка и методам состязания на нем, завоевать себе решительное господство"[177].

Институционально при НЭПе существовало три вида торговли: торговля велась частниками, кооперативами и государственными органами. Хотя все они открыто конкурировали друг с другом на равных условиях, все же установилось некоторое разделение труда между ними. Частный торговец был наиболее активен в розничной торговле, хотя со временем он начал появляться и в оптовой торговле в качестве агента государственных трестов или других государственных органов. Государственные органы ограничивали свою основную коммерческую деятельность оптовой торговлей, хотя одновременно открывались и государственные розничные лавки. Кооперативы следовали своей старой традиции, сочетая функции оптовых и розничных торговцев.

Поощрение розничной торговли частников явилось заметным изменением предыдущей политики на 180 градусов. Декрет, принятый в июле 1921 г., дал возможность любому гражданину, достигшему 16 лет, получить лицензию на торговлю в лавках, общественных местах, на рынках или базарах любыми продуктами или предметами, кроме товаров, изготовленных из сырья, поставляемого государством: цель этого ограничения за-

ключалась, вероятно, в том, чтобы исключить продукцию национализированной промышленности из частной торговли[178]. Здесь также первым результатом была легализация и расширение того, что уже существовало, а не создание чего-либо нового. Частная торговля никогда не прекращалась подпольно или на полулегальных рынках, из которых Сухаревка в Москве была просто наиболее известным рынком. Теперь мелкая частная торговля вышла из подполья. Бродячий коробейник, или мелкий разносчик товаров, торгующий на более или менее организованных рынках и базарах, был характерным явлением частной торговли в первый год НЭПа, но это далеко не означало, что он был порождением НЭПа: он был преемником мешочника военного коммунизма, едва отличимым от него, если не считать официального признания. Однако, как только частная торговля стала официально терпимым и поощряемым явлением, эта примитивная ее разновидность не могла существовать. Ей суждено было быть изгнанной, как только был накоплен достаточный капитал и появилась необходимая предприимчивость, чтобы организовать более развитые и эффективные формы торговли. К середине 1922 г. этот процесс был уже в самом разгаре, и вскоре Государственный универсальный магазин (ГУМ) – это детище ВСНХ со своими отделениями во всех столичных городах – превратился лишь в крупнейший среди растущего числа розничных магазинчиков. В 1922 г., впервые после 1917 г., состоялись две знаменитые русские ярмарки – Ирбитская в Сибири (весной) и Нижегородская (в конце лета)[179]. Огромная масса мелкой розничной торговли почти полностью оставались в частных руках, и только на крупнейших торговых предприятиях государственные органы завоевали прочное положение[180].

Введение НЭПа было направлено на то, чтобы еще больше стимулировать кооперативы, чем частных торговцев, поскольку организация кооперативов в любом случае основывалась на коллективных началах, которые, похоже, вызывали меньшую антипатию у большевистских ортодоксов, чем частная конкуренция[181]. Ленин, внося НЭП на рассмотрение X съезда партии в марте 1921 г., без лишних слов предложил отменить резолюцию предыдущего съезда, которая настаивала на строгом подчинении кооперативов Наркомпроду[182]: теперь, когда сельскохозяйственные излишки (после сбора продналога) подлежали извлечению у крестьянина в процессе бартерного обмена и торговли, потребительская кооперация должна была играть важную роль. Декретом от 7 апреля 1921 г. им была возвращена часть формальной независимости, которую они потеряли за два года до этого и которая теперь ограничивалась лишь правом Наркомпрода управлять процессом осуществления ими своих "обязательных государственных заданий и правом ВЦИКа назначать членов правления, обладающих равными правами с избранными членами"[183]. В следующем месяце была заключена серия соглашений между правительством и кооперативами, включая соглашение

от 17 мая 1921 г., которое называлось "генеральным договором" с потребительской кооперацией и по которому Центросоюз становился единственным агентом правительства по оптовому распределению потребительских товаров по всей стране[184]. Концепция, превалировавшая в первые месяцы НЭПа, с особой ясностью проявилась в этих соглашениях. Существовало два основных метода получения продовольствия у крестьянина – натуральный налог и товарообмен. Первый из них использовался непосредственно советскими властями, второй – кооперативами, выступавшими в качестве агентов Наркомпрода.

Однако эта концепция не сработала. Она не сработала частично потому, что Наркомпрод[185] оказался не в состоянии обеспечить обещанное снабжение товарами широкого потребления с целью обмена, в результате чего вскоре начались взаимные обвинения между Наркомпродом и Центросоюзом. Но главная причина этой неудачи крылась в том, что при отсутствии высокоорганизованного машинного производства весь громоздкий процесс товарообмена, выражаясь словами Ленина, "сорвался", то есть "вылился в куплю – продажу". Силы НЭПа, подавляя его основателей и не оставляя камня на камне от плана создания упорядоченной государственной системы натурального обмена, вынудили их пересмотреть статус и функции кооперативов; и этот пересмотр – очередная дань влиянию кооперативных учреждений на массы – был предпринят в декрете Совнаркома от 26 октября 1921 г. Вся собственность кооперативов, которая была национализирована или муниципализирована, подлежала возврату (это был старый повод для недовольства, восходящий еще к 1919 г.); было признано право покупать и продавать без вмешательства каких-либо правительственных органов советским промышленным органам, включая тресты, главки и секции ВСНХ, было указано предлагать свои товары в первую очередь Центросоюзу или соответствующим местным кооперативным учреждениям, и только в случае отказа они были свободны предлагать эти товары на тех же условиях на свободном рынке[186]. Одновременно в директиве Центрального Комитета подчеркивалась новая независимая роль кооперативов при НЭПе и содержалось указание коммунистам принимать в этом активное участие, "чтобы овладеть этими организациями"[187].

Теоретически этот декрет продолжал определять статус потребительской кооперации и взаимоотношения между Центросоюзом и Советским правительством в течение всего последующего периода. На деле же постоянно имели место споры и жалобы. Бесконечно тянулись переговоры с ВСНХ по поводу возврата национализированной собственности, на которую претендовали кооперативы; правительственные управления и тресты (равно как и синдикаты, которые начали создаваться в апреле 1922 г.) постоянно обходили кооперативы, предпочитая вести торговлю с частными лицами. Тем не менее имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в первой половине 1922 г. снабжение

кооперативов товарами на три четверти приходилось на долю государственных органов, включая тресты[188]. В равной степени ни партия, ни правительство (сколь бы обструкционистскую позицию ни занимали отдельные управления или учреждения) не могли обойтись без кооперативов. Партийная конференция в августе 1922 г. приняла пространную резолюцию "О задачах партии в кооперации". В ней указывалось, что принцип обязательного членства не должен "превращать потребительскую кооперацию лишь в технический аппарат государственного товарообмена и распределения". Вмешательство частного торговца в качестве посредника между контролируемой государством промышленностью и крестьянином считалось "противоречием"; в задачу кооперации входило "изгнать частный капитал из торговли и такой мерой создать прочную смычку между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью"[189]. Эта оптимистическая оценка роли кооперации себя не оправдала. Отношения между государством и кооперацией по-прежнему оставались сложными и нестабильными. Советское правительство или некоторые из его органов относились к кооперативам слишком подозрительно и недоверчиво, чтобы работать с ними без оглядки. В оптовой торговле кооперативы сами зачастую испытывали трудности в открытой конкурентной борьбе с частным торговцем – даже в борьбе за благосклонность трестов и официальных торговых органов. В розничной торговле их давняя традиционная популярность среди потребителей помогла им сохранить свои позиции. Ленин в одной из своих самых последних статей, написанных в начале 1923 г., подчеркивал "исключительное значение" кооперации при НЭПе[190]. На XII съезде партии в апреле 1923 г. Хинчук докладывал о существовании примерно 250 тыс. потребительских кооперативных обществ и 300 тыс. кооперативных лавок[191].

С введением НЭПа создался вакуум в органах государства, поскольку до этого не было официально признано, что ведение или управление внутренней торговлей входит в функции Советского правительства. Внешняя торговля с капиталистическими государствами занимала особое место и управлялась специальной организацией. Первоначальный народный комиссариат торговли и промышленности никогда не занимался внутренней торговлей, а органы Наркомпрода и ВСНХ, которые контролировали снабжение населения, были органами не торговли, а распределения. Когда начался НЭП, представление – если таковое существовало – о том, что торговля должна оставаться исключительно в руках кооперативов и частников, быстро рассеялось. При ВСНХ, который, помимо вторжения в розничную торговлю через ГУМ, имел под своим контролем оптовые "торговые учреждения" (госторги или просто торги), подчиненные губернским совнархозам, была создана центральная торговая секция. Наркомпрод и ряд других комиссариатов также создали торго-

вые секции для реализации товаров, которые находились в их ведении[192]. Наиболее важную роль среди них играли тресты, которые являлись основными производителями промышленных товаров. Получив указание действовать на коммерческих началах, они пытались организовать реализацию своей продукции иногда через кооперативы, а порой (в нарушение гарантий, предоставленных кооперации декретом от 26 октября 1921 г.) через частных торговцев. Поначалу не предполагалось, что государственные органы будут закупать необходимые им товары на рынке. Однако по мере того, как постепенно рушилась система централизованного снабжения сырьем и товарами, им разрешалось покупать на частном рынке, сначала в качестве исключения, а позднее, декретом от 4 октября 1921 г., на регулярной основе, хотя им было указано в качестве поставщиков товаров отдавать предпочтение кооперативам[193]. Но ни один из этих институтов не был достаточно подготовлен (ни традиционно, ни практически) к тому, чтобы вступить в сложный процесс торговли. Как только политика натурального "товарообмена" и снабжения отошла на задний план и всерьез начал действовать принцип "купли – продажи", возникла насущная потребность в людях, чувствующих себя как рыба в воде на рынке с его обычаями, образом действий и приемами, в людях, готовых в нужный момент найти покупателей и продавцов, дать совет относительно цен и вообще выступать в качестве маклеров и посредников для начальников, которые чувствовали себя не в своей тарелке в этом незнакомом для них мире.

Этот пробел был восполнен прослойкой более честолюбивых и более удачливых нэпманов (некоторые из них принадлежали к некогда почтенным – или не очень почтенным – бизнесменам, вышедшим из подполья, где они находились со времени революции; другие представляли собой новичков, которые быстро усвоили премудрости торгового дела). Сила нэпмана зависела от того, насколько он преуспеет в том, чтобы стать необходимым государственным торговым учреждениям и крупным промышленным трестам. По словам полуофициального отчета, "характерная черта современной частной оптовой торговли и состоит именно в этом сильном внедрении частного капитала в государственные торговые органы и в их взаимном переплетении". Нэпманы разъезжали с мандатами государственных учреждений и требовали и получали предпочтительное к себе отношение; их прибыли, несомненно, были достаточно велики, чтобы давать им возможность прибегать к прямым или завуалированным формам коррупции. Они проложили себе путь в кооперативы, часть из которых со всей очевидностью служила простым прикрытием для частных торговых предприятий. Таким образом, "частный капитал охватывает государственные органы со всех сторон, питаясь ими и наживаясь за их счет"[194]. Сравнительно безобидное явление, отмеченное одним из ораторов на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г., в виде "мел-

кого спекулянтского мешочнического и ростовщического капитала, который сейчас празднует свое возрождение в виде кафешантанов, кондитерских, пирожных и т.д.[195], вскоре преобразилось в картину Москвы при НЭПе как города роскоши для нового государственного капитализма, в адрес которого раздавалась критика со стороны многих иностранных гостей в течение 1922 и 1923 гг.[196] Такова была цена за следование указанию Ленина "учиться торговать".

Именно осенью 1922 г., когда была завершена первая фаза НЭПа, Советское правительство приняло решение о введении одновременно с Земельным и Трудовым кодексами[197] Гражданского кодекса. Ленин охарактеризовал его как воплощение той политики, "которую мы ведем твердо и относительно которой у нас не может быть колебаний", и как попытку "соблюсти грань между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляет собой злоупотребление НЭПом"[198]. Докладчик, представлявший кодекс на одобрение во ВЦИК, пояснил, что его цель заключается в том, чтобы "дать гарантии ему (т.е. государству) в том смысле, что те завоевания, те командные высоты, которые оно за собой сохраняет даже при уступках Новой экономической политике, будут оставлены неприкосновенными в руках рабоче-крестьянского государства, и наряду с этим дать возможность развиваться частной инициативе в тех пределах, которые допускаются интересами рабоче-крестьянского государства"[199]. Но теперь, когда по прошествии времени начал забываться тот тяжелейший кризис, который диктовал введение НЭПа, а некоторые из наименее приемлемых его проявлений приобрели печальную известность, отовсюду стали поступать жалобы на него – правда, редко – из высоких инстанций. Представитель Наркомфина во ВЦИК с возмущением ссылался на разговоры в сельских округах о том, что "центр слишком поправел", что "спекулянтов" и "мародеров" щадить нечего, что "они находятся вне Советского закона", в то время как в действительности эти "спекулянты" и были как раз теми мелкими капиталистами, кого "НЭП пытается защищать". Тот же делегат продолжал:

"Те слухи, которые сейчас имеются в Москве, о том, что положение НЭПа непрочно, имеют кое-какие обоснования в том, что у нас сейчас еще много разговоров о "революционной законности", но недостаточно еще посеяно уважение к законам"[200].

Гражданский кодекс поставил штемпель на новый культ законности, основной целью которого было защитить и приумножить достижения НЭПа.

Как уже отмечалось, РСФСР вступила в период НЭПа без какой-либо официальной машины для ведения или регулирования внутренней торговли. Философия НЭПа, хотя и поощряла государственные учреждения заняться торговлей, тем не менее настаивала на том, что торговлю нужно вести на принципах рын-

ка, без вмешательства государства; поэтому она так же враждебно была настроена к любому контролирующему органу, как и практика военного коммунизма, хотя и по другой причине. В действительности же нельзя было сохранять полную официальную независимость. Как только неуклюжие попытки установить прямой товарообмен повсеместно уступили дорогу денежным сделкам, неизбежно должно было раздаться требование попытаться контролировать цены. 5 августа 1921 г. Наркомфином был создан комитет цен для того, чтобы устанавливать цены на все товары, с которыми имеют дело государственные органы или государственные предприятия[201]. Однако эта мера потерпела полнейшее фиаско, и цены повсюду вели себя в соответствии с условиями на рынке[202]. Начиная с осени 1921 г. политика Наркомфина была направлена на то, чтобы восстановить стабильную валюту и сбалансированный бюджет, и выступала против любой формы вмешательства в нэповскую экономику свободного рынка[203]. В равной степени никакой другой департамент не был подготовлен к взятию на себя этой роли. Была предпринята попытка преобразовать центральный торговый отдел ВСНХ в "управление регулирования торговли"[204]. Однако это расширение функций органа, который справедливо считался органом, представляющим промышленный сектор экономики, вряд ли приемлемо для других органов, заинтересованных в торговой политике. В мае 1922 г. Совнарком создал комиссию по внутренней торговле, действовавшую под контролем СТО и наделенную полномочиями готовить декреты по торговле для утверждения Совнаркомом или СТО и составлять инструкции по собственному усмотрению в пределах существующих декретов[205]. Однако похоже на то, что полномочия этой комиссии не использовались достаточно широко и эффективно. Несмотря на предупреждение, данное кризисом *разбазаривания*, о последствиях разлаженной коммерции, развитие внутренней торговли (во всяком случае, до осени 1923 г.) определялось почти полностью конкурирующими силами рынка. И только в мае 1924 г. комиссия по внутренней торговле была объединена с тем, что оставалось от Наркомпрода, в результате чего был создан народный комиссариат торговли[206].

д) Финансы

К Новой экономической политике приступили, не продумав связанные с ней финансовые аспекты. Первоначальный проект товарообмена на местных рынках, казалось, не предлагал ничего несовместимого с движением к безденежной экономике или с застарелым процессом валютной инфляции. Только Преображенский, который так часто воспевал достоинства инфляции, имел, хотя и слабое, представление о том, что может случиться. Его речь на X партийном съезде, который принял

НЭП, представляла собой смесь проницательного здравого смысла с далеко идущей фантазией. Он предупреждал съезд о том, что "невозможно торговать, имея такой курс рубля, который колеблется на рынке не только на протяжении нескольких дней, но и на протяжении нескольких часов", однако единственное конкретное предложение, которое он выдвинул, было введение новой валюты, основывающейся на серебре. Но съезд остался равнодушен как к его доводам, так и к разумному предложению, которым он завершил свое выступление, о создании комитета для рассмотрения всего аспекта финансовой политики "применительно к тем новым экономическим условиям, в которые мы вступаем"[207]. Урок должен быть усвоен не теоретически, а практически, однако для этого время еще не настало. Никому в голову не приходило предусмотреть возврат к ортодоксальному банковскому делу для финансирования промышленности или к ортодоксальной фискальной политике сбалансированного бюджета, достигаемого за счет радикального сокращения правительственных расходов. К этим выводам приходили постепенно, окольными путями, исходя из начальной предпосылки о том, что крестьянин должен свободно торговать своими излишками сельскохозяйственных продуктов, чтобы покупать необходимые ему товары. Осуществление финансовой политики при НЭПе представляет собой прекрасную иллюстрацию неизбежного взаимоотношения частей в единой экономической структуре.

Когда же первоначальная концепция местного товарообмена переродилась в куплю–продажу на общенациональном рынке, тогда денежная политика стала неотъемлемой частью НЭПа. Возврат к капитализму (даже к "государственному" капитализму) сделал неизбежным возврат к денежной экономике. Однако предубеждение в партийных кругах было достаточно сильным, чтобы замедлить и приостановить начальные шаги. Декретом Совнаркома от 30 июня 1921 г., в преамбуле которого выражалось стремление "устранить стесняющие хозяйственный оборот ограничения и оздоровить денежное обращение развития вкладной и переводной операций", были отменены все ограничения на суммы, которые могут храниться у частных лиц или организаций. Вклады в сберегательных кассах Наркомфина и в кооперативах не подлежали конфискации и должны были выплачиваться держателям по их требованию; причем об этих вкладах не должна была выдаваться никакая информация никому, за исключением их держателей или представителей юридических властей[208]. Эта мера – первый шаг на долгом пути назад к финансовой ортодоксальности – была, очевидно, предназначена для реабилитации денег в сознании народа. Однако тем самым на первый план резко выдвинулся вопрос, неуклюже поднятый на съезде Преображенским, о том, как создать стабильную валюту, которая пользовалась бы доверием и выполняла элементарные функции средства обмена. Этого нельзя было достичь, по-

куда печатные станки продолжали выпускать неограниченное количество рублей; работу печатных станков нельзя было ограничить до тех пор, пока правительство не могло найти какого-либо другого средства, чтобы свести концы с концами; равно как нельзя было и помышлять о том, чтобы ограничить правительственные расходы рамками тех доходов, которые оно реально могло получить, коль скоро государство продолжало нести огромные затраты на содержание государственной промышленности и занятых в ней рабочих. Потребность в стабильной единице расчета была тем более острой в экономике национализированной промышленности, которой было приказано вести дела на принципах хозрасчета. Декретом от 8 августа 1921 г., создавшим трест льнопрядильных фабрик, предписывалось при оценке требуемых вкладов исходить "из цен 1913–1914 года"[209]; а несколько дней спустя в декрете о развитии крупной промышленности оговаривалось, что "...материалы и сырье расцениваются применительно к средним ценам западноевропейского рынка (в частности лондонского)"[210]. Но выдвижение этих вызывающих удивление условий скорее можно рассматривать как сигналы бедствия, чем как взвешенные решения проблемы.

Летом 1921 г. все эти вопросы постепенно доходили до сознания руководителей, которые все еще не хотели сделать финансовых выводов из НЭПа, и предпринимались лишь отдельные шаги в ответ на определенные чрезвычайные обстоятельства без какого-либо согласованного плана. Подходы к бюджетному вопросу предпринимались с двух сторон. При военном коммунизме они были разработаны на вторую половину 1919 г. и на 1920 г., однако так и не получили официального одобрения. Включение балансов промышленных предприятий в государственный бюджет положило конец концепции сугубо правительственных доходов и расходов; а проект декрета от 3 февраля 1921 г., по которому отменялось все денежное налогообложение[211], стал бы (если только вступил бы в силу) составной частью движения по направлению к натуральному хозяйству. Теперь, при НЭПе, все это было пересмотрено. Отсоединение промышленности от государственного бюджета началось в июле и августе 1921 г., когда приступили к сдаче в аренду предприятий, а тем из них, которые оставались за государством, было приказано перейти на хозрасчет. В июле 1921 г. был введен налог на промышленность, включающий плату за патент и менявшийся в зависимости от числа рабочих на предприятиях, равно как и налог на оборотный капитал[212]. Несколько недель спустя декретом Совнаркома был утвержден радикальный принцип, по которому все товары или услуги, предоставленные государством или государственными органами, должны были оплачиваться наличными[213]. Затем 21 августа 1921 г. Совнарком восстановил принцип государственного бюджета. Он даже пошел на формальное принятие практически бесполезных цифр бюджета на вторую половину 1919 г. (28 млрд. руб. доходов и 164 млрд. руб. расходов) и на

1920 г. (159 млрд. – доходов и 1215 млрд. руб. расходов). Более того, он даже направил ведомствам указания не позднее октября подготовить свои сметы на 1921 г., на 1922 г. – не позднее марта будущего года, а на 1923 г. – не позднее 31 декабря 1922 г.[214] На следующий день он предпринял первый шаг к восстановлению автономии местных властей – еще одна мера, направленная на то, чтобы облегчить груз центрального бюджета; он санкционировал удержание части налога на промышленность для удовлетворения финансовых потребностей губернских исполнительных комитетов[215]. Поэтому, когда в начале октября 1921 г. ВЦИК произвел первый после принятия НЭПа систематизированный обзор финансовой политики, уже была проделана значительная часть подготовительной работы. В резолюции от 10 октября ВЦИК указал Наркомфину принять меры для "увеличения государственных доходов", проводить политику "ограничений и строгой экономии при расходовании средств" и "совершенствовать систему банковских операций, необходимую для улучшения народного хозяйства", а также принял решение упразднить объединение государственных и местных бюджетов. Эти дезидераты, решенные в принципе, требовалось (это было масштабное требование) осуществить. Однако в резолюции содержалось новое и очень важное указание Наркомфину "сократить выпуск знаков"[216]. Был указан путь к принятию меры, которая должна была увенчать все здание финансовой реформы, но которая все еще не была названа во всеуслышание: введение стабильной валюты.

Тем не менее первоначальный толчок к принятию самой впечатляющей финансовой реформы октября 1921 г. был получен из другого источника. Отмена государственных кредитов поставила промышленность в тяжелое положение, отрезав ее от источника, к которому она привыкла обращаться в поисках рабочего капитала. Изначально советская индустрия получала кредиты в Народном банке. Затем на смену коммерческому кредиту пришли авансы из государственного бюджета, и Народный банк вполне естественно прекратил свое существование в январе 1920 г. Когда был введен НЭП, в Советской России не существовало никаких кредитных учреждений, кроме кооперативной секции Наркомфина, которая продолжала оказывать более или менее формальную помощь тому, что осталось от кредитной кооперации. Теперь, когда торговля подлежала восстановлению и промышленность больше не финансировалась за счет авансов из государственной казны, необходимо было возродить какой-либо кредитный институт. 12 октября 1921 г. ВЦИК, следуя духу своей общей финансовой резолюции, одобрил проект резолюции Совнаркома о создании Государственного банка и на следующий день официально утвердил его статус. Банк был создан "в целях способствования развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота за счет кредита и прочих банковских операций" и сам должен был функционировать на принципе хоз-

расчета. Его первоначальный капитал в сумме 2000 млрд. руб. был предоставлен государством, а члены правления были назначены Наркомфином, причем назначение председателя было утверждено Совнаркомом[217]. Новый Государственный банк РСФСР (Госбанк)[218] открыл свои двери 16 ноября 1921 г. Начало его деятельности не было обнадеживающим. Его ресурсы, определяемые с самого начала основным капиталом, были ограниченными, а ставки чрезмерными: помимо процентов, он,чтобы обезопасить себя против обесценения валюты, брал за свои ссуды "страховой процент" из расчета 8% в месяц с правительственных учреждений, 10 – с кооперативов и 12% с частных предприятий[219]. Неудивительно, что его помощь не была ни скорой, ни достаточной в количественном отношении, чтобы утолить кредитный голод крупной индустрии[220] или преодолеть кризис разбазаривания приближающейся зимы. Сам банк испытывал трудности, функционируя в условиях быстро падающей валюты, что прогрессирующе обесценивало его капитал и делало бессмысленной любую кредитную политику. Как стабилизация валюты была немыслима без прояснения бюджетной ситуации, так и нельзя было заставить работать необходимую кредитную систему, покуда не стабилизировалась валюта. Финансовые реформы, задуманные в октябре 1921 г. и увенчавшиеся созданием Государственного банка, представляли собой взаимосвязанные части единой политики.

К осени 1921 г. стало совершенно ясно, что стабильная валюта и сбалансированный бюджет являются основой для любой финансовой реформы и необходимым условием существования самого НЭПа. За его введением летом 1921 г. последовала временная пауза в ставшем теперь хроническим повышении цен, так что начиная с июля 1921 г. они впервые после Октябрьской революции повышались с меньшей скоростью, чем рос объем денежной массы в обращении, и в работе печатного станка наметилось некоторое сокращение темпов[221]. Для проведения консультаций по валютной политике была создана специальная комиссия. 3 ноября 1921 г. было решено в следующем году начать выпуск новой валюты, причем один рубль должен был равняться 100 тыс. старых рублей, а новые банкноты не назывались больше "расчетными знаками", получив название "денежные знаки" – возврат к использованию дореволюционного термина и, вероятно, попытка вернуть престиж и уважение к слову "деньги"[222]. 5 ноября 1921 г. Совнарком принял два важных решения о бюджете на предстоящий 1922 г. Он должен был быть составлен только на 9 месяцев, с тем чтобы в будущем бюджетный год начинался с 1 октября и исчислялся в довоенных рублях[223]. Согласно инструкции, выпущенной в тот же день Наркомфином, перевод современного рубля в довоенный производился в соотношении 60 тыс. к одному[224]. После этого данное соотношение менялось ежемесячно, чтобы учитывать повышение цен, и до-

стигло к марту 1922 г. 200 тыс.[225] В действительности это была валюта индекса цен, и ее иногда называли "товарным рублем". Однако очень скоро экономисты указали на неудобства и логическую абсурдность использования колеблющегося соотношения между уровнями цен текущими и 1913 г. в качестве постоянного стандарта измерения; и в результате полемики, возникшей по этому поводу, "товарный рубль" был постепенно оттеснен со своих позиций и ему на смену пришел "золотой рубль". Декретом от 14 ноября 1921 г. было установлено, что рента, выплачиваемая за арендуемые предприятия, должна подсчитываться в переводе на золотые рубли[226]. Любопытный документ этой фазы в эволюции политики представляет собой традиционная статья Ленина в "Правде", посвященная годовщине Октябрьской революции. В эту, четвертую, годовщину статья вышла под необычным заголовком "О значении золота теперь и после полной победы социализма". Она скорее посвящалась НЭПу вообще, чем, в частности, вопросу о золоте. В ней содержится знаменитое предсказание о том, что, "когда мы победим в мировом масштабе, мы... сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира"; и далее в ней дается указание о том, что в нынешних условиях в РСФСР "беречь надо... золото" и "овладеть торговлей"[227].

Финансовые решения октября и ноября 1921 г. концентрировали внимание советских руководителей на финансовой политике и на некоторое время превратили Наркомфин и Госбанк в наиболее чувствительные нервные центры НЭПа. Это был любопытный отход от позиций эпохи военного коммунизма, когда было громогласно заявлено, что финансы впредь будут играть роль не больше чем служанки экономической политики, и представитель Наркомфина апологетически выражал надежду на их скорое упразднение. Эта перемена символизировалась серией новых назначений. На X съезде партии в марте 1921 г. Крестинский, входивший в свое время в состав "левой оппозиции", а с марта 1919 г. сочетавший не столь теперь обременительные обязанности народного комиссара финансов с обязанностями секретаря Центрального Комитета партии, подвергся немилости за упущения во второй своей ипостаси[228]. Вскоре после этого он был направлен с миссией в Германию, где получил назначение на пост советского посла, а вместо него во главе Наркомфина стал Сокольников. Старый член партии, возвратившийся с Лениным в Петроград в опечатанном вагоне, Сокольников был также человеком дела, который авторитетно и эффективно участвовал в ранних обсуждениях финансовой политики[229]. Теперь он энергично принялся за разработку финансовых аспектов НЭПа и прежде всего за создание стабильной валюты, превратив в течение нескольких лет Наркомфин в важный пункт консервативных или правых тенденций в советской политике. До того малоизвестный член партии, некто Шейман (бывший, как говорят, сыном банкира) стал директором Госбанка. Еще

более сенсационное назначение было сделано в начале 1922 г., когда бывший финансист и промышленник Кутлер, занимавший министерские посты в кабинете Витте и после 1905 г. вошедший в партию кадетов, был назначен в правление Госбанка. С этого момента и вплоть до своей смерти в 1924 г. Кутлер, несомненно, представлял собой влиятельную закулисную силу в Госбанке (а возможно, и в Наркомфине) и сыграл важную роль в стабилизации валюты[230]

Создание Госбанка стало началом кампании, которая, объявив достижение стабильной валюты своей основной, не терпящей отлагательств целью, была направлена на восстановление главнейших принципов "ортодоксального" капиталистического финансирования с Государственным банком в качестве центрального регулятора народного хозяйства. 20 ноября 1921 г. в Госбанке состоялось совещание, на котором был обсужден доклад комиссии по валютному вопросу и был принят ряд тезисов, которые еще полгода назад вызвали бы целую сенсацию. Они высказывались за свободные рынки, в поддержку легкой, а не тяжелой промышленности в качестве более реального источника скорейшего развития внутренней торговли, в поддержку модификации монополии внешней торговли, возобновления попыток получить иностранные займы и возможный возврат к золотой валюте[231]. Таковы были взгляды финансистов, и, хотя они получили поддержку Наркомфина, они были слишком далеко идущими, чтобы завоевать всеобщее признание в партии. В то же время партийная конференция в декабре 1921 г. провозгласила, что "восстановление денежного обращения на металлической основе (золото), первым шагом к которому является неуклонное проведение плана ограничения выпуска бумажных денег (эмиссии), должно стать руководящим принципом Советской власти в области финансов"[232]; причем эта программа была повторена в конце месяца на IX Всероссийском съезде Советов, где Каменев подчеркнул, что нельзя эффективно разрабатывать как хозяйственный план, так и государственный бюджет, до тех пор покуда деньги представляют собой просто "цветные бумажки"[233]. На XI съезде партии, состоявшемся в марте 1922 г., Сокольников детально обосновал необходимость новой финансовой политики, многозначительно указав на то, что это был первый случай, когда партийный съезд занимался вопросами финансов[234]; а Ленин в своем единственном выступлении посвятил довольно непоследовательный, но примечательный пассаж надвигавшемуся "финансовому кризису" и его воздействию на промышленность.

"Если он (т.е. кризис) будет слишком силен и тяжел, нам придется многое опять перестраивать и все силы бросить на одно. Если он будет не слишком тяжел, он может быть даже полезным: он почистит коммунистов из всяких гортрестов. Только надо будет не забыть это сделать. Финансовый кризис перетряхивает учреждения и предприятия, и негодные из них лопаются

прежде всего. Надо будет только не забыть, чтобы не свалили все это на то, что виноваты спецы, а что ответственные коммунисты очень хороши, боролись на фронтах и всегда хорошо работали. Так что если финансовый кризис не будет непомерно тяжел, то из него можно будет извлечь пользу и почистить не так, как чистят ЦКК или Центропроверком[235], а прочистить, как следует, всех ответственных коммунистов в хозучреждениях"[236].

Несомненно, в его панегирике был элемент преднамеренной гиперболы, выраженной языком ортодоксального капиталистического финансирования, в поддержку целительного эффекта финансового кризиса, равно как и в защиту специалистов в противовес коммунистам. Но отрывок, взятый из этого же выступления, где Ленин провозглашает конец "отступления", служит симптомом настроения партии в тот момент по финансовому вопросу. Съезд принял окончательное решение по данному вопросу, одобрив пространную резолюцию о финансовой политике, в которой выражалось стремление к "расширению сферы денежного обращения за счет сокращения натуральной части государственного хозяйства", говорилось о "сокращении и затем уничтожении бюджетного дефицита" и высказывалась необходимость "твердо установить, что наша экономическая и финансовая политика решительно ориентируется на восстановление золотого обеспечения денег"[237].

Лето 1922 г. стало свидетелем созревания этой политики. Бюджетные наметки на первые девять месяцев 1922 г., одобренные в декабре 1921 г. (впервые разработанные в довоенных рублях), предусматривали дефицит, равнявшийся лишь 40% планируемых расходов. Для сравнения: соответствующий процент для проблематических бюджетов 1920 и 1921 гг. составлял соответственно 86 и 84[238]. Предпринимались решительные усилия для сокращения расходов за счет уменьшения численности персонала в государственных учреждениях и снятия с бюджета все большего числа промышленных предприятий и их рабочих. Логическим следствием возврата к денежной экономике был переход от натурального к денежному налогообложению. Однако это изменение в примитивном крестьянском хозяйстве происходило очень медленно. Первый шаг был сделан в марте 1922 г., когда серия натуральных налогов, пришедших год назад на смену продразверстке, была сведена к единому натуральному налогу, исчисляемому в расчете на рожь[239]. Но натуральное налогообложение на сельскохозяйственные продукты продолжало существовать в течение всего 1922 г.: в конце года больше одной трети налогов было получено в этой форме[240]. В то же время начали разрабатываться новые источники получения денежного налога: в период между августом 1921 г. и февралем 1922 г. налогом были обложены вина, табак, спиртные напитки, пиво, спички, мед и минеральные воды. В январе 1922 г. в дополнение к решению рассчитывать бюджет в довоенных рублях был издан декрет, предписывавший исчислять все налоги в довоенных руб-

лях, а взимать в советских рублях, исходя из текущего валютного курса[241]. В феврале 1922 г. вышел подушный налог (так называемый "общегражданский налог"), предназначенный для районов, охваченных голодом[242], а осенью 1922 г. был проведен гораздо более значимый эксперимент в области подоходного налога с целью охвата заработков людей, принадлежавших к так называемым "свободным" профессиям (врачей, адвокатов, писателей и т.п.), а также нэпманов и высокооплачиваемых служащих государственных учреждений и промышленных трестов – всех тех, кого Сокольников назвал "элементами городской буржуазии и городской буржуазной и технической интеллигенции, которая составляет верхушку наших трестовских аппаратов"[243]. Благодаря всем этим средствам поступления от денежного налогообложения впервые образовали серьезную статью доходов в бюджете. Из всех правительственных доходов в первые девять месяцев 1922 г. только 10% было получено путем денежного налогообложения, а 60% – за счет выпуска банкнот. Несколько вдохновляющими, однако, могут быть цифры по месяцам, которые показывают, что в пропорциональном отношении доля поступлений от денежного налогообложения поднялась в периодс января по сентябрь с 1,8 до 14%, в то время как доля поступлений от выпуска банкнот сократилась с 90 до 56%[244]. К последнему кварталу 1922 г. Сокольников смог уже заявить, что треть всех поступлений была получена за счет денежного налогообложения, меньше трети – за счет выпуска банкнот и остальная часть – за счет натурального налога[245].

Летом 1922 г. был предпринят еще один экспериментальный шаг к восстановлению ортодоксального государственного финансирования. Советское правительство открыло подписку на свой первый государственный заем на общую сумму в 10 млн. пудов ржи. Были выпущены беспроцентные облигации достоинством 100 пудов, которые, однако, на рынке оценивались в 95 пудов и подлежали оплате по номиналу в период между 1 декабря 1922 г. и 31 января 1923 г. Взнос и выплата должны были производиться деньгами по рыночной стоимости ржи: заем обеспечивался вкладом в государственную казну на сумму 10 млн. золотых руб.[246] Живучесть предубеждения против государственных займов и скептицизм по поводу способности Советского правительства с успехом разместить таковое нашли свое отражение на сессии ВЦИК, которая одобрила заем: Сокольников привел пример из истории Французской революции, чтобы доказать, что невыполнение обязательств в прошлом не исключает возможности проведения займов[247]. В октябре 1922 г. Сокольников уже мог объявить об успехе займа: было приобретено 85% общего числа облигаций, выпущенных с этой целью, хотя побудительным моментом было право вносить за них плату по номиналу в счет выплаты натурального налога[248]. Вслед за этим был выпущен 6%-ный заем на 100 млн. золотых руб., целью которого было подготовить почву для стабилизации валюты[249]. Вероятно, этот

заем был реализован главным образом за счет государственных учреждений и государственных промышленных трестов. Однако его целью было также выкачать частные капиталы, накопленные при НЭПе, и поэтому власти при проведении подписки широко прибегали к оказанию морального давления[250]. Возврат к политике государственных займов и поощрение частных сбережений нашли свое дальнейшее проявление в возрождении государственных сберегательных касс, которое было одобрено Совнаркомом 26 декабря 1922 г.[251] Первые две сберегательные кассы открылись в феврале 1923 г. в Москве и Петрограде. Вклады рассчитывались согласно эквиваленту в золотых рублях и подлежали выплате по текущему курсу. По-видимому, вначале сберегательные кассы использовались скорее как средство гарантии против девальвации, чем как форма капиталовложения, однако они оказались эффективными для возрождения привычки и традиции. Согласно имеющимся данным, к октябрю 1923 г. уже насчитывалось 300 сберкасс с 60 тыс. вкладчиков, причем через полгода эти цифры увеличились более чем в 10 раз[252]. Объявление о проведении в феврале 1923 г. государственной лотереи стало еще одним свидетельством возврата к финансовым методам прошлого[253].

За восстановлением Государственного банка вполне естественно последовала попытка возродить всю банковскую систему. Подобно тому как первый шаг к созданию Государственного банка был продиктован необходимостью обеспечить источник кредитов для промышленности после прекращения прямого финансирования из государственной казны, так и первый важный шаг к возрождению этой системы последовал в начале 1922 г. со стороны ВСНХ как представителя промышленности и был решительно поддержан как Госпланом, так и новыми промышленными трестами. 1 сентября 1922 г. СТО одобрил проект банка для промышленности (Промбанка), имеющего полномочия выдавать промышленности как краткосрочные коммерческие кредиты, так и займы сроком на три года. Его вкладчиками были государственные учреждения, включая ВСНХ и заинтересованные народные комиссариаты, и государственные промышленные предприятия[254]. Первоначальным импульсом было, несомненно, обеспечить промышленности независимость от Государственного банка и от того, что считалось политикой "голодного пайка", проводимой финансовыми властями в отношении промышленности. Но Промбанк никогда не был достаточно мощным, чтобы освободиться от помочей Государственного банка и Наркомфина, и занял свое место в качестве одного из учреждений в прочно увязанной банковской системе. Тем временем в феврале 1922 г. кооперативы восстановили Банк потребительской кооперации (Покобанк), который в январе 1923 г. был преобразован во Всероссийский кооперативный банк (Всекобанк)[255]. В течение 1922 г. также увидели свет муниципальные банки для финансирования местных отраслей промыш-

ленности и местных правительственных проектов[256] и ассоциации взаимной помощи, предназначенные для удовлетворения потребностей мелких частных торговцев при НЭПе[257].

Финансовый прогресс НЭПа продолжал проявляться в быстром росте влияния Госбанка – храма новой финансовой ортодоксальности. Индекс цен, по которому Наркомфин рассчитывал обменный курс текущего в довоенный рубль, был подвергнут критическому анализу финансистов. В марте 1922 г. эта система была заменена в следующем месяце системой рубля, основывающейся на курсе, по которому Госбанк покупал золото, причем обменный курс теперь объявлялся ежемесячно не Наркомфином, а Госбанком: впредь все доходы и расходы должны были подсчитываться не в довоенных, а в золотых рублях[258]. Соответственно возрастал престиж золота как основы денег и Госбанка как его хранителя, при этом был сделан еще один шаг на пути к валютной реформе. После непродолжительного замедления инфляционного процесса летом 1921 г. все еще необузданные силы экономической нестабильности вновь взяли верх, и все попытки снизить темпы выпуска денежной массы были прекращены как бесполезные. Общая сумма денег в обращении возросла с 3500 млрд. на 1 сентября 1921 г. до 17 500 млрд. руб. на 1 января 1922 г. (если продолжать считать по курсу 1921 г.), на 1 мая она уже достигала 130 000 млрд., а к концу 1922 г. – немногим менее 2 квадриллионов руб.[259]

Похоже, что решение валютной проблемы на основе золота и под контролем Государственного банка прокладывало себе путь с непреодолимой силой, причем делалось это по моделям, сильно напоминающим западные. Раздавались аргументы (которые, правда, по прошествии времени оказались сомнительного и ограниченного достоинства) в пользу того, что развитие внешней торговли требует стабильной денежной единицы[260]. 25 июля 1922 г. Совнарком дал указание Госбанку начать выпуск банкнот в виде денежных единиц, называемых "червонцы", причем каждый червонец равнялся десяти золотым рублям; эта эмиссия обеспечивалась на 25% ценными металлами, а на 75% – краткосрочными облигациями и другими ликвидными активами[261]. После того как в очередном декрете от 11 октября 1922 г.[262] были даны более исчерпывающие инструкции, первый червонец появился на свет только в конце ноября того же года. После стольких лет финансовой анархии и неустойчивой валюты казалось непреодолимой притягательная сила стабильности. Оппозиция этому была незначительной и представляла собой, по меткой характеристике представителя Наркомфина во ВЦИК, "детскую болезнь левизны"[263]. Первоначальный выпуск был очень небольшим, и в течение долгого времени новый червонец служил не средством обмена, а скорее источником накопления ценностей или единицей расчета. На протяжении 15 месяцев стабильный, но в ограниченных количествах червонец циркулировал наравне с неограниченной и постоянно де-

вальвировавшейся рублевой массой. Основные сделки все более регулярно проводились на базе червонца; однако платежи продолжали осуществляться в рублях по текущему курсу.

Таким образом, в конце 1922 г. было достигнуто краткосрочное и в какой-то степени иллюзорное равновесие в финансовой, равно как и в хозяйственной политике. Импульс, приданный НЭПом и поддержанный хорошим урожаем 1922 г., открыл перспективу, правда, все еще отдаленную, достижения сбалансированного государственного бюджета и замены, если не возрождения, почти мертвого рубля. Однако эти амбиции, столь сильно противоречащие амбициям первых революционных лет, могли осуществляться только за счет жестоких ударов, наносимых по другим секторам экономики. Прежде чем они были осуществлены, пришлось преодолевать новый кризис 1923 г.

Глава 20

НАЧАЛО ПЛАНИРОВАНИЯ

Марксистский анализ, противопоставляющий неплановую, иррациональную капиталистическую экономику плановой, рациональной экономике будущего социалистического общества, мало что может, если вообще может что-либо сказать о процессе перехода одного к другому. Только Энгельс на склоне своих лет, комментируя один пассаж в Эрфуртской программе Социал-демократической партии Германии, в котором говорилось о "коренящемся в самом существе частного капиталистического производства отсутствии планомерности", многозначительно обронил фразу о том, что *акционерные общества* положили конец частному производству и что "если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только *частное производство*, но и *отсутствие планомерности*"[1]. Таким образом, рост планомерности заложен в самом капитализме и в постоянно увеличивающемся размере единицы капиталистического производства. Гильфердинг в своей книге "Финансовый капитал", опубликованной в 1909 г., продолжил этот анализ, показав, как в первые годы XX столетия основная часть промышленного капитала в ведущих капиталистических странах перешла в руки крупнейших банков, в результате чего промышленный капитал получил еще большую концентрацию в форме финансового капитала. Это удивительнейшим образом подтвердило традиционную социалистическую концепцию о том, что банковская система выступает основным рычагом контроля в организации промышленности, и, по-видимому, продемонстрировало, что капитализм сделал еще один шаг на пути, который, согласно марксистскому анализу, ведет к его конечному падению под воздействием социалистической революции. Ленинская работа "Империализм, как высшая стадия капитализма" является дальнейшим развитием этой темы[2].

Война 1914 г. послужила катализатором всех этих процессов. Подвергнув капиталистическую экономику основных воюющих государств интенсивной концентрации и централизованному планированию, она должна была, по мнению марксис-

тов, ускорить дезинтеграцию частного капитала и проложить путь к плановой экономике. Эти процессы были наиболее заметны в Германии, не столько потому, что страна оказалась подверженной наиболее сильнодействующим стрессам (в этом плане как Австро-Венгрия, так и Россия прошли одинаково серьезную проверку), сколько потому, что Германия до войны дальше продвинулась в этом направлении. В течение 1915 г. Ларин (бывший тогда еще известным меньшевиком) в Стокгольме написал примечательную серию статей для петроградского журнала "Вестник Европы" о германской военной экономике. Первая статья, опубликованная в апреле 1915 г., заканчивалась словами:

"Современная Германия дала миру образец централизованного руководства народным хозяйством как единой планомерно работающей машиной. Ключи от этой машины находятся в современной Германии в руках Сименса, Борзига, Гвиннера, Блейхредера – представителей крупнейших банков и крупнейших накоплений индустриального капитала в стране. Кто держит ключи от машины, тот и управляет ею по своему усмотрению; но принципиальный интерес доказательства на опыте громадной страны возможности построения такой единой машины в сложной обстановке современной культурной жизни остается и сохраняет все свое общественно-научное значение".

А четыре месяца спустя, после назначения Гильфердинга министром финансов, Ларин подытожил:

"Германское хозяйство идет к планомерно-организованному господству крупного капитала, осуществляемому кооперацией государства с крупными банками"[3].

Какие бы источники ни были в распоряжении Ленина, он наверняка должен был прочесть статьи Ларина; и, когда он после Февральской революции возвратился в Россию, контролируемая экономика Германии военного периода все больше и больше оказывала влияние на его экономическое мышление. Это была экономическая система, которую Ленин охарактеризовал как "государственно-монополистический капитализм" или просто "государственный капитализм" – эквивалент того, что в Германии называют "Planwirtschaft", по-французски "une économie dirigée" и по-английски "planning" ("планирование").

"*Принудительное синдицирование*, – писал он, – т. е. принудительное объединение в союзы под контролем государства, вот что капитализм подготовил, вот что в Германии осуществило государство юнкеров, вот что вполне будет осуществлено для Советов, для диктатуры пролетариата, вот что *даст нам "государственный аппарат"* и универсальный, и новейший, и небюрократический"[4].

Ленин подчеркнул, что не является социализмом то, "...что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и др.) называют "военным социализмом", на деле это есть военно-государственный монополистический капитализм...". Но достижение под воздей-

ствием войны этой стадии капитализма означало, что приближается социалистическая революция.

"Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, – никакое восстание не создает социализма, если он не созрел экономически, – а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка *социализма*, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*"[5].

Таким образом, планирование, под именем государственного капитализма, занимает главенствующее место в процессе перехода от капитализма к социализму. "Социализму, – как однажды парадоксально заметил Сорель, – нет больше нужды утруждать себя организацией промышленности, поскольку это делает капитализм"[6]. Внутри самого капитализма развивается элемент планирования в виде необходимого антидота его собственных анархических склонностей. Последняя стадия в эволюции капитализма становится первой ступенью в создании социализма. Исторически Фридрих Лист предшествовал Марксу как отец теории планирования; Ратенау, организовавший первое современное плановое хозяйство в Германии времен первой мировой войны, предшествовал Ленину, чей подход к проблеме планирования в Советской России сознательно основывался на немецких прецедентах. Но когда один меньшевистский писатель осенью 1917 г. предложил внедрить планирование в России, подразумевая, что "дело идет не о замене старого аппарата, а лишь о реформировании его...", Ленин, защищая концепцию "плана" (это слово было еще не так знакомо, чтобы употреблять его без кавычек), прояснил разницу между планированием, которое было последней линией обороны капиталистического порядка, и планированием, которому предстояло стать инструментом перехода к социализму.

"Пролетариат сделает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. *под контролем* рабочих организаций за выработку "плана", за проверку его, за отыскивание средств сэкономить труд централизацией...

Мы за централизм и за "план", но за централизм и за план *пролетарского государства*, пролетарского регулирования производства и распределения в интересах бедных, трудящихся и эксплуатируемых, *против* эксплуататоров"[7].

В этих различиях содержался зародыш идеи, высказанной Лениным через несколько месяцев после революции, о том, что история уже родила две половинки социализма: в Германии

осуществлены материальные, хозяйственный условия социализма в виде монополистического капитализма, а в России – политические его условия в виде диктатуры пролетариата[8].

Фундаментальная дилемма большевистской революции (попытка построить социалистическое общество в экономически отсталой стране) двумя различными путями отразилась на вопросе планирования. С одной стороны, нищета России, скудность капитальных ресурсов, низкая производительность промышленности с самого начала благоприятствовали росту государственного капитализма за счет частного капитализма. Промышленность в России строилась главным образом при посредстве правительственных акций в интересах государства и усиления его мощи; находясь в зависимости от государства как непосредственно (в качестве клиента), так и косвенно (через крупные банки), она никогда не теряла в конечном счете своего государственного и полувоенного характера. Крупные частные предприниматели, представлявшие внушительный источник оппозиции планированию в западных странах, практически не существовали в России[9], и более высокая степень концентрации, превалирующая в ведущих отраслях промышленности, упрощала с тактической точки зрения вмешательство государства. Если во время первой мировой войны планирование не достигло большого прогресса в России, то это скорее объясняется отсутствием способности и инициативы, столь блистательно продемонстрированным русскими государственными службами, чем неготовностью хозяйства к централизованному управлению.

С другой стороны, отсутствие сколько-нибудь широко развитого частного капитализма в России (хотя это и способствовало как-то подходам к планированию) столкнуло советских плановиков с несколькими серьезными препятствиями. Оно вынудило их действовать в условиях острого материального дефицита, что сопровождало режим планирования серьезными трудностями. Они были лишены источников поступления квалифицированного персонала и организации, которые требовались для эффективного планирования. Даже то ограниченное число русских буржуазных специалистов всех видов, экономистов и технологов в первые годы Советской власти бойкотировало ее, а она в свою очередь бойкотировала их; и только после того, как в 1920–1921 гг. было достигнуто относительное примирение, стало возможным всерьез говорить о планировании. Наиболее важным проявлением отсталости российской экономики было засилье примитивного крестьянского сельского хозяйства – форма хозяйствования, меньше, чем любые другие формы, подвластная плановым началам. Следовательно, планирование в России неизбежно началось с попытки внедрить в экономику новый баланс за счет развития промышленности и стало одним из инцидентов в вековой борьбе между городом и деревней. В конце последней своей опубликованной в марте

1923 г. статьи Ленин писал о необходимости "...пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой... на лошадь крупной машинной индустрии", он охарактеризовал это как "...общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии..."[10]. Существовавшие в России условия превратили это с самого начала и на многие годы вперед в основу основ советского планирования.

Принцип планирования, заложенный в марксисткой концепции социалистической экономики, получил осторожное благословение Ленина накануне Октябрьской революции. Первая экспериментальная попытка на деле осуществить этот принцип была предпринята после достижения Брест-Литовского мирного договора, когда в течение какого-то времени казалось, что открылся путь для восстановления хозяйства. Именно в этот период Ленин начал понимать значимость и новизну этой задачи.

"Знание социализма у нас есть, но знания организации в масштабе миллионном, знания организации и распределения продуктов и т. д., – этого у нас нет. Этому старые большевистские руководители не учили нас... В большевистских книжках про это еще не написано, да и в меньшевистских книжках ничего не сказано"[11].

Несколько недель спустя он добавил более пространное объяснение:

"Все, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по какой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспроприированы. Это было установлено с научной точностью. И мы это знали, когда мы брали в свои руки знамя социализма, когда мы объявляли себя социалистами, когда основывали социалистические партии, когда мы преобразовывали общество. Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания..."[12].

Узнав о том, что Академия наук начала систематическое изучение и обследование естественных производительных сил страны[13], он предложил, чтобы ВСНХ образовал комиссию из специалистов для составления "плана реорганизации промышленности и экономического подъема России", включая размещение промышленности, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях и электрификацию транспорта и применение электричества к земледелию[14].

Примерно в это же время он стремился к "положительной или созидательной работе наложения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей"[15].

Тем временем вновь созданный ВСНХ предпринял первую экспериментальную попытку подхода к проблемам "планирования", правда, не под этим названием, а в виде "общественных работ". На одном из совещаний в марте 1918 г. Ларин перечислил три наиболее горящих объекта общественных работ, которые подлежат осуществлению: развитие Кузнецкого угольного бассейна, электрификация промышленности Петрограда и ирригационные работы в Туркестане для полива земель под хлопковые плантации[16]. Примерно в то же самое время ВСНХ образовал Комитет государственных сооружений, председатель которого – Павлович выступил с пространным докладом на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в мае 1918 г. Его целью было ни много ни мало, как полное использование природных ресурсов России. Было предложено разработать проекты для строительства железных дорог, каналов и автомагистралей, электростанций, элеваторов и холодильников, для регулирования и использования гидроэнергии, для ирригации и мелиорации земель. Павлович был готов с одинаковой точностью рассказать о масштабах деятельности и функциях своей организации:

"При своем образовании Комитет государственных сооружений поставил прежде всего перед собой две задачи: во-первых, разработку общего плана строительных работ для всей России, и, во-вторых, – достижение объединения всех строительных операций государственного значения в одном ведомстве...

Задачи строительства должны быть отняты у комиссариатов и должны быть переданы особому органу, который бы строил, руководясь общими заданиями и целями, считаясь и с международной политикой и с внутренней политикой страны".

Вероятно, можно объяснить наличием здравого смысла у большинства делегатов тот факт, что съезд проголосовал за то, чтобы воздержаться от дебатов по этому докладу, и явно не принял никакой резолюции в этой связи[17]. В сентябре 1918 г. ВСНХ объявил о том, что перешел от "организации управления к организации производства", и указал всем главкам и центрам "приступить к составлению производственных программ на предстоящий операционный год"[18]. В том же месяце он образовал при Комитете общественных работ секцию по электротехническому строительству[19]. Но по мере того, как реальности гражданской войны[20] становились все более угрожающими, такие грандиозные проекты могли оставаться лишь на бумаге. Комитет общественных работ отошел на задний план, и было что-то из области нереального, когда Ларин на II Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в декабре 1918 г. жаловал-

ся на то, что президиум не решает "общих вопросов хозяйства" и уделяет свое время и внимание исключительно "текущим делам"[21]. Съезд все еще выражал надежду на возможность "построения единого хозяйственного плана в 1919 г."[22] Новая Программа партии, принятая на ее VIII съезде в марте 1919 г., содержала требование о "максимальном объединении всей хозяйственной деятельности страны по одному общегосударственному плану"[23]. Но это оставалось пока что благим пожеланием. После того как ВСНХ без лишних слов отказался от попыток контролировать все поле деятельности хозяйственной политики, ни один орган не взял на себя эти функции. А те плановые начала, которые находили себе применение, фактически сводились к довольно примитивным попыткам организовать национализированные промышленные предприятия. Хозяйственная деятельность направлялась исключительно на то, чтобы любыми путями добыть и в повседневных почти безнадежных потугах выполнить задачу по снабжению Красной Армии в гражданской войне.

Лишь в начале 1920 г., когда были отбиты наступления Колчака и Деникина и война казалась почти законченной, можно было вновь подумать о работе по хозяйственному восстановлению. Тогда начали формироваться две различных концепции планирования, и планирование медленно развивалось по двум параллельным, а иногда и противоположным направлениям. Согласно первой концепции, план являлся в общих чертах определенной долгосрочной хозяйственной политикой, а главной составляющей планирования выступал некий центральный орган, отвечавший за формулирование общей хозяйственной политики ("плана") и за руководство комиссариатами, занятыми повседневным осуществлением хозяйственной политики. Согласно второй концепции, план – это проект или серия проектов, хотя и разработанных в общем для обеспечения повышения производительности и восстановления народного хозяйства в целом, но содержащих специфические и подробные предложения о проведении определенного объема работ в определенный период. Первая концепция носила общий, а вторая – специфический характер, но ни одна из них даже отдаленно не напоминала возникшую точку зрения о том, что план – это всеобъемлющий и детально разработанный бюджет всего национального хозяйства.

Первая точка зрения подразумевала в качестве основы основ создание единого центрального хозяйственного органа. Опыт гражданской войны показал практическую необходимость существования центрального ведомства, достаточно мощного, чтобы диктовать свою волю существующим хозяйственным органам правительства и направлять хозяйственную политику в свете кампании о едином плане. Осенью 1918 г. центр хозяйственной сцены занимали отдел по военным заготовкам ВСНХ с подотделами при губернских и местных совнархозах и чрезвы-

чайная комиссия по снабжению Красной Армии во главе с Красиным[24]. Однако эти находящиеся в подчинении органы были явно не в состоянии осуществлять функции управления и контроля. Решением долгосрочного значения оказалось постановление ВЦИК от 30 ноября 1918 г. о создании Совета рабочей и крестьянской обороны, облеченного всей полнотой власти для "мобилизации сил и средств страны в интересах обороны". Его председателем был Ленин, а среди его членов – Троцкий в качестве народного комиссара по военным делам и председателя Революционного военного совета, Красин – как председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии и Сталин – как представитель ВЦИК[25]. В результате вновь созданный Совет очень скоро стал высшим авторитетом во всех вопросах, кроме военных. До тех пор пока продолжалась гражданская война, он сохранял статус специального органа, занятого преодолением чрезвычайного положения, не посягал на постоянные прерогативы ВСНХ и не вмешивался в вопросы планирования, если не говорить о повседневном значении этого термина. Такое положение дел сохранялось в течение всего 1919 г. III Всероссийский съезд Советов народного хозяйства в январе 1920 г. принял обычную, шаблонную резолюцию в пользу "единого хозяйственного плана" и "согласования производительных программ всех отраслей промышленности в соответствии с материальными ресурсами республики" и даже принял решение создать при ВСНХ "постоянную центральную производственную комиссию"[26]. Но когда весной 1920 г. стало казаться, что гражданская война заканчивается, вопрос о планировании впервые приобрел острую форму в виде открытого соперничества между ВСНХ и Советом рабочей и крестьянской обороны.

Именно на IX съезде партии в марте 1920 г. Троцкий впервые выступил в роли поборника планирования. Как человеку, вплотную занимавшемуся в то время мобилизацией для промышленности трудовых ресурсов, высвободившихся в результате окончания гражданской войны, ему было поручено выступить с докладом "О текущих задачах хозяйственного строительства". В представленной им резолюции содержалась одна фраза, которой не было в его проекте, но которая была вставлена в результате его обсуждения в Центральном Комитете. В ней подчеркивалась необходимость проведения *"единого хозяйственного плана,* рассчитанного на ближайшую историческую эпоху"[27]. Этот проект отличался от предыдущих расплывчатых пожеланий тем, что подразумевал "ряд последовательных, друг друга обусловливающих коренных задач", на которые распадается план. Троцкий в своем докладе доказывал, что мобилизация трудовых ресурсов "может иметь смысл только в том случае, если у нас есть аппарат правильного хозяйственного применения рабочей силы на основании единого, охватывающего всю страну, все отрасли хозяйства хозяйственного плана", и что основная цель плана должна быть не в том, чтобы дать немед-

ленные блага, а в том, чтобы "подготовить условия для производства средств производства". Он продолжал:

"Но в то же время нет еще и того единого хозяйственного плана, который заменяет стихийную работу законов конкуренции. Отсюда затруднение В.С.Н.Х. Он дает определенный хозяйственный план. Этот план продиктован централистическими взглядами на хозяйственные задачи. Но план на самом деле осуществляется на месте в размере 5–10%"[28].

В силу своих военных обязанностей Троцкий был тесно связан с Советом рабочей и крестьянской обороны, и Рыков с Милютиным вполне справедливо усмотрели в этих новых и радикальных предложениях угрозу амбициям ВСНХ. Рыков нападал на "план" Троцкого за то, что он составлен "слишком абстрактно и оторванно от жизни", и добавил, что "если нам создавать машиностроение для обеспечения всей нашей промышленности, то для этого понадобятся десятки лет". Однако Рыкова в свою очередь резко одернул Ленин, заявивший, что "...попытка ВСНХ устроиться в каком-то отдельном блоке экономических комиссариатов... вызвала отрицательное отношение..." ЦК[29]. В резолюции, принятой съездом, поручалось Центральному Комитету в ближайшее время разработать систему "организационной связи между ВСНХ и другими, непосредственно связанными с хозяйством комиссариатами... с целью обеспечения полного единства в проведении хозяйственного плана, утвержденного съездом партии"[30]. Резолюция развеяла претензии ВСНХ, твердо поставив его в один ряд с "другими комиссариатами", и подчеркнула, что "организационная связь" будет найдена где-то в другом месте. Сразу же после съезда Совет рабочей и крестьянской обороны воспрял духом. Демобилизация и применение рабочей силы, являясь решающим хозяйственным вопросом создавшегося момента, продиктовали необходимость переименовать его в Совет труда и обороны (СТО)[31]; и в этом новом обличье он постепенно превратился в постоянную центральную фигуру в хозяйственном ландшафте, в арбитра экономической политики и будущего авторитета в вопросах планирования. Однако возобновление войны летом 1920 г. вновь отодвинуло "единый хозяйственный план" на задний план и отложило решение вопроса о полномочиях.

Тем временем альтернативный подход к планированию через решение специфических проблем начал выдвигаться на передний план, и на свет появился еще один орган, которому было суждено сыграть выдающуюся роль в истории советского планирования. В апреле 1918 г. Ленин между делом написал об электрификации транспорта и земледелия как о дезидератах в долгосрочном плане для экономики России[32]. В феврале 1920 г., когда планирование вновь стало актуальным вопросом, Ленин в своем выступлении перед членами ВЦИК вновь "остановился на вопросе об электрификации деревни, связывая ее таким путем с городом"[33]. В конце сессии ВЦИК принял решение, что

настал момент "приступить к более планомерному хозяйственному строительству, к научной выработке и последовательному проведению в жизнь государственного плана всего народного хозяйства". Принимая во внимание "первенствующее значение" электрификации для промышленности, земледелия и транспорта, он поручил ВСНХ разработать проект постройки "сети электрических станций" и создать Государственную комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО)[34]. В состав комиссии входило свыше 100 человек, среди которых было много буржуазных специалистов. Председателем комиссии был назначен старый большевик Кржижановский[35].

Проект начал приобретать особую привлекательность для самого Ленина, который, снедаемый нетерпением, писал Кржижановскому о том, что необходимо как можно шире рассказать о работе комиссии[36].

IX съезд партии, на котором Ленин резко осадил Рыкова и сделал язвительное замечание по поводу претензий ВСНХ, полностью одобрил специфический подход к планированию: вновь подтвердив требование о проведении "*единого хозяйственного плана,* рассчитанного на ближайшую историческую эпоху", он добавил, что план "естественно распадается на ряд последовательных, друг друга обусловливающих коренных задач". Среди них были улучшение состояния транспорта и машиностроение. Технической основой всего плана была "разработка плана электрификации народного хозяйства", включающего "электрификацию промышленности, транспорта и земледелия"[37]. Ленин по-прежнему связывал электрификацию с решающей проблемой земледелия. В тезисах по аграрному вопросу, подготовленных для II конгресса Коминтерна летом 1920 г. и одобренных им, Ленин подчеркивал необходимость реорганизовать "всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего хозяйства основанной) технической базы": только это даст возможность такой помощи, оказываемой городом "...отсталой и распыленной деревне" для повышения производительности сельскохозяйственного труда[38]. Возрождение промышленности и земледелия, заявил он на Всероссийском съезде коммунистической молодежи, возможно лишь на основе электричества, на "последнем слове" современной науки[39]. В 1919 г. один немецкий профессор-социалист опубликовал работу, в которой подсчитал, что все хозяйство Германии может быть электрифицировано в три-четыре года. Эта книжка была в спешном порядке переведена на русский язык[40], и Ленин имел в виду эти расчеты, когда заявил на московской партийной конференции в ноябре 1920 г., что потребуется не менее 10 лет для осуществления плана электрификации России. Именно на этой конференции Ленин создал афоризм: "Коммунизм есть Советская власть плюс элетрификация всей страны..."[41]. Это была перефразированная версия старого софизма о том, что одна половинка

социализма осуществляется в России, а вторая – в Германии; электрификации суждено было создать условия, которые до сих пор отсутствовали в России, для перехода к социализму[42].

1920 г. стал также свидетелем еще одного специфического "плана", который, хотя и не столь далеко идущий, как ленинский план электрификации, дал более скорые результаты. В резолюции IX съезда партии говорилось об улучшении состояния транспорта как одной из коренных задач планирования[43]. Сразу же после съезда была создана транспортная комиссия во главе с Троцким, состоявшая из представителей народного комиссариата путей сообщения (Наркомпути) и ВСНХ (как отвечавшего за железнодорожное строительство и ремонтные мастерские), которая в мае 1920 г. издала свой знаменитый "Приказ № 1042". Приказ представлял собой подробный план восстановления паровозного парка до нормального состояния к концу 1924 г. Благодаря импульсу, приданному нуждами войны с Польшей и организацией "ударного" труда, работа продвигалась столь успешно, что, когда Троцкий в конечном счете докладывал об этом на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. (к тому времени к этому плану добавился план по восстановлению и строительству вагонов), он с полным основанием смог объявить, что первоначальный пятилетний план может быть выполнен за три с половиной года[44]. Этот успех сразу же способствовал росту популярности планирования. Там, где прокладывали путь Ленин и Троцкий, тотчас же находились подражатели. Это был период, когда, выражаясь словами Милютина, было множество "широких хозяйственных планов".

"Вопросы электрификации, вопросы нового строительства, вопросы увеличения добычи топлива, заготовки сырья, установления повышенных норм выработки и пр. явились наиболее серьезными и важными захватывающими вопросами, на разрешении которых были сконцентрированы лучшие силы Советской России"[45].

Даже осторожный Рыков[46] обнародовал несколько оптимистических оценок, скорее всего подготовленных в ВСНХ, согласно которым производство древесины в 1921 г. должно возрасти с 10 до 19 млн. куб. саженей, угля – с 431 до 718 млн. пудов, нефти – с 71 до 298 млн. пудов, сахара – с 7,5 до 25 млн. пудов, хлопчатобумажного текстиля – от 135 до 780 млн. аршин и т. д. Наиболее скромным в этом списке был пункт о расчетном увеличении производства электроэнергии со 180 до 244 млн. киловатт. Возможно, на расчеты статистиков ВСНХ оказало свое влияние завистливое отношение к плану Кржижановского[47].

Следовательно, когда VIII Всероссийский съезд Советов (единственный важный форум, состоявшийся в период между окончанием гражданской войны и введением НЭПа) открылся в декабре 1920 г., идея планирования носилась в воздухе. Правда, этому термину придавались различные и до некоторой степени

даже противоречивые значения. Делегаты съезда были настроены дать благословение всем им. Съезд оценил план электрификации "как первый шаг великого хозяйственного начинания" и поручил всем связанным с этим органам "завершить разработку этого плана" в кратчайший срок. Он одобрил доклад Троцкого и придал "большое значение выработке единого эксплуатационного транспортного плана". Он подтвердил статус и функции СТО, который действует на правах Комиссии Совнаркома, состоящей из ведущих народных комиссаров, представителя ВЦСПС и управляющего Центральным статистическим управлением (с совещательным голосом). Среди прочих своих функций СТО "устанавливает единый хозяйственный план Российской Социалистической Федеративной Советской Республики... направляет работу экономических Народных Комиссариатов сообразно этому плану, наблюдает за его осуществлением и устанавливает в случае необходимости изъятия из этого плана"[48]. Впервые в РСФСР появился общий плановый орган с четко обозначенными функциями.

Ленин, будучи глубоко привязан к плану электрификации, без особого энтузиазма воспринял концепцию всеобщего плана. На съезде он повторил афоризм, что "коммунизм есть Советская власть плюс электрификация...", и добавил еще один: "план электрификации..." "это – наша вторая программа партии"[49]. С другой стороны, он сделал все возможное, чтобы раскритиковать брошюру хорошо известного старого большевика Гусева, который предложил на обсуждение "размашистый план образования Совета Труда и Обороны с переходом туда многих видных работников, в том числе мы находим тут имена Троцкого и Рыкова"[50]. Хотя Ленин, казалось, полагал, что он подрезал крылья СТО, настояв на его статусе в качестве простой комиссии при Совнаркоме, тот факт, что Ленин как председатель Совнаркома был его председателем, а Троцкий, Рыков и другие ведущие народные комиссары – его членами, поставил его, без всякого сомнения, в положение высшего хозяйственного органа; существование же такого органа открыло гораздо более широкие возможности всеобъемлющего планирования, чем существовавшие при ВСНХ. Ленин, однако, по-прежнему относился к этому недоверчиво. В своей статье "Об едином хозяйственном плане" в "Правде" за 22 февраля 1921 г. он в несвойственном ему раздражительном тоне напал на Крицмана, Милютина и Ларина, назвав всех поименно, за их статьи по планированию, которые он охарактеризовал как "пустейшее говорение" и "скучнейшую схоластику... то литераторскую, то бюрократическую". "Единственная серьезная работа по вопросу об едином хозяйственном плане" – это план электрификации (ГОЭЛРО), и любая идея плановой комиссии, кроме ГОЭЛРО, является "самомнением невежества"[51]. Правда, несмотря на эту решительную статью, Ленину было нанесено нечто подобное поражению в Совнаркоме, который в тот же день, когда появилась статья,

принял решение о создании Государственной общеплановой комиссии при СТО[52]. В качестве компенсации Ленин убедил Центральный Комитет партии назначить Кржижановского председателем этой комиссии, таким образом добившись преемственности в работе ГОЭЛРО, которая должна была работать как подкомиссия нового органа. Однако ему не удалось исключить Ларина, которого он теперь считал главным противником практического и точного планирования, как Ленин это понимал, и в письме Кржижановскому он высказал озабоченность тем, какими путями и методами нейтрализовать его вредоносное влияние[53]. При таких довольно неблагоприятных обстоятельствах рождалась Государственная общеплановая комиссия, известная с тех пор как Госплан.

Жестокие споры X съезда партии и введение НЭПа отодвинули дебаты о планировании на задний план. В апреле 1921 г. Госплан приступил к работе. Штат состоял из 34 служащих, большинство из которых были "учеными специалистами и профессорами, чьи имена пользовались заслуженной репутацией в результате их специализированной работы"; только семеро из них были членами партии. Специалисты, работавшие в Госплане, получали ежемесячную заработную плату в один миллион рублей, пайки наивысшей категории и одежду для себя и членов своих семей наряду с бесплатным проездом и преимуществами пользования железнодорожным транспортом на тех же условиях, что и члены ВЦИК[54]. Плановые комиссии были также открыты при ВСНХ и ведущих народных комиссариатах, с тем чтобы Госплан мог действовать через них при решении определенных вопросов[55]. Теперь Ленин успокоился. Он говорил Кржижановскому: "Когда я имел перед собой коммунистических "умников", кои... болтали... "о плане вообще"... я должен был носом тыкать в книгу "План электрификации". Когда я имею перед собой *писавших* эту книгу людей, я бы стал носом тыкать их не в эту книгу, а от нее – в вопросы текущих хозяйственных планов"[56]. В мае 1921 г. он вновь написал Кржижановскому о деталях работы Госплана и выразил надежду, что он сможет "выработать, хотя бы ко времени сбора урожая, основы общегосударственного хозяйственного плана на ближайший период, год или два", несмотря на то что все еще слышны жалобы на "бюрократические утопии"[57]. Однако не кто иной, как Троцкий, выступил в это время в качестве одного из самых влиятельных адвокатов планирования. 7 августа 1921 г., когда НЭП впервые начал внедряться в промышленности, Троцкий направил в Центральный Комитет партии памятную записку, протестуя против "противоречивых зигзагов" недавней политики и требуя создания "центрального хозяйственного органа" и автономного Госплана, реорганизованного на основе крупной промышленности[58]. В результате два дня спустя появился декрет, который, хотя и не представив Госплану формальной автономии, наделил его полномочиями (под контролем СТО. –

Ред.) устанавливать "единый хозяйственный план, охватывающий всю Россию", равно как и согласовывать "планы экономических Комиссариатов", а также наблюдать "за выполнением хозяйственного плана как в целом, так и в его частях"[59]. Тем временем ГОЭЛРО удобно устроилась в качестве подкомиссии Госплана. В октябре 1921 г. в Москве с участием 1000 делегатов состоялся Всероссийский электротехнический съезд[60], который одобрил работу ГОЭЛРО[61]. Два месяца спустя Ленин сообщил IX Всероссийскому съезду Советов, что за два последних года была открыта 221 электростанция мощностью 12 тыс. киловатт и что в начале 1922 г. откроются еще две крупные электростанции: одна в Подмосковье и другая под Петроградом[62].

Сколь впечатляющими ни были эти достижения, логическим последствием НЭПа было то, что планирование было отодвинуто на второе место. Хотя IX Всероссийский съезд Советов в декабре 1921 г. одобрил прогресс, достигнутый и обещанный в области электрификации, и обсудил "топливный план", за который ответственным был назван Смилга[63], он ни словом тем не менее не обмолвился о "едином хозяйственном плане"[64], причем это упущение не было восполнено на XI партийном съезде в марте следующего года. Однако именно на этом съезде Ленин объявил об окончании "отступления", начатого НЭПом. Существенным было то, что советское планирование должно было направляться на усиление роли промышленности в народном хозяйстве; в этом смысле оно служило инструментом в борьбе промышленного пролетариата против засилья крестьянства, социализма – против мелкого капитализма[65]. Поскольку НЭП представлял собой отступление к капитализму и уступку крестьянству, любая реакция против него или мнение о том, что он зашел достаточно далеко, должны были вероятнее всего найти свое выражение в предании особого значения планированию. Это новое противопоставление противоположностей начало проявляться в 1922 г., с развитием промышленного кризиса. Выражаясь языком советской бюрократии, это нашло выражение в остром соперничестве между Госпланом, выступавшим теперь главным защитником промышленности, и Наркомфином, наиболее влиятельным из всех органов, заинтересованных в доведении НЭПа до своего логического завершения. Среди руководителей второго эшелона Преображенский, Ларин и Крицман (самые ярые защитники военного коммунизма) подняли голос против "ослабления планового хозяйства" при НЭПе; не далее как в марте 1922 г. Ларин объяснял промышленный кризис этим фактором[66]. В тесном кругу партийного руководства существовало острое нежелание занять четкую позицию по этому вопросу. Однако Троцкий продолжал все энергичнее настаивать на том, что центральный план и развитие промышленности являются жизненно необходимыми. Кампания по усилению Госплана продолжалась с небольшими перерывами в течение всего 1922 г., и 8 июня очередной декрет

уточнил его функции и полномочия: в его функции входила подготовка как долгосрочного плана (перспективного плана), так и текущего плана производства (эксплуатационного плана), кроме того, соответствующие комиссариаты при подготовке проектов важных хозяйственных и финансовых декретов, представляемых ими в Совнарком или СТО, должны были консультироваться с Госпланом[67]. Но, вообще говоря, Ленин как до своего первого паралича в мае того же года, так и после возвращения к своим обязанностям осенью выступал против любого существенного увеличения полномочий Госплана, и эта идея не имела других сторонников в Политбюро. Осенью наступление Троцкого вылилось в два конкретных предложения: о предании законодательных функций Госплану и о том, чтобы председателем Госплана был назначен заместитель председателя Совнаркома. 27 декабря 1922 г. Ленин, будучи прикованным к постели, продиктовал записку в Политбюро, в которой он объявил о том, что, пересмотрев свое отношение к первому предложению, поддерживает его, но против второго предложения. Он согласился в принципе с мнением Троцкого о необходимости всестороннего планирования, но по-прежнему считал, что во главе Госплана должен стоять человек "научно-образованный... по технической... линии", и выступил в поддержку объединения Кржижановского в качестве председателя Госплана с Пятаковым в качестве его заместителя[68]. Но после того, как Ленин окончательно сошел со сцены, Троцкий оказался в полном одиночестве в верхнем эшелоне партийной иерархии. Его требование опубликовать записку Ленина было отвергнуто Политбюро, и вопрос о реформе Госплана вновь попал в долгий ящик[69].

В посвященном планированию разделе резолюции о промышленности, принятой XII съездом партии в апреле 1923 г., резюмируется создавшееся к тому моменту положение и ясно прослеживаются свидетельства непростого перемирия между соперничающими лидерами по фундаментальным вопросам хозяйственной политики[70]. Любая формулировка, которая принималась в позитивном изложении позиции Троцкого, сопровождалась соответствующим выражением предосторожности и скептицизма со стороны его коллег в Политбюро. Хотя целью был "действительный социалистический хозяйственный план, объемлющий все отрасли промышленности в их отношении друг к другу и взаимоотношения всей промышленности в целом с сельским хозяйством", достижение этой цели было возможно "только в результате длительного подготовительного хозяйственного опыта", а посему на ближайший период программа имела "общедирективный и в значительной мере подготовительный характер". Точка зрения Троцкого о Госплане нашла свое отражение в следующем параграфе резолюции, проект которого мог быть подготовлен только им:

"Совершенно очевидно, что основное планирование промышленности не может быть достигнуто внутри самой промыш-

ленности, т.е. одними лишь усилиями ее руководящего административного органа – ВСНХ, а должно составлять задачу особого планового органа, стоящего над организацией промышленности и связывающего эту последнюю с финансами, транспортом и пр. Таким органом является по положению своему Госплан".

Но за этим следовал отказ наделить "теми или другими административными правами" Госплан, который в тех случаях, когда требуется принудительная сила, должен действовать через комиссариаты или через СТО или Совнарком[71]. Троцкому все еще не удавалось осуществить свои амбиции в создании независимого и авторитетного планового органа.

Еще более характерным, чем эта компромиссная резолюция, было подтверждение на съезде позиций соответственно Троцкого и Зиновьева, хотя их заявления были сделаны независимо, на различных этапах работы съезда, и при этом старательно избегались любые прямые столкновения точек зрения. Зиновьев в своем первом докладе о работе Центрального Комитета, игнорируя существенное изменение в позиции Ленина в отношении планирования, происшедшее за последние два года, и взгляды, изложенные в его неопубликованной записке в декабре 1922 г., процитировал ленинскую статью за февраль 1921 г. "Об едином хозяйственном плане", в которой, критикуя фантазии Крицмана, Милютина и Ларина в области планирования, Ленин назвал план электрификации единственной серьезной работой по вопросу планирования, а ГОЭЛРО – единственным эффективным плановым органом. Мораль, которую Зиновьев вынес из этого, была очевидна: всячески превозносить отдельные "планы" и умерить пыл Троцкого, выступавшего за всеобъемлющее планирование и верховенство Госплана[72]. Троцкий пошел дальше. При капиталистическом хозяйстве план есть, но в рамках отдельного предприятия, треста, однако не существует единого хозяйственного плана: он заменяется "рынком, свободной игрой сил, конкуренцией, спросом, предложением, кризисами и пр., и пр.". Именно потому, что социализм означает преодоление рынка и рыночных явлений, планирование является сущностью социализма. Текущий кризис в промышленности настоятельно диктует внедрение планирования: "Если бы мы обрекли тяжелую промышленность свободной игре рынка, она села бы на мель..." Он попытался (это был наиболее сложный момент в его выступлении) определить свое отношение к НЭПу. Он также использовал лозунг, выдвинутый Лениным два года назад, но не для того, чтобы возвеличить его, а как-то квалифицировать этот лозунг. "Новая экономическая политика, – повторил теперь Троцкий, – нами установлена всерьез и надолго, но не навсегда"; она принята для того, "чтобы на ее основе и в значительной мере ее же методами победить ее". "Другими словами, наши успехи на основе новой экономической политики автоматически приближают ее ликвидацию..."[73] В заключение своего пространного выступления он оха-

рактеризовал предстоящий период как стадию *"первоначального социалистического накопления"* – своего рода дополнение выражения Маркса "первоначальное капиталистическое накопление"[74]; достижению этого накопления (подразумевалось, но не было сказано Троцким) и должен главным образом служить план. Не первый раз Троцкий думал на много ходов вперед по сравнению со своими коллегами и поднимал вопросы, для решения которых еще не пришло время. И не впервые, поступая таким образом, он, похоже, примеривался в качестве лидера партии. Весной 1923 г. никто не собирался выступать против необходимости планирования; возможно, мало кто понимал это. Те разделы из выступления Троцкого, которые затрагивали планирование, меньше всего подвергались критике во время последующих дискуссий; в комиссии раздел о планировании в резолюции, принятой съездом, был единственным, прошедшим без единой поправки[75]. Никто не оспаривал (да и действительно, кто из марксистов мог оспаривать?) принцип плановости. Однако абстрактным калькуляциям и абстрактным проектам, которые занимали в это время внимание экспертов из Госплана, не разрешалось вторгаться в политику. Госплан продолжал действовать и экспериментировать в вакууме. Потребовалось еще два или три года подготовительной работы, прежде чем он стал эффективным инструментом в руках плановиков, а еще позднее вопрос планирования вышел наконец на сцену жестокой борьбы за власть.

ПРИЛОЖЕНИЯ

МАРКС, ЭНГЕЛЬС И КРЕСТЬЯНИН

Отношение Маркса и марксистов к крестьянству является предметом огромного числа дискуссий и недоразумений. Сутью марксизма являлся анализ перехода от капитализма к социализму. Капитализм был созданием буржуазии – правящего класса капиталистического общества; социалистическая революция, которая первоначально должна была стать работой пролетариата, должна возвестить приход нового общества, в котором все классы сольются воедино и в конечном счете отомрут. Крестьянство как класс выступало, с одной стороны, как характерная социальная форма феодального общества и не принадлежало ни к миру буржуазного капитализма, ни к миру пролетарского социализма. Когда Маркс в первом томе "Капитала" приступил к анализу капиталистического порядка, используя то, что принято называть абстрактной моделью, а не картину какого-либо существующего общества, он не нашел места для крестьянина или мелкого ремесленника: эти слои не были типичны для капитализма, а представляли собой случайные остатки устаревшего или устаревающего общественного порядка.

Именно благодаря в значительной мере этой точке зрения крестьянство, носящее клеймо феодального происхождения, представлялось в качестве отсталого элемента в современном обществе – отсталого не только по отношению к капиталистической буржуазии, но и тем более в отношении пролетариата. Отсюда следовало, что там, где капитализм был более всего развит, – там крестьянство как класс находилось в упадке. В "Манифесте Коммунистической партии" Маркс, мысля главным образом категориями Западной Европы, считал, что крестьянство, подобно другим мелкобуржуазным группам (он смешал в одну кучу "мелкого промышленника, мелкого торговца, ремесленника и крестьянина"), обречено на уничтожение с развитием крупной промышленности. Следовательно, все эти группы консервативны, даже реакционны: они стремятся "повернуть назад колесо истории".

"Если они революционеры, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата".

Флокон предупреждал Энгельса о том, что во Франции 11 млн. мелких крестьян, которые являются "самыми ярыми собственниками" и заклятыми врагами всего, что отдает коммунизмом[1]. Похоже, диагноз о консервативности и реакционности крестьянства подтвердился повсюду в Западной Европе, и особенно во Франции во время событий 1848 г., когда крестьяне либо оставались пассивными наблюдателями революции, либо активно помогали властям подавлять восстание пролетариата.

В Восточной Европе (Германия занимала промежуточное положение между Востоком и Западом) крестьянство находилось на еще менее развитом этапе исторического процесса. Вплоть до 1848 г. его феодальный статус оставался почти нетронутым; и буржазная революция, которой было суждено смести с лица земли последний оплот феодализма, все еще находилась в будущем. Но здесь возникла серьезная дилемма. Нельзя было надеяться на успех этой революции, если ее основная тяжесть упадет на плечи главным образом буржуазии и пролетариата, которые занимали все более слабые позиции, чем дальше к востоку они проживали; на ее успех можно было надеяться только в том случае, если она была бы также и аграрной революцией и проходила при активной поддержке крестьян. В "Манифесте Коммунистической партии" взгляд Маркса был обращен главным образом на Западную Европу; однако в последнем коротком разделе, посвященном отношению коммунистов к "различным оппозиционным партиям", поддержка коммунистов предлагалась как "сторонникам аграрной реформы" в Северной Америке, так и польской партии, которая "ставит аграрную революцию условием национального освобождения...". Несколько месяцев спустя Маркс высказался об этом принципе еще более четко:

"Великие земледельческие страны между Балтийским и Черным морем могут избавиться от патриархально-феодального варварства только посредством аграрной революции, превращающих крепостных или обязанных повинностями крестьян в свободных земледельцев, – революции, вполне аналогичной с французской революцией 1789 г. в деревне"[2].

Таким образом, там, где буржуазия и пролетариат, порознь или совместно, были слишком слабы, чтобы совершить буржуазную революцию и свергнуть феодализм, коммунисты были вправе оказать поддержку крестьянским партиям, осуществляющим революцию во имя частной крестьянской собственности, даже если последняя выступала в "аграрной форме, на первый взгляд, противоречащей всякому коммунизму"[3]. Было вполне логичным различие между политикой, которую следует проводить в странах, где буржуазная революция уже свершилась, и в странах, где ее еще предстоит осуществить. Однако вызывал определенное смятение в умах тот факт, что подобная позиция допускала возможность предоставления крестьянам Восточной Европы привилегий крестьянской собственности, за защиту

которых крестьяне Западной Европы были названы "варварами". Вот на каком сложном фоне впервые начала вырисовываться идея революционного союза между пролетариатом и крестьянством. Свою статью 1850 г. "О крестьянской войне в Германии в 1525 году", полную явных и подразумевающихся аналогий, Энгельс закончил описанием судьбы немецкой мелкой буржуазии в 1848 г.:

"Масса нации – мелкая буржуазия, ремесленники и крестьяне – была оставлена на произвол судьбы своей еще естественной союзницей, буржуазией, как слишком революционная, а местами и пролетариатом, как еще недостаточно передовая; раздробившись, в свою очередь, на части, она свелась на нет и заняла оппозиционное положение к своим соседям и справа и слева"[4].

В этом отрывке прямо говорится о том, что крестьянство, покинутое буржуазией, должно пойти на союз с пролетариатом; в нем также содержится зародыш идеи (впоследствии давшей свои плоды) о расколе между теми крестьянами, которые будут придерживаться союза с буржуазией, и теми, кто присоединится к пролетариату. Маркс и Энгельс никогда не прекращали верить в то, что организация крупного производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве является основным условием социализма, а отсюда следовало, что крестьяне могут стать союзником пролетариата в социалистической революции только в том случае, если они перестанут верить в крестьянскую собственность. В Германии этот этап к тому времени еще не наступил. Часто цитируемый отрывок из письма Энгельсу в 1856 г., в котором Маркс писал, что в Германии все идет к тому, чтобы быть в состоянии "поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны"[5], свидетельствует о том, что он все еще причислял Германию к преимущественно крестьянским странам Восточной Европы, где еще не завершилась буржуазная революция против феодального строя и где пролетарское меньшинство, таким образом, оказывает временную тактическую поддержку программе крестьянской собственности[6].

Маркс и Энгельс провели оставшуюся часть своей жизни после 1850 г. в стране, где крестьянский вопрос потерял свою остроту в результате процесса массовой индустриализации и превращения того, что осталось от крестьянства, в сельский пролетариат. Да и практические возможности возникновения революции в Европе не давали им повода для пересмотра этого тактического вопроса. В течение двух десятилетий, отделявших этап, когда окончательно был погашен "большой пожар" 1848 г., от Парижской коммуны, не было отмечено какого-либо изменения в их отношении к крестьянству; кроме того, героизм участников Парижской коммуны не вдохновил крестьян на восстание, которое только и могло спасти ее от поражения. Однако импульс к пересмотру крестьянского вопроса в последнее

десятилетие жизни Маркса пришел из более отдаленного и неожиданного источника – из России.

Как раз в конце 60-х годов XVIII столетия Маркс и Энгельс начали интересоваться событиями в России и для того, чтобы читать русскую экономическую литературу, выучили русский язык. Этот момент оказался важным поворотным пунктом в русской истории. В 50-х годах в России зародилось новое течение мысли (поскольку народники представляли собой группу интеллектуалов, а не организованную партию), объединяющее в себе веру славянофилов в исключительную роль России, которой самой судьбой предназначено принести свет в Европу с ее социалистическими доктринами, в основной своей массе утопического толка. В основе учения народников лежала убежденность в том, что крестьянская община в России с ее системой общественной собственности является по сути своей социалистической и способна послужить базой для будущего социалистического порядка, а следовательно, Россия могла бы на деле повести за собой остальную Европу по пути к социализму. Отмена крепостного права в 1861 г. не поколебала этой убежденности. Эта мера была вызвана побуждением к модернизации российского хозяйства после бедствий Крымской войны, а также (подобно огораживанию общинных земель в Англии) необходимостью создать резервную армию труда для индустриализации страны. В результате была разорвана феодальная связь между помещиком и крепостным крестьянином и, более того, открылся путь для проникновения капитализма в деревню. Но поскольку реформа не разрушила крестьянскую общину (которая продолжала оставаться преобладающей формой организации земледелия), ее значение не было полностью понято и она оказала слабое воздействие на доктрину народничества. Деятельность народников, усиленная террористическими группами, проповедовавшими доктрину народничества, достигла своего апогея в 70-х годах XIX столетия. Первый русский перевод первого тома "Капитала", увидевший свет уже в 1872 г., был делом рук народника по имени Даниельсон.

Борьба против Бакунина вовлекла Маркса и Энгельса глубоко в сферу русских разногласий. В 1875 г. Энгельс, отвечая на наскоки русского народника Ткачева, опубликовал статью "Социальные отношения в России", в которой он достаточно остро отмечал, что выкуп барщины нанес "сильнейший удар общинной собственности" и что "общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению". Однако он добавил еще ряд соображений, которые открыли продолжительную полемику:

"Тем не менее бесспорно существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне

станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно, причем этот переход к высшей форме должен будет осуществиться без того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной парцелльной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия"[7].

Эти оговорки были важны. Не мыслилось, что Россия может своими собственными усилиями миновать этап буржазного капитализма и достичь социализма прямым путем, преобразуя общинные институты своего социалистического будущего. Предполагалось же, что пролетариат развитых государств, осуществив победоносную революцию в своих странах, будет в состоянии взять с собой отсталую Россию в социалистическое общество, а самой России не придется идти капиталистическим путем; причем в этой концепции не было ничего нелогичного, коль скоро Европа рассматривалась как единое целое. Сам Маркс в это время не сделал по этому вопросу ни единого публичного официального заявления. Но то, что он поддерживал точку зрения Энгельса, стало ясно два года спустя из письма Маркса в адрес одного русского журнала в ответ на статью, обвинявшую его в антирусских настроениях. В статье отрицалось, что он когда-либо поддерживал теорию "всеобщего пути, на который роковым образом обречены все народы", и заканчивалась она негативным, но показательным в этом отношении суждением:

"Если Россия будет продолжать... итти по тому пути, по которому следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя"[8].

Вопросу этому вскоре предстояло приобрести более сложную окраску в результате возникновения в России энергичной группы молодых марксистов, которые, порвав с народниками и действуя в диаметрально противоположном направлении, осудили сельскую общину как простой феодальный пережиток и проповедовали необходимость развития капитализма в России в качестве прелюдии к пролетарской революции. Руководители этого движения – Плеханов, Аксельрод и Вера Засулич, в конце 70-х годов XIX столетия покинули Россию и в 1883 г. основали в Швейцарии союз "Освобождение труда"[9]. Члены этой группы предполагали и продолжали предполагать, что правильная схема революции, изложенная в "Манифесте Коммунистической партии", применима ко всем странам и что социализм

может быть достигнут в России только через промежуточный этап буржуазного капитализма. И то, что эта схема была со всей очевидностью опровергнута одним из ее авторов, вызвало определенное замешательство. В феврале 1881 г. Вера Засулич написала Марксу, прося уточнить его точку зрения на русскую крестьянскую общину. Из того факта, что в его бумагах найдено три варианта черновика пространного ответа, можно предположить, в какое замешательство привел этот вопрос стареющего Маркса. В конце концов он отбросил их все и ограничился коротким письмом, в котором объяснял, что анализ в "Капитале", основывавшийся на западных условия, где общинная собственность давно исчезла, неприменим для России, где такая собственность все еще существует в форме крестьянской общины. Он выразил убеждение в том, что "...эта община является точкой опоры социального возрождения России", но добавил загадочно, что "...для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития"[10]. Ни в 1877-м, ни в 1881 г. Маркс не упоминал об основной оговорке, содержавшейся в признании Энгельса в 1875 г., – гипотезе о победоносной пролетарской революции в Западной Европе. Однако это упущение было исправлено на следующий год, когда Маркс и Энгельс вместе подписали предисловие ко второму русскому изданию "Манифеста Коммунистической партии" и включили в него свое последнее совместное высказывание по русским делам:

"Спрашивается теперь: может ли русская община – эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей – непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?

Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития"[11].

Изучение этих текстов наводит на мысль о том, что Маркс и Энгельс в последние годы своей жизни (и Маркс, по-видимому, больше, чем Энгельс), побуждаемые чисто человеческим желанием, были склонны убедить полных энтузиазма сторонников народников вкладывать больше веры в потенциальные возможности русской общины, чем для этого были основания, исходя из сложившихся в России условий и любого разумного толкования "Манифеста Коммунистической партии" или "Капитала". Маркс умер в 1883 г. Капитализм продолжал развиваться в России, а с ним росло влияние марксистской группы. Народни-

ки, оказавшись в тупике терроризма, начали терять влияние. Плеханов в серии блестящих статей и брошюр всячески обыгрывал аргумент о том, что крестьянская община может развиваться только в буржуазную, а не в коммунистическую форму общественной организации и что "буржуазно-крестьянский социализм" не может быть дорогой в коммунизм; а на учредительном конгрессе II Интернационала в Париже в 1889 г. он бросил вызов, заявив, что "русская революция победит как пролетарская революция или не победит совсем".

Великий голод в России в 1891 г. с новой силой высветил всю сложность аграрной проблемы. Это бедствие можно было с одинаковым успехом отнести как за счет разлагающего влияния капитализма на сельскую общину, так и за счет врожденной отсталости и неэффективности общинной системы. Однако каким бы ни был диагноз, было ясно, что в движение вступили такие процессы, которые невозможно повернуть вспять. Энгельс без лишних слов отказался от уступки, которую он и Маркс сделали народникам 10 и 15 лет назад. Это отступление нашло свое отражение в письме старому народнику Даниельсону (февраль 1893 г.), который в своем письме в качестве причины голода называл наступление капитализма. Энгельс не собирался отрицать пороки капитализма. Но дело уже было не в этом. Возможность избежать их, если таковая когда-либо существовала, была упущена. Крестьянская община стала частью "невозвратного прошлого", и Россия не могла избежать своей капиталистической участи.

"...История, пожалуй, самая жестокая из всех богинь, влекущая свою триумфальную колесницу через горы трупов не только во время войны, но и в периоды "мирного" экономического развития"[12].

Это выдержанное в мрачных тонах высказывание вновь поставило Россию на должное место в революционной схеме "Коммунистического Манифеста". Погас луч надежды, который Маркс и Энгельс, казалось, зажгли на привилегированном путик спасению; и когда Энгельс на следующий год, в связи с повторной публикацией своей статьи 1875 г., вновь без особого желания вернулся к этому вопросу, он повторил, формально не изменив своего отношения, но заметно сместив акцент, что "...инициатива подобного преобразования русской общины может исходить не от нее самой, а исключительно от промышленного пролетариата Запада" и что "...нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождал из самого себя ничего иного, кроме собственного разложения"[13]. Когда Ленин в 90-х годах прошлого столетия начал выступать с публикациями, он искренне следовал за Плехановым в его полемике против народников и основной темой своих выступлений взял развитие капитализма в России. Однако некоторым из старых аргументов суждено было появиться вновь многие годы спустя, причем в совершенно другом окружении, в

спорах о "социализме в одной стране" и о коллективизации сельского хозяйства.

Какие бы разногласия ни возникали относительно пути к достижению цели, Маркс и Энгельс никогда не колебались в одном кардинальном моменте: коллективное крупное землевладение было непременным условием социализма. Именно потому, что народники, казалось, были готовы выдвинуть это условие, их теории немедленно привлекли к себе внимание. В последний год своей жизни Энгельс в пространной работе "Крестьянский вопрос во Франции и Германии" вновь обратился к Западу и попытался ответить на этот каверзный вопрос. Он доказывал, что буржазная революция, освободив западноевропейское крестьянство от феодальных поборов и повинностей, тем не менее ухудшила его материальное положение, так как "крестьянин лишился защиты самоуправляющейся общины, членом которой он был". Он подвергался со всей силой безжалостной капиталистической эксплуатации, становясь "будущим пролетарием". Почему крестьянин обычно считал социал-демократов, партию городского пролетариата, своим злейшим врагом? Потому что социал-демократы вписали в свои программы политику национализации земли, которая, по мнению крестьянина, угрожала ему потерей даже того малого надела, которым он владел.

Энгельс проводил резкое различие между мелкими и крупными землевладельцами, причем первые господствовали во Франции и на западе Германии, а последние – в ост-эльбской Пруссии и в Мекленбурге, другие же части Германии занимали промежуточное положение. Что касается мелких крестьян, то он откровенно высказал дилемму: "Мы можем с сегодня на завтра привлечь на свою сторону массу мелких крестьян, только давая им такие обещания, которых мы заведомо сдержать не сможем". В числе этих обещаний должно быть обещание освободить их от платы аренды от ипотек и гарантировать им навечно право собственности на землю. Социал-демократы не могут последовательно защищать политику, имевшую тенденцию к увековечению системы мелких владений, что противоречит принципам как социализма, так и эффективности производства. Однако им нет нужды вести наступление против мелкого крестьянина.

"Во-первых, ...мы предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны ускорять ее своим вмешательством.

А во-вторых, точно так же очевидно, что, обладая государственной властью, мы и не подумаем о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это вы вынуждены сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянами состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но

не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели"[14].

Что касается крупных и средних крестьян, использующих батраков и батрачек, то социалисты, вполне естественно, более заинтересованы в наемных рабочих, то есть в батраках и батрачках, чем в собственниках. Но даже и в отношении собственников речь идет не столько об их уничтожении, сколько о том, чтобы "предоставить их собственной судьбе", поскольку они должны неминуемо погибнуть от конкуренции более развитого капиталистического хозяйства и дешевого заокеанского производства зерна. Во всяком случае, целью социалистов не является разрушение крупных землевладений: крупный собственник являлся в силу своих возможностей более эффективным производителем, чем мелкий крестьянин. Еще в 1850 г. Маркс, выступая в поддержку национализации земли как части даже программы буржуазной революции, настаивал на предложении, чтобы "конфискованное имущество осталось собственностью государства и было превращено в рабочие колонии, обрабатываемые ассоциациями сельского пролетариата, который притом пользуется преимуществами крупного земледелия"[15]. Теперь Энгельс утверждал, что подобно тому, как крупная капиталистическая промышленность созрела для перехода в социалистическую, так и крупное капиталистическое земледелие может стать социалистическим коллективным хозяйством.

"...Превращение капиталистического хозяйства в общественное здесь уже вполне подготовлено и может быть произведено сразу, совершенно так же, как, например, на заводе г-на Круппа или г-на фон Штумма".

Более того, эти крупные земледельческие товарищества "будут служить для мелких крестьян убедительным примером преимуществ кооперативного крупного хозяйства"[16].

Таким образом, в своем последнем слове по крестьянскому вопросу Энгельс вновь настаивал на принципе крупного земледелия как неотъемлемой части социализма, указывая на то, что крупные капиталистические имения созрели для прямого превращения в социалистические государственные хозяйства, и предпринял попытку повести мелкого сельского собственника по неизбежному пути к коллективной собственности, используя при этом скорее методы убеждения, чем принуждения. Эти идеи в последующие 20 лет лежали в основе аграрной политики всех социал-демократических партий, хотя они мало что делали для того, чтобы как-то скрасить недостаток сочувствия среди большинства крестьян к этой политике.

РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ

Вопрос о "рабочем контроле", как он проявился на железных дорогах, является аномальным в двух отношениях. Во-первых, до революции все крупнейшие железные дороги в России принадлежали государству, а посему к ним не подходила концепция осуществляемого рабочими контроля над предприятиями, которые все еще находились под управлением их капиталистических владельцев и подлежали такому контролю. Во-вторых, профсоюз железнодорожников, крупнейший и наиболее тесно организованный из всех русских профессиональных союзов, был уникальным в своем роде, включая конторских и технических служащих, равно как и рабочих физического труда, а следовательно, в нем не наблюдались практические трудности, которые возникают где бы то ни было, когда "трудящиеся" попытаются овладеть фабриками. Вооруженные такими преимуществами железнодорожники с первых дней существования Советской власти представляли для нее сложную формальную проблему, которую нельзя было ни обойти, ни отложить. Союз железнодорожников поручил заниматься своими делами исполнительному комитету в составе около 40 человек (Всероссийскому исполкому железнодорожного профсоюза, или Викжелю), из которых, согласно некоторым данным, к моменту Октябрьской революции двое были большевиками, двое – межрайонцами и один – беспартийным сочувствующим большевикам, а остальные принадлежали к правым и левым эсерам, меньшевикам и независимым[1]. Подобно большинству профсоюзов, в которых квалифицированные рабочие играют доминирующую роль, железнодорожный союз был скорее радикальным, нежели революционным. С момента Октябрьской революции Викжель взял на себя управление железными дорогами и выступил как независимый орган власти. Короче говоря, он играл роль гигантского фабричного комитета, осуществлявшего "рабочий контроль". Он не признавал никакой политической власти и никаких интересов, кроме профессиональных интересов железнодорожников.

Эта проблема в наиболее открытой и драматической форме проявилась на следующий день после Октябрьской революции, на II Всероссийском съезде Советов. На втором, и последнем, заседании съезда, 26 октября/8 ноября 1917 г., Каменев огласил

список состоявшего полностью из большевиков Совнаркома, в котором пост народного комиссара по делам железнодорожным оставался "временно незамещенным". В конце заседания делегат Викжеля потребовал слова, на что последовал отказ со стороны Каменева, который председательствовал на заседании. "В зале поднялся шум", и "после продолжительных переговоров" представителю железнодорожников было предоставлено слово по мотивам голосования. Затем он зачитал декларацию, подготовленную ранее в тот же день Викжелем. В ней говорилось, что Викжель относится "отрицательно к захвату власти одной какой-либо политической партией" и что "власть должна быть революционно-социалистической и ответственной перед полномочным органом всей революционной демократии"; Викжель берет на себя управление железными дорогами и заявляет, что все распоряжения по ведомству путей сообщения подлежат исполнению лишь в том случае, если они исходят от него, и пригрозил, что если по отношению к железнодорожникам будут приняты репрессивные меры, то союз лишит Петроград продовольствия. В ответ на этот "бортовой залп" Каменев мог только формально заявить о полномочности Всероссийского съезда Советов. Другой представитель железнодорожных рабочих заявил прямо из зала, что Викжель является "политическим трупом" и что "массы железнодорожных рабочих давно отвернулись" от него. Однако это заявление все еще далеко не соответствовало фактам, чтобы произвести большое впечатление[2].

По общему признанию, позиция Викжеля выходит далеко за пределы вопроса о рабочем контроле: это был синдикализм в его наиболее экстремистском проявлении. Тем не менее Совнарком оказался бессильным. Железнодорожники оставались в руках Викжеля; и два дня спустя большевики были вынуждены перед угрозой всеобщей забастовки железнодорожников[3] вступить в переговоры с другими социалистическими партиями о создании коалиционного правительства. Переговоры проходили трудно и привели к выходу из правительства группы большевиков, которые считали, что Ленин и Троцкий проводят слишком жесткую линию[4]. Однако после того, как выход из тупика, казалось, был найден, переговоры возобновились, на этот раз на Всероссийском съезде крестьянских депутатов, который состоялся в Петрограде 10/23 ноября 1917 г. Здесь через пять дней было достигнуто соглашение, по которому три представителя эсеров вошли в Совнарком; это соглашение было одобрено Викжелем, и бывший член Исполкома занял вакантный пост народного комиссара по делам железнодорожным.

Компромисс с Викжелем был неустойчивым и оказался менее продолжительным, чем правительственная коалиция. Всероссийский съезд железнодорожного профсоюза, проходивший во время заседания Учредительного собрания, по настоянию Викжеля незначительным большинством проголосовал за

вотум доверия собранию. Это предназначалось и было расценено как вызов большевикам и правительству. Однако на этот раз большевики решили проверить свои силы и были готовы ответить на этот выпад действиями. Рядовые железнодорожники были настроены более сочувственно по отношению к большевикам, чем умеренные, контролировавшие Викжель. Потерпевшее поражение меньшинство покинуло съезд и провело свой собственный съезд, который, заслушав пространное политическое обращение Ленина[5], сформировал свой собственный Исполнительный комитет (названный для отличия Викжедор), который состоял из 25 большевиков, 12 левых эсеров и 4 независимых. Новый съезд и его Исполнительный комитет точас же получили признание Совнаркома, и член Викжедора Рогов стал народным комиссаром по делам железнодорожным. В результате новый режим сохранил свою эффективность. С этой целью Советское правительство теперь начало выступать в поддержку принципа рабочего контроля, чтобы подорвать влияние Викжеля среди железнодорожных служащих. Согласно положению от 10/23 января 1918 г. (по всей вероятности, одного из наиболее октровенных синдикалистских документов, когда-либо принятых в советском законодательстве), управление каждой железной дорогой возлагалось на избранный ее рабочими и служащими Совет, а общий контроль над всеми железными дорогами России на Всероссийский съезд железнодорожных депутатов[6]. Целью этой новой созданной снизу организации было низвести действенный и враждебно настроенный Викжель и заменить находившийся в тени, но дружественный Викжедор. Однако она не стала, да и не могла стать, эффективным инструментом управления железными дорогами России. Когда был преодолен брестско-литовский кризис и вновь появилась возможность заняться вопросами внутренней организации, Советское правительство наконец занялось вплотную этим делом. В докладе народного комиссара труда на заседании ВЦИК пространно говорилось о "дезорганизации и демонстрации", царивших на железных дорогах страны[7]. Это была прелюдия к декрету Совнаркома от 26 марта 1918 г., наделившего народный комиссариат путей сообщения "диктаторскими полномочиями в области транспорта". Функции же Всероссийского железнодорожного съезда были, очевидно, сведены до избрания членов коллегии комиссариата, причем результаты выборов подлежали одобрению Совнаркома и ВЦИК, а полномочия коллегии ограничивались лишь тем, что она могла апеллировать к тем же двум органам в случае несогласия с наркомом[8]. Этот декрет, сколь бы радикальным он ни казался, нетрудно было защитить и оправдать. "Когда слышу сотни тысяч жалоб, – говорил Ленин на заседании ВЦИК, – когда в стране голод, когда видишь и знаешь, что эти жалобы правильные, что у нас есть хлеб, а мы не можем его подвезти, тогда мы встречаем насмешки и возражения со стороны левых коммунистов на такие меры, как наш

железнодорожный декрет...” – и оратор прервал свою речь жестом презрения[9]. Железные дороги были микрокосмом русской промышленности. Они были, по более позднему определению Ленина, ”ключом” экономического положения. Приводимая по отношению к ним политика была прототипом промышленной политики в целом. Рабочий контроль последовательно выполнил две задачи. Он сломал старый порядок, враждебный революции и, будучи доведенным до своего логического завершения, продемонстрировал, помимо возможности противоречия, необходимость новых форм контроля, более жесткого и централизованного.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 15. Теории и программы

1. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, с. 111.
2. Цит. по: *C. Sorel.* Reflections on Violence (Engl. transl., 1916), p. 150.
3. *C. Sorel.* Décomposition du Marxisme (3rd ed., 1925), p. 37.
4. С другой стороны, по определению Энгельса, "политическая экономия" в широком смысле слова есть "наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческих обществах" (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, с. 150). Эта фраза часто использовалась в XIX в. в полемике о продолжении действия экономических законов.
5. Там же, т. 19, с. 18.
6. Там же, 1-е изд., т. XIV, с. 288–289.
7. *К. Маркс.* Капитал, т. III, гл. X.
8. Маркс различал понятия "распределение" (Verteilung) и "обмен" (Austausch). Первое "определяет отношение (количество), в котором продукты достаются индивидам". Второе "определяет те продукты, в которых индивид требует ту часть, которая досталась ему при распределении"; первое представляет общественное, а второе – индивидуальное решение (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. I, с. 25).
9. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, ч. I, с. 31–32.
10. Там же, с. 36. Маркс добавлял, что тем не менее "между различными моментами имеет место взаимодействие". Это "свойственно всякому органическому целому".
11. Там же, т. 19, с. 19.
12. Все ранние социалисты считали торговцев в отличие от производителей паразитами на теле общества: Оуэн в своем "Проекте законов" 1835 г. для "Ассоциации всех классов и всех наций" стремился к обществу "без священников, юристов, солдат, покупателей и торговцев".
13. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 18. Та же идея повторена почти в тех же выражениях в "Капитале", т. III, гл. XVIII.
14. Там же, т. II, гл. XVI, с. 354.
15. Там же, т. III, гл. XXXIV.
16. Сен-Симон использовал слово "industruels", которое охватывало всех, кто занят в производстве. После его смерти ученики, возможно, заботясь о его несколько неопределенной репутации "социалиста", заменили это слово на "travailleurs", говоря об "ассоциации рабочих" (Doctrine de Saint-Simon: Exposition, Premièr Année, 1830, p. 197).
17. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 20.
18. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 85.
19. Техника планирования, принятая со временем в СССР, была основана на категориях, которыми пользовался Маркс в "Капитале" при анализе системы капитализма. Однако в первые годы Советской власти она применялась ограниченно либо не применялась совсем.
20. См. ниже, приложение в: "Маркс, Энгельс и крестьянин".
21. *Г.В. Плеханов.* Соч., т. III, с. 119.
22. *A. von Haxthausen.* Estudes sur la Situation Integricure, la vie Nationale, et les Institutions Rurales de la Russie, i, 1847, p. 151.

23. По утверждению Плеханова, крестьянство являлось в целом не классом, а "состоянием"; реформа 1861 г. разделила его на два класса: оземеленную "деревенскую буржуазию" и безземельных "бедняков" – эксплуататоров и эксплуатируемых (*Г.В. Плеханов.* Сочинения, т. III, с. 419). В 1905 г. Ленин отмечал нерешительное отношение крестьянства к разделению на "петти-буржуазный" и "полупролетарский" слои (*В.И. Ленин.* Сочинения, 2-е изд., т.VI , с. 369–370).

24. Там же, т. 27, с. 378.

25. Судя по соответствующим исследованиям, иностранные капиталовложения в промышленность России до 1914 г. превышали два млрд. рублей, из них: французские составляли 32,6%, английские – 22,6, германские – 19,7, бельгийские – 14,3 и американские – 5,2% (цит. по: *Я.С. Розенфельд.* Промышленная политика СССР, 1926, с. 44).

26. Один из наиболее мощных сторонников промышленного прогресса – Витте – сделал в своих мемуарах важное замечание: "Говорят, что я использовал искусственные методы для развития промышленности. Что означает эта глупая фраза? Какими способами, кроме как искусственными, можно развивать промышленность? ("Воспоминания". Берлин, 1922, с. 451).

27. В 1913 г. 24,5% российских промышленных рабочих были заняты на предприятиях, насчитывавших более тысячи рабочих, и 9,5% – от 500 до 1000 рабочих; соответствующие цифры для Германии в 1907 г. были 8,1 и 6,1 (*Я.С. Розенфельд.* Цит. соч., с. 46).

28. Т. 1, гл. 2.

29. Программа 1903 г. напечатана в: "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 19–23.

30. Там же, с. 46–47.

31. *В.И. Ленин.* Сочинения, т. VIII, с. 185–186 (источник указан неверно. – *Ред.*); о дальнейшем анализе идей Ленина в это время см. т. 1, гл. 3.

32. "ВКП(б) в резолюциях...", т. I, с. 58–59; *Крупская* (Воспоминания о Ленине, ч. I (англ. пер. 1930 г.), с. 131–133) отмечает, что Ленин впервые сделал выводы из опыта революции 1905 г. на Таммерфорской конференции.

33. Отчет комиссии содержится в: *В.И. Ленин.* Сочинения, 2-е изд., т. IX, с. 458–460. Свой проект, получивший поддержку большинства комиссии, Ленин с обоснованием предложений опубликовал в отдельной брошюре в марте 1906 г. (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 239–270).

34. Там же, с. 249–250.

35. Там же, с. 361–371, 184–200.

36. Год спустя Ленин писал: "Пролетариат несет с собой не социализм равенства мелких хозяев, а социализм крупного общественного производства" (там же, т. 15, с. 225–226).

37. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 76; дебаты Стокгольмского съезда приводятся в: "IV (Объединительный) съезд РСДРП", 1934.

38. В примечании Ленин добавляет: "Речь идет здесь не о разделе в собственность, а о разделе в хозяйственное положение. Такой раздел возможен – а при господстве мелкой культуры неизбежен на известное время – и при муниципализации и при национализации" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 213–214).

39. Там же.

40. *Л. Троцкий.* 1905, 2-е изд., 1922, с. 18.

41. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 219.

42. Там же, с. 215–217, 219.

43. Там же, с. 217, 416.

44. Цит. по: *G.T. Robinson.* Rural Russia under the Old Regime, 1932, p. 194.

45. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 311–312.

46. *П.И. Лященко.* История народного хозяйства СССР, т. II, 1948, с. 349.

47. Т. 1, гл. 2.

48. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 27.

49. Слово "общественный" не лишено той же двусмысленности, что и соответствующее существительное во фразе "социализация земли": "для общественной пользы" здесь может означать "для общей пользы" или "для государственной пользы".

50. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 113–118.

51. Там же, с. 21.

Глава 16. Воздействие революции

1. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 344, 350.

2. *Троцкий* (История русской революции, т. I. Берлин, 1931, с. 429–445; т. II. Берлин, 1933, ч. II, с. 5–39) дает множество примеров крестьянских волнений в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г.

3. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 419. Идея главенствующей роли революционного акта уже была выражена Лениным в 1906 г. на проходившем в Стокгольме IV съезде партии, когда он в своем собственном варианте проекта резолюции исправил слово "захваченные" на слово "конфискованные", объясняя это тем, что "конфискация есть юридическое признание захвата, утверждение его законом" (там же, т. 13, с. 11).

4. Там же, т. 31, с. 272.

5. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 229–230.

6. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 43.

7. Там же, с. 187–188.

8. "Первый Всероссийский съезд Советов", 1930, т. II, с. 304.

9. Согласно сведениям Е.А. Луцкого, опубликованным в: "Вопросы истории", № 10, 1947, с. 17, – в августе 1917 г. существовало 52 губернских комитета, 422 уездных комитета и неизвестное количество волостных комитетов.

10. "Первый Всероссийский съезд Советов", 1930, т. II, с. 306–310.

11. В официальной статистике зафиксировано 152 случая насильственного захвата имений крестьянами в мае 1917 г., 112 – в июле, 440 – в августе и 958 – в сентябре ("Развитие советской экономики". Под ред. *А.А. Арутюняна и В.Л. Маркуса,* 1940, с. 60).

12. Об этом положении см. с. 39–40.

13. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 108–116. Ленин, таким образом, пересмотрел точку зрения, которую он выражал до 1917 г., что национализация земель является лишь шагом в осуществлении буржуазной революции: теперь национализация уже "не только "последнее слово" буржуазной революции, но и шаг к социализму" (там же, с. 233).

14. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 1, 2-е изд., ст. 3; *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 23. Поспешный характер всех этих мероприятий является примером нерешенных противоречий между главным Декретом о земле и Примерным наказом; первый оставлял решение вопроса о компенсации на усмотрение Учредительного собрания, второй же высказывался за конфискацию без компенсации.

15. Чернов впоследствии с негодованием писал, что "Ленин копирует наши решения и публикует их в виде декретов" ("Дело народа", 17/30 ноября 1917 г.).

16. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 23. Позднее Ленин развил этот аргумент в более законченном виде: "Чтобы доказать крестьянам, что пролетарии хотят не майоризировать их, не командовать ими, а помогать им и быть друзьями их, победившие большевики ни слова своего не вставили в "декрет о земле", а списали его, слово в слово, с тех крестьянских наказов (наиболее революционных, конечно), которые были опубликованы эс-эрами в эс-эровской газете" (там же, т. 40, с. 13–14).

17. Там же, т. 35, с. 102–104.

18. Там же, с. 96–97.

19. Там же, т. 34, с. 324.

20. Там же, т. 35, с. 68.

21. В Декрете о земле содержался пункт, предостерегавший крестьян, что любая порча "конфискованного имущества, принадлежащего отныне всему народу", будет караться "революционным судом", и возлагал ответственность за упорядоченное проведение этого декрета на уездные Советы.

22. "Развитие советской экономики...", с. 93.

23. *Е.А. Луцкий* в: "Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии", т. V, 1948, № 6, с. 510–514 – показал на основании сведений с мест, что в Тверской и Рязанской губерниях, где Советская власть была установлена сразу же после Октябрьской революции, передача земель крестьянам проходила в большинстве случаев в организованном порядке, в то время как в более отдаленной Тамбовской губернии, где Советская власть установилась только в конце

января 1918 г., "ликвидация помещичьей собственности имела место в значительной степени в форме стихийных грабежей имений". Согласно мнению одного из сотрудников Наркомзема, беспорядки происходили в основном в черноземных областях Украины и на средней Волге, где земельный голод был особенно острым ("О земле", т. I, 1921, с. 20).

24. *В.П. Милютин.* Аграрная политика СССР, 2-е изд., 1929, с. 60. Другой комментатор говорил об аграрном местном "самоопределении" (*S.N. Prokopovich.* The Economic Condition of Soviet Russia, 1924, p. 68).

25. В общем и целом в период Временного правительства, в котором в его руках находилось министерство сельского хозяйства, эсеры стабильно сдвигались вправо. Последний министр сельского хозяйства Маслов достиг компромисса с кадетами по поводу предложения, в соответствии с которым компенсация экспроприированным помещикам должна была выплачиваться из ренты; ее должны были платить крестьяне, между которыми была поделена помещичья земля. Ленин осудил это (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 428–433) как "новый обман крестьян партией эс-эров". Враждебный, однако хорошо документированный анализ позиции эсеров по аграрному вопросу в период между Февральской и Октябрьской революциями содержится в: *Е.А. Мороховец.* Аграрные программы российских политических партий в 1917 г., 1929, с. 103–116.

26. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 68. Чтобы подчеркнуть авторитарный характер этого заявления Ленина, заметим, что оно было опубликовано в: "Собрание узаконений, 1917–1918", № 2, ст. 24.

27. "Воля народа", 31 октября 1917 г.; цитируется в: "Вопросы истории", № 10, 1947, с. 19.

28. "Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва", 1918, с. 29.

29. "В первые дни народный комиссариат сельского хозяйства не имел централизованной организации, все взаимодействия и вся работа проводились в Смольном" (*В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 60); Милютин говорил также о "саботаже" и о "сопротивлении служащих".

30. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 7, ст. 105.

31. "Вопросы истории", 1947, № 10, с. 38.

32. Информация о том, как проходили заседания этого съезда, взятая из современных периодических изданий и неопубликованных архивов, содержится в: "Вопросы истории", 1948, № 10, с. 29–30, а также в: "Известия Академии наук СССР: Серия истории и философии", т. VI, 1949, № 3, с. 231. Единственный сохранившийся текст этого выступления Ленина, весьма неудовлетворительного качества стенографический отчет, печатавшийся в прессе, опубликован в: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 330–331.

33. "Третий Всероссийский съезд Советов", 1918, с. 86.

34. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 25, ст. 346; дальнейшие переговоры, которые велись до закрытия съезда 18/31 января 1918 г., а также обнародование через 19 дней этого декрета описаны в: "Вопросы истории", 1948, № 10, с. 32–33.

35. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 25, ст. 436. Позднее, в 1918 г., Ленин дважды с особым удовлетворением ссылался на эту статью (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 352–364); он даже, слегка преувеличивая, хвастался, что в этом законе о земле "Советская власть дала *прямое* преимущество коммунам и товариществам, поставив их на первое место" (там же, с. 322).

36. Там же, с. 321.

37. Там же.

38. "Вопросы истории" (1947, № 11, с. 6–8) приводят подробный список, состоящий из 28 губерний. Похоже, что раздел земли имел место и в отдельных частях азиатской части России; однако здесь этот процесс был менее организованным, и подробной информации об этом не имеется.

39. "О земле", т. I, 1921, с. 24–25. Согласно сведениям, опубликованным в: "Вопросы истории", 1947, № 11, с. 14, – "основным органом, решавшим практические вопросы о разделе земель между волостями и селениями, был уездный земельный отдел"; можно предположить, что более высокие органы сыграли в этом менее существенную роль.

40. Там же, с. 160.

41. См. сведения, приведенные в: *Bungan and Fisher.* The Bolshevik Revolution, 1917–1918. Stanford, 1934, p. 679–683.

42. "Отчет Народного комиссариата земледелия IX Всероссийскому съезду Советов", 1921, с. 6; эти проценты с незначительными вариациями повторены в: "О земле", т. I, 1921, с. 23.

43. Примеры применения этих различных практических подходов можно найти в: "Развитие советской экономики...", с. 94–95, а также в: "Известия Академии наук СССР...", т. VI, 1949, № 3, с. 231–235; оба эти источника частично основываются на неопубликованных архивах.

44. Тем не менее раздавались жалобы, что с крестьянской секцией ВЦИК с тех пор более не консультировались по важным вопросам ("Протоклы заседаний ВЦИК 4-го созыва", 1920, с. 403–404) и что ее преднамеренно лишали необходимых средств ("Пятый Всероссийский съезд Советов", 1918, с. 53–54).

45. Требования левых эсеров были рассмотрены и отклонены Центральным Комитетом партии 3 мая 1918 г. ("Ленинский сборник", т. XXI, 1933, с. 147); большинство левоэсеровских деятелей было уволено из Наркомзема только после июльского мятежа.

46. "Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва", 1920, с. 294.

47. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 311.

48. "Известия", 18/31 января 1918 г.

49. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 297.

50. "Пятый Всероссийский съезд Советов", 1918, с. 141–142.

51. Т. 1, гл. 2.

52. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 331.

53. Там же, т. 36, с. 56.

54. Там же, с. 298.

55. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 35, ст. 468; этот декрет получил у своих противников прозвище "декрета о продовольственной диктатуре" и позже обычно назывался именно так.

56. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 356; первоначальный проект Ленина см. там же, с. 357.

57. Там же, с. 363–364.

58. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 38, ст. 498; общие сведения об этом декрете см. ниже, с. 123. Несколько дней спустя был выпущен дополнительный декрет – "О порядке сдачи хлеба в распоряжение государства" (там же, ст. 502).

59. Сведения, данные некоторое время спустя одним английским путешественником, содержат описание метода, применявшегося при проведении выборов: "Собиралось собрание всего села, на котором председатель (сельского Совета) зачитывал список кандидатов в "комитет бедноты". Каждое из названных имен, по мере прочтения, обсуждалось, и несколько кандидатур было отклонено, поскольку они не были признаны "бедными". Голосование проводилось поднятием руки. Всего было избрано около 40 человек с "президиумом" из трех человек" (British Labour Delegation to Russia, 1920, p. 134). Зиновьев, желая несколько месяцев спустя дискредитировать эти комитеты, заявил на V Всероссийском съезде Советов, что при их назначении не осуществляется "настоящего выборного принципа": они "назначались съезжими представителями И.К. или партийной организацией" ("Шестой Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов", 1919, с. 87–88).

60. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 43, ст. 524.

61. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 505.

62. Там же, т. 37, с. 314.

63. Там же, с. 354.

64. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 237.

65. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 446.

66. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 182, ст. 1015.

67. *S. Zagorsky.* State Control of Industry in Russia during the War. Yale, 1928, p. 173.

68. Общие сведения о фабрично-заводском движении в период между февралем и октябрем 1917 г. содержатся в: "Вопросы истории", № 10, 1947, с. 40–64. *Г. Циперович* в книге "Синдикаты и тресты в России", 3-е изд., 1920, с. 145, говорит об "искусственном сокращении производства" и "массовом закрытии предприятий", осуществившимися предпринимателями до октября 1917 г.; согласно статистическим данным, приведенным в: *В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 45, – в

период между мартом и августом 1917 г. было закрыто 568 предприятий, на которых было занято более 100 тыс. рабочих, причем их число увеличивалось от месяца к месяцу.

69. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 302.

70. Там же, т. 32, с. 38.

71. Там же, с. 106.

72. До тех пор пока много позже он не стал страстным сторонником электрификации, Ленин к техническим процессам в промышленном производстве интереса не проявлял; хотя он до тонкостей понимал политическое сознание заводских рабочих, он знал меньше о повседневной трудовой жизни заводсткого рабочего, чем о жизни крестьянина.

73. Т. 1, гл. 6.

74. *Н. Осинский (Оболенский).* Строительство социализма, 1918, с. 34.

75. Первоначальный проект, составленный Лениным, опубликован в: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 195–197; о материалах этого совещания см.: "Октябрьская революция и фабзавкомы", 1927, т. 1, с. 63–137.

76. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 240; об этом выступлении сохранился лишь небольшой газетный отчет.

77. Там же, с. 292.

78. Роль профсоюзов и отношение к ним большевиков будут рассмотрены в следующем разделе.

79. Это совещание полностью освещалось в: "Известия", 2 июля 1917 г.; никакого официального стенографического издания, насколько известно, не существует.

80. "Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1918, с. 34–36. Один меньшевистский делегат сказал на Всероссийском съезде профсоюзов, прошедшем в январе 1918 г., что его Центральный Совет в течение предшествующих шести месяцев "не сделал абсолютно ничего" и что Лозовский был его "единственным активным работником" (там же).

81. Отчеты обо всех этих совещаниях опубликованы в: "Октябрьская революция и фабзавкомы", 2-томное издание, 1927.

82. "Октябрьская революция и фабзавкомы", т. II, 1927, с. 186–188, 193; Рязанов, выступавший за полное слияние этих комитетов с профсоюзами (там же, с. 191–192), описывал позднее эту резолюцию как "смертный приговор" фабрично-заводским комитетам, которые "согласились окончательно уступить профсоюзам всю область руководства в борьбе за улучшение положения рабочего класса", однако признавал, что сами комитеты с такой их интерпретацией согласны не были ("Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1918, с. 233–234).

83. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 156.

84. Там же, с. 162–177.

85. Там же, с. 317; этот отрывок процитирован и рассмотрен в гл. 20.

86. Там же, с. 306.

87. Там же, с. 307.

88. Там же, с. 101; концепция рабочего государства как "одного обширного синдиката" повторена там же, с. 97.

89. "Народное хозяйство", 1919, № 1–2, с. 23.

90. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 2–5.

91. Там же, с. 474, прим. 90.

92. Там же, с. 30–31.

93. *А. Лозовский.* Рабочий контроль, 1918, с. 20. Автор рецензии на эту брошюру в: "Вестник Народного комиссариата труда", 1918, № 2–3 (февраль—март), с. 385–387 – обвинял Лозовского в том, что он преувеличивал как вред, наносимый рабочим контролем, так и масштабы взаимной враждебности между фабрично-заводскими комитетами и профсоюзами; на деле такое слияние оказалось не так уж трудно осуществить.

94. "Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва", 1918, с. 60.

95. Об этой дискуссии см. там же, с. 60–62; декрет см. в: "Собрание узаконений, 1917–1918", № 3, ст. 35.

96. Всероссийский Совет рабочего контроля собрался лишь один раз, как заявил об этом Рязанов в январе 1918 г. ("Первый Всероссийский съезд профсоюзов", 1918, с. 234), или же вообще ни разу не собирался, как утверждал тот же оратор четыре месяца спустя ("Труды I Всероссийского съезда Советов народного

хозяйства", 1918, с. 104); согласно другой версии, он предпринимал попытки собраться, но не смог набрать кворума (там же, с. 72).

97. Статья в "Известиях" от 23 ноября/6 декабря 1917 г. характеризовала рабочий контроль как необходимый инструмент, чтобы "парализовать... деятельность локаутчиков", и утверждала, что без этого декрета "грозила гибель страны и революции".

98. "Первый Всероссийский съезд профсоюзов", 1918, с. 175, 194.

99. *Г. Циперович.* Цит. соч., с. 157.

100. *А. Лозовский.* Цит. соч., с. 33–34.

101. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 339–340.

102. Первый из них, хоть и оформленный в виде декрета ("Собрание узаконений, 1917–1918", № 3, ст. 30), носил характер призыва, обращенного 9/22 ноября 1917 г. "Народным комиссаром по Министерству почт и телеграфов" ко всем служащим почт и телеграфов прекратить саботаж. Он заканчивался следующими словами: "Я заявляю, что никакие так называемые инициативные группы и комитеты по управлению учреждениями почтово-телеграфного ведомства не могут присваивать себе функций, принадлежащих общей власти и мне, как Народному Комиссару". Декрет о роспуске Совета Адмиралтейства датировался 28 ноября/11 декабря 1917 г. (там же, № 4, ст. 58).

103. См. Приложение Г "Рабочий контроль на железных дорогах".

104. "Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1918, с. 234.

105. The Lansing Papers, 1014–1920, v. II. Washington, 1940, p. 369.

106. Эта идея была позднее подробно развита Бухариным (см. ниже, с. 197).

107. Дальнейшее развитие профсоюзов будет рассмотрено в следующем разделе (см. с. 81–84).

108. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 3, ст. 38; *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 494; "Народное хозяйство", 1918, № 11, с. 12. Согласно Ларину (цит. соч., с. 16), Ленин сказал ему несколько дней спустя после революции: "Вы занимались вопросами организации германского хозяйства, синдикатами, трестами, банками, – займитесь этим у нас".

109. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 128.

110. Там же, с. 129; к сожалению, стенографического отчета об этом заседании ВЦИК не имелось. Ларин ("Народное хозяйство, 1918, № 11, с. 17) свидетельствовал, что проект этого декрета был составлен Бухариным; Бронский же ("Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 162) приписывает авторство Бухарину, Савельеву и самому себе.

111. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 5, ст. 83.

112. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 274.

113. "Народное хозяйство", 1918, № 11, с. 8; Рыков говорил позднее, что ВСНХ "вышел из петроградских фабзавкомов" ("Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1920, т. I (пленумы), с. 7).

114. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 9, ст. 129; "Большая Советская Энциклопедия", т. XIII, 1929, с. 561, статья "ВСНХ".

115. "Народное хозяйство", 1918, № 11, с. 11–12.

116. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 134.

117. "Народное хозяйство", 1918, № 11, с. 12.

118. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 10, ст. 158.

119. Там же, ст. 159; далее см. с. 93–95.

120. См. с. 114–115.

121. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 174-175.

122. "Народное хозяйство", 1918, № 11, с. 11–14.

123. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 11, ст. 167.

124. *M. Philips Price.* My Reminiscences of the Russian Revolution, 1921, p. 213–215.

125. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 13, ст. 196.

126. Похоже, что в губерниях делалось мало или вообще не делалось никакого различия между совнархозами, экономическими секциями местных Советов и местными органами рабочего контроля, если таковые там вообще существовали; так, в Нижнем Новгороде обязанности всех трех выполнял всего один орган ("Год пролетарской диктатуры". Нижний Новгород, 1918, с. 28–31); другой пример

приводится в: "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, ст. 219.

127. Там же, с. 485–488.

128. Ленин в своей вступительной речи по поводу открытия I Всероссийского съезда Советов развивал тему, что ВСНХ "предстоит одним только из всех государственных учреждений сохранить за собой прочное место", поскольку он должен выжить как "аппарат" при социализме, когда политические органы правительства отомрут (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 377).

129. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 71.

130. "Большая Советская Энциклопедия", т. XIII, 1929, с. 559–560, статья "ВСНХ".

131. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 10, ст. 149; несколькими днями раньше декрет сходного содержания был выпущен народным комиссариатом по торговле и промышленности (там же, ст. 155), который, однако, вскоре уступил ВСНХ все полномочия заниматься вопросами промышленной организации.

132. "Бюллетень Высшего Совета народного хозяйства", апрель 1918 г., № 1, с. 42.

133. Согласно утверждению, содержащемуся в: *В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 112, – на текстильную промышленность приходилось только 5% всех концернов, национализированных до 1 июня 1918 г.

134. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 9, ст. 137.

135. "Народное хозяйство", 1918, № 10, с. 32; 1918, № 11, с. 43–46.

136. Там же, 1918, № 2, с. 43–44.

137. *S. Zagorsky.* Op. cit., p. 129. Здесь содержатся сведения о создании комитетов в хлопковой, шерстяной, кожевенной, льнообрабатывающей и бумажной отраслях промышленности.

138. "Народное хозяйство", 1918, № 11, с. 18; "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 95.

139. "Бюллетень Высшего Совета народного хозяйства", № 1, март 1918 г., с. 28; декрет об образовании Главного сахарного комитета (Главсахар) опубликован в: "Собрание узаконений, 1917–1918", № 29, ст. 377; подробности об основании чайного центра (Центрочай) опубликованы в: "Известия Центрочая", № 1, 25 апреля 1918 г.

140. "Народное хозяйство" (1918, № 3, с. 7–12) опубликовало статью одного "специалиста" по фамилии Макевецкий, который был экспертом по отравляющим газам и бывшим инструктором Технологического института, где он утверждал, что прогресс и эффективность в российской химической промышленности могут быть обеспечены только при условии государственного контроля, и ратовал за национализацию этой отрасли. В книге: *V.N. Ipatiess.* The Life of a Chemist, Stanford, 1946, p. 237 – содержатся факты об образовании Главхима – Главного комитета по химической промышленности, – который был учрежден на основе Главного артиллерийского управления царского военного министерства.

141. *В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 137; на прошедшем в январе 1918 г. III Всероссийском съезде Советов Ленин, осуждая капиталистических врагов строя, описывал проведение "национализации банков и конфискации имущества" как меру, направленную на то, чтобы "привести их к повиновению" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 268).

142. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 92; "За пять лет", 1922, с. 238; о русском слове "стихийный" см. т. 1, гл. 1.

143. Наиболее ранние примеры можно найти в: "Собрание узаконений, 1917–1918", № 4, ст. 69; № 6, ст. 95; № 13, ст. 190, 191, 192; согласно сведениям, содержащимся в: *В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 115, – 70% всех проведенных в этот период актов национализации произошло из-за предпринимателей, которые либо отказывались подчиниться рабочему контролю, либо покидали свои предприятия.

144. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 9, ст. 140.

145. "Собрание декретов по народному хозяйству", 1918, с. 270–271.

146. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 9, ст. 130.

147. Там же, № 27, ст. 350, 351, 346–360, где опубликован ряд декретов по национализации, выпущенных в феврале и марте 1918 г.

148. Один из первых декретов, касавшийся прежде всего обеспечения продовольствием, случайно предоставлял местным Советам право секвестровать "все торговые и промышленные предприятия" ("Собрание узаконений, 1917–1918", № 1, ст. 9); однако вопросы юридической правомочности играли в то время весьма незначительную роль.

149. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 97.

150. Согласно статистическим данным, приведенным в: *В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 113, – из 521 предприятия, национализированного до 1 июня 1918 г., 50% – совнархозами и Советами более низкого уровня и только 20% – Совнаркомом и, вне всякого сомнения, достаточно полные в том, что касается более высоких властей, – не очень, разумеется, надежны в том, что касается национализации, осуществлявшейся на низших уровнях; никакая статистика не может показать и того, какая часть официальных актов национализации была результатом "стихийных" действий со стороны рабочих. Рыков, комментируя ненадежность статистических данных по национализации, говорил: "Цифр указывалось несколько, и никто не знает, насколько верны эти цифры" ("Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 92).

151. Там же, с. 92.

152. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 19, ст. 290.

153. Там же, № 34, ст. 457; № 45, ст. 546. Обе эти отрасли промышленности были в особенно угрожающем состоянии вследствие германской оккупации Украины. Явное исключение из утверждения, приведенного в тексте, составляет национализация предприятий по производству спичек и свечей, проведенная декретом от 7 марта 1918 г. (там же, № 29, ст. 385). Этот случай был аномальным. Целью этого декрета было создание государственной монополии над распределением некоторых товаров первой необходимости, включая рис, перец и кофе. "Национализация" предприятий по производству спичек и свечей была применительно к этой цели случайной, и, несмотря на использованную терминологию, эти предприятия не были подчинены контролю со стороны ВСНХ, который выпустил этот декрет, или какого бы то ни было другого государственного органа, а переданы в ведение Центрального совета кооперативов – Центросоюза. На прошедшем в мае 1918 г. I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства было особо заявлено, что до настоящего времени ВСНХ провел целиком лишь национализацию двух отраслей: водного транспорта и сахарной промышленности ("Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 93).

154. "Съезды Советов РСФСР в постановлениях", 1939, с. 69.

155. Эти цифры были приведены Радеком в докладе, сделанном в мае 1918 г. на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства ("Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 15); более подробные подсчеты связанных с этим убытков приведены в: "На новых путях", 1923, т. III, с. 161–163.

156. В январе 1918 г. Оболенский был направлен в Харьков для подготовки к национализации Донецких месторождений ("Народное хозяйство", 1918, № 11, с. 14); в марте 1918 г. он сделал на пленуме ВСНХ доклад в пользу проведения национализации Донецких месторождений ("Бюллетень Высшего Совета народного хозяйства", № 1, апрель 1918 г., с. 34–41).

157. Первый номер журнала ВСНХ "Народное хозяйство", датированный мартом 1918 г., был выпущен под руководством редакционной коллегии в составе: Осинский, Ломов и Смирнов; начиная со второго номера (апрель 1918 г.) и далее редактором стал Милютин.

158. См. заявление Савельева, который после ухода Оболенского стал действующим председателем, зафиксированное в: *Bunyan* and *Fisher.* Op. cit., p. 624.

159. Т. 1, гл. 3.

160. "Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству", 1918, с. 311–315.

161. Два выступления Милютина см. в: *В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 130–141; доклад Ларина в: "Бюллетень Высшего Совета народного хозяйства", № 1, апрель 1918 г., с. 23–24. Судя по всему, никаких официальных публикаций, которые освещали бы подробно это мероприятие, выпущено не было. В выступлении Милютина есть раздел по трудовой политике, о которой см. с. 94–95.

162. Согласно сведениям, опубликованным в: "Народное хозяйство", № 11, 1918, с. 22, – это решение было принято большинством с перевесом всего в один голос на собрании президиума ВСНХ "с некоторыми руководящими работниками Совнаркома".

163. *Г. Циперович.* Цит. соч., с. 161–162.

164. Т. 1, гл. 8.

165. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 165–208; фрагмент первоначального проекта, написанного в конце марта и значительно отличающегося по форме от окончательного текста, был сохранен: см. там же, с. 127–164. Одобрение Центральным Комитетом зафиксировано предположительно, по неопубликованным партийным архивам в публикации: *В.И. Ленин.* Соч., 3-е изд., т. XXIII, с. 620, прим. 177. "Коммунист" (№ 1, 20 апреля 1918 г., с. 13) упрекал Ленина в том, что он не удосужился опубликовать контртезисы.

166. "Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва", 1920, с. 206–238. Два выступления Ленина, второе из которых является ответом Бухарину, также опубликовано в: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 239–276, шесть тезисов напечатаны там же, с. 277–280.

167. Там же, с. 308.

168. Подробностей о ходе переговоров с Мещерским было вообще опубликовано не так-то много. Один из выступавших на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства намекнул, что большевики "целых четыре месяца учились и брали уроки у довольно недурного трестера – Мещерского"; согласно утверждению Рыкова, проект был оговорен Мещерским с Лариным, но отклонен большинством в президиуме ВСНХ ("Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 72, 112). Согласно статье Осинского (Оболенского) в: "Коммунист", № 2, 27 апреля 1918 г., с. 17, – Ленин в ходе партийной дискуссии, проходившей 4 апреля, поддержал этот проект, сказав, что он вполне готов дать Мещерскому "взятку" в 200–250 миллионов рублей, если эта группа возьмет на себя организацию крупного металлургического треста.

169. *Г. Циперович.* Цит. соч., т. 165.

170. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 32, 67, 416.

171. Как ни странно, но это долго оставалось поводом для упреков в их адрес. "Капиталистический класс, – с негодованием сказал Шляпников на I Всероссийском съезде профсоюзов, – отказался от отведенной ему организующей роли в производстве" ("Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1918, с. 2).

172. Крицман, способный толкователь экономических теорий того времени, писал, что ВСНХ является "наследником и преемником (в смысле объединения нароного хозяйства) органов финансового капитала" (*Ю. Ларин и Л. Крицман.* Очерк хозяйственной жизни и организация народного хозяйства Советской России, 1920, с. 122).

173. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 254–255.

174. Там же, с. 296.

175. Там же, с. 82. Бронский, ездивший в Берлин для проведения экономических переговоров с Германией после Брест-Литовска, вспоминал, что, когда он объяснял германским официальным представителям советскую экономическую политику, то они ответили: "То, что у вас проектируется, проводится и у нас. Это вы называете "коммунизмом", а у нас это называется "государственным контролем'" ("Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 157). Ленин был вынужден согласиться с этим сравнением, но никогда не называл это ни коммунизмом, ни социализмом.

176. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 300; приводя этот отрывок три года спустя, Ленин намеренно или случайно опустил ссылку на Петра (там же, т. 43, с. 251).

177. Там же, т. 36, с. 172–184, 269. В английском языке нет точного идиоматического перевода знаменитой фразы "грабь награбленное"; Ленин здесь называет это эквивалентом выражения "экспроприация экспроприаторов", только "без латинских слов".

178. Там же, с. 262; упреки в адрес Бухарина, пытавшегося дискредитировать характерные для того времени позиции Ленина, напомнив антигосударственные взгляды, высказанные им в "Государстве и революции", были повторены им и в: "О "левом" ребячестве и о мелкобуржуазности" (там же, с. 313–314).

179. Там же, с. 262.

180. Там же, т. 36, с. 271–272.

181. Там же, с. 348; сведения об этой конференции см. там же, т. XXIII (3-е изд.), с. 538–539, прим. 4, а также в: *J. Bunyan.* Intervention Civil War and Communism in Russia. Baltimore, 1936, p. 379–381.

182. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 34, ст. 457.

183. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. VI–X, 82 (где допущена явная опечатка относительно общего количества делегатов).

184. Безукоризненная большевистская репутация Рыкова и его бесцветные убеждения, возможно, обеспечили ему предпочтение перед бывшим меньшевиком Лариным; Ларин и Милютин остались директорами "секции хозяйственной политики" ВСНХ.

185. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 7, 63, 73, 75.

186. Там же, с. 98.

187. Там же, с. 113.

188. Там же, с. 473.

189. Там же, с. 273–274, 460–463.

190. Взлет ВСНХ был отчасти достигнут за счет народного комиссариата торговли и промышленности, который, будучи вытеснен из сферы промышленной политики, ограничил свои функции осуществлением контроля за внешней торговлей. Эволюция этого комиссариата была описана заместителем его комиссара Бронским на прошедшем в мае 1918 г. I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства (там же, с. 161–162). ВСНХ учредил даже секцию внешней торговли с персоналом в 39 человек ("Народное хозяйство", 1918, № 1, с. 11), однако никаких сведений о ее деятельности в этой области неизвестно.

191. Никаких явных доказательств существования планировавшихся Германией акций нет, однако тот факт, что такие действия послужили мотивом для поспешного выпуска этого всеобъемлющего декрета, подтверждается двумя независимыми свидетелями (*M. Philips.* Op. cit., p. 285–286; *S. Liberman.* Building Lenin's Russia. Chicago, 1945, p. 24–26). Радек месяц спустя говорил на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства о необходимости "выкупить акции немецких граждан в русских предприятиях" и сетовал, что буржуазия "старается всеми мерами продать свои акции немецким гражданам, старается получить защиту немецкого права путем всяких подделок, всяких фиктивных сделок" ("Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 16). Бронский (его высказывание приводится в: *Ю.С. Розенфельд.* Цит. соч., с. 99–100) дает несколько иную версию. С момента подписания Брест-Литовского договора в Берлине велись переговоры с германским правительством (Бронский был главой советской делегации) с целью определить, среди прочих вопросов, и общий размер компенсации за захваченную в России германскую собственность; поэтому Советское правительство было обеспокоено тем, чтобы национализировать как можно больше имущества, до тех пор пока не будет подписано это соглашение.

192. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 47, ст. 559.

193. Эта резолюция была основана на адресованной к делегатам "инструкции" Центрального Совета, написанной Марксом, который сам на конгрессе не присутствовал. "Повседневная деятельность" профсоюзов в борьбе против предпринимателей признавалась "не только законной, но и необходимой". С другой стороны, "если профессиональные союзы нужны для партизанской борьбы между капиталом и трудом, то они еще более важны как организованная сила для уничтожения самой системы наемного труда и власти капитала": их главной задачей может быть не что иное, как "полное освобождение" рабочего класса (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 13, с. 200–202).

194. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 169–172; о разногласиях с "экономистами" см. т. 1, гл. 1.

195. Там же, т. 6, с. 112–113.

196. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 79–80.

197. Там же, с. 108.

198. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 105.

199. Там же, с. 427.

200. Знаменательно, что в Великобритании, где профсоюзы старше, чем лейбористская партия, любой шаг в направлении более тесных взаимоотношений между ними означал более действенный контроль над партией со стороны профсоюзов, а в Германии, где они развивались более или менее одновременно, длительное соперничество завершилось принятием доктрины равного партнерства; большевистская позиция была прямой противоположностью британской.

201. См. выше, с. 58–59.

202. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 257.

203. Важной причиной, по которой – как до Октября 1917 г., так и после – Советы неизменно значили больше, чем профсоюзы, было то обстоятельство, что они представляли не только рабочих, но и солдат, то есть крестьян. Зиновьев, противопоставляя в январе 1918 г., на Всероссийском съезде профсоюзов, Советы 1917 г. Советам 1905 г., заметил, что их "сила заключается в том, что солдаты соединились с рабочими" ("Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1918, с. 72). Однако то ощущение, что Советы и профсоюзы частично перекрывали друг друга, явилось неким предзнаменованием дилеммы профсоюзов при социализме: там, где органы правительства демонстративно провозглашались органами рабочих, какое место оставалось здесь профсоюзам обычного типа? И напротив, утверждая за профсоюзами исключительные права представлять рабочих, меньшевики совершенно логично отрицали, будто бы Советы представляют рабочих (см. упоминаемую ниже, на с. 200, меньшевистскую резолюцию на II Всероссийском съезде профсоюзов). Соперничество между Советами и профсоюзами еще явно давало о себе знать, во всяком случае, в отдельных местностях зимой 1920/21 г.: во время развернувшихся в то время разногласий по поводу профсоюзов в губернских партийных кругах была, по свидетельству Зиновьева, широко распространена точка зрения, что существование Советов делает профсоюзы излишними ("Партия и союзы". Под ред. *Г.Е. Зиновьева*, 1921, с. 3–4). Среди тех, кто отстаивал эту точку зрения, был Мясников (там же, с. 282–287), который был несколько месяцев спустя исключен из партии (см. т. 1, гл. 8). Та же самая проблема возникла и когда в ноябре 1918 г. Советы были созданы в Германии. На состоявшемся в декабре 1918 г. учредительном съезде Германской коммунистической партии один делегат выдвинул лозунг "Прочь из профсоюзов", и даже Роза Люксембург считала, что профсоюзы должны исчезнуть, а на их место должны были прийти Советы рабочих и солдатских депутатов и фабричные комитеты (Bericht über die Verhandlugen des Gründung-parteitages der KPD, 1919, S. 16, 80); левое крыло Германской независимой социал-демократической партии тоже в то время придерживалось точки зрения, что профсоюзы должны поглотиться системой Советов рабочих депутатов (*E. Prager.* Geschichte der USPD, 1922, S. 192).

204. Томский сказал находившейся в 1920 г. с визитом британской лейбористской делегации: "Наша тактика полностью отличается от той, которая принята в Англии или в Соединенных Штатах. В этих странах союзы стремятся улучшить условия только для своих членов; мы же здесь стремимся улучшить условия для всего рабочего класса в целом" (British Labour Delegation to Russia, 1920: Report, 1929, p. 118).

205. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 1, ст. 6. Год спустя Наркомтруд выпустил инструкцию, где требовалось усилить ту часть этого декрета, где говорилось об ограничении рабочего дня для подростков и запрещении найма на работу детей, что, судя по всему, так и не было проведено в жизнь; в конце 1918 г. был выпущен еще один декрет, запрещавший нанимать на работу детей ("Собрание узаконений, 1919", № 1, ст. 7). Подобные запреты в период гражданской войны, когда ощущалась острая нехватка рабочей силы, особых практических результатов не имели.

206. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 8, ст. 111; № 13, ст. 108.

207. Начало приобретения профсоюзами официального статуса относится к еще более раннему периоду, когда в состав расширенного ВЦИК было включено 50 представителей профсоюзов (см. т. 1, гл. 1).

208. "Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1918, с. 338. Процесс, с помощью которого обеспечивался контроль со стороны большевиков, различался от союза к союзу и требует отдельного изучения. В некоторых случаях большевики доминировали среди рядовых членов профсоюзов и симпатизировали им с самого начала: на учредительном съезде Всероссийского союза рабочих-

металлистов, прошедшем в январе 1918 г., присутствовало 75 делегатов-большевиков, 20 меньшевиков, 52 беспартийных и горстка левых эсеров и других небольших группировок ("Профессиональные союзы СССР". Под ред. *Ю.К. Милонова*, 1927, с. 119); на I Всероссийском съезде рабочих текстильной промышленности, прошедшем в том же месяце, большевики составляли 52% делегатов (там же, с. 135). С другой стороны, в профсоюзе работников почт и телеграфа такого большинства – за счет более или менее активного внешнего воздействия – удалось добиться лишь к марту 1918 г. (там же, с. 325–326); ход событий там в общем и целом был сходен с тем, что происходило в профсоюзе железнодорожников (см. ниже, с. 394–395); профсоюз печатников долго оставался бастионом меньшевиков.

209. "Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1918, с. 38, 73–75, 97–98, 364–365.

210. Там же, с. 364.

211. Там же, с. 85, 101, 374.

212. "Вестник Народного комиссариата труда", 1918, № 2–3, с. 27–28.

213. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 188; термин "трудовая повинность" был основан на аналогии с "военной повинностью" и всегда подразумевал элемент принуждения.

214. Там же, т. 16, с. 412.

215. Там же, т. 34, с. 310–311.

216. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 21, ст. 319.

217. "Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1918, с. 108.

218. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 20–23.

219. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 278.

220. "Съезды Советов в постановлениях", 1939, с. 69.

221. Ларин как раз только что опубликовал по этому вопросу брошюру "Трудовая повинность и рабочий контроль" (1918), где широко обращался к опыту трудовой мобилизации в Германии во время войны; главной целью посвященной этой брошюре передовой статьи, напечатанной в официозном "Вестнике Народного комиссариата труда", 1918, № 2–3, с. 385–387, явно была попытка сгладить неблагоприятное впечатление, которое мог произвести этот прецедент.

222. *В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 137–138; опубликованный стенографический отчет об этой сессии ВСНХ в распоряжении не имелся. Согласно: *В.И. Ленин.* Сочинения, т. XXII, 2-е изд., с. 622, прим. 186, Ленин присутствовал на двух заседаниях президиума ВСНХ, на которых обсуждались эти предложения. В то время еще не было решено, доверить ли этот вопрос профсоюзам; среди обсуждавшихся проектов стоял вопрос о "рабочих книжках". Мнение о трудовой дисциплине следовало спросить также у "капиталистов, инженеров и мастеров".

223. "Народное хозяйство", 1918, № 2, с. 38.

224. Об этих тезисах и журнале левой оппозиции см. выше, с. 89–90.

225. Цитировалось в: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 261.

226. Там же.

227. Там же, т. 24, с. 369–371.

228. Там же, т. 36, с. 261.

229. Там же, с. 162.

230. Там же, с. 189. Работа "Система Тейлора" была опубликована в Москве в 1918 г.; в 1922 г. Ленин упоминал о втором издании этой работы (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 206).

231. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 4, с. 58; Ленин в работе "Государство и революция" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 96) охарактеризовал различия в заработной плате как главный источник "современного общественного неравенства", а их преодоление – как условие отмирания государства.

232. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 16, ч. II, с. 93; т. 14, с. 204.

233. Там же, т. 15, с. 274–276.

234. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 51.

235. Там же, т. 34, с. 309; такая позиция была принята и в партийной программе марта 1919 г. ("ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 291).

236. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 3, ст. 46; декрет от 2 июля 1918 г. фиксировал жалованье народного комиссара на уровне 800 рублей в месяц, а жалованье других советских работников – не выше 350 рублей, однако разрешал

платить жалованье вплоть до 1200 рублей "специалистам", в случае если это получило одобрение Совнаркома (там же, № 48, ст. 567).

237. Похоже, что первоначально установленное правило так никогда и не публиковалось, однако на него часто делались ссылки в более поздних партийных резолюциях (см., например: "ВКП(б) в резолюциях...", т. I, с. 434, 470).

238. "Протоколы II Всероссийского съезда комиссаров труда и представителей бирж труда и страховых касс", 1918, с. 11. На I Всероссийском съезде профсоюзов, прошедшем в январе 1918 г., упоминалось о проекте Ларина "путем налогов свести заработок лиц, проживающих в России, к сумме не более 600 рубл. в месяц" ("Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1918, с. 82); однако больше ничего об этом слышно не было.

239. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 16, ст. 242.

240. Там же, № 18, ст. 262.

241. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 10.

242. Там же, с. 66.

243. Там же, с. 78, 393.

244. Там же, с. 477–478, 481–482.

245. "Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства, 1917", № 60, ст. 358; № 85, ст. 478; № 103, ст. 574. Это министерство, так же как и пришедший ему на смену комиссариат (Наркомпрод), часто называли министерством или комиссариатом по обеспечению продуктами питания, однако русское слово "продовольствие" имеет такое же более широкое значение (по сравнению с английским словом "food"), как и французское слово "ravitaillement". – *Ред.*

246. *П.И. Ляшенко.* Цит. соч., с. 676.

247. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 237.

248. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 307.

249. Там же, т. 36, с. 330.

250. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 5, ст. 88.

251. Там же, № 1 (2-е изд.), ст. 9; см. также: "Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва", 1918, с. 5–6.

252. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 3, ст. 29.

253. Там же, ст. 33; этому военно-революционному комитету было суждено вскоре породить первый Чека (см. т. 1, гл. 4).

254. Эти сведения приведены в: *Bunyan* and *Fisher.* Op. cit., p. 330; согласно данным, приведенным в: *Л. Крицман.* Геройский период Великой Русской Революции, 1924, с. 135, – эта практика началась после установления Временным правительством хлебной монополии.

255. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 12, ст. 181.

256. Об одном из примеров, взятых из текстильной промышленности, см. выше, с. 65; в марте 1918 г., "при явном превышении спроса над предложением", все еще наблюдалось наличие значительных запасов металлоизделий, а 60% всех продаж осуществлялось через "черный рынок" ("Бюллетень Высшего Совета народного хозяйства", № 1, апрель 1918 г., с. 44–45). См. также: "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 413.

257. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 9, ст. 134; № 12, ст. 181; № 29, ст. 385.

258. Там же, № 25, ст. 344.

259. Один из выступавших на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства привел подробности о повышении цен на ржаной хлеб, основной продукт питания в городах: в период между началом 1916 г. и Февральской революцией она возросла на 170%, между Февральской и Октябрьской революциями – на 258, а в период между Октябрьской революцией и маем 1918 г. – на 181%, в результате общее повышение цен составило начиная с января 1916 г. 800% ("Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 384).

260. *Л. Крицман.* Цит. соч., с. 136.

261. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 409; т. 36, с. 297. Много позднее Ленин назвал мешочника "существом, весьма хорошо знакомящим нас с экономикой, независимо от экономической и политической науки" (там же, т. 44, с. 160).

262. Там же, т. 38, с. 39.

263. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 30, ст. 398. ВСНХ выдвинул предложение, чтобы распределение было передано в руки местных совнархозов и местных отделений главков и центров; Совнарком осуществлял руководство в пользу Наркомпрода как ведомства, занимавшегося обеспечением запасов зерна ("Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", б.д., с. 47). Таким образом, декрет от 2 апреля 1918 г. ознаменовал возникновение Наркомпрода как ведомства, на которое возлагалась ответственность за внутреннюю торговлю и распределение. Установление твердых цен оставалось в совместной компетенции ВСНХ и Наркомпрода (там же).

264. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 243.

265. О проекте этой резолюции см.: там же, т. 19, с. 349; о комментариях Ленина см. там же, с. 345–354.

266. *E. Fuckner.* Die Russische Genossenschaftsbewegung, 1865–1921, 1922, S. 114.

267. *В.И. Ленин* (Полн. собр. соч., т. 36, с. 185) оценивал количество членов как "свыше 10 миллионов".

268. Там же, т. 35, с. 208–209.

269. Там же, т. 36, с. 161.

270. "Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва", 1920, с. 104.

271. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 437.

272. Согласно одному бывшему официальному работнику кооперативов, кооперативы должны были не только возвращать своим членам 5%-ный торговый сбор, но и сами платить налог государству, так что на самом деле налог выплачивался дважды (*E. Fuckner.* Op. cit., S. 106–107).

273. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 32, ст. 418.

274. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 436.

275. См. выше, с. 48–49.

276. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 38, ст. 498.

277. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 291–296, 395–436; декрет от 27 мая 1918 г. был выпущен, когда съезд все еще работал, однако о нем, судя по всему, ни разу не упоминалось в ходе заседаний.

278. Там же, с. 291–296, 395–420.

279. Там же, с. 483–484.

280. Там же, с. 484–485.

281. Там же, с. 429.

282. Foreign Relations of the United States, 1918: Russia, v. I, 1931, p. 266–267; насколько можно судить, никакого официального уведомления относительно прекращения поставок в Россию со стороны союзных государств так никогда сделано и не было.

283. "Известия", 14/27 ноября 1917 г.

284. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 10, ст. 159.

285. Там же, № 14, ст. 197; Ларин утверждал, что являлся одним из авторов этого декрета ("Народное хозяйство", 1918, № 11, с. 19).

286. Там же, № 19, ст. 290.

287. "Мирные переговоры в Брест-Литовске", 1920, с. 9–11.

288. "Мирный договор", 1918, с. 12–13; Text of the Russian "Peace". Washington, 1918, p. 26–28.

289. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 33, ст. 432.

290. Похоже, что Бронский натолкнулся на известные трудности, отстаивая на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства эту практику от нападок "левых" пуристов ("Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 160).

291. *В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 109–110.

292. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 21; это заявление было включено в доклад Чичерина на прошедшем несколько недель спустя V Всероссийском съезде Советов.

293. "Народное хозяйство", № 11, ноябрь 1918 г., с. 20. Надежды на американскую помощь были широко распространены; один из выступавших на проходившем в январе 1918 г. I профсоюзном съезде выразил уверенность, что Соединенные Штаты как страна, "которая лопается от избытка золотого запаса, будет ли она терпеть, чтобы не экспортировать свой финансовый капитал в такую

страну, как Россия и – в частности – Сибирь" ("Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1918, с. 167).

294. Это предложение будет рассмотрено в части V.

295. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 163.

296. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 257.

297. Ленин неточно приводит важный отрывок из Сен-Симона в конце своей работы "Империализм, как высшая стадия капитализма" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 425–426).

298. *R. Hilferding.* Das Finanzkapital, 1906, S. 506; Зиновьев не вполне точно процитировал этот отрывок на прошедшем в октябре 1920 г. Галльском конгрессе Независимой социал-демократической партии Германии (USPD: Protokoll über die Verhandlungen des ausserordentlichen Parteitags in Hall, n. d., S. 149, 182).

299. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 70; этот пункт был особо подчеркнут в Программе партии 1919 г. ("ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 302).

300. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 106; т. 34, с. 461–465.

301. Там же, т. 31, с. 223; т. 34, с. 162. Эта концепция была характерна не только для большевиков; Отто Бауэр полагал, что при социализме национальный банк превратится в "высшую" экономическую власть, главный административный орган всей экономики" и что национализация банков сама по себе даст обществу "власть регулировать его труд в соответствии с планом и распределять свои ресурсы рационально среди различных отраслей производства" (Der Weg Zum Sozialismus, 1921, S. 26–27). Сходная вера в финансовое регулирование как главный рычаг контролирования национальной экономической политики бытовала в капиталистическом мире и в более поздние времена.

302. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 237, 257.

303. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 307.

304. *М.С. Атлас.* Национализация банков в СССР, 1948, с. 6. Статистические данные, приведенные в указ. соч., с. 10, показывают, что капитал акционерных банков увеличился в период между 1900 и 1917 гг. почти в четыре раза и что иностранные акционеры, доля которых была незначительной в 1900 г., составили 1917 г. 34% общего объема капитала; из всего зарубежного капитала 47% приходилось на долю Франции, а 35% – на долю Германии.

305. Полное – хоть и весьма недоброжелательное – описание национализации банков, автором которого является вице-президент Центрального Комитета Российских банков в Петрограде, можно найти в: *E. Epstein.* Les bangaes de commercet rasses, 1925, p. 74–108.

306. Ibid., p. 75–76; согласно более поздним большевистским заявлениям, существовало "соглашение между фабрикантами и банками о том, чтобы банки не давали денег тем заводам, на которых вводится рабочий контроль" ("Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 174).

307. "Денежное обращение и кредитная система Союза ССР за 20 лет", 1939, с. 1.

308. Приказ перепечатан из неопубликованных архивов в: *М.С. Атлас.* Цит. соч., с. 72–73.

309. "Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва", 1918, с. 44.

310. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 3, ст. 42.

311. Наиболее полная информация об этих переговорах содержится в: *E. Epstein.* Op. cit., p. 77–80.

312. Московские банки были заняты на следующий же день (*E. Epstein.* Op. cit.).

313. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 171–173. Месяц спустя, на III Всероссийском съезде Советов, Ленин говорил уже в другом тоне: "Мы поступили попросту: не боясь вызвать нареканий "образованных" людей или, вернее, необразованных сторонников буржуазии, торгующих остатками своего знания, мы сказали: – у нас есть вооруженные рабочие и крестьяне. Они должны сегодня утром занять все частные банки... И после того, как они это сделают, когда уже власть будет в наших руках, лишь после этого мы обсудим, какие нам принять меры. И утром банки были заняты, а вечером Ц.И.К. вынес постановление..." (там же, с. 272).

314. "Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва", 1918, с. 149.

315. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 10, ст. 150. Когда много лет спустя этот декрет рассматривался в Палате лордов английского парламента, лорд Кейв высказал мысль, что он производит впечатление "скорее политического заявления, чем позитивного законодательного акта, от которого ожидаются непосредственные результаты" ("Law Reports (House of Lords)", 1925, p. 124). Спустя еще некоторое время один русский юрист комментировал это высказывание следующим образом: "Я бы не сказал, что могу с этим согласиться, и каждый человек в России почувствовал на своей шкуре, что это отнюдь не было политическим заявлением" ("Law Reports (King's Bench Division)", 1932, v. I, p. 629). Ранние советские декреты, проекты которых составлялись членами Совнаркома, а не профессиональными юристами, часто грешили отступлением от установленных правил в части формулировок.

316. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 10, ст. 151.

317. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 273.

318. *M. Philips Price.* Op. cit., p. 211. Ленин сообщал о капитуляции 50 000 банковских служащих 12/25 января 1918 г. (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 308). Интересно отметить, что при национализации банков и промышленных предприятий применялись различные методы и встречались различные трудности: в случае с банками отсутствовал пролетарский элемент и опускалась стадия рабочего контроля.

319. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 19, ст. 295.

320. Подробности этих переговоров содержатся в: *E. Epstein.* Op. cit., p. 96–106, – где отмечается "великое удивление представителей банков" в связи с готовностью советских участников переговоров подписать подобное соглашение. По свидетельству Садуля, Гуковский обеспечил поддержку "основных Народных комиссаров", включая Ленина и Троцкого, в пользу денационализации банков и отказа от аннулирования иностранных долгов (*J. Sadoul.* Notes sur la revolution bolshévique, 1919, p. 309). Слухи, будто Гуковский был сторонником денационализации банков, продолжали циркулировать и были опровергнуты им на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в мае 1918 г. ("Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 133).

321. См. выше, с. 78–80.

322. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 4, ст. 56; то, что этот декрет – так же как и другие декреты этого периода – было легче выпустить, чем осуществить, показывает распоряжение народного комиссариата финансов, выпущенное более года спустя и содержавшее подробную инструкцию по ликвидации этих двух банков ("Сборник декретов и распоряжений по финансам, 1917–1919", 1919, с. 54–55).

323. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 90, ст. 912. Крестинский впоследствии откровенно заявил о причинах задержки с захватом Московского народного банка: "Октябрьская революция была проделана нами в союзе со всем крестьянством, боровшимся вместе с нами за власть и за землю. Если бы в то время мы покусились на Московский Народный Банк, это несомненно оттолкнуло бы от нас часть шедшего с нами крестьянства и ослабило бы наш удар по общему врагу. Но когда мы увидели, что в деревне начался процесс расслоения, мы решились овладеть и московским банком, зная, что будем поддержаны в этом сочувствующими нам слоями деревни – беднотой и середняками" ("Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами", 1919, с. 76).

324. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 90, ст. 907.

325. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 273.

326. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 13, ст. 185.

327. Там же, № 27, ст. 353. Согласно докладу, опубликованному в: "Foreign Relations of the United States, 1918: Russia", v. III, 1932, p. 31–32, – этот декрет был одобрен Совнаркомом 1/14 января 1918 г. и ВЦИК 21 января/3 февраля 1918 г.; задержка с его обнародованием "по международным соображениям" была подтверждена в: "Народное хозяйство", 1918, № 11, с. 19.

328. Положение относительно обмена вкладов, не превышающих 10 000 рублей, на соответствующий заем РСФСР выполнено не было по причине отсутствия такого займа; в октябре 1918 г. был выпущен декрет, в соответствии с которым эти суммы должны были быть записаны на имя их владельцев в кредит счета в Государственном банке ("Собрание узаконений, 1917–1918", № 79, ст. 834).

329. "Foreign Relations of the United States, 1918: Russia", v. III, 1932, p. 33.

330. "На новых путях", 1923, т. II, с. 2.

331. Статистическая информация за период 1914–1917 гг. собрана в удобном виде в: *A.Z. Arnold.* Banks, Credit and Money in Soviet Russia. N. Y., 1937, p. 27–52. Наблюдалось также и быстрое расширение банковского кредита, подробности о котором даны в: *М.С. Атлас.* Цит. соч., с. 28, 36–37.

332. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 19.

333. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 24, ст. 331; № 39, ст. 509.

334. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 21.

335. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 19.

336. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 5, ст. 71; № 12, ст. 169.

337. Там же, № 14, ст. 205.

338. В оценке и взимании этих контрибуций, естественно, случались и злоупотребления: так, народный комиссар финансов Гуковский приводил в качестве примера случай, когда с небольшого городка в Пермской губернии с 5000 жителей потребовали уплатить 2 млн. руб. ("Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 142).

339. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 31, ст. 408.

340. "Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами", 1919, с. 34. ВЦИК просто официально подтверждал то, чего он не мог предотвратить. "Если бы мы пытались провести в жизнь какое-нибудь налоговое обложение, – сказал Ленин в ходе дискуссий, – мы сейчас натолкнулись бы на то, что отдельные области в настоящее время проводят налоговое обложение, кто как вздумает, кому как придется, кому как позволяют местные условия" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 226).

341. Т. 1, гл. 6.

342. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 18–19; впоследствии раздавались жалобы, что это совещание было проведено в полной изоляции от Наркомфина и "в атмосфере местных интересов: местных нужд, местных налогов, местных бюджетов" ("Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами", 1919, с. 4).

343. Аргументы Гуковского можно изучить на основании его пространного выступления на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства ("Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 129–143).

344. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. XXIII, 2-е изд., с. 19–20.

345. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 140; в другом месте (там же, с. 133) Гуковский заявлял, что запросы от ведомств составляли сумму в 24 млрд. руб. и были урезаны до 14 млрд., однако эти цифры явно неполны. Бюджет на первую половину 1918 г. был одобрен Совнаркомом 11 июля 1918 г. ("Собрание узаконений, 1917–1918", № 50, ст. 579); согласно официальным цифрам, суммарные расходы на этот период составили 17,6 млрд. руб., а доходы – 2,8 млрд. (*C.Y. Sokolnikov etc.* Soviet Policy in Public Finance. Stanford, 1931, p. 126).

346. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 147–149.

347. Там же, с. 116–128, 173.

348. Там же, с. 483.

Глава 17. Военный коммунизм

1. "Пятый Всероссийский съезд Советов", 1918, с. 55.

2. Там же, с. 75.

3. Там же, с. 56–57; цитаты из эсеровских журналов того периода приводятся в: "Известия Академии наук СССР...", т. VI, 1949, № 3, с. 235–236. Неприятие наемного труда всегда было одним из пунктов партийной программы эсеров; Ленин задолго до этого заявлял, что "главный признак и показатель капитализма в земледелии – наемный труд" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 226).

4. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 42, ст. 522; "Пятый Всероссийский съезд Советов", 1918, с. 56.

5. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 57, ст. 633; № 62, ст. 677.

6. Там же, № 58, ст. 638.

7. "Пятый Всероссийский съезд Советов", 1918, с. 143–144.

8. Одному из членов английской лейбористской делегации, посетившей два года спустя несколько деревень в Поволжье, рассказывали об "одной из окрестных деревень, где в то время возникли беспорядки, в результате которых погибло много крестьян" (British Labour Delegation to Russia 1920: Report, p. 132).

9. "Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 170; другой делегат привел данные о том, что всего рабочими организациями было направлено в такие отряды 30 тыс. человек (там же, с. 174).

10. "Собрание узаконений, 1919", № 1, ст. 13.

11. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 219–220.

12. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 82, ст. 864; № 91–92, ст. 928.

13. См. выше, с. 198.

14. "Собрание узаконений, 1919", № 1, ст. 10, 11.

15. По официальным данным Наркомпрода, общий сбор (в миллионах пудов) за эти годы был следующим: 1917–1918 гг. – 47,5; 1918–1919 гг. – 107,9; 1919–1920 гг. – 212,5; 1920–1921 гг. – 283,0 ("Пять лет власти Советов", 1922, с. 377). Эти цифры не представляют особой ценности частично из-за того, что вряд ли в эти первые годы велась точная статистика, а частично потому, что районы, о которых идет речь, не были постоянными; Поволжье было включено впервые в 1918–1919 гг., а Украина, Закавказье и Средняя Азия – в 1919–1920 гг. Те же данные с некоторыми изменениями приводятся в: *C.Y. Sokolnikov.* Op. cit., p. 93.

16. На следующий год, когда официальная политика начала направляться в пользу среднего крестьянства, было заявлено, что оно больше предрасположено к коллективному хозяйствованию, чем мелкие крестьяне, которые "еще не порывают с мелким хозяйством" (*Бухарин* и *Преображенский.* Азбука коммунизма, 1919, гл. XIII, § 114); в действительности же как мелкие, так и средние крестьяне были одинаково сильно привязаны к старым формам земельного владения.

17. В мае 1918 г. все земли, кроме (в ст. 457 говорится обо всех землях, включая крестьянские земельные участки. – *Ред.*) крестьянских земельных участков, которые хоть раз, начиная с 1914 г., засевались свеклой, объявлялись "неотъемлемым земельным фондом национализированных сахарных заводов" ("Собрание узаконений, 1917–1918", № 34, с. 457); декретом от 13 июля 1918 г. управление этой землей передавалось Главному сахарному комитету (Главсахар) ВСНХ ("Производство, учет и распределение продуктов народного хозяйства", б.д., с. 16). В октябре 1918 г. Наркомзем получил полномочия национализировать образцовые фермы, хозяйства со сложным "техническим оборудованием" и "бывшие крупные имения с развитыми специальными отраслями" ("Собрание узаконений, 1917–1918", № 72, ст. 787).

18. В феврале 1919 г. Наркомзем издал "нормальный устав" для сельскохозяйственных коммун, который был написан чисто в духе примитивного коммунизма: "Желающий вступить в коммуну отказывается в ее пользу от личной собственности на денежные средства, орудия производства, скот и вообще всякое имущество, необходимое в ведении коммунистического хозяйства... Коммунар должен отдавать все свои силы и способности на служение коммуне... Коммуна берет от каждого своего члена по его силе и способностям и дает ему по его насущным потребностям" ("Нормальный устав сельскохозяйственных производительных коммун", 1919, с. 4–5).

19. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 327.

20. *В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 171–172.

21. Об этом решении говорится в одной из сносок в: *В.И. Ленин.* Избранные произведения, т. 8, с. 409; оригинальный источник не найден.

22. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 81, ст. 856.

23. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 352–364, 609, сн. № 159.

24. *Н...ский.* Второй Всероссийский съезд профсоюзов, 1919, с. 85.

25. "Собрание узаконений, 1919", № 4, ст. 43.

26. Там же, № 91–92, ст. 927.

27. Там же, № 9, ст. 87; в более позднем декрете сделана попытка ограничить эту систему крупными организациями, контролирующими группы советских хозяйств, хотя "временно, в качестве исключения" отдельные хозяйства все же могут передаваться в пользование отдельных фабрик (там же, № 24, ст. 277).

28. "Два года диктатуры пролетариата", 1919, с. 47–50; восторженный автор описывает проект строительства санаториев в приобретенных таким образом хозяйствах.

29. Приведенные выше данные взяты из: "О земле", т. I, 1921, с. 30–40, издание Наркомзема; "Отчет Народного комиссариата земледелия IX Всероссийскому съезду Советов", 1921, с. 106–107; *В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 171. В последнем источнике приводятся более низкие показатели о совхозах в 1918 и 1919 гг.

30. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 200.

31. Там же, с. 27–30.

32. "Пятый Всероссийский съезд Советов", 1918, с. 143.

33. Стычка с обеих сторон не была полностью непредумышленной; один из представителей эсеров во ВЦИК охарактеризовал создание комитетов как план "итти войной на упразднение Советов Крестьянских депутатов" ("Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва", 1920, с. 403).

34. О Петроградском съезде см.: доклад Зиновьева ("Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов", 1918, с. 89) и *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 144, 581–582, сн. № 63; о заседании VI съезда Советов см.: "Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов", 1918, с. 86–93; эта резолюция есть также в: "Съезды Советов РСФСР в постановлениях", 1939, с. 120–121. За день до внесения петроградской резолюции на рассмотрение Всероссийского съезда Советов Ленин, выступая на Областном съезде комитетов деревенской бедноты Северной области в Москве, следующим образом охарактеризовал возможный результат этих предложений: "Мы сольем комбеды с Советами, сделаем так, чтобы комбеды стали Советами" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 181); похоже, московский съезд причинил меньше хлопот, чем петроградский.

35. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 86, ст. 901.

36. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 192.

37. Дифференциация между процветающими кулаками и голодными безземельными крестьянами была более разительной на Украине, особенно после столыпинской реформы, чем в Центральной России. Ленин в беседе с английским наблюдателем заметил в это время, что гражданская война, вероятно, будет более ожесточенной на Украине, чем где-либо, так как там инстинкт собственности в крестьянстве более развит, а меньшинство и большинство более равны между собой (*A. Ransome.* Six Weeks in Russia in 1919, 1919, p. 151). То же самое мнение было высказано им два года спустя (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 156). Похоже, такой механизм, как комитеты деревенской бедноты, был поэтому особенно приспособлен для Украины. Однако и он не гарантировал от ошибок в аграрной политике. Согласно официальному историку партии, ошибки, допущенные в РСФСР, повторились весной 1919 г. на Украине. Здесь была предпринята та же попытка "механического насаждения совхозов и коммун при разрушенной индустрии, без малейших технических предпосылок (не говоря уже о политической подготовке) и без учета потребностей среднего крестьянина"; III съезд партии в Харькове в марте 1919 г. упрямо продолжал настаивать на "переходе от единоличного хозяйства к коллективному" (*Н.Н. Попов.* Очерк истории Коммунистической партии (большевиков) Украины, 5-е изд., 1933, с. 181, 185–186). Ленин в это же время, на VIII съезде партии в Москве, осторожно заметил, что, может быть, "на тех окраинах России", включая Украину, придется, как это было в РСФСР, эту политику видоизменить, и было бы ошибкой списывать декреты "для всех мест России... без разбора, огулом" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 144). Тем не менее украинские комитеты незаможних крестьян (Комнезаможи) пережили введение НЭПа: в поддержку их деятельности выступил один из делегатов VIII Всероссийского съезда Советов в декабре 1920 г. ("Восьмой Всероссийский съезд Советов", 1921, с. 202).

38. *В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 161–162.

39. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 161.

40. Там же, т. 36, с. 508; т. 37, с. 36.

41. "Известия", 18 августа 1918 г., цитируется в: *В.И. Ленин.* 2-е изд., т. XXIV, с. 767–768, прим. № 61.

42. Т. 1, гл. 7.

43. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 196.

44. Ленин отмечал, что среднее крестьянство "будет, конечно, колебаться и согласится перейти к социализму лишь тогда, когда увидит прочный, на деле показательный пример того, что этот переход необходим" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 361); впоследствии он охарактеризовал его как "такой класс,

который колеблется", так как он "отчасти собственник, отчасти труженик" (там же, т. 38, с. 196).

45. Там же, т. 43, с. 218.

46. См. ниже, с. 392–393; Ленин уже цитировал этот отрывок во время обсуждения аграрной политики в ноябре 1918 г. (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 208–210).

47. Там же, т. 38, с. 128, 145, 146, 187–205.

48. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 292, 303–309.

49. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 224, 255.

50. Там же, т. 39, с. 312, 315.

51. "Съезды Советов РСФСР в постановлениях", 1939, с. 142–144.

52. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 204.

53. Там же, с. 294; Ленин обратился вновь к этому лозунгу два года спустя, когда привел его в такой форме: "Мы большевики, но не коммунисты. Мы – за большевиков, потому что они прогнали помещиков, но мы не за коммунистов, потому что они против индивидуального хозяйства" (там же, т. 44, с. 43).

54. "Народное хозяйство", 1919, № 6, с. 18.

55. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 314.

56. "7-й Всероссийский съезд Советов", 1920, с. 199, 219.

57. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 428.

58. Der Zweite Kongress der Kommunist. Internationale Hamburg, Hamburg, 1921, S. 318; *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 252. Для "передовых капиталистических стран" резолюция Конгресса по аграрному вопросу рекомендовала "сохранение крупных сельскохозяйственных предприятий и ведение их по типу советских хозяйств в России", хотя и признавала, что в России в силу ее экономической отсталости "сравнительно редким исключением" было обращение имений в так называемые "советские хозяйства" ("Коммунистический Интернационал в документах", 1933, с. 136).

59. Должно быть, урожай на Украине сильно пострадал от польского нашествия в мае и июне: нельзя подсчитать, насколько плохие результаты могут быть объяснены этой причиной, насколько – засухой и насколько – предыдущими разорениями.

60. "Собрание узаконений, 1920", № 66, ст. 298.

61. Согласно подсчетам в: *Л. Крицман.* Цит. соч., с. 131–133, – примерно треть решающего урожая 1920 г. была припрятана крестьянами.

62. Там же, с. 68; другая таблица (там же, с. 67) показывает, что больше половины хозяйств, располагавших участками до четырех десятин, имели меньше двух десятин. Аналогичную картину вскрывает таблица (там же, с. 67), показывающая число лошадей на каждое хозяйство. Процент хозяйств без лошадей сократился с 29 в 1917 г. до 7,6 (очевидно, опечатка: до 27,7. – *Ред.*) в 1920 г., процент хозяйств с одной лошадью возрос с 49,2 до 63,6, а процент хозяйств с более чем двумя лошадьми упал с 4,8 до 0,9.

63. "Резолюции Третьего Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1920, с. 22.

64. "Восьмой Всероссийский съезд Советов", 1921, с. 123.

65. Летом 1920 г., когда Ленин прочитал замечание Варги, вызванное опытом Венгерской революции, о том, что "реквизиции не ведут к цели, так как они влекут за собой сокращение производства", он сопроводил его двумя вопросительными знаками ("Ленинский сборник", т. VII, 1928, с. 363); несколько месяцев спустя заявление Бухарина в "Экономике переходного периода" о том, что принуждение в отношении крестьянства не должно рассматриваться как "чистое насилие", поскольку оно "является фактором, идущим по главной линии обще-экономического развития", было сопровождено ленинским "очень хорошо" ("Ленинский сборник", т. XI, с. 345–403).

66. "Десятый съезд Российской коммунистической партии", 1921, с. 37–38; в течение зимы Наркомпрод был вынужден временно прекратить сбор зерна в общей сложности в 13 губерниях (там же, с. 231).

67. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 363.

68. Там же, т. 42, с. 147.

69. "Восьмой Всероссийский съезд Советов", 1921, с. 42.

70. Там же, с. 122.

71. Там же, с. 201.

72. Там же, с. 202.

73. Там же, с. 123–125.

74. Там же, с. 148.

75. Этот проект был разработан Осинским в брошюре "Государственное регулирование крестьянского хозяйства", 1920: Осинский осудил любое предложение "заменить монополию на распределение продовольствия натуральным налогом" как ведущие к свободной торговле, а значит, и к "прокулацкой" политике (там же, с. 16).

76. Эта резолюция ("Съезды Советов в постановлениях", 1939, с. 170–175) была опубликована вместе с другими резолюциями съезда в: "Собрание узаконений, 1921", № 1, ст. 9; в начале января был выпущен декрет, провозгласивший официальное создание комитетов по расширению посевов (там же, № 2, ст. 14), а в конце месяца – еще один декрет, определяющий их функции (там же, № 7, ст. 52), – последнее мертворожденное дитя сельскохозяйственной политики военного коммунизма.

77. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 47, ст. 559; об этом декрете см. выше, с. 99–100.

78. "Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству", т. II, 1920, с. 83.

79. Народники прославляли эти сельские народные промыслы в качестве здоровой альтернативы капиталистической промышленности городов; русские марксисты, напротив, охарактеризовали их определением "кустарный" и применяли его в метафорическом смысле слова ко всему мелкому, неорганизованному и отсталому. Перед революцией эти сельские промыслы уже подвергались процессу проникновения мелких предпринимателей, которые организовывали и "потогонили" труд крестьянских семей.

80. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 290.

81. "Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства" (б.д.), с. 396.

82. "Резолюции Третьего Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1920, с. 30–32. Другая резолюция этого съезда, предложенная Троцким, показала, насколько ревниво относились профсоюзы к сельским промыслам: поддержка оказывалась только "абсолютно необходимым отраслям". Причем общая политика была направлена на то, чтобы "заменить кустарную промышленность фабрикой" (там же, с. 28).

83. "Собрание узаконений, 1920", № 93, ст. 512.

84. Результаты переписи полностью суммированы в: "На новых путях", 1923, т. III, с. 165–178.

85. Эти цифры собраны в: *Л. Крицман.* Цит. соч., с. 127–128 – без какой-либо попытки сгладить противоречия; *В.П. Милютин* (Цит. соч.) приводит цифру на февраль 1920 г., составляющую немногим меньше 65 тыс. национализированных предприятий, из которых почти 3 тыс. были "третированы как особо важные предприятия", а остальные 3500 управлялись местными совнархозами.

86. Эта точка зрения была подчеркнута в Манифесте I конгресса Коминтерна, по всей вероятности подготовленном Троцким: "Огосударствление экономической жизни, против которого так протестовал капиталистический либерализм, стало совершившимся фактом. От этого факта назад – не только к свободной конкуренции, но и к господству трестов, синдикатов и других экономических спрутов – возврата уже нет. Вопрос состоит только в том, кто дальше будет носителем огосударствленного производства: империалистическое государство или государство победоносного пролетариата" ("Коммунистический Интернационал в документах", 1933, с. 55–56; *Троцкий.* Сочинения, т. XII, с. 41).

87. См. гл. 16.

88. *В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 170. Текстильная промышленность, которая была слишком велика и слишком распылена для полного трестирования, была в это время организована в 40 "союзов" под единым центральным управлением (там же, с. 171).

89. "Народное хозяйство", 1918, № 10, с. 31.

90. Эти и другие подобные декреты этих месяцев собраны в "Сборнике декретов и постановлений по народному хозяйству", т. II, 1920, с. 9–10, 121–134; многочисленные декреты того же периода о национализации индивидуальных предприятий опубликованы там же, с. 137–167.

91. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 58, ст. 644; *В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 168. Подробное описание организации ВСНХ в это время содержится в: *Л. Крицман.* Цит. соч., с. 99–105.

92. "Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", с. 396–400; об этой резолюции см. ниже, с. 253–254. На том же съезде была принята подробная резолюция об управлении промышленностью (там же, с. 402–403).

93. "Бюллетени Высшего Совета народного хозяйства", 1918, № 6–8, с. 34–38.

94. "Главтабак", № 1, август 1918 г., с. 50.

95. "Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству", т. II, 1920, с. 66; о "Центротекстиле" см. выше, с. 79–80.

96. Там же, с. 37, 39, 72.

97. Список есть в: *Л. Крицман.* Цит. соч., с. 100–101; в более позднем списке на ноябрь 1920 г. насчитывалось всего 74 главка, центра и отделения ВСНХ ("Народное хозяйство", 1921, № 4, с. 48).

98. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 428.

99. "Народное хозяйство", 1918, № 12, с. 30–31.

100. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", с. 406–408. На этом съезде было подчеркнуто, что "все производство местного значения и его организации... остаются в руках местных (т.е. губернских) Совнархозов" и что "главки и центры, которые регулируют промышленность во всероссийском масштабе, должны поддерживать прямой контакт с президиумами местных Совнархозов" (там же, с. 208); однако маловероятно, что эти утешительные заверения получили широкое практическое распространение.

101. См. выше, с. 166–167.

102. "Народное хозяйство", 1919, № 4, с. 16–19.

103. Там же, 1919, № 5, с. 40–45.

104. Т. 1, гл. 9.

105. "7-й Всероссийский съезд Советов", 1920, с. 197, 218, 222.

106. "Резолюции Третьего Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1920, с. 6–7, 15–16.

107. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 331.

108. См. гл. 16.

109. "Народное хозяйство", 1918, № 1, с. 19.

110. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 312.

111. Там же, т. 36, с. 178.

112. Там же, с. 309.

113. Там же, с. 380–381.

114. "Народное хозяйство", 1918, № 10, с. 31.

115. "Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", с. 213. Согласно данным, приведенным Рыковым два года спустя, президиумы ВСНХ и губернских совнархозов состояли тогда на 57% из рабочих, главки и центры – на 51, а заводская администрация – на 63%; весь хозяйственный аппарат, находившийся под управлением ВСНХ, на 61% состоял из рабочих и на 30% из специалистов ("Восьмой Всероссийский съезд Советов", 1921, с. 103). Правда, многие рабочие выполняли главным образом "представительские" функции.

116. "Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", с. 25–26.

117. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 58.

118. "ВКП(б) в резолюциях...", т. I, с. 291.

119. *Г.К. Джинс.* Сибирь, союзники, Колчак. Пекин, 1921, т. II, с. 429; заявление *Л. Крицмана* (Цит. соч., с. 200) о том, что сразу же после национализации все представители капиталистов были изгнаны из главков, противоречит всем другим источникам.

120. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 356.

121. Там же, с. 426–429; Милютин в это время также говорил о "скрытом, если не явном, саботаже" специалистов и рассматривал "процесс подготовки организаторов из рабочих рядов" как средство против этого (*В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 168).

122. Любопытным и показательным в этом отношении документом является письмо, адресованное Ленину бывшим профессором Воронежского сельскохозяйственного института, в то время являвшимся председателем Центрального

управления государственными предприятиями кожевенной промышленности, которое было опубликовано вместе с ответом Ленина в "Правде" 28 марта 1919 г. (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 218–222). Автор письма выражал неудовольствие по поводу преследований "местными властями" "мелких буржуев" – специалистов и представителей интеллигенции, работающих на Советскую власть. Сюда входили "постоянные вздорные доносы и обвинения, безрезультатные, но в высшей степени унизительные обыски, угрозы расстрела, реквизиции и конфискации". Ленин предположил, что некоторые из жалоб были преувеличены, и намекнул на то, что буржуазные специалисты слишком злоупотребляют своим привилегированным положением, однако признал наличие грубого отношения и предложил от имени партии придерживаться "товарищеского отношения к интеллигентам". Одной из причин для возмущения было требование одного официального служащего – коммуниста, чтобы профессор спал с женой в одной кровати; Ленин отмечал, что "в среднем" на российского гражданина никогда по одной кровати не приходилось. Примерно через три года Ленин резко осудил факты "убийства инженеров рабочими на социализированных рудниках не только Урала, но и Донбасса" и самоубийство главного инженера московского водопровода в результате непрерывной травли (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 350).

123. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 334.

124. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 148.

125. "Восьмой Всероссийский съезд Советов", 1921, с. 214.

126. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 592.

127. Об этом декрете см. приложение Г.

128. *В.И. Ленин.* Соч., т. XXII, с. 627 (источник указан неправильно. – *Ред.*).

129. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 200.

130. Там же, т. 37, с. 397.

131. "Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", с. 393.

132. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 428–429.

133. Там же, т. 40, с. 76; стенографический отчет этого съезда не был опубликован, и единственное изложение выступления Ленина сохранилось в виде газетного отчета. О "трудовых армиях" см. ниже, с. 211–214.

134. "Резолюция Третьего Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1920, с. 13.

135. Сообщение об этих дискуссиях дано в: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 378, прим. 35; там же, с. 259.

136. Т. 1, гл. 8.

137. Проект резолюции Троцкого и два набора контртезисов приводятся в: "Девятый съезд РКП(б)", 1934, с. 513, 535, 537–539.

138. Там же, с. 140, 168, 169.

139. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 248–257, 258–267.

140. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 332–333, 339.

141. "Девятый съезд ВКП(б)", 1934, с. 257.

142. См. выше, с. 172–173.

143. "Народное хозяйство", ноябрь 1920 г., с. 12.

144. Там же, 1921, № 4, с. 56.

145. Согласно одному подсчету, производительность труда рабочего в крупной промышленности в 1920 г. составляла 39% уровня 1913 г., а в мелкой промышленности – 57% (*Л. Крицман.* Цит. соч., с. 190); мелкая промышленность представляла собой главным образом сельскую промышленность, и условия в ней приближались к условиям в сельском хозяйстве.

146. "Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами", 1919, с. 49.

147. Полная картина кризиса на транспорте показана в докладе Троцкого на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. ("Восьмой Всероссийский съезд Советов", 1921, с. 154–175); о знаменитом "Приказе № 1042" и успешных попытках Троцкого исправить положение на транспорте см. гл. 20.

148. "Резолюции Третьего Всероссийского съезда Советов народного хозяйства". 1920, с. 22.

149. "Седьмой съезд Российской коммунистической партии", 1924, с. 33, 45..

150. "Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", с. 75.

151. "Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 138.

152. Цифры взяты из исследования С.Г. Струмилина в публикации ВСНХ "Два года диктатуры пролетариата, 1917–1919" (б.д.), с. 17–18, который откровенно признает невозможность каких-либо точных оценок; в данных профсоюзов на 1919 г., возможно, преувеличено число работающих в это время.

153. *Ю.С. Розенфельд.* Цит. соч., с. 317.

154. "Народное хозяйство", 1920, № 9–10, с. 2–6; статистика этого периода по конкретным фабрикам или отдельным отраслям промышленности (там, где она велась), по всей вероятности, более надежна, чем общие статистические данные.

155. "Резолюция Третьего съезда Советов народного хозяйства", 1920, с. 25.

156. British Labour Delegation to Russia, 1920: Report, 1920, p. 18.

157. "Экономическая жизнь", 1 декабря 1920 г.

158. "За пять лет", 1922, с. 406–408; подробные данные об угольных шахтах Донецкого бассейна есть в: "На новых путях", 1923, т. III, с. 47–49.

159. Там же, с. 180–181.

160. Это было обычным предметом насмешек меньшевиков и других оппонентов режима; в мае 1921 г. Ленин ответил, что "...даже тогда, когда пролетариату приходится переживать период деклассированности... он... свою задачу завоевания и удержания власти осуществить может" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 311).

161. *Л. Крицман,* который обратил внимание на снижение влияния ВСНХ, привел несколько примеров передачи его функций в течение 1920 г. Наркомпроду и другим комиссариатам (Цит. соч., с. 208); Ленин в 1921 г. охарактеризовал Наркомпрод как "один из лучших наших аппаратов" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 72). Об СТО см. гл. 20.

162. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 256.

163. "Восьмой Всероссийский съезд Советов", 1921, с. 89–90. С другой стороны, Рыков предупреждал съезд: "То готовое, что получили от буржуазии", теперь полностью истощено, и поэтому "предстоящие годы... должны показать, могут ли рабочие и крестьяне не только проживать то, что они получили, но и сами сделать все то, что для них нужно" (там же, с. 94).

164. *Н. Бухарин.* Экономика переходного периода, 1920, с. 48; цитируемая работа Гиневецкого "Послевоенные перспективы русской промышленности" была написана в 1918 г. Троцкий еще в январе 1920 г. успокаивал участников III Всероссийского съезда Советов народного хозяйства размышлениями о том, что "переход от одного хозяйственного строя к другому всегда покупался неисчислимыми жертвами и в том числе жертвами в области хозяйства" (*Троцкий.* Соч., т. XV, с. 55).

165. *Л. Крицман.* Цит. соч., с. 56.

166. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 48, с. 568.

167. Там же, № 87–88, ст. 905.

168. См. гл. 16.

169. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 64, ст. 704.

170. Там же, № 80, ст. 838.

171. Там же, № 73, ст. 73, 792. Трудовая книжка имела для Ленина символическое значение, и он не далее как в сентябре 1917 г. писал: "Рабочая книжка есть у каждого рабочего. Его не унижает этот документ, хотя он *теперь,* несомненно, является документом капиталистического наемного рабочего, свидетельством на принадлежность трудящегося человека тому или иному тунеядцу. Советы введут рабочие книжки *для богатых, а затем* с постепенностью и для всего населения... Она превратится в свидетельство того, что в новом обществе нет больше "рабочих", но зато и нет никого, кто бы не был *работником*" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 311). Трудовые книжки для рабочих (в то время только для Москвы и Петрограда) были впервые введены декретом в июне 1919 г.; военнослужащие Красной Армии и флота также обязаны были иметь трудовые книжки ("Собрание узаконений, 1919", № 28, ст. 315).

172. См. выше, с. 148.

173. Три проекта резолюции есть в: "Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 72–78, 92–94, 94–96, а данные голосования – там же, с. 97.

174. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 449; это слово, *"огосударствление"*, стало расхожим в спорах о профсоюзах; оно применялось и как эквивалент нацио-

нализации промышленности, хотя здесь более часто использовалось слово *"национализация"*.

175. "Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 96–97; Рязанов, поддерживая большевистскую резолюцию, заявил, что "нашим идеалом является не дальнейшее огосударствление, а де-огосударствление всей нашей общественной жизни" (там же, с. 69) – поистине уникальный пример того, как концепция умирающего государства была использована для того, чтобы прикрыть прямое сращивание с государственной властью.

176. "Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 98–99.

177. *Н...ский.* Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов, 1919, с. 96; Зиновьев, который на I съезде профессиональных союзов выступил с предложением учредить государственные субсидии для забастовочного фонда (см. выше, с. 91), на III съезде в январе 1920 г. заявил, что, коль скоро профсоюзы больше не нуждаются в забастовочном фонде, эти средства могут быть использованы для того, чтобы создать международный фонд для революционных профсоюзов в других странах ("Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1920, с. 14). Даже в разгар гражданской войны неофициальные забастовки время от времени продолжали иметь место: в 1919 г. Шляпников в ВЦСПС выдвинул резолюцию, призывающую профсоюзы стараться не давать рабочим повода для недовольства и таким образом "бороться всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами против дезорганизующих тенденций к забастовкам, объясняя им гибельный характер этих методов" (цитируется по неопубликованным архивам X съезда РКП(б), 1933, с. 869–870).

178. "Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 156–157.

179. Там же, с. 153–154.

180. Это показано в: *A. Bergson.* The Structure of Soviet Wages. Harvard, 1944, p. 182.

181. "Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов", т. I (пленумы), с. 152, 157.

182. "Собрание узаконений, 1919", № 5, ст. 52; № 15, ст. 171; ставки для Петрограда составляли 120% ставок для Москвы, а для железнодорожников Мурманской линии к северу от Петразаводска поднялись до 125% (вероятно, из-за особенно тяжелых условий). Во всех других городах (за исключением Ярославля, где ставки составляли 100%) они были ниже, чем в Москве, а в сельских районах – ниже, чем в городах; самые низкие ставки были на Северном Кавказе (45%). Правда, можно сомневаться в том, как точно эти тщательно разработанные правила осуществлялись на деле.

183. Там же, № 18, ст. 206; в октябре 1919 г. жалованье "ответственных политработников" вновь увеличилось, чтобы компенсировать повышение цен, причем высшая категория работников получала 4200 руб. в месяц (там же, № 50, ст. 489); в июне 1920 г. было еще одно повышение, доведя эту категорию до 7600 руб. ("Собрание узаконений, 1920", № 53, ст. 231). После того, как при "военном коммунизме" жалованье в денежном выражении потеряло свой смысл, и после введения НЭПа данные об окладах служащих, как правило, больше не публиковались.

184. Там же, № 41, ст. 396.

185. "Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1918, с. 375.

186. "Профессиональные союзы СССР". Под. ред. *Ю.К. Милонова,* 1927, с. 164.

187. "Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1919, т. I (пленумы), с. 191–193.

188. Эти цифры привел на X съезде партии Зиновьев ("Десятый съезд Российской коммунистической партии", 1921, с. 188). Он признал, что этими цифрами не надо обманываться, но заявил, что для сравнения они годятся; вероятно, это так и было. Другие источники приводят лишь не намного отличающиеся данные.

189. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 290–291; о дисциплинарной роли профсоюзов в окончательном тексте резолюции сказано в гораздо более сильных выражениях, чем в ленинском первоначальном проекте, очевидно написанном в феврале 1919 г., в котором тем не менее содержалось требование максимально-

го использования "всей имеющейся в государстве рабочей силы" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 435); в этот период положение на фронтах гражданской войны в значительной степени осложнилось.

190. "Известия", 11 апреля 1919 г.

191. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 271–274, 275–296.

192. "Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1920, т. I (пленумы), с. 87.

193. "Собрание узаконений, 1919", № 14, ст. 163; этим декретом был открыт путь для более позднего широкого привлечения "трудовых армий" на шахтах.

194. *Н. Бухарин.* Экономика переходного периода, 1920, с. 105.

195. "Производство, учет и распределение продуктов народного хозяйства: сборник декретов", б.д., 1921, с. 446–448.

196. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 5–6.

197. Согласно Бухарину и Преображенскому ("Азбука коммунизма", гл. XII, § 100), число работавших на коммунистических субботниках возросло с 5 тыс. в августе до 10 тыс. человек в сентябре 1919 г.; приводятся примеры того, что квалифицированные рабочие достигали 213% обычной выработки, а неквалифицированные – 300%.

198. См. выше, с. 162.

199. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 120.

200. "Собрание узаконений, 1919", № 57, ст. 543.

201. Там же, 1920, № 8, ст. 49; был принят дополнительный декрет, побуждающий сельские Советы принять участие в мобилизации сельских тружеников в трудовые армии (там же, № 11, ст. 68). Весной 1920 г. один из участников общественных работ в Коломенском рассказывал членам делегации английских лейбористов, "что очень часто бывают побеги с общественных работ и что солдаты ловят дезертиров и возвращают их в деревню" (British Delegation to Russia, 1920: Report, 1920, p. 18).

202. Летом 1920 г. Московский комитет выпускал еженедельный официальный бюллетень "Известия Московского комитета по трудовой повинности", анализ которого в сочетании с современной прессой мог бы пролить значительный свет на то, как функционировала система трудовой повинности. Декрет от 4 мая 1920 г. ("Собрание узаконений, 1920", № 35, ст. 168) возложил на Главкомтруд и его местные органы всю ответственность за борьбу с дезертирством с трудового фронта.

203. Вся эта информация была приведена в обстоятельном и откровенном докладе на III Всероссийском съезде профсоюзов в апреле 1920 г. ("Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1920, т. I (пленумы), с. 50–51).

204. "Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов" (1922), с. 83.

205. *Л. Крицман.* Цит. соч., с. 106.

206. "Собрание узаконений, 1919", № 12, ст. 124; № 20, ст. 235.

207. Там же, № 12, ст. 130.

208. *Ю. Ларин* и *Л. Крицман.* Цит. соч., с. 126–127; именно отождествление исправительных работ с наиболее тяжелыми видами труда, в которых нуждалось общество, придало этому учреждению особенно жестокий характер.

209. Протоколы заседаний съезда не были опубликованы, однако речь Троцкого была издана в виде брошюры и позднее перепечатана в его собрании сочинений (*Л. Троцкий.* Сочинения, т. XV, с. 52–78).

210. См. выше, с. 158–159.

211. Первый "рабочий дисциплинарный товарищеский суд" на фабрике был создан в середине 1919 г. ("Собрание узаконений, 1919", № 56, ст. 537); вскоре они стали повсеместным средством налаживания производственной дисциплины. Существует очень мало подробных данных о том, как функционировали товарищеские суды, но некоторые цифры о судебных разбирательствах дел фабричных служащих и рабочих показывают характер обвинений, выдвигаемых против них, и налагаемых на них взысканий. Почти половина из 945 зафиксированных случаев нарушений представляли собой несвоевременный приход на работу и уход с работы; затем в порядке частности идут обвинения в "неправильном поведении в отношении к клиентам", "неприсутствие на сверхурочной работе по субботам", "неподчинение профсоюзной дисциплине", "отказ выполнить указание", "самовольный уход с работы" и "пропаганда за сокращение

рабочего дня". Оправдательные приговоры выносились в более чем четверти случаев, увольнение – почти в половине случаев (*Д. Антошкин.* Профдвижение служащих, 1927, с. 152). Годы спустя после того, как военный коммунизм стал мучительным воспоминанием, Томский со стыдом вспоминал, что некоторые профсоюзы в то время дошли до того, что "открыли тюрьмы" для своих провинившихся членов ("Восьмой съезд профессиональных союзов СССР", 1929, с. 42–44).

212. "Резолюции Третьего Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1920, с. 25–30.

213. "Собрание узаконений, 1920", № 3, ст. 15; Троцкий в последующем докладе во ВЦИК утверждал, что первая армия была сформирована из третьей армии "по ее собственной инициативе" (*Л. Троцкий.* Сочинения, т. XV, с. 5; там же, с. 263–342, собраны многие документы, относящиеся к первой трудовой армии). На IX съезде партии Троцкий хвалился, что "везде, где создавались трудармии... вокруг них кристаллизовался областной хозяйственный центр", и заявил, что "это в высшей степени хорошая работа, но это работа нелегальная" ("Девятый съезд РКП(б)", 1934, с. 114). Сразу же после этого было решено "возложить на Революционный совет первой трудармии общее руководство работой по восстановлению и укреплению хозяйственной и военной жизни на Урале" ("Собрание узаконений, 1920", № 30, ст. 151). В августе 1920 г. такими же функциями был наделен Революционный совет трудовой армии юго-восточной России (там же, № 74, ст. 344), и не далее как в ноябре 1920 г. Совет трудовой армии Украины был признан в качестве "местного органа Совета труда и обороны" (там же, № 86, ст. 428). Статьи и выступления Троцкого в первые месяцы 1920 г. (*Л. Троцкий.* Сочинения, т. XV, с. 3–206) представляют собой богатый источник данных о трудовых армиях: одна армия предоставила рабочую силу для строительства железной дороги для транспортировки нефти в Туркестане, другая обеспечивала работу Донецкого угольного бассейна (там же, с. 6).

214. "Девятый съезд РКП(б)", 1934, с. 101.

215. "Известия", 2 апреля 1920 г., которые поместили сильно сокращенное изложение доклада. Текст доклада не был помещен в официальном протоколе съезда на том основании, что он будет опубликован отдельной брошюрой ("Девятый съезд РКП(б)", 1934, с. 277); согласно примечанию во втором издании протокола (там же, с. 575), брошюра так и не была напечатана.

216. Шляпников до начала работы съезда распространил тезисы, в которых Советы характеризовались как "выражение политической власти", а профсоюзы – как "единственный ответственный организатор народного хозяйства": эти тезисы предназначались в качестве контрмеры против троцкистской милитаризации труда, и, хотя они формально не обсуждались, на них во время работы съезда ссылались Крестинский и Бухарин ("Девятый съезд РКП(б)", 1934, с. 88, 225; там же, с. 564, прим. 32, в котором даются цитаты из этих тезисов). Сам Шляпников не был на съезде, поскольку был направлен (возможно, чтобы он не мешал) за границу с профсоюзной делегацией (там же, с. 62).

217. Понятие "командный состав" охватывает и сержантов. Эта цифра отражает имевшую в то время хождение идею о возможности создания "офицерского корпуса" квалифицированных рабочих (которых противники этой идеи называли "рабочей аристократией"), для того чтобы организовывать и направлять массы рабочих. Полностью эта идея была изложена в статье Гольцмана в "Правде" за 26 марта 1920 г., которая цитировалась на IX съезде партии ("Девятый съезд РКП(б)", 1934, с. 171). В поддержку этой статьи выступил Троцкий, а Рязанов – решительно против (там же, с. 210–212, 247–249). Ленин сделал отдаленную, но сочувственную ссылку на точку зрения Гольцмана (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 273). Зиновьев подверг критике эту идею в "тезисах", представленных участникам съезда: "Задача коммунистов – работников профсоюзного движения ни в коем случае не может заключаться в том, чтобы выделить и замкнуть в особую группу квалифицированных рабочих, составляющих меньшинство в рабочем классе" (*Г. Зиновьев.* Сочинения, т. VI, с. 344).

218. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 330, 335–336; сразу же после съезда в официальном декрете в тех же выражениях был сделан упор на резолюцию о дезертирстве с трудового фронта ("Собрание узаконений, 1920", № 35, ст. 168).

219. 70 из 1000 делегатов были меньшевиками. Представитель меньшевиков заявил, что они все еще представляют большинство в профсоюзах печатников, химиков, металлистов и текстильщиков ("Третий Всероссийский съезд

профессиональных союзов", 1920, т. I (пленумы), с. 43, 110); за исключением союза печатников, это заявление вряд ли отвечало действительности. Позиция меньшевиков относительно милитаризации труда была изложена в меморандуме о профсоюзах, врученном находившейся с визитом делегации английских лейбористов (British Labour Delegation to Russia, 1920: Report, 1920, p. 80–82).

220. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 297.

221. Там же, с. 299–307.

222. "Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1920, т. I (пленумы), с. 28.

223. Там же, с. 87.

224. Там же, с. 88–90. Этот аргумент был частично использован Троцким еще раньше, на IX съезде партии ("Девятый съезд РКП(б)", 1934, с. 104–105); большой кусок в работе Л. Троцкого "Терроризм и коммунизм", 1920, с. 124–150 (перепечатанный в: Сочинения, т. XII, с. 127–153), является объединением двух вариантов его речей.

225. *Н. Бухарин.* Экономика переходного периода, 1920, с. 107; Бухарин, наиболее последовательно из большевистских лидеров отстаивавший принципы военного коммунизма, на этот раз объединился с Троцким по вопросу о профсоюзах (см. выше, с. 182).

226. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 330–331, 336.

227. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 299–307.

228. *Ю.С. Розенфельд.* Цит. соч., с. 138; один из выступавших на IV Всероссийском съезде профсоюзов в мае 1921 г. заметил, что "концепция "ударного" труда настолько расширилась, что сейчас больше "ударных", чем не "ударных" предприятий" ("Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. II (секции), с. 48).

229. См. выше, с. 164–165.

230. "Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1920, т. I (пленумы), с. 112, приводит дополнительные свидетельства тенденции к большей дифференциации в заработной плате в это время.

231. См. выше, с. 85.

232. См. выше, с. 171.

233. "ВКП(б) в резолюциях...", 1934, т. I, с. 331; "Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 11–14.

234. "Собрание узаконений, 1920", № 55, ст. 239.

235. Там же, № 92, ст. 497; Ленин назвал этот декрет "одним из крупнейших декретов и постановлений Совнаркома и Совета Обороны" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 150).

236. "Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 29, 114–115.

237. *Л. Троцкий.* Моя жизнь, т. II. Берлин, 1930, с. 198; см. также гл. 20.

238. "Собрание узаконений, 1920", № 8, ст. 52; № 10, ст. 64.

239. "Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)", № 13, 2 марта 1920 г.

240. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 335.

241. На X съезде партии Троцкий дважды, не встретив возражений, заявлял, что решение о создании Цектрана (которое, по-видимому, исходило от него) было принято Центральным Комитетом партии 28 августа 1920 г. при поддержке Ленина, Зиновьева и Сталина, несмотря на протест Томского ("Десятый съезд Российской коммунистической партии", 1921, с. 195, 214).

242. "Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)", № 26, 20 декабря 1920 г.

243. "Десятый съезд Российской коммунистической партии", 1921, с. 202; *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 234–236; Сочинения, 2-е изд., т. XXVI, с. 631, прим. 49.

244. Об этих тезисах с похвалой отзывался Ленин, который их дословно процитировал (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 221–226).

245. Резолюция перепечатана в: "Протоколы X съезда РКП(б)", 1933, с. 798–799. Проект резолюции Троцкого был опубликован в: "Партия и союзы". Под ред. *Г. Зиновьева,* 1921, с. 354–360. Некоторые подробности двухдневной дискуссии, включая голосования в первый день, когда предложенный Лениным проект прошел 8 голосами против четырех (резолюция Ленина прошла 10 голоса-

ми против четырех. – *Ред.*), а проект Троцкого – отклонен 8 голосами против семи, приводятся Лениным (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 235–236), который признает, что "при этом в споре некоторые, явно преувеличенные и потому ошибочные, "выпады" допускает Ленин" (там же, с. 476, прим. 95; с. 477, прим. 99); Троцкий отказался работать в комиссии, за что подвергся резкой критике со стороны Ленина (там же, с. 236).

246. "Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)", № 26, 20 декабря 1920 г., с. 3.

247. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 236–237.

248. Об отмене запрета Зиновьева по приказу Ленина говорил Троцкий ("Десятый съезд Российской коммунистической партии", 1921, с. 216).

249. Чтобы показать беспрецедентный размах дискуссии, можно привести несколько основных вех на ее пути: 24 декабря 1920 г. Троцкий выступил на огромном митинге профсоюзных деятелей и делегатов VIII Всероссийского съезда профсоюзов (его речь на следующий же день была опубликована в виде брошюры "Роль и задачи профсоюзов"); на этом митинге также выступали Томский и другие (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 476, прим. 95). 30 декабря 1920 г. на митинге такого же масштаба выступали Ленин, Зиновьев, Троцкий, Бухарин, Шляпников и другие: эти выступления были изданы в виде брошюры "О роли профессиональных союзов в производстве", 1921. Неделю спустя Зиновьев выступил на собрании в Петрограде (*Г. Зиновьев.* Сочинения, т. VI, 1929, с. 403–431). В течение января 1921 г. в "Правде" почти ежедневно печатались статьи сторонников той или другой платформы. Вклад Сталина в полемику с Троцким был напечатан 19 января (*И. Сталин.* Соч., т. V, с. 4–14), статья Ленина "Кризис партии" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 234–244) – 21 января. Ленин подвел итог этой дискуссии в конце января в брошюре "Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина" (там же, с. 264–304). До начала съезда по указанию Центрального Комитета основные документы были изданы отдельным томом под редакцией Зиновьева ("Партия и союзы", 1921). О том, что закулисная роль Сталина не ограничилась единственной опубликованной статьей, свидетельствует язвительное замечание на съезде одного из делегатов, который утверждал, что, покуда Зиновьев проявлял активность в Петрограде, "этот военный стратег и архидемократ, товарищ Сталин" был занят в Москве подготовкой.

250. Партия и союзы. Под ред. *Г. Зиновьева,* 1921, с. 116–117, 126, 250.

251. "Десятый съезд Российской коммунистической партии", 1921, с. 352–359.

252. Там же, с. 360–364; о "рабочей оппозиции" см. т. 1, гл. 8.

253. "Десятый съезд Российской коммунистической партии", 1921, с. 344–351; Лозовский вновь вступил в партию в 1919 г.

254. Там же, с. 196; Ленин возразил, что Энгельс говорил только о "коммунистическом обществе" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 55).

255. "Десятый съезд Российской коммунистической партии", 1921, с. 190.

256. В своей речи на съезде по вопросу о профсоюзах Ленин особенно настаивал на том, что "прежде всего мы должны убедить, а потом принуждать" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 54).

257. "Десятый съезд Российской коммунистической партии", 1921, с. 214.

258. См. гл. 19.

259. См. гл. 16.

260. См. выше, с. 124.

261. "Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству", т. II, 1920, с. 52–53.

262. Там же, т. II, с. 721; собственный отчет Красина о деятельности комиссии см.: "Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства" (б.д.), с. 78–80.

263. "Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству", т. II, 1920, с. 742–743; О Совете рабочей и крестьянской обороны (впоследствии Совете труда и обороны (СТО)) см.: т. 1, гл. 9.

264. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства" (б.д.), с. 75.

265. "Комиссия использования" за короткий срок превратилась в значительный орган; Я.С. Розенфельд в: Цит. соч., с. 125, – называет ее "венцом систе-

мы главков". О ее кратковременной роли в предплановый период см. гл. 20.

266. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 83, ст. 879.

267. "ВКП(б) в резолюциях...", т. I, с. 293.

268. Декреты за 1918 г. могут быть найдены в: "Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству", т. II, 1920, с. 473–656, а более поздние – в: "Производство, учет и распределение продуктов народного хозяйства" (б.д.), 1920, с. 231–409.

269. Милютин объяснял на Всероссийском съезде заведующих финотделами в мае 1919 г., что, когда в октябре предыдущего года были повышены цены на хлеб, необходимо было поднять цены соответственно и на другие продукты, "перегнув палку в сторону городской промышленности". В январе 1919 г. в связи с 50-процентным повышением заработной платы цены на промышленные товары повысились в два с половиной раза по сравнению с осенью прошлого года, хотя цены на хлеб остались без изменения. Цены на промышленные товары, которые в 25 раз превышали в октябре 1918 г. уровень 1914 г., в январе 1919 г. уже в 60 раз превышали этот уровень ("Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами", 1919, с. 50–51). Тот же процесс продолжался, правда, не такими быстрыми темпами, вплоть до введения НЭПа; аршин ткани, который стоил 1,3 фунта ржаного хлеба в марте 1919 г., два года спустя стоил уже 2,2 фунта (*Л. Крицман.* Цит. соч., с. 212). Ленин вновь и вновь признавал, что крестьянин не получал справедливого вознаграждения за свою продукцию и его просили оказать "ссуду" или "доверие" городскому пролетариату в качестве вклада в победу революции (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 122–123, 316).

270. *Л. Крицман.* Цит. соч., с. 110.

271. "Всероссийское совещание представителей распределительных продорганов", 1920, с. 13–16, 28, 51–52.

272. "Съезды Советов РСФСР в резолюциях", 1939, с. 144.

273. "Собрание узаконений...", № 34, ст. 165.

274. Тем не менее об оплате труда в натуральном исчислении см. выше, с. 175.

275. См. выше, с. 125.

276. Ленин, защищая увеличение цен на хлеб как непременное условие декрета об обязательном обмене, предусмотрительно добавил, что цены на промышленные товары должны быть пропорционально (и даже больше, чем пропорционально) увеличены.

277. "Собрание узаконений, 1919", № 41, ст. 387.

278. Там же, № 58, ст. 638.

279. Там же, № 83, ст. 879.

280. Т. 1, гл. 7.

281. В ответ на жалобы участников II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства о том, что местные власти распустили или "национализировали" кооперативы, говорилось, что их руководители "бежали вместе с чехословаками и белогвардейцами в Уфу" и поэтому передача распределения кооперативам означала бы "передать всю работу тем элементам, с которыми вы боретесь" ("Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства" (б. д.), с.110, 114).

282. *В.И. Ленин.* Сочинения, 2-е изд., т. XII, с. 328.

283 См. выше, с. 138.

284. По словам Крестинского, "наша партия преуспела в получении большинства в ведущем центре идей рабочих кооперативов" ("Девятый съезд РКП(б)", 1934, с. 277); *E. Fuckner* (Die Russische Genossenschaftsbewegung, 1865–1921, 1922, S. 116) обвиняет большевиков в том, что они обманом получили мандаты на съезд.

285. "Девятый съезд ВКП(б)", 1934, с. 278.

286. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 293.

287. "Собрание узаконений, 1919", № 17, ст. 191; три месяца спустя другой декрет (там же, № 34, ст. 339) заменил название "потребительские коммуны" на старое – "потребительские общества" – символ живучести кооперативных традиций.

288. "Девятый съезд РКП(б), 1934, с. 280–281.

289. "Всероссийское совещание представителей распределительных продорганов", 1920, с. 20.

290. II Всероссийский съезд Советов народного хозяйства в декабре 1918 г. дал осторожное благословение сельскохозяйственным кооперативам при условии, что они будут включены "в общую систему государственного регулирования народного хозяйства", причем в перспективе предполагалось развить сельскохозяйственную кооперацию "вплоть до организации земледельческих производственных коммун" ("Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства" (б.д.), с. 395; а в Программе партии, принятой в марте 1919 г., провозглашалась "всемерная государственная поддержка сельскохозяйственной кооперации, занятой переработкой продуктов сельского хозяйства" ("ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 292).

291. "Собрание узаконений, 1920", № 6, ст. 37; *E. Fuckner* (Op. cit., S. 150) приводит список производственных кооперативов, ликвидированных на основании этого декрета путем перевода их в отделения либо Центросоюза, либо Наркомзема.

292. Справедливо предположить, что Ленин в данном случае руководствовался соображениями главным образом внешнеполитического порядка. В январе 1920 г. была официально снята блокада, а в конце марта английское правительство выразило готовность принять делегацию Центросоюза для обсуждения вопроса о возобновлении торговли; при этом оно проводило четкое различие между переговорами с кооперативами и переговорами с Советским правительством. Поэтому в данный момент интерес Советов в поддержании этого различия имел существенное значение.

293. Дискуссия на IX съезде партии, включая текст нескольких противостоящих друг другу проектов, приводится в: "Девятый съезд РКП(б)", 1934, с. 277–319, 381–400; речь Ленина на съезде: Полн. собр. соч., т. 40, с. 276–280; резолюция съезда: "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 340–342.

294. "Современные записки". Париж, 1920, № 1, с. 155.

295. См. гл. 16.

296. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 71, ст. 775; Махно в своих мемуарах "Под ударами контрреволюции" (Париж,1936, с. 151) рассказывает о "множестве тысяч мешочников", пересекавших украинско-русскую границу летом 1918 г.

297. Цит. по: *В.И. Ленин.* Соч., 2-е изд., т. XXIII, с. 590, прим. № 147.

298. "Известия", 3 января 1919 г.

299. См. выше, с. 131.

300. *G.Y. Sokolnikov ect.* Op. cit., p. 82. Эти расчеты относятся к осени 1919 г., и авторы утверждают, что в 1920 г. это соотношение увеличилось.

301. "Народное хозяйство", 1920, № 9–10, с. 43–45; по тогдашней терминологии к "потребляющим" относились губернии, где продовольствия потреблялось больше, чем производилось, а к "производящим" – те, которые производили больше, чем потребляли.

302. "Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 119.

303. "Десятый съезд Российской коммунистической партии", 1921, с. 237.

304. "Труды IV Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1921, с.40, 57.

305. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 434.

306. "Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства" (б.д.), с. 393.

307. "Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 66, 119.

308. См. гл. 16.

309. По некоторым данным, зимой 1920/21 г. получали пайки в общей сложности 34 млн. человек, включая практически все городское население, и 2 млн. сельских кустарей ("Четыре года продовольственной политики", 1922, с. 61–62); правда, скорее всего эта цифра выдает желаемое за действительное.

310. *Ю. Ларин* и *Л. Крицман.* Цит. соч., с. 133; первоначально эта брошюра предназначалась для информации находившейся с визитом в России делегации английских лейбористов.

311. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 320.

312. "Экономическая жизнь", 18 февраля 1920 г.

313. Этапы восстановления торговых отношений Советской России с Западной Европой будут прослежены в части V.

314. "Собрание узаконений, 1920", № 53, ст.235.

315. "Экономическая жизнь", 3 сентября 1920 г.

316. "Собрание узаконений, 1920", № 91, ст. 481; обстоятельства возрождения этого проекта о концессиях будут описаны в части V.

317. Там же, 1917–1918, № 80, ст. 841; № 82, ст. 864. Еще за три месяца до этого Ленин выдвинул предложение о введении натурального налога (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 32); по словам Ларина, утверждавшего, что это предложение исходило от него, оно было одобрено Совнаркомом, но отклонено ВЦИК ("Народное хозяйство", 1918, № 11, с. 21).

318. "Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами", 1919, с. 20.

319. Эти циркуляры перепечатаны в: "Сборник декретов и распоряжений по финансам, 1917–1919", 1919, с. 151–162.

320. См. выше, с. 197.

321. "Собрание узаконений, 1919", № 12, ст. 121.

322. "Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами", 1919, с. 21–23, 33–35; согласно другим, вероятно, преувеличенным данным, было собрано около полутора миллиардов до середины 1919 г., когда этот налог был отменен (*G. Sokolnikov etc.* Op. cit., p. 115).

323. "Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами", 1919, с. 50.

324. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 82, ст. 864.

325. "Сборник декретов и распоряжений по финансам, 1917–1919", 1919, с. 169.

326. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 28.

327. См. гл. 16.

328. "Сборник декретов и распоряжений по финансам, 1917–1919", 1919, с. 291; расходная часть бюджета составляла 29 млрд. руб., а доходная – 12,7 млрд. руб. (*G. Sokolnikov etc.* Op. cit., p. 126).

329. "Собрание узаконений, 1919", № 23, ст. 272.

330. В сборнике "На новых путях" (1923, т. II, с. 1–49) есть статья ответственного работника Наркомфина по бюджетам за эти годы, в которой приводятся одобренные цифры; похоже, никаких выводов о значении бюджетов не публиковалось.

331. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 81, ст. 846; № 93, ст. 931. Оба эти декрета были встречены в штыки Наркомфином; Крестинский впоследствии назвал их "данью прошлому, наследием острых споров, происходивших до нашего прихода в Комиссариат финансов" ("Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами", 1919, с. 18).

332. По-видимому, о местных бюджетах этого времени не было опубликовано каких-либо статистических данных; этот процесс описан автором, на себе испытавшим, как это все происходило в Смоленской губернии (*G. Sokolnikov etc.* Op. cit., p. 133–137).

333. "Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами", 1919, с. 130–131.

334. "Собрание узаконений, 1919", № 59, ст. 558.

335. *G. Sokolnikov etc.* Op. cit.

336. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 294.

337. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 24, ст. 332.

338. Государственный банк и его отделения до марта 1918 г. "роздали на несколько сот миллионов рублей ссуд частным предприятиям" ("Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами", 1919, с. 75).

339. *А. Потяев.* Финансовая политика Советского правительства, 1919, с. 31.

340. См. гл. 16.

341. *В.И. Ленин.* Соч., т. XXII, с. 568 (источник указан неправильно. – *Ред.*); о меморандуме от 4 апреля 1918 г. см.

342. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 36, ст. 477.

343. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 121–127.

344. "Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства" (б.д.), с. 397. Народный банк подвергся на съезде острой критике; по словам одного из делегатов, "Народный банк в лице старых деятелей еще слишком рабски придер-

живается этих норм, которые до сих пор как будто не отменены" (там же, с. 272).

345. "Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами", 1919, с. 26–27; попытка исправить это положение была предпринята в постановлении ВСНХ от 22 ноября 1918 г. ("Собрание узаконений, 1917–1918", № 96, ст. 960).

346. Там же, № 3–4, ст. 25. Сберегательные кассы оставались нетронутыми до 10 апреля 1919 г., когда они слились с Государственным банком (там же, № 18, ст. 200); можно предположить, что к январю 1920 г. вклады потеряли свою реальную ценность.

349. Там же, № 90, ст. 913.

350. В мае 1919 г. Крестинский ссылается на предположения Ленина и свои собственные "об обмене денег старого образца на новый, сопряженном с аннулированием значительной части старых денег, находящихся у крупных держателей" ("Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами", 1919, с. 29); однако к тому времени от таких предположений отказались как от безнадежных, хотя Крестинский все еще говорил о сохраняющейся необходимости в "коренной денежной реформе" (там же, с. 30).

351. "Собрание узаконений, 1919", № 10–11, ст. 102.

352. Там же, № 16, ст. 179.

353. *Z. Katzenellenbaum.* Russian Currency and Banking, 1914–1924, 1925, p. 80–81.

354. Тем не менее спекуляции на обменной стоимости рубля, которая время от времени варьировалась, продолжались как в Москве, так и в заграничных центрах; декретом от 8 октября 1918 г. ("Собрание узаконений, 1917–1918", № 72, ст. 781) не допускалось советским гражданам или предприятиям держать иностранную валюту или переводить средства за границу или в оккупированные местности без особого в каждом отдельном случае разрешения Наркомфина.

355. *L. Yurovsky.* Currency Problems and Policy of the Soviet Union, 1925, p. 27.

356. "Большая Советская Энциклопедия", т. XII, 1928, с. 374, статья "Военный коммунизм". Согласно этому же источнику, в указанные периоды общее количество реквизированного хлеба оценивалось в 121, 223 и 480 млн. золотых рублей соответственно; следовательно, коль скоро денежная инфляция не являлась более эффективным средством получения продукции у крестьян, становилось необходимым прибегать к прямой реквизиции.

357. "Два года диктатуры пролетариата, 1917–1919" (б.д.), с. 56.

358. "Финансовая политика за период с декабря 1920 г. по декабрь 1921 г. Отчет к IX Всероссийскому съезду Советов", 1921, с. 140.

359. *В.П. Милютин* (Цит. соч., с. 197) приводит некоторые нормы обмена, имевшие место в начале 1920 г.: кило мыла за кило жиров, 5,92 метра льняной пряжи за 100 г воска, 2,5 кг крахмала за 100 кг картофеля.

360. См. выше, с. 192–193; эта система была настолько отрегулирована, что разрешение на ее применение вначале давалось Наркомпродом, а позднее – одним из отделов Всероссийского центрального совета профсоюзов ("Собрание узаконений, 1920", № 84, ст. 415).

361. Там же, 1919, № 20, ст. 238.

362. Там же, 1920, № 4–5, ст. 21.

363. Там же, № 85, ст. 422; льготы, предусматривавшиеся этим декретом, распространялись также на такие институты, как Коминтерн, Всероссийский центральный совет профсоюзов и Центросоюз, а также на таких лиц, как красногвардейцы и инвалиды войны, включая членов их семей, кроме того, на всех лиц, находившихся на попечении народного комиссариата социального обеспечения. Декрет был в первую очередь направлен на упразднение не только денежной платы, но и всех форм денежных расчетов за текущие услуги.

364. Там же, № 93, ст. 50; № 100, ст. 539; там же, 1921, № 6, ст. 47.

365. Там же, 1920, № 84, ст. 413.

366. "Пять лет власти Советов", 1922, с. 393.

367. *Е. Преображенский.* Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры, 1920, с. 4. На X съезде партии в марте 1921 г. Преображенский полушутя поздравил его делегатов с тем, что если ассигнации Французской революции обесценились всего в 500 раз, то рубль обесценился в 20 000 раз: "Значит мы в 40 раз перегнали Французскую революцию" ("Десятый съезд Российской коммунистической партии", 1921, с. 232).

368. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 293; этот пункт имелся также в подготовленном Лениным проекте (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 441).

369. "Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами", 1919, с. 30. Примерно тогда же Крестинский высказал аналогичную мысль иностранному журналисту, но на этот раз без ссылки на революцию на Западе: "Вы можете просто сказать, что наша гибель или спасение зависят от состязания между понижением ценности денег (и возникающей в результате необходимостью печатать знаки в еще больших количествах) и нашей растущей способностью вообще обходиться без денег" (*A. Ransome.* Op. cit., p. 89).

370. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 123.

371. *Бухарин и Преображенский.* Азбука коммунизма, 1919, гл. XV, § 121.

372. "Два года диктатуры пролетариата, 1917–1919" (б.д.), с. 57.

373. *Г. Зиновьев.* Двенадцать дней в Германии, 1920, с. 63–64.

374. *В.И. Ленин.* Сочинения, т. XXII, с. 568 (источник указан неправильно. – *Ред.*).

375. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 35, ст. 460; это указание впоследствии приобрело форму декрета, принятого в августе 1918 г. (там же, № 63, ст. 691).

376. В одной из статей, опубликованных в "Народном хозяйстве" (1920, № 1–2, с. 7), система, использованная советскими учреждениями, сравнивается фактически с клиринговой системой английских банков.

377. "Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства" (б.д.), с. 266–286; это обсуждение проходило не на пленарном заседании, а в "секции по финансовой промышленности" и в печати было отражено в сильно сокращенном виде.

378. Там же, с. 192.

379. Там же, с. 396–400.

380. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 293.

381. "Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами", 1919, с. 9–10.

382. Там же, с. 51–52.

383. Там же, с. 84.

384. "Два года диктатуры пролетариата, 1917–1919" (б.д.), с. 58.

385. Цит. по: *L. Yurovsky.* Op. cit., p. 34; она не была включена в число опубликованных резолюций съезда.

386. "Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства" (б.д.), с. 96.

387. Цит. по: *L. Yurovsky.* Op. cit., p. 33–34.

388. "Собрание узаконений, 1920", № 67, ст. 305.

389. Эта дискуссия исключительно широко освещалась в экономической литературе 1920 г. и первых месяцев 1921 г.; конкурентом "тред" была выдвинута "единица энергии" (энед). Детальное исследование этой дискуссии могло бы иметь определенный теоретический интерес, однако она оказала слабое влияние, если вообще оказала, на дальнейший ход событий. Эта дискуссия проходила под влиянием двух работ немецкого экономиста Отто Нойрата, которые подробно изучались советскими авторами того периода: *Otto Neurath.* Durch die Kriegswirtschaft zur Naturwirtschaft. Münich, 1919, и Von der Nächsten und Übernächsten Zukunft. Jena, 1920.

Глава 18. От военного коммунизма к НЭПу

1. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 202.

2. Там же, т. 36, с. 295.

3. *Л. Крицман.* Цит. соч., с. 75.

4. Эта аналогия приводится в: *Л. Крицман.* Цит. соч., с. 69.

5. См. гл. 17.

6. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 16, 17.

7. "Известия революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих гор. Кронштадта", № 1, 3 марта 1921 г., перепечатано в "Правде о Кронштадте" (Прага, 1921, с. 46–47). Распространенное утверждение о том, что толчком к НЭПу послужил Кронштадтский мятеж, не отвечает действительности: резолюция о НЭПе была представлена в Центральный Комитет партии 24 февраля 1921 г., то есть за пять дней до восстания (см. выше, с. 223).

8. Кажется, впервые фраза "новая экономическая политика" (без заглавных букв и без кавычек) была использована в резолюции партийной конференции в мае 1921 г. ("ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 405), однако она не имела

широкого применения. В статье Ленина в "Правде" от 18 октября 1921 г., написанной в ходе подготовки к 4-й годовщине революции, эта фраза дается в кавычках (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 150), а в резолюции партийной конференции в декабре 1921 г. о ней говорится как о "так называемой "новой экономической политике" ("ВКП(б) в резолюциях...", 1941). Сокращение "НЭП" появилось в марте 1922 г. в ленинских заметках к докладу на XI съезде партии и в устном варианте самого доклада (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 81), однако полная фраза по-прежнему применялась в официальных вариантах доклада и в резолюциях съезда. Позднее сокращение "НЭП" стало широко применяться повсюду.

9. См. гл. 16.

10. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 60, 79. Так называемая окончательная официальная точка зрения нашла свое выражение в статье "Военный коммунизм" в "Большой Советской Энциклопедии", 1928, т. XII, ст. 376: "Было бы глубокой ошибкой за явной экономической утопичностью военно-коммунистических попыток немедленной безрыночно-централизованной реорганизации нашего хозяйства не видеть того, что в основном экономическая политика эпохи военного коммунизма была вынуждена ожесточенной борьбой за победу... Исторический смысл военного коммунизма заключался именно в том, чтобы, опираясь на военную и политическую силу, овладеть хозяйственной базой...

Но было бы неправильно видеть в военном коммунизме только вынужденные военной обстановкой мобилизационные мероприятия. Работая по приспособлению всего хозяйства к нуждам гражданской войны, строя выдержанную систему военного коммунизма, рабочий класс одновременно закладывал основы для дальнейшего социалистического строительства".

11. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 219.

12. Там же, с. 232.

13. Там же, с. 329; "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 396.

14. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 330; т. 44, с. 464; в другом месте он сравнил политику военного коммунизма с первой попыткой японцев штурмом взять Порт-Артур – дорогая, но необходимая ошибка, чтобы найти и применить правильную тактику для проведения операций по-иному (там же, с. 195–197).

15. Там же, с. 210.

16. Там же, т. 45, с. 10, 86.

17. Т. 1, гл. 3.

18. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 58–59.

19. Там же, с. 59; "Десятый съезд Российской коммунистической партии", 1921, с. 255.

20. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 319.

21. Там же, т. 44, с. 41, 47.

22. Там же, т. 45, с. 73; через несколько минут он добавил, что они "еще" не достигли "смычки с крестьянской экономикой" (там же, с. 75).

Глава 19. НЭП: первые шаги

1. См. гл. 17.

2. Эти факты были приведены Троцким и выслушаны без возражений на X съезде партии ("Десятый съезд Российской коммунистической партии", 1921, с. 191). Позднее он опубликовал "основную часть" своей памятной записки в Политбюро в феврале 1920 г. под заголовком "Основные вопросы продовольственной и земельной политики" в своей работе "Новый курс" (1924, с. 57–58), добавив, что она была написана "под влиянием настроений армии и опыта хозяйственной поездки на Урал" (там же, с. 53).

3. См. гл. 17.

4. Подробности обсуждения в Политбюро наряду с текстом ленинского проекта, взятые из неопубликованных партийных архивов, изложены в: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 433–434, прим. № 14. Дебаты на партийном съезде были ограничены одним заседанием в предпоследний день работы съезда ("Десятый съезд Российской коммунистической партии", 1921, с. 221–224), после того как 140 делегатов отправились в Кронштадт, а другие уехали домой (там же, с. 184). Почти половина заседания была посвящена вступительному и заключительному докладам Ленина (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 57–84); за

Лениным выступил народный комиссар продовольствия Цюрупа, который в принципе одобрил, но выразил несогласие с той степенью свободы, которая предоставлялась кооперативам (см. выше, с. 264). Остальное участие в дискуссии было ограничено шестью ораторами, каждому из которых было дано по десять минут; никто из них не высказал принципиальных возражений против этого предложения, хотя некоторые высказались критически относительно ряда деталей. Эта тема, очевидно, не получила достаточного освещения из-за Кронштадтского мятежа и из-за волнующих противоречий по вопросам о единстве партии и о профсоюзах, которые занимали основное внимание делегатов съезда, и ее значимость была вряд ли ими осознана в тот момент. Текст, одобренный партийным съездом 15 марта 1921 г., взят из "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 388–389; декрет в том виде, как он был опубликован 23 марта 1921 г. в "Известиях", приводится в "Собрании узаконений, 1921", № 26, ст. 147.

5. Там же, № 26, ст. 149.

6. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т.I , с. 396–397; о развитии торговли при НЭПе см. гл. 18.

7. См. гл. 17.

8. "Собрание узаконений, 1921", № 57, ст. 364.

9. Там же, № 44, ст. 223. Первоначальный проект Ленина, датированный 21 мая 1921 г., см. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 266–291; там же дается краткое изложение сферы приложения НЭПа, как это представлялось Ленину в то время.

10. "Собрание узаконений, 1921", № 26, ст. 148. Согласно сообщению Цюрупы на X съезде партии в марте 1921 г., "мы к этому приближаемся" ("Десятый съезд Российской коммунистической партии", 1921, с. 228); по более осторожным подсчетам, эта цифра "до сих пор" составила 265 млн. (там же, с. 236). Соответствующие оценки по сбору картофеля (60 млн. пудов вместо 112 млн.), масличных (12 млн. против 24 млн. пудов) и яиц (400 млн. шт. против 682 млн.) даются в двух декретах от 21 апреля 1921 г. ("Собрание узаконений, 1921", № 38, ст. 204, 205).

11. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 153, 311, 322–324; эти цифры неоднократно приводились в выступлениях Ленина весной 1921 г.

12. "Отчет Народного комиссариата земледелия IX Всероссийскому съезду Советов", 1921, с. 70–75.

13. "Собрание узаконений, 1921", № 49, ст. 250.

14. Т. 1, гл. 7.

15. "Собрание узаконений, 1921", № 59, ст. 396, 397.

16. Там же, № 64, ст. 484.

17. "Отчет Народного комиссариата...", с. 80.

18. "Пять лет власти Советов", 1922, с. 373.

19. "Девятый Всероссийский съезд Советов", 1922, с. 23–33; с сообщениями о голоде выступили на съезде очевидцы из Саратовской губернии и области Немцев Поволжья (там же, с. 110–117, 135–136). Калинин выступил с дополнительным докладом во ВЦИК в мае 1922 г. ("III сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва", № 1, 22 мая 1922 г., с. 1–5).

20. "Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг.", 1922, с. 24; далее в статье Каменева выражается сомнение в том, "какими именно интересами внутренней политики или какими соображениями внешней политики была продиктована американская помощь, а также говорится, что благодаря существенной помощи Америка располагала лучшими по сравнению с другими странами возможностями для ознакомления с хозяйственными и другими условиями жизни в России. О подробностях американской продовольственной помощи см. в: *F. Surface* and *R. Bland.* American Food in the World War and Reconstruction Period. Stanford, 1931, p. 244–257.

21. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 408–409; "Съезды Советов РСФСР в постановлениях", 1939, с. 212–213 (также опубликованы в: "Собрание узаконений, 1922", № 4, ст. 41).

22. "Новое законодательство в области сельского хозяйства: сборник декретов",1923, с. 64.

23. "Съезды Советов РСФСР в постановлениях", 1939, с. 213–214; открытие выставки затем было отложено до осени 1923 г. ("Законодательство в области сельского хозяйства: Сборник декретов", 1923, с. 452).

24. "О земле", т. I, 1921, с. 6.

25. "Новое законодательство...", с. 432–433.

26. Циркуляр Наркомзема от 16 мая 1919 г. подтвердил право крестьян на отказ от общинного землепользования в пользу индивидуального хозяйства (так называемые "хутор" и "отруб"). Однако вопрос о необходимости получения согласия всех членов общины так и не был решен: различные местные власти занимали различную позицию, а некоторые продолжали чинить препятствия на пути к любым формам единоличного землепользования ("О земле", т. I, 1921, с. 7).

27. "О земле", т. I, 1921, с. 16; в этой же работе приводится пространная аргументация одного из сотрудников Наркомзема в поддержку легализации арендования земли (там же, с. 105–115).

28. "Новое законодательство...", с. 40.

29. "Девятый Всероссийский съезд Советов", 1922, с. 103–104.

30. "Съезды Советов в постановлениях", 1939, с. 209.

31. "Новое законодательство в...", с. 441–446.

32. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 148.

33. См. выше, с. 238–240.

34. "Новое законодательство...", с. 42–47.

35. Там же, с. 167.

36. Там же, с. 47–49; "Съезды Советов РСФСР в постановлениях", 1939, с. 230–231.

37. Наиболее полный отчет о деятельности совхозов при НЭПе приводится в: "На новых путях", 1923, № 5, с. 582–618. Основная масса представленной подробнейшей информации не скрывает общей картины неэффективности и запущенности: на наш взгляд, весьма показательно, что составители этого тома снимают с себя ответственность за приводимые автором статьи статистические данные.

38. Эти чувства были ярко выражены Максимом Горьким во время беседы летом 1921 г. с гостем из Франции: "...пока что рабочие являются хозяевами, но они представляют лишь крошечное меньшинство в нашей стране (в лучшем случае – несколько миллионов). Крестьяне же – это целый легион. В борьбе, которая с самого начала революции идет между двумя классами, у крестьян все шансы выйти победителями... В течение четырех лет численность городского пролетариата непрерывно сокращается... В конце концов огромная крестьянская волна поглотит все... Крестьянин станет хозяином России, поскольку он представляет массу. И это будет ужасно для нашего будущего" (*A. Morizet.* Chez Lénine et Trotski à Moscou (n.d.), 1922, p. 240). Подобные чувства, несомненно, разделяли многие большевики, правда, не столь откровенно.

39. См. гл. 17.

40. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 69.

41. "Всероссийская конференция РКП (большевиков)", № 3, 21 декабря 1921 г., с. 20.

42. *В.И. Ленин.* Сочинения, т. XXVII, с. 440–446 (источник указан неправильно. – *Ред.*).

43. О записке Ленина в Политбюро см.: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 43–47; о решении Центрального Комитета – там же, с. 507, прим. № 29.

44. "Одиннадцатый съезд РКП(б)", 1936, с. 88; "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, с. 428–429. О доле участия Ленина в подготовке проекта резолюции можно судить по его письму Осинскому, в котором он предупреждает против того, "чтобы неумелым вмешательством не затруднять успешного развития сельскохозяйственного производства", и предлагает подождать, пока будет проведено критическое исследование (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 132–133).

45. "Одиннадцатый съезд РКП(б)", 1936, с. 108.

46. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 76, 80,86.

47. На XII съезде партии в апреле 1923 г. Зиновьев официально оценил урожай 1922 г. как составлявший "три четверти среднего урожая довоенного времени"; промышленное производство достигало 25% довоенного уровня ("Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков)", 1923, с. 25). Более поздние оценки в стоимостном выражении, приведенные в: *Я.С. Розенфельд.* Цит. соч., с. 432, – показывают, что сельскохозяйственное производство того периода составляло 75%, а промышленное – одну треть от цифр 1913 г.

48. См. выше, с. 245–246.

49. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 285–286.

50. "Собрание узаконений, 1922", № 68, ст. 901.

51. Право индивидуума покидать "мир" было самым спорным вопросом кодекса, и решение по нему пришлось принимать Совнаркому ("IV сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва", № 1, 25 октября 1922 г., с. 33). Докладчик по кодексу во ВЦИК признавал, что было невозможно принять адекватное решение по проблемам дробления земельных участков: было дано право губерниям устанавливать свои собственные низшие пределы для земельных наделов (там же, с. 35–36).

52. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I,с. 388.

53. "Мелкая" промышленность охватывает три основные категории производства: ремесленники, работающие самостоятельно на себя, без привлечения или с привлечением одной-двух пар наемных рабочих рук; "домашнее" или сельское производство (кустарная промышленность), в которой крестьяне и члены их семей заняты неполный рабочий день, и производственные кооперативы, объединяющие и организующие работников одной из двух названных категорий. В "мелкой" промышленности использовались исключительно самые простые машины, и она была преимущественно сельской в отличие от фабричной промышленности городов.

54. *В.И. Ленин.*Полн. собр. соч., т. 43, с. 220–221.

55. Там же, с. 270; "Собрание узаконений, 1921", № 44, с. 223.

56. "Труды IV Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1921, с. 42, 53.

57. "Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 49, 115. Делегат с юга России на V съезде профсоюзов в сентябре 1922 г. жаловался, что в то время, как крупная сигаретная фабрика в Ростове увольняла своих рабочих, местное мелкое производство сигарет процветало и очень быстро расширялось ("Стенографический отчет пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов", 1922, с. 91–92).

58. *В.И. Ленин.*Полн. собр. соч., т. 43, с. 306.

59. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 397.

60. "Собрание узаконений, 1921", № 47, ст. 230.

61. Там же, № 48, ст. 240. Этот декрет представляет собой прекрасную иллюстрацию двусмысленности термина "национализация", как он использовалсяв тот период. Все промышленные предприятия (за незначительным исключением) были "национализированы" в юридическом смысле этого термина декретом от 29 ноября 1920 г. Очевидно, в декрете имелось в виду, что предприятия, до сих пор не взятые государством в административном плане, не подлежали национализации. 14 июня 1921 г. Наркомат юстиции выступил с разъяснением по этому вопросу, сделав логическое заключение о том, что предприятия, не национализированные до 17 мая 1921 г., "не считаются национализированными" ("Новая экономическая политика...", с. 38–40). Очередная попытка покончить с этой неразберихой была предпринята декабрьским декретом 1921 г., из которого явствовало, что решение о том, является ли конкретное предприятие национализированным или нет, принимается президиумом ВСНХ ("Собрание узаконений, 1921", № 79, ст. 684). Тем же декретом предусматривалась денационализация предприятий, на которых работало менее 20 человек и которые уже были национализированы, в случае если они не используются эффективно государственными органами.

62. Там же, № 53, ст. 322; № 58, ст. 382.

63. Там же, ст. 323.

64. "Труды IV Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1921, с. 12.

65. См. гл. 17.

66. Телеграмма и циркуляр ВСНХ губернским совнархозам с предупреждением против огульной сдачи в аренду и с просьбой подождать выхода в свет декрета опубликованы в: "Новая экономическая политика...", 1921, с. 45–46.

67. "Собрание узаконений, 1921", № 53, ст. 313.

68. Приведенные статистические данные взяты из: *Милютин.* На новых путях, 1923, т. III, с. 69–84; статистические данные, приведенные на XI съезде партии в марте 1922 г. ("Одиннадцатый съезд РКП(б)", 1936, с. 268), показывают большее число сданных в аренду предприятий, на которых работало в среднем меньшее число рабочих.

69. "Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)", № 34, 15 ноября 1921 г.

70. "Десятый Всероссийский съезд Советов", 1923, с. 20.

71. *Я.С. Розенфельд.* Цит. соч., с. 211–212.

72. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 289.

73. "Собрание узаконений, 1921", № 59, ст. 403. "Наказ" был подготовлен ВСНХ ("Пять лет власти Советов", 1922, с. 318) и может рассматриваться как первое "воздание по заслугам" крупной промышленности после шока НЭПа. Он принял скорее форму политической директивы, чем законодательного акта, но такие официальные заявления обычно включались в официальные сборники декретов и носили такой же обязательный характер.

74. Там же, № 63, ст. 462.

75. См. выше, с. 252–253.

76. См. выше, с. 248–249.

77. См. выше, с. 271–272.

78. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 218.

79. "Финансовая политика за период с декабря 1920 г. по декабрь 1921 г.: Отчет к IX Всероссийскому съезду Советов", 1921, с. 60–61. Бывший председатель ВСНХ Рыков писал в то время, что существовавшие статистические данные не позволяют вести "и речи о настоящем хозрасчете" и что "у нас пока нет даже данных для установления основного капитала" (*А.И. Рыков.* Статьи и речи, т. II, 1928, с. 97).

80. "На новых путях", 1923, т. III, с. 133–137.

81. "Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)", № 32, 6 августа 1921 г.

82. "На новых путях", 1923, т. III, с. 49–50.

83. "Новая экономическая политика...", с. 95–103, 110–120.

84. "Девятый Всероссийский съезд Советов", 1922, с. 72, 89.

85. "На новых путях", 1923, т. III, с. 51.

86. Там же, с. 11.

87. Там же, с. 27–30; в работе, выпущенной в свет в ознаменование 5-й годовщины революции в ноябре 1922 г., приводится цифра в 430 трестов (65 – в пищевой, 57 – в металлургической и 52 – в текстильной отраслях промышленности), объединявших 4144 предприятия, на которых работало почти миллион рабочих ("Пять лет власти Советов", 1922, с. 321). Несколько более высокие цифры на 1923 г. приводятся в: *Я.С. Розенфельд.* Цит. соч., с. 216–220.

88. Делегат, направленный во ВЦИК, сообщил некоторые особенности создания этого треста. В него были включены крупнейшие текстильные фабрики, а более мелкие вначале были сданы в аренду, однако позднее они были объединены под управлением торгово-промышленного отдела местного Совета ("IV сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва", № 2, 26 октября 1922 г., с. 25–26).

89. *Я.С. Розенфельд.* Цит. соч., с. 220.

90. "Собрание узаконений, 1921", № 72, ст. 577.

91. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 410.

92. "Новое законодательство...", с. 216–218.

93. "На новых путях", 1923, т. III, с. 53.

94. "Собрание узаконений, 1923", № 22, ст. 336.

95. Приведенные расчеты были произведены в рублях к ценам 1912 г. и взяты из: "На новых путях", 1923, т. III, с. 186–189; вполне очевидно, что они показывают грубо приблизительную картину. Цифры за 1922 г. основываются на фактических результатах девяти месяцев и имеют тенденцию несколько приуменьшать окончательные итоги за год.

96. Этот поразительный результат объясняется тем, что мелкие кожевенные предприятия, которые не вошли в статистические данные 1912 г. или, возможно, были включены в мелкую "кустарную" промышленность, теперь оказались национализированными (там же, с. 185).

97. "Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков)", 1923, с. 339.

98. На партийной конференции в декабре 1921 г. Каменев указал на фундаментальную дилемму НЭПа: "Только за счет крестьянина или рабочего, или того и другого можем мы восстановить промышленность, а значит наше хозяйство в

целом" ("Всероссийская конференция РКП (большевиков)", № 1, 19 декабря 1921 г., с. 20).

99. Новый государственный банк, имевший полномочия выдавать авансы промышленным предприятиям на коммерческих началах, открылся только 16 ноября 1921 г., причем он располагал совершенно недостаточными ресурсами (см. выше, с. 272).

100. Согласно таблице в: "На новых путях", 1923, т. III, с. 15, – которая вряд ли может претендовать на большую точность, а может служить лишь приблизительным показателем, запасы готовой продукции на 1 января 1922 г. во всех отраслях, за исключением металлургической и текстильной промышленности, превышали запасы сырья. Очередная оценка, которая может быть еще более умозрительной, показывает, что этих запасов было совершенно недостаточно, чтобы удовлетворить потребности промышленности в рабочем капитале.

101. Этот термин, предваряемый словами "так называемое", применялся на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. ("Девятый Всероссийский съезд Советов", 1922, с. 95).

102. "На новых путях", 1923, т. III, с. 34, 138.

103. Эти цифры взяты из статьи Кондратьева (там же, т. I, с. 11); подобные цифры с некоторым разбросом, характерным для советской статистики этого периода, приводятся в: *С.Г. Струмилин.* На хозяйственном фронте, 1925. Разница между двумя таблицами заключалась, по сути, в том, что Кондратьев использовал официальные данные по ценам 1920 г. и на 1 января 1921 г., а Струмилин – тогдашние цены "черного" рынка, а следовательно, в таблице Кондратьева падение стоимости товаров по отношению к ржаной муке начинается лишь с 1 января 1922 г., в то время как в таблице Струмилина за 1 января 1922 г. стоимость уже показывает снижение по сравнению со стоимостью на вольном рынке в период перед НЭПом.

104. *С.Г. Струмилин.* Цит. соч., с. 212.

105. "Одиннадцатый съезд РКП(б)...", 1936, с. 111.

106. "На новых путях", 1923, т. III, с. 17.

107. *Я.С. Розенфельд.* Цит. соч., с. 428.

108. Там же, с. 230–237. К концу 1922 г. насчитывалось 18 синдикатов, из которых важнейшими были текстильный, уральский горнодобывающий, кожевенный, прядильный, табачный и сельского машиностроения ("На новых путях", 1923, т. I, с. 336–342); список синдикатов см. там же, т. III, с. 36. Вопреки предыдущей практике именно потребительские отрасли промышленности гораздо охотнее, чем отрасли тяжелой промышленности, прибегали в начальный период НЭПа к созданию синдикатов.

109. "Десятый Всероссийский съезд Советов", 1923, с. 42. Несколько месяцев спустя, на XII съезде партии, Богданов выдвинул более осторожную версию функций синдикатов, что было, вероятно, попыткой как-то смягчить свою предыдущую откровенность; согласно этой версии, "тресты и синдикаты стали сейчас на путь понижения своих накладных расходов, и лозунг уменьшения себестоимости является основным лозунгом наших синдикатов; они воздействуют в этом смысле на тресты, заставляя их считаться с требованиями рынка" ("Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков)", 1923, с. 332).

110. "Стенографический отчет пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов", 1922, с. 507–509. Томский, выступавший с основным докладом на съезде, процитировал слова Ленина о том, что без тяжелой промышленности не может быть строительства, а следовательно, и самого социализма, даже плохого (там же, с. 114).

111. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 286, 288.

112. "IV сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва", № 5, 29 октября 1922 г., с. 5.

113. "Десятый Всероссийский съезд Советов", 1923, с. 36, 40.

114. Там же, с. 17–18, 29.

115. Там же, с. 102–103, 110–111.

116. Там же, с. 121, 136.

117. См. гл. 17.

118. "Собрание узаконений, 1921", № 30, ст. 164.

119. Там же, № 23–24, ст. 142; о судах см. гл. 17.

120. Там же, № 36, ст. 188.

121. Там же, № 27, ст. 155.
122. Там же, № 55, ст. 337.
123. Там же, ст. 343.
124. Там же, № 74, ст. 607. Эта инициатива, согласно Шмидту ("Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов", 1922, с. 83), исходила от Наркомтруда; принципиальное решение было принято ВЦИК по докладу Наркомтруда ("Собрание узаконений, 1921", № 72, ст. 591).
125. Там же, 1922, № 17, ст. 179.
126. "Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 116, 134.
127. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 376.
128. "Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 30.
129. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 410.
130. "Собрание узаконений, 1921", № 67, ст. 513.
131. Там же, № 76, ст. 617.
132. Этот способ оплаты все еще имел место в сентябре 1922 г. и был неправильно на V съезде профсоюзов назван "старой системой пайков" ("Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов", 1922, с. 97). Таблица, приведенная в: "На новых путях", т. III, с. 108, – показывает, что денежный элемент в заработной плате, который упал до 6% в 1921 г., в первом квартале следующего года поднялся лишь до 32%.
133. См. выше, с. 242.
134. "Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов", 1922, с. 47.
135. Эта взаимосвязь не была чисто теоретической: обещание натурального обеспечения являлось стимулом, который делал принудительный труд при военном коммунизме терпимым и даже желательным. Еще в декабре 1921 г. один из выступавших на IX Всероссийском съезде Советов сказал: "Я уже три раза мобилизовывал шахтеров и не уверен, что в четвертый раз мне эта мобилизация удастся, ибо у нас нет продовольствия" ("Девятый Всероссийский съезд Советов", 1922, с. 86).
136. "Собрание узаконений, 1921", № 68, ст. 536; № 77, ст. 646.
137. *С.Г. Струмилин.* Цит. соч., с. 86.
138. "На новых путях", 1923, т. III, с. 14.
139. См. выше, с. 251.
140. "Одиннадцатый съезд РКП(б)", 1936, с. 111.
141. Число безработных достигало 150 тыс. человек в октябре 1921 г., 175 тыс. – в январе 1922 г., 625 тыс. – в январе 1923 г. и 124 тыс. человек в январе 1924 г. (*Я.И. Гиндин.* Регулирование рынка и борьба с безработицей, 1928, с. 13, 18). Проблема безработицы была более острой в Москве, чем в губерниях, а острее всего – в Петрограде ("Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов", 1922, с. 191). К весне 1924 г. из-за острой нехватки финансов на нужды социального обеспечения только 15–20% безработных "получали регулярное пособие" (Report to the British Labour Delegation, 1924, p. 154).
142. "Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 66–67.
143. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 372–373.
144. Основным источником, послужившим для описания этого эпизода, являлся доклад специальной комиссии, созданной Центральным Комитетом под председательством Сталина для разбора ошибки Томского ("Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)", № 32, 6 августа 1921 г.). Рязанов говорил на XI партийном съезде о своем участии в этом деле, безуспешно пытаясь опротестовать решение Центрального Комитета об отстранении его от дальнейшей работы в профсоюзном движении" ("Одиннадцатый съезд РКП(б)", 1936, с. 277–279).
145. "Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 18, 185.
146. Т. 1, гл. 11.
147. "Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 153–162; т. II (секции), с. 202; поскольку при военном коммунизме с его системой натуральной оплаты сбор членских взносов повсеместно был пре-

кращен и профсоюзы существовали главным образом за счет государственных субсидий, выдаваемых через Центральный Совет, в руках последнего было сосредоточено довольно мощное оружие ("Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов", 1922, с. 44–45).

148. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 576, прим. № 142.

149. Там же, с. 341–353.

150. "Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов", 1922, с. 105; в своем выступлении на съезде (там же, с. 40–54) Андреев многозначительно со всеми подробностями останавливался на элементах преемственности при проведении нового курса и на том, какими рамками ограничивались обязанности профсоюзов во второй половине 1921 г., то есть в тот период, когда он отвечал за политику Центрального Совета.

151. "Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов", 1922, с. 48, 88–89, 109. Было признано, что введение добровольного членства посеяло "сомнения" среди руководства (там же, с. 34), однако эти сомнения оказались безосновательными. Косвенного нажима и вычитания взносов из заработной платы оказалось достаточным, чтобы рабочие оставались в профсоюзах. Сокращение численности членов профсоюзов с 8400 тыс. человек в июле 1921 г. до 6700 тыс. в январе 1922 г. и 5800 тыс. человек в апреле 1922 г. (два месяца спустя после введения добровольного членства) просто объяснялось ростом безработицы. Правда, эти цифры, как и приводимые выше, можно использовать с некоторой оговоркой (см. гл. 17).

152. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 424.

153. "Собрание узаконений, 1922", № 29, ст. 338; декрет от 15 ноября 1921 г. ("Собрание узаконений, 1921", № 76, ст. 627) ввел денежную плату за эти услуги, в результате чего впервые социальное обеспечение стало отвечать своему названию.

154. "Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов", 1922, с. 511–512.

155. Там же, с. 51, 109, 529–530.

156. См. гл. 17.

157. Кодекс вступил в силу 15 ноября 1922 г. ("Собрание узаконений, 1922", № 70, ст. 903). Обсуждение во ВЦИК см.: "IV сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва", № 1, 25 октября 1922 г., с. 1–20); о принятии кодекса сообщается там же, № 7, 1 ноября 1922 г., с. 6.

158. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 246–247.

159. Общее число получавших пайки до введения НЭПа сократилось к осени 1921 г. с 34 млн. до 7 млн. человек, главным образом из числа рабочих, частично получавших заработную плату в виде пайков ("Четыре года продовольственной политики", 1922, с. 61–62).

160. "В тюрьмах нас торговать не учили", – горько воскликнул старый большевик (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 216); Ленин, призвав не давать себя "во власть социализму чувств", тем не менее осторожно охарактеризовал торговлю как одну из "экономически-переходных форм" (там же, с. 227).

161. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 27.

162. "Собрание узаконений, 1921", № 26, ст. 147.

163. Там же, № 28, ст. 156.

164. См. гл. 17.

165. "Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов", 1921, т. I (пленумы), с. 117–118; поначалу опыт, очевидно, ограничивался периодом до 31 мая 1921 г., но спорадически продолжался до полного восстановления денежного хозяйства.

166. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 308–309.

167. "Собрание узаконений, 1921", № 44, ст. 223; это пространное заявление ВЦИК о началах НЭПа было подготовлено Лениным (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 266–291).

168. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 397.

169. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 160.

170. "Собрание узаконений, 1921", № 26, ст. 149.

171. Там же, № 40, ст. 212.

172. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 207–208; позднее Ленин сравнил Советское государство при НЭПе с машиной, которая вырывается из рук: "Как

будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда... куда ее направляют" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 86).

173. Цит. по: *В.И. Ленин.* Сочинения, т. XXVII, с. 430 (этой резолюции в Полн. собр. соч. нет. – *Ред.*); о денежной реформе, в защиту которой говорится в резолюции, см. выше, с. 271.

174. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 322–323.

175. "Девятый Всероссийский съезд Советов", 1922, с. 60.

176. "Съезды Советов РСФСР в постановлениях", 1939, с. 222, 225–226.

177. "Собрание узаконений, 1921", № 57, ст. 356.

178. Сообщение о возрождении ярмарок см. в: "На новых путях", 1923, т. I, с. 272–280; это возрождение было результатом решений СТО, причем на ярмарках преобладала государственная торговля. Согласно одному из участников Нижегородской ярмарки, товарооборот на ней достиг 75% уровня 1917 г. и 50 – 1913 г. ("Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов", 1922, с. 160–162).

179. Подробный анализ на основе разрешений на торговлю, выданных в 1921 и 1922 гг., дает интересную, хотя и не очень точную информацию о сравнительной значимости соответствующих форм торговли. Торговые разрешения на 1921 г. подразделялись на три категории: разрешения для коробейников, для торговли на открытых рынках и базарах и для торговли в закрытых помещениях, то есть в лавках; в 1922 г. торговцы третьей категории были подразделены на три вида в соответствии с масштабами дела, которое они вели. Таким образом, общее число категорий было доведено до пяти. В первую категорию входили главным образом частные торговцы, во вторую – частные торговцы и кооперативы. В течение 1921 г. первая категория значительно сократилась, поскольку торговля приобрела более организованный вид; на вторую категорию всегда приходилось большее число торговых лицензий. Однако наиболее значимыми в отношении объема торговли, хотя и не по числу лицензий, были третья, четвертая и пятая категории, в которых каждая конкурировала друг с другом. По оценке 1922 г., основывавшейся на статистических данных по трем губернским городам, 84% лицензий всех категорий было выдано частникам, 15 – кооперативам и менее 1% – государственным торговым заведениям. В Москве эти цифры составляли в 1922 г. соответственно 95,1, 3,6 и 1,3%; в то же время на долю государственного сектора в четвертой категории приходилось 12,9%, а в пятой (самой малочисленной из всех категорий) – 45,9% ("На новых путях", 1923, т. I, с. 179–185).

180. Ленин писал в это время: "Свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализму... Но "кооперативный" капитализм в отличие от частнохозяйственного капитализма является, при Советской власти, разновидностью государственного капитализма, и, в качестве такового, он нам выгоден и полезен сейчас, – разумеется, в известной мере" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 225).

181. Там же, с. 64–65; о резолюции IX партийного съезда см. гл. 18.

182. "Собрание узаконений, 1921", № 26, ст. 150.

183. "На новых путях", 1923, т. I, с. 143; Ленин назвал его "соглашением" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 321). С докладом о кооперации на партийной конференции в мае 1921 г. выступил Хинчук (см. гл. 18); в резолюции конференции кооперативы охарактеризованы как основной аппарат "для проведения товарообмена" ("ВКП(б) в резолюиях...", 1941, т. I, с. 397).

184. В результате постепенного отказа от пайков и натурального обеспечения при НЭПе Наркомпрод потерял свой престиж и значимость, которыми он обладал при военном коммунизме ("Двенадцатый съезд Коммунистической партии (большевиков)", 1923, с. 334); о его окончательном исчезновении см. гл. 20.

185. "Собрание узаконений, 1921", № 72, ст. 576.

186. "Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)", № 33, октябрь 1921 г.; это было дополнением к усилению партийного контроля над профсоюзами (см. гл. 17).

187. Некоторые жалобы, равно как и статистические данные, приводятся в: "На новых путях", 1923, т. I, с. 144–146, – источнике, явно расположенном в пользу кооперативов.

188. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 460–463; заключительная часть резолюции, из которой взята вторая часть цитаты, не включена в указанный том.

Ее можно найти в: "Директивы ВКП(б) в области хозяйственной политики". Под ред. *М. Савельева*, 1928, с. 356–364.

189. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 369.

190. "Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков)", 1923, с. 328.

191. "На новых путях" (1923, т. I, с. 107–108) приводит список государственных учреждений, открывших в первые месяцы НЭПа свои торговые секции. В их число входили народные комиссариаты здравоохранения и просвещения, а также Государственный банк.

192. "Собрание узаконений, 1921", № 68, ст. 527; в то же время они были уполномочены привлекать подрядчиков и поставщиков к выполнению заданий, возлагаемых на них государственными органами.

193. "На новых путях", 1923, т. I, с. 185–188; кроме сообщений с мест, в этом отчете говорится, что "богатейший материал по этому вопросу" можно найти в книге, выпущенной Рабкрином, "Наша трестированная промышленность", которую не удалось найти.

194. "Девятый Всероссийский съезд Советов", 1922, с. 93.

195. Меньшевик Дан, знавший Москву и обладавший практическим мышлением, заметил по выходе из тюрьмы в январе 1922 г., что наблюдалось изобилие всевозможных продуктов питания по ценам, которые были по карману только новым богатеям; что повсюду бросались в глаза спекулянты; что слово "барин" вновь стало общеупотребительным среди официантов, извозчиков и т.п.; что на Тверской улице вновь появились проститутки ("Два года скитаний". Берлин, 1922, с. 252–255). В сентябре 1922 г. Красин писал своей жене из Москвы: "Москва выглядит нормально, в некоторых местах так же, как до войны" (*L. Krasina.* Leonid Krasin: His Life and Work (n.d.), 1929, p. 202).

196. См. выше, с. 234–235, 259–260.

197. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 248.

198. "IV сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва", № 3, 27 октября 1922 г., с. 7–8.

199. Там же, № 5, 29 октября 1922 г., с. 3.

200. "Собрание узаконений, 1921", № 60, ст. 406.

201. Отчет об этой неудаче дан в: "Финансовая политика за период с декабря 1920 г. по декабрь 1921 г.: Отчет к IX Всероссийскому съезду Советов", 1921, с. 112–116.

202. Возражения Наркомфина против регулирования цен, основывавшиеся на сугубо ортодоксальных финансовых принципах, зафиксированы в: "На новых путях", 1923, т. I, с. 47.

203. Там же, с. 386–387.

204. "Собрание узаконений, 1922", № 34, ст. 400.

205. Только при НЭПе внешняя торговля впервые стала играть заметную роль в советской экономике: Англо-Советское торговое соглашение, являвшееся символом ее возрождения, было подписано в день провозглашения Лениным НЭПа на X партийном съезде. Попытка привлечь иностранный капитал за счет предложения концессий, хотя и предпринимавшаяся раньше (см. гл. 19), зачастую считалась характерной чертой НЭПа, однако в тот период не дала материальных результатов. Как внешняя торговля, так и предложение о предоставлении концессий в то время имели значение главным образом в связи с внешней политикой. об этих вопросах будет подробно рассказано в пятой части.

206. "Десятый съезд Росийской коммунистической партии", 1921, с. 232–234.

207. "Собрание узаконений, 1921", № 52, ст. 301.

208. "Новая экономическая политика...", с. 94.

209. "Собрание узаконений, 1921", № 63, ст. 462.

210. См. гл. 18.

211. "Собрание узаконений, 1921", № 56, ст. 354.

212. Там же, № 59, ст. 394. 9 июля специальным декретом был введен новый железнодорожный тариф, причем в первом пункте декрета провозглашался принцип обязательной оплаты за перевозки, хотя и опускались исключения в пользу государственных предприятий и кооперативов (там же, № 54, ст. 327); результатом нового тарифа было резкое увеличение оплаты, подняв ее на 40% к довоенному уровню в довоенном денежном выражении ("Пять лет власти Советов", 1922, с. 401). В августе 1921 г. была введена новая такса за услуги, оказывае-

мые Наркоматом почт и телеграфов ("Собрание узаконений, 1921", № 56, ст. 351). С 15 сентября 1921 г.вновь стала обязательной плата за все услуги, оказываемые предприятиями коммунального характера, начиная с канализации и кончая очисткой дымовых труб (там же, № 2, ст. 445); был отменен декрет от 27 января 1921 г. о квартирной плате.

213. "Сборник декретов и распоряжений по финансам", т. IV, 1921, с. 120–121.

214. "Собрание узаконений, 1921", № 62, ст. 446.

215. "Сборник декретов и распоряжений про финансам", т. IV, 1921, с. 121–122.

216. "Собрание узаконений, 1921", № 72, ст. 593, 594; № 75, ст. 615.

217. Его название было изменено два года спустя на "Государственный банк СССР" ("Собрание узаконений, 1923", № 81, ст. 786).

218. "На новых путях", 1923, т. II, с. 192.

219. На 1 января 1922 г. ссуды Госбанка промышленности составляли в общей сложности лишь 10 млн. руб. (образца 1922 г.), или 400 тыс. в довоенных рублях; кредиты под товары также достигали 10 млн. руб.; учет векселей начался только с мая 1922 г. (там же, с. 201–205). После этого сумма ссуд и кредитов медленно начала повышаться, но вплоть до осени 1922 г. они не достигали существенных размеров.

220. "За пять лет", 1922, с. 331.

221. "Собрание узаконений, 1921", № 77, ст. 643; какой бы психологический эффект ни ожидался от количественного сокращения, введение денег нового достоинства, похоже, потерпело неудачу, поскольку деньги старого образца продолжали иметь широкое хождение. Год спустя был издан декрет ("Собрание узаконений, 1922", № 66, ст. 867), по которому рубль государственного денежного знака приравнивался к десяти тысячам рублей кредитных билетов и расчетных знаков всех прежних выпусков.

222. "Сборник декретов и распоряжений по финансам", т. IV, 1921, с. 126.

223. Там же, с. 127.

224. "Новое законодательство...", с. 273–274.

225. "Сборник декретов и распоряжений по финансам", т. IV, 1921, с. 136.

226. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 221–228.

227. Т. 1, гл. 8; о его назначении на пост народного комиссара финансов в 1918 г. и его неофициальном мнении о финансах см. гл. 17.

228. Его выступление на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства цитируется в гл. 16.

229. В разгар НЭПа не чувствовалось нужды скрывать кооперацию с экспертами предреволюционных режимов. *V. Ipatieff* (The Life of a Chemist. Stanford, 1946, p. 402) рассказывает, как осенью 1922 г. Шейнман и Кутлер выступали на массовом митинге в здании консерватории, чтобы отпраздновать "первую годовщину Государственного банка и введения стабильной валюты". С другой стороны, под влиянием различных факторов, оказывавших воздействие на работу Наркомфина, он стал объектом нападок со стороны промышленных кругов, выступавших против его политики. Согласно хорошо информированному меньшевистскому журналу "Социалистический вестник", издававшемуся в Берлине (№ 2, 17 января 1923 г., с. 16), Ларин на X Всероссийском съезде Советов в декабре 1922 г. обвинил Сокольникова в том, что его водят за нос "бывшие царские министры, Кутлеры и т.п."; однако это замечание не было зафиксировано в официальном отчете.

230. "Финансовая политика за период с декабря 1920 г. по декабрь 1921 г.: отчет к IX Всероссийскому съезду Советов", 1921, с. 35–43.

231. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, с. 407.

232. "Съезды Советов РСФСР в постановлениях", 1939; "Девятый Всероссийский съезд Советов", 1922, с. 53.

233. "Одиннадцатый съезд РКП(б)", 1936, с. 312.

234. Т. 1, гл. 8. Как уже отмечалось, широко используемый английский эквивалент для перевода русских слов "чистка" или "чистить" имеет более резкое звучание; эти слова означают не что все коммунисты должны быть исключены из членов партии, а что они сами и их работа должны быть подвергнуты тщательному анализу и те из них, кто не отвечает званию коммуниста, должны быть исключены.

235. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 112–113.
236. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 425–428.
237. "На новых путях", 1923, т. II, с. 2.
238. "Собрание узаконений, 1922", № 22, ст. 233.
239. "Десятый Всероссийский съезд Советов", 1923, с. 138.
240. "Собрание узаконений, 1922",№ 6, ст. 75.
241. Там же, № 16, ст. 167.
242. Там же, № 76, ст. 940; "Десятый Всероссийский съезд Советов", 1923, с. 138–139.
243. "На новых путях", 1923, т. II, с. 134–135.
244. "Десятый Всероссийский съезд Советов", 1923, с. 138.
245. "Собрание узаконений, 1922", № 36, ст. 430.
246. "III сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва", № 7, 21 мая 1922 г., с. 16–17.
247. "IV сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва", № 4, 28 октября 1922 г., с. 26.
248. "Собрание узаконений, 1922", № 67, ст. 887; *Г.Я. Сокольников.* Государственный капитализм и новая финансовая политика, 1922, с. 31–34.
249. На X Всероссийском съезде Советов в декабре 1922 г. Сокольников заметил: "Если человек имеет возможность заем поддержать и его не поддерживает, то мы сможем и будем это расценивать как отказ от поддержки советского правительства вообще" ("Десятый Всероссийский съезд Советов", 1923, с. 140).
250. *A. Arnold.* Op. cit., p. 324; 10 апреля 1919 г. Народный банк взял старые сберегательные кассы под свое управление (см. гл. 17).
251. Ibid., p. 325–326.
252. "Собрание узаконений, 1922", № 67, ст. 871; № 81, ст. 1029.
253. *A. Arnold.* Op. cit., p. 287. Первым директором Промбанка был Краснощеков, бывший глава правительства Дальневосточной Республики (т. 1, гл. 11); в 1924 г. он был приговорен к тюремному заключению за злоупотребления и расточительство банковских фондов (*V. Ipatieff.* Op. cit., p. 402).
254. "Собрание узаконений, 1922", № 16, ст. 163; *A. Arnold.* Op. cit., p. 296.
255. Ibid., p. 307–308.
256. Ibid., p. 318–319.
257. "Собрание узаконений, 1922", № 26, ст. 310; № 31, ст. 377. В августе произошло очередное изменение; обменный курс был установлен специальной комиссией, в которой были представлены Наркомфин и Госбанк на основе обменного курса на твердую иностранную валюту (там же, № 55, ст. 692). Бюджет на 1922–1923 гг. был разработан не в довоенных, а золотых рублях.
258. *A. Arnold.* Op. cit., p. 128.
259. *Г.Я. Сокольников.* Цит. соч., с. 6.
260. "Собрание узаконений, 1922", № 46, ст. 578.
261. Там же, № 64, ст. 827.
262. "IV сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета IX созыва", № 5, 29 октября 1922 г., с. 2.

Глава 20. Начало планирования

1. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, 2-е изд., т. 22, с. 234; Маркс говорит о том, что "капиталистические акционерные предприятия", как и кооперативные фабрики самих рабочих, следует рассматривать как "переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному" (Сочинения, т. 25, ч. I, с. 484).
2. О том значении, которое Ленин придавал роли банков, и его ссылке на Сен-Симона см. гл. 16.
3. "Вестник Европы", апрель 1915 г., с. 303; август 1915 г., с. 300; статьи Ларина были опубликованы в виде книги в Москве в 1928 г. (год начала первого пятилетнего плана) под названием "Государственный капитализм военного времени в Германии".
4. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 309.
5. Там же, с. 191, 193.
6. *C. Sorel.* Op. cit., p. 35.

7. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 320; это первое обсуждение Лениным вопроса о планировании тесно связано с его выступлением в защиту "рабочего контроля" (см. гл. 16).

8. Там же, т. 36, с. 300; с другой стороны, в марте 1917 г. *Ленин* охарактеризовал германскую систему как "гениально организованный голод" (Полн. собр. соч., т. 31, с. 21).

9. Сами по себе созданные Временным правительством военные комитеты ведущих отраслей промышленности и экономические советы и главный экономический комитет (см. гл. 16) не являлись сколь-либо серьезным вкладом в планирование, хотя и послужили основанием, на котором строились впоследствии советские органы.

10. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 405.

11. Там же, т. 36, с. 258.

12. Там же, с. 379–380.

13. В мае 1915 г. Имперская академия наук образовала Комиссию по изучению естественных производительных сил России; она пережила революцию и начиная с 1918 г. получала фонды от Советского правительства ("Обзор научной деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России. Под. ред. *Г.П. Блока,* 1920, с. 6; в этой брошюре содержится длинный список научных публикаций комиссии, а более поздний отчет о ее деятельности приводится в: "Работы Академии наук в области исследования природных богатств России", 1922).

14. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 228.

15. Там же, с. 171.

16. "Бюллетень Высшего совета народного хозяйства", № 1, апрель 1918 г., с. 27.

17. "Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1918, с. 180–181, 202; доклад, который занимает 25 страниц стенограммы съезда (там же, с. 176–202), является тем не менее одним из ранних примечательных примеров планирования на бумаге.

18. "Народное хозяйство", 1918, № 10, с. 42.

19. "Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству", т. II, 1920, с. 45–46; примерно в то же самое время Совнарком по предложению Красина создал "Центральный электротехнический совет" ("Труды 8-го Электротехнического съезда" (б.д.), 1921, т. I, с. 128–129). Мало какие из бесчисленных органов, создаваемых в то время, стали эффективными.

20. *A. Ransome* (Op. cit., p. 65–72) рассказывает о визите в феврале 1919 г. к Павловичу, который жаловался, что "война все портит" и что "этот комитет должен быть задействован в мирных делах, делая Россию более полезной для себя и для всего мира".

21. "Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства" (б.д.), с. 19.

22. Там же, с. 391.

23. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 290.

24. Об отделе военных заготовок и чрезвычайной комиссии см. гл. 17. Органом, через который ВСНХ пытался проводить первые наметки плановой политики, являлась "комиссия использования" (см. гл. 17). В 1920 г. Милютин описал скорее теорию, чем практическую деятельность этого органа: "План распределения устанавливается комиссией использования и поступает на утверждение президиума ВСНХ; затем идет исполнение в соответствующих производственных отделах, которые и получают с центральных складов необходимое им количество сырья, которое они развозят по фабрикам и заводам" (*В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 197). Есть данные о том, что комиссия утвердила "планы" для 19 продуктов в 1918 г., для 44 – в 1919 г. и для 55 – в 1920 г. ("Большая Советская Энциклопедия", т. XXIII 1928, с. 619, ст. "Комиссия использования"). В марте 1921 г. эта комиссия была переведена из ВСНХ под начало СТО, а в декабре 1921 г. полностью упразднена (см. выше, с. 302).

25. "Собрание узаконений, 1917–1918", № 91–92, ст. 924.

26. "Резолюции Третьего Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1920, с. 42–44.

27. Первоначальный проект резолюции Троцкого есть в: "Девятый съезд РКП(б)", 1934, с. 511–512; он признал на съезде, что невключение им какого-либо

упоминания о планировании представляло собой "серьезное и важное упущение" (там же, с. 102). Похоже, не было зафиксировано, кто из членов Центрального Комитета предложил включить этот пункт.

28. Там же, с. 103. Некоторые замечания, сделанные Троцким три года спустя, проливают значительный свет на его первоначальный подход к планированию: "Каковы основные устои планового хозяйства? Во-первых, армия: она никогда не живет на основах рынка. Армия есть плановое хозяйство. Во-вторых, транспорт. Транспорт у нас (железнодорожный) весь государственный. В-третьих, тяжелая промышленность, которая работает у нас либо на транспорт, либо на армию, либо на другие отрасли государственной промышленности" ("Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков)", 1923, с. 306–307).

29. "Девятый съезд РКП(б)", 1934, с. 139; *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 273.

30. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 337.

31. Декрет, который ввел это изменение, был повторен в резолюции VIIIВсероссийского съезда Советов в декабре 1920 г. ("Съезды Советов РСФСР в постановлениях", 1939, с. 181); см. также: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 457, прим. № 39.

32. См. выше, с. 305.

33. *В.И. Ленин.* Сочинения, т. XXV, с. 22 (сохранился только газетный отчет о его выступлении). Полностью это выступление приводится в: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 87–111; а об электрификации говорится там же, с. 109. – *Ред.*

34. "Известия", 8 февраля 1920 г.: похоже, что не было опубликовано никакого официального отчета о работе этой сессии ВЦИК, и данное решение не зафиксировано ни в одном официальном сборнике законов и декретов.

35. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 455, прим. № 29; Кржижановский при поощрении Ленина опубликовал в "Правде" 30 января 1920 г. статью "Задачи электрификации в промышленности" (там же, т. 40, с. 62–63).

36. Там же, т. 51, с. 159–160.

37. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 329.

38. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 179; "Коммунистический Интернационал в документах", 1933, с. 137–138.

39. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 307.

40. *K. Ballod.* Der Zukunfstaat была впервые опубликована в 1906 г. (Эта книга была впервые опубликована в 1898 г. См.: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 488, прим. № 135. – *Ред.*) Доработанное издание, содержащее программу электрификации, появилось на свет в 1919 г., а русский перевод – в 1920 г. Впервые она была упомянута Лениным в феврале 1921 г. (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 342); однако он наверняка читал ее до своего выступления в ноябре 1920 г., поскольку десятилетний срок, о котором говорилось там, был в конечном счете упомянут самим Лениным (там же, т. 44, с. 51) в связи с подсчетами Баллода в три-четыре года для Германии.

41. Там же, т. 42, с. 30.

42. Там же, т. 43, с. 228.

43. О транспортном кризисе в этот период см. гл. 17.

44. Приказ № 1042 приводится в: *Троцкий.* Сочинения, т. XV, с. 345–347. О его выполнении см. доклад Троцкого на съезде ("Восьмой Всероссийский съезд Советов", 1921, с. 174–175), перепечатанный с другими документами того периода в: *Троцкий.* Цит. соч., с. 348–485. Ленин также комментировал этот приказ в своем докладе на съезде (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 153, 160).

45. *В.П. Милютин.* Цит. соч., с. 192.

46. Рыков, который на протяжении всего этого периода времени отходил вправо, был одним из наиболее последовательных противников планирования в широком смысле слова. На VIIIВсероссийском съезде он высказывал мысль о том, что "до такого производственного плана, который охватил бы все стороны нашей экономической жизни, мы не доживем еще много лет", и пошутил, сказав, что "глубоко ошибаются те, которые думают, что производственный план лежит на конце пера литератора, откуда можно взять этот производственный план и нанести его на бумагу" ("Восьмой Всероссийский съезд Советов", 1921, с. 101–102). XIII партийная конференция в 1924 г. застала его в склонном к воспоминаниям настроении: "Я недавно рассказывал, что у меня во время военного коммунизма

в ВСНХ было поставлено дело так, что по телефону скажешь, а через три часа тебе дают план с цифрами, расписанный и красными, и синими кружочками, квадратами и т.п." ("Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)", 1924, с. 18).

47. "Восьмой Всероссийский съезд Советов", 1921, с. 110–111.

48. "Съезды Советов РСФСР в постановлениях", 1939, с. 181–182.

49. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 157.

50. Там же, с. 155.

51. Там же, с. 339, 346; через месяц Сталин, впервые прочитав план ГОЭЛРО, написал Ленину письмо, в котором нападал на Троцкого и Рыкова и закончил такими словами: "Памятуя, что существует **только один** "единый хозяйственный план" – это "план электрификации", что все остальные "планы" – одна болтовня, пустая и вредная" (*И. Сталин.* Соч., т. V, с. 50–51).

52. "Собрание узаконений, 1921", № 17, ст. 106; согласно *В.П. Милютину* (Цит. соч., с. 303), Ленин, Милютин и Ларин – каждый из них выступил с отдельным докладом на совещании Совнаркома, который принял это решение.

53. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 80–82.

54. *V. Ipatieff.* Op. cit., p. 308; Ипатьев был назначен в Госплан в мае 1921 г.

55. "Труды IV Всероссийского съезда Советов народного хозяйства", 1921, с. 83–84; декрет о создании этих плановых комиссий содержится в: "Собрание узаконений, 1921", № 38, с. 203.

56. *В.И. Ленин.* Сочинения, т. XXVI, с. 296 (этого письма в Полн. собр. соч. нет. – *Ред.*).

57. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 260; т. 44, с. 63.

58. Меморандум 7 августа 1921 г. взят из архива Троцкого.

59. "Собрание узаконений, 1921", № 59, ст. 403.

60. Решение о созыве этого съезда "в целях всестороннего обсуждения технико-экономических вопросов, связанных с осуществлением плана электрификации России", было принято не далее как в феврале 1921 г. ("Собрание узаконений, 1921", № 10, ст. 66). Официально он был назван "Восьмой Всероссийский электротехнический съезд", чтобы сохранить официальную преемственность с его предшественником в 1913 г. На нем было зачитано обращение Ленина (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 135–136). Его стенограмма ("Труды 8-го Всероссийского съезда") была опубликована Госпланом в 2 томах (б.д.). Эта резолюция была зачитана на IX Всероссийском съезде Советов Кржижановским, который также упомянул о двух достижениях, о которых на съезде было сказано как об открытиях, которые в скором времени будут сделаны наукой, – передаче изображения на расстоянии и о получении энергии за счет разложения малейших частиц материи ("Девятый Всероссийский съезд Советов", 1922, с. 219).

62. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 320–321.

63. "Съезды Советов РСФСР в постановлениях", 1939, с. 236–239; о топливном плане см.: *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 317–318.

64. Ленин писал в это время, что "...новая экономическая политика *не меняет* единого хозяйственного плана... а меняет *подход* к его осуществлению" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 101).

65. Бухарин еще в 1920 г. писал: "В городах главная борьба за тип хозяйства *кончается* с победой пролетариата, в деревне она кончается, поскольку речь идет о победе над крупным капитализмом. Но в тот же момент она – в других формах – *возрождается*, как борьба между государственным планом пролетариата, воплощающего обобществленный труд, и товарной анархией, спекулятивной разнузданностью крестьянства, воплощающего раздробленную собственность и рыночную стихию. Но т.к. простое товарное хозяйство есть не что иное, как эмбрион капиталистического хозяйства, то борьба вышеописанныйх тенденций есть по существу продолжение борьбы между коммунизмом и капитализмом" (*Н.И. Бухарин.* Экономика переходного периода, 1920, с. 86).

66. "Одиннадцатый съезд РКП(б)", 1936, с. 118; причиной протеста этих троих деятелей было упразднение комиссии использования (см. выше, с. 287).

67. "Собрание узаконений, 1922", № 40, ст. 468.

68. Развитие этих разногласий, которые усугублялись в результате споров по поводу предполагавшихся назначений дополнительного числа заместителей председателя Совнаркома во время болезни Ленина (до сих пор Рыков был единственным заместителем), можно проследить в архивах Троцкого. Эти разно-

гласия приобрели особую остроту в декабре 1922 г. Записка Ленина от 27 декабря 1922 г., содержавшая частичное признание им взглядов Троцкого, цитировалась Троцким в его письме членам Полибюро от 22 октября 1923 г., пространные отрывки из которого были опубликованы в: "Социалистический вестник". Берлин, № 11, 28 мая 1924 г., с. 11. С одной стороны, похоже, было выдвинуто предложение, чтобы Троцкий, уже отказавшийся стать заместителем председателя Совнаркома, был назначен председателем Госплана: его противники, очевидно, подозревали, имея или не имея на то оснований, что он вынашивает это заветное желание. Очевидным фактом в данной ситуации была привязанность Ленина к Кржижановскому, которого Троцкий считал неспособным.

69. Протокол заседания Политбюро, на котором было принято решение не публиковать записку Ленина, имеется в архивах Троцкого. Последним шагом Троцкого в споре о Госплане, по-видимому, является его письмо от 25 января 1923 г. ко всем членам Центрального Комитета; в феврале 1923 г. он перенес свое внимание на вопрос о кредитах для промышленности (см. гл. 19).

70. Троцкий заявляет (Stalin. N. Y., 1946, p. 366), что он информировал Сталина перед отъездом о том, что у него имеются "серьезные разногласия по хозяйственным вопросам" с большинством Центрального Комитета. Эти разногласия, которые не получили огласки на съезде, будут проанализированы в последней части настоящей работы; в какой-то степени взгляды Троцкого на планирование были отражением этих разногласий.

71. "ВКП(б) в резолюциях...", 1941, т. I, с. 478–480.

72. "Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков)", 1923, с. 26–27; Зиновьев вновь перешел в наступление, еще раз прибегнув к авторитету Ленина в конце своего доклада (там же, с. 45). О статье Ленина в феврале 1921 г. см. выше, с. 292; это было, вероятно, самым первым случаем злоупотребления ленинским авторитетом за счет выборочного цитирования его произведений.

73. Там же, с. 306, 313.

74. Там же, с. 321. Троцкий приписывает фразу Смирнову, который работал в Госплане; они стала знаменитой на более поздней стадии споров о планировании.

75. Там же, с. 373.

Приложение В. Маркс, Энгельс и крестьянин

1. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 27, с. 106.
2. Там же, т. 5, с. 352.
3. Там же, т. 4, с. 8.
4. Там же, т. 7, с. 436.
5. Там же, т. 29, с. 37 (процитированные слова даны в оригинале по-английски).
6. В крупных прусских поместьях, обрабатываемых находившимися в полукрепостном состоянии сельскохозяйственными рабочими, положение также было совершенно другим; Энгельс в письме 1865 г. писал, что "...в такой преимущественно феодальной стране, как Пруссия, низко нападать от имени промышленного пролетариата исключительно на буржуазию и наряду с этим ни единым словом не упомянуть о патриархальной палочной эксплоатации сельского пролетариата со стороны крупного феодального дворянства". Здесь Энгельс перескакивает с феодальной эксплуатации крепостных крестьян на капиталистическую эксплуатацию сельского пролетариата в виде батраков (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 31, с. 47).
7. Там же, т. 18, с. 545–546.
8. Там же, т. 19, с. 119, 120.
9. Том 1, гл. 1.
10. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 35, с. 136–137.
11. Там же, т. 19, с. 305.
12. Там же, т. 39, с. 35.
13. Там же, т. 22, с. 444.
14. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 208 (Ленину впоследствии пришлось процитировать этот отрывок в защиту политики умиротворения середня-

ка, который по русским условиям соответствовал мелкому крестьянину, о котором говорил Энгельс, – мелкому собственнику кусочка земли, работающему на себя без привлечения наемного труда).

15. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 7, с. 265.

16. Там же, т. 22, с. 501–525.

Приложение Г. Рабочий контроль на железных дорогах

1. Данные о составе Викжеля цит. по: *Bunyan and Fisher.* Op. cit., p. 153.

2. "Второй Всероссийский съезд Советов", 1928, с. 87–90.

3. *Bunyan and Fisher.* Op. cit., p. 155–156.

4. Т. 1, гл. 5.

5. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 292–310. Съезд проходил одновременно с I Всероссийским съездом профсоюзов в январе 1918 г., однако, похоже, между этими двумя съездами не было установлено никаких взаимоотношений, причем о значимости каждого из них и относительном влиянии можно судить по тому факту, что Ленин нашел время, чтобы лично выступить на съезде железнодорожников, а на профсоюзный съезд с докладом от имени партии направил Зиновьева.

6. Это положение было опубликовано в официальном органе "Наркомпуть". Выдержки из него цит. по: *Bunyan and Fisher.* Op. cit., p. 653–654.

7. "Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва". 1920, с. 44–45.

8. "Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству", 1918, с. 820–822.

9. *В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 266.

Карр Э.

К 26 История Советской России. Кн. 1: Том 1 и 2. Большевистская революция. 1917–1923. Пер. с англ./ Предисл. Ненарокова А.П. – М.: Прогресс, 1990. – 768 с.

ISBN 5-01-002968-5

Эдвард Карр (1892–1982) – один из крупнейших английских историков XX века, классик западной советологии. Его монументальный труд "История Советской России" состоит из 14 томов, охватывающих широчайший круг вопросов, относящихся к истории трех русских революций, эпохе становления и противоречивого развития Советского государства, взаимоотношениям большевистской партии с другими политическими силами страны, роли личностей в советской истории; здесь трактуются проблемы политического, экономического и конституционного строя СССР; всесторонне анализируются международная обстановка и реакция в мире на события в Советском Союзе до 1929 года.

Издательство "Прогресс" – в качестве первого шага по ознакомлению советской общественности с этим объемным трудом – публикует семь отдельных томов произведения Карра, сгруппировав их в четыре книги, первая из которых включает тома 1 и 2 "Истории Советской России", вторая – тома 4 и 5, третья – том 6, а четвертая – тома 9 и 11.

Книги рассчитаны как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

Эдвард Карр

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Книга 1

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917–1923

Том 1
Том 2

Редакторы *Носова М. Ф., Суровов В. А.*
Художник *Егоров Ю. Н.*
Художественный редактор *Егоров Ю. М.*
Технический редактор *Шупейко Л. Н.*

ИБ № 18547
Сдано в набор 05.02.1990 г. Подписано в печать с РОМ 25.09.1990 г.
Формат 60 х 90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Тиде.
Печать офсетная. Условн. печ. л. 48.0. Усл. кр.-отт. 48.5.
Уч.изд. л. 57.31. Тираж100000 экз. Заказ №1315.
Цена в переплете 7 руб. Цена в переплете с суперобложкой 7 р. 20 к.
Изд. № 47031.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс"
Государственного комитета СССР по печати.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.
Оригинал-макет т изготовлен в издательстве "Прогресс"
на наборно-пишущих машинах "Анкла-композер. Типотайпер-3".
Можайский полиграфкомбинат В/О "Совэкспорткнига"
Государственного комитета СССР по печати.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ

Эдвард Карр. История Советской России: Пер. с англ.

В 1990 году издательство "Прогресс" продолжит публикацию многотомного труда одного из крупнейших английских историков XX века, известного западного советолога Эдварда Карра (1893–1983). В 1991 году выйдет книга 2-ая "Истории Советской России", которая включает т. 4 "Междуцарствие. 1923–1924" и т. 5 "Социализм в одной стране. 1924–1926". Перевод с английского. Работа рассчитана на широкие круги читателей.

Следует отметить и еще два момента, отличающие работу Карра и объясняющие важность появления ее в русском переводе. Несмотря на внешнюю сухость изложения, некоторые неточности и ошибки в фактологии и оценке событий, она носит четко выраженный авторский характер и написана доступным языком.

Читателя ждет знакомство с трудом значительным по масштабам освещаемых событий, по содержащемуся в нем фактическому материалу, продуманности его изложения, глубине размышлений.

Конечно, не все согласятся с автором в трактовке событий и лиц, документов и решений. Каждый сам оценит то, что прочтёт, сравнит с теми новыми фактическими данными и новыми оценками, которыми столь богато наше бурное время.

Выпуск русского перевода работы Э. Карра – прекрасный подарок всем нам к 100-летнему юбилею автора, признанного классика английской историографии.

7 р. 20 к.

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Эдвард Карр КНИГА 1

Эдвард Карр (1892–1982) – один из крупнейших английских историков XX века, классик западной советологии. Его монументальный труд "История Советской России" состоит из 14 томов, охватывающих широчайший круг вопросов, относящихся к истории трех русских революций, эпохе становления и противоречивого развития Советского государства, взаимоотношениям большевистской партии с другими политическими силами страны, роли личностей в советской истории; здесь трактуются проблемы политического, экономического и конституционного строя СССР; всесторонне анализируются международная обстановка и реакция в мире на события в Советском Союзе до 1929 года.

Издательство "Прогресс" – в качестве первого шага по ознакомлению советской общественности с этим объемным трудом – публикует семь отдельных томов произведения Карра, сгруппировав их в четыре книги, первая из которых включает тома 1 и 2 "История Советской России", вторая – тома 4 и 5, третья – том 6, а четвертая – тома 9 и 11.

Книги рассчитаны как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

1 КНИГА

Э. Карр

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ПРОГРЕСС